

ДРИНОВСЬКИЙ ЗБІРНИК
ТОМ VII

Сьомий том є збірником статей за матеріалами VII Дриновських читань (Харків, 2013 р.), присвячених 175-річчю від дня народження М. Дринова, а також кількох наукових форумів, що відбулися на базі університетського Центру болгаристики та балканських досліджень імені М. Дринова протягом 2012–2013 рр. Крім тематичних розділів представлені традиційні для «Дриновських збірників» рубрики: «Джерела та джерелознавство», «Рецензії», «Наукове життя», «*In memoriam*». Розраховано на професійних істориків, студентів гуманітарних факультетів й широкий читацький загал.

Седьмой том представляет собой сборник статей по итогам VII Дриновских чтений (Харьков, 2013 г.), посвященных 175-летию со дня рождения М. Дринова, а также нескольких научных форумов, состоявшихся на базе университетского Центра болгаристики и балканских исследований имени М. Дринова в 2012–2013 гг. Кроме тематических разделов представлены традиционные для «Дриновских сборников» рубрики: «Источники и источниковедение», «Рецензии», «Научная жизнь», «*In memoriam*». Рассчитано на профессиональных историков, студентов гуманитарных наук и широкий круг читателей.

Volume VII presents a collection of articles on the basis of VII Drinovskih Readings (Kharkov, 2013), dedicated to the 175th anniversary of the birth of M. Drinov, as well as several scientific meetings, held on by the Bulgarian center university and Balkan research named after M. Drinov in 2012-2013. In addition to topics presented by traditional for “Drinovsky collections” section: “Sources and Source”, “Reviews”, “Scientific Life”, “*In memoriam*”. Designed for professional historians, students of humanities and wide range of readers.

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Центр болгаристики та балканських досліджень
імені Марина Дринова

Харківське міське товариство болгарської культури
імені Марина Дринова

Болгарська академія наук
Інститут історичних досліджень

Комісія істориків Україна – Болгарія
Община Панагюриште

ДРИНОВСЬКИЙ ЗБІРНИК

ТОМ VII

ИЗДАТЕЛСТВО НА БАН
„Проф. МАРИН ДРИНОВ“

Харків – Софія • 2014

Рекомендовано Науковою радою Центру болгаристики та балканських досліджень імені М. Дринова (протокол № 2 від 6 жовтня 2014 р.)

Редакційна рада

М. Г. Станчев (Україна) – голова, Д. Айдачич (Сербія), П. Бахмайєр (Австрія),
І. Тодєв (Болгарія), Н. Белішки (Болгарія), Л. В. Горіна (Росія),
І. Ілчев (Болгарія), К. Косев (Болгарія), Г. Марков (Болгарія),
Ю. М. Могарічев (Україна), В. Ю. Саленков (Україна), Ю. Є. Хидзик (Україна),
Н. Н. Червенков (Молдова), Г. Й. Чернявський (США).

Редакційна колегія

Страшнюк С. Ю., доц., к.і.н. (головний редактор, Харків); Стоянов І., проф., д.і.н. (заст. головного редактора, Велико Тирново); Сорочан С. Б., проф., д.і.н. (заст. головного редактора, Харків); Ченчик Д. В., доц., к.і.н. (відповідальний секретар, Харків); Бурдяк В. І., проф., д. політ. н. (Чернівці); Віднянський С. В., проф., д.і.н. (Київ); Гришина Р. П., проф., д.і.н. (Москва); Дроснева Е., доц., д-р (Софія); Козлітін В. Д., проф., д.і.н. (Київ); Кравченко В. В., проф., д.і.н. (Едмонтон); Куделко С. М., проф., к.і.н. (Харків); Мартем'янов О. П., доц., к.і.н. (Харків); Микитенко О. О., п.н.с., д.ф.н. (Київ); Мілова М. І., проф., д.політ.н. (Одеса); Мільчев В. І., проф., д.і.н. (Запоріжжя); Муртузалиєв С. І., проф., д.і.н. (Москва); Наумов С. О., проф., д.і.н. (Харків); Петков П. Ст., проф., д-р (Велико Тирново); Поліщук І. О., проф., д. політ. н. (Харків); Посохов С. І., проф., д.і.н. (Харків); Потрашков С. В., проф., д.і.н. (Харків); Прігарін О. А., доц., к.і.н. (Одеса); Радюкова Р., проф., д.і.н. (Софія); Романюк О. І., проф., д.політ.н. (Харків); Тодоров І. Я., проф., д. і. н. (Ужгород); Тортка О. О., проф., д.і.н. (Харків); Чижов О. П., доц., к.і.н. (Харків); Чорний Д. М., проф., д.і.н. (Харків); Чорний В. П., проф., к.і.н. (Львів), Яровий В. І., проф., д.і.н. (Київ).

Адреса редакційної колегії

Україна, 61022, Харків, м. Свободи, 6, Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, Центр болгаристики та балканських досліджень імені М. Дринова
Тел. / факс: (057)-707-55-47; E-mail: drinovcenter@gmail.com

Друкується за підтримки Болгарської академії наук та общини Панагюриште (Болгарія)

СВІДОЦТВО

ПРО ДЕРЖАВНУ РЕЄСТРАЦІЮ ДРУКОВАНОГО ЗАСОБУ МАСОВОЇ
ІНФОРМАЦІЇ Серія КВ № 122231-1115Р

ISBN: 978-954-322-812-6

© Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, 2014

© Константин Атанасов Жеков, художнє оформлення, 2014

© Видавництво Болгарської академії наук імені проф. Марина Дринова, 2014

ДО 175-РІЧЧЯ ВІД ДНЯ НАРОДЖЕННЯ МАРИНА ДРИНОВА

УДК 271.222(497.2).929 Дринов

ДЕЛОТО НА АКАДЕМИК МАРИН ДРИНОВ В ПАМЕТТА НА БЪЛГАРСКАТА ПРАВОСЛАВНА ЦЪРКВА

Митрополит Русенски Наум (Димитров)

Митрополит Русенський Наум (Димитров). Справа Марина Дринова у пам'яті Болгарської православної церкви

У статті аналізується внесок Марина Дринова у болгарське церковно-історичне джерелознавство; високо оцінюються його праці з історії Болгарської православної церкви. Наукова діяльність ученого розглядається як продовження справи преподобного Паїсія Хілендарського, що перебував біля витоків національного Відродження болгар.

Ключові слова: Марин Дринов, Болгарська православна церква, церковно-історичне джерелознавство, національне Відродження, Паїсій Хілендарський.

Митрополит Русенский Наум (Димитров). Дело Марина Дринова в памяти Болгарской православной церкви

В статье анализируется вклад Марина Дринова в болгарское церковно-историческое источниковедение; высоко оцениваются его труды по истории Болгарской православной церкви. Научная деятельность ученого рассматривается как продолжение дела преподобного Паисия Хилендарского, стоявшего у истоков национального Возрождения болгар.

Ключевые слова: Марин Дринов, Болгарская православная церковь, церковно-историческое источниковедение, национальное Возрождение, Паисий Хилендарский.

Metropolitan of Rousse Naum (Dimitrov). Case Marin Drinov in memory of the Bulgarian Orthodox Church

The article analyzes the contribution of Marin Drinov to Bulgarian church-historical source study; his works on the history of the Bulgarian Orthodox Church are highly estimated. His scientific activity is considered a continuation of the Venerable Paisius (Pasiij?) Hilendarski who stood at the origins of the Bulgarian National Revival.

Keywords: Marin Drinov, Bulgarian Orthodox Church, church-historical source study, National Revival, Paisiy Hilendarski.

Историческата памет на православния български народ пази свидно спомена за не един и двама скъпти свои синове, допринесли – в различни времена и по различни начини – за възхода на Българската православна църква и за осъществяването на нейната спасителна мисия както сред българите, така и сред други народи в православния свят. Първородна дъщеря на Константинополската патриаршия, Българската църква помни освен епохи на подем и процъфтяване, също и времена на тежки изпитания. Безспорно столетията на османското робство и прекъсването на самостоятелното ѝ администриране са най-критичният период от нейната хилядолетна история. Систематично и планомерно се провеждат опити тя не просто да бъде унищожена, но и да бъде ликвидиран всеки исторически спомен за нейното минало, да бъде изтрито и последното свидетелство за поместната църква по българските земи. За неуспеха на тези опити заслуги имат не един и двама знани и незнайни дейци на Българската православна църква, но техните усилия биха били напразни, ако българският народ не бе родил двама от своите най-свидни синове: преп. Паисий Хилендарски и акад. Марин Дринов.

Всеки от тях, посвое му, има неповторима по рода си заслуга за съхраняването на паметта за славното минало на Българската църква: преподобният Паисий с това, че пръв в тежките години на иго издигна глас и с написването на своята *История славянобългарска* събуди сред българите чувството им за историческа памет, свят и приемственост, а акад. Дринов с това, че пръв постави научните основи на българското церковно-историческо изворознание и историография. Буден син на своя род и своята църква, със солидното образование, получено в Киевската духовна семинария (1858–1861), Историко-филологический факультет на Московския университет (1861–1865), както и на други места в тогавашна Европа, той пръв сред своите сънародници се заема с нелеката задача да постави изучаването на българското

църковно минало на стабилни научни основи, с което остава завинаги в паметта на своя народ като първосъздател на българската църковна история.

1. Акад. Марин Дринов и българското църковно-историческо изворознание

От църковно-историческа гледна точка извороведските трудове на акад. Марин Дринов са може би най-важната част от неговото творчество. Внимателният поглед показва, че интересите и подборът на изследователя са насочени почти изключително към исторически източници със знаково значение за българското църковно минало. Не просто извори за историята, а документи, осветляващи периоди и събития от преломно значение за многовековния път на Българската църква.

Работата си по изследването и издаването на извори за историята на Българската църква, както и за българската история въобще, младият Дринов започва веднага след завършване на университетското си образование през 1865 г. В неговите планове влиза и основаването на специалната поредица с работно заглавие „Паметници и изследвания по българска история“¹. В четири писма между февруари и май 1870 г., публикувани в *Периодическо списание* на Българското книжовно дружество в Браила, той докладва за работата си в едни от най-богатите архивни колекции на онова време в Неапол и Рим². Сред изследваните извори са Ватиканският препис на българския превод на *Манасиева хроника* от XIV в., документи на Търновските царе, писма и документи от Охридската архиепископия, извори за римокатолическата пропаганда на Балканите и др.

1.1. Грамотите на имп. Василий II за Охридската архиепископия

Първото крупно извороведско изследване на акад. Марин Дринов, свързано с Българската православна църква, озаглавено „Три грамоти, дадени от имп. Василий на българския Охридски архиепископ Йоан около 1020 година“, е отпечатано през 1873 г.³ Във встъплението към извършения от него критичен превод на грамотите Дринов със задоволство изтъква, че те потвърждават защитаваните и преди от самия него тези, че Самуилова България не е никакво „ново“ държавно формирование, а пряк приемник на Първото българско царство, както и че Охридската архиепископия-патриаршия не е никакво „продължение на архиепископия Първа Юстиниана“ – каквото мнение е било налагано в онова време, а правоприемник на Българската патриаршия от Преслав и от Доростол, местила престолнината си заедно с преместването на българската държавна власт на запад – към Средец и Охрид.

Тук ще си позволим да припомним, че изтъкнатите констатации, които днес са добре известни и с които сме свикнали като с нещо саморазбирамо, далеч не са били така възприети и въобще познати във времето, когато М. Дринов публикува своя превод на грамотите – време, когато българският народ е все още поданик на Османския султан, а Българската църква само три години по-рано е възстановила своята независимост, за да попадне под непримиреността на Вселенския престол и да бъде провъзгласена за схизматична. И само припомнянето на тези обстоятелства може да ни даде действителна представа за значението и въздействието върху българския дух на публикуването от Марин Дринов на Василиевите грамоти, изяснили толкова важни за българското народно и църковно самосъзнание въпроси от толкова съдбоносна за народа и църквата ни епоха.

1.2. Димитрий Хоматиан и българите

Следващото по важност извороведско изследване на Марин Дринов – макар и публикувано към края на активната му изследователска работа – е свързано с годините вече на самата Охридска българска архиепископия-патриаршия и с един от нейните най-изтъкнати кириаси – прочутия византийски канонист Димитрий Хоматиан. Написано на руски език, това изследване е публикувано в авторитетния – както сега, така и тогава – руски *Византийский временник*⁴ и представлява всепризнат и безценен за времето си принос към прохождащото българско историческо изворознание⁵.

Още във встъплението Дринов подчертава титулуването на Димитрий Хоматиан като *архиепископ на цяла България*, а по-късно – на базата на документите – уточнява времето, когато той бил все още само *хартофилакс на Българската архиепископия*, както и края на неговото първосветителстване в Охрид през 1234 г. Проследявайки нататък значителна част от кореспонденцията на Хоматиан, хвърляща обилна светлина върху дейността му начело на Охридската архиепископия, акад. Дринов не се колебае да нарича Синода на

Охридската църква *Българския синод*, очертавайки, на базата на документите, пъстрата картина на църковно-политическата обстановка на Балканите от първите десетилетия на ХIII в. и ключовата роля и авторитета в тази обстановка на *българския* Охридски престол.

Защо обаче изтъкваме тъкмо тези, на пръв поглед, по-скоро маловажни акценти от изследването на Марин Дринов за Димитрий Хоматиан, чийто приносен характер – както вече посочихме – отнасят повече към областта на византинистиката? Разбира се, не защото той, в онези далечни години, или пък ние днес страдаме от нездрав църковен национализъм, а само защото за историята на български православен дух Охридската *българска* архиепископия и патриаршия имат истински съдбоносно значение. Защото в първите години, когато възстановената като Екзархия самостоятелна Българска църква е трябвало да бъде ако не напълно унищожена, то поне изолирана от семейството на Вселенското православие, напомнянето на историческата истина за *българския характер* на Охридската архиепископия и за приемствеността на Българската Екзархия спрямо старите български църковни центрове – Плиска, Преслав и Охрид – е изиграло повече от положителна роля за повдигането на българския дух и укрепването на православния народ в борбата му срещу прибръзано наложената от Вселенската патриаршия схизма, а не на последно място – още и за предпазването му от посегателствата на все повече засилващата се по онова време сред българите инославна пропаганда.

1.3. „Дриновският“ Синодик

Третият голям принос на акад. М. Дринов към делото на българското църковно-историческото изворознание е свързан със *Синодика на Неделя православна* и превода му на български език в Търновска България в началото на ХIII в. Дълго време единият от общо двата запазени преписа на българския превод на Синодика остава лична собственост на Дринов и до днес, макар и отдавна съхраняван в ръкописната сбирка на Националната библиотека „Св. св. Кирил и Методий“ (под № 432), остава известен именно като „*Дриновски препис*“⁶. На този важен църковен паметник акад. Дринов отделя внимание на няколко места из трудовете си, но особено се спира на него в единственото, изцяло посветено на славянските просветители свое съчинение „*Нов църковнославянски паметник*, споменаващ за славянските първоучители“⁷.

С изследването на български превод на Синодика е свързан и приносът на акад. Дринов към кирилометодиевистиката. Въз основа на историко-филологически анализ на текста той доказва, че съдържащото се там славословие на св. Кирил и св. Методий е съставено върху по-стари източници, в Търново, именно през 1211 г. – годината, в която след края на противобогомилския събор, българският цар Борил за първи път поръчва превод на български език на Синодика. Изследвайки безценнния ръкопис, акад. Дринов доказва, че в съхраненото там славословие „няма съществени добавки и промени от по-късно време“⁸, т.е. установява собствено българско по произхода си църковно честване на паметта на св. Солунски братя, което поне към началото на ХIII в. не е повлияно от други традиции – свидетелство за духовна приемственост вътре в българската църковна традиция и – по думите на самия акад. Дринов – „особено благоговейното отношение на българите от това време към паметта и заслугите на св. Кирил, на св. Методий и на техните сподвижници към славянското просвещение“.

Измежду останалите извороведски изследвания на акад. Марин Дринов, които имат отношение към възстановяването на историческата памет на Българската църква и приносен характер към българското църковно-историческо изворознание, специално трябва да споменем и „*Нов паметник за българската история*“⁹, „*Български летописен разказ от края на XVII век*“¹⁰, „*Записка от Охридския патриарх Прохор*“¹¹, „*Богомилска приказка*“¹², „*Из старобългарската книжнина*“¹³, „*Новонамерен надпис в Охридската „Св. София“*“¹⁴, „*Една забравена българска история*“¹⁵ и др.

2. Църковно-историческите изследвания на акад. Марин Дринов

Прегледът на църковно-историческите изследвания на акад. Дринов, свързани с Българската православна църква, неизбежно започва с неговия първи самостоятелен в научно отношение труд, озаглавен „*Исторически преглед на Българската църква от самото ѝ начало и до днес*“¹⁶, отпечатан във Виена в 1869 г.¹⁶ Подобно на *История славянобългарска* на преп. Паисий Хилендарски, поставила началото на възстановяването на българската народна и църковна памет и свят, съчинението на Марин Дринов е първо по рода си, само че вече

научно-исторически издържано, написано върху свидетелствата на извори изложение за миналото и настоящето на Българската църква, извършено от български учен. При това, според справедливата оценка на акад. Иван Дуйчев, макар и писана в разгара на българо-гръцките църковни борби, тази книга учудва с „не само отличното познаване на историческите извори, но също и [с] рядката съдържаност и обективност... при разглеждането на толкова важни въпроси, вълнуващи дълбоко всички просветени българи от онази епоха“¹⁷.

Запознаването с текста на цитираното съчинение потвърждава високата оценка на съвременниците. Още във въстъплението си Дринов подчертава, че съществуващите към негово време исторически трудове върху миналото на Българската църква, дело на римо-католически автори, разглеждат нейната история, от една страна, без да отчитат всички налични паметници, особено българските, а от друга – проявявайки неизбежно конфесионални пристрастия, в резултат от което се налагат изводи, „изложени или без всякаква критика, или пък с пристрастни тълкувания“. Онези пък от чуждите учени, които включват в изследванията си достъпните по онова време български паметници, чието издирване Дринов специално подчертава, че е започнало съвсем неотдавна, „са се допирали само до твърде малко от историческите съдби на нашата църква, повечето от които и досега са оставали или съвсем непокътнати, или пък са разглеждани твърде повърхностно“.

Изложението на акад. Дринов за историята на Българската църква започва още от първите християнски общини на Балканския полуостров – единственият правилен и от методологична, и от еклсиологична гледна точка подход, неизменно следван от всички по-късни изследователи на историята на Българската църква. Ето защо Дринов отделя цялата първа глава от своето изследване тъкмо на предисторията на самото учредяване на първата Българска архиепископия през 870 г., подчертавайки по този начин и най-важното: апостолската приемственост на Църквата в България, изначалната й вярност към апостолската и светоотеческата традиция.

Нататък в изследването си пионерът на българската църковна история системно и възможно най-подробно проследява историческия път на Българската православна църква – архиепископия и патриаршия – с особени акценти върху най-важните епохи и събития от миналото ѝ: съдбоносния избор между Рим и Константинопол, първата Патриаршия в Преслав, пренасянето на седалището ѝ в Охрид и учредяването на Охридската архиепископия и патриаршия, нейната история до 1767 г., учредяването на Търновската архиепископия, след 1235 г. – патриаршия, и нейния живот до края на XIV в. и т.н. Специално внимание е отделено на „фанариотското бреме в България“ и на темата „Българското възраждане и църковният въпрос“ – един проблем, чието скорошно разрешаване акад. Дринов пророчески предрича само година преди учредяването на Българската Екзархия (1870 г.). Може да се каже, че така очертаната от Марин Дринов програма за изследване, излагане и изучаване на българското църковно минало остава непокътната и непроменена и до ден днешен – във всички последващи изследвания на църковните историци, които само допълват – на базата на новооткритите източници – отделни подробности, но неизменно следват тази програма, без да внасят в нея никакви изменения. В този смисъл е вярна и оценката на акад. Иван Дуйчев, че публикуваното от акад. Марин Дринов още през 1869 г. „остава в много отношения ненадминато“ и до днес¹⁸. Същото можем да констатираме и сега – повече от четири десетилетия след като акад. Дуйчев пише за първото Дриново църковно-историческо съчинение и за неговото значение за българската църковно-историческа историография.

Друг ценен принос на Дринов към българското църковно-историческо познание е неговата студия „Българите и Константинополската патриаршия“¹⁹, публикувана на руски, в която подробно разглежда и църковно-исторически обосновава пред руското общество мнение българските искания за самостоятелна църква, косвено съдействайки по този начин на своите сънародници във водената от тях борба. Паметни остават и до днес заключителните думи на Марин Дринов: „Делото на Българската църква е дело на българската народност“.

Предвид ограниченията в обема, от останалите църковно-исторически трудове на акад. Марин Дринов ще посочим само най-важните: 1) „Отец Паисий, неговото време, неговата история и учениците му“²⁰ – изследване, върху което ще се спрем подробно в третата част от нашето изложение, и 2) приносната студия „Въпросът за Българската и Сръбската църви пред съдилището на Лионския събор в 1274 г.“²¹, в която Дринов, по думите на акад. Дуйчев, само „разяснява подробности из отношенията между българи и византийци през втората половина на XIII век“²², които обаче – бихме допълнили ние

– имат особено важно значение за Българската православна църква не само във времето на Дринов, но и в наши дни, предвид важността на темата за унията и за позицията на Българската църква към това движение не само в исторически аспект, но и в контекста на съвременните междуцърковни отношения.

В заключение ще цитираме дадената още през 1900 г. от акад. Васил Златарски оценка за значението на църковно-историческите изследвания на акад. Марин Дринов, който пръв сред българските учени „исторически и документално формулира, разясни и подкрепи църковните права на българите и доказва справедливостта на исканията им в борбата с фанариотските гърци“²³. Така, в борбата „на тихия фронт“ на науката акад. Дринов се оказва също толкова полезен на своя народ и на своята църква, колкото и дейците на движението за самостоятелна Българска църква, които в същото време, в което той изследва и излага миналото на своята църква, действат „на място“ за нейното възкресяване от пепелта на вековете и за възстановяването ѝ като историческа духовна институция на нашия народ, векове наред определяла неговата православна духовност.

3. Следовник на преп. Паисий Хилендарски

Както подчертахме още в самото начало, по своя характер и по отражението си върху съдбините на Българската православна църква делото на акад. Дринов може да бъде сравнено единствено с това на неговия учител по родолюбие, Хилендарския монах Паисий. Следвайки примера на Паисий, Марин Дринов също залага, на първо място, на историческата истина; също като при Паисий неговата сила е в неговото перо, а не в прятата конфронтация и в революционните методи на иначе справедливата борба. И едва ли е случайно, че тъкмо акад. Дринов, редом с всички вече изтъкнати приноси към Българската православна църква, се оказва още и първият изследовател на личността и делото на преподобния Паисий, а неговите изследвания върху Хилендарския монах – вече цитираното „Отецъ Паисий, неговото време, неговата история и ученицитът му“ и „Още нѣколко бѣлѣжки за Паисия и неговата история“²⁴ – съхраняват и до днес своята ценност на ненадминати в съдържателно отношение исторически изследвания. Както справедливо ще подчертая доста по-късно акад. Иван Дуйчев, „... около един век след писаното от М. Дринов ние с огорчение трябва да признаем, че не знаем нещо повече от него за личността на големия български будител“²⁵.

Едва ли би пресилено ако кажем, че Дринов е не само първият български учен, изследвал творбата на преподобния Паисий, но и въобще първият изследовател, оценил в цялото му достойнство делото на Хилендарския монах и неговото значение за по-нататъшната история на българите и на Българската православна църква. Най-ярко потвърждение за казаното пък е фактът, че за първи път в новата българска история Дринов полага началото на българското Възраждане именно в личността и в делото на преподобния Паисий. В края на първото си изследване върху Хилендарския монах той написва следните паметни думи: „Ние сме обикнали да броим възраждането на народа си от началото на нашия век и туряме начело Априлова с Неофита, Венелина и пр. Да, големи са заслугите на тези благодетели на народа ни. Но дали няма да е по-правилно да отнесем възраждането си 60–70 години по-рано и да турим начело отца Паисия?“. И ето че предложението на акад. Дринов, направено за първи път в 1871 г., се оказва и до днес възприето и строго следвано в българската наука, свързваща неизменно началото на българското Възраждане тъкмо с личността и делото на Хилендарския монах.

В духа на тази висока оценка за св. Паисий акад. Дринов планира и ново научно-издържано, критическо издание на *История славянобългарска* – издание, в която тя, по неговите думи, „да се яви на свят така, както е излязла от ръката на Паисия“. Радостни сме да споделим, че днес, благодарение на общите усилия на Църквата и на българската научна общност, тази мечта е вече факт. През 2012 г., когато тържествено почетохме 250 години от написването на Паисиевата история, издателството на нашия атонски Зографски манастир отпечата първо по рода си критично издание на *История славянобългарска*, осъществявайки така отдавнашната мечта не само на акад. Дринов, но и на Българската православна църква, и на цялата българска общественост²⁶.

* * *

Накрая, в заключението си към този кратък очерк върху приноса на акад. Марин Дринов за Българската православна църква, сме длъжни да подчертаем и това, че пътят за възхода на нашата църква – така, както го е виждал акад. Дринов, съвпада изцяло с визията за този

възход и на приснопаметните наши архиереи от времената на борбите за самостоятелна Българска църква от края на XIX в.: път едновременно на висока духовност и на висока наука и образованост, на постепенно възхождане към високите образци на духовността и църковността, заложени в родовата ни памет още във времената на Преславската и на Търновската патриаршия; път на приемственост спрямо традициите на старите наши книжовни школи в Преслав, Охрид и Търново; път в духа на заветите на преп. Йоан Рилски, на преп. Теодосий Търновски, на св. Евтимий Търновски, на Григорий Цамблак, от рода на когото произхожда и светителят Киприан Московски, на преп. Паисий Хилендарски и на всички останали наши отци и учители по православие и родолюбие, запазено място сред които винаги ще има и честваният днес тук академик Марин Стоянов Дринов.

¹ Дринов, М. Нови паметници за историята на Българетъ и на тъхнитъ съсъди // Периодическо списание. Браила, 1870. – № 1. – С. 36–60; № 2. – С. 52–68.

² Дринов, М. Три грамоти, дадени от императора Василий на български Охридски архиепископ Иоанъ около 1020 лето // Периодическо списание. Браила, 1873. – № 7–8. – С. 14–25; Ново издание на Грамотите виж в: Извори за българската история. Т. 11. София: БАН, 1965, с. 40–47.

³ Дринов, М. О нѣкоторыхъ трудахъ Димитрія Хоматіана какъ историческомъ материалѣ // Византийский временник. 1994. – № 1. – С. 319–340; № 2. – С. 1–23.

⁴ Оценявайки това изследване на М. Дринов, акад. Иван Дуйчев го определя като „най-обемистият и най-ценният му труд от тези години“, „забележителна статия... [която] трябва да бъде посочена единакво като принос в областта на българското историческо изворознание и като проучване в областта на българо-византийските отношения“ (Приносът на Марин Дринов в областта на българската историография // Дринов, М. Избрани съчинения. Т. 1. София, 1971, с. 29).

⁵ Преписът е направен между 1600 и 1614 г. Както и другия запазен препис – Палаузовия, той е непълен, така че съвременният български текст на „Синодика“ представлява взаимно допълване на двата преписа (виж Божилов, И. Синодикът на цар Борил // Църква и държава през XIII век. София: Славика, 1999, с. 119–129).

⁶ Дринов, М. Новый церковно-славянский памятникъ съ упоминаніемъ о славянскихъ первоучителяхъ // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. – № 238. С. 174–205.

⁷ Ангелов, Б. Марин Дринов. // Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 1. София: БАН, 1982, с. 616.

⁸ Периодическо списание, 1882, № 1, с. 126–133.

⁹ Пак там, 1882, № 3, с. 1–20.

¹⁰ Пак там, с. 132–141.

¹¹ Пак там, 1884, № 8, с. 123–126.

¹² Пак там, 1889, № 31, с. 113–121.

¹³ Пак там, 1890, № 32–33, с. 360–362.

¹⁴ Пак там, 1890, № 34, с. 542–545.

¹⁵ Оценката е на акад. Златарски (Златарски В. Н. Преглед на 30-годишната научно-книжовна деятелност на М. С. Дринов. – В: Сборниче за юбилея на професора Марин, С. Дринов 1869–1899. София, 1900, с. 41).

¹⁶ Приносът на Марин Дринов в областта на българската историография, с. 17.

¹⁷ Пак там.

¹⁸ Болгаре и Константинопольская патріархія. Беседа, Москва, 4, 1871, с. 324–359.

¹⁹ Периодическо списание, Браила, 4, 1871, с. 3–26.

²⁰ Периодическо списание, Браила, 7–8, 1873, с. 25–42.

²¹ Цит. съч., с. 23.

²² Цит. съч., с. 43.

²³ Периодическо списание, Средец, 19–20, 1886, с. 134–146.

²⁴ Цит. съч., с. 20.

²⁵ Паисий Хилендарски. История славянобългарска: критическо издание с превод и коментар. Прев. Д. Пеев, ком. А. Николов, Д. Пеев. Света Гора Атон: „Славянобългарска зографска света обител“, 2013.

ФОЛЬКЛОРИСТИЧНА ДІЯЛЬНІСТЬ М. ДРИНОВА ЯК «ЕНЦИКЛОПЕДІЯ СЛОВ'ЯНОЗНАВСТВА»

O. O. Микитенко

Микитенко, О. О. Фольклористична діяльність М. Дринова як «енциклопедія слов'янознавства»

У статті розглянуто багатогранну фольклористичну діяльність М. Дринова та зазначено його внесок у розвиток болгарської фольклористики й етнології. Проаналізовано найважливіші фольклористичні праці вченого, позначені широким використанням порівняльного методу. Висвітлено основні етапи наукової та педагогічної діяльності в контексті становлення вітчизняної славістики. Підкреслено значення комплексних слов'янознавчих праць М. Дринова та їхню роль в українсько-болгарських наукових взаєминах.

Ключові слова: М. Дринов, фольклористика, етнологія, історія славістики.

Микитенко, О. О. Фольклористическая деятельность М. Дринова как «энциклопедия славяноведения»

В статье рассмотрена многогранная фольклористическая деятельность М. Дринова, подчеркнут его вклад в развитие болгарской фольклористики и этнографии. Проанализированы основные работы ученого по фольклористике, для которых характерно широкое использование сравнительного метода. Освещаются основные этапы научной и педагогической деятельности в контексте становления отечественной славистики. Подчеркивается значение комплексных славяноведческих работ М. Дринова и их роль в украинско-болгарских научных связях.

Ключевые слова: М. Дринов, фольклористика, этнография, история славистики.

Mykytenko, O. O. The Folkloristic Activity of M. Drynov as the “Encyclopaedia of Slav Studies”

The paper deals with the folkloristic activity of M. Drynov and his contribution to the development of Bulgarian folklore studies and ethnology. The main works of the scientist in the field of folklore studies marked with wide use of comparative method are analysed. The main stages of his scientific and pedagogical activity in the context of the making of home Slav studies are elucidated. The importance of Drinov's complex works in Slav studies and their role in the Ukrainian-Bulgarian scientific relations is stressed.

Keywords: M. Drynov, folklore studies, ethnology, history of Slav studies.

Наведена у назві оцінка належить відомому болгарському історику, ректору Софійського університету, професору В. Златарському, який вважав себе учнем М. Дринова і, характеризуючи його багатогранну діяльність, визначив її як «енциклопедію слов'янознавства взагалі, болгаристики зокрема»¹. Цей ряд визначень наукової діяльності видатного українського і болгарського науковця і педагога, історика і державного діяча, мовознавця, етнографа і фольклориста Марина Дринова можна продовжити.

Ще за життя вченого його колеги з вдячністю та пошануванням визнавали його роль у науці. У 1904 р. К. Я. Грот писав, що «М. С. Дринов користується широким визнанням і популярністю як у Росії, так і у всьому слов'янстві, не кажучи вже про його батьківщину – Болгарію»². Л. Милетич, професор слов'янської філології і також ректор Софійського університету, називав М. Дринова і О. Потебню, докторську дисертацію якого свого часу рецензував Дринов, й імена яких часто ставили поруч – «два зірки славістики»³. У привітанні від Петербурзької Академії Наук з приводу 30-річчя науково-педагогічної і громадської діяльності Дринова йшлося, що дослідження вченого з історії, писемності та болгарської мови є «важливим внеском у слов'янознавство»⁴. У збірнику на пошану вченого, виданому посмертно 1908 р., Б. М. Ляпунов, який також вважав себе його учнем, зауважив, що Дринов був представником слов'янознавства як комплексної дисципліни, успішно поєднаною занять слов'янською історією, літературою та мовознавством. А харківські вчені-славісти називали свого болгарського колегу «найкращою оздобою факультету».

У привітанні Харківського історико-філологічного товариства на честь відзначення 30-річчя наукової діяльності Дринова йшлося: «Ми високо цінуємо ваші вчені праці у галузі слов'янознавства, завдяки яким Ви посідаєте таке визначне і почесне місце в ряду сучасних славістів Європи»⁵. Діяльність Товариства була позначена надзвичайною багатогранністю та комплексністю досліджень, широким спектром наукових програм, зокрема збиранням народної творчості, завдяки чому Товариство стало справжньою творчою

лабораторію для багатьох вчених. Дринов, як один із ініціаторів утворення Товариства, спочатку був обраний (1877 р.) його секретарем, а у 1890 р. головою. Взагалі, на засіданнях історико-філологічного товариства він виголосив понад 20 доповідей і повідомлень⁶, зокрема, чимало з фольклористики та етнології («О коллекции рукописей Верковича», «О названии Даждьбог в современной Болгарии», «Новые записи для славянской мифологии», «О былевой похвальбе», «Несколько новых данных об участии малорусских казаков в делах Румынии и о вторжении их на Балканский полуостров в XIV веке по неизвестным документам» тощо)⁷. Про широку ерудицію Дринова свідчить його участь в обговоренні рефератів з фольклористики (зокрема, М. П. Савинова «О народно-етимологических легендах» та «О лопарских сказках о женитьбе солнца», М. Г. Халанського «О былинах про Илью Муромца» та «О некоторых выражениях в “Слове о полку Игореве”»⁸).

Роль Дринова як вченого, який «сконцентрував живі моральні зв’язки, болгарські й російські» та «працював для слов’янської історико-літературної суспільності, для національно-політичного відродження Болгарії і науково-культурного освідомлення України», відзначив його учень – видатний український фольклорист і етнограф М. Ф. Сумцов. «Гідне місце серед великих славістів свого часу, циріх прихильників слов’янської взаємності» відводив Дринову Д. Агура. Ці слова поділяли інші колеги, зокрема, А. Патера у листі до М. Сумцова наголошував, що Дринов для нього є найбільшим авторитетом у питаннях південнослов’янської етнографії⁹. Цілком закономірно, що на здобуття встановленої у Харківському університеті після смерті вченого щорічної премії його імені у різні роки пропонувалися фольклорні та етнографічні теми (зокрема, «Национально-исторический и бытовой элементы в произведениях болгарской народной поэзии», «Болгарская народная поэзия как источник для изучения истории и этнографии», «Первые шаги в изучении этнографии болгар», «Первый период изучения этнографии болгарского народа» тощо¹⁰). Це промовисто свідчило як про роль Дринова-фольклориста, так і про актуальність досліджень з фольклору в одному з найбільших університетів країни¹¹.

Попри те, що наприкінці 90-х рр. XIX ст. у ряді університетів, у першу чергу Петербурзькому та Московському, історія слов’ян і слов’янська філологія фактично стають різними дисциплінами, у Харківському, Київському, Одеському університетах предмет слов’янознавства, як і раніше, викладав один професор. У Харківському університеті цим професором був М. С. Дринов (1838–1906 рр.), який до 1906 р. читав загальне слов’янознавство, історію слов’янських народів і літератур, історіографію з історії слов’ян, різні спецкурси, вів заняття з давньослов’янської і нових слов’янських мов¹². Така ситуація тривала і пізніше: у Харківському університеті історію, мову і літературу слов’ян викладав О. Л. Погодін, у Київському університеті Т. Д. Флоринський читав лекції як із слов’янського мовознавства, так і з історії слов’ян, а також інші курси; у Новоросійському слов’янознавство в усіх його аспектах викладав О. О. Кочубійський¹³.

М. Дринов був славістом у найширшому значенні слова. Його праці присвячені важливим питанням історії, мовознавства, етнографії і фольклору слов’янських народів. Більшість із його досліджень були новаторськими, зокрема у болгаристиці, а висловлені в них думки не втратили своєї наукової ваги й досі. Вперше у болгарській етнографії і фольклористиці Дринов у вирішенні нагальних проблем виходив із глибоких теоретичних узагальнень та методів, тому цілком закономірно, що його «праці мають важливе значення для становлення болгарської етнографії і фольклористики»¹⁴.

Енциклопедичними по праву можна вважати й фольклористичні роботи Марина Дринова. Не такі численні і не такі вже великі за обсягом, вони є надзвичайно глибокими й досі актуальними за тематикою. Аналізу його праць у галузі фольклористики та етнографії присвячено чимало досліджень в українській та болгарській науці – тут немає сенсу повторювати їх. Варто нагадати, що на Дриновських читаннях, присвячених 150-річчю від дня народження М. Дринова, виступ Н. С. Шумади – відомого дослідника українсько-болгарських фольклористичних зв’язків, зокрема і діяльності М. Дринова, було присвячено саме його творчій співпраці з українськими вченими у галузі фольклористики¹⁵. Як справедливо зазначала Н. С. Шумада, «діапазон фольклорних занять Дринова розширювався в міру розвитку болгарської фольклористики»¹⁶, становленню якої активно сприяв і він сам. Почавши записувати зразки фольклору ще тоді, коли виданий був лише збірник І. Благоєва «Български песни и пословицы» (1842), Дринов з часом переходить до глибоких історико-порівняльних праць. Тим самим, зауважує Н. С. Шумада, «він був одним із перших

дослідників слов'янського фольклору в болгарській науці, що вивів її зі сфери аматорства і некритичності на справжній науковий шлях»¹⁷.

У становленні Дринова як фольклориста хронологічно можна простежити декілька етапів. В юнацькі роки, працюючи помічником учителя в рідному Панагюриште, він захопився збиранням народної поетичної творчості. Частина пісень, зібраних Дриновим, увійшла до відомого збірника братів Д. і К. Миладинових (*Български народни песни*, Загреб, 1861), решту записів 1860-х рр. було опубліковано у різних болгарських виданнях¹⁸. Поглибленню фольклористичних інтересів молодого вченого сприяло навчання на історико-філологічному факультеті Московського університету (1861–1865), де його вчителями були такі відомі діячі у галузі слов'янського фольклору, як Ф. І. Буслаєв, який у середині XIX ст. очолював російську міфологічну школу, та О. М. Bodianський – послідовник ідей І. Гердера та П. Шафарика, виразник національно-романтичного погляду на слов'янську історію, наукові взаємини з яким у Дринова тривали упродовж усього життя¹⁹.

Виступи Дринова у пресі наприкінці 1860-х – початку 1870-х рр. позначені його прагненням поставити справу збирання народної творчості на наукову основу. Підтримуючи рух у Болгарії за організацію читалень, Дринов підкреслює їхню роль як осередків із збирання фольклорного матеріалу, що мало важливе значення для формування єдиної болгарської літературної мови. Під псевдонімом Д. Божков він пише у «Листі до болгарських читалень»: «Інші країни мають вчені товариства, академії, які забезпечують спеціалістів усім необхідним для збирання фольклорних матеріалів. Оскільки у нас нема таких інститутів, цю благодоріжну справу мають взяти на себе читальні»²⁰. У «Листі» він вміщує також «Правила для збирання пісень і казок» («Правила за събиране песните и приказниците»). Висловлені у «Правилах» думки справедливо вважаються «першим в історії болгарської фольклористики вагомим напутнім словом до записувачів творів народно-поетичної творчості»²¹. На думку Дринова, видані у 70-х рр. XIX ст. фольклорні збірки Богоєва, Безсонова, Миладинових, Верковича та ін. не могли бути використані для створення єдиної літературної мови. Зауваживши необхідність надсилати від кожної болгарської області бодай «по одній народній пісні або казці, але таких, в которых би місцева говірка відбивалася, як у дзеркалі», Дринов підкреслює, що такі записи «найкраще робити по селах та брати їх від жінок», враховуючи трудові міграції чоловічого населення. Крім того, він наголошує на точності фіксації фольклорного матеріалу із збереженням відповідного діалекту, а також на докладній паспортизації текстів²².

Цю саму ідею Дринов усіляко пропагує у межах Болгарського наукового товариства (Българского книжково дружество), одним із засновників, а згодом і головою якого майже упродовж тридцяти років (з 1869 по 1898 р.) він був, і в діяльності якого, зокрема і як редактор журналу «Периодическо списание», брав участь. Болгарське наукове товариство загалом і журнал зокрема, постійно порушували важливі проблеми історії, педагогіки, мовознавства і фольклористики та відіграли «визначну роль у просвітництві болгарського народу та розповсюджені наукових знань»²³. У журналі, епіграфом до якого було обрано народне прислів'я «Ум царува, ум робува», брали участь відомі письменники і фольклористи, зокрема В. Друмев, В. Стоянов, Р. Жинзіфов, Т. Пейов, подавалися наукові огляди фольклорних публікацій, вміщувалися різноманітні фольклорні матеріали – пісні, приказки, загадки, що супроводжувалися коментарями збирачів та редакторів. Журнал, таким чином, став втіленням на практиці принципу, що його відстоював Дринов, закликаючи до створення єдиної болгарської літературної мови.

Свою позицію він подає також у статті «Декілька слів щодо вивчення і вироблення сучасної болгарської мови та щодо народної літератури взагалі» («Неколко думи за изучване и обработване на български сегашен език и за народната ни книжнина въобщите»), підкреслюючи, що «літературна мова має ґрунтуватися на народній, має бути пройнята її духом», а тому наполягає «видавати більше болгарських народних пісень, приказок, прислів'їв, загадок, розумно зібраних і правильно записаних у всіх болгарських областях...»²⁴. Значення фольклору полягає у тому, наголошує Дринов, що він є «чистим, нештучним витвором самого народу». Саме у фольклорі, на його переконання, втілено «найвірніший образ», «душу народу», а для цього необхідно вислухати декількох інформантів і вибрати «найкраще виконання» фольклорного тексту. Вимога вченого «розумно збирати і правильно записувати фольклорні твори у всіх областях», є, таким чином, обґрутованим науковим методом і засадничим принципом Дринова-збирача, перевіреним і під час проведення власних записів

у Панагюриште, а також пізніше. Як відомо, упродовж 1877–1878 рр. – часу боротьби за незалежність Болгарії, Дринов не припиняє фольклористичної діяльності і записує поблизу Софії у с. Драгалевці від виконавиці Катерини Божилової народну пісню – новотвір, у якій «з епічною силою оспівуються сучасні події, висловлюються сучасні народні почуття» (пісню було надруковано у пловдивській газеті «Марица» у 1878 р.). Як зазначав Дринов, пісня про визволення болгар цілком витримана в дусі юнацьких та гайдуцьких пісень, традиційні елементи тут тісно переплелися з живою дійсністю²⁵. Поряд із сучасними записами, Дринов намагався простежити взаємозв'язки фольклору із давньою літературою, пояснити значення і вплив апокрифів на народну традицію.

За приклад проведення записів від найкращих майстрів-виконавців – основної вимоги та загальної практики збирацької діяльності на той час, він наводить досвід В. Караджича, який, як наголошує Дринов, «поганих співців зневажав, нехтуючи ними, і намагався записувати тільки від майстерних виконавців – як жінок, так і чоловіків», а згодом із цих записів «Караджич намагався оприлюднити тільки найкращі варіанти»²⁶.

Варто зазначити, що основний недолік збірки болгарських народних пісень В. Качановського (Памятники болгарського народного творчества. Вып. 1. СПб., 1882), разом із яким Дринов працював над словником болгарської мови, він вбачав саме у тому, що упорядник не звернув уваги на діалектні особливості пісень та не обрав кращих виконавців, через що склалося «досить викривлене», на думку Дринова, враження (так само, на його переконання, властиве й багатьох раніше виданим фольклорним збіркам) щодо начебто неправильної будови та відсутності віршованої форми в болгарських народних піснях. У збірнику В. Качановського було подано 52 пісні про Марка Королевича, а також прислів'я та приказки, опис народних звичаїв, авторські нотатки з приводу особливостей болгарської мови у XVII–XVIII ст. Надбанням збірника, вважав Дринов, було те, що він містив багато епічних пісень, записаних «у прилеглих до сербського племені болгарських областях», і наводив за приклад окремі епічні та історичні пісні та перекази, які пов'язував із історичними фактами (пісні про Момчила воєводу, царя Ясена, царя Шишмана, Марка Королевича та ін.), наголошуючи на важливості порівняльно-історичного вивчення південнослов'янського епосу.

З іменем Дринова пов'язано публікацію багатьох збірок болгарського фольклору, зокрема й однієї з найбільших – К. Шапкарева «Сборник от български народни умотворения» у восьми книгах (Софія, 1891–1894), що стало помітним явищем в історії слов'янської фольклористики²⁷.

Не позбавлене до певної міри романтичних поглядів, що було ознакою часу, ставлення Дринова до фольклору визначалося – подібно ставленню реформатора сербської мови Вука Караджича – у першу чергу сприйняттям народної творчості як скарбниці народної мови, на яку необхідно спиратися при створенні єдиної літературної мови. Як історик Дринов шукав у фольклорі відображення історії народу і наголошував, що саме поетична народна творчість, зокрема народний епос, може надавати неоціненні дані дослідникам. Сьогодні ми можемо стверджувати, що вся наукова діяльність Дринова як фольклориста і етнолога була підпорядкована головному завданню – дослідженням слов'янського, у першу чергу болгарського етногенезу²⁸, та визначенням слов'янської, передусім, болгарської етно-національної ідентичності, на підставі проведення широких історико-порівняльних досліджень з позицій загальнослов'янської єдності²⁹.

Сучасні дослідники життя і діяльності Дринова висловлюють думку, що на події у Болгарії він реагував значно гостріше, відгукувався на них у своїй широкій кореспонденції та у наукових публікаціях набагато частіше, ніж на російські, і, так би мовити, завжди «тримав руку на пульсі Болгарії». Все, що відбувалося на його далекій батьківщині, не просто цікавило Дринова, але й безпосередньо впливало на життєві та творчі плани, настrij та практездатність³⁰. Така зануреність у болгаристичну проблематику знаходила втілення у всіх сферах його наукової і громадської діяльності. Щороку з-під його пера з'являлися статті, огляди, рецензії, ним було прочитано чимало доповідей з історії, мовознавства, етнографії, фольклористики південних слов'ян, було зроблено багато виступів на захистах дисертацій, до нього постійно звертаються із листами колеги та учні, яких він усіляко підтримує, він перебуває у центрі науково-організаційної роботи (з приводу скликання археологічного та славістичного з'їздів і т.п.).

Широта поставлених проблем цілком знаходилися у річищі славістики кінця XIX – початку ХХ ст., комплексної історико-філологічної науки, що займалася переважно генетич-

ними особливостями слов'янських мов і діалектів, історичним розвитком мови, проблемами походження та діалектної основи церковнослов'янської мови, етногенезом слов'ян та етногенетичними зв'язками слов'янських мов із іншими іndoєвропейськими. Дринову, як і багатьом визначним славістам того часу – передусім у цій плеяді треба назвати визначного хорватського славіста, колеги і кореспондента Дринова, В. Ягича (1838–1923), його однолітка, якого Дринов пропонував у почесні члени Харківського університету, і якому, до речі, належать слова «нашою гордістю є етнографія», – була притаманна така комплексність і міждисциплінарність наукової діяльності, у якій етнофольклорні дослідження посідали важливе місце. До речі, якщо знову звернутися до постаті Ягича, то не лише його власними нахилами та уподобаннями були покликані такі слова, які він висловив у листі до К. Студинського (від 18 вересня 1909 р.): «...я кажу, що нашою гордістю є етнографія», «я не обмежую філогії лише граматикою і словниками, а зараховую сюди і літературу, й історію, й етнографію. Можливо, це будуть критикувати, але я інакше не міг. Адже я належу до старої генерації, трохи ідеалістичної, й коли хочете, навіть романтичнішої, ніж сьогоднішня. Зараз лишилося вже мало славістів, тільки богемісти, русисти і т.д.»³¹. Ці слова звучать сьогодні так само актуально, як і на початку минулого століття.

У цьому ж розрізі видається штучним розмежовувати етнографічні та фольклористичні аспекти наукових інтересів Марина Дринова, принятне хіба що формально з метою глибшого історіографічного окреслення його добробуту та всебічного охвatu сфери інтересів. Ще Б. М. Ляпунов підкреслював, що «обидві дисертації нашого поважного славіста є настільними книгами не лише слов'янських істориків, але й славістів у найширшому сенсі», а В. П. Бузескул пізніше наголошував, що професор Дринов «винятковим чином поєднував у собі історика і філолога», закликаючи, що саме це «особливо ми мусимо цінувати»³². Як відомо, у 1874 р. Дринов був опонентом докторської дисертації О. Потебні із суто мовознавчої теми «Записки о русской грамматике», в той час як О. Потебня, якому належать слова, що ««особі М. С. Дринова наш факультет одержав потужну вчену силу», роком раніше, при зарахуванні Дринова на кафедру слов'янської філології, надав офіційний відгук на його магістерську дисертацію («Заселение Балканского полуострова славянами», 1872), а також інші історичні праці («Поглед връх происхождението на българский народ ѝ началото на българската история», 1869; «Исторически преглед на Българската църква от самото ѝ начало и до днес», 1869). І це було цілком закономірним, оскільки предметом досліджень Дринова були слов'янські народи, у першу чергу – південнослов'янські, а в центрі уваги – болгари.

У представлений у 1890 р. на VIII Археологічному з'їзді доповіді «Сказание о Свято-горе и Земной Тяге в южнославянской народной словесности» дослідник звертає увагу на перекази про Марка Королевича, «записані в місцевості, де слов'янство здавна і дуже близько стикається з грецьким світом», порівнюючи їх із російськими сказаннями про Свято-гору і наводить болгарські паралелі до цього епічного сюжету. «Близькість цих пам'яток до російських переказів не може тепер нікого здивувати, – каже Дринов, – після досліджень Потебні, Халанського та інших вчених, що відкрили дивовижну подібність словесності східних і південних слов'ян»³³. Зауважимо, що і сьогодні дослідження «очевидно текстологічно схожих» російських билин та македонських юнацьких пісень³⁴ є одним із пріоритетних завдань слов'янської фольклористики і мовознавства загалом.

Іншою працею, яка, як вважає Цв. Романська, мала важливе значення для розвитку болгарської фольклористики, було дослідження Дринова «Медно (бъкарно) гумно, меден ток в словенській і гречки умотворення»³⁵. Передумовою для написання статті стало повідомлення у болгарській пресі, що у Прилепському полі між річками Чорною (Църна) і Блато, біля села Чепігово було знайдено поле, яке мало назву *бъкарно гумно* – мідний тік. Цим повідомленням зацікавилися «деякі пропагандисти у Македонії» і, вбачаючи у назві спадок «давніх сербів», намагалися надати факті політичного значення. Натомість Дринов, заперечуючи участь людини у появі мідного току в давні часи, висловив існування міфологічного підґрунтя такої назви та пов'язаних із нею переказів, навів широкий порівняльний матеріал із різних слов'янських традицій. Він вважає, що таке місце мало сакральне значення, інша назва поля була *Овче поле*, і пов'язувалося воно з місцями уявних бойовищ міфічних істот. Широко застосовуючи порівняльний матеріал, автор намагається довести, що перекази, пов'язані із «мідним током» як топонімом Прилепського поля, яке вважається південною межею Старої Сербії, мають загалом загальнослов'янський характер і відомі також поза слов'янським світом³⁶.

Подібно до того, як Дринов, висвітлюючи мовні питання, завжди спирається на історичні дані, засвідчуєчи свою чудову обізнаність із середньовічними пам'ятками слов'янської писемності, при розгляді історичних проблем він головну увагу приділяв сюжетам із історії болгарської літератури та книгодрукування, обґрунтовуючи раніше висунуту ним думку про другу половину XVIII ст. як період національно-культурного відродження Болгарії. Ці погляди простежуються у його статтях та рецензіях, котрі висвітлюють етнічний склад, звичаї й обряди населення Болгарії та суміжних областей, і чимало з яких «здобули самостійне наукове значення»³⁷. Водночас лінгвістичні дані, фольклорні та етнографічні джерела (слов'янська міфологія, зокрема вірування у провісниць долі, сюжети про міфічних істот – віл та самодів, слов'янський пантеон, різноважний фольклорний матеріал, дані топоніміки тощо), які Дринов-історик залишає до своїх досліджень найчастіше глобальних тем, підпорядковуються ним для утворення узагальненої історичної концепції та власного погляду на проблеми слов'янського, у першу чергу болгарського етногенезу, а також висвітлення питань етнокультури болгарських колоністів на теренах України.

Безперечно, з позицій сучасності не буде коректним зауважувати певні слабкості чи упередження у поглядах видатних славістів останньої четверті XIX – початку ХХ ст., зокрема й у поглядах М. Дринова. Представники різних шкіл та напрямів того часу висловлюють схожі погляди щодо окремих слов'янських народів та їхніх мов. Так, непослідовним у визначенні етнонаціональних чинників слов'янського ентитету був учень В. І. Ламанського професор Київського університету Т. Д. Флоринський – славіст, як і М. Дринов, широкого профілю. Визнаючи етнічну окремішність чехів, словаків, словенців, поляків, а також кашубів, Флоринський вважав «одним південнослов'янським народом» сербів і хорватів, а македонців, з «власне болгарами», відносив до болгар, тоді як білорусів і українців вважав «різновидами східної, або російської групи», підкреслюючи, що східна гілка слов'янства становить «один народ російський». Флоринський не визнавав самоу етноназву «українці» та «Україна», вважаючи її штучною, в якій «відсутній етнографічний чинник» (до речі, і сам Ламанський «штучною та смішною» вважав російську літературну мову). Саме в українському питанні виявилася певна обмеженість та реакційність поглядів Т. Д. Флоринського, який звинувачував політичні та літературні громади Галичини у проведенні ідеї «мовної, культурної та політичної окремішності малоросів», про що йдеться в його праці «Малоруська мова і 'українсько-руський' літературний сепаратизм» (Спб., 1900)³⁸.

Щодо «македонського питання» погляди П. Флоринського і М. Дринова збігалися. Сьогодні зрозуміло, зауважує Б. Ристовський, що Дринов як болгарин, розглядав Македонію, як «класичну болгарську країну»³⁹. Водночас Флоринський також ніколи не відходив від традиційного потрактування «македонських слов'ян як різновиду болгарського народу», македонської мови як південно-західної говірки, яка, разом із іншими діалектами, визначає «строкатість болгарських говірок». Разом із тим, пізніше, визнаючи недостатність вивчення цієї проблеми, Флоринський виступив за необхідність «всебічного, докладного та об'ективного вивчення етнографії Македонії», підкреслюючи, «що більш точне визначення ступеня близькості та взаємної спорідненості слов'янських мов, а також строго наукова класифікація слов'янських мов та говірок – є невирішеною та дуже вагомою проблемою слов'янської філології»⁴⁰.

Ці слова Флоринський наводить у своїй праці «Славянское племя. Статистико-этнографический обзор современного славянства (с приложением двух этнографических карт)», виданої у Києві 1907 р. Ми схильні вважати, що одним із факторів, що впливнув на розширення його поглядів, були, зокрема, листи та праці молодого К. Мисиркова – також кореспондента М. Дринова. Не маючи можливості спинитися тут докладніше на цій темі, зауважимо, що за десять років до того, як Мисирков виголосив на засіданні Етнографічного відділу Географічного Товариства (під головуванням В. І. Ламанського) свою доповідь про моравську говірку, а саме 11 грудня 1887 р. на засіданні цього ж поважного наукового зібрання під головуванням того ж В. І. Ламанського було заслушано реферат П. Драганова «Относительно изучения современной Македонии в этнографическом, статистическом и диалектологическом освещении»⁴¹. Петар Драганов – колишній учень М. Дринова, який, закінчуєчи навчання у Петербурзі, слухав його лекції у Харкові у 1880–1882 рр. На жаль, із Драгановим у Дринова дружні відносини, на відміну від, приміром, іншого його учня Д. Матова, не склалися, і він у подальшому не підтримував із ним жодних стосунків, попри те, що П. Драганов став істориком і філологом й після закінчення університету займався

сюжетами, близькими Дринову, – історію і культурою південнослов'янського середньо-віччя⁴². Але не тільки цим. Серед наукових праць та рукописів П. Драганова, чимало з яких не втратили до сьогодні своєї значущості⁴³ (серед них і його виступи проти фальсифікацій Верковича та «дифірамбів на його честь у болгарській літературі» з приводу «жахливих ведпраця під назвою «Македонско-славянский сборник» (Вып. 1. СПб., 1894).

Повернувшись 1887 р. із Солонік до Петербурга, Драганов потрапляє у коло широкої дискусії, яка точилася на той час навколо збірки І. С. Ястребова «Обычаи и песни турецких сербов в Призрене, Ипеке, Мораве и Дибре» (СПб., 1886), участь у якій М. Дринова, який виступав як «переконаний захисник болгарської Македонії, проти фальсифікації сербської науки»⁴⁴, як відомо, була надзвичайно активною. Зокрема, у другій частині своєї статті «Несколько слов об языке, народных песнях и обычаях добрских славян» («Заметки об обычаях и обрядных песнях») Дринов детально зупиняється на аналізі сімейного свята «слава», підкреслюючи, що поширене воно не лише, як вважає Ястребов, у сербів, повторивши за Мілошем Мілоевичем гасло «где је слава, ту је и Србин», але «у всех православных христиан Европы, между которыми вся разница относительно этого обычая заключается в большей или меньшей сохранности его, да в некоторых чисто внешних особенностях»⁴⁵. У болгар, зауважує Дринов, існує декілька різновидів цього свята, побутує також чимало інших традиційних свят, як сімейних, так і календарних, подібних до тих, що наводить Ястребов, відтак вони близькі, на його думку, до загальноболгарських, аніж до сербських.

Серед низки праць з цієї проблеми була, зокрема, стаття Дринова «Несколько поправок к этнографическому очерку г. Драганова» (Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества, 1888, № 6–7). Водночас реферат П. Драганова був високо оцінений російським науковим товариством – авторові було присуджено срібну медаль «за наукові результати у вивчені Македонії і македонців»⁴⁶.

М. Дринов неодноразово повертається до проблеми Македонії, про що говорить і сам у листі до Б. М. Ляпунова від 9 березня 1902 р., висловлюючи свою зацікавленість працею Мисиркова про Марка Королевича⁴⁷. У квітні 1902 р. К. Мисирков надіслав Дринову свою статтю на відгук⁴⁸, з приводу якої Дринов зауважує: «Я сам когда-то очень много занимался историей Марко, его отца Влькашина, дяди Углеши и пр., – пишет Дринов, – и пришел к выводам относительно их исторической деятельности, выводам, которые и высказал отчасти на диспуте М. Г. Халанского и немного полнее в одной статье («О некоторых болгарских книжарах XVIII века»), напечатанной в юбилейном сборнике «Славянской беседы» в Софии 1895 г. С этого времени неоднократно помышлял заняться более обстоятельным развитием этих своих взглядов и т.п., но до сих пор не мог этого сделать, да и вряд ли сделаю когда-нибудь. Тем с большею охотою я бы прочел статью г. Мисиркова. Но должен предупредить, что если он пожелает получить от меня мотивированный отзыв об этом своем труде, то я не скоро могу доставить таковой, так как составление его потребует больших справок»⁴⁹. На жаль, такої праці він вже не встиг зробити.

Цінним назвав П. Дінеков внесок Дринова у фольклористику, попри те, що вона не була основним предметом його наукової уваги⁵⁰. Дринов завжди поєднував історичні і філологічні інтереси та залишився «традиційним» славістом. Вужча спеціалізація, а відтак і фундаментальні праці узагальнюючого характеру, навряд чи були сенсом його життя, у якому він у першу чергу був громадянином. Такі наукові завдання стояли вже перед наступними поколіннями.

¹ Шумада, Н. С. Українсько-болгарські фольклористичні зв'язки. К.: Вид-во АН Укр. РСР, 1963, с. 122.

² Горина, Л. В. Марин Дринов – историк и общественный деятель. М.: Изд-во МГУ, 1986, с. 6.

³ Там же.

⁴ Слов'янська фольклористика: Нариси розвитку. Матеріали. К.: Наукова думка, 1988, с. 225.

⁵ Ільчук, И. Деятельность М. С. Дринова в Харьковском университете. – Исследования в честь на Марин С. Дринов. С.: Изд. на БАН, 1960, с. 98.

⁶ Шумада, Н. С. Нав. праця, с. 132.

⁷ Ільчук, И. Нав. праця, с. 90.

⁸ Слов'янська фольклористика..., с. 227.

⁹ Фрадкин, В. М. С. Дринов и фольклористко-этнографская деятельность на Харьковском историко-филологическом обществе // Българска етнография, 3, 1978, № 3–4, с. 142.

¹⁰ Шумада, Н. С. Нав. праця, с. 134.

- ¹¹ Фрадкін, В. Нав. праця, с. 147.
- ¹² Горбань, І. Фольклор і фольклористика болгар в Україні. Львів: Ін-т народознавства НАН України, 2004, с. 54.
- ¹³ Лаптєва, Л. П. Розвиток славіановедення в Росії з 90-х років ХІХ в. по 1917 р. – В: Історія на славістиката от края на ХІХ и началото на ХХ век. С.: Изд. на БАН, 1981, с. 36.
- ¹⁴ Там само, с. 37.
- ¹⁵ Романска, Цв. Марін Дринов като етнограф и фольклорист // Ізследвания в чест на Марин С. Дринов. С.: Изд. на БАН, 1960, с. 146.
- ¹⁶ Шумада, Н. С. Творческое сотрудничество М. Дринова с украинскими учеными в области фольклористики // Дриновские чтения, посвященные 150-летию со дня рождения М. Дринова. Х., 1988.
- ¹⁷ Шумада, Н. С. Фольклористична діяльність М. С. Дринова на Україні // Народна творчість та етнографія. – 1964. – № 1. – С. 54.
- ¹⁸ Шумада, Н. С. Українсько-болгарські фольклористичні зв'язки, с. 134.
- ¹⁹ Там само, с. 122.
- ²⁰ Славіановедение в дореволюционной России. М.: Наука, 1979, с. 146.
- ²¹ Шумада, Н. С. Українсько-болгарські фольклористичні зв'язки, с. 124.
- ²² Романска, Цв. Марін Дринов като етнограф и фолклорист, с. 163.
- ²³ Там само, с. 163.
- ²⁴ Горина, Л. В. Нав. праця, с. 61.
- ²⁵ Слов'янська фольклористика, с. 224.
- ²⁶ Шумада, Н. С. Українсько-болгарські фольклористичні зв'язки..., с. 129.
- ²⁷ Романска, Цв. Нав. праця, с. 165.
- ²⁸ Микитенко, О. Шапкарев Кузман. – Художня культура західних і південних слов'ян (XIX – початок ХХ ст.): Енциклопедичний словник. К.: ІМФЕ ім. М. Т. Рильського НАН України, 2006, с. 43.
- ²⁹ Етнография на България. Т. 1. С.: Изд. на БАН, 1980, с. 134.
- ³⁰ Там само, с. 133.
- ³¹ Горина, Л. В. Нав. праця, с. 50.
- ³² У півстолітніх змаганнях: Вибрані листи до Кирила Студинського (1891–1941). К.: Наукова думка, 1993, с. 224.
- ³³ Горина, Л. В. Нав. праця, с. 126.
- ³⁴ Шумада, Н. С. Фольклористична діяльність М. С. Дринова на Україні..., с. 54.
- ³⁵ Бібліографію питання див.: Мартынов В. В. Святогор – былинная ипостась Перуна // Philologia slavica: К 70-летию академика Н. И. Толстого / Ин-т славіановедения и балканістики РАН. М.: Наука, 1993, с. 91–101.
- ³⁶ Романска, Цв. Нав. праця, с. 157.
- ³⁷ Там само, с. 157.
- ³⁸ Славіановедение в дореволюционной России, с. 149.
- ³⁹ Микитенко, О. О. Рукописи Крсте Місіркова в архівосховищах Києва та Одеси як джерело славістичних досліджень // Делото на Крсте Мисирков: Зб. од меѓународниот научен собир. Т. 1. Скопје, 2005, с. 15.
- ⁴⁰ Ристовски, Б. Петар Драганов // Македонија и Македонците. Македонско-словенски зборник. 1. Скопје: МАНУ, 2009, с. 15. (Пор. слова Дринова у рецензії на збірник Ястребова: «Новейшие сравнительные изучения болгарских и сербских песен о Марке Кралевиче привели к выводам, что колыбель их следует искать не в Сербии, а в той стране, в которой протекала большая часть жизни Марка и которая всегда, начиная с IX века, называлась болгарской страной, как она называется и теперь...») (цит. за: Романска, Цв. Нав. праця, с. 159).
- ⁴¹ Див. Микитенко, О. О. Нав. праця, с. 116.
- ⁴² Ристовски, Б. Нав. праця, с. 33.
- ⁴³ Горина, Л. В. Нав. праця, с. 124.
- ⁴⁴ Славіановедение в дореволюционной России, с. 144.
- ⁴⁵ Романска, Цв. Нав. праця, с. 151.
- ⁴⁶ Цит за: Романска, Цв. Нав. праця, с. 154.
- ⁴⁷ Ристовски, Б. Нав. праця, с. 33.
- ⁴⁸ Йдеться про дипломну роботу К. Мисиркова «До питання про народність та причини популярності македонського короля Марка», захищена у квітні 1902 р. у Петербурзі. У 1901–1902 рр. Місірков слухає лекції Б. М. Ляпунова на історико-філологічному факультеті Новоросійського університету.
- ⁴⁹ Горина, Л. В. Нав. праця, с. 57.
- ⁵⁰ Никитин, С. А. Переписка М. С. Дринова с русскими учеными // Изследвания в чест на Марин С. Дринов. С.: Изд. на БАН, 1960, с. 214.
- ⁵¹ Динеков, П. Български фолклор. С.: Български писател, 1959, с. 104.

СТИЛОВИ РАЗНОВИДНОСТИ В НАУЧНИТЕ ТРУДОВЕ НА МАРИН ДРИНОВ

Н. Николова

Николова, Н. Стилови разновидности в научните трудове на Marin Drinov

Марин Дринов е един от първите български учени, който продължава и обогатява възрожденската традиция, като разработва на широка научна основа проблемите на нашия книжовен език на нивото на филологическата научна мисъл на своето време. Разнообразна е проблематиката на Дриновото творчество – значими са научните му изследвания от сферите на научен, административен (официално-делови) и публицистичен стил. В статията се анализират характерните езикови особености и се посочва стиловото многообразие в научните трудове на Марин Дринов.

Ключови думи: Марин Дринов, стил, научен стил, административен (официално-делови) стил, публицистичен стил.

Николова, Н. Разновидности стиля в научных трудах Марина Дринова

Марин Дринов – один из первых болгарских ученых, который продолжает и обогащает традицию эпохи Возрождения, разрабатывая на широкой научной основе проблемы болгарского литературного языка на уровне филологической научной мысли своего времени. Разнообразна проблематика творчества Дринова – значимы его научные исследования в сферах научного, административного (официально-делового), публицистического стилей. В статье анализируются характерные языковые особенности и указывается на стилевое многообразие в научных трудах Марина Дринова.

Ключевые слова: Марин Дринов, стиль, научный стиль, административный (официально-деловой) стиль, публицистический стиль.

Nikolova, N. Stylistic Variations in Marin Drinov's scientific works

Marin Drinov is one of the first Bulgarian scientists who continues and enriches the Renaissance tradition, developing problems of Bulgarian literary language on a broad scientific basis at the level of philological scientific thought of his time. The topics of Drinov's works are diverse - his scientific research is important in the fields of scientific, administrative (official - business) and journalistic styles. The paper analyzes the characteristic linguistic features and highlights the stylistic diversity of Marin Drinov's scientific works.

Keywords: Marin Drinov, style, scientific style, administrative (official - business) style, nonfiction style.

През третата четвърт на XIX в. определяща роля за българския книжовен език и неговото утвърждаване като фактор на културнонационалния подем и националното съзнание имат филологическите и творческите търсения на личности, между които е и Марин Дринов. Наследил книжовноезиковите традиции от своите предшественици, докоснал се до постиженията на чуждестранните лингвисти от световна класа, Марин Дринов притежава дълбока и проникваща научна мисъл.

Като ерудиран учен Марин Дринов създава фундаментални трудове в българското езикознание. Той е добър популяризатор на научните знания за българския език и езикова култура. Голяма част от неговия живот е извън България, където е имал възможност да изследва редица неизвестни ръкописи и исторически извори, ценни и важни за българското езикознание.

Публицистичното и научно творчество на Марин Дринов е обемно, богато на теми, проблеми и актуално. То се ражда като резултат на осъзнаване на потребността да се разпространяват научните идеи сред съвременниците му. За изследователя това творчество е неизчерпаем източник не само на сведения за самия учен, за неговия кръг от интереси, връзки и контакти, но най-вече на идеи, научни тези и позиции, очертаващи завършена хуманитаристична философия, в която намират своето място теоретичните въпроси за българския книжовен език.

Неговите трудове са издадени в София под редакцията на проф. В. Златарски: Том 1. Трудове на М. С. Дринова по българска и славянска история. София, 1909; Том 2. Трудове на М. С. Дринова. Съдържащи: I. Българска църковна история; II. Езикознание, литературна история, етнография и народни умотворения. София, 1911; Том 3. Трудове на М. С. Дринова. Съдържащи: I. Публицистични статии; II. Служебни записки, наредби и разпоредби; III. Критични оценки и отзиви; IV. Поменици. София, 1915¹.

Голямо е стиловото многообразие в творчеството на Марин Дринов. Според харктерните стилистични особености трудовете на Дринов могат да бъдат класифицирани в: научен, административен (официално-делови) и публицистичен стил.

В езиковедската литература съществуват многобройни дефиниции за понятието стил. Приемаме определението на Л. Андрейчин: „Стил или слог е характерен начин на използване на изразните средства в речта, който зависи от различни фактори (предмет и цел на изказването, индивидуална особеност на автора, традиция и др.)“⁴². Определен вид текст като представителен за функционалната разновидност на езика се мотивира от факта, че „стиловете на речта не могат да функционират във всички случаи като нещо напълно еднородно“ и се проявяват чрез „кръг от композиционно-речеви схеми (жанрове), системата на които съставя определен функционален стил“⁴³.

I. Научен стил

Основните фактори, които определят спецификата на новоизграждащия се български книжовен език: липса на установена единна езикова формация, осигуряваща плавен преход от диалект към книжовен език; ускорено развитие, резултат от стремежа да се достигне равнището на напредналите книжовни езици; влияние на старобългарската книжовна традиция⁴; роля на стабилните езикови системи за лексикалното и терминологичното обогатяване – активно въздействат и върху процеса на функционалната стилистична диференциация на езика ни през третата четвърт на XIX в.⁵

Л. Андрейчин отбелязва, че в научно-популярната книжнина не само се „утвърждават основните структурни особености на книжовния език“, но се създава и „основната терминология в различните области на знанието, застъпени в училищата“⁶.

Научно-популярните четива и учебната литература са важен етап при формирането на научния стил. Условията за същинското му изграждане като функционален вариант на съвременната книжовноезикова система се създават едва през последните десетилетия на XIX в., когато се съществува цялостното преструктуриране на обществено-политическа и културно-историческата обстановка у нас⁷.

В „Поглед върху произхода на българския народ и началото на българската история“, „Исторически преглед на българската църква от самото ѝ начало и до днес“, „Нови паметници за историята на българите и техните съседи“ и др. на Марин Дринов се срещат множество научни исторически термини, например:

род – в значение ’множество хора с общо потекло и минало; племе’

От тези многобройни Трако-Иллирски племена само на едно е било речено да си остави името в историята и да играе велика роля в съдбите на човеческий род – то е Македонското (Съч. 1.7).

племе – в значение ’в докласовото общество – общност от хора, които са свързани с родови отношения, общ производък, език и територия’

Такива взаимни отношения се установиха и между Южните Славенски племена, откакто те се разделиха по Балканский полуостров (Съч. 1.31).

народ – в значение ’всички граждани на една държава’

Така далече от светът, в оградите на някой манастир, вардila се е да не погине паметта за българската старина и представата за българския народ (Съч. 1.116).

Кръстоносци – в значение ’участници в кръстоносни походи, първоначално имащи на дрехата си кръст от червена материя’

Българска земя я наричат така също старите норвежки саги, които разказват за преминаването на норвежските кръстоносци през Балканския полуостров, в 1154 год. (Съч. 1.570).

маджари – в значение ’древен народ от азиатски произход, населявал територията на днешна Унгария’

Вън от всяко съмнение е това, че тук византийците са били подпомогнати от маджарите, на които не допадало, дето Стефан Неман се стараел да разреши владенията си на своя собствена глава и за своя собствена сметка (Съч. 1.572).

италиянец – в значение ’мъж, лице от основното население на Италия’

То се среца в едно писмо, писано в София преди 235 г. от един италиянец Джовани Киаромани, когато он е минувал през този град, на император Леополд I, до Турския султан Мухамед IV (Съч. 1.642).

империя – в значение ‘голяма могъща колониална държава, която се управлява от император’

Тъй тези нечакани гости постъпиха във Восточната Римска империя почти 25 години, а пак когато им не остана вече какво да опустошават, те в 402 се вдигнаха, та отидоха в Западната Римска империя (Съч. 1.12).

болярин – в значение ‘титла на благородник, който принадлежал към висшия слой на феодалната класа в България от IX до XIV в., или лице с такава титла’

Българският цар Борис прие Христовата вяра и, като я припозна за главна вяра в царството си, повели на болярите си и на всичките си поданици да я приемат и те (Съч. 2.13).

княз – в значение ‘титла на монарха на Княжество България (1878–1908) или лице с такава титла’

Па и първият млад български княз надали щеше да дохожда там, дето също да поискат и да получат от Свищовското Велико Народно Събрание онния злополучни пълномощия, които струваха толкова скъпо на българския народ не само от към материална страна, но и от морална (Съч. 3.175).

цар – в значение ‘титла на български владетел, монарх или лице с такава титла’

Българският цар по онова време особено се нуждаеше от папската помощ (Съч. 2.68).

крак – в значение ‘в някои страни с монархическо управление – титла на владетел, на монарх или лице, което носи такава титла’

В 1365 г. Унгарският крак Людовик Великий нападна с голяма войска Българското царство и отне от него Видинската област, която я държа под властта си три-четири години (Съч. 1.63).

За постигането на ясност, логичност, стегнатост на научното изложение спомага не само употребата на терминологично функциониращите словоформи, но и наборът от устойчиви словосъчетания, които също са част от основния езиков апарат на всеки тип научно мислене. В историческите съчинения на Марин Дринов, под влияние на чуждата историческа литература са попаднали значителен брой фразеологични словосъчетания, които бихме могли да разделим в две основни групи⁸:

1. Устойчиви словосъчетания, които са се запазили и до днес,

например: *политически характер, народни интереси, политически съюз и др.*

Макар и да не е означено в него, къде и кога е писано, но от съдържанието му се види, че е писано в Рим около 1572. Монембазийският митрополит Макарий по това време е играл доста голяма политическа роля, и може да се мисли, че сношенията на патриарха Гаврил I с него са имали политически характер (Съч. 1.77).

Тук може да се рече само за това, до колко това желание на българите е законно от гледна точка на естественото право, а особено изпълнението на това желание до колко заплаща действителните **народни интереси** на гърците, интереси, за запазването на които бе обрнато особено внимание от Берлинския конгрес (Съч. 3.61).

За достоверно се знае, че тези славяни, откакто с общи сили отнеха от Византийската империя земите, в които се заселиха, не можеха да съставят едно политическо тяло или поне един **политически съюз**: всяко племе е искало да живее особено, под свое племенно име (Съч. 1.30).

2. Устойчиви словосъчетания, в които единият от компонентите

запазва езиковите особености на източника, от който е заимстван (предимно руски език), например: *варварски вторжения, велики полководци, славянските полчища, национални жиздители и др.*

*Те повечето живееха по градищата, от които както видяхме по-голямата част са разорени до дъното във времето на честите **варварски вторжения** (Съч. 1.15).*

Неговите велики полководци с големи усилия можеха най-после да разрешат византийските граници пак до Дунав, като отбълснаха за малко време зад него варварските полчища като ги въоръжиха с един изкусен начин, един против друг (Съч. 1.15).

В 548 г. говори се, че славянските полчища дошли даже до Дурацю (Съч. 2.20).

А как са у нас тези нравствени сили, тези национални жиздители (Съч. 3.13).

Стилистичният нюанс на обобщеност, научност, стегнатост на историческото изложение се постига чрез употребата на значителен брой абстрактни съществителни, съставящи основния пласт на историческата терминология⁹. Например: *владичество* (Съч. 2.100); *господарство* (Съч. 1.85); *царство* (Съч. 2.15); *княжество* (Съч. 1.6); *кралство* (Съч. 1.76); *посолство* (Съч. 2.86); *правителство* (Съч. 1.152); *независимост* (Съч. 3.350); *империя* (Съч. 1.12); *династия* (Съч. 1.75); *нация* (Съч. 1.34); *коалиция* (Съч. 3.488); *дипломация* (Съч. 3.488); *администрация* (Съч. 1.143); *убеждение* (Съч. 2.76); *обединение* (Съч. 1.33) и др.

Стилистично значими в научния тип повествование са сложните думи (композитуми), които често се срещат в Дриновите научни трудове: *родоначалник* (Съч. 1.36); *чуждоzemци* (Съч. 1.260); *бързопечатница* (Съч. 2.425); *книгоиздател* (Съч. 2.427); *книголюбец* (Съч. 3.216); *священноначалници* (Съч. 2.3); *иконоборец* (Съч. 2.254) и др.

Марин Дринов има изключителни заслуги за утвърждаването и развитието на научния стил, чрез употребата на множество исторически и научни термини в различни области на научното познание.

II. Административен стил (официално-делови стил)

Административният стил, наричан още официално-делови, обслужва общуването в областта на административния живот на държавата. В съвременния книжовен език се деферинцират следните подстилове на административния стил в зависимост от характера на административния текст:

1. Законодателен (нормативни актове – законови и подзаконови)

Законовите уреждат обществените отношения – закон, кодекс. Подзаконовите се свързват с разпоредителната и изпълнителната дейност в държавата: правилници, наредби, протоколи, инструкции, укази и др.

2. Административно-канцеларски – канцеларски документи (заповед, протокол, договор, делови документ, препоръка, характеристика, справка, пълномощно и др.).

3. Дипломатически – нота, комюнике, конвенция, меморандум.

Административният стил съществува предимно в писмена форма на езика, с изключение на някои разновидности, напр. служебни диалози и речи и под. Деловата реч обслужва сферата на официално-деловите отношения и функционира в областта на правото и политиката. Тези извънлингвистични фактори обуславят и особените езикови средства, с помощта на които се оформя и изгражда официално-деловият стил като сложна и нормативна езикова система. За официално-деловата реч са характерни стилистичен оттенък на предписание и задължителност, тъй като в законите и в официалните документи намират израз нормативните и предписващите функции на правото, установено от държавната власт¹⁰.

Характерните черти на деловия стил са неговата изчерпателност, конкретност, точност, яснота, лаконичност. Стремежът към точност и еднозначност обуславя, от една страна, еднотипното оформяне на административните документи, от втора, в лексикално отношение имат значение определен кръг думи като израз на установени понятия, свързани с начина на изразяване и формулиране на административните положения, а от трета, важна страна е и оформянето със специфични средства на синтактичното композиране¹¹. Важна особеност на официално-деловия стил е неговата консервативност, т.е. спазването на традицията както в регламентирането на жанровата структура, така и в използването на установени шаблони и изисквания при употребата на езиковите средства.

Марин Дринов е министър на просвещението и народните дела (1878–1879). Той разработва серия важни циркулярни писма и програми, относящи се до училищното обучение. Дринов съставя програмите за народните училища и „Привременни правила за реалните училища“. Той взима участие и в разработването на програми за класическите гимназии¹². Наложило се е и да редактира няколко параграфа, а именно относящи се до вероизповеданието и просвещението. Параграфът, в който става дума за църквата, влиза след това в окончателния вариат на Конституцията с предложената от Дринов редакция¹³.

Дринов взема активно участие в работата на Учредителното събрание в Търново, открито на 10 февруари 1879 г. На 14 март, на едно от заседанията на събранието, прочел съставената от него „Записка за дейността на временното руско управление в България“. Той взема участие в заседанията на специалната комисия по изработване основите на Конституцията¹⁴. По-късно през 1904 г. в статия за изработването на Търновската конституция той подробно разказва за своето участие в това отговорно дело¹⁵.

При наблюдение върху текстовете на Марин Дринов се забелязва честа употреба на съществителни имена, главно с абстрактно значение, като: *регламент* (Съч. 3.164); *наредба* (Съч. 2.14); *ратификациите* (Съч. 3.165); *договор* (Съч. 3.142); *разпореждания* (Съч. 3.170); *реформи* (Съч. 3.144); *преговори* (Съч. 2.223); *споразумение* (Съч. 3.120); *разрешение* (Съч. 2.32); *уверения* (Съч. 2.255); *съгласието* (Съч. 3.63); *решение* (Съч. 2.23); *разпореждания* (Съч. 1.350); *предложение* (Съч. 2.19); *убеждения* (Съч. 2.82); *мнение* (Съч. 2.36) и др.

За административния стил са характерни сложните изречения, както и някои вметнати изрази, които се срещат и в езика на Марин Дринов, например:

Като се има предвид, че настоящата 1878/1879 учебна година изтича и ще се започнат изпитите на учениците в управляемата от Вас училище, считам за нужно да Ви съобщя следните наставления за ръководство при извършване на изпитите (Съч. 3.120);

Към решението на императорския комисар да състави учредително събрание, повечето от народни избраници, неодобрително се отнесаха някои лица, особено от дипломатическите сфери (Съч. 3.166);

Доста е да припомним, че към обсъждането на проекта събранието може да пристъпи едва на 22 март, когато до назначения в Берлинския трактат за тази работа остават около две недели време (Съч. 3.172);

Като Ви изпращам приложените при настоящето Правила за привременни педагогически курсове, предлагам Ви незабавно да пристъпите към нужните приготовления за отварянето на 20 август в някой от градовете във вашия окръг педагогически курс, ако намирате, че той е необходим за учителите от този окръг (Съч. 3.116);

И така, като оставил на населението да се грижи за материалната страна на училищното дело, управлението пое на себе си да се грижи така за нравствената страна на това дело, именно: (Съч. 3.156);

Като се занимавал с гореизложените организационни работи, отделът на вътрешните дела в същото време се е грижел и за съдбата на бежанците, които и след Берлинския договор постоянно и от различни страни непрестават да дохождат в пределите на Българското княжество и в губерните Пловдивска и Сливенска (Съч. 3.148);

Освен това, вземени са мерки, за да се отворят и по-горни училища, каквито по-преди не е имала България и които на сегашно време ѝ са много потребни (Съч. 3.156);

Поради всичко това в църковните работи управлението се е ограничавало само със следващата, така да се рече, чисто външна дейност (Съч. 3.158).

От приведените примери е видно, че посочените по-характерни синтактични особености на деловия стил са присъщи както на тях, така и на съвременните административни документи: разширени сложни изречения за комплексно представяне на деловите факти в тяхната иерархическа последователност, както и емоционално неутрални изречения. Стремежът към точност, ясност и единозначност обуславя най-ярката черта на деловия стил – високата степен на стандартизация, т.е. свеждането на езиковите средства към типови образци, стереотипни думи и словосъчетания, които придават деловитостта, затвореността на деловия стил¹⁶.

Общоприето е схващането, че административният стил обслужва административния живот на държавата. Марин Дринов активно участва в обществено-политическия живот на България, изработва и редактира наредби, програми, устави, за което има изключителни заслуги за утвърждаването и развитието на административния стил.

III. Публицистичен стил

Изразните средства в изследваните писмени трудове на Марин Дринов отвеждат към публицистичния стил, тъй като отразяват обществено-политическия живот през третата четвърт на XIX в. Актуални и общественозначими са борбата за политическа и църковна независимост и борбата против социалния потисник.

Публицистични статии в научните трудове на Марин Дринов са: „Страшни ли са за народността ни фанариотите и ѹезуитите?“, „За сегашното Всемирно изложение в Париж“, „Писмо до българската интелигенция“, „Българско литературно дружество“, „Празника на Ян Хус в Прага“ и др.

При жанрово диференциране на книжинната честотата на употреба на някои изразни средства е по-висока и по този начин тези изразни средства получават стилистична оцветеност.

Към изброените неутрални названия за лица, отнасящи се към тази лексика, се очертава и един слой думи, които се откриват при стилистична употреба на обществено-политическата лексика. Този факт показва, че на отделните обществено-политически понятия Марин Дринов придава експресивно-оценъчен характер. С положителна емоционална оценка се свързват лексемите, назоваващи понятия за лица, като: *освободител* (Съч. 3.81), *избавител* (Съч. 2.81), *родолюбец* (Съч. 2.475), *патриоти* (Съч. 3.479). Например:

Знаем още, че православните Гърци живели с радост го посрещаха и с готовност му отваряха градовете си, като го прославяха като свой избавител и освободител (Съч. 2.81);

Руварац мисли, че споменатият тук Христофор Богданович Миятович трябва да е дядо на сегашния сърбски дипломат и писател Миятович и че той, види се, е бил българин, та още и български родолюбец (Съч. 2.475).

В публицистичните текстове на Марин Дринов се срещат лексеми, употребени като изразители на отрицателна оценка. Чрез употребата им в преносен смисъл и посредством емоционално обагрената лексика Марин Дринов цели по-силно въздействие. Така например „*хунните*“ ги нарича със следните лексеми, съдържащи в себе си отрицателна оценка: *варвари* (Съч. 1.12), например:

Не изминаха и 50 години, откакто вест-готите оставиха Балканския полуостров, ето че го нагънаха нови варвари, още по- страшни, още по-буйни. То бяха пак хунните (Съч. 1.12).

Марин Дринов назовава „*фанариотите*“ и „*иезуитите*“ – *богохулици* (Съч. 3.6), например:

Тъй тези богохулици, които срамят Иисусовото име, наричат своята цел! (Съч. 3.6).

Книжовникът изразява възмущение към българите, които се учат да четат и говорят на гръцки и се срамуват от българския език. Тях той нарича „*отциеругатели*“ (Съч. 1.124) например:

,О, неразумне и юроде!, казва той в предисловието си на тези отциеругатели, „поради че ся срамиши да ся наречеш болгарин, и не четии по свой язык, и не думаши“ (Съч. 1.124).

Към пейоративните изразни средства в текстовете на Марин Дринов се срещат и думите *тиранин* (Съч. 2.308) и *грабители* (Съч. 1.544) с които той изразява отношението си към турците например:

Още през 1673 г., когато турците бяха умствени в войната си с Полша, българите, както и сърбите са били нагласени с господарите на Влашко и Молдовия да се вдигнат срециу общия тиранин (Съч. 2.308);

Но във военно време са били задължени да участват в турските военни походи, в които са се отличавали като особено страшни разорителни и грабители (Съч. 1.544).

Чрез употребата на оценъчната лексика в трудовете на Марин Дринов се постига по-силно емоционално въздействие, което придава на неговите текстове публицистичен характер. Например: *грабителни дружини* (Съч. 1.18); *сръбските ругатели* (Съч. 1.126); *опасен неприятел* (Съч. 1.576) и др.

Но тук, като ги беспокоиха и не им даваха мира много равноплеменни грабителни дружини, те скоро захванаха да минават на Балканския полуостров и да заселяват там запустелите страни (Съч. 1.18);

При това той напомня на сръбските ругатели българите да не забравят, че техните братя, „кои са на турците поданици, са прости, нещастни като българи“ (Съч. 1.126);

Борил се стараел всякак да отстради по никакъв начин своя опасен неприятел и успял, както се вижда, да го изгони от владенията си (Съч. 1.576).

В писмените текстове на Марин Дринов емоционално-оценъчната епитетика се доближава до възрожденската публицистика, т.е. среща се същата стереотипност. Особено силно е емоционалното въздействие на метафоричните епитети, отличаващи се с оценъчна функция, например: *късогледи съветници* (Съч. 1.325) и др.

Тогавашното българско поколение, което бе пораснало в бурно войнствено време, беше навикнало да се слави с победите си над византийците и да гледа на империята им като на една сянка, – това българско поколение не е могло да гледа с добро око тая опака политика на късогледите съветници Петрови (Съч. 1.325).

Публицистиката на Марин Дринов е само един етап, защото в своята езиково-стилистична структура тя включва не само проверените и утвърдени вече от езиковата практика на предходните публицисти средства, но и нови – резултат от вярно схващане на закономерностите на езика за създаване на емоционално-изразни средства. Дринов е от онези политици и публицисти, които проявяват широка осведоменост върху чуждия печат, интересуват се живо от международния живот и изказват мнения по международните въпроси, преценяват критично всеки политически възглед. Яркото, остро, а на места и сатирично изобличение на народните врагове се откроява в публицистичните текстове на Марин Дринов. Отличителна черта на Дриновата синонимика е, че той подбира синоними, които силно да въздействат и да разкриват явленията откъм тези страни и в такава светлина, в каквато се срещат в обществото. Езиковата практика на Марин Дринов оставя трайни следи в развитието на публицистичния стил.

Марин Дринов е един от нормализаторите в областта на функционалното изграждане на новобългарския книжовен език главно за три стила: научен, административен и публицистичен. Теоретичните филологически възгледи и научни концепции на Марин Дринов трайно са вписани в науката за българския език. Неговите заслуги се осмислят в един широк исторически и културен аспект.

¹ Текстовете, експериментирани от произведенията на М. Дринов, са нормализирани от автора.

² Андрейчин, Л. Стил и езиково майсторство. Стилистика. // На езиков пост. С., 1961, с. 161.

³ Чизмаров, Д. Стилистика на българския книжовен език. С., 1982, с. 18.

⁴ Балтова, Ю. Начало и развитие на научния стил в новобългарския книжовен език и отражение на този процес в словообразуването. // Български език, 1980, № 1, с. 40.

⁵ Гърдева, М. Заслугите на Марин Дринов за изграждането на научния стил на българския книжовен език. // Трудове на ВТУ „Св. св. Кирил и Методий“. Т. 31, кн. 2. В. Търново: Филологически факултет, 1995 / УИ „Св. св. Кирил и Методий“, 2001, с. 135.

⁶ Андрейчин, Л. Специфични въпроси при формирането на съвременния български език. // Из историята на нашето езиково строителство. С., 1977, с. 23.

⁷ История на новобългарския книжовен език. С., БАН, 1989, с. 270.

⁸ Гърдева, М. Заслугите на Марин Дринов за изграждането на научния стил на българския книжовен език. // Трудове на ВТУ „Св. св. Кирил и Методий“. Т. 31, кн. 2. В. Търново: Филологически факултет, 1995 / УИ „Св. св. Кирил и Методий“, 2001, с. 138.

⁹ Пак там, с. 142.

¹⁰ Бояджиев, Т. Българска лексикология. С., 2002, с. 285.

¹¹ Вж. Русинов, Р. Синтактични особености на административния стил. // Практическая стилистика. С., 1972, с. 36–39.

¹² Горина, Л. Марин Дринов – историк и обществен деец. С., БАН, 2006, с. 120.

¹³ Пак там, с. 123.

¹⁴ Пак там, с. 125.

¹⁵ Пак там, с. 122.

¹⁶ Симеонова, М. Лингво-стилистични особености, свързани с административния стил. // Езикът на Васил Левски. С., 2002, с. 59.

**ПРОДОЛЖАЯ НАУЧНУЮ ТРАДИЦІЮ:
ХАРЬКОВСКАЯ БОЛГАРИСТИКА
МЕЖДУ ДРИНОВСКИМИ ЮБИЛЕЯМИ (1988–2013 гг.)**

M. Г. Станчев, С. Ю. Страшнюк

Станчев, М. Г., Страшнюк, С. Ю. Продовжуючи наукову традицію: харківська болгаристики між дриновськими ювілеями (1988–2013 рр.)

Прослідовується розвиток харківської школи болгаристики за чверть століття між Першими (1988) та Сьомими (2013) Дриновськими читаннями, що в умовах незалежної України перетворилися на найвагоміший форум учених-болгаристів на теренах Східної Європи. Аналізуються науковий доробок харківських археологів, істориків, культурологів та політологів; розкривається науково-організаційна діяльність Центру болгаристики та балканських досліджень імені Марина Дринова, котрий функціонує як структурний підрозділ Науково-дослідної частини Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна, протягом 2006–2013 рр.

Ключові слова: болгаристика, Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, Центр болгаристики та балканських досліджень імені М. Дринова.

Станчев, М. Г., Страшнюк, С. Ю. Продолжая научную традицию: харьковская школа болгаристики между дриновскими юбилеями (1988–2013 гг.)

Прослеживается развитие харьковской школы болгаристики за четверть столетия между Первыми (1988) и Седьмыми (2013) Дриновскими чтениями, которые в условиях независимой Украины превратились в наиболее крупный форум ученых-болгаристов Восточной Европы. Анализируются научные достижения харьковских археологов, историков, культурологов и политологов; раскрывается научно-организационная деятельность Центра болгаристики и балканских исследований имени Марина Дринова, функционирующего в качестве структурного подразделения Научно-исследовательской части Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, на протяжении 2006–2013 гг.

Ключевые слова: болгаристика, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, Центр болгаристики балканских исследований имени М. Дринова.

Stanchev, M. G., Strashniuk, S. U. The continuity of scientific tradition: Bulgarian Studies Kharkov School between anniversaries of M. Drinov (1988–2013)

Tracing the development of the Bulgarian Studies Kharkov school a quarter century between the First (1988) and Seventh (2013) Drinovs reading, shows that independent Ukraine has become the largest forum of Bulgarian scientists in Eastern Europe. Analyses of the scientific achievements of Kharkov archaeologists, historians, political scientists and culture studies are made; expanded scientific and organizational activities of the M. Drinov Bulgarian Studies and Balkan Research Centre, which functions as a structural unit of the Scientific and research part of the Kharkov National University V. N. Karazin over the 2006–2013 period.

Keywords: Bulgarian Studies, V. N. Karazin Kharkov National University, M. Drinov Bulgarian Studies and Balkan Research Centre.

Выбирая хронологические рамки статьи, за точку отсчета мы взяли осень 1988 года, когда широко отмечалось 150-летие Марина Дринова – выдающегося болгарского ученого, связавшего большую часть своей жизни с Украиной. В рамках юбилейных конференций, состоявшихся четверть века назад в Харькове и Софии¹, были заслушаны и доклады авторов настоящей публикации, пытавшихся проследить влияние М. Дринова на развитие болгаристики в Российской империи² и на Харьковщине – с момента зарождения до конца 1980-х гг.³.

С тех пор прошло достаточно времени, чтобы попытаться подвести итог следующему этапу. За прошедшие десятилетия не только появились новые темы исследований, новые имена ученых-болгаристов, но и произошли кардинальные общественно-политические трансформации, связанные с падением коммунистических режимов в Центральной и Юго-Восточной Европе, провалом попытки модернизации СССР в годы горбачевской перестройки и обретением Украиной суверенитета. Тектонические геополитические сдвиги рубежа 1980–1990-х гг. сопровождались изменением методологической парадигмы общественных наук, открытием границ, спецхранов библиотек и засекреченных ранее архивных фондов, появлением Интернета. Указанные перемены затронули и Харьковский

университет, получивший в 1999 г. статус национального и имя его основателя Василия Назаровича Каразина, балканские корни которого всегда стимулировали интересученых к южным славянам.

Государственная независимость принесла с собой не только раскрепощение научной мысли и новые возможности для исследовательской деятельности, но и проблемы, среди которых едва ли не главной стало недостаточное финансирование науки. Тем не менее харьковская школа болгаристики пережила тяжелые 1990-е, получив дополнительный импульс для развития с созданием в 2005 г. Центра болгаристики и балканских исследований имени М. Дринова.

Для того, чтобы говорить о научной школе, кроме высоких достижений в той или иной отрасли знания и наличия организационного, координирующего центра, необходимо по крайней мере еще два признака: общность тематики и преемственность поколений по линии учитель-ученик. У нас есть все основания полагать, что сообщество харьковских болгаристов, ядром которого являются ученые Каразинского университета, соответствует вышеназванным критериям. С рубежа 90-х годов прошлого века в данном сообществе как раз происходила смена поколений по всем хронологическим срезам исторической болгаристики. Сразу сделаем оговорку, что это понятие мы трактуем в широком смысле, включая и эпоху античности, представленную многочисленными памятниками на территории современной Болгарии, и протоболгарскую проблематику, которая выходит за географические рамки Балканского полуострова.

В советское время фундамент изучения античной истории Балкан, а точнее экономических и культурных контактов жителей фракийских земель с населением Северного Причерноморья вообще и Херсонеса Таврического в частности, заложил профессор **В. И. Кадеев** (1927–2012), бывший в 1978–1982 гг. деканом исторического факультета и в течение почти 30 лет (1978–2007) заведующим кафедрой истории древнего мира и средних веков ХНУ имени В. Н. Каразина. Помимо цикла статей по указанной проблеме, написанных самостоятельно или в соавторстве⁴, он возглавлял редколлегию первых выпусков «Болгарского ежегодника»⁵. В 2000 г. увидели свет его «Болгарские дневники»⁶, на страницах которых автор поделился впечатлениями о трех командировках в Болгию (1981, 1989 и 1990 гг.), связанных с его научными интересами и юбилейными торжествами в селе Дриново Поповской общине. Несмотря на специфику жанра, в книге не только нашли отражение зарисовки из повседневной жизни болгар при социализме и в переходной период после отставки Т. Живкова, но и заинтересованный, порою весьма критичный, взгляд ученого на академическую науку НРБ, существовавшую тогда систему подготовки кадров историков и археологов. Впечатляет, конечно, отличное знание фракийских, греческих, римских и раннеболгарских памятников, истории их археологических исследований. Как отметил один из рецензентов, «это своего рода гимн науке археологии, которая не имеет ни территориальных, ни хронологических рамок»; «впервые появилась работа, совмещающая «путевые заметки» с серьезным всесторонним анализом научных проблем»⁷. О поездках в Болгию, во время которых профессору удалось посетить Софию, Кюстендил, Пауталию, Никополис ад Иструм, Пловдив, Старую Загору, Варну и другие города, тепло вспоминал Владимир Иванович и в своих мемуарах, изданных посмертно⁸.

В последние годы жизни В. И. Кадеев обратился также к истории научных связей Харьковского и Софийского университетов⁹, но главная его заслуга, на наш взгляд, состоит в том, что он оставил после себя плеяду талантливых учеников, которые избрали в качестве объекта исследования античную историю Балканского полуострова. Один из них, **А. П. Мартемьянов**, вырос в крупного специалиста по аграрной истории и социальной стратификации Нижней Мезии и Фракии в римскую эпоху, защитив на эту тему в 1990 г. кандидатскую диссертацию¹⁰ и опубликовав около 50 статей¹¹. Венцом его без малого 30-летних исследований стала изданная в 2012 г. монография «Общинные отношения Нижней Мезии и Фракии в первых веках нашей эры»¹². Собрав и обобщив сведения о достоверно известных почти сотне поселений сельского типа, доцент А. П. Мартемьянов определил их территориальные границы, систему налогов и повинностей крестьянства, дал глубокий анализ общинных порядков, деревенского быта и самоуправления восточно-балканских провинций Рима.

Социальную жизнь в греческих городах Западного и Северного Понта на протяжении всей античной эпохи изучает **О. А. Ручинская**, тоже ученица профессора В. И. Кадеева. В

ее кандидатской диссертации¹³ и других трудах¹⁴ на примере т. н. пентаполиса – Одессос, Томи, Истрия, Каллатис, Дионисополь – исследованы особенности социокультурной жизни на этой периферии античного мира – гражданское право, общественные религиозные обряды, коллективное проведение досуга, в том числе музыкальное искусство и театр. Эту традицию продолжает ее аспирантка **Е. В. Семененко**, работающая над темой «Храмовая медицина в античных городах Северного и Западного Причерноморья в I – III веках н. э.». Результаты ее поисков в запасниках Варненского археологического музея летом 2013 г. позволяют надеяться на успешное завершение научного проекта.

Усилиями еще одного воспитанника В. И. Кадеева **С. Б. Сорочана**, ныне профессора, заведующего кафедрой истории древнего мира и средних веков, в стенах Харьковского университета возродилась школа византиноведения, к формированию которой в XIX в. был причастен и Марин Дринов¹⁵. Спецификой ее современного состояния является приоритетное внимание к социально-экономическим проблемам византийского общества и государства, организации и функционирования рынка, внутренней и внешней торговли. В ряде статей Сергея Борисовича¹⁶ и его бывшего аспиранта, а теперь доцента **А. Н. Домановского** в числе других проанализированы проблемы торгово-экономической политики Византии в Нижнем Подунавье, исподволь подготовившей завоевание Болгарии Константинополем в XI ст.¹⁷. Проф. С. Б. Сорочан внес также свою лепту в изучение салтово-маяцкой культуры, ее южного варианта, связанного с деятельностью в Крыму праболгар и других тюркотов¹⁸.

В этой связи хотели бы подчеркнуть, что памятники салтовской археологической культуры VIII–X вв. являются объектом исследования вот уже более 100 лет. С начала 1960-х гг. их изучением занималась Средневековая экспедиция Харьковского государственного университета под руководством доцента, а затем профессора **В. К. Михеева** (1937–2008), который на рубеже веков возглавил Международный центр хазароведения Харьковского филиала Международного Соломонова университета. Полевые работы, начатые в советское время, не прекращались и в дальнейшем, охватив целые археологические комплексы, состоящие из городищ, селищ, грунтовых и курганных могильников: Залиман (1969), Суха Гомольша (1974–1982), Старый Салтов (1982), Червона Горка (1984–1994), Червона Гусаровка (1994–1998), Маяки, Метайлловка (2000–2004), Пятницкое (2006) и др.¹⁹. Все они имели важное значение для решения сложной проблемы состава населения Северо-Западной Хазарии, вызывающей неутихающие дискуссии. Владимир Кузьмич уверенно выделял среди его этнических компонентов болгар, обитавших главным образом в степной полосе, в том числе на территории современной Харьковской области. Свои многолетние наблюдения он обобщил в кандидатской диссертации «Основные ремесленные производства болгаро-аланского населения Подонья в VIII – X вв.» (1968) и докторской «Экономика и социальные отношения у населения салтово-маяцкой культуры Подонья – Приазовья (середина VIII – середина X в.)» (1986)²⁰, а список трудов ученого, представленный в посвященном его памяти восьмом томе «Хазарского альманаха», составил 223 позиции²¹.

В контексте нашей статьи особенно важным представляется то, что под его руководством путевку в большую науку получили несколько талантливых историков и археологов. Один из них, **А. В. Крыганов** (1955–2008), будучи компетентным специалистом-оружиеведом, наиболее полно систематизировал вооружение, доспехи и конское снаряжение раннесредневековых болгар Северного Причерноморья²². Несомненный интерес представляет изучение погребальной обрядности праболгар в интерпретации **В. С. Аксенова** (Харьковский исторический музей)²³, равно как и попытка выделения **В. В. Колодай**, доцентом Харьковского национального педагогического университета (ХНПУ) имени Г. С. Сковороды, этнических маркеров присутствия праболгарского этноса через археологический материал поселенческих памятников салтовской культуры²⁴. В. В. Колоде, видному специалисту в области металлургии Днепро-Донского междуречья второй половины I тыс. н. э., принадлежит заслуга открытия новых чернometаллургического центров болгарского населения (у с. Фащевка Перевальского района Луганской области, с. Богородичное Донецкой области) и общая характеристика этого ремесла у праболгарских племен; исследовал он и взаимовлияния славянской (северской) и алано-болгарской керамической традиции конца X в. в Днепровском лесостепном Левобережье²⁵.

Среди учеников В. К. Михеева наиболее весомо заявил о себе **А. А. Тортика**, защитивший в январе 2000 г. кандидатскую диссертацию «Историческая география и на-

селение Великой Болгарии (630–660 гг. н. э.)». Применив новую методику исторического исследования кочевых обществ, он локализовал границы и просчитал экологически возможную численность населения конфедерации четырех племен во главе с ханом Кубратом – 140–200 тысяч человек. Исходя из этого, определялась и численность орды Аспаруха, основавшего Дунайскую Болгию, – 35–50 тысяч человек²⁶.

Профессор В. К. Михеев был также научным консультантом докторской диссертации А. А. Тортики «Алано-болгарское население Северо-Западной Хазарии в этносоциальном и geopolитическом пространстве юга Восточной Европы», защищенной в марте 2007 г.²⁷. Тщательный анализ комплекса письменных, нумизматических и археологических источников позволил Александру Александровичу воссоздать целостную картину развития населения Подонья-Придонечья в рамках военно-политической и государственной структур Хазарского каганата. Им, в частности, подмечено, что протоболгарские группы этого региона вплоть до третьей четверти X в. сохраняли элементы племенной организации и этнической специфики – иранской (позднесарматской), тюркской, угорской, проявляющейся в чертах погребального обряда. Представляется важным и вывод ученого относительно завершения в конце IX – X вв. периода самостоятельного исторического развития протоболгарских родов, чьи отдельные представители вливаются в состав угорских и печенежских племен. Впрочем, А. А. Тортика допускает, что какая-то часть протоболгар и в период хазарского господства, и после прихода печенегов сохраняла собственное племенное устройство и военный потенциал. Именно они, по предположению ученого, фигурируют в письменных источниках как Черная Болгария, которая в середине X в. была в состоянии «воевать хозар». Эти и другие интересные наблюдения особенностей существования и этнического происхождения протоболгарской составляющей салтовской культуры содержатся в его фундаментальной монографии «Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.)» и цикле статей²⁸.

Отдавая должное харьковским античникам и медиевистам, подчеркнем однако, что в последние десятилетия существования Советского Союза харьковская болгаристика ассоциировалась прежде всего с именами **С. И. Сидельникова** (1916–1977), **Г. Н. Попова** (1925–1988) и **Г. И. Чернявского** (1931 г. р., с 1996 г. проживает в Балтийморе, штат Мэриленд, США) – видных специалистов по истории болгарского Возрождения, рабочего движения межвоенной Болгарии и режима «народной демократии» в этой стране. Каждый из них оставил неизгладимый след в истории отечественной болгаристики как своими трудами²⁹, так и неутомимой педагогической и научно-организационной деятельностью. Ее результатами, в частности, стало проведение в Харькове III Республиканской славистической конференции (1960), V (1970) и X (1985) Всесоюзных научных конференций историков-славистов; Первых Дриновских чтений (1988)³⁰, международной конференции «Харьков и Болгария», состоявшейся в Болгарском культурно-информационном Центре в Москве в ноябре 1990 г.³¹, Второй всесоюзной конференции по болгаристике (1991)³².

Профессор Г. Н. Попов, работавший в Харьковском государственном университете имени А. М. Горького с 1954 г., а последние 10 лет жизни руководивший кафедрой новой и новейшей истории, причастен, как научный редактор и автор предисловия, к изданию библиографического указателя «Марин Дринов». Этот результат сотрудничества Центральной научной библиотеки Харьковского государственного университета (ЦНБ) и Народной библиотеки имени Кирилла и Мефодия был издан в Софии уже после его смерти, в 1990 г.³³. Поэтому в автографатах кандидатских диссертаций **А. И. Тумакова**³⁴ и **А. П. Чижова**³⁵ имя научного руководителя указано в траурной рамке. Первая из указанных диссертаций называлась «Болгаро-советское сотрудничество на интеграционных объектах в СССР (1967–1985 гг.)»; во второй исследовалась деятельность в Болгарии после 1878 года российских революционеров – от народников до большевиков, что нашло отражение также в ряде публикаций³⁶.

Под руководством профессора Г. Н. Попова в первой половине 1980-х гг. свои диссертационные работы, посвященные роли общественных организаций – молодежных и творческих союзов – в советско-болгарском культурном сотрудничестве³⁷, защитили и авторы настоящей статьи. В дальнейшем доцент **С. Ю. Страшинюк** написал немало работ по различным аспектам болгаристики – от истории ее становления в Харьковском императорском университете до формирования политической оппозиции режиму Т. Живкова в

Народной Республике Болгарии, отдав должное и истории болгарской диаспоры в Украине³⁸. Его перу принадлежат также соответствующие главы в учебниках по истории западных и южных славян (Харьков, 1998) и стран Центрально-Восточной Европы (Львов, 2001)³⁹.

Центральной темой научного творчества **М. Г. Станчева** стала политическая деятельность Крыстю (Христиана) Раковского – видного деятеля болгарской и международной социал-демократии, премьер-министра Советской Украины в 1919–1923 гг., известного дипломата. Этой незаурядной личности посвящена его докторская диссертация, защищенная 16 марта 2000 г. в Специализированном совете Института истории Болгарской академии наук⁴⁰, и четыре монографии, написанные в соавторстве с «патриархом» харьковской болгаристики Г. И. Черняевским или самостоятельно⁴¹. В жанре биографии М. Г. Станчев подготовил еще несколько фундаментальных книг, в том числе о В. Н. Каразине – основателе Харьковского университета, его болгарских предках и потомках⁴². Будучи этническим болгарином, Михаил Георгиевич не только исследовал генеалогию своего рода⁴³, но и успешно работает над фундаментальным научным проектом «Болгары в Российской империи, странах Балтии и СНГ», в первом томе которого собраны статистические материалы, начиная с XVIII в.⁴⁴. В издательстве Великотырновского университета имени Святых Кирилла и Мефодия готовится к печати второй том, содержащий краткие биографии известных представителей болгарской диаспоры, в работе находится и том третий, в котором будут собраны сведения об истории болгарских городов и сел, сохранившихся на постсоветском пространстве. Более полное представление о творческом портрете ученого можно почерпнуть из биобиблиографии, изданной к его 60-летию⁴⁵. За вклад в развитие исторической болгаристики М. Г. Станчев награжден высшей наградой Болгарской академии наук – Золотой медалью имени М. Дринова (2006), избран Иностранным членом БАН (2013)⁴⁶.

К ученикам профессора Г. И. Черняевского относятся профессор **Н. Н. Канистраненко**, ныне проректор Харьковской государственной академии культуры (ХГИК), а также заведующий кафедрой истории Украины и всеобщей истории этого вуза профессор **С. В. Потрашков**, защитившие в 1989 г. свои кандидатские диссертации на темы (соответственно): «Пропаганда идей марксизма-ленинизма в изданиях революционных организаций Болгарии (1926 – 1934 гг.)»⁴⁷ и «Политика англо-американских империалистов в отношении Болгарии 1944 – 1945 гг.»⁴⁸. Нетрудно заметить, что даже на формулировках названий лежит печать времени. В более поздних работах того же С. В. Потрашкова, защитившего в 2006 г. докторскую диссертацию «Болгария в балканской политике ведущих держав антигитлеровской коалиции (1941–1945 гг.)»⁴⁹, освещаются перипетии борьбы вокруг политического будущего Третьего Болгарского царства. Его монография «Антигитлеровская коалиция и Болгария»⁵⁰ получила высокую оценку рецензентов⁵¹. Продолжая разрывать различные аспекты этой темы⁵², Сергей Васильевич обратился также к деятельности видного болгарского полководца на русской службе генерала Радко Димитриева⁵³.

Если говорить о следующем поколении харьковских болгаристов, сформировавшимся уже в условиях независимой Украины, то их научные интересы концентрируются вокруг таких проблем:

- переселение болгар в Российскую империю и их обустройство на новых землях, в том числе историографическое осмысление этого явления, чему посвящены защищенные в 1997 г. кандидатские диссертации **В. В. Туркова**, работающего по окончании аспирантуры доцентом кафедры истории Украины Сумского национального педагогического университета имени А. С. Макаренко («Политика России относительно переселения и обустройства бессарабских болгар на южноукраинских землях. 1856 – 1871 гг.»)⁵⁴, и **В. В. Михеевой** («Болгары юга Украины и Молдовы в историко-этнографической литературе конца XVIII – XX вв.»)⁵⁵;
- различные аспекты болгарского национального вопроса, который находился в фокусе диссертационных исследований **В. А. Бурбыги** «Македонский вопрос в российском славяноведении и публицистике (1893–1912 гг.)»⁵⁶ и «Македонский вопрос в международных отношениях 1913–1920 гг.» **О. Н. Гуриновой**⁵⁷, защищенных соответственно в 1997 и 2013 гг. и частично опубликованных в виде научных статей⁵⁸.

Весомый вклад в изучение этой проблемы внесли также доценты **М. В. Лобанова (Тортика)**⁵⁹ и **Д. В. Миколенко**⁶⁰, сосредоточившие свое основное внимание на характеристике партийно-политической структуры Болгарского государства Нового времени

и его основных политических платформ – социал-демократической⁶¹, консервативной и либеральной⁶². Оба вплотную продвинулись к докторским проектам, посвященным идеино-организационному размежеванию в болгарской «левице» конца XIX – начала XX в. (М. В. Тортка) и политическому наследию Стефана Стамболова в болгарском государственном строительстве 1895–1920 гг. (Д. В. Миколенко).

Некоторые из указанных диссертаций – В. А. Бурбыги, В. В. Михеевой⁶³ – выполнены на стыке всеобщей истории и истории науки или же непосредственно по специальности «историография». К числу последних принадлежит и диссертационное исследование **А. А. Сайпановой** о научно-педагогической деятельности С. И. Сидельникова – крупного специалиста по истории болгарского национально-освободительного движения XIX века⁶⁴. Автору удалось раскрыть творческий потенциал ученого на фоне советской и современной историографии⁶⁵.

В этом контексте заслуживает быть отмеченным и творчество профессора ХГАК **С. И. Лимана**, немало своих трудов посвятившего процессу изучения различных аспектов истории I и II Болгарского царств в университетах Российской империи, украинской Кирилло-Мефодиане, творческим портретам отдельных славистов⁶⁶. Чаще других пристальное внимание харьковских ученых привлекала многогранная личность Марина Дринова⁶⁷. Особенно большую археографическую работу по выявлению его эпистолярного наследия провели профессор ХНУ **С. И. Порохов** и доцент **В. Ю. Иващенко**⁶⁸, что стало этапом реализации совместного проекта с Институтом исторических исследований БАН «Эпистолярное наследие Марина Дринова».

Под влиянием «болгарофильской» научной среды даже, казалось бы, далекие от балканстики харьковские ученые обнаружили болгарские мотивы в своем творчестве⁶⁹. В частности, бесспорной научной новизной отмечены статьи профессоров **С. А. Наумова** и **Д. М. Чорного**, проанализировавших влияние болгарского опыта освободительной борьбы на украинский «национальный проект»⁷⁰. Неизменно популярным объектом исследования остается русско-турецкая война 1877–1878 гг., принесшая освобождение Болгарии от османского господства⁷¹. Среди многочисленных трудов на эту тему выделим цикл статей доцента ХНПУ имени Г. С. Сковороды **О. А. Гокова**⁷². Внимание широкой читательской аудитории привлекла также осуществленная соискателем кафедры истории России ХНУ **Н. Н. Воробьевой** публикация мемуаров графини Салинас де Турнемир, «русской Жорж Санд», как ее называли современники, позволяющие взглянуть на историю этой войны глазами не профессионального военного или дипломата, а частного лица, наделенного художественным талантом⁷³. Несомненный интерес представляет и другое археографическое издание Н. Н. Воробьевой, где, наряду с уже известными источниками, впервые вводятся в научный оборот документы из архивов Киева, Запорожья, Николаева, Одессы, Севастополя, Харькова, Херсона и Чернигова о значительном вкладе украинцев в победу русского оружия и освобождение Болгарии⁷⁴.

По достоинству были оценены историками труды доктора социологических наук, профессора Национального университета МВД **Н. Н. Сапы**, проливающие свет на малоизвестные страницы деятельности Христиана Раковского, Серафима Мицева и других болгарских политэмигрантов 1920–1930-х гг. в Украине⁷⁵. Одновременно с ним, на рубеже 1990-х гг., начала свой путь в науку **Е. Н. Тодорова**, подготовившая диссертационное исследование «Формирование системы непрерывного библиотечного образования в Народной Республике Болгарии (1944–1989 гг.)»⁷⁶. В этой работе рассматриваются теоретические предпосылки и условия развития библиотечной профессии и системы подготовки библиотекарей в НРБ, основные звенья базового и дополнительного библиотечного образования, их взаимосвязь и преемственность, пути совершенствования. По материалам исследования были подготовлены программа спецкурса «Современное состояние и перспективы развития библиотечного дела и подготовки библиотекарей» для болгарских студентов, обучавшихся в Харьковской государственной академии культуры (ХГАК), а также методическое пособие «Единая сеть библиотек в Болгарии»⁷⁷.

Болгарские сюжеты прослеживаются также в трудах искусствоведов⁷⁸ и политологов⁷⁹. Один из них – **А. И. Романюк**, ныне профессор ХГАК, – свои монографию и докторскую диссертацию посвятил анализу трансформационных процессов в странах, которые на рубеже 1980–1990-х гг. освободились от коммунистических режимов⁸⁰. Посткоммунистический транзит Болгарии автор относит, в соответствии с траекторией его развития,

к модели прямого перехода от тоталитаризма к демократии. Оценивая исходную позицию болгарского перехода, он убедительно опровергает превалировавшую среди представителей общественных наук НРБ мысль об оригинальном происхождении коммунистического режима в этой балканской стране. Вместе с тем в монографии обращается внимание на следующее обстоятельство: успешный, хотя и небезболезненный, транзит Болгарии к плюралистической демократии в значительной степени обусловлен становлением конституционализма, парламентаризма и многопартийной системы в докоммунистический период. О востребованности болгарского опыта в современной Украине, охваченной «революцией сознания», свидетельствует и тема круглого стола, состоявшегося 19 февраля 2014 г. в Центре украинских студий имени Д. И. Багалея: «Проблема государственного строительства в национальных нарративах: украинском, белорусском и болгарском». В частности, оживленную дискуссию вызвал доклад доцента Д. В. Миколенко «Тиран или национальный герой: противоречивый образ Стефана Стамболова в историографии и публицистике периода Третьего Болгарского царства».

Харьковским ученым принадлежит безусловный приоритет и в создании коммуникативной системы болгаристики на постсоветском пространстве. Авторы настоящей статьи были в числе инициаторов учреждения **Межреспубликанской научной ассоциации болгаристов (МНАБ)**, которая была создана на закате перестройки, в феврале 1991 г., во время Второй всесоюзной конференции по болгаристике (II Дриновских чтений)⁸¹. На счету этой организации, которую возглавил профессор Г. И. Чернявский, – ряд крупных международных форумов, в том числе Третий Дриновские чтения⁸², научная конференция «Тоталитаризм и антитоталитарные движения в Болгарии, СССР и других странах Восточной Европы»⁸³, а также учреждение **«Болгарского ежегодника»**. Первый том его вышел в 1994 г. в Харькове, второй – в Софии при поддержке Культурно-просветительного центра «Васил Априлов» Министерства просвещения Болгарии. Начиная с 1998 г., это издание выходило под эгидой Киевского славистического университета, хотя вплоть до пятого тома харьковская часть редколлегии оказывала заметное влияние на содержание ежегодника (сейчас в нем превалирует филологическая тематика). Вскоре после организованных МНАБ в Санкт-Петербурге Державинских чтений (1996) эта общественная организация прекратила свое существование, как и многие другие начинания в рамках СНГ, сыграв определенную роль в поддержании научных контактов между учеными России, Украины, Белоруссии, Молдовы и Болгарии; однако некоторые ее региональные организации, например, в Молдове и Одессе, продолжают успешно работать до сих пор.

В Харькове же по инициативе ректора Каразинского университета профессора В. С. Бакирова, ныне академика НАН Украины, нашли иную форму организации науки, создав в 2005/2006 учебном году Центр болгаристики и балканских исследований имени М. Дринова (директор – С. Ю. Страшнюк). Его официальное открытие состоялось 28 февраля 1906 г., в день сотой годовщины со дня смерти болгарского ученого. К этой дате были приурочены IV Дриновские чтения на тему «Харьковская школа болгаристики и византиноведения: прошлое, настоящее, будущее». Эти мероприятия послужили поводом для приглашения высоких гостей – Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Болгария в Украине Ангела Ганева, Председателя БАН академика Ивана Юхновского, ректора Великотырновского университета профессора Ивана Харалампиева и др.⁸⁴.

С тех пор Центр, являясь структурным подразделением Научно-исследовательской части университета, работает на основании утвержденного «Положения», где сформулированы его основные цели и задачи:

- **поддерживать** традиции научной болгаристики посредством разработки приоритетных направлений, в частности изучения истории и культуры болгарской общности в Украине;
- координацию научной деятельности и концентрацию усилий на актуальных направлениях балканистических и византиноведческих исследований в пределах Украины;
- проведение научных семинаров, симпозиумов, конференций, чтений, «круглых столов» по актуальным проблемам болгаристики и балканистики;
- **содействовать** обмену преподавателями, научными сотрудниками, докторантами и аспирантами с научно-образовательными заведениями Болгарии и других стран Юго-Восточной Европы;

- **оказывать** помощь студентам, аспирантам и другим заинтересованным лицам в овладении южнославянскими, ново- и древнегреческим языками, усовершенствованием навыков их использования;
- в организации конкурса студенческих работ по кирилло-мефодиевской тематике;
- комплектовании научной библиотеки, архива и накопления банка данных в области болгаристики и балканстики;
- установлении непосредственных контактов с университетами, академическими институтами гуманитарного профиля, библиотеками, музеями, издательствами Болгарии и других стран с целью реализации совместных проектов⁸⁵.

Разумеется, задачи научного менеджмента решаются в непосредственной связи с другими подразделениями университета, прежде всего с ЦНБ, историческим и филологическим факультетами, Центром краеведения имени академика П. Т. Тронько. В последнее время удалось также привлечь к сотрудничеству философов и политологов, в том числе наших выпускников из других вузов Харькова. Эффективность работы Центра во многом объясняется и тем, что при нем удалось создать неформальный Научный совет, председателем которого является профессор М. Г. Станчев. В Совет входит до 25 человек – докторов и кандидатов наук, главным образом историков и археологов из различных вузов Харькова.

В Центре сосредоточена уникальная библиотека научной литературы (более 4000 томов), в основном на болгарском и сербском языках. Она ежегодно пополняется на 150–200 наименований книг и журналов, не в последнюю очередь благодаря сотрудничеству с Сербской национальной библиотекой в Белграде. Естественно, в полной мере нами используются возможности международных договоров, которые существовали до 2006 г., – с Великотырновским и Софийским университетами Республики Болгария, Афинским университетом имени И. Каподистрии (Республика Греция), и новых, к подписанию которых Центр так или иначе причастен, – договоров о сотрудничестве с БАН, Институтом национального и мирового хозяйства в Софии, Белградским и Новипазарским государственными университетами Республики Сербия, университетами г. Штип (Республика Македония) и г. Тузла (Босния и Герцеговина).

Отдельная страница в деятельности Центра и университета в целом – отношения с общиной Панагюриште. В 2007 г. они поднялись на новый уровень благодаря подписанию Договора о сотрудничестве, который, среди прочего, предусматривает финансовую поддержку в издании «Дриновского сборника». По приглашению мэра Георги Гергинекова и президиума БАН делегация ХНУ имени В. Н. Каразина во главе с ректором проф. В. С. Бакировым 20–23 октября 2008 г. посетила родину М. Дринова в связи с чествованием 170-летия со дня его рождения, а в апреле 2010 г. по случаю VI Дриновских чтений уже харьковчане принимали делегацию общины Панагюриште. С ее нынешним мэром Николай Белишки личные контакты были установлены во время посещения Болгарии в мае 2013 г. проректором Каразинского университета академиком НАН Украины Н. А. Азаренковым и директором Центра «Марин Дринов» доцентом С. Ю. Страшнюком.

Если кратко охарактеризовать деятельность Центра, то самым большим достижением считаем восстановление традиции, заложенной еще в 1988 г. – проведение Дриновских чтений⁸⁶. Благодаря совместным усилиям сотрудников Центра и исторического факультета ХНУ они превратились в крупнейший за пределами Болгарии научный форум в области исторической болгаристики, собирая от 60 до 100 ведущих и молодых ученых. Осенью 2007 г., например, в фокусе их внимания находилась тема «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и историческая судьба болгарского народа», в апреле 2010 г. – «Болгария – Украина: от евразийских империй к Европейскому Союзу (XVIII – начало XXI в.); VII Дриновские чтения, состоявшиеся 15–16 октября 2013 г., были приурочены к 175-летию со дня рождения М. Дринова.

Как правило, по итогам Чтений, согласно договору с софийским Академическим издательством «Проф. Марин Дринов», издается «Дриновский сборник» (председатель редакционного совета – М. Г. Станчев, главный редактор – С. Ю. Страшнюк) – орган Центра и одновременно Комиссии историков Украина – Болгария, получивший высокую оценку болгарских коллег⁸⁷. На сегодня уже издано шесть томов (общим объемом более 180 п. л.)⁸⁸.

Этим не ограничивается наша издательская деятельность. Кроме авторских монографий, выходящих под эгидой Центра, в тесном сотрудничестве с ЦНБ университета опубликовано несколько библиографий, авторы одной из которых стали лауреатами

университетской премии имени К. И. Рубинского за вклад в развитие теории и практики библиотечного дела⁸⁹. В 2008 г. харьковская школа исторической болгаристики была представлена пятью статьями на страницах «Списание на БАН» – журнала Болгарской академии наук⁹⁰. По предложению академика Ячко Иванова, главного редактора этого авторитетного издания, в номерах 5 и 6 за 2010 г. Центр «Марин Дринов» познакомил болгарскую научную общественность с региональными школами болгаристики в Украине: харьковской, киевской, одесской, запорожской, донецкой, львовской и черновицкой⁹¹. В болгарских средствах массовой информации находили также отражение такие знаковые события, как награждение Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина высшим отличием БАН – Почетным плакетом имени М. Дринова (2005), вручение Золотой медали имени М. Дринова его ректору – академику В. С. Бакирову (2006), присвоение почетного звания *doctor honoris causa* ХНУ имени В. Н. Каразина Председателю БАН академику И. Юхновскому и др.

С 2007 г. Центр инициировал также проведение ежеквартальных семинаров, которые чаще всего «привязываются» к памятным датам болгарского календаря – 3 марта (День освобождения от османского ига), 24 мая (День славянской письменности, болгарского образования и культуры), 22 сентября (День независимости) и 1 ноября (День будителей нации). На сегодня состоялось свыше 20 тематических семинаров, охватывающих самые разнообразные проблемы – от античности и средневековья до истории XX века. Последний из них, посвященный 160-летию со дня рождения Стефана Стамболова, 1 марта 2014 г. собрал в одной аудитории около 30 болгаристов и болгар, членов Харьковской городской ассоциации болгарской культуры имени М. Дринова.

Промежуточной (по масштабам) формой между Дриновскими чтениями и научными семинарами являются международные симпозиумы: «Русско-турецкая война 1828–1829 гг. и Балканы» (2009), «Протоболгары в этносоциальных структурах Средневековья» (2010), «Фракийские земли и Северное Причерноморье в античную эпоху» (2011), «*Nomo byzantinus* среди идей и вещей» (2011), «Османский фактор в истории Восточной и Юго-Восточной Европы Нового времени» (2014) и др. Так или иначе болгарские сюжеты были затронуты и во время Дней науки Македонии в Украине, проходивших в Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина в сентябре 2012 г., материалы которых составят шестой том «Українсько-македонського наукового збірника» (Киев, 2014).

Довольно часто в Центре проходят презентации вышедших книг с участием авторов: дважды с этой целью приезжал из Балтимора в Харьков профессор Университета Джонса Гопкинса Г. И. Чернявский, дабы представить свои монографии «Опыт беды и выживания: Судьба евреев Болгарии в годы Второй мировой войны» и «Троцкий, Болгария и болгары»; известная журналистка Калина Канева, презентовавшая книгу «И. П. Игнатиев – графът на българите» (в русском издании – «Рыцарь Балкан граф Игнатьев»); выпускник исторического факультета ХГУ 1970 г., а нынче директор Российского института стратегических исследований Л. П. Решетников представлял свою книгу «Русский Лемнос», а его супруга к. и. н. Ольга Решетникова – книгу «Русская церковь в Софии». Во время VII Дриновских чтений, 15 октября 2013 г., имели возможность представить свои книги в. н. с. Института всеобщей истории РАН профессор С. И. Муртузалиев («Болгария в тени полусенца: Изучение истории Болгарии и Османской империи в России (XV – первая половина XIX в.)») и правнук М. Дринова, врач по профессии, А. А. Сафонов-Дринов («Взгляд из окопа: По следам моего прадеда»). Последняя, только что вышедшая из печати в Воронеже и переизданная в Софии Академическим издательством «Проф. Марин Дринов», представляет собой мемуары Александра Александровича Дринова, прошедшего через горнило Второй мировой войны, и собственное исследование автором генеалогии рода Дриновых.

Наконец, очень большое значение придается нами стимулированию студентов к занятию научной деятельностью в этой области гуманитарного знания, для чего восемь лет назад по инициативе В. Ю. Саленкова, председателя Харьковского областного отделения Ассоциации болгар Украины, была учреждена премия имени М. Дринова – за лучший доклад по истории Болгарии на ежегодной международной конференции молодых ученых «Каразинские чтения». Ее лауреаты уже заявили о себе первой пробой пера⁹², а Д. В. Миколенко, А. А. Сайпанова и О. Н. Гуринова под руководством доцента С. Ю. Страшнюка защитили кандидатские диссертации. С недавних пор существует и учрежденная М. Г. Станчевым премия Центра болгаристики и балканских исследований имени М. Дринова,

которая раз в три года вручается молодым ученым за лучшее диссертационное или монографическое исследование по балканистике. Первым ее лауреатом стал Дмитрий Миколенко, ныне доцент кафедры новой и новейшей истории ХНУ имени В. Н. Каразина, за книгу «Правоцентристские партии в системе власти Княжества Болгария (конец XIX – начало XX в.)» (Харьков, 2008); в 2010 г. этой премии был удостоен ассистент кафедры истории Центральной и Восточной Европы Львовского национального университета имени Ивана Франко Игорь Шпыйк за диссертационное исследование «Болгаро-украинские религиозно-культурные связи (последняя четверть XIV – первая половина XVII в.)», а в 2013 г. она досталась Оксане Гуриновой, защитившей накануне последних Дриновских чтений кандидатскую диссертацию «Македонский вопрос в международных отношениях 1913–1920 гг.». Еще одной трибуной для молодых болгаристов являются Кирилло-Мефодиевские чтения (КМЧ), которые с 2000 г. ежегодно проводятся в Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина. Материалы Двенадцатых КМЧ, приуроченных к 200-летию академика И. И. Срезневского, основоположника болгаристики в Харьковском императорском университете, составили основу шестого тома «Дриновского сборника» (2013), где впервые столь широко было представлено творчество молодых историков-болгаристов из Болгарии, России и Украины.

Если говорить о проблемах, то главной из них, на наш взгляд, является языковая подготовка, без которой невозможно представить специалиста по соответствующей стране или региону. Эту проблему пока пытаемся решать через командирование студентов, аспирантов, преподавателей на летние семинары по болгарскому языку при Софийском и Великотырновском университетах, а в июне 2013 г. впервые харьковские студенты и аспиранты-балканисты побывали на семинаре по македонскому языку и культуре в Охриде. Однако существенно повлиять на решение проблемы можно лишь путем восстановления в университете кафедры славянской филологии или создания языковых курсов при Центре болгаристики и балканских исследований имени М. Дринова (по примеру Польского центра). Разумеется, следует смелее выходить на международные проекты с учеными из стран Европейского Союза и Российской Федерации, где вместе с болгарскими коллегами мы могли бы стать естественными партнерами в рамках научных программ ЕС и СНГ.

В целом же за 25 лет между дриновскими юбилеями харьковскими учеными опубликовано 14 монографий, более 200 статей, защищено три докторские и 15 кандидатских диссертаций, которые составили весомый вклад в копилку европейской болгаристики. Дополнительный импульс их деятельности придало учреждение Центра болгаристики и балканских исследований имени М. Дринова. Как показало время, новая форма организации науки весьма эффективна. Она дает возможность сконцентрировать интеллектуальные усилия вокруг актуальных проблем, вовлекая в научные проекты исследователей из смежных областей знания; позволяет расширять международные связи университета, поддерживать интерес молодежи к географически и ментально близкому украинцам региону Юго-Восточной Европы, что является залогом сохранения научной школы, дальнейшего развития лучших традиций исторической болгаристики в Харькове.

¹ Чернявский, Г. И., Страшинюк, С. Ю. Първи Дриновски четения в Харьков / Г. И. Чернявский, С. Ю. Страшинюк // Исторически преглед. – 1989. – № 7. – С. 104–107; Станчев, М. Г., Тодорова, Е. Н. 150 лет со дня рождения Марина Дринова // Библиотековедение и библиография за рубежом. Сб. 125. 1990, с. 96–101.

² Станчев, М. Г. Марин Дринов и историческата българистика в Русия в края на XIX и началото на XX век // Материали от българо-съветската научна конференция «150 години от рождението на М. Дринов» и «110 години Народна библиотека Кирил и Методий». Ноември, 1988 г. София, 1989, с. 64–70.

³ Страшинюк, С. Ю. Марин Дринов и формирование харьковской школы исторической болгаристики // Там же, с. 79–96.

⁴ Кадеев, В. И. О культурных связях Херсонеса с Мезией и Фракией в первых веках н. э // Вісник Харківського університету (далее – ВХУ). – 1988. – № 316. Істор. серія. – С. 61–66; Кадеев, В. И. Північне Причорномор'я і Західний Понт: проблема контактів / В. И. Кадеев, С. Б. Сорочан // Археологія. – 1989. – № 4. – С. 91–102; Кадеев, В. И. Фракийцы в Северном Причерноморье в первых веках н. э. / В. И. Кадеев, С. В. Дьячков // Вісник Харківського гаціонального університету імені В. Н. Каразіна (далее – ВХНУ). Серія «Історія», вип. 28. 1994. – № 235 – С. 39–48; Кадеев, В. И. Ветераните от римската армия в Долна Мизия и Тракия през първите векове на новата ера / В. И. Кадеев, А. П. Мартемьянов // Военноисторический сборник. София, 1998. – № 1. – С. 7–17 и др.

- ⁵ Болгарский ежегодник / Болгарський щорічник / Български годишник. Т. 1. Харьков, 1994, 289 с.; Болгарский ежегодник / Болгарський щорічник / Български годишник. Т. 2. Харьков–София, 1996, 432 с.
- ⁶ Кадеев, В. И. Болгарские дневники. Харьков, 2000, 152 с.
- ⁷ Ручинская, О. А. Историческая наука и повседневная жизнь Болгарии глазами харьковского ученого // Болгарский ежегодник / Болгарський щорічник / Български годишник. Т. 5. Київ, 2004, с. 217–220.
- ⁸ Кадеев, В. И. Воспоминания. Харьков, 2013, с. 88–90.
- ⁹ Кадеев, В. И. Письма профессора Харьковского университета Владимира Владиславовича Бузескула к профессору Софийского университета Гаврилу Илиеву Кацарову (1904–1929 гг.). / В. И. Кадеев, А. Н. Токарев // Древности, 2005. Харьков, 2005, с. 310.
- ¹⁰ Мартемьянов, А. П. Сельское хозяйство и аграрные отношения в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1990, 24 с.
- ¹¹ Мартемьянов, А. П. О рабовладельческих отношениях в Нижней Мезии и Фракии в первых вв. н. э. // Социальные структуры и социальная психология античного мира: Докл. конф. Российской ассоциации антиковедов. М., 1993, с. 151–157; его же. Аграрные отношения во Фракии и Нижней Мезии в первых веках н. э. // Вестник древней истории, Москва, 1994. – № 2. – С. 124–142; его же. Из истории земледелия Фракии и Нижней Мезии в первых веках н. э. // Российская археология, Москва, 1995. – № 1. – С. 47–56; его же. Императорские земли в Нижней Мезии и Фракии: локализация, управляющий и рабочий персонал. // Античный мир. Византия: К 70-летию профессора Владимира Ивановича Кадеева. Харьков, 1997, с. 123–129; его же. К вопросу о роли ремесленного производства в жизни фракийских земель в первых веках н. э. // ВХНУ. Серия «Исторія», вип. 33. 2001. – № 526. – С. 30–39; его же. К вопросу о количестве сельских вилл римского времени, найденных на территории современной Болгарии. // ВХНУ, 2003. – № 594. – С. 34–44; его же. Сельская община во фракийских землях в первых веках н. э.: итоги и перспективы изучения. // Древности. Вып. 6. Харьков, 2005, с. 156–164; его же. К вопросу о романизации сельского населения фракийских земель в первых веках н. э. // LAUREA. К 80-летию профессора Владимира Ивановича Кадеева (Сб. научных трудов). Харьков, 2007, с. 57–63; его же. Сельское самоуправление во фракийских землях в первых веках н. э. // Древности. Вып. 8. Харьков, 2009, с. 137–148 и др.
- ¹² Мартемьянов, А. П. Общинные отношения в селах Нижней Мезии и Фракии в первых веках нашей эры. Харьков, 2012, 224 с., ил.
- ¹³ Ручинская, О. А. Суспільне життя в античних містах Північного та Західного Причорномор'я (соціально-культурний аспект): автореф. дис. ... канд. істор. наук. Дніпропетровськ, 1996, 17 с.
- ¹⁴ Ручинская, О. А. Агонистические празднества и гимнастические состязания во фракийских землях // Материалы международной конференции молодых историков. Харьков, 1994, с. 115–118; ее же. Греческая музыкальная культура и театр в жизни античных городов Западного Понта // Болгарский ежегодник / Болгарський щорічник / Български годишник. Т. 2. Харків–Софія, 1996, с. 5–11; ее же. Право и общество античных городов Северного и Западного Понта. // Античный мир. Византия: К 70-летию проф. В. И. Кадеева: Сб. научных трудов. Харьков, 1997, с. 172–189.
- ¹⁵ Сергей Борисович Сорочан – профессор Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина: Библиографический указатель. / Сост., вступ. ст. А. Н. Домановский. Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2013, 92 с.
- ¹⁶ Сорочан, С. Б. О торгово-экономической политике Византии в Нижнем Подунавье в VII–X вв. // Болгарский ежегодник / Болгарський щорічник / Български годишник. Т. 2. Харьков–София, 1996, с. 60–78.
- ¹⁷ Домановский, А. Н. Частная акция или государственная политика? О регулировании болгаро-византийской торговли в 894 г. // ВХНУ. Серія «Історія», вип. 36. 2005. – № 633. – С. 158–168; его же. Візантійсько-болгарська торгівля VIII–IX ст.: засоби державного контролю та регулювання. // Історія торгівлі, податків та мита: Збірник наукових праць, № 1. – Дніпропетровськ, 2010, с. 38–46 и др.
- ¹⁸ Сорочан, С. Б. Об опис spicatum как культурномаркирующим признаком // Болгарский ежегодник / Болгарський щорічник / Български годишник. Т. 5. Київ, 2004, с. 49–62.
- ¹⁹ См.: Скирда, В. В. Дослідження пам'яток Салтівської культури археологами Харківського університету. // Сьюмі Сумцовські читання: Збірник матеріалів наукової конференції з міжнародною участю «Історія та археологія Слобожанщини в музеях Харківщини». До 100-річчя відкриття Салтівської культури. 12 квітня 2001 р. Харків, 2002, с. 34–36; Аксёнов, В. С. Володимир Кузьмич Міхеєв (1837–2008). / В. С. Аксёнов, В. В. Скирда, О. О. Тортіка // Древности: Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 8. Харьков, 2009, с. 318–321.
- ²⁰ Михеев, В. К. Основные ремесленные производства болгаро-аланского населения Подонья VIII–X вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1968, 19 с.; его же. Экономика и социальные отношения у населения салтово-маяцкой культуры Подонья – Приазовья (середина VIII – середина X вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Киев, 1986, 28 с.
- ²¹ Праці, В. К. Міхеєва. // Хазарський альманах. Т. 8. Київ-Харків, 2009, с. 24–41.

²² Крыганов, А. В. Вооружение, доспехи и конское снаряжение раннесредневековых болгар Северного Причерноморья // Болгарские ежегодник / Болгарський щорічник / Български годишник. Т. 1. Харків, 1994, с. 34–48.

²³ Аксенов, В. С. Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII–Х вв.: проблема этноисторической интерпретации и поливариантности обряда. / В. С. Аксенов, А. А. Тортка // Степи Европы в эпоху раннего средневековья. Донецк, 2001, с. 191–218; Аксенов, В. С. Салтовский кремационный могильник Сухая Гомольша: проблема этнической принадлежности. // Белгородский историко-археологический сборник. Вып. 3. Белгород, 2004, с. 36–50; его же. Погребальный обряд Нетайловского могильника (VIII–IX вв.). // Российская археология. – 2006. – № 2. – С. 51–63; его же. Об одном из вариантов погребального обряда праболгарского населения салтовской культуры верхнего Подонья (по материалам биритуального могильника Красная Горка). // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 2. Харків–Софія, 2008, с. 125–137; его же. Зеркала из праболгарских могильников салтовской культуры Верхнего Подонечья. // Древности Юга России: Памяти, А. Г. Атавина. М., 2008, с. 441–448; его же. Фибулы из захоронений Нетайловского могильника как индикатор ранней группы личных украшений салтовского населения Подонья. // Хазарский альманах. Т. 10. Київ–Харків, 2012, с. 4–31 и др.

²⁴ Колода, В. В. Болгари в матеріальній культурі поселень салтовської лесостепі: проблема виделення етніческих критерієв // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 5. Харків–Софія, 2012, с. 42–48.

²⁵ Колода, В. В. Черная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н. э. Харьков, 1999, 244 с.; его же. Железопроизводство болгарских племен Северного Причерноморья. // Проблеми на праболгарската история и култура, 41. София: Национален археологически институт БАН, 2007, с. 277–294; его же. Взаимовлияние северянской и алано-болгарской керамической традиции конца I тысячелетия в Днепровском лесостепном Левобережье. // Славянско-русские древности Днепровского Левобережья. Курск, 2008, с. 106–112.

²⁶ Тортка, О. О. Історична географія та населення Великої Болгарії (630–660 рр. н. е.): Методика дослідження кочових суспільств середньовіччя: автореф. дис. ... канд. істор. наук. Харків, 1999, 16 с.

²⁷ Тортка, О. О. Алано-болгарське населення Північно-Західної Хозарії в етносоціальному та геополітичному просторі Півдня Східної Європи: автореф. дис. ... д-ра істор. наук. Харків, 2007, 36 с.

²⁸ Тортка, О. О. Протоболгарские погребения Подонья–Подонечья VIII–Х вв.: проблема поливариантности обряда и этноисторической интерпретации. // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 2. Донецк, 2001, с. 191–218; его же. Историческая география Великой Болгарии Кубраты (630–660 г.). // Аналі. София, 2001. – № 3–4. – С. 68–82; его же. Військова справа протоболгарських племен Східної Європи у дохазарські часи (V–VII ст.). // Східний світ, 2003. – № 4. – С. 98–108; его же. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.). Харьков, 2006, 555 с.; его же. «Черная Булгария» трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» и «черные болгары» «Повести временных лет»: проблемы локализации. // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 5. Харків–Софія, 2012, с. 23–31 и др.

²⁹ Страшнюк, С. Ю. Значение научно-педагогической деятельности профессора Г. Н. Попова для развития харьковской школы исторической болгаристики. // Дриновские чтения: Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Харьков, 1988, с. 7–9; Степан Иванович Сидельников – профессор Харьковского университета: Библиографический указатель. / Сост. С. Р. Марченко, А. А. Сайпанова; вступ. ст. А. А. Сайпановой; науч. ред. С. Ю. Страшнюк. Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2009, 40 с.; Георгий Иосифович Чернявский: Библиографический указатель. / Сост. Н. Н. Канистратенко, С. В. Евсеенко, М. Г. Станчев. Харьков, 2011, 93 с.

³⁰ Чернявский, Г. И. П'єрви Дриновски четення в Харков. / Г. И. Чернявский, С. Ю. Страшнюк // Історически преглед. – 1989. – № 7. – С. 104–107.

³¹ Харьков и Болгария: Материалы научной конференции. М., 1991, 98 с.

³² Болгаристика в системе общественных наук: опыт, уроки, перспективы. Тезисы докладов и сообщений Второй Всесоюзной конференции по болгаристике (II Дриновских чтений). 5–7 февраля 1991 г. Харьков, 1991, 195 с.

³³ Марин Дринов: Библиографски указател и документално наследство. / Изр. П. И. Чолов, В. К. Мазмандянц, Е. Х. Миладинова; науч. ред. Г. Н. Попов. София, 1990, 206 с.

³⁴ Тумаков, А. И. Болгаро-советское сотрудничество на интеграционных объектах в СССР (1967–1985): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Харьков, 1989, 17 с.

³⁵ Чижов, А. П. Деятельность российских революционеров в Болгарии (1878–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Харьков, 1989, 16 с.

³⁶ Чижов, А. П. Российская народническая эмиграция в Болгарии (1878–1895 гг.) / А. П. Чижов, А. И. Тумаков // Болгарский ежегодник / Болгарський щорічник / Български годишник. Т. 3. Київ, 1998, с. 51–65; Чижов, А. П. Политический состав российской революционной эмиграции в Болгарии (последняя четверть XIX – начало XX в.). // Университетски четения и исследования по българска история: IV Международен семинар. Смолян, 11–13 май 2006 г. София, 2008, с. 378–383; его же. Де-

ятельность российского департамента полиции в Болгарии (конец XIX – начало XX в.). // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 2. Харків–Софія, 2008, с. 195–200; его же. Вклад российской политической эмиграции в национальное Возрождение Болгарии (80–90-е гг. XIX в.). // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 3. Харків–Софія, 2009, с. 186–194.

³⁷ Станчев, М. Г. Участие комсомольских организаций Украины в советско-болгарском культурном сотрудничестве, 1959–1971 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1981, 21 с.; Страшнюк, С. Ю. Советско-болгарское сотрудничество в области художественной культуры (1971–1981 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1985, 19 с.

³⁸ Страшнюк, С. Ю. Болгаристика в Харківському університеті (1805–1869). // Проблеми слов'янознавства. Вип. 42. Львів, с. 119–126; его же. Организационное оформление политической оппозиции режиму Т. Живкова в Болгарии (1988–1989 гг.). // Тоталитаризм и антитоталитарные движения в Болгарии, СССР и других странах Восточной Европы (20–80-е годы XX века): Материалы международной научной конференции. Т. 2. Харьков, 21–23 сентября 1993 г. Харьков, 1995, с. 225–237; его же. Опит за възраждане на българските училища в Украйна в края на 50-те години на ХХ в. (за писмата на И. И. Мещерюк до Н. С. Хрушчов и техните последствия). // Българите в Северното Причерноморие: Изследвания и материали. Т. 5. Велико Търново, 1996, с. 399–418; его же. Під тиском Тіто та диктатом Сталіна: як у Болгарії з'явилася «македонська національна меншина». // ВХНУ. Серія «Історія», вип. 34. 2011. – № 965. – С. 171–180 и др.

³⁹ Історія західних та південних слов'ян ХХ століття: Навч. Посібник. / Під ред. Є. П. Пугача. Харків, 1998, 464 с.; Історія Центрально-Східної Європи: Посібник для студентів гуманітарних факультетів університетів / За ред. Леоніда Зашкільняка. Львів, 2001, 659 с.

⁴⁰ Станчев, М. Г. Д-р Кръстю Раковски – държавник, политик, дипломат. 1917–1941 г.: автореф. дис. ... д-ра на ист. науки. София, 2000, 41 с.

⁴¹ Чернявский, Г. И. В борьбе против самовластия: Х. Г. Раковский в 1927–1941 гг. Г. И. Чернявский, М. Г. Станчев. Харьков, 1993, 324 с.; Головко, В. Между Москвой и Западом. Дипломатическая деятельность Х. Раковского. В. А. Головко, М. Г. Станчев, Г. И. Чернявский. Харьков, 1994, 384 с.; Станчев, М. Г. Фарс на крови. М. Г. Станчев, Г. И. Чернявский. Харьков, 1997, 286 с.; Станчев, М. Г. Д-р Кръстю Раковски – държавник, политик, дипломат. София, 2004, 314 с.

⁴² Василий Каразин. Живот и деяность: [борник]. / Съст. М. Станчев, Л. Георгиев, А. Запрянова и др. София, 2005, 376 с.; Станчев, М. Г., Чернявский Г. И. Георгий Бакалов: политическая биография (с культурологическим компонентом). София, 2006, 420 с.; Каразин, Н. Дунав в пламъци: (Дневник на кореспондента): репортажи (1877–1878 г.). / Съст. М. Станчев, Л. Владева, Л. Георгиев. София, 250 с. (Архивите горят. Т. 49); Станчев, М. Г., Чернявский, Г. И. Л. Д. Троцкий, Болгария и болгари. София, 2008, 356 с.

⁴³ Станчев, М. Род Станчевых (с. Кортен, Республика Молдова). София, 2010, 184 с.

⁴⁴ Станчев, М. Г. Болгари в Российской империи, СССР, странах Балтии и СНГ. Т. 1 (1711–2006): стат. сб. София, 2009, 618 с.

⁴⁵ Михаил Георгиевич Станчев – профессор Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина (к 60-летию со дня рождения): Библиографический указатель. / Сост. С. Ю. Страшнюк, Г. И. Чернявский; библиограф. ред. О. С. Журавлева. Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2013, 56 с.

⁴⁶ Страшнюк, С. Ю. Доктору исторических наук М. Г. Станчеву – 60 лет. // Дриновский сборник / Дриновски сборник. Т. 6. Харків–Софія, Академічне видавництво «Проф. Марин Дринов», 2013, с. 458–464.

⁴⁷ Канистратенко, Н. Н. Пропаганда идей марксизма-ленинизма в изданиях революционных организаций Болгарии (1926–1934 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1989, 17 с.

⁴⁸ Потрашков, С. В. Политика англо-американских империалистов в отношении Болгарии 1944–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1989, 24 с.

⁴⁹ Потрашков, С. В. Болгарія в балканській політиці провідних держав антигітлерівської коаліції (1941–1945 рр.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Харьков, 2006, 40 с.

⁵⁰ Потрашков, С. В. Антигитлеровская коалиция и Болгария, 1941–1945. Харьков, 2005, 282 с.

⁵¹ Ільганаєва, В. О. Нова праця з історії Болгарії. // Вісник Харківської державної академії культури: Збірник наукових праць. Вип. 16. Харків, 2005, с. 280–282; Страшнюк, С. Ю. Битва за Болгарію. // Клио. СПб, 2006. – № 3. – С. 246–250.

⁵² Потрашков, С. В. Щоденники та мемуари політичних діячів Болгарії як джерело з історії країни років Другої світової війни. // Вісник Харківської державної академії культури: зб. наук. праць. Вип. 16. Харків, 2006, с. 91–96; его же. Зовнішній фактор у політичному житті Болгарії 1941–1945 рр. Погляд сучасних болгарських істориків. // Вісник Харківської державної академії культури: зб. наук. праць. Вип. 19. Харків, 2007, с. 204–215 и др.

⁵³ Потрашков, С. В. Генерал Радко Димитров на фронтах Первой мировой войны (1914–1917). // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 1. Харків–Софія, 2007, с. 180–193; его же. Русская армия в 1914 г.: болгарский взгляд. // Вісник Чернігівського національного педагогічного університету імені Т. Г. Шевченка. Вип. 87. Сер.: Історичні науки. Чернігів, 2011. – № 8. – С. 237–239.

⁵⁴ Турков, В. В. Політика Росії щодо переселення бессарабських болгар на південноукраїнські землі. 1856–1871 рр.: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Харків, 1997, 21 с.

⁵⁵ Mixesva, B. B. Болгари півдня України і Молдови в історико-етнографічній літературі кінця XVIII – XX ст.: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 1997, 17 с.

⁵⁶ Бурбіга, В. А. Македонське питання в російському слов'янознавстві та публіцистиці (1893–1912 рр.): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Харків, 1997, 18 с.

⁵⁷ Гурінова, О. М. Македонське питання в міжнародних відносинах 1913–1920 рр.: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Харків, 2013, 23 с.

⁵⁸ Бурбіга, В. А. Македонський въпрос в кореспонденцията на руската дипломация 1893–1908 г. (По материали на консулствата в Солун и Битоля). // Македонски преглед, София, 1996. – № 1. – С. 63–80; ее же. Российские ученые и публицисты об этнической принадлежности македонских славян. 1893–1903 гг. // Болгарский ежегодник / Болгарский юрійчик / Български годишник. Т. 3. Киев, 1998, с. 66–88; ее же. Российская печать о путях решения македонской проблемы накануне Балканских войн (1908–1912 гг.). // Македония. Проблемы истории и культуры. М.: ИС РАН, 1999, с. 123–141; ее же. Проекты решения македонского вопроса в российской печати 1903 года. // Болгарский ежегодник / Болгарский юрійчик / Български годишник. Т. 4. Киев, 2000, с. 64–72; ее же. Российские ученые XIX века об этническом составе Македонии. // Вісник Міжнародного Слов'янського університету. Т. 6. Харків. 2003. – № 1. – С. 13–17; ее же. Македонский вопрос в зеркале российской печати 1904–1908 гг. // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 2. Харків–Софія, 2008, с. 214–227 и др.; Гурінова, О. Н. Причини вступлення Болгарії в Першу мирову війну. // Человек в истории и культуре: Сб. научных работ в честь 70-летия лауреата Государственной премии Украины академика ПАЕН, проф., д.и.н. В. Н. Станко. Одесса–Терновка, 2007, с. 455–463; ее же. Попытка российского посредничества в болгаро-сербском споре из-за Македонии в 1912–1915 гг. // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 4. Харків–Софія, 2011, с. 213–229; ее же. Создание болгарской администрации в Македонской военно-инспекционной области (1915–1918 гг.). // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Зб. наук праць. Вип. 14. Харків, 2011, с. 161–172; ее же. Албанский вопрос в geopolитических планах Болгарии на исходе Первой мировой войны. // Македонски преглед, София. 2011. – № 3. – С. 125–136 и др.

⁵⁹ Лобанова (Tortika), М. В. Македонія та її етнодержавна ідентифікація очима болгарських соціал-демократів початку ХХ ст. // Історичний журнал, Київ, 2009. – № 6. – С. 48–60; ее же. Програми реформ Великих держав як спроба вирішення македонського питання в кінці XIX – на початку ХХ ст. // Вісник Харківської державної академії культури: Збірник наукових праць. Вип. 24. Харків, 2009, с. 35–44; ее же. Македонія в грецькій «мегалі ідеа» (сер. XIX – поч. ХХ ст.). // Вісник Харківської державної академії культури: Збірник наукових праць. Вип. 30. Харків, 2010, с. 47–53 и др.

⁶⁰ Миколенко, Д. В. Македонське питання у 1878–1919 рр.: Навчальний посібник. Харків, 2011, 120 с.; его же. Македонське питання на шпальтах болгарської пропагандистської газети «Свобода» (1887–1894). // Збірник наукових праць Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди. Вип. 44. Харків, 2012, с. 87–92; его же. Македонське питання на шпальтах болгарських партійних газет (1887–1894). // Проблеми слов'янознавства. Вип. 61. Львів, 2012, с. 32–40; его же. Македонське питання в зовнішній політиці болгарського уряду Рачо Петрова у 1903–1906 рр. // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 6. Харків–Софія, 2013, с. 158–169 и др.

⁶¹ Лобанова, М. В. Участь Кристію Раковського у соціал-демократичному русі Болгарії (1903–1912): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Харків, 1997, 17 с.; Лобанова (Tortika), М. В. Балканские социал-демократические конференции 1909 и 1911 годов и вопрос об объединении левых сил в Болгарии. // Славяноведение, Москва, 2002. – № 3. – С. 3–12; ее же. Ідейно-політичні причини конфлікту в соціал-демократичному русі Болгарії 1903/1904 рр. (на прикладі ідеологічної кампанії К. Раковського і його відкритої дискусії із Я. Сакизовим). // Вісник Харківської державної академії культури: Збірник наукових праць. Вип. 11. Харків, 2003, с. 70–79; ее же. К проблеме возникновения центризма в болгарском социал-демократическом движении (через призму мировоззренческой позиции К. Раковского). // Вісник Міжнародного Слов'янського університету. Т. 6. Харків, 2003. – № 1. – С. 8–23; ее же. Зародження тактики «примиренства»: болгарські «ліві» напередодні й під час Амстердамського конгресу Другого Інтернаціоналу. // Вісник Харківської державної академії культури: Збірник наукових праць. Вип. 14. Харків, 2004, с. 48–58; ее же. Болгарський соціалізм та неославізм: кампанія протесту проти проведення слов'янського з'їзду в Софії у 1910 р. // Історичний журнал, Київ, 2004. – № 5. – С. 41–48; ее же. Роль Міжнародного соціалістического бюро в об'єднінній процесі БРСДП (т.с.) і БРСДП (о) в Болгарії (1909–1910). // Історичний журнал, Київ, 2007. – № 2. – С. 69–76; ее же. Младотурецька революція в восприятии носителей ідеології «левого» центризма в Болгарії: ментально-цивилизационные параллели. // Східний світ, Київ, 2010. – № 4. – С. 120–127 и др.

⁶² Миколенко, Д. В. Правоцентристські партії у політичній системі Болгарії (1899–1908 рр.): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Харків, 2007, 17 с.; Миколенко, Д. В. Правоцентристські партії у системі влади Князівства Болгарії (кінець XIX – початок ХХ ст.). Харків, 2008, 148 с. его же. Диференціація ліберальних і консервативних партій Болгарії на межі XIX–XX століть: спроба кластерного аналізу. // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 2. Харків–Софія, 2008, с. 179–187; его же. Правоцен-

тристская оппозиция в борьбе за власть: болгарский вариант (1899–1903 гг.). // Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия. СПб., 2009, с. 23–145; его же. Правоцентристська опозиція у боротьбі за владу (1903–1908 рр.): реалії болгарського внутрішньополітичного життя. // Одеська болгаристика: науковий щорічник. Одеса, 2008. – № 5–6. – С. 48–56; его же. Політична опозиція в Болгарії за часів прем'єрства Стефана Стамболова (1887–1894 рр.). // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 4. Харків–Софія, 2011, с. 187–197; его же. Попытки реализации идеи «Великой Болгарии» правлением С. Стамболова: реалистичный поход к решению национального вопроса или беспersпективная стратегия. // Историки-слависты МГУ. Кн. 8: Славянский мир в поисках идентичности. М., 2011, с. 333–345; его же. Образ Стефана Стамболова как государственного деятеля Болгарии в современной российской историографии. // Bulgarian Historical Review, София, 2011, pp. 176–185; его же. До питання про соціальну опору Народно-ліберальної партії Болгарії (1887–1894 рр.). // ВХНУ. Серія «Історія», вип. 45. 2012. – № 1005. – С. 201–209; его же. Зовнішня політика Болгарії за регенерства і прем'єрства С. Стамболова в оцінці радянської історіографії 20-х рр. ХХ ст. // Вісник Чернігівського національного університету. вип. 106, серія «Історичні науки». 2012. – № 9. – С. 33–36 и др.

⁶³ Михеева, В. В. Из рукописного наследия академика Н. С. Державина. Материалы по истории и этнографии болгар. // Українська історична наука на порозі ХХІ століття: Харківський історіографічний збірник. Вип. 2. Харків, 1997, с. 103–112; ее же. Из эпистолярного наследия Н. С. Державина. // Ученые записки Харьковского гуманитарного института «Народная Украинская академия». Харьков, 1997, с. 168–174; ее же. Историко-этнографическая литература про переселение болгар в Україну та Бесарабію у XVIII – 60-х роках XIX ст. // Болгарский ежегодник / Болгарский щорічник / Български годишник. Т. 3. Київ, 1998, с. 192–200; ее же. Этнография болгар України та Молдови в працах М. С. Державина. // Болгарский ежегодник / Болгарский щорічник / Български годишник. Т. 4. Київ, 2000, с. 47–53 и др.

⁶⁴ Сайпанова, А. О. Науково-педагогічна діяльність С. І. Сідельникова: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 2012, 19 с.

⁶⁵ Сайпанова, А. О. Вклад профессора С. И. Сидельникова в изучение Болгарского революционного центрального комитета. // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць. Вип. 10. Харків, 2007, с. 214–223; ее же. Воссоединение Княжества Болгарии и Восточной Румелии в освещении профессора С. И. Сидельникова и болгарской историографии второй половины XX ст. // ВХНУ. серія «Історія», вип. 40. 2008. – № 816. – С. 256–267; ее же. Политическая деятельность Г. С. Раковского в освещении профессора С. И. Сидельникова. // Българите в Северното Причерноморие: изследвания и материали. Т. 10. Одеса–Велико Тирново, 2009, с. 127–135; ее же. Неопубликованные монографии С. И. Сидельникова по истории Болгарского Возрождения. // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 4. Харків–Софія, 2011, с. 58–65; ее же. Политическая деятельность Василия Левского в освещении профессора С. И. Сидельникова. // България: метрополия и диаспора: Сборник по случаю 65-годишнината на д.и.н. Николай Червенков. Кишинев, 2013, с. 223–232 и др.

⁶⁶ Лиман, С. И. История Второго Болгарского царства в трудах исследователей Украины (1835–1885 гг.). // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 1. Харків–Софія, 2007, с. 96–103; его же. Кирилло-Мефодиевская проблематика в научном наследии И. В. Платонова. // Харківський історіографічний збірник. Вип. 9. Харків, 2008, с. 154–16; его же. Историята на Първото Българско царство в трудовете и учебните курсове на украинските изследователи (XIX – началото на ХХ в.). // Списание на БАН. София, 2010. – № 5. – С. 8–17; его же. Харьковская школа Кирилло-Мефодианы (60–80-е гг. XIX в.). // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 5. Харків–Софія, 2012, с. 230–239 и др.

⁶⁷ См.: Митряев, А. И. К вопросу об этапах научного творчества Марина Дринова. // Марин Дринов: Материали от българско-съветската научна конференция «150 години от рождението на М. Дринов» и «110 години Народна библиотека «Кирил и Методий». Ноември, 1988 г. София, 1989, с. 71–78; Фрадкин, В. З. Марин Дринов и харьковские ученые. // Харьков и Болгария: Материалы научной конференции. М., 1991, с. 30–38; Марин Дринов: Исследование харьковских ученых, посвященное 150-летию со дня его рождения. София: Университетское издательство им. Св. Клиmenta Охридского, 1991, 164 с. Из содержания: Попов Г. Н. Город Харьков в жизни и деятельности Марина Дринова, с. 9–36; Кравченко В. В. Марин Степанович Дринов в советской историографии, с. 37–49; Шмалько, А. В. М. С. Дринов – исследователь античности, с. 50–59; Фрадкин, В. З. М. С. Дринов и развитие фольклорно-этнографических исследований на Украине, с. 60–76; Юрченко, А. С. Профессор Марин Дринов как филолог, с. 77–91; Степаненко, Т. Л. Участие М. С. Дринова в разработке и принятии Тырновской конституции 1879 г., с. 92–102; Куделко, С. М., Попов, Г. Н. М. Дринов и Харьков: памятные места и события, с. 103–125; Лиман, С. И., Страшинюк, С. Ю. Харьковский период научно-педагогической и общественной деятельности Марина Дринова: Критическое прочтение источников. // Сборник по случаю 170-годишнинита от рожението на проф. Марин Дринов. София, 2009, с. 52–76; Посьхов, С. И. Творческое наследие Марина Дринова. Попытка систематизации. // Там же, с. 87–94.

⁶⁸ Иващенко, В. Ю., Порохов С. И. Письма Марина Дринова к Константину Гроту. / В. Ю. Иващенко, С. И. Порохов // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 4. Харків–Софія, 2011, с. 206–515; Иващенко, В. Ю. Письма М. С. Дринова В. П. Бузескулу (1904–1905 гг.). / В. Ю. Иващенко, Т. В. Костина, С. И. Порохов // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 5. Харків–Софія, 2012, с. 417–427; Иващенко, В. Ю. Письма М. С. Дринова из фондов Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН (1878–1903 гг.). / В. Ю. Иващенко, С. И. Порохов // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 6. Харків–Софія, 2013, с. 352–361.

⁶⁹ Гоков, О. А. Российская военная разведка в Болгарии (1856–1878 гг.). // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 2. Харків–Софія, 2008, с. 138–145; его же. Образ князя Александра Баттенберга в российской мемуаристике последней четверти XIX – начала XX в. // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 4. Харків–Софія, 2011, с. 491–505; его же. Мемуары российских офицеров – участников русско-турецкой войны 1828–1829 гг. как исторический источник. Харьков, 2011, 184 с.; Желтобородов, А. Н. Участие Слободских гусарских полков в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. // Древности. 2006–2008. Харьков, 2008, с. 154–169; Потрашков, А. С. К вопросу о формировании национальных болгарских частей в составе Молдавской армии в 1806–1812 гг. // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 2. Харків–Софія, 2008, с. 138–145 и др.

⁷⁰ Наумов, С. О. «Болгарська тема» в українському націотворенні імперські доби: до питання про взаємодію «національних проектів» // Дриновський збірник/Дриновски сборник. Т. 4. Харків–Софія, 2011, с. 113–126; Чорний, Д. М. Освіта або зброя: дилема українського національного руху в контексті болгарського досвіду. // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 2. Харків–Софія, 2008, с. 127–132.

⁷¹ Лапина, М. С. Ученые-медики Харьковского университета в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. / М. С. Лапина, Н. Н. Семейкин // Харьков и Болгария: Материалы научной конференции. М., 1991, с. 49–61; Потрашков, С. В. Участие харьковских полков в войне за освобождение Болгарии от турецкого ига. // Там же, с. 39–48; его же. Участие войск Харьковского военного округа в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском театре. // Вестник военно-исторических исследований: Международный научный сборник / Пензенский гос. пед. ун-т им. В. Г. Белинского. Вып. 3. Пенза, 2011, с. 88–99; Порохова, Л. Ю. Церковная жизнь глазами российского священника. Письма В. Гурова из похода 1877–1878 гг. // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 3. Харків–Софія, 2009, с. 78–83; Порохов, С. И. Путевые заметки В. Д. Спасовича о Болгарии сентябрь 1878 г. // Там же, с. 109–112; Гнездило, О. С. Документы 1876–1878 гг. о помощи харьковской общественности народам Балканского полуострова в фондах Государственного архива Харьковской области. / О. С. Гнездило, Т. В. Иванская, Л. М. Момот // Там же, с. 407–418; Бадаев, Д. В. Оружие эпохи русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в коллекции Харьковского исторического музея. // Там же, с. 423–426.

⁷² Гоков, О. А. Офицеры российского Генштаба в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Вопросы истории, 2006. – № 7. – С. 142–149; его же. Офицеры российского Генерального штаба в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 1. Харків–Софія, Академічне видавництво «Проф. Марин Дринов», 2007, с. 113–124; его же. Корреспонденты в российско-турецкой войне на Балканском полуострове. // Canadian Slavic Studies, 2007. – V. 41. – № 2. – PP. 127–186; его же. Почта и телеграф в российско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Canadian Slavic Studies, 2008. – V. 42. – № 4. – PP. 405–440; его же. Российская журналистика в войне 1877–1878 гг. (Балканский полуостров). // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 3. Харків–Софія, Академічне видавництво «Проф. Марин Дринов», 2009, с. 63–72 и др.

⁷³ Воробьева, Н. Н. «Русская Жорж Санд» (об одном неизвестном архивном источнике по истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг.). // Архіви України, 2011. – № 4. – С. 113, 114; её же. Салиас де Турнемир Е. В. Воспоминания о войне 1877–1878 гг. / Предисл., примеч., иллюстр., сост и ред. Воробьева Н. Н. Харьков, 2012, 158 с.

⁷⁴ Воробьева, Н. Н. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Забытая и неизвестная. Харьков, 2013, 347 с.

⁷⁵ Саппа, Н. Н. Към биографията на Серафим Мицев. // Исторически преглед. 1990. – № 8. – С. 107–109; его же. Винниченко і Раковський. // Вітчизна. 1990. – № 11. – С. 131–143; его же. Про еволюцію поглядів Голови Ради народного уряду УСРР Х. Раковського на національне питання. // Політологічні читання. 1992. – № 2. – С. 216–226; его же. Правові особливості формування першого уряду та невідомий лист В. Леніна до Х. Раковського в січні 1919 р. // Наше право. 2004. – № 1. – С. 17–20; его же. Х. Раковський в державотворенні Радянської України: боротьба проти автономізації України. // Вісник Національного університету внутрішніх справ. Вип. 33. Харків, 2006, с. 132–140.

⁷⁶ Тодорова, Е. Н. Формирование системы непрерывного библиотечного образования в Народной Республике Болгарии (1944–1989 гг.): автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 1990, 18 с.

⁷⁷ Шейко, В. Н. Итоги и перспективы развития болгаристики в Харьковском государственном институте культуры. // Харьков и Болгария: Материалы научной конференции. М., 1991, с. 26–27.

⁷⁸ Дубова, Л. Л. Шаляпин в Болгарии. // Болгарская культура в веках: Тезисы докладов научной конференции. Москва, 26–27 мая 1992 г. М., 1992, с. 108–110; её же. Отторгнутые тоталитаризмом: украинская и российская творческая эмиграция в Болгарии в 20–30-е гг. ХХ века. // Тоталитаризм и

антитоталитарные движения в Болгарии, СССР и других странах Восточной Европы (20–80-е годы XX века): Материалы международной научной конференции. Харьков, 21–23 сентября 1993 г. Т. 2. Х., 1995, с. 397–405.

⁷⁹ Крюков, А. И. Проблемы общего и особенного демократизации управленческих процессов (на примере СССР и НРБ): дисс. ... канд. филос. наук. Львов, 1990.

⁸⁰ Романюк, О. І. Від тоталітаризму до демократії на національній державності: системний аналіз посткомуністичних трансформацій. Монографія. Харків, 2011, 376 с.; его же. Системні трансформації політичних режимів посткомуністичних країн: автореф. дис. ... д-ра політ. наук. Чернівці, 2013, 42 с.

⁸¹ Страшнюк, С. Ю. Обществена организация на учени от страните наОНД. // Векове, Велико Търново, 1993. – № 1. – С. 95–96; Чернявский, Г. И., Страшнюк С. Ю. Межреспубликанская научная ассоциация болгаристов: перспективы и основные направления деятельности. // Славяноведение, Москва, 1992. – № 3. – С. 121–123.

⁸² III Дриновские чтения: Проблемы источниковедения, историографии, истории и культуры Болгарии, истории болгаристики. Тезисы докладов. 25–27 октября 1994 г. Харьков, 1994, 122 с.; Страшнюк, С. Ю. Третий Дриновские чтения // Болгарский ежегодник / Болгарський щорічник / Български годишник. Харьков–София, 1996, с. 366–371.

⁸³ Чернявский, Г. И., Страшнюк С. Ю. Конференция по проблемам тоталитаризма. / Г. И. Чернявский, С. Ю. Страшнюк // Новая и новейшая история, Москва, 1994. – № 6. – С. 243–246.

⁸⁴ Дроснева, Е. Харковски празници на българистиката 2006. // Българистика / Bulgarica. Т. 12. София, 2006, с. 60–66; Станчев, М. Г., Страшнюк, С. Ю. IV Дриновські читання в Харкові. // Український історичний журнал, Київ, 2006. – № 4. – С. 217–223.

⁸⁵ Станчев, М., Страшнюк С. Център по българистика и балкански изследвания «Марин Дринов» – резултати от дейността. / М. Станчев, С. Страшнюк // Списание на БАН, София, 2008, № 6, с. 85–89; Страшнюк, С. Център по българистика и балкански проучвания «Марин Дринов» – цели, задачи, перспективи. // Университетски четения и изследвания по българска история: IV Международен семинар. Смолян, 11–13 май 2006 г. София, 2008, с. 695–698

⁸⁶ Дриновские чтения, посвященные 150-летию со Дня рождения Марина Дринова. 20–21 октября 1988 г.: Тезисы докладов и сообщений. Харьков, 1988, 74 с.

⁸⁷ Ангелов, М. Българската тема на страниците на «Дриновський збірник». // Родознание / Genealogia. 2011. – № 1–2. – С. 111–114.

⁸⁸ Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 1. Харків–Софія, 2007, 262 с.; Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 2. Харків–Софія, 2008, 358 с.; Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 3. Харків–Софія, 2009, 488 с.; Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 4. Харків–Софія, 2010, 612 с.; Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 5. Харків–Софія, 2012, 496 с.; Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 6. Харків–Софія, 2013, 480 с.

⁸⁹ Ізмайл Іванович Срезневський (до 200-річчя від дня народження): біобібліографічний покажчик. / Укл. О. С. Журавльова, Н. Г. Маснєва, Е. Дроснева, В. Петрович, Б. Ріфл, Д. Шкергет; вступ. ст. С. Ю. Страшнюк, Є. Х. Широкорад; наук. ред. С. Ю. Страшнюк. Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2012, 192 с.: іл.

⁹⁰ Миколенко, Д. Обявяване на независимостта през 1908 г. през погледа на дяснокентристките партии в България. // Списание на БАН. 2008. – № 4. – С. 3–7; Потраков, С. Участие на войската от Харковския военен окръг във войната за освобождение на България от османского (1877–1878). // Там же, с. 12–19; Мартемянов, А. Положението на селяните в Долна Мизия и Тракия през първите векове от новата ера. // Там же, с. 20–25; Гоков, О. Телеграфната връзка на руската армия с Империята по време на Руско-турската война (1877–1878) на Балканите. // Там же, с. 25–30; Тортка, А. Хазарската мисия на Константин Философ: Проблеми на съвременната научна интерпретация. // Там же, с. 49–55.

⁹¹ Гостуване на Харковския национален университет «Василий Каразин». // Списание на БАН. 2010. – № 5. – С. 3; Страшнюк, С. Дейността на Центъра по българистика и балкански изследвания «М. Дринов» по координацията на научните проучвания в Украина. // Там же, с. 4–7; Лиман, С. Историята на Първото българско царство в трудове и учебни курсове на украинските изследователи (XIX – началото на XX в.). // Там же, с. 8–17; Стоянова, Е. Филологическата българистика в Киев: традиции, инновации, перспективи (1996–2010). // Там же, с. 18–25; Пискикова, В. Украинско-български литературни взаимоотношения през XIX в. // Там же, с. 26–32; Иваненко, О. Из истории на украинско-българските връзки в областта на науката и образоването (втората половина на XIX – началото на XX в.). // Там же, с. 33–37; Колесник, В. Състояние и перспективи на развитието на филологическата българистика в Одеския национален университет «И. И. Мечников». // Там же, с. 38–41; Ганчев, А. Одеското научно дружество на българистите. Структура, направления и основни резултати от дейността. / А. Ганчев, А. Пригарин // Там же, с. 42–48; Турков, В. Българите в Руската империя, СССР, страните от Балтика и ОНД. // Там же, с. 76–77; Филипова, М. «Задунайските колонии» в Бесарабия през първата половина на XIX в.: реконструкция на демографски и антропонимични характеристики. // Списание на БАН. – 2010. – № 6. – С. 9–19; Пачев, С. Развитие на българистиката в

научните центрове на Запорожкия край в края на ХХ – началото на ХХІ в. / С. Пачев, В. Пачева // Там же, с. 20–25; Милчев, В. Ролята на австро-турското съперничество на Балканите за преселването на българи в Руската империя през първата половина на XVIII в. // Там же, с. 26–33, Крапивин, А. Българистиката в Донецкия университет. / А. Крапивин, И. Тодоров // Там же, с. 34–36; Докашенко, Г. Проблемите на училищното образование в България през периода 40-те–80-те години на ХХ в. // Там же, с. 37–45; Чорний, В. Българистката в Лвов: традиции и съвременно състояние. // Там же, с. 46–51; Шпик, И. Българо-украински религиозно-културни връзки през Късното средновековие и истоиографията от 40-те–80-те години на ХХ в. // Там же, с. 51–58; Бурдак, В. Изследвания на политическите трансформации в България в Черновицкия национален университет «Юрий Федкович». // Там же, с. 59–63; Фисанов, В. Безопасността в Черноморския регион: предизвикателства и възможни решения във външната политика на България и Украйна. // Там же, с. 64–67; Интервю с проф. Вил Бакиров – ректор на Харковския национален университет «Василий Каразин», член-кореспондент на НАН на Украйна. // Там же, с. 81–84.

⁹² Кривочуприн, Е. Л. Временное русское управление в Болгарии и Кресненско-Разложское восстание 1878–1879 гг. // Вестник Международного Славянского университета. Т. 6. Харьков, 2003. – № 2. – С. 25–27; его же. Македонский вопрос в политической жизни Болгарского княжества и Восточной Румелии (1879–1885 гг.). // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Вип. 8. Харків, 2005, с. 74–82; Крюченко, М. Л. Либеральна «цанковистская» партія в умовах стамболовистського режима 1887–1894 гг.: основные направления деятельности. // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Харків–Софія, 2013, с. 282–287; Кузьменко, М. М. Генезис ідеї «Великої Болгарії» в 70-х гг. ХІХ в. // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Вип. 14. Харків, 2011, с. 108–119; его же. Социально-политические предпосылки режима личной власти князя Александра Баттенберга. // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 6. Харків–Софія, 2013, с. 275–281; Свириденко, В. О. «Проект визволення Болгарії від османського гніту» Івана Кошелльського. // Проблеми слов'янознавства. Вип. 59. Львів, 2010, с. 222–228; ее же. Одеське болгарське настоятельство між консерватизмом і лібералізмом: проблема визначення характеру діяльності організацій (друга половина 1850-х – 1860-ті роки). // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 4. Харків–Софія, 2011, с. 444–450; ее же. Постколоніальний синдром: міфи про «турецьке рабство» та «Відродження» в болгарському національному дискурсі (друга половина ХХ ст. – початок 2000-х рр.). // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 6. Харків–Софія, 2013, с. 253–262 и др.

„ДИГИТАЛЕН АРХИВ МАРИН ДРИНОВ“ – РЕЗУЛТАТИ И ПЕРСПЕКТИВИ

Цв. Величкова

Величкова, Цв. „Дигиталний архів Марін Дринов“ – результати і перспективи

У статті йдеться про один із перших проектів Наукового архіву Болгарської академії наук, пов’язаних із скануванням архівного фонду Маріна Дринова з метою популяризації документальної спадщини видатного болгарського вченого. Розкриваючи зміст „Дигитального архіву Маріна Дринова“, автор наголошує на перспективах його подальшого розширення за рахунок нових документів: біографічного характеру й таких, що відображають його науково-організаційну, службову, громадську та політичну діяльність.

Ключові слова: Марін Дринов, Болгарська академія наук, Науковий архів БАН, інформаційні технології.

Величкова, Цв. «Дигитальный архив Марин Дринов» – результаты и перспективы

В статье идет речь об одном из первых проектов Научного архива Болгарской академии наук, связанных со сканированием архивного фонда Марина Дринова с целью популяризации документального наследия и увековечивания памяти выдающегося болгарскогоченого. Раскрывая содержание «Дигитального архива Марина Дринова», автор акцентирует внимание на перспективах его дальнейшего расширения за счет новых документов биографического характера, а также тех, которые отражают его научно-организационную, служебную, общественную и политическую деятельность.

Ключевые слова: Марин Дринов, Болгарская академия наук, Научный архив БАН, информационные технологии.

Velichkova, Cv. “Digital archive Marin Drinov” – results and prospects

This article deals with the first projects of the Scientific Archive of the Bulgarian Academy of Sciences, associated with the scanning of archival fund Marin Drinov in order to promote documentary heritage and perpetuate the memory of the great Bulgarian scientist. Revealing the contents of the “Digital archive Marin Drinov”, the author focuses on the prospects for further expansion through new biographical documents, as well as those which reflect his scientific and organizational, service, social and political activities.

Keywords: Marin Drinov, Bulgarian Academy of Sciences, Scientific Archive BAN, IT.

Проф. М. Дринов е ключова фигура в българското мемориално пространство като част от паметта на две епохи – възрожденската и следосвобожденската. Той е първият наш университетски историк и учен, един от основателите на Българското книжовно дружество (БКД) в Браила през 1869 г., пръв негов член и дългогодишен председател (1869–1882, 1884–1898). На него се дължи историческата заслуга не само за създаването, но и за развитието и укрепването на първата българска научна институция – Българската академия на науките (БАН). Проф. Дринов е един от най-заслужилите българи в нашата история (на 31 място в списъка от 100-те най-влиятелни българи)¹. Той получава признание за своите научни трудове, обществена дейност и гражданска позиция още приживе.

Един от първите проекти на Научния архив на БАН (НА–БАН) е „Дигитален архив Марин Дринов“ (<http://www.math.bas.bg/digi/drinov/archiv.html>), който беше осъществен в сътрудничество със секцията „Приложения на информационните технологии в хуманитарните науки“ към Институт по математика и информатика при БАН (ИМИ–БАН). Проектът стартира през 2006 г. със сканирането на 24 архивни единици (176 факсимилиета на ръкописи, 14 печатни страници и 15 черно-бели снимки) от фонд №104К на НА–БАН.

Архивният фонд на М. Дринов не е голям и може да се каже, че е създаден изкуствено. На 7 март 1956 г., по случай честване на 50 години от смъртта на Дринов, Комитетът за проучване миналото на Панагюрище дарява на Научния архив документи и 10 фотографии на Дринов и семейството му.

Като „Начало“ дигиталният архив описва целите на проекта: запазване и популяризиране на част от документалното наследство на Дринов в интернет пространството. Направена е характеристика на архивния фонд, начина на постъпване на документите, както и тяхната обработка. Уточнени са бъдещите му планове. Следващата стъпка са заслугите

на М. Дринов за просветата, науката, обществения и политически живот в България. Публикуван е изцяло описът на архива. Има препратки към полезните връзки, които са: библиография на съчиненията на Дринов, сайтовете на НА–БАН, ИМИ–БАН и къща-музей „Марин Дринов“ в Панагюрище.

Обобщено, съдържанието на „**Дигитален архив Марин Дринов**“ е следното: биографични бележки, написани през 1893 г. от Н. Ф. Сумцов – професор в Харковския университет; библиография на част от публикуваните трудове, както и части от лекции; първата въстъпителна лекция на Дринов в университета в Харков (1873); доклад на декана на Историко-филологическия факултет при същия факултет за избора на Дринов за извънреден професор при Катедрата по славянски езици (1876); доклад от управляващия Харковския учебен окръг до Съвета на Харковския университет за командироването на Дринов на разположение на княз Черказки (1877); доклад на Дринов до ректора на университета във връзка с честването на неговата 30-годишна научна дейност в България (1902); доклад на декана на Историко-филологическия факултет на Харковския университет за създаване на дарителски фонд за награждаване на най-добро съчинение по славянознание в памет на Дринов (1907) и др.

В „Галерия“ са показани: портретни снимки на Дринов, на неговата майка Мария, брат му Найден, съпругата му Маргарита и сина им Александър; родният град и къщата в Панагюрище; приятелят му Нешо Бончев; групови снимки на Дринов с български студенти в Москва, със славистите – Н. П. Кондаков, В. Ягич, Пипин, Шахматов и др.

Дигитализираните архивни единици във формат PDF съответстват на архивния опис, но хронологичният принцип е нарушен, което не е пречка на този етап за бързото търсене, защото дигитализираният архив не е голям. Според колегите от Лабораторията за цифровизация при ИМИ–БАН дигитализирането на личен архивен фонд е първо по рода си в България. То е оригинално като технология, методология и класификация на дигитализираната информация. Сканирането на документите е извършено в сивата гама (256 нюанса на сивото) със скенер Zeutschel OS5000 TT с резолюция на архивното копие 400 dpi. Електронното издание на архива, публикувано на сайта, не може да бъде копирано, възпроизвеждано и разпространявано с комерсиална цел. Изданието е придружено със CD и може да бъде използвано с образователна цел. Предвижда се всички ръкописи да имат разчетен вариант в PDF формат. Тук са публикувани разчетените варианти само на архивни единици № 1 и № 8. „**Дигитален архив Марин Дринов**“ е една минимална част от документалното наследство на големия български учен, запазено в НА–БАН, но има предимството, че е първото по рода си цифровизирано издание, достъпно за всички в интернет пространството.

Известно е, че Дринов устно завещава библиотеката и личния си архив (3000 документа) на родината си, които са пренесени от Харков в София през 1909 г. чрез Министерство на народното просвещение. Заслуги за неговото пренасяне и запазване имат проф. В. Златарски и Пенчо П. Славейков (тогава директор на Народната библиотека в София), които присъстват на тържествата, посветени на Гогол в Москва, и са натоварени да приемат библиотеката и архива на Дринов, както и да се погрижат за пренасянето на тленните му останки в София². Дриновият архив (Ф. 111), съхранен в Български исторически архив на Националната библиотека „Св. св. Кирил и Методий“ е запазил старата си обработка и при дигитализиране се налага професионална намеса на архивисти и археографи.

Бъдещите планове на екипа от НА–БАН и от ИМИ–БАН са публикуваната информация да се обновява и разширява, така че всички ръкописи да имат разчетен вариант в PDF формат. Да се усъвършенства качеството на дигитализираните архивни единици с OCR технология, за да има възможност потребителят да търси, редактира и професионално да ги използва (при условие, че има нужните административни права). Разбира се, понататъшната работа ще определи какви насоки ще поеме дигиталният фонд – дали ще разширява броя на дигитализираните единици (т.е. количествено), или ще се допълва с нови теми (тематично).

Перспективите, свързани с бъдещето **количествено допълване** на дигиталния архив с нови документи³ от масива на НА–БАН, биха могли да се организират по следния начин:

I. Документи от биографичен характер

Данни, свързани с биографията на Дринов се срещат в неговата кореспонденция с някои от членовете на БКД, чийто архиви се пазят в НА–БАН. В писмото си от 29 март 1876 г. Дринов съобщава на деловодителя на Дружеството Тодор Peev⁴ (ф. 22К) за това, че е защитил

в Московския университет дисертацията си „Южные славяне и Византия в X веке“ и е получил научната степен „Доктор по славянска филология“⁵. В кореспонденцията си с Васил Златарски⁶(ф. 9К) той дава автобиографични сведения и спомени за създаването на БКД⁷.

В досието на фонд „М. Дринов“ се съхранява родословно му дърво, съставено през 1954 г. по сведения на Екатерина Дринова от Панагюрище. През 2013 г. **Владимир Сафонов-Дринов**, правнук на М. Дринов, публикува в книгата си, издадена на руски език във Воронеж⁸ и на български език от Академичното издателство в София, подробно родословно дърво на преките му наследници.

II. Документи от научната и творческата дейност

За богатото научно наследство на Дринов данни и коментари има в неговата обширна преписка с Васил Д. Стоянов⁹(ф. 141К), Тодор Пеев и Константин Иречек¹⁰(ф. 3К) по повод изпращането и публикуването на някои трудове и статии в „Периодическо списание“ (ПС) на БКД. Като първо научно издание, отпечатано в Браила през 1870 г., списанието е залог за съществуването на Дружеството дълги години. В новоосвободена България ПС се отпечатва през 1880 г. в София. Усилията на Дринов и К. Иречек са то да има наистина научно съдържание и да публикува белетристични, юридически и педагогически трудове¹¹. Съдържателната кореспонденция между двамата учени е публикувана през 1924 г. от Вл. Сис¹².

В „Периодическо списание“ Дринов публикува едни от първите си статии за българския език: „Няколко думи за изучавание и обработование на българский сегашен език и за народната ни книжнина въобще“¹³ и „За новобългарското азбуке“¹⁴, в които поставя въпроса за състоянието на българския книжовен език и формулира идеите си за неговата роля в утвърждаването на националното ни единство¹⁵. Неговите изследвания по важни исторически въпроси от нашата история са написани въз основа на писмени исторически паметници и с определен научен подход. Те разглеждат произхода на българите, историята на българската държава по времето на Самуил, Възраждането на българския народ, историята на българската църква, статистиката на населението в Княжество България и др.

Трудовете на Дринов¹⁶, толкова разнообразни и с принос в българската историография, са високо оценени от неговите съвременници. Запознат с „Поглед върху произхождението на българската църква от самото ѝ начало и до днес“, В. Златарски пише: „Дринов прави голяма услуга на българската книжнина, която чрез това съчинение встъпва в кръга на европейската книжнина“¹⁷.

Извори за колосалната научна дейност на Дринов се пазят в архива на Ив. Шишманов¹⁸(ф. 11К) и в този на Кузман Шапкарев¹⁹(ф. 15К). В кореспонденция с последния, Дринов активно се интересува от издаването на „Сборник за народни умотворения“ и набирането на средства за него, поставя за разискване езикови и правописни въпроси. Допълването на дигиталния архив с научни и творчески материали в PDF формат или с нов техен прочит с осъвременена археография ще даде възможност съчиненията на Дринов да се използват в електронен вид.

III. Документи за Дринов като член и председател на БКД

Най-многобройни са документите, които свидетелстват за заслугите на Дринов за създаването на БКД и за дейността му като пръв председател²⁰. В първите години след създаването той ясно формулира задачите на Дружеството: да се укрепи материално, да следва устава и да печата редовно и с интересно съдържание своето „Периодическо списание“. Тези важни въпроси са отразени в неговата кореспонденция с деловодителя Васил Д. Стоянов и с членовете на Настоятелството на Дружеството.

След сключването на Берлинския договор Дринов, завеждащ Отдела на просветните и книжовни дела в Княжеството, предприема действия заедно с В. Д. Стоянов, В. Друмев, Н. Ценов за пренасянето на дейността на Дружеството в София. По негово предложение и с решение на събранието на Дружеството на 28 октомври 1878 г. от Браила в София се изпращат „архивата, библиотеката и разни сбирки на Дружеството“ чрез Т. Икономов, делегат на Отдела на просвещението²¹. Усилията на Дринов за възстановяването на дейността на БКД в София и пренасянето на капиталите му в България е отразена в писмата му до К. Иречек²². През 1882 г. Иречек става министър на Народното просвещение и назначава Привременен управителен комитет²³, който възстановява и ръководи дейността на Дружеството. Кореспонденцията засяга въпроси, свързани с построяването на академична сграда²⁴, необходими

мостта от активна научна и просветна дейност, за да се превърне Книжовното дружество в истинска Академия на науките, подобна на тези в Европа²⁵. В преписката на Дринов с Тодор Пеев, Васил Златарски, Васил Друмев (ф. 154 К), д-р К. Кръстев (ф. 47К) се срещат данни за издаването на „Периодическо списание“, за организирането и управлението на Дружеството, преминало през различни кризисни периоди и утвърдило се като единствен научен и авторитетен център в България. Дигитализирането на важни архивни документи за историята на БКД в Браила и София до началото на ХХ в. са свързани с личността на М. Дринов.

Малка част от от документите, представени в презентацията, са²⁶:

1. Протокол от дневника на Учредителното събрание на БКД за избора на М. Дринов за председател на Дружеството, 12 октомври 1869 г.²⁷
2. Обявление за създаването на Българското книжовно дружество в Браила през 1870 г., подписано от М. Дринов²⁸, в което се чете:

„Това всеобщо залягване на европейските и други народи към науката, особено в нашето столетие – отрази се благодатно и на българския народ...“

Българите, които ако и полека, но толкова по-съзнателно, толкова по-вярно тръгваме вече в пътя на истинната цивилизация и напредък...“

На тая наша народна святима да благодариме заедно, след много опитвания да си направим едно учреждение всенародно, на което единствена цел да бъде – разпространение на просвещението между народа ни.“

Днес съществува такова учреждение под името „Българско книжовно дружество“, Браила, 26 май 1870 г.

Действителни членове:

Председател: М. Дринов

Член: В. Друмев

Деловодител: В. Д. Стоянов“.

3. Уставът на БКД, изработен по проект на М. Дринов през 1869 г.²⁹
4. Писмо на председателя М. Дринов до Софийското градско общинско управление за отпускане на петно за строеж на сграда на Дружеството от 1880 г.³⁰
5. Из акта за полагане на основния камък на сградата на 5 октомври 1890 г. с подписа на Дринов³¹, в което се казва:

„Днес, петък, на петий октомврий хилядо осемстотин и деветдесета година от рождението Христово, осемдесет и четвърта от напечатването на първата новобългарска книга, двадесет и първа от основанието на Българското книжовно дружество и тринайсета от освобождението на България, в дните на Негово Царско Височество Фердинанд I, Български княз и при духовното началство на Негово Блаженство Йосиф I, Екзарх на всички българе, се положи основният камък на тая сграда на Българското книжовно дружество, след като се извърши водосвет в присъствието на Управителния съвет на Дружеството.“

Назначенето на тая сграда е да бъде сборно място на всички радетели за всестранното изучаване на българския народ и на отечеството му България за развитието на български език и книжнината и за разработванието и разпространението у нас науки изобщо; да бъде веществен белег на онай нравствена мош, каквато представлят просвещението и книжнината на един народ...“

Председател: М. С. Дринов“.

6. Дневник на Главното събрание на БКД за избирането на М. Дринов за почетен член на БКД на 10 ноември 1898 г.; Благодарствено писмо на Дринов до председателя на Дружеството Ив. Евстр. Гешов от 17 декември 1898 г.³²

IV. Документи за служебната, обществената и политическата дейност на М. Дринов

Срещат се във фондовете на български учени и книжовници, някои от които заемат важно място в политическото управление на България в края на XIX и началото на ХХ в.: Драган Цанков (министър-председател на България и министър на външните работи и изповеданията), Цани Гинчев (общественик, депутат в Учредителното и I ВНС), Константин Иречек (министър на народното просвещение 1881–1882), д-р Димитър Моллов (министър на народното просвещение 1883–1884) и др.

Някои от документите по темата са:

1. „Записка за дейността на Временното руско управление в България“, прочетена от М. Дринов по поръчение на Императорския руски комисар княз А. М. Дондуков-Корсаков пред Народното събрание в България на 14 март 1879 г.³³

2. Открито писмо от 25 октомври 1881 г. до българските общини от Граждански комитет в състав: Др. Цанков, Хаджи Маню Стоянов и Ив. Шишманов, за избор на Държавен съвет, в който М. Дринов е предложен на първо място³⁴.

V. Оценки на съвременниците и последователите на Дринов

1. Писмото на П. Лавров до Ив. Шишманов от 30 март 1906 г., в което се чете: „*В лицето на Дринов ние загубихме един от на-достойните наши слависти и прекрасен човек*“³⁵.
2. Поздравителен адрес от българската научна общност, публикуван в „Сборник за юбилея на Дринов“ по повод 25 години преподавателска дейност в Харковския университет, от 11 октомври 1898 г.
3. Слово на В. Златарски по случай 30-годишната научна и книжовна дейност на М. Дринов, 17 април 1899 г., Харков.

Една от темите за допълването и разширяването на дигиталния архив е „Памет и почит“. Примери за това в нашето съвремие има много, данните за които са разпръснати в електронното и медийното пространство. Дринов е честван, най-вече юбилейно, в нашия обществен, културен и научен живот.

Така например на 10 октомври 2008 г. Българската академия на науките тържествено чества 139-ата си годишнина и 170-ата годишнина от рождението на първия си председател проф. Марин Дринов. На 20 октомври 2008 г. в Панагюрище е открита къща-музей с историко-етнографска експозиция, посветена на проф. М. Дринов.

Бронзов паметник на основателя на БКД (от 1911 г. БАН) проф. Марин Дринов се открива на 15 юни 2010 г. пред Академично издателство „Проф. Марин Дринов“. Приসъстват кметът на София Йорданка Фънďкова и ректорът на Харковския университет акад. на НАНУ В. Бакиров. Паметникът е направен изцяло с дарения от 46 академици, 47 член-кореспонденти, институти на Академията, 6 фирми, 2 фондации, Харковския национален университет „Василий Каразин“, 3-то СОУ в София, община Панагюрище. Автори на паметника са чл.-кор. арх. Атанас Ковачев и скулпторът Александър Хайтов³⁶. Същата година, на 30 ноември на фасадата на академичната сграда е поставен барелеф на големия учен.

Академията връчва ежегодно почетен плакет с неговия образ на институти и млади изследователи, медал на лента „Марин Дринов“ на бележити наши и чуждестранни учени. Честват се годишнини от рождението му с изложби, конференции с международно участие в България, провеждат се регулярно Дриновски четения в Харковския университет. Появяват се солидни трудове, като тези на проф. Л. Горина, посветени на фундаменталното му книжовно наследство, откриват се нови извори за неговия живот и творчество. Активна дейност провеждат училищата, носещи неговото име, в Панагюрище, София, Плевен и Кюстендил. Отзвук от тези мероприятия има сред българската общественост, пресата и в интернет.

Големият документален масив, разпръснат във фондовете на НА–БАН е солидна база за нови попълнения на цифровизираното издание „Дигитален архив Марин Дринов“. Количественото и тематичното допълване и обновяване на фонда ще даде възможност на изследователите свободно да използват дигиталните копия, както и да споделят изявите на почит към неговото дело. Запазването на документалното наследство, паметта на нацията е важна задача и цел на цялата архивна система, а неговото използване и интерпретиране – на изследователите. Нещо повече – допълването и разширяването на проекта е актуално и през тази година, когато Академията отбелязва своята 145-годишнина. Името на проф. Дринов е тясно свързано с изграждането на първите държавни институции, както и с избора на София за българска столица³⁷. Неговата творчество е част от културно-историческото наследство, запазването и изучаването на което ще бъде принос в мероприятията на Столичната община в надпреварата ѝ за културна столица на Европа през 2019 г.

¹ Пантелей, А., Б. Гавrilov. 100-те най-влиятелни българи в нашата история. С., 1997, с. 113.

² Тилева, В. Архивът на Марин Дринов. / В. Тилева, З. Нонева // Марин Дринов – материали от българо-съветска научна конференция „150 години от рождението на М. Дринов“ и „110 години от Народна библиотека „Кирил и Методий“, ноември 1988. С., 1989, с. 227.

³ Посочена е само една малка част, тъй като подборът и броят на документите тепърва ще се уточнява.

⁴ Тодор Пейов (1838–1904) – учител и революционер. Сътрудник на В. Левски, а след неговата смърт – на Л. Каравелов и Хр. Ботев. Деловодител на БКД.

⁵ НА–БАН, ф. 1К, оп. 1, а.е. 416, л. 1–2.

⁶ Васил Златарски (1866–1935) – историк, продължител на научното дело на Дринов. Дописен (1898) и действителен член на БКД (1900), секретар и председател на Историко-филологическия клон на БКД и БАН.

⁷ НА–БАН, ф. 9К, а.е. 930, л. 1–2.

⁸ Дринов, А. А. Взгляд из окопа. Сафонов–Дринов, В. А. По следам моего прадеда. Воронеж, 2013, с. 217; Сафонов, А. А., В. А. Сафонов–Дринов. Поглед от окопа. По следите на моя прадядо (превод от руски език). С.: АИ „Проф. Марин Дринов“, 2013.

⁹ Васил, Д. Стоянов (1839–1910) – книжовник и общественик. Основател, деловодител (1869–1872) и председател на Привременния управителен комитет (1882–1884) и подпредседател на БКД в София (1884–1898). Редактор на БКД в Браила (1870–1872) и в София (1882–1884, 1887–1898).

¹⁰ Константин Иречек (1854–1918) – чешки учен, историк. Дописен (1872), редовен (1882) и почетен (1898) член на БКД. Има заслуги за възстановяване на дейността на БКД в София.

¹¹ НА–БАН, ф. 3К, а.е. 96, л. 105.

¹² Сис, Вл. Кореспонденцията на д-р Константин Иречек с Марин Дринов. – Годишник на народната библиотека в София за 1923, № 2, 1924, с. 121–131.

¹³ Периодическо списание, Браила, 1, 1870, № 1, с. 12–13.

¹⁴ Периодическо списание, Браила, 1870, № 2, с. 9–12.

¹⁵ Филипов, Н. Марин Дринов. – В: web „Библиотека Български писатели“. Под редакцията на Н. Аревова. Варна: LiterNet, 2004.

¹⁶ По-голяма част от тях БКД издава в два тома: Т. 1. Българска и славянска история, 1909. 688 с.; Т. 2. Българска църковна история и езикознание, 1911. 598 с.

¹⁷ Златарски, В. Н. Преглед на тридесетгодишната научно-книжовна дейност на проф. М. С. Дринов. // Сборниче за юбилея на Марин Дринов, 1869–1899. С., 1900, с. 43.

¹⁸ Иван Шишманов (1862–1928) – литературен историк, университетски преподавател, общественик. Действителен член на БКД (1902) и на редица чуждестранни дружества и академии.

¹⁹ Кузман Шапкарев (1834–1909) – учител, книжовник. Дописен (1875) и действителен член на БКД (1900).

²⁰ Голяма част от тях, съхранявани в Браилската архивна сбирка (фонд 1К, оп. 1), са публикувани. Документите от фонда на Дружеството, след прехвърлянето на неговата дейност в София, са по-малко известни: ф. 1К, оп. 2, а.е. 1, 8, 29, 41, 51, 52, 154, 174, 167, 250, 272, 263, 968.

²¹ Снегаров, Ив., П. Миатев, Д. Велева, Л. Костадинова. Документи за историята на БКД. Т. 2. С., 1966, с. 15.

²² НА–БАН, ф. 3К, а.е. 97, л. 2.

²³ НА–БАН, ф. 1К, оп. 2, а.е. 3.

²⁴ НА–БАН, ф. 3К, а.е. 96, л. 79–82

²⁵ НА–БАН, ф. 3К, а.е. 96, л. 89.

²⁶ Някои от документите по темата в PDF формат имат и разчетено съдържание.

²⁷ НА–БАН, ф. 1К, оп. 1, а.е. 12.

²⁸ НА–БАН, ф. 1К, оп. 1, а.е. 11.

²⁹ НА–БАН, ф. 1К, оп. 1, а.е. 3.

³⁰ НА–БАН, ф. 1К, оп. 2, а.е. 5, л. 3.

³¹ НА–БАН, ф. 1К, оп. 2, а.е. 89. Актът и първият устав са положени в основите на сградата на Академията при направата на първата копка.

³² НА–БАН, ф. 1К, оп. 2, а.е. 738.

³³ НА–БАН, ф. 129 К, а.е. 8.

³⁴ НА–БАН, ф. 43 К, а.е. 34; В ЦДА се съхранява протокол от заседание на Министерския съвет за разглеждане на проекта на М. Дринов за създаване на Държавен съвет от 21 август 1881 г.

³⁵ НА–БАН, ф. 11К, оп. 3, а.е. 825, л. 23 и 24.

³⁶ Христова, В. БАН откри паметник на Марин Дринов. // Дума, 16 юни 2010, № 135.

³⁷ В писмото си от 1 април 1906 г. до Ст. Добрович, начальник на тайната канцелария на княз Фердинанд, проф. Ив. Шишманов пише: „Господарят навсярно знае, че Дринов има между друго и тая заслуга, че по негово настояване се избра за столица на България София, като средище на целия Балкански полуостров“.

ВЛАШСКИЕ ГОСПОДАРИ И БОРЬБА ЗА ВИДИН: ЭПИЗОДЫ БАЛКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV В.

P. Бутучел

Бутучел, Р. Волоські господарі й боротьба за Відин: епізоди балканської політики другої половини XIV ст.

Збалансована зовнішня політика Волошини у XIV ст. мала на меті передусім збереження державності. Для реалізації цього завдання волоські правителі домагалися лояльності та підтримки своїх сусідів болгар. Господарі Ніколає Александру, Владу Воде, Мирча Старий, зберігаючи вірність родинним, політичним й іншим зв'язкам з болгарами, виступали союзниками відинського царя у боротьбі проти угорської та османської експансії.

Ключові слова: балканська політика, волосько-болгарські зв'язки, Відинське царство, політика експансії.

Бутучел, Р. Влашские господари и борьба за Видин: эпизоды балканской политики второй половины XIV в.

Сбалансированная внешняя политика Валахии в XIV в. своей главной целью ставила сохранение государственности. Для реализации этой задачи влашские правители добивались лояльности и поддержки своих соседей болгар. Господари Николае Александру, Владу Водэ, Мирча Старый, верные родственным, политическим и иным связям с болгарами, выступали союзниками видинского царя в борьбе против венгерской и османской экспансии.

Ключевые слова: баланская политика, влашско-болгарские связи, Видинское царство, политика экспансии.

Butucel, R. Wallachia's Rulers in Battle for Vidin. Episodes of the Balkan Politics in the Second Half of 14th Century

Main task of Wallachia' 14th century foreign policy was dealing with its statehood preservation. To reach this purpose Vlach princes were seeking for Bulgarian tsars' loyalty and support. In this respect, Wallachia's rulers Nicolae Alexandru, Vlaicu Vode, Mircea the Elder devoted to family, political and other alliances, were involved in campaign of Vidin Tsardom defense, fighting on the site of Vidin Tsar Ivan Stratsimir against Hungarian and Ottoman expansions.

Keywords: Balkan politics, Vlach-Bulgarian relations, the Tsardom of Vidin, expansion policy.

Внешняя политика Валахии, которая в XIV в. ставила своей главной целью сохранение государственности, была насыщена как дипломатическими, так и военными действиями и конфликтами с западными, южными и восточными соседями.

Рассматриваемые нами реалии балканской политики второй половины XIV в. свидетельствуют о причастности влашских господарей к борьбе Видинского царства за отстаивание своей независимости. Сразу же отметим, что сотрудничество между влашами и болгарами на данном историческом этапе не является изолированным явлением в политике двух государств, совсем наоборот. Отношения между влашскими господарями и болгарскими царями были обусловлены не только необходимостью военно-политического альянса для противостояния региональным гегемонам, но и другими весомыми факторами, способствовавшими солидаризации двух народов: православной верой, тесными династическими связями, общими культурными характеристиками и т.д.¹. Таким образом, союз с болгарами был константой внешней политики Валахии на всем протяжении XIV в. за исключением действий господарей Раду I (1377–1383 гг.) и Дана I (1383–1386 гг.), которые поддержали Видинского царя Стракимира в борьбе против его соперника Тырновского царя Ивана Шишмана².

Во второй половине XIV в. динамика политического процесса в Юго-Восточной Европе зависела преимущественно от двух факторов: Венгерского королевства, стремившегося к расширению своей сферы влияния на нижнем Дунае и Балканах, и Османской империи, которая активно участвовала в завоевательных войнах, расширяя территориальные владения султана за счет стран региона. Для сохранения своей государственности неболь-

шие страны Юго-Восточной Европы вынуждены были проводить осторожную политику, которая позволяла им балансировать между более сильными державами.

С самого начала существования средневекового княжества Валахия основная задача внешней политики его первых господарей состояла в политической эмансиляции, избавлении от венгерского сузеренитета и обретении независимости³. В целях реализации данного плана влашские правители добивались лояльности и поддержки своих соседей, в данном случае болгар.

Так, в 1323 г. Басараб I (1330–1352), основатель Влашского княжества, находясь в родственных отношениях с династией Асеней⁴, поддержал болгарского царя Михаила III Шишмана (1323–1330) в его противостоянии с Византией. Тогда, по словам византийского автора Ионна Кантакузина, на стороне болгар сражались много «унгровлахов»⁵. Другой византийский источник, Никифор Григора (1295–1360), свидетельствует о том, что господарь Валахии послал царю болгар вспомогательный контингент из трех тысяч «скифов» (татар, алан и влахов), чтобы поддержать его войско в битве при Вельбуже 1330 г. с сербским королем Стефаном Душаном⁶.

Когда к концу правления Ивана Александра (1331–1371) произошло разделение Болгарии на две территориальные единицы: Тырновское царство и Видинское царство, последнее, как союзник Валахии, в короткое время стало весьма уязвимым перед экспансионистским политическим курсом анжуйской Венгрии⁷. Несомненно и то, что военно-политический вес Видина значительно уступал потенциальному единого болгарского государства, которое в начале XIV в. помешало венграм осуществить наступление на Валахию Басараба I⁸.

Влашский господарь Никола I Александр (1352–1364), сын Басараба-основателя, завершил свое правление в достаточно напряженных отношениях с Венгерским королевством, что и повлияло на решение последнего начать военные действия против преемника Николае Александра. Влайку (Владислав I, 1364–1377), продолжая политическую линию отца в отношениях с западным соседом, своим отказом принести клятву вассала короне Святого Иштвана лишь усугубил затянувшийся политический конфликт с Венгрией⁹.

Конфликт этот будет иметь прямые последствия для Ивана Страцимира (1356–1396), правителя Видинского царства, союзника и родственника Влайку¹⁰. В 1365 г. войско венгерского короля Людовика (Лайоша) I (1342–1382) нападает на Страцимира, аннексировав северо-западную часть его царства. Царь Видина и его семья были пленены¹¹. Завоеванные территории вместе с тимишоарской частью Баната Северина образовали Болгарский Банат. Видинское царство контролировалось венгерскими наместниками Бенедиктом Химфи (Benedict Himfy) и Николаем Контом (Nicolai Kont)¹².

В румынской историографии утверждалась точка зрения, что решение Людовика I начать военные действия против Видинского царства преследовало цель «интимидацию» Валахии. Властвование венгров в Трансильвании, их контроль над частью сербских территорий, аннексия Видина имели свое «логическое продолжение» в покорении венграми Валахии¹³.

Визит Иоанна V Палеолога в Буду (1366), в условиях нарастающей османской угрозы для Империи, означал по сути согласие Византии с внешней политикой католических государств. Одновременно данная политическая инициатива василевса вызвала разногласия между имперскими властями и Константинопольской Патриархией, которая в своей антиосманской политике опиралась на православные государства Юго-Восточной Европы¹⁴. Присутствие византийского императора в столице Венгрии дало Людовику I необходимые политические аргументы для интервенции на Балканы в своем новом качестве лидера крестового похода против турок¹⁵.

В создавшейся ситуации влашский господарь Владислав Влайку был вынужден пойти на уступки, признав статус вассала венгерской короны. Подлинные причины такого шага Влайку до сих пор остаются дискуссионным вопросом среди историков¹⁶. В частности, одна из версий, приводимая в этой связи, указывает на несогласованность политических программ правящих венгерских кругов¹⁷. Так, еще в 1366 г. влиятельная партия Лакфи (Lackfy), которая пользовалась поддержкой королевы-матери Елизаветы (сестра короля Казимира III), выступала противником экспансии на Балканах, поскольку это могло скомпрометировать интересы Венгерского королевства в вопросе наследования польской короны¹⁸. Вследствие чего в течение 1367 года венгерский монарх

был вынужден отказаться от своего амбициозного «балканского проекта». Тем не менее Людовик Анжуйский оставался сюзереном Валахии, продолжая оккупировать Видин¹⁹.

Взамен лояльности Влайку получил от короля Банат Северина и часть земель герцогства Фэгэраш²⁰. Между тем военное присутствие венгров в Видине представляло для Валахии постоянную угрозу. Именно поэтому эмиссары Константинопольской Патриархии были хорошо приняты при дворе Влайку, обещавшего участвовать в решении проблемы Видина (имелись ввиду случаи агрессивного католического прозелитизма на территории царства со стороны миссионеров-францисканцев)²¹.

Несмотря на отсутствие точных данных, румынские историки (К. Журеску, Н. С. Танашока и др.) выдвигают гипотезу прямой интервенции влашского господаря в пользу болгар в событиях 1368 г., имевших место в Видине, в связи с попыткой насильственного обращения православного населения в католичество²². Это предположение получило развитие в специальных исследованиях, в которых допускается возможность заключения в 1368 г. соглашения между влашским господарем, царем Шишманом и деспотом Добружи Добротичем и оказания военной поддержки видинцам со стороны союзников²³. Однако за неимением точных сведений по данному вопросу, выдвигаемая гипотеза не может быть принята во внимание как доказанный факт. На самом деле, по мнению исследователей Мирчи Матей и Раду Кырчумару, поводом для начала Венгрией военных действий против Валахии послужил отказ господаря поддержать военные контингенты венгров в Видине, равно как и существование секретной дипломатии между княжеством и Константинопольской Патриархией²⁴.

Венгерское наступление на Валахию началось в ноябре 1368 г. и закончилась благополучно для последней. Военный успех Влайку дал ему возможность предпринять атаку на Видин, закрепить который Людовику оказалось не по силам²⁵. В свете современных исследований²⁶ можно предположить, что захват Влайку Видина косвенно оказался выигрышным ходом для Венгрии, поскольку отказ от активных действий в болгарской зоне со стороны Людовика дало тырновскому царю возможность «занять» видинское пространство с целью соединения двух царств в условиях надвигающейся османской угрозы²⁷.

События, о которых идет речь (одно из немногих военных кампаний наступательного характера в средневековой истории румын), повлекут изменения во внешней политике княжества: Влайку, как и его преемники в дальнейшем, сосредоточат все усилия на противодействии турецкой экспансии²⁸. Договор же, подписанный в августе 1369 г. между Венгрией и Валахией, регламентировал статус Видинского царства. Таким образом, царь Иван Стракимир был реабилитирован, но его государство продолжало находиться в вассальной зависимости от Венгерской короны. Тот же документ признавал Людовика I сюзереном влашского господаря Влайку, который получит в качестве «поощрения» земли Алмаша и Фэгэраша в Трансильвании²⁹. Изменения вектора внешней политики Валахии после 1369 г. означали ориентацию на Венгию как на потенциального союзника против турецкого натиска, также как и заинтересованность в создании действующего антиосманского блока на Балканах с участием болгар.

В 1386 г., когда на княжение в Валахии вступит Мирчя Старый (1386–1418), главной проблемой всех государств Юго-Восточной Европы станет османское наступление. Еще в правление Влайку (1369 г.) совместными влашско-венгерскими усилиями удалось отразить атаку турок и их союзника тырновского царя Ивана Шишмана на Видин³⁰. Однако успех оказался временным.

Мирчя, в свою очередь, поддерживал сопротивление болгар, греков и сербов турецкому нашествию³¹. Во время османского натиска на северодунайском направлении в 1390–1391 гг., турки, разграбив Видин, предприняли наступление на Валахию. Однако согласно «Летописи Зографского монастыря», господарь, став во главе своего войска, отразил атаку, заставив осман отступить³². В рамках этой же кампании влашский господарь в союзе с Иваном Стракимиром, изгнанным видинским царем, отвоевали у турок Видин. Стракимир будет править до 1396 г. – года покорения царства Баязилем I³³.

В качестве выводов отметим, что о влашско-болгарском военно-политическом сотрудничестве второй половины XIV в. выделяются два периода: первый (1364–1369 гг.), когда главная задача влашской политики – укрепление государственной власти – была обусловлена необходимостью обеспечить себе лояльных соседей и союзников в лице болгар в случае угрозы со стороны Венгрии; и второй период (после 1369 г.), императивом

которого была антитурецкая борьба, повлекшая за собой изменение влашского стратегического плана. После 1369 г. болгары рассматриваются как союзники против общего врага – Османской империи. Заметим, что как в первом, так и во втором случае, правящие круги Валахии были заинтересованы в монолитности территориально-политической конфигурации Балкан и, соответственно, в сильном унитарном Болгарском государстве, чем и можно объяснить участие Раду I и Дана I в войне между видинским и тырновским царями на стороне последнего.

¹ *Papacostea, S.* Evul mediu romanesc. Realități politice și curente spirituale. Bucuresti: Corint, 2001, p. 81-186.

² *Gandea, V.* Pagini din trecutul diplomației românești. V. D. Gandea, Giurescu, M. Malita. Bucuresti: Ed. Politica, 1966, p. 43.

³ Ibid, p. 22.

⁴ Дочь Басараба I Теодора была замужем за болгарского царя Ивана Александра. – См.: Cazacu M., Muresan I. Ioan Basarab, un domn roman la incepurile Tarii Romanesti. M. Cazacu, I. Muresan. Chisinau: Cartier, 2013, p. 60.

⁵ Ioan Cantacuzino. Istoria // Fontes Historiae Daco-Romaniae. Vol. III. Scriptores Byzantini sec. XI-XIV. Bucuresti: Editura Academiei, 1975, p. 483.

⁶ Nichifor Gregorius. Istoria românilor // Fontes Historiae Daco-Romaniae. Vol. III. Scriptores Byzantini sec. XI-XIV. Bucuresti: Editura Academiei, 1975, p. 513.

⁷ Matei, M., Carciunaru, R. Studii noi despre probleme vechi. Din istoria evului mediu romanesc. M. Matei, R. Carciunaru. Targoviste: Editura Cetățea de scaun, 2004, p. 79.

⁸ Ibid, p. 80.

⁹ Данная политическая программа имела цель эманципация Валахии – завершение венгерского сузеренитета и обретение независимости княжества (см.: Xenopol A. D. Istoria Romanilor din Dacia Traina. Vol. II. Bucuresti: Editura Librariei Scoalelor, 1986, p. 76-77).

¹⁰ Constantinescu, N. Vlaicu Vladislav I (1364-1377). Bucuresti: Editura Militara, 1979, p. 11.

¹¹ Ibid, p. 15.

¹² Holban, M. Din cronică relațiilor romano-ungare în secolele al XIII-XIV-lea. Bucuresti: Editura Academiei RSR, 1981, p. 165.

¹³ Ibid, p. 161-162.

¹⁴ Matei, M. Studii noi despre probleme vechi. Din istoria evului mediu romanesc, p. 82; Holban, M. Contribuții la studiul raporturilor dintre Tara Romaneasca si Ungaria angevina (Rolul lui Benedict Himfy in legatura cu problema Vidinului) // Studii si materiale de istorie medie // Institutul de istorie Nicolae Iorga. T. I. Bucuresti, 1956, p. 4-82.

¹⁵ Holban, M. Din cronică relațiilor romano-ungare în secolele al XIII-XIV-lea. Bucuresti: Editura Academiei RSR, 1981, p. 164.

¹⁶ Giurescu, C. Istoria romanilor. Vol. II. Bucuresti: All Educational, 2003, p. 289.

¹⁷ Bărbulescu, M. Istoria României. M. Bărbulescu, D. Deletant, K. Hitchins, S. Papacostea, P. Teodor. Bucuresti: Editura Univers Encyclopedic, 1998, p. 331.

¹⁸ Holban, M. Din cronică relațiilor romano-ungare în secolele al XIII-XIV-lea, p. 178-179.

¹⁹ Holban, M. Contribuții la studiul raporturilor dintre Tara Romaneasca si Ungaria angevina (Rolul lui Benedict Himfy in legatura cu problema Vidinului), p. 79.

²⁰ Gandea, V. Pagini din trecutul diplomației românești, p. 43.

²¹ Holban, M. Din cronică relațiilor romano-ungare în secolele al XIII-XIV-lea, p. 162.

²² Matei, M. Studii noi despre probleme vechi. Din istoria evului mediu romanesc, p. 80.

²³ Iorga, N. Lupta pentru stăpânirea Vidinului în 1365-1369 și politica lui Vladislav Voda fata de unguri. Un episod din cucerirea Peninsula Balcanice de turci // Studii asupra Evului Mediu romanesc. Bucuresti: Editura Stiintifica si Enciclopedica, 1984, p. 134.

²⁴ Matei, M. Studii noi despre probleme vechi. Din istoria evului mediu romanesc, p. 81.

²⁵ Constantinescu, N. Vlaicu Vladislav I (1364-1377). Bucuresti: Editura Militara, 1979, p. 125.

²⁶ Matei, M. Studii noi despre probleme vechi. Din istoria evului mediu romanesc, p. 82.

²⁷ Ibid, p. 83.

²⁸ Gandea, V. Pagini din trecutul diplomației românești, p. 51.

²⁹ Ionascu, I. Tratatele internationale ale Romaniei in documente (1368-1900). I. Ionascu, P. Bărbulescu, Gh. Gheorghe. Bucuresti: Editura Politica, 1971, p. 19-44.

³⁰ Constantinescu, N. Vlaicu Vladislav I (1364-1377). Bucuresti: Editura Militara, 1979, p. 155.

³¹ Panaiteescu, P. P. Mircea cel Batran. Bucuresti: Editura Corint, 2000, p. 138.

³² Зографска българска история, по преписъ от 1785 г. // Български стариини из Македония. // Второ допълнено издание, събрани и обяснени от проф. Йорданъ Ивановъ. София: Държавна Печатница, 1931, с. 641.

³³ Panaiteescu, P. P. Mircea cel Batran, p. 257.

ДОБА НАЦІОНАЛЬНОГО ВІДРОДЖЕННЯ ТА УКРАЇНО-БОЛГАРСЬКІ ЗВ'ЯЗКИ

УДК 28 (497.2) «16/17»

«ПОТОМКИ АБДУЛЛАХА» В БОЛГАРСКОМ ОБЩЕСТВЕ В КОНЦЕ XVII–XVIII ВВ. (ПО ДАННЫМ КАДИЙСКИХ РЕГИСТРОВ)

A. A. Леонтьева

Леонтьева, А. А. «Нашадки (сыни) Абдуллаха» в болгарском обществе в конце XVII–XVIII ст. (за данными кадийских регистров)

Стаття присвячена процесам добровільної ісламізації в болгарських провінціях Османської імперії кінця XVII–XVIII ст. Автор робить спробу на підставі аналізу документів кадийського суду (сіджилів) Софії виявити можливі мотиви добровільного навернення в іслам, прослідкувати подальшу долю мусульман у першому поколінні та їхню інтеграцію у міське суспільство наприкінці XVII–XVIII ст.

Ключові слова: Османська імперія, Болгарські землі, ісламізація, кадийських суд.

Леонтьева, А. А. «Потомки Абдуллаха» в болгарском обществе в конце XVII–XVIII вв. (по данным кадийских регистров)

Статья посвящена процессам добровольной исламизации в болгарских провинциях Османской империи в конце XVII–XVIII вв. Автором предпринимается попытка на основании анализа документов кадийского суда (сіджиллов) Софии выявить возможные мотивы добровольного перехода в ислам, проследить дальнейшую судьбу мусульман в первом поколении и их интеграцию в городское общество в конце XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: Османская империя, Болгарские земли, исламизация, кадийский суд.

Leont'eva, A. A. “Sons of Abdullah” in Bulgarian society in the late 17th-18th c. (according to materials of the qadis’ courts registers (sicills) of Sofya)

The article concerns the processes of voluntary islamisation in the Bulgarian provinces of Ottoman Empire in 17th-18th c. Using materials of the qadis courts registers (sicills) of Sofya the article tells about probable motives and reasons of people’s conversion to Islam, their life like a “new Muslims” and integration to Sofia’s society.

Keywords: Ottoman Empire, Bulgarian lands, Islamisation, qadis’ courts.

В конце XVII–XVIII в. в болгарских провинциях Османской империи отмечается всплеск т.н. добровольной исламизации, обусловленной рядом причин, в том числе социально-экономической ситуацией, сложившейся в Османском государстве и его балканских провинциях¹. В болгарской историографии сложилась традиция оценки этого явления как результата «косвенного принуждения – ежедневной экономической, национальной и религиозной дискриминации немусульманского населения»².

Анализ документов кадийского суда³ – протоколов купли-продажи, наследственных описей, прошений о добровольном обращении в ислам – позволяет на конкретных примерах увидеть, что представляло собой явление добровольной исламизации в болгарских землях в рассматриваемый период.

Такое возможно благодаря тому, что в судебных документах обязательным являлось указание полного имени, иногда прозвища человека, вместе с именем его отца. В именах людей, упоминающихся в кадийских регистрах, выделяются имеющие в своем составе слово «Абдуллах», что в переводе с арабского означает «слуга, раб Аллаха», «сын Божий». Такой антропоним означал, что его носитель стал мусульманином недавно, и, перейдя в «истинную веру», порвал все прежние связи, как того требовала традиция. С этого момента Аллах становится для него «верховным повелителем и отцом»⁴, и, дабы не «осквернять» мусульманина упоминанием имени его отца из числа неверных⁵, вместо имени его отца-немусульманина появляется имя Абдуллах.

Существовало два варианта употребления такого имени и его дальнейшего восприятия и использования. В первом случае определение «сын Аллаха» становится частью

личного имени – например, Мустафа Абдуллах. В таком случае, его сын, мусульманин во втором поколении, еще будет упоминаться как «сын Абдуллаха» (напр. Али, сын Абдуллаха). Соответственно в третьем мусульманском поколении этой семьи упоминание Абдуллаха теряется (т.е. внук будет фигурировать уже как, например, Хасан, сын Али), что делает невозможным установить, что их предки перешли в ислам из другой веры всего лишь во втором поколении. Но нередок был также вариант, при котором перешедший в ислам человек в документах сам записывается как «сын Абдуллаха». Эта, на первый взгляд, нелогичность объясняется тонкостями употребления в османском языке слова «сын» в различных вариантах, что сглаживается при переводе документов. В таком случае уже первое поколение потомков перешедшего в ислам человека теряет имя Абдуллах⁶. Таким образом, источники предоставляют возможность проследить судьбу лишь одного-двух поколений семей «новых мусульман».

В протоколах купли-продажи, а также в наследственных описях «потомки Абдуллаха» ничем не выделяются и упоминаются как в качестве прямых участников процесса – в числе продавцов и покупателей имущества, так и среди свидетелей сделки, соседей, кредиторов, полномочных представителей одной из сторон-участниц. Это дает возможность проследить дальнейшую жизнь перешедших в ислам людей, предположить их возможные мотивы смены религии. Всего из 350 документов купли-продажи и наследственных протоколов, находящихся в нашем распоряжении, в 119-ти, то есть почти в трети, в том или ином качестве упомянуты «потомки Абдуллаха», что уже говорит о масштабности исламизационных процессов в данный период.

Еще один вид документов, активно используемый при исследовании акта добровольной исламизации, – массовые прошения к центральной власти об обращении в ислам. Они носят во многом формальный характер, поскольку в них присутствует одно действующее лицо – человек, обращающийся к султану с просьбой оказать ему честь стать мусульманином. В отличие от документов купли-продажи, этот вид источников практически не дает возможность проследить социальные связи и статус новообращенного, однако предоставляет сведения о возможной причине принятия ими решения о смене религии.

Одной из причин, побуждавшей к смене религии, определенно была возможность решения житейских проблем и выхода из сложной ситуации. Яркой иллюстрацией тому является докладная записка о переходе в ислам отца и семерых его детей в 1678 г.⁷. В этом документе человек от своего имени и от имени своих детей обращается к султану с просьбой удостоить его, бывшего христианина, чести принять ислам. В этом случае человеку и его детям было предоставлено ежедневное содержание в 14 акче⁸. Однако это особый случай; как правило, подобные выплаты при переходе в ислам были единовременными. Их размеры зафиксированы в «Описи сумм, затраченных на исламизацию 379 человек» 1679–1680 гг.⁹. Из описи следует, что каждому перешедшему в ислам мужчине в эти годы было выплачено по 1200 акче, женщинам – 2170 акче, мальчикам по 700 и девочкам по 1000 акче. Чтобы понять масштаб этих выплат, можно обратиться к наследственным описям имущества: например, в 1698 г. дом одного из умерших жителей Видина был оценен в 3600 акче. Таким образом, при переходе в ислам семья из трех человек получала выплату, достаточную для покупки дома¹⁰.

Кроме того, людям, перешедшим в ислам из других религий, предоставлялась специальная одежда, затраты на которую также зафиксированы в этой описи. В том же документе указывается, что всего на шальвары для перешедших в ислам мужчин и женщин было израсходовано 404 локтя* красного лондонского сукна из имеющегося в наличии на складе¹¹ общей стоимостью 583 020 акче. Примечателен также тот факт, что ткань на пошив одежды для новообращенных мусульман была именно красного цвета – представителям других конфессий носить красную одежду запрещалось¹². Таким образом, получение ими красных шальваров приобретает в некотором роде символическое значение. Стоит отметить, что к середине XVIII в. относятся упоминания того, что вопреки издавна устоявшимся правилам, оговаривающим как подобает выглядеть немусульманам империи (поскольку «евреи и христиане – не кто иные, как обыкновенная рабы, и совершенно естественно, что их внешний вид и походка, по закону шариата и логически, должны в большой степени от-

* 1 локоть – 50–60 см, т.е. 404 локтя – примерно 240 м.

ражать их немощь и низость»), участились случаи несоблюдения этих запретов. В связи с этим в 1757 г. был издан султанский ферман, где вновь были сформулированы запреты на ношение меха рыси, ласки, выдры, степной лисицы и других животных, одежды цветного сукна, высоких головных уборов, а также на «езду на коне без разрешения и на лодках с тремя парами весел»¹³.

Можно привести еще один очень яркий пример вероятного видения в переходе в исlam пути выхода из сложной жизненной ситуации, правда, несколько иного рода. К 1723 г. относится обращение некоего моряка, находящегося шесть месяцев в тюрьме по подозрению в соучастии в убийстве¹⁴. Будучи в заключении, этот человек сменил религию, принял имя Кара Мустафа и обращается к султану с просьбой содействовать решению его проблемы. Он пишет, что проходил на корабле по Дунаю, когда на борту произошел конфликт между несколькими членами команды и один из его участников был убит, а Кара Мустафа был схвачен как возможный соучастник и посажен в тюрьму. Это его обращение с просьбой предпринять какие-то действия в связи с его делом интересно тем, что сопровождается рядом приписанных резолюций. В начале канцелярия великого визиря попросила уточнить был ли он мусульманином на момент возможного совершения преступления, и если нет, то когда он принял исlam. После подтверждения того, что Кара Мустафа принял исlam с несколькими своими товарищами, находясь в тюрьме, последовало распоряжение о том, что он должен быть прощен и освобожден. В данном случае нельзя сказать, что именно переход в исlam стал прямой причиной прощения и освобождения человека из заключения. Однако смена религии дала ему возможность инициировать повторное рассмотрение его дела и, безусловно, способствовала ускорению процесса его решения.

Интересные сведения о формальном во многом подходе к смене религии можно встретить при обращении к материалам наследственных дел. К 1698 году относится протокол о распределении в Видине наследства покойного мусульманина Ахмеда¹⁵, наследниками которого стали трое его малолетних детей, а также плод в утробе его вдовы, «очевидно беременной от покойного Ахмеда» христианки Иваны. Изначально, поскольку вдова покойного не является мусульманкой и не имеет права наследовать супругу-мусульманину, в качестве наставника над малолетними и не родившимся еще ребенком Иваны и держателя наследства был приглашен мусульманин Хусейн, охарактеризованный «заслуживающими доверие мусульманами» как «человек, которому можно доверять, достаточно авторитетен и способен быть наставником», который принял на себя данные обязанности и пообещал исполнять их по мере возможностей. Однако потом в протоколе следует пояснение, что в ходе процесса распределения наследства (которое было осложнено также смертью одного из малолетних, что повлекло за собой перераспределение его доли между оставшимися), вдова Ахмеда Ивана перешла в исlam, приняв при этом мусульманское имя Фатима. Таким образом, она оказалась полноправной наследницей умершего супруга, наставницей своих малолетних детей, распоряжаясь, в том числе, долей не рожденного еще ребенка. Необычность этого примера заключается и в том, что он демонстрирует необязательность смены религии при заключении брака между мусульманином и христианкой – т.е. христианка Ивана годами была супругой мусульманина Ахмеда, родила от него троих детей, Мехмеда, Хусейна и Ханифе, и лишь для вступления в наследство после смерти мужа возникла необходимость ее перехода в исlam.

Еще одно косвенное указание на поддержание внутрисемейных связей после перехода в исlam одного из членов семьи содержится в протоколе о купле-продаже дома в г. Видине двумя женщинами – христианкой Цоной, дочерью Велко, и ее родной сестрой Фатимой-ханым, дочерью Абдуллаха. Интересы Фатимы в суде представляет ее супруг, Мустафа. Дом, который они продают, получен в наследство от умершего отца, христианина Велко. Наследование ему Фатимой в данном случае противоречит нормам мусульманского наследственного права, по которому иноверцы не могут наследовать друг другу. Можно предположить, что в данном случае дочь приняла исlam после вступления в наследство. Однако в любом случае мы видим продолжение поддержания ею отношений с родной сестрой, пусть и продиктованное наличием общей собственности.

Брак с мусульманином, предполагающий переход в религию будущего супруга, также можно считать одним из факторов исламизации, который относится в первую очередь к женской части населения. Количество семейных пар, в которых супруга определяется как «дочь Абдуллаха» достаточно велико, в то время как протоколы с участием семей, где

жена является мусульманкой по происхождению (указано имя ее отца-мусульманина), а муж – «сын Абдуллаха» – относительно редки. Есть также упоминания семей, где оба супруга являются мусульманами в первом поколении, что дает возможность предположить: решение о смене религии они могли принять вместе уже после вступления в брак.

Возможен также вариант, когда один из супругов перешел в ислам, а второй остался верен своей религии, что достаточно необычно. В качестве примера можно привести протокол о самоубийстве христианки – жены мусульманина, «сына Абдуллаха», относящейся к 1683 г.¹⁶. В протоколе рассказывается, что в суд явились трое мусульман, жителей одного из кварталов Софии, (числе которых также был один «сын Абдуллаха»), и сообщили: супруга одного из жителей, Хусейна, сына Абдуллаха, христианка Вида покончила с собой, повесившись в своей комнате на конопляном покрывале. По их просьбе на место происшествия отправились должностные лица и в присутствии перечисленных в конце документа свидетелей зафиксировали все увиденное в протоколе.

Кроме того, в некоторых протоколах встречаются косвенные указания на переход в ислам представителями разных ветвей одной семьи. К 1684 г. относится протокол о разрешении спора о наследстве умершего Мехмеда, сына Абдуллаха. При разделе наследниками были определены его вдова Исмихан, малолетняя дочь и родной брат умершего мусульманина Ибрагим. Вскоре после этого в суд явился Мустафа, сын Абдуллаха, и заявил: покойный был его кузеном – сыном его дяди по отцу, а его брат Ибрагим ввел суд в заблуждение, указав, что Мустафа не является родственником покойного и завладел его долей наследства. Его слова Ибрагим опроверг при свидетельстве трех человек (мусульман), указав, что был родным братом умершего Мехмеда, сына Абдуллаха, а родители их – жители Софии, христиане Стоян и Марча, т.е. Ибрагим имеет полное право на долю наследства, а претензии двоюродного брата безосновательны. Таким образом, из документа следует, что в ислам перешли двое родных братьев и их кузен. Кроме того, в доказательстве родства братьев были указаны их родители-христиане, что также свидетельствует о не полном отказе от родственников-христиан.

Необходимо отметить и зафиксированные в османских документах свидетельства о переходе принявших ислам обратно в христианство. Нередко в них содержатся косвенные указания на то, что решения о смены религии, возможно, в обоих случаях, было принято не совсем самостоятельно. Например, недатированное обращение к султану некоего мусульманина Ибрагима, желавшего жениться на перешедшей в ислам армянской девушке. Однако, как пишет Ибрагим, ее родственники настояли на возвращении ее в христианство, что препятствует их женитьбе. За справедливостью Ибрагим обращается в сultансскую администрацию с просьбой как-то повлиять на решение этого вопроса¹⁷.

Еще один существенный фактор, способствовавший росту числа мусульман, – освобождение из рабства при переходе раба в ислам. Освобождение раба также фиксировалось в кадийском суде, где в присутствии свидетелей хозяин заявлял, что его раб принял «истинную веру», и он дарует ему свободу. С этого момента упомянутый раб свободен, и хозяин «не имеет на него никаких иных прав, кроме как права на покровительство». Безусловно, этот фактор исламизации не затрагивал местное славянское население – ряды рабов пополнялись, в основном за счет пленных или купленных на невольничих рынках. Среди них были немцы, русские, украинцы, грузины¹⁸. Однако, получив свободу, эти люди, новообращенные мусульмане, оставались в этих землях, пополняя таким образом ряды мусульман и постепенно растворяясь в местном обществе.

Что касается социального положения «новых мусульман», анализ документов показывает, что недавно перешедшие в ислам – в основном достаточно успешные люди. Например, в 1739 г. имущество умершего брадобрея Али челеби, сына Абдуллаха, было оценено в 45 455 акче. Это можно сравнить, например, с наследством мыловара мусульманина Мурада Беше, общая стоимость имущества которого в том же году составила всего 9613 акче¹⁹. В то же время, в делах, где речь идет о разделе имущества представителей городской элиты и продаже дорогой недвижимости, «потомки Абдуллаха» не упоминаются. Как правило, это все же люди среднего достатка, возможно вполне преуспевшие в своем деле.

Можно предположить, что переход в ислам способствовал также продвижению внутри профессионального сообщества ремесленников. Так, например, в документе 1772 г. о споре между эснафами сапожников²⁰ в судебном процессе участвовали две стороны: «кетхуды (старейшины эснафов) сапожного базара» – 10 мусульман, в том числе двое «сы-

новей Абдуллаха», выступающие с претензией к эснафу закройщиков обуви о нарушении ими прежних договоренностей о продажах продукции. Члены этого эснафа, в полном составе присутствующие в суде – христиане.

В 1721 г. в качестве свидетеля сделки о покупке портным Митре дома был приглашен дерзибashi («глава портных») Ахмед, сын Абдуллаха²¹. Это можно считать косвенным указанием не только на то, что смена религии давала возможность карьерного роста, но также на сохранение сменившим религию человеком прежних связей. На это указывает значительное число сделок купли-продажи между немусульманами и «потомками Абдуллаха», а также приглашение «сына Абдуллаха» в качестве представителя интересов немусульман в суде. Например, в протоколе 1617 г.²² о продаже дома двумя христианскими женщинами христианину Стиряни в качестве представителя интересов Ангелины при свидетельстве двух христиан (что также редкость, как правило, в качестве свидетелей приглашаются мусульмане) был определен Мустафа, сын Абдуллаха. Помимо свидетелей сделки в суде, он является единственным из задействованных в ней лиц мусульманином.

Исламизация нередко являлась результатом длительных процессов межкультурной интеграции. Исследователи отмечают, что поскольку мусульманская культура была культурой завоевателей, она воспринималась как элитарная, а христианская культура при контактировании находилась в неравных условиях с мусульманской. Это повлекло за собой, в том числе, переориентацию ремесленного производства на вкусы мусульман²³. Уже в первые века османского завоевания путешественники упоминали существенные заимствования местным, особенно городским, населением, прежде всего, мужчинами, элементов турецкого костюма, при этом особой популярностью пользовались чалмы²⁴. Необходимо отметить, что ношение чалмы немусульманам запрещалось законами шариата²⁵. Этот запрет, как уже говорилось выше, был повторно сформулирован в султанском фермане 1737 г.²⁶.

В наследственных протоколах Софии XVIII в. встретился интересный пример, подтверждающий этот тезис. Православный священник Хранчо (1756 г.)²⁷ был жителем софийского квартала Алишер. Судя по наследственному протоколу, Хранчо занимался производством головных уборов. Значительную часть описанного имущества составляют различные виды головных уборов, судя по их числу, явно предназначенных на продажу. В том числе перечислено несколько вариантов келлепушей – круглых легких шапочек, поддаваемых под кавук (старинный головной убор, на который наматывается чалма). Такое занятие православного священника кажется как минимум странным: согласно шестому правилу «Правил святых апостолов, святых соборов и святых отец» и толкованиям к нему, «священник, принимающий на себя мирские попечения, лишается священства»²⁸. Сумма долгов священника превышала его наследство, и после описи оно было распределено между десятью кредиторами. В числе кредиторов упомянуты несколько ростовщиков, поставщики готовой продукции и сырья, среди которых много мусульман. Например, суконщику Исаилу Хранчо был должен 2280 акче. Так же после описи имущества были выплачены долг немусульманину Христо за аренду лавки и зарплата подмастерью Стояну. Состав кредиторов еще раз доказывает, что православный священник занимался ремеслом и торговлей. Кроме того, продукция его ремесла явно ориентирована на мусульманскую культуру, и присутствие мусульман в списке кредиторов доказывает тесное взаимодействие его как ремесленника с иноверцами.

Подводя итог, можно сделать ряд важных выводов об особенностях исламизации в данный период. Переход в ислам выглядит скорее формальностью, необходимой для решения житейских, порой сугубо бытовых проблем. Практически отсутствует антагонизм между представителями разных религий – после перехода в ислам люди продолжали поддерживать отношения с родственниками-христианами, коллегами по эснафу, соседями. Смена религии перестала восприниматься как поворотный момент в жизни. Кроме того, массовость этого явления указывает также на то, что и со стороны османской администрации отношение к исламизации немусульман также в значительной степени стало формальным.

Необходимо отметить, что по письменным источникам возможно выявить лишь мусульман в первом и втором поколении. Далее различие между перешедшими в ислам местными жителями и мусульманами-потомками переселенцев из Малой Азии на Балканах сглаживается, что делает невозможным в полной мере оценить масштаб и динамику исламизации местного славянского населения.

¹ Радушев, Е. Некоторые черты структуры османского общества в XVIII в. (к оценке «века Паисия»). // От Стамбула до Москвы. Сборник статей в честь 100-летия профессора А. Ф. Миллера. М.: Муравей, 2003, с. 145–160; Мутафова, К. Доброволните помюсюлманчивания в Османска империя през последната четвърт на XVII–30-те години на XVIII век. // Етнически и културни пространства на Балканите. Сборник в чест на проф. Цветана Георгиева. Ч. 1. Миналото – исторически ракурси. София: УИ «Св. Климент Охридски», 2008, с. 340–381.

² Мутафова, К. Указ. соч., с. 340; См.: Детальный обзор историографии, с. 340–342.

³ В качестве источника в данной статье использованы материалы кадийского суда Софии, опубликованные в сб.: Турски извори за българската история (далее – ТИБИ). Т. 6. София, 1977; Османски извори за исламизацията процеси на Балканите XVI–XIX. София, 1990.

⁴ Стоянов, В. Личните имена и прозвището «Абдулах» в османотуските документи. // Исторически преглед. – 1986. – № 1. – С. 53; Историо на появления и распространение имени Абдулах см. также: Венедиктова К. Синовете на Абдулах. // Български фолклор. – 1996. – № 3–4. – С. 4–20.

⁵ Димитров, Стр. Скритото християнство и исламизацията процеси в Османската държава. // Исторически преглед. – 1987. – № 3. – С. 23.

⁶ Там же.

⁷ Османски извори за исламизацията процеси на Балканите XVI–XIX. София, 1990, с. 101.

⁸ Там же.

⁹ Там же, с. 103–112.

¹⁰ Там же, с. 17.

¹¹ Там же, с. 105.

¹² Goodwin, J. Lords of the horizons: a history of the Ottoman Empire. New York, 1999, p. 131. Автор также подробно описывает цвета одежды, разрешенные представителям различных этносов и конфессий. Так, например, грекам полагалось носить черные штаны и туфли, армянам – лиловые туфли и фиолетовые штаны, евреям – голубые штаны и туфли и т. д.

¹³ Этот документ неоднократно публиковался в Болгарии в различных сборниках в качестве иллюстраций тяжелого положения покоренных народов Османской империи. – См. Положението на българския народ под турско робство. Документи и материали. София, 1953, с. 97–98; Тодорова, М. Подбрани извори за историята на балканските народи XV–XIX век. София: Наука и изкуство, 1977, с. 56.

¹⁴ Османски извори за исламизацията процеси на Балканите, с. 180.

¹⁵ Там же, с. 287.

¹⁶ Там же, с. 255.

¹⁷ Там же, с. 247.

¹⁸ Подробнее о работоговле в Османской империи см.: Devis F. The Ottoman Lady. A social history from 1718 to 1918. New York-London: Greenwood press, 1986, p. 99–118.

¹⁹ ТИБИ. Т. 6, с. 43.

²⁰ ТИБИ. Т. 6, с. 370.

²¹ ТИБИ. Т. 6, с. 287.

²² ТИБИ. Т. 6, с. 228.

²³ Макарова, И. Ф. Болгары и турки в Османской империи: идеологические стереотипы и культурное взаимодействие. // Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. М., 2011, с. 162–164.

²⁴ Она же. Болгарский народ в XV–XVIII вв. М.: Комкнига, 2005, с. 63.

²⁵ Гиргас, В. Права христиан на Востоке по мусульманским законам. СПб, 1865, с. 35.

²⁶ Положението на българския народ под турско робство. Документи и материали. София, 1953, с. 97–98; Тодорова, М. Подбрани извори за историята на балканските народи XV–XIX век. София, 1977, с. 56.

²⁷ ТИБИ. Т. 6, с. 66–68.

²⁸ Правила Святых апостолов и Святых отец. С толкованием. М.: Паломник: Сиб. благозвонница, 2000 (репринт: Правила святых апостолов, святых соборов и святых отец с толкованием. М., 1876), с. 22–23 (Правило 6, толкование Аристена).

ЦЕРКОВНО-НАЦІОНАЛЬНИЙ РУХ ДОБИ БОЛГАРСЬКОГО ВІДРОДЖЕННЯ ЯК «МИРНА РЕВОЛЮЦІЯ»

B. O. Свириденко

Свириденко, В. О. Церковно-національний рух доби Болгарського Відродження як «мирна революція»

У статті розглядаються особливості репрезентації епохи Болгарського національного Відродження та її понятійного осмислення у працях болгарських істориків доби соціалізму; аналізується роль та місце, які відводилися церковно-національному рухові в історичному нарративі про Відродження. Автор також з'ясовує, які поняття використовувалися для позначення руху за незалежність болгарської церкви. Спираючись на методологію дослідження пам'яті, робиться спроба розкрити, які аспекти Відродження використовувалися владою у її політиці пам'яті.

Ключові слова: Болгарське Відродження; «мирна» революція; політика пам'яті; церковно-національний рух; *Begriffsgeschichte* (історія понять).

Свириденко, В. О. Церковно-национальное движение эпохи Болгарского Возрождения как «мирная революция»

В статье рассматриваются особенности репрезентации эпохи Болгарского национального Возрождения и ее понятийного осмысливания в трудах болгарских историков периода социализма; анализируются роль и место, которые отводились церковно-национальному движению в историческом нарративе о Возрождении. Автор также выясняет, какие понятия использовались для обозначения движения за независимость болгарской церкви. Опираясь на методологию исследований памяти, делается попытка раскрыть, какие аспекты Возрождения использовались властью в ее политике памяти.

Ключевые слова: Болгарское Возрождение, «мирная» революция, политика памяти, церковно-национальное движение, *Begriffsgeschichte* (история понятий).

Svyrydenko, V. O. Church-national movement in the period of the Bulgarian Revival as a “peaceful revolution”

The peculiarities of the representation of the period of the Bulgarian national Revival and its conceptual understanding in the works of the Bulgarian historians of socialist period are considered in the paper; the role and place, which were prescribed to church-national movement in historical narrative about the Revival, are analyzed. The author also finds out, which concepts were used for labeling the movement for independence of the Bulgarian church. Resting upon the methodology of Memory Studies, an attempt is made to uncover which aspects of the Revival were used by power in its politics of memory.

Keywords: Bulgarian Revival; “peaceful” revolution; politics of memory; church-national movement; *Begriffsgeschichte* (History of Concepts).

Церковно-національний рух був невід’ємною складовою феномену Болгарського Відродження. За традиційною парадигмою квінтесенцію епохи відображала концепція «подвійного рабства» та відчайдушної боротьби болгар проти нього. Концепція «подвійного ярма» засновувалася на твердженні про перебування болгарського народу під зверхністю Константинопольського патріарха (духовне «грецьке рабство») й під політичним і соціально-економічним османським гнітом («турецьке рабство»). Її висунув ще в «Історії слов’яноболгарській» Паїсій Хілендарський, якого вважають засинателем Болгарського Відродження¹, і згодом вона почала домінувати у працях істориків кількох подальших поколінь, а подекуди трапляється і в сучасних дослідженнях². Інша складова нарративу про національне Відродження, яка була антитезою «подвійного рабства», полягала у боротьбі болгарського народу за визволення з-під цього «рабства».

Доба національного Відродження була фактично відправною точкою історичного нарративу Народної Республіки Болгарії (далі – НРБ). Вона зображувалася як найгероїчніший та найважливіший етап болгарської історії. Одночасно рух за незалежність церкви, який був складовою епохи Відродження, фактично перебував на маргініс історичного нарративу: істориків періоду соціалізму цікавила перш за все соціально-економічна проблематика та діяльність болгарських революціонерів, що готували антиосманське повстання. Відповідно, в історіографічних оглядах, що розкривають розвиток історичної науки НРБ, церковний аспект Відродження не дістав належного висвітлення. У найбільш фундаментальній праці, присвяченій осмисленню національного Відродження болгарськими істориками

ми (праця Р. Даскалова «Как се мисли Българско Възраждане»), проблематика церковного руху розглядається побіжно: у контексті історіографічної дискусії про роль просвітників (еволюціонерів) та революціонерів у процесах Відродження³.

У статті ми маємо на меті розкрити відповіді болгарських інтелектуалів доби соціалізму на виклики, спричинені комплексом легітимаційних завдань нововстановленого комуністичного уряду, з'ясувавши, яка роль відводилася церковно-національній спадщині Відродження (і чи відводилася взагалі будь-яка) у цій легітимаційній риториці. На наш погляд, дослідження образу церковно-національного руху в історичному наративі НРБ має бути поставлене у рамки дослідження пам'яті (Memory Studies)⁴ та історії понять (Begriffsgeschichte, History of Concepts)⁵. Історична наука інтерпретуватиметься нами з позиції досліджень пам'яті як одна із сфер, на котру поширюється політика пам'яті (остання полягає окресленні кола подій, які треба пам'ятати, і ракурсу, яким чином їх треба пам'ятати, а також у політичному використанні подій минулого задля легітимації того чи іншого явища, феномену, процесу, походження та існування тієї чи іншої групи або режиму тощо). При дослідженні змістового наповнення основних понять, котрими позначалися як сам період Відродження, так і його складова – церковний рух, ми відштовхуватимемося від положення Р. Козеллека про те, що поняття відображають реальність, процеси соціальних та політичних змін⁶.

Виходячи із поставленої мети, ставимо перед собою наступні дослідницькі завдання:

- з'ясувати, як бачилася доба Відродження істориками НРБ, та яке місце посідав церковний рух в історичному наративі про Відродження;
- проаналізувати понятійне коло, що використовувалося для позначення як самої доби Відродження, так і її складової, церковного руху.

Джерелами для написання роботи стали праці, присвячені Болгарському Відродженню⁷ та його церковним аспектам⁸, новій історії Болгарії⁹, а також створені за ініціативою партійного керівництва двотомна (т. 1, 1954)¹⁰, трьохтомна (т. 1, 1961)¹¹ і чотиринадцятитомна (т. 5, 1985; т. 6, 1987)¹² «Історії Болгарії», які, на нашу думку, являли собою болгарський історичний наратив доби соціалізму. Окрім того, аби віднайти, на чому засновувалося розуміння Відродження та церковного руху істориками НРБ, як впливали ідеї, висловлені болгарськими істориками-марксистами у попередні часи та прослідувати наступність/перервність у поглядах науковців, до джерельної бази також заличені роботи Д. Благоєва¹³ та Г. Бакалова¹⁴.

Національне Відродження завжди було і залишається донині найбільш запитаним періодом болгарської історії. І в часи так званої «монархо-фашистської диктатури» Відродження поставало ледве не найголовнішим сюжетом історії нації. Проте дослідники цього періоду робили акцент на вивченні церковно-національних та культурно-просвітницьких аспектів Відродження. «Буржуазна історіографія» зводила нанівець значення болгарських революціонерів у розгортанні процесів національного Відродження, наголошуячи на тому, що їх діяльність відіграла негативну, ворожу роль. Саме у церковній боротьбі вони вбачали основний зміст епохи Відродження. Останнє розумілося ними як культурний процес, «духовне відродження»¹⁵. Отже, перед істориками НРБ стояло завдання дистанціювати існуючу владу та нинішніх науковців від попередніх її обстоюти «спорідненістю» соціалістичної влади з революційними діячами часів Відродження, довівши помилковість «буржуазних» істориків у репрезентації Відродження та неспроможність попередньої влади «виконати заповіти доби Відродження». Таким чином, різні політичні режими за-для легітимації свого знаходження при владі намагалися «присвоїти» геройче минуле, провести паралелі між сучасністю і епохою Відродження, інтегрувавши ці ідеологеми до праць професійних істориків.

Інтерпретація доби національного Відродження болгарськими науковцями періоду соціалізму ґрунтувалася на марксистсько-ленінському підході до історії. Болгарське Відродження прагнули репрезентувати як класову революцію. Під поняттям «революція» марксисти розуміли спосіб переходу від суспільно-економічної формaciї, що історично віджила себе, до більш прогресивної; корінний якісний переворот всієї соціально-економічної структури суспільства. Саме тому основна увага у дослідження процесів Відродження надавалася вивченню його соціально-економічних, а також революційних аспектів. Цей підхід «винайшов» ще основоположник марксистської думки в Болгарії та засновник

Болгарської комуністичної партії Д. Благоєв. Він розглядав Відродження як «результат економічного і соціального розвитку болгарського суспільства, виникнення та зростання нових продуктивних сил». Сутністю процесів, що відбувалися у тогочасному болгарському суспільстві Д. Благоев вважав перехід від феодалізму до капіталізму¹⁶. Тобто, сутністю Відродження він вважав буржуазну революцію, хоча і не вживав цього поняття.

Болгарський історик-марксист довоєнного періоду Г. Бакалов сприйняв цей підхід, трактуючи Болгарське Відродження як «результат численних історичних причин та впливів, в основі яких лежав розвиток капіталізму»¹⁷. Відображення ідей Д. Благоєва можна прослідкувати майже в усіх істориків НРБ. Більш того, визначаючи епоху Відродження, історики соціалістичної Болгарії прагнули використати теоретичні надбання марксистсько-ленинської думки. Ідею пояснення Відродження як переходу від феодалізму до капіталістичного ладу П. Зарев доповнє використанням поняття «буржуазно-демократична революція», яке він навіть виносить у назив своєї праці¹⁸. Зауважимо, що під «буржуазно-демократичною революцією» марксистсько-ленинська філософія розуміла таку буржуазну революцію, в котрій народні маси, суспільні «книзі», придущені гнітом і експлуатацією, піднімалися самостійно та наклали на весь перебіг революції відбиток своїх вимог, своїх спроб по-своєму побудувати нове суспільство на місці старого, яке знищувалося. Ж. Натан дещо деталізував бачення Болгарського Відродження як «буржуазно-демократичної революції», використавши для пояснення своєї концепції такі ключові терміни марксистської думки, як «форма» та «зміст». Так, зокрема, науковець визначав поняття «Відродження»: «Процес соціально-економічних перетворень, який за своїм змістом являв собою звільнення країни від турецького феодалізму, а за формую – боротьбу за національне та культурне визволення болгарського народу, що знемагав під гнітом турецьких султанів, пашів і бейв, а також під духовним гніту грецького духовенства»¹⁹. Таким чином, Ж. Натан підкреслив, що основним у процесі Відродження був перехід від феодалізму до капіталізму, а національно-визвольний рух – лише «форма» цього процесу. У концепціях Болгарського Відродження, представлених у працях Н. Генчева, З. Маркової та у чотирнадцятитомній «Історії Болгарії» (т. 5, 6), розширюється його розуміння шляхом зрівняння його буржуазно-демократичного та національно-визвольного змістів. Такий інтегративний погляд на Відродження полягав у наступному: з одного боку, стверджувалося, що воно йшло за загальними закономірностями буржуазно-демократичної революції; з іншого, його основним змістом проголошувалася низрівання, підготовка та здійснення «болгарської національної революції»²⁰. Основним змістом Болгарського Відродження вважався «історичний перехід від середньовіччя до буржуазного світу, розвиток та утвердження буржуазних економічних і соціальних відносин, створення самобутньої національної культури, формування болгарської нації, тривалу боротьбу за визволення від чужоземної влади». Тобто, Відродження є певним «синтезом культурно-духовних і політико-ідеологічних досягнень», які відобразилися у «національно-визвольній та буржуазно-демократичній революції»²¹. Більш того, Н. Генчев запропонував розуміти Відродження в контексті світового розвитку: проводяться паралелі між цією епохою і Ренесансом, Просвітництвом і Революційним буржуазним переворотом. Отже, Відродження розглядалося науковцями НРБ головним чином як буржуазна/буржуазно-демократична революція, хоча історики уточнювали, що ця революція поєднувала також завдання боротьби із іноземними загарбниками. На наш погляд, вживуючи поняття «буржуазно-демократична революція» для характеристики Відродження вони мали на меті провести паралель між Відродженням та новою «народно-демократичною» владою. Разом з тим, зрівняння національного виміру та «буржуазно-демократичного» свідчило про поступове повернення національного значення Відродження.

Бачення останнього як буржуазної/буржуазно-демократичної революції вписувалося у загальне розуміння розвитку суспільства марксистською думкою, втілене у формативному підході. Історичний процес бачився як послідовна й закономірна зміна суспільно-економічних формаций. Виділялися наступні формациї: первісно-общинний лад, рабовласництво, феодалізм, капіталізм, комунізм. Декларувалося, що перехід від однієї формациї до іншої здійснюється шляхом соціальної (класової) революції, яка вирішує антагоністичні протиріччя між продуктивними силами та виробничими відносинами, а також між економічним базисом і політичною надбудовою.

Більш того, розгляд Відродження у рамках так званої «п'ятирічленки» підкреслював прогностичну та телеологічну функції історії й допомагав владі у здійсненні її легітимації-

ної політики. Ще К. Маркс і Ф. Енгельс висунули концепцію безперервної (перманентної) революції, яка поступово переходить від вирішення буржуазно-демократичних завдань до вирішення завдань соціалістичних. Розвиваючи цю тезу, В. Ленін запропонував теорію переростання буржуазно-демократичної революції в соціалістичну. Передумовою такого переростання є гегемонія пролетаріату в буржуазно-демократичній революції. На болгарському ґрунті концепцію «безперервної революції» доповнив філософ-марксист Тодор Павлов, який протягом тривалого часу очолював Болгарську академію наук (1947–1962). Він стверджував наступне: «Неодмінно, за об'єктивних історичних обставин Квітневе повстання не змогло еволюціонувати в соціалістичну чи подібну народно-демократичну революцію. Насправді, воно закінчилось російсько-турецькою війною та встановленням і подальшим розвитком нашої буржуазної держави та буржуазної, капіталістичної соціальної формациї»²². Таким чином, «революція» розумілася як та, котра охоплювала не лише Квітневе повстання та російсько-турецьку війну, а й стала також прототипом для пізнішої революції (соціалістичної, народно-демократичної).

Болгарські інтелектуали намагалися встановити континуїтет між сучасністю і добою Відродження. Втілення у життя цієї мети досягалося шляхом проведення паралелей між «народною революцією» епохи Відродження (поняття «революція» по-різному розумілося болгарськими істориками доби НРБ (на цьому ми зупинимося нижче), і «соціалістичною революцією» в Болгарії (1944 р.)²³. Таким чином, комуністична влада намагалася провести свою легітимаційну лінію, яка полягала у тому, аби переконати, що вона виконує «заповіти» Відродження.

Якщо звернутися до понятійного осмислення феномену Відродження, то бачимо, що, з одного боку, слідуючи традиції, болгарські інтелектуали продовжували використовувати поняття «Відродження» для маркування епохи. Метафора «Відродження» ввійшла у вжиток ще до 1878 р. (тобто, у період самого болгарського Відродження), а її першими історіографами стали Васил Априлов, Георгій Раковський, Марко Балабанов, Марин Дринов. Поняття «Відродження» розумілося як синонім «пробудження», «ренесансу», «воскресіння», «народження заново» та пов’язані з ними терміни²⁴. Водночас, у світлі того факту, що болгарські історики доби НРБ підкреслювали революційні аспекти Відродження і розглядали його більше як інтернаціонально налаштований революційний, ніж як націоналістичний рух, для інтерпретації епохи вони віддавали перевагу використанню поняття «революція» (від пізньолат. *revolutio* – «поворот», «переворот», «оберт»). Спочатку поняття «революція» вживалося у астрономії (праця Н. Коперника “*De revolutionibus orbium coelestium*” / «Про обертання небесних сфер»), однак, як відзначає Р. Козеллек, коли в ранньомодерну добу воно стало застосовуватися у політиці, то зберегло своє натуралистичне, циклічне значення²⁵.

Важливо з’ясувати взаємозв’язок між поняттями «Відродження» і «революція». Головна проблема комуністичної міфології полягала в тому, як розмістити боротьбу за церковну незалежність в рамки тези, що Болгарське Відродження є класовою революцією. Комунізм як атеїстична ідеологія вимушений був мати справу з релігійним аспектом національного Відродження. Релігія бачилася комуністичною думкою як знаряддя класового пригноблення, котрий використовувала буржуазія, щоб зберегти маси неосвіченими та перешкодити політичному розвитку народу; як символ відсталості, яку «соціалістична свідомість» має подолати. Марксизм асоціював релігію з ранніми, примітивними стадіями розвитку людства²⁶. Однак особливість болгарського випадку полягала у тому, що церковний рух був невід’ємною частиною Відродження, останнє ж було ключовим сюжетом гранднаративу соціалістичної Болгарії та її політики пам’яті. Виходячи з цього, релігія розумілася болгарськими інтелектуалами доби соціалізму як необхідний крок у розвитку суспільства, а православна церква розглядалася як інституція, котра несла національну історичну місію протягом періоду османського панування. Згідно з таким поглядом, саме завдяки зусиллям церкви була збережена національна самосвідомість болгар²⁷. З іншого боку, образ історичної місії болгарської церкви деформувався тезою про «реакційну» роль духовенства після створення Екзархії. Ось чому науковці НРБ були схильні применшувати роль церковного руху у Відродженні. Вони репрезентували добу Відродження як період дозрівання та підготовки соціально-економічного перевороту, що мав за формулою національний характер (боротьба проти турецького та грецького ярма), як результат певних соціально-економічних умов і буржуазно-демократичної революції. Одночасно така інтерпретація суперечила сталінській доктрині, згідно з якою нація є продуктом капіталі-

тичної ери, оскільки вона зображала соціально-економічні формaciї, інституцiї та класи донаціональної ери в національних термінах, наприклад, турецьке ярмо, турецька феодальна система, грецький патріархат тощо²⁸.

Поняття «революцiя» у своєму вiдношеннi до епохи Вiдродження розумiлося болгарським iсториками при найmнi у двох рiзних значеннях:

- 1) «революцiя» як iдентична всьому перiоду Вiдродження;
- 2) «революцiя» як характеристика Квiтневого повстання 1876 р. i росiйсько-турецької вiйни 1877-1878 рр.

В даному випадку нас цiкавитиме перше розумiння поняття «революцiя» як синонiм доби Вiдродження. Ця концепцiя була закладена ще основоположником марксистської думки в Болгарiї Д. Благоевим на початку ХХ ст. При такому пiдходi церковний рух вiн пояснював через концепцiю так званої «мирної буржуазної революцiї», згiдно з якою завдяки розвитку просвiтницького руху (у ньому вiн вбачав цю «мирну революцiю») нацiональний дух i «нацiональнi потуги набули неабиякої сили, що знайшло свiй вираз у нацiональнiй боротьбi з «фанарiотами», боротьбi за церковну самостiйнiсть»²⁹. Згодом ця теза про «мирну» фазу болгарської нацiональної (нацiонально-демократичної) революцiї поширилася на всю iсторiографiю НРБ аж до кiнця 1980-х рр. Так, у працi З. Маркової та в академiчному чотирнадцятитомному виданнi «Iсторiї Болгарiї» (т. 6, 1987) пiдкresлюється, що «церковно-нацiональна боротьба велася «мирними» засобами, але ця боротьба не була цiлковито «мирною»³⁰. Пояснювалося, що церковний рух мав революцiйне значення, оскiльки завдяки ньому було визнано болгарську нацiю, що стало передумовою до полiтичного вiзволення³¹. Подекуди епiтет «мирна» не використовувався науковцями, а просто стверджувалося, що рух за незалежнiсть церкви був одним iз проявiв (чи етапом) болгарської нацiонально-вiзвольної, буржуазно-демократичної революцiї³².

Концепцiя iнтерпретацiї церковного руху як частини процесу болгарської нацiональної революцiї була доповнена розумiнням церковної боротьби як полiтичної. «Вiнайдення» цiєї тезi теж належить Д. Благоеву. Вiн, зокрема, так характеризував церковний рух: «Змiст церковної боротьби не у здобуттi нацiональної церкви й екзархiї, а у вiдокремленнi та визнanni болгарської нацiональностi у Туреччинi як окремої одиницi... Церковна боротьба була нацiонально-полiтичною боротьбою не лише через те, що мала за мету визнання болгарської нацiї в Туреччинi, а й через те, що у неї була залучена вся болгарська народнiсть»³³. Таке розумiння церковно-нацiонального руху було домiнуючим у працях болгарських iсторикiв доби НРБ, якi досить активно використовували пояснiвальнi схеми, запропонованi Д. Благоевим. Зокрема, характеристика церковної боротьби як полiтичної, тобто боротьби за визнання болгарської нацiї (нацiональностi) як окремої etnichnoї спiльноти у рамках Османської iмперiї, простежується у працях П. Зарева³⁴, Ж. Натана³⁵, Н. Генчева³⁶, З. Маркової³⁷ та iн. Однак тут вiдчувається певний дисонанс, оскiльки при характеристицi грецького (фанарiотського) ярма головний акцент робився на соцiально-економiчному (неабиякi розмiри подatkiv та їх довiльne введення, корупцiя) та культурно-нацiональному гнiтi (заборона проведення богослужiнь болгарською мовою та переслiдування розвитку болгарської освiти), тодi як основний змiст боротьби вбачався у полiтичнiй площинi (визнання болгар як окремої нацiї).

На соцiально-економiчному характерi церковного руху наголошував iсторик-марксист довоєнного перiоду Г. Бакалов. Зокрема, церковну боротьбу вiн називав «боротьбою проти одного iз засобiв економiчної експлуатацiї болгарського народу», розглядаючи її як протистояння мiж народом i вiщим духовенством. Пiдsumовуючи, iсторик зауважує, що ця боротьба мала бiльше класовий характер, aniж нацiональний³⁸.

Один iз провiдних iсторикiв НРБ Д. Косев розширив iнтерпретацiю руху за незалежну церкву, iнтегрувавши пiдходi до тлумачення церковного-нацiонального руху Д. Благоєва та Г. Бакалова. Так, вiн стверджував, що «церковне питання було за свою сутнiстю питанням економiчним, нацiональним i полiтичним»³⁹. Лише у Н. Генчева церковний рух набуває своего прямого значення як духовно-культурного феномену. Не вiдкидаючи концепцiї розумiння церковного руху як полiтичного, запропонованої ще Д. Благоевим, вiн зауважує, що «болгари вирiшували не лише церковне, а й нацiонально-полiтичне питання»; далi вiн продовжує цю думку, пiдкresлюючи, що завдяки створенню Болгарської екзархiї болгари об'єдналися духовно, полiтично i релiгiйно⁴⁰.

Головними поняттями, якими позначали рух за незалежність болгарської церкви окрім поняття «мирна революція» були поняття «боротьба» та «рух» (до яких повсякчас додавалися означення «всеноародна», «масова», «загальнонаціональна»). Тобто, використовуючи ці поняття болгарські науковці намагалися «революціонізувати» церковний рух, тим самим вписавши його у загальний «революційний» наратив про Болгарське Відродження.

Особливий акцент болгарськими істориками робився на класовій сутності церковного руху. Буржуазія проголосувала ватажком цього руху, проте одночасно стверджувалося, що у ньому брав участь увесь болгарський народ. Проголосуючи «всеноародний», «масовий» характер церковної боротьби (проблема участі у ньому чорбаджійства трактувалася по-різному: одні науковці стверджували, що воно було заступником турецького і фанаріотського свавілля; інші ж говорили про активну участь цієї верстви у цій боротьбі) та змальовуючи у деталях перипетії «боротьби», історики намагалися надати їй характеру класової революції (селяни, ремісники, буржуазія та інші проти класу феодалів, репрезентованого духовенством).

Питання оцінки ролі буржуазії у церковно-національному русі тісно пов'язане із загальним баченням її внеску до Відродження. У цьому контексті показово, що протягом соціалістичного періоду в Болгарії стосовно соціальних класів діяла певного роду ієрархія відповідно до їх внеску у національне Відродження. Великий наголос робився на внеску селян, незважаючи на те, що їх реальний внесок у визвольні змагання болгарського народу був значно меншим, а буржуазія (особливо її найбагатша частина – чорбаджійство) піддавалася нищівній критиці. Лише в 70-х рр. ХХ ст. завдяки зусиллям історика Н. Генчева буржуазія була реабілітована. Існувала також подібна ієрархія національних герой: найвищий щабель займали революціонери, за ними йшли діячі боротьби за незалежність болгарської церкви, найнижчу сходинку посадили просвітники⁴¹. Ця ієрархія ще раз підкреслює, що революційний аспект Відродження посадив провідне місце як у історичному наративі НРБ, так і в політиці пам'яті.

Особливість репрезентації церковно-національного руху полягала у тому, що змальовуючи його як боротьбу проти «духовного ярма» (це поняття використовувала переважна більшість болгарських науковців доби соціалізму), фактично історики НРБ не розглядали його як духовний, церковний рух як такий. Основний наголос у його інтерпретації вони робили зазвичай на політичному характері. Тобто, значення церковного руху як духовного феномену фактично нівелювалося.

Отже, за доби соціалізму переважало розуміння національного Відродження як буржуазно-демократичної революції. Церковно-національний рух мислився як невід'ємна частина Відродження, однак йому відводилося займав другорядне значення у репрезентації доби Відродження, оскільки головний акцент робився на революційних аспектах Відродження. Саме апеляція до цих революційних аспектів і складала основу легітимаційної політики пам'яті влади. Водночас, розуміючи рух за незалежну церкву як складову процесу Відродження, болгарські інтелектуали намагалися «революціонізувати» церковний рух, надати йому нового «революційного значення», використовуючи для його маркування поняття «рух», «боротьба», а також концепцію «мирної революції».

¹ История славеноболгарская, собрана и нареджена Паисием иеромонахом [Стъкми за печат по първообраз Й. Иванов]. София: Държавна печатница, 1914, с. 72.

² Детрез, Р. «Турците със сила, гърците с книга». Митът за двойното робство. // История, митология, политика. / Съст. Д. Колева, К. Грозев. София: УИ «Св. Климент Охридски», 2010, с. 63–79.

³ Даскалов, Р. Как се мисли Българското Възраждане: историографско проучване. София: Лик, 2002, с. 233–250.

⁴ Хальбакс, М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007, 348 с.; Olick, J. K. Social Memory Studies: From “Collective Memory” to the Historical Sociology of Mnemonic Practices / Jeffrey K. Olick., Joyce Robbins // Annual Review of Sociology. Vol. 24. 1998, p. 105-140; Нора, П. Франция – память. Пьер Нора, Мона Озуф, Жерар де Пюимеж, Мишель Винок / Пер. с фр. Д. Хапаевой. Науч. конс. перевода Н. Копосов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 328 с.; Рикёр, П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004, 728 с. та ін.

⁵ Koselleck, R. Linguistic Change and the History of Events. // The Journal of Modern History. Vol. 61. 1989. – № 4. – P. 649–666; Richter, M. Begriffsgeschichte and the History of Ideas. // Journal of the History of Ideas. Vol. 48. 1987. – № 2. – P. 247–263; Koselleck, R. The Temporalisation of the Concepts. // Finnish

- Yearbook. – 1997. – № 1. – Р. 16-24; История понятий, история дискурса, история метафор. Сб. статей [Под ред. Ханса Эриха Бёдекера. [Пер. с нем.]. М.: Новое литературное обозрение, 2010, 328 с. та ін.
- ⁶ Козеллек, Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. Сб. статей / Под ред. Ханса Эриха Бёдекера [Пер. с нем.]. М.: Новое литературное обозрение, 2010, с. 23, 27; Козеллек, Р. Історія понять і соціальна історія. // Козеллек Р. Минуле майбутнє. Про семантику історичного часу. К.: Дух і літера, 2005, с. 118.
- ⁷ Генчев, Н. Българско Възраждане. София: Изд. на Отечествения фронт, 1988, 437 с.; Зарев, П. Българското Възраждане и развитието на национал-освободителни борби (развитието на буржоазно-демократическата революция). София: Държавно издателство «Народна просвета», 1949, 203 с.; Натан, Ж. Болгарское возрождение [Пер. с болг. Н. Н. Соколова и С. Г. Займовского]. М.: Государственное изд-во иностранной лит-ры, 1949. 318 с.
- ⁸ Маркова, З. Българското църковно-национално движение до Кримската война. София: Изд. на БАН, 1976. 221 с.; Маркова, З. Българската Екзархия 1870–1879. София: Изд. на БАН, 1989, 398 с.; Атанасов, Ж. Неофит Бозвели. София: Изд. на Отечествения фронт, 1974. 220 с.
- ⁹ Косев, Д. Новая история Болгарии: Курс лекций [Пер. с болг. Л. Б. Валева, Н. И. Попова, Н. Н. Соколова]. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. 523 с.
- ¹⁰ История на България. Т. 1. София: Изд. на БАН, 1954. 560 с.
- ¹¹ История на България. Т. 1. София: Изд. на БАН, 1961. 551 с.
- ¹² История на България. Т. 5. София: Изд. на БАН, 1985. 401 с.; История на България. Т. 6. София: Изд. на БАН, 1987. 401 с.
- ¹³ Благоев, Д. За Българското Възраждане. / Съст. Д. Райков. София: Партиздат, 1982. 244 с.
- ¹⁴ Бакалов, Г. Студии, рецензии, статии. В два тома. Т. 1. София: Български писател, 1983. 660 с.
- ¹⁵ Ников, П. Възраждане на българския народ: Църковно-национални борби и постижения. / Под ред. на Д. Косев. София: Наука и изкуство, 1971, с. 311; Бакалов, Г. Студии, рецензии, статии. В два тома. Т. 1. София: Български писател, 1983, с. 100–102; Зарев, П. Българското Възраждане и развитието на национал-освободителни борби (развитието на буржоазно-демократическата революция). София: Държавно издателство «Народна просвета», 1949, с. 5; Натан, Ж. Болгарское возрождение [Пер. с болг. Н. Н. Соколова и С. Г. Займовского]. М.: Государственное изд-во иностранной лит-ры, 1949, с. 5–6.
- ¹⁶ Благоев, Д. За Българското Възраждане. / Съст. Д. Райков. София: Партиздат, 1982, с. 27.
- ¹⁷ Бакалов, Г. Двете линии на Българското Възраждане. // Бакалов Г. Студии, рецензии, статии. В два тома. Т. 1. София: Български писател, 1983, с. 109.
- ¹⁸ Зарев, П. Българското Възраждане и развитието на национал-освободителни борби (развитие на буржоазно-демократическата революция). София: Държавно издателство «Народна просвета», 1949, с. 3, 5–8.
- ¹⁹ Натан, Ж. Болгарское возрождение [Пер. с болг. Н. Н. Соколова и С. Г. Займовского]. М.: Государственное изд-во иностранной лит-ры, 1949, с. 25.
- ²⁰ Маркова, З. Българското църковно-национално движение до Кримската война. София: Изд. на БАН, 1976, с. 6, 192–193; История на България. Т. 5. София: Изд. на БАН, 1985, с. 13; История на България. Т. 6. София: Изд. на БАН, 1987, с. 13.
- ²¹ Генчев, Н. Българско Възраждане. София: Изд. на Отечествения фронт, 1988, с. 11.
- ²² Павлов, Т. За марксическа история на България. София, 1954, с. 123.
- ²³ Натан, Ж. Болгарское возрождение [Пер. с болг. Н. Н. Соколова и С. Г. Займовского]. М.: Государственное изд-во иностранной лит-ры, 1949, с. 140–141, 146–147; Христов, Хр. Борчески и революционни традиции в българската история. // Ново време. – 1981. – № 9. – С. 62.
- ²⁴ Даскалов, Р. Как се мисли Българското Възраждане: историографско проучване. София: Лик, 2002, с. 13–17.
- ²⁵ Козеллек, Р. Історія понять і соціальна історія. // Козеллек Р. Минуле майбутнє. Про семантику історичного часу. К.: Дух і літера, 2005, с. 119; Petrov, K. Construction, Reconstruction, Deconstruction: The Fall of the Soviet Union from the Point of View of Conceptual History. // Studies in East European Thought. Vol. 60. 2008. – № 3. – Р. 189.
- ²⁶ Savova-Mahon Borden, M. The Politics of Nationalism under Communism in Bulgaria: Myths, Memories and Minorities. Doctoral thesis. London: University of London, p. 144.
- ²⁷ Riis, C. Religion, politics, and historiography in Bulgaria. New York: Columbia University Press, 2002, p. 99, 112–113, 119; Savova-Mahon Borden, M. The Politics of Nationalism under Communism in Bulgaria: Myths, Memories and Minorities. Doctoral thesis. London: University of London, p. 144.
- ²⁸ Sygkelos, Y. Nationalism from the Left: The Bulgarian Communist Party during the Second World War and the Early Post-War Years. Leiden-Boston, 2011, p. 174.
- ²⁹ Благоев, Д. За Българското Възраждане. / Съст. Д. Райков. София: Партиздат, 1982, с. 180–181.
- ³⁰ История на България. Т. 6. София: Изд. на БАН, 1987, с. 180–181; Маркова, З. Българското църковно-национално движение до Кримската война. София: Изд. на БАН, 1976, с. 192–193.
- ³¹ Маркова, З. Българското църковно-национално движение до Кримската война. София: Изд. на БАН, 1976, с. 193.

- ³² Атанасов, Ж. Неофит Бозвели. София: Изд. на Отечествения фронт, 1974, с. 208.
- ³³ Благоев, Д. За Българското Възраждане. / Съст. Д. Райков. София: Партииздат, 1982, с. 183.
- ³⁴ Зарев, П. Българското Възраждане и развитието на национал-освободителни борби (развитието на буржоазно-демократическата революция). София: Държавно издателство «Народна просвета», 1949, с. 59.
- ³⁵ Натан, Ж. Българското Възраждане [Пер. с болг. Н. Н. Соколова и С. Г. Займовского]. М.: Государственное изд-во иностранной лит-ры, 1949, с. 113–114.
- ³⁶ Генчев, Н. Българско Възраждане. София: Изд. на Отечествения фронт, 1988, с. 300.
- ³⁷ Маркова, З. Българското църковно-национално движение до Кримската война. София: Изд. на БАН, 1976, с. 79–80.
- ³⁸ Бакалов, Г. Отец Паисий. Делото на Паисий. // Бакалов Г. Студии, рецензии, статьи. В два тома. Т. 1. София: Български писател, 1983, с. 95.
- ³⁹ Косев, Д. Новая история Болгарии: Курс лекций [Пер. с болг. Л. Б. Валева, Н. И. Попова, Н. Н. Соколова]. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952, с. 158.
- ⁴⁰ Генчев, Н. Българско Възраждане. София: Изд. на Отечествения фронт, 1988, с. 300–303.
- ⁴¹ Даскалов, Р. Между Изтоха и Запада: Български културни дилеми. София: Лик, 1998, с. 78–79.

ЕВОЛЮЦІЯ ТА ІМПЛЕМЕНТАЦІЯ ПОЛІТИЧНИХ ПОГЛЯДІВ СТЕФАНА СТАМБОЛОВА (1870–1879 рр.)

Д. В. Миколенко

Миколенко, Д. В. Еволюція та імплементація політичних поглядів Стефана Стамболова (1870–1879 рр.)

У статті розглянуто внесок відомого політика і державного діяча Болгарії С. Стамболова у розвиток національно-визвольного руху проти турецької влади. Автор простежує еволюцію поглядів революціонера відносно методів, стратегії і тактики боротьби, розкриває його бачення майбутнього устрою незалежної країни та робить висновок, що протягом 1870–1879 рр. він залишався послідовним прибічником революційного шляху до національної свободи.

Ключові слова: С. Стамболов, національно-визвольний рух, революціонер, лібералізм.

Миколенко, Д. В. Эволюция и имплементация политических взглядов Стефана Стамболова (1870–1879 гг.)

В статье рассмотрен вклад известного политика и государственного деятеля Болгарии С. Стамболова в развитие национально-освободительного движения против турецкой власти. Автор прослеживает эволюцию взглядов революционера относительно методов, стратегии и тактики борьбы, раскрывает его видение будущего устройства независимой страны и делает вывод, что в течение 1870–1879 гг. он оставался последовательным сторонником революционного пути к национальной свободе.

Ключевые слова: С. Стамболов, национально-освободительное движение, революционер, либерализм.

Mykolenko, D. V. Evolution and implementation of Stefan Stambolov political views (1870–1879)

The article considers the contribution of the famous Bulgarian politician and statesman S. Stambolov to the development of national liberation movement against the Turkish government. The evolution of revolutionary views about the methods, strategy and tactics of fighting is investigated and his vision for the future structure of the independent countries is revealed. The author made a conclusion that during the years 1870–1879 he had been a consistent supporter of the revolutionary path to national freedom.

Keywords: S. Stambolov, national liberation movement, revolutionary, liberalism.

Стефан Ніколов Стамболов (1854–1895 рр.) – одна з найбільш суперечливих постатей в історії Болгарії. Діяльність цього політика отримала неоднозначну оцінку від його сучасників і дослідників. Для одних він є засновником національної держави, «балканським Біスマрком», патріотом; для інших – тиран, узурпатор влади та високочень. Але безперечним залишається той факт, що це талановита, непересічна й яскрава особистість зі вра жаючою стрімкою кар'єрою. Стефан Ніколов Стамболов відіграв помітну роль у визвольній боротьбі болгар проти турецької влади. Майбутній політик зробив значний внесок у зміцнення національного руху та вплинув на прийняття доленоносних рішень, котрі мали важливі наслідки для країни. Революційна діяльність багато в чому визначила подальші кроки цієї особистості вже як державника.

У болгарській і радянській історіографії¹ образ С. Стамболова, як одного з лідерів болгарського національного руху, розкрито детально. Проте до цього часу спірним і суперечливим залишається трактування його поглядів щодо майбутнього устрою звільненої від османської влади Болгарії та міжнародної орієнтації новопосталої держави. Метою нашої статті є грунтovий аналіз еволюції ідеологічних принципів революціонера у період з 1870 р., початку його активної участі у визвольній боротьбі, і до 1879 р. – проголошення болгарської державності.

Вирішенню поставленої у роботі мети сприяло залучення широкого кола історичних джерел: документації революційних організацій², в яких брав участь С. Стамболов; його щоденників і спогадів³; публіцистики⁴; стенограм виступів⁵; мемуарної літератури, котру залишили по собі прибічники і супротивники революціонера⁶.

Уродженець міста Тирново, С. Стамболов походив з родини власника зайїджого двору⁷. Змалку він пройнявся повагою і благовінням до місцевих представників визвольного руху. Його батько був учасником селянського повстання 1835 р. та прибічником ві-

домого революціонера капітана Дядо Ніколи (справжнє прізвище Н. Філіповські)⁸, а сам майбутній державний діяч мав можливість особисто спілкуватися з такими борцями за свободу, як Х. Іванов-Големія, М. Сеізмонов (священнослужитель М. Преображенські), Х. Караміков-Буніто. Тому хлопець зростав у атмосфері болгарського патріотизму та неприязні до турецької влади⁹.

Початкову освіту С. Стамболов здобув у своєму рідному місті. Саме під час навчання у школі відбулося його знайомство з багатьма майбутніми сподвижниками і прибічниками – І. Семерджієвим, Х. Доневим, І. Драгостіновим, Ф. Сімідовим та іншими. На думку деяких біографів, уже тоді С. Стамболов почав виношувати плани щодо власної участі у боротьбі проти османської влади. Контактуючи з учасниками національно-визвольного руху, в тому числі з В. Левським (прізвище при народженні В. Кунчев), він навіть виконував доручення місцевого революційного комітету¹⁰.

Восени 1870 р. С. Стамболов за сприяння свого земляка Н. Даскалова – службовця російського консульства у місті Варна¹¹, стає стипендіатом^{*} духовної семінарії^{**} в Одесі. Не відчуваючи особливого потягу до богословських наук, більшу частину часу семінарист проводив за читанням віршів і романів, а також заборонених цензурою книг. Саме під час навчання він зблизився з представниками російського народництва^{***} та ознайомився з творчістю революціонера-демократа Н. Чернишевського, французького теоретика анархізму П. Прудона, одного з ідеологів народництва М. Бакуніна, що суттєво вплинуло на формування його політичних поглядів та переконань. Крім того, юнак брав активну участь в роботі місцевого революційного гуртка^{****}, очолюваного І. Ковальським¹². Тоді ж у нього починають проявлятися здібності до написання поетичних творів¹³.

Досліджуючи щоденники С. Стамболова, можна окреслити коло питань, які найбільше його цікавили. Це передумови революції; її програмні, стратегічні й тактичні настанови; умови успіху; принципи устрою, котрі забезпечували «рівність» у суспільстві¹⁴. Знайомство з азами революції суттєво розширяло його знання на цьому терені та формувало світогляд. Вивчаючи зазначені догми, майбутній державний діяч розмірковував про можливість їхнього застосування у Болгарії з урахуванням незрілості політичного руху і громадських організацій.

А от на вже сформоване у цей період ставлення С. Стамболова до Російської імперії вказують нотатки в його записнику. Одна із них гласить: «Хто з південних слов'ян чекає на допомогу Росії, той нехай згадає про долю Польщі і Малоросії»¹⁵. Цей коротенький запис чітко вказує на скептицизм автора відносно широті обіцянок Санкт-Петербурга сприяти визволенню болгар від турецької влади. Він вважав, що подібна допомога могла стати для співвітчизників новим рабством, а самого імператора Олександра II називав «мучителем власного народу» та заявляв: «...прокляттям буде моя перша фраза, вимовлена на адресу російського царя»¹⁶.

На подальшу діяльність С. Стамболова значно вплинуло знайомство з одним із лідерів гайдуків^{*****} – Ф. Totio (справжнє прізвище Т. Станчев), який на початку 1873 р. у південноросійських містах серед давно осілих, заможних болгарських переселенців збирав кошти на озброєння загону. За деякими даними С. Стамболов допомагав народному меснику під час його місії¹⁷. Особисте ставлення юнака до таких людей простежується в одному із

* Фінансову допомогу для навчання в Росії отримувала талановита молодь із Болгарії завдяки благодійницькій діяльності імператриці Марії Олександровні.

** Під назвою Херсонська духовна семінарія навчальний заклад було відкрито 1 жовтня 1838 р. в місті Одеса – адміністративному центрі повіту, який у складі Херсонської губернії входив до одноіменної спархії. З 1871 р. – Одеська духовна семінарія.

*** Ідеологія і громадсько-політичний рух, що охопив вихідців із дворянства та різночинної інтелігенції Російської імперії у 60–80 рр. XIX ст. Представники цього напряму виражали інтереси селянської демократії, поєднуючи радикально-буржуазно-демократичну антикріпосницьку програму з ідеалами утопічного соціалізму.

**** «Первинне ядро» одеського угруповання «чайковців» – членів народницьких гуртків (назва від прізвища одного із лідерів – Н. Чайковського). Їхнім основним завданням, окрім самоосвіти, було об'єднання прогресивного студентства, а потім – пропаганда серед народних мас з метою підготовки соціальної революції в Росії. Характерна відмінність – негативне ставлення до боротьби за політичні свободи.

***** Озброєні народні месники, повстанці, які переховувалися в горах, лісах і сусідніх з Болгарією країнах.

листів до рідних, в якому сказано, що він схиляється перед тими, хто здані пожертвувати власним життям заради батьківщини. «Про них, – зазначається далі, – завжди буде жити пам'ять в серцях співвітчизників»¹⁸. Із контексту зрозуміло – семінарист прагне наслідувати їхній приклад та готовий боротися за свободу свого народу.

Відвідуючи народницький гурток, де не визнавалися російські феодально-поміщицькі порядки та говорилося про бунти, перевороти і революції, а також систематично ігноруючи заняття, С. Стамболов тим самим постійно викликав незадоволення з боку керівництва навчального закладу. Розчарувавшись у богословських науках, навесні 1872 р. семінарист взагалі залишив навчання та виїхав у Болгарію. Оскільки офіційно його не було відраховано, надалі юнак все-таки, хоч і зрідка, навідувався до семінарії.

Повернувшись на батьківщину, восени 1873 р. він почав працювати вчителем у рідному місті Тирново. Саме тоді С. Стамболов приєднався до болгарських учасників визвольного руху. Спілкування з Н. Обретеновим та іншими членами бібліотеки-читальні «Зора» із міста Русе надихнуло його вступити до лав Тирновського революційного комітету. Незважаючи на відсутність досвіду, зрілості, здатності реально оцінити особисті якості й можливості, а також усвідомити відповідальність за свої дії, він уже на той час виявляв прагнення відігравати провідну роль, бути лідером і керівником¹⁹.

На початку 1874 р. С. Стамболов переїхав до столиці Румунії – міста Бухарест, де потрапив у середовище відомих лідерів болгарського національно-визвольного руху – письменника Л. Каравелова, поета Х. Ботева (справжнє прізвище Х. Петков) та інших. Думки і настрої юнака в цей період знайшли відображення у поетичних творах. За сприяння Х. Ботева він опублікував вірш-марш²⁰, перші рядки якого стали гімном болгарських емігрантів: «Ми не хочемо багатства, грошей не хочемо, але ми хочемо свободи, людських прав». Поезія автора пронизана оптимізмом і вірою в гідне майбутнє, коли не буде ні турецьких гнобителів, ні чорбаджій^{*}, а кожна людина житиме власною працею. Він не сумнівається, що такий час настане, адже його соратники та однодумці ведуть невпинну боротьбу проти тиранів.

З настанням весни 1874 р. С. Стамболов побував у столиці Османської імперії, де пізнав життя тамешніх болгарських емігрантів; зустрічався з революціонерами Т. Каблешковим і П. Бобековим, а також відомим публіцистом П. Славейковим. Вже будучи прибічником радикальних методів боротьби проти турецької влади, під час проведення зборів прогресивно налаштованою молоддю він ратував за негайну організацію повстання в Болгарії. Як згадував у своїх мемуарах громадський діяч І. Андонов, позиція С. Стамболова знаходила розуміння та підтримку²¹.

Черговий період його перебування в Одесі у квітні 1874 р. співпав з активною діяльністю народників, які проводили агітацію серед російського селянства, виступаючи за переділ земельної власності. Весною – влітку тисячі молодих людей у різних куточках імперії брали участь в так званому «ходінні у народ», намагаючись спричинити соціальний переворот. Тоді ж С. Стамболов познайомився з деякими представниками гуртка «південних бунтарів». Під його впливом революціонер В. Малінка (син заможного землевласника) навіть збирався долучитися до болгарського національно-визвольного руху²².

Тривале спілкування з народниками дозволило С. Стамболову досконально вивчити їхні пропагандистські методи. Після уважного ознайомлення з популярними виданнями, брошурами, буклетами та листівками, які у своїй діяльності застосовували члени гуртків, у нього виникла ідея перенесення досвіду росіян на батьківщину з використанням аналогічних агітаційних засобів для виховання революційної свідомості у болгарських селян. З цією метою він вирішив перекласти на рідну мову найбільш поширені в Росії публікації. Серед них: повість французьких письменників-співавторів Е. Еркмана і А. Шатріана «Тереза», в якій воскрешається шлях у французьку революцію XVIII ст. вихідців із простого народу; роман Н. Чернишевського «Що робити?», де на тлі любовної історії відображені нові економічні, філософські й соціальні ідеї часу, а сам твір пронизаний натяками на грядущу революцію; посібник «Про гроші» невідомого автора, зміст якого розкриває становище

* В Болгарії у XVIII–XIX ст. (до звільнення 1878 р. від османської неповілі) представники соціальних прошарків (багаті торговці, лихварі, крупні землевласники), як правило мусульмани, котрі співпрацювали з турецькою адміністрацією.

російських селян та пропонує рецепти його покращення (у перекладі цю роботу навіть було надруковано в Константинополі приватною типографією у вигляді брошури)*.

Отже, на етапі формування системи цінностей С. Стамболова як громадсько-політичного діяча можна відзначити два основні чинники, котрі суттєво вплинули на юнака. По-перше, це традиції болгарського національно-визвольного руху, які виховали у нього ненависть до турецької влади, почуття патріотизму та готовність до самопожертви заради батьківщини. По-друге, ідеї російського народництва, котрі змусили молодого С. Стамболова замислитися над проблемами соціальних протиріч і боротьби в тогочасних суспільствах, сформували критичне ставлення до внутрішньої і зовнішньої політики Росії, а також розкрили таємниці методів підпільної боротьби. У цей період майбутній регент і прем'єр-міністр болгарської держави був схильний до вибору радикальних, силових варіантів досягнення незалежності своєї країни. Як і значна частина молоді того часу, він захоплювався революційною романтикою.

Повернення С. Стамболова до Болгарії влітку 1874 р. започаткувало новий етап його діяльності. 20–21 серпня він представляв місто Тирново на Загальних зборах Болгарського революційного центрального комітету (БРЦК)** в Бухаресті, де його було обрано апостолом (керівником) Тирновсько-Габровського революційного округу. А восени двадцятірчний юнак «...нізенький; з крупною, овальною, наполовину татарського типу головою» вже опікувався внутрішньою агітаційно-пропагандистською діяльністю в країні, ставши одним із лідерів БРЦК²³. Це цілком відповідало амбіціям С. Стамболова, який з ентузіазмом виконував свої обов'язки. Спілкуючись із співвітчизниками, він розповідав їм про минуле Болгарії, про заподіяні турецькими феодалами та чиновниками страждання і муки, закликав готуватися до повстання, щоб завоювати свободу. Як згадував його соратник І. Андонов, промови С. Стамболова відзначалися емоціональністю і красномовством. У присутніх вони вселяли віру в неминучий кінець страждань та щасливе майбутнє²⁴.

На початку 1875 р. вже з новою місією революціонер знову перебував у Бухаресті. Там, серед місцевих емігрантів, він збирав кошти для підтримки національного руху²⁵. Повернувшись до Болгарії, С. Стамболов продовжив роботу, спрямовану на розширення мережі підпільних комітетів, однак невдовзі, переховуючись від переслідувань влади, був змушений залишити батьківщину та переїхати до Константинополя²⁶.

В столиці Османської імперії при оформленні в'їздних документів у російському посольстві С. Стамболов мав неофіційну бесіду з Надзвичайним і Повноважним Послом генерал-лейтенантом Н. Ігнатьєвим²⁷. Під час розмови він намагався дізнатися про можливість сприяння Санкт-Петербурга прагненням болгар до визволення, як це було у випадку з греками, румунами і сербами. У відповідь дипломат зазначив, що Росія не буде нічого робити, допоки болгари самі не дадуть їй для цього привід. Після цих слів авторитетного державного діяча С. Стамболов стверджився у думці про необхідність організації повстання. Отримавши дозвільні документи, він вирушив до Одеси, проте у семінарі надовго не затримався, а повернувся знову в Бухарест, де продовжив виконувати доручення БРЦК²⁸.

На той час серед членів Центрального комітету, які перебували у столиці Румунії, загострилася боротьба між так званими угрупованнями «молодих» і «старих». Перші підтримували ідею революційного шляху до свободи та виступали за негайну підготовку повстання; другі були більш поміркованими, вважаючи за потрібне дочекатися сприятливої міжнародної ситуації, котра дозволила б вирішити долю Болгарії без кровопролиття, та розраховували на сприяння великих держав (у першу чергу Росії) визволенню батьківщини від турецької неволі. Із самого початку своєї революційної діяльності С. Стамболов за ідеологічними переконаннями був більше до позиції «молодих» на чолі з Х. Ботевим. Тому їхні представники з ентузіазмом підтримали пропозицію амбітного юнака щодо збройного виступу, вбачаючи у ньому слушний привід для Санкт-Петербурга втрутитися у ситуацію на Балканах та допомогти болгарам здобути бажану свободу. Помірковано на-

* Народно четеніє. За парите. / Прев. от русский С. и С. [Ст. Стамболов и Ф. Симидов]. – Цариград: Печатница Карапетров и друж., 1874. – 40 с.

** Революційна організація, котра у 1870-і роки очолювала національно-визвольну боротьбу болгарського народу проти турецького ярма. Створена 1869 р. в Бухаресті емігрантами із Болгарії В. Левським (з 1872 р. – представник БРЦК у себе на батьківщині) і Л. Каравеловим.

лаштовані члени БРЦК – Л. Каравелов, К. Цанков та інші, вважали, що для проведення повстання необхідна тривала підготовка, а передчасний виступ не матиме жодних шансів досягти поставленої мети²⁹.

Остаточне рішення щодо подальших дій повинні були прийняті Загальні збори, організацією яких займалися Х. Ботев, І. Драсов і С. Стамболов. Вони намагалися забезпечити явку якомога ширшого представництва революційних комітетів, незалежно від політичних уподобань їхніх членів. Збори відбулися 26 грудня 1874 р. в Бухаресті, однак конкретних результатів не принесли³⁰. Думки присутніх розділилися. Обрана президія на чолі з головою БРЦК Л. Каравеловим свідомо гальмувала роботу засідань. До того ж, сам керівник Центрального комітету, болісно переживаючи втрату 1873 р. свого соратника В. Левського, пригнічений та розчарований, інертно ставився до подій, що відбувалися, поступово відсторонюючись від революційної діяльності.

У квітні 1875 р. С. Стамболова офіційно було відраховано з Одеської духовної семінарії. В науковій літературі не існує єдиної думки стосовно причини такого рішення адміністрації навчального закладу. Так, радянський історик К. Поглубко вважає, що цьому послужили систематичні порушення юнаком навчального процесу, а не його сплікування з народниками³¹. Більшість же болгарських авторів, серед яких Г. Плетньов, К. Терзієв, А. Дімов, підставою називають політичні переконання С. Стамболова. Г. Плетньов обґрутує свою позицію, посилаючись на заяву ієродиякона Г. Рильського, котрий начебто повідомив жандармське управління про постійні відвідування семінаристом підпільного гуртка³².

Продовжуючи й надалі брати активну участь у визвольній боротьбі, С. Стамболов залишався прибічником революційного шляху до омріяної болгарської державності. Це підтверджує листування між ним та І. Драсовим, датоване липнем 1875 р. В одному з листів до свого сподвижника він зазначає, що політична криза в Туреччині, а також повстання у Боснії і Герцеговині, створювали для учасників національного руху слушну нагоду, і нею необхідно було негайно скористатися³³.

12 серпня 1875 р. в Бухаресті відбулися чергові збори БРЦК, де чисельну перевагу мали «молоді» – прибічники революційного виступу. На той час це угруповання отримало нову назву – «партія дії»³⁴. Як і очікувалося, більшістю голосів Загальні збори постановили негайно розпочати організацію повстання. Вирішальну роль у цьому процесі повинні були відіграти керівники місцевих ревкомів, завдання яких зводилося до проведення масштабної агітації в округах та ретельної підготовки четників*. БРЦК доручив С. Стамболову апостольську місію у Старій Загорі, куди він вийхав наприкінці серпня.

Втім, розгорнути широку діяльність молодому революціонеру так і не вдалося. Як згадував у своїх мемуарах його сподвижник відомий болгарський публіцист З. Стоянов, він постійно наражалася на небезпеку бути викритим поліцією. При цьому основну загрозу представляли не співробітники державних органів влади, а тамтешні чорбаджії, котрі у будь-яку хвилину могли повідомити турецьку адміністрацію про місцезнаходження підпільника. Проте, незважаючи на складні умови, С. Стамболов продовжував наполегливо виконувати доручення: розповсюджував листівки, влаштовував таємні сходки, проводив інструктажі командирів четницьких загонів. Він надсилив послання до сусідніх комітетів з проханням активізувати пропагандистську діяльність. Особливо велиki надії революціонер покладав на старозагорських вчителів, які мали авторитет і повагу серед місцевих мешканців та могли бути задіяні агітаторами. Під час зустрічей з ними він намагався переконати їх у тому, що після початку повстання Росія підтримає болгар у прагненні до свободи, а Сербія незабаром оголосить війну Порті, ставши на захист слов'янського населення Боснії і Герцеговини. Але виступи оратора не справили належного враження на інтелігенцію, котра у більшості своїй оцінювала збройний виступ як авантюру³⁵.

Повстання, що розпочалося 16 вересня 1875 р., закінчилося провалом. Причини цього були очевидними, адже керівники не змогли підготувати збройний виступ належним чином: ревкоми не отримали в достатній кількості грошові кошти для закупівлі зброї, у

* У XV–XIX ст. – учасники збройної національно-визвольної боротьби партизанських загонів (чет) проти османського панування.

деякі осередки були направлені недосвідчені організатори, не існувало загального чіткого плану спільних дій.

Однак головна причина невдачі Старозагорського повстання полягала у переоцінці лідерами БРЦК ступеня готовності селянських мас і мешканців міст Болгарії до рішучих акцій. Незважаючи на попередження керівників інших ревкомів про інертність населення та скрутку зі зброєю, С. Стамболов на чолі нечисленного загону виступив проти турецької влади, сподіваючись на підтримку селян. Але його планам не судилося втілитися у життя. Повстання не набуло масовості, до нього долучилося лише близько 800 осіб – мешканців сіл, розташованих поблизу Старої Загори. Саме тому через два дні воно було жорстоко придушене. Небагатьом із його учасників пощастило втекти, декого було страчено, інших ув'язнено. Сам С. Стамболов зумів добрatisя до Тирново, звідки згодом емігрував до Румунії³⁶.

Турецький уряд, застосувавши масові арешти, зламав мережу законспірованих революційних комітетів. До того ж посилилися протиріччя всередині БРЦК. С. Стамболов і деякі його однодумці залишилися прихильниками немасштабного революційного виступу, котрий не передбачав участі в ньому широких народних мас. Вони переслідували одну мету – привернути увагу великих держав до подій у Болгарії. Саме за сприяння провідних країн світу прибічники вказаної концепції розраховували здобути незалежність. Подібну точку зору розділяли не всі. Так, Х. Ботев не підтримував зазначену стратегію. На його думку, немасове повстання, на кшталт Старозагорського, Порта знову швидко приборкає, а зусилля революціонерів не матимуть жодного ефекту в Європі та виявляться марними. Через зазначені суперечності Х. Ботев, Д. Ценовіч та інші покинули ряди БРЦК. Згодом комітет взагалі припинив свою діяльність³⁷.

У цей час революційні заворушення, які охопили інші балканські вілаєти Туреччини, поступово зумовлюють загострення Східного питання. Проблеми майбутнього, а також подальшої долі підвладних народів Османської імперії виходять на перше місце в європейській політиці, привертаючи увагу та викликаючи втручання великих сил. Особливо активно на захист визвольних рухів почала виступати російська дипломатія.

За такої сприятливої внутрішньої і міжнародної ситуації у листопаді 1875 р. молоді болгарські революційні діячі С. Стамболов, Н. Обретенов, П. Волов, Г. Бенковський (справжнє прізвище Г. Хилтев), І. Драгостінов, С. Заїмов та інші зібралися в румунському місті Джурджу (середньовічна назва – Гюргево), де створили так званий Гюргевський революційний комітет. На його засіданнях, що проходили з 15 листопада по 25 грудня, було ухвалено рішення негайно розпочати підготовку і організацію повстання у Болгарії весною наступного року. Для більшої оперативності вони умовно розділили країну на чотири революційні округи з центром у місті Панагорище: I-й (Тирновський), II-й (Сливенський), III-й (Врачанський) і IV-й (Пловдивський). С. Стамболов, з помічниками Г. Ізмірлісвим, І. Семерджиєвим, Х. Карамінковим-Буніто і Н. Мариновим, був призначений апостолом I-го революційного округу, який охоплював значну територію центральної і північної частин країни, з осередком у Горній Оряховиці³⁸. Завдання керівників полягало в тому, щоб активізувати існуючі ревкоми у містах і селах, створити нові, очолити підготовку збройного виступу та управляти бойовими діями після його оголошення.

Взявши з ентузіазмом за справу, С. Стамболов намагався спиратися на власний досвід, набутий ним під час минулорічних подій у Старій Загорі³⁹. Остерігаючись повторити колишні прорахунки і помилки, цього разу він діяв обережніше, не форсуючи події. Особливу увагу приділялось закупівлі зброї і боєприпасів та способам і шляхам їх доставки у Болгарію. Про це свідчить його активне листування з С. Гринчаровим, який, безпосередньо відповідаючи за вказаний обсяг роботи, регулярно отримував інструкції від апостола з конкретними вказівками щодо обсягу закупок, маршрутів перевезення та місць призначення.

Станом на початок весни 1876 р. рівень підготовки повстання, за характеристикою самого С. Стамболова, був незадовільний. До того ж, Сербія не поспішала оголошувати війну Османській імперії. Саме через це лідер Тирновського революційного округу намагався переконати інших керівників у передчасності збройного виступу. Проте обставини внесли корективи у його плани та події в країні. Про підготовку повстання стало відомо турецькій адміністрації, яка вдалася до масових арештів підпільників. За такої критичної ситуації 18 квітня більшість керівників революційних комітетів прийняли рішення негайно розпочати активні дії. Натомість С. Стамболов так і не наважився віддати наказ у підпорядкованому окрузі. Рятуючись втечею, він знайшов тимчасовий притулок у селі Само-

водене, де переховувався до кінця липня, допоки не вщухла хвиля терору, а потім подався до Бухаресту.

Квітневе повстання тривало трохи більше місяця, завершившись поразкою болгарського національно-визвольного руху. Турецька влада без особливих труднощів зуміла його приборкати за допомогою військ, які вчинили масові вбивства мирного населення (загинуло понад 30 тис. осіб); особливо лютували нерегулярні частини – бashiбузуки*. Однак цей збройний виступ не пройшов безслідно. Ним болгарський народ показав усьому світові прагнення боротися за свободу, продемонстрував свою політичну зрілість бути незалежним. Він загострив міжнародні відносини навколо Східного питання, став прелюдією до російсько-турецької війни 1877–1878 рр. і, таким чином, викликав омріяну російську воєнну допомогу. Оцінка ролі С. Стамболова у подіях квітня – травня 1876 р. в Болгарії доволі неоднозначна. З одного боку, він зробив значний внесок у підготовку повстання; з іншого, так само як і восени 1875 р., залишився остронь бойових дій, зволівши перечекати небезпеку. Останнє дало привід для критики революціонера та звинувачення його у боягузтві⁴⁰.

Протягом 1875–1876 рр. відбулися суттєві трансформації поглядів С. Стамболова щодо стратегії і тактики національно-визвольного руху. Якщо напередодні Старозагорського повстання він був прибічником негайногого, нехай і немасштабного, збройного виступу, то навесні 1876 р. вже пропонував дочекатися воєнного протистояння між Сербією і Османською імперією, сподіваючись на утворення загально-балканського фронту проти спільногого ворога. Лише в одному революціонер залишався послідовним – не міг змиритися з пасивністю болгар та марнimi очікуваннями, що інший народ вирішить їхню долю⁴¹.

Перебуваючи у столиці Румунії, він долучився до роботи Болгарського центрально-го благодійного товариства (БЦБТ), створеного 10 липня 1876 р. за ініціативою посланця Санкт-Петербурзького слов'янського комітету В. Йоніна. На надані комітетом кошти С. Стамболов разом із болгарськими емігрантами К. Цанковим (голова БЦБТ), І. Вазовим (секретар), О. Пановим, П. Енчевим та іншими допомагав постраждалим у Квітневому повстанні, а також набирає добровольців і організовував їх відправку до Сербії для участі у війні проти Османської імперії⁴².

Поразка Белграда у протиборстві з Портою змусила БЦБТ зайнятися іншими функціями – розпочати активну підготовку чергового збройного виступу в Болгарії. Для реалізації цього плану було вирішено звернутися за підтримкою до Слов'янських комітетів у Росії, котрі могли б забезпечити повстання фінансовою допомогою та озброєнням. Завдання налагодити контакти з цими організаціями отримав С. Стамболов.

Однак виконати доручену місію йому завадила зміна міжнародної ситуації, під впливом якої БЦБТ знову поміняло свою стратегію. За умов, коли стала очевидною неминучість воєнного зіткнення Санкт-Петербурга і Стамбула, 18–22 листопада 1876 р. Загальні збори, розраховуючи на свій майбутній статус законодавчого органу влади, розробили і оголосили програму створення на визволених територіях незалежної болгарської держави з монархічною формою правління, власним основним законом і національним урядом, а також постановили направити делегацію до російського Комітету міністрів з метою розробки плану спільних воєнних дій проти Туреччини. Крім того учасники зборів визнали Санкт-Петербург основною зовнішньою силою у справі визволення батьківщини від османського гноблення та засвідчили легітимність тимчасової воєнної окупації Болгарії російською армією у разі перемоги над Портою⁴³. С. Стамболов, який спішно повернувся з Одеси, щоб взяти участь у засіданнях, повністю підтримував усі вищевказані рішення⁴⁴.

На той момент серед представників болгарського національно-визвольного руху активно обговорювалась ідея слов'янської або балканської федерації, що мала утворитися на уламках Османської імперії. Під час роботи Загальних зборів це питання теж стояло на порядку денного, однак С. Стамболов виступав проти такого задуму, характеризуючи зазначену концепцію як утопічну.

* Назва загонів турецької іррегулярної піхоти за часів Османської імперії. У дослівному перекладі з турецької «bashiбузук» означає «з дурною головою», а у більш вільному – «хворий на голову». Їх вербували з числа найбільш воявничих народів Албанії і Малої Азії – албанців, черкесів, курдів. Влада забезпечувала бashiбузуків зброям і продовольством, причому платню за свою службу вони не отримували.

Напередодні російсько-турецької війни 1877–1878 рр. відбуваються кардинальні зміни у ставленні С. Стамболова до Росії та її влади. Займаючись журналістською діяльністю в Румунії, він активно публікувався на шпальтах газети «Български глас»*, де у своїх статтях постійно наголошував на визвольній місії Росії на Балканах, а також закликав болгар надавати всіляку підтримку «наймогутнішій слов'янській армії». Щодо Олександра II, то його він характеризував як імператора, котрий віddaє перевагу справедливості, миру і свободі⁴⁵. Росію ж називав покровителькою, захисницею інтересів поневолених османами народів⁴⁶. Подібні оцінки надзвичайно контрастують з його визначеннями політики Санкт-Петербурга періоду навчання в Одеській семінарії.

Окрім того, в Бухаресті С. Стамболов допомагав представнику Головного штабу російської армії підполковнику І. Кішельському (справжнє прізвище І. Кішелскі) збирати розвідувальні дані про становище і розташування турецьких збройних сил на території Болгарії та організовувати напередодні війни дружини болгарського ополчення⁴⁷. З початком бойових дій він налагодив співпрацю з відомими російськими виданнями – «Одеський вестник», «Наш век» і «Новое время», на сторінках яких містилися його статті щодо перебігу війни та ситуації у Болгарії⁴⁸.

На початку травня 1877 р. у відомій австрійській газеті «Політіше кореспонденц» майбутній болгарський державний діяч, політик і дипломат Г. Начовіч опублікував «Звернення до болгарського народу», яке закінчувалося палким закликом: «...і з того ж моменту [тобто, до приходу російських військ. – Д. М.] підпорядковуватися тимчасовому національному уряду, обраному із патріотів»⁴⁹. Однозначно натяк було зроблено на лідерів Болгарського центрального благодійного товариства – організації, котра вважала себе наступником БРЦК. У відповідь російська окупаційна влада** прийняла рішення заборонити діяльність БЦБТ та запропонувати його керівникам чиновницькі місця, або призначити їх перекладачами в різні військові частини. Такий крок викликав у С. Стамболова обурення і зневіру, тому він категорично відхилив пропозицію імператорського комісара у Болгарії князя В. Черкаського обійтися однією із посад в окупаційній адміністрації, мотивуючи свою відмову небажанням стати підконтрольним російським чиновникам, що вказує на його гідність і амбітність⁵⁰.

Під час російсько-турецької війни С. Стамболов намагався уникнути будь-якої служби у військових підрозділах. Так, майже до середини літа 1877 р., щоб не вступати в ополчення, він працював учителем російської мови у рідному місті Тирново. Подібні факти створили його політичним опонентам додаткове підґрунтя для критики та звинувачень у нещирому патріотизмі.

Невдовзі колишній революціонер влаштувався на роботу торговим агентом товариства «Льове, Гінзбург, Коган, Поляков і К°». Протягом липня – вересня він займався закупками у болгарських землевласників провіанті та фуражу для потреб російської армії. Ця діяльність дозволила йому неабияк збагатитися матеріально, а регулярні контакти з різними людьми посприяли налагодженню зв'язків із впливовими офіцерами і чиновниками та широким колом пересічних громадян. За свідченнями болгарського просвітителя, політичного діяча, мемуариста Д. Ганчева, який на той час перебував у Тирново, «багато друзів і знайомих» С. Стамболова заздрили його «великій зарплатні» та журили і звинувачували в тому, що «подався служити до євреїв, а не поповнив ряди ополченців. А був же «народним» ватажком, революціонером»⁵¹. З цього ж приводу письменник І. Вазов зазнавав: «Це людина з витонченим відчуттям нагод швидкого збагачення та зухвалої вдачі»⁵².

Завдяки активній участі в національно-визвольному русі та журналістській і комерційній діяльності під час російсько-турецької війни С. Стамболов став відомою в країні людиною, яка користувалася повагою й авторитетом серед населення. Це допомогло йому ввійти до складу болгарської делегації, котра була присутня при підписанні 3 березня

* Болгарський революційний вісник, який видавався з 17 квітня 1876 р. по 27 серпня 1877 р. редактором К. Тулешковим в румунському місті Болград. Усього за період існування було надруковано 63 примірники. Тижневик займав античорбаджийську позицію та підтримував ідеї БЦБТ.

** Тимчасове російське управління діяло на території Болгарії з липня 1877 р. по травень 1879 р. Основнім цілі – налагодження мирного життя та підготовка відродження болгарської держави. До березня 1878 р. адміністрацію очолював князь В. Черкаський, а потім – князь А. Дондуков-Корсаков.

1878 р. прелімінарного мирного договору між Росією і Портою у містечку Сан-Стефано (західне передмістя Константинополя)⁵³.

Чергова важлива віха у діяльності С. Стамболова – це Берлінський конгрес (13 червня – 13 липня 1878 р.), під час засідань якого держави-«миротворці» створили на Балканах мозайку незалежних, автономних, окупованих та інших країн, територій і областей. Рішення форуму спонукали його долучитися до руху за скасування статей трактату, що стосувалися кордонів Болгарії. В своїх чисельних промовах на вуличних мітингах він критикував позицію великих держав, які в інтересах Туреччини розділили болгарську етнічну територію, застосовував гострі зауваження по відношенню до Росії, котра не зуміла відстояти право болгар на цілісність країни, а становище своїх одноплемінників після резолюції конгресу називав гіршим у порівнянні з періодом турецького панування. Втрата єдності, на думку оратора, не давала можливості ефективно боротися за свободу всієї нації⁵⁴. У виступах С. Стамболова перед співвітчизниками «Сан-Стефанська Болгарія» поставала в образі омріяної батьківщини, тому він часто жалував за втратою таких територій як Ніш, Одрин, Салоніки і Добруджа, що згідно з постановами Берлінського конгресу залишилися у складі Сербії, Туреччини і Румунії⁵⁵. Підписаний у Сан-Стефано проект поступово починає перетворюватися на національний ідеал, і С. Стамболов безпосередньо доклав до цього чималі зусилля.

Наприкінці літа 1878 р. колишній революціонер на деякий час повертається до своєї попередньої діяльності – стає одним із ініціаторів створення 29 серпня в Тирново комітету «Єдінство». Завдання цієї організації зводилося до матеріальної і духовної підтримки учасників боротьби за об'єднання Болгарії у кордонах, передбачених Сан-Стефанським миром. Вже 9 вересня у Севлієво, Ловечі, Омуртазі, Габрово, Трявні, Дряново, Елені, Берово існували такі ж осередки з підпорядкуванням тирновському «Єдінству»⁵⁶.

С. Стамболову разом із священнослужителем Н. Охридським (прізвище при народженні Н. Бойкіев) і Н. Обретеновим було доручено підготовку та проведення збройного виступу в турецькій Македонії. На його думку, насамперед туди необхідно було направити досвідчених апостолів, як це практикувалося під час організації повстань 1875 і 1876 р., для пропагандистської роботи серед населення. Однак лідери комітетів ухвалили інше рішення. 5 жовтня кордон з Туреччиною перетнув зведений загін чисельністю близько чотирьохсот осіб, сформований на території Болгарії переважно із македонських переселенців⁵⁷, котрі після постанов конгресу в німецькій столиці залишили рідні терени. Хоча місцеве населення й підтримувало четників (до них постійно приєднувалися нові бійці), але їм не вдалося досягти суттєвих результатів. Повстання, яке тривало до червня 1879 р. та увійшло в історію під назвою Кресненсько-Разлозького, очікуваного міжнародного резонансу не створило, до того ж держави-підписанти Берлінського трактату зовсім не збиралися переглядати статус-кво на Балканах. Після провалу збройного виступу 1878–1879 рр. наш герой зосередився на власній політичній кар’єрі.

Отже, діяльність С. Стамболова як учасника національного руху можна розділити на кілька етапів. Перший – 1870–1874 рр. – відзначався знайомством юнака з теоретичними аспектами революції, а також його поступовим залученням до визвольної боротьби болгарського народу. Протягом другого (з 1874 по 1875 р.) ще зовсім молодий Стамболов здобув початковий досвід підпільної роботи на керівній посаді, при цьому він часто-густо допускав необачливі, ризиковані й авантюристичні кроки. Після збройного виступу у Старій Загорі розпочинається третій етап, що тривав до Квітневого постачання 1876 р. Стамболов стає розважливішим, обережнішим, однак, як і раніше, він не був позбавлений певних ілюзій щодо впливу внутрішньої і міжнародної ситуації на долю Болгарії. 1876–1877 роки характеризувалися кардинальним переосмисленням революціонером методів досягнення болгарської державності. Після невдач 1875 і 1876 рр. Стамболов все більше покладався на зовнішній чинник у реалізації омріяної незалежності. Він займався журналістикою, а також зблизився з більш поміркованими угрупованнями національного руху. З початок російсько-турецької війни 1877–1878 рр. Стамболов призупиняє революційну діяльність і займається комерцією. Його повернення до визвольної боротьби було пов’язано із особистим розчаруванням умовами Берлінського трактату 1878 р., який залишив за межами болгарського князівства Східну Румелію і Македонію. Особливістю останнього періоду революційної діяльності послідовного прибічниками національної єдності було те, що

Стамболов поєднував свою участь у революційному комітеті з кар'єрою у рамках Ліберальної партії Болгарії.

Формування політичних поглядів майбутнього прем'єр-міністра країни відбувалося протягом 1870-х рр. Саме тоді вони вирізнялися нестійкістю, змінюючись у залежності від конкретних обставин, що проявилося в його ставленні до російської влади та її зовнішнього і внутрішнього курсу, а також у виборі стратегії і тактики при підготовці збройних виступів. Іншими чинниками, які визначали еволюцію поглядів Стамболова, були: віковий фактор (з роками, по мірі здобуття життєвого досвіду, революціонер ставав більш поміркованим); вплив знакових особистостей, з котрими його зводила доля (серед них можна назвати Ф. Тотю, Н. Обретенова, Л. Каравелова і Х. Ботева). Незмінними залишилися тільки націоналістичні переконання та бажання займати активну позицію у будь-якому питанні. Протягом тривалого часу він не виказував однозначних суджень щодо майбутнього політичного і соціально-економічного розвитку тоді ще перспективної незалежної Болгарії, за яку боровся. Більш-менш чітко позиція Стамболова проявилася вже після здобуття країною самостійності. Із завершенням російсько-турецької війни він беззаперечнно сприйняв Сан-Стефанський проект як болгарський національний ідеал і розпочав боротьбу за його реалізацію.

Неможливо однозначно охарактеризувати діяльність С. Стамболова у 1870–1879 рр. З одного боку, чимало критичних зауважень від істориків на адресу революціонера дістали його очевидні прорахунки під час підготовки Старозагорського і Квітневого повстань з їх негативними наслідками, небажання брати активну участь у бойових діях заради власної безпеки, непослідовність, кон'юнктурність і потакання особистим інтересам при вирішенні загальнонаціональних проблем. З іншого, беззаперечним є суттєвий внесок С. Стамболова в ідеологічне й організаційне становлення комітетів, що вели боротьбу проти османської влади. Це відбувалося на особливо важливому, згідно концепції відомого чеського вченого М. Гроха⁵⁸, етапі еволюції болгарського національного руху, який протягом 1870-х років поступово перетворювався із малочисельного явища на масове. Подібний процес не в останню чергу відбувався завдяки таким людям як С. Стамболов, котрі проводили агітацію серед широких верств населення й доносили ідеї революції та державності до простих селян і міщан.

¹ Плетньов, Г. За мястото на Стефан Стамболов в национальноосвободителного движение. // Стефан Стамболов – революционер и книжковник. Велико Търново, 1988; Пандев, К. Национально-освободителного движение в Македония и Одринско (1878–1903). София, 1979; Поглубко, К. Очерки истории болгаро-российских революционных связей (60–70-е годы XIX века). Кишинёв, 1972; Иванов, Д. Стефан Стамболов – от первого до ятагана. София, 2005.

² Личен архив на Стефан Стамболов: Писма, телеграми, рапорти, записки и дневники. / Съст.: М. Куманов и др. Т. 10. София, 2001; Личен архив на Стефан Стамболов: Писма, телеграми, рапорти, записи и дневники. / Съст.: М. Куманов и др. Т. 11. София, 2002; Личен архив на Стефан Стамболов: Писма, телеграми, рапорти, записи и дневники. / Съст.: М. Куманов и др. Т. 20. София, 2005.

³ Личен архив на Стефан Стамболов: Писма, телеграми, рапорти, записи и дневники. / Съст.: М. Куманов и др. Т. 10. София, 2001.

⁴ Стефан Стамболов. Запомни ме, живот! Поэзия и публицистика. / Съст. И. Радев. Велико Търново, 1993.

⁵ Стефан Стамболов или речта, изпълнена с тъга. – URL: <http://www.bulgarianhistory.org/stefan-stambolov-ili-rechta-izpa-lnena-s-ta/>

⁶ Ганчев, Д. Спомени: 1864–1887. София, 1939; Вазов, И. Събрани съчинения: в 22 тома. Т. 10. София, 1977; Андонов, И. Спомени. // Стефан Стамболов в спомени на съвременници. / Съст.: С. Тонев, Д. Давчева. София, 2003.

⁷ Личен архив на Стефан Стамболов: Писма, телеграми, рапорти, записи и дневники. / Съст.: М. Куманов и др. Т. 20. София, 2005, с. 32.

⁸ Биман, А. Стамболов: Биография. София, 1990, с. 10.

⁹ Иванов, Д. Нав. праца, с. 23.

¹⁰ Куманов, М. Стефан Стамболов и Васил Левски. // Годишник на Общобългарски комитет «Васил Левски», 2007. – № 9. – С. 57–58.

¹¹ Иванов, Д. Стефан Стамболов: Историко-публицистичен очерк. София, 1990, с. 34.

¹² Биман, А. Стамболов: Биография. София, 1990, с. 12.

¹³ Водовозов, В. Стефан Стамболов. Пловдив, 1895, с. 30.

¹⁴ Поглубко, К. Нав. праца, с. 109.

- ¹⁵ Цит. за: *Поглубко, К.* Нав. праца, с. 111.
- ¹⁶ Там же, с. 111.
- ¹⁷ Ганчев, Д. Нав. праца, с. 79.
- ¹⁸ Цит. за: *Плетньов, Г.* Нав. праца, с. 46.
- ¹⁹ Там само, с. 36.
- ²⁰ Стефан Стамболов. Запомни ме, живот! Поезия и публицистика. / Съст. И. Радев. Велико Търново, 1993, с. 83.
- ²¹ Андонов, И. Нав. праца, с. 40.
- ²² Терзиев, К. Ученни на Одеската духовна семинария. / Стефан Стамболов – революционер и книжовник. Велико Търново, 1988, с. 32–33.
- ²³ Ганчев, Д. Нав. праца, с. 22.
- ²⁴ Андонов, И. Нав. праца, с. 40.
- ²⁵ Плетньов, Г. Нав. праца, с. 36.
- ²⁶ Личен архив на Стефан Стамболов: Писма, телеграми, рапорти, записи и дневници. / Съст.: М. Куманов и др. Т. 11. София, 2002, с. 13.
- ²⁷ Биман, А. Нав. праца, 1990, с. 16.
- ²⁸ Плетньов, Г. Нав. праца, с. 37.
- ²⁹ Заимов, С. Миналото: Очерки и спомени из деятельности на българските тайни революционни комитети от 1869–1877 година. София, 1983, с. 429.
- ³⁰ Там само, с. 430.
- ³¹ Поглубко, К. Указ. соч., с. 112.
- ³² Плетньов, Г. Указ. соч., с. 36.
- ³³ Обретенов, Н. Спомени за българските въстания. // Стефан Стамболов в спомени на съвременници. / Съст.: С. Тонев, Д. Давчева. София, 2003, с. 145.
- ³⁴ Улунян, А. Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия. М., 1978, с. 33.
- ³⁵ Плетньов, Г. Нав. праца, с. 37.
- ³⁶ Там само, с. 39.
- ³⁷ Там само, 1988, с. 40.
- ³⁸ Иванов, Д. Стефан Стамболов – от перото до ятагана. София, 2005, с. 29.
- ³⁹ Андонов, И. Нав. праца, с. 46.
- ⁴⁰ Чорний, В. Героическая эпопея болгарского народа. Апрельское восстание 1876 года. Львов, 1976, с. 91.
- ⁴¹ Стефан Стамболов. Запомни ме, живот! Поезия и публицистика. / Съст. И. Радев. Велико Търново, 1993, с. 151.
- ⁴² Стоянов, И. Нав. праца, с. 201.
- ⁴³ Там само, с. 241.
- ⁴⁴ Плетньов, Г. Указ. соч., с. 44.
- ⁴⁵ Български глас, 1877, 22 април.
- ⁴⁶ Там само.
- ⁴⁷ Улунян, А. А. Болгарский народ и русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1971, с. 29.
- ⁴⁸ Личен архив на Стефан Стамболов: Писма, телеграми, рапорти, записи и дневници. / Съст.: М. Куманов и др. Т. 10. София, 2001, с. 488.
- ⁴⁹ Вазов, И. Събрани съчинения: в 22 тома. Т. 6. София, 1976, с. 133.
- ⁵⁰ Гърdev, Б. Вазов и Стамболов: 155 години от рождението на Стамболов. – URL: http://liternet.bg/publish4/bgyrdev/kritika/vazov_i_stambolov.htm
- ⁵¹ Ганчев, Д. Нав. праца, с. 105.
- ⁵² Вазов, И. Събрани съчинения: в 22 тома. Т. 10. София, 1977, с. 145.
- ⁵³ Улунян, А. А. Болгарский народ и русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1971, с. 180.
- ⁵⁴ Стефан Стамболов или речта, изпълнена с тъга. – URL: <http://www.bulgarianhistory.org/stefan-stambolov-ili-rechta-izpa-lnena-s-ta/>
- ⁵⁵ Там само.
- ⁵⁶ Радев, И. История на Велико Търново: XVIII–XIX век. Велико Търново, 2000, с. 652.
- ⁵⁷ Пандев, К. Нав. праца, с. 133.
- ⁵⁸ Нации и национализм. / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М., 2002.

«МАЛОРОСІЙСЬКИЙ ПРОЕКТ» XIX СТОЛІТТЯ: ДО ПОСТАНОВКИ ПИТАННЯ

C. O. Наумов

Наумов, С. О. «Малоросійський проект» XIX століття: до постановки питання

У статті в контексті теорії «національних проектів» актуалізується концепт «малоросійського проекту», з'ясовуються його генеза, зміст, еволюція, суспільна роль. Характеризується співвідношення «малоросійського проекту» з «українським проектом» та проектом «великої російської нації». Визначається причетність окремих осіб та соціальних груп до творення названих проектів. Простежуються зміни в розумінні «малоросійства» та ставленні до нього.

Ключові слова: «національний проект», «малоросійський проект», «український проект», проект «великої російської нації».

Наумов, С. А. «Малороссийский проект» XIX века: к постановке вопроса

В статье в контексте теории «национальных проектов» актуализируется концепт «малороссийского проекта», выясняются его генезис, содержание, эволюция, общественная роль. Характеризуется соотношение «малороссийского проекта» с «украинским проектом» и проектом «большой русской нации». Определяется причастность отдельных лиц и социальных групп к созданию названных проектов. Прослеживаются изменения в понимании «малороссийства» и отношении к нему.

Ключевые слова: «национальный проект», «малороссийский проект», «украинский проект», проект «большой русской нации».

Naumov, S. On the question of “Little Russian project” of the nineteenth century

In the following paper in the context of the theory of “national projects” the concept of “Little Russian project”, its origins, content, evolution and social role are being actualized. The correlation between “Little Russian project”, “Ukrainian project” and the project of the “Great Russian nation” is characterized. The involvement of various individuals and social groups in the articulation of these projects is under study. Changes in the sense of “Little Russian” identity and attitude towards it are traced as well.

Keywords: “national project”, “Little Russian project”, “Ukrainian project”, “project of the great Russian nation”.

У сучасній історичній літературі набув поширення концепт «національний проект», який за порівняно короткий час став одним із ключових у новітніх теоріях і емпіричних дослідженнях націетворення «історичного» чи «довгого» XIX століття. Переоконливим свідченням імплементації цього концепту в суспільній, зокрема, історичну свідомість можуть бути як частота вживання в текстах, очевидна й без проведення контент-аналізу, так і його присутність у тематиці статей і дисертаційних досліджень молодих науковців як за кордоном¹, так і в Україні². Активно артикульований, цей термін здебільшого не пояснюється семантично, що може бути пов’язано з такими «неприємними» для дослідників його рисами, як загальність, поліваріантність, динамічність, недостатня вивченість, «неловомістість» тощо.

«Національний проект» з точки зору його генези трактується переважно як специфічна, одна з численних реакцій інтелектуалів на суспільні реалії (модернізацію, становище населення, політику влади тощо) під впливом націоналізму або виключно як результат засвоєння ідеології націоналізму та запозичення його схем. Змістовно він виглядає як процес створення певною соціальною групою (спершу, як правило, купкою інтелігентів), яка претендує на провідну роль, нового («національного») образу, нового уявлення суспільства про себе (як про «націю») і прищеплення його достатньо довільно визначеному людському колективу.

Щодо українського випадку ця схема все ще виглядає надто загальною і збідненою, емпірично не наповненою, сказати б, не об’ємною. Це стосується як «внутрішньої» характеристики «українського проекту» (його змісту, еволюції тощо), так і «зовнішньої» (полі його суспільних контактів). Стосовно першого мається на увазі передусім неясність генези «українського проекту», нез’ясованість питання про його витоки й попередників. Як наслідок, вихід на історичну арену кирило-мефодіївців, з якими традиційно пов’язується народження українського націоналізму, виглядає несподіваним і, здавалося б, непідготов-

леним, випадковим. У чомусь подібна ситуація і з «другою хвилею» українських патріотів – громадівцями, що започаткували український національний рух як перманентне явище суспільного життя. Закономірні питання – «чому?» і «звідки?» – залишаються без відповіді або ж пояснюються ворожими щодо Росії польськими впливами. Суспільні контакти «українського проекту» досліджено ще зовсім слабо, головним чином у площині взаємодії з імперським та конкурентними національними («великої російської («русскої») нації», російським, польським) проектами. Відповідно реакція на «український проект» з боку переважної більшості місцевого «малоросійського» населення виносиється за рамки спеціальних досліджень.

Подібні відносно слабкі місця є й в інших випадках «національних проектів», і в пропонованій схемі загалом, у дослідженнях націоналізмів (національних рухів). Одним із них, на нашу думку, є те, що увага традиційно привертається до вже сформованих (як правило, хоча б у основних рисах) проектів, та відповідних (пов'язаних із цим) владних практик. Тож фактично поза полем зору залишається «ембріональна» стадія «національних проектів», коли їхні параметри тільки починали вимальовуватись. Тим часом ця стадія особливо цікава для дослідження, адже саме тут криється відповіді на питання про джерела «національних проектів», причини й обставини появи суспільного інтересу до них та ін. Зрештою, тут можна знайти й переконливий матеріал щодо питань, які становлять не тільки академічний інтерес: про так званий імітаційний характер націоналізмів узагалі й українського зокрема³, роль «зовнішнього» (іноземного) чинника в поширенні національної ідеології тощо.

З іншого боку, однією з характерних рис існування будь-якого «національного проекту» вважається його постійна взаємодія з «сусідніми», паралельними чи конкурентними аналогами, а також з альтернативними (не національними) проектами суспільної організації: класовими, імперськими, конфесійними та ін. Проте в ситуації з достатньо високим рівнем подібності/спорідненості домінантних етносів і етнічних меншин, коли останні усвідомлювали своє підпорядковане становище, але сприймали його як доволі комфортне, релевантне, в чомусь навіть виграшне, постійним супутником «національних проектів», схоже, був ще один різновид пов'язаних з національним питанням суспільних «проектів», який не фігурує в таких переліках. В залежності від стадії розвитку і змісту його можна було б охарактеризувати як протонаціональний або контраціональний. У першому варіанті (початкова стадія) він передував формуванню модерних «національних проектів», слугував переходною ланкою до них від попередніх, «донаціональних» чи «домодерних» (станових, шляхетських) «проектів», поєднуючи в собі елементи обох цих типів і виконуючи функції уконституовання, легітимації та імперської інтеграції певної етнокультурної спільноти. У другому (пізня стадія) його суть і призначення полягали в тому, щоб попередити чи замінити націоналістичний образ місцевого суспільства (творення ексклюзивної національної ідентичності) з допомогою уявлень про не домінантну, але й не дискриміновану етнокультурну спільноту, глибоко інтегровану в споріднену імперську націю (формування амбівалентної ідентичності чи ієархії лояльностей/ідентичностей).

Стосовно українських земель, які перебували у складі Російської імперії, такий «проект» можна було назвати «малоросійським» – відповідно як до найбільш поширеної назви/самоназви цих земель та місцевого населення (Малоросія – малороси), яких він стосувався, так і до змісту самого проекту. Принагідно зазначимо, що серед характерних рис українського історіописання останніх років можна відзначити прагнення авторів (прайнаймні, частини іх) бути по можливості історично коректними в термінології, описувати ту чи іншу історичну епоху її мовою, тобто в тогочасних, а не звичних чи зручних нам, проте достатньо віддалених від реалій минулого, категоріях. Щодо історії України XIX ст. це в першу чергу стосується якраз зазначених тогочасних назв її території та населення, дотримуватися яких намагатимемося й ми. Щоправда, застосування цих понять породжує нові дослідницькі, передусім термінологічні проблеми, до того ж далеко не завжди вдається досягти безсторонності, уникнути зайніх емоцій та політизациї.

«Малоросійський проект» в даному випадку розуміється як уявленій «образ» Малоросії (сукупність уявлень та ідей щодо становища і перспектив українських земель та їх населення у складі Російської імперії), сформований у межах націоналістичного (національного) дискурсу з відповідним зосередженням на питаннях етнокультурного, націетворчого характеру; процес його творення та суспільної імплементації.

В літературі вже зверталась увага на необхідність виокремлення певної перехідної, підготовчої фази, яка безпосередньо передувала становленню «національних проектів», зокрема й українського. О. Міллєр називав діяльність М. Цертелєва, М. Максимовича та ім подібних малоросійських ентузіастів першої половини XIX ст. «раннім українофільством» (як «тот етап интереса к украинской, а чаще всего казачьей теме, который не предполагал утверждения исключительной украинской идентичности среди его адептов»⁴), слушно відрізняючи його від «справжнього» українофільства, тобто «українського проекту». В іншому місці він з посиланням на С. Єкельчика підтримав коригування «klassичної» тричленної схеми М. Гроха у напрямку «видалення особої предварительной фазы, когда характерный для эпохи романтизма интерес этнографов, филологов и историков к этническим особенностям был свободен от националистической идеологии»⁵. Втім, і сам М. Грох у одній зі своїх пізніх праць вказував на можливість «прелюдії до національного будівництва»⁶. Зрідка вживається й термін «малоросійський проект» (для прикладу, його застосовує в дещо іншому контексті С. Плохій: «The modern Ukrainian identity developed out of the Ukrainian/Little Russian project of the Hetmanate...»⁷). Проте робиться це принагідно, без уточнення змісту й розкриття авторської позиції. Варто також спеціально відзначити велику статтю, присвячену ключовому в концепції «малоросійського проекту» поняттю «малорос» та суспільним дискусіям і боротьбі навколо нього. Вона порівняно нещодавно побачила світ, причому практично відразу під різними назвами в кількох солідних виданнях в Україні і Росії⁸, тим самим недвозначно вказуючи на принципову важливість її положень.

Спеціальної уваги дослідників до «малоросійського проекту» (як би його не називали) не помітно. Під цим кутом зору є показовою, наприклад, згадана в посиланнях стаття луганського дослідника М. Гаухмана, який активно освоює проблематику «національних проектів» в Україні. Її назва («Російська національна політика на Правобережній Україні (1905–1914): чотири національні проекти в одному політичному просторі») та зміст за свідчують, що серед актуальних для краю, на думку автора, «проектів» (іх перелік, очевидно, є вичерпним, фігурує навіть «єврейський», що само по собі сумнівно) місця для «малоросійського» не знайшлося.

Виходячи з цього, мета даної статті – актуалізувати термін «малоросійський проект», обґрунтувати доцільність його застосування, викласти авторське розуміння його суті, можливо, навіть спровокувати його верифікацію через критику та емпіричне наповнення. Вивчення «малоросійського проекту» ускладнюється тією обставиною, що йому ще більшою мірою, ніж « нормальним » «національним проектам », притаманні згадані вище «неприємні » для дослідників риси. Зокрема, він мінливий, варіативний і, так би мовити, пунктирний (дисперсний, розпорощений) – у тому сенсі, що цілісний, систематизований виклад його основ у джерелах не представлений (чи, принаймні, поки що не відомий). Історику доводиться мати справу лише з окремими складовими «проекту» – текстами, ідеями, концепціями, які доводиться синтезувати, а отже, неминуче «додумувати ». У поєднанні з властью сучасній українській історіографії несхильністю до широких наукових дискусій, публічного обговорення проблемних питань це несе в собі загрозу надмірної (бо в тій чи іншій мірі вона присутня завжди) суб'єктивізації процесу відтворення «малоросійського проекту», проте не перекреслює його перспектив. Застосування цього концепту може виявитися корисною дослідницькою технологією, що дозволяє, з одного боку, виразніше виокремити й синтезувати комплекс суспільних уявлень про «малоросійське/українське питання» на певному відрізку часу, а з іншого – простежити їх еволюцію, визначити її основні віхи, встановити відмінності, співвідношення «старого» й «нового» тощо. Крім того, з'являються додаткові можливості для з'ясування чинників успіху «українського проекту» й відповідно неуспіху його конкурентів.

Генетично «малоросійський проект» тісно пов’язаний з тією версією розв’язання «малоросійського питання» (тобто проблеми статусу Малоросії, її інтеграції й самобутності), яку можна назвати «козацько-шляхетським проектом» (виходячи з того, що вона була створена впродовж XVIII ст. малоросійською шляхтою з метою забезпечення власних станових інтересів і базувалась на козацькій традиції). За змістом і характером «козацько-шляхетський проект» був консервативним, політичним і становим. Його досліджено якщо не вичерпно, то принаймні доволі повно й різnobічно, насамперед у працях З. Когута⁹; долучаються до цього й українські дослідники¹⁰.

Нещодавно¹¹ нами була запропонована інша, розширена версія тлумачення «малоросійського проекту» – як відповіді на «малоросійське питання» взагалі. В такому сенсі «малоросійський проект» можна розуміти як сукупність уявлень, образів, ідей щодо становища і перспектив Малоросії та її населення в Російській імперії. Відповідно «козацько-шляхетський проект» виступає його різновидом і початковою стадією. За З. Когутом, «наприкінці XVIII століття концепція Малоросії охоплювала історичну свідомість і політичну лояльність до Малоросії та її особливих конституційних й адміністративних прав. Водночас українська шляхта вважала, що Малоросія через спільного царя пов'язана з більшою Російською державою або імперією»¹². Проте, якщо розглядати «малоросійський проект» вужче, в межах націоналістичного дискурсу, з точки зору «національного проекту» взагалі й по відношенню до «українського проекту» зокрема (як це робиться в даній статті), то в такому випадку «козацько-шляхетський проект» може виступати лише в ролі його предтечі. Цей «малоросійський проект» (чи цей його варіант), як уже зазначалось, зосереджений на питаннях етнокультурного, націєтворчого характеру, замість політичних і станових складових «козацько-шляхетського проекту».

Іншим джерелом «малоросійського проекту» була «некозацька» суспільна думка Гетьманщини-Малоросії кінця XVII–XVIII ст., передусім, так би мовити, русоцентрична (починаючи ще з «Синопсиса» 1674 р.¹³). Представники обох цих напрямів розмірковували над майбутнім Гетьманщини-Малоросії у складі Російської імперії, але керувалися різними цілями й аргументами. Виразники поглядів шляхти робили акцент на самобутності Малоросії, військових заслугах, необхідності збереження чи відновлення елементів самоврядного (козацького) устрою, станових правах. Інші опоненти апелювали до змісту таких категорій, як держава, народ, релігія, історія, культура, наголошуючи на моментах спорідненості велико- і малоросів та обстоюючи потребу їх якнайтіснішого єднання.

По мірі «згасання» козацької автономії та надії на її відродження на межі XVIII–XIX ст. відбулося фактичне зближення цих двох версій, причому з явним превалюванням ідеології спорідненості/єднання, в відповідності з ситуацією та очевидними перспективами її розвитку. Безсумнівність належності до імперії та «російського світу», безальтернативність імперської долі для Малоросії стали домінантами нового суспільного «проекту». Іншою його складовою були пам'ять про славне минуле без жодної проекції на сучасність та «малоросійський сентимент» – теплі почуття до рідного краю, його природи, мови, культури. «Імперська» та «малоросійська» складові нерозривно присутні у малоросійській публіцистиці того часу – записках з обґрунтуванням шляхетських заслуг і прав, історичних творах, памфлетах тощо, авторів яких можна вважати співтворцями початкової версії «малоросійського проекту». На цих складових, наприклад, ґрунтуються (зрозуміло, в дуже відмінних пропорціях) і найбільш «проімперський» («асиміляторський» за класифікацією З. Когута) з традиційно цитованих творів того часу – «Замечания, до Малой России принадлежащие», і найбільш «патріотичний» («традиціоналістський») – «Істория Русов».

Втім, «гармонія» цих двох начал практично відразу стала підриватися на психологічно-побутовому ґрунті. Новоявлені малоросійські патріоти імперії, інтенсивність контактів яких з російським суспільством (унаслідок реформ останньої четверті XVIII ст.) істотно зросла, далеко не завжди відчували себе рівними чи «своїми», а свої символічні цінності – визнаними. Це влучно підмітив і, швидше за все, теж відчув на собі, наприклад, Ю. Венелін, який, за словами О. Міллера, «сам закарпатський русин, был сторонником концепции большой русской нации»¹⁴. Відомий сарказм Ю. Венеліна з приводу «іншування» «малоросів» «великоросами» («и в самом деле, можно ли человека почесть своим, который не носит красной или цветной рубашки, называет щи борщом и не гаварит хараши, а добре!») свідчить про гостроту сприйняття цього явища «малоросами» і його поширеність, причому, як підкresлював сам автор, не лише серед простолюду («бородачів»), а й поміж тих «из числа безбородых, которые даже имеют претензию на ученость, на образованность или, по крайней мере, на основательность своего суждения»¹⁵.

Як наслідок, в освіченому середовищі мало- і великоросів у 1830-х роках розгорілася доволі гостра суспільна полеміка з питань культурного характеру, щодо «малоросійських» цінностей і претензій. Назва цитованої праці Ю. Венеліна («**О споре между южанами и северянами насчет их россизма**»), написаної саме в той час, вдало віддзеркалює якраз сутність, зміст цієї полеміки. В даному випадку вона стосувалася вже не станових прав

малоросійської еліти, її чеснот і заслуг перед російським престолом (що було характерним для малоросійської літератури другої половини XVIII – початку XIX ст.), а проблем історії, походження, етнокультурної специфіки і «статусності» двох, за тогочасною термінологією, «племен».

Паралельно розгорталися запеклі дискусії з приводу «малоросійського наречия/язика» та його претензій на статус повноцінної літературної мови. Звернення до означеної предмету було немислимим в рамках «старшинсько-шляхетського проекту» (де мова не фігурувала серед символічних цінностей, збереження яких виводилося актуальним) і виразно засвідчує зasadницькість між ним та «малоросійським проектом», тяжіння останнього до націоналістичного дискурсу. Актуалізацію мовного питання, суспільну полеміку щодо статусності малоросійської/української мови можна вважати першим маркером переростання «малоросійського проекту» в повноцінний «національний проект». Адже тільки в останньому ключова роль відводиться мові як пріоритетній символічній цінності, засобу творення національної ідентичності й консолідації. Не можна не погодитися з Р. Вульпіус, яка відзначає, що «емансипація недомінантних етносів повинна протикати, як мінімум на початковій стадії, на рівні мови», і ставить долю проекту «великої російської нації» (а отже, й «малоросійського проекту») в пряму залежність від набуття українською мовою статусу літературної¹⁶.

Накопичення літературних і мовознавчих публікацій на «малоросійську» тему та їх характер досягли того рівня, коли їх стали сприймати як щось більше, ніж елементи фольклору, гумористичні чи мелодраматичні «простонародні» замальовки в літературі. Вони вже виглядали як заявка на особливу «малоросійську» літературу й мову. Суспільна реакція була неоднозначною – від захоплення й підтримки до гострої критики й заперечення. Але з того часу українське мовне питання надовго стало об'єктом суспільної уваги, а в частини інтелектуалів склалося переконання в окремішності, повноцінності української мови та необхідності відстоювання її повноправності. Чудовою ілюстрацією цього є категоричне висловлювання І. Срезневського (1834 р.): «В настоящее время нечего доказывать, что язык украинский (или, как угодно называть другим, малороссийский) есть язык, а не наречие, как доказывали некоторые, и многие уверены, что этот язык есть один из богатейших языков славянских..., что это язык, который, будучи еще не обработан, может уже сравниваться с языками образованными по гибкости и богатству синтаксическому...»¹⁷. Крім іншого, цитата вказує на поширеність у суспільстві визнання статусу української мови («многие уверены...») та претензій піднести її до рівня повноцінної літературної мови. Щодо критичних висловлювань з цього приводу, то їхня гострота й питома вага істотно зросли наприкінці 1830-х – на початку 1840-х рр.¹⁸ Тоді ж полеміка, яка до того велася здебільшого на приватному рівні, почала набувати публічного, а отже, суспільно значущого характеру, в чому немалу роль відіграли літературні журнали.

Можливо, посилення негативних оцінок на адресу української мови й літератури було пов’язане з загальною ситуацією в російському суспільстві, а саме піднесенням патріотичних і націоналістичних (в широкому сенсі слова) настроїв, що підігрівалися офіційною політикою. В її основу, знов-таки, саме в 1830-х роках було покладено відому уваровську тріаду, базовану, зокрема, на російській національній ідеї¹⁹. Започаткована в Російській імперії «націоналізація» громадської сфери, культури і політики, деклароване цілеспрямоване вибудування їх на «истинно руских началах» ставили малоросів/українців перед проблемою вибору, з’ясування своєї причетності чи непричетності до цього й «рускості» взагалі, визначення власного місця в новій суспільній і культурній ситуації.

Однією з відповідей на цю проблему стало народження національного «українського проекту», яке припало на 1840-і роки і знайшло відображення насамперед у творчості П. Куліша й Т. Шевченка, діяльності Кирило-Мефодіївського товариства. При цьому головним рушієм переходу від «малоросійського» до «українського проекту», ключовою фігурою в формуванні основ і популяризації останнього, ініціатором і лідером вкрай нечисленної групи «будителів-творців» модерної української нації до початку 1860-х рр. включно, на нашу думку, був Пантелеймон Куліш. Український націоналізм постав як один із варіантів відповіді на «малоросійське питання» і в цьому сенсі був продовженням «малоросійського проекту», з якого частково взяв, так би мовити, структуру цієї відповіді. Проте з точки зору її змісту, який кардинально відрізнявся, «український проект» виступав як заперечення свого предтечі.

У більшості освічених малоросів новонароджена ідеологія українського націоналізму тоді не знайшла підтримки, вони залишилися відданими традиційним цінностям «малоросійського проекту» (данину йому віддавали й немало українофілів другої половини XIX ст., поєднуючи в собі малоросійську й українську ідентичності). Останній з виникненням «українського проекту» почав відігравати іншу суспільну роль, ніж раніше. З предтечі «українського проекту» він поступово перетворився в знаряддя боротьби проти нього, в його конкурента-антагоніста, тобто з «протонаціонального» став «контрнаціональним». У певному сенсі, частково його можна вважати й альтернативним «національним проектом» – не через те, що він мав слугувати основою творення «малоросійської нації», а тому, що «малоросійський проект» став частиною проекту «великої російської нації» («общерусского» проекту).

Відображенням нової ролі «малоросійського проекту» стало характерне для російської офіційної і суспільної думки другої половини XIX – початку XX ст. протиставлення «хорошого» малоросійства «поганому» українству. Його квінтесенцією можна вважати формулу, яка з 1870-х рр. « стала своєрідною мантрою публіцистики малоросів-антиукраїнців»²⁰, а найбільш чітко висловлена на початку ХХ ст. лідером Київського клубу російських націоналістів А. Савенком: «Я сам – чистокровный малоросс и горячо люблю свою родину, ее чудную природу, обычай, язык и предания, историю, как люблю и хохлов, ленивых и добродушных. Но я всеми силами души ненавижу украинофильство, движение предательское и подлое»²¹.

В цій новій якості «малоросійський проект» дістав потужну різnobічну підтримку з боку російських інтелектуалів, суспільства і влади, що було одним із головних чинників його життєвості. Проте нова роль і нові співтворці «малоросійського проекту» не могли не позначитися на його змісті: впродовж другої половини XIX – початку ХХ ст. він усе більше втрачав риси інтеграційного за своїм характером проекту (спрямованого на тісну імперську інтеграцію, але зі збереженням місцевої самобутності) і набував ознак асиміляційного, який передбачав не просто максимальне зближення східнослов'янських етносів, а їх цілковите злиття шляхом культурної трансформації (в перспективі – акультурації) малоросів і білорусів та засвоєння ними російської ідентичності й культури. З огляду на це видаються показовими й закономірними властиві російському дискурсу початку ХХ ст. прагнення «відібрати» в українців «батька нації» Т. Шевченка, «переписати» його образ на малоросійський лад та новий погляд на «малороса». Не можна не погодитися з авторами неодноразово цитованої статті в тому, що «у російському дискурсі про малороса відбулася помітна трансформація». Якщо на початку XIX ст. малорос трактувався як «поєднаний із великоросом спільним сувереном та релігією, але в жодному разі не етнічно чи історично», то через сто років його етнокультурній специфіці вже не залишалося місця, «російськість малороса сприймалася (чи її представляли) як природний стан»²².

Деяким підтвердженням «нового бачення» можуть слугувати різні за часом приклади риторики відомих інтелектуалів, які підкреслено позиціонували себе як «малоросі». Так, професор Київського університету С. Гогоцький у 1859 р. наголошував лише на єдності «руських племен», тож закидав своєму респонденту, В. Гречулевичу, таке: «Хотя не прямо, но косвенно, молчанием проводите разделение между нами и Великоруссами, тогда как именно нужно внушить нашему народу крепко, что наше благо только и только в единстве всех Русских племен»²³. А на початку ХХ ст. відомий історик, професор Новоросійського університету І. Лінніченко в полеміці з М. Грушевським (з невідомих причин на титульному аркуші й у тексті брошюри зазначено «М. А. Грушевский»), як ідеологом «українського проекту», доводив, що «собственной оригинальной самостоятельной культуры Малороссия никогда не имела», вважав, що «будь наше правительство более дальновидно, менее трусливо, слияние двух крупных ветвей русского народа в одну нацию произошло бы давно, и малоросс стал бы именоваться русским...», закликав стати «сначала людьми, затем русскими, а потом уже – если найдем нужным – великим руссами, малороссами, белоруссами...»²⁴. Ще більш категоричним був А. Савенко: «В настоящее время малороссийский крестьянин совершенно не знает слова «малоросс». Если вы спросите малоросса о его национальном происхождении, он всегда и неизменно отвечает: «Я – русский». Представление о полном единстве русского народа глубоко внедрилось в умы южноруссов»²⁵.

В такому вигляді «малоросійський проект» поступово втрачав свою «автохтонність», оригінальність, привабливість і підтримку в суспільстві, що стало, на нашу думку, однією

з головних причин поразки проекту «великої російської нації». З боку адептів «українського проекту», особливо радикально налаштованих, «малоросійський проект» зазнавав чимдалі гострішої критики, так що вираз «малоросійство» в їхньому словнику на межі XIX–XX ст. набув зневажливо-ворожого забарвлення, подібно до «мазепинства» в лексиконі їхніх опонентів. В «*Profession de foi* молодих українців» Братства тарасівців і «Самостійній Україні» М. Міхновського «малоросійство» прирівнювалося до національної зради. По-своєму «*класична*» (принаймні за кількістю цитувань) пізніша оцінка належить Є. Маланюку: малоросійство – це «неміч, хвороба, каліцтво внутрішньонаціональне»; малорос – це «тип національно-дефективний, скалічений психічно, духовно, а – в наслідках, часом – і рисово»²⁶.

Таким чином, «малоросійський проект» на різних етапах його існування відігравав різну суспільну роль. Спершу він був прагматичною реакцією місцевої еліти на інтеграційні процеси і вигідно відрізнявся від свого попередника, «козацько-шляхетського проекту», спрямуванням на перспективу, увагою до всієї Малоросії та її населення, зверненням до питань етнокультурного характеру. В подальшому «малоросійський проект», зберігаючи до певної міри самостійне значення (як відображення поглядів частини «малоросійського» суспільства), став складовою проекту «великої російської нації», силою обставин і суспільно-політичних практик перетворився на інструмент боротьби між останнім та «українським проектом», а разом з тим і на заряддя імперської політики.

¹ Див., напр.: *Cabrera, M. J. Writing Civilisation: the Historical Novel in the Colombian National Project*: PhD thesis. University of Wollongong, 2004; *Reinsel, A. Poetry of Revolution: Romanticism and National Projects in Nineteenth-century Haiti*: PhD thesis. University of Pittsburgh, 2008 та ін.

² Див., напр.: *Попова, Н. О. Участь інтелігенції у реалізації українського національного проекту в 50–70-х рр. XIX ст.*: автореф. дис. ...канд. іст. наук. Черкаси, 2007; *Гаухман, М. В. Російська національна політика на Правобережній Україні (1905–1914): чотири національні проекти в одному політичному просторі* // *Дриновський збірник* / Дриновський сборник. Т. 4. Харків–Софія: Академічне видавництво ім. проф. Марина Дрінова, 2011; *Венгерська, В. О. Український національний проект та російські столиці в XIX ст.* // Гілея: науковий вісник: Зб. наук. праць. Вип. 47. К., 2011. – URL: http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Gileya/2011_47/Gileya47/12_doc.pdf (дата звертання: 16. 04. 13); Її ж. «Українські проекти» та націотоврення в імперіях Романових та Габсбургів: ідеї, концепції, практики (кінець XVIII – початок ХХ століття): автореф. дис. ... д-ра іст. наук. К., 2013; та ін.

³ *Миллер, А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.)*. СПб.: Алетейя, 2000, с. 10; *Андерсон, Б. Уявлені спільноти: Міркування щодо походження й поширення націоналізму*. Вид. 2-е, перероб. К.: Критика, 2001, с. 91, 106, 107 та ін.

⁴ Там само, с. 53.

⁵ Там само, с. 106.

⁶ *Хрох, М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе* // *Нации и национализм*. М.: Практис, 2002, с. 128.

⁷ *Plokhy, S. The Origins of Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus*. Cambridge University Press, 2006, p. 360.

⁸ *Котенко, А. Л. Малорос / А. Л. Котенко, О. В. Мартынюк, А. И. Миллер // Понятия о России: к исторической семантике имперского периода*. / Под. ред. А. Миллера, Д. Свижкова, И. Ширле. М.: НЛО, 2012; *Котенко, А. «Мы сами принадлежим к племени малорусскому»: до історії поняття «малорос» у Російській імперії / А. Котенко, О. Мартинюк, А. Міллер // Український гуманітарний огляд*. – Вип. 16–17. – 2012; *Миллер, А. Малоросс // Украинский вопрос в Российской империи*. К.: Laurus, 2013; див. також скорочений варіант: Котенко А. «Малоросс»: еволюція поняття до Первої мирової війни. / А. Котенко, О. Мартинюк, А. Миллер // Новое литературное обозрение. – 2011. – № 108.

⁹ Див.: *Когут, З. Російський централізм і українська автономія: Ліквідація Гетьманщини, 1760–1830*. К.: Основи, 1996; його ж. Коріння ідентичності: Студії з ранньомодерної та модерної історії України. К.: Критика, 2004 та ін.

¹⁰ *Струкевич, О. К. Політико-культурні орієнтації еліти України–Гетьманщини (інтегральний погляд на питання)*. К.: Інститут історії України НАН України, 2002; *Корольов, Г. О. Козацький автономізм XVIII ст.: характер і тенденції* // *Проблеми історії України XIX–XX ст.* – Вип. 17. – 2010; *Кононенко, В. П. Суспільно-політичні уявлення та ідеї козацьких інтелектуалів Гетьманщини (80-х років XVII – 60-х років XVIII ст.)*: автореф. дис. ... канд. іст. наук. К., 2010 та ін.

¹¹ Див.: *Наумов, С. О. Мовне питання в «малоросійському/українському проекті» першої половини XIX ст.* // *Дриновський збірник* / Дриновський сборник. Т. 6. Харків–Софія: Академічне видавництво «Проф. Марин Дрінов», 2013, с. 64.

¹² *Когут, З. Коріння ідентичності: Студії з ранньомодерної та модерної історії України*, с. 152–153.

¹³ Див.: Там само, с 141–144; Котенко, А. «Мы сами принадлежим к племени малорусскому»: до історії поняття «малорос» у Російській імперії, с. 59.

¹⁴ Миллер, А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении, с. 60.

¹⁵ Венелин, Ю. О споре между южанами и северянами насчет их россизма. // Истоки Руси и славянства. М.: Институт русской цивилизации, 2011, с. 792.

¹⁶ Вульпиус, Р. Языковая политика в Российской империи и украинский перевод Библии (1860–1906) // Ab Imperio. – 2005. – № 2. – С. 191–192.

¹⁷ Срезневский, И. Взгляд на памятники украинской народной словесности. // Ученые записки Московского университета. Ч. 5. 1834. – URL: <http://litmisto.org.ua/?p=3393> (дата звертання: 15.02.2012).

¹⁸ Див: Костомаров, Н. И. Исторические произведения. Автобиография. К.: Лыбидь, 1989, с. 449–450; Михайлин, И. «Я тоді ще не знат, що я українець...» // Березиль. – 1991. – № 6. – С. 150.

¹⁹ Вортман, Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // РОССИЯ / RUSSIA. М.: ОГИ, 1999. – Вып. 3: Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX века. – С. 233–244. URL: http://ec-dejavu.ru/o/Official_Nation.html (дата звертання: 5.08.2009); Зорин, А. Кормя двуглавого орла...: Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001, с. 339–374; Удалов, С. В. Теория официальной народности: механизмы внедрения. // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 21. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2005, с. 73. URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/9843/08.pdf> (дата звертання: 3.10.2011).

²⁰ Котенко, А. «Мы сами принадлежим к племени малорусскому»: до історії поняття «малорос» у Російській імперії, с. 107.

²¹ Києвлянин, 1908, 15 травня; цит. за: Котенко, А. «Мы сами принадлежим к племени малорусскому»: до історії поняття «малорос» у Російській імперії, с. 106.

²² Котенко, А. «Мы сами принадлежим к племени малорусскому»: до історії поняття «малорос» у Російській імперії, с. 64, 106, 109.

²³ Цит. за: Там само, с. 82–83.

²⁴ Линниченко, И. А. Малорусский вопрос и автономия Малороссии: Открытое письмо проф. М. А. Грушевскому. Одесса, 1917, с. 13, 22–23.

²⁵ Києвлянин, 1908, 15 травня; цит. за: Котенко, А. «Мы сами принадлежим к племени малорусскому»: до історії поняття «малорос» у Російській імперії, с. 107.

²⁶ Маланюк, Е. Малоросійство. Нью-Йорк: Видання «Вісника» ООЧСУ, 1959, с. 8, 12.

УКРАЇНСЬКЕ КУЛЬТУРНЕ ОБ'ЄДНАННЯ В БОЛГАРІЙ

B. Власенко

Власенко, В. М. Українське культурне об'єднання в Болгарії

У статті йдеться про діяльність громадсько-політичної організації українських емігрантів «Українське культурне об'єднання в Болгарії» у міжвоєнний період. Висвітлюються політичні та культурні акції організації.

Ключові слова: Болгарія, еміграція, Українське культурне об'єднання.

Власенко, В. Н. Украинское культурное объединение в Болгарии

В статье речь идет о деятельности общественно-политической организации украинских эмигрантов «Украинское культурное объединение в Болгарии» в межвоенный период. Освещаются политические и культурные акции организации.

Ключевые слова: Болгария, Украинское культурное объединение, эмиграция.

Vlasenko, V. M. The Ukrainian cultural union in Bulgaria

This paper is devoted to public political organization “Ukrainian cultural union in Bulgaria” that was established and operated by Ukrainian emigrants during the interwar period. The author focuses on the political and cultural activities that have been handled by the organization.

Keywords: Bulgaria, emigration, Ukrainian cultural union.

Із здобуттям Україною незалежності інтерес до міжвоєнної української політичної еміграції в Європі посилився. Це було пов’язано з тим, що, незважаючи на строкатість політичних течій та партій в еміграції, вона сповідувалася альтернативні радянській (УСРР/УРСР) форми державного устрою України. З’явилися збірники документів, мемуари, епістолярій провідників еміграції, документальні публікації, монографії, статті у науковій періодиці, навчальні посібники, довідково-бібліографічні видання тощо. У науковій літературі знайшли відображення різноманітні сторони життя еміграції як на рівні континенту, так і окремих країн. Проте основна увага дослідників зосереджувалася переважно на тих країнах, де існували політичні центри української еміграції (Австрія, Німеччина, Польща, Франція, Чехословаччина). Менше уваги приділялося вивченню її периферійних осередків, зокрема на Балканах. Серед країн цього європейського регіону можна виділити Болгарію, де українська еміграція виокремилася із російського емігрантського загалу. Незважаючи на русофільство болгарської влади, фінансову та організаційну підтримку російської еміграції з боку Англії, Франції, США, міжнародних, американських і болгарських благодійних інституцій і, відповідно, брак такої допомоги українській еміграції, вона спромоглася створити низку різноманітних громадських організацій, видавати українську пресу. Саме тому актуальним є питання самоорганізації української політичної еміграції у Болгарії. У нашій роботі ми застосовуємо поняття політичної еміграції в її вузькому сенсі, тобто йдеться не про всю українську еміграцію, а лише ту її частину, яка була політично вмотивована, ідеологічно визначена, організаційно структурована та сповідувала ідею відновлення незалежної та суверенної України у різних її формах.

Історія міжвоєнної української політичної еміграції в Болгарії знайшла певне відображення у науковій літературі. Уривчасті дані про українську еміграцію в цій балканській країні наводяться у монографіях з історії міжвоєнної української політичної еміграції в Європі¹, українсько-болгарських відносин², військовополонених та інтернованих³, про документальну спадщину української еміграції в Європі⁴, одного з лідерів еміграції в Болгарії М. Парашука⁵, а також у збірнику документів з історії української еміграції⁶. У документальних публікаціях та статтях наукової періодики йдеться про прибууття емігрантів до Болгарії⁷, створення перших громадських організацій та їх засновника В. Філоновича⁸, Українську громаду в Болгарії (УГ)⁹, філію Українського національного козацького товариства (УНАКОТО)¹⁰, українську пресу¹¹, встановлення емігрантами пам’ятника М. Драгоманову¹², взаємовідносини емігрантів з Л. Шишмановою-Драгомановою¹³, відзначення еміграцією Шевченківських свят¹⁴, архівну україніку в Болгарії¹⁵.

У російській історіографії українську еміграцію в Болгарії або взагалі не виокремлюють з російського емігрантського загалу, або розглядають її як невід'ємну складову російської еміграції. Такої ж точки зору дотримується і сербський спеціаліст з історії російської еміграції на Балканах М. Йованович¹⁶. Лише в деяких роботах звертається увага на існування так званого «українського питання» у середовищі російської еміграції взагалі та на Балканах зокрема¹⁷.

Серед болгарських дослідників російської еміграції на наявність у міжвоєнній Болгарії українських організацій та преси вказували Д. Даскалов та Ц. Кьосева. При цьому перший автор вважає керівників українських організацій діячами російської еміграції, які насправді були її опонентами¹⁸. Другий автор відзначає національну відокремленість українців від російської еміграції¹⁹. Нещодавно побачила світ робота болгарського журналіста П. Мангачева, присвячена історії міжвоєнної української еміграції, в тому числі й її громадським організаціям. Попри певні неточності та описовий характер роботи, вона є поки що єдиною в Болгарії працею із даної проблеми²⁰. Публікації про українські емігрантські громадські організації зустрічаються і на сторінках болгарської преси²¹. До дослідження міжвоєнної української еміграції в Болгарії долучилися і місцеві представники сучасної української діаспори у цій країні²².

Інформацію про українську еміграцію містять також довідкові архівні видання – документальний каталог²³ та науково-інвентарний опис особистого архіву професора М. Паращука у Центральному державному архіві Болгарії²⁴. У першому виданні подано перелік документів з історії еміграції, які зберігаються у фондах кількох болгарських архівів та Національному літературному музеї. Друге видання – опис архіву професора, скульптора, громадсько-політичного діяча й одного з лідерів української політичної еміграції в Болгарії.

Проте поза увагою дослідників залишилося питання про діяльність первинних осередків еміграції – громадських організацій. Саме тому автор ставить собі за мету розкрити це питання на прикладі Українського культурного об'єднання в Болгарії.

Внаслідок трьох хвиля еміграції 1919–1920 рр. з України, Криму та Півдня Росії безпосередньо та через Константинополь до Болгарії прибуло декілька десятків тисяч емігрантів. За даними сучасних дослідників, у 1922 р. їхня кількість сягнула 35–36 тис. осіб²⁵. Близько половини з них складали військові. За «Гасеною адресною книгою частин Російської армії» від 24 лютого 1922 р. їх було 15 129 осіб²⁶, даними Українського посольства (квітень 1922 р.) – 17 тис. осіб²⁷. Відчутною серед них була питома вага уродженців і жителів України. У доповідях начальника Генерального штабу до військового міністра УНР від 4 листопада та 20 грудня 1921 р. фігурували дані про перебування в країні від 6 тис.²⁸ до 8 тис.²⁹ українських військових, які жили «своїм національним життям». Зауважимо, що тут не враховано тих українців, які прибули до Болгарії наступного року. У квітні 1922 р. дипломатичний агент УНР в Болгарії повідомив МЗС УНР про те, що з 10 тис. цивільних біженців чоловічої статі російських громадських діячів і чиновників, які орієнтувалися на Врангеля, було близько 2 тис. осіб, донських, кубанських козаків та росіян лівих поглядів, які намагалися жити більш-менш самостійно від Врангеля – понад 4 тис. осіб, «свідомих» українців, які нічого спільного з Врангелем не хотіли мати й орієнтувалися на Українське посольство, – понад 3 тис. осіб³⁰. У сучасних дослідженнях йдеться про 7 тис. українців, які опинилися в Болгарії після поразки національно-визвольної боротьби та закінчення громадянської війни в Росії³¹.

Розбіжності щодо кількості українських емігрантів пояснюються тим, що у документах йшлося про різні категорії українців, оскільки автори застосовували різні критерії при визначенні поняття «українець». Найчастіше українців виділяли за географічно-територіальною ознакою, тобто місцем народження або проживання. Більшість армії Врангеля складали мобілізовані молоді люди переважно з Катеринославщини, Полтавщини, Харківщини, Херсонщини, менше – з Київщини і Чернігівщини, зовсім мало – з Волині та Поділля³². Тому за цією ознакою питома вага українців серед усього російського емігрантського загалу визначали у 50%³³, 70%³⁴ і навіть 80% (разом з кубанцями)³⁵. Проте не всі народжені в Україні вважали себе українцями, так само як частина кубанських козаків в еміграції ототожнювала себе більше з Україною, ніж із Росією.

В умовах еміграції для багатьох біженців поділ на українців і росіян був умовним і мінливим. Наприклад, колишні професори Новоросійського (Одеського) університету В. Зав'ялов та М. Попруженко спочатку прихильно поставилися до української справи у Бол-

гарії, у 1922 р. були членами Тимчасового комітету Українського товариства Червоного Хреста, але згодом стали її критиками й опонентами³⁶. З іншого боку, у 1923 р. до правління Української громади в Софії звернулася група учнів російської гімназії із пропозицією зарахувати їх до складу організації, щоб разом дочекатися того часу, «*коли ми всі станемо під жовто-блакитний стяг*»³⁷.

Крім того, чимало українських емігрантів в період національно-визвольної боротьби 1917–1920 рр. служили у різних арміях: гетьманській, УНР, УГА, ЗСПР, «Русской», Червоній, а також у партизансько-повстанських загонах³⁸. Наприклад, після занепаду Української держави багато членів уряду П. Скоропадського, вищих державних чиновників і військових стали на бік державних утворень білої Росії, проте в еміграції чимало примусово мобілізованих до армії Врангеля українців, особливо з Катеринославщини, Полтавщини та Херсонщини, перейшло «до Петлюри»³⁹. Тобто в еміграції уродженці України могли прилучитися як до української, так і російської спільноти. При виборі визначальною могла стати як матеріальна сторона (орієнтація на того, хто забезпечить найнеобхіднішим – юдею, ночівлею та ліками), так і національне самоусвідомлення, незважаючи на матеріальну скрутку.

Вже на початку 1920-х рр. з-поміж українців виділяли свідомих, малоусвідомих, не-свідомих і ренегатів або малоросів. При цьому майже усі вони в Болгарії перебували у російському емігрантському середовищі, під впливом російських старшин та численної російської інтелігенції і тому думати про «якусь там Україну» на початку еміграції, як стверджував В. Філонович, просто не могли. До того ж, на емігрантів впливало і русофільство болгар⁴⁰. Дипломатичний агент УНР в Болгарії В. Драгомирецький поділяв усіх українців на дві групи: «свідомих і такі, які сліпо тримаються Врангеля. Перші зовсім відокремились від армії Врангеля, тримають постійний зв'язок з українським посольством і відносяться негативно до добровольців... Друга група – «українці по нацві», служать Врангелю може ще й вірніше як великороси... Часом і вони з'ясовуються перед нами в своїй прихильності, але це все постійно робиться при звісних умовах: «без Петлюри», «без самостійності», при признанню «общерусского языка», «единой общей родины» і т.д.»⁴¹. На думку одного з провідників української еміграції в Болгарії полковника Б. Цибульського, на початку 1920-х рр. серед емігрантів з України кількість таких, хто свідомо визнавав себе українцем, було приблизно 2 тис. осіб, в тому числі української інтелігенції – близько 200 осіб⁴².

Упродовж майже двох десятиліть кількість російської й української еміграції скорочувалася внаслідок репатріації, рееміграції до інших країн, набуття болгарського громадянства, одруження з болгарками та смерті емігрантів. У болгарській статистиці того часу українців не виділяли в окрему групу, вважаючи їх російськими емігрантами. У 1929 р. в країні російських емігрантів налічувалося 24,5 тис. осіб, 1936–1937 рр. – 16,5 тис. осіб⁴³. За даними болгарської політичної поліції, на межі 1920-х–1930-х років у Болгарії проживало 1,2 тис. українських емігрантів⁴⁴. Очевидно, йдеться про політичну еміграцію, тобто тих людей, які публічно визнавали себе українцями і перебували у складі різноманітних українських організацій.

Перші громадські організації української еміграції в Болгарії виникли 1921 р. з ініціативи підполковника В. Філоновича та за сприяння Українського посольства. Це була «Українська громада в Болгарії» (з філіями по країні), з якої невдовзі виділилися військова організація «Січ» та Культурно-просвітній гурток. Завдяки зусиллям представників цих організацій та допомозі головного інтенданта болгарської армії полковника Каратункова, Болгарського й Українського товариств Червоного Хреста у Софії була зведена «Українська хата», де розміщувалися притулок на 150 осіб, бібліотека-читальня, їdalня, виробничі майстерні та представництва громадських організацій⁴⁵. За даними тогочасної української преси, наприкінці 1922 р. «Українська громада в Болгарії» (УГ) мала 1200–1500 членів⁴⁶. Через внутрішні суперечки, виїзд до Чехословаччини В. Філоновича, брак організаторських сил, дії російської еміграції та болгарської влади у 1924–1925 рр. діяльність громадських організацій була припинена. Де-факто (нелегально) існував лише Український гурток ім. М. Драгоманова, до якого увійшла частина колишніх членів УГ.

Через декілька років болгарська влада дозволила українським емігрантам створити громадську організацію. Навесні 1926 р. декілька ініціативних груп українських емігрантів звернулося до болгарської влади за легалізацією українських громадських організацій.

З пересторогою цю новину сприйняла російська еміграція. Паризька газета «*Русское время*» зазначила, що «это предприятие (створення українських організацій – В. В.) в русской массе... несомненно вносит элемент расслоения в эмигрантскую среду, и в этом его печальная сторона»⁴⁷. Рішення Міністерства внутрішніх справ № 1837 про легалізацію Українського культурного об'єднання (УКО) в Болгарії було прийнято 18 червня 1926 р.⁴⁸ Наприкінці того ж року організація налічувала 17 членів, на початку 1928 р. – 27⁴⁹, в середині 1930-х рр. – близько 40 осіб⁵⁰. Головами управи УКО були Володимир Колісниченко (з 1926 р. – з перервами), Іван Орлов (з 1928 р. – з перервами), доктор наук Дмитро Шелудько (з 1934 р.), Петро Литвиненко (з 1938 р.), Дмитро Майстренко (1940–1942). До керівного складу організації у різний час належали Олександр Васецький, Демид Гурай, Олексій Залуговський, Митрофан Заріцький, С. Йосипів, Євген Кириченко, Іван Коршун, Донат Криворучко, Григорій Мицик, Микола Ніцкевич, В. Орлов, Павло Педашенко, Федосій Полтавців, Тетяна Рибалченко, Іван Тахтай, Йосип Ткаченко, Олександр Труш, Сергій Юзефович та Василь Яковенко⁵¹.

Ініціатором створення організації виступило Українське національне козацьке товариство на чолі з І. Полтавцем-Остряницею. Воно мало свою філію в Болгарії. Більшість її членів одночасно належала і до УКО. Під впливом цієї гетьманської політичної організації УКО перебувало до початку 1930-х рр. Проте з появою Організації українських націоналістів (ОУН), відівдуванням Болгарії її представниками Леонідом Костарівим і Миколою Сціборським та направленням до цієї країни резидентів Івана Шиманського та Миколи Ніцкевича вплив нової політичної сили на УКО посилився. На початку 1930-х років об'єднання вже цілком перебувало під впливом ОУН⁵². Неодноразово відбувалися спільні засідання УКО й осередку ОУН у Софії. Така практика припинилася 1936 р., коли М. Ніцкевич остаточно визнав її неефективністю. У Болгарії існувало 2 осередки ОУН – у Софії та Варні. До складу першого входили І. Коршун (керівник), В. Князєв, Д. Криворучко, Й. Ткаченко, П. Литвиненко та Т. Коваленко, другого – М. Дробаха, В. Коваленко, Терещенко та ще одна особа⁵³. За іншими даними, у Варні діяла група, до якої належали Дробаха, Бондар, Колесник, Терещенко, Фастовець⁵⁴.

Незважаючи на контроль ОУН над громадською організацією, серед її керівництва залишалися і прихильники гетьманського руху, зокрема, І. Орлов та В. Колісниченко. Це відзначали і керівники ОУН⁵⁵. Через певні непорозуміння на політичному грунті й особистість з В. Колісничеником І. Орлов у середині 1930-х рр. вийшов зі складу УКО, проте 1940 р. відновив своє членство в організації.

УКО намагалося поширити свою діяльність на всю територію Болгарії. 1930 року в Бургасі виникло Українське культурне об'єднання. Декілька років його очолював доктор наук М. Корнилів. З часом самостійна організація перетворилася на філію софійського УКО. У 1935 р. до її керівного складу входили Аврам Войт (голова), Павло Власенко, Михайло Григорій, Юрій Гусак та Ілля Кравець⁵⁶. Завдяки зусиллям М. Ніцкевича у Слivenі була відкрита філія на чолі з Василем Круглим. Восени 1934 р. вона мала 21 члена⁵⁷. М. Ніцкевич сприяв появи ще однієї філії у Варні. Очолював її М. Дробаха⁵⁸. УКО намагалося підтримувати своїх прихильників у регіонах. З цією метою туди з концертами виїжджали художні аматорські колективи. У листопаді 1934 р. такий концерт відбувся у Пловдиві⁵⁹. Це давало можливість УКО розширити мережу своїх регіональних осередків. У 1936 р. у Пловдиві зусиллями Кирила Лойка була відкрита філія УКО, до якої увійшла частина колишніх членів філії УГ в цьому місті⁶⁰.

У 1929 р. розпочалося суперництво між Українським культурним об'єднанням та новопосталою універівською Українською громадою за вплив на емігрантів. Болгарське МВС декілька років не затверджувало статут УГ. До цього були причетні не тільки болгарська влада та російські емігранти, але й керівники УКО, оскільки побоювалися появи організації, яка орієнтувалася на Державний Центр (ДЦ) УНР в екзилі. Представники об'єднання доводили владі непотрібність ще однієї української організації⁶¹.

Після легалізації УГ суперництво з УКО виявилося у кількох напрямках. По-перше, прихильники ДЦ УНР намагалися очолити загальноукраїнський об'єднавчий рух під гаслом Української Народної Республіки. У червні 1929 р. у Празі відбулася I конференція української еміграції, на якій були представлені різні осередки еміграції в країнах Європи, зокрема УГ в Болгарії. Це викликало полеміку в емігрантській пресі. На сторінках «*Розбудови нації*» була опублікована низка статей щодо цієї події й участі в ній українських емігрантів з Болга-

рії⁶². У відповідь делегат від УГ в Болгарії Борис Цибульський на сторінках «Тризуба» подав свою точку зору на цю проблему⁶³. Українським монархістам і націоналістам не сподобалося те, що ініціатором у цій справі виступили прихильники УНР. 1931 року в Бельгії відбулася нарада представників українських організацій за кордоном, яка і започаткувала створення Європейського об'єднання українських організацій на чужині (ЄОУЧ). Декларацію про його заснування підписали представники 7 українських організацій та їхніх об'єднань у країнах Європи, в тому числі І. Орлов від УКО в Болгарії⁶⁴. У документі зазначалося, що об'єднання є позапартійною національно-громадською установовою федерацівного характеру, яке має боронити матеріальні й моральні інтереси українців за кордоном⁶⁵.

По-друге, УКО і УГ по-різому оцінювали дії польської влади на території Західної України. Якщо УГ не виявила у цьому питанні активності, то УКО – навпаки. 30 листопада 1930 р. з ініціативи об'єднання відбулися надзвичайні збори («протестне віче») української колонії в Софії щодо польського терору у Східній Галичині. Доповіді виголосили доктор наук Вершинський, І. Орлов, В. Колісниченко, секретарем президії зборів був І. Коршун. Одноголосно була схвалена резолюція про засудження дій польської влади на західноукраїнських землях. Вона була опублікована уkrainській емігрантській, болгарській і німецькій пресі та розслана різним впливовим громадським діям та міжнародним інституціям. Крім того, газета «Независимост» (8.12.1930) передрукувала статтю французького журналіста Рене Мартеля з цієї проблеми⁶⁶, а газета «Заря» (14.01.1931) опублікувала відповідь члена філії УНАКОТО та УКО Ф. Полтавціва на закиди редакції російської емігрантської газети «Возрождение» щодо сепаратизму «українських самостійників» у Болгарії й організації Українським культурним об'єднанням «простестного віча» у Софії⁶⁷.

Представники Уряду УНР в екзилі у Болгарії Я. Малиновський і В. Філонович визнавали успіхи УКО й ОУН у протистоянні з універівськими організаціями та поширення їхнього впливу на українську еміграцію в цій балканській країні⁶⁸.

Незважаючи на різні політичні орієнтації УКО й УГ, обидві організації брали участь в об'єднавчому русі української еміграції в Болгарії, намагаючись очолити його. 14–15 жовтня 1933 р. у Софії з ініціативи Української громади відбувся I конгрес українських організацій у Болгарії, в якому взяли участь 26 делегатів від 10 громадських організацій та Комітету з будівництва Українського дому, в тому числі від УКО в Софії (В. Колісниченко, І. Коршун, П. Литвиненко, Д. Майстренко, М. Ніцкевич) та Бургасі (М. Корнилій), Українського гімнастичного товариства «Січ» (П. Педашенко). До президії конгресу увійшли Д. Майстренко (заступник), П. Литвиненко (секретар); мандатної комісії – І. Коршун. Наслідком конгресу стало створення Союзу українських організацій у Болгарії (СУОБ). До складу його управи увійшли Д. Майстренко (заступник), П. Литвиненко (скарбник), ревізійної комісії – М. Корнилій (голова)⁶⁹.

Проте через протистояння гетьманців, універівців та націоналістів консолідації української еміграції навколо СУОБ не відбулося. Тому на I делегатському з'їзді, що відбувся 4–5 листопада 1934 р. у Софії, управа Союзу була оновлена. До її складу увійшли М. Корнилій (голова), Д. Майстренко (заступник, перед з'їздом виконував обов'язки голови), ревізійної комісії – І. Коршун⁷⁰. Згодом управу СУОБ очолив Д. Майстренко. Проте в середині 1930-х рр. протистояння представника УГ універівця Я. Малиновського та представника УКО націоналіста М. Ніцкевича за вплив у Союзі українських організацій закінчилося на користь першого. УКО вийшло зі складу Союзу, який наприкінці 1930-х років припинив своє існування, а на початку Другої світової війни, коли універівські організації втратили фінансову допомогу з боку Польщі, частина членів УГ приседналася до УКО. У 1939 р. після нетривалої кризи УКО відродилося і фактично перетворилося на центральну установу української еміграції в Болгарії⁷¹.

Обидві організації представляли українців на офіційних заходах болгарської влади. Так, 31 жовтня, 1 та 2 листопада 1930 р. у Болгарії відбулися урочистості з нагоди шлюбу болгарського царя Бориса III з італійською принцесою Джованою. В них взяли участь й іноземці, громадські організації яких були зареєстровані в Болгарії. Серед них – Українське культурне об'єднання та Українська громада. Хоча обидві організації отримали запрошення окремо, проте на заході українську спільноту вони представляли разом, причому під жовто-синім прапором УГ. Українська колона на маніфестації налічувала 70–80 осіб. Серед них були й ті, хто не належав до українських організацій, проте вважав себе українцем⁷².

Українське культурне об'єднання, одним із завдань якого було зближення українсько-го і болгарського народів, намагалося налагодити зв'язки з болгарськими громадськими організаціями та діячами. Саме про це йшлося у листі заступника голови управи УКО І. Орлова до голови управи Українсько-болгарського товариства, колишнього посла Болгарії в Україні професора Івана Шишманова від 12 жовтня 1926 р.⁷³ Гарні стосунки у керівництва УКО в особі І. Орлова склалися з Лідією Шишмановою-Драгомановою. Об'єднання надсидало донощі М. Драгоманова запрошення на різноманітні заходи організації, державні та релігійні свята, допомагало їй у розшуку в Болгарії Омеляна Береста⁷⁴. УКО брала участь у культурних заходах товариства «Славянська беседа». 14 грудня 1929 р. у приміщені товариства в Софії була влаштована сімейна вечірка-концерт. Виступали представники різних слов'янських народів. Українців представляв хор під орудою І. Орлова. Українські народні пісні виконала Цанкова (латвійка, яка вийшла заміж за болгарина), танок «Гопак» – Софія Орлова й Іван Тахтай⁷⁵. 16 квітня 1932 р. у приміщені товариства «Славянська беседа» був влаштований традиційний бал-вечірка. У ньому взяли участь близько 10 товариств слов'янських народів (поляків, росіян, українців, хорватів та чехів), які діяли в Болгарії. Кожний народ представив свій окремий номер програми. Члени УКО С. Орлова й І. Тахтай виконали танок «Гопак»⁷⁶.

Широкою була діяльність УКО на ниві культури. Заходи у цій галузі слугували засобом збереження національної ідентичності емігрантів і способом адаптації їх до нового громадсько-політичного та мовно-етнічного середовища. У листі до військового міністра УНР в еміграції генерала В. Сальського від 3 травня 1937 р. полковник В. Філонович зазначав, що УКО «по своему культурному рівню є вищою ніж Громада. Має ця організація добре організований клуб, порядну бібліотеку, користується матеріальною підтримкою багатьох членів своєї організації»⁷⁷. Клуб об'єднання (вул. Царя Сімеона, 69) мав 6 кімнат, бібліотеку. Фінансова підтримка для функціонування клубу надходила від члена управи УКО Д. Майстренка та українців із США⁷⁸. Хор УКО налічував близько 40 осіб. У різний час його очолювали І. Орлов та Я. Володін. Хор відіграв важливу роль у пропаганді української справи в Болгарії. 5 січня 1935 р. по Софійському радіо транслювалися пісні у виконанні хору. Неодноразові виступи колективу перед широкою болгарською громадськістю вплинули на те, що до репертуару великих болгарських державних хорів були включені й деякі українські пісні. УКО організовувала лекції з історії, культури, економіки, концерти, вистави. Щотижня у клубі виступав струнний оркестр⁷⁹.

Члени УКО й УНАКОТО були причетні до видання двотижневика «Независимост» болгарською мовою (Софія, 1930) та національної громадської інформаційної газети «На сторожі» (1931 р. вийшло декілька чисел). На сторінках першого видання друкувалися статті І. Орлова та Ф. Полтавців⁸⁰, другого – І. Коршуна, І. та С. Орлових, Ф. Полтавціва. Редактором газети «На сторожі» був І. Орлов, видавцем – Ф. Жеребко⁸¹.

Українська еміграція в Болгарії відзначала національні, державні, релігійні свята, ювілеї історичних подій та постатей. Зазвичай це робилося зусиллями кількох українських громадських організацій, в першу чергу УКО, УГ та СУОБ. Чи не єдиним святом, у яко-му брали участь члени українських і кубанських громадських організацій, монархісти і республіканці, соціалісти і націоналісти, а також «малороси» і місцева болгарська громадськість, були так звані Шевченківські свята (дні), приурочені до дня народження, роковин смерті українського поета та перепоховання його тіла на Чернечій горі у Каневі. Їх відзначали щороку в лютому-березні, іноді у квітні-травні. Зауважимо, що Шевченківські дні у Болгарії були започатковані Українським посольством і місцевою українською громадою ще у квітні 1920 р.⁸² Підтримали цю традицію і новопосталі у 1921–1922 рр. українські емігрантські громадські організації⁸³.

У 1928 р. з ініціативи УКО Шевченківське свято відзначили двічі. 11 березня у церкві святих Кирила та Мефодія за участь українських емігрантів, І. Шишманова, Н. Балабанова, урядовців Міністерства освіти Ходжева, В. Стефчева, І. Добрінова та Ніколова, представників болгарських і македонських культурно-освітніх організацій, студентів Софійського та Вільного (Свободного) університетів відбулася урочиста панахида з нагоди дня смерті поета. Правив службу і виголосив промову болгарський священик Харлампій Харламбев, виступив український хор. У заході взяли участь колишня артистка Українського державного театру Лідія Дуке та викладач Софійської духовної семінарії Микола Никитич (Никитиков)⁸⁴.

З метою влаштування святкового концерту із вшанування пам'яті Т. Шевченка був створений оргкомітет із представників українських (І. Орлов від УКО), болгарських і македонських культурно-освітніх організацій. У приміщенні болгарського Молодіжного християнського товариства (Софія, вул. Раковски, 135) відбулося декілька засідань комітету⁸⁵. 12 травня у приміщенні товариства «Славянська беседа» було влаштовано концерт, у якому взяли участь і болгарські та македонські громадські організації. На початку концерту український хор (35 чоловік) під орудою І. Орлова виконав «Заповіт» Т. Шевченка. Потім Д. Шелудько виголосив болгарською мовою доповідь про вплив творчості українського поета на болгарську літературу та окремих її представників, зокрема Любена Каравелова. Далі декламувалися твори поета українською та болгарською мовами. Надзвичайне враження на слухачів справили виступи оперної співачки Л. Дуке, яка замість двох пісень виконала на вимогу публіки 5 творів, та скрипаля Болгарської державної опери Еміля Попова. Акомпаніатором артистів був диригент Болгарської народної опери Цанко Цанков. Декілька творів на слова Т. Шевченка виконав український хор, закінчивши концерт піснею «Закувала та сива зозуленька». На сторінках місцевих газет «Независимост» та «Македонія» були вміщені позитивні відгуки про цей захід української еміграції⁸⁶.

13 березня 1932 р. свято було влаштоване спільними зусиллями УКО та УГ. Розпочалися велелюдні урочистості з панаходи у церкві святих Кирила та Мефодія. Вперше захід зібрав близько 200 українців. У супроводі українського хору під орудою Я. Володіна службу правила три болгарські священики. Потім відбулася академія (урочисте засідання). Хор виконав Шевченків «Заповіт». Від УКО доповідь виголосив І. Орлов, УГ – В. Маринчин, націоналістів – В. Колісниченко та Н. Федоровський, Софійської козацької (кубанців, донців, терців) станиці – Я. Лопух. Останній оратор зазначив, що Т. Шевченко є батьком і для козаків, а його «Кобзар» – настільною книгою кожної хати. Секретар УГ Г. Крупицький під акомпанемент гітари виконав пісню «Зійшов місяць, зійшов ясний» та продекламував написаний ним же вірш «До Тараса». Закінчилася академія виконанням гімну «Ще не вмерла Україна»⁸⁷.

За таким же сценарієм Шевченківське свято було влаштовано УКО і УГ 12 березня наступного року. Після панаходи, яку правив болгарський священик Дмитро, відбулася академія, яку відкрив В. Колісниченко. Представниця УКО Т. Рибальченко прочитала вірш «Минають дні, минають ночі». І. Коршун виголосив доповідь «Пророк національного відродження України», Н. Федоровський та І. Шиманський прочитали реферати про життя та творчість Т. Шевченка⁸⁸. У наступні роки УКО брало участь у Шевченківських святах, що були організовані СУОБ.

Спільними зусиллями кількох громадських організацій щороку в січні відзначали День незалежності України (22 січня) – проголошення Українською Центральною Радою IV Універсалу. Іноді це свято поєднували з Днем соборності України (Акт Злуки УНР і ЗУНР). 16 лютого 1930 р. УКО власними силами організувало святкування 12-ої річниці проголошення незалежності України та 11-ої річниці проголошення Злуки українських земель⁸⁹. 2 січня 1933 р. подвійне свято УКО відзначало вже разом з УГ. Від об'єднання у ньому взяли участь В. Колісниченко, Т. Рибальченко й І. Шиманський⁹⁰. У наступні роки організатором відзначення Дня незалежності України виступав СУОБ. Для цього спеціально створювався оргкомітет, який неодноразово очолював І. Орлов. Так, 20 січня 1935 р. саме він відкрив святкову академію, а від УКО з доповідю виступив М. Ніцкевич. З привітаннями до учасників академії звернулися голова місцевого осередку Союзу козаків-націоналістів Я. Лопух та отаман Софійської станиці «вільних козаків» ім. М. Рябовола Косоротов⁹¹.

Іноді УКО брало участь у вшануванні пам'яті С. Петлюри. Цей захід щороку у травні організовувала Українська громада з нагоди роковин смерті Голови Директорії УНР. Так, у панаході й академії, що відбулися 25 травня 1933 р. у Софії, від УКО доповідь виголосив В. Колісниченко⁹². Наступного року організацією вшанування пам'яті С. Петлюри у Софії, Відні, Пловдиві, Русе та інших містах займався СУОБ на чолі з Д. Майстренком. У болгарській столиці у заході взяли участь у повному складі управи кількох українських організацій та філії Союзу козаків-націоналістів. Від УКО з промовою виступив М. Ніцкевич. Після закінчення академії був організований збір коштів на потреби Української бібліотеки імені С. Петлюри в Парижі⁹³. У 1938 р. ініціаторами панаходи по С. Петлюрі у церкви святих Кирила та Мефодія в Софії виступили УГ і УКО⁹⁴.

Українське культурне об'єднання самостійно або разом з іншими організаціями відзначали світські та релігійні свята. У 1929 р. УГ виступила ініціатором організації для дітей емігрантів новорічної ялинки і звернулася до управи УКО з пропозицією створити для реалізації цієї мети спільній комітет. Проте тоді ця справа не була реалізована й обидві організації провели захід самостійно⁹⁵. Лише 19 січня 1933 р. вперше новорічну ялинку для 60 дітей УКО й УГ влаштували разом у приміщені Української громади⁹⁶. У наступні роки ці дві організації проводили такі спільні заходи для дітей у приміщеннях УКО та УГ по черзі.

Українські громадські організації в Болгарії взагалі та УКО зокрема вшановували пам'ять видатних українських діячів. Так, у 1935 р. міжорганізаційний комітет влаштував скорботну («жалібну») академію пам'яті М. Грушевського, на якій виступили болгарський письменник С. Чілінгров, професор Д. Шелудько та представник УКО М. Ніцкевич⁹⁷.

Українське культурне об'єднання припинило своє існування у роки Другої світової війни. Після 9 вересня 1944 р. діяльністю УКО в Болгарії зацікавився СМЕРШ. Більше 20 його членів було заарештовано та відправлено до СРСР⁹⁸.

Отже, у міжвоєнний період Українське культурне об'єднання було однією з найвпливовіших громадських організацій української еміграції в Болгарії. Виконуючи функції культурно-освітньої організації, воно де-факто займалося і громадсько-політичною діяльністю. УКО в Болгарії було легальним упором спочатку УНАКОТО, а потім – ОУН. Найбільше організація виявила себе на ниві культури, відзначення національних і державних свят, налагодження співпраці з болгарською громадськістю. Незважаючи на суперництво й розходження в ідеально-політичній сфері з унерівською Українською громадою в Софії, УКО співпрацювало з нею у галузі культури.

¹ Трощинський, В. П. Міжвоєнна українська еміграція в Європі як історичне і соціально-політичне явище. К.: Інтел, 1994, 259 с.; Наріжний, С. Українська еміграція : Культурна праця української еміграції 1919–1939 (матеріали, зібрані С. Наріжним до частини другої). К.: Вид-во ім. Олени Теліги, 1999, с. 119–121; Україна крізь віки: в 15 т. Т. 15: Українці в світі / В. П. Трощинський, А. А. Шевченко. К.: Альтернативи, 1999, с. 179–181.

² Павленко, В. Українсько-болгарські взаємини 1918–1939 рр. К., 1995, 224 с.

³ Срібняк, І. В. Українці на чужині. Полонені та інтерновані вояки-українці в країнах Центральної та Південно-Східної Європи: становище, організація, культурно-просвітницька діяльність (1919–1924 рр.). К., 2000, с. 190–195.

⁴ Боряк, Т. Документальна спадщина української еміграції в Європі: Празький архів (1945–2010). Ніжин: Вид-во НДУ імені Миколи Гоголя, 2011, 544 с.

⁵ Степовик, Д. Скульптор Михайло Парапуц: життя і творчість. Торонто-Едмонтон-К.: Вид-во Канадського ін-ту укр. студій Альбертського ун-ту, 1994, 226 с.; Оніськів, М. Українець Михайло Парапуц: Ровесник болгарської волі, Страдник нашої долі. М. Оніськів, Б. Хаварівський. Тернопіль: Збруч, 2003, 173 с.

⁶ Українська політична еміграція 1919–1945: Документи і матеріали. К.: Парламентське вид-во, 2008, 928 с.

⁷ Срібняк, І. Початки української військової еміграції на Балканах (1921–1923 рр.) // Військово-історичний альманах. К., 2006. – № 2. – С. 45–55.

⁸ Власенко, В. «Тут повсталі нові Карпатські Крути» (до біографії автора спогадів «Березневі дні Карпатської України» Василя Філоновича) // Сумський історико-архівний журнал. – 2009. – № 6–7. – С. 141–148; Власенко, В. До громадсько-політичної діяльності Василя Філоновича у Болгарії у 1921–1922 рр. // Київська старовина. – К., 2010. – № 6. – С. 97–115; Каковкіна, О. Українська діасpora в Болгарії в розвитку українсько-болгарських відносин // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Історичні науки. Острог, 2010. – Вип. 15. – С. 110–120; Власенко, В. До історії міжвоєнної української політичної еміграції на Балканах // Пам'ятки : археографічний щорічник. Т. 12. К., 2011, с. 124–145.

⁹ Власенко, В. М. Українська громада в Болгарії (за матеріалами паризького тижневика «Тризуб») // Сумська старовина. – 2011. – № 35. – С. 14–27.

¹⁰ Власенко, В. М. Філія Українського національного козацького товариства у Болгарії (1923–1936) за матеріалами болгарського і чеського архівів // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 5. Харків–Софія, 2012, с. 428–443.

¹¹ Павленко, В. Українська емігрантська преса в Болгарії міжвоєнного періоду / В. Павленко, П. Сохань // Українська діасpora. Ч. 1. К.-Чикаго, 1992, с. 85–98.

¹² Власенко, В. З історії встановлення пам'ятника М. Драгоманову в Софії. – URL: <http://www.bgukrainistik.com/widgets/Filemanager/uploads/anon/ALMANAH2.pdf> (дата звернення: 09.10.2013).

¹³ Власенко, В. М. Українські емігранти в Болгарії і Л. М. Шишманова-Драгоманова: невідоме листування (За матеріалами Наукового архіву Болгарської академії наук) // Сумський історико-архівний журнал. – 2011. – № 14–15. – С. 30–42.

¹⁴ Власенко, В. Н. Шевченковские дни украинской политической эмиграции в Болгарии в межвоенный период (по материалам парижского еженедельника «Тризуб») // Сумський історико-архівний журнал. Суми, 2012. – № 18–19. – С. 18–24.

¹⁵ Косенко, О. В. Архівна україніка міжвоєнного періоду в Болгарії // Архіви України. К., 2011. – № 2. – С. 204–211.

¹⁶ Йованович, М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь, 2005, с. 136–139.

¹⁷ Косик, В. И. Украинский вопрос и проблема «балканизации» России в среде русских эмигрантов в 1930-е годы: в связи с выходом в свет сборника документов «Чему свидетели мы были» // Славяноведение. М., 1999. – № 4. – С. 64–70; Шнирельман, В. А. Русские, нерусские и евразийский федерализм: евразийцы и их оппоненты в 1920-е годы // Славяноведение. М., 2002. – № 4. – С. 3–20; На путях становления украинской и белорусской наций: факторы, механизмы, соотнесения / Ин-т славяноведения РАН. М.: ООО «Стратегия», 2004, с. 247–248.

¹⁸ Даскалов, Д. Издательская деятельность русской эмиграции в Болгарии // Славяноведение. М., 1996. – № 5. – С. 89–91; Даскалов, Д. Бялата емиграция в България. София: УИ «Св. Климент Охридски», 1997, с. 161–166.

¹⁹ Кьосева, Ц. България и руската емиграция 20-те–50-те години на ХХ в. София: IMIR, 2002, с. 16.

²⁰ Мангачев, П. Украинската емиграция в България през периода между две световни войни (1918–1944 г.). София: Колбис, 2011, 321 с.

²¹ Райчевски, С. Украински организации в България. // Детонация. София, 2009. – Февруари. – С. 4.

²² Жуківський, В. До 130-річчя з дня народження М. І. Парашука (1878–1963) – видатного українського скульптора, автора пам'ятника М. П. Драгоманова // Матеріали першої, другої та третьої національних конференцій «Драгоманівські студії». Софія, 2008, с. 74–80; Якимова, А. Українці в Болгарії: філософія історичного буття (нариси). Софія, 2011, с. 43–75.

²³ Украинската емиграция в България след Първата световна война: Документален каталог. / Автори и съставители В. Москаленко, Е. Хакова; превод на укр. език В. Москаленко. София [б. и.], 2000. 151 с.

²⁴ Хакова, Е. Проф. Михайло Іванович Парашук. Скульптор и общественно-политически деец (1878–1963): Научно-инвентарен опис на личния архив на проф. Михайло Парашук ЦДА на Р.Б.Ф. 1717К. / Е. Хакова, В. Москаленко. София: Парадигма, 2007, 349 с.

²⁵ Чернявськи, Г. Й. Борбата на БКП против врангелисткия заговор. / Г. Й. Чернявський, Д. Даскалов. София: Изд. на БКП, 1964, с. 37; Даскалов, Д. Бялата емиграция в България. София: УИ «Св. Климент Охридски», 1997, с. 59; Йованович, М. Обзор переселения русских беженцев на Балканы // Русский исход. СПб.: Алетейя, 2004, с. 189; Кьосева, Ц. България и руската емиграция (20-те–50-те години на ХХ в.). София: IMIR, 2002, с. 24.

²⁶ Николов, Ц. Дейността на БКП в защита на Съветска Русия (1917–1922). София: Изд. на БКП, 1960, с. 163; Чернявськи, Г. Й. Борбата на БКП против врангелисткия заговор. / Г. Й. Чернявський, Д. Даскалов. София: Изд. на БКП, 1964. с. 37; Спасов, Л. Врангеловата армия в България 1919–1923. София: УИ «Св. Климент Охридски», 1999, с. 101–102.

²⁷ Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (далі – ЦДАВО), ф. 1429, оп. 2, спр. 153, арк. 2.

²⁸ ЦДАВО, ф. 1075, оп. 2, спр. 476, арк. 234зв; ф. 1078, оп. 2, спр. 210, арк. 4 зв; Срібняк І. Початки української військової еміграції на Балканах (1921–1923 рр.) // Військово-історичний альманах. К., 2006. – № 2. – С. 48.

²⁹ Центральний державний архів громадських об'єднань України (далі – ЦДАГО), ф. 1, оп. 20, спр. 1311, арк. 29; Павленко, В. Українсько-болгарські взаємини 1918–1939 рр. К., 1995, с. 16.

³⁰ ЦДАВО, ф. 1429, оп. 2, спр. 153, арк. 2.

³¹ Україна крізь віки: в 15 т. Т. 15: Українці в світі. / В. П. Трощинський, А. А. Шевченко. К.: Альтернативи, 1999, с. 180.

³² ЦДАВО, ф. 3696, оп. 2, спр. 308, арк. 107.

³³ Гетманенко, О. Д. Черная белая гвардия (о судьбе белогвардейцев-эмигрантов). / О. Д. Гетманенко, А. А. Юшко // Военно-исторический журнал. М., 1989. – № 11. – С. 41.

³⁴ Государственный архив Российской Федерации (далі – ГАРФ), ф. Р-9145, оп. 1, д. 324, л. 1 6об.

³⁵ ЦДАГО, ф. 269, оп. 2, спр. 282, арк. 212; Н. М. Лист з Царгороду. Врангель і Україна // Воля. Т. 4. Ч. 4. Віденсь, 1920, с. 188.

³⁶ Централен държавен архив (далі – ЦДА), ф. 1717К, оп. 1, а. е. 415, л. 1–2; Мангачев, П. Украинската емиграция в България през периода между две световни войни (1918–1944 г.). София: Колбис, 2011, с. 34.

³⁷ Українська еміграція в Болгарії // Трибуна України. Ч. 2–3. Варшава, 1923. с. 114–115.

- ³⁸ Див.: *Тинченко, Я.* Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921): біогр. довідник. Кн. 1. К.: Темпора, 2007, 536 с.; Кн. 2. К.: Темпора, 2011, с. 60, 63.
- ³⁹ ЦДАГО, ф. 4, оп. 1, спр. 567, арк. 33в.
- ⁴⁰ ЦДАГО, ф. 269, оп. 2, спр. 282, арк. 212.
- ⁴¹ ЦДАГО, ф. 3696, оп. 2, спр. 308, арк. 103зв–104, 108.
- ⁴² Українська політична еміграція 1919–1945, с. 355.
- ⁴³ *Йованович, М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940, с. 123.
- ⁴⁴ *Мангачев, П.* Украинската емиграция в България през периода между двете световни войни, с. 232.
- ⁴⁵ *Власенко, В.* До громадсько-політичної діяльності Василя Філоновича у Болгарії у 1921–1922 рр., с. 103–105; він же. До історії міжвоєнної української політичної еміграції на Балканах, с. 130–131.
- ⁴⁶ Українська еміграція в Болгарії // Трибуна України. Ч. 2–3. Варшава, 1923, с. 114.
- ⁴⁷ ЦДА, ф. 1717К, оп. 1, а. е. 510, л. 17.
- ⁴⁸ *Мангачев, П.* Украинската емиграция в България през периода между двете световни войни, с. 229.
- ⁴⁹ ЦДАГО, ф. 269, оп. 2, спр. 262, арк. 34
- ⁵⁰ Жив'юк А. Між ендеками й більшовиками: Микола Ніцкевич в українському націоналістичному русі 1920–1940-х рр. // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. Х., 2010. – № 2 (35). – С. 231.
- ⁵¹ *Павленко, В.* Українсько-болгарські взаємини 1918–1939 рр., с. 175–177; *Мангачев, П.* Украинската емиграция в България през периода между двете световни войни, с. 229–231. Зauważмо, що у документах МВС Болгарії, на які посилюються автори, неодноразово зустрічається плутаніна щодо імен членів управи УКО, зокрема, Володимира (Івана) Колісниченка, Доната (Данона) Криворучка, Петра (Івана) Литвиненка, Миколи (Михайла) Ніцкевича та ін.
- ⁵² ЦДАГО, ф. 269, оп. 2, спр. 282, арк. 189; *Кентій, А. В.* Збройний чин Українських Націоналістів 1920–1956: історико-архівні нариси. Т. 1: Від Української Військової Організації до Організації Українських Націоналістів. 1920–1942. К., 2005, с. 100.
- ⁵³ Жив'юк А. Між ендеками й більшовиками: Микола Ніцкевич в українському націоналістичному русі 1920–1940-х рр., с. 230–231.
- ⁵⁴ *Мангачев, П.* Украинската емиграция в България през периода между двете световни войни, с. 228.
- ⁵⁵ Документи і матеріали з історії Організації Українських Націоналістів. Т. 1: 1927–1930. К.: Вид-во ім. Олени Теліги, 2005, с. 290; Т. 2. Ч. 2: Листування Є. Коновалець з Д. Андрієвським (1927–1934 рр.). К., 2007, с. 286, 444–445.
- ⁵⁶ *Хроніка. В Болгарії. Річні загальні збори Українського культурного об'єднання в Бургасі // Тризуб.* Париж, 1935. – № 23. – С. 25–26.
- ⁵⁷ ЦДА, ф. 1717К, оп. 1, а. е. 338, л. 4, 6.
- ⁵⁸ *Мангачев, П.* Украинската емиграция в България през периода между двете световни войни, с. 229.
- ⁵⁹ ЦДА, ф. 1717К, оп. 1, а. е. 290, л. 3.
- ⁶⁰ ЦДАГО, ф. 269, оп. 2, спр. 282, арк. 55; *Наріжний, С.* Українська еміграція: Культурна праця української еміграції 1919–1939 (матеріали, зібрані С. Наріжним до частини другої). – С. 120.
- ⁶¹ *Подорожний. Де-що про українську еміграцію на Балканах (Лист з Балканів) // Тризуб.* Париж, 1928. – № 9. – С. 14.
- ⁶² *Націоналіст. Лист з Болгарії // Розбудова нації.* Прага, 1929. – № 6–7. – С. 246–247.
- ⁶³ *Цибульський, Б.* Лист з Болгарії // Тризуб. Париж, 1929. – № 36. – С. 16–19.
- ⁶⁴ *Черепин, С.* Недоверие // Тризуб. Париж, 1932. – № 10. – С. 6; Документи і матеріали з історії Організації Українських Націоналістів. Т. 2. Ч. 2: 1931–1934. К.: Вид-во ім. Олени Теліги, 2010, с. 432; *Мандрик, М.* Український націоналізм: становлення у міжвоєнну добу. К.: Вид-во ім. Олени Теліги, 2006, с. 205.
- ⁶⁵ *Об'єднання українських організацій за кордоном // Розбудова нації.* Ч. 1–2. Прага, 1932, с. 1.
- ⁶⁶ ЦДА, ф. 1717К, оп. 1, а. е. 510, л. 13, 15; *Кульчицький, Є.* Перша пластова еміграція // Пластовий шлях. Ч. 5. Мюнхен, 1951, с. 33.
- ⁶⁷ ЦДА, ф. 1717К, оп. 2, а. е. 347, л. 2.
- ⁶⁸ ЦДАГО, ф. 269, оп. 2, спр. 278, арк. 176; спр. 282, арк. 189.
- ⁶⁹ *Хроніка. В Болгарії. Карпилівський Г.* 1-й український конгрес у Софії // Тризуб. Париж, 1933. – № 41. – С. 30–31.
- ⁷⁰ *Малинівський, Я.* Перший делегатський з'їзд Союзу Українських Організацій в Болгарії (Лист із Софії) // Тризуб. Ч. 3–4. Париж, 1935, с. 14–16.
- ⁷¹ ЦДА, ф. 1717К, оп. 1, а. е. 414, л. 2; Жив'юк А. Між ендеками й більшовиками: Микола Ніцкевич в українському націоналістичному русі 1920–1940-х рр., с. 231.
- ⁷² *Незалежний. Лист із Болгарії // Тризуб.* – Париж, 1930. – № 46. – С. 9–10.
- ⁷³ Научен архив на Българска академия на науките (далі – НА–БАН), ф. 11К, оп. 2, а. е. 585, л. 27.

- ⁷⁴ НА–БАН, ф. 11К, оп. 5, а.е. 300, л. 7–8.
- ⁷⁵ Хроніка. В Болгарії. Місцева культурно-просвітня організація «Славянська Беседа» // Тризуб. Париж, 1930. – № 4. – С. 30.
- ⁷⁶ Хроніка. В Болгарії. Слов'янський вечір у Софії // Тризуб. Париж, 1932. – № 20. – С. 24.
- ⁷⁷ ЦДАГО, ф. 269, оп. 2, спр. 282, арк. 189.
- ⁷⁸ Мангачев, П. Українська еміграція в България през периода между двете световни войни, с. 229.
- ⁷⁹ Наріжний, С. Українська еміграція: Культурна праця української еміграції 1919–1939 (матеріали, зібрані С. Наріжним до частини другої), с. 121.
- ⁸⁰ ЦДАГО, ф. 269, оп. 3, спр. 124, арк. 1-7.
- ⁸¹ Даскалов, Д. Іздательська діяльність русської еміграції в Болгарії // Славяноведение. М., 1996. – № 5. – С. 89, 91; Богуславський, О. В. Преса міжвоєнної політичної еміграції і боротьба за незалежність України: історичний шлях, досвід, дискусії. Запорожжя: Просвіта, 2008, с. 45, 365.
- ⁸² Шелудько, Д. Українська справа в Болгарії (Лист з Болгарії) // Воля. Т. 2. Ч. 5. Віден, 1920, с. 214.
- ⁸³ Ріжні вісти. Роковини смерті Т. Шевченка в Болгарії // Український сурмач. Ч. 2. Каліш-Щипорно, 1922, с. 8; ГАРФ, ф. Р-7440, оп. 1, д. 28, л. 17.
- ⁸⁴ Хроніка. В Болгарії. Свято Шевченка в Софії // Тризуб. Париж, 1928. – № 11. – С. 28.
- ⁸⁵ Державен архів г. Софія, ф. 1318К, оп. 1, а.е. 47, л. 154.
- ⁸⁶ Хроніка. В Болгарії. Софіянець. Свято Шевченка в Софії // Тризуб. Париж, 1928. – № 25. – С. 29.
- ⁸⁷ Хроніка. В Болгарії. Шевченківське свято в Софії // Тризуб. Париж, 1932. – № 17. – С. 13.
- ⁸⁸ Хроніка. В Болгарії. Балкан. Шевченківське свято в Софії // Тризуб. Париж, 1933. – № 16–17. – С. 29.
- ⁸⁹ Хроніка. В Болгарії. З нагоди 12-ої річниці проголошення незалежності України // Тризуб. Париж, 1930. – № 9. – С. 28.
- ⁹⁰ Хроніка. В Болгарії. Карпилівський Г. Свято незалежності в Софії // Тризуб. Париж, 1932. – № 16–17. – С. 28–29.
- ⁹¹ Хроніка. В Болгарії. Софіянин. Українське національне свято в Софії // Тризуб. Париж, 1935. – № 14. – С. 13.
- ⁹² Хроніка. В Болгарії. Карпилівський Г. Панахида по Головному Отаманові С. Петлюрі в Софії // Тризуб. Париж, 1933. – № 26–27. – С. 44.
- ⁹³ Хроніка. Роковини смерті бл. пам. С. Петлюри. Малинівський М. Обходини 8 річниці смерті С. Петлюри в Болгарії // Тризуб. Париж, 1934. – № 21. – С. 14–15.
- ⁹⁴ Хроніка. Болгарія // Гуртуймося. Прага, 1938. – № 2 (ХХІІІ). – С. 23.
- ⁹⁵ Хроніка. В Болгарії. Українська громада в Болгарії // Тризуб. Париж, 1930. – № 4. – С. 30; Хроніка. В Болгарії. З життя української колонії в Болгарії // Тризуб. Париж, 1930. – № 9. – С. 28.
- ⁹⁶ Хроніка. В Болгарії. Карпилівський Г. Дитяча ялинка в Софії // Тризуб. Париж, 1933. – № 14. – С. 15.
- ⁹⁷ Наріжний, С. Українська еміграція: Культурна праця української еміграції 1919–1939 (матеріали, зібрані С. Наріжним до частини другої), с. 121.
- ⁹⁸ Мангачев, П. Українська еміграція в България през периода между двете световни войни, с. 56.

БОЛГАРИ В РОСІЙСЬКІЙ ІМПЕРІЇ, СРСР ТА КРАЇНАХ СНД

УДК 323.1 (=163.2 : 478)

БЪЛГАРИТЕ ОТ ТАРАКЛИЯ И ТАРАКЛИЙСКИ РАЙОН В МИНАЛОТО И ДНЕС

E. Хатлас

Хатлас, Е. Болгари у Тараклійському районі в минулому і сьогоді

Тараклія розташована в південній частині Республіки Молдова. У місті та його околицях вже понад 200 років мешкають болгари, нащадки яких переселилися до Бессарабії з Балканського півострова. За час, що минув, вони втратили деякі елементи традиційної культури. На сьогодні вижили в першу чергу болгарські діалекти. Інші маркери, навіть вибір страв традиційної кухні, збереглися лише частково. Незважаючи на різні випробування і зміни, які їх супроводжували, присутність болгар у Тараклійському районі відчутина. Назагал вони не втратили своєї самобутності і самосвідомості, належності до болгарського народу.

Ключові слова: Тараклія, Тараклійський район, болгари, Молдова.

Хатлас, Е. Болгары в Тараклийском районе в прошлом и настоящем

Тараклия расположена в южной части Республики Молдова. В городе и его окрестностях вот уже более 200 лет проживают болгары, предки которых переселились в Бессарабию с Балканского полуострова. За истекший период они потеряли некоторые элементы своей традиционной культуры. На сегодняшний день выжили в первую очередь болгарские диалекты. Другие маркеры, даже выбор национальной кухни, сохранились лишь частично. Несмотря на различные испытания и изменения, которые их сопровождали, присутствие болгар в Тараклийском районе ощущимо. В целом, они не потеряли своей самобытности и этнического самосознания, благодаря которым считают себя принадлежащими к болгарскому народу.

Ключевые слова: Тараклия, Тараклийский район, болгары, Молдова.

Hatlas, E. The Bulgarians in the Taraklia district in the past and present. Taraklia city is located in the southern part of the Republic of Moldova. for 200 years. The city and its surrounding area were inhabited by Bulgarians, whose ancestors migrated to Bessarabia from the Balkan Peninsula. Living away from their ancient homeland, they lost some elements of their traditional culture. To date, they have preserved their language primarily as a Bulgarian dialect. Other markers and even a selection of traditional Bulgarian cuisine survived only partially. Despite the different experiences and changes that have accompanied the 200-year presence of Bulgarians Taraklia district, we can say that they have not lost their identity and ethnic consciousness of belonging to the Bulgarian people.

Keywords: Taraklia, Taraklia district, Bulgarians, Moldova.

Тараклия е град, разположен в южната част на Република Молдова. Селището е основано през 1813 г. от български преселници, които идват от българските земи след Руско-турската война през 1806–1812 г., по време на поредното масово изселване на българи от родината им. Град Тараклия е административен център на Тараклийски район, който обхваща 674 км². Районът се състои от два анклава. Първият от тях е по-голям и заема площта, разположена около град Тараклия. Вторият е много по-малък и практически обхваща само град Твърдица и околността му. Тараклийски район се състои от 26 селища – два града, Тараклия и Твърдица (Твърдица е град от 2013 г.), и 24 села. По-голямата част от жителите на Тараклийски район са етнически българи. През 2010 г. в Тараклия населението е около 15 000 души, предимно етнически българи. Българите съставляват абсолютно большинство не само в градовете Тараклия и Твърдица, но също и в някои села (Долна Албота, Горна Албота, Кайраклия, Кортен, Нови Кортен и Валя Пережей).

Авторът на тази статия посещава Тараклийски район и Тараклия на няколко пъти: през 2008, 2010, 2012 (два пъти) и 2013 г. Бяха проведени теренни изследвания и беше проучена съществуващата научна литература¹.

Обикновенно има няколко характеристики, въз основа на които дадено национално малцинство или етническа група се отклояват сред останалата част от населението на държавата, в която живеят.

Един от маркерите, отличаващи етническото малцинство във всяка страна, е кухнята, която е различна от тази на другите етноси в страната. В традиционната българска кухня има много на брой специфични храни и продукти като: баница, гювеч, кебапчета, кюфте-та, мешана скара, мусака, питка, пържола, шишчета, шкембе чорба, шопска салата, таратор, топчета, карначета, наденица. Някои от тези ястия са с ориенталски корени. Много от тях имат различни местни варианти и имена и се правят в различни страни на Балканския полуостров, в Турция, а също в Иран и някои арабски държави. Като пример могат да се дадат кебапчетата, които в Румъния и Молдова се наричат „митите“ (“mititel” или “mici”), в Сърбия „ћевапчићи“, в Босна и Херцеговина „севари“. Подобна храна авторът също яде в Египет (курорт Дахаб). Кюфтетата и пържолата се срещат в Египет (“kofta”), в Турция (“köfte”), в Албания (“qofte”), в Румъния “râjoala”. Шкембе чорба също има и в Турция с много подобно название (“İşkembe çorbası”). Авторът има наблюденето, че в баровете и ресторантите, разположени в Тараклийски район, не се сервира храна от типичната българска кухня. Подобна е ситуацията в границите на цялата историческа Бесарабия. Авторът на текста разполага не само с материали от Тараклийски район, но също така и общо взето от цялата южна част на Бесарабия – от Буджака (конкретно, от съединените села, които сега се намират в Болградски район, Одеска област на Украйна).

Данните, изпратени на автора от Даря Стоянова (Одеса) са следните: „*баница (милина, зелник), гювеч (има), кебапчета няма* (употребява се рус. тефтели), *куфтета* (употребява се рус. котлети), *мешана скара (има), мусака (има), питка (има), пържола (няма* – употребява се рус. отбивные), *шишчета (няма), шкембе чорба (агнешка чорба, чорба с овче), шопска салата (има), таратор (има), топчета* (употребява се рус. фрикадельки), *карнache (карнаци)*“².

Втората информация ми е предоставена от Олга Неделчева-Водинчар (Одеса). Тя се отнася конкретно за Чийший (село Чийшия – съвременно, на укр. Городнє, на рус. Огородное – Болградски район, Украйна) и общо взето е валидна за цяла Бесарабия. Някъде названията са различни, като в най-близкото село Нови Троян. И така: „*Баница* (и при нас е баница, в Калчево примерно, на бабини в селото е милина. Срещат се и с други названия), *гювеч* (в старо време явно се е използвало, сега го няма това название), но същото ядене го има, просто се използва друго име – картофена манджа или *овощное рагу*, руското); *кебапчета* (нямаме такова название. Прави се нещо подобно, молдовско, *мититеи*, точно кебапчета нямаме, няма ги същите подправки и технологията не се знае при нас); *куфтета* (същите ги правим, само че са *котлети*, руско название); *мешана скара* (такова название не се използва; същото блюдо може да се направи и да се каже примерно *мясная нарезка*, ако там има пържоли, но като цяло, няма такова); *мусака (нямаме)*; *питка* (досега си я има питката, но се прави много рядко, основно в семействата, където има възрастни хора); *пържола (нямаме название, използва се руското отбивная)*; *шишчета (нямаме такова название, използва се думата шашлык)*; *шкембе чорба (нямаме)*; *шопска салата (нямаме);* прави се и я наричат *греческий салат*, т.е. гръцка салата, но там се добавят и маслини); *таратор (нямаме, не се разбира това блюдо от нашите хора); топчета (не се използва, казваме руското – суп с фрикадельками); карнache (да, казваме карнации“³.*

Третата кратка информация авторът на тази статия получи от Васил Кондов (от село Кортен, Тараклийски район): „...При нас със сигурност се правят: баница (или милина в някои села, напр. в моето – Кортен), питка, карнache, наденица, някъде, може би, и гивеч, но вероятно само старите хора така още казват... Другите ястия май вече не носят тези названия, дори и да се правят, а са русифицирани, украинизирани или румънизирани“⁴.

Четвъртата информация авторът на настоящата статия дължи на Вероника Гоженко (град Тараклия): „*Относно „шкембе чорба“ като ястие си спомням, но названието не е същото.* При нас казват чорба с черва или с шкембета. Имаме „*лапатняк*“ – баница с лапад (мисля, че е спанак), различни „*манджи*“ (пилешка, лукова, пипернова, картофяна, фасулюва (боб), свинска – това са сосове с мясо или зеленчуци), „*зеле с ориз*“ (може да е пекано в фурна), пекани картофи, „*пудлучено*“ (текущи чушки с пресни домати, люта чушка и чесън), „*кръстачки*“ (пържени със сирене, нещо като бюрек) и „*примушленко*“ (пържено от тесто само от яйца и брашно, посипано със захар), „*сладко мляко с ориз*“ за Великден, „*пача*“ (студена) и прочее. Трябва да си спомня, вече сме много повлияни от различни кухни. Но все пак многоуважам своята, родната“⁵.

Тези данни показват, че в Бесарабия (и конкретно в Тараклийски район) типичната българска кухня е оцеляла само частично. Някои ястия са изчезнали напълно, а други са променили името си (често на руски).

Като втори маркер може да бъде определено облеклото. В случая с българите, живеещи в Тараклийски район, то няма никакво значение. Тази част от етнографията им вече не съществува. В момента всички жители на този регион, независимо от националността, се обличат стандартно, както и другаде в Европа. Носители на старите традиции са само народните ансамбли.

Другото сигурно разграничение може да бъде религията. Българите са мигрирали към Бесарабия като православни християни. Те идват в Бесарабия – на място, където почти всички народи (молдовци, украинци, руснаци, гагаузи) също са православни. По този начин, от гледна точка на религията, местните българи не се различават от своите съседи. Днес в Бесарабия са много активни представителите на различните видове протестанти. Появата на протестантите в областта датира още от началото на XX в.⁶ В момента в селата и градовете на Тараклийски район, където българите представляват над 50% от населението, освен православни църкви действат и молитвени домове на различни други религии. Така например в Тараклия има една православна църква (церковь Св. Георгия Победоносца), но има също и молитвени домове на баптисти и адвентисти, на Свидетелите на Йехова и на още две вероизповедания. В град Твърдица има православна църква (церковь Св. Параскевы), но също и молитвен дом на баптистите. В старото българското село Кортен има само православна църква (Успение Пресвятой Богородицы). Идентична е ситуацията и в село Долна Албота (церковь Св. Дмитрия). В село Валя Переж има православна църква (церковь Св. Николая) и молитвен дом на баптистите. В Кайраклия има православна църква (церковь Покров Пресвятой Богородицы), но също и два молитвени дома на баптистите и още един на друго вероизповедание. Православни църкви има също в селата Горна Албота и Новоселовка. Само в село Нови Кортен няма никакъв сакрален обект. Но православна църква, както и молитвени домове на протестантите, се намират в село Светлий – Гагаузия. И двете села са свързани помежду си.

Както може да се види от изнесената информация, живеещите сега в Тараклийски район българи не са само православни. Някои от тях са свързани с различни протестантски групировки. Това явление обаче е подобно на актуалната ситуация при всички други националности, живеещи днес в Бесарабия. Така че местните българи не се различават от своите съседи. Следователно религията не може да покаже разликата между българи, молдовани, гагаузи, руснаци, украинци.

Друг, много важен елемент на националната идентичност на всеки етнос със сигурност е собственият език – в този случай става дума за практикуването на българския език. Наблюденията на автора (извършената проверка) показват, че мнозинството българи в Тараклийски район говорят български. Познаването на езика на бащите, бабите и дядовиците и прадедите е различно. Възрастните хора са по-склонни да говорят български от по-младите хора. На обществени места младите използват почти само руски език. Местните българи използват стария диалект, идентичен с този на техните праотци, пристигнали в Бесарабия от старата си родина България. В използванния език има много думи от руски и украински. Българският книжовен език се използва практически само от местната интелигенция. Това са хора, които се занимават или са се занимавали с научна дейност в България, някои от тях – докторанти. В дневно време българите, живеещи в Тараклийски район, са билингвистични или мултилингвистични. В публичните пространства (офиси, училища, банки, ресторант) ясно доминира руският език. Въпреки това, ако разговорът е на по-ниско ниво, местният български диалект се чува многократно, същата е ситуацията и в автобусите или микробусите. Местните студенти в Тараклийския университет говорят помежду си почти само на руски. Следователно употребата на местния български диалект се оказва много важен фактор за определяне на идентичността на тукашните българи. Българският език се явява специфична, определена културна норма. Когато българите казват „да“ и „не“, клатят глава обратно на общоприетите европейски стандарти. В случая с Бесарабия този български стандарт вече не съществува.

Важен е и въпросът как се идентифицират българите от Тараклийски район спрямо старата си родина България, също и спрямо Молдова. Наблюденията показват, че повечето от тях се чувстват етнически българи, но едновременно – и граждани на Молдова. За мест-

ните българи не са чужди българското знаме и герб. Често обаче се случва българското знаме да бъде поставено обратно, т.e. червеният цвят да е поставен отгоре. Може би това е остатък (в манталитета на местните хора) от времето на комунизма, когато червеният цвят беше най-важен – и сега това е причина за грешки (но тази интерпретация е само хипотеза на автора).

С цел запазване на своя език и култура българите от Тараклийски район имат възможност да изучават езика си в детските градини, училищата и в местния университет в град Тараклия. Но кметът (примар) на град Тараклия г-н Сергей Филипов твърди, че сега държавата не дава никакви пари за обучението на младежите на български език и че местните власти имат големи финансови проблеми по тази причина. Помага според възможностите си само българската държава. Местните млади хора могат да се запознаят с българския език, култура и традиции, а някои от тях – и да учат в България. В град Тараклия има български театър „Смешен петък“. В един комплекс с него се намира и читалището – типично българска институция. При всички важни български празници и мероприятия местните българи показват своя фолклор и обичаи. Има хубави народни ансамбли. През 2013 г. Тараклия празнува 200 години от своето основаване.

Следователно тук трябва да се постави въпросът за състоянието и умонастроенията по темата за етническата принадлежност на българското малцинство, живеещо в южната част на Молдова, в Тараклийски район. Понякога от някои тараклийци се чува мнението, че местните българи са обхванати от апатия. За разлика от гагаузите, българите в Молдова нямат никаква специална автономия. Също така няма консолидация и на българите, живеещи в Тараклийски район. Жителите на град Твърдица нееднократно правиха опит за интеграция с Гагаузия, конкретно с град Чадир Лунга. Авторът на статията често е чувал аргумента, че ако трябва да се ходи на лекар, до Чадър Лунга са едва 12 км, а до Тараклия – цели 40 км.

Независимо от различните несгоди и промени, съществвали 200-годишното присъствие на българите в Тараклийския район, може да се каже, че те не са загубили своята идентичност и етническо съзнание на български народ. През този дълъг период от два века са настъпили дълбоки промени в съзнанието и навиците на местните българи. Един от факторите за съвременните български жители на Тараклийския район е голямото руско влияние, което води и до промени в манталитета. Показателно е това, което пише Вероника Гоженко от Тараклия, един човек с високо образование: „Зашто забелязах, че все пак съм българка, но „руска“ българка. С друго мислене и виждане на нещата. Не мога веднага да реагирам на български текстове, дълбоко да навляза в съдържанието им и други подобни неща“. И още един фрагмент от същото писмо: „...но езиковата бариера и невъзможността за разбиране с по-малко думи ми правят пречки. Нали знаеш как е това, когато с родния ти език по-лесно се разбириш. А за мен, за съжаление, родният, с който мисля и се изяснявам добре – е руски“⁷. Но независимо от промените може да се каже, че българите от Тараклийския район през изминалите два века не се поддадоха на тотална асимилация. Ако българите, потомци на старите емигранти в различните части на Румъния, са изцяло асимилирани и вече принадлежат към румънския народ, то бесарабските българи до днес си остават българи и това е безспорният успех на тази голяма диаспора извън границите на Република България⁸.

⁷ За българите в Бесарабия има богата научна литература. Например: *Мещерюк, И.* Переселение болгар в южную Бессарабию 1828–1834 гг. (Из истории развития русско-болгарских дружеских связей). Кишинев, 1965; *Грек, И.* Болгары Молдовы и Украины: вторая половина XVIII в. – 1995 г. (Библиографический указатель литературы). Кишинев, 2003; *Калчев, К.* Българската етническа общност в Бесарабия (XIX–XX в.). Възникване, развитие, принос в обионационалните процеси. Велико Търново, 2009; Има също и публикации конкретно за Тараклийски район: *Новаков С. З.* Страницы истории села Кортен (1830–1995) / С. З. Новаков, Н. Н. Гургуров. Кишинэу, 1995; *Неделчев, Н.* Бесарабските българи в Тараклия. В. Търново, 1998; *Малешкова, А.* История на селото. / А. Малешкова, Д. Димов, Н. Куртев, В. Пержей. Кишинев, 1998; *Манолов, И.* Родословные деревы с. Кайраклия (Ред. Н. Червенков). Кишинев, 2009; *Новаков, С. З.* Село Кортен. Времена и судьбы / С. З. Новаков, Н. Н. Гургуров. Кишинев, 2009; *Балкански, Т.* Бесарабски бележник / Т. Балкански, В. Кондов. Велико Търново, 2012; *Червенков, Н.* Тараклии – 200 лет / Н. Червенков, И. Думиника Т. 1. (1813–1940). Кишинев, 2013; *Atlas, J.* Bulgarzy w Besarabii – 200 lat historii. Poznan, 2014. 133 с.

² Личен архив Йержи Хатлас (по-нататък – Л.А., Й.Х.). Писмо от д-р Даря Стоянова (научен сътрудник на Одеския университет), 27.09.2013.

³ Л.А., Й.Х. Писмо от д-р Олга Неделчева-Водинчар от Одеса (журналист във вестника „Роден край“), 27.09.2013.

⁴ Л.А., Й.Х. Писмо от Васил Кондов, научен сътрудник от Тараклийския Държавен университет, 29.09.2013.

⁵ Л.А., Й.Х. Писмо от Вероника Гоженко (ст. преподавател от Тараклийския Държавен университет „Григорий Цамблак“ и докторант в СУ „Св. Климент Охридски“), град Тараклия, 01.10.2013.

⁶ Квилинкова, Е. Религиозность гагаузов и формы проявления религиозной идентичности (по этнографическим и архивным материалам XIX – первой половины XX в.) // Этнографические исследования в Республике Молдова (История и современность). Кишинев 2006, с. 342.

⁷ Л.А., Й.Х. Писмо от Вероника Гоженко..., 02.02.2013.

⁸ Авторът на този текст публикува вече две статии – на полски и на английски език, където има информация за българите в Бесарабия и по-точно в Тараклийски район (например за Тараклийския университет и за образоването в района, културата, обществените организации). Те са: Hatlas J. Bułgarzy w Republice Mołdowy // Miedzy etnicznością a lokalnością. Pogranicze bułgarsko-gagauskie w Besarabii (Pod red. J. Derlickiego). Warszawa 2012, s. 25–41; Hatlas, J. The Bulgarian minority in Taracia District and on the territory of Gagauzian Autonomy (Gagauz Yeri) and its official position in the Republic of Moldova // Moldova: in search of its own place in Europe (Edited by Natalia Cwicinska and Piotr Oleksy). Bydgoszcz 2013, pp. 111–119. В книгата, която излезе от печат през 2014 г. (Hatlas, J. Bułgarzy w Besarabii – 200 lat historii), има материали за религията на бесарабските българи. Така, в настоящата статия има материали само по тези аспекти, които липсват в другите публикации (например – за кухнята).

СТАНОВИЩЕ БОЛГАРСЬКОЇ НАЦІОНАЛЬНОЇ МЕНШИНИ УКРАЇНИ В 20-Х – НА ПОЧАТКУ 30-Х РР. ХХ СТ. (ЗА ФОНДАМИ ДЕРЖАВНОГО АРХІВУ ХАРКІВСЬКОЇ ОБЛАСТІ)

B. B. Турков

Турков, В. В. Становище болгарської національної меншини України в 20-х – на початку 30-х рр. ХХ ст. (за фондами Державного архіву Харківської області)

Державний архів Харківської області (ДАХО) має колекцію документів з історії болгарської національної меншини України міжвоєнного періоду. Йдеться про постанови, розпорядження вищих та місцевих органів влади, відображені у протоколах засідань, резолюціях, звітах, планах, листуванні, наказах, які дозволяють висвітлити особливості соціально-економічного та культурно-освітнього життя болгарського населення України в 20-х – на початку 30-х рр. ХХ ст.

Ключові слова: архівні установи, болгари, радянська влада, національна політика.

Турков, В. В. Положение болгарского национального меньшинства Украины в 20-х – в начале 30-х гг. ХХ ст. (по фондам Государственного архива Харьковской области)

Государственный архив Харьковской области (ГАХО) содержит коллекцию документов по истории болгарского национального меньшинства межвоенного периода. Речь идет о постановлениях, распоряжениях высших и местных органов власти, отраженные в протоколах заседаний, резолюциях, отчетах, планах, переписке, приказах, которые позволяют осветить некоторые особенности социально-экономической и культурно-просветительской жизни болгарского населения Украины в 20-х – начале 30-х гг. ХХ ст.

Ключевые слова: архивные учреждения, болгари, советская власть, национальная политика.

Turkov, V. V. The Status of Bulgarian national minority in Ukraine in 20s – the beginning of 30s of 20th c. (the funds of Kharkov Region State Archive)

Kharkov Region State Archive contains the number of documents dealing with the history of Bulgarian national minority of the interwar period. The matter concerns the decrees, orders of the highest and local authorities that are reflected in the journals, resolutions, reports, plans, correspondence and orders. On the basis of this range of documents the peculiarities of social, economical and cultural life of Bulgarian minority in Ukraine in 20s – the beginning of 30s of 20th c. analyzed in this article.

Keywords: archive, the Bulgarian, soviet government, national politics.

Становище болгарської національної меншини України в 20-х – на початку 30-х рр. ХХ ст. знайшло своє відображення у працях О. П. Даниленка¹, М. Д. Дихана², М. А. Журби³, М. В. Знаменської⁴, В. Калоянова⁵, А. І. Кіссе⁶, Я. В. Комар⁷, В. В. Міткова⁸, І. С. Міроново⁹, В. В. Павленко¹⁰, Л. О. Пашковського¹¹, Л. Рябошапка¹², М. Г. Станчева¹³, Б. В. Черка¹⁴, Л. Д. Якубової¹⁵. Статті та монографії перелічених авторів базуються на матеріалах Центрального державного архіву вищих органів влади і управління, Центрального державного архіву громадських об'єднань, Галузевого державного архіву Служби безпеки України, Державних архівів Дніпропетровської, Донецької, Запорізької, Миколаївської, Одеської областей, а також архівних установ Молдови, Болгарії та Російської Федерації. Водночас поза увагою дослідників залишилися документи Державного архіву Харківської області (ДАХО), що поглиблюють наше уявлення про становище болгар України з огляду на те, що до 1934 р. Харків був столицею республіки.

Зокрема, виявлені в фондах ДАХО документи дають змогу висвітлити особливості соціально-економічного та культурно-освітнього життя болгарської національної меншини України у 20-ті – на початку 30-х рр. ХХ ст. Про це свідчать постанови, розпорядження вищих та місцевих органів влади, які знайшли своє відображення у протоколах засідань, звітах, планах, листуванні, наказах, що розкривають діяльність Харківського виконавчого комітету робітничих, селянських та червоноармійських депутатів (ф. Р-203), Харківського окружного виконавчого комітету Ради робітничих, селянських та червоноармійських депутатів (ф. Р-845), Виконавчого комітету Харківської міської ради (ф. Р-408), Статистичного бюро Харківського окружного виконавчого комітету рад робітничих, селянських і червоноармійських депутатів (ф. Р-948).

Всі вище перераховані органи центральної та місцевої влади брали активну участь у вирішенні різноманітних проблем, з якими стикались представники різних етнічних груп населення міста Харкова, у тому числі болгари, на початковому етапі радянського будівництва на території УСРР.

Аналізуючи документи ДАХО передусім варто звернути увагу на економічне становище болгар-городників, господарства яких знаходилися у передмісті Харкова. У фонді Статистичного бюро Харківського окружного виконавчого комітету рад робочих селянських і червоноармійських депутатів (Р-948) містяться «Карточки по обследованию хозяйств не крестьянского типа», котрі дають змогу проаналізувати структуру, господарський потенціал 7 артілей болгар – городників, що були створені протягом 1923–1924 рр. Зокрема, у «1-й болгарській артілі», заснованій у 1923 р., налічувалося 16 осіб, із них працездатних віком від 16-ти до 60 років виявилося всього 7 осіб. Артіль мала у своєму розпорядженні 2 однолемішних плуга, 1 букарь, 2 борони, 1 культиватор, 1 соломорізку, 2 вози на зализній ході, 1 – на дерев’яній. Болгари обробляли 11,75 десятин землі. В їхньому господарстві також налічувалося 3 коней, 6 корів, 2 телят, 2 свині, 25 курей та півнів. Артіль засівала озимим житом 3 десятини землі, озимою пшеницею 3 десятини, ячменем – 1 десятину, вівсом – 1 десятину, просом – 1 десятину, картоплею – 0,5 десятин, травами – 1 десятину¹⁶.

Більш різноманітні за своїм характером архівні документи містяться у фонді Харківського окружного виконавчого комітету Ради робочих, селянських та червоноармійських депутатів (Р-845). У даному випадку йдеться про копії протоколів Центральної комісії у справах національних меншостей (ЦКНМ) при ВУЦВК. Документи цього фонду висвітлюють питання стосовно заходів влади щодо об’єднання Ботевського та Коларовського болгарських національних районів, а також містять заяву болгар-городників Сталінської округи про позбавлення їх виборчих прав. Серед документів фонду привернув увагу проект Мелітопольської окружної Адміністративно-територіальної комісії (АТК) про відокремлення Романівського та Цареводарівського болгарських національних районів, а також проект резолюції на доповідь члена ЦКНМ Планінського про проведення обстеження нацменроботи в Одеській, Першотравневій округах та Автономної Молдавської СРР, про видання мовами нацменшин Конституції УСРР 1929 р.¹⁷

Фонд Р-845 містить документи, які розкривають дії влади, спрямовані на припинення діяльності артілей болгар-городників Харківської округи. Зокрема скаргу болгар, датовану початком 1929 р., що була спрямована на Комісію у справах національних меншин при Харківському окружному виконавчому комітеті. У цій скарзі болгари піднімають питання про безпідставне припинення орендних відносин з боку місцевої влади¹⁸.

Матеріали фонду також представляють науковий інтерес для дослідників-урбаністів. Мова йде про документи, котрі висвітлюють кількісний склад населення міста Харкова на 1 січня 1923 року. Зокрема, працівниками Харківського окружного виконавчого комітету було підраховано, що у місті Харкові проживає наступна кількість представників різних етнічних груп: росіян – 107 172 осіб, українців – 119 407 осіб, євреїв – 64 133 особи, поляків – 5 256 осіб, німців – 1931, латишів – 1642 особи, білорусів – 1284 особи, болгар – 75 осіб, татар – 1121 особа¹⁹.

Більш детальний аналіз національного складу міста Харкова міститься у звіті про діяльність Комісії у справах національних меншин при Харківському окружному виконавчому комітеті рад робітничих, селянських та червоноармійських депутатів за період з 15 березня по 1 грудня 1927 р.: «...среди населения г. Харькова с числом 410 000 человек, население нацменшинств, кроме русского, составляет 25%, которые распределяются следующим образом: евреев 81 121 человек, поляков – 5700, армян – 3600, немцев – 2300, латышей – 1800, татар – 1700, литовцев – 600, греков – 500, ассирийцев – 200, персов – 400, караимцев – 185, эстонцев – 325, цыган – 135, болгар – 115, чехов – 150, китайцев – 85, корейцев – 50, венгерцев – 92»²⁰.

У фонді Виконавчого комітету Харківської міської ради Р-408 містяться матеріали, що дозволяють проаналізувати роботу нацменсектору Харківського газетного технікуму²¹, діяльність Центрвидату щодо забезпечення болгарських шкіл підручниками на рідній мові²². Матеріали фонду дають змогу ознайомитися з роботою Балканського клубу, робітники якого проводили культурно-освітню роботу у середовищі вихідців із балканських країн, що проживали у Харкові²³.

Документи вищезазначеного фонду допомагають простежити долю господарств болгар-городників, які діяли у передмісті Харкова з початку 20-х рр. ХХ ст. Про це свідчить довідка Харківської міської ради від липня 1931 р. «Про перебіг постачання городиною м. Харкова». У документі зазначається: «...Хаторг не підготувався як слід до постачання городиною...; Хаторг має прикріплений радгосп, що повинні постачати його городиною... місцеві організації не завжди стають на допомогу радгоспам і колгоспам в обробці городини. Так, наприклад, Мало-Данилівська сільрада не дала дозволу болгарській артілі на найм робочих рук, мотивуючи тим, що артіль все повинна обробляти власними руками, через що затрималась доставка городини для Хаторгу»²⁴.

Короткий аналіз наведених матеріалів свідчить, що фонди Державного архіву Харківської області містять певну інформацію, за допомогою якої можна деталізувати особливості соціально-економічного та культурно-освітнього життя болгарської національної меншини України у 20-х – на початку 30-х рр. ХХ ст.

¹ Даниленко, О. П. Етнічні групи півдня України: економічне та соціально-політичне становище на початку 20-х рр. ХХ ст. К.: Ін-т історії АН України, 1993, 58 с.; Даниленко, О. П. Ліквідація неписьменності серед національних меншин півдня України в 20-х рр. ХХ ст. // Український історичний журнал. – 1999. – № 3. – С. 74–88.

² Дихан, М. Д. Болгари-політемігранти у соціалістичному будівництві на Україні в 1924–1929 рр. К.: Вид-во Київського університету, 1973, 158 с.; Дихан, М. Д. Българските национальни райони в Украина през 20–30-те години. Кратък исторически очерк. Одеса: «Маяк», 2004, 144 с.

³ Журба, М. А. Громадські об'єднання радянського села і національні меншини України (20–30-ті рр. ХХ ст.). К.: Вид-во НПУ ім. Н. П. Драгоманова, 2002, 156 с.; Журба, М. А. Радянські громадські організації національних меншин УССР в умовах НЕПу // Київська старовина. – 2000. – № 5. – С. 137–144.

⁴ Знаменська, М. В. З історії культурно-освітнякої роботи болгар України (20-ті – 30-ті роки) // Розбудова держави. – 1994. – № 1. – С. 16–20.

⁵ Колоянов, В. Българската просвета през 20-те и 30-те години на ХХ век. София: Изд. «Софрейд», 2005. 158 с.

⁶ Киссе, А. І. Відродження болгар України. Нариси. Одеса: Вид-во «Optimum», 2006, 288 с.

⁷ Комар, Я. В. Дисперсні групи болгар Приазов'я за доби радянської державності: дис. ... канд. іст. наук. Горлівка, 2011, 261 с.

⁸ Митков, В. В. Голгофа болгар Таврії: анатомія репресій (1920-е – 1940-е годы). Запорожье: Тандем-У, 2009, 244 с.

⁹ Миронова, І. С. Розвиток освіти та культури болгарського населення України в 20–30-ті роки ХХ століття // Історія. Етнографія. Нові дослідження. IV Миколаївська обласна краєзнавча конференція / Гол. ред. М. М. Шитюк. Миколаїв, 2002, с. 244–248.

¹⁰ Павленко, В. Б. Болгари в Україні 20–30-ті роки // Українська діаспора. – 1993. – № 4. – С. 132–149; Павленко, В. В. Болгари в Україні // Віче. – 1995. – № 7. – С. 115–126; Павленко, В. Українсько-болгарські взаємини 1918–1939 рр. К.: Інститут історії НАН України, 1995, 224 с.

¹¹ Пащиковський, Л. О. Роль болгарської політичної еміграції у розвитку культурних зв'язків між СРСР і Болгарією в 20–30 роках // Питання історії народів СРСР. – Вип. 8. – Х, 1969. – С. 172–176.

¹² Рябошапко, Л. Правове становище національних меншин в Україні (1917–2000): Монографія. Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2001, 484 с.

¹³ Станчев, М. Д-р Кръстьо Раковски – державник, політик, дипломат. Софія: АІ «Марин Дринов», 2004. 314 с.

¹⁴ Чирко, Б. В. Національні меншини в Україні (20–30 роки ХХ століття). К.: «Асоціація Україна», 1995, 215 с.; Чирко, Б. В. Національні меншини на Україні в 20–30 рр. ХХ ст. // Український історичний журнал. – 1990. – № 1. – С. 51–64; Чирко, Б. В. Національні меншини на Україні у 20-х – на початку 30-х рр. ХХ ст. (Огляд документів ЦДАЖР УРСР) // Архів України. – 1980. – № 1. – С. 28–33.

¹⁵ Якубова, Л. Д. Етнічні меншини УССР у 20-ті – першій половині 30-их років ХХ ст.: історіографія та джерела дослідження. К.: Ін-т історії України НАН України, 2006, 170 с.; Якубова, Л. Д. Етнічні меншини УССР у першій половині 20-х років ХХ ст. К.: Ін-т історії України НАН України 2002, 188 с.; Якубова, Л. Д. Національно-культурне життя етнічних меншин України (20–30-ті роки): коренізація і денационалізація // Український історичний журнал. – 1998. – № 6. – С. 22–36; Якубова, Л. Д. Повсякденне життя етнічних меншин радянської України у міжвоєнну добу. К.: Ін-т історії України НАН України, 2011, 339 с.; Якубова, Л. Д. Соціально-економічне становище етнічних меншин в УССР (20-ті – початок 30-их років ХХ ст.). К.: Ін-т історії України НАН України, 2004, 456 с.

¹⁶ Державний архів Харківської області (далі – ДАХО), ф. Р-948, оп. 2, спр. 14, арк. 92.

¹⁷ ДАХО, ф. Р-845, оп. 3, спр. 2003, арк. 30.

- ¹⁸ ДАХО, ф. Р-845, оп. 3, спр. 1689, арк. 145.
- ¹⁹ ДАХО, ф. Р-845, оп. 2, спр. 696, арк. 5.
- ²⁰ ДАХО, ф. Р-845, оп. 3, спр. 1975, арк. 9.
- ²¹ ДАХО, ф. Р-408, оп. 4, спр. 2637, арк. 189.
- ²² ДАХО, ф. Р-408, оп. 4, спр. 2628, арк. 3.
- ²³ ДАХО, ф. Р-408, оп. 4, спр. 2638, арк. 82–83.
- ²⁴ ДАХО, ф. Р-408, оп. 4, спр. 2640, арк. 80–81.

БОЛГАРЫ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИКИ КОРЕНИЗАЦИИ В КРЫМСКОЙ АССР (20–30-Е ГОДЫ XX ВЕКА)

Г. Н. Кондратюк

Кондратюк, Г. М. Болгари в умовах політики коренізації в Кримській АРСР (20–30-ті роки ХХ століття)

В статті висвітлюється політика Кримської АРСР в міжвоєнне двадцятиріччя. Проведено порівняльний аналіз національної політики щодо болгар та інших національних меншин Криму. Досліджено створення болгарських сільських рад, шкіл та клубів, залучення болгарської молоді на промислові підприємства.

Ключові слова: коренізація, болгари, Кримська АРСР, національна політика.

Кондратюк, Г. Н. Болгары в условиях политики коренизации в Крымской АССР (20–30-е годы XX века)

В статье освещается национальная политика Крымской АССР в межвоенное двадцатилетие. Проведён сравнительный анализ национальной политики в отношении болгар и других национальных меньшинств Крыма. Исследовано создание болгарских сельских советов, школ и клубов, привлечение болгарской молодёжи на промышленные предприятия.

Ключевые слова: коренизация, болгары, Крымская АССР, национальная политика.

Kondratuk, G. N. The Bulgarians in the political naturalization in the Crimean ASSR (20s-30s of the 20th century).

The article studies the national policy in the Crimean ASSR during the interwar twenty years. The comparative analysis of the national policy in relation to the Bulgarians and other ethnic minorities of the Crimean is carried out. Country councils, schools, clubs, village libraries and reading rooms and the Bulgarians youth involving in the industrial enterprises are investigated.

Keywords: naturalization, Bulgarians, Crimean ASSR.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что современная Украина – многонациональное государство. В стране проживают представители свыше 120 народов. Целый ряд регионов Украины являются не только полиглоссическими, но и многоконфессиональными. Крым один из них. Поэтому изучение опыта проведения национальной политики востребовано сегодняшней практикой государственного управления.

Историография национальной политики в отношении болгар представлена целым рядом работ и диссертационных исследований¹. Однако в Крымской АССР проведение этнополитики отличалось существенными специфическими чертами, дифференцировавшими её от практики УССР в отношении болгарской общины. Важность национальной политики в Крыму объяснялась многонациональностью полуострова, а также высоким уровнем этнической мобилизации в годы гражданской войны. Межвоенное двадцатилетие отличается динамизмом социально-политических и этнических процессов. Официальным стартом советского варианта этнополитики является XII съезд РКП(б), провозгласивший политику коренизации. В УССР коренизация получила название украинизации, а в Крымской АССР – татаризации, хотя в её орбиту оказались все этнические группы полуострова, в том числе и болгары.

В Крымской АССР национальная политика была дифференцирована в отношении различных этнических групп. Прежде всего, это этнополитика в отношении крымских татар. Крымские татары расценивались как коренной народ, поэтому и сформировалась указанная трактовка коренизации, и, соответственно, они обладали наибольшими преференциями. Во-вторых, национальная политика в отношении так называемых «националов Запада». В данную группу в Крыму включали немцев, поляков и эстонцев. Они рассматривались как своеобразная пятая колонна», о чём можно судить по целому ряду репрессивных мер в аграрной и религиозной сферах. Уменьшение земельных угодий у немцев, закрытие их кирх и молитвенных домов стало основным «камнем преткновения» в отношениях немецкой общины и советской власти. Третье направление касалось таких национальных меньшинств, как караимы, крымчаки, греки, армяне и болгары. Болгары не были отнесены к меньшинствам, пользовавшимся приоритетным вниманием органов

власти. Причина этого в малочисленности, территориальной разобщенности, отсутствии конфликтогенного потенциала со стороны болгарской общины Крымской АССР. Согласно данным первой предварительной переписи населения, проведённой в апреле 1921 г., из общего числа жителей Крыма в 720 373 человека болгар насчитывалось 10 572². От общего количества жителей болгары составили 1,4%³. Проведение коренизации в Крымской автономии отличается целым рядом акцентов, которые определялись внутриполитической ситуацией в ВКП(б), численностью определённой этнической группы, уровнем её мобилизации, опытом участия в политической борьбе периода гражданской войны.

В проведении национальной политики на полуострове можно выделить несколько этапов. Первый датируется 1921–1922 годами. 1923–1928 годы – это период относительно плюрализма и борьбы внутри крымской партийной организации. Русская и крымскотатарская части обкома ВКП(б) видели коренизацию и содержание автономии не одинаково. Этот период характеризуется острой фракционной борьбой вокруг принципов проведения аграрной реформы. Результаты её реализации привели к перераспределению земельной собственности между различными этносами. Болгары в местах компактного проживания, в частности в сёлах Болгарщина, Кишлав, Марфовка, получили значительные земельные участки. Земельная реформа наряду с созданием национальных сельских советов и школ, использования болгарского языка в ведении документации, направления молодёжи в учебные заведения и промышленные предприятия составили основу этнополитики в отношении болгар Крыма. В практических мероприятиях национальной политики огромная роль принадлежала национальным секциям Агитационно-пропагандистского отдела (Агитпроп) Крымского обкома ВКП(б). В составе Агитпропа была создана и болгарская секция. Она обобщала мнения и запросы крестьян-болгар и выступала инициатором проведения практических мероприятий. Так, в марте 1926 г. была проведена I Всекрымская болгарская беспартийная конференция. В 1930 г. состоялась Всекрымская конференция национальных меньшинств, где были представлены делегаты-болгары. Центральным вопросом, интересовавшим болгар, являлась аграрная реформа и развитие национальных школ. Болгарские школы начали свою деятельность с 1925 года. Проблема заключалась в том, что часть крымских болгар сохранила разговорный язык, но не владела литературным, так как был выработан крымско-болгарский диалект. В середине 1920-х годов насчитывалось 14 болгарских начальных школ, в которых обучалось 950 детей и работало 27 педагогов. Одна из важнейших проблем состояла в том, что только 7 педагогов владели болгарским языком. Школы располагались в местах компактного проживания болгар в Крыму. В Феодосийском районе насчитывалось 6500 болгар, в Карасубазарском – 2270, в Керченском – 2230 болгар, в Симферопольском – 700⁴.

Рубеж 1930-х годов проходил под знаком административного аспекта коренизации. В 1930 г. была проведена новая административная реформа. Создавались национальные районы, систематически увеличивалось количество национальных сельских советов. В частности, немецкий, еврейский, украинский и несколько крымскотатарских районов. В местах компактного проживания болгар были созданы национальные болгарские сельские советы. Так, в Сейтлерском районе – Желябовский болгарский сельский совет; на его территории насчитывалось 1435 жителей, из них 1149 болгар. В селе Желябовке насчитывалось 947 болгар, в Красноселье – 30, Ново-Дмитровке – 87, Ново-Константиновке – 25 болгар. В Симферопольском районе был создан Ново-Сарабузский болгарский сельский совет. На территории сельсовета насчитывалось 626 жителей, из них 408 болгар. В Феодосийском районе сформировали два болгарских национальных сельских совета. Кишлавский болгарский национальный сельский совет насчитывал 1842 жителя, из них 1652 болгарина. В том числе, в Кишлаве 1449 болгар и в Олемайпеке – 203. Болгарщинский болгарский национальный сельский совет включал 824 жителя, из них в селе Болгарщина – 447 болгар. Также два болгарских национальных района было создано в соседнем Карасубазарском районе. Оба практически полностью былиmonoэтничны. В Кабурчакском болгарском национальном сельском совете насчитывалось 737 жителей; из них в деревне Кабурчак – 727 болгар. В Колпакском болгарском сельском совете из 556 жителей – все болгары. На Керченском полуострове был создан болгарский национальный сельский совет с центром в деревне Марфовка, явившейся, как и Кишлав и Болгарщина, средоточием болгарской общины Крыма. На территории Марфовского болгарского сельсовета проживало 2319 жи-

телей, из них болгары составляли 2010 человек. По сёлам болгары распределялись так: в Марфовке – 1785 человек; Новосёловке – 118; Бекеч – 49; в Таш-Атарус – 58 болгар.

В Крымской АССР не был создан болгарский национальный район, в отличие от УССР, из-за того что компактно болгары проживали далеко не во всех сёлах. Советская власть пошла по пути создания так называемых смешанных сельских советов. Характер «смешанности» зависел от сочетания двух доминирующих этносов. В Сейтлерском районе, например, был создан смешанный Ново-Царицынский сельский совет. В его составе насчитывалось 2419 жителей. Из них половина болгар – 1247 человек. По сёлам сельского совета болгары были распределены так: Ново-Царицыно – 768, Ново-Николаевка – 365, Красный Яр – 32, Эппа – 31, Екатериновка – 21 жителей⁵.

Активно проводился процесс квотирования среди советских служащих разных национальностей. Важным аспектом явилось применение национальных языков в ведении документации, особенно на уровне сельского совета. Партийная идея состояла в том, чтобы советский функционер и крестьянин были людьми одной национальности и говорили на одном языке. Этой мерой советская власть не становилась как бы ближе к народу. Однако далеко не все болгарское сельские советы, как и школы, в полном объёме перешли на ведение делопроизводства на болгарском языке. В феврале 1926 г. село Кишлав обследовал студент болгарского сектора Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (КУНМЗ) им. Ю. Ю. Мархлевского Н. Х. Минчев (из политэмигрантов). В своём отчёте автор отметил, что «в политическом отношении они (болгары – К. Г.) очень отстали и среди них нужно вести сильную просветительскую работу. Особенное внимание нужно обратить на женщин, ибо они очень отстали как в культурном, так и в политическом отношении... Религиозность как мужчин, так и женщин сильно развита. С этим нужно бороться и вести работу. В церкви имеется хор, который состоит из одних женщин, и на это надо обратить внимание»⁶.

Тридцатые годы содержат в области национальной политики значительный репрессивный компонент. В начале десятилетия многоократно усиливается риторика о необходимости борьбы с «буржуазным национализмом». Вслед за процессом по делу председателя ЦИК Крымской АССР Вели Ибраимова разворачивается кампания по изгнанию из органов образования, государственного управления представителей прежней интеллигенции, имевших дореволюционное образование и особенно участие в общественно-политической деятельности, не связанной с коммунистическим движением. Эта кампания в народных комиссариатах получила название «чисток». В 1930 г. был обвинён в «буржуазном национализме» Мемет Кубаев, председатель ЦИК Крымской АССР. Последовало его смещение с занимаемого поста. Акцент в первой половине 1930-х годов был сделан на создании национальных колхозов и формировании национального пролетариата. Особенно важной крымские большевики считали вторую кампанию. Доля промышленных рабочих среди болгар не превышала к 1930 году 1%. Более успешно в болгарских сёлах создавались национальные колхозы. Большевистская доктрина была ориентирована на городских жителей, а крестьянам, как носителям национальных традиций, она была чужда. Национальная политика тридцатых годов выступала инженерий новыми социальными отношений и принципиально иной социальной структуры общества.

Особым периодом в реализации национальной политики являются 1937 и 1938 годы. Традиционно в историографии 1938 год принято рассматривать как дату окончания политики коренизации. Однако этнические процессы обладают определённой инерцией и мгновенно не могут быть приостановлены. 1937 – год «Большого террора» – характеризуется проведением целого ряда «национальных» операций НКВД. В Крымской АССР – против немцев и крымских татар, но в орбиту репрессий попадают и болгары. В историографии анализ «немецкой операции» НКВД нашел всестороннее отражение в работе В. Дённингхауса⁷. Автор обращал внимание как на нормативных актах НКВД, так и на оперативной практике органов внутренних дел на местах. В Крымской АССР насчитывалось порядка 50 немецких сёл, жители которых и стали объектом репрессивной кампании чекистов. В национальных немецких Биюк-Онларском и Тельманском районе фабриковались дела о якобы существовавших «подпольных фашистских террористических группах». Репрессивную политику в Крымской АССР и работу троек «по репрессированию кулацко-уголовного элемента» возглавил нарком внутренних дел автономии Михельсон⁸.

1938 год охарактеризовался «тюркской кампанией». В национальных республиках Средней Азии и Татарской АССР, а также Крыму была проведена репрессивная кампания, приведшая к уничтожению большой группы национальной интеллигенции. Что же касается репрессий НКВД в отношении болгарского меньшинства полуострова конца 1930-х гг., то этот вопрос еще предстоит прояснить.

Таким образом, проведение «национальных кампаний» привело к выдвижению новой генерации советских функционеров, заменивших репрессированных. Эта мера существенно укрепила сталинский режим и означала окончательное завершение варианта советской этнополитики межвоенного двадцатилетия.

¹ Національні питання в Україні ХХ–XXI століття: історичні нариси / Ред. В. М. Литвин. К.: Ніка-Центр, 2012, 592 с. Мельник Н. І. Національно-культурний розвиток болгарської меншини в Україні в 20–30-х роках ХХ ст.: Автореф. дис. канд. іст. наук. К., 1996.

² Предварительные итоги переписи в Крыму в 1921 г. Симферополь, 1922, с. 10–11.

³ Статистико-экономический атлас Крыма. Симферополь, 1922, с. 5.

⁴ Государственный архив Автономной Республики Крым (ГААРК). Ф. П. 1, оп. 1, д. 702, л. 8–12.

⁵ ГААРК. Ф. Р-663, оп. 3, д. 394, л. 14–24.

⁶ ГААРК. Ф. П. 1, оп. 1, д. 566, л. 4.

⁷ Дённинхайс, В. В тени «Большого Брата». Западные национальные меньшинства в СССР 1917–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2011, 727 с.

⁸ Советская этнополитика. 1930–1940-е годы. Сборник документов / Составитель Л. С. Гатагова. М.: ИРИ РАН, 2012, с. 161.

ПЪРВИЯТ СЪВЕТСКИ ЕЗИКОВЕД-БЪЛГАРИСТ ДЕЛЧО ДРИНОВ

E. P. Стоянова

Стоянова, Е. П. Първият съветски езиковед-българист Делчо Дринов

В статията е представена дейността на Делчо Пеев Дринов (1893–1936) – първия българин съветски езиковед. Той живее в Украйна и работи в Киевския университет, а също в Института по езици при Украинската академия на науките през 1914–1936 г. Нему принадлежи водещата роля при изработването на нормите на местните български диалекти, за създаването на оригинална българска ортография, базираща се на фонетичен принцип. Той съставя и издава няколко учебника по български и украински език, а също първия украинско-български речник, пред назначен за местните българи в селата.

Ключови думи: българинът Делчо Пеев Дринов, Украйна, първият украинско-български речник.

Стоянова, Э. П. Первый советский языковед-болгарист Делчо Дринов

В статье представлена деятельность Делчо Пеева Дринова (1893–1936) – первого среди болгар советского языковеда. Д. П. Дринов жил на Украине и работал в Киевском университете, а также в Институте языка при Украинской академии наук с 1914 по 1936 год. Он сыграл значительную роль в попытке нормализовать местные болгарские диалекты, предложив создать орфографию, основанную на фонетическом принципе, составил и издал несколько учебников болгарского и украинского литературного языков. Им впервые был составлен украинско-болгарский словарь, рассчитанный на местных болгар-колхозников.

Ключевые слова: болгарин Делчо Пеев Дринов, Украина, первый украинско-болгарский словарь.

Stoyanova, E. The First Soviet Linguist Bulgarian studies scholar Delcho Drinov

The article presents the activities of Delcho Peyov Drinov (1893–1936), who was the First Bulgarian Soviet linguist. He lived in Ukraine and worked at the Kiev University and at the Institute of languages at the Ukrainian Academy of Sciences from 1914 to 1936 years. He played the most important role in the development of norms of the local Bulgarian dialects, and particularly, he proposed the new orthographical norms on the basis of the phonetic principle. He also wrote several school textbooks in Bulgarian and Ukrainian literary languages and compiled the first Ukrainian-Bulgarian dictionary for local Bulgarian peasants.

Keywords: Bulgarian Delcho Peyov Drinov, Ukraine, the first Ukrainian-Bulgarian dictionary.

Делчо Пейов (Петрович) Дринов (1893–1936), племенник на Марин Ст. Дринов, син на неговия по-малък брат Пейо Ст. Дринов, почти не се споменава от изследователите на много уважаваната фамилия Дринови в България. Както монографии, така и Интернет издания никак не бързат да разкажат за тази интересна личност, за разлика например от Джон Атанасов, който напук на доста обширната информация за пионерите в областта на компютърната техника заявява, че има заслуги в тази област. Изглежда Делчо Пеев Дринов се е отнасял към съвсем друг тип хора, които не са имали за цел на живота си нито слава и почести, нито награди. Целта му била да изпълни своя гражданска длъг. По-конкретно: той се нагърбил със задачата да се бори против асимилирането на българите, преселили се в чужда държава, стреми се те да запазят националната си идентичност, първо, благодарение на изучаването на майчиния език, като следва да подчертаем – на книжовния български език. Става дума за няколкостотин хиляди български преселници от XIX в. и за техните потомци в Украйна, т.е. за най-голямата българска диаспора в света.

Делчо П. Дринов е роден в Панагюрище, където получава средно образование и работи като учител. През 1914 г. следва специалността славянска филология в Софийски университет, после заминава за обучение в Киевския университет. По време на Гражданската война (1918–1920 г.) е секретар на Кръстьо Раковски, Председателя на Съвета на народните комисари в Украйна (така се нарича тогавашното правителство на страната). След войната се завръща към научна и преподавателска дейност, работи като асистент, преподавател, професор по южнославянски езици в Киевския университет, а също и като старши научен сътрудник в Института по езици към Украинската академия на науките.

Автор е на пет учебника и на „Граматика на българския език“ в две книги: „Морфология“ и „Синтаксис“. Пише в съавторство с проф. М. Грунски учебник по украински език, съставен за първи път на български език. Учебникът е снабден с притурка – украинско-български речник. Само за това издание ни се иска да разкажем днес, защото по-миналата година се навършиха 80-години от излизането на тази книга на бъл свят.

В предговора към „Украински език“ (Москва–Харков–Минск: Центриздат; на корицата няма дата на издаването, вероятно това е станало през 1930–1931 г., а на четвърта страница пише: „Ця книжка е першою спробою складання української граматики болгарською мовою при тому для болгар“ („Тази книга е първи опит за съставяне на граматика по украински език на български“)¹. Учебник с подобна насока е доста необходим специално през 30-те години на миналия век, защото тогава в Украйна сред всички народности, настанили се на нейната територия, се наблюдава висок подем на националната самоидентификация. Изглежда, те не само са се събудили, за да демонстрират своето високо културно и геройично минало, но и най-важното: да проявят уважение към своите съседи, с които трябва да строят новия прекрасен живот (Във връзка с обекта на нашите проучвания искаме да уточним, че учебникът „Украински език за българи. Част първа“², който е бил одобрен на заседанието на Катедрата по славянско езикознание в СУ „Св. Климент Охридски“ през април 2006 г., не е първият, както го е представила Р. Камберрова в информационното издание „Материалы Першої, Другої та Третої наукових конференцій „Драгоманівські студії“³. Тя изразява мнението си още в заглавието: „Първият учебник по украински език за българи“⁴.

За адресат на учебника от 30-те години на миналия век са избрани не средношколци, а възрастни хора и ученици от горните класове на трудовите училища, които по това време са били квалифицирани с думата „ликбез“ – „ликвидиране (преодоляване) на неграмотността“. От методическа гледна точка авторите тръгват към чуждия език от речевия опит на родния идиом, по-точно от диалектната форма на българския език, затова понятията за езиковите категории тук се дават с оглед на опита на носителите на местните диалекти. Цитираме: „В срички, върху които пада ударение, буквата е означава звук, който по гласеж съвпада с българското книжовно е под ударение след твърдите ж, ш, например, в думите жега, шест, сиреч равнява се на руското э: **пекло** (ад, пъкъл), **рев, спека** (зной, жега) – чети така, както би прочел по-руски пэкло, рэв, спэка. Също под ударение буква и означава гласен, в българските говори в Украйна незнаен. Такъв звук се получава, ако се пригответи да произнесеш твърдо е (сиреч руско э), па без да измениш положението на органите на речта, а само малко призатвориш уста, изговориши и“⁵.

Авторите обръщат внимание на явленietо междуезикова омонимия, присъща на близкородствените езици. „Думата **байрак** – пишат те, – означава по украински горица, **баня** – купол, **башта** – к' ула, **година** – час, **жадн'ий** – жъден, лаком, а **ж'адний** – всеки, никой (в отрицателни изрази), **жито** – ръж, **нагл'ий** – бърз, а **н'аглий** – нахален, нагъл, **урода** – красота⁶. Обясняват се също и особеностите от морфологично ниво: „Спрежението на глагола (дієвідміна) в украински език значително се отличава от българското спрежение. Отликите се състоят не толкова в окончанията на различните глаголни форми, колкото в самото им съществуване: украински език от една страна е изгубил ред форми, които и до сега се употребяват в български език, а от друга зачувал е някои форми, които на сегашния български език не са известни“⁷.

Много ценен за учениците е и двуезичният украинско-български преводен речник, поместен в края на книгата според традицията за учебници по чужд език, този път – украински, и назован от авторите „Речниче“. Конотацията на умалителност в названието според нас означава не само че обемът му не е много голям, малко повече от 5000 думи. Постърко съставителите са се отнасяли с голяма отговорност към този проект и са разбирали рисковете, които крие, защото дотогава наистина е нямало подобен прецедент, а мерките за езиковата политика по това време са доста активни. Отчитайки, че през 1928 г. е разработен и приет Пръв съвременен украински правопис, а за адресат на речника са избрани не младите, а по-скоро по-възрастните хора от българските села в Приазовието, седнали на училищния чин, за да научат четмо и писмо на чужд език, можем да си представим проблемите, с които са се сблъскали авторите на речника, нагърбили се със задачата да подпомогнат овладяването на държавния съвремен езиков код.

Като основа за регистъра на думите е взето едно от най-добрите украиноезични справочни издания – четиритомният речник на украински език, съставен от Б. Гринченко и

удостоен с втора награда „М. П. Костомаров“ „за лучший малорусский словарь“ от Петербургската академия на науките през 1909 г. Обаче този речник отразява украинския книжовен език от втората половина на XIX в. В продължение на трите десетилетия на XX в. в езика са станали доста промени: от една страна, от активния запас са изчезнали думите за означаване на понятията за религия и църква, а от друга – в езика са навлезли много думи, означаващи нови обществени и производствени реалии. Освен това в обществото са се засилили туристичните тенденции. Затова например в дяла на буква „А“ в новия речник от изданието на Б. Гринченко не са взети такива лексеми като *автентичний*, *авто-да-фе*, *академія*, *амбар*, *амбіція*, *анахтема*, *ангел*, *апостол*, *арнаутка*, *аршин* и много други заемки от латински, немски и други езици, проникнали в украинския през полски. В сравнение с предишния лексикографски труд, тук се появява само една нова дума *аматор* – любител. На буква „В“ са включени, в сравнение с базовото издание, доста нови думи или нови дериватни форми на лексеми от официално-деловия стил: *віймок* – изключение; *виконавчий* – изпълнителен; *вимога* – изискване; *вимушений* – принуден; *випис* – извадка; *відповідальний* – отговорен; *відпустка* – отпуска; *відсутній* – който отсъства; *відсутність* – отсъствие, липса; *відчит* – отчет; *вказівка* – указание, упътване; *внесок* – внос; *вповноважений* – упълномощен; *вповноваження* – пълномощно; *вповноважати* (вповноважити) – упълномощават; *вступ* – въведение, постъпване; *втретє* – трети път; а също и от публицистичния стил: *вбогий* – беден; *ввічливий* – вежлив; *вгамовувати* – успокояват, укротяват; *визвольний* – освободителен; *вихаїд* – открытие, изнамярване; *виснага* – изнуряване; *виснажений* – отслабнал, изнурен; *вистава* – представление; *виставка* – изложение, изложба; *відбудова* – възстановяване; *відвертий* – откровен; *відвага* – безстрашие; *вплив* – влияние; *вплівати* – влияя; *вражати* – поразявам; *вродя* – красота; *вродливий* – хубав; *способен* – даровит; *врочистий* – тържествен; *всеподний* – народен, всеобщ; *всесвіт* – свят, мир; *втаровину* – в старо време; *втурчата* – намясват; *втрака* – загуба; *вчасний* – своевременен. Среща се и нова обществено-политическа терминология: *взаємини* – отношения; *візвольний* – освободителен; *візиск* – эксплоатация; *викладач* – преподавател; *засади* – основни принципи; *заходи* – мерки; *збитки* – загуба; *сучасність* – съвременност; *кляса* – клас; *робітничий* – работнишки. Без съмнение, включените в речника историзми, регионализми са били много ценни за адресата. Липсата на техни еквиваленти в българския език е изисквала описателно пояснение: *кошовий* – кошов, началник на Запорожската Сеч; *кримка* – кримска сол, панцирник – брониран влак, *трън*; *сердюк* – сърдит човек, гвардеец при хетмана; *сплав* – порой, сал; *хорунжий* – знаменосец; *чумак* – който се занимава с чумацтво; *чумацтво* – прекарване на стока, главно, риба и сол от морето във вътрешността на Украйна; *шерен* – натрупан лед; *шляхетство* – дворянство.

Търде ограничен обаче в украинската част е броят на социално-икономическите и съвременните технически термини, макар Д. Дринов доста широко да ги е представял в своите учебници по български език, такива като *петилетка*, *дисциплина*, *ударник* (*ударничество*), *забой* (*забойщик*), *комбайн* (*комбайнер*), *трактор* (*тракторист*), *колхоз*, *съвхоз*. Известно е, че на началния етап в изграждането на езиковите норми през 20-те – 30-те години на ХХ в. в бившия СССР, в това число и в Украйна, голяма роля изиграва отказът от класическите книжовни традиции в творчеството на такива писатели като И. С. Тургенев в Русия, Леся Українка и Михало Коцюбински в Украйна. В резултат, по същото време в Киев се оформя разновидност на езиковия пуризъм, който провъзгласява опазването на автентичния украински език от т. нар. буржоазни влияния. За достойни книжовни текстове, които могат да залегнат в основата на съвременните книжовни норми, се смятат само онези, които стилизират украинския разговорен език по подобие на езика на „надднепрянските“ селяни. Още по-серииозни критики предизвикват научни и научнопопулярни текстове, които всъщност нямат нищо общо с украинския език и повече напомнят за руския език. За украинския език е съществувала една-единствена възможна основа – народният език. Само той можел да легне в темелите на украинската писмена книжовна реч. В дейността на Института за украински научен език при УАН също може да бъдат издирени туристични тенденции, нагласени спрямо живата разговорна реч на селяните. Авторите не се отказват напълно от интернационалните термини, но, позовавайки се на полските и чешките туристи, смятат за необходимо да използват украински съответствия. В този аспект в разгледаното от нас лексикографско издание имплицитно

са се проявили постановки на официалната езикова политика за опазването на украинската терминология от руското влияние⁸.

Но, за разлика от неологизмите, са включени и доста традиционни занаятчийски термини: *стельмах – колар; тесляр – дюлгерин; хлібороб – земеделец; швач – шивач, терзия; швец – обущар; вівчар – овчар*; което, според съставителите изглежда пряко отговаряло на нуждите на двуезичната целева аудитория, т.е. на селяните.

От политическата лексика можем да посочим само няколко думи: *біднота – беднота, сиромашня, сиромаси хора; пролетар – пролетарий; червоноармісць – червеноармеец; куркуль – селски богаташи, думбаз, „кулак“; перевертинець – отстъпник, ренегат*. Оставаме с впечатлението, че авторите са се стремели, доколкото е възможно, да избегнат политизирането на речниковия регистър. Така например, понякога българският превод на украинските думи отговаря само на прякото им значение: *кулак – юмрук; уклін – поклон*. В същото време за „умния“ читател не би могло да остане неразбрano и тяхното преносно публицистично значение, поради най-активното им използване в книжината, и то не само във вестници, а дори и в учебници от този период, защото публицистичността (политизацията) е отличителен белег на дискурса от онova време. Например: „В областта на езика **уклонът към местния национализъм** се проявява в изкуствено задържане... на неговата съветизация...“⁹. В същото време ако в източника, върху който е съставен регистърът, са представени думи с преносно значение, най-често за изразяване на политически конотации, авторите не пропускат да се възползват от това. Например второто значение на глагола *перекручвати* в речника на Б. Гринченко е: *извращать, извратить, исказить*¹⁰. Този глагол е преведен на български като *изопачавам*¹¹. Ето и пример от тогавашната българо-езична преса в Украйна: „*Безпощадно да разкриваме и изкореняваме последствията от вредителството и национално-опортюнистичните изопачавания на езиковия фронт*“¹².

На пръв поглед, прекалено широко за един учебен речник е представянето на думите, които отнасяме към т.нар. вердиктивни изказвания. Те изразяват, макар и не пряко, определена илокутивна, т.е. въздействаща сила. Чрез тях авторът имплицитно манифестира механизмите на реализиране на държавната власт. Такива са: *арест – арест; виконавець – съдебен пристав, изпълнител; винувач – обвинител; виновний – винен; вирок – присъда, съдебно решение; висилати – пращам на заточение; в'язень – затворник; в'язница – затвор; грата – железна решетка; заслання – заточение; кайдани – вериги, окови; кара – наказание; карний – углавен; каятися – признавам се, кая се, пишманя се; колодки – вериги; колодник – арестант; обвинувачувати – обвинявам; оборонець – адвокат; оскаржувати (оскаржити) – обвинявам, апелирам; позивати – давам на съд, съдя; присуд – присъда; провина – вина, престъпление; судовий – съдебен; трус – обиск, обискиране, претърсване; ув'язнювати – затварям, хвърлям в тъмница; шибениция – бесилка; шкідник – вредител*. Следващият откъс от разказа „*Вредители*“ на местния български писател Н. Фуклев показва, че тези лексеми не са случайни в речника – те са най-типични за дискурса на онзи период в Украйна: „*Преди няколко дена във вестниците бе, между другото, съобщено, че в град Днепропетровск, по решение на съда **вредителят е расстрелян**“; „*Кулака хаджи Митро... уловен бе като **вредител** и наказан по революционната законнос“; „*Същата вечер бе утвърден списъка на **кулаците** за изселване зад пределите на Украйна*“¹³.**

Трябва да имаме предвид, че книжовната форма на езика на българската диаспора, илюстрация на която са въпросният учебник и „речничето“ към него, е включена в общия процес на езиковото строителство в Украйна. Откъсната се от основния си массив, поела върху себе си всички обществено-политически влияния на епохата, свързана с построяването на социализма и утвърждаването на украинската национална идея, в това число на борбата с кулаците, Гражданската война и др., тя изисква от изследователите задължително да я разглеждат в социолингвистичен аспект, като форма на текст, строежът на който е тясно свързан с обществено-политическата обстановка, съвпадаща с постановките на лингвистичната прагматика, защото и двете научни направления се базират на възприемането на езика като основен фактор за общуване, включително и социално ориентиран.

В „Речничето“ се проявява определена рецепция на по-активните, т.нар. туристични тенденции. Именно с тях си обясняваме отсъствието във въстъпителната част на учебника „Украински език“, който е написан „по български и стъкмен за българи“¹⁴, на каквito и да било позовавания на българоезични учебнонаучни и лексикографски издания от този

период. А по това време вече има и „Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати (Составил А. Дювернуа. Москва, 1885–1889. 2622 с.), и „Дифференциальный болгарско-русский словарь“ (Составил Л. А. Мичатек. СПб, 1910. 112 с.). Към 1926 г. са издадени в София и първите свезки на „Български тълковен речник“ (по-нататък – БТР) на Стефан Младенов.

На ниво ортография както в украинската, така и в българската част не можем да установим спазване на единна книжовна норма. Така, в украинската част в сравнение с базовия речник на Б. Гринченко авторите отстъпват от изискванията за благозвучие в украинския език и не изключват от поредицата думи, започващи с буква **в**, тези с начална затъмнена съгласна и следходните ѝ: **б**, **г**, **д**, **х**, за да отбележат, че тя в такъв случай трябва да се смени с гласна **у**. Затова, за разлика от речника на Б. Гринченко, такива украински думи като например: *убогий, вглишки, вдачата*¹⁵ и т.н.

Да се спрем на българската част. Много от думите са изписани в съответствие с фонетичния принцип в ортографията: *калдаръм* вместо *калдъръм*, *купнея* вместо *копнея*, *магданос* вместо *магданоз*, *топан* вместо *тъпан*, *доле* вместо *долу*. Други отразяват диалектното произношение на рефлексите -ър/-ръ-, -ъл/-ль-: *тръся*, *тръсене*, *пърстен*. Глаголите *бъбра*, *бъбла* с твърди окончания свидетелстват за привързаността към старелите норми от XIX в. Думите *измяране*, *ветrena* (*мелница*), *дюган*, *кряхък*, *разтряба* (*къща*), *намясвам* се са израз на влиянието на източните говори. Мекотата на съгласните пред **о** понякога е отбелязвана ту с **ъ**: *плачъло*, което отговаря на правописа в БТР, ту с **й**: *гергийов*, *хаплий*, *омагиосам*, което съвпада с правописа на Ст. Омарчевски. Слятото изписане на думата *каточели* – съюз за причинната връзка между частите на изречението, и на глагола *тряба* вместо *трябва* отговарят на изискванията на Правилата на българския правопис в Украйна от 30.11.1930 г., а думите *отсъствие* (укр. *відсутність*), *сватба* (укр. *весілля*) се пишат обратно на изискванията, според които трябва да се пише: *свадба*, *отсъствие*.

В граматическата характеристика на глаголите, за съжаление, не са включени глаголни видови двойки и само на някои места съставителите се задоволяват с форми за несъвършен вид, например: в *`ергати* (*в`ергнути*) – *хвърлям*; *перемагати* (*перемогти*) – *превъзмогвам*, *побеждавам*; *пособляти* (*пособити*) – *помагам* и др. Както и в граматичния раздел на учебника, в речничето се привеждат специално подбрани междуезикови омоними и вътрешноезикови омографии: *н`иколи* – *няма кога*, *нік`оли* – *никога*; паралелни синтактични конструкции на безлични изречения, например: *впадати* (*впасти*) – *попадам*, *падам*, *вливам се*; (*бездл.*) *бива*, *случва се*. За съжаление, има и украински думи, погрешно преведени на български: *деревня* – *гора*, *дървета*¹⁶. Сравни: Преображенский А. Деревня, род. п. деревни, селение без церкви: деревенский, деревенщина. Др.рус. *деревенья*, засвид. с XIV (Срезн.) земля. Напр. в Домостр. „*пашет деревню*“. Потебня (Эт. 4, 18) произв. от корня **дер* – (*драть*) и сопоставл. с лит. *dirva niva*, пахотное поле; *dirvonas* – запущенная пашня, залежь, толока, лтш. *Druva pašnja*. первонач. знач. 1. „вытереблив. и очищ. от леса и зарослей место для нивы“; 2. Пахотное поле; 3. Двор, т.е. хутор с участком земли; 4. Селение, село, деревня... В народной этимологии, без сомнения, сближается с *дерево*, т.е. деревянная, вероятно в противоположность с городом (каменный). – Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. А–О. Москва, 1910–1914 [6, 180]. Подобно: *олія* – *дървено масло*¹⁷. Виж също: Гринченко: Олія – постное масло¹⁸. Също: *кріп*, *кропу* – *магданос* (растение)¹⁹. Сравни: Гринченко: Кріп, кропу, м. 1. Раст. Укроп²⁰; Стоянов, Чмир: **Магданоз** чол. рід петрушка; китка ~ пучок петрушки [9, 343]. Понякога съставителите не обръщат внимание на разликата във фонетичната страна на българските думи, които имат в украински език едно и също фонетично съответствие, например: украинската дума *гайда*²¹ има три омонимни български форми: *гайда* – блг. *гайды* (р. волынка), *гайды* – блг. *хайде*, *гайды* – блг. *хайта*, *нехранимайко*, тур. *hayta*.

Завършвайки характеристиката на лексикографския труд на българите в Украйна от първата четвърт на XX в., трябва да отбележим, че самата писмена речева форма на този език трябва да бъде разглеждана като динамичен процес, насочен към решаването на социални проблеми. Феноменът на българския език в Украйна е съществувал и съществува в дискурса, който едновременно представлява не само резултат, но и причина както на социокултурни, така и на психолингвистични явления. Не винаги обаче социолингвистичният аспект е решаващ в изследванията.

За съжаление, не е постигнато онова, на което е залагал акад. Л. А. Булаховски. Става дума за съвместен труд върху историческата граматика на българския език, който да бъде написан на украински заедно с Д. П. Дринов. Доста усилия са били положени от страна на Дринов за изработването на концепцията за ортографичната реформа на писмената форма на българския език сред диаспората в Украйна. Ако отхвърлим политическите оценки на тази идея, между които основните са сепаратизъм, откъсване на работническата класа и селяните в България от тези в Украйна, можем да кажем, че измежду българските езиковеди Дринов е изпредварил дори днешните филолози – създатели на нормата на съвременния български книжовен език, които в края на XX в. започнаха да говорят за необходимостта от сближаване на писмената му форма с устната във връзка с демократичните процеси в общество и тяхното отразяване в езика.

Едновременно с това трябва да отчетем като принос на Делчо П. Дринов в научната и преподавателската му дейност, от една страна, съдействието му за усвояването на нормите и кода на чуждоезичния (украинския) етнос от обикновените селяни, а от друга, извършения от него къртовски труд върху нормирането на националния език на диаспората, което подкрепя мисълта на О. О. Потебня за позитивната роля на чуждата цивилизация върху развоя на собствената култура.

¹ Грунски, Н. проф., Дринов Д. Український език. Граматика (фонетика, морфологія і синтаксис). Бележки върху украински правопис. Українско-българско речниче. Москва–Харков–Минск: Всеукраинсько отделение на Центриздат, с. 4.

² Камберова, Р. Първият учебник по украински език за българи // Материали Першої, Другої та Третьої наукових конференцій „Драгоманівські студії“. Софія: Міністерство закордонних справ України, Посольство України в Болгарії, Товариство „Мати Україна“, Українська недільна школа, 2008, 179 с.

³ Материали Першої, Другої та Третьої наукових конференцій „Драгоманівські студії“. Софія: Міністерство закордонних справ України, Посольство України в Болгарії, Товариство „Мати Україна“, Українська недільна школа, 2008, с. 81–83.

⁴ Пак там, с. 81.

⁵ Грунски, Н. проф., Дринов Д. Український език. Граматика, с. 5–6.

⁶ Пак там, с. 17–18.

⁷ Пак там, с. 19.

⁸ Секунда, Т. Принципи складання української технічної термінології // Вісник ІУНМ. – 1930.

– Вип. II. – С. 11–12.

⁹ Дринов, Д. Учебник по български език за УП година на обучението. Киев–Харков: Държнацмениздат, 1932, с. 68.

¹⁰ Грінченко, Б. Словаръ украинської мови. Зібрала редакція журнала „Кіевская Старина“. Упорядкував, з додатком власного матеріалу Борис Грінченко. Т. 1–4. У Київі. 1907–1909. (Надруковано з видання 1907–1909 рр. Фотомеханічним способом. Київ: АН УРСР, 1958), с. 3, 123.

¹¹ Грунски, Н. проф., Дринов Д. Український език. Граматика, с. 135.

¹² Колективист (газета), 1933, 15 юли.

¹³ Фуклев, Н. Вредители (Разказ). Харков–Киев: Държавно издателство на национални малцинства в УССР, 1932, с. 25.

¹⁴ Грунски, Н. проф., Дринов Д. Український език. Граматика, с. 4.

¹⁵ Пак там, с. 110.

¹⁶ Пак там, с. 117.

¹⁷ Пак там, с. 133.

¹⁸ Грінченко, Б. Словаръ украинської мови, с. 3, 52.

¹⁹ Грунски, Н. проф., Дринов Д. Український език. Граматика, с. 126.

²⁰ Грінченко, Б. Словаръ украинської мови, с. 2, 309.

²¹ Грунски, Н. проф., Дринов Д. Український език. Граматика, с. 115.

ГРАМАТИЧНИЙ ПОРТРЕТ БОЛГАРСЬКИХ ПЕРЕСЕЛЕНСЬКИХ ГОВОРІВ ТА ЕТНОКУЛЬТУРНІ КОРДОНИ

B. A. Колесник

Колесник, В. А. Граматичний портрет болгарських переселенських говорів та етнокультурні кордони

У статті досліджуються диференційні ознаки болгарських говорів як у містополії, так і в сучасній Україні. З'ясовані чинники, від яких залежить доля переселенської говорки.

Ключові слова: болгарська діалектологія, болгарські переселенські говорки, етнокультурна межа.

Колесник, В. А. Грамматический портрет болгарских переселенческих говоров и этно-культурные границы

В статье исследуются дифференцированные признаки болгарских говоров как в метрополии, так и в современной Украине. Определены факторы, от которых зависит судьба переселенческого говора.

Ключевые слова: болгарская диалектология, болгарские переселенческие говоры, этнокультурная граница.

Kolesnik, V. Grammar portrait of the Bulgarian immigrant and ethno-cultural boundary

The article studies the different signs of Bulgarian dialects in the Archdiocese, as well as in modern Ukraine. The factors that affect the fate of the resettlement agreement.

Keywords: Bulgarian Dialectology, Bulgarian transmigratory dialects, ethno-cultural boundary.

На лінгвістичному рівні вся розмаїтість болгарських діалектів містополії представлена традиційною їхньою класифікацією на східні й західні. Загальноприйнятим є розподіл болгарських говорів на східні та західні за рефлексами *ятя*. Межа, що відокремлює ці дві основні групи болгарських говорів, проходить від гирла ріки Віт через міста Плевен, Луковіт, Пазарджик, Мельник до міста Солунь (Фессалоніки). Ятева межа є лінгвістичним критерієм розподілу говорів, з якою збігаються етнографічні та етнокультурні межі. Так, на захід від ятевої межі поширені пісенне багатоголосся, двоголосий спів, традиційні танці – «четвірне хоро», «четвірка», «малашевське», «мельничке», що танцюють особливим способом – «за пояс», а також більш чоловічий національний костюм, тому жителів цих районів називають «білодрешківці»¹. Хр. Вакарельський, досліджуючи термінологію декоративної техніки і прикрас у болгарських говорах, дійшов висновку, що більш національний слов'янський костюм у Фракії і Дунайській рівнині був витіснений східним малоазійським одягом, що зумовлено контактами із Середземномор'ям. Проникнення чорного одягу доходить до ятевої межі, як і поширення деяких обрядів. Диференціація *схід* – *захід* є характерною не тільки для видів одягу, але й для типів будівництва, церковної архітектури, знарядь землеробства, ремесел й т. ін.².

Це зіставлення не вичерпує своєрідності народної культури в діалектно-етнографічному просторі. На території цих регіонів існують й інші розходження, що дають підстави для наукової класифікації. З погляду діалектології ця класифікація можлива як за рефлексами *ятя*, так і за рефлексами носових голосних, розвитку надкоротких (т. зв. *срових*) голосних та ін.

У ділянці морфології диференціючим є закінчення дієслів теперішнього часу I і II дієвідміни в 1 ос. множини. У північно-східній Болгарії це закінчення *-м* (*четем, говорим*), а в західній – закінчення *-ме*: *четеме, говориме*. Для вихідців із Ямболського округу характерним є, наприклад, особливе співвідношення закінчень дієслів у 1 ос. однини і 3 ос. множини: *ас рабута, рива, кришта, але те рабутът, ривът, криштът* (пор. літ. *аз работя, те работят*).

Досліджуючи звичаєву культуру, етнографи дійшли висновку, що ятова межа є не лінією, а широким поясом, що розмежовує різні мовні та етнографічні явища. Підтвердженням цьому є такі назви на позначення різних явищ болгарської духовної та матеріальної культури:

східний ареал	західний ареал
хомот	ярем
харман	гумно
гусла	дудук
влак	брана
риза	кошуля
заговезни	поклади
таласъм, върколак	плътеник

Діалектологи відзначають такі пари: котка – *мачка*, *крак* – нога, *булка* – *невеста*, *работя* – *бачкам*, *сладък* – *благ* та ін.

Болгарський діалектологічний атлас (БДА та БДАО) засвідчив існування широкої переходної зони ізоглос на різних мовних рівнях між східними і західними говорами. Однак ця зона не збігається з основною ятевою ізоглосою, а охоплює широкий пояс, що включає як східні, так і західні говори. Так, лексичні пари *косъм* – *влакно*, *котка* – *мачка*, *риза* – *кошуля* диференціюють не тільки східні і західні говори, але й східно-фракійські.

На 13 картах БДАО показано, що розподіл східзахід за рефлексіями *ятя* відбувається тільки в позиції під наголосом перед складом з непереднім голосним або твердим приголосним, у лексемах типу *дядо*, *мяко*. Єдиною ізоглосою, що майже збігається з ятевою межею, є фономорфологічна позиція аориста 1 ос. однини (від дієслів I і II дієвідміні), по суті та сама – під наголосом перед твердим приголосним (*живях*). БДАО не підтверджує наявності ятевого ізоглосного пасма, за рефлексами *ятя* в інших позиціях, який би поділяв мовну територію на схід – захід. Рефлекси *ятя* в інших позиціях виявляють розподіл в іншому напрямку. Так, у позиції під наголосом перед складом із м'яким приголосним або шиплячим рефлекс е (*белъ*, *млечен*) є характерним не тільки для західних говорів, але й для деяких східних. В обох позиціях окреслюється широкий південно-східний ареал на південь від лінії Разлог – Пазарджик – Пловдив – Бургас, де переважає широке е або а. Це вимагає корекції в оцінці так званої «другої ятевої межі», про яку говорив Б. Цонев. Після публікації І тому БДА було констатовано, що цієї межі не існує. Однак зараз, після узагальнення свідчень з усього діалектного континууму, знову виникає потреба в корекції цього положення.

Як відомо, переселення болгар на територію Бессарабії здійснювалося переважно з північно-східних і південно-східних болгарських земель. Тобто усі ці говори (крім Тернівки в Приазов'ї) належать до східних. У досліджуваному нами регіоні представлені всі основні типи говорів Східної Болгарії, крім центральних родопських і деяких балканських. Тому в Україні релевантнішими виявляється протиставлення північні – південні болгарські говори. Найбільш відчутно це протиставлення виявляється на фонетичному рівні і насамперед за рефлексами *ятя* – перед складом із м'яким приголосним у північносхідних говорах -e, а в південно-східних -'a (*летен*, *верен*, *гулеми* – у північно-східних говорах, і *лятен*, *врен*, *голями* – у південно-східних). Діагностуючими є також і ступінь редукції ненаголосів приголосних, нестабільність фонеми /x/, наголос у формах наказового способу, частка майбутнього часу та ін. У цілому в північно-східних болгарських говорах діаспори виявлено риси та тенденції, властиві вокалічним мовам, а в південно-східних – консонантним³. На лексичному рівні при розмежуванні північ – південь найхарактернішими є протиставлення *дъщеря* – *щерка*, *стан* – разбой «ткацький верстат», *зеле* – *лахна* «капуста», *гълча* – *хортувам* «розмовляти» та ін.

Спільність південних говорів підтверджують і свідчення БДАО. Поділ північ – південь виявляється насамперед в акцентології – тенденцією південних говорів до переміщення наголосу на перший склад, що підтверджують карти «наголос у іменниках *момче*, *жена*, *мома*» та у формах 2-ї особи однини дієслів наказового способу. Спільність південних говорів виявляється й на інших мовних рівнях. Так, у південному ареалі поширеними є збережені староболгарські форми західного відмінка на -ен – *камен*, *ремен*, *кремен*, *ечмен*, що свідчить про давність межі північ–південь, що неодноразово підтверджували дослідники. Цей розподіл, можливо, відбиває колишню спільність усіх південноболгарських діалектів.

Серед переселенських болгарських говірок України представлена, в основному, північно-східні (мізійські) говори, південнобалканські і підбалканські та східнофракійські

говори. Класифікуючи їх за формою артиклля чоловічого роду, варто виділити серед фракійських, мізійських та серед балканських о-говори і ъ-говори (*мъжо, снего, крако* або *мъжъсъ, снегъ, кракъ*).

Відповідно до класифікації переселенських болгарських говорок, традиційно виділяються такі типи: вільшанські, чушмелійські, чийшійські, фракійські, балканські ъ-говори, балканські о-говори та деякі інші⁴. Говірки чушмелійської і вільшанської групи належать до о-діалекту. Тобто, вільшанська говорка за ознакою членної форми, на відміну від говорок чийшійського типу, об'єднується із шуменським діалектом (чушмелійською говоркою). На думку укладачів АБГ, членна форма не завжди може слугувати класифікаційною ознакою, тому що, наприклад, за іншими важливими конститутивними ознаками вільшанські та шуменські говорки мають істотні розходження. Різні риси пов'язують і ту й іншу групу з південнобалканськими говорами. Сучасні дослідження в галузі діалектології вказують на те, що і чийшійські говорки не були споконвіку північно-східними.

Слід зазначити, що болгарські діалектологи включають балканські говори в групу ъ-діалекту. На членну форму ът, ъ вказує і Ст. Стойков як на спільну характерну рису всіх балканських говорів. Дійсно, для більшості балканських говорів метрополії цей артиклль є характерним. Однак є балканські говори, у яких знаходимо артиклль -о-, і вони належать до балканських говорів о-діалекту. В Україні такими є говорки сіл Задунайвка, Нова Іванівка, Рівне (Купоран), Виноградівка (Бургуджі). Як відзначають укладачі АБГ, жодний із балканських говорів о-діалекту не описаний у роботі М. С. Державіна⁵. На думку укладачів АБГ, балканські говори о-діалекту не становлять стійкої єдності за іншими ознаками, вони «надзвичайно різномірні за своїм складом і не мають якоїсь внутрішньої єдності»⁶. Проте етнографи відзначають, що деякі міфологічні персонажі відомі, наприклад, тільки носіям о-говорів і не зустрічаються в інших говорах. Так, еортонім *Драгайка*, на думку українських дослідників, був поширенний у Північно-Східній Болгарії, причому в болгар – носіїв о-діалекту (жителі сіл Криничне й Вільшанка). В інших вихідців із Північно-Східної Болгарії, носіїв ъ-діалекту, свято називається Йеньовден, як і в болгар-балканців.

Артиклль іменників чоловічого роду -о є характерним і для деяких говорів Південної та Північної Фракії, відомих у лінгвістичній літературі під терміном «загорський клин». Вперше в болгарській діалектології згадку про «загорський клин» у Південній Фракії знаходимо в Л. Мілетича, який виділив цю групу говорів на підставі однієї особливості – наявності артиклля -о-. На його думку, «загорці» переселилися у Північну і Південну Фракію з Північно-Східної Болгарії, балканськими проходами, тоді як Ст. Стойков вважає, що вони переселилися із Шуменської та Провадійської окolії.

З публікацією I тому БДА стало очевидним, що о-говір Південної Болгарії не становить повної єдності. Частина о-говірок належить до говорів західного типу, а інша частина о-говірок – до східноболгарських, загорських. Основні відмінності між двома підтипами о-діалекту зводяться до наявності або відсутності редукції е в и, лабіалізації и, збереження або втрати давніх твердих або м'яких приголосних у кінці слова і закінчень дієслів. Появу о-артиклля в болгарських говорах Л. Мілетич пояснює ймовірно існуючою раніше закономірністю – заміною ъ в о в останніх складах. Не варто забувати і про те, що говорка с. Сухо біля Солуні, описана Облаком у 1898 р., належить також до о-діалектів. Важливість вивчення південнофракійських говорів неодноразово відзначалася славістами. Це обумовлено почасти тим фактом, що, на думку С. Младенова, вони являють собою продовження родопського і солунського говорів, носіями яких, як відомо, були Кирило і Мефодій. Дослідивши південно-східні болгарські говори, Т. Бояджієв дійшов висновку, що спільність південнофракійських говорів із солунськими є не результатом взаємодії, а наслідком «колишньої і теперішньої спільноти всіх південноболгарських діалектів»⁷.

У фракійських говорках Бессарабії, як і в східнофракійських говорках метрополії, знаходимо артиклль іменників чоловічого роду одинини –о-. Послідовно це явище функціонує в говорках сіл Червононам'янка, Бакалово, Кубанка, Свердлово, Тернівка.

Як відзначали укладачі АБГ, у деяких говорках на території Бессараїї на місці артиклля о зафіксовано артиклль -ъ-. Так, у Парканах під впливом чийшійської говорки членна форма о замінена формою ъ. Форма ъ притаманна також благоєвській говорці, яка дуже близька до сусідньої говорки с. Кубанка⁸. У сучасній кайраклійській говорці членна форма

о майже витіснена формою -ъ під впливом сатуновської говірки⁹. У кубейському говорі в ненаголошенні позиції під впливом сливенських говірок вживається артикль -а (кона, къра). Новоіванівська говірка також зазнала відчутних змін на території Бессарабії: «давня членна форма *о* сьогодні зберігається лише в прикметниках»¹⁰. Артикль -о в прикметниках у всіх говорах цієї групи утримується поспільово.

Артикль *о* поступається місцем ъ і в говірках метрополії. Ще в 30-ті рр. ХХ ст. болгарський діалектолог Г. Попіванов зазначав, що в шуменських говірках членна форма -о поступається місцем формі -ъ. Автор пояснює цей процес впливом літературної мови, а також впливом сусідніх говорів ъ-діалекту. На думку укладачів АБГ, основною причиною заміни членної форми і зникнення інших архаїчних рис шуменського діалекту є вплив балканських говорів. Досліджуючи іменну систему чушмелійської говірки, В. К. Журавльов у 1950-ті рр. відзначав, що при першому ознайомленні з говіркою створюється враження про заступлення ъ-артиклем *о*-артиклля: досить часто вживаються форми *лаба*, *сина*, *дадя*, але при докладнішому вивченні цього явища з'ясовується, що форми з артиклем -ъ (-а) вживаються носіями говірки в тих випадках, коли вони розмовляють по-болгарськи з людиною, що недостатньо знає говірку, і з людиною, що не живе в цьому селі, тобто з чужою людиною. У розмові між собою носії говірки ніколи не вживають ъ-артикль, сприймаючи форми з ъ-артиклем як іншодіалектне явище¹¹. Крім того, у чушмелійській говірці ще в 1950-ті роки фіксовано іменники, що взагалі не мають форм з артиклем. В одніні це іменники чоловічого роду на -у, з постійним наголосом: *алау*, *черая*, *ватая*, *шакау*, *засеу*, *кожжуу*, *кракчуу*, *урореу*, *сидеу*, *тезгау*, *чичкуу*. Відсутність членної форми в даних випадках пов'язана з фонетичними особливостями говору – іменники, що закінчуються на -уу, часто втрачають останній звук -у; ямовірно відбувається стягнення – чичку зам. чичкуу.

Уже наведені матеріали свідчать про складну ситуацію зі збереженням чи трансформацією артиклів у переселенських говірках, що вимагає системного дослідження цього явища на значному за обсягом матеріалі.

Важливим чинником, від якого залежить доля структури переселенської говірки, є її оточення, можливість чи неможливість постійних контактів засобами говірки у межах своєї говірки як мікросоціуму та з носіями навколоїшніх говірок. Зазначимо, що за розташуванням стосовно діалектного оточення переселенські болгарські говірки поділяються на два типи: говірки компактного розташування – на півдні Бессарабії, та острівні говірки – у північних районах Одеської області, у Миколаївській та Кіровоградській областях. До говірок першого типу належать говірки сіл, розташованих у Болградському, Измаїльському, Тарутинському, Саратському та Арцизькому районах Одеської області, де села здебільшого монаціональні, а населення зберігає давні, вихідні для етапу переселення, риси діалекту. Це говірки сіл Городнє (Чийшія), Зоря (Камчик), Євгенівка, Криничне (Чушмелія), Кирнички, Рівне (Купоран), Суворово, Червоноармійське (Кубей), Ярове (Гюльмен). До острівних належать говірки смт. Вільшанка (Кіровоградської обл.), с. Тернівки (Миколаївської обл.) та Червонознам'янки (Іванівського району Одеської обл.), які перебувають в ізоляції від основного компактного болгарського діалектного масиву і зазнають інтенсивного впливу інших говірок, з якими контактиують.

Різні соціокультурні обставини функціонування говірок зумовлюють неоднакові напрямки та різну інтенсивність змін їх внутрішньої структури. На сталість/несталість досліджуваних говірок впливають екстраплінгвальні фактори: географічна ізольованість або відкритість, компактна або дисперсна форма розселення, віддаленість або наближення до культурних центрів, однорідність або різномірність етнічного складу поселень, сусідство з більш або менш розвиненою в соціальному плані спільнотою, власна культурна розвинутість або нерозвинутість, невисокий або високий рівень матеріального забезпечення.

Інтеграція з іншими болгарськими говірками – міждіалектна взаємодія та взаємодія з іншими мовами регіону – не спричинила втрати самобутності болгарських переселенських говірок. Підсумовуючи роль історичних та соціокультурних чинників, що сприяли збереженню болгар-переселенців як окремого етносу з актуалізованою етнічною самосвідомістю й історичною пам'яттю, науковці відзначають передусім переважну моноетнічність поселень, наявність зв'язків між болгарськими селами, збереження мови, фольклору, багатьох важливих рис традиційної духовної і матеріальної культури. Провідне

місце серед чинників збереження етнічної цілісності належить, безумовно, мові. Добре збереження вихідного мовного стану засвідчують неодноразово діалектологи та фольклористи. У мові простежується більша стійкість субетнічних елементів.

Досліджуючи матеріальну і духовну культуру болгарської діаспори, етнографи, зокрема, дійшли висновку, що в результаті консолідаційних та інтеграційних процесів у наприкінці XIX ст. на території Бессараїї сформувалась однорідна культура субетнічних груп, яка не ототожнюється з етнографічним розмаїттям населення Болгарії. Але укрупнення етнічних одиниць в історії народів виявляється з більшою визначеністю і силою, ніж конвергентна мовна інтеграція, яка відбувається повільніше. Тому не випадково дослідники переселенських говірок часто констатують факт збереження ними вихідної матірної основи.

У повоєнний час болгарську мову в селах України з болгарським населенням у школах витіснила російська, що позначилось на подальшому розвитку цих говірок. Унаслідок запровадження викладання в школах та інших навчальних закладах російської мови та активізації міжетнічних контактів відбулися зміни на лексичному рівні внаслідок запозичень слів, усталених зворотів; при цьому менш динамічно залишається фонетична та граматична будова говірок.

Тому закономірним є висновок болгарських діалектологів про те, що болгарські переселенські говірки Бессараїї і Молдови не лише добре зберігають свій характер, а й продовжують розвиватися за своїми внутрішніми законами, які в багатьох випадках мають аналогії в розвитку говірок у Болгарії. Відсутність розробок, які фіксували б стан болгарських переселенських говірок 60–90 рр. ХХ ст., не дозволяє, нажаль, простежити їх подальший розвиток.

¹ Вакарелски, Хр. Етнография на България. София: Наука и изкуство, 1977, с. 147.

² Так там, с. 676.

³ Колесник, В. А. К вопросу о статусе фракийских говоров болгарских сел Юга Украины // Слов'янський збірник. Одеса: Астропrint, 1996. – Вип 1. – С. 55.

⁴ Атлас болгарских говоров в СССР. Вступительные статьи. Комментарии к картам (АБГ). Ч. 1. М., 1958, 84 с.

⁵ Там же, с. 3.

⁶ Там же, с. 38.

⁷ Бояджиев, Т. Българските говори в Западна (Беломорска) и Източна (Одринска) Тракия. София: УИ «Св. Климент Охридски», 1991. 276 с.

⁸ Атлас болгарских говоров.., с. 40.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с. 38.

¹¹ Журавлев, В. К. Говор села Криничное (Чешма-Варуита) // Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР. М., 1955. – Вып. 7. – С. 47.

ИЗУЧАВАНЕ НА БЪЛГАРСКИ ЕЗИК В СЕВЕРНОТО ПРИАЗОВИЕ

A. Джельова, В. Н. Пачева

Джельова, А., Пачева, В. Н. Изучаване на български език в Северното Приазовие

В статията се разглежда спецификата на изучаването на българския книжен език от етническите българи в Северното Приазовие в ситуация на езикова диглосия и интерференция. Поставени са основните проблеми при обучението. Посочени са постиженията и перспективите в овладяването на български език в чужда езикова среда.

Ключови думи: диглосия, интерференция, компетентност.

Джельова, А., Пачева, В. Н. Изучение болгарского языка в Северном Приазовье

В статье рассматривается специфика изучения болгарского книжного языка этническими болгарами в Северном Приазовье в ситуации языковой диглосии и интерференции. Поставлены основные проблемы такого обучения. Отмечены достижения и указаны перспективы овладения болгарским языком в иноязычной среде.

Ключевые слова: диглоссия, интерференция, компетентность.

Dzhelyova, A., Pacheva, V. N. The learning of Bulgarian in the Northen Priazovye

The article examines the specifics of learning literary Bulgarian language by ethnic Bulgarians in Northen Priazovye in a situation of language diglossy and interference. The main problems during teaching are discussed. The achievements and perspectives in mastering of Bulgarian language in a foreign language environment are indicated.

Keywords: Diglossy, interference, competence.

Българите от Северното Приазовие са едно от националните малцинства. Те са бежанци от османското иго в българските земи и са пристигнали в Украйна в края на XVIII и началото на XIX в. Обръщаме внимание, че под гореозначения регион разбираме територията, на която се намират всички български села от Северното Приазовие – в Бердянски, Приазовски, Приморски, Акимовски район (Александровка, Андровка, Анновка, Бановка, Богдановка, Ботиево, Великая Терновка, Волчанско, Вячеславка, Гирсовка, Гюневка, Зеленовка, Инзовка, Коларовка, Лозоватка, Луначарское, Мануйловка, Мариновка, Надеждино, Николаевка, Петровка, Преслав, Пороузовка, Радоловка, Райновка, Софиевка, Степановка Вторая, Строгановка, Трояни, Федоровка), градовете Мелитопол, Бердянск, Приморск и селищата от градски тип Акимовка и Приазовско.

От момента на заселването на българите на тази територия са се случили много политически и социално-икономически промени, но съхраняването на родния език остава един от най-важните проблеми в развитието на българския етнос. Историческите обстоятелства правят така, че Северното Приазовие става полиглътни регион, в който руският език се употребява като общ за всички етноси.

За съжаление, липсват достатъчно условия за развитието на българския език в чужда езикова среда, тъй като езикът на преселниците функционира изолирано от книжовния език на метрополията. Същият факт обаче има и друга страна: езикът на диаспората в различните му диалектни прояви е съхранил ценни граматически особености и лексика, които очакват нови изследователи.

Още със самото си заселване в Бесарабия, а след това в Таврия българските преселници започват културно-просветна дейност. Културно-просветното дело в Украйна в диахрония е разгледано от Стилиян Стоянов¹. Синхронното състояние на обучението по български език (1990–2002 г.) е представено от Е. Миланов², И. Симеонов³. За дълги периоди връзката между диалектите на преселниците и развиваща се български книжен език е била прекъсвана. Сега обаче българите в Украйна имат възможност да изучават български език, литература и култура.

В последните двадесет години дейността на българската държава, отнасяща се до етническите българи на територията на Украйна и Молдова, е много по-целенасочена и организирана, отколкото реакцията на държавните институции и организации спрямо но-

воформирани български диаспори в Европа и Северна Америка, резултат на сериозните миграционни процеси в последно време. Значителен напредък е създаването на гражданското сдружение „Асоциация на българските училища в чужбина“ (АБУЧ) и провеждането на кръгли маси (2005, 2006, 2007) и срещи – конференции (2008, 2009, 2010, 2011), организирани от Държавната агенция за българите в чужбина (ДАБЧ) и от Асоциацията на българските училища в чужбина, където се поставят и проблемите за изучаването на български в чуждоезикова среда. Принос за развитието на обучението по български език е и финансираната програма „Роден език и култура зад граница“ на МОН. Разработват се проекти от академични и университетски колективи за преподаване на български език на малцинства в чуждоезикова среда като втори или като трети чужд език. Обстоен анализ на направеното в последните години и на перспективите за българистиката с едно от нейните най-съществени направления – изучаването на български език в мултиетническа среда извън Р България, е направен от Ц. Иванова⁴.

Въпреки усилията от страна на ДАБЧ и на МОН за осигуряването на лектори по български език, литература и култура за университетите и училищата с изучаване на български език извън България, възможността за участие в различни проекти, финансирането (макар и недостатъчно) на закупуването на учебници, речници и други средства, в обучението по български език остават още много нерешени въпроси. Проблемите за разпространяване и изучаване на български книжовен език в историческата диаспора на териториите на Украйна и Молдова са различни от проблемите при изучаването му от малцинствата на територията на България, а също и при изучаването му от децата на българските емигранти, установили се в европейските държави, САЩ и Канада. Но има и прилики. В историческата и новоформираната диаспора българският език се усвоява като втори или като трети език, след езика на съответната държава и още един актуален за нейната система на образование чужд език. Това налага гъвкаво и бързо реагиране, което, за съжаление, е далеч от необходимото.

От страна на МОН се осигуряват лектори по български език, литература и култура. Преподаването на български език в Мелитополския държавен педагогически университет (МДПУ) и в Мелитополското дружество за българска култура (МДБК) „Балкани“ се осъществява с лектори от Република България: 2002–2006 г. – С. Стоянов, 2006–2010 г. – Д. Димитрова, от 2012 г. – А. Джельова. Както е известно обаче, лекционните курсове от българи в Украйна са с непостоянен характер, т.е. заниманията може да прекъснат за една, две и повече години до назначаването на следващия лектор. А процесът на обучение по всеки език в чуждоезикова среда не търпи такива отсрочки.

Освен това обучението по български език е невъзможно за всички етнически българи в южната част на Запорожка област. То е съсредоточено предимно в градовете – Мелитопол, Бердянск, Запорожие, Приморск. Участниците в процеса на обучение имат различни цели и мотиви и обучението трябва да е диференцирано. В Мелитопол в групите, изучаващи български език с лектор, мотивационното равнище е по-високо от средното – 79–89% и дори 90–100%. Това може да се обясни преди всичко с желанието за приобщаване към българската култура посредством езика, посещаване на прародината (всички групи възрастни) и дори получаване на висше образование в България (абитуриенти). Най-високото равнище е характерно за групите аббитуриенти, които имат точно определена цел – постъпване във висши учебни заведения в България.

Обучението по български език, което се осъществява в Мелитополския държавен педагогически университет в групите студенти и в групите преподаватели и сътрудници на университета (основно – етнически българи и около 3–5% – просто желаещи да изучават български език), има факултатива форма. Образователна дейност се провежда също и в дружеството за културно-просветна дейност „Балкани“ в групи, сформирани по възрастов принцип – деца – 12 години, ученици 13–16 години (повечето – участници в ансамбъла) и възрастни (активисти на дружеството). Методиката на преподаване, която е ефективна за студентите и сътрудниците на университета, обикновено е неприемлива в различните групи деца и възрастни (50–70 г.), където предлаганият за изучаване материал не се усвоява, ако не се използват методи на обучение, отчитащи възрастовите особености, и ако не се прилага индивидуалният подход. За да бъде ефективен индивидуалният подход, преподавателят трябва да подгответ за всяко занятие цял комплекс от тренировъчни упражнения с различно равнище на сложност. От значение са и уменията му да обясни материала, съ-

бразно началното равнище на владеене на езика и мотивацията на обучавания, което изиска не само индивидуален подход, но и осведоменост за езиковата ситуация в региона.

В останалите селища с етнически българи българският език също се изучава факултативно в училищата, а разпределението на часовете е по остатъчен принцип, което води до ограничаване на хорариума. Например в Украинско-българския регионален многопрофилен лицей в гр. Приморск до 2009 г. седмичният хорариум за български език и литература е бил: 8. кл. – 4 часа български език, 9. кл. – 2 часа бълг. език, 10. кл. – 2 часа бълг. език и 1 час литература, 11. кл. – 4 часа литература. Сега часовете са намалени: 8. кл. – 3 часа бълг. ез., 9. кл. – 2 часа бълг. език, 10. кл. – 2 часа литература, 11. кл. – 2 часа литература. Подобен е нормативът и в училищата в Приморски район в селата Петровка, Манойловка и Инзовка – 1–2 часа седмично, което в мултиезикова среда е крайно недостатъчно за овладяването на книжовноезиковата норма на съвременния български език. Опит за компенсация е дейността на съботно-неделните училища. В това отношение усрдно се работи в с. Преслав и Коларовка. Трудно обаче е осигуряването на преподаватели, които трябва да постъпват до посочените места.

И тук се появява следващият проблем – създаването на достатъчен брой кадри с филологическо образование, които да провеждат обучението. За съжаление, от приетите годишно около 100 кандидат-студенти по Постановление № 103 на МС от 31.05.1993 г. много рядко, почти по изключение, някой се ориентира към филологическа специалност с български език. Една част от тях няма да се завърнат по родните си места след приключване на образоването в България, а други няма да останат и в България.

Въпросът с осигуряването на приемственост е сериозен и заради още един факт – невъзможността университетите в Украйна, в които се учи български, да подготвят необходимите кадри по следните причини: броят на преподавателите специалисти по български език и литература в университетите е крайно недостатъчен и трудно покрива норматива за часове по различните българистични дисциплини. Често се налага преподаването да се осъществява на руски или на украински език. В този случай студентите придобиват необходимата георетико-методическа компетентност, но познанията им за книжовноезиковата норма и възможността да използват български език не отговарят на изискванията.

Към посочените проблеми можем да добавим и още няколко. Организираните и провеждани летни езикови курсове в България са полезни за повишаване на равнището на българския, за запознаване с културата и историята на България, за придобиване на реална представа за съвременното състояние на страната. Те обаче са за ограничен брой кандидати. Организират се и летни практики за студенти, изучаващи български език. Посещаването на курсовете и практиките се затруднява от проблеми, свързани с подготовката на необходимите документи, за което трябва както много време, така и средства.

Една от възможностите за преодоляване на част от посочените проблеми е самообучението. То може да допълва различните курсове и часовете по български език, недостатъчни по време и интензивност. За целта обаче е необходимо създаването на нови учебни помагала, и то от хора, които познават езика на българите в Украйна и проблемите на социолингвистиката. Създадените в последните години нови учебници и работни тетрадки за различни възрастови групи са съобразени с Общата европейска езикова рамка и са подходящи като начало за ученици и студенти, които не знаят български и за които той е втори или трети в езиковото обучение. Трябва обаче да се има предвид, че обучението в Северното Приазовие засяга младежи билингви, и то с билингвизъм (най-често руски и украински) при сродни езици. Изучаването на български език в ситуация на диглосия и на езикова интерференция при сродни езици (български, руски, украински) е различно от изучаването на български от чужденци или от малцинства в еднородна езикова среда (в България). Методиката на обучение трябва да бъде съобразена с тези особености, за да се развие би- или трилингвизъм, включващ и български. Необходимо е освен традиционната лексика, присъстваща в учебниците по български език като чужд, да се подбере и допълнителна лексика, чрез която да се създава езикова и културна компетентност посредством сравнителен и контрастивен подход. Поради езиковата специфика на разглеждания район съществува риск нивото на знание на българския език да не се повиши заради употребата на сродни езици. Изискват се усилия в посока на задълбочаване на познанията за думи и граматически категории, които са различни в сродните езици и създават неяснота или двусмисленост при смесването им.

Предвид факта, че 50% от децата в Запорожка област са от смесени бракове и при надлежат едновременно на две културни системи, трябва да се използват всички възможности на родноезиковото обучение за създаване на хармонично единство между близките, но и различаващи се култури на базата на едновременно изграждане на системно-езикови, речеви и емоционални и социални компетенции⁵. Най-подходяща за формиране на емоционална компетентност у учениците в мултикультурна среда чрез обучението по български език и литература е основната образователна степен. Това е изключително важна за мултиетнически райони, в които от първостепенно значение е разбирането на културната идентичност, зачитането на другостта, проявите на толерантност, формирането на съпричастност⁶. Езиковото обучение, развиващо емоционална и социална компетентност, може да помогне за преодоляването на актуалните в съвремието афективни прояви на учениците, в резултат на усложнените социално-икономически и политически проблеми.

Като вариант на самообучението за учениците от по-горните класове е полезно и смесеното обучение. При това обучение традиционното преподаване може да бъде допълнено с електронно обучение – особено при по-големи ученици, кандидат-студенти и работещи. Смесеното обучение е модел, който най-добре може да удовлетвори различните потребности чрез разширяване и задълбочаване на основните системноезикови и речеви компетенции, придобити в традиционния курс за първоначално усвояване на български език. Подобна стратегия ще помогне на обучаваните да преценят собственото си равнище на владеене на български според Общата европейска езикова рамка с нейните 6 степени: A1, A2, B1, B2, C1, C2, за да работят последователно и целенасочено по овладяването на следващите равнища, съобразно потребностите си. Една от основните цели на обучението по български е *коммуникативната*, с оглед на pragматичната ориентация на обучаваните, което значи създаване на умение за общуване в ежедневния живот (първо елементарно ниво – A1) и умение за участие в разговори по ежедневни теми, размяна на несложна устна и писмена информация, изразяване на мнения (второ/трето ниво A2/B1)⁷.

Категорията компетентност е динамична и най-общо се представя като съвкупност от знания, умения, способности и поведение, които се формират и прилагат, за да се постигат желаните резултати. Тя се създава и усъвършенства. Компетентността днес се приема като система от различни видове – езикова, социолингвистична, дискурсна, стратегийна, социокултурна, социална и пр.⁸ Основа на общата компетентност е езиковата компетентност с двете основни функции на езика – коммуникативна и когнитивна. Ако в ранна възраст за изграждането на компетентност при етническите българи в мултиезикова среда е достатъчно изучаването на български език и литература, за по-късната и зрялата възраст е необходима много по-голяма лична активност. Целенасочената работа в тази посока не само може да компенсира различни дефицити, но и да усъвършенства личността.

В този смисъл трябва да се работи за активизиране на потенциала на изучаващите български език чрез включването им в различни обществени инициативи. Лекторите по български език, изпратени от МОН, и местните преподаватели трябва не само да осигурят участие в организираните от Българското посолство в Киев или от Министерство на образованието и науката на Украйна конкурси и олимпиади за ученици и студенти, а да популяризират актуалните в страната културно-исторически събития, към които да се приобщат и етническите българи от Северното Приазовие. Особено полезно в това отношение е представянето на постиженията на съвременната българистиката. Тук ще споделим опита си за съвместна научноприложна дейност по повод 250 години от създаване на „История Славянобългарска“ на Паисий Хилендарски – събитие, отбелзано в календара за чествания през 2012 г. на ЮНЕСКО (по решение на XXXVI сесия на Генералната конференция на ЮНЕСКО, състояла се в края на 2011 г. в Париж). Разгърналата се в България научно-културна дейност, мотивирана от Паисиевата фраза: „*O неразумни и юроде! Защо срамуваш да се наречеш българин и не четеш, и не говориш на своя език?*“⁹, беше представена и пред етническите българи в областта. Като съвместна инициатива между Пловдивския университет и Центъра по българистика при МДПУ беше презентирана работата по проект на тема „*От идеята за историята към националното, космополитното и глобалното: преписите и преправките на „История славянобългарска“ на Паисий Хилендарски и културноидентификационните модели на XVIII–XXI в.*“ (Проект № НИ13 ФЛФ014/20.03.2013 от 23.04.2013 на Фонд „НИ“ на Пловдивски университет „Паисий

Хилендарски“). В МДПУ „Б. Хмелинцики“ и в Института по филология и социални комуникации в Бердянския държавен педагогически университет бяха изнесени публични лекции от А. Джельова и М. Пачева: „Паисий Хилендарский и его „История Славяно-болгарска“ в Болгарии и в Украине. Списки, переработки, исследования“ (05.11.2013 в МДПУ) и „Історія слов'яноболгарська“ у Болгарії та за її межами. Списки. Опрацювання. Дослідження (06.11.2013, БДПУ). Подобни прояви съответстват на новите тенденции за обучението по български език, които целят превръщането на езиковото обучение в обучение по култура¹⁰ и създаването на модел за запазване на идентичността при интензивен междукултурен обмен.

В този смисъл изключително значение има дейността за възстановяване на прекъснатите връзки на българските преселници от Северното Приазовие с българите от територията на страната. Главен посредник в интеркултурните контакти са етническите българи, създатели и сътрудници в обединения от типа на центровете по българистика. Те са хора, утвърдени в научната или социалната сфера, които имат възможност за целенасочена дейност. Университетските центрове по българистика (ЦБ) в украинските университети разширяват дейността си извън научната и преподавателската работа в няколко посоки: 1) Осъществява се интензивно сътрудничество между българистичните центрове – ЦБ в Киевския национален университет „Тарас Шевченко“, ЦБ „Марин Дринов“ в Харковския национален университет „В. И. Каразин“ и ЦБ в Мелитополския държавен педагогически университет „Богдан Хмелинцики“; 2) Посочените българистични центрове работят заедно с всички университети и институти за изучаване на българския език: с Одеския национален университет „И. И. Мечников“, с Лвовския национален университет „Іван Франко“, с Бердянския държавен педагогически университет, с Киевския славистичен университет, а също и с действащите училища и лицеи; 3) Привличат се преподаватели, студенти и граждани, които едновременно с изучаването на български език са ангажирани и с други дейности за разпространяването на българския език и култура. Работи се „на терен“ едновременно в България и в Северното Приазовие, като се обхващат различни групи.

Центрът по българистика в МДПУ организира научни сесии и конференции и провежда на всеки две години Приазовски българистичен семинар (I, II, III, IV – 2012), чито материали се издават в поредицата „Българите от Северното Приазовие“. Сред основните насоки в дейността на Центъра е разширяването на извънуниверситетската дейност. Между Центъра по българистика (ЦБ) към МДПУ „Богдан Хмелинцики“, МДБК „Балкани“ в Мелитопол и община Сливен, откъдето са част от преселниците в Северното Приазовие, е установено трайно и ползотворно сътрудничество. Провеждат се най-различни мероприятия както в България, така и в Украина. Изключителен принос има председателят на Центъра по българистика Сергей Пачев, както и сътрудниците Валентина Пачева, Мария Пачева, Арина Митева. През лятото на 2012 г. членовете на ръководствата на ЦБ към МДПУ и МДБК „Балкани“ Наталия Краско и Людмила Козар посетиха жителите на с. Гаврилово (Дермендере) и с. Трапоклово (Трапокло), пред които представиха историята, етнологията и съвременна поезия на таврийските българи. Есента на същата година в Запорожка област гостува делегация от Община Сливен и фолклорен ансамбъл от с. Тополчане, които взеха участие в научнопрактическата конференция, организирана от ЦБ към МДПУ, на тема: „Мелитополь – Сливен: теоретические и практические аспекты международного партнерства“ (14–17.09.2012). Фолклорният ансамбъл изнесе концерти по повод честването на 150 години от преселването на българите от Бесарабия в Таврия, в с. Трояни, гр. Бердянск и гр. Мелитопол. Така етническите българи в Запорожка област имат възможност да сравняват своя език, обичаи и култура с тези на селищата от страната, от която произхождат.

На 07.08.2012 г. бе учреден Обществен съвет за сътрудничество с Бесарабско-Таврийската диаспора (ОССБТД) с център Сливен с участието на зам.-председателя на ЦБ към МДПУ и преподавател в МДПУ Наталия Краско. След подписването на Договор за сътрудничество между МДПУ и РИМ – Сливен се проведе международна археологическа и етнографска практика за студенти-историци от МДПУ в РИМ – Сливен и в региона. Студентите изучават предварително български език към Центъра по българистика.

Културният обмен е изключително интензивен и не е възможно изброяването на всички инициативи. Но не може да не отбележим някои от тях. На 17.06.2013 г. пред обществеността на Сливен бе направена официална театрализирана презентация на стихосбирката „Самодива“ на таврийската българска поетеса Людмила Козар – член на ЦБ към МДПУ.

На 1–03.11.2013 г. членове ОССБТД Сливен И. Иванов, Н. Краско, Н. Топалова взеха участие в работата на Втория велик събор на българите по света в град Варна, България, в пленарни заседания и по секции, където бяха обсъдени много въпроси, в това число и въпросът за изучаването на българския език и култура зад граница.

В обучението по съвременен български книжовен език в Северното Приазовие се съчетават традиционните със съвременните методи и експерименти. Езиковата ситуация в Северното Приазовие предполага решаване на сложен комплекс от задачи. За целта е необходима адаптивна методика, защото българският език трябва да се изучава едновременно и като роден, и като чужд, с прилагане на диференциран и интегративен подход, което е необходимо за съхраняването на националното самосъзнание на българския етнос в Северното Приазовие.

¹ Стоянов, С. Просветното дело сред българските общности в Украйна. – URL: http://litrnet.bg/publish11/stilian_stoianov/prosvetnoto.htm (дата обращения: 19.02.2014).

² Миланов, Е. Просветното дело сред българските общности зад граница в периода 1990–2002. – URL: <http://falmis.org/virtualna-biblioteka/prosvetnoto-delo-sled-bulgarskite-obshtnosti-zad-granica> (дата обращения: 10.02.2014).

³ Симеонов, И. Изучаването на български език и литература в Одеска област на Украйна. – URL: <http://litrnet.bg/publish8/isimeonov/ukraina.htm> (дата обращения: 09.02.2014).

⁴ Иванова, Ц. Българският език в европейското университетско образование – статус, проблеми, перспективи. – URL: http://litrnet.bg/publish_10/civanova/bylgarskiat.htm (дата обращения: 16.02.2014).

⁵ Иванова, Ц. Българите в чужбина, българският език, българската културна идентичност и българската държава. – URL: <http://president.bg/docs/1352300257.pdf> (дата обращения: 15.02.2014).

⁶ Николова, Д. С. Родноезиковото обучение като средство за съхраняване на националната идентичност и формиране на независима творческа личност // Матеріали міжнародної наукової конференції „IV Приазовський болгаристичний семінар“. Серія „Болгари Північного Приазов’я: історія, мова та культура“. Книга 4. 2012, с. 82.

⁷ Врина-Николов, М. Изграждането на многоезична и многокултурна обединена Европа: предизвикателство за преподаването на по-малко разпространени езици. – URL: http://litemet.bg/publish_1/mvrinat/izgrazhdaneto.htm (дата обращения: 17.02.2014).

⁸ Нешкова, Р. Формиране на емоционална компетентност у учениците в мултикултурна среда чрез обучението по български език и литература в началния етап на основната образователна степен: автореф. на дис. ... доктор по педаг. науки. София, 2012, с. 7, 8. – URL: https://www.uni-sofia.bg/.../RNeshkova_avtoreferat.pdf (дата обращения: 10.02.2014).

⁹ История славеноболгарская, собрана и наредждана Паисием иеромонахом... Стъкли за печат по първообраз Йорд. Иванов, София, 1914. – URL: http://www.pravoslavieto.com/books/history_paisiji/ (дата обращения: 2.02.2014)

¹⁰ Петров, А. Обучението по български език – обучение по култура (Опит за футурологичен анализ). – URL: <http://litrnet.bg/publish/apetrov/kultura.htm> (дата обращения: 08.02.2014).

ІСТОРІЯ СЛАВІСТИКИ ТА БАЛКАНІСТИКИ

УДК 811.16'0 : 929 Шафарик

П. Й. ШАФАРИК И ДЕБАТЪТ НА ПЪРВИТЕ СЛАВИСТИ ЗА РОДИНАТА НА ДРЕВНОСЛАВЯНСКИЯ КНИЖОВЕН ЕЗИК (1819–1833 г.)

T. Готовска-Хенце

Готовска-Хенце, Т. П. Й. Шафарик и дебатът на първите слависти за родината на древнославянския книжовен език (1819–1833 г.)

Статията представя формирането на позициите на Павел Йозеф Шафарик по въпроса за родината на древнославянския език, неговото категорично отхвърляне на „панонската“ теория и ранното му убеждение, че първият славянски литературен език използва старобългарски диалект, на който се говори в околностите на Солун. Това убеждение не се базира на непосредствени теренни изследвания, а се оформя под влияние на контакти с преминаващи през Нови Сад български търговци.

Ключови думи: история на славистиката, П. Й. Шафарик, „панонската“ теория.

Готовска-Хенце, Т. П. Й. Шафарик и дискусия первых славистов о родине древнеславянского литературного языка (1819–1833 гг.)

В статье анализируется формирование позиций Павела Йозефа Шафарика по вопросу о родине древнеславянского языка, категорическое отклонение им “паннонской” теории и его раннее убеждение, что первый славянский литературный язык использует староболгарский диалект, на котором говорят в окрестностях Солуни. Это убеждение не базируется на непосредственных полевых исследованиях, а формируется под влиянием его контактов с болгарскими торговцами, проезжавшими через Нови Сад.

Ключевые слова: история славистики, П. Й. Шафарик, “паннонская” теория.

Gotovska-Henze, T. P. J. Shafarik and the First Slavists Debate over the Homeland and of the Ancient Slavic Literary Language (1819-1833)

The Article of presents the formation of P. J. Shafarik's opinion on the issue of the ancient Slav languages homeland, his firm opposition to the "Pannonian" theory and his early conviction that the first Slav literary language used an ancient Bulgarian dialect, spoken in the surroundings of Thessaloniki – a conviction, which was not based on direct research, but arised from his contacts with some Bulgarian traders, passing by Neusatz.

Keywords: history of Slavic, P. J. Shafarik, "Pannonian" theory.

Сред главните въпроси, които вълнуват изследователите от първото поколение в зората на славистиката, е този за родината на старославянския език. Още от началото на XIX в. учените търсят „корена“ на славянските езици, т.е. древния им първоизточник. Вниманието им привличат паметниците на единствено съхранения книжовен език – езика на славянските просветители св. св. Кирил и Методий. И тъй като глаголически паметници се появяват на различни места – на територията на древна Великоморавия, в хърватските, българските и руските земи – естествено възниква и въпросът: кой вариант е най-древен, т.е. кое наречие са използвали двамата братя като основа за разработването на глаголицата и на книжовния език? Въз основа на отговора на този въпрос се формират първите научни школи.

Този въпрос вълнува и Шафарик през целия му съзнателен живот. Настоящата статия е посветена на ранния период в развитието на слависта, т.е. на периода, когато той пребивава в Нови Сад (1819–1833) като учител в новооткритата православна гимназия. Тези 14 години са изключително важни за формирането му като славист. Тогава се формира и концепцията му за родината на древнославянския език. Основен източник за схващанията му от това време е кореспонденцията му с известните слависти, в които се дискутира този въввпрос. За нашето изложение сме използвали писмата на учения с Йерней Копитар, Ян Колар, Франтишек Палацки и Пьотр Къпен.

Първите теории

Както вече посочихме, въпросът за произхода на старославянския език е разискван още в трудовете на първите слависти. Той привлича вниманието на изследователите и до

ден днешен – неслучайно кирилометодиевистиката продължава да се развива като самостоятелна хуманитарна дисциплина. Нашият научен обект обаче не е самият старобългарски книжовен език, неговите особености и характеристики – предмет на изследване на лингвисти, теолози, културолози и специалисти по история на литературата, т.е. на „кирилометодиевисти“. Като историци, нашата задача ще бъде да очертаем какво място заема тогавашният дебат за родината на езика на св. св. Кирил и Методий в научната концепция на ранния Шафарик. За да отговорим на този изследователски въпрос, нека накратко представим главните мнения по въпроса.

Един от първите изследователи, разработвали този проблем, е Йозеф Добровски, католически абат от чешки произход, родоначалник на славянската филология. През 1822 г. той издава на латински „Основи на славянския език по стар диалект“ – по същество първата научна граматика на старобългарския език. Трябва да отбележим обаче, че разглеждайки въпроса за този древен език, йезуитът не се интересува от връзката му със съвременността. Авторът изучава преди всичко особеностите на църковнославянския език¹. Що се отнася до съвременните говори, под влияние на немската школа в ранните си трудове Добровски счита, че българският и сръбският са въщност едно и също или по-точно диалекти на общия илирийски език, който според него се подразделял на българско, босненско, сръбско, славонско и далматинско наречие². Въобще до 1814 г. думата „българин“ и „българско“ не се среща в неговите произведения³. За първи път те се появяват на страниците на неговото списание „Слованка“ (1814–1815), но и тук този език не се квалифицира като самостоятелен.

Що се отнася до разграничаването на българския като отделен език („наречие“), представите на Добровски еволюират под влияние на изследванията на по-запознати с обекта учени. Както е известно, благодарение на Вук Караджич на европейската научна аудитория е представен българският език като обособено „славянско наречие“⁴. Добровски познава трудовете на сръбския книжовник и будител, освен това благодарение на сънародника му Франтишек Л. Челаковски песните на вуковия „Додатък“ се появяват и на чешки⁵.

Главното внимание на този голям учен е насочено към изследването на езика, мисията и делото на първите славянски просветители. След граматиката на църковнославянския език през следващата 1823 г. Добровски издава, този път на немски, съчинението си „Кирил и Методий, апостоли на славянството“. Както се вижда от едно негово писмо от 4 април 1824 г. до Якоб Гrim, подробно анализирано от българския славист Стоян Романски, по това време големият учен изразява убеденост, че изворите и доказателствата за езика на старославянската книжнина трябва да се дирят в околностите на Солун. През 1823 г. Добровски вече говори за кирилометодиевия език като за смесено „сръбско-българско-македонско наречие“⁶.

Двата основополагащи труда – „Кирил и Методий, апостоли на славянството“ и „Основи на старославянския език“, са преведени скоро след издаването им и на руски – съответно през 1825 и 1833–1834 г. Това е от голямо значение за самите българи, тъй като именно тези преводи проникват в нашите земи. Неговите трудове в руски вариант използват и Неофит Рилски (1835) и Иван Момчилов при съставянето на своите черковнославянска и старобългарска граматика (1858)⁷. Неслучайно през първата половина на XIX столетие Добровски е най-познатият и влиятелен славист у нас⁸.

Благодарение на основоположника на славянската филология, старославянският/старобългарският книжовен език е включен като основен дял в сравнителното индоевропейски езикознание и служи като основа за изучаване на историческата граматика, историята, етимологията и диалектологията на всички славянски езици⁹. Основополагащи са заслугите на Добровски и за развитието на съвременната бохемистика. Неговите трудове – „История на чешкия език и литература“, „Подробно ръководство на чешкия език“ и съставения съвременен „Немско-чешки речник“, допринасят за възстановяване на правилните форми на този позабравен език.

Със своите изследвания на особеностите на старославянския/старобългарския език и на делото на солунските братя, Добровски задава дневния ред за работата на учениците слависти за поколения напред. Въпросите за езика на първите богослужебни книги и за неговото първоначално местонахождение, за дейността на св. св. Кирил и Методий и техните ученици в Моравия, за второто огнище на славянска просвета (ако се приеме Великоморавия за първо) и т.н. остават задълго в центъра на международната славистична дискусия.

Те именно поставят началото на една хуманитарна дисциплина – кирилометодистиката, която процъфтява и до днес и в която българските изследователи заемат почетно място.

Шафарик се захваща да изучава произведенията на именития изследовател още по време на студентските си години в Йена¹⁰. Той изпитва голямо уважение към родоначалника на славянската филология и по много въпроси се влияе от мнението на ерудита, включително и по въпроса за езика на двамата славянски просветители. От този период датират и личните контакти между двамата. Йозеф Добровски помолил Шафарик да направи малка справка за наличието на чешки ръкописи в университетската библиотека и няколко месеца по-късно студентът уведомил корифея за намирането на два неизвестни стари ръкописа¹¹.

През студентските си години начинаещият славист се интересува и от постиженията на виенската славистична школа. Нейният главен представител **Бартоломей (Йерней) Копитар** заема длъжността придворен библиотекар и официален цензор на славянските и новогръцките книги в кралската библиотека. През 1808 г. в Любляна се появява основополагащият му труд „Граматика на славянския език в Крайна, Каринтия и Щрия“. И през следващите години този изявлен филолог се отдава на изследвания върху сравнителната граматика на славянските езици, като същевременно има голям опит както с глаголицата, така и с кирилицата и познава много произведения на старославянската книжнина и на нейния разцвет през IX в. Словенецът добре познава южнославянските народи, той изследва дори езиковата граница между сърби и българи¹². Този високообразован и дълбоко свързан с католицизма хабсбургски славянин обаче търси родината на кирилометодиевия език в Каринтия, т.е. дн. Словения. Той е убеден, че предците му и тяхното наречие са послужили за основа на първата славянска писменост и отрича дори връзката между покръстването на българите и дейността на славянските просветители. Според някои автори именно тази „известна доза локален патриотизъм“ пречи на католика, който предпочита да „види“ християнизиацията на славяните при родните си словенци, отколкото у православните българи¹³. Както е известно, разработената от Копитар „каринцко-панонска“ теория приема старословенския език за първия славянски книжовен език. Върху „панонската“ теория за езика на Кирил и Методий се гради цялата виенска славистична школа¹⁴.

Същевременно Копитар става родоначалник и на по-широко културно течение. „Австрославизъмът“ цели превръщането на хабсбургската столица в главен не само славистичен, но и културно-политически център за славянството. По въпроса в каква степен движението е културно и в каква – политическо и до днес съществуват различни мнения. Според по-крайните придворният библиотекар не само „размишлявал“ за обвързването на славистиката с политическата линия на Хабсбургската монархия по отношение на южните славяни, но в неговата „стратегическа“ научна позиция (особено след 1815 г.) ясно се долавяла политическата тенденция за ограничаване на културното влияние на Русия сред южните славяни¹⁵.

С други думи – не само „локален патриотизъм“, но и заиграване с картите на „Великите сили“. Темата излиза извън рамките на настоящото кратко изследване. Достатъчно е да отбележим, че неговите контакти с българската колония във Виена едва ли могат да се нарекат оживени, за разлика от връзките му с представители на други славянски народи. Факт остава също така, че в сравнение с трудовете на Добровски лингвистичните произведения на Копитар намират много по-слаб прием в нашите земи. Неговата сравнителна граматика е позната преди всичко на тесен кръг от просветителите ни (К. Фотинов, В. Априлов, А. Кипиловски, Г. С. Раковски, Н. Рилски, Л. Каравелов), т.е. на тези дейци, които се занимават с филологически или със славистични въпроси¹⁶.

Младият Шафарик се интересува от трудовете на Копитар. През 1818 г. във Виена той се запознава и лично с именития славист и започва кореспонденция с него¹⁷. Когато през 1819 г. йенският абсолвент решава да заеме мястото на директор и учител в новооткритата православна сръбска гимназия в Нови Сад, това става и с одобрението на виенския корифей¹⁸. Двамата поддържат кореспонденция и особено в нейното начало новосадският учител се отнася с голямо уважение към виенския славист.

Новосадските занимания на Шафарик – подготовка за дебата

Нека сега накратко проследим славистичните занимания на Шафарик в Нови Сад, като подготовка за включването му в дебата за родината на древнославянския език. Въпреки че още по време на следването си в престиженния Йенски университет той започва да

събира етнографски и фолклорни материали за отделните славянски народи, първите съзнателни и систематични опити в това направление са именно от новосадския му период¹⁹. Неговата въстъпителната реч, произнесена в гимназията на 26 октомври 1819 г., прави ясна заявка за намеренията в тази насока на новопостилия учител²⁰. В началото на престоя си той храни надеждата, че в програмата на училището ще бъде включен и местният славянски език, но разгорещените правописни спорове сред сърбите от това време направили това невъзможно²¹.

Изследователите документират, че със сигурност от 1823 г. нататък начинаещият учен съзнателно и систематично събира материали за славянската литературна история²². Той ги издири в манастирите на недалечната Фрушка Хора – през 1826 г. прекарва известно време в Ковинье, 1827–1829 г. разучава запазеното в Беочин, после посещава Раванци, Бешеново, Шишатовац, Врдник, Крушедол и Ремета. Някои от намерените материали между 1829 и 1831 г. Копитар публикува на страниците на виенското научно списание “Jahrbücher der Literatur”²³.

Друго ценно документално хранилище за старославянска литература е патриаршеската библиотека в Сремски Карловци, която пази и стари руски книги. Това близко до Нови Сад селище от другата страна на Дунава е също интересен обект за младия изследовател, а архимандрит Стефан Стратимирович – човек не само духовен, но и изключително начтен за времето си, настърчава научните занимания на младия словак и често му заема книги от личната си библиотека. В Сремски Карловци се съхраняват и много ръкописи на кирилица.

Наред с това любознателният учител събира и разнородни **филологически, фолклорни и исторически данини**. Благодарение на неговата дейност на бял свят са извадени ценни сръбски писмени паметници от XV в. Така познанията на начинаещия славист върху старото славянско писмо нарастват, а с това и самочувствието му²⁴. Плод на дългогодишните му занимания със старосръбския език е и неговото специализирано изследване²⁵.

Обсегът на проучванията с годините се разширява, а свободното време на учителя е малко. Затова той трябва да търси помощници за делото си. Малко изтъкван в литературата факт е, че в работата му той е подпомогнат от високообразованата за времето си съпруга Юлия, която си служи свободно с три славянски езици – чешки, руски и сръбски, и му помога и в литературните занимания²⁶. Неговият ентузиазъм привлича нови и нови сътрудници – както сам споделя, той успял „да разтопи ледовете в сърцата на тукашното висше католическо духовенство“ и то наредило в Славония и Хърватско да се събират и приписват всички намерени стари документи²⁷. Подобни „кореспонденти“ имал и в Далмация. По този начин новосадският учител разширява познанията си и се оформя като познавач на старото славянско писмо в двете му разновидности – глаголица и кирилица.

Шафарик използва всяка възможност за пътуване, за пряко изучаване на съвременните южнославянски диалекти и културата на тези сродни народи. Тези занимания не са самоцелни. Изучаването на различните диалекти, подчертава той, позволява да се обоснове тяхната старина и да се определи по-точно взаимната им връзка, като същевременно събирането на техните най-стари езикови паметници представя по-пълно историята на литературата им²⁸. За да стане това възможно, е необходимо най-широко изследване и събиране на езиков и писмен материал и през 1826 г. той споделя в писмо до Копитар, че има сериозни планове да пропътува земите „поне до Хемус“²⁹. Голямото пътуване за цялостното опознаване на Балканите обаче не се осъществява. От хърватските земи той посещава единствено Славония, но не стига до Загреб и Далмация. За всичките 14 години, когато е в Нови Сад, той успява да посети Белград еднократно, и то само за един ден. Османската империя, в това число и българските земи, си остават все още „тъмна Индия“ за прекия наблюдател. Нещо повече – географските карти на региона, които успява да намери, го докарват до отчаяние: с изключение на пътя за Цариград, всичко останало – имена на селища, реки и планини, са или измислени и несъществуват, или пък са отразени неправилно³⁰.

Ето защо младият изследовател е принуден сам да се захване с **историческата география** на региона. Той старательно изучава сведенията на византийските автори и прави извадки за средновековни топоними, събира антични и средновековни наименования на селища, с оглед изработването на по-точна карта за собствени нужди³¹. В средата на юни 1827 г. картата на Сърбия и балканската част на Турция в основни линии е завършена. Тя включва само проверени локации в Тракия и Илирия. Топографският материал е систематизиран в девет

страници, при все това, както сам споделя в писмо до Копитар, още голяма част от местата си остават неизвестни или дискусионни³².

Картата действително остава само за лично ползване. Издаването ѝ е осуетено отчасти поради очното заболяване на Шафарик, както и поради факта, че в резултат на войната от 1828–1829 г. руската топография на Балканите напреднала и направила това начинание излишно³³. Богатите материали за Сърбия, Босна, част от Македония и България с античните, средновековните и съвременните имена остават в личния архив на учения³⁴. Събрачната информация е особено впечатляваща, като се има предвид неговата изолираност от външния свят. Нови книги той получава преди всичко от Пеша и Виена, но доставките са нередовни. Както сам споделя, писмовната връзка с Бохемия е „никаква“, а с Русия писмата се бавили с месеци или въобще не пристигали, защото се загубвали по пътя³⁵. Непознаването на постиженията на руската славистична наука се оказва главен недостатък на ранното шафариково славистично творчество.

Все пак в първите години на новосадския престой се осъществява една важна за него първа среща с руската школа: през 1822 г.: като част от тригодишната си европейска обиколка през Нови Сад преминава **Пътят Кьопен**³⁶. Младият руски магистър по право се оказва изключително ценен източник на информация. Както е известно, Кьопен е част от научното общество на граф Николай Румянцев, ангажирано с издаване и издаване на древни паметници за езика и бита на народите на територията на Романовата империя в рамките на големия проект „Собрания Государственных грамот и договоров“.

Кьопен има много добри познания за българите не само поради връзките си в кръга на Румянцев, където има и учени, отлични познавачи на българското минало и писменост като К. Калайдович и А. Востоков. Още в ранните си години, прекарани в семейството на немски лекар в Харков, юношата се запознава и с български изселници³⁷. И очевидно ги опознава много добре – неслучайно по-късно той си заслужил името на първия руски учен, изучавал двете наречия на говоримия български език, и на създател на първия руски списък на книги на новобългарски език, който допълвал вече създадения от В. Караджич³⁸. Преди да посети Нови Сад и да се запознае лично с Шафарик, младият руски учен прекарва известно време сред българската колония в Херманщат (Сибиу) и там записва 360 наши думи. Наред с опознаването на езика ни, в Херманщат Кьопен се запознава лично с Димитър Мустаков³⁹. Цялата тази информация за българите със сигурност става достояние и на младия Шафарик.

Сходните интереси изглежда ги сближават, защото след тази среща двамата учени поддържат, макар и не особено редовен, писмовен контакт⁴⁰. Много от писмата на Кьопен се изгубват по дългия път, други достигали Нови Сад с месечно закъснение⁴¹. Въпреки нередовността на писмовната връзка, личното им запознанство е от голямо значение за бъдещето на славистиката. През 1825 г. Кьопен се завръща в родината си и започва да издава сп. „Библиографические записки“⁴², в което представя и постиженията на най-известните задграничи изследователи като П. Шафарик, Я. Колар, В. Караджич, както и всички излизации в страната и зад граница книги, свързани със славянството. Достойнствата на списанието някои автори оценяват като първи сериозен научен орган на европейската славистика⁴³.

Въпросът за произхода и първородината на старославянския език намира широко място по страниците на Кьопеновото списание, като се представят мнения на домашни и чужди специалисти. Наред с това „Библиографические записки“ публикуват и рецензии за сериозни славистични изследвания, някои от които излезли изпод перото на самия Кьопен (за труда Й. Добровски, посветен на св. св. Кирил и Методий). Що се отнася до мненията на руските изследователи по този въпрос, те не са единодушни: някои клонят към старосърбското наречие като основа на литературния славянски език, а други – между които най-известният проф. А. Востоков – считат, че за основа на този първи книжен език е използван старобългарският говор.

От своя страна Шафарик използва сп. „Сръбски летописи“ като своеобразна славистична трибуна, като информира и за публикации в Кьопеновото списание. Летописите започват да излизат през 1824 г. и новосадският учител сътрудничи на изданието още от първия му брой. Тук той публикува превод на пътните бележки на руския пътешественик и много други материали, показателни за тогавашните му научни интереси: „за общославянския характер“, „за развой на славянската литература“ с информация за библиотеки,

списания и печатници, за творчеството на Добровски и специално за неговото изследване върху славянските братя Кирил и Методий и пр.⁴⁴

Като прави сам оценка на научните си постижения през новосадския период, Шафарик посочва за най-значителни два свои труда – „История на славянските езици и литератури по всички наречия“ (Пеша, 1826) и „За произхода на славяните“ (Пеша, 1828). Първото съчинение има непретенциозен характер и не е предназначено за научна аудитория. Макар и писано на немски, то е адресирано към любознателната и патриотичната славянска младеж. Второто пък е замислено първоначално като рецензия⁴⁵, но прераства в самостоятелно изследване, посветено на най-ранната история на славяните⁴⁶. Самият автор високо цени последния си труд като резултат на всестранни историко-географски проучвания върху тази „най-тъмна област на славянската история“⁴⁷. Тези първи публикации свидетелстват недвусмислено за интереса на Шафарик към най-ранната история на славяните и към тяхната най-стара литературна традиция – теми, към които се завръща през целия си научен живот.

Още с тези две свои ранни произведения начинаещият изследовател си извоюва почетното място на първи славянски учен, представил славяните като самостоятелен фактор в историята. Той изследва произхода и местонахождението им в контекста и на останалите основни европейски заселници – тенденция, която доразвива и в следващите си произведения и особено в прочутите си „Старожитности“. В този първи труд се разкрива и още един негов подход: той представя на научната аудитория и основните елементи на духовната им култура – религия и обичаи, език и фолклор. По този начин великият славист залага комплексния метод в темелите на славистиката. Наред с това в „История на славянските езици и литератури“ Шафарик за първи път използва сравнително-историческия метод. Този модерен метод е познат на лингвистите в изучаването на индоевропейските езици, но все още не е приложен по отношение на славяните. Благодарение на Шафарик Западна Европа започва да опознава и този все още слабо познат клон на индоевропейските народи. Дотук свързват приносите – по същество трудът представлява добросъвестна компилация, базирана на трудовете на най-добрите майстори на перото в тази област. На много места авторът се позовава на Добровски, този „високозаслужил езиковед“, „респектиращ изследовател“, „патриарх на славянската литература“. Класификацията на родоначалника на славянската филология за делението на славяните на два основни клона – югоизточен и северозападен, е използвана като структура на изложението⁴⁸, докато при представянето на славянската литературна традиция ясно личи влиянието на Копитар⁴⁹. При все това като първи опит за систематизиране на литературното развитие на тези народи с характеристика на основните славянски клонове и техните разновидности изследването има и новаторски дух. Поради това то веднага спечелило „одобрението на научната публика в страната и в чужбина“⁵⁰. Още през 1826 г. Krakowskото научно общество избира Шафарик за свой член-кореспондент, а на следващата година това прави и Варшавското дружество на приятелите на науката⁵¹.

Както вече посочихме, литературната история от 1826 г. е предназначена за родолюбивата и любознателна славянска младеж. Тя обаче изглежда доста малобройна – дори в чешките земи, където националното движение е по-напреднало, са продадени всичко на всичко 28 броя и авторите посочват, че ако не били предплатените сръбски и словашки абонати, книгата едва ли би видяла бял свят⁵². В дългосрочен план обаче този първи „наръчник на начинаещия любител на национална литература“ се оказва особено полезен и години наред служи като основно помагало за изследователите на историята на славянските литератури.

Какво (не) знае през 1826 г. Шафарик за българите?

В „История на славянските езици и литератури“ отделните народи са представени асиметрично, според информацията, с която разполага авторът. От това излиза, че най-невъзможни за него са българите – те са причислени към „славосърби от гръцки обряд“ и са описани на... три страници⁵³. Според автора езикът им е сърбско наречие, а що се отнася до техния брой, и тук той, подобно на Добровски, счита, че те са малко над 500 000 души! На българско наречие, твърди той, „говорят в България и Македония около половин милион славяни“⁵⁴.

Сравнително осъкъдно, но в общи линии отговарящо на нивото на съвременната наука, е представен етническият произход на прабългарите. Естествено, йенският възпитаник най-

добре познава немската школа⁵⁵. През 1827 г. той все още се придържа към становището, че българите в Добруджа са от татарски произход⁵⁶. Постепенно обаче неговото мнение се оформя в подкрепа на финското потекло на Аспаруховата дружина. Като цяло въпросът за произхода на прабългарската орда не е от ключово значение за него, тъй като счита, че по-ради малобройността си тя е претопена от славянското море и не оставя особени следи в културата. Изложението отделя място на заселването на българите на Балканите и постепенното им пославячване. В своя първи научен труд от 1826 г. Шафарик също така приема, че българите са пряко покръстени от Кирил и Методий⁵⁷. По-нататък е проследена историята на средновековната българска държава, нейните успехи и трудностите във вътрешното ѝ развитие до 1396 г., когато според автора „България изчезнала от историята“⁵⁸.

На фона на постиженията на руската школа познанията на Шафарик за старобългарската литература са, меко казано, скромни. Най-старият славянски книжовен език – старобългарският, на който през IX в. е създадена богата книжнина, разпространена сред цялото православно славянство и сред румънците, за него е все още слабо позната материя. Това не е било случайно. Немската школа и немскоезичният свят, който все пак има контакти със западните славяни и до известна степен познава литературната им история, за българите дори до средата на XIX столетие имал изключително фрагментарни познания⁵⁹. По това време начинаящият учен няма достъп до постиженията на руската българистика, която разполага с документите на древната българска писменост, открити в манастирите на Подмосковието. Шафарик не познава и епохалния труд на К. Ф. Калайдович „Йоан Екзарх Болгарски“, въвел през 1824 г. за първи път в руската наука българската история и средновековна литература като самостоятелен обект на изучаване⁶⁰. Ето защо и Шафариковата литературна история от 1826 г. има сериозни пропуски. Новосадският учител се сдобива с труда на Калайдович след публикуването на своята история⁶¹. И през следващите няколко години усилено го разучава и изполва много негови сведения, за да попълни познанията си за старобългарската литература⁶².

Новосадският автор е малко по-добре информиран за харaktera на нашите говори. Той познава публикациите на В. Караджич за западнобългарското наречие, но вероятно от П. Кьопен знае за съществуването и на търновското наречие и в труда си подчертава, че „българските специалисти дават предимство на търновския диалект (може би само вариант) пред всички останали наречия...“⁶³. Бързо евоюира и мнението му, че езикът ни е самостоятелен, различен от сръбския. През май 1827 г., като съобщавал на приятеля си Ян Колар за плановете си за ново, подобreno и допълнено издание на своята литературна история, той пише: „В бъдещото издание ще отида още по-нататък – и българите трябва съвсем да се отделят от сърбите“⁶⁴.

Авторът осъзнава недостатъците на труда си почти веднага след публикуването му и не се опитва да ги скрие. В писмо до Колар с дата 30 март 1826 г. признава: „В литературната история аз съм показал числото на славяните в Турция с два miliona по-малко, отколкото са в действителност. Самите местности навред имат славянски имена, турските имена на картите са най-вече измислени... В Македония местността Кюприоли се нарича Велес, чисто славянски!!! Истиб, Истибо се изговаря Шчип, Штип, Демир-Хисар около Серес – Железнец, и пр. и пр...“⁶⁵.

Бързата еволюция в съхващанията на Шафарик за българите и за езика им, както е известно, се дължи преди всичко на контактите му с **българските търговци**⁶⁶. На път за Виена и Будапеща последните преминават или пребивават за кратко в Нови Сад и младият учен ги разпитва за интересуващите го въпроси, като всички данни са старательно вписвани в тетрадка, водена през 1826–1827 г.⁶⁷ Езиковедът най-прецизно отбелязва имената и произхода на информаторите си (напр. цинциарина Никола от Магарево, при Битоля, заселен във Велес, търговец Палата от Мелник, българин от София, самоковец, заселен в Солун, и под.). Отбелязани са дори датите на получаването на информацията. Много години след това съпругата на учения Юлия си спомня, че той прекарвал доста време с тях не само в странноприемниците, където те пребивавали, но ги канил и в дома си. Големият български славист Е. Георгиев съпоставя бележките от тетрадката с данните от писмата на учения до Ян Колар и стига до заключението, че „се вижда ясно колко много дължи Шафарик на своите лични сношения с търговците от Турция“⁶⁸. Благодарение на разказите той установява, че в Манастир, Тиквеш, Прилеп, Меглен, Воден и пр. обитават „чисти българи“, а търговец от Самоков, заселен в Солун, му известява, че в беломорския

град „и до днес почти по-голямата част от хората говорят повече български, отколкото турски или гръцки“. Българи има дори в такива затънти краища като Дупница и Бatak („кой би помислил!“), около Разлог има 13 „старославянски поселения“, където според него със сигурност се говорило по „кирилски“: български поселения има и в околностите на Мелник⁶⁸.

Шафарик в дебата за родината на старославянски език

Въпросът за най-стария славянски книжовен език и неговата родина определено вълнува начинаещия славист, но той не бърза да се включи в дебата и в първите си трудове предпочита да следваrenomирани изследователи на въпроса, като по-скоро клони към мнението на Добровски, че Кирилометодиевият език е старо сръбско-българско-македонско наречие⁶⁹.

При все това обаче още в новосадския период Шафарик приема за невъзможно родината на този език да е Каринтия, т.е. чувства, че трябва да се разграничи от „панонската теория“. Както се вижда от кореспонденцията му с Копитар, различията се задълбочават, а аргументацията на двете страни преминава в полемика⁷⁰. Шафарик опровергава не само „панонската теория“ като цяло, но и други по-конкретни твърдения на Копитар, като напр. за разпространението на кирилицата⁷¹. Както се вижда от кореспонденцията, постепенно новосадският учител започва да обвинява корифея в тенденциозно тълкуване на източниците, като същевременно е отблъснат от личните му качества (егоизъм и хамелеонщина). От своя страна виенският придворен библиотекар не крие сарказма си. След 1830 г. отношенията ескалират в лична неприязнь и Копитар е сред малкото колеги, с които доброна-мереният и толерантен Шафарик е във вражда⁷².

Кореспонденцията между двамата учени отдавна е обект на изследване, поради което се задоволим да отбележим само някои от главните пунктове. Аргументите на Шафарик са на първо време етимологични – той издирва названия на селища от славянски произход в югозападните български земи и постепенно се счита за по-компетентен от виенския корифей. В писмо до Копитар от средата на 1827 г. той почти иронично запитва „високоуважаемия приятел“ не е ли славянски коренът на многочислните имена на платини и градове като Петрин, Петреч, Петрич, Петърч!⁷³. За доказателство посочва също, че е събрал и изследвал над 8000 топонима от района, които доказват славянски корен⁷⁴. Немалка роля за изграждането на научното становище на Шафарик, както вече посочихме, изиграват преминаващите българи, с които той се среща в Нови Сад и които му разказвали за Рилския манастир и „Перун планина“.

Убеждението му, че славянският църковен език има в основата си югозападното българско наречие, нараства⁷⁵. В писмо от 28.10.1827 г. новосадският учител вече съвсем убедено заявява, че „доколкото е чел и размислил за кирилометодиевото дело, всичко го е убедило в това, че писмото и езикът са „българословенски““. На този извод са го навели съществуващи исторически и езикови аргументи. От това мнение може да се откаже, само ако има други убедителни контрааргументи⁷⁶. Същевременно колкото повече се убеждава, че българите са наследници на най-старото славянско писмо, толкова повече подозира Копитар в (не)научна пристрастност. Пред Фр. Палацки Шафарик обвинява Копитар, че съзнателно пренебрегва българите като възможни наследници на този език⁷⁷.

Начинаещият новосадски славист е твърдо убеден, че славянските просветители са пребивавали „в продължение на години“ в „Долна България“, преди да се отправят за Панония, че именно те покръстяват господстващите „татарски българи“. Що се отнася до тамошните славяни, те според него били „отдавна християни“⁷⁸. Като цяло въпросът за характера и особеностите на първия славянски книжовен език се превръща в централен за Шафарик⁷⁹. По-малко от месец след привързването на предговора към своята „Литературна история“⁸⁰, той възторжено съобщава на Ян Колар, че е открил на кой народ принадлежи първия превод на Свещеното писание⁸¹, а четири години по-късно вече изразява твърдото намерение след като събере достатъчно доказателства, да напише и самостоятелно изследване за старославянския език и неговото писмо⁸². Той е твърдо убеден, че все още могат да бъдат намерени съвременни езикови доказателства за това, че „Кириловият правнук“ може да бъде открит сред племената не само в Южна Македония, но дори и в Тесалия⁸³.

По въпроса за родината на старославянската писменост младият новосадски славист заема категорични позиции в разрез с тези на виенската школа. В писмо от 21 май 1826 г.

до Ян Колар той пише буквально: „Копитар още постоянно сънува за Кирило-Методио-Карантания! Аз съм я намерил другаде. Дай Боже, да бих могъл да посетя „Перуновата планина“ в Македоно-Тракия, между Струма и Места! Надявам се, че тук ще намерим, ако не нещо по-старо, то поне оригиналния текст на Кирила и Методия. Имам за това положителни доказателства и съм в дирите му...“⁸⁴. Младият изследовател има планове сам на място да се увери и да намери доказателства за предположението си. „Аз полека-лека, тихичко се готвя да тръгна на път, щом слънцето засвети, за манастира „Св. Иван“ под „Перуна“, за да мога да решава навеки кирилския въпрос“⁸⁵. От това пътуване той очаква да намери не само старинни книжовни паметници в подкрепа на своята теза, но и да опознае още „поне 5–6 млн. най-калени славяни“ – чудесен материал за неговите бъдещи изследвания⁸⁶. С други думи, в подножието на „Перуна“ можели да се намерят не само документи за първия славянски книжовен език, но и да се чуе този език все още като живо наречие, запазено сред тамошните българи...

Както се разбира от писмо от 29 декември 1829 г. до приятеля му Франтишек Палацки, избухването на поредната руско-турска война осуетили плановете му за пътуване „за България и Македония, за православната лавра на Ивана Рилски... за планината Рила, на стария Орбел...“⁸⁷. От брега на Дунава славистът напрегнато очаква известие за края на войната, руската победа и оттеглянето на турците. Но обстановката не се успокоява. В писмото си от 22 август 1830 г. до Колар той написал: „Чакахме края на руско-турската война и края на турско владичество! Сега виждаме как сме измамени. Кой би се пуснал сега между побеснелите и всичко погубващи турци?...“⁸⁸.

Подобно на останалите планове на Шафарик, пътуването до Хемус и проникването в югозападните български земи се оказва неосъществимо. Ала мисълта за намирането на езикови доказателства за старославянския език в македонските манастири не излиза от главата му до края на престоя му в Нови Сад. В писмо до Палацки от 30 декември 1831 г. четем: „Най-старите манастири са вътре в Македония, България и пр. Трябва там да се посетят Иван Рилски, Пшин, Студеница, Гюргеви Ступови, Малешево, Пиво, Морач, Дечани и пр. Сега – с главата си съм там, а без главата дома“...⁸⁹. Малко преди да напусне Нови Сад завинаги, той отново споменава за този въпрос в писмо до Ян Колар: „Уверен съм, че там... се намират славянски ръкописи от IX и X в., значи от времето на Кирила и Методия. Има гръцки такива стари и по-стари, защо да няма и славянски?“ обосновава предположенията си той⁹⁰.

През пролетта на 1833 г. П. Й. Шафарик напуска завинаги Нови Сад. Задачата за издирането на старославянските писмени паметници остава нереализирана. Интересът на учения към старославянското писмо обаче не само не намалява, но се засилва и през следващите десетилетия, които той прекарва неотълчно в Прага. За съжаление обаче, в зрялата фаза на научните му занимания колебанията и промените в становището за прародината на Кирилометодиевия език стават честоявление.

Заключение

Дебатът за езика на Светите братя Кирил и Методий се заражда почти едновременно с оформянето на славистиката като модерна хуманитарна наука във време, когато за българите се знае много малко, при това не във връзка с общославянския им книжовен принос. Шафарик не прави изключение от това. Възпитаник на немската школа, той познава много добре западните теории, но има малко преки наблюдения, затова и в началото се опира на трудовете на тогавашните корифеи на славистиката и преди всичко на Добровски. Той няма достъп до постиженията на руската славистика и българистика – контактите му с нея през този период се осъществяват преди всичко чрез кореспонденцията с Пётр Кьопен.

Дългогодишното пребиваване в Нови Сад превръща ѹенския теолог в истински познавач на старосръбската книжовна традиция. Това му дава самочувствие и същевременно аргументи, за да се включи в основния дебат на славистите. Едновременно с това върви и разграничаването му от схващанията на виенската школа за родината на най-стария славянски книжовен език. Противопоставянето с Копитар в крайна сметка прераства в лична вражда между двамата, но за това едва ли можем да виним Шафарик – той тръгва към решаването на този спор непредубеден и дълго не се решава да излезе открыто с мнение. Ала контактът му с българите – с модерните българи – го насочва към югоизточния край на Европейския континент в търсенето на древното наречие, послужило на двамата Со-

лунски просветители за основа на книжовния език. По това време Шафарик е дълбоко убеден, че „Кириловият правнук“ с древния си говор е все още жив и държи ключа към разгадаването на тайната на най-стария славянски книжовен език – старобългарския. В „Рилската лавра“ – убеден е той – се пазят и доказателствата за това. Руско-турската война от 1828–1829 г. не дава шанс за едно пътуване в сърцето на полуострова, а в по-късните съчинения славистът променя нееднократно мнението си по този основен за славистиката въпрос. Независимо от това обаче, след Добровски Шафарик е първият учен, изследвал пряката връзка на модерния български език с Кирилометодиевото наследство.

¹ Георгиев, Е. Българи и чехи в епохата на тяхното Възраждане // Годишник на Софийския университет: Историко-филологически факултет. – 1946. – № 42. – С. 31.

² Романски, Ст. Български въпроси в преписката на И. И. Срезневски и В. И. Григорович // Списание на БАН. – 1937. – № 54. – С. 97.

³ Георгиев, Е. Цит. съч., с. 19.

⁴ Срв.: Мурдаров, Вл. Виенската славистика и българското езикзнание 1822–1849–1918. Пловдив, 1999, с. 19–22.

⁵ За взаимните отношения между Копитар, Караджич и Добровски. – Вж. подр. Георгиев, Е. Цит. съч., с. 32–35.

⁶ Романски, Е. Цит. съч., с. 99–100.

⁷ Вж. подр.: Георгиев, Е. Разпространение и влияние на чешката литература в България в епохата на българското Възраждане // Сборник Чехословакия и България през вековете / Ред. Хр. Гандев, Е. Георгиев. София, 1963, с. 271.

⁸ Бехиньова, В. Чешката славистика и България през българското Възраждане // Сборник Чехословакия и България..., с. 318–319.

⁹ Георгиев, Е. Основи на славистиката и българистиката. София, 1979, с. 79.

¹⁰ Polnýka, J. P. J. Žafařík a dějiny rřeckomístří slovanského // Český Časopis Historický. – 1895. – № 1. – P. 167.

¹¹ Golan, K. Mladý roky P. J. Žafaříka. Bratislava, 1961, p. 185.

¹² Конев, И. Българското Възраждане и Просвещението. Т. 3, ч. 1: Наши представи за Австрия, Германия, Русия, Украйна, Индия, Китай, Япония, Америка. София, 1998, с. 268.

¹³ Paul, K. Pavel Joseph Žafařík a Bartolomej Kopitar. Praha, 1938, p. 26.

¹⁴ Мурдаров, Вл. Цит. съч., с. 43.

¹⁵ Ц. Конев напр. използва като доказателства материали от тайни доклади на Копитар (вж. Конев, И. Цит. съч., с. 182).

¹⁶ Пак там, с. 168–269.

¹⁷ Burian, V. Žafaříkovy dopisy slovinci Jeromíru Kopitarovi v letech 1826–1827. Praha, 1931.

¹⁸ Paul, K. Op. cit., p. 38.

¹⁹ Шишманов, Ив. Бележки за България в ръкописното наследство на Павла Йосифа Шафарица // Български преглед. – 1896. – № 1. – С. 60.

²⁰ Rosenbaum, K. Vznik a význam Šafáříkových Dejin slovanského jazyka a literatury všetkých nárečí // Šafářík P. J. Dějiny slovanského jazyka a literatury všetkých nárečí. Bratislava, 1963, p. 11, 15.

²¹ Osvěta – Listy pro rozhled v umění a politice. – 1895. – № 7. – P. 589.

²² Polnýka, J. Op. cit., p. 168.

²³ Op. cit., p. 174.

²⁴ За тези документи „най-славните наши литератори Добровски, Копитар и проч. и понятие си нямат“ – споделя той на приятеля си Франтишек Палацки (вж. Korespondence Pavla Josefa Žafaříka s Františkem Palackým. Eds.). V. Bechyňovb, Z. Hauptovb. Praha, 1961, p. 110 (по-нататък накратко Korespondence PJJ s Fr., р...).

²⁵ Žafařík, P. J. Serbische Lesekunst oder historisch-kritische Beleuchtung der serbischen Mundart. Pest, 1833.

²⁶ Osvěta. Op. cit., p. 695.

²⁷ Писмо на Шафарик от 30.12.1831 до Фр. Палацки // Korespondence PJJ s Fr. P. P. 109,

²⁸ Автобиография, писана след напускането на Нови Сад (вж. Authobiographische Skizze, p. 4), запазена в документалната сбирка на Шафарик в пражкия архив Literární Archiv – Památník Národního Přesemnictví (по-нататък LA-PNP).

²⁹ Burian, V. Žafaříkovy dopisy slovinci Jeromíru Kopitarovi v letech 1826–1827. Praha, 1931, p. 4 (по-нататък накратко Žafaříkovy dopisy Kopitarovi...).

³⁰ Шишманов, Ив. Цит. съч., с. 62–63.

³¹ За проблемите, с които се сблъска в областта на историческата топография на Сърбия и България, той споделя с Фр. Палацки (вж. Korespondence PJJ s Fr. P., p. 71., както и с Й. Копитар: Žafaříkovy dopisy Kopitarovi, p. 30).

³² Писмо от 4 юни 1827 до Копитар. Žafaříkovy dopisy Kopitarovi, pp. 16–17.

³³ Георгиев, Е. Българи и чехи., с. 57.

³⁴ Две десетилетия след неговата смърт, със съдействието на библиотекаря на Народния музей Адолф Патера на Константик Иречек били предадени запазените материали, сред които и няколко саморъчни рисунки на околността на София, Пловдив, Ямбол и Родопите до беломорския бряг (Ръкопис на К. Иречек в LA-PNP, р. 236). Сред личното му документално наследство в Литературния архив са съхранени и папки под наслов „Сърбия и България. Жупи, манастири, архиепископии“ и „Родослови на българските и сръбските царе“.

³⁵ Йафарикови дописи Копитарови, р. 4.

³⁶ Кулаковский, П. А. Памяти Павла Йозефа Шафарика. СПб., 1895, с. 6.

³⁷ Както е известно, в тамошния университет завързal близки отношения с Василий Каразин, бъдещия „украински Ломоносов“, също от български произход.

³⁸ Дроснева, Е. Пътят Ив. Къпен и българистиката // Векове. – 1982. – № 4. – С. 81.

³⁹ От Мустаков той напр. за първи път чул за съществуването на Рилската грамота на цар Иван Шишман. // Пак там, с. 79–80; Дроснева, Е. Храброто списание, Къпен, Мустаков и... // Балкански измерения на фамилията Мустакови. / Съст. Пл. Митев, В. Рачева. София, 2008, с. 153.

⁴⁰ Кореспонденцията между двамата е издавана два пъти: от проф. Ягич през 1892 г. в том 2 на „Источники для истории славянской филологии“ и от Францев В. А. К переписке П. Й. Шафарика с П. И. Кеппеном. СПб., 1901.

⁴¹ В писмо до Копитар от 29.05.1826 г. Шафарик се оплаква, че разполага само с части от писмата на Къпен, тъй като останалите вероятно са се загубили по пътя (Йафарикови дописи Копитарови, р. 4).

⁴² Списанието е финансирано от Николай Румянцев и от някои от близките до графа изследователи като К. Калайдович и А. Востоков.

⁴³ Дроснева, Е. Храброто списание..., с. 152.

⁴⁴ Подробно разгледани в Osvěta. Op. cit., pp. 780–781.

⁴⁵ На труда на полския автор Suwiecki, L. Słedzenie początków narodów słowiańskich. Warszawa, 1824.

⁴⁶ То също е публикувано на немски: Schaffarik, P. J. Über die Abkunft der Slawen. Offen, 1828.

⁴⁷ Authobiographische Skizze, р. 4.

⁴⁸ Дял първи: Език и литература на руските, сръбските (заедно с католическите сърби и хърватите) и виндицките (словенските) славяни, като тук се разглежда и въпросът за църковнославянския език. Дял втори: посветен на чехите, словаците, поляците, лужичките сърби (горни и долни) и полабските славяни, като за всяко племе се дават кратки историко-етнографски обяснения.

⁴⁹ В параграфи 6 и 7 се чувства пред всичко влиянието на Копитаровата граматика от 1808 г. (вж. подр. Wöllman, Sl. Šafařík a ti druzi: hledání generální literatury // Slavia: časopis pro slovanskou filologii. – 1996. – № 1–2. – Р. 67).

⁵⁰ Authobiographische Skizze, р. 4.

⁵¹ И двете грамоти са запазени в документалното му наследство // LA-PNP.

⁵² Polnýka, J. Op. cit., p. 173.

⁵³ Йафарик, Р. Ј. Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Ofen, 1826, p. 191–225.

⁵⁴ Op. cit., р. 223; Йафарик, Р. Ј. 1963, p. 66.

⁵⁵ Преди всичко Август Шльоцер и Йохан Тунман. В писмата до Й. Копитар коментира мненията на Шльоцер (Писмо от 21.06.1827, Йафарикови дописи Копитарови, pp. 23–25).

⁵⁶ Писмо от 04.06.1827 от Нови Сад до Копитар, Йафарикови дописи Копитарови, р. 17.

⁵⁶ Йафарик, Р. Ј. 1963, p. 231.

⁵⁷ Ibidem, p. 211.

⁵⁸ Франц, В. България и немската литература към средата на XIX в. // Сборник в чест на Марин Дринов / Ред. А. Бурмов. София, 1960, с. 605–611.

⁵⁹ Дроснева, Е. Аполон Александрович Скалковски и българите (предварителни бележки). // Българите в Северното Причерноморие. Т. 1. Велико Търново: Изд. на ВТУ, 1992, с. 102.

⁶⁰ Той получава копие на книгата през 1827 г. и то благодарение на Къпен (Писмо до Копитар от 08.04.1827, Йафарикови дописи Копитарови, р. 6).

⁶¹ Bechyňová, V. Šafaříkovo studium starobulharské literatury // Acta Facultatis Philosophicae Universitatis Šafárikanae. Literaturovedný zborník. T. 10. Bratislava, 1993, pp. 46–47.

⁶² Йафарик, Р. Ј. 1963, p. 233.

⁶³ Писмо от 18 май 1827 до Ян Колар. // Časopis Českého Musea (по-нататък ČCM). – 1874. – № 3. – Р. 286.

⁶⁴ Това писмо е преведено и обнародвано от големия български литературовед Ив. Шишманов (Шишманов Ив. Личните сношения на Павла Йосифа Шафарика с българите // Български преглед. – 1895. – № 12. – С. 78).

⁶⁵ През 1718 г. бил склучен австро-турски мирен договор в Пожаревац и търговско съглашение, което настърчавало преките търговски връзки между двете империи. От него се възползвали пре-

димно балканските поданици на султана и през следващите десетилетия те основавали търговски поселения в редица дунавски градове. През XIX в. българите също имали свои колонии в Централна Европа.

⁶⁶ Тетрадката е запазена в личния му архив и проучена от проф. Ив. Шишманов, който въз основа на материалите обнародва през 1895 и 1896 г. двете свои по-горе цитирани изследвания.

⁶⁷ Георгиев, Е. Българи и чехи в епохата. Разпространение и влияние на чешката литература..., с. 45.

⁶⁸ Чит по: Шишманов, Ив. 1895, с. 76–78.

⁶⁹ Paul, K. Op. cit., p. 34; Polnka, J. Op. cit., p. 170.

⁷⁰ Korespondence РЈЉ s Fr. P., p. 112; Šafaříkovy dopisy Kopitarovi, pp. 6–7.

⁷¹ Като напр., че румънците взаимствали кирилицата не от българите, а от сърбите. Шафарик, който има много по-добри познания върху сръбската писмена традиция, посочва, още през X–XI в. сръбският език показва характеристики, доста различни от църковния славянски език.

⁷² В писмата на иначе възпитания и умерен Шафарик на няколко пъти виенският славист е квалифициран и като „славянския Мефистофел“!

⁷³ Писмо от 04.06.1827. Šafaříkovy dopisy Kopitarovi, p. 17.

⁷⁴ Вж. Paul, K., p. 38.

⁷⁵ Ibidem, p. 34.

⁷⁶ Šafaříkovy dopisy Kopitarovi, p. 39.

⁷⁷ Писмо на Шафарик до Палацки от 11.10.1830. Korespondence РЈЉ s Fr. P., pp. 23–24.

⁷⁸ Писмо до Копитар от 08.04.1827. Šafaříkovy dopisy Kopitarovi, pp. 6–7.

⁷⁹ Готовска-Хенце, Т. Българо-чешката взаимност – генератор за формирането на новите славянски елити. // Чехи в България: ролята на чешкото присъствие в българското национално възраждане: Сборник. София, 2009, с. 44; Готовска-Хенце, Т. Павел Йозеф Шафарик и ролята на славистиката за духовното възраждане на българите. // България – кръстопът на култури и цивилизации. София: Изздание на Университета по библиотекознание и информационни технологии, 2010, с. 775–782.

⁸⁰ 17 декември 1825 г.

⁸¹ Писмо от 9 януари 1826, публ. у Шишманов Ив. 1895, с. 75.

⁸² Писмо до Палацки от 29.12.1829. Korespondence РЈЉ s Fr. P., p. 71.

⁸³ Този най-старинен наш говор (солунският) наистина се среща на обширна територия от Албания до Цариград, но предположенията на Шафарик, че е запазен и в Тесалия, не се потвърждават и впоследствие той сам коригира този свой възглед.

⁸⁴ ČCM, 1874, p. 77.

⁸⁵ Писмо на Шафарик от 21.05.1826 до Колар. // ČCM, 1874, pp. 77–78.

⁸⁶ Части от писмата вж. у Шишманов, Ив. 1895, с. 80.

⁸⁷ Пак там, с. 80.

⁸⁸ Пак там, с. 80.

⁸⁹ Пак там, с. 80–81.

⁹⁰ Пак там, с. 81.

КІЕВСКАЯ ШКОЛА КИРИЛЛО-МЕФОДІАНЫ В XIX ВЕКЕ

С. И. Лиман

Лиман, С. И. Київська школа Кирило-Мефодіаны в XIX столітті

Одним із пріоритетних напрямів вітчизняної історіографії XIX ст. стало вивчення діяльності Кирила і Мефодія. Помітне місце цих дослідженнях належить представникам київської наукової школи Кирило-Мефодіаны. Головна особливість школи – переважно джерелознавчий характер наукових праць її представників. Біля витоків київської школи стояв професор філософії Університету Св. Володимира О. М. Новицький, який вивчав проблеми перекладу Священного Письма на слов'янську мову. Виразниками тенденцій – від збору окремих джерел про Кирила та Мефодія до їх комплексного узагальнення – стали професор кафедри всесвітньої історії Університету Св. Володимира В. О. Бильбасов та професор кафедри церковної історії Кіївської духовної академії О. Д. Воронов. Істотно розширив джерельну базу Кирило-Мефодіаны і вперше розглянув діяльність перших слов'янських Учителів на Олімпі у Віfinії професор кафедри російської громадянської історії Кіївської духовної академії І. І. Малишевський.

Ключові слова: Кирило, Мефодій, наукова школа, Університет Св. Володимира, Київська духовна академія.

Лиман, С. И. Киевская школа Кирилло-Мефодианы в XIX веке

Одним из приоритетных направлений отечественной историографии XIX в. стало изучение деятельности Кирилла и Мефодия. Заметное место в этих исследованиях принадлежит представителям киевской научной школы Кирилло-Мефодианы. Главная особенность школы – преимущественно источниковедческий характер научных работ её представителей. У истоков киевской школы стоял профессор философии Университета Св. Владимира О. М. Новицкий, который изучал проблемы перевода Священного Писания на славянский язык. Выразителями тенденций – от сбора отдельных источников о Кирилле и Мефодии к их комплексному обобщению – стали профессор кафедры всеобщей истории Университета Св. Владимира В. А. Бильбасов и профессор кафедры церковной истории Киевской духовной академии А. Д. Воронов. Существенно расширил источниковою базу Кирилло-Мефодианы и впервые рассмотрел деятельность славянских первоучителей на Олимпе в Вифинии профессор кафедры русской гражданской истории Киевской духовной академии И. И. Малишевский.

Ключевые слова: Кирилл, Мефодий, Киев, научная школа, Университет Св. Владимира, Киевская духовная академия.

Liman, S. I. Kiev school of Cyril and Methodius studies in 19th century

One of first aspects in Russian historiography in 19th century became the study of Cyril and Methodius activities. A substantial contribution to those studies was made by representatives of Kiev research school. The basic peculiarity of this school lies in primarily source-based character of the works of its adherents. Kiev school was founded by Professor of Saint Volodymyr University O. M. Novitskiy who dwelt on the problems of Holy Script translation into Slavic language. The trend escalating from collection of particular sources on Cyril and Methodius to their comprehensive generalization was expressed in works of V. A. Bilbasov, Professor of World History, Saint Volodymyr University, and A. D. Voronov, Professor of Ecclesiastic History, Kiev Clergy Academy. I. I. Malyshevskiy, Professor of Russian Secular History, Kiev Clergy Academy, substantially enlarged source basis of Cyril and Methodius studies and was the first to review the activities of Slavic pioneer teachers at Mount Olympus in Bithynia.

Keywords: Cyril, Methodius, Kiev, research school, Saint Volodimyr University, Kiev Clergy Academy.

Деятельность славянских первоучителей Кирилла и Мефодия – яркая страница европейской истории. Эта деятельность имела огромное значение как для их современников, так и для позднейших потомков. Необходимость научного осмысления подвижнического подвига солунских братьев была очевидна уже на раннем этапе развития отечественной историографии.

В Российской империи первые обращения к кирилло-мефодиевской проблеме относятся к XVIII в. Таковыми традиционно считают переводы С. Л. Рагузинским-Владиславичем книги далматинца М. Орбини и критические комментарии к нему Феофилакта Лопатинского, отвергшего сообщение Орбини о папской инициативе миссии Кирилла (Константина Философа) и Мефодия. В первой трети XIX в. на отечественную

историографию оказывало существенное воздействие творчество чешского учёного Й. Добровского, известная книга которого о Кирилле и Мефодии вышла в переводе М. П. Погодина в 1825 г.¹. Некоторые её ошибочные положения будут использованы затем в творчестве самого М. П. Погодина. Критически оценивается в отечественной славистике и первая в России докторская диссертация по кирилло-мефодиевской проблеме О. М. Бодянского «О времени происхождения славянских письмен» (1863–1866)². В то же время первые результаты источниковедческой работы в этом направлении в 1850–1860-х гг. как самого О. М. Бодянского, так и А. Е. Викторова признаются важными и вполне научными.

Заметный вклад в развитие общероссийской исторической науки и в изучение Кирилло-Мефодиевской проблемы внесли киевские учёные. Они представляли два высших учебных заведения, которые функционировали в Киеве в XIX в. – Киевскую духовную академию (с 1819 г.) и Университет Св. Владимира (с 1834 г.). Их вклад в изучение кирилло-мефодиевской проблемы до настоящего времени рассматривался лишь контекстно, как правило в рамках исследований более широкой тематики – всеобщей истории, славистики и медиевистики в Российской империи, в Украине, в отдельных высших учебных заведениях. К этим исследованиям принадлежат: обобщающий труд В. П. Бузескула «Всеобщая история и её представители в России в XIX – начале XX в.»³, «Очерки истории исторической науки в СССР»⁴, монографии С. А. Копылова «Проблеми історії слов'янських народів в історичній думці України (остання третина XVII – початок ХХ ст.)»⁵, Л. П. Лаптевой «История славяноведения в России в XIX в.»⁶, кандидатская диссертация О. Файди «Візантиністика в Київській Духовній Академії в 1819–1919 рр.»⁷, библиографический словарь «Славяноведение в дореволюционной России»⁸, ряд исследований автора данной статьи по истории медиевистики и славистики в Украине⁹, в том числе монография «Идеи в латах: Запад или Восток? Средневековые в оценках медиевистов Украины (1804 – первая половина 1880-х гг.)»¹⁰, публикации, посвящённые анализу Кирилло-Мефодианы в Украине¹¹ и научно-педагогической деятельности одного из её представителей – В. А. Бильбасова¹². Контекстный характер указанных обращений обусловил цель данной статьи – показать степени изученности кирилло-мефодиевской проблемы в творчестве киевских ученых XIX в. на основе анализа всех опубликованных и неопубликованных работ.

Первой отдельной большой работой по кирилло-мефодиевской проблеме, подготовленной в Киеве, стала монография О. М. Новицкого (1806–1884) «О первоначальном переводе Священного Писания на славянский язык» (1837)¹³. Ко времени её публикации автор был профессором философии Университета Св. Владимира¹⁴. Однако основой исследования послужила выпускная работа О. М. Новицкого, которую он выполнил при окончании Киевской духовной академии.

Наряду с филологическими проблемами, доминирующими в сочинении, О. М. Новицкий рассматривал в нём и некоторые важные исторические вопросы. Работа носила полемический характер, ставший впоследствии вполне привычным для исследований по кирилло-мефодиевской проблеме. По мнению О. М. Новицкого, западные учёные, занимавшиеся проблемой перевода Священного Писания на славянский язык, «не только не объяснили судьбы его», но привнесли в его историю «много сомнительного и неверного»¹⁵. В то же время О. М. Новицкий аргументировал опроверг точку зрения тех из них, кто считал миссию Кирилла и Мефодия инициативой Римского папы¹⁶. Отметим, что последнее возражение уже имело в общероссийской историографии свою традицию, которая идёт от комментариев Феофилакта Лопатинского.

Одной из ключевых проблем, затронутых в сочинении О. М. Новицкого, являлся вопрос о начале миссионерской деятельности славянских учителей. Указав на 863 г., как на год изобретения кириллицы и начала перевода на славянский язык богослужебных книг, О. М. Новицкий постарался точно определить масштабы главной заслуги Кирилла и Мефодия перед славянством. «Нельзя не принять, – указывал он, – древнейшего и точного свидетельства Иоанна Экзарха Болгарского о переводе Кириллом, и после него Мефодием, шестидесяти уставных книг, под именем которых должно разуметь Канонические Книги Ветхого и Нового завета»¹⁷. Тем самым, О. М. Новицкий выступил против известного мнения Г. Шлецера и других авторов о том, что не вся Библия была первоначально переведена на славянский язык. Укажем в связи с этим, что по авторитетному мнению Л. П. Лаптевой, «в первой половине столетия ещё не было ясно, на какой языке было пере-

ведено Священное Писание, какая азбука была изобретена Константином-Кириллом, где началось богослужение на славянском языке, как и ряд других вопросов»¹⁸.

Высокий профессионализм О. М. Новицкого, его блестящая аргументация, хорошее знакомство с источниками и литературой позволили создать работу, востребованную не только в научной среде. Её экземпляр был представлен наследнику престола, будущему императору Александру II. «Его Высочество, – писал министр народного просвещения, граф С. Уваров О. М. Новицкому о его книге, – удостоив оную благосклонного принятия, изволил пожаловать вам препровождаемый при сём бриллиантовый перстень...»¹⁹. Редкий учёный того времени мог похвастаться подобным вниманием.

Несмотря на столь раннее специальное обращение О. М. Новицкого к данной проблеме, в целом исследования о подвижничестве Кирилла и Мефодия имели, главным образом, юбилейную направленность. Они были вызваны тремя тысячелетними юбилеями славянских первоучителей: началом их миссионерства в Великой Моравии (1863), смерти Кирилла (1869), смерти Мефодия (1885).

К первому из этих юбилеев была приурочена статья Ф. Г. Лебединцева (1826–1888) «О жизни и трудах Св. Кирилла и Мефодия, первоучителей славянских» (1862). В рассматриваемый период Ф. Г. Лебединцев являлся профессором кафедры истории раскола Киевской духовной академии²⁰, и кирилло-мефодиевская проблема регулярно рассматривалась им в лекционных курсах. В своей публикации автор однозначно считал императора организатором миссии солунских братьев²¹. В то же время Ф. Лебединцев явно преувеличивал роль мусульманского фактора в истории подвижничества Кирилла. Автор, в частности, отмечал, что первая мысль Кирилла «изобрести славянские письмена и переложить на славянский язык книги Священного Писания и богослужебные» преследовала цель «защитить распространённое уже между фракийскими и македонскими славянами христианство от влияния исламизма»²².

Как в Киевской духовной академии, так и в Университете Св. Владимира деятельность Кирилла и Мефодия традиционно рассматривалась в рамках различных исторических дисциплин, прежде всего истории церкви и истории средних веков. Об этом свидетельствует сохранившиеся рукописные отчёты о содержании курсов лекций²³ и экзаменационные билеты. При этом, например, из 21 экзаменационного билета «Общей церковной истории» М. Ю. Ковальницкого сразу два (№ 6 и № 7) были посвящены подвижничеству Кирилла и Мефодия²⁴. Кирилло-мефодиевская тематика неоднократно становилась и темой выпускных студенческих сочинений.

Одним из них стала работа И. Пигулевского «Деятельность Св. Константина (Кирилла) и Мефодия среди фракийских, македонских и булгарских славян» (1862), опубликованная одновременно со статьёй Ф. Г. Лебединцева. За данное сочинение И. Пигулевский получил золотую медаль историко-филологического факультета Университета Св. Владимира. В работе рассматривался первый период деятельности солунских братьев, который, по мнению И. Пигулевского, начался в 851 г.²⁵ Несмотря на компилятивность многих выводов в духе А. Х. Востокова, Й. Добровского, П. Й. Шафарика и др., И. Пигулевский представил в целом верный разбор ряда источников. Специальный анализ этих источников стал уже в ближайшие годы объектом фундаментальных исследований В. А. Бильбасова (1838–1904) и А. Д. Воронова (1839–1883).

В. А. Бильбасову, профессору кафедры всеобщей истории университета Св. Владимира, принадлежит одно из наиболее видных мест в отечественной Кирилло-Мефодиане²⁶. В этой проблематике его привлекал в первую очередь источниковедческий аспект, которому он посвятил капитальный двухтомный труд «Кирилл и Мефодий» (1868–1871). Отношения Римских пап и солунских братьев, по мнению В. А. Бильбасова, «касаются двух вопросов цивилизации: с одной стороны, римские папы являются как представители идеи всемирного подчинения римскому единству, с другой – славянские первоучители, как представители идеи самостоятельного развития славянского самосознания»²⁷. Таким образом, учёный персонифицировал в их столкновении столкновение романо-германского католического Запада и православно-славянского Востока.

В отечественной науке уже отмечалось, что представленные В. А. Бильбасовым очерки взаимоотношений солунских братьев с Римом, «в отличие от конфессиональной трактовки книги Лавровского, даны с точки зрения международных отношений того време-

ни»²⁸. Однако ещё до В. А. Бильбасова такой подход предложил харьковский профессор И. В. Платонов²⁹.

В. А. Бильбасов отмечал «жалкое положение вопроса о Кирилле и Мефодии в русской науке»³⁰ и в подтверждение столь категоричного тезиса выступил с критикой известного труда О. М. Бодянского «Кирилл и Мефодий. Собрание памятников...». Объектом критики киевского историка стала, прежде всего, структура данного издания источников Кирилла и Мефодия, при которой О. М. Бодянский разделил все памятники на три группы: на славянском, на греческом, на латинском языках. По мнению же В. А. Бильбасова, сообразно требованиям науки, такой порядок «прямо противоположен как значению самих памятников, так и времени их составления». «Необходимо принять обратный порядок; – доказывал киевский историк, – необходимо начинать с издания тех памятников, которые древнее и в которых заключены более достоверные сведения, т.е. с памятников латинского языка, затем греческого и окончить памятниками языка славянского, как источниками времени более позднего»³¹. Однако широко задуманный научный проект В. А. Бильбасова остался неоконченным. Из трёх частей своего труда («Кирилл и Мефодий по документальным источникам», «Кирилл и Мефодий по западным легендам», «Кирилл и Мефодий по русским сказаниям») он успел издать только две первые.

В каждой из частей учёный осуществлял разбор и критику источников, затем прилагал исторический очерк деятельности солунских братьев согласно данным именно этой группы источников, после чего помещал в приложениях на языках оригинала тексты самих источников. Такой подход позволял изучать основные проблемы Кирилло-Мефодианы сразу по трём позициям.

Главным критерием источниковедческой работы В. А. Бильбасов считал выяснение вопроса о подлинности документа. С этой точки зрения источниковедческий разбор учёного следует считать образцовым. Хотя не все комментарии В. А. Бильбасова способны представить абсолютно ясную картину, в целом, можно согласиться с его ключевыми выводами, в том числе с признаниями подложности письма Стефана VI Святополку³². В корпусе документальных источников, к которым В. А. Бильбасов относил официальные акты, были представлены в общей сложности 27 документов (19 из них были составлены Римскими папами). Несмотря на немногочисленность документальных источников, учёный считал их «самыми драгоценными памятниками истории, самыми достоверными её свидетелями»³³. Преимущественно папский характер документов предопределил и особенность исторического очерка, написанного на их основе. Очерк был озаглавлен автором «Римские папы и славянские первоучители» и, помимо рассматриваемого труда, публиковался автором и отдельно³⁴.

Основные положения исторической составляющей труда В. А. Бильбасова затрагивали наиболее острые вопросы Кирилло-Мефодианы. Важнейшими из них были: доказательства греческого, а не славянского происхождения солунских братьев, крайняя враждебность к миссии первоучителей немецкого католического епископата, исключительно политические цели Ростислава и Римского папы Иоанна VIII, разрешившего славянское богослужение в Моравии³⁵. Отметим также, что эти политические цели В. А. Бильбасов, по сути, приписывал и славянским первоучителям. По крайней мере, именно так следует понимать одну из фраз автора в контексте общих оценок изобретения Кириллом и Мефодием славянской азбуки: «Подвиг великий: в нём высказывается и практический ум, и политическая мудрость солунских братьев»³⁶.

От документальных источников В. А. Бильбасов стремился отделить легендарные. Сами легенды и жития автор считал «смутным» источником, написанным «не на основе исторически верного хода фактов», а потому вызывающим «сомнения каждой строчкой, каждым словом»³⁷. Учёный представил во второй части своей монографии разбор и критику десяти западных легенд (Солунская, Итальянская, Моравская, Паннонское Житие, Сербское Житие и т.д.) Текстологические сравнения, попытки определения авторства и датировки составляли основу подробнейших комментариев В. А. Бильбасова. Укажем, однако, на аспект, который впоследствии вызовет решительное несогласие другого крупного источниковеда Кирилло-Мефодианы А. Д. Воронова. Знаменитое Паннонское Житие Св. Мефодия В. А. Бильбасов считал не самостоятельным трудом, а переводом, изобилующим интерполяциями³⁸. А. Д. Воронов впоследствии отвергнет тезис В. А. Бильбасова об

интерполяциях³⁹ и докажет недостоверность Солунской легенды, включённой В. А. Бильбасовым в свой труд под № 1. В то же время можно предполагать определённую степень сомнения насчёт её достоверности и у В. А. Бильбасова. По крайней мере, учёный отмечал в своём труде, что, хотя Солунская легенда была издана в Сербии ещё в 1856 г., её никто не использовал в научных целях ни в Российской империи, ни за границей.

Как и В. А. Бильбасов, А. Д. Воронов был ярким выразителем наметившейся в историографии тенденции от сбора отдельных источников о Кирилле и Мефодии к всестороннему, комплексному и систематическому обобщению их. А. Д. Воронов был профессором кафедры западных исповеданий Киевской духовной академии⁴⁰. Его главным трудом стала диссертация на степень доктора богословия «Главнейшие источники для истории Св. Кирилла и Мефодия» (1877), за которую он получил Уваровскую премию.

Автор диссертации откровенно признавал, что источниковедческие проблемы Кирилло-Мефодианы «ещё далеки от точного общепризнанного решения»⁴¹. С этой точки зрения он остро критиковал В. А. Бильбасова за т.н. «исторический скептицизм». Этот «исторический скептицизм» А. Д. Воронов усматривал, прежде всего, в общем подходе В. А. Бильбасова к классификации источниковой базы Кирилло-Мефодианы, а именно – попытки «представить жизнь и деятельность Славянских Первоучителей по документальным источникам особо и по легендарным особо»⁴². Такому подходу В. А. Бильбасова и других учёных, реконструирующих «историю Кирилла и Мефодия преимущественно по легендарным памятникам», А. Д. Воронов противопоставлял другой подход. Он заключался в критике всех легендарных источников, датировке основных из них, установлении взаимосвязи и степени соподчинённости друг с другом, установлении авторства, наконец, определении подлинности и достоверности некоторых спорных документальных источников⁴³. Суть своей новаторской для того времени методологии А. Д. Воронов определял так: «Критика легендарных источников может достигать твёрдых результатов не иначе как путём систематического и сравнительного изучения всех источников предмета легенд»⁴⁴. Укажем, что И. В. Ягич по этому поводу высказался весьма определённо: А. Д. Воронов в своём труде обнаружил »прекрасный критический талант«⁴⁵.

Среди всех легендарных источников главнейшим А. Д. Воронов считал Пространные или Паннонские Жития. Автор отвергал любые сомнения в их подлинности или, как полагал, например, В. А. Бильбасов, наличии в них значительных интерполяций. Ко времени написания диссертации А. Д. Воронова одним из важнейших вопросов дискуссии вокруг этих Житий был вопрос об их авторстве. Основным положением системы доказательств А. Д. Воронова стало не сличение стиля и манеры изложения, а сопоставление фактических данных в обоих Житиях соответственно о Кирилле и Мефодии. Путём сравнительно-текстологического анализа учёный установил, что оба Жития (и Кирилла, и Мефодия) были написаны одним и тем же автором и не могут рассматриваться как два отдельных и самостоятельных источника⁴⁶. Отметим, что подобная точка зрения была высказана до него ещё А. В. Горским и О. М. Бодянским, хотя и не получила широкого распространения. Большинство современных ему учёных считали вслед за П. И. Шафариком, что оба Жития написаны разными авторами.

Большую ценность представляли доказательства А. Д. Вороновым того, что автор Пространных Житий был православным славянином, жившим не в Паннонии, а в Болгарии, а сохранившейся славянской редакции Пространных житий предшествовала первоначальная греческая. В то же время А. Д. Воронов при датировке Житий представил, на наш взгляд, преимущественно косвенные доказательства. Согласно им автор источника не был непосредственным учеником и очевидцем деятельности славянских первоучителей и жил не ранее второй четверти X в.⁴⁷ Такая датировка учёного не получила подтверждения в науке. В настоящее время ясно, что А. Д. Воронов »омолодил« Жития по меньшей мере на 50 лет⁴⁸.

Обратим внимание ещё на ряд трактовок А. Д. Воронова, нуждающихся в уточнении, и сопоставим два его высказывания. «После Паннонских житий по важности сообщений первое место в ряду источников для истории Св. Кирилла и Мефодия принадлежат пространному житию Св. Климента или т.н. болгарской легенде», – указывал он в разделе «Греческие и греко-славянские источники»⁴⁹. Однако в следующем разделе «Источники славянские» это же первенство он отвёл другому источнику: «...по полноте известий и

близости к пространным или Паннонским житиям первое место занимают два похвальных слова св. первоучителей, – одно, посвящённое Св. Кириллу, другое – обоим св. братьям»⁵⁰.

Помимо греческих, греко-славянских и славянских памятников, А. Д. Воронов включил в своё исследование латинские документальные источники. Особенно важными из них учёный считал послания Римских пап. Но, признав подлинность послания Папы Адриана II к Ростиславу, Святополку и Коцелу, а также всех посланий Иоанна VIII, А. Д. Воронов в то же время доказал, что «послание с именем папы Стефана VI есть подлог Вихинга и латино-немецкой партии, составленный скоро после смерти Св. Мефодия»⁵¹. Отметим, что огромную важность папских писем как источников для Кирилло-Мефодианы учёный признает затем в специальной статье «Научное движение по вопросу о Св. Кирилле и Мефодии» (1881). В ней он высоко оценил издание немецким учёным П. Эвальдом сборника папских писем, принадлежащих Британскому музею, 233 из 400 которых никогда не издавались и не были известны. «Новооткрытые письма папы Иоанна VIII, – указывал А. Д. Воронов, – констатируют оспариваемый многими факт жестоких гонений на Св. Мефодия, дополняют показания пространного жития некоторыми подробностями и точно определяют время этих гонений»⁵². Издание П. Эвальда полностью подтверждало ранее оспариваемую А. Д. Вороновым подлинность послания папы Стефана VI, что заставило киевского историка пересмотреть свой прежний вывод по данному вопросу.

При столь большом значении, которое отводил А. Д. Воронов папским письмам в истории Кирилло-Мефодианы, ценность других латинских источников имела для него второстепенное значение. В современной же славистике была высказана весьма спорная точка зрения о том, что в своей докторской диссертации «среди обширного комплекса различных источников... А. Д. Воронов наибольшее внимание уделял древним глаголическим службам Св. Кирилла и Мефодия, которые не были предметом исследования отечественных авторов»⁵³. А. Д. Воронов действительно первым в отечественной историографии исследовал их и издал в приложениях в русской транскрипции, пользуясь публикациями своих предшественников Берсича и Месича⁵⁴. Однако текст их исследования всего в полтора десятка страниц (Пространным Житиям он посвятил сто страниц) вовсе не изобличает особых пристрастий к ним со стороны А. Д. Воронова, особенно в контексте вышеотмеченных отзывов учёного о значении не только Пространных Житий или папских писем, но и Пространного Жития Св. Климента и двух Похвальных слов Кириллу и Мефодию. В основных же положениях своей работы на докторском диспуте он, по сути, поставил эти глаголические службы в один ряд с Итальянской (правильнее – Итальянской (*Legenda Italica*) – С.Л.) легендой: «Что латинский запад, с восстановлением чествования Кирилла и Мефодия, исторические сведения о них заимствовал от православного востока, это подтверждается как итальянской легендой, которая составлена почти исключительно по славянским источникам, так и древними глаголическими службами римско-католического обряда, которые также составлены не ранее половины XIV в.»⁵⁵. Не склонен преувеличивать значения изучения А. Д. Вороновым древних глаголических служб и современный украинский исследователь О. В. Файда⁵⁶.

Однако помимо источниковедческой составляющей монографии А. Д. Воронова огромную ценность для исследователя его творчества могут представлять и важные концептуальные положения о месте Кирилла и Мефодия в истории славянства, о роли в их миссии официального Константинополя. В этом смысле чрезвычайно важны два его высказывания. Вразрез с мнениями И. В. Платонова и П. А. Лавровского, считавших инициаторами миссии солунских братьев Византийское государство⁵⁷, и высказываниями В. И. Григоровича, называвшего её вдохновителем Патриарха Фотия⁵⁸, А. Д. Воронов доказывал, что деятельность Кирилла и Мефодия, «посвящённая почти всецело славянству, была отдалена от круга ближайших интересов Византии...»⁵⁹. Что же касается значения деятельности солунских братьев, то, по мнению учёного, вопрос о Кирилле и Мефодии – «основной вопрос церковной и культурной истории Славянства»⁶⁰.

Эту явно преувеличенную точку зрения А. Д. Воронов высказал на докторском диспуте, но не она обратила на себя внимание его оппонента, киевского профессора И. И. Малышевского. В открытом письме «Вопросы критики относительно некоторых источников для истории Свв. Кирилла и Мефодия» (1877) И. И. Малышевский стремился, прежде всего, опровергнуть утверждение А. Д. Воронова о начальной греческой редакции

Пространных Житий Кирилла и Мефодия⁶¹. Эти возражения вызвали дискуссию двух учёных в киевской прессе, которая, однако, не заставила А. Д. Воронова отказаться от ранее высказанного утверждения относительно греческой редакции⁶².

И. И. Малышевский (1828–1897) был профессором кафедры русской гражданской истории Киевской духовной академии⁶³. Его возражения представляют интерес для Кирилло-Мефодианы прежде всего в связи с тем, что в них он очертил контуры ряда проблем, которые станут предметом его собственного исследования «Свв. Кирилл и Мефодий» (1885). Несмотря на популярный стиль изложения, она целиком базировалась на источниках и включала в себя разбор и критику ряда утверждений предшественников и современников. В сравнении с диссертацией А. Д. Воронова, И. И. Малышевский расширил круг этих источников за счёт новых, введенных в научный оборот в период между публикациями двух указанных сочинений, хотя главными среди них, как и А. Д. Воронов, И. И. Малышевский всё же считал Паннонские Жития. С этой точки зрения мы не можем согласиться с бытовавшим ещё в советской науке представлением о том, что книга И. И. Малышевского «лишена самостоятельного источниковедческого анализа»⁶⁴.

Одной из особенностей изучения И. И. Малышевским проблем Кирилло-Мефодианы, проявившейся ещё в его дискуссии с А. Д. Вороновым, была попытка более дифференцированного подхода к намерениям, устремлениям и заслугам каждого из первоучителей в отдельности⁶⁵. К этому, скорее всего, обязывало его само содержание Паннонских Житий. В связи с этим станет понятнее один из ключевых выводов учёного о том, что «мысль о переводе всех священных книг на славянский язык принадлежала именно и всецело Константину, имевшему первого последователя в своём брате Мефодии»⁶⁶. Этую заслугу Кирилла делало ещё масштабнее главное концептуальное положение И. И. Малышевского: «Великость подвига заключается не столько в изобретении славянских письмен, сколько в переводе священных книг, а ещё более в самой мысли о переводе их и в мысли ввести чтение на народном языке в богослужении...»⁶⁷. По мнению автора, мысль эта возникла у Кирилла очень рано, ещё на Олимпе в Вифинии, который И. И. Малышевский впервые в историографии подробно рассмотрел как место деятельности славянских первоучителей⁶⁸. Ранее, в отличие от И. И. Малышевского, В. А. Бильбасов пытался доказать, что под Олимпом следует понимать Афон. В то же время, указав на Кирилла, как на создателя славянских букв (кириллицы), И. И. Малышевский подчеркивал: «Исторические доказательства о создании Константином глаголицы, а не кириллицы не представляются убедительными»⁶⁹. В своей рецензии на этот труд крупный славист А. С. Будилович выразил сомнение в том, что одному лишь Кириллу принадлежала идея перевода богослужебных книг на славянский язык и введение на этом языке богослужения⁷⁰.

Другой особенностью работы И. И. Малышевского, существенно отличающей её от подавляющего большинства сочинений отечественной Кирилло-Мефодианы, было признание им византизма как силы, не менее враждебной славянскому самосознанию, чем римско-католический запад. И хотя при этом И. И. Малышевский неоднократно подчёркивал, что и Кирилл, и Мефодий полностью доказали свою верность православию⁷¹, утверждения православного доктора богословия И. И. Малышевского по некоторым указанным позициям, по сути, совпадали с антивизантийскими трактовками западных учёных. Такие антивизантийские высказывания были характерны и для творчества известного российско-болгарского учёного М. С. Дринова. Тем не менее данная работа была отмечена престижной Макарьевской премией. Как «свод всего ранее сделанного» оценивал этот труд известный славист М. Г. Попруженко⁷². На ценность и актуальность многих его положений обращалось внимание и в историографической литературе последних десятилетий⁷³. Отметим также, что в продолжение прежней темы И. И. Малышевский предпримет вскоре новаторскую попытку подробно рассмотреть судьбы славянской Церкви в Мораве и Паннонии после смерти солунских братьев. Однако этот важный труд станет достоянием науки уже вне рамок рассматриваемого периода. Само творчество И. И. Малышевского, бесспорно, оставил самый заметный след в кирилло-мефодиевской литературе юбилейного 1885 г., после которого дореволюционные киевские историки к данной тематике уже специально не обращались.

Изучение деятельности славянских первоучителей Кирилла и Мефодия стало, таким образом, одним из приоритетных направлений отечественной исторической науки в

XIX в. Интерес к данной теме был связан в первую очередь с юбилеями славянских первоучителей. Заметное место в этих исследованиях принадлежит представителям киевской школы Кирилло-Мефодианы. Этой школе был присущ ряд особенностей: 1) преимущественно источниково-ческий характер научных работ; 2) она объединяла в себе профессоров и преподавателей сразу двух высших учебных заведений, тесно связанных между собой – Университета Св. Владимира и Киевской духовной академии; 3) в отличие от представителей других школ, в том числе харьковской и одесской, ни один из киевских исследователей кирилло-мефодиевской проблемы не являлся преподавателем кафедры славянской филологии. У истоков киевской школы стоял профессор философии Университета Св. Владимира О. М. Новицкий, обратившийся к изучению проблемы перевода Священного Писания на славянский язык. Выразителями тенденции от сбора отдельных источников о Кирилле и Мефодии к всестороннему, комплексному и систематическому обобщению их стали профессор кафедры всеобщей истории Университета Св. Владимира В. А. Бильбасов и профессор кафедры церковной истории и кафедры истории западных исповеданий Киевской духовной академии А. Д. Воронов. Существенно расширил источниково-ческую базу Кирилло-Мефодианы и впервые в историографии рассмотрел деятельность славянских первоучителей на Олимпе в Вифинии профессор кафедры русской гражданской истории Киевской духовной академии И. И. Малышевский. Преобладающей идеальной позицией этих авторов была славянофильская доктрина о противоположности двух начал: славянско-православного и латинско-германского-католического.

¹ См.: Добропольский, И. Кирилл и Мефодий. Словенские первоучители. Историко-критическое исследование / Пер. с нем. М. Погодина. VII. М.: Тип. Селивановского, 1825, 150 с.

² Лаптева, Л. П. Йозеф Добропольский и русское славяноведение в XIX в. // Славяноведение. – 2003. – № 6. – С. 22; Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М.: Наука, 1979, с. 156.

³ Бузескул, В. П. Всеобщая история и её представители в России в XIX – начале XX вв. Ч. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1929, 218 с; Ч. 2. 1931, с. 114–115.

⁴ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 491.

⁵ Копилов, С. А. Проблеми історії слов'янських народів в історичній думці України (остання третина XVII – початок ХХ ст.). Кам'янець-Подільський: ОЮм, 2005; Лаптева, Л. П. История славяноведения в России в XIX в. М.: Индрик, 2005, с. 206–210, 292–293.

⁶ Лаптева, Л. П. История славяноведения в России в XIX в. М.: Индрик, 2005, с. 292–293.

⁷ Файда, О. В. Візантійстика в Київській Духовній Академії в 1819–1919 рр.: дис. ... канд. іст. наук. Львів, 2006, с. 110–117.

⁸ Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М.: Наука, 1979, с. 71–72, 110, 233.

⁹ Лиман, С. І. Медієвістика в Україні в кінці XIX – на початку ХХ ст. (1880–1917 рр.): дис. ... канд. іст. наук. Харків, 1993, с. 196–199.

¹⁰ Лиман, С. І. Ідеи в латах: Запад или Восток? Средневековые в оценках медиевистов Украины (1804 – первая половина 1880-х гг.). Х.: ХДАК, 2009, с. 412–413, 416, 420, 424–432.

¹¹ Митряев, А. И. Кирилло-мефодиевская проблема в трудах медиевистов Украины XIX–XX вв. / А. И. Митряев, С. И. Лиман // Болгарская культура в веках: тез. докл. науч. конф., 26–27 мая 1992 г. М., 1992, с. 104–105; Лиман, С. І. Історія зарубіжної православної церкви в працях медієвістів України кінця XIX – початку ХХ ст. // Культура України. – Х., 1997. – Вип. 4. – С. 68–69.

¹² Лиман, С. І. Василь Олексійович Бильбасов як історик-медієвіст: київський період його науково-педагогічної діяльності (1867–1871 рр.) // Вісник Харківської державної академії культури. – Х., 2009. – Вип. 25. – С. 53–55.

¹³ Новицкий, О. О первоначальном переводе Священного Писания на славянский язык. К.: Тип. ун-та, 1837, 81 с.

¹⁴ Биографический словарь профессоров и преподавателей университета Св. Владимира (1834–1884). К.: Тип. ун-та, 1884, с. 489.

¹⁵ Новицкий, О. О первоначальном переводе Священного Писания на славянский язык, с. 1.

¹⁶ Там же, с. 14.

¹⁷ Там же, с. 27.

¹⁸ Лаптева, Л. П. Йозеф Добропольский и русское славяноведение в XIX в., с. 22.

¹⁹ Институт рукописей Центральной научной библиотеки Украины (далее – ИРЦНБУ). – Ф. 201. – Д. 42. Министр народного просвещения Новицкому Оресту Марковичу. Письмо о награждении его Цесаревичем за книгу «О первоначальном переводе Священного писания на славянский язык», 1837, л. 1.

²⁰ Лебединцев Феофан Гаврилович // РБС. Т. 9. СПб., 1914, с. 114–115.

²¹ Лебединцев, Ф. О жизни и трудах Св. Кирилла и Мефодия, первоучителей славянских // Киевские епархиальные ведомости. – 1862. – № 16. – С. 549.

²² Там же. – С. 541.

²³ Центральный государственный исторический архив Украины (далее – ЦГИАУ). – Ф. 711. – Оп. 3. – Д. 1017. Розов А. Отчёт о содержании лекций по средней истории, читанной студентам II курса в 1872/73 учебном году ([Программы по обязательным предметам]. Учебные программы и отчёты преподавателей [Киевской духовной] академии за 1872/73 уч. г.). Л. 58.

²⁴ ИРЦНБУ. – Ф. 160. – Д. 1620. Ковалыниций М. Ю. Общая церковная история. Билеты 1–8, 10–21. С пояснительной надписью А. С. Крыловского. Л. 110–129.

²⁵ Пигулевский, И. Деятельность Св. Константина (Кирилла) и Мефодия среди фракийских, македонских и булгарских славян // УИ. – 1862. – № 5. – С. 38.

²⁶ Биографический словарь профессоров и преподавателей университета Св. Владимира, с. 48–50; Государственный архив г. Киева (далее – ГАГК). – Ф. 16. – Оп. 465. – Д. 4749. Формулярный список В. А. Бильбасова. 1874. Л. 75(об.)–76.

²⁷ Бильбасов, В. А. Римские папы и славянские первоучители // ЖМНП. – 1868. – № 5. – С. 370; Бильбасов В. А. Кирилл и Мефодий по документальным источникам. СПб.: Печатня В. Головина, 1868, с. 98.

²⁸ Очерки истории исторической науки в СССР. М.: Изд-во АН СССР. Т. 1–2. 1961, с. 491.

²⁹ Платонов, И. Жизнь и подвиги первоучителей славянских Кирилла и Мефодия // Духовный вестник. – 1862. – № 7. – С. 326.

³⁰ Бильбасов, В. А. Кирилл и Мефодий по документальным источникам. – С. 8.

³¹ Там же, с. 10.

³² Там же, с. 30.

³³ Там же, с. 11.

³⁴ Бильбасов, В. А. Римские папы и славянские первоучители // ЖМНП. – 1868. – № 5. – С. 327–377.

³⁵ Бильбасов, В. А. Кирилл и Мефодий по документальным источникам, с. 53, 79; Бильбасов, В. А. Кирилл и Мефодий по западным легендам. СПб.: Печатня В. Головина, 1871, с. 139, 180, 211.

³⁶ Бильбасов, В. А. Кирилл и Мефодий по документальным источникам, с. 62.

³⁷ Бильбасов, В. А. Кирилл и Мефодий по западным легендам, с. 1.

³⁸ Там же, с. 71–72.

³⁹ Воронов, А. Д. Главнейшие источники для истории Св. Кирилла и Мефодия // ТКДА. – 1876.

– № 10. – С. 141.

⁴⁰ ЦГИАУ. – Ф. 711. – Оп. 3. – Д. 923. Формулярный список о службе ординарного профессора Киевской Духовной академии, доктора Василия Певницкого за 1870 год. Л. 102–103.

⁴¹ Воронов, А. Д. Главнейшие источники для истории Св. Кирилла и Мефодия // ТКДА. – 1876.

– № 10. – С. 121.

⁴² Там же, с. 125.

⁴³ Там же, с. 126; Докторский диспут экстраординарного профессора Киевской духовной академии А. Д. Воронова // ТКДА. – 1877. – № 12. – С. 785.

⁴⁴ Воронов, А. Д. Главнейшие источники для истории Св. Кирилла и Мефодия // ТКДА. – 1876.

– № 8. – С. 442.

⁴⁵ Ягич, И. В. История славянской филологии. СПб.: Тип. АН, 1910, с. 656.

⁴⁶ Воронов, А. Д. Главнейшие источники для истории Св. Кирилла и Мефодия // ТКДА. – 1876.

– № 10. – С. 143–144, 163.

⁴⁷ Воронов, А. Д. Главнейшие источники для истории Св. Кирилла и Мефодия // ТКДА. – 1876.

– № 10. – С. 223, 225; Докторский диспут экстраординарного профессора Киевской духовной академии А. Д. Воронова, с. 787.

⁴⁸ О современных трактованиях по данному вопросу см.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1. Харьков: Майдан, 2005, с. 107–108; Ч. 2, с. 1409–1410.

⁴⁹ Воронов, А. Д. Главнейшие источники для истории Св. Кирилла и Мефодия // ТКДА. – 1877.

– № 1. – С. 76.

⁵⁰ Там же. – № 4. – С. 144.

⁵¹ Докторский диспут экстраординарного профессора Киевской духовной академии А. Д. Воронова..., с. 789.

⁵² Воронов, А. Д. Научное движение по вопросу о Святых Кирилле и Мефодии // ТКДА. – 1881.

– № 8. – С. 398.

⁵³ Копилов, С. А. Проблеми історії слов'янських народів в історичній думці України (остання третина XVII – початок XX ст.), с. 207–208.

⁵⁴ Воронов, А. Д. Главнейшие источники для истории Св. Кирилла и Мефодия // ТКДА. – 1877.

– № 4. – С. 183–202.

- ⁵⁵ Докторский диспут экстраординарного профессора Киевской духовной академии А. Д. Воронова, с. 790.
- ⁵⁶ *Файда, О. В. Візантиністика в Київській Духовній Академії в 1819–1919 pp.: дис. ... канд. іст. наук.* С. 110.
- ⁵⁷ *Платонов, И. Жизнь и подвиги первоучителей славянских Кирилла и Мефодия // Духовный вестник.* – 1862. – № 6. – С. 290–291.
- ⁵⁸ *Григорович, В. И. Несколько слов, сказанных по поводу празднования тысячелетия со временем кончины Св. Кирилла // Записки Новороссийского университета.* Т. 3. 1969, с. 9–10.
- ⁵⁹ *Воронов, А. Д. Главнейшие источники для истории Св. Кирилла и Мефодия // ТКДА.* – 1876. – № 10. – С. 118.
- ⁶⁰ Докторский диспут экстраординарного профессора Киевской духовной академии А. Д. Воронова, с. 783
- ⁶¹ *Малышевский, И. И. Вопросы критики относительно некоторых источников для истории свв. Кирилла и Мефодия // ТКДА.* – 1877. – № 12. – С. 791.
- ⁶² *Воронов, А. Д. Главнейшие источники для истории Св. Кирилла и Мефодия // ТКДА.* – 1876. – № 10. – С. 222.
- ⁶³ Пятидесятилетний юбилей Киевской духовной академии. К.: Тип. Киевопечерской Лавры, 1869, с. 396: ЦГИАУ. – Ф. 711. – Оп. 3. – Д. 923. Формулярный список о службе ординарного профессора Киевской Духовной академии, магистра Ивана Малышевского за 1870 год. Л. 19–20.
- ⁶⁴ *Очерки истории исторической науки в СССР.* Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 491.
- ⁶⁵ *Малышевский, И. И. Вопросы критики относительно некоторых источников для истории свв. Кирилла и Мефодия // ТКДА.* – 1877. – № 12. – С. 794, 795; *Малышевский И. И. Святые Кирилл и Мефодий // ТКДА.* – 1885. – № 5. – С. 114, 116.
- ⁶⁶ *Малышевский, И. И. Святые Кирилл и Мефодий.* – № 6. – С. 204.
- ⁶⁷ Там же, с. 198.
- ⁶⁸ Там же. – № 7. – С. 396.
- ⁶⁹ Там же, с. 409.
- ⁷⁰ *Будилович, А. С. [Рец.] // ЖМНП.* – 1887. – № 6. – С. 374 (Малышевский И. И. Святые Кирилл и Мефодий // ТКДА. – 1885. – № 5. – С. 84–121; № 6. – С. 149–208; № 7. – С. 380–419; № 8. – С. 526–581; № 9. – С. 49–105; № 10. – С. 275–310; № 11. – С. 424–469).
- ⁷¹ *Малышевский, И. И. Святые Кирилл и Мефодий.* – № 8. – С. 551; № 9. – С. 90, 97.
- ⁷² *Попруженко, М. Г. Заметки по Кирилло-Мефодиевскому вопросу.* Одесса: Тип. Штаба Одесского военного округа, 1892, с. 16.
- ⁷³ Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь, с. 233; *Файда, О. В. Візантиністика в Київській Духовній Академії в 1819–1919 pp.: дис. ... канд. іст. наук.,* с. 117.

ГРАНОВСКИЙ И СЛАВЯНО-БОЛГАРСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

С. И. Муртузалиев

Муртузалиев, С. И. Грановський і слов'яно-болгарська проблематика

Т. Н. Грановського по праву можна зарахувати до когорти російських істориків, що сприяли пропаганії досліджень про південних слов'ян на якісно вищому рівні. Проблеми історії слов'янських народів він захопився під час перебування у Празі 1838 р. Інтерес до слов'янської проблематики у Грановського зберігався й надалі, що підтверджується його пізнішими листами та матеріалами лекційного курсу 1845/1846 навчального року.

Ключові слова: Грановський, слов'яни, болгари, лекції, всеєвітня історія, «неісторичні» народи.

Муртузалиев, С. И. Грановский и славяно-болгарская проблематика

Т. Н. Грановского по праву можно причислить к когорте российских историков, способствовавших продвижению исследований о южных славянах на более высокую ступень. Проблемами истории славянских народов он увлекся в Праге (1838). Интерес к славянской проблематике у Грановского сохранился и в дальнейшем, что подтверждается его письмами более поздней поры и материалами лекционного курса 1845/1846 учебного года.

Ключевые слова: Грановский, славяне, болгары, лекции, всеобщая история, «неисторические» народы.

Murtuzaliev, S. I. Granovskiy and Slavo-Bulgarian issues

T. N. Granovskiy ranks among the cohort of Russian historians, contributing to the promotion of research on the southern Slavs to a higher level. In Prague (1838) T. N. Granovskiy became fascinated by the history of the Slavic peoples. Interest in Slavic issues Granovskiy preserved, as evidenced by his letters and materials of the lecture course in 1845/1846 academic year.

Keywords: Granovskiy, Slavs, Bulgarians, lectures, general history, »unhistorical” peoples.

В историографии второй половины XIX–XX вв. многократно отмечалось, что в «безмолвии и мертвом покое николаевской темницы хорошо думалось». Царизму не удалось поработить передовых людей той эпохи ни умственно, ни духовно – в сфере «высоких идей» они одержали победу над самодержавием¹.

Видным представителем этого периода российской истории был Тимофей Николаевич Грановский (1813–1855) – профессор всеобщей истории и декан историко-филологического факультета Московского университета, один из представителей «западничества» в России первой половины XIX века. Современники и последователи характеризовали Т. Н. Грановского не иначе как «Пушкин истории», «великий ученый», «идеальный профессор», деятель просвещения, который «думал историей, учился историей и историей впоследствии делал пропаганду», мыслитель, который «в своей области пробил окно в Европу». «Человек сороковых годов», он вместе с П. Н. Кудрявцевым (1816–1858) – своим студентом, который под влиянием Грановского на последних курсах университета стал заниматься историей, а потом и коллегой по кафедре – стоял у истоков отечественной медиевистики и закладывал фундамент российской науки о всеобщей истории.

Родившись в дворянской семье среднего достатка, Грановский по ряду причин не смог получить систематического образования, пока не поступил на юридический факультет Петербургского университета, в котором учился с 1832 по 1835 годы. В университете молодой Грановский получил «добрюю солидную школу», познакомился «со многими науками», что позволило ему «собрать хороший запас фактических сведений разного рода»². Этим, в основном, дело и ограничилось, так как в начале 1830-х годов университет переживал тяжелые времена, в нем царила зубрежка и посредственность³.

Вскоре после окончания университета Грановский получил предложение готовиться в профессора истории для Московского университета и отправился в длительную заграниценную командировку (1836–1839 гг.). В Берлинском университете стажер слушал лекции и занимался с такими известнейшими корифеями того времени как Л. Ранке, К. Риттер, Ф. К. Савиньи, Э. Ганса и др., знакомился с передовыми идеями и методикой западноевропейской медиевистики, с гегелевской философией. Именно тогда Грановский увлекся французской и английской историографией, трудами Э. Гиббона, Ф. Гизо, Ж. Мишле,

О. Тьери и Д. Юма, «в которых особое внимание уделялось социально-политическому аспекту исторического развития»⁴.

Во время пребывания в Праге (1838 г.) Грановский познакомился с видными представителями чешского национального и культурного возрождения, а также с молодыми российскими славистами О. М. Бодянским и Н. Д. Иванишевым. Здесь молодой историк увлекся проблемами истории славянских народов⁵. В письме из Праги Грановский писал: «Что будет из южных славян – бог весть. ...Но что в них шевелится новая жизнь, что у них есть новыя потребности, в этом нет сомнения»⁶.

Грановский сообщал Н. Г. Фролову о намерении писать статью о положении славянских племен, обо всем виденном, слышанном и передуманном «об этом предмете в Праге», но выражал сомнение в возможности публикации своей работы в России. Само письмо не уцелело – мы знаем о нем благодаря ответу Фролова (27 мая 1838 г.), сохранившемуся среди бумаг Грановского⁷, поэтому нам не известно планировал ли он включить в статью материал о болгарах. Кроме того, следует отметить, что не следует преувеличивать силу славянских увлечений Грановского. Поездка для изучения славянских языков во владения Австрийской империи была, по признанию самого Грановского, предлогом переменить место, развеяться⁸.

Из дальнейшей переписки Грановского мы узнаем, что он занялся изучением славянских языков, историей Чехии и сербских исторических песен, о болгарах стажер не упоминает. Выяснив состояние источников базы, молодой учёный пришел к выводу, что «жестоко надулся» в своих ожиданиях, так как имеющийся материал не давал того, что стажер искал «в этой науке». «Меня, – писал он, почти исключительно занимает развитие политических форм и учреждений». Сознавая односторонность такого направления своих научных интересов, Грановский тем не менее не смог «из него вырваться»⁹.

Интерес к славянской проблематике у Грановского сохранился, что подтверждается его письмами более поздней поры¹⁰ и материалами лекционного курса 1845–1846 учебного года, которые свидетельствуют о его знакомстве с трудами Ю. И. Венелина по истории Болгарии. Давая студентам характеристику работ молодого Венелина, Грановский критически замечал, что они «носят... печать и сильных дарований, и трудолюбия, но нельзя не заметить», что Венелину «недостает полного исторического образования», отсюда и ошибки и стремление «населить весь мир своими единоплеменниками... Это свидетельствует некоторым образом о младенческом состоянии науки»¹¹ о славянах, заключал Грановский.

В этой связи следует рассмотреть вопрос об общем (массовом) уровне знаний российского общества того времени по всеобщей истории.

Оценивая общий низкий уровень российских учебников по всеобщей истории, изданных в первой половине XIX в., лучше всего сослаться на компетентное мнение Т. Н. Грановского, который писал: «При настоящем состоянии русской учебной литературы... критика не имеет права произносить строгих приговоров. [...] Весьма немногие сочинения имеют у нас значение самостоятельных явлений: большая часть суть только учебные пособия»¹².

В рецензии Грановского (1841 г.)¹³ на учебник С. Н. Смарагдова «Руководство к знанию средней истории» (СПб., 1841) отмечалось, что в книге «нет ни новых самостоятельных исследований, ни даже результатов большой начитанности» составителя. В этом смысле ее нельзя назвать ученой книгой, но «она заключает в себе главные условия, требуемые от учебника». Грановский указывает, что «в основание своего труда» Смарагдов положил сочинения 1830-х годов немецкого историка Лео, удачно сократив и соединив «две книги в одно целое», но там, где Смарагдов отступает от Лео, эти части «наименее удались ему». Несмотря на это, «история г. Смарагдова гораздо выше всего, что у вас сделано в этом роде», – резюмирует Грановский¹⁴.

Характер конкретных замечаний по «некоторым недостаткам» учебника свидетельствует о явно завышенной оценке «Руководства...», чем та, которую Грановский дал в начале рецензии. Лояльность Грановского к составителю учебника объясняется, на наш взгляд, надеждой рецензента на то, что во втором издании отмеченные «недостатки... легко можно исправить»¹⁵. Второй причиной могло явиться то, что Грановский «редко выступал... как критик, еще меньше любил литературную полемику, но никогда не прочь был предпослать свое одобрение полезному изданию, чтобы обеспечить обращение его в публике»¹⁶. Ярким подтверждением этих слов П. Н. Кудрявцева является рекомендация «публике» заведомо слабого «Руководства» Смарагдова.

Надо отдать должное Грановскому, который по прошествии нескольких лет дал более объективную оценку «Учебной книге Всеобщей истории» Кайданова (1839 г.) и уже упоминавшемуся «Руководству» Смарагдова (1841 г.). В одной из лекций студентам университета (1849–1850 учебный год), характеризуя учебники и руководства по Всеобщей истории, Грановский говорил: «Кроме Кайданова, о котором нечего и говорить, есть история Смарагдова – дурная переработка или переделка книги Лео. Г. Смарагдов ее испортил, потому что многое не понял», зачастую он «не умеет отличить источника от учебного пособия»¹⁷. Фактически «Руководство» Смарагдова было хуже своего предшественника – учебника Кайданова¹⁸.

В «Записке... к Программе Учебника Всеобщей истории» (1850 г.) Грановский вновь пишет об отсутствии «хорошего руководства к изучению Всеобщей Истории», которое давно «ощутительно в нашей учебной литературе»¹⁹.

Свое понимание причин недостаточной разработки проблем Всеобщей истории Грановский изложил 12 января 1852 года в речи на торжественном собрании Московского университета. Профессор говорил, что хотя история и сделала «великие успехи», но все сочинения первой половины XIX в. по Всеобщей истории и за рубежом и в России являются более или менее неудачными попытками «осуществить идеал Всеобщей Истории». Объяснение этому он видел не в «бессилии писателей», а в отсутствии «строгого метода и в недовольно ясном сознании настоящих целей нашей Науки»²⁰.

Всеобщая история, по мнению Грановского, должна иметь дело не с количеством, а с качеством фактов и «восходить от отдельных явлений [конкретных событий – С.М.] к общему [к глобальным обобщениям – С.М.], к неизменному, к закону». Она должна идти «путем обыкновенного размышления, и только то, что в ней самой открывается, имеет в ней место». Всеобщая история, в отличие от фактографической всемирной истории, раскрывает «внутреннее единство» или органичность исторического развития человечества²¹.

Если Грановский и некоторые другие российские ученые пришли в 50-х годах XIX века к пониманию необходимости новых подходов к изучению и освещению Всеобщей истории, к созданию новых учебных пособий, то среди значительной части преподавателей первой половины XIX столетия господствовало мнение, что лучшими пособиями являются те, которые проверены, одобрены и утверждены вышестоящими инстанциями. Определенной части российской профессуры 1830–40-х годов, равнодушной к своему делу, подобные учебники позволяли отгородиться от живой науки, оставаться в рамках требований теории официальной народности и, тем самым, не рисковать служебным и общественным положением²².

Хотя необходимость просвещения была официально осознана российскими властями еще со времен Петра I, однако просвещение, столь необходимое в цивилизованном государстве, становилось в России основным источником «революционной заразы». Нуждаясь в собственных специалистах, имевших европейское образование, властные структуры вынуждены были мириться с идущим с Запада «вольномыслием» как с неизбежным злом. В представлении царской администрации задача сохранения освященного веками коренного порядка русской жизни требовала всемерного укрепления существующего строя, а не преобразований. Попытка декабристов разрушить этот «порядок» 14 декабря 1825 года была воспринята царем Николаем I как «отвратительное» событие, дающее право применения силовых мер воздействия против идущего с Запада свободомыслия.

Переходя к рассмотрению лекционных курсов Грановского по Всеобщей истории, заметим, что ввиду обширности материала, основным объектом нашего внимания в данной статье является история Болгарии XV–XVI веков. Лекции профессора, пользовавшиеся огромной популярностью у современников, старательно конспектировались студентами и затем расходились во множестве списков среди передовой части российского общества. Кроме того, лекции дают представление о научном уровне и преподавания и преподавателя, а суждения о Грановском в этом отношении далеко не однозначны.

Среди многих дореволюционных историков бытовало мнение, что Грановский не более чем талантливый популяризатор западноевропейской медиевистики. К примеру, с точки зрения О. М. Бодянского, Грановский «это профессор-декламатор, но не писатель; что чужое он очень умеет передать в приличном виде, в формах привлекательных и т.п., но сам создавать, выражать созданное не в состоянии и вообще показывает неумение, не-

ловкость обращаться с пером». О. М. Бодянский «внутренне сочувствовал ему, зная это давным-давно»²³.

Подобного же мнения придерживался и профессор М. А. Максимович, читавший в Московском университете естественную историю²⁴. Одним из поводов для такого мнения служило убеждение самого Грановского в том, что русским ученым, специализирующимся по зарубежной истории, еще не время погружаться в «чистый» академизм с его узкой специализацией. Сперва надо понять, что такое история и овладеть ее законами, осознать идеи, связывающие воедино все многообразие фактических данных²⁵.

Мнение это, сложившееся у Грановского еще во время зарубежной командировки, говорит о высокой требовательности ученого, прежде всего, к себе. Друживший с Грановским И. С. Тургенев утверждал, что профессор не имел притязаний «на звание специалиста, ученого в строгом смысле слова...». Весь «проникнутый наукой», он «посвятил себя всего делу просвещения и образования», добросовестно «передавал науку...»²⁶.

Тургенев нашел довольно точное выражение для характеристики основной направленности деятельности друга, которая, однако, не ограничивалась только добросовестной «передачей науки». Исследования советских историков подтвердили высокую оценку исторических трудов Грановского, данную еще в 1856 году Н. Г. Чернышевским. Он писал о том, что Грановский «был одним из сильнейших посредников между наукой и нашим обществом; очень немногие лица в нашей истории имели такое могущественное влияние... Все замечательные ученые и писатели нашего времени были или друзьями, или последователями его»²⁷.

В опубликованных текстах лекций встречается всего одно упоминание, связанное с историей Болгарии XV в. – это один из сюжетов о янычарах, которые «были страшны, выигрывали все великие битвы, при Варне, при Косове...». Во всех остальных случаях Грановский использует термины «христиане» и «славяне», государства которых находились «на южной стороне близ Дуная. Эти государства были... завоеваны турками. Отчаянно сопротивлялись они, но вожди не смогли сдержать этого натиска»²⁸.

Большой абзац посвящен христианским мальчикам (многие из которых рекрутировались из болгар, набираемых в янычарское войско, их распределению: малая часть – в сераля (султанский дворец), большая – отдавалась на время (до достижения 20 лет) анатолийским туркам... Рекруты воспитывались в духе «мрачного религиозного фанатизма», превращавшего их в самых страшных и жестоких врагов христианских народов. «Таким образом, на счет христианского народонаселения поддерживал турецкий султан могущество свое». Из воспитанников сераля «выходили первые военачальники и великие визири; в половине 16 столетия все великие визири... были отсюда». Грановский не указывает откуда он почерпнул эти сведения, но перед этим упоминает Л. Ранке и А. Л. Шлётцера²⁹, труды которых прекрасно знал.

Принципиально новой для России эту информацию не назовешь, но слушатели легко могли связать ее с историей болгарского народа, который все чаще начинает упоминаться в российской прессе и трудах отдельных ученых. Нельзя исключать и вероятность того, что профессор сам мог сделать это на своих лекциях. Известно, что при всей тщательности составления конспекта он не может считаться полным воспроизведением живой речи преподавателя.

Причин столь минимальной информации по истории Болгарии XV в., на наш взгляд, несколько.

1. В опубликованном курсе лекций по всеобщей истории за 1849–1850 учебный год отсутствуют разделы, посвященные Византии и славянам. Издатели ограничились переизданием лекций, имеющих с их точки зрения наиболее существенное значение³⁰. Винить их в этом нельзя, но в нашем случае (и не только для нас) ценность публикации значительно возросла бы в случае полного издания лекционных курсов и всего научного наследия Грановского.

2. Впрочем, возлагать большие надежды на отсутствующие лекции (не включенные в опубликованные материалы) не приходится. В уже упоминавшейся «Записке... к Программе Учебника Всеобщей истории» Грановский сам отмечал, что во «Всеобщих историях», написанных зарубежными авторами XVII – начала XIX в., изложение истории славян давалось весьма поверхностно и предвзято, а хороших, оригинальных «всеобщих историй» в России не создано³¹.

Учитывая тот факт, что распространявшиеся в России «всеобщие истории» представляли собой переводы или компиляции из одного или нескольких авторов (чаще всего немецких или французских), следует признать, что российский читатель (ученик, студент и т.д.) изначально был обречен получить в руки книгу с отмеченными выше упущениями и недоработками.

3. По свидетельству П. Н. Куряяцева, «строго систематическое» и «последовательное изложение всего содержания науки не было... делом» Грановского; «темные и бесплодные эпохи» он «проходил в быстром очерке», сосредоточивая «внимание на лучших представителях духа времени в каждом историческом периоде»³². Главными объектами исследования он считал государство и религию, т.е. политическую и духовную сферы деятельности людей. Таким образом, завоеванная османами Болгария не вписывалась в принятую автором канву изложения.

4. Слабое освещение истории славянских государств во «всеобщих историях» объясняется и распространенным среди историков XIX в. разделением народов на «главные» и «не главные». Грешил этим и Грановский. В ранний период деятельности у него встречается гегелевская мысль о различиях между «историческими» и «неисторическими» народами³³. Позднее Грановский пытался скорректировать слабые стороны теории «неисторических» народов и утверждал, что со временем все народы, слившись в одну семью, станут всемирно-историческими. «Однако ему так и не удалось органично совместить идею плюрализма культур и мультилинейности исторического развития с однолинейной схемой»³⁴.

5. В доставшихся России «всеобщих историях» почти даром³⁵ период болгарской истории с XV по XVI вв. причислялся именно к таким «темным и бесплодным эпохам», народ был «не главный» и яркие личности оставались еще не известны или таковыми не считались. Болгария, утратившая политическую и религиозную самостоятельность в результате османского завоевания, не соответствовала перечисленным выше критериям Грановского, а значит не могла стать ни объектом изучений, ни привлечь особого внимания лектора.

6. Грановский считал, что история Востока представляет большой интерес для исследователя, но она лишена динамики развития. Все бурные события и перевороты «совершаются там большей частью как бы на поверхности. Меняются названия и объем государств, падают династии, но массы коснеют в однообразии неподвижного быта»³⁶. Поэтому история «одряхлевшего» Востока представлена в лекциях профессора весьма слабо и преимущественно Османской империей³⁷.

Политической истории Османской империи, ее султанам, военной организации Грановский уделяет неизмеримо больше внимания, чем Болгарии, но, как правило, в связи с европейской историей. Пренебрежение Востоком в материалах лекций проистекало из убеждения профессора в том, что в эпоху Средневековья народы Востока «коснеют в продолжении веков в непробудном сне», там нет движения вперед, нет развитая, почти нет переходных эпох, т.е. всего того, что могло привлечь внимание Грановского.

Совокупность отмеченных факторов повлияла на тематику и содержание лекций Грановского, на освещение истории Болгарии. В то же время, составленная им «Программа Всеобщей Истории» (1850 г.) свидетельствует о понимании необходимости внесения в учебник специального «отдела», включающего такие вопросы как: «Славянские земли до исхода XV в. ... Византийская империя и турки. Османы. Взятие Константинополя. Магомет II»³⁸. Грановский считал, что славянам, возможно, принадлежит будущее, но история и современность – достояние западных романских и германских народов.

«Программа» не получила одобрения у заказчика – нового министра народного просвещения – князя Ширинского-Шихматова. Нам неизвестно, учел ли Грановский свои желания в собственных лекционных курсах по «средней» и «новой» истории, которые он продолжал читать в последние годы жизни.

Таким образом, мы не можем говорить о каком-то прямом, непосредственном вкладе либерального профессора в разработку болгарской истории XV–XVI вв. Вместе с тем Грановского по праву можно причислить к когорте российских историков, способствовавших продвижению исследований о южных славянах на более высокую ступень. Грановский принес Московскому университету «цвет европейской науки в области Всеобщей истории»³⁹. Ему принадлежит идея специального и более основательного, чем раньше, изучения славянских народов в рамках курса всеобщей истории.

- ¹ Левандовский, А. А. Время Грановского: У истоков формирования русской интеллигенции. М., 1990, с. 26.
- ² Кудрявцев, П. Н. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1887, с. 588.
- ³ Левандовский, А. А. Т. Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989, с. 21, 37.
- ⁴ Ионов, И. Н., Хачатурян В. М. Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. СПб.: Алетейя, 2002, с. 168.
- ⁵ Станкевич, А. Грановский Т. Н. и его переписка: В 2 т. Т. 2. М., 1897.
- ⁶ Станкевич, А. Грановский Т. Н. и его переписка: В 2 т. Т. 1. М., 1897, с. 77.
- ⁷ Станкевич, А. Грановский Т. Н. и его переписка. Т. 1, с. 78.
- ⁸ Станкевич, А. Грановский Т. Н. и его переписка. Т. 2, с. 322.
- ⁹ Станкевич, А. Грановский Т. Н. и его переписка. Т. 1. С. 74–77; Герье В. И. Тимофей Николаевич Грановский. В память столетнего юбилея его рождения. М., 1914, с. 6.
- ¹⁰ См. напр.: Герье, В. И. Тимофей Николаевич Грановский. В память столетнего юбилея его рождения, с. 37.
- ¹¹ Цит. по: Милоков, Д. Из истории русской интеллигенции: Сб. статей и этюдов. СПб., 1902, с. 237.
- ¹² Грановский, Т. Н. Соч. 4-е изд. М., 1900, с. 502.
- ¹³ Рецензия, Т. Н. Грановского на учебник С. Н. Смарагдова была напечатана в «Москвитянине» (М., 1841. – Ч. 6. – № 12), в отделе критики.
- ¹⁴ Грановский, Т. Н. Руководство к познанию средней истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Смарагдовым. СПб., 1841, с. 357 // Грановский Т. Н. Соч. Т. Н. Грановского. 4-е изд., с. 502.
- ¹⁵ Грановский, Т. Н. Руководство к познанию средней истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Смарагдовым, с. 502.
- ¹⁶ Кудрявцев, П. Н. Воспоминание о Тимофееве Николаевиче Грановском (Посвящено ученикам его) // Грановский Т. Н. Избр. соч. М., 1905, с. 26.
- ¹⁷ Грановский, Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986, с. 242.
- ¹⁸ Грановский, Т. Н. Соч. Т. Н. Грановского. 4-е изд., с. 588.
- ¹⁹ Записка Т. Н. Грановского к Программе Учебника Всеобщей Истории // Грановский, Т. Н. Соч., с. 589.
- ²⁰ Грановский, Т. Н. О современном состоянии и значении Всеобщей Истории. Речь, произнесенная в торжественном собрании Имп. Моск. ун-та 12 января 1852 г. М., 1852, с. 9–10.
- ²¹ Лекции, Т. Н. Грановского по истории Средневековья. М., 1961, с. 101.
- ²² Более подробно см.: Левандовский, А. А. Т. Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989, с. 37–38 и сл.
- ²³ Левандовский, А. А. Время Грановского: У истоков формирования русской интеллигенции, с. 8–9, 17.
- ²⁴ Осип Максимович Бодянский в его дневнике 1849–1850 гг. Сообщил И. Ф. Павловский // Русская старина. – 1888. – Т. 60, ноябрь. – С. 399–400.
- ²⁵ Левандовский, А. А. Время Грановского, с. 53–54.
- ²⁶ Тургенев, И. С. Два слова о Грановском // Грановский, Т. Н. Избр. соч. М., 1905, с. 14.
- ²⁷ Чернышевский, Н. Г. Избр. филос. соч. Т. 2. М. 1950, с. 29; Косминский, Е. А. Памяти Т. Н. Грановского // Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М., 1963, с. 420; Гутнова, Е. В. Грановский как историк / Е. В. Гутнова, С. А. Асиновская // Грановский, Т. Н. Лекции по истории средневековья, с. 336, 338.
- ²⁸ Грановский, Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986, с. 47, 49.
- ²⁹ Там же, с. 47, 48, 49.
- ³⁰ Там же, с. 369.
- ³¹ Грановский, Т. Н. Соч. Т. Н. Грановского. 4-е изд. М., 1900, с. 590.
- ³² Кудрявцев, П. Н. Воспоминание о Тимофееве Николаевиче Грановском (Посвящено ученикам его) // Грановский, Т. Н. Избр. соч. М., 1905, с. 18–19.
- ³³ Грановский, Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986, с. 339.
- ³⁴ Ионов, И. Н. Теория цивилизаций от античности до конца XIX века / И. Н. Ионов, В. М. Хачатурян, с. 173.
- ³⁵ По словам Грановского: «Запад кровавым потом выработал свою историю, плод ея нам достался почти даром». – Цит. по: Герье, В. И. Указ. соч., с. 30.
- ³⁶ Грановский, Т. Н. Лекции по истории средневековья, с. 316.
- ³⁷ Лекции Т. Н. Грановского по истории Средневековья. М., 1961, с. 92, 201–202.
- ³⁸ Грановский, Т. Н. Соч. Т. Н. Грановского. 4-е изд., с. 536.
- ³⁹ Герье, В. И. Тимофей Николаевич Грановский, с. 73.

ВИКТОР ГРИГОРОВИЧ, БЪЛГАРИТЕ И БЪЛГАРИСТИКАТА

E. Дроснева

Дроснева, Е. Виктор Григорович, българите и българистиката

Студията е съкратен вариант на изследване за жизнения път, творчеството и деянията на Виктор Григорович, отношенията му с българите и приносите му във формирането и развитието на българистиката от XIX в. до наши дни. Втората посока е за отношението на възрожденските и последващите българи към самите себе си, към Виктор Григорович и с акцент върху ролята им в развитието на българистиката. Текстът приключва с предложение за отбелязване на 200-годишнината (2015) от рождението на учения.

Ключови думи: Виктор Григорович, българи, българистика, библиография, предложения за 200-годишнината.

Дроснева, Е. Виктор Григорович, болгари и болгаристика

Настоящая студия является сокращенным вариантом исследования о жизни, творчестве и деятельности В. И. Григоровича, об его отношениях с болгарами и об его вкладе в становление и развитие болгаристики с XIX в. до настоящего времени. Второй круг проблем рассматривает отношение болгар с периода Возрождения до наших дней к себе и к Григоровичу; особое внимание уделено роли болгар в развитии болгаристики. Работа кончается предложением достойно отметить (в 2015 г.) 200 лет со дня рождения ученого.

Ключевые слова: Виктор Григорович, болгари, болгаристика, библиография, предложения к 200-летию.

Drosneva, E. Victor Grigorovich, Bulgarians and Bulgarian Studies

This paper is a short version of a study on Victor Grigorovich's life and his contacts with Bulgarians and his attitude towards them, his activities in Bulgarian Studies and his role for their further development up to now. The second circle of problems includes the problems of Bulgarian attitude towards Grigorovich, their self-consciousness and especially the exclusive role they used to play in the development of Bulgarian Studies during the whole examined period. The author shares her ideas on how to celebrate the coming up (in 2015) Grigorovich's anniversary.

Keywords: Victor Grigorovich, Bulgarians, Bulgarian studies, bibliography, proposals: 200th anniversary.

1. Виктор Григорович. Личност емблематична за европейската славистика на XIX в. (извъневропейска тогава все още няма), героят на този мой разказ се оказва и свързващата личност на руската университетска българистика от столетието. Кажеш ли Григорович, сещаш се, че е зачинателят на Катедрата по история и култура на славянските наречия в Казанския университет. И че единствен от това поколение руски университетски слависти успява, или съумява, да събудне мечтата си да посети българските земи, по онова време в границите на Османската империя. При това, посещава не само къщче българска земя, ами в общи линии преброжда от Черно море до Шар планина и от Дунава до Бялото море. Така, прочие, определя българското землище българският фолклор, чрез разтегнатата крачка на любимия си Крали Марко. Взети заедно, четиридесетата първи университетски слависти осъществяват замисъла на харковчанина, петербургски възпитаник и автор на първото изложение за пътешествия по славянските земи, поруснчания немец Петър Иванович Кьонен¹.

Разпилени според тематиката на изследванията стоят няколко още факта.

1.1. Григоровичевите университети

1.1.1. Син на украинца Иван Иванович Григорович от Черниговска губерния, чиновник, и на полякяната Виктория Антоновна от рода Шелеховски, от с. Антоновка, Херсонска губерния², в детството си, изглежда, бъдещият учен усвоява три славянски езици: полски, украински, руски. И живее в страна, вече населена и с българи, сърби, гърци, немци, евреи, татари – с всичките им религии, нрави и обичаи; и с поне шест ежегодни панаира в родната (?) Балта; и с умението на хората в града да общуват в общото пространство... Ученето в униатския колеж в Уман, допринесъл много за науката и културата чрез

преподавателите и чрез библиотеката си, пансион с богати традиции, но и неосвободен от „варварството“ на епохата, му дава възможност да усвои (по-специално), латински, пък и да види по-пълноценно една друга версия на християнското вероизповедание в един от центровете ѝ. Под „усвояване“ и в двата случая разбира не простото изучаване на факти, но и вглеждането в поведения и изграждането на усещания, без които същинско усвояване не бива – както с право пише българинът Неофит Рилски. Следите се виждат в умението на Григорович да общува с „другия“, в научните му диренния и постижения, въпреки с основание мрачните му спомени за Уман.

1.1.2. Виктор завършва Харковския университет (1834), един от университетите на Руската империя, на които Новият университетски устав (1835) възлага създаването на Катедра по история и литература на славянските наречия, очевидно отчитаща съществуващи практики³. Там ли се е запознал с Измаил Срезневски, и с колко още тамошни българи – засега не ми е особено известно. Сигурното е, че оттогава датира творческата и човешка близост между двамата бъдещи слависти⁴.

1.1.3. И тръгва да си „доучва“ в Дерптския университет (по-късно Юриевски, дн. Тартуски университет, Естония), отказал се от Санкт-Петербургския, към който семейството го било насочило. Нямам впечатления ролята на Дерптския университет в развитието на славистиката и на българистиката да е проучена, но към въпросното време той е средище на висока наука, култура, а обучението се води основно на немски език. Тънка славянска струя с интерес към западните славяни започва да се оформя – самостоятелни занимания, например, със средновековната литература и със съвременните изследвания на учени като Шафарик⁵. Там Григорович ще да се е усъвършенствал и в старогръцки, латински, немски, още и във философията. От тук е близостта му и с Николай П. Пирогов и Иван Ю. Горлов, които после ще са сред инициаторите да бъде поканен в Казан; от тук са и връзките с приятели на Белински и Херцен.

В Дерптската гимназия, принуден по финансови причини да прекъсне следването си в Петербург, даскалувва следващият от четиридесетата първи – Пьотр Иванович Прейс, вече заинтересуван от славянската проблематика и започнал самостоятелно и интензивно да изучава трудовете на ранните чешки слависти. Дали наистина в Дерпт се запознават Григорович и Прейс, който, казват, го насырчил да се занимава със славистиката, както по-рано в Харков сторили Срезневски и някои от тамошните професори? Знайно е, че освен да дружаруват по-късно, Прейс написва отрицателен отзив за магистърския труд на Григорович. Бил е прав, поради недостига на натрупан фактографски материал, който да докаже Григоровичевата теза за единство на литературния процес у славяните. Теза, която днес е сред доказаните, но Григорович я поставя още през 1842 г., т.e. отново е първи. Докъдето познавам Григоровичевите усилия, позволявам си да твърдя, че винаги е много сериозно аргументиращ се учен, а от анотациите на отговорите му, публикувани от А. В. Сергеев, е видно колко дълбоко Григорович е вникнал в славянския литературен процес⁶.

Така ми възниква въпросът: **какво е знаел въвеже, какво е премислил въвеже** младият Григорович, за да изгради тезата си? През следващите десетилетия тя е възприета от науката. Как са съумяли в последващите немногобройни години (до смъртта на Прейс през 1846) да поддържат прилични взаимоотношения е въпрос за размисъл, поучителен с невинаги познатите ни детайли на общуването. Но фактът вече свързва Григорович със Санктпетербургския университет.

1.1.4. Основната част от творческия път на мой герой минава в Казан, за който винаги се сещаме – казах вече, стане ли дума за Григорович. Има някои прекъсвания, но там и се пенсионира. Докато е в града – в Университета и Духовната академия – залага основите на тогавашната модерна славистика и българистика, а следите се виждат и в XX в., макар да не изглеждат особено проучени. Като пример, сред неговите възпитаници е бъдещият професор Мемnon П. Петровский, който, както подозирам, поддържа връзки с българите. За сина му пък проф. Нестор М. Петровски е съвсем сигурно, бидейки документирано; знае се, че е изучавал български език и е видно, че значително е напреднал⁷.

1.1.5. В драматични за колегата и приятеля Осип М. Bodянски времена Григорович е изпратен да преподава славистичните дисциплини в Московския университет. Преподава символично като количество време, а за качеството нямам свидетелства, но не се и съмнявам в него. В случая ме занимава фактът, че и в Московския университет, макар и принуден да е в него, Григорович е дал своята дан⁸.

1.1.6. След пенсионирането си Григорович се връща в родната Украина, замисля да изучава на терен българските колонии. По-важно в тази част на размислите ми е, че бива поканен за лектор в току-що основания Новоросийски университет в Одеса, дн. Одески университет. Там създава Катедрата по история и литература на славянските наречия и я води докато е жив. Според спомени работил е вдъхновено, ентузиазирано и резултатно, а за студентите си е бил един от любимите преподаватели. Сред колегите му е кишиневецът Александър А. Кочубински, привлечен за славистиката от московския си професор и приятел на Марин Ст. Дринов Нил А. Попов. При Кочубински и при Фьодор И. Успенский (във връзка с България си спомняме за него предимно покрай Руския археологически институт в Константинопол и стореното по тази линия; в сянка са останалите му заслуги) се учи Михаил Г. Попруженко, свързал живота и професионалните си изяви с българите и България, а по-късно, след Октомврийската революция (1917) и до смъртта си през лятото на 1944 г. – професор в Софийския университет. За 100-годишнината от рождението на Григорович тъкмо Попруженко събира и издава съчиненията на Григорович от Одеския му период.

1.1.7. Накратко: Григоровичевата научно-преподавателска изява обединява руските университети, приели за своя славистичната кауза: Казанския, Одеския, Московския, Петербургския, Харковския, Дерптския. В първите два е първият подготвен и специализиран славист и създава катедрите по история и литература на славянските наречия; в третия работи по заместване, което не го блазни; с четвъртия го свързват приятелства и научно израстване по степени и звания; в петия и шестия се учи. Кои са му точно състудентите и преподавателите е въпрос за бъдещи изследвания. Друг подобен случай от първото поколение руски университетски слависти няма! Даже Срезневски е само в два университета – Харковския и Санктпетербургския.

1.2. Българите на Григорович

1.2.1. Не е ясно и не съм сигурна, че ще се изясни някой ден има ли ги и кои са те в детството, ученическите и студентските му години. Първите категорични сведения за общуване на Григорович с българи са от 40-те години, от Москва и Одеса, по пътя му към традиционното българско землище. Благодарение на Иван Д. Шишманов, който открива дневника на учения от времето на пътешествието, ако не всички, преобладаващата част от тях са идентифицирани⁹. На мнозина Шишманов прави и първите им кратки, но съдържателни биографии, събира на едно място вече известното и за други. В добавка – изказва предположения за състояли се, но неотразени срещи. С всичко това привлича научното внимание към тези хора и днес повечето се радват на монографични изследвания, статии и студии и присъствие в разнообразни енциклопедии и справочници. Чрез тях Григорович осезаемо присъства в научните диреня до ден днешен. Не ми е известно да са изнамерени неговите български студенти в Казан, Москва и Одеса – дано е въпрос на моята неосведоменост. Ако ли не, виждам задача за бъдещи проучвания. Естествено, че ме вълнува въпросът дали познанствата от 1844–1847 г., от времето на пътешествието му по Европейска Турция, са продължили нататък, въпреки всички сложности и условности. За някои можем да бъдем сигурни, че са донякъде прекъснати – с Неофит Рилски например; за други – че продължават: с Палаузови, Ботъо Петков, оттам и със сина му Христо Ботев, с Найден Геров и пр.¹⁰ Сред многото светли по-познати или по-малко познати имена се добавят и множество бесарабски българи, особено към 1869 г. Точно тогава отчетът на Григорович за училищното дело сред тях буквално взривява българския възрожденски печат – за броени месеци материали – опровержения на твърденията му, излизат в „Дунавска зора“, „Отечество“, „Свобода“ и пр.¹¹

1.2.2. Особено интересни са два случая, извън този отчет на вече одеския учен. В два последователни броя на „Цареградски вестник“ през 1857 г. излиза в превод на Георги (Геока) Н. Капанов, тогава вероятно вече ученик във Втора Одеска гимназия, на Григоровичевото съчинение върху търсенията му в Европейска Турция за славянските апостоли (1847). Вторият е с речта на учения, по случай 1000-годишнината от смъртта на св. княз Борис – Михаил, за която българите в Османската империя научават чрез може би и П. Р. Славейков.

1.2.3. Но както точно забелязва още И. Д. Шишманов, пресата не изчерпва българските вълнения около Григорович. От писмо на Иван Селимински (Одеса, 10 март 1847)

до Найден Геров се вижда например, че българинът знае публикацията на казанския учен в списание „Журнал Министерства народного просвещения“ за славянските апостоли, а тя едва е видяла бял свят. Пак от Шишманов изплува и едно писмо на Ив. Богоров до Вячеслав Ханка, от което се разбира за близкото му познанство с Григорович от времето на Григоровичевото преминаване през Лайпциг и за първия български вестник, Богоровия „Български орел“. Прочее, когато излиза преводът на Капанов, Богоров вече е редактор на „Цариградски вестник“, в който е публикуван този превод. Вероятно са основателни твърденията, че тъкмо Григорович е насърчил българина да премести издаването на вестника си в пределите на Османската империя, за да е по-лесно разпространението му сред българите.

1.2.4. Редом с Иван Денкоглу, Георги Бусилин, Димитър Миладинов, Добри Чинтулов, Христаки Павлович, Емануил Васкидович, Захарий Княжески, Михайловски, Захари Круша и множество още, искам да обърна внимание на още един българин, с когото пътешественикът общува в Охрид – Георги Бодли. Неизвестен за науката преди Григорович, той най-сетне заема достойно място в нея. По свидетелствата на Шишманов, заминава за Охрид В. Н. Златарски, среща се със сина на Бодли и е потресен от богатата сбирка на починалия през 1882 г. на XIX в. Г. Бодли. Сред колекцията на рания ни възрожденец Златарски открива и рядък печатен екземпляр от гръцкото житие на св. Климент Охридски (Виена, 1802).

И още един прелюбопитен факт: най-новата (засега) известна ми българска публикация за В. И. Григорович, на историка гл. ас. д-р Димитър Христов пак е свързана с Георги Бодли и е направена близо 170 години след „състоялат“ се среща между охридчанина и пътешественика¹².

Ето как става в науката и в живота: когато двама души се срещнат и не се разминат, колкото и да са различни по характер, поведение, професионална подготовка и какво ли още не, те са в състояние да положат благородно начало, което и в следващите столетия ще вълнува хората и науката!

1.2.5. Още един охридски щрих. Децата поначало са много впечатителни и попиват света, но има смисъл да се каже нещо повече за детето Кузман Шапкарев. Той, разбира се, не е отбелязан в „Очерк“ – а в дневника – бил е едва на 11 г. и едва ли е бил забелязан от руския учен сред многото хлапета. Но човек на повече от половин век, Шапкарев с видимо удоволствие отбелязва: „Пръв славянски пътешественик, който посетил гр. Охрид в наше време, е бил русинът Виктор Григорович, казанский професор, на 1845 година, когото и аз лично видях“¹³ (к.м. – Е.Др.). Да коментирам тук приносите на Шапкарев за науките фолклористика, етнография и история не намирам за необходимо.

1.2.6. Нямам никаква представа как Григорович е посрещнал Априлското въстание – той си отива в края на 1876 г., не доживял/не дочакал Освобождението на България. Но не си го представям равнодушен – българите и България го „обсебват“ в най-добра смисъл на тази дума. Има си и колегите приятели сред тях, познава земите им, макар не всичките му впечатления да са най-льчезарни – и той, като Ю. Венелин, страда при събиране на фолклора например.

Прочее, и българите са „обсебени“ от него, в същия смисъл на думата. Най-малкото доказателство за отношението им е в подписката за построяване на неговия паметник – надгробие, в която личат като особено активни бесарабските българи. Може да е и „най-малкото“, но като става дума за пари, да си спомним Христовата притча за „най-голямата лента“, също и за икономическите възможности на общността.

1.2.7. Четири случая, познати в науката, си заслужава да бъдат специално напомнени. Първият е близостта на Григорович със Спиридон_Палаузов – видна е покрай другото от оцелели и издирени техни писма.

Вторият е сътрудничеството с Георги Раковски: нему ученият доверява ръкописа на Софониевото „Житие и страдание“, а българинът го публикува във вестника си „Дунавски лебед“. Това се случва на 23 юли 1861 г., когато все още казанският учен предава в Одеса, а писмото на Неофит Бозвели, адресирано до Раковски, но писано 20 години по-рано, е заседнало в Цариград. С изследванията си върху Българското средновековие, особено със съобщаването на списъци на български царе, царици и патриарси, и чрез връзката си най-много с Раковски – забелязано е в науката отдавна – Григорович на практика участва в борбата за независима българска църква.

Третият е с българина, московски възпитаник и професор в Харковския университет, значи и колега-славист, Марин Дринов, с когото явно са го свързвали топли дружески отношения: защо иначе ще му подари (1870) ръкописната си „Александрия“ от втората половина на XVII в., днес в Националната библиотека в София?¹⁴

Позволявам си да отбележа три извода: пътешествениците по земите ни в онези времена, освен да „прибират“ (при благосклонна оценка) древните ни паметници, умеят и да ги доверят някому: на българин, който научно да ги изследва или поне да ги обнародва, и Григорович е брилянтен пример в това отношение; Григорович щедро ги предоставя и на колегите си в Русия, пък и поне ги съобщава „по Европата“, а по време на пътешествието и работи с водещите слависти върху някои от тях; Раковски, Палаузов и Дринов поставят на модерни основи българската историческа наука, преходът към която от средновековната историко-летописна практика зачева Паисий Хилендарски. Иначе казано, по третото – Григорович е „имал око“ кому да дари придобитите си съкровища. Което ще да е широк към портрета на човека и учения Виктор Григорович.

Но е „имал око“ и кому да се довери в самообразоването си. Четвъртият случай е с „патриарха на българските педагоги“ Неофит Рилски. При него, в Рилския манастир, той изучава български език. Към онова време българинът отдавна е издал своята „Българска граматика“ (Крагуевац, 1835). По нея водещите слависти от първата половина на XIX в. изучават езика ни. А и работи Неофит върху замисления си „Речник на български език“. Трудно бихме могли в „Очерк“-а на Григорович да намерим толкова много и толкова ласкави страници, както за монахи от Рилския манастир. Видно е и от други материали: спешата наистина се е „състояла“, макар и за два-три дни, въпреки желанието на пътешественика да прекара поне 20 дни с Неофит, но му попречва да го осъществи османската власт.

1.2.8. Най-сетне. Ако подозирам, че сред студентите на Григорович има и българи, то е заради предимно Одеския му период, съвсем частично заради Московския и без да изключвам напълно Казанския.

Още един аргумент. Не ми е известно как е попаднал, но в Библиотеката на Софийския университет, в колекцията „Славика“ се пази недатиран и без обозначено място ръкопис (?) със записи от лекции на Виктор Григорович¹⁵. Трябва да е достатъчно ранен, не по-късно от 60-те години на XIX в. Прочее, не пренебрегвам възможността някой българин (?) да си ги е преписал (?) от записи на Григоровичев студент, без самият той пряко да е слушал лекциите на професора. Дано бъдещи изследвания на тези „Лекции. Курс I. Обозрение славянских наречий“, 192 с., разкрият тайните им.

1.2.9. Накратко. При пътешествието, преди (?) и след него, цял живот Григорович си създава маса познанства с българи, много от тях интензивно поддържа, а още по-много работа по изследване на тези общувания, техните перипетии и резултати ни предстои. Чрез него се случват и някои от сътрудничествата на българи с европейски слависти извън руските, а и със самите руски. Славистиката от това време подсказва все по-оформящо се съзнание за общност между ученици от различни предели и вплитането на българите в нея.

1.3. Григорович за българистиката. Впечатлява ме отдавна фактът, че до средата на XIX в. Григорович публикува няколко изследвания, приети със съмненици, или изобщо неприети заради поставените в тях тези. Преобладаващата част от тезите му днес са категорично доказани! Така че пак се питам: какво впovече е знаел и усещал от съвременниците си, за да издигне и защити тезите си, тогава неприети, та да върви няколко десетилетия напред в научните констатации?

1.3.1. За общия славянски литературен процес стана дума.

1.3.2. Придобива, така и опазва (! – рядко или никак давано му признание) изключително важни паметници на българската средновековна ръкописна традиция, които залагат в основата на модерната старобългаристика. Нещо повече: осъзнал, че един живот не стига да ги обозреш, щедро ги предлага на руските си и извънруските колеги.

Ако изброя дори само част от тях, глаголическите, ще се видят високата му подготовка и усетът кой точно ръкопис е особено ценен, та да си го придобие: Рилските глаголически листи, Охридските глаголически фрагменти, Мариинското евангелие от XI в., Зографското евангелие, Боянското евагелие... Тези съкровища, заедно с публикувания от Вартоломей Копитар „Клоцов сборник“, наклоняват везните в полза на тезата, че глаголицата е по-старата писменост, създадена е от Кирил и Методий, а кирилицата – от ученика им св. Климент Охридски.

Заслугата на Григорович е двойна: да направи достояние на учените точно тези свои находки, а разработвайки проблематиката, да подтикне колегите си като Шафарик, Срезневски и Бодянски да си спомнят тезата на Гелазий Добнер от XVIII в. и да отхвърлят господстващото и през 40-те години виждане на Добровски за произхода ѝ през XIII в. Паметниците предизвикват специално професионално внимание още тогава, а чрез тях и до ден днешен Григорович живее в изследователската книжнина за тях.

Добавим ли и кирилските ръкописи, ще се види, че освен да „разпокъсва“ и да изнася драгоценности, той всъщност ги и опазва! Прелюбопитно е, че след години Йордан Иванов силно продължава Григорович: открива още глаголически листи в Рилския манастир и първи поставя проблема за българските поменици¹⁶.

В тази посока, на откривател и пазител – като да е специално оценен и по още един начин. Най-старият известен днес славянски/български паримейник носи името му – „Григоровичев паримейник“. От XII в. е, палимпест, върху изтрит гръцки текст от VIII–IX в. Сякаш нищо особено – така се наричат в науката безименните ръкописи: по мястото на откриване или по името на откривателя. Но Григорович е усетил древността и ценността, нали? А науката му се отблагодарява.

1.3.3. Григорович е професионално подгответият човек, който посещава българите в Европейска Турция и преброжда землището ѝ. Случаят си заслужава внимание: в Русия и не само в нея информация за съвременното тогава положение се натрупва чрез руско-турските войни, тук-там тайни дипломатически доклади, идващи предимно от Константинопол, от западно- и централно-европейски пътешественици или пък от хора добри, но професионално неподгответни като Александър Краснокутский (1808), Виктор Тепляков (1829) и Юрий Венелин (1830), но и тримата свидетелстват до 30-те години. Още по ранни, от втората четвърт на XVIII в. са наблюденията на поклонника Василий Барский, които интензивно се преиздават и през XIX в. (първо издание – 1778). Нататък основни информатори са българските преселници след руско-турските войни и военните, участвали в тях.

С „Очерк“-а Григорович предоставя картина от втората половина на 40-те години, и то от почти „всичко Българско“. Впечатленията му и до днес са сред основните извори за изучаване на полуострова, не само на традиционната българска част от него. А понеже предварителните му отчети са публикувани в членето и разказано списание „Журнал Министерства народного просвещения“, той всъщност участва във формирането на руското знание и на руското обществено мнение по въпроса за Балканите, славяните там и за българите в частност. Прочее, чрез европейските си колеги слависти допринася и за европейското обществено познание и мнение. А чрез българското любопитство сведения проникват и в българския възрожденски печат. Та и българите започват постепенно да разбират, че имат приятел, чрез когото „светът“ да си спомни за тях и да не бъдат „забравени от Бога и от хората“ и да започнат наново да осъзнават колко са важни за общоевропейския (разбирай „световния“) човешки процес; приятел, на когото могат да се опрат в стремежа си към Свободата.

1.3.4. По литературата ми е известен един очерк на Григорович върху българска-етнография, съхранен в Московската част на архивата му. Двама изследователи – В. А. Сергеев и българинът Симеон Мильов, са работили с него. Твърдят, че е писан преди пътешествието на Григорович по Европейска Турция. По описането на казанския професор¹⁷ и по разговорите ми отпреди десетилетия с колегата Мильов изпитвам двупосочни съмнения за датировката и все още не мога да ги отхвърля. Дано в новото си изследване, планирано за тази година, С. Мильов успее да ме убеди. Ако ли да, то ще е още едно доказателство, че дълго преди 1844 г. Григорович твърде отблизо е познавал българи, не само по рехавата към 1844 г. книжнина с етнографски характер, но и съвсем наживо.

1.3.5. Накратко. Виктор Григорович има съществени заслуги в процеса на формиране и развитие на българистиката поне в няколко посоки. Издирва, опазва и съобщава на учения свят старобългарски паметници – от най-ранните глаголически до дамаскините. Той е от хората, които убедително сътворяват серия тези, приети и днес в науката. Ангажира напредничави българи с развитието на българистичните и общославистичните дирекции. Създад две катедри по славистика, в Казан и Одеса, той подготвя качествени бъдещи учени, продължили маниера му на общуване с българите, още и с учените слависти, българисти и със следосвобожденските български учени чак до войните. Изглежда, че е

умеел да създава творческа и приятелска атмосфера в катедрите си, отправим ли поглед към колегите и наследниците му.

2. За българите. Тяхното участие във формирането на модерната българистика обично остава в сянката на големите имена на науката чак до към средата на столетието, понякога и до по-късно. Изключения не липсват: българите от Габрово, но живеещи в Одеса, Васил Априлов и Спиридон Палаузов; българинът от Панагюрище, но живеещ и работещ в Харковския университет, Марин Дринов; самият той с течение на времето се нарежда сред водещите имена в европейската славистика.

2.1. Не по-късно от XVI в. българите доказват умението си отново да общуват с „другия“ от извънперския свят в собственото си традиционно землище. Умението се доказва от множество източно-, централно- и западноевропейски материали на пътешественици и от постиженията на манастирските мисии в Русия, от руски поклонници към светите места. От текстовете се вижда освен всичко друго какъв интензивен обмен на информация върви в двете посоки във времена без телефон, радио, телевизия, **Интернет** и мобилен телефон. Разговорите, колкото и трудно да се възстановяват, показват обсъждане на минало, настояще и бъдеще¹⁸. И още едно показване: с или без охота, но местните българи продават, а и по преценка и подаряват разните си съкровища – ръкописи, монети, стари каменни надписи, а когато науката дораства до умението да разговаря с информатора си – и песни, предания, легенди, приказки...

2.2.1. Съдбата на старобългарски ръкописи, достигнали до нас, е най-вярно доказателство, че предишните им собственици са „ималиоко“ кому да ги доверят. Така са участвали в процеса на опазване за далечното бъдеще на своето драгоценно наследство.

Виктор Григорович е поредният случай в дългата редица, наченала по линия на светската власт, духовната управа и по линия на милионите простосъмъртни във времето на погибел на Втората българска държава, и стъпила върху опита на предходните столетия¹⁹. Българите очевидно са били спечелени за каузата и от Григорович. Появвали са му и са го подкрепили, чрез който си акт, едва ли винаги осъзнато, те реално дават своята дан във формирането на модерната българистика.

2.2.2. Колкото по-насам във времето, толкова по-отчетлива става съществената им роля в тази посока. Няколко примера да се напомнят не би било излишно. Николай Надеждин, Николай Мурзакевич, Николай Погодин и плеяда още като тях са били забелязани от българите в своите родни предели и са се радвали на сътрудничество с тях: благосклонно са получавали актуална информация, подкрепляли са ги с каквото могат в образоването и ежедневието. Към тази група е Юрий Венелин преди пътешествието.

Венелиновата слава сред българите му спечелва не толкоз собственото му творение „Древние и нынешние болгар“ (1829), колкото фактът, че книгата попада в ръцете на българина Васил Априлов. Оттук нататък с усета си на интелигентен човек, но и на търговец, Априлов съумява да превърне украинеца в кумир на българския народ – в степен псевдонимът на Юрий Гуца да влезе в пантеона на български имена не по-късно от 1882 г., когато е роден първият известен ми българин с име Венелин (юристът и отечественофронтовски регент, професор Венелин Ганев). От Априлов – Венелин нишката върви към Неофит Рилски, който пък създава цяла мрежа събирачи на народни умотворения и старинни ръкописи, начело с някогашните си ученици. Така десетки и стотици българи се включват в изграждане и обогатяване изворовата база на модерната българистика.

2.2.3. Във втората група украински и руски учени попада Виктор Григорович. Имам предвид хората, които са посетили традиционното българско землище. Ранният в XIX в. Александър Г. Краснокутский ще да се е харесал на българите, с които е общувал. Той минава през земите ни по военна линия, през войната от 1806–1812 г., няма професионална подготовка и само се стреми да стигне Константиноopol, за да изпълни възложената му мисия. Но пътъм прави великото за себе си откритие: българите говорят език, много близък до руски! Удивен е, а на свещеника в Ичера (в текста – с. Вечере) точно се е харесал, срещата между двамата се е „състояла“ и българинът е отбелязан в записките на руския военен²⁰.

С дипломатическа мисия през следващата война от 1828–1829 г. е порусначеният французин Феликс Фонтон, който също „узрява“ по Източния въпрос тук, на място, и заключава, че той е преди всичко въпрос морален, не просто политически, дипломатически, военен. Българите са си го харесали – тъкмо на Фонтон човекът от Тракия се съгласява да каже какво искат българите в Османската империя и какво очакват от тази война. Така

и познаваме един ранен документ за българските въжделения²¹. И за едно само от тях по онова време в Османската империя властта вещае смърт, без да се церемони със съдилища.

Тепляков пък е изпратен с мисия да изследва класическите древности в земите ни. Но няма как да не забележи българите, нито пък те него.

Венелин тръгва в неблагоприятно време, събъдва си мечтата да види земята на българите, а контактът невинаги се състоява – едно, понеже идва с „голяма коншица“, друго, защото науката, и в частност той, не си е изработила все още по-качествените правила за разговор с информатора, а и трето: в следвоенния хаос и при нерешените си проблеми, с неясни бъдеще и преселения, на респондентите му едва ли им било до пеене на песни и разказване на предания. Но са му доверили старинни свои ръкописи – все още я няма славата му, но ще да са харесали човека. Така са осигурили поне две-три неща: Венелин да продължи да се занимава с българите и с България, понеже не са го разочаровали „заниаги“; направили са го първопроходец в нови теми, които разширяват обхвата на българистиката; обогатили са изворовата база на модернизиращата се наука българистика и тъй са участвали в българистичния процес.

Григорович наистина се откроява като първия професионално подготвен изследовател във всички области на българистиката. Българската щедрост към него е обяснена: българите от първата половина на деветнайстото столетие са натрупали доста богат опит, напредват възрожденските процеси, включително по линия на нещо неподчертавано специално: те оствъзват колко сериозно начинание е науката, как още по-интензивно трябва да подкрепят науката; че трябва и те самите да се заемат с разработването ѝ, което включва високо образование, но и неимоверно количество старания да осигурят изворовата ѝ база, така и да си опазят на по-високо ниво старинните драгоценности.

2.2.4. Още разиплени в различни изследвания разнообразни факти има смисъл да се напомнят и да се съберат в единна редица, за да се доосъзнае ролята на българите в българистиката. На първо място – случаят Павел Шафарик и неговият списък на новобългарските книги. Преди Шафарик има няколко библиографии с прякото сътрудничество на българи в традиционното землище и извън него, основно в Одеса. През 1846 г. излиза статията на Срезневски – в Русия, после чрез Шафарик – и в Австро-Унгарската империя, по-конкретно в Чехия. Шафарик се захваща да прави нова библиография – минали са години оттогава. Докато я съставя, основен сътрудник му е московският студент, възпитаникът на Бодянски, рано отишъл си от живота Иван Шопов, чиято библиография излиза във възрожденския печат. След години Шафариковият внук Константин Иречек съзира записи и книги в архива на дядо си, търси за подкрепа българските си познати, студенти и приятели в Прага и прави първата си научна публикация: „Книгопис на българската книжнина: 1806–1870“ (Виена, 1872), после отпечатана в първото българско научно периодично издание – в органа на Българското книжовно дружество „Периодично списание“. Когато книгата му излиза, той е само на 18 години и цял живот българите и България (въпреки разочарованията от следосвобожденската българска действителност) ще го вълнуват и ще бъдат сред централните теми в творчеството му. За общуването му с българските колеги – от „най-стария“ Марин Дринов до „младежката“ като Иван Шишманов и Васил Златарски и „скандално младия“ Павел Орешков – даже не отварям дума.

2.2.5. Трета група в този контекст са хората, които по някакъв начин са свързани с Виктор Григорович, продължили са диренятия и преподаванията му и са искали да си останат в Русия, при всичките си български интереси, но животът се е развил „иначе“.

Много показателен в това отношение е случаят с Попруженко. Той наследява в Катедрата на Григорович учителя си Кочубинский и години наред умело я ръководи, а – да повторя – за 100-годишнината от рождението на основателя на Катедрата издава съчиненията му от Одеския период. Докторската си дисертация посвещава на Синодика на цар Борил (1899).

Изворът е познат само по два преписа. По-ранният, от XIV в., се знае като „Палаузов“. Даден е на Николай Палаузов от опазилия го Стоянчо Ахтар, който го намира в Севлиево, както съобщава и Григорович според разговора си с Н. Хр. Палаузов в Габрово²². Вторият е наречен „Дринов“. М. Дринов притежава този препис от 1871 г., когато му го дарява съгражданинът му Цвятко Томев (8 години по-късно – първи кмет на Панагюрище в Източна Румелия). Не знам как сборникът е стигнал до този потомък на Цвятко Георгиев, автор на първия печатан български календар (1818). Самият сборник е правен в манастира

„Св. Богородица“ (Ястреб) край Ловеч през XVI в. и остава там поне до трийсетте години на XVII в., както съдя от датираните приписки²³.

Видно е, че за пореден път българите от традиционното землище точно са преценили кому да доверят съкровищата си и така участват в развитието на българистиката. Избрали са си двама най-заслужаващи българи, за които са били убедени, че и ще опазят драгоценността им, и ще направят и невъзможното науката да стигне до тях. Като се знае погромът на Панагюрище през Априлското въстание, този препис, както и Панагюрският апокрифен сборник от XVI в., зает на Дринов от Панагюрското мъжко училище²⁴ през 1875 г., са спасени с общите усилия на българите в землището и на българи извън него, а и вече отадени на науката.

Върху двета преписа на Синодика стъпва Попруженко и изследването му и до днес се оценява от медиевистите като особено стойностно. Попруженко има своите непроучени, или по-скоро необнародвани общувания с българите в Украйна, а и в България още през XIX в., с колегите си в свободна България. Тук прави и второто издание на докторската си дисертация (1928). Страната и народът ни още веднъж му подават ръка: принуден да напусне Одеса и университета ѝ след Октомврийската революция, той не само е приет в България, а и подрежда в някаква степен ежедневието си. Става професор в Софийския университет, иначе казано, „българите“ му осигуряват поне относителен уют: опазен живот, осигурена възможност да се занимава със смисъла на професионалния си живот: наука и университетско преподаване. Лятото на 1944 г. слага край на мечтите да се завърне в Родината, на професионалната реализация като учен и преподавател и на живота му изобщо. Преживял тежките бомбардировки на София през 1943 и особено през 1944 г., един юлски ден Попруженко издъхва. Както казваше Вера Мутафчиева по друг повод, не знаем какво му е спестил животът. Вярно е: задават се 9 септември, 9 май и множество още тревожни неща, детайллизирани и покрай живота на един друг одесчанин: магистъра на Санктпетербургския университет, професора в Одеския и Софийския университет Пътър М. Бицилли²⁵.

2.3. Накратко. Опитах в тази част на студията си да споделя няколко натрупани констатации. 1. Българите приемат Виктор Григорович като човек, който заслужава вниманието и доверието им. Срещата помежду им се е състояла. 2. Българите „иматоко“ кому – учен и пътешественик – да се доверят. 3. Българите имат сърце да подадат ръка на човека в беда. 4. Българите са активен участник в процеса на формиране на модерната българистика. Бидейки в сянката на голямата наука, те всъщност активно ѝ осигуряват изворова база – от опазване и събирателство разбират, а научните тълкувания оставят на специалистите. Което означава разбиране за професионализъм, обобщено впрочем в една от поговорките ни: „Една работа или я прави, или не я маскари“. 5. А един ден проумяват, че и те са способни да правят висока наука, но трябват високо образование и не пари, ами много пари. И се заемат да реализират откритието си.

3. За българистиката, или 135 свободни години из България с Григорович

3.1. 70-те и 80-те години на XX в. бяха белязани и насищени в полето на славистиката и българистиката с нови открития и с теоретични спорове, някои от които не ми изглеждаха особено разумни и обосновани. Само един от тях е: трябва ли под учени „българисти“ (съответно русисти, полонисти, бахемисти, сърбисти и пр.) да се разбират и представителите на българската наука (съответно на всяка от националните науки). Всеки народ се интересува най-много от себе си, затова количествено доминират, пък и в много отношения са облагодетелствани местните учени повече от колегите си. Друг приличен аргумент не намирам, за разлика от многото и твърде важни срещу смислеността на спора. Със същия успех например бихме могли да отхвърлим от славистиката славянските учени, от германистиката немските учени, от американската американските, от скандинавистиката скандинавските и пр.

Науката е колективно дело, което не признава държавно-политически граници, независимо от това колко са устойчиви и колко често се менят. Нито пък признава пол, народностен и религиозен произход, за да се развива: най-често и трите ѝ личат, както ѝ личат и натрупаните в културното пространство стереотипи и предразсъдъци. Няма как да не личат, понеже и учените са първо, хора, а после имат професионалната си реализация на учени. А и освен колективно, науката е и дело строго индивидуално.

3.2. Следосвобожденските ни учени получават много добро възрожденско наследство като отразяване на ставащото в полето на славистиката и българистиката. Но и особено важното – като идеали, стремеж към науката, опит на обществото да се самоорганизира „на ползу роду“, положителни натрупвания и на полето на славистиката и българистиката. Те са и толков добре информирани, следвайки традициите на възрожденските си предци, та тръгват да следват (в случая хуманитарни дисциплини) при най-добрите специалисти, в най-renomиряните университети в областта си, а възрожденското им възпитание и чувство за упоритост, задълбоченост, отговорност, отвореност към света и самодисциплина ги превръщат във водещи имена в областта на световната славистика. Те съумяват да реализират и дълго лелеяната българска мечта за свой, български университет – през 1888 г. се откриват Висшите педагогически курсове към Първа мъжка гимназия, след броени месеци наречени „Висше училище“, а когато се доказват научните му, преподавателските и приложните постижения след четвъртвековна дейност у дома и на международната аrena, то е преименувано в „Софийски университет“.

Освен другото, като нов облик на столицата и страната първият български университет изгражда в българското съзнание митичен ореол около думата „университет“ и преклонение пред нея. Тъй от средата на 90-те години на XX в. сме свидетели на явления, които ме предизвикаха навремето да ги определя като процеса „Всеки град с университет, всяко село с факултет!“. И както често бива в човешката история, „децата воюват с бащите“, а на Софийския университет не му се прощава, че е най-голям, най-качествоен, а особено – че е първи. (Към въпроса за загубите, които човечеството търпи, захласнато в идеята си за първенство, или, както обичам да я наричам, „първенстващата идея“.) Понякога тази позиция се превръща в държавна политика с всички последици от нея за Университета, за науката, за страната, пък и за държавата. „Крико да седим, право да съдим!“ според домашната ни поговорка. Налагаше се да споделя тези констатации заради болката и честността на разказа си.

„Новите седмочисленици“ с обич, уважение и възторг съвременниците наричат първите седем преподаватели в Софийския университет, скоро ги последват неколцина още, в преобладаващата си част добре подгответи слависти. Личат, във връзка с избраната тема, имената на Любомир Милетич, Беньо Цонев, Иван Шишманов, Александър Теодоров-Балан, Васил Н. Златарски, които ще подгответ следващото поколение български учени, едновременно слависти и българисти като Боян Пенев, Стоян Романски, Петър Мутафчиев, Павел Орешков, Йордан Иванов... Тъй и добрата редичка, от поколение към поколение, върви към нашето време и дано да продължи, за каквато надежда имам съвсем убедителни факти²⁶. Така и животът продължава...

3.3. Даже нямам потребност да изброя всички светли имена на българи, допринесли за развитието на българистиката и по-общо на славистиката – любопитният ще си ги намери в специализираните справочници²⁷. Но е факт, че тъкмо това първо поколение университетски преподаватели поставя началото на изучаването на живота и творчеството на Виктор Григорович. То и очертава основните посоки на диренията, които се развиват и до днес.

3.3.1. Първата е свързана с изследването на старобългарската литература. Прецизният Беньо Цонев се чувства длъжен, представяйки нейните ръкописи в лекционния си курс, да посочи кои от тях са открити от руския пътешественик и как нататък са станали достояние на науката. Особено подробен е той в прегледа на глаголическите паметници и в спора за времето на създаването на двете български азбуки. От Б. Цонев тръгва задължителното за лингвисти и старобългаристи и до днес отчитане на приносите на предшествениците, в частност и на Григорович.

3.3.2. Втора линия по темата начева Иван Шишманов, творческата програма на когото мечтае за изследване на всички приноси на българите в културната съкровищница на човечеството и на българските заемки от нея. Съсредоточава се върху епохата на Българското национално възраждане, за изучаването на която се чувства най-подготвен, макар че и трудовете му върху други епохи и проблеми да го разкриват като отличен позитivist в най-добрия смисъл на думата. Хора като Шафарик, Венелин, Григорович той изследва най-вече в контекста на общуванията им с българите и съответните им приноси²⁸. Така се стига и до неговите студии за българското Възраждане, в центъра на които е Виктор Григорович и неговият открит от Шишманов дневник за пътешествието. Стана дума: по този път той

съумява да въведе в научното дирене десетки възрожденци, общували с учения, прави началните им биографии (въз основа и на резпилени в тогавашната книжнина, и на архивни материали, най-често издирени от самия него) и подтиква българската наука да се захване с тях. Линията му е продължена нататък от Боян Пенев, Борис Йоцов и учените от втората половина на ХХ в. та до наши дни. Волно или не съвсем, но Шишманов внася с тези си търсения още една струя: изследване на историята на задграничната българистика.

3.3.3. На границата на двете столетия в разширяването на проблематиката се вписва още един софийски университетски професор, възпитаник на Санктпетербургския университет: Васил Н. Златарски. Поне два факта е нужно да се напомнят – неговата монография за Юрий Венелин (1902) и неиздаденият му лекционен курс по българска възрожденска историопис. Развитието ѝ той осмисля в пряка връзка с тенденциите и явленията в полето на чуждестранната българистика²⁹. Линията нататък е продължена от Петър Ников във въстъпителната му лекция, а рехавите изяви на българската историография най-сетне довеждат до специални съчинения върху историята на българистиката от страна на историците, особено от 70-те години насам.

3.3.4. Още една линия на дирения се набелязва през ХХ в. – преиздаване на съчиненията на казанския учен във връзка с кръгли годишници от рождението и смъртта му. Попруженко още в Одеса издава произведенията на Григорович от Одеския му период; Н. М. Петровский събира и издава в Казан донесенията, а през 1977 г. филологът акад. Емил Георгиев, тогава и директор на Центъра по българистика, преиздава неговия „Очерк...“ според второто посмъртно издание от 1877 г.

Обикновено (и основателно) се говори за значимостта на Иречековата „История на българите“, видяла бял свят в разгара на Източната криза и в навечерието на Априлското въстание. Има нужда към тези значими книги да се добави второто издание на „Очерк“-а, защото годината 1877 отбелязва броени месеци след смъртта на Григорович и съвпада с началото на поредната руско-турска война, превърнала се за българите в освободителна. Пък и авторът на предговора изрично подчертава потребността и актуалността ѝ в новата ситуация, „когда идет святая брань, поднятая православною Русью и ея доблестным Царем-Освободителемъ за человеческія права и нравственно-религіозное существование нашихъ единоплеменниковъ“, които страдали колкото от османците, толкоз и от гърците и куцовласите³⁰. Второто издание и днес е по-удобно в българската книжнина за позоваване на Григорович, бидейки по-достъпно от първото. А третото, българското, съвсем облекчава нещата.

В дирене на българското минало и благодарение на сътрудничеството си с руските и съветските колеги през 30-те години на ХХ в. Стоян Романски изследва българската проблематика в кореспонденцията между Григорович и Срезневски, а е публикувана и работата на В. И. Срезневски върху преписката между баща му и казанския му приятел, проф. Григорович. До ден днешен трудно се намира изследване по проблемите, без позоваване на тия две студии. Често, ако нямат дотъп до друго, българските автори се позовават основно на тези две публикации.

3.3.5. Важен момент и още една посока е, че учените ни, освен да изследват жизнения и творчески път на Григорович и останалите слависти от първото поколение, съумяват да предадат вкус на студентите си към подобни изследвания. Павел Орешков замисля в края на 30-те години подробно изследване за Григорович, но или не е съумял да го осъществи, или е изгубено, но във всички случаи не е отпечатано³¹. Той все пак не подминава никога Григорович – дори опосредствано, а най-вече във връзка с работата си върху Софоний Врачански и неговото „Житие и страдание“.

Все по-задълбочаващите се дирения от втората половина на столетието насам върху възрожденската епоха насыпчиват литератори, езиковеди, етнолози, историци, фолклористи да изнамират нови детайли, да ги включват в научния обмен и да упътняват картината на общуване на Григорович с българите. Спомагат за това по-високото ниво на науката, приличните отношения със Съветския съюз, колкото и да беше труден достъпът до архивите му. Така се появили книгите на Лиляна Минкова и Димитър Цанев, дисертациите на Д. Цанев и Е. Дроснева, няколко студии и статии върху руската българистика и специално за Григорович, макар да не липсваха и научнопопулярни материали със съмнителни качества. 70-те и 80-те години бяха особено благоприятни за тухашната българистика покрай 1300-годишнината на Българската държава и Първия и Втория международен конгрес по

българистика. И да подчертая към въпроса за приемствеността между поколенията: наред с останалите слависти Григорович неотменно присъства в лекционни курсове за историци и филолози.

3.3.6. Има обаче, за разлика от колегите приятели от първото поколение руски университетски слависти, една нова, неочеквана навремето посока, която ще вплете творчеството на Григорович в многострадалния национален въпрос на Балканите, провокиран от Берлинския договор (1879). Акцентът на тогавашната българска държавна политика е върху Македония, с всички произтичащи от това последици. Но акцентът силно ангажира и българската наука, толкова повече, че за българска Македония и съдбините ѝ страдат и учените. При това двойно: като хора, не непременно родени в географска Македония, и като учени, които знаят истината, държат на нея и я отстояват.

Най-малко две са основанията за Григоровичевото записване към новоналожилата се тема – „Очерк“-ът и изследването на казанския професор върху средновековна Сърбия и отношенията ѝ със съседите. През септември 1915 г. в публикацията си за Григорович (1916) Иван Шишманов отбелязва в послеслова си: „Още повече се издигна Григорович в очите на българите в борбата за културното, моралното и политическото владеене на Македония против все повече засилващата се сръбска пропаганда. В горещата полемична литература, която възникна на почвата на тая, кое явна, кое подземна борба, Григорович зае скоро със своя *Очерк* първо място между най-компетентните защитници на българщината в Македония. Няма по-сериззна брошюра, статия или монография върху македонския въпрос, която да не се опира между друго на необоримите свидетелства и аргументи на В. И. Григорович“³². Почти сто години по-късно литературата по този проблем толкова е набърнала, че трудно се поддава на обхващане, а оценката на Шишманов е по-валидна от всяко. Тъй, с пътешествието, публикуваното и с дневника си Григорович продължава да е обект на специално внимание и до ден днешен за българските учени, популяризаторите и задграничните изследователи, живели или поне печатани в България³³.

От известните ми оценки за Григорович избирам тази на Васил Кънчов. Дали защото е толкова ярка (според мен – и твърде точна), дали защото Кънчов следва в Харковския университет, дали защото си отива толкова млад (убит е като училищен инспектор!), дали защото е от Враца, а изучава Македония – нека читателят сам реши. И ето как той се изказва за казанския пътешественик: „Неговото мнение за славянското население на Македония има по-голямо значение, отколкото на всичките пътувачи преди него, понеже като славянин и учен славист той е могъл с пълна положителност да говори по тоя въпрос. Григорович ясно се произнесе, че Солунското поле от Солун към Енидже Вардар и Воден, после Островската котловина, Битолското поле, Преспа и Охридската котловина са населени от българско население. Пътните бележки на Григоровича са обнародвани през 1848 г. пръв път. Оттогава славистите говорят вече за Македония сигурно като за българска област. Още повече се утвърди това нещо, когато през 1857 г. и руският историк Гильфердинг посети Стара Сърбия и някои краища от Северна Македония и авторитетно се произнесе, че населението на юг и изток от Шар е българско“³⁴. За мен оставя да добавя, че Гильфердинг завършва в Москва, при Бодянски. И че чувствам присъствието на Марин Дринов, макар В. Кънчов да не му е пряк ученик (следва в друг факултет). Сред най-ранните оценки, подобна е и тази на Йордан Иванов за значимостта на безпристрастния изследовател Григорович по въпроса за етническите характеристики на Македония. Споделят такива оценки мнозина още български и чуждестранни учени и до ден днешен.

3.3.7. От многообразните публикации по още други теми, които разчитат на Григоровичевите откривания за пътешественическите му научни находки и наблюдения, ще маркирам само някои във връзка с фолклористиката, историята на манастирите и документалните справочници по националния проблем.

Колкото и да е подгответен, и Григорович страда от същото, от което по-рано е потърпевш Ю. Венелин – невинаги отзивчивост на информаторите. В края на краишата, хората са различни – и питашкият, и отговарящият; опазването на устната традиция и популяризирането ѝ се движи в двете крайности – от „подарък“ до отказ за „издайничество, издаване“ на свещената домашна традиция. Тези крайности са още повече видни от опита с ръкописните паметници – от подарък, продаване до преписване, а и към пълен отказ за сътрудничество. Още една изява – от опазване към сакрално (че е сакрално, проумяваме днес, след век и половина развитие на науката) закопаване в основите на новия храм или

пускане в морето, или пък към невежествено унищожаване. Така е – животът е шарен, хората са още по-шарени.

Необходимо следващо маркиране е привеждането на Григоровичевите трудове към още нови теми. За Македония стана дума, но при все това се налага да обърна внимание на една от многобройните публикации. Думата ми е за „Македония. Сборник от документи и материали“ (1978). Читателят очаква, и с право, да намери тук цели пасажи от Григоровичевия „Очерк“. Обаче ги няма. Съставителите, 12 историци, литературоведи и лингвисти, които специално се занимават и с тази проблематика, са избрали друг, много по-оригинален подход. Предпочели са да подберат документи и текстове, в които авторите разчитат и на Григоровичевата информация. По който начин показват на внимателния читател как приносите на казанския професор се оценяват като извор и концепции в следващия век и половина след пътешествието му. На всичкото отгоре, включили са се автори не само славяни, слависти, но и серия други представители на голямата наука³⁵.

3.3.8. Няма как да си позволя да подмина откритието на старобългариста Кую Куев. За него „Очерк“-т и още Григоровичеви материали се превръщат в изключително ценен източник за изследване на скиталчествата на българските не само средовековни ръкописи – включени са и дамаскините, благодарение на лични наблюдения и на изследванията на Донка Петканова върху тях. Заченатата от Б. Цонев, Л. Милетич, Й. Иванов нишка ярко се усеща, но наистина темата е нова: акцент върху сведенията на пътешественика и специалиста Григорович като извор за проучване на премеждията на българската стара книжнина.

3.3.9. Не на последно място: неколцина българи работят в двата архива на Григорович. През 1914 г. БАН започва подготовката за отбелязване на 1000 години от смъртта на св. Климент Охридски. Елемент от нея е командироването на Васил Златарски и един от учениците му, Йордан Иванов, в чуждестранни архивохранилища. В Москва и Одеса двамата работят и с фондовете на В. И. Григорович, посещават и Казан. *Докладът им за командировката* скоро става достояние на научната общественост и на четящата публика въобще, а огромното количество материалите са депозирани в Академията³⁶. На тях стъпва и Шишманов, който още по-рано е работил и в двата архива и е изнаминал в Одеса Григоровичевия дневник. Въпреки известните тогавашни трудности, изглежда, преди Октомврийската революция достъпът е бил по-възможен, отколкото след нея.

Важният момент за подчертаване е, че на границата на двете столетия и преди Първата световна война българските учени (освен тримата посочени, още поне и младият тогава Павел Орешков) имат съзнанието да дирят Григорович и в архивното му наследство, пък и съумяват да го потърсят и намерят.

Следващ, който активно работи с московската и одеската сбирка „Григорович“, е Кую Куев, който разчита и на Григоровичевите ръкописи, когато майсторски възъздава съдбата на десетки стари български ръкописи. То се знае – в процеса на тия дирения всички наши учени разчитат на описите на Мочульский (Одеса) и на Викторов (Москва). Чрез двата описа Григорович допълнително се вписва в българската научна книжнина на XIX–XXI в. Както и чрез по-късните публикации на Н. М. Петровский, А. А. Кочубинский, И. И. Срезневский, А. А. Котляревский, М. Г. Попруженко и пр.

3.3.10. Още две радостни явления. Терминът ‘Григорович’ влиза в българската енциклопедична практика достатъчно рано – още в първата българска следосвобожденска енциклопедия. И второто – в много от големите български градове има улица, именувана на големия учен, и то в централната част; няколко училища носят неговото име.

3.3.11. Въпреки набелязаните факти, би било пресилено да се каже, че българската наука подобаващо се е „отчела“ пред многозаслужилия за науката, образоването и българското минало украинец. Представям си, че има смисъл в бъдеще време усилията да се насочат например към българските му студенти в Казан и Одеса. Връзките на негови възпитаници небългари с България, после и със Софийския университет, са често провокирани пряко или косвено от него; български учени посещават Казан и научните връзки между София и Русия получават следващи изяви на взаимност през десетилетията. Подтикващо и организиращо в тази посока действат Григоровичевите юбилеи и международните българистични форуми. По тази линия участник в Първия международен конгрес по българистика беше професор Александър В. Сергеев, единственият към 1981 г. автор на историографска монография за казанско-одеския учен.

Григоровичеви съчинения присъстват в личните библиотеки на възрожденски българи, което впоследствие подсигурява ред обществени библиотеки в България с тези съчинения в оригинал. Две столетия българите четат руски език, а почти от четвърт век насам стават все по-малко владеещите този богат език – по причина на държавни недоразумения. Та, има смисъл да се преведе поне „Очерк“-ът, макар едно издателство в началото на 1990-те години да ми отказа издаване на превода, направен от сестра ми: книгата не била в обсега на интересите им. (Само като си спомня, „лошо ми става“, знаейки и как се разви българското книгоиздаване нататък.)

3.3.12. Накратко. През тези 135 години свобода из Българско В. И. Григорович привлича вниманието на учени, популяризатори, общественици. Няколко обстоятелства го правят герой на повествованието. Свързани са с общуването му с българите, особено с хора като Априлов, Палаузови, Дринов, братя Робеви, братя Миладинови, Раковски и др. Разкриването на връзките му обогатява техните и неговия образ и насырчава следващи дирения.

Вторият елемент на контекста е в откриването, опазването, съобщаването на старите български ръкописи и въвеждането им в науката. Специален е интересът към приносите му за отреждането на подобаващо място на глаголицата.

Трети повод за завършване към Григорович е изследването на историята на славистиката и българистиката в най-широкия смисъл на тези науки. И следва общественото признание – чрез споменатите названия на улици и училища и чрез отбелязването на кръгли годишници от рождението, смъртта и пътешествието му по Европейска Турция.

В резултат, очертава се устойчив кръг занимаващи българите въпроси: от хуманитарните и обществените науки към природните, а в частност и към регионалните, краеведческите и манастирските дирения. Устойчив е и кръгът информация за самия В. И. Григорович – жизнен път, изследователска дейност, преподавателски изяви, теренни проучвания.

4. За надеждата и мерака. Хората, които добре ме познават, непременно са чували, че съм съгласна с максимата: „Надеждата умира последна“. И че винаги добавям: „След нея остава само меракът!“. Каквото се случи и с мен по въпроса за Виктор Григорович и каквото случило се няма нищо общо с едно някогашно софийско село, а днес квартал на столична София, с име „Надежда“. Така, да си призная, не толкож знанието и огорчението ми, предразсъдъците и стереотипите мои и наши, а тъкмо Надеждата и Меракът ме налеяха на факт, не неизвестен, но забравен и неприсъстващ в известната ми литература за В. И. Григорович.

Оказа се, изненадващо и щастливо за мен, че особено изтерзаните към 1877 г. българска земя и българска периодика НЕ СА ПРОПУСНАЛИ СМЪРТТА на слависта, приятел на българите. През януари 1877 г., по-малко от месец след кончината на учения, краткотрайният вестник „Стара планина“ (Букурещ), редактиран от Стефан С. Бочев, в рубриката си „Книжовни известия“ съобщава за случилото се. Коментара на написаното оставям за бъдещето. Сега ме интересува фактът на отбелязването, също и скоростта на реакцията по повод на печалното събитие – по-малко от месец (Григорович тогава е едва на 62 ненавършени години, не чак толкож впечатляваща и през XIX в. възраст). По-общо и по-конкретно казано, най-много ме интересува появата на съобщението³⁷.

5. Вместо заключение. Колкото и да е бегъл, кратък и непълен този преглед, надявам се да дава известна представа за състоянието на изследванията по избраната тема – постижения, пролуки, идеи за бъдещи проучвания. Без желание да проповтарям направените изводи и в трите посоки, избирам за завършек няколко момента.

Наближава 200-годишнината от рождението на Григорович (пролетта на 2015 г.). По скромното ми мнение тя е добър повод да се обърнем отново към жизнения му път и творчество. Може да обедини усилията на учени от няколко науки и от няколко страни, университети и прочие научни институции. Убедена в потребата и възможността, при закриването (на 01.11.2013 г. в България – Ден на народните будители, който празник не ще коментирам тук) на двудневния международен научен форум в София за Marin Drinov, по случай 175 години от рождението на българина с измеренията на европейски учен, предложих на колегите следващата ни международна славистична среща да бъде под знака на Григоровичевата годишнина. Надявам се „логистичната“ засега подкрепа да роди добри плодове. И колкото мога – старая се, поне в България, Украйна и Русия, срещата да се събудне. В. И. Григорович го заслужава. Заслужават го и преките му възпитаници, може би

и ние, които вървим по дирите им. За да го уважим в едно от най-важните неща: да имаме памет, уважение и проекции към бъдещето, дори да е само с модерната европейска идея: не глобализъм, а съхраняване на всяко късче човешко постижение в която и да е част на древната ни, малка, но съвсем Наша планета, наречена Земя. За човеците ѝ Тя е наистина единственото усвоено пространство, каквото и да си говорим за Космоса.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СЪЧИНЕНИЯ ОТ И ЗА В. И. ГРИГОРОВИЧ, ПОЗНАТИ В БЪЛГАРИЯ (ПРЕДВАРИТЕЛЕН СПИСЪК)

Пояснения: 1. Списъкът на Григоровичевите творби има „идеален характер“, т.е. включва заглавия, цитирани или посочвани в различни изследвания на български автори. 2. Липсата на съвременна библиография на и за В. И. Григорович, която, надявам се, да бъде създадена от колегите в Казан с участие и на други автори, по случай 200 години от рождението му (навършват се през 2015 г.), и полагам старания в тази посока, наложи се да изписвам изцяло заглавията и в двата дяла. 3. Част от заглавията са ми само библиографски познати и то се подразбира от маниера ми на описането им. 4. Заради контекста, в който и до днес се споменава Григорович в България, най-често срещаме името му в изследвания и по повод на старобългарските паметници, националното Възраждане и на Срезневски. В студията си „**Срезневски, българите и България през 170 години**“ (Дриновски сборник, т. 6) приведох доста подробен, макар и далеч непълен списък на българските изследвания за слависта. Ето защо включвам сега във втория дял единствено някои нови заглавия с различна научна и научнопопуляризаторска стойност и само напомням част от заглавията от описа си за И. И. Срезневски. В известен смисъл поне част от новите заглавия са допълнение и към въпросната ми студия. 5. За разлика от Срезневски, в българската книжнина Григорович е с особено ярко присъствие по темата „Македония“. Да изредя всичките ми познати заглавия, които поменуват казанския професор, не намирям за удачно. Затова давам само представителна изводка, с акцент върху най-ранните позовавания. 6. Във възрожденския български печат има поне десетина споменавания за Григорович. Привеждам ги в бележките си, по описа на М. Стоянов. Те са повод за изследователите на българите в Северното Причерноморие да се позовават, спорадично макар, на Григорович. 7. Предполагам, че зад съкращенията „П-ий“, които вземам от българската книжнина, се крият баща и син Петровский; бащата Мемнон Петрович е ученик на В. И. Григорович и го наследява в катедрата, а синът Нестор Мемнонович – също славист и също оглавява по-късно катедрата в Казан. 8. Тъй като списъкът е предварителен, далеч невинаги описанията ми са библиографски издържани според днешните ни разбириания. По-скоро отразяват правилата според времето на издаване на съответното съчинение.

Творби на Григорович

((„Вестник Европы“; по Касъров, който заимства от Котляревски, но дава заглавията на български език)).

Донесения В. И. Григоровича об его путешествии по славянским землям. Казань, 1914.

Древнейший памятник, дополняющий житие славянских апостолов Кирилла и Мефодия. – Ученые записки Казанского университета, II, 1, Казань, 1862.

Същото в: Кирилломефодиевский сборник. Москва, 1865.

Древнеславянский памятник, дополняющий житие Св. Апостолов Кирилла и Мефодия. Казань, 1862. 29 с.

Заметки о Солуне и Корсуне. Одесса, 1872. 16 с.

Изыскания о славянских апостолах в Европейской Турции. – ЖМНП, 1847, ч. 53, отд. II, с. 1–23.

Изыскания о славянских апостолах, произведенные в странах Европейской Турции – Известия АН, 2 отделение. – ((Шишманов)); ((по Палаузов, с. 143 и 149. – ЖМНП, 1847, № 1)).

Исследования о церковно-славянском наречии, основанныя на изучении его в древнейших памятниках, на свидетельствах и отношениях его к новейшим наречиям. Казань, 1840 ((Палаузов – библиография)).

- Как выражались отношения Константинопольской церкви к окрестным северным народам и преимущественно к Болгарам в начале X столетия: Речь, читанная в торжественном собрании Императорского Новороссийского университета 30-го августа 1866 года профессором В. И. Григоровичем. Одесса: в Гор. тип. Сод. Алексомати, 1866. 95 с.
- Краткая записка о путешествии. – ЖМНП, 1847, ч. 54, отд. IV, с. 27–40.
 ((Мариинско евангелие – Известия АН, т. 2, 1853.)).
- Лекции. Курс 1. Обозрение славянских наречий (недатиран ркп, 192 с., Университетска библиотека „Св. Климент Охридски“, Колекция „Славика“).
- Несколько слов, сказанных проф. славянских наречий В. Григоровичем, по поводу празднования тысячелетия со времени кончины Св. Кирилла. – Приложение к Запискам Императорского Новороссийского университета, 3, 1862, с. 7–20.
- ((Хилендарски листи – Кирил Йерусалимски)) – Известия АН, т. 1, с. 89–96.
- О Борисе-Михаиле Болгарском, праотце славянского просвещения. Одесса, 1871.
- О древней письменности славян. – ЖМНП, 1852, ч. 73, отд. II, с. 152–168.
- О древнейших памятниках церковно-славянской литературы – ИИАН по РЯС, 1, 1852, № 7, с. 88 ((за Рилските глаголически листи; у Шишманов – общо ЖМНП и ИзвАН по 2 отд.)).
- О Сербии в ее отношениях к соседним державам, преимущественно в XIV–XV столетиях. Казань, 1859.
- Об участии сербов в наших общественных отношениях. Одесса, 1876.
- Огласительные поучения Кирилла Иерусалимского. – Известия АН, 2 отд. ((Шишманов)).
- Описание четвероевангелия, писанного глаголицей. – Известия АН, 2 отд. ((Шишманов; Касъров по Котляревский)).
- Очерк путешествия по Европейской Турции. Казань: Тип. Имп. Казанского университета, 1848, 2, 214, 4 с.
- Очерк за пътешествие по Европейска Турция. Фотот. изд. София: Изд. на БАН, 1978, 2. 181 с.
- Панонские жития Св. Кирилла и Мефодия. – Казанские ведомости, 1848, № 20 ((Шишманов – Панонските легенди, 1862), били задържани от духовната цензура 10 години. Вероятно – цялостният научен текст.)).
- Послание русского митрополита Иоанна II к папе Клименту III. – ИАН, 2 отд. ((Шишманов по Кочубинский за Ян Коменски и В. Григорович)).
- Протоколы Константинопольского патриархата. – ЖМНП, 54, отд. II, 1847.
- Статьи, касающиеся древнего славянского языка. Казань: Тип. Казанского университета, 1852, 108 с.
- Svedectvi o slovanskych apostolich v Ochride. – ССМ, 1847, 3, pp. 508-521 ((по Шишманов е: Svedectwi o Slowansckych apostolech w Ochrilde, отд. Отпечатъкъ)).
- ((по Шишманов)) 1. Отчет (Казанского университета?) за 1846–1847, 28.
- Казанские губернские ведомости, 1848, апр. 12, № 15 ((с български народни песни от сбирката на Григорович, в превод и на руски – по Шишманов)).
- Изследвания, съобщения, споменавания за Григорович и позовавания на публикации за него**
- Александров, А. И. Виктор Иванович Григорович, профессор славянских наречий. Казань, 1901, 30 с.
- Александров, А. И. Памяти В. И. Григоровича. Варшава, 1902.
- Амфилохий, архимандрит. Древле-славяно-русский сравнительный Галический евангельский словарь с более, нежели 50-ю рукописными Евангелиями, начиная с самого древнейшего Глаголитского Четверо-Евангелия г. Григоровича, а кончая XVII-м веком, по главам и стихам, а не по алфавиту. Москва, 1883.
- Ангелов, Б. Ст. Из архива на В. И. Григорович. – ИНА БАН, т. 3, 1966, с. 175–184.
- Ангелов, Б. Ст. Неизвестно писмо на д-р К. Робев до В. И. Григорович. – ИНА БАН, т. 4, 1968, с. 101–117.
- Ангелова, А., Л. Петкова. Колекция славика. С., УИКО, 2005. 534 с.
- Арнаудов, М. Априлов. Живот, дейност, съвременници. С., 1936.
- Арнаудов, М. Брата Миладинови. С., 1943.
- Арнаудов, М. Г. С. Раковски. С., 1967.
- Бернштейн, С. Б. Из истории русского славяноведения. Виктор Иванович Григорович. – Известия АН СССР, 35, 1976, № 6, с. 533–538.
- Бернштейн, С. Б. Памяти В. И. Григоровича (К 150-летию со дня рождения). – Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. 24, в. 4, 1965, с. 359–362.
- Булахов, М. Г. Восточнославянские языковеды. Т. 1. Минск, 1976, с. 80–82.
- Велева, М. Как се прави история. Историографски студии. С., Форум „България – Русия“, 2013.
- Викторов, А. Е. Собрание рукописей В. И. Григоровича, М., 1879.
- Гавазов, Г. Чужденците за Велико Търново. – Читалище, 1979, № 7, с. 16–17.
- Горина, Л. В., Б. Даскалова. Шедъври на българската книжовност на руска земя. София: БАН, 2011. 242 с.

- Документи и материали за историята на българския народ. София: БАН, 1969. 561 с.
- Доосвобожденски пътеписи. С., 1969, с. 181–194.
- Дуйчев, И. Рилският светец и неговата обител. С., Библиотека „Златни зърна“, № 11, Славчо Атанасов, 1947. 432 с. (2. изд., фототит. С.: ИК „Въра и култура“, 1990. 432 с.).
- Дылевский, Н. М. Рыльский монастырь и Россия в XVI – XVII веках (Научно-популярный очерк). София: Синодальное издательство, 1974. 126 с.
- Заседания Казанского общества любителей отечественной словесности. – ЖМНП, 1848, ч. 58, отд. VII, с. 63–67.
- Иванов, Й. Българите в Македония. С., 1915 (2. изд. – 1917; 3. изд. – фотот. София: НИ, 1986. 492 с.
- Иванов, Й. Поменици на български царе и царици. – ИИД, 1915, № 4.
- Същото в: Иванов, Й. Избрани произведения. Т. 1. С., 1982, с. 144–153.
- Иванов, Й. Доклад от В. Н. Златарски и Йордан Иванов за научна обиколка в Русия през 1914 г. – В: Иванов Й. Избрани произведения. Т. 1. С., 1982, с. 45–52 (1. изд. 1916).
- Изследвания в чест на Марин Дринов. София: БАН, 1960. 650 с.
- Илчев, П. Виктор Иванович Григорович и българската филология. – БЕ, 27, 1977, № 1, с. 72–78.
- Иречек, К. История на българите. София: НИ, 1978. 671 с.
- Иречек, К. Пътувания по България. София: НИ, 1974, 1039 с.
- Йонков, Хр. Приятели на българския народ. Кн. 1. София: НП, 1971. 160 с.
- Кабакчиев, Ю. Выдающийся русский ученый славист и староболгарист (В. И. Григорович). – Palaeobulgaria, 1, 1977, № 1, с. 106–108.
- Калоева, И. А. Изучение южных славян в России второй четверти XIX века (Библиографические материалы). – Известия на НБКМ, 9, 1969, с. 3–37.
- Кульбакин, С. М. Материалы для характеристики среднеболгарского языка. Вып. 1–3. СПб., 1899–1901.
- Късъров, Л. Енциклопедически речник. Т. 1: А–К. Пловдив, 1899.
- Кирилометодиевска енциклопедия. Т. 1: А–З. С., 1985.
- Кирпичников – в Брокгауз и Ефрон ((по Шишманов)).
- Кирпичников, А. В. И. Григорович и его значение в истории русской науки. – Исторический вестник, 13, декември 1892.
- Киселков, В. Сл. Виктор Григорович, Иван Богоров и неизвестното им познанство. – ИИИ, 5, 1954, с. 297–315.
- Конев, И. Априлов и българо-русските културни взаимоотношения. – ИПр, 1974, № 2, с. 69–77.
- Конев, И. Въпроси на българската възрожденска литература в руската славистика до 60-те години на миналия век. – Славянска филология, 13, 1973, с. 313–323.
- Кочубинский, А. А. Ян Амос Коменский, В. И. Григорович. Две речи. Одесса, 1893.
- Кочубинский, А. А. Рукописи В. И. Григоровича (Виктор А. Е. Собрание рукописей В. И. Григоровича. М., 1879). – РФВ, 1880, № 2 (Отд. отп.)
- Куев, К. Съдбата на старобългарските ръкописи през вековете. София: НИ, 1986. 288 с. (1. изд. – 1979.)
- Кузманова, М. Интересът към българските писмени паметници през епохата на Възраждането. – ГСУ ФИФ, т. 58, кн. 3 за 1964. С., 1965, с. 169–208, рез. рус и фр. (отд. отп.).
- Кънчов, В. Избрани произведения. Т. 1–2. София: НИ, 1970. 680 с.
- Лавров, П. А. Дамаскин Студит и сборники его имени „Дамаскины“ в югославянской письменности. Одесса, 1899.
- Маждракова-Чавдарова, О. Възрожденецът Стефан Пенев Ахтар (1806–1860). С., 1985. 204 с.
- Маринов, М. Виктор И. Григорович за България. Библиографски преглед. – Библиотекар, 1978, № 9, с. 40–42.
- Маркишка, Д. В. И. Григорович и миналото на българския народ. – ИПр, 1978, № 34, с. 67–84.
- Мильов, С. Сватбени обреди и песни от Бендерски уезд. // Български хоризонти: Издава научното дружество на българистите в Република Молдова, 2002, № 2, с. 22–23.
- Мильов, С. Още за Виктор Григорович и българите. // Родознание, 7, 2002, № 3–4, с. 31–32.
- Минкова, Л. Възрожденският просветител Захарий Княжески. – ЛМ, 1974, № 3, с. 125–134.
- Минкова, Л. Осип Максимович Бодянски и Българското Възраждане. София: Изд. БАН, 1978. 199 с.
- Минкова, Л. Осип Максимович Бодянский и его вклад в развитие болгаристики в России. – В: Литература и история. Освободителная война 1877–1878 годов и болгарская литература. Статьи болгарских литературоведов. Перевод с болг. М., 1979, с. 261–286.
- Минкова, Л. Осип Максимович Бодянский – издател на паметници на старобългарската литература. – Старобългарска литература, 2, 1977, с. 249–267.
- Минкова, Л. Петър Иванович Прейс – первый болгарист Петербургского университета. – Etudes Historiques, 5, 1978, № 8, с. 75–86.
- Мочулский, В. Описание рукописей В. И. Григоровича. Одесса, 1890. – Летопись историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете, 1, 1890, с. 53–133.
- Мыльников, А. С. Павел Шафарик. Выдающийся историк-славист. М.-Л., Изд. АН СССР, 1963, 112 с.

- Непресъхващи извори. Документални материали из историята на Пловдив и Пловдивско. Пловдив, 1975, с. 289–291.
- Нешев, Г. Български довъзрожденски културно-народностни средища. София: БАН, 1977. 260 с., рез. фр. ез.
- Нешев, Г. Културни прояви на българския народ. XV–XVIII век. София: НП, 1978. 127 с.
- Никулина, М. В., С. Великов. Към историята на руско-българските културни връзки през Възраждането. Писма на Николай Христов Палаузов и Спиридон Николаев Палаузов до М. П. Погодин и Виктор Иванович Григорович. – ИДА, 27, 1974, с. 101–139.
- Орешков, П. Априлов и Срезневски 1831–1847. – БПр., 1929, № 2.
- Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., АН СССР, 1955, 692 с.
- Пенев, Б. История на новата българска литература. Т. 2. София: БП, 1976. 862 с.
- Петканова-Тотева, Д. Дамаскините в българската литература. София: Изд. БАН, 1965. 259 с.
- Пий Н. Виктор Иванович Григорович в Казани. Библиографический очерк. СПб., 1892, 57 с.
- Пий М. П. ((Пълна библиография)) Славянское обозрение, 1892, т. 2 и 3.
- Пий М. Григорович и Прейс. – Изв. ОРЯС ИАН, 1897, т. 2, кн. 3.
- Петровский, Н. М. Путешествие В. И. Григоровича по славянским землям. – ЖМНП, новая серия, 59, 1915, № 10, с. 203–262.
- Попов, Н. Письма к М. Погодину из славянских земель (1835–1861). М., 1879.
- Попруженко, М. Г. Русия и българското възраждане. – БИБ, 3, 1928, с. 130–147.
- Пыпин, А. Н. Обзор русских изучений славянства. – ВЕ, 1889, № 4, с. 584–625; № 5, с. 169–213; № 6, с. 625–664.
- Пыпин, А. Н. Русское славяноведение в XIX столетие. – ВЕ, 1889, № 7, с. 238–274; 1889, № 8 (?), с. 683–723; № 9, с. 257–305.
- Радев, С. Ранни спомени. София: БП, 1969. 342 с.
- Радкова, Р. Неофит Рилски и новобългарската култура. Първата половина на XIX в. София: НИ, 1975. 227 с.
- Ровнякова, Л. И., С. Н. Палаузов – деятель болгарского просвещения. – Русская литература, 1972, № 2, с. 167–176.
- Романски, Ст. Български въпроси в преписката на И. И. Срезневски с В. И. Григорович. – Сп.БАН, 54, 1937, с. 95–176.
- Рукописное собрание Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1983.
- Руски пътеписи за българските земи. XVII–XIX в. София: Изд. ОФ, 1986. 390 с.
- Сборник по случай 170-годишнината от рождението на проф. Марин Дринов. С., 2009.
- Сергеев, А. В. Исторические взгляды В. И. Григоровича. Казань: ИКУ, 1978, 134 с.
- Сергеев, А. В., В. И. Григорович и проблемите на Българското възраждане. – В: Русия и българското Възраждане. С., 1981, с. 317–337.
- Сергеев, А. В. В. И. Григорович в развитии болгарской историографии. – В: Първи международен конгрес по българистика. Доклади. История и съвременно състояние на българистиката. Т. 2. С., 1982, с. 312–317.
- Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., Наука, 1979, 430 с.
- Смирнов, С. В. Первые русские слависты в Чехии. – В: Труды по русской и славянской филологии. (Ученные записки Тартуского государственного университета. Т. 310. Серия лингвистическая, Т. 22). Тарту, 1973, с. 151–172.
- Смирнов, С. В. Виктор Иванович Григорович (1815–1876). – Русская речь, 1976, № 2, с. 100–106.
- Срезневский, В. И. Переписка И. И. Срезневского с В. И. Григоровичем. – Сп.БАН, 54, 1937.
- Срезневский, И. И. (рец за Очерт...). – Северное обозрение, 1849, т. 1, с. 764–777.
- Срезневский, И. И. На память о Бодянском, Григоровиче и Прейсе, первых преподавателей славянской филологии. СПб.: Тип АН, 1878, 47 с.
- Стоянов, М. Българска възрожденска книжнина.. Аналитичен репертоар на български книги и периодични издания. 1806–1878. Т. 1. С., 1957.
- Стоянов, М. Руската книга в България до Освобождението. – Известия на ДБВК, 1953. С., 1955, с. 193–219.
- Успенский, Ф. И. Воспоминания о В. И. Григоровиче. Летопись Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете. Одесса, 1890.
- Филкова П. Интересът към българския език в Русия през XIX век. – ВЕ, 1959, № 3, с. 231–239.
- Францев В. А. Очерки по истории чешского возрождения. Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX ст. Варшава, 1902.
- Христов, Д. В., И. Григорович в Охриде. – В: Bulgarian, Ottoman and Caucasian Studies. Сборник статей, посвященный 65-летию С. И. Муртузалиева. М., 1912, с. 388–396.
- Христова, Б., Д. Караджова, А. Икономова. Български ръкописи от XI до XVIII в., запазени в България. Своден каталог. Т. 1. С., 1982, № 407.
- Цанев, Д. Българската историческа книжнина през първата половина на XIX в. ... Дис... канд. на истор. науки. С., 1977. 407 с.

- Цанев, Д. Български преводи и преработки на руски и чешки трудове по българска история през първата половина на XIX в. – Векове, 1979, № 1, с. 12–19.
- Цанев, Д. Основни направления в българската историческа книжнина през първата половина на XIX в. – Известия на БИД, 29, 1974, с. 89–98.
- Цонев, Б. История на българския език. Том първи. А. Обща част Българско езиковедско наследство. София: НИ, 1984, XXIII, XII, 467, 4, XXXI, 10 с.
- Шапкарев, К. За възраждането на българщината в Македония. Неиздадени записи и писма. София: БП, 1984, 646 с.
- Шишманов, И. Д. Студии по българското Възраждане. В. И. Григорович, неговото пътешествие в Европейска Турция (1844–1847) и неговите отношения към българите. – Сп.БАН, 6, 1916, с. 1–221.
- Шишманов, И. Д. Студии по българското Възраждане. Пътешествието на В. И. Григорович по Европейска Турция. – В: Шишманов И. Д. Избрани съчинения. Т. 1. С., 1965.
- Ягич, В. Энциклопедия славянской филологии. СПб.: АН, 1910. – VIII, 961 с.

¹ Кепен, П. И. Записка о путешествии по словенским землям и архивам // Библиографические листки. – 1825. – № 33–34; От по-новите български публикации за него срв.: Дроснева Е. Храбрите списания, Къпен, Мустаков и ... – В: Балканските измерения на фамилията Мустакови. Сборник с материали от международна научна конференция, Габрово, 18–19 септември 2007 г. София: УИ „Св. Климент Охридски“, 2008, с. 150–172 и пос. лит.

² Йонков, Хр. Приятели на българския народ. Кн. 1. София, 1971, с. 62.

³ За славистичните четения в руските университети преди 1835 г. е натрупана немалка по обем и качество изследователска книжнина. Общото между четирите университета, на които са възложени задължения и надежди, е, че като начало се разчита на специалисти по обща история и на млади хора, които специално да се подгответ, включително с пътувания по извънрусите славянски земи. В петия, в Дерпт, където и ситуацията е друга, четения все още няма. За останалите вж. напр. Билунов, Б. Н. Историческая болгаристика в Московском университете в XIX–XX вв. / Б. Н. Билунов, В. И. Владимирская, И. А. Воронков, Л. В. Горина, В. Г. Карасев // Университетски изследования и преподавания на българската история у нас и в чужбина. Международен симпозиум Пампорово, 1981. София, 1982, с. 72 и сл.; Билунов, Б. Н. К истории славяноведения в Московском университете (1811–1835 гг.) // Болгария и Россия. Сборник трудов Б. Н. Билунова. Москва, 1996, с. 28–53 (1. изд. на статията – 1983); Попов, Г. Учен, държавен и обществен деец // Марин Дринов, 1838–1906: библиогр. указ. и док. наследство. София, 1990, с. 7–25; Сергеев, А. В. Исторические взгляды В. И. Григоровича. Казань, 1978; Минкова, Л. Петр Иванович Прейс – первый болгарист Петербургского университета. // Etudes Historiques, 8, София, 1978, с. 75–86; Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004. Очерк истории. СПб., 2004; Дроснева, Э. Санктпетербургские вехи болгаро-российского общения историков XIX–XXI вв. // Клио (СПб). – 2013. – № 12. – С. 132–135.

⁴ Сергеев, А. В. Цит. съч. с. 7.

⁵ Пак там, с. 7–8.

⁶ Пак там, с. 8–9.

⁷ За семейство Петровски срв. Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. Москва, 1979, с. 267–269. Запазени са 15 писма на Нестор до софийския профессор Васил Н. Златарски, писани през 1911–1915 г. Публикувани са в сборника Българо-руски научни връзки. XIX–XX век. Писма и документи / Съст. Л. Костадинова, В. Флорова, Б. Димитрова. София, 1968, с. 225–243. Между другото Н. М. Петровски съобщава и за готвените тържества за Григорович в Казан и Одеса, за подготвяната от него библиография и за речта си в Казан. Най-вероятно двамата учени са си разменили доста повече писма.

⁸ Минкова, Л. Осип Максимович Бодянски и Българското възраждане. София, 1978, с. 48. Авторката специално подчертава, че за завръщането на Бодянски в Москва „допринесло и достойното държане на Григорович, който проявил готовност да се върне в Казан“.

¹⁰ Специално внимание на връзките с българите, особено на продължаващите, обръща освен Шишманов, още и А. В. Сергеев в монографията си (вж. бел. 3). Също и Л. Минкова – по нови извори от личните архиви на Бодянски и Григорович в Москва и Киев (вж. бел. 8).

¹¹ Данните са по Стоянов, М. Българска възрожденска книжнина. Аналитичен репертоар на български книги и периодични издания. 1806–1878. Т. 1. С., 1957, №№ 2515, 2982, 2983, 3392, 3446, 5747, 8326, 8419. Заглавията не са включени в Приложение към настоящата студия.

¹² Христов, Д. В. И. Григорович в Охриде // Bulgarian, Ottoman and Caucasian Studies. Сборник статей, посвященный 65-летию С. И. Муртузалиева. Москва, 2012, с. 388–396.

¹³ Шапкарев, К. За възраждането на българщината в Македония. Неиздадени записи и писма. София: Изд. „Български писател“, 1984, с. 38.

¹⁴ От по-новите публикации по въпроса срв.: Гемиджиев, Г. Славянските ръкописи, притежавани от проф. Марин Дринов и ролята им в научното му творчество. // Сборник по случай 170-годиш-

нината от рождението на проф. Марин Дринов. София: Изд. на БАН, 2009, с. 175–191. Предстоящо е публикуването на статия с подобна проблематика от доц. д-р Елена Узунова от Археографската комисия, която статия е на базата на доклада ѝ, изнесен на конференцията в София за 175-годишната от рождението на М. Дринов.

¹⁵ Ангелова, А. Колекции славистика. / А. Ангелова, Л. Петкова. София: УИ „Св. Климент Охридски“, 2005, с. 281. Не познавам текста и е възможно описанието ми да не е съвсем точно.

¹⁶ За откриването на по-следващите Рилски глаголически листи разполагам с вълнуващия спомен на Петър Динеков, свидетел със съществите си на находката на учителя им Йордан Иванов. Почти половин век по-късно все същото вълнение Динеков разказващо на студентите за това преживяване. Подробности у Дроснева, Е. „Разделя ни само времето...“. // Спомени и размисли за Петър Динеков. София, 2010, с. 233–244; Иванов, Й. Поменици на български царе и царици. – Известия на Историческото дружество. София, 4, 1915 (Преиздадена 1982 г. – вж. Приложение).

¹⁷ Сергеев, А. В. Цит. съч., с. 81 и сл.

¹⁸ Срв.: Дроснева, Е. 1. Поглед към българското историческо познание през XVI век. // Българският шестнадесети век. Сборник с доклади за българската обща и културна история през XVI век. Научна сесия, организирана от Народната библиотека „Св. св. Кирил и Методий“ и Българската археографска комисия. София, 17–20.X.1994. София, 1996, с. 11–28; 2. Филибелийци за Филилополис (В памет на проф. д.и.н. Милчо Лалков). // Годишник на Историческия музей – Пловдив. Доклади от научна конференция „Европейските влияния в Пловдив XVIII–средата на ХХ в.“. Пловдив, 2001, с. 11–35.

¹⁹ Срв.: Дроснева, Е. Д. Становление русской болгаристики (до середины XIX в.). дис... к.и.н., Л., 1980; Муртузалиев С. И. Болгария в тени полумесяца. Изучение истории Болгарии и Османской империи в России (XV – первая половина XIX в.). М., 2013, и посочената в двета труда литература.

²⁰ Краснокутский, А. Г. Дневные записки в Константинополь. Москва, 1815, с. 9–10. На български са издадени от Кузев А. Един пътепис за българските земи от 1808 г. // Сборник в памет на професор Александър Бурмов. София, 1973, с. 425–441.

²¹ Фонтон, Ф. Юмористические, политические и военные письма из главной квартиры дунайской армии в 1828–1829 гг. Воспоминания. Т. 1–2. Лейпциг, 1862. Вторият том, с по-богатата информация за българите, е преведен на български език и издаден от В. Н. Златарски.

²² Вж. за Стоянчо Ахтар: Маждракова-Чавдарова, О. Възрожденецът Стефан Пенев Ахтар (1806–1860). София, 1985. 204 с.

²³ Срв.: Гемеджиев, Г. Цит. съч., с. 185; Христова Б. Български ръкописи от XI до XVIII в., запазени в България. Своден каталог. / Б. Христова, Д. Караджова, А. Икономова Т. 1. София, 1982 (в този опус ръкописът е под № 407).

²⁴ Поправката, според която сборникът е бил собственост на училището, а не на читалището, както обичайно се съобщава, дължим на Гемеджиев, Г. Цит. съч., с. 179–180.

²⁵ Велева, М. Как се прави история. Историографски студии. София, 2013; Велева, М. Българската съдба на проф. П. М. Бицилли. София, 2004.

²⁶ В студията си „Срезневски, българите и България през 170 години“ (Дриновски сборник, т. 6) приложих доста подробен, макар и далеч неизлен списък на българските изследвания за человека, учения и преподавателя, също и множество имена на български изследователи. Почти всички те се докосват или разработват темата за Григорович.

²⁷ Вж. напр. Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 1–4. София, 1985–2003; Речник на българската литература. Т. 1–3. София, 1976–1982; Старобългарска литература. Енциклопедичен речник. София, 1992 (2. изд. София, 2003); Чолов, П. Български историци. Биографично-библиографски справочник. София, 1981 (2. изд. 1999; 3. изд. 2010); Енциклопедия Българска възрожденска интелигенция. Учители, свещеници, монаси, висши духовници, художници, лекари, аптекари, писатели, издатели, книжари, търговци, военни... София, 1988; Енциклопедия България. Т. 1–7. София: Изд. на БАН, 1978–1994, и др.

²⁸ Шишманов публикува доста резултати от диренятия си по историята на българистиката и взаимоотношенията на българите със славистите. Срв. като често цитирани, освен очерка за Григорович и Венелиновите книжа в Москва. // Български преглед, 1897–1898, № 8, с. 17–46; Нови студии из областта на българското възраждане. // СБ.БАН, 1926, № 21; Личните сношения на Павла Йосифа Шафарика с българите. // Български преглед, 1895, № 12, с. 74–85, и др. Обширна библиография е публикувана в: Шишманов И. Д. Избрани счинения. Т. 2. София, 1966, с. 505–515.

²⁹ Велева, М. Как се прави история..., с. 23–34, 73–93.

³⁰ Цитирам по българското издание на Григоровичевия пътепис (1977), с. 3. Предговорът е подписан с инициалите А. И. Г. и е с дата 29 юли 1877. Кой се крие зад инициалите засега не мога да установя.

³¹ Намеренията на Орешков са ми известни по данни от личния му архив, копия от които през 80-те години на ХХ в. ми предостави дъщеря му Здравка Орешкова и сега са част от моя личен архив.

³² Цитатът е по Шишманов, И. Д. Избрани съчинения. Т. 1, с. 296–297.

³³ Срв. наблюденията на Гоцев, Д. Българските учени и тяхната роля в националноосвободителното движение на българите в Македония в края на XIX и началото на XX в. / Македонски преглед, 14, София, 1991, № 1, с. 11–31, и Велева, М. Болгаро-советские научные связи в период между двумя мировыми войнами. // Советская болгаристика. Итоги и перспективы. Материалы конференции, посвященной 1300-летию Болгарского государства (Львов, январь, 1981). Москва, 1983 (на бълг. ез.: Велева М. Как се прави история..., с. 536–543. Виж в тази книга и непубликуваната по-рано студия на авторката върху българската историческа наука между двете световни войни, с. 285–331). След възстановяването на Македонския научен институт и на научния му орган сп. *Македонски преглед*, в първите две книжки на списанието беше публикувано и неговото съдържание за годините от създаването до закриването му, т.е. от 1924 до 1943 г. За времето на войните от второто десетилетие на XX в. и диренятията на българските учени вж. Филов, Б. Пътуване из Тракия, Родопите и Македония, 1912–1916. София, 1993; Научна експедиция в Македония и Поморавието, 1916. София, 1993. Двете книги са съставени от проф. д.и.н. Петър Хр. Петров.

³⁴ Кънчов, В. Цит. съч., т. 2, с. 428.

³⁵ Македония. Сборник от документи и материали. София, 1978. Публикувани са откъси по Й. Иванов, братя Миладинови, Станко Враз, Райко Жинзифов, Христо Ботев и Константин Иречек.

³⁶ Иванов, Й. Доклад от В. Н. Златарски и Йордан Иванов за научна обиколка в Русия през 1914 г. // Иванов, Й. Избрани произведения. Т. 1. София, 1982, с. 45–52.

³⁷ За вестника вж. Боршуков Г. История на българската журналистика. 1844–1877; 1878–1885. София, 1976, с. 389–390. **Най-новото изследване за Бобчев, същевременно и най-пълното, дължим на д-р Петър Първанов:** Стефан Савов Бобчев – жизнен и творчески път. Дис. д-р по история. Благоевград, 2012. 571 с.

ВНЕСОК ВОЛОДИМИРА КАЧАНОВСЬКОГО У РОЗВИТОК БАЛКАНІСТИКИ В УКРАЇНІ НА ПРИКІНЦІ XIX – НА ПОЧАТКУ ХХ СТ.

O. Г. Самойленко

Самойленко, О. Г. Внесок Володимира Качановського у розвиток балканістики в Україні на прикінці XIX – на початку ХХ ст.

У дослідженні висвітлюються життя та діяльність відомого слов'янознавця XIX ст. В. В. Качановського, аналізується науковий доробок вченого, визначається його роль у виданні славістичного часопису «Вестник славянства» та місце у вивченні південнослов'янської історії та культури.

Ключові слова: Качановський, славіст, балканістика, «Вестник славянства», Ніжинський історико-філологічний інститут.

Самойленко, А. Г. Вклад Владимира Качановского в развитие балканистики в Украине в конце XIX – на початку ХХ ст.

В исследовании раскрываются жизнь и деятельность известного славяноведа XIX в. В. В. Качановского, анализируется научное наследие ученого, определена его роль в издании славяноведческого журнала «Вестник славянства» и место в изучении южнославянской истории и культуры.

Ключевые слова: Качановский, славіст, балканістика, «Вестник славянства», Нежинский историко-филологический институт.

Samoilenko, O. Vladimir Kachanovskiy's contribution to the development of Balkan Studies in Ukraine at the end of the 19th– the beginning of 20th centry.

The study describes the life and work of the renowned Slavist of 19th century Prof. V. V. Kachanovskiy. The scientific heritage of the scientist is analyzed. It is also defined his role in publication of the "Journal of Slavic" and his position in the study of the South-Slavic History and Culture.

Keywords: Kachanovskiy, Slavist, Balkan Studies, the "Journal of Slavic", Nezhyn History and Philology Institute.

Ім'я відомого славіста В. В. Качановського, який в останній чверті XIX століття працював у навчальних закладах Варшави, Казані та Ніжина, вивчав історію та культуру південнослов'янських народів, заснував і впродовж кількох років видавав часопис «Вестник славянства», широко відоме значному колу сучасних європейських дослідників. Разом із тим, окрім коротких біографічних довідок в енциклопедичних виданнях і кількох наукових біографій¹, життя, науково-педагогічна діяльність і творчий доробок вченого залишаються малодослідженими. В Україні, про що засвідчує аналіз історіографії, до наукової спадщини Володимира Васильовича взагалі зверталися лише поодинокі дослідники².

Тому метою даної розвідки є введення до наукового обігу праць вченого, уточнення його біографічних даних, аналіз науково-педагогічної діяльності цього професора-славіста та визначення його внеску в розвиток балканістики.

Володимир Васильович Качановський народився 1 (13) березня 1853 року у родині православного священика в селі Великий Ліс Гродненської губернії. Як і більшість представників духовного стану, середню освіту юнак здобув у духовному училищі та Литовській духовній семінарії у Вільно, але подальшу освіту вирішив продовжити у світському навчальному закладі. Для здобуття вищої освіти В. Качановський вступив на перший курс відкритого у 1867 році Петербурзького історико-філологічного інституту. Під впливом обставин він був вимушений перевестись до Імператорського Варшавського університету на слов'яно-російське відділення історико-філологічного факультету, де швидко став одним із кращих студентів на курсі (поряд із ще одним відомим у майбутньому вченим – Арсенієм Івановичем Маркевичем).

Вже в студентські роки Володимир Качановський виявив неабиякий інтерес до науки, здібності до дослідницької праці й закохався в історію та культуру південнослов'янських народів. Кандидатський твір Володимира Васильовича – «Падіння Сербії» у 1876 році був відзначений золотою медаллю, а його автора залишили у Варшавському університеті кандидатом-стипендіатом для підготовки до професорського звання при кафедрі слов'янської філології³, яку на той час очолював відомий славіст Йосип Йосипович Первольф.

Згідно з «Правилами про стипендіатів, яких залишили при університеті по завершенню університетського курсу», затвердженими радою історико-філологічного факультету Варшавського університету, стипендіати вели свої заняття під керівництвом спеціального професора та мали право на відрядження до інших університетів Росії чи за кордон⁴.

Перші кроки в науці В. В. Качановський робив під керівництвом одного з кращих знавців південнослов'янської історії в Російській імперії, автора двотомної праці «Історичні пам'ятки південних слов'ян» Вікентія Васильовича Макушева. Саме під його впливом і за підтримки Вікентія Васильовича науковець написав свої перші наукові розвідки – «Сербські житія і літописи як джерело історії південних слов'ян у XIV та XV століттях», «Балканські слов'яни в епоху підкорення їх турками», «Візантійські літописи як джерело для історії південних слов'ян у період падіння їх самостійності», що були надруковані у досить авторитетних виданнях того часу – «Славянском сборнике» та «Журнале Министерства Народного Просвещения»⁵, і сформували думку про Качановського як перспективного дослідника. Як згадував з часом Володимир Васильович у власній «Автобіографії»: «Получив верное направление от своего руководителя, я никогда от него не отклонялся»⁶. Сутність цього спрямування полягала в тому, що славістичні студії мали будуватись за принципами паралельного вивчення історичного, культурологічного та мовознавчого матеріалу, котрі, шляхом застосування порівняльного методу, дозволяли глибше і точніше розкривати явища південнослов'янської історії.

По завершенню навчання В. В. Качановський був призначений на посаду помічника бібліотекаря Варшавського університету, залишаючись водночас стипендіатом на здобуття професорського звання. Це дозволило молодому вченому не лише працювати в бібліотеці з необхідним йому науковим матеріалом, але й дещо покращити власне матеріальне становище. Для підвищення наукового рівня дослідника-початківця, за його ж клопотанням, він був відряджений до Санкт-Петербургу. В столичному університеті він відвідував лекції видатних російських вчених В. І. Ламанського, О. Ф. Міллера, вивчав санскрит під керівництвом відомого іраніста-санскритолога професора Каєтана Андрійовича Коссовича. Одночасно Володимир Васильович працював у петербурзьких бібліотеках і архівах, вивчаючи сербські літописи та літературу. В. В. Макушев, який продовжував опікуватись своїм учнем, написав у червні 1876 р. листа одному з фундаторів російської славістики І. І. Срезневському з проханням підтримати заняття молодого науковця в Петербурзі: «Осмеливаюсь препоручить Вашему благосклонному вниманию своего ученика кандидата Качановского, отправляющегося в Санкт-Петербург для занятий славянциною. Г. Качановский в прошлом году получил золотую медаль за обширный труд по истории падения Сербии. Он употребил целый год на переработку и пополнение этого труда; но некоторых нужных книг он не может достать в Варшаве, а потому должен отправиться в Санкт-Петербург, где есть возможность найти все, что ему нужно, в Публичной и Академической библиотеках... Переработанный и пополненный труд своей Качановский намерен представить как магистерскую диссертацию... Зная хорошо г. Качановского, я могу смело предсказать ему блестящую ученую карьеру, если только он найдет поддержку в таких глубоких ученых, снисходительных и добрых людях, как Вы, Измаил Иванович»⁷.

На початку січня 1879 р. В. В. Качановський переїхав до Москви, де продовжив пошук джерел і літератури зі середньовічної сербської історії в книgosховищах Рум'янцевського музею, Синодальній і типографській бібліотеках, Троїцько-Сергієвській лаврі та Новоєрусалимському монастирі, де знайшов чимало цікавого і важливого для свого наукового дослідження матеріалу.

Після повернення до Варшави науковець відмовився (з 1 березня 1879 р.) від посади помічника бібліотекаря, оскільки наукова діяльність і написання дисертації вимагали багато вільного часу, та подав на ім'я ректора університету професора М. М. Благовещенського клопотання про надання йому ще й закордонного відрядження. Міністерство народної освіти у липні цього ж року дозволило виїзд вченого за кордон, спочатку на рік, а потім пролонгувало його ще на один рік. Під час дворічного відрядження молодий дослідник зосередив свою увагу на вивчені слов'янського світу у всьому його розмаїтті, хоча південні слов'яни приваблювали науковця більш за все. Робота в архівах і бібліотеках Османської імперії, Італії та Південної Франції дозволила вченому глибше пізнати історію, культуру та літературу південних слов'ян. Протягом липня 1879 р. – червня 1881 р. Володимир Васильович працював у Задарському, Дубровницькому та Ватиканському ар-

хівах, у бібліотеках фрушкогорських і Рильського монастирів, Белградського Вченого товариства та Белградської Великої школи, Югослов'янської академії наук у Загребі тощо. У Дубровницькому книгосховищі В. В. Качановський знайшов невідомий раніше матеріал про драматурга Антона Глєгевича, який було покладено в основу магістерської дисертації⁸, захищеної 25 січня 1882 року у Варшаві⁹. Опонентами здобувача на захисті дисертації виступили вчителі Володимира Васильовича В. В. Макушев і Й. Й. Первольф. До творчості дубровницького поета і драматурга дослідник звертався й у подальшому, вступаючи в дискусії про його творчість зі старшими колегами по науковому цеху В. В. Макушевим і А. С. Будиловичем¹⁰.

У наступному році, здобувши ступінь магістра слов'янської філології, Володимир Васильович відбув до Болгарії з метою підбору матеріалу для болгарського словника, який він планував підготувати спільно з професором М. С. Дриновим¹¹.

Ще наприкінці 1876 року відомий російський літературознавець, етнограф і славіст О. М. Пипін висловив думку про доцільність вивчення Болгарії в історико-етнографічному відношенні, для чого слід було б організувати експедицію, до складу якої, на думку Олександра Миколайовича, могли увійти М. С. Дринов від Харківського університету, І. І. Срезневський і В. І. Ламанський від Петербурзького університету, Ф. І. Буслаєв від Московського університету та В. І. Ягич – від Берлінського.

На початку 1878 року цю ідею було розвинуто в «Записці», направлений керівництву II відділення Імперської Академії наук, в якій пропонувалося загальне керівництво експедицією довірити «кращому на той час знавцю болгарської історії та побуту» М. С. Дринову¹². Переговори з болгарським урядом про проведення досліджень на болгарських землях доручили Володимиру Качановському, який, як вже зазначалося, 1879 р. направився до Болгарії для проведення наукових занять. Із Софії в січні 1880 р. вчений інформував Пипіна, що члени Болгарського Народного зібрання та митрополит Климент, який очолював уряд і міністерство народної освіти Болгарії, з радістю зустріли звістку про організацію експедиції і готові були всіляко їй сприяти. Крім того, Володимир Васильович у своєму листі до Олександра Миколайовича Пипіна зазначав, що думка запросити до участі в експедиції слов'янських учених, є корисною не лише для науки, але й політично¹³. Але, на жаль, втілити у життя ці плани щодо організації експедиції, з різних причин, не вдалося, як і не вдалося завершити роботу В. В. Качановському над словником, попри на значний накопичений матеріал. Можливо, це пов'язано з виданням у Москві в 1885 р. подібного словника професором О. Л. Дювернуа¹⁴.

Незважаючи на це, відрядження було назагал успішним. Під час своєї подорожі до Болгарії Качановський склав ґрунтовну і дуже важливу для науки збірку пісень, яка була видана під назвою «Пам'ятки болгарської народної творчості» (Випуск 1, Санкт-Петербург, 1882). Крім величного масиву пісень, автор подав короткі нотатки про особливості народної мови, опис звичаїв, примірники болгарської мови XVII–XVIII століть, зібрання прислів'їв і короткий словник. Одночасно вчений займався виявленням і вивченням джерел з історії болгарської церкви, на основі яких були написані численні статті: «До питання про літературну діяльність болгарського патріарха Євфимія», «Нові дані для вивчення літературної діяльності болгарського патріарха Євфимія (1375–1393 рр.)», «Нововідкриті на Афоні праці болгарського патріарха Євфимія», «Нарис із історії ставлення церкви болгарської до церков грецької і латинської з кінця XI ст. до половини XIII ст.», «Грамота Константина Асена Зографському монастирю», «Слов'янський список опису чудес Димитрія Сасунського» й ін. Особливий інтерес для науковців викликає низка статей про видатного письменника і книжника, реформатора церковнослов'янської писемності, останнього патріарха Другого Болгарського царства Євфимія Тирновського, в яких В. В. Качановський не лише проаналізував творчу спадщину та переосмислив складну долю отця церкви, але й подав ґрунтовний опис самої епохи, в яку жив один із геройів болгарського народу. Як зазначив його колега М. Н. Сперанський, болгарському народу вчений присвятив «наиболее выдающиеся и крупные по значению труды»¹⁵. Крім Болгарії, у 1884 році Володимир Васильович відідав також Румунію та Македонію.

8 лютого 1886 р. В. В. Качановського було призначено приват-доцентом кафедри слов'янської філології Казанського університету. Вчений активно включився в наукове життя Казані, став секретарем Товариства археології, історії та етнографії при Казанському університеті, яке функціонувало з 1878 року, подав до друку низку праць, співпрацю-

вав із часописами – «Журналом Міністерства Народного Просвіщення» й «Історическим вестником», читав лекції з давньослов'янської та сучасних слов'янських мов.

Визначною подією для всієї славістичної науки став випуск першого збірника «Вестника славянства», засновником і редактором якого був Володимир Васильович. У Казані протягом 1888–1890 рр. вийшли перші п'ять випусків збірника.

З 1 вересня 1888 р. В. В. Качановський був переведений екстраординарним професором (з березня 1896 р. – ординарний професор) слов'янської філології до Ніжина в Історико-філологічний інститут князя Безбородька¹⁶. Саме на «ніжинський» період діяльності вченого (1888–1901 рр.) припав розквіт його науково-дослідної роботи. У цей час В. В. Качановський написав більшість своїх праць, активно видавав у Києві «Вестник славянства» (1891–1896 рр.), читав лекції студентам ніжинського інституту. За неповні дев'ять років вийшло одинадцять випусків часопису, які були складені за принципом наукових журналів. У них друкувалися теоретичні статті, критика та бібліографія, нотатки, матеріали до іовілеїв вчених і письменників тощо. Теоретичний розділ містив, як правило, п'ять–вісім наукових розвідок, але у зв'язку з тим, що В. В. Качановський одноосібно займався і науковою, і редакційною, і видавничою справою, то коло авторів було обмеженим, а більшість статей, особливо в останніх випусках, написав сам вчений. Всього його перу належить 41 розвідка, надрукована у збірнику. Серед авторів часопису, крім Володимира Васильовича, були також історики, літературознавці, мовознавці, фольклористи М. Бережков, В. Гологанов, А. Дубицький, П. Люперсольський, В. Малинка, І. Михайлівський, В. Резанов, І. Смельницький, А. Тальвінський й ін. У 1896 році журнал перестав видаватися, з одного боку – через фінансові труднощі, а з іншого – через відсутність достатньої кількості наукових матеріалів¹⁷.

У Ніжині В. В. Качановський продовжив активно студіювати історію та культуру південнослов'янських народів. Поряд із незначними за обсягом розвідками: «Католицька пропаганда в Болгарії в XVII та XVIII століттях», «З історії сербських колоністів в Угорщині в кінці XV і XVI ст.», «До питання про становище болгар і болгарського одягу в першій половині XVI ст.», «Сербський епос. На пам'ять 500-ліття Косовської битви», «До історії Чорногорії», «Чорногорія у другій половині XV ст. і на початку XVI ст.», «Лист чорногорського самозванця Стефана Малого до уряду Дубровницької республіки», «Боснійський державний герб», «Герцеговина у другій половині XV ст.», «Загальний погляд на давню історію Сербії та її джерела», у Ніжині була написана й одна з найкращих праць науковця – «Історія Сербії з половини XIV до кінця XV ст.: Критичне дослідження джерел»¹⁸, яка практично підсумувала творчий доробок талановитого вченого і мала стати його докторською дисертацією. Вчений у своєму дослідженні намагався висвітлити середньовічну історію сербського народу крізь призму головних категорій історичних джерел (літописів і житій). Як зазначив один із рецензентів праці П. А. Ровинський, «чтобы дать полную оценку замечательному труду проф. Качановского, нужно самому войти в его сферу и погрузиться в массу материала, который он систематизирует, объясняет и очищает посредством критики»¹⁹. Варто зазначити, що праці В. В. Качановського з сербістики розкривають процес становлення і розвитку сербської релігійної полемічної літератури у руслі візантійського впливу та загалом свідчать про досконале володіння вченим методикою наукового опису й історико-критичного аналізу рукописних джерел.

Слід зупинитися ще на одній стороні наукової діяльності вченого – археографічних дослідженнях слов'янських рукописних книг і колекціюванні рукописної спадщини балканських народів. Свою колекцію, яка складалася з 61 документу, В. В. Качановський збирав протягом усього життя під час наукових експедицій і стажувань. Його рукописна збірка складалася з балканських і російських джерел, до неї входило 20 рукописних книг літературного та загальноісторичного змісту, а також документи з історії південних слов'ян XV–XIX ст. болгарською, грецькою, італійською, латинською та сербською мовами. Це документи з історії Дубровника, Котора, Чорногорії, зокрема, їхніх історико-правових і дипломатичних відносин із Венеціанською республікою в XV–XVI ст. Серед рукописів були рідкісні та надзвичайно цінні кодекси для дослідження старовини і рукописно-книжкового мистецтва, в тому числі унікальне грецьке евангеліє-апракос XI ст. та рукописний «Збірник слів та житій» 40–50-х років XIV ст. без'юсової редакції македонського походження (нині зберігається у складі рукописного зібрання бібліотеки колишнього Історико-

філологічного інституту князя Безбородька в Інституті рукопису Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського²⁰.

Документи з балканістики В. В. Качановський, у зв'язку з передчасною смертю, описані не встиг, а спеціалістів його рівня у Ніжині не було, документи були лише зафіксовані за змістом у каталогі М. Н. Сперанського²¹.

Але, слід зауважити, що якщо «варшавський» і «казанський» періоди життя та діяльності Володимира Васильовича характеризуються підвищеним інтересом вченого до сербської і болгарської тематики, то «ніжинський» період став часом розширення кола наукових інтересів вченого, звернення його уваги на розробку окремих проблем історії, старожитностей і літератури інших південнослов'янських, західнослов'янських, а частково, і східнослов'янських народів. Як слушно зауважив колега вченого по Історико-філологічному інституту в Ніжині професор М. Н. Сперанський про його праці: «... в этом перечне мы найдем труды по всем областям изучения славянства: не только по истории, но и по языкам, не только по литературе, но и древностям, археологии; в этом же списке мы встретим яркие следы интереса профессора не к одной либо какой излюбленной славянской народности: здесь есть труды и заметки и по церковно-славянской старине и по языкам, литературе и истории любой славянской народности»²². Зрозуміло, що працюючи тривалий час у Варшаві, науковець не міг залишитися байдужим до історії та культури польського народу. В. В. Качановського цікавили актуальні проблеми польської історії та специфіка російсько-польських відносин кінця XVIII – початку XIX ст. Так, у своїй праці «Нарис історії останніх десятиліть Речі Посполитої»²³, дослідник зробив спробу висвітлити головні суспільно-політичні передумови розпаду цієї «шляхетної Республіки». Вчений в цілому поділяв думку польських істориків, що падіння Польщі було обумовлено характером політичної влади, слабкістю станово-представницької монархії, сепаратизмом шляхти та перманентними зовнішніми і внутрішніми війнами, учасником якої була польська політична верхівка²⁴. Відносини Росії і Польщі знайшли своє відображення в іншому дослідженні славіста – «Росія та Польща на початку XIX ст.», в якому автор акцентував увагу на актуальних, для того часу, проблемах входження польських земель до складу Російської імперії та впровадження політики русифікації²⁵.

Невдовзі після здачі до друку статті «З історії сербської літератури», що стала останньою в науковому доробку ученого, В. В. Качановський тяжко захворів і 11 (24) квітня 1901 року помер²⁶ у розквіті сил, залишивши після себе значний науковий спадок, що нараховує понад двісті праць і рецензій, та пам'ять як про близького вченого-славіста, який вписав власну сторінку в історію балканістики, зокрема, і слов'янознавства в цілому. Праці Володимира Васильовича Качановського, без перебільшення, справили помітний вплив на подальший розвиток славістики майже в усіх країнах Центральної та Східної Європи в ХХ ст.

¹ Булахов, М. Г. Восточнославянские языковеды. Библиографический словарь. Т. 1. Мн., 1976, с. 136; Владимир Васильевич Качановский. Библиографический указатель / Сост. Самойленко Г. В. Нежин, 1993, 19 с.; Воробьев, И. Г. Материалы к биографии В. В. Качановского // Биография исследователя как жанр славистики. Тверь, 1991, с. 17–30; Енциклопедия истории Украины: У 8-ми т. / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. Т. 4. Київ, 2007, с. 155–156; Лаптева, Л. П. История славяноведения в России в XIX веке. М.: Издательство «Индрик», 2005, 848 с.; Русский биографический словарь: В 20-ти т. Т. 8: Кабановы – Косой. Москва, 1999, с. 188–189; Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Т. 28. СПб., 1900, с. 807; Українська література енциклопедія. Т. 2. Київ, 1990, с. 434.

² Давиденко, Ю. М. Політична історія Польщі в дослідженнях вчених Ніжинської вищої школи наприкінці XIX – на поч. ХХ ст. / Ю. М. Давиденко, О. Г. Самойленко // Поляки в Україні. Ніжин, 2004, с. 184–189; Мицук, С. М. В. Качановський – дослідник слов'янської рукописної спадщини // Проблеми слов'янознавства. – 2009. – Вип. 58. – С. 36–40; Самойленко, Г. В. Вчені-філологи Ніжинської вищої школи. Біобібліографічний покажчик. Ніжин, 1993, 336 с.; Самойленко, О. Г. Внесок вчених ніжинської славістичної школи (кінець XIX – початок ХХ ст.) у дослідження історії південних слов'ян // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. – Вип. 52. Серія: Історичні науки. – № 5. – Чернігів, 2008. – С. 209–216; Сперанський, М. Н. Пам'яті В. В. Качановського. Ніжин, 1901, 8 с.

³ Archiwum Państwowe w st. Warszawy, ф. 214 (252), оп. 1, спр. 348. Варшавський університет [1876], арк. 3–5.

⁴ Archiwum Państwowe m. st. Warszawy, ф. 214 (252), оп. 1, спр. 344. Протоколи факультетських (історико-філологічного) засідань в 1870/1871 академічному році, арк. 16–17.

⁵ Качановский, В. В. Сербские жития и летописи как источник истории южных славян // Славянский сборник. 1876. Т. 3. С. 183–222; його ж. Балканские славяне в эпоху покорения их турками // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1877. – Январь. – С. 83–114; його ж. Византийские летописи как источник для истории южных славян в период падения их самостоятельности // Журнал Министерства народного просвещения. – 1878. – Июль. – С. 63–112.

⁶ Лаптева, Л. П. Вказ. праця, с. 670.

⁷ Там само, с. 671.

⁸ Качановский, В. В. Неизданный дубровницкий поэт Антон Марин Глєгевич. Ч. 1 и ч. 2. Образцы дубровницкого языка и письма. СПб., 1882.

⁹ Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 1875–1900. Преподаватели и воспитанники. Нежин, 1900, с. 32.

¹⁰ Будилович, А. С. Несколько слов о сочинении г. Владимира Качановского: «Неизданный дубровницкий поэт Антон-Марин Глєгевич» (СПб. 1882) и о прибавлении к нему п. з. «Образцы дубровницкого языка и письма, с приложением неизданных документов, рисующих дубровницкую культуру» (СПб. 1882). Варшава: в тип. М. Земкевича и В. Ноаковского, 1883, 26 с.

¹¹ Самойленко, Г. В. Вчені-філологи Ніжинської вищої школи..., с. 120.

¹² Лебедев, С. Б. А. Н. Пыпин и его проект историко-этнографической экспедиции на Балканы // Советская этнография. – 1984. – № 3. – С. 87–88.

¹³ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 110, л. 29.

¹⁴ Там само, с. 121.

¹⁵ Самойленко, Г. В. Ніжинська вища школа: сторінки історії / Г. В. Самойленко, О. Г. Самойленко. Ніжин, 2005, с. 135.

¹⁶ Державний архів Чернігівської області в м. Ніжині, ф. 1105, оп. 1, спр. 418. Личное дело профессора В. В. Качановского, арк. 4.

¹⁷ Самойленко, Г. В. Вчені-філологи Ніжинської вищої школи..., с. 126.

¹⁸ Качановский, В. В. История Сербии в половине XIV в. до конца XV в. Киев, 1899, 372 с.

¹⁹ Ровинский, П. В. В. Качановский. История Сербии в половине XIV в. до конца XV века. Том 1. Критическое исследование источников. Киев, 1899, VI+372 с. // Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 4. Кн. 3. СПб., 1899, с. 1122.

²⁰ Мицук, С. М. Вказана праця, с. 39; Дубровіна Л. Кодикологічні дослідження Інституту рукописів Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського. Давня македонська книга / Л. Дубровіна, Л. Ігнатенко // Українсько-македонський науковий збіник. Вип. 1. Київ, 2005, с. 288–303.

²² Мицук, С. М. Вказана праця, с. 40; Описание рукописей библиотеки Историко-филологического института князя Безбородько в Нежине. Приобретения 1901–1905 гг. / Описание составлено М. Сперанским. Нежин, 1905, с. 28.

²³ Самойленко, Г. В. Вчені-філологи Ніжинської вищої школи..., с. 125.

²⁴ Давиденко, Ю. М. Вказ. праця, с. 186.

²⁵ Качановский, В. В. Россия и Польша в начале XIX в. // Вестник славянства. Кн. 9. 1894, с. 1–32.

²⁶ Самойленко, Г. В. Ніжинська вища школа..., с. 136.

**СЛАВІСТИКА В РАДЯНСЬКІЙ УКРАЇНІ ТА ДІЯЛЬНІСТЬ
А. І. СТЕПОВИЧА З НАЛАГОДЖЕННЯ НАУКОВИХ ЗВ'ЯЗКІВ З
УЧЕНИМИ ЮГОСЛАВІЇ У 20–30-ТИ РОКИ ХХ СТ.**

Г. В. Саган

Саган, Г. В. Славістика в радянській Україні та діяльність А. І. Степовича з налагодження наукових зв'язків з ученими Югославії у 20–30-ті роки ХХ ст.

У статті вивчаються маловідомі сторінки діяльності українського вченого А. І. Степовича, який жив і працював у Києві наприкінці XIX – на початку ХХ ст. Основна увага приділена вивченню питань діяльності А. І. Степовича з налагодження наукових контактів з югослав'янськими вченими. Дослідження проведено за матеріалами архівних джерел Інституту рукопису НБУ імені В. І. Вернадського.

Ключові слова: наукові зв'язки, югослав'янські вчені, славістика.

Саган, Г. В. Славістика в советской Украине и деятельность А. И. Степовича по налаживанию научных связей с учеными Югославии в 20–30-е годы XX в.

В статье исследуются малоизвестные страницы деятельности украинскогоченого А. И. Степовича, который жил и работал в Киеве в конце XIX – начале XX в. Главное внимание обращено на изучение вопросов деятельности А. И. Степовича по формированию им научных контактов с югославянскими учеными. Исследование осуществлено на материалах архивных источников Института рукописи НБУ имени В. И. Вернадского.

Ключевые слова: научные связи, югославянские ученые, славистика.

Sagan, G. V. Slavic Studies in Soviet Ukraine and activity of A. I. Stepovych to establish research links with scientists from Yugoslavia in the 20s-30s of the twentieth century

The article studies the little-known pages of the activities of the Ukrainian scientist A. I. Stepovych who lived and worked in Kiev at the end of the 19th – the beginning of the 20th century. The particular attention is paid to studying the activities of A. I. Stepovych in establishing scientific contacts with Yugoslavian scholars. The research has been carried out on the basis of the archive materials of the Institute of Manuscripts of the National Library of Ukraine named after B. I. Vernadskiy.

Keywords: scientific contacts, Yugoslavian scholars, Slavic studies.

Вищим школам Югославського королівства у 20–30-ті роки ХХ ст. дуже важко було спілкуватися з ученими радянської України. Пояснення такій ситуації знаходилося в ідеологічній площині – більшовицька влада, як вважали її ідеологи, не могла мати контактів із монархією. За таких обставин навіть ВНЗ, за «відсутності потреби», почали згортати ту науково-викладацьку діяльність, яка була пов’язана зі славістикою.

Тому ми можемо говорити лише про фрагментарні зв’язки югославських та українських учених, які існували до тих пір, поки в Україні розвивалася славістика. Саме когорта вчених, сферою наукових інтересів яких було слов’янознавство, підтримувала контакти з югославськими колегами. З приходом радянської влади в Україні ще певний час в окремих університетах країни вдавалося втримати хоч якийсь рівень вивчення та дослідження мов, історій, традицій окремих слов’янських народів. Найбільшим осередком славістики до розформування у 1920 р. залишився Київський університет, викладачі якого продовжували традиції славістичних викладів і досліджень, що сягали 30-х років XIX ст.

У добу Української Народної Республіки та Української держави, незважаючи на важкі умови праці та побуту викладачів, в університеті продовжували читатися, поряд з іншими предметами, і курси зі слов’янознавства: «Історія слов’ян», «Історія болгар, сербів та хорватів» (проф. Т. Д. Флоринський); «Історія сербської та хорватської літератури», «Граматика слов’янських мов», «Історія польської літератури» (проф. О. М. Лук’яненко); «Історія нової сербської літератури» (проф. А. І. Степанович) та ін. На слов’яно-російському відділенні викладалися «Слов’янська палеографія» (доц. С. І. Маслов), «Історія Росії» (акад. В. С. Іконников) та «Історія України» (проф. М. С. Грушевський)¹.

Зі встановленням більшовицької влади в Україні лише окремі вчені Києва, ризикуючи свою кар’єрою та свободою, прагнули зберегти попередні напрацювання зі слов’янознавства та підтримували контакти з колегами, у тому числі з югославськими уче-

ними. Найяскравішим прикладом у цьому аспекті є постать професора Київського університету Андроника Йоанікійовича Степовича (Дудка-Степович) (1856–1935). Окрім нього, слід пригадати ще кількох українських учених, які своєю наполегливою працею певний час здійснювали славістичні виклади в університеті. Зокрема на відділенні слов'янської філології Є. А. Рихліком читалися курси «Історія польської літератури», «Історія південних слов'ян». М. Л. Туницький викладав новітню історію болгарських та сербських літератур, а С. І. Маслов читав курс слов'янської палеографії.

Значних успіхів у славістичних дослідженнях досягнув Євген Антонович Рихлік. Одним з основних напрямків його наукової роботи була богемістика. Аналіз наукової роботи вченого, в якій розглядається поетична творчість Ф. Челяковського, дає підстави вважати її першим у вітчизняному літературознавстві комплексним дослідженням біографії та спадщини одного з найвідоміших поетів чеського Відродження першої половини XIX ст.

Друга половина 1920-х рр. стала найпліднішим періодом чехознавчих досліджень Є. Рихліка. У низці наукових та науково-популярних праць, рецензій, історіографічних оглядів він знайомив українського читача з особливостями музичної культури Чехословаччини, досягненнями чеської етнографічної науки, новинками чеської художньої та наукової літератури.

Окрім богемістики, учений цікавився полонознавством. Основним напрямком цих досліджень стало вивчення українсько-польських літературних взаємин першої половини XIX ст. У другій половині 1920-х рр. Є. Рихлік оприлюднив низку наукових оглядів та рецензій, у яких інформував українську громадськість про розвиток польської етнографії та театрального мистецтва².

У січні 1929 р. Президія ВУАН створила Кабінет для вивчення національних меншин України при Етнографічній комісії. 17 січня 1930 р. Є. Рихліка було обрано виконувачем обов'язків керівника Кабінету. Зусиллями вченого Кабінет національних меншин був внесеній до кошторису ВУАН на 1929/1930 рр. і отримав власне приміщення. 5 січня 1931 р. проти Є. Рихліка було висунуто обвинувачення у контрреволюційній діяльності на користь Чехословаччини. 13 червня 1931 р. вченого засудили за статтями 54-6 та 54-11 КК УСРР і ув'язнили терміном на 10 років. Покарання вчений відбував у виправних закладах Управління Сибірських виправно-трудових тaborів Народного комісаріату внутрішніх справ СРСР. У 1937 р. він помер за нез'ясованих обставин³.

Не менш трагічно склалася доля українського письменника, перекладача і дослідника слов'янської філології Михайла Драй-Хмари (1889–1939). Інтерес до слов'янознавства він проявив ще навчаючись в Київському університеті. Як здібного студента університету та члена Слов'янського товариства «Семінарія», у 1913 р. М. Драй-Хмару було відправлено у закордонне відрядження; він працював у бібліотеках та архівах Львова, Будапешта, Загреба, Белграда, Бухареста, вивчав слов'янські мови та написав дослідження про хорватського письменника А. Качича-Міошича, за яке отримав золоту медаль університету. Після вимушеного переїзду до Саратова 1917 р. М. Драй-Хмару повернувся в Україну, де відновив свою працю в Київському університеті. Упродовж 1918–1923 рр. він працював на кафедрі слов'янознавства Кам'янець-Подільського університету професором-славістом, редактував «Записки Кам'янець-Подільського університету» (1919–1920), співпрацював з І. Огієнком.

У 1923 р. повернувся до Києва, де працював на кафедрі українознавства Медичного інституту, кафедрі лінгвістики у Всеукраїнській Академії наук, у Комісії зі складанням словника нової української мови, Комісії дослідження історії української мови (спільно з акад. А. Кримським редактував науковий збірник), водночас викладав у Сільськогосподарському інституті, у польському Педагогічному інституті, працював в Науково-дослідному інституті мовознавства та в Українському інституті лінгвістичної освіти. Та не дивлячись на величезний внесок М. Драй-Хмари у розвиток науки і освіти, 1933 р. він був звинувачений у причетності до контрреволюційної діяльності та заарештований⁴.

До наукових інтересів М. Драй-Хмари завжди відносилися питання слов'янознавства. Йому належить цикл лекцій зі слов'янознавства, прочитаних студентам історико-філологічного факультету Кам'янець-Подільського університету. Та державна політика УСРР, як вже зазначалось, спрямовувала науку та вищу освіту до скорочення слов'янознавчих досліджень і викладів. М. Драй-Хмару боляче переживав занепад славістики. Після виходу критичної статті російського лінгвіста Р. О. Якобсона «Über die heutigen Voraussetzen

ngenderrussischen Slavistik»⁵, де йшлося про проблеми розвитку славістики в Україні, М. Драй-Хмара написав своєрідну статтю-відповідь⁶. Загалом, його стаття була присвячена I-му Конгресу слов'янських філологів, що відбувся у Празі 1930 р., і мав за головну мету організувати методологічні розробки питань славістики. М. Драй-Хмара вказав на те, що робота радянських вчених на цьому Конгресі «гостро відрізнялася» від роботи їх закордонних колег. Йдеться про марксистське спрямування тодішньої вітчизняної науки. Зокрема письменник писав: «Справді, розквітає русистика, україністика та білорусистика. Та ще й орієнталістика. Що ж до славістики, то вона не має певної системи, певних методологічних принципів. До якоїсь міри можна говорити про розвиток у нас слов'янського мовознавства (праці Щерби, Грунського, Дурново, Трубецького, Булаховського та ін.), та поза цим у нашій славістичній науці немає нічого грунтовного й визначного...»⁷.

М. Драй-Хмара не тільки вдався до критики, але й запропонував реальні кроки виходу зі складної ситуації, в яку потрапила славістика в Україні у 20–30-ті роки ХХ ст. Зокрема він звернув увагу на основні завдання, що потрібно виконати найближчим часом, аби вирішити нагальні проблеми розвитку славістики: утворити в Академії наук комісію для вивчення культурного та соціально-економічного життя слов'янських народів, де вивчали б мови, літературу, етнографію та історію західних і південних слов'ян не тільки з генетичного, а й з функціонального погляду; зорганізувати систематичне видання слов'янської перекладної белетристики; налагодити щільний зв'язок української науки та літератури з наукою та літературою західних і південних слов'ян, відряджаючи науковців до слов'янських країн⁸.

М. Драй-Хмара залишив чималий науковий доробок, представлений статтями, передмовами, коментарями, рецензіями на видання слов'янських колег. Для нашого дослідження значний інтерес складає рецензія на працю сербського фольклориста В. Чайкановича «Сербські народні оповідання», де вміщено 29 рукописних збірок, що зберігаються в архіві Етнографічної комісії Сербської Академії в Белграді.

Своєю активною громадською позицією та науковими доробками М. Драй-Хмара прагнув змінити на краще ситуацію зі слов'янознавчими дослідженнями в радянській Україні у міжвоєнний період. Проте незацікавленість держави у розвитку цього напряму науки, була головною перешкодою на шляху реалізації планів письменника та його однодумців.

Найбільшу роботу із налагодження зв'язків з югославськими вченими, як вже зазначалося, зробив київський славіст А. І. Степович. У своїй автобіографії вчений писав, що він мав чорногорське походження – його предки у XVIII ст. переселилися в Російську імперію з Балкан⁹. Народився А. І. Степович 1856 р. в с. Лебединці (нині Срібнянський р-н Чернігівської обл.). Визначальним у його житті стало те, що він виріс і виховувався у будинку прилуцького поміщика Григорія Павловича Галагана разом з його єдиним сином Павлом. Там А. Степовича підготували до вступу в другий клас 2-ї Київської гімназії. З п'ятого класу він навчався у Київській гімназії імені Павла Галагана (відкриту Г. Галаганом 1871 р. з метою увічнення пам'яті раптово померлого сина Павла), яку і закінчив 1875 р. Напевне, саме югослов'янське коріння зіграло не останню роль у тому, що Андроник ще з часів навчання у гімназії зацікавився слов'янською філологією, і, перш за все, югослов'янською. Провідну роль у становленні його як дослідника зіграли вчителі В. Сиповський, П. Житецький, О. Котляревський.

Завершивши навчання у гімназії, А. Степович вступив на історико-філологічний факультет Київського університету Св. Володимира, після закінчення якого отримав запрошення продовжити підготовку до професорського звання. Але через матеріальні проблеми (мав утримувати сім'ю) змушений був відмовитися, натомість почав викладати одразу в кількох навчальних закладах Києва. Склалося так, що після пробної лекції 1892 року А. І. Степовича взяли на посаду приват-доцента кафедри слов'янської філології Київського університету, де він тривалий час читав лекції і проводив практичні заняття з історії слов'янської філології. 1920 року А. І. Степович став професором кафедри.

Від самого початку викладання в університеті вчений почав реалізовувати свій задум – створювати цикл книжок з історії сербської, болгарської, чеської та польської літератур. Зокрема, в 1893 р. він надрукував «Нариси з історії слов'янських літератур», у яких подав розвідки про сербських та чеських письменників. Наступна велика праця – «Нариси історії чеської літератури» (1896) – отримала високу оцінку фахівців і була удостоєна премії графа Л. Толстого. 1899 року вийшов друком «Нарис історії сербохорватської літератури»¹⁰.

Свою діяльність у сфері славістики А. Степович не обмежив стінами університету. Він брав активну участь у роботі товариств, причетних до слов'янської справи. Зокрема, у рамках Київського слов'янського товариства (створеного 1869 р.) уклав і опублікував славістичні науково-літературні збірники «Славянская беседа» і «Рассвет», для яких сам виконував переклади і писав статті. Також під егідою Товариства А. І. Степович займався добродійною діяльністю. Зібрани кошти пересилалися тим слов'янським народам, які потребували допомоги. Після таких акцій вчений часто отримував листи-подяки від своїх колег. Так, у 1896 р. з Сербії надійшов лист від П. Поповича, у якому йшлося про велику роль слов'янського товариства з Києва і А. Степовича особисто у справі допомоги югослов'янам Боснії і Герцеговині¹¹.

Київську наукову громаду А. І. Степович завжди вражав своїми знаннями і любов'ю до літератури югослов'ян, оскільки постійно спілкував за всіма подіями у культурному житті Югославії. Саме з ініціативи вченого 22 жовтня 1899 р. в Київському університеті відзначили п'ятдесятиріччя діяльності сербського поета Змай Йовановича. А. І. Степович виступив із головною науковою доповіддю, в якій проаналізував творчу діяльність поета, де справедливо зазначив, що з літературною спадщиною З. Йовановича мало обізнана навіть київська інтелігенція, тому більшу частину свого виступу А. І. Степович присвятив тому, що з пам'яті читав вірші сербського поета¹².

А. І. Степович намагався бути у курсі справ усіх світових наукових новацій зі слов'янської філології. Більше того, його охоче запрошували до співпраці. Зазвичай, найбільший інтерес А. І. Степович проявляв до співпраці з югославськими вченими. Ще до встановлення радянської влади дослідник їздив у наукові відрядження до Сербії, Хорватії, працював у бібліотеках та архівах Франції, Німеччини та Австрії, де зберігалися матеріали зі славістики¹³. За потреби він також робив запити до інших іноземних бібліотек, які надсилали йому літературу.

Тісну співпрацю А. І. Степович налагодив з бібліотекою Югослов'янської академії наук, що у Загребі. Останні книги, скоріш за все, вчений отримав з Хорватії восени 1899 р., з-поміж яких була праця «Огляд історії сербсько-хорватської літератури»¹⁴. Питання обміну літературою А. І. Степович обговорював з професором Загребського університету Ніколою Андричем, котрий інформував київського колегу про всі справи у науковому житті югослов'ян¹⁵. Зокрема, повідомляв, що на різних факультетах Загребського університету навчається 11 українців, 13 поляків і 232 росіянині¹⁶. Аж до встановлення радянської влади в Україні А. І. Степович теж надсилив колегам і друзям на Балканах свої книги й ті дослідження зі славістики, які публікувалися в Києві. З поміж адресатів був сербський архімандрит Никифор Дучич, замовлення якого регулярно виконував київський професор¹⁷.

Після встановлення радянської влади в Україні А. І. Степович продовжував працювати в Київському університеті. Проте згодом свою діяльність на кафедрі йому довелося згорнути, оскільки 1924 р., за рекомендацією партійних органів, кафедру ліквідували як «неактуальну» інституцію¹⁸.

Таку політичну «неактуальність» щодо дослідження слов'янської філології у радянській Україні А. І. Степович відчув ще до закриття кафедри. Щоразу вченому ставало все важче публікувати свої наукові розвідки чи видавати нову книгу. На всі запити професора щодо фінансування того чи іншого видання влада давала негативні відповіді. Тому науковець звернувся за допомогою до своїх колег у Белграді, які відгукнулися на його прохання. Так, у серпні 1921 р. А. І. Степович надіслав белградському професору Г. Радовичу текст своїх лекцій, який мав іх видати на державні кошти Королівства сербів, хорватів та словенців¹⁹. Таке прихильне ставлення на Балканах до праць київського вченого було викликане не лише походженням А. І. Степовича, але і його науковою діяльністю, яку знала цінували світова наукова громадськість.

1922 р. в Берліні надрукували працю українського вченого Д. Дорошенка «Слов'янський світ в його минулому і сучасному». Долучився до цього й А. І. Степович як рецензент. Учений надзвичайно серйозно поставився до завдання і провів висококваліфікований аналіз роботи Д. Дорошенка, доклавши чимало зусиль, щоб внести уточнення та усунути недоліки, що загалом підвищило якість роботи²⁰.

Згодом А. І. Степович відзначав, що Д. Дорошенко провів велике дослідження, і його робота «...додала суттєвої ваги українській науці загалом. Адже це була перша книга такого змісту. До цього українські студенти змушені були вивчати славістику за російськими

виданнями»²¹. Таким чином, А. І. Степович фактично долучився до видання, яке стало першою українською візитацією наукової славістики за кордоном.

Чималий інтерес викликають відгуки А. І. Степовича на праці закордонних учених із югославської тематики, які друкувалися в київських наукових періодичних виданнях. Через ці відгуки наукова спільнота Києва дізнавалася про останні досягнення балканських колег, адже доступними ці праці, як правило, були лише А. І. Степовичу, єдиний при-мірник яких йому висилали науковці з Сербії та Хорватії. Так, розгорнуту методологічну оцінку було дано роботі Людвіка Куби «Про стару Сербію», присвячену турецькому за-воюванню земель югославських народів²².

Як співробітник новоствореної Всеукраїнської академії наук (ВУАН) А. І. Степович публікував рецензії та бібліографічні огляди. Нерідко відгуки київського славіста й після встановлення радянської влади залишалися єдиним джерелом, з якого в Україні можна було дізнатися про останні наукові здобутки у славістиці Югославії та інших країн. Так, 1926 р. у «Записках» ВУАН (УАН) було надруковано 12 праць і рецензій ученого.

Щоразу після надходження до Києва празького періодичного наукового видання «Slovensky Prehled», у який друкувалися дослідження і югославських учених, А. І. Степович аналізував кожну статтю цього часопису. Він зробив огляд дослідження сербського вченого Драгутіна Прохазки, котрий свою працю присвятив аналізу новітньої сербської літератури. Український вчений не погоджувався з деякими твердженнями сербського колеги, зауваживши, що визначення Вослава Ільїча як сербохорватського модерніста було помилковим²³. А. І. Степович був солідарним з хорватським дослідником Міланом Бего-вичем, який відніс В. Ільїча до неоромантичного напряму.

Також у «Записках» УАН А. І. Степович опублікував розширеній відгук на книгу хорватського дослідника Векослава Клаїча «Книгарство в Хорватії»²⁴. Український учений вказав, що це видання подає не тільки історію розвитку книгарства в Хорватії, але й аналізує становище освіти і культури в країні упродовж кількох століть. На підставі дослідження професора Загребського університету А. І. Степович висловив своє захоплення успіхами хорватів у друкарстві, які 1909 р. мали дев'яносто сім друкарень – «число дуже поважне для народу, що зазнавав утисків од мадяр, німців, італійців і що добився повної національ-ної волі вже аж тоді, як розпалася по революції Австро-Угорська держава»²⁵.

Успіхи хорватів у розвитку власної вищої школи були проаналізовані також у книзі «Університет Королівства сербів, хорватів і словенців», що вийшла друком у Загребі 1925 р. за редакцією професора Драгутіна Баарічика. Це видання також не залишилося поза увагою А. І. Степовича. Він написав розлогу рецензію, де дійшов висновку про те, що політична доля хорватів тісно переплелася з історією становлення Загребського «всеучилища»²⁶.

Популяризуючи успіхи хорватів, сербів та інших югослов'ян, А. І. Степович із сумом констатував занепад славістики в радянській Україні. Наприкінці 1920-х років практично єдиним центром славістики у Києві залишалося Товариство Нестора Літописця. Про його тодішню діяльність йдеється у матеріалах чеського журналу «Slavia», зокрема у статті, присвячений 50-річчю цього товариства. Становище цієї авторитетної організації празьке видання визначало як достатньо критичне – «позбавлене приміщеній в університеті, без можливості видання «Чтений», де лише зусиллями наукової громадськості ще проводяться зібрання».

Товариство кілька разів збиралося під головуванням А. І. Степовича й обговорювало питання щодо підготовки славістичного з'їду в Празі, який мав відбутися 1929 р. Проте довести цю справу до успішного завершення А. І. Степовичу не вдалося через стан здоров'я. Ще 1930 р. вчений підтримував зв'язки зі Словниковою комісією АН СРСР у Ленінграді, надслав їй деякі свої матеріали, що й стало його останньою підтримкою славістичних студій в Україні. Помер А. І. Степович 26 жовтня 1935 р. у Києві²⁷. Нині ми по-новому відкриваємо для себе доробок і факти життя київського славіста й бачимо, що багато справ, які він робив для розвитку славістики в Україні, потрібно надалі розвивати, аби гідно продовжити традицію вітчизняних дослідників.

Загалом, у радянській Україні у 1920–30-ті рр. лише окремі вчені мали інтерес до вивчення історії, літератури і традицій слов'янських народів. Помітний внесок у збереженні слов'яноznавства в УСРР зробили такі дослідники, як Є. Рихлік, М. Драй-Хмара, М. Тунецький. Вони викладали славістичні курси у вузах України, вивчали історію, літературу,

мову південних і західних слов'ян. За відданість своїй справі зазнали утисків і репресивних дій з боку влади. Науково-викладацька праця, яку вони розгорнули, не влаштовувала радянську владу як така, що не популяризувала ідеологічні догми більшовиків.

Найяскравішим представником слов'янознавчих досліджень був професор Андроник Іоанкійович Степович. Після його смерті українська наука фактично на кілька десятиліть втратила славістичну школу, до формування якої долучився А. І. Степович. Припинилися контакти з ученими Королівства Югославія, нікому було інформувати наукову громадськість України про здобутки колег на Балканах. Його учні могли б продовжити справу свого вчителя, але започаткована традиція була брутально перервана тоталітарною машиною, яка стидала всі напрацювання попередників, в обмін пропонуючи лише пропагандистські штампи комуністичної ідеології.

¹ Кафедра історії слов'ян Київського національного університету імені Тараса Шевченка. – Режим доступу: <http://www.history.univ.kiev.ua/kafedry/Rukkas/istoria.htm>

² Павленко, Л. А. Науково-педагогічна та громадська діяльність Євгена Рихліка: автореф. дис. ... канд. іст. наук 07.00.01 – історія України. Чернігів, 2007, с. 13.

³ Там само, с. 12.

⁴ Рева, Л. Славістичний дискурс Михайла Драй-Хмари. – Режим доступу: //<http://www.rastko.rs/rastko/delo/13617>.

⁵ Jakobson, R. Über die heutigen Voraussetzungen der russischen Slavistik // Slavishe Rundschau. 1929. – № 8.

⁶ Драй-Хмара, М. Проблеми сучасної славістики // Пролетарська правда. – 1929. – 22 грудня. – С. 6.

⁷ Там само.

⁸ Там само.

⁹ Інститут рукопису НБУ ім. В. І. Вернадського (ІР НБУ). – Ф. 179. Спр. 1, арк. 10.

¹⁰ Паламарчук, О. А. І. Степович – знаний український учений-славіст і педагог / О. Паламарчук, О. Чмир // Проблеми слов'янознавства. – 2008. – Вип. 57. – С. 246.

¹¹ Інститут рукопису НБУ ім. В. І. Вернадського. – Ф. 179. Спр. 725, арк. 2.

¹² Там само. – Спр. 73, арк. 2–14.

¹³ Там само. – Спр. 4, арк. 1.

¹⁴ Там само. – Спр. 336, арк. 1.

¹⁵ Там само. – Спр. 434, арк. 2.

¹⁶ Там само. – Спр. 75, арк. 6.

¹⁷ Там само. – Спр. 468, арк. 16.

¹⁸ Там само. – Спр. 4, арк. 3.

¹⁹ Там само. – Спр. 266–267, арк. 1.

²⁰ Там само. – Спр. 15, арк. 47.

²¹ Там само. – Спр. 15, арк. 47.

²² Там само. – Спр. 40, арк. 1–3.

²³ Степович, А. Рецензії // Записки Історично-філологічного відділу. Кн. 7–8. К.: З друк. Української академії наук, 1926, с. 526.

²⁴ Інститут рукопису НБУ ім. В. І. Вернадського. – Ф. 179. Спр. 75, арк. 5.

²⁵ Степович, А. Рецензії // Записки Історично-філологічного відділу. Кн. 7–8. К.: З друк. Української академії наук, 1926, с. 529.

²⁶ Там само.

²⁷ Інститут рукопису НБУ ім. В. І. Вернадського. – Ф. 179. Спр. 72, арк. 5.

СОЦІАЛЬНА ІСТОРІЯ БОЛГАРІЇ В УКРАЇНСЬКІЙ ІСТОРІОГРАФІЇ (1986–2013 РР.)

H. I. Самойленко

Самойленко, Н. И. Социальная история Болгарии в украинской историографии (1986–2013 гг.)

Попри відсутність загальнозвіданого розуміння предмету соціально-історичних досліджень, автор з'ясовує, що впродовж 1985–2012 рр. вдалося зберегти та розвинути набуті у попередній період традиції дослідження довготермінових макропроцесів, окрім соціальних груп та інститутів, соціальної ролі держави у житті болгарського етносу XIX–XXI ст.

Ключові слова: соціальна історія Болгарія, історіографія, нація, соціальні групи, соціальні інститути.

Самойленко, Н. И. Социальная история Болгарии в украинской историографии (1986–2013 гг.)

В статье анализируется освещение украинскими исследователями социальной истории Болгарии (1870-е–2000-е гг.) в рамках самой общей ее дефиниции. Несмотря на различия в понимании предмета социальной истории, автору удалось обосновать вывод, что в течение исследуемого периода украинские историки развили традиции в изучении долговременных макропроцессов, отдельных социальных групп и институтов в жизни болгарской нации.

Ключевые слова: социальная история, Болгария, историография, социальные группы, социальные институты, нация.

Samoylenko, N. I. Social history of Bulgaria in Ukrainian historiography (1986–2013)

In the article the main issues dealt with social history of the Bulgarians in the 1870–2000 are analyzed. They are studied in the generally accepted frames of social history field of research. The author makes the conclusion that Ukrainian historians have manage to develop and enrich the previous investigational traditions breaking with out of date stereotypes.

Keywords: social history, Bulgaria, historiography, social groups, social institute, nation.

Інтерес до питань соціальної історії Болгарії не є випадковим. Особлива роль історико-соціального знання у дослідженнях та професійній освіті істориків, економістів, демографів, етнологів та інших представників соціально-гуманітарної галузі є очевидною. Соціальна історія сприяє аналізу минулого та сучасності заради майбутнього. Адже, за спостереженнями відомого французького історика Ф. Броделя, «сучасність ... знаходиться більш ніж наполовину у владі минулого, яке наполегливо прагне вижити. Чи не є минуле через свої закономірності, свої відмінності, свої подібності ключем, необхідним для будь-якого серйозного розуміння сьогодення?»¹. Без знання соціальної історії аналіз сучасних процесів, прогнози соціально-економічного розвитку можуть виявитися позбавленими історичної основи й наукової обґрунтованості. Складність її вивчення полягає в недовідзначенні самого предмету². Впродовж XIX–XX ст. діапазон її тематики та методології, а також розуміння її сутності³, які обумовлювалися потребами та рівнем розвитку національної історичної науки в кожній окремій країні, істориками то звужувалися, то розсувалися, й завжди були предметом міжнародних дискусій⁴. Діапазон цих коливань об'єктивно відображав логіку розвитку історіографії від з'явування категорії соціальних структур та спільнот до наповнення їх все більш конкретним змістом. Він простягався від вивчення становища робітничого класу та інших пригноблених до всіляких неполітичних і неекономічних взаємодій різноманітних соціальних верств та соціальних інститутів⁵. На початок ХХI ст. він вже містив інтердисциплінарні дослідження та взаємодії, а також збагатився практикою активного використання методів соціальних наук в історичному дослідженні⁶. Антиавторитарна за своїм характером, постійно вбираючи і перероблюючи різноманітні частини гуманітарного знання⁷, соціальна історія виявилася спроможною інтегрувати і глобальні соціальні теорії, і теорії середнього рівня⁸.

За умов глибоких змін у країнах Центральної та Південно-Східної Європи наприкінці ХХ в., що трансформували всю систему цінностей, вплинули на стан національних соціально-гуманітарних наук та, зрештою, сприяли ствердженню пріоритету парадигми історичного знання суворої науки про людину, соціальна історія є в адекватною історичній ре-

альності системою конструювання минулого. Загальновизнано, що соціальна історія здатна виконувати функції центра історичного знання, тому втрата інтересу до неї співставляється деякими дослідниками з ризиком втрати власної ідентичності для вченого⁹. У цьому зв'язку закономірно, що актуальність вивчення соціальної історії Болгарії підкреслювали учасники III Міжнародного конгресу з болгаристики в Софії 23–26 травня 2013 р.

У сучасній болгарській науці у 90-ті рр. ХХ ст. – першому десятилітті ХХІ ст. на тлі значної уваги до проблем, співзвучним з аналогічним у світовій історіографії, сформувалося стало розуміння соціальної історії. Її предметно-тематичне поле пов'язувалося з економічним розвитком, економічною політикою та соціальними змінами, що ними викликані. Інколи термін «соціальна історія» слугував синонімом терміну «історія економіки»¹⁰. В Україні також вирішується завдання інтеграції національної гуманітаристики у світову академічну культуру¹¹, в тому числі й шляхом розвитку соціально-історичних досліджень. Останні ґрунтуються на національному історичному досвіді при зверненні до проблем історії соціальних груп, соціальної мобільності, історії ідей та уявлень, до історичної конфліктології. Традиційно ж базовими концептами соціальної історії проголошувалися масові соціальні рухи, революції та насильство, історичні трансформації, класи, соціальні групи, соціальні інститути, соціальні зв'язки¹². Характерною особливістю історичної науки останніх десятиліть в країнах Центральної та Південно-Східної Європи, зокрема в Болгарії¹³, є нова інтерпретація минулого, відкритість найбільш актуальним підходам, методам, темам світової науки. Соціально-історичні дослідження дозволяють визначити місце та роль національної гуманітаристики, яка тривалий час знаходилась на периферії світової академічної культури, в науковому просторі Заходу, з іншого боку – побачити, як відбувається засвоєння нових, не пов'язаних з марксистськими, стандартів науковості.

Хронологічні рамки статті обумовлені певною спільністю у розвитку основних тенденцій як вітгизняних, так і болгарських історичних досліджень. Друга половина 1980-х рр. ознаменувалася хвилею лібералізації, яка посилилася з розпадом соціалістичної системи. Проте, останній факт призвів до кризових явищ у дослідницькій практиці¹⁴ – розрив традиційних наукових контактів, звуження можливостей користуватися бібліотечними та архівними фондами, суттєве обмеження державної підтримки – та активного пошуку шляхів їх подолання. В Україні перші результати цих спроб стали відчутними на кінець першого десятиліття ХХІ ст. у зв'язку із утвердженням у працях ширшого кола істориків, у тому числі болгаристів, нового світобачення, не сумісного з одномірним і схематичним ставленням до історичного процесу¹⁵. На тлі формування нової історичної культури в світі¹⁶ у розвитку національних традицій гуманітарного знання в Болгарії та Україні, на відміну від попередньої доби, почала спостерігатися певна дистанція, обумовлена різними темпами та характером процесів постсоціалістичної трансформації. В науку прийшло нове покоління дослідників, соціалізація яких не зазнавала марксистського ідеологічного впливу. При цьому не слід забувати, що, поза будь-якими сумнівами, у світовому науковому товаристві значення інтелектуального спадку К. Маркса для соціально-історичних розвідок було і залишається загальновизнаним¹⁷.

З кінця 1980-х рр. українська болгаристика стала на шлях інституалізації. Поряд з традиційними її центрами (Київ, Харків, Львів, Одеса)¹⁸ формувалися нові (Мелітополь, Чернівці, Бердянськ, Дніпропетровськ, Донецьк, Суми, Рівне та інші). Попри те, що питання соціальної історії Болгарії інституціонально не виокремлювалися, їх вивчали на кафедрах нової та новітньої історії, історії південних та західних слов'ян, в Інституті історії України НАНУ. Їх також активно обговорювали на різноманітних наукових форумах (міжнародних, регіональних, регулярних українських славістичних колоквіумах у м. Львів, Дріновських читаннях у м. Харків, Приазовських болгаристичних семінарах, міжнародних наукових конференціях «Болгари Північного Причорномор'я» у Велико Тирново та Одесі). Зазначені фактори не могли не вплинути на висвітлення соціально-історичної проблематики українськими болгаристами. При цьому, безсумнівно, інтерес до вивчення історії Болгарії залишався глибоким і сталим.

Українські дослідники у другій половині 1980-х – першому десятилітті 2000-х рр. неодноразово зверталися до аналізу проблем, які з позиції сучасного історичного знання в межах загальної дефініції – історія соціальних інститутів і структур, процесів та явищ –

виявилися предметом соціальної історії Болгарії. Однак остання, як самостійний науковий напрям, у вітчизняній болгаристиці ще не представлена. Поодинокі спроби історіографічного узагальнення розробок в українському болгарознавстві другої половини 1980-х¹⁹ – першого десятиліття ХХІ ст.²⁰ не розглядали окрім вивчення соціальної історії Болгарії в Україні²¹.

Втім, в досліджуваний період є можливим виокремити декілька груп праць українських вчених, що предметно та тематично пов’язані з базовими концептами соціальної історії. Пропонована нижче класифікація враховує тематичні пріоритети української історичної болгаристики (на що вже, до речі, зверталася увага²²). Адже саме ця обставина визначала потребу дослідника ставити питання, що входять у предметне поле соціальної історії. До першої групи слід віднести праці, присвячені двостороннім російсько- (радянсько-) чи українсько-болгарським контактам на різних етапах їх розвитку. Стосовно теми, винесеної до назви цієї розвідки, в них систематизовано фактичний матеріал щодо інтелігенції, робітничої верстви, узагальнено окрім соціальні характеристики духовної культури болгарської етнічної спільноти²³. Друга група, разом з іншими питаннями, торкалася розвитку болгарської державності, зміни політичних режимів та дозволяє простежити динаміку соціальних структур болгарського суспільства, окрім соціальних інститутів (перш за все освіти та науки), взаємодії між ними²⁴. Варто також виокремити низку праць, де на перший план висувалися завдання вивчення модернізаційних та постмодернізаційних процесів²⁵. До питань соціальної історії незмінно зверталися дослідники, персоніфікуючи різного роду національно-соціальні та політичні процеси в Болгарії впродовж XIX–XX ст.²⁶. До цієї групи примикають також не надто чисельні дослідження, які дотичні до жанру історичної біографістики²⁷. Якщо розглядати хронологічний зріз, то у досліджуваний період українські історики апелювали до соціальних аспектів життя болгарського етнічного соціуму головним чином через загальну характеристику його соціальної структури на різних етапах історичного розвитку, а саме: у зв’язку із передумовами визволення від османського поневолення²⁸, соціальними та політичними кризами між Першою та Другою світовими війнами²⁹, болгарським посткомуністичним транзитом³⁰.

Типовою рисою усіх робіт є спроби переглянути архаїчні або міфологізовані уявлення про історичне минуле болгарської нації. Зокрема, слідом за своїми болгарськими колегами українські історики піддають сумніву тезу про споконвічний демократизм як основну визначальну характеристику болгар³¹, обґрунтовану ідеологами Відродження. Характерно, що звернення до попереднього наукового спадку в працях українських авторів другої половини 1980-х–2000-х рр. залежало від хронологічних меж їх досліджень. В розвідках, присвячених болгарському транзиту, цей спадок практично не береться до уваги. Типовою рисою усіх робіт є схильність полідисциплінарного підходу, що є характерним для методологічного арсеналу соціальної історії.

Серед соціальних груп, чий образ в розвідках українських істориків (хай і в незавершенному вигляді) відтворювався на тлі тривалого історичного часу (аж до початку ХХІ ст.), слід назвати освічений верству населення, передусім інтелігенцію. Він відображеній у працях про історичні контакти як на двосторонній³², так і на багатосторонній основі. Грунтовний фактичний матеріал, що їх ілюструє, відобразив через просвітницько-пропагандистську активність цієї соціальної групи її функцію культурного посередника на різних етапах відносин. Дослідники розглядали культурно-посередницьку діяльність болгарської освіченої еліти в двосторонньому обміні з часів середньовіччя³³ й до кінця 80-х рр. ХХ ст.³⁴. Було з’ясовано, що саме за доби болгарського Відродження одним із результатів такої діяльності сталося перетворення соціально-психологічної компліментарності болгарського та українського народів на їх співробітництво³⁵. Визначалося місце освіченої верстти не тільки у обміні художніми та духовними цінностями, але й в рецепції ідей соціалізму, до- свіду класової боротьби, зокрема на початку ХХ ст. – до Першої світової війни³⁶. Вперше в українській історіографії на тлі історичних особливостей розвитку болгарського етносу, починаючи від встановлення османського панування (кінець XIV ст.) до поновлення власної державності після російсько-турецької війни 1877–1878 рр., подана докладна характеристика такої соціальної групи, як болгарське учительство (джерела формування, освітньо-кваліфікаційний рівень, система цінностей – працелюбність, жертовність, нехтування матеріальними благами, орієнтація на духовні цінності)³⁷.

Стосовно подальших періодів, то акцент було зроблено на політичних зв'язках інтелігенції через аналіз соціального складу правоцентристських політичних партій на межі XIX–XX ст. та політичних режимів «короткого ХХ ст.»³⁸. Адже майже до середини ХХ ст. та у 1990-ті–2000-і рр. специфіка політичного життя в Болгарії, де соціальна диференціація маси населення не була високою, полягала у тому, що практично усі соціальні групи делегували своїх представників до різних організацій³⁹. Не була винятком із цього правила освічена верстви, яка професійно займалася інтелектуальною працею та в межах політичних рухів, партій контактувала з представниками інших соціально-професійних груп. Пояснюючи факт розпорощеності по різним політичним партіям представників однієї тієї ж соціальної верстви, дослідники беруть до уваги не тільки соціальне становище, але й різні соціodemографічні характеристики⁴⁰.

Соціальні функції болгарської інтелігенції в суспільстві українські історики розглядали через функціонування освіти. В другій половині 1980-х–2000-х у розвідках українських істориків з'явилися дослідження, які розвивали традиції вивчення цього соціального інституту, закладені в попередню добу, стосовно вищої та загальноосвітньої школи й професійної освіти⁴¹. З'ясовано інфраструктуру та ступінь суспільної ефективності цих галузей освіти на тлі співвідношенні⁴² національної традиції та політичних режимів другої половини ХХ ст.

Вперше у сучасній українській болгаристиці селянство кінця XIX–XX ст. стало об'єктом самостійного вивчення. У дослідженні О. В. Крапівіна (1988), присвяченому О. Стамболійському, лідеру Болгарської землеробської народної спілки – однієї із найбільш впливових політичних партій країни, розкриті чинники соціалізації представника освіченої селянської верстви – вплив оточення, традиційні цінності (праця, освіта) та соціальні ілюзії селянства, зафіковані ідеологією аграризму⁴³. Висловлені у згаданій розвідці спостереження щодо соціально-психологічних особливостей селянства (недовіра лідерам, відчуження, невпевненість, схильність до традиційної соціальної дії) знайшли свій розвиток у наступних працях дослідника⁴⁴. Соціальний статус та характеристика цього класу визначається через відносини власності, ступінь соціальної диференціації (низька), дискримінаційну політику держави (шляхом оподаткування з боку держави). У подвійній соціальній природі (працівник – власник) О. В. Крапівін цілком справедливо вбачає одну з причин кризи влади «землеробів». Внутрішньофракційна боротьба у БЗНС може слугувати показником ступеню соціальної консолідації та солідарності болгарського селянства. При цьому теза дослідника про вищий, ніж в решті країн Європи, рівень усвідомлення болгарським селянством своїх інтересів, є цілком обґрунтованою⁴⁵.

У порівнянні з попередніми етапами розвитку української болгаристики у досліджуваних роках значно менша увага приділялася робітничій верстvі. Зокрема, впродовж 1955–1960 рр. майже чверть історико-болгаристичних публікацій посвячувалися становищу та політичній боротьбі робітничого класу з 90-х рр. XIX-го до середини ХХ ст.⁴⁶. У 1990–2000-х до цієї проблематики інтерес взагалі згасає. Пояснюється це не лише зміною пріоритетів, коли в науку увійшли теми, що були раніше табуйовані, але й змінами самої парадигми історичних досліджень. Наприкінці ХХ – на початку ХХІ ст., як і раніше, залишалася не вирішеною проблема чисельності робітничого класу за часів III Болгарського царства. У марксистській історіографічній традиції чисельності тієї чи іншої соціальної верстви завжди приділялася пильна увага, оскільки пов'язувалася із з'ясуванням впливу її у суспільстві (навіть якщо пряма залежність чисельності і впливу не спостерігалася). Пощирення соціальних меж стосовно тих, кого слід вважати робітником у Болгарії доби індустриального суспільства, була типовою і для радянської, і для болгарської науки до початку 1990-х рр. Невирішення цього питання, на що прямо вказувалося дослідниками⁴⁷, змушувало оперувати завищеними кількісними характеристиками робітничої верстvі⁴⁸ та мало одним із своїх опосередкованих наслідків складнощі у з'ясуванні характеру політичних режимів у Болгарії між двома світовими війнами. Натомість дослідники наводять чисельні дані, які є підґрунтам для визначення певних рис болгарського робітництва. Зокрема, була віддана данина такій формі соціальної активності робітників 1900–1930-х рр., як пролетарська солідарність⁴⁹. Стосовно періоду «реального соціалізму» дослідники оперують багатим фактичним матеріалом, який на тлі двосторонніх радянсько-болгарських відносин може представляти інтерес з точки зору з'ясування мотивів до праці та задоволеності від неї осіб, зайнятих на промисловому виробництві⁵⁰.

У досліджуваний період найбільш цілісна та вичерпна картина буття болгарського суспільства представлена добою 1990–2000-х рр.⁵¹. Стосовно теми, яку винесено у назву, українські науковці узагальнили багатий фактичний матеріал щодо стану суспільства, де були ослаблені традиційні та звичні форми соціальних зв'язків, на тлі спроб здолання кризових явищ і політичної модернізації. У їхнє поле зору вперше потрапили соціальні групи циган та мусульман⁵². У цих розвідках спостерігаємо заперечення характерної для соціальної історії позитивної оцінки ролі держави для суспільства, особливо першого етапу трансформації (до 1997 р.). В. І. Бурдяк прямо називає політику антинародною⁵³. Повалення режиму Т. Живкова не привело до зростання рівня життя та покращення його якості. Проте причини, чому політичні лідери, які орієнтувалися на стандарти західної демократії, діяли всупереч своїм програмам, не розкриваються. Соціально-психологічні чинники такої політичної поведінки розглянуті російською дослідницею Н. В. Коровічиною⁵⁴. Вона обґрунтувала тезу про те, що перші спроби реформ здійснювалися поколінням інтелектуалів, представниками так званої «масової інтелігенції», які були орієнтовані на проритет духовних цінностей над матеріальними, прагнули демонтувати все, що нагадувало б повалений режим, заряди звільнення місця для ствердження громадянського суспільства. Цей демонтаж і виявився у тій державній політиці, яка неминуче приводила до кризи у суспільстві через нехтування матеріальними чинниками.

Отже, у досліджуваний період, всупереч складнощам, зформований у попередню добу, яка співпала у часі з розквітом соціальної історії у світовій науці⁵⁵. Сталий інтерес українських науковців до соціально-історичної практики болгарського народу на різних її етапах набув подальшого розвитку. Попри те, що сюжети із соціальної історії Болгарії не виявилися об'єктом спеціального вивчення та були «замкнені» на політичну історію впродовж другої половини 1980-х – першого десятиліття 2000-х рр., вони постійно знаходилися у комунікативному полі української болгаристики. За умов парадігмальних змін наукового пошуку, коли виникли широкі можливості для суб'єктивної, а часом антинаукової інтерпретації минулого, вдалося зберегти вже набуті традиції вивчення соціальної історії Болгарії як довготермінових макропроцесів (modернізація), політичних взаємодій окремих соціальних верств, соціальної ролі держави, окремих соціальних інститутів. З цієї точки зору узагальнення вивчення соціальної історії Болгарії українськими фахівцями наближає до вирішення загально-філософської проблеми щодо з'ясування механізмів спадковості історичного знання за кризових явищ в науці та їх подолання, зокрема за допомогою рецепції західної соціальної науки та гуманітаристики вітчизняним науковим простором.

Якщо говорити про пріоритети предметно-тематичного кола соціальної історії, то акцент робився на окремі соціальні групи (перш за все з достатньо високим рівнем освіти у відповідності до стандартів кожної історичної доби). Наголошувалося на зв'язку між невисоким ступенем соціальної диференціації болгарського суспільства та особливостями політичної модернізації Болгарії XIX – першої половини ХХ ст. Взаємодії між окремими соціальними групами, система соціальних зв'язків не надто часто потрапляли в поле зору українських дослідників. Незважаючи на фрагментарність та відсутність інформаційної цілісності, за способом наукових спостережень, жанровим розмаїттям дослідження українських учених сприяли створенню компаративно впорядкованої соціальної картини болгарської етнічної спільноти на шляху перетворення її в націю та розбудови власної державності у XIX–XXI ст. Вони також є свідченням розширення та збільшення маси наукового знання у галузі болгаристики. Їх результати кореспонduються з висновками болгарських науковців.

¹ Бродель, Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3. М., 1991, с. 11.

² Атанасова, В. Диалогъ между историей и социологией и развитието на социална история // Историческо бъдеще. – 1998. – № 1. – С. 125–126.

³ Лаас, Н. I. Соціальна історія СРСР в американській історіографії: теоретичні дискусії 1980–2000-х рр. // Український історичний журнал. – 2010. – № 4. – С. 170–172.

⁴ Заярнюк, А. Історія після linguisticum: або про те як соціальна історія стала культурною. – URL: www.uchni.com.ua/istoria/265-index.htm (дата звернення 27.10.2013).

⁵ Савельєва, И. М. Теория исторического знания / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. СПб. – М., 2008, с. 105, 113.

- ⁶ Дечев, Ст. Третаевропейска конференция по социална история // Балканскичен форум. – 2001. – № 1–2–3. – С. 252.
- ⁷ Орлов, И. Б. «Человек исторический» в системе гуманитарного знания. М., 2012, с. 82.
- ⁸ Атанасова, В. Вказ. праця., с. 125.
- ⁹ Уваров, П. Доклад. – URL: www.hse.ru/news/recent/38007787.html (дата звернення 24.09.2013).
- ¹⁰ Марчева, И. Изследвания по социална история на България през ХХ в. в историографската перспектива на периода 1990–2005 г. // Историческата наука в България – състояние и перспективи: Материали от кръглата маса по повод днкето проучване «Истории за историята», проведено на 23–24 ноември 2005 г. в Института по история при БАН, София. / Съст. и науч. ред. А. Запрянова, Б. Нягулов. И. Марчева. София: Ин-т по история при БАН, 2006, с. 164.
- ¹¹ Стельмах, С. Українська історіографія в міжнародному порівнянні / С. Стельмах, Г. Хаусман. – URL: www.history.org.ua/index.php?article=socium_2002_1_245 (дата звернення 28.10.2013).
- ¹² Савельєва, І. М. Теория исторического знания, с. 114.
- ¹³ Марчева, И. Изследвания посоциалнаистория, с. 165.
- ¹⁴ Таран, Л. В. Провідні тенденції світової історіографії в ХХ ст. та проблеми кризи сучасної української історичної науки // Український історичний журнал. – 1999. – № 1. – С. 85–91.
- ¹⁵ Кудряченко, А. І. Дослідження з проблематики всесвітньої історії у сучасній Україні // Український історичний журнал. – 2011. – № 1. – С. 182.
- ¹⁶ Тишков, В. А. Новая историческая культура // Новая и новейшая история. – 2011. – № 2. – С. 3–24.
- ¹⁷ Кока, Ю. Современные тенденции и актуальные проблемы исторической науки в мире // Новая и новейшая история. – 2003. – № 3. – С. 18; Савельєва, И. Присутствие и отсутствие // Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши // Отв. ред. Е. Аскер, И. М. Савельева. М.: Издательский Дом ГУ ВШЭ, 2010, с. 12.
- ¹⁸ Калениченко, П. М. Вивчення історії Болгарії на Україні // Український історичний журнал. – 1962. – № 1. – С. 108.
- ¹⁹ Иванцев, И. Д. Советская историография социально-экономического и политического развития Болгарии между двумя мировыми войнами: автореф. дис. канд. ист. наук. Киев, 1986, 23 с.; Доронченко, А. И. Советская болгаристика в системе общественных наук // Болгаристика в системе общественных наук: тезисы докладов и сообщений II Всесоюзной конф. по болгаристике. Харьков, 5–7 февраля 1991. Харьков, 1991, с. 8–11.
- ²⁰ Станчев, М. Г. Некоторые теоретико-методологические аспекты истории болгаристики // Проблемы источниковедения, историографии истории и культуры Болгарии, истории болгаристики: III Дриновские чтения 25–27 октября 1994 г. Харьков, 1994, с. 3–4; Яровий, В. І. В. А. Жебокрицький – професор Кіївського університету імені Тараса Шевченко // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 2. Харків–Софія: Академічне видавництво «Проф. Марин Дринов», 2008, с. 292–295.
- ²¹ Станчев, М. Г. Некоторые вопросы истории развития болгаристики как науки // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 2. С. 9–16; Сайпанова, А. О. Науково-педагогічна діяльність С. І. Сідельнікова: автореф. дис. канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 2012, 23 с.; Пачев, С. І. Історія болгарських сил Північного Приазов'я у працях М. Д. Дихана // Болгари Північного Причорномор'я. Мелітополь–Велико Тирново, 2010, с. 119–129.
- ²² Пачев, С. І. Тематичні приоритети української історичної болгаристики // Гуржійські історичні читання. – Вип. 4. – Черкаси, 2011. – С. 46–47.
- ²³ Наприклад: Павленко, В. В. Українсько-болгарські взаємини. 1918–1939 рр. Київ, 1995, с. 74, 93, 94, 101, 162.
- ²⁴ Наприклад: Чорній, В. П. Історія Болгарії. Львів, 2007, 404 с.; Миколенко, Д. В. Правоцентристські партії у системі політичної влади князівства Болгарії (кінець XIX – початок XX ст.). Харків, 2008, 148 с.; Мілова, М. І. На шляху до парламентської демократії: болгарський варіант. Одеса, 2005, с. 9–166.
- ²⁵ Осадца, И. С. Основные направления научных исследований черновицких политологов в области болгаристики // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 1–5. – Харків–Софія: Академічне видавництво «Проф. Марин Дринов», 2011, с. 592–595;
- ²⁶ Галун, Н. Г. Суспільно-політичні та історичні погляди Христо Ботева: автореф. дис. канд. іст. наук. Львів, 1996, 24 с.; Лобанова, М. В. Участь Кристіо Раковського у соціал-демократичному русі Болгарії (1903–1912): автореф. дис. канд. іст. наук. Харків, 1997, 23 с.; Просохова, Л. Ю. Церковная жизнь Болгарии глазами российского священника // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. 3. Харків–Софія: Академічне видавництво «Проф. Марин Дринов», 2009, с. 78–84.
- ²⁷ Крапивин, А. В. Александр Стамболовский: жизнь, взгляды, деятельность. М., 1989, 183 с.; його ж. Димитр Драгиев: жизнь, судьба, учение. Донецк, 1999, 182 с.
- ²⁸ Чорній, В. П. Історія Болгарії. Львів, 2007, 404 с.; Свириденко, В. Социально-экономическое положение болгар в составе Османской империи как фактор подъема болгарского революционного движения в середине 70-х гг. XIX в. // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т. 10. Одеса–Велико Търново: Изд. «Фабер», 2009, с. 76–77, 79.

- ²⁹ Татоли, Т. В. Авторитаризм в Болгарии в межвоенный период (1918–1939). Луганск, 2010, с. 16, 17, 18, 21, 25, 35, 212.
- ³⁰ Тодоров, І. Я. Євроатлантична модернізація Болгарії як складова модернізаційних процесів // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 4, с. 375–376; Щербань, П. М., Щербань Т. Ю. Турецько-мусульманське питання як фактор загострення соціально-політичної кризи в Болгарії // Гуржіївськи історичні читання. – Вип. 6. – Черкаси, 2013. – С. 377–379.
- ³¹ Татоли, Т. В. Причины и условия победы авторитаризма в Болгарии в межвоенный период // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. 3, с. 254; Бурдяк, В. І. Республіка Болгарія на зламі епох. Політична трансформація суспільства. Чернівці, 2004, с. 365.
- ³² Полещук, Т. С. Болгаро-украинские общественно-политические связи (1878–1914): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Львов, 1986, 18 с.
- ³³ Шпік, І. Є. Руський митрополіт Кипріян (До питання болгарсько-українських релігійно-культурних зв'язків XIV – XV ст.) // Дриновський збірник / Дриновски сборник. – Т. 3. Харків–Софія: Академічне видавництво «Проф. Марин Дринов», 2009, с. 390–399; Шпік, І. Є. Болгаро-українські релігійно-культурні зв'язки (остання четверть XIV – перша половина XV ст.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Львов, 2009, 18 с.
- ³⁴ Докашенко, Г. П. Болгарська школа повоєнного періоду: історичний аспект. Горлівка, 2008, с. 227–252.
- ³⁵ Субботін, В. М. Вплив відродження болгарської державності на розвиток зв'язків громадськості України і Болгарії(1878–1885)): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Донецьк, 1997, 22с.; Станкевич, В. В. Україна і болгарське національне відродження: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Донецьк, 1998, 18 с.
- ³⁶ Татоли, Т. В. Российско-болгарские революционные связи (1900–1914): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Київ, 1986, 20 с.
- ³⁷ Докашенко, Г. П. Вказ. праця, с. 46–47.
- ³⁸ Докашенко, Г. П. Вказ. праця, с. 50–51, 52, 60, 68, 69; Миколенко, Д. В. Правоцентристські партії, с. 35–42; Татоли, Т. В. Авторитаризм, с. 92–93, 192, 316; Її ж Концепция «нового государства» «деятелей 19 мая»: політико-правовой аспект // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 4, с. 254.
- ³⁹ Миколенко, Д. В. Вказ. праця, с. 36–42; Бурдяк, В. І. Республіка Болгарія на зламі епох, с. 185.
- ⁴⁰ Миколенко, Д. В. Вказ. праця, с. 114; Бурдяк, В. І. Республіка Болгарія на зламі епох, с. 290–295.
- ⁴¹ Докашенко, Г. П. Вказ праця, с. 37–45, 143–204; Каптун, А. В. Розвиток систем підготовки кваліфікованих кадрів Болгарії і Польщі (кінець XIX – XX ст): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Київ, 2011, 35 с.; Луханіна, Т. В. Розвиток вищої школи в НРБ // Український історичний журнал. – 1988. – № 2. – С. 126–133.
- ⁴² Бредіхін, А. В. Рецензія на монографію: Докашенко. Г. П. Болгарська школа повоєнного періоду: історичний аспект. Горлівка, Видавництво ГДПІМ, 2008. 288 с. // Дриновський збірник / Дриновски сборник. Т. 4, с. 576–577.
- ⁴³ Крапивин, А. В. Александр Стамболовский, с. 8–44.
- ⁴⁴ Крапивин, А. В. Человек и социум в современном мире: материалы межрегионального научно-практического семинара, март 1992. Ч. 3. М. – Донецк, 1992, с. 58–60; його ж. Болгарська народна землеробська спілка у політичній боротьбі першої четверті ХХ ст.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Київ, 1996, 35 с.
- ⁴⁵ Крапивин, А. В. Димитр Драгиев, с. 15, 48, 50, 32.
- ⁴⁶ Підраховано за: Балканістика в Українській ССР. Бібліографічний указатель. 1917–1980 / Составители: Д. Димчева-Вирчева, А. Т. Балабушевич, М. И. Кирсенко. Київ: Іздательство «Наукова думка», 1983, 239 с.; Історическая болгаристика в чужбине. 1944–1980: бібліографічний спрочник. / Съст. Ц. Славчева. Софія: Ізд. на БАН, 1983. 1002 с.
- ⁴⁷ Самыгин, С. И. К вопросу об оценке численности рабочего класса НРБ в середине 40-х гг. ХХ в. в болгарской историографии // III Дриновские чтения. Проблемы источниковедения, историографии и культуры Болгарии, истории болгаристики: тезисы докладов, 25–27 октября 1994. Харьков, 1994, с. 78–79.
- ⁴⁸ Татоли, Т. В. Авторитаризм, с. 20.
- ⁴⁹ Татоли, Т. В. Солідарність болгарських трудящих з боротьбою народних мас Росії проти самодержавства в період революції 1905–1907 рр. // Український історичний журнал. – 1986. – № 9. – С. 101–107; Повленко, В. В. Вказ/ праця, с. 87–88, 91.
- ⁵⁰ Тумаков, А. И. Болгаро-советское сотрудничество на интеграционных объектах с СССР (1967–1985): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1989, 16 с.; Черній, В. А. Зміщення співдружності робітничого класу СРСР і НРБ // Український історичний журнал. – 1988. – № 12. – С. 85–88; Комар, Я. Трудовая миграция болгар в Донбасс // Болгари Північного Причорномор'я: матеріали XI Міжнародної наукової конференції. Мелітополь–ВеликоТирново, 2010, с. 69–72.
- ⁵¹ Мілова, М. І. Вказ. праця; Бурдяк, В. І. Республіка Болгарія на зламі епох; Бурдяк, В. І. Регіональні особливості становлення громадянського суспільства в пост-соціалістичних країнах Центрально-

Східної Європи // Політологічні та соціологічні студії. Т. 9. Чернівці: Букурек, 2010, с. 282–292; *Жуковська, А. О.* Правові основи участі інститутів громадянського суспільства у виборчому процесі в Болгарії // Політологічні та соціологічні студії. Т. 9. Чернівці: Букурек, 2011, с. 409–421; *Прокопець, М. С.* Трансформація і модернізація в Болгарії: сутність та взаємна залежність феноменів // Науковий вісник Ченівецького національного університету. Історія. Політичні науки. Міжнародні відносини. – Вип. 272. – Чернівці: Рута, 2005. – С. 262–268; *Осадца, І. С.* Зміни у правовому спектрі партійної системи Республіки Болгарія початку ХХІ ст. // Історико-політологічні проблеми сучасного світу. Т. 15–16. Чернівці: Рута, 2008, с. 99–100.

⁵² *Бурдяк, В. І.* Болгарська модель вирішення етнічних конфліктів // Історико-політологічні проблеми сучасного світу. Т. 23–24. Чернівці: Чернівецький національний університет, 2011, с. 19–24; *Осадца, І. С.* Місце і роль циганської спільноти у сучасному болгарському суспільстві // Політологічні та соціологічні студії. Т. 3. Чернівці: Рута, 2005, с. 317–324.

⁵³ *Бурдяк, В. І.* Республіка Болгарія, с. 311.

⁵⁴ Человек на Балканах в эпоху кризисов этнополитических столкновений XX в. / Отв. ред. Г. Г. Литаврин, Р. П. Гришина. СПб.: Алетейя, 2002, с. 147–161.

⁵⁵ *Кока, Ю.* Вказ. праця, с. 17.

СХІДНЕ ПИТАННЯ ТА «ВЕЛИКІ ІДЕЇ» НА БАЛКАНАХ

УДК 62+94(17/18)

«ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС» И ПЕРСИЯ (КОНЕЦ XVIII – ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX вв.)

O. A. Гоков

Гоков, О. О. «Східне питання» і Персія (кінець XVIII – перша четверть XIX ст.)

Учасниками «Східного питання» були не лише великі держави Європи, а й країни Азії. Зазначене на проблема в різний час була тісно пов’язана з іншими – боротьбою за колоніальний поділ Африки, англо-російським суперництвом на Середньому Сході, конкуренцією за переважання в європейських справах тощо. «Східне питання» – міжнародна проблема, що включає в себе ряд «підпитань» і передбуває в тісному взаємозв’язку з іншими відносно незалежними «питаннями» міжнародних відносин в Європі та Азії. Одним з них було перське, пов’язане з боротьбою великих держав за домінування в Ірані. Європейські держави намагалися використати Іран як противагу Османській імперії та один одному в боротьбі за вплив над Стамбулом. Але протягом 1850-х – 1870-х рр. відбувається різке зниження ролі Ірану в «Східному питанні» порівняно з першою половиною століття. В результаті з 1880-х рр. він перестає бути активним учасником проблеми.

Ключові слова: «Східне питання», «Перське питання», великі держави, Іран, міжнародні відносини.

Гоков, О. А «Восточный вопрос» и Персия (конец XVIII – последняя четверть XIX вв.)

Участниками «Восточного вопроса» были не только великие державы Европы, но и государства Азии. Указанная проблема в разное время была тесно связана с другими – борьбой за колониальный раздел Африки, англо-российским соперничеством на Среднем Востоке, конкуренцией за преобладание в европейских делах и пр. «Восточный вопрос» – международная проблема, включающая в себя ряд «подвопросов» и находящаяся в тесной взаимосвязи с другими относительно независимыми «вопросами» международных отношений в Европе и Азии. Одним из них был персидский, связанный с борьбой великих европейских держав за доминирование в Иране. Европейские государства пытались использовать Иран как противовес Османской империи и друг другу в борьбе за влияние над Стамбулом. Но на протяжение 1850-х–1870-х гг. происходит резкое снижение роли Ирана в «Восточном вопросе» в сравнении с первой половиной века. В результате с 1880-х гг. он перестает быть активным участником проблемы.

Ключевые слова: «Восточный вопрос», «Персидский вопрос», великие державы, Иран, международные отношения.

Gokov, O. A. “The Eastern question” and Persia (the end of 18th - last quarter of 19th century)

Not only the Great Powers of Europe, but also the Governments of Asia did participated in the “Eastern question”. The mentioned problem was closely connected with the other events of that time – the struggle for colonial division of Africa, the Anglo-Russian rivalry in the Middle East, the competition for dominance in European affairs , etc. “The Eastern question” is an international problem, which includes a number of “sub questions” and which is closely connected with the other relatively independent “problems” of the International Relationships in Europe and Asia. “Persian question” was among them. It was connected with the struggle of European countries for the domination in Iran. The European countries tried to use Iran opposite to Ottman Empire and each other, struggling for the influence at Istanbul. Comparing to the first half of the century there was a great decrease of Iran’s role in the “Eastern question” in 1850-1870. As a result, in 1880 it ceased to be an active participant of the problem.

Keywords: “Eastern question”, “Persian question”, Great Powers, Iran, International Relationships.

Возникновение «Восточного вопроса» в историографии традиционно датируется второй половиной XVIII в., хотя единство среди историков относительно определённой даты отсчёта отсутствует¹. Впервые сам термин «Восточный вопрос» был употреблён на Венском конгрессе Священного союза 1822 г.². Тем не менее очевидно, что проблема возникла задолго до её наименования. Нижняя хронологическая рамка варьируется от XV в. (наиболее распространённая дата 1453 г. – год захвата столицы Византийской империи Константинополя турками-османами) до XVIII в. (в качестве популярного рубежа здесь выступают либо русско-турецкая война 1768–1774 гг., либо завершивший её Кючук-Кайнарджийский мирный договор)³. Верхняя граница проблемы определяется началом XX в.,

хотя относительно точной даты единства среди историков также нет. В качестве таковой рассматриваются Мудросское перемирие 1918 г., Севрский мирный договор 1920 г., завершение национально-освободительного движения в Турции 1919–1922 гг. и ликвидация султаната, а также Лозанская мирная конференция 1923 г. В результате, в историографии и исторической публицистике сформировались два подхода к «Восточному вопросу» – «широкий» и «узкий». Выбор каждого из них зависит преимущественно от личных предпочтений того или иного историка. В первом случае «Восточный вопрос» ассоциируется с борьбой христианских народов Европы против османской (исламской) экспансии (или Европы с Азией)⁴. Во втором же – с соперничеством европейских держав за наследство слабеющей Османской империи. Оба указанных подхода имеют право на существование. Действительно, турецкая угроза сыграла большую роль в становлении европейской подсистемы международных отношений и формировании европейской идентичности⁵. В любом случае, в последней трети XVIII в. ситуация в этом противостоянии резким образом изменилась (о чём будет сказано ниже), что позволяет говорить о качественно новом его этапе. Но поскольку в международной практике, начиная с первых лет XIX в., а затем в историографии и публицистике «Восточный вопрос» связывался преимущественно с проблемой распада Османского государства, мы будем придерживаться этого традиционного определения проблемы, ограничив её 1774–1923 гг.

Не пришли исследователи к единому мнению и в понимании географических рамок проблемы. Характерной чертой исторических традиций различных стран – участников «Восточного вопроса» – является акцент при его определении на зону собственных интересов. Так, для англо-французской историографии основная география «вопроса» лежит в районе Северной Африки, Леванта и Малой Азии (для части английской – даже шире: сюда включают весь Средний Восток, т.е. Афганистан, Иран и Среднюю Азию), для дореволюционной русской, советской, современной российской и болгарской – в области Балкан и черноморских проливов⁶. В целом, видение географии «Восточного вопроса» обусловлено, прежде всего, его европейской направленностью и сосредоточено вокруг проблем раздела «наследства» вступившей с конца XVIII в. в стадию распада Османской империи⁷. В концентрированном виде определение его предложено, например, Р. Геновым. «Восточный вопрос, – отмечал он, – термин, который обозначает комплекс проблем, связанных с упадком и крахом Османской империи и с её наследством, занимает центральное место в системе международных отношений в Европе в течение двух веков»⁸.

Тем не менее, часть исследователей обращает внимание на то, что обозначенная международная проблема имела и «восточный фланг»⁹. Не подвергая сомнению вопрос о разделе «османского наследства», в своих работах они указывают, что события в Закавказье и на восточных границах Оттоманской Порты также следует рассматривать как неотъемлемую часть «Восточного вопроса». Такой подход представляется более соответствующим исторической истине.

Целью нашей статьи является попытка показать, что «Восточный вопрос» имел более широкие географические рамки и политическое наполнение, и его нельзя ограничивать исключительно проблемами Балканского полуострова, черноморских проливов и борьбы в Средиземноморье. В качестве иллюстрации данного тезиса нами будет рассмотрено место Персии в контексте «Восточного вопроса».

Европоцентризм большинства исследований объясним тем, что для европейских держав, начиная с XV в., борьба с османской (или исламской) угрозой стала одной из важнейших. В Европе же развернулось и широкое исследование проблемы. Европейское её видение создало парадигму, которая до сих пор оказывает влияние на историографию. Однако важной составляющей «Восточного вопроса» были не только борьба европейских держав за контроль над землями ослабевшей империи в её западной и центральной частях. Ситуация на северо-востоке и востоке имела также немалое значение. Содержание «Восточного вопроса» до некоторой степени искусственно сконцентрировано европейскими политиками, публицистами и историками вокруг Балканского полуострова. Это объясняется тем, что основные события на протяжении всего XIX и начала XX в. постепенно перемещались на северо-запад географической зоны «Восточного вопроса». К тому же, с последней трети XVIII в. для западных держав (особенно Великобритании) актуальным становится вопрос сдерживания продвижения России в район Средиземноморья. «Русский фактор» в формировании «Восточного вопроса» как в теории, так и

на практике, сыграл большую роль¹⁰. Автор статьи для «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрон» вполне обоснованно заметил, что «в глазах большей части западноевропейских государств вопрос сводится к тому, чтобы в собственных их интересах препятствовать увеличению могущества России»¹¹. Поэтому не может вызывать удивления определение проблемы, данное немецким историком второй половины XIX – начала XX в. О. Егером, чьи произведения пользовались популярностью в дореволюционной России. «Под этим вопросом понимали в Западной Европе, – писал он, – завоевательные планы России и возможность препятствовать им»¹². Искусственное нагнетание негативного отношения к внешней политике империи Романовых в Балканском регионе и на Кавказе¹³ различными средствами массовой пропаганды также сыграло значительную роль в актуализации указанной части «Восточного вопроса», который в сознании поколений обывателей, части политиков и даже историков стал прочно ассоциироваться с событиями вокруг Балканского полуострова. Для великих европейских держав подсознательно или прямо «Восточный вопрос» заключался даже не столько в том, чтобы овладеть частями Османской империи, сколько не дать сделать этого России. И причины тому были довольно весомые.

Здесь важно отметить идеологический (или уже – религиозный) фактор, игравший важную роль в конструировании и развитии «Восточного вопроса». В трудах многих авторов и во взглядах современников «Восточный вопрос» представлялся как противостояние христианства и ислама. Конечно, в отношении людей, руководивших политикой держав-участниц проблемы, значение религиозных мотивов не следует преувеличивать. Классическим доказательством тому служит Восточная или Крымская война 1853–1856 гг.¹⁴. Однако на уровне массового сознания религиозные лозунги имели большое мобилизующее значение. Они же использовались политиками как ширма для прикрытия, оправдания или легитимации своих действий в «Восточном вопросе». С момента падения Константино-поля (или Царьграда, как называли ещё этот город в России) в 1453 г. наследие византийских императоров стало оспаривать несколько монархов. В их числе были французский, австрийский (Священной Римской империи)¹⁵, русский. И даже османских владык именовали султанами Рума¹⁶. Этот статус давал им легитимное право на контроль над христианскими подданными, а, следовательно, право претендовать на новые территории. К тому же, под властью мусульманских правителей оказались христианские святыни, в частности Иерусалим. Всё это стимулировало борьбу европейцев с Османами, а раскол в христианской церкви привел к разъединению сил христианских государств, вызвав стремление доказать и утвердить первенствующее положение той или иной конфессии в виде права покровительства христианским подданным султана и контроля над Святыми местами. В концентрированном виде всё это проявилось в период Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг.¹⁷.

В рассматриваемый нами период «Восточный вопрос» pragmatizировался. Религиозные мотивы оставались важными для простого населения, особенно в Османской империи и странах догоняющего развития – России и Австро-Венгрии. Однако политики с течением времени демонстрировали в развитии проблемы больше pragmatизма, нежели идеализма. В первую очередь это относиться к Великобритании, для представителей которой собственные выгоды изначально стояли выше любых религиозных мотивов¹⁸. Pragmatism по отношению к «Восточному вопросу» доминировал и в политике Германской империи¹⁹. Тем не менее, внешнее религиозно-цивилизационное обрамление оставалось важным легитимизирующим и мобилизирующими фактором. И с точки зрения внешних, формальных доводов, Российская империя имела больше прав на Константинополь и покровительство христианам, нежели другие государства. Религиозно-философская и политическая идея «Москва – третий Рим» с момента её появления в XVI в.²⁰ стала активно пропагандироваться внутри России и широко использоваться на юго-восточном и восточном направлениях внешней политики Москвы, а затем Санкт-Петербурга, для обоснования особого религиозно-политического значения России как преемника Римской (Византийской) империи.

В среде образованной части российского общества в XIX в., когда стал активно использоваться сам термин, сформировались несколько подходов к пониманию «Восточного вопроса» (которые нашли продолжение в историографической имперской, советской и постсоветской традициях)²¹. Однако для значительной части славяно-православного насе-

ления империи Романовых «Восточный вопрос» являлся основой мессианских представлений о роли и значении России и представлялся (хотя и не всегда выражался этим термином) вопросом «восстановления единства византийской православной цивилизации и возвращения её исторического центра, Константинополя»²². «Надежда, пожалуй, шагнуть ещё за Балкан и завоевать самый Царьград, – писал, например, в своих воспоминаниях российский офицер, участник войны с Турцией 1828–1829 гг. Ф. Ф. Торнау, обобщая свои наблюдения относительно мотивации солдат русской армии, – эта задушевная мысль русского народа, действовали обаятельно на солдата, заставляя его забывать труды и горе»²³.

Как верно резюмировала болгарская исследовательница Н. Дюлгерова, во внешней политике империи Романовых в отношении османского соседа были две темы для проектов и планов – Проливы и Балканы²⁴. Восприятие многими в России (царской, советской и современной) «Восточного вопроса» сквозь призму балканских проблем объясняется как естественными внешнеполитическими задачами создания удобных географических границ и обеспечения их безопасности, благоприятных условий для развития внешней торговли, так и факторами идеологического характера – единой религией, славянским происхождением, миссией великой державы²⁵. «Вопрос этот, – писал исследователь имперского времени С. Жигарев, – … в том смысле, в каком он обыкновенно употребляется по отношению к Турции и подвластным ей христианским народностям, возник для нас, сильнейшего славянского и православного народа, с момента падения Византийской империи и образования на её руинах мусульманского царства и представляет для России трудную и сложную задачу, состоящую в том, чтобы обеспечить собственные материальные интересы на Востоке, связанные с полной свободою пользования водами Чёрного моря для русского торгового и военного флота и помочь своим восточным единоверцам и единоплеменникам в их борьбе с мусульманством за национальное и религиозное самосохранение, вывести их из турецкого порабощения и ввести в семью культурных европейских народов»²⁶. В этой цитате в концентрированном виде были собраны большинство реальных и воображаемых идеологических мотивов, которые вдохновляли политику России в «Восточном вопросе» и само его господствующее понимание.

Естественно, все это не могло не вызывать опасений со стороны других европейских держав, тем более, что славянские народы Османской империи (особенно православные) в основной массе своей были настроены на сотрудничество с Санкт-Петербургом и видели в России свою защитницу и покровительницу²⁷. Поскольку подавляющее большинство их проживало на территории Балканского полуострова, вполне понятно, почему основное содержание «Восточного вопроса» стало концентрироваться вокруг указанной зоны.

Однако такое видение обедняет проблему и делает её до некоторой степени искусственной. Более широкую панораму «Восточного вопроса» предложил российский историк В.И. Шеремет²⁸. Он выделил три «болезненных точки» – Балканы, Левант²⁹ и черноморские проливы. Однако полностью с такой географией сложно согласиться. Борьба России, Османской империи и Персии за Кавказ и Закавказье, ирано-османские противоречия играли важную роль в течение всего существования «Восточного вопроса». Недаром русско-турецкие войны велись на двух сухопутных направлениях – европейском и азиатском (на Кавказе)³⁰, а русско-иранские противоречия тесно увязывались с правительствами великих держав с русско-османскими. Показательным в этом плане является англо-французское соперничество за Персию в начале XIX в.³¹.

Близка к позиции В. И. Шеремета и география проблемы, предложенная В. А. Котельниковым. «Под так называемым “Восточным вопросом”, – считал он, – подразумевается комплекс geopolитических и этнокультурных проблем, связанных с балкано-малоазиатским регионом, отчасти с Кавказом, и определявших на протяжении XVIII–XX веков сферу военной, дипломатической, идеологической активности ведущих европейских стран – России, Австрии, Франции, Англии, Германии, а также Турции»³². Однако, даже в этом, одном из наиболее удачных, определений «Восточного вопроса», отсутствуют Магриб³³, большая часть которого находилась долгое время под властью османов и стала объектом борьбы европейских держав в XVIII–XIX вв., а также Египет и Ливия.

«Восточный вопрос» в действительности представлял собой комплекс противоречий европейских государств (цели которых не оставались постоянными с течением времени) вокруг «оттоманского наследства» на трёх континентах – в Европе, Азии и Африке³⁴. Причём «игроками» в нём были не только великие державы Европы, но и государства

Азии³⁵. Указанная проблема была в разное время тесно связана с другими – борьбой за колониальный раздел Африки, англо-российским соперничеством на Среднем Востоке, конкуренцией за преобладание в европейских делах и пр. Она также была «осложнена» борьбой различных общинств (этнических, религиозных и пр.) за освобождение из-под власти османского султана и между собой. В рамках «Восточного вопроса» великие державы использовали эту борьбу в своих целях, но и указанные сообщества сотрудничество с европейскими и азиатскими соперниками Ближневосточной порты стремились «приложить» к своим собственным интересам, поэтому «часто выступали в роли инициаторов конфликтов, которые решались уже силами великих держав»³⁶.

По нашему мнению, «Восточный вопрос» – условное наименование³⁷ сложносоставной международной проблемы, включавшей в себя ряд «подвопросов», имевших автономное (а иногда самостоятельное) значение, и находившейся в тесной взаимосвязи с другими относительно независимыми «вопросами» международных отношений в Европе и Азии. Центральное звено «Восточного вопроса» составляло «Балканский вопрос» – борьба великих держав за контроль над Балканским полуостровом, накладывавшаяся на национально-освободительное движение местных народов и борьбу между ними за первенство в регионе. Об этом свидетельствует то, что до сих пор «Восточная проблема» ограничивается в исследованиях и публицистике изложением борьбы за Балканы и черноморские проливы Босфор и Дарданеллы.

Однако существовали и другие территории Османской империи, на которые претендовали европейские державы. Вокруг них сформировались «Средиземноморский вопрос» (соперничество за господство в Средиземном море и на его побережье), «Арабский вопрос» (борьба арабов за независимость от османских правителей). В рамках «Восточного вопроса» следует рассматривать и «Кавказский вопрос», который зачастую развивался автономно от событий на Балканском полуострове. Борьба за Кавказ в XIX в. была неотъемлемой составляющей русско-османо-персидских отношений, а также соперничества крупных европейских государств за влияние в Оттоманской Порте³⁸.

Нельзя полностью согласиться с авторами монографии «Восточный вопрос во внешней политике России», отрицавшими принадлежность «Кавказского вопроса» к сфере «Восточного вопроса», и утверждавшими, что включение в последний стран Среднего Востока (Ирана, Афганистана и Индии) делает проблему «необозримой и лишает возможности определить её существование» и «неизбежно ведёт к постановке новых проблем, непосредственно не связанных с Турцией»³⁹. Напротив, такая постановка обедняет действительное содержание «Восточного вопроса», делает его изучение неполноценным и однобоким. Ведь объективно события в рамках указанной проблемы разворачивались не только в различных регионах, связанных с Османской империей, но и на значительном международном фоне. Нам представляется, что сам «Восточный вопрос» следует рассматривать в контексте более широкой проблемы – борьбы великих европейских держав за контроль над регионом Ближнего и Среднего Востока⁴⁰. В XVIII – начале XIX в. главными антагонистами были Англия и Франция, с последней третьи XVIII до начала XX в. – Англия и Россия, а с конца XIX до начала XX в. – Англия и Германия.

Плотно в канву «Восточного вопроса» был вплетён и т.н. «Персидский вопрос», связанный с борьбой великих европейских держав за преобладание в Иране. Борьба эта, как отмечал советский исследователь Л. С. Семёнов, «была связана как с борьбой в Турции, так и с борьбой за позиции на Кавказе и в Средней Азии, а для Англии также и в Индии»⁴¹. Европейские государства традиционно пытались использовать Иран как противовес Османской империи. Это облегчалось османо-иранскими противоречиями на религиозной и территориальной почве. «Персидский вопрос» хотя и являлся самостоятельной проблемой в международных отношениях, тем не менее находился в «сцепке» с «Восточным вопросом». Персидско-турецкие территориальные споры Англия, Франция и Россия активно использовали в своих интересах, в том числе и в своих делах относительно Турции.

Иран с XVI в. тесно включается в политику европейских держав, связанную с противостоянием Османской империи⁴². В нём искали, прежде всего, союзника для борьбы друг с другом, а также для отвлечения сил Порты с европейского театра. Это было вполне достижимо в силу той религиозной и политической вражды, которая существовала между Сефевидским государством и османами. Она объяснялась различиями в вероисповедании

(значительная часть персов были шиитами, шиизм был объявлен государственной религией, в то время, как Османское государство было преимущественно суннитским; при этом шииты и сунниты взаимно рассматривали друг друга как еретиков) и соперничеством за пограничные территории от Кавказа до Персидского залива.

В XIX в. (особенно в первой половине) Персия сохраняла значение для европейских держав теперь уже в рамках борьбы за «наследство» османов. Желание англичан, французов и русских взять под контроль её вооружённые силы и внешнюю политику для того, чтобы использовать в борьбе друг против друга, в первой половине XIX в. приносило определённые плоды⁴³. При этом иранское правительство стремилось проводить внешнюю политику на западных и северо-западных границах в собственных интересах, играя на противоречиях европейских государств.

С установления в конце XVIII в. в Персии власти новой династии – Каджаров – между ней и Османской империей начались трения вокруг границ⁴⁴ и контроля над курдскими племенами⁴⁵. Во многом они были «отголосками» когда-то острого османо-сефевидского противостояния. Однако противоречия между соседними государствами нельзя сводить только к пограничным проблемам⁴⁶. Важную роль в них играл духовный фактор межконфессиональной борьбы суннитов и шиитов. Источники свидетельствуют⁴⁷ о большом налёте вражды между представителями двух главных течений ислама как на уровне межгосударственном, так и внутристрановом⁴⁸. Именно этим объяснялись провалы попыток создания широкого союза исламских государств, предпринимавшихся, в частности, Англией против России в первой трети XIX в., а затем перед русско-турецкой войной 1877–1878 гг.⁴⁹. Если отдельные правители, возможно, и были не против презреть вражду к «еретикам», то их подданные в большинстве своём такой позиции не разделяли.

На бытовом уровне антагонизм был настолько силен, что влиял на политику правящих кругов. Последнее особенно касалось Ирана. Дело в том, что правители новой династии должны были утверждать свои права на престол, выступая защитниками «истинной веры». В Османской империи власть султана фактически никем не оспаривалась, так как он считался законным и религиозным, и светским главой мусульман⁵⁰. Иран был страной, где большинство населения исповедовало шиизм. Особенностью религиозно-политической доктрины шиизма является то, что легитимное право на власть над правоверными (имамат) имеют лишь потомки зятя пророка Мухаммада Али (Алиды). Поскольку двенадцатый имам, согласно легенде, в IX в. исчез, чтобы впоследствии появиться в виде мессии, его функции временно выполняют улемы и моджтеды – религиозные исследователи, богословы⁵¹. Отсюда вытекала большая власть над верующими шиитского духовенства и отсутствие стойкой опоры для шахского режима в стране. Если Сефевиды вели своё происхождение от седьмого имама, то сменившие их династии такой «привилегии» не имели и рассматривались как узурпаторы⁵². Фактически, Каджарская династия также считалась таковой. Поэтому авторитет её и происходивших из неё правителей в глазах шиитского населения и духовенства во многом зависел от того, насколько ревностно они отстаивают шиитские догматы.

Пограничные конфликты также отчасти объяснялись конфессиональной рознь: под властью суннитского султана находились святые для шиитов места Кербела, Неджеф, Самарра, Аскария⁵³. На этот фактор накладывали отпечаток личные амбиции правителей обеих государств, стремившихся прославиться как истинные ревнители веры и борцы с «еретиками», с одной стороны, и получить контроль над возможной большей территорией исламского мира – с другой. Для султанов главным идеологическим мотивом, стимулировавшим завоевания в мусульманском мире, служил тезис об искоренении рафизитства-шиизма. Правители Ирана в XIX в. также вынуждены были учитывать религиозные взгляды своих подданных в силу указанных причин, даже не являясь ярыми сторонниками искоренения «ереси». Отсюда – такое же стремление придать религиозную окраску собственным завоевательным планам. Основной целью шахов Каджаров (в частности, ага Мухаммад-шаха, наследника престола при Фатхали-шахе Аббаса-мирзы, молодого Насреддин-шаха) было стремление восстановить империю Надир-шаха Афшара (правил в 1736–1747 гг.)⁵⁴. В реализации этой цели соперником выступала Османская империя, правители которой, как уже говорилось, претендовали на главенство над всеми мусульманами. Следствием стало постоянное противостояние между соседними государствами, как на пограничье, так и в различных районах мусульманского мира⁵⁵. А это создавало для европейских го-

сударств хорошую почву для использования Каджарской империи в «Восточном вопросе» в собственных целях (либо наоборот – порождало стремление не допустить такого использования державой-противником). Тем более, что у персидских монархов имелись территориальные претензии к западному соседу.

Но с середины XIX в. Иран превратился в рамках «Восточного вопроса» во второстепенную державу, которая не способна была проводить независимую линию. Связано это было, прежде всего, с экономической неконкурентоспособностью Персии в сравнении с ведущими державами Европы и слабостью политической структуры страны. Иран уступал и своему западному соседу-антагонисту. Ещё ирано-турецкая война 1821–1823 гг., несмотря на успехи шахских войск, подтвердила неспособность Каджарской империи вести активную внешнюю политику и добиться военного преимущества даже над своими азиатскими соседями⁵⁶. Российский военный аналитик и историк А. М. Колюбакин, говоря о Гератском походе 1837–1838 гг.⁵⁷, небезосновательно отмечал, что «экспедиция эта ... погубила лучшие войска Персии, с того времени уже не поднимавшиеся до той высоты, до которой они были доведены Аббас-мирзой⁵⁸. Дальнейшая история персидского оружия ещё более бесславна»⁵⁹.

В конце XVIII–первой трети XIX вв. русско-иранские отношения носили конфликтный характер. Это объяснялось борьбой за влияние на Южном Кавказе (связанной во многом с личными амбициями первых Каджаров) и межрелигиозной рознью. Однако после окончания войны 1826–1828 гг. и урегулирования вопроса о разграблении и уничтожении русской дипломатической миссии в 1829 г.⁶⁰ конфликтность между государствами постепенно идёт на спад. Мухаммад-шах (правил в 1834–1848 гг.) и Насреддин-шах (правил в 1848–1896 гг.), получившие от русских поддержку в борьбе за престол, проводили в целом миролюбивую политику по отношению к северному соседу⁶¹. Но, несмотря на отсутствие с начала 1830-х гг. ярко выраженного антагонизма в русско-иранских отношениях, определённую опасность для России в случае войны с Турцией Каджарская монархия представляла. «Сколь немало опасен для нас отряд необученного войска, – писал наместнику на Кавказе М. С. Воронцову русский консул в Тебризе (Тавризе) Н. А. Аничков, – но всё же по неизвестности намерений персидского правительства и опасению вероломства с его стороны оно может заставить нас отвлечь на здешнюю границу часть наших сил, действующих против Турции»⁶². Возможно, именно поэтому среди российских правящих кругов и военных постепенно всё большую силу приобретает мнение о необходимости контролировать некогда могучего соседа. Методы контроля и задачи в течение века менялись, соотносясь с международными целями царского правительства. Однако с 1830-х гг. между Россией и Ираном начинает развиваться такое новое явление, как военное сотрудничество⁶³. До 1850-х гг. оно не было связано с делами «Восточного вопроса», по крайней мере, прямо.

В 1850-х гг. место Персидской державы в «Восточном вопросе» изменяется существенно⁶⁴. Если в первой трети века она служила угрозой для России, то теперь Россия пытается (и небезуспешно) использовать Тегеран в своих целях. И эта тенденция в дальнейшем не исчезает, а продолжает усиливаться⁶⁵. Война 1877–1878 гг. выделила еще одну тенденцию, которая чётко прорисовывалась на протяжение 1850-х–1870-х гг. – резкое снижение роли Ирана в «Восточном вопросе» в сравнении с первой половиной века не только как самостоятельного игрока, но и как фигуры в руках великих европейских держав. Главной причиной этого нам видится прогрессирующий внутренний упадок страны, чье развитие в крепкое, по меркам традиционного общества, государство было остановлено и законсервировано внешним вмешательством.

¹ Георгиев, В. А. Англо-американская историография восточного вопроса // Вопросы истории. – 1968. – № 3. – С. 172–181; Достян, И. С. Основные этапы и особенности политики России на Балканах с последней третьей XVIII в. до 1830 г. // Международные отношения на Балканах. М.: Наука, 1974, с. 5–38; Костяшов, Ю. В. Восточный вопрос в международных отношениях во второй половине XVIII – начале XX вв. / Ю. В. Костяшков, А. А. Кузнецов, В. В. Сергеев, А. Д. Чумако. Калининград: Изд. Калининградского ун-та, 1997, с. 3–4; Силин, А. С. Восточный вопрос // Советская историческая энциклопедия. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1963, с. 743–748; Сенина, Л. Поняття «Східне питання» у сучасній англомовній історіографії // Вісник Чернігівського національного педагогічного університету. – 2011. – Серія «Історичні науки». – № 8. – Вип. 87. – С. 272–275; Шеремет, В. И. Восточный вопрос в эпоху Крымской войны. – URL: <http://www.fap.ru/index>.

[php?nt=news&id=9895](#) (дата обращения: 17.03.2013); *Anderson, M. S. The Eastern Question, 1774-1923: A Study in International Relations.* – London: Macmillan, 1966, 440 р.; *Question d'Orient.* – URL: <http://www.larousse.fr/encyclopedie/divers/Orient/136304> (дата обращения: 17.03.2013).

² Дебидур, А. Дипломатическая история Европы: В. 2 т. Т. 1. Р/Д.: Феникс, 1995, с. 158–186; Шпаро, О. Б. Освобождение Греции и Россия (1821–1829). М.: Мысль, 1965, с. 127–128, 151–152.

³ В рамках различных историографий начальным рубежом определяются также 1683 г. (поражение османской армии под Веной от войск Священной лиги), 1695–1696 гг. (Азовские походы российского царя Петра I), 1699 г. (подписание Карловицкого мира между Габсбургской империей, Речью Посполитой и Венецианской республикой с одной стороны и Османской империей с другой), 1718 г. (между Австрией и Венецией с одной стороны и Османской империей с другой стороны в городе Пожареваце заключён Пожаревачкий/Паскаровицкий мир), 1815 г. (окончание Венского конгресса).

⁴ Существуют и ещё более расширенные вариации понятия, как-то: борьба славянского и германского начала, Европы с Россией и т.п. О них будет сказано отдельно. Здесь же заметим, что указанные варианты носят скорее умозрительный, публицистический или идеологический характер, «раззывают» «Восточный вопрос» и не могут быть приняты в качестве основы для исторического исследования.

⁵ Нойманн, И. Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое изда-
тельство, 2004, с. 71–98.

⁶ Красноречивым примером последней служит статья «Восточный вопрос» в «Военной энциклопедии», где определение проблемы чётко связывается с составляющими, приоритетными для России (Военная энциклопедия. Т. 7. СПб.: Товарищество И. Д. Сытина, 1912, с. 70–74). Историография «Восточного вопроса» довольно обширна. Её обобщённый анализ см.: Асташин, В. В. Восточный вопрос в зарубежной и отечественной историографии // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Материалы VI международной конференции. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003, с. 7–14; Боднар, Э. Изучение Восточного вопроса и Балкан в российской исторической науке // Региональные школы русской историографии (сборник докладов международной конференции, организованной Центром русистики Будапештского государственного университета им. Лоранда Этвеша, 29–30 мая 2006 г.). Будапешт: Russica Pannonicana, 2007, с. 160–168; Гончаренко, А. В. Британська історіографія британсько-російських відносин у Східному питанні в 70–80-х рр. XIX ст. – URL: <http://vuzlib.com/content/view/1892/25/> (дата обращения: 17.03.2013); Сеніна, Л. Особливості витоків концепцій Східного питання в англомовній історіографії другої половини ХХ ст. // Сіверянський літопис. – 2011. – № 5. – С. 99–104; її ж. Поняття «Східне питання» у сучасній англомовній історіографії // Вісник Чернігівського національного педагогічного університету. – 2011. – Серія «Історичні науки». – № 8. – Вип. 87. – С. 272–275. Наиболее значимые работы: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX вв. М.: Наука, 1978, 434 с.; Базилевич, К. В. О Черноморских проливах (Из истории вопроса). М.: Б.и., 1946, 28 с.; Гаврилов, Б. Източният въпрос в дипломатически документи, спомени на политически дейци и материали от периодичния печат на епохата. София: УИ «Св. Климент Охридски», 1995. 272 с.; Генов, Г. Източният въпрос. Политическа и дипломатическа история. Ч. 1. София: ИК АИ «Проф. Марин Дринов», 2008. 306 с.; Ч. 2. 500 с.; Добров, Л. Южное славянство, Турция и соперничество европейских правительств на Балканском полуострове. СПб.: Тип. Н. А. Леbedeva, 1879, 643 с.; Дюлгерова, Н. Руски щрихи към източния въпрос (1894–1904). София: АИ «Проф. Марин Дринов», 1999. 271 с.; Жигарев, С. А. Русская политика в восточном вопросе (её история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки. Т. 1. М.: Университетская типография, 1896, 485 с.; Т. 2, 544 с.; Йелавич, Б. История на Балканите: XVIII–XIX век. Т. 1. София: Амат-Ах, 2003. 412 с.; Т. 2. 471 с.; Машевський, О. П. Проблема чорноморських проток у міжнародних відносинах (1870 – початок 1920-х рр.). – К.: Аквілон-Плюс, 2010, 792 с.; Петрунина, Ж. В. «Восточный вопрос»: понятие и основные этапы // Преподавание истории в школе. – 2007. – № 4. – С. 28–32; Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М.: Международные отношения, 1999, 560 с.; Сто лет австрийской политики в Восточном вопросе / Сост. Я. Н. Бутковский. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского издательского товарищества Генри Ханковский и Ко, 1888, 188+214 с.; Стрельцов, Р. Россия, Царьград и проливы: материалы и извлечения. – Пг: Кн-во Прометей, Н. Н. Михайлова, 1914, 134 с.; Татищев, С. С. Из прошлого русской дипломатии. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1890, 582 с.; Уляницкий, В. А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М.: Тип. А. Гатцули, 1883, 484+CCCLVII с.; Успенский, Ф. И. История Византийской империи XI–XV вв. Восточный вопрос. М.: Мысль, 1997, с. 643–823; Фадеев, Р. А. Собрание сочинений. Т. 2: Вооруженные силы России. Наш военный вопрос. Восточный вопрос. СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1889, с. 243–327; Чихачёв, П. А. Великие державы и Восточный вопрос. М.: Наука, 1970, 224 с.; Шкляж, И. М. Восточный вопрос во внешней политике европейских государств и России (конец XVIII – начало XX в.) / И. М. Шкляж, В. Н. Миргородский, С. Г. Долженко. Николаев: Ризографика, 2003, 127 с.; Ancel, J. Manuel historique de la question d'Orient (1792–1926). Paris: Délagrave, 1927, 346 p.; Anderson, M. S. The Eastern Question, 1774-1923: A Study in International Relations. London: Macmillan, 1966, 440 р.; Bitis, A. Russia and the Eastern Question: Army, Government and Society, 1815–1833. Oxford; New York: Oxford University Press for The British Academy, 2006,

540 p.; *Cahuet, A.* La question d'Orient dans l'histoire contemporaine (1821-1905). Paris: Dujarric, 1905, 537 p.; *de Lamartine, A.* La Question d'Orient: Discours et articles politiques (1834-1861) / A. de Lamartine, H. Laurens, S. Basch. Paris: André Versaille Editions, 2011, 405 p.; De la politique anglo-française dans la question d'Orient. Bruxelles: M. Hayez, 1854, 80 p.; *de Lima, J. M.* La question d'Extrême-Orient vue par la diplomatie française (1894-1904). Paris: s.n., 1975, 694 p.; *Dennis, A. L. P.* Eastern Problems at the Close of the Eighteenth Century. Cambridge: University Press; 1901, 277 p.; *Driault, É.* La question d'Orient, 1918-1937: La paix de la Méditerranée. Paris: Imprimerie des Presses universitaires de France, 1938, 538 p.; *Geblesco, C. R.* La question d'Orient et son caractère économique. Paris: Perrin et cie., 1904, 541 p.; *Karčić, F.* The Eastern Question – A Paradigm for Understanding the Balkan Muslims History in the 20th Century // Islamic Studies. – 2002. – Vol. 41. – № 4. – P. 635-650; *Ković, M.* Disraeli and the Eastern Question. Oxford University Press, 2010, 339 p.; *Fourcade, M.* (Raymond-Henri) Notice sur la question d'Orient et sur la possession d'Alger. Paris: Delaunay, 1836, 860 p.; *Jérôme, L.* La question d'Orient sous Louis-Philippe. – URL: <http://hal.archives-ouvertes.fr/docs/00/55/19/06/PDF/THES.pdf> (дата обращения: 17.03.2013); La question d'Orient. – URL: <http://www.diplomatique.gouv.fr/fr/le-ministere/archives-et-patrimoine/expositions/expositions-diverses/napoleon-iii-et-l-europe-le/article/la-question-d-orient> (дата обращения: 17.03.2013); *Marriot, J. A. R.* The Eastern Question: An Historical Study in European Diplomacy. Oxford: Clarendon Press; 1940, 456 p.; *Morkva, V.* Russia's policy of rapprochement with the Ottoman Empire in the era of the French Revolutionary and Napoleonic Wars, 1792-1806. Ankara: The Department of International Relations, Bilkent Univ., 2010, vii, 390 p.; *Pinon, R.* L'Europe et L'Empire ottoman: Les aspects actuels de la question d'Orient. Paris: Perrin et cie, 1909, 603 p.; *Sabry, M.* L'Empire égyptien sous Mohamed Ali et la question d'Orient (1811-1849). Égypte-Arabie-Soudan-Morée-Crète-Syrie-Palestine. Histoire diplomatique d'après des sources privées et des documents inédits recueillis aux Archives du Caire, de Paris, de Londres et de Vienne. Paris: P. Geuthner, 1930, 605 p.; *Sowards, S. W.* Twenty-Five Lectures on Modern Balkan History: the Balkans in the age of nationalism. – URL: <http://staff.lib.msu.edu/sowards/balkan> (дата обращения: 17.03.2013). Как уже отмечалось, в рамках различных историографий существуют и очень расширенные трактовки границ «Восточного вопроса» как борьбы Европы и Азии, цивилизаций и варварства, германства и славянства и пр. (*Данилевский, Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к греко-романскому. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1888, 557 с.; *Кулиш, П. А.* Восточный вопрос и Задунайская славянница перед глазами московского царя Михаила Федоровича // Журнал Министерства народного просвещения. 1878. Вып. 2. Ч. 195. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1878, 112 с.; *Нарочницкая, Н. А.* Россия и мировой Восточный вопрос. – URL: <http://narochnitskaya.ru/> (дата обращения: 17.03.2013); *Нарочницкая, Н. А.* Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2003, с. 147–168; Россия и «восточный вопрос». Русская доктрина / Под общей редакцией А. Б. Кобякова и В. В. Аверьянова. – URL: <http://www.rusdoctrine.ru/page95630.html> (дата обращения: 17.03.2013); *Соловьев, С.* История падения Польши. Восточный вопрос. М.: АСТ; Астрель, 2003, с. 305–365; *Lucas, L.* La question d'orient et la géopolitique de l'espace européen du sud-est. – URL: <http://www.cairn.info/revue-guerres-mondiales-et-conflits-contemporains-2005-1-page-17.htm> (дата обращения: 17.03.2013); *Geisser, V.* Derrière la «nouvelle question d'Orient» une certaine idée de l'Europe. – URL: http://documents.irevues.inist.fr/bitstream/handle/2042/14736/HERMES_1999_23-24_225.pdf (дата обращения: 17.03.2013); *Mayer, M. Z.* The Eastern Question Unresolved: Europe, the US, and the Western Balkans // International Journal. – Winter 2004/2005. – Vol. 60. – № 1. – P. 238–241). Они носят полемико-публицистический характер и находятся в стороне от «магистральных» определений, поэтому глубоко рассматривать их мы не будем. Отметим лишь, что интуитивно авторы таких трактовок чувствовали общий международный фон, на котором разворачивались события проблемы (хотя воспринимали его по-разному), поэтому выводы, содержащиеся в их публикациях, не следует полностью отбрасывать.

⁷ См., напр., определения: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX вв. М.: Наука, 1978, с. 5; *Гулиа, Д. Г.* К истории восточного вопроса: русско-турецкая война 1806–1812 гг. и Англия. Сухуми: Алашара, 1978, с. 4; *Силин, А. С.* Восточный вопрос // Советская историческая энциклопедия. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1963, с. 743–748.

⁸ *Генов, Р.* Дипломатическата история на Източната криза 1875–1877 г. и българите <http://www.nbu.bg/PUBLIC/IMAGES/File/departamenti/istoriq/3.pdf> (дата обращения: 17.03.2013).

⁹ *Дегоев, В. В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. М.: SPSL–Русская панорама, 2001, с. 7–155, 310–322; *Дегоев, В. В.* Кавказ и великие державы. 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Издательский дом Рубежи–XXI, 2009, с. 171; *Изгамберовьев, М. А.* Иран в международных отношениях первой трети XIX века. Самарканд: Изд-во САГУ, 1961, 298 с.; *Семёнов, Л. С.* Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963, с. 3–4; *Сидо, Камаль Сидо.* Россия и «восточный вопрос» в историографии стран Ближнего Востока и Среднего Востока: конец XVII в.–70-е годы XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989, 16 с.; *Argyll, G. D. C.* The Eastern question from the Treaty of Paris 1836 to the Treaty of Berlin 1878 and to the Second Afghan War. London: Strahan, 1879. – Vol. 1. – 30+426 p., Vol. 2. – 520 p.; *Macfie, A. L.* The Eastern Question 1774–1923 (Seminar Studies in History).

London and New York: Longman, 1996, 7+141 pp. В английской исторической традиции «Восточный вопрос» ограничивается (помимо европейских владений Османской империи) рамками Ближнего Востока. Однако последний имеет несколько иное наполнение, чем его русский аналог. Термин “Near East” («Ближний Восток»; применялся первоначально по отношению к владениям османского султана) и синонимичный ему “Middle East” («Средний Восток»; используется с 1850-х гг.) включали и включают в себя не только территории Оттоманской Порты, но и Иран, Афганистан и часть индийских владений британской короны – современный Пакистан (второй вариант – Иран и страны Центральной Азии и Кавказа) (см. статьи «Ближний Восток», «Средний Восток» на сайте <http://ru.wikipedia.org>, “Middle East”, “Near East” на сайте <http://en.wikipedia.org>). Отсюда – два подхода в определении географических границ. Тем не менее, в целом, в европейской историографии доминирует понимание «Восточного вопроса» как комплекса противоречий, ограниченных рамками владений стамбульского халифа. Иран и Кавказ (как Северный, так и Южный) выпадают из географических рамок проблемы, либо включаются в неё в качестве вспомогательных. Для русскоязычной историографии характерна относительная неопределенность в ограничении понятий «Ближний» и «Средний Восток», поскольку оба они были заимствованы из английского языка. Отсюда появление таких квазирегионов как «Большой Ближний Восток», «регион Ближнего и Среднего Востока». В то же время выработано и разделение (основанное опять-таки на английской традиции), согласно которому Ближний Восток – это владения Османской империи, а Средний Восток – Иран и страны Центральной Азии (прежде всего Афганистан и североиндийские земли; в разных трактовках сюда включают или не включают т.н. «среднеазиатские» государства и общества, попавшие в зависимость от Российской империи). Отсюда вытекает рассмотрение «Восточного вопроса» в рамках борьбы на Ближнем Востоке, но с акцентом на Балканский полуостров и черноморскую зону.

¹⁰ Достаточно сказать, что принятая большинством историков за точку отсчета дата начала проблемы – 1774 г., связан с резким успехом России в противостоянии с Османской империей и соответствующим ростом опасений европейских политиков (особенно в Великобритании), что в их борьбу включится новая сила, явно способная разрушить все планы контроля над слабеющим османским государством (*Георгиева, С. Договоръ от Кючук Кайнарджя между Русия и Турция.* // Научни трудове на Руенския университет. Т. 48, серия 6, 2, 2009, с. 251–256; *Георгиева, С. Кючук-кайнарджянският мирен договор – същност и значение.* // Научни трудове на Руенския университет. Т. 48, серия 10, 2009, с. 50–54). К слову, вопрос о разделе «османского наследства» поднимался и до 1774 г. (*Кочубинский, А. А. Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Из истории восточного вопроса. Война пяти лет (1735–1739).* Одесса: Тип. Штаба Одесского воен. округа, 1899, 526+ с.), но началом его всё же многие считают именно этот год, что служит лишним доказательством сделанного выше замечания.

¹¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона. Т. 7. СПб.: Типолитография И. А. Ефона, 1892, с. 302.

¹² *Егер, О. Всемирная история: В 4 т. Т. 4. Новейшая история.* СПб.–М.: Полигон–АСТ, 1999, с. 482.

¹³ Под Кавказом мы понимаем географический регион на границе Европы и Азии, разделяющийся горной системой Большого Кавказа на два субрегиона: Северный (Предкавказье) и Южный (Закавказье). Политико-экономические границы региона на протяжении веков менялись, но в целом сосредоточены между Черным, Азовским и Каспийским морями (См., напр., определение Кавказа: *Дубровин, Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: В 6 т. Т. 1. Кн. 1.* СПб.: Типография департамента уделов, 1871, с. 1).

¹⁴ *Богданович, М. И. Восточная война 1853–1856 гг.* Т. 1. СПб.: Тип. Ф. Сущинского, 1876, 333 с.; Т. 2, 366 с.; Т. 3, 471 с.; Т. 4, 525 с.; *Дубровин, Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя.* Т. 1. СПб.: Тип. товарищества Общественная польза, 1900, 454 с.; Т. 2, 524 с.; Т. 3, 488 с.; *Зайончковский, А. М. Восточная война 1853–1856 гг.* Т. 1. 1912–1913. СПб.: Экспедиция изготовления государственных бумаг, 1908, 768+614; Т. 2, 649+606+465 с.; *Петров, А. Н. Война России с Турцией. Дунайская кампания 1853 и 1854 гг.* Т. 1. СПб.: Военная Типография, 1890, 205 с.; Т. 2, 340 с.; *Тарле, Е. В. Крымская война // Сочинения.* Т. 8. М.: АН СССР, 1959, 558 с.; Т. 9, 624 с.; *Черкасов, П. П. За кулисами Парижского конгресса 1856 года // Новая и новейшая история.* – 2012. – № 1. – С. 200–224; *Baumgart, W. The Crimean War, 1853–1856.* London and New York: Arnold and Oxford University Press, 1999, 244 p.; *Gooch, B. D. A Century of Historiography on the Origins of the Crimean War // American Historical Review.* – 1956. – Vol. 62. – № 1. – P. 33–58; *Figes, O. The Crimean War: A History.* New York Henry Holt and Company, 2011, 608 p.; *Puryear, V. J. New Light on the Origins of the Crimean War // Journal of Modern History.* – 1931. – Vol. 3. – № 2. – P. 219–234; *Royle, T. Crimea: The Great Crimean War, 1854–1856.* London: Palgrave Macmillan, 2000, 528 p.; *Saab, A. P. The Origins of the Crimean Alliance.* Charlottesville: The University Press of Virginia, 1977, 223 p.; *Schmitt, B. E. The Diplomatic Preliminaries of the Crimean War // American Historical Review.* – 1919. – Vol. 25. – № 1. – P. 36–67; *Young, W. Historiography of the Origins of the Crimean War.* – URL: <http://internationalhistory.wordpress.com/2012/10/02/historiography-of-the-origins-of-the-crimean-war> (дата обращения: 17.03.2013); *Wetzel, D. The Crimean War: A Diplomatic History.* Bolder: East European Monographs, 1985, 255 p.

¹⁵ О внешней политике указанных держав относительно Османской империи см., например: Борисов, Ю. В. Дипломатия Людовика XIV. М.: Международные отношения, 1991, 381 с.; Дворниченко, Е. В. «Восточный барьер» во внешней политике Франции 1763–1774 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008, 27 с.; Ивонин, Ю. Е. Из предыстории Восточного вопроса в первой половине XVI в. (Англия и франко-турецкий союз) // Вестник Ленинградского университета. – 1974. – № 2. История, языки, литература. – Вып. 1. – С. 62–66; Колесницкий, Н. Ф. «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М.: Наука, 1977, 200 с.; Ренн, Ф. Священная Римская Империя Германской Нации. СПб.: Евразия, 2009, 427 с.; Саранов, С. В. Алжир у зовнішній та колоніальний політиці Франції, 1830–1870 рр.: Дис. ... канд. ист. наук. Луганськ, 2011, 206 с.; Харьковский, Р. Г. Франко-британське протистояння на Близькому Сході у XV–XVIII ст.: глобалізаційний та геостратегічний вимір. – URL: http://archive.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/Nyda/2012_18/39.pdf (дата обращения: 17.03.2013); Харьковский, Р. Г. Политика Франции на Ближнем Востоке, 1814–1830 гг. // Вісник Луганського національного університета імені Тараса Шевченка. – 2010. – № 19. – С. 129–135; Харьковский, Р. Г. Происхождение ближневосточной политики Франции, XI–XVII вв. // Вісник Луганського національного університета імені Тараса Шевченка. Ч. 2. – 2011. – № 11. – С. 97–105; Харьковский, Р. Г. Турецко-египетська криза 1831–1833 рр. та політика Липневої монархії стосовно Стіпту // Вісник Луганського національного університета імені Тараса Шевченка. Ч. 1. – 2012. – № 6. – С. 77–87; Хизриев, А. Х. Египет в восточной политике великих держав от строительства Суэцкого канала до английской оккупации: 1854–1882 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2010, 192 с.; Henry, R. Questions d'Autriche-Hongrie et question d'Orient. Paris: Librairie Pion, 1903, 30+360 р.; Gocek, F. M. East Encounters West: France and the Ottoman Empire in the Eighteenth Century (Studies in Middle Eastern History). – New York Oxford: University Press 1987, 10+192 р.

¹⁶ Наименование Рима, а затем и Римской империи, распространённое в древности в некоторых странах Востока, например в Индии и в Иране. После разделения Римской империи в IV веке Румом стали называть лишь Восточную Римскую империю (Византию). После завоевания в конце XI в. Малой Азии турками-сельджуками наименование «Рум» восточные авторы относили только к Малой Азии (История османского государства, общества и цивилизации. Т. 1. М.: Восточная литература, 2006, с. 17).

¹⁷ Анисимов, О. В. Проблема Святых мест Палестины во франко-русских отношениях 1848–1853 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011, 17 с.; Лисовой, Н. Н., Смирнова И. Ю. Участие русских дипломатов в церковно-политической жизни восточных патриархатов в середине XIX века // Российская история. – 2009. – № 1. – С. 5–25; Мельникова, Л. В. Святые места в центре Восточного вопроса: церковно-политический фактор как одна из причин Крымской войны // Отечественная история. – 2008. – № 6. – С. 61–75; Соколов, С. История восточного и западного христианства (IV–XX века). Учебное пособие. М.: Издательство Московского института духовной культуры, 2007, 257 с.; Токарев, А. Святые места и Крымская война. – URL: <http://krotov.info/history/19/1850/tokarev.htm> (дата обращения: 17.03.2013); Ficquelmont, K. L. Le côté religieux de la question d'Orient; l'Église grecque orientale, les réfugiés politiques en Orient. Paris, Amyot, 1854, 6+164 p.; Vrignon, A. Le protectorat religieux de la France en Palestine (1852–1914). – URL: <http://www.dcie.net/telechargements/Leprotectorat.pdf> (дата обращения: 17.03.2013).

¹⁸ Агансон, О. И. Балканский вопрос во внешней политике Великобритании (1908–1912 годы) // Новая и новейшая история. – 2011. – № 1. – С. 93–106; Агансон, О. И. Политика Великобритании в Юго-Восточной Европе в условиях кризиса Балканской подсистемы международных отношений (1903–1914 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011, 28 с.; Британская империя: становление, эволюция, распад. Екатеринбург: Волот, 2010, 188 с.; Виноградов, В. Н. Британский лев на Босфоре. М.: Наука, 1991, 161 с.; Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М.: Наука, 1985, 336 с.; Генов, Р. В името на хуманността, националните интереси и империята: Политическите дебати в британското общество по време на Източната криза от 1870-те години <http://ebox.nbu.bg/hist/ne3/09%20Rumen%20Genov%20%20%20r.pdf> (дата обращения: 17.03.2013); Генов, Р. Идеализъм спрещу реализъм във викторианска външна политика: идеологията и политиката на Гладстон и Дизраели и Източната криза от 1875–1878 г. <http://ebox.nbu.bg/hist12/ne3/4%20R.%20Genov-Idealizam%20sreshtu%20realizam.pdf> (дата обращения: 17.03.2013); Михайлов, В. В. Восточный вопрос и позиции Великобритании России в Первой мировой войне: дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2009, 636 с.; Сорокина, Е. А. Внешняя политика Англии в конце XVII – первой четверти XVIII вв. в Центральной, Восточной и Северной Европе: дисс. ... канд. ист. наук. Иваново, 2003, 197 с.; Фадеева, И. Л. Османская империя и англо-турецкие отношения в середине XIX в. М.: Наука, 1982, 160 с.; Цветянский, А. В. Ближний Восток в политике Великобритании в 1914–1923 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2010, 24 с.; Цветянский, А. В. Великобритания и обсуждение будущего Ближнего Востока в годы Первой мировой войны. – URL: <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2009/083.pdf> (дата обращения: 17.03.2013); Шмелёва, О. И. Политика Великобритании на Балканах в конце XIX века: 1874–1897 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Рязань, 2004, 221 с.; Parry, J. The British and the Middle East, с. 1830, 1865. – URL: <http://www.hist.cam.ac.uk/undergraduate/tripos-papers/part-ii-papers-for-2012-2013/paper-j> (дата обращения: 17.03.2013).

¹⁹ Косев, К. Д. Бисмарк. Източният въпрос и българското освобождение, 1856–1878. София: АИ «Проф. Марин Дринов», 2003. 505 с.

²⁰ Дьяконов, М. А. Власть московских государей: Очерк из истории политических идей древней Руси до конца XVI в. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889, 6+224 с.; Иконников, В. И. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев: Университетская типография, 1869, 562+10 с.; Каптерев, Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М.: Тип. Л. Ф. Снегирёва, 1885, 580 с.; Лурье, С. В. От древнего Рима до России XX века: преемственность имперской традиции. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/020/073/1218/013Luoe.pdf> (дата обращения: 17.03.2013); Плюханова, М. Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995, 336 с.; Послание старца Филофея / Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова. – URL: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5105> (дата обращения: 17.03.2013); Синицына, Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998, 416 с.; Скрыников, Р. Г. Третий Рим. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994, 192 с.; Стремоухов, Д. Н. Москва – третий Рим : источник доктрины // Из истории русской культуры. Сборник. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М.: Языки славянской культуры, 2002, с. 425–441; Тимошина, Е. В. Теория «Третьего Рима» в сочинениях Филофеева цикла // Правоведение. – 2005. – № 4. – С. 181–208; Ульянов, Н. И. Комплекс Филофея // Вопросы истории. – 1994. – № 4. – С. 152–162.

²¹ Анализ подходов к пониманию «Восточного вопроса» в русской историографии и публицистике XIX – начала XX вв. см.: Кацис, Л. Ф., Одесский, М. П. «Славянская взаимность»: Модель и топика. Очерки. М.: Издательский дом «Регnum», 2011, 314 с.

²² Холмогоров, Е. Существует ли Восточный Вопрос? – URL: <http://traditio-ru.org/holmogorov/specnaz/tzargrad.htm> (дата обращения: 17.03.2013).

²³ Торнау, Ф. Ф. Воспоминания о кампании 1829 года в европейской Турции // Торнау, Ф. Ф. Воспоминания русского офицера. М.: АИРО-XX, 2002, с. 70–71.

²⁴ Дюлгерова, Н. Руската доктрина и руско-турската война 1877–1878 г. www.nina-dulgerova.org/Stati/54.pdf (дата обращения: 17.03.2013); Дюлгерова, Н. Руската парадигма в Източния въпрос www.nina-dulgerova.org/Stati/26.pdf (дата обращения: 17.03.2013).

²⁵ Принятое с XIX в. неофициальное название государств, которые по своему потенциалу (военно-политическому, экономическому, человеческому) имели решающее влияние на систему международных отношений.

²⁶ Жигарев, С. Русская политика в восточном вопросе. (Её история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи): Историко-юридические очерки. Т. 1. М.: Унив. тип., 1896, с. 2.

²⁷ Россия и славяне: Политика и дипломатия. М.: Институт славяноведения и balkанистики РАН, 1992, 224 с.; Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М.: Наука, 2003, 314 с.

²⁸ Шеремет, В. И. Восточный вопрос в эпоху Крымской войны. – URL: <http://www.cnsr.ru/news.php?id=1399> (дата обращения: 17.03.2013).

²⁹ То есть Сирии, Палестины и Ливана. Левант (от древ. фр. “Soleil levant” – «восход солнца») – общее название стран восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан, Израиль, Иордания, Египет, Турция и др.), в более узком смысле – Сирии, Палестины и Ливана. Арабы называют эту территорию аш-Шам, евреи – Эрец-Исраэль («земля Израиля») или Эрец Мутхахат («обещанная, обетованная земля»). Машрик (араб. «эль-Машрик» – «там, где восходит») – территория, изначально включавшая в себя (согласно арабским географам) все известные в IX–X вв. Восточные земли, включая Индию, Китай, ряд островов Индийского и Тихого океанов вплоть до Японии. В настоящее время определение «кал-Машрик» применяется в арабском языке, как правило, в качестве собирательного обозначения Ирака, Сирии, Иордании, Палестины и Ливана. Иногда в названный ряд включают и Египет. Согласно представлениям арабской науки X в., Земля имеет шарообразную форму и разделена на две половины линией экватора, который простирается с востока (эль-Машрик) на запад (эль-Магриб). Таким образом, весь свет состоял из четырёх четвертей, одной из которых являлся Машрик. Позже, после прекращения стремительного распространения ислама, словом «Машрик» стали именовать лишь земли, расположенные восточнее Мекки (за исключением Аравийского полуострова, обычно не входившего ни в понятие Востока, ни в понятие Запада), которые попали под мусульманское влияние (нынешние Иран, Средняя Азия, Афганистан, Пакистан). После размежевания шиитов и суннитов Персия всё чаще исключалась из этого ряда. С XVI в. по начало XX в., в период османского владычества, границы понятия «эль-Машрик» сжались до рубежей османских провинций на Ближнем Востоке и, таким образом, приобрели современное очертание.

³⁰ Баадели, Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. М.: Центрполиграф, 2011, 362 с.; Беляев, Н. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М.: Военное издательство Министерства Обороны Союза ССР, 1956, 463 с.; Богданович, М. И. Восточная война 1853–1856 гг.: В 4 т. Т. 1. СПб.: Тип. Ф. Сущинского, 1876, 278+39 с.; Т. 2, 271+77 с.; Т. 3, 418+43 с.; Т. 4, 439+71 с.; Бутурлин, Д. П. Картина войн России с Турцией в царствования императрицы Екатерины II, императора Александра I и императора Николая I. В 2 ч. Ч. 1. СПб.: Тип. императорского воспитат. дома, 1829, 188+171 с.; Ч. 2, 171+212 с.; Дружинина, Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М.: Изд-во АН СССР, 1955, 191 с.; Дубровин, Н. Ф. Восточная война 1853–1856 годов.

Обзор событий по поводу сочинения М. И. Богдановича, СПб.: Типография императорской академии наук, 1878, 506 с.; Дубровин, Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: В 6 т. Т. 2. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1886–1888, 318 с.; Т. 3, 550 с.; Т. 4, 536 с.; Т. 5, 494 с.; Т. 6, 756 с.; Еланчин, Н. А. Очерк похода 1829 г. в Европейской Турции: В 3 ч. Ч. 1. СПб.: Типография главного управления уделов, 1904–1905, 384+75 с.; Ч. 2, 337 с.; Ч. 3, 432+205 с.; Зайончковский, А. М. Восточная война 1853–1856: В 2 т. Т. 1. СПб.: Полигон, 2002, 928 с.; Т. 2. Ч. 1, 566 с.; Т. 2. Ч. 2, 720 с.; Золотарёв, В. А. Противоборство империй. Войны 1877–1878 гг. – апофеоз Восточного кризиса. Москва: Aпітім fortitudo, 2005, 568 с.; Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1899, 332+14 с.; Колюбакин, Б. М. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. на Кавказе и в Малой Азии. СПб.: Типо-Литография А. Г. Розена, 1906, 248 с.; Косиненко, Н. И. Первая русско-турецкая семилетняя война: Чигиринские походы 1677–1678 гг. СПб.: Изд. В. Березовского, 1911, 96 с.; Петров, А. Н. Вторая турецкая война в царствование Императрицы Екатерины II: 1787–1791 гг.: В 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. Р. Голике, 1880, 237+48 с.; Т. 2, 251+50 с.; Петров, А. Н. Война России с Турцией 1806–1812 гг.: В 3 т. Т. 1. СПб.: Военная типография, 1885–1887, 414 с.; Т. 2, 575 с.; Т. 3, 468 с.; Петров, А. Н. Война России с Турцией и Польскими конфедератами с 1769–1774 год. Т. 1. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1866, 332 с.; Т. 2, 485 с., СПб.: Тип. К. В. Трубникова. Т. 3. 1874, 332 с.; Потто, В. А. Кавказская война: В 5 т. Т. 1. М.: Центрполиграф, 2006–2007, 528 с.; Т. 2, 592 с.; Т. 3, 528 с.; Т. 4, 512 с.; Т. 5, 351 с.; Ушаков, Н. Н. История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах: В 2 ч. Ч. 1. СПб.: Тип. Эдуарда Праца и К, 1836, 23+403 с.; Ч. 2, 306 с.

³¹ Балаян, Б. П. Международные отношения Ирана в 1813–1828 гг. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1967, 297 с.; Игамбердыев, М. А. Иран в международных отношениях первой трети XIX века. Самарканд: Изд-во САГУ, 1961, 298 с.; Иоанисиан, А. Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1958, 447 с.; Семёнов, Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963, 142 с.

³² Котельников, В. А. Восточный вопрос в русской политике и литературе // Русская литература. – 2004. – № 2. – С. 3.

³³ Магриб (араб. «эль-Магриб» – «там, где закат») – название, данное средневековыми арабскими географами и историками странам, расположенным к западу от Египта. Традиционно Магрибом называются земли между Сахарским Атласом на юге и атлантическим или средиземноморским берегом на севере, т.е. северные части Марокко, Алжира и Туниса. В настоящее время понятие Магриб получило в политике более широкое значение (т.н. Большой Магриб) и в него включаются (с запада на восток): Западная Сахара, Мавритания, Марокко, Алжир, Тунис, Ливия. В средние века в понятие «Магриб» включались также мусульманская Испания (Андалусия) и другие владения бывшего Арабского халифата в западной части Средиземного моря (Балеарские острова, Сардиния, Сицилия).

³⁴ «Новый энциклопедический словарь» определял «Восточный вопрос» как «вопрос о Ближнем Востоке, т.е. о судьбах Турецкой империи (в особенности на Балканском полуострове) и дележе её владений после её ожидаемого конца» (Новый энциклопедический словарь. Т. 11. СПб.: Тип. Общества Брокгауз и Ефрона, 1913, с. 779–780).

³⁵ Если рассматривать историю «Восточного вопроса» с XV в., как это делает часть историков, то данное утверждение выглядит не менее обоснованным.

³⁶ Сеніна, Л. Поняття «Східне питання» у сучасній англомовній історіографії // Вісник Чернігівського національного педагогічного університету. – 2011. – Серія «Історичні науки». – № 8. – Вип. 87. – С. 2.

³⁷ Об этой условности не следует забывать, так как именно она, по нашему мнению, во многом обусловила разнообразие подходов к проблеме.

³⁸ Дегоев, В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Владикавказ: Русская панорама, 2003, 512 с.; Сотников, Н. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М.: Наука, 1991, 226 с.; Фадеев, А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1960, 404 с.; Чечева, А. К. Северо-Западный Кавказ в политике Великобритании и Османской империи в последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX вв.: автореф дисс. ... докт. ист. наук. М., 2008, 47 с.; Шишов, А. В. Схватка за Кавказ. XVI–XXI вв. М.: Вече, 2007, 480 с.

³⁹ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX вв. М.: Наука, 1978, с. 5–6.

⁴⁰ Некоторые исследователи, следуя «английской модели», предлагают рассматривать его как составную часть «Большой игры» («Турнира теней») между Великобританией и Россией (Леонтьев, М. Большая игра. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2008, 336 с.; Сергеев, Е. Ю. «Большая игра». Россия и Великобритания в Центральной и Восточной Азии (вторая половина XIX – начало XX века) // Новая и новейшая история. – 2011. – № 3. – С. 82–91; Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012, 454 с.; Холкирк, П. Большая игра против России: Азиатский синдром. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004, 640 с.). Это верно лишь отчасти, поскольку первоначаль-

но основным противником Англии в «Восточном вопросе» выступала Франция, а на завершающем этапе его существования – Германская империя.

⁴¹ Семёнов, Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963, с. 5.

⁴² Гасан-Заде, Д. Г. Англо-сефевидские отношения в конце XVI – начале XVII веков (по материалам английских источников): автореф. дис. ... канд. ист. наук, Баку, 1991. – URL: <http://cheloveknauka.com/anglo-sefevidskie-otnosheniya-v-kontse-xvi-nachale-xvii-vekov-po-materialam-angliyskih-istochnikov#ixzz2KsklOnGM> (дата обращения: 17.03.2013); Исмаилов, Э. Р. Очерки по истории Азербайджана. М.: Флинта, 2010, с. 78–116; Махмудов, Я. М. Взаимоотношения государств Аккоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами (II половина XV – начало XVII века). Баку: Изд-во Бакинского университета, 1991, 264 с.; Сейдова, Г. М. Азербайджан в торговых и политических взаимоотношениях Сефевидской империи и Русского государства в XVII веке (по русским источникам). Баку: Nurlan, 2004, 172 с.; Newman, A. J. Safavid Iran: Rebirth of a Persian Empire. London–New York: I. B. Tauris, 2006, 281 р.; Savory, R. M. Iran Under the Safavids. Cambridge: Cambridge University Press, 1980, 288 р.

⁴³ Балаян, Б. П. Дипломатическая история русско-иранских войн и присоединения Восточной Армении к России. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988, 280 с.; Балаян, Б. П. Международные отношения Ирана в 1813–1828 гг. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1967, 297 с.; Грачёв, В. Ф. Восточная политика Наполеона в 1807–1808 гг. От Тильзита до Эрфорта // Вопросы новой и новейшей истории Франции. Рязань: РГУ, 1974, с. 54–87; Грачёв, В. Ф. Восточная политика Франции в 1808–1809 гг. // Вопросы новой и новейшей истории Франции. Ч. 2. Рязань: РГУ, 1974, с. 87–94; Ибрагимбэйли, Х. М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М.: Наука, 1971, 404 с.; Игамбердыев, М. А. Иран в международных отношениях первой трети XIX века. Самарканд: Изд-во САГУ, 1961, 298 с.; Иоаннисян, А. Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1958, 447 с.; Семёнов, Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963, 142 с.; Тер-Оганов, Н. К. Создание и развитие иранской регулярной армии и деятельность иностранных военных миссий в Иране в XIX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1984, 27 с.; Cambridge History of Iran: in 7 vv. Cambridge University Press, 1991. – Vol. 7. – P. 297–426; Kelly, L. Diplomacy and murder in Tehran. New York: Tauris Parke Paperbacks, 2006, 316 р.

⁴⁴ Асланов, Р. Б. Ирано-турецкие отношения в 20–60-х годах XIX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Баку, 1983, 158 с.; Бакоев, Ф. М. Отношения Ирана с Афганистаном и Турцией (1870–1905 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1991. – URL: <http://cheloveknauka.com/otnosheniya-irana-s-afghanistanom-i-turtsiey-i870-i905-gg#ixzz2aQELxjiv> (дата обращения: 17.03.2013); Минорский, В. Ф. Турецко-персидская граница // Материалы по изучению Востока. – 1915. – Вып. 2. – 591 с.; Минорский, В. Ф. Турецко-персидское разграничение // Известия Императорского русского географического общества. Т. 52. – 1916. – Вып. 5. – С. 351–392; Хуришид-Эфенди, М. Сияхэт-намэ-и-худуд. Описание путешествия по турецко-персидской границе. С приложением отчета персидского комиссара о том же путешествии. Спб.: Изд. Военно-ученого ком. Глав. штаба, 1877, 575 с.; Чириков, Е. И. Путевой журнал русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849–1852 // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Т. 9. 1875, 908 с.; War and Peace in Qajar Persia. Implications past and present. London–New York: Taylor & Francis, 2008, p. 21–46, 80–109, 125–173.

⁴⁵ Аверьянов, П. И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов. Исторический очерк. Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1900, 18+7+338+136 с.; Халфин, Н. А. Борьба за Курдистан: Курдский вопрос в международных отношениях XIX века. М.: Изд-во восточной литературы, 1963, 176 с.

⁴⁶ Асланов, Р. Б. Ирано-турецкие отношения в 20–60-х годах XIX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Баку, 1983, 158 с.; Kaveh Farrokh. Iran at War 1500–1988. Oxford: Osprey, 2011, p. 202–206; Tekdemir, A. G. A. XIX. Yüzylinder ilk çeyreçinde osmanlı-iran ihtilâfları ve 1821–1823 savaşı. – URL: <http://www.ardahan.edu.tr/karadeniz/web/upload/icerik/4/4.7.pdf> (дата обращения: 17.03.2013).

⁴⁷ Andreeva, E. Russia and Iran in the Great Game. Travelogues and Orientalism. London–New York: Taylor & Francis, 2007, P. 131–155. Наиболее ярко бытовой уровень суннито-шиитской вражды в Иране конца XVIII – первой трети XIX вв. отображен в: Исхакова, Л. И. Восток и запад в романах Джеймса Мориера о Хаджи-Бабе: особенности авторской интерпретации: дисс. ... канд. филолог. наук. Магнитогорск, 2010, 201 с.; Morier, D. Похождение Хаджи-Бабы из Исфагана. М.: Художественная литература, 1989, 447 с.

⁴⁸ Новичев, А. Д. История Турции: В 4 т. Т. 1. Эпоха феодализма (XI–XVIII вв.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963–1978, 314 с.; Т. 2. Новое время. Ч. 1 (1792–1839). 272 с.; Т. 3: Новое время. Ч. 2 (1839–1853), 204 с.; Т. 4. Новое время. Ч. 3 (1853–1875), 272 с.; Колобакин. Очерк вооруженных сил Персии в 1883 г. и население как источник комплектования персидской армии (Составлен по русским и иностранным источникам) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – 1883. – Вып. 4. – С. 35–110; 1884. – Вып. 11. – С. 1–33; Тохтиев, Ш. Р. Вос-

поминания суннита о пребывании в шиитском Иране // Восток. – 2012. – № 1. – С. 115–120. Российский военный аналитик Л. К. Артамонов, характеризуя межконфессиональные отношения в Иране, писал: «Сунниты более враждебны шиитам, нежели другим религиям в государстве ... Шииты ярые фанатики ... презирают суннитов ... религиозная ненависть и рознь между шиитами и суннитами так велика, что в случае военного столкновения Персии с каким-либо государством, нужны особенно благоприятные условия, чтобы сунниты ... охотно действовали заодно с персиянами» (Артамонов, Л. К. Персия как наш противник в Закавказье. Тифлис: Б. и., 1889, с. 13).

⁴⁹ Ахмеджанов, Г. А. Гератский вопрос в XIX в. Ташкент: ФАН, 1971, с. 60–62; Семёнов, Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963, 142 с.; Халфин, Н. А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX века) // Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина. Новая серия. Кн. 24. 1957. – Вып. 110: Исторические науки. – С. 5–125; Tekdemir, A. G. A. XIX. Yüzyılın ilk çeyreğinde osmanlı-irtan ihtilafları ve 1821-1823 savaşları. – URL: <http://www.ardahan.edu.tr/karadeniz/web/upload/icerik/4/4.7.pdf> (дата обращения: 17.03.2013).

⁵⁰ История османского государства, общества и цивилизации: В 2 т. Т. 1. М.: Восточная литература, 2006, с. 107–112; Фадеева, И. Л. Концепция власти на Ближнем Востоке. М.: Наука, 1993, 286 с.

⁵¹ См.: Васильев, Л. С. История религий Востока. М.: Книжный дом «Университет», 1999, с. 160–163; Кошева, С. В. Мусульманское право о природе власти: дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2001, с. 82–107; Mexhi Cənai. Политическая мысль в исламском обществе // Иран: ислам и власть. М.: Институт востоковедения РАН; Крафт+, 2002, с. 6–13.

⁵² Богданов, Л. Ф. Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и административном отношении. СПб.: Первая центр. Вост. электропеч. И. Бораганского, 1909, с. 118–119; İnayat, X. Восстание обездоленных: бунт или революция? / X. Инаят, М. Лофт // Родина. – 2001. – № 5. – С. 136. Об отношениях духовенства и шахов см.: Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX века). М.: Наука, 1978, с. 43–48.

⁵³ Ещё один священный для шиитов город – Мазари-Шариф – находился под властью афганцев, что также играло определённую роль во внешней политике Каджаров на востоке.

⁵⁴ Ибрагимбейли, Х. М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М.: Наука, 1971, с. 244. О Надир-шахе см.: Axworthy, M. The Sword of Persia: Nader Shah, from Tribal Warrior to Conquering Tyrant. London: I. B. Tauris, 2006, 348 р.

⁵⁵ Абдулло Мубини Дехкурди. Взаимоотношения Ирана и Бухарского ханства в XVI – первой половине XVIII вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2006, 22 с.; Бакоев, Ф. М. Отношение Ирана с Афганистаном и Турцией (1870–1905 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1991, 19 с.; Васильев, А. Д. Взаимоотношения Османской империи и государства Центральной Азии в середине XIX – начале XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007, 27 с.; Гаджиев, З. Т. Основные черты и особенности общественно-политического развития Восточного Кавказа в период османо-персидского противостояния (XVI–XVIII вв.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011, 25 с.; Гаиева, Т. И. Северо-Восточный Кавказ во взаимоотношениях России с Ираном и Турцией в первой трети XVIII в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2011, 24 с.; Маннанов, Б. С. Отношения Ирана со среднеазиатскими ханствами во второй половине XIX в. // Краткие сообщения института народов Азии АН СССР. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – Вып. 39. Иранский сборник. – С. 56–71; Mexhi Djasaferizade. Дипломатические и торгово-экономические взаимоотношения Среднеазиатских ханств с Ираном в XIX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2012, 20 с.; Сотников, И. А. Северный Кавказ в сфере политического влияния Османской империи в XIX – начале XX века: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2011, 265 с.; Хашеми Ракаванди Сейед Эсмаил. Отношения Ирана с ханствами Мавераннахра в XVIII – начале XX века: дисс. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2011, 164 с.; Hale, W. Turkish Foreign Policy: 1774–2000. London and Portland: Frank Cass, 2000, 9+375 р.

⁵⁶ Асланов, Р. Б. Ирано-турецкие отношения в 20–60-х годах XIX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Баку, 1983, с. 48.

⁵⁷ Бларамберг, И. Ф. Осада города Герата, предпринятая персидскою армию под предводительством Магомед-шаха, в 1837 и 1838 годах // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – 1885. – Вып. 16. – С. 1–40; Бугаева, А. Г. Борьба за Герат 1837–1841 гг. – URL: ftp://lib.herzen.spb.ru/text/bugayeva_15_39_58_61.pdf (дата обращения: 12.03.2013); Ларин, А. Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX века: дисс. ... канд.. ист. наук. Самара, 2010, с. 150–189.

⁵⁸ Аббас-мирза Наиб ос-Солтане – второй сын Фатх Али-шаха Каджара. Был назначен наследником престола. С детства был наместником в Иранском Азербайджане. Пытался реорганизовать иранскую армию по европейскому образцу с помощью английских и французских инструкторов. Руководил управлением внутренней и внешней политики Ирана. Российское и британское посольства располагались при его дворе в Тебризе. Командовал иранскими войсками во время русско-персидской войны 1804–1813 гг., ирано-турецкой войны 1821–1823 гг. и русско-персидской войны 1826–1828 гг. После этого командовал походами против курдов. Умер 25 октября 1833 г. во время похода против Герата за несколько месяцев до смерти отца.

⁵⁹ Колюбакин. Очерк вооружённых сил Персии в 1883 г. и население как источник комплектования персидской армии (Составлен по русским и иностранным источникам) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – 1883. – Вып. 4. – С. 42.

⁶⁰ Балаян, Б. П. Кровь на алмазе «Шах»: Трагедия А. С. Грибоедова. Ереван: Айастан, 1983, 180 с.; Kelly, L. Diplomacy and murder in Tehran. New York: Tauris Parke Paperbacks, 2006, 316 р.

⁶¹ Ларин, А. Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX века: дисс. ... канд.. ист. наук. Самара, 2010, 280 с.

⁶² Ибрагимбейли, Х. М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. М.: Наука, 1971, с. 223.

⁶³ Бларамберг, И. Ф. Воспоминания. М.: Наука, 1978, 360 с.; Ларин, А. Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX века: дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010, 280 с.; Масальский, Н. Ф. Письма русского из Персии. Ч. 1. СПб.: Типография Штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1844. 2+4+315+2 с.; Ч. 2, 2+13+334+2 с.; Симонич, И. О. Воспоминания полномочного ministra, 1832–1838 гг. М.: Наука, 1967, 174 с.

⁶⁴ Гоков, О. А. Русская военная миссия 1853–1854 гг. в Персию в контексте «Восточного вопроса» // Русский сборник. Т. 13. 2012, с. 74–96.

⁶⁵ Аблова, Н. Е. Политика России и Англии в Иране после Крымской войны. 1856–1881: дис. канд. ист. наук. М., 1982, с. 89–119.

ПОДВОРЬЕ КИКСКОГО МОНАСТЫРЯ В ГРУЗИНСКОЙ ДЖАВАХЕТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

К. Ю. Артамонова

Артамонова, К. Ю. Подвір'я Кікського монастиря в грузинській Джавахетії у другій половині XIX в.

Автор ставить за мету простежити історію виникнення Кавказької метохії Кікського монастиря, показати взаємини між Кіпрською православною церквою і Російською імперією на початку британського правління на Кіпру. На основі листування між Кікським монастирем і його метохією на Кавказі досліджується характер відносин між духовною та світською владою Росії та Кіпру, досвід яких зіграв важому роль в зростанні політичного впливу кіпрського духовенства.

Ключові слова: Кіпрська православна церква, Кікський монастир, Кавказька метохія, Вардзія, Російська імперія.

Артамонова, К. Ю. Подворье Кикского монастыря в грузинской Джавахетии во второй половине XIX в.

Автор ставит цель проследить историю возникновения Кавказской метохии Кикского монастыря, показать взаимоотношения между Кипрской православной церковью и Российской империей в начале британского правления на Кипре. На основе переписки между Кикским монастырем и его подворьем на Кавказе исследуется характер отношений между духовными и светскими властями России и Кипра, опыт которых сыграл весомую роль в росте политического влияния кипрского духовенства.

Ключевые слова: Кипрская православная церковь, Кикский монастырь, Кавказская метохия, Вардзия, Российская империя.

Artamonova, K. Y. Metochion of the Kykkos monastery in Javakheti – Georgia during the second half of 19th century

Authors purpose is to trace the history of metochion of the Kykkos monastery in the Caucasus, to show the relationship between the Orthodox Church of Cyprus and the Russian Empire at the beginning of British rule in Cyprus. On the basis of the correspondence between the Kykkos monastery and his metochion in the Caucasus she explores the relationship between spiritual and secular authorities of Russia and Cyprus, whose experience has played a huge role in the growth of political influence of the Cypriot clergy.

Keywords: Orthodox Church of Cyprus, Kykkos monastery, Caucasian metochion, Vardziya, Russian Empire.

Остров Кипр на протяжении многих столетий занимал важное стратегическое положение в Восточном Средиземноморье. Основное население острова – греки-киприоты, возглавляемые Кипрской православной церковью (КПЦ), боролись за освобождение от османского господства и присоединение острова к Греции, ставшей независимой в 1832 г. КПЦ, будучи единственной политической силой на острове, пыталась заручиться поддержкой Российской империи. Практически не изученным остается вопрос о владениях самого крупного кипрского монастыря, обители Кикку, на Кавказе. Просуществовав до 1917 г., подворье Кикского монастыря в грузинской исторической области Джавахетия играло важную роль во взаимоотношениях между Кипром, перешедшим в 1878 г. под британское правление, и Российской империей.

Одно из первых упоминаний в грузинской литературе об острове Кипр, как православной обители, встречается в средневековом жизнеописании царицы Тамар, датированном XIII в. В нем говорится, что грузинская царица посыпала своих поверенных в святые места Александрии, Ливии, на Синайскую гору и в Иерусалим. Она интересовалась нуждами церквей, монастырей и христианских народов в тех странах. «Посыпала во все эти земли церквам потирь и дискосы (литургические сосуды – прим. автора) и: покровы для святынь и неисчислимое золото для монахов и нищих... То же делалось ею и в областях Эллады и Святой горы, также и в Македонии, в областях Фракии и в монастырях в Константинополе... и Кипра»¹.

Жизнеописание повествует, что «однажды прибыли, как это обыкновенно случалось, монахи с Черной горы из Антиохии и с острова Кипр, и из многих других мест просить ее

сделать добрые дела. Тамар приняла их, по-обычному, как ангелов, и долго не отпускала, а потом сделала всем великие подарки и снабдила всем нужным; наконец, наиболее дальним обитателям дала большое количество золота, как для них самих, так и для раздачи всем монастырям»².

В конце 70-х годов XVIII в. монахи Киккского монастыря вновь отправились на Кавказ с целью найти материальную поддержку и духовную защиту у местной грузинской церкви. Правивший в 1768–1784 гг. царь Имеретии Соломон I Великий благосклонно отнесся к кипрским монахам. В 1781 г. архимандрит Иоаким вместе с иеромонахом Хрисанфом и иеродьяконом Киприаносом попросили у царя разрешения основать православный монастырь на территории грузинской Вардзии в области Джавахетия³.

Выбор кипрского духовенства был не случаен. Вардзия представляла собой крупный пещерный монастырский комплекс, служивший духовным центром грузинской церкви. История возникновения обители неразрывно связана с именем царицы Тамар. Строительство Вардзии было начато ее отцом царем Георгием III в конце XII века и завершилось в начале XIII века. Основной комплекс пещер был высечен в скалистом обрыве на левом берегу реки Куры и представлял собой естественную крепость, которая являлась важным звеном в системе стратегической обороны грузинского государства⁴. Духовный расцвет Вардзии приходится также на правление Тамар. Прославленная царица благословила здесь грузинскую армию на великое Басианско сражение, а после воздала хвалу Вардзийской Богоматери за ниспосланную победу и пожаловала большие богатства обители⁵. В 1551 г. персидский шах Тахмасп при третьем своем нашествии на Грузию захватил и разорил богатую Вардзию⁶. В 1590 г. практически вся территория Джавахетии была захвачена османской Турцией. После катастроф второй половины XVI века Вардзия находилась в полном запустении вплоть до появления там кипрских монахов в конце XVIII века.

ТERRITORIЯ Джавахетии в конце XVIII века名义上 находилась еще под османским управлением, однако можно предположить, что позиции Турции в этом регионе уже не были так сильны, и территория Вардзии входила в сферу интересов Имеретского царя Соломона I. Поэтому после прошения киприотов основать монастырь на территории Грузии царь Соломон I и его преемники разрешили грекам поселиться в Вардзии. Служителям Киккской обители удалось возобновить церковную жизнь в Вардзии, и уже в 1786 г. монастырь начал действовать. Тем самым Кипрская православная церковь расширила свои владения, основав новое подворье на Кавказе.

Православное подворье или метохия (так назывались владения Киккского монастыря, расположенные за пределами самой обители) представляло собой монастырь, расположенный в пещерах Вардзии, и участок земли для его содержания, находившийся вблизи реки Куры. Кипriotами были восстановлены некоторые из грузинских церквей и начата греческая православная литургия. Монахам также было позволено возделывать часть прилегающих к Вардзии земель для обеспечения нужд создавшегося монастыря⁷.

В 1810 г. в состав Российской империи вошла Имеретия, в конце 1820-х годов территория Джавахетии также находилась под контролем русских войск, а в 1840 г. этот регион был включен в состав Грузино-Имеретинской губернии. Началось реформирование Грузинской православной церкви и создание Грузинского экзархата Русской православной церкви, что не могло не повлиять на Кавказскую метохию Киккского монастыря. Российское правительство начало проводить перепись имущества монастырей, секуляризацию церковных земель и сокращение духовенства⁸. Кавказская метохия переживала значительные перемены, но в то же время КПЦ приобрела мощного союзника в лице Российской империи для борьбы за национальные интересы греков-киприотов.

Малоизученным остается вопрос о Кавказских владениях Киккского монастыря в период английского господства на Кипре и их месте во взаимоотношениях двух великих держав – Великобритании и Российской империи. Поскольку главным источником в рассмотрении данного вопроса для нас служит так называемый «Кодекс 53 Святой обители Кикку», который содержит документы различных органов Киккского монастыря за период с 1843 по 1897 г., то именно эти временные границы и обусловили хронологические рамки данного исследования.

«Кодекс 53» был опубликован под редакцией И. Феохаридиса на греческом языке в 2004 г. Центром исследований Киккского монастыря. Кодекс насчитывает 488 страниц и включает материалы официальной внешней и внутренней переписки органов монастыря,

которые, как уже отмечалось, охватывают часть периода османского правления Кипром и первые десятилетия английского режима.

Из 230 документов, содержащихся в «Кодексе 53», 74 представляют материалы переписки между Киккским монастырем и его кавказскими владениями, что дает возможность воспроизвести общую картину взаимоотношений между монастырем и его метохией. Следует отметить, что к 1879 г. монастырь располагал, помимо Кавказской, еще 13 метохиями, 8 из которых находились непосредственно на Кипре, а 5 – за его пределами: 2 в Константинополе, по одной в Адрианополе, Смирне (Измире) и Прусе (Бурсе).

Особое место занимала Кавказская метохия. Глава метохии в Вардзии являлся одновременно и членом Кикского братства, т.е. был неразрывно связан с монастырем на Кипре и носил титул «путешественника» (странника). Любые финансовые дела по купле-продаже проходили через игумена Кикского монастыря, а после выхода канонов 1890 г. – через хранителя монастыря. Метохия на Кавказе, как и другие метохии, была обязана присыпать на Кипр часть своего заработка для экономического поддержания обители на острове⁹.

В рассматриваемый нами период кавказские владения КПЦ переживали значительные изменения в связи с общественно-политическими реформами в Российской империи, и наибольшее влияние на них оказал закон 1861 г. об отмене крепостного права. У монастыря насчитывалось 133 крепостных крестьянина, которые в ходе реформы были освобождены¹⁰.

28 апреля 1868 г. архимандрит Панаретос пишет из Тифлиса письмо игумену Кикского монастыря, где сообщает, что освобождение крепостных пока не сильно изменило экономическую ситуацию монастыря, так как крестьяне остались работать на его землях, однако ситуация остается напряженной, поскольку многие из них настроены против монастыря¹¹. В свою очередь, игумен в ответном письме от 31 августа 1868 г. жалуется архимандриту на неурожай на острове, бедственное положение крестьян и общую сложную экономическую ситуацию в обители Кикку¹².

В «Кодексе 53» содержится документ, присланный по прошению Кикского монастыря Кавказской метохией, описывающий состояние владений монастыря Кикку в Грузии и содержащий описание имущества метохии. Документ не датирован, однако из содержащейся информации можно предположить, что его появление относится к 1874–1875 гг. В нем приводятся данные и о доходах монастыря. Так, в 1865 г. монастырь получил 4200 серебряных рублей и 100 предметов церковной утвари. Из других писем видно, что на протяжении 1868–1870 гг. киприоты из Вардзии отправляли финансовую помощь своей обители в связи с неурожаями 1868–1869 гг.

Упоминается, что Российской империя, в связи с отменой крепостного права, приняла решение ежегодно до 1872 г. выплачивать кипрскому монастырю в Джавахетии пособие в размере 7124 серебряных рублей и 50 копеек из-за причиненного ущерба монастырскому хозяйству, так как «Грузия чтит иуважает греческие монастыри»¹³.

В 1873 г. подворье лишилось некоторых своих земель, уступив их Российской империи. В 1874 г. российское государство, чтобы снизить напряженность в отношениях с кавказскими владениями Кикского монастыря, передало метохии в дар следующие вещи: московскую митру, вышитую золотом и украшенную драгоценными камнями, кресты, серебряные подсвечники, освященные в Москве, и другую церковную утварь на общую сумму 3073 серебряных рубля¹⁴.

Письма, датированные 1881–1882 гг., представляют собой обращения высокопоставленных лиц КПЦ к российским властям с целью возвращения земель, утраченных в 1873 г. Среди них обращения Архиепископа Кипра Софрония, игумена Кикского монастыря и архимандритов КПЦ к Русской православной церкви, дипломатическим органам Российской империи в Константинополе.

17 июня 1881 г. игумен Кикского монастыря Софроний получил письмо от архимандрита Мелетия, находившегося в Константинополе, в котором последний сообщает о тайном послании Вселенского Патриарха, в котором тот предлагает решение проблемы Кавказской метохии путем выкупа утраченных ю земель у России. Архимандрит уточняет, что «наш монастырь» (подворье Кикского монастыря в Константинополе – прим. авт.) готов заплатить 1000 рублей и более, так как земли в Вардзии не менее ценные, чем земли в других метохиях. Он просит Софрония обратиться к архимандриту Никодиму в

Москву с просьбой посодействовать такому решению проблемы¹⁵. Текст тайного письма Вселенского Патриарха в «Кодексе 53» не приводится, хотя там содержится его короткое послание архимандриту Мелетию, датированное 6 июня 1881 г., в котором он настойчиво говорит о том, что земли на Кавказе должны быть возвращены КПЦ¹⁶.

В своем письме от 22 июня 1881 г. архимандриту Никодиму в Москву настоятель Кикского монастыря сообщает о намерении константинопольских метохий обители Кикку при содействии Вселенского Патриарха выкупить земли кипрского монастыря на Кавказе и просит архимандрита посодействовать в решении этого вопроса в Джавахетии¹⁷. 27 июля 1881 г. русское посольство в Константинополе дало официальный ответ на прошение Кикского монастыря, в котором заявило, что признает земли в Вардзии владениями обители Кикку и просит в срочном порядке выслать в Россию свое доверенное лицо¹⁸.

Признание церковных земель на Кавказе за КПЦ означало победу кикской дипломатии в решении ее земельного вопроса в Грузии. Возвращение земель, утраченных кавказской метохией в 1873 г., заняло несколько лет, и до сих пор остается не понятным, почему российское руководство резко поменяло свою позицию в данном вопросе.

В августе 1881 г. архимандрит Макарийос Киккотис, находившийся с 1878 г. в Лондоне как официальный представитель КПЦ в Великобритании, был выбран посланником в кавказские владения Кикского монастыря, о чем ему сообщил игумен Софоний в телеграмме от 20 августа 1881 г.¹⁹. В ответном письме архимандрит Макарийос Киккотис поблагодарил за честь быть представителем в России, но сообщил, что ему «требуется 6 месяцев на приготовления, либо пусть архиепископ посыпает кого-то другого»²⁰. В связи с этим Кикское братство в сентябре 1881 г. избрало нового посланника на Кавказ – архимандрита Ионникиоса, о чем сообщается в письме Святым отцам КПЦ от 6 сентября 1881 г.²¹. В этой связи для нас интерес представляет письмо Верховного комиссара Кипра Р. Видолфа от 8 марта 1882 г. послу Великобритании в Османской империи лорду Дафферину, в котором он сообщает о назначении новым представителем Кикского монастыря на Кавказе архимандрита Ионникиоса и просит довести до сведения этот факт представителям Святой обители Кикку в Константинополе²². Интересным является вопрос, как копия данного письма, отражающего переписку двух британских чиновников и напрямую не адресованного органам или представителям КПЦ, оказалась в «Кодексе 53»? Можно предположить, что факт нового назначения представителя Кикского монастыря в России затрагивал политические интересы Англии на Кавказе, поэтому, на наш взгляд, информация по данному вопросу и была передана по дипломатическим каналам британского правительства, о чем руководство монастыря было информировано англичанами, предоставившими соответствующую копию документа.

Последующая переписка руководства Кикского монастыря относительно метохии в Грузии обращена к духовным и светским властям Кавказа. Она содержит просьбу содействовать возвращению церковных земель под юрисдикцию Кикского монастыря. Игуменом Софонием были направлены письма послу России в Константинополе²³, наместнику Кавказа великому князю Михаилу Николаевичу²⁴, архиепископу Грузии²⁵, митрополиту кутаисскому Гавриилу²⁶, главному наместнику Имеретии²⁷. Итогом этих прошений стало возвращение КПЦ монастырских земель на Кавказе в 1882–1883 гг.

В конце декабря 1881 г. и в январе 1882 г. игумен Софоний направил ряд писем русским властям, содержащих информацию о новом назначении Ионникиоса и о его прибытии в Россию²⁸. В сентябре 1882 г. был назначен новый представитель обители Кикку на Кавказе – Хрисансос, однако тот отказался от должности, так как не были проведены выборы, о чем Святые отцы проинформировали письмом от 10 сентября 1882 г. игумена Софрония²⁹. 15 сентября 1882 г. новым главой метохии был избран архимандрит Афанасий, но его прибытие в Россию и на Кавказ было затруднено противодействием со стороны русских властей, о чем Софоний уведомляет послу Российской империи в Константинополе в письме от 27 сентября 1882 г.³⁰. Игумен Кикку обратился к российским властям на Кавказе, в частности, к главноначальствующему Кавказской администрацией Александру Михайловичу Дондукову-Корсакову и к грузинской церкви с просьбой разрешить беспрепятственное передвижение архимандрита по территории России³¹.

В 1884 г. на Кавказ в качестве главы метохии прибыл архимандрит Никандрос, который исполнял свои обязанности до 1889 г., когда руководство кикским подворьем в Грузии принял архимандрит Мелетиос.

В целом вторая половина XIX в. для кавказских владений Киккского монастыря стала временем обострения экономической ситуации, усилившим противоречий с русскими властями. Важно отметить, что в период британского господства на Кипре наличие у КПЦ владений в Российской империи способствовало повышению ее политического веса. Приход большевиков к власти в октябре 1917 г. означал прекращение существования Кавказской метохии Киккского монастыря. Имущество было национализировано, часть монахов вернулась на Кипр, часть перебралась в Константинополь и другие метохии.

¹ Жизнь царицы цариц Тамар. Тбилиси: Мецниереба, 1985. – URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Tamar/frametext.htm> (дата обращения: 15.09.2013)

² Там же.

³ Χωρίς ημερομηνία. Έκθεση για τον τρόπο απόκτησης των κτημάτων της Μονής Κύκκου στη Γεωργία και κατάλογος της περιουσίας του εκεί Μετοχίου // Ο Κώδικας 53 της Ιεράς Μονής Κύκκου. Οι πολύπλευρες δραστηριότητες της Μονής κατά την περίοδο 1843-1897. Λευκωσία, 2004, Σ. 88-89.

³ Вардзия. Vardzia: [Ист. очерк о музее-заповеднике] / Сост. И. Ревия, худож. Г. Кервалишвили. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1986, с. 47.

⁴ Габриэлиши, Э. Евлогий пророк // Православная энциклопедия. – URL: <http://www.pravenc.ru/text/187210.html> (дата обращения: 27.12.2013).

⁵ Вардзия. Vardzia: [Ист. очерк о музее-заповеднике] / Сост. И. Ревия, худож. Г. Кервалишвили. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1986, с. 47.

⁶ Αρχιμ. Αθανάσιος Κυκκώτης. Ανέκδοτα έγγραφα του εν Γεωργίᾳ Μετοχίου της Ιεράς Μονής Κύκκου, ο. π. Σ. 12-14.

⁷ Αρχιμ. Αθανάσιος Κυκκώτης. Ανέκδοτα έγγραφα του εν Γεωργίᾳ Μετοχίου της Ιεράς Μονής Κύκκου, ο. π. Σ. 12-14.

⁸ Грузинский экзархат Русской православной церкви // Православная энциклопедия. – URL: <http://www.pravenc.ru/text/187210.html> (дата обращения: 27.12.2013).

⁹ Θεοχαρίδης, Ι. Εισαγωγικά. / Ι. Θεοχαρίδης // Ο Κώδικας 53 της Ιεράς Μονής Κύκκου. Οι πολύπλευρες δραστηριότητες της Μονής κατά την περίοδο 1843-1897. Λευκωσία, 2004, Σ. 38.

¹⁰ Χωρίς ημερομηνία. Έκθεση για τον τρόπο απόκτησης των κτημάτων της Μονής Κύκκου στη Γεωργία και κατάλογος της περιουσίας του εκεί Μετοχίου // Ο Κώδικας 53 της Ιεράς Μονής Κύκκου. Οι πολύπλευρες δραστηριότητες της Μονής κατά την περίοδο 1843-1897. Λευκωσία, 2004, Σ. 92.

¹¹ 28 Απριλίου 1868. Επιστολή Αρχιμανδρίτη Παναρέτου από την Τιφλίδα της Γεωργίας προς τον Ηγούμενο Κύκκου. Αναφέρεται σε παραγγελίες ιερών σκευών, καθώς και στην κατάσταση μετά την απελευθέρωση των δούλων καλλιεργητών/ Ο Κώδικας 53... Λευκωσία, 2004, Σ. 128-129.

¹² 31 Αυγούστου 1868. Απαντητική επιστολή του Ηγούμενου Κύκκου προς τον Αρχιμανδρίτη που βρισκόταν στο Μετόχι της Γεωργίας. Περιγράφεται η κακή οικονομική κατάσταση της Μονής Κύκκου, καθώς και των καλλιεργητών στο νησί, εξαιτίας κακής εσοδείας // Ο Κώδικας 53... Λευκωσία, 2004, Σ. 131-133.

¹³ Χωρίς ημερομηνία. Έκθεση για τον τρόπο απόκτησης των κτημάτων της Μονής Κύκκου στη Γεωργία και κατάλογος της περιουσίας του εκεί Μετοχίου // Ο Κώδικας 53... Λευκωσία, 2004, Σ. 90-91.

¹⁴ Там же, с. 91-92

¹⁵ 17 Ιουνίου 1881. Επιστολή του Αρχιμανδρίτη Μελέτιου από την Κωνσταντινούπολη προς τον Ηγούμενο Κύκκου σχετικά με υποθέσεις της Μονής Κύκκου στον Καύκασο // Ο Κώδικας 53 ... Λευκωσία, 2004, Σ. 234-235.

¹⁶ 6 Ιουνίου 1881. Επιστολή του Οικουμενικού Πατριάρχη προς τον Αρχιμανδρίτη Μελέτιο σχετικά με κτηματικές υποθέσεις της Μονής Κύκκου στον Καύκασο // Ο Κώδικας 53 ... Λευκωσία, 2004, Σ. 235-236.

¹⁷ 22 Ιουνίου 1881. Επιστολή του Ηγούμενου Κύκκου προς τον Αρχιμανδρίτη Νικόδημο Αγιοταφίτη στη Μόσχα σχετικά με το μέλλον των εκεί μοναστηριακών κτημάτων // Ο Κώδικας 53 ... Λευκωσία, 2004, Σ. 232-234.

¹⁸ 10/22 Αυγούστου 1881. Αντίγραφο της υπό ημερομηνίαν 27 Ιουλίου 1881 επιστολής, η οποία στάλθηκε από τη ρωσική κυβέρνηση στην πρεσβεία της στην Κωνσταντινούπολη, αναφορικά με τις γαίες της Μονής Κύκκου στην περιοχή του Καυκάσου // Ο Κώδικας 53 ... Λευκωσία, 2004, Σ. 249-250.

¹⁹ 20 Αυγούστου 1881. Τηλεγράφημα του Ηγούμενου Κύκκου Σωφρόνιου προς τον εις Λονδίνον Αρχιμανδρίτη Μακάριο Κυκκώτη. Τον ενημέρωνε ότι αναλάμβανε ταξιδιώτης στη Ρωσία // Ο Κώδικας 53... Λευκωσία, 2004, Σ. 250.

²⁰ Χωρίς ημερομηνία. Τηλεγράφημα. Απάντηση του Αρχιμανδρίτη Μακάριου Κυκκώτη από τον Λονδίνο προς τον Ηγούμενο Κύκκου Σωφρόνιο για την εκλογή του ως ταξιδιώτη στη Ρωσία // Ο Κώδικας 53... Λευκωσία, 2004, Σ. 250.

²¹ 6 Σεπτεμβρίου 1881. Επιστολή του Ηγούμενου Κύκκου Σωφρόνιου προς τους Πατέρες της Μονής για την εκλογή του Αρχιμανδρίτη Ιωαννικίου, ο οποίος θα αναλάμβανε τις υποθέσεις του Μετοχίου του Καυκάσου // Ο Κώδικας 53... Λευκωσία, 2004, Σ. 260.

²² 8 Μαρτίου 1882. Επιστολή του Μέγα Αρμοστή Ρ. Βίδολφ προς τον Λόρδον Δίφεριν στην Κωνσταντινούπολη σχετικά με τη μετάβαση του Αρχιμανδρίτη Ιωαννικίου στο Μετόχι της Μονής Κύκκου στην Τιφλίδα // Ο Κώδικας 53... Λευκωσία, 2004, Σ. 274-275.

²³ 12 Σεπτεμβρίου 1881. Επιστολή του Ηγουμένου Κύκκου Σωφρονίου προς τον Πρέσβη της Ρωσίας σχετικά με τις υποθέσεις της Μονής στην Ρωσία // Ο Κώδικας 53... Λευκωσία, 2004. – Σ. 261-262.

²⁴ 25 Σεπτεμβρίου 1881. Επιστολή του Ηγουμένου Κύκκου προς τον Αντιβασιλέα του Καυκάσου, Μέγα Δούκα Μιχαήλ, σχετικά με τις εκεί κτηματικές υποθέσεις της Μονής // Ο Κώδικας 53... Λευκωσία, 2004, Σ. 262-263.

²⁵ 25 Σεπτεμβρίου 1881. Επιστολή του Ηγουμένου Κύκκου προς τον Αρχιεπίσκοπο Γεωργίας, από τον οποίο ζητείται βοήθεια και συμπαράσταση για την επίλυση των ζητημάτων των κτηματικών υποθέσεων της Μονής // Ο Κώδικας 53... Λευκωσία, 2004, Σ. 263-264.

²⁶ 25 Σεπτεμβρίου 1881. Επιστολή του Ηγουμένου Κύκκου προς τον Μητροπολίτη Κονταϊσίου Γαβριήλ, από τον οποίο ζητείται βοήθεια και συμπαράσταση για την επίλυση των ζητημάτων των κτηματικών υποθέσεων της Μονής // Ο Κώδικας 53... Λευκωσία, 2004, Σ. 264-265.

²⁷ 25 Σεπτεμβρίου 1881. Επιστολή του Ηγουμένου Κύκκου προς τον Γενικό Διοικητή της περιοχής Ιμηρετίας στη Γεωργία σχετικά με τις εκεί κτηματικές υποθέσεις της Μονής // Ο Κώδικας 53... Λευκωσία, 2004, Σ. 265-266.

²⁸ Ο Κώδικας 53 της Ιεράς Μονής Κύκκου. Οι πολύπλευρες δραστηριότητες της Μονής κατά την περίοδο 1843-1897. Λευκωσία, 2004, Σ. 289-291.

²⁹ 10 Σεπτεμβρίου 1882. Επιστολή των Πατέρων της Μονής Κύκκου προς τον Ηγούμενο Σωφρόνιο. Τον πληροφορούν ότι ο Πρωτοσύγκελος Χρύσανθος αρνείται να μεταβεί ως ταξειδιώτης στη Ρωσία και του ζητούν να ορίσει αυτός τον ταξειδιώτη, χωρίς εκλογές Τιφλίδα // Ο Κώδικας 53... Λευκωσία, 2004, Σ. 285-286.

³⁰ 27 Σεπτεμβρίου 1881. Επιστολή του Ηγουμένου Κύκκου Σωφρόνιου προς τον Πρέσβη της Ρωσίας στην Κωνσταντινούπολη. Ανακοινώνεται η αντικατάσταση του ταξειδιώτη Ιωαννικίου από τον Αθανάσιο και ζητείται η διευκόλυνσή του από της ρωτικές Αρχές // Ο Κώδικας 53... Λευκωσία, 2004, Σ. 289-290.

³¹ Ο Κώδικας 53 της Ιεράς Μονής Κύκκου. Οι πολύπλευρες δραστηριότητες της Μονής κατά την περίοδο 1843-1897. Λευκωσία, 2004, Σ. 292-293.

БОЛГАРИЯ И МАКЕДОНСКИЕ БОЛГАРЫ. 1878–1913 ГГ.

P. П. Гришина

Гришина, Р. П. Болгарія і македонські болгари. 1878–1913 рр.

У статті автор розглядає діяльність ВМОРО та організації емігрантських македонських земляцтв у Болгарії як чинник втручання у внутрішнє життя країни, що набував у ній роль самостійного «гравія». Підштовхуючи матір-Болгарію до війни проти Туреччини, а протягом Балканських війн 1912–1913 рр. – і проти союзників по Балканському союзу, ультрапарадикальні лідери ВМОРО виходили із приоритету інтересів Македонії та Одринської області перед інтересами власне Болгарії.

Ключові слова: македонські болгари, ВМОРО, Балканський союз, Балканські війни.

Гришина, Р. П. Болгария и македонские болгары. 1878–1913 гг.

В статье автор рассматривает деятельность ВМОРО и организаций эмигрантских македонских землячеств в Болгарии как фактор вмешательства во внутреннюю жизнь страны, приобретшего в ней роль самостоятельного «игрока». Подталкивая мать-Болгарию к войне против Турции, а в ходе Балканских войн 1912–1913 гг. – и против союзников по Балканскому союзу, крайне радикальные лидеры ВМОРО исходили из приоритета интересов Македонии и Одринской области перед интересами собственно Болгарии.

Ключевые слова: македонские болгары, ВМОРО, Балканский союз, Балканские войны.

Grishina, R. P. Bulgaria and the Macedonian Bulgarians in the period 1878–1913

This paper studies the interference of VMORO and Macedonian communities into Bulgaria's interior life. Having become a self-dependent "player", the Macedonians instigated mother-Bulgaria to levy war upon Turkey and later – during the Balkan wars 1912–1913 – upon the fellow-members of the Balkan Alliance. VMORO radical leadership prioritized the interests of Macedonia and Edirne (Odrin) region over the interests of Bulgaria.

Keywords: Macedonian Bulgarians, VMORO, Balkan Alliance, Balkan wars.

Болгарский философ Васил Проданов в недавно вышедшей книге убедительно обрисовал определяющую роль внешнего фактора в истории Болгарии на примере трех бифуркационных точек ее развития в новое и новейшее время, когда страна стояла перед необходимостью выбора пути. Это имело место, во-первых, в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и освобождения из-под османской власти, а затем и регламентаций Берлинского конгресса (в том числе на принятие в новом болгарском государстве западного образа политического устройства). Во-вторых, при освобождении в сентябре 1944 г. в результате сложившейся расстановки внешних для Болгарии сил в ходе Второй мировой войны, и, в-третьих, в потоке революционных событий 1990-х гг. в Юго-Восточной Европе, сопровождавшихся развалом социалистического лагеря. На каждой из этих развилок Болгария была лишена возможности сделать собственный выбор. Направление выхода из ситуации определялось под внешнеполитическим давлением, которое в ряде случаев можно было бы назвать и насилием¹.

В. Проданов подробно рассматривает и результаты иностранного воздействия на внутреннюю жизнь Болгарии, с учетом ее модернизации, как это и замышлялось на международном форуме в 1878 г. Для специалистов, изучающих модернизационные процессы в странах «догоняющего» развития, особенно интересными представляются размышления этого автора о «первом болгарском капитализме», конец которому положили события 1944 г.

Дополняя поднятую В. Продановым тему о формах вмешательства во внутреннюю жизнь малых стран, приобретавших часто судьбоносный характер, автор настоящей статьи делает попытку рассмотреть такой фактор в истории Болгарии, как македонский (внутренне/внешний для этой страны). Казалось бы, меньший по важности, чем действия европейских государств, он сыграл огромную, а отчасти даже роковую, роль в ее судьбе.

В результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., произведшей фактически революцию в этой части полуострова, социальный «кокон» под крышей османской администрации в виде «возрожденческого царства болгарского духа», не обремененного содержанием чиновничества и войска, был разрушен. И довольно жестко. Как каждая революция сопро-

вождается разрушением прежнего строя, так и выход Болгарии из оттоманской системы разорвал ее связи с внутренним османским рынком. От этого более всего пострадало болгарское ремесленное производство, а именно в нем бельгийский обществовед М. Паларе, изучавший динамику экономики и хозяйства на балканских территориях в Новое время, видит главный источник уверенного развития. И потому жестко заключает: «Экономический прогресс закончился в Болгарии в 1878 г.»².

В болгарской исторической литературе встречаются не менее болезненные оценки произошедшего: разрыв органичных экономических связей с Османской империей, пишет Васил Проданов, имел катастрофические последствия для хозяйства в болгарских землях, и потребовалось два десятилетия для восстановления потерь. Он считает, что для Болгарии революция 1878 г., не будучи результатом ее собственного внутреннего развития, в экономическом отношении оказалась поворотом назад³. Процесс разорения ремесленников и возвращение их к сельскому труду, т.е. превращение вновь в крестьян, известный болгарский деятель культуры Владимир Свентила квалифицирует как инволюционный. По его мнению, приметами времени после Освобождения стало умирание возрожденческих городов, появление «вторичного» крестьянства и другие отрицательные явления⁴. Нельзя пройти мимо квалификации этого революционного переворота Л. Д. Троцким в 1912 г. Несмотря на то, что тогда со временем Освобождения Болгарии прошло уже не менее 30 лет, вездесущий и проницательный военный корреспондент, с интересом изучавший Болгию и ее народ, тонко почувствовал катастрофический характер отдаленных событий: «Болгарская интеллигенция, – писал он, – катастрофически призванная (интересный акцент! – Р.Г.), после свержения турецкого ига, к управлению судьбами страны, получила возможность увенчать примитивно-бытовую основу политической надстройки демократии»⁵. В отечественной историографии подобная точка зрения, по понятным причинам, отражения чаще всего не находит – слишком дорога здесь память о 200 тысячах российских солдат, погибших в войне 1877–1878 гг. Да и десятилетия односторонней политической пропаганды нельзя сбрасывать со счетов.

Почему же прекрасные болгарские возрожденческие идеи получили так мало шансов на реализацию в новых условиях? Казалось бы, политические контуры свободного рыночного государства получили после 1878 г. достойные европейские очертания: в Княжестве были введены либеральная конституция и выборный парламент, появились политические партии, череда сменяющих друг друга правительства. И истинный европеец во главе – князь Фердинанд, добившийся, наконец, в конце XIX в. признания на международном уровне. Почему же так грустно звучит сентенция болгарского историка Румяны Прешленовой: «К сожалению, реализация этих мечтаний и ожидаемого от них эффекта – ускорение экономического развития и культурный взлет нации – по ряду причин откладывались на десятилетия»⁶.

Княжество в 1880-е гг. лихорадило. Сдвиги в перераспределении населения с точки зрения его этничности и социализации, перемешивание человеческих судеб стали почти тектоническими. Покидали пределы болгарской автономии часть турок. С уходом их гарнизонов и администрации многие города заметно пустели, их новое заселение не могло быть быстрым⁷. Спускались с гор крестьяне, которым предстояло приспособиться к новым условиям жизнедеятельности. Нечто невероятное произошло с учительством – будучи преобладающей частью возрожденческой интеллигенции и как прослойка наиболее грамотных людей, учителя становились главным человеческим материалом для строительства болгарского государства, для создания и наполнения новых управлений и партийно-политических структур. Им предстояла трудная внутренняя перестройка: вышедшие из недр народа, они оставались верны его традициям, но должны были стать «движителем» модернизации. «Возрожденческий интеллигент, – восклицает известный болгарский историк Николай Генчев, – будучи традиционалистом, должен был стать модернизатором»⁸. Как пишет Р. Прешленова, «всё и перевернулось с ног на голову». Она соглашается с мнением, что в 1878 г. «саморазвитие было прервано», но считает, что в стране имелись «необходимые ферменты для свободного развития»⁹. Весьма проникновенно и, кажется, психологически обоснованно оценивает обстановку «переворота» И. Пелева: «Болгарский человек, оказавшись вдруг (а с определенной точки зрения и насилиственно) в совершенно новой, тотально другой ситуации, пережил болезненный культурный шок от случившегося»¹⁰.

Однако привычным упорным трудом в следующие два десятка лет после Освобождения болгарские крестьяне, ставшие свободными частными собственниками земли, сумели достичь того, что вновь вызывало у иностранцев впечатление болгарского чуда. Так, британец Генри Блейсфорд утверждал, отталкиваясь от сравнения с сербами, что у последних «отсутствует способность к постоянной работе, потому-то они и достигли за восемьдесят лет меньшего морального и материального прогресса, чем болгары всего за двадцать пять»¹¹.

Труднее обстояло дело со строительством основ болгарского государства. На практике большая часть анемичной, по мнению Н. Генчева, возрожденческой интелигенции перешла на положение чиновников. Не все они были готовы к новому поприщу. А те, кто был готов или считал себя таковым, не имели ниправленческого опыта, ни чувства государственности (возрожденческие общины являлись самоуправлявшимися). Отсюда понятно, отчего управленические кадры в Княжестве Болгария оказались столь слабыми. Политика и государственное управление поглотили, указывает Р. Прешленова, почти 50 тыс. человек. Недостаток же специалистов во всех областях государственной, политической и общественной жизни, требующих профессиональной подготовки, отмечался, по крайней мере, до Первой мировой войны.

Княжество Болгария, несмотря на все нестыковки, связанные с недостаточной готовностью архаичного еще общества к переходу на более высокую цивилизационную ступень, все же постепенно приспособливалось к новому стилю жизни. Заимствованные на Западе административно-государственные институции, при всем их функциональном несовершенстве и декоративности, становились фактором новизны и символом управленической самостоятельности. При этом возникшее в 1878 г., тогда еще на каком-то трудно уловимом ментальном уровне, разделение между болгарами, которые в Княжестве обрели собственную государственность, и теми, что остались в турецком султанате, со временем становилось все ощутимее. Македонские земли в рамках Османской империи, зависли в канонах прежней архаичной структуры. Немногое изменили в этом отношении турецкие реформы эпохи Танзимата с его ведущей идеей равенства всех подданных султана. Правда, неким положительным знаком явилось разрешение избирать немусульман в местные административные и судебные советы, так что в них смогли попасть и болгары. И, несмотря на ограниченные права и подчиненное положение болгар в меджлисах, — пишет болгарская исследовательница М. Тафрова, — многие из них сумели включиться в работу органов провинциальной власти¹². Но это никак не решало главной проблемы — избавления от иноземной власти.

Негодование против навязанного внешними силами раскола «болгарского племени» вылилось в вспышку Разложско-Кресненского восстания в сентябре 1878 г. Но уже тогда проявилась несогласованность между частями «племени» — обращение руководства повстанцев к Комитету «Единство» в Софии с просьбой помочь добровольцами, оружием и боеприпасами (такие комитеты возникали во многих городах Болгарии в знак сопротивления международному диктату) не было удовлетворено. Разногласия возникли и по тактике. В Софии тогда признавали, главным образом, дипломатические формы борьбы против исполнения положений Берлинского конгресса.

После подавления восстания из родных мест в Княжество переселилось свыше 25 тысяч человек, очевидно, наиболее общественно активных. Известный болгарский этнограф и демограф Васил Кынчев, обследовавший македонские земли «полевым способом», писал: «После Берлинского конгресса охридская община пришла в упадок. Местная интелигенция массово бежала в свободную Болгарию, что ослабляло фронт сопротивления иностранной пропаганде. Таким же было положение в Струге»¹³. И в течение последующих примерно 15 лет местное, этнически многоликое, македонское население оставалось в основном пассивным. Впрочем, эта пассивность имеет свою генетику — известно, что возрожденческий процесс в Одринской Фракии, Беломории, Южной Македонии, а частично и в Вардарской области развивался с запозданием и «под сильным внешним противодействием». В качестве особенности жизни населения Македонии болгарский ученый Ангел Димитров отмечает высокую плотность его включения в сферу греческих национальных интересов, так что и вхождение его в модерную эпоху происходило под влиянием тех же греков-просветителей и греческой духовной власти¹⁴. Он подчеркивает: поскольку основные усилия македонских болгар были направлены именно на церковную борьбу, их включение в сеть революционных комитетов, созданную в 1860–1870-е гг., было «слабым»¹⁵.

Сказывался, очевидно, выработанный веками жизни под иностранным гнетом психологический настрой местного населения на неторопливость, постепенность, эволюционизм. Масса населения Македонии, несмотря на все большее ощущение неравенства своего положения в сравнении с Княжеством, и понимание того, что успех северо-восточных болгар обязан, в числе прочего, размаху предварительной национально-освободительной борьбы, продолжала жить в рамках традиционализма; носителей идеи общественных перемен было мало.

Относительно дел в самом Княжестве в болгарской историографии устойчиво держится миф, будто после того, как на Берлинском конгрессе Сан-Стефанские просторы Болгарии были урезаны, все кипело здесь в страсти по объединению с Македонией. Особняком стоит мнение профессора Ивана Илчева, считающего, что отнюдь не македонский вопрос находился тогда в центре общественной жизни. «Исторические исследования, – забрасывает он наживку для дискуссии, – дурячат нас, уверяя, что основным помыслом болгар в эти годы была политика в целом и особенно македонский вопрос»¹⁶. К сожалению, «научная интрига» не развернулась. В атмосфере неизбытного идеологического патриотизма в стране предложенной новации, суть которой, как представляется, наиболее приближена к реальности, не суждено было получить развитие.

Если посмотреть на фактическую сторону вопроса, то в действительности, вслед за Кресненско-Разложским восстанием и другими проявлениями недовольства Берлинскими постановлениями, острота политического неприятия сложившейся ситуации снижается. Македония отходит на задний план в сравнении с реальной возможностью добиться объединения Княжества с Восточной Румелией. На это обстоятельство обратили внимание итальянские ученые Франческо Гуида и Рита Толомео, отмечающие, что движение Соединения являлось гораздо более сильным, чем движение за объединение с Македонией¹⁷. Это их наблюдение базируется, как пишет Р. Толомео, на реальном интересе Италии, которая все время боится объединения Болгарии и Македонии¹⁸.

Тактика же болгарских правительств 1880-х – середины 1890-х гг., да и позже, состояла в том, чтобы не провоцировать соседей и великие державы четническими выступлениями в Македонии. Любопытны рапорты бельгийского представительства в Софии. Исследовавшая их В. Костова отмечает, что в 1879–1885 гг. тема Македонии в дипломатических документах вообще отсутствовала, и что болгарские власти твердо держались негативной позиции в отношении организации чет и отправки их в Македонию. И даже предпринимали конкретные меры против самоорганизующихся чет¹⁹. Линия на сдерживание четнической деятельности продолжалась и в последующие годы. Она не была строгой и последовательной и во многом зависела от личного отношения того или иного болгарского премьера к «македонскому делу», от чего зависела и его политика – либо способствовать ему и поддерживать, либо, наоборот, «прижимать».

Дискуссии по национальному вопросу оживились в Княжестве лишь с обострением Восточного вопроса в конце XIX в. О желательности объединения болгарского народа в границах единого государства стало говориться и писаться много, но единой государственной доктрины выработано не было. Задачи ее разработки не брала на себя ни верховная власть в Болгарии, ни «патриотические» политические партии, ни отдельные их представители. Иван Евстратиев Гешов, один из лидеров Народной партии считал, что партия вообще не должна обязывать себя «конкретными программными задачами по национальному вопросу»²⁰.

Инициатива пришла извне. «Братья из Македонии», поднявшиеся в начале 1890-х гг. на борьбу против османского гнета, основали в 1893 г. Внутреннюю македонскую революционную организацию (ВМРО, позже стала македоно-одринской – ВМОРО) с целью добиться политической автономии. Но даже революционно настроенные руководители ВМОРО словно застыли во времени. Оставаясь в круге традиционных понятий, они не удосужились изучить состояние международных и внутрибалканских обстоятельств в 1890-е гг., в которых им предстояло революционно действовать, и в строительстве организации примером для них стал «опыт Ботева, Левского, Бенковского и других», т.е. они использовали лекала 20-летней давности²¹. Из того же времени пришло определение цели борьбы – в неравной битве с превосходящими силами противника добиваться не столько победы, сколько политического эффекта, ведущего к интернализации конфликта и вмешательству великих держав. Надежды строились на том, что, добившись автомо-

мии, Македония сможет присоединиться к Княжеству, как это произошло с Восточной Румелией.

Не случайно в связи с этим уже цитировавшийся А. Димитров в более ранней своей работе утверждал, что известное Ильинденско-Преображенское восстание 1903 г., считающееся в Болгарии вершиной национально-освободительного движения в Македонии, было «исторически запоздалым» и лишенным реальных перспектив успеха²². Целиком соглашаясь с автором, отмечу, что эта его оценка – для многих специалистов, возможно, спорная, – не стала, как и в случае с вышеприведенным тезисом И. Илчева, предметом дискуссии среди болгарских историков.

Но нужно подчеркнуть, что политический и культурный уровень руководства организации и не мог резко выделяться на фоне той степени социально-экономического развития македонской провинции сultанской Турции, которого она достигла к концу XIX в. Впрочем, с точки зрения умения стратегически мыслить недалеко ушла и политическая «элита» Княжества Болгария.

Здесь и в начале XX в. множественные и постоянно дробившиеся партии, внешне следующие западному образцу, внутренне были слабыми и мало приспособленными к предназначенному им деятельности. Неопытные и предоставленные самим себе (в Тырновской конституции такая форма политической организации, как партия, вообще не упоминалась), межпартийную борьбу за приход к власти они мотивировали, главным образом, возможностью для победителя и его сторонников беспрепятственно обогащаться. Из таких партий никак не складывалась авторитетная политическая сила, которая могла бы выработать перспективную программу внутри- и внешнеполитического развития страны. Политическая жизнь была временами бурной и шумной, но плохо регулируемой, недисциплинированной. Интеллектуальная элита оказывалась неспособной к внутреннему напряжению для выработки перспективных программ в области внешней или внутренней политики, как это загодя сделали их соседи – сербы и греки. Да никто в Болгарии и не рвался к этому. Эволюционистская идея времен Возрождения проявляла свою жизнеспособность и в условиях значительно более энергичной политической практики в условиях молодого государства. В целом государство, его органы и административные структуры были слабыми, трудно мобилизующимися.

Главным в каждый текущий момент был вопрос о власти, и он стал, замечает болгарский исследователь Ст. Влахов-Мицов, вымешивать проблему национального суверенитета²³. Современные болгарские ученые признают, что к моменту Освобождения концепции собственных национальных интересов у болгар не было, и что «преднациональный», так называемый возрожденческий идеал, не имел конкретного оформления²⁴. Его «общая форма» скорее может быть отнесена к благонамеренным мечтаниям о свободных «родных и окрестных землях». Вот почему находкой для них оказался образ Сан-Стефанской Болгарии, недостаточно обдуманно, на мой взгляд, преподнесенный российской дипломатией²⁵. Как здесь уместны слова В. Проданова: «Реализация догоняющей модернизации не может быть осуществлена либерально-демократическими многопартийными демократиями, которые начинают формироваться с середины XIX в. в странах капиталистического центра, потому что доминирование сельского общества и недостаток образованных людей и ресурсов многопартийной представительной демократии создают весьма нестабильные и неэффективные, коррумпированные режимы. Для многопартийной представительной демократии в них нет социальной базы. Не пройден еще период первоначального накопления, необходимый для ускоренной индустриализации, для создания современной тяжелой промышленности. Для успеха догоняющей модернизации нужны нелиберальные режимы»²⁶.

В 1870–1880-е гг. македонские земли, остававшиеся под властью султана, культурно «осваивались» в основном силами болгарской Экзархии. Она занималась, помимо духовного окормления македонских болгар, строительством церквей и школ, и делала это довольно успешно. Ее политика в Македонии и Фракии, в своей основе базировавшаяся на эволюционистской идее Возрождения, носила исключительно мирный характер. Но с 1890-х гг. революционные македонские практики стали добиваться перевеса на этом поле. И вскоре оттеснили миросцев экзарха на второй план. Уже в 1900 г. экзарх в докладе Св. Синоду в Софии выражал недовольство направлением политики «революционных апостолов» в спорных провинциях.

Для общей картины не хватает еще такого мазка, как содержание школьного образования в Княжестве. Заложенное в возрожденческую эпоху, оно уже тогда стало предметом гордости и славы болгарского народа, обладавшего, в сравнении с некоторыми соседями, «какой-то странной особенностью» – внутренней потребностью в просвещении. К нему-то, в первую очередь, и обратились власти Княжества и руководство политических партий, как к едва ли не высшей ценности. Развивая и поощряя его для ликвидации «недостатка знаний и умений в народе», они надеялись тем самым сделать страну «цивилизованной», полноправным членом мировой общности. И более того – именно образование, в категориях мышления того времени (недалеко ушедшего от возрожденческих идеалов) должно было обеспечить Болгарию экономический подъем и просперитет.

Тщательно изучивший содержание школьного обучения молодой болгарский ученый Наум Кайчев пишет: целью являлся общий подъем образовательного процесса. В книгах для чтения и учебниках много внимания уделялось природным красотам родной земли, нежным поэтическим образам, а об обязанности защищать отчество говорилось как бы мимоходом: «если нападет враг, – тогда надо оставить все и сплотиться воедино». И поистине странно для молодого государства, заинтересованного в строительстве нации, звучит констатация Кайчева: «Руководители болгарского просвещения долгое время не уделяли специального внимания воспитанию чувства патриотизма, культивированию ощущения своей национальности», в отличие, например, от сербских учебников, где воспевалось величие смерти за родину, готовности отдать жизнь за нее. В Княжестве «военные ценности не доминировали в учебниках, – продолжает он. – В них вы редко встретите стихи, величающие в глазах маленьких читателей смерть за Родину. Гораздо чаще описываются добродетели просвещения, культуры, грамотности (Кирилл, Мефодий, Климент Охридский), как и красоты родной земли»²⁷. Другой болгарский историк, Илия Тодев добавляет: «У нас мало достижений культуры под знаком национальной идеи»²⁸. На такой базе было воспитано несколько поколений болгарской молодежи. Сведения об Ильинденском восстании 1903 г., например, появились в учебнике истории только в 1917 г.

Кстати, обучение в болгарских школах на македонской территории, когда оно оказывалось в руках революционно настроенных учителей, сторонников и членов ВМОРО, сильно отличалось от того, как оно велось в Княжестве. «Революционеры» были ориентированы на привитие учащимся «духа гражданственности и патриотизма», в их классах особое внимание обращалось на болгарскую историю и географию, которые турецкая цензура часто запрещала²⁹. Не только в знаменитой Салоникской мужской гимназии, но повсеместно в школах организовывались тайные кружки, их руководителями часто выступали учителя и директора учебных заведений. Учащиеся, находившиеся в самом лабильном возрасте, легко и с радостью откликались на революционные замыслы, на борьбу, приключения, романтику³⁰. Многие из них, оказываясь потом в Княжестве, где вливались в эмигрантские македонские (земляческие) организации, стремились воздействовать на общественное мнение и политические круги Болгарии, настроить их на революционный лад, на поддержку вооруженной борьбы в турецких провинциях. Тактику действия не только извне, но и изнутри Болгарии македонские революционеры стали использовать особенно энергично со временем, когда одна за другой «посыпались» неудачи в повстанческой борьбе против османских властей. Массовая эмиграция македонских и одринских беженцев, поселявшихся в Княжестве (к началу Балканских войн их численность доходила до 120 тыс., по другим данным, – до 200 тыс. человек), становилась фактором влияния на устойчивое благодушие болгарского общества – действовало уже само их присутствие, а немало их занимало места и в органах управления разного уровня.

1903 год я бы назвала особым в истории Болгарии – тогда македонский вопрос был поставлен перед болгарским правительством ребром: штаб повстанческой армии Ильинденского восстания обратился к софийскому правительству с требованием объявить войну Турции. Демарш сопровождался массовыми митингами, организованными македонскими эмигрантскими землячествами по всей Болгарии, к ним присоединились болгарские военные, политики, простые граждане. Лозунгом было – «Война любой ценой!». Правительству с трудом удалось удержать ситуацию³¹. Оно не было готово к войне ни материально, ни морально. Не явилось ли это повторением ситуации Кресненско-Разложского восстания?

Как оценить требовательность ВМОРО к властям Княжества немедленно начать войну против Турции и фактически подставить его, неготового сражаться с явно превос-

ходящими силами противника, под смертельный удар? В поисках ответа на вопрос обратимся к любопытной конструкции отношений между ВМОРО и Княжеством, предлагаемой Ангелом Димитровым. Он пишет, что македонские организации свое понимание политики болгарского государства возводили к уровню отношений матери с ее детьми – матери-Болгарии предстояло защищать обиженных судьбой Македонию и Фракию. И, как таковая, она должна выполнять свой долг до последнего дыхания, жертвуя всем³². Как мне представляется, такой ход мысли революционных руководителей мог быть обязан их неизжитой привязанности к возрожденческому романтизму, с его мечтательностью и большими планами, но при этом и прямолинейностью, предпочтением простых решений перед сложными. А ведь жить и действовать приходилось уже в новое, не столь благостное время.

Истоки противостояния между македонским руководством и болгарским правительством, возникшего в 1903 г., до некоторой степени разясняет уже упоминавшийся Илия Тодев. Он обратил внимание на так называемый первоначальный македонизм, заявленный еще в 1860-е гг., который Тодев считает претензией – «отчасти обоснованной, отчасти нет» – отдельных македонских литераторов (книжников) на то, что они, дескать, являются «более настоящими» и более полноценными болгарами, чем все остальные. Основания для таких претензий Тодев видит в лучше сохранившейся в Македонии культурной традиции, а также в чрезвычайно сильном, «доходившем до пароксизма», национальном чувстве. И к ощущению такого превосходства македонцев теперь добавлялось их раненое самолюбие из-за очерчивавшегося отставания в сравнении с Восточной Болгарией³³. И как результат – диалектический «перевертыш»: проявления своеобразного македонского антиболгаризма (родственного детскому эгоизму?), пренебрежение интересами собственно Болгарии со стороны левых руководителей «архиболгарской» ВМОРО, осознанное подставление ее под удар без заботы о последствиях. То, что не удалось в 1903 г., в конечном счете, произошло в 1912 г., для чего обновленному в 1911 г. ЦК ВМОРО и сторонникам организации в Болгарии пришлось приложить немало сил и действовать более продуманно.

Итак, слово «война» было произнесено. Восстание, организованное ВМОРО, и уход болгарского правительства от ответственности за судьбу болгар-повстанцев в Македонии стали началом раскола болгарского общества. В Княжестве недовольство антивоенной позицией правительства проявляли не только отдельные лица. Заявление, что для достижения национального идеала следует ориентироваться на военный путь, сделало в 1903 г. руководство Демократической партии, признавшее: исчезают иллюзии, что освобождения Македонии можно добиться путем внутренних восстаний, мало надежд оставалось и на реальные реформы в ней со стороны Турции.

Но тут же происходит движение в другую сторону – именно в 1903 г. группа молодых демократов, выйдя из Демократической партии и образовав собственную Радикально-демократическую партию, занимает противоположную позицию: в документах РДП 1902, 1906, 1911 гг., фиксирует Д. Саздов, отражен «страх перед возможностью вовлечения Болгарии в военный конфликт». Молодые радикалы заявляют, что они против милитаризации страны, и что мир является первым условием прогресса и благодеятельности народа. Их идеал – достижение конфедерации балканских народов, но только мирными средствами. В следующем, 1904 г., покидают Либеральную партию младолибералы, и им тоже не присуща боевая активность: они довольствуются гуманитарной помощью македонскому и фракийскому населению³⁴. Элегантно сформулировал в 1903 г. свою позицию лидер Народной партии И. Е. Гешов: «Болгария не должна допускать безнадежные движения или пускаться в безвыходные авантюры», но должна быть постоянно готова помочь «зарильским со-народникам» добиться введения реформ, регламентированных Берлинским договором. Средством для чего являются легальные формы борьбы и мирные требования тамошнего населения, а не «постоянные вооруженные и несвоевременные попытки осуществления великих, но не созревших еще идей»³⁵.

Лишь после Аннексионного кризиса 1908 г., сочетавшегося с провозглашением Княжества Болгария Царством и его главы «царем (всех) болгар», когда активизировались великодержавные программы балканских стран, оживились и сторонники идеи «Великой Болгарии». Однако и тогда сплочения общества вокруг национальной идеи не произошло. Болгарская элита, в отличие от сербской и греческой, так и не составила *мобилизующего* письменного документа-программы объединения болгарского народа, хотя на войну были

настроены Союзы офицеров и унтер-офицеров запаса, македонские и другие землячества, ряд политиков и их группировки.

Признаки раскола общества со временем становились все более явными. Тырновский акт 1908 г. понимался в Болгарии сложно: приобретение статуса независимой страны признавалось несомненным успехом, но каким способом он достигнут? Один из лидеров БЗНС Александр Стамболовский открыто заявляет: провозглашение Фердинандом независимости Болгарии в сговоре с Австро-Венгрией является государственным переворотом и угрожает интересам болгарского народа – международной изоляцией и экономическими потерями. Тогда же парламентская фракция БЗНС декларирует в Народном собрании, что считает Тырновский акт нарушением ряда статей конституции, и что это «преступление кладет начало будущим войнам»³⁶, а отрицательное отношение к войнам было принципиальной позицией БЗНС. Выступают и представители Радикальной партии. По их мнению, тырновские события – это «особый государственный переворот», продиктованный интересами монарха, а не страны. «Радикалы» отказываются величать Фердинанда царем³⁷. По-своему фронтируют социал-демократы. Руководство партии широких социалистов, выражая сочувствие борьбе македонских болгар, обращаются за ее поддержкой к международной социал-демократии. В 1907 г. проблема обсуждается на Штутгартском конгрессе II Интернационала, который принимает специальную резолюцию. Однако в самой партии есть и сторонники решения национального вопроса военным путем, хотя общая партийная позиция – против войны³⁸. Что же касается тесняков, то, как интернационалисты, они национальным вопросом в принципе не интересуются, но уверены, что будущая социалистическая революция разрешит все вопросы, в том числе и национальный.

В 1911 г. эти партии, представлявшие нижние слои общества, выступили еще более резко, когда в парламент было внесено предложение об изменении статьи 17-й конституции, принятие которого позволяло царю самостоятельно, без обращения к законодательному органу, руководить внешней политикой Болгарии. В ответ «земледельцы» развернули антивоенную кампанию по всей стране, выступая против наделения царя бесконтрольными прерогативами и против курса на милитаризацию страны. Мелкобуржуазная Радикальная партия выступила с важными документами – специальной «Конституционной платформой» и «Платформой по выборам депутатов в XV обыкновенное народное собрание» (август 1911 г.), в которых отстаивала неприкосновенность конституции.

Эти примеры позволяют говорить о том, что 30-летний опыт функционирования болгарских буржуазно-демократических структур – заимствованных, неполноценных, искривленных – оказался все же достаточным в обществе, где люди являются хозяевами своей частной собственности, чтобы граждане сумели организованно проявить несогласие с политикой власти имущих, сопротивляться ей. Или хотя бы не бояться и попытаться предъявить свои требования. Ведь даже в простом противостоянии стороны лучше понимают, чего хотят, лучше осознают самих себя, лучше формулируют. Как бы то ни было, очевидно, что именно в борьбе против случаев нарушения конституции и против курса на милитаризацию складывались в Болгарии элементы гражданского общества (как пишет профессор Великотырновского университета М. Палангурски, за годы с 1879 по 1911 болгарские граждане ходили на выборы 19 раз³⁹; должны же они были чему-нибудь научиться – добавим мы). Да, попытки сознательного общественного сопротивления были слабы, ожидаемого результата не принесли, но они по праву вошли в историю страны.

Сторонники идеи «Великой Болгарии» тем временем усиливали пропаганду. В 1910 г. известный политик Александр Малинов, тогда премьер, выступил с требованием Великой Болгарии. И не только в рамках, обусловленных Сан-Стефанским мирным договором, но и сверх того. Любопытную запись об этом оставил в мемуарах секретарь русской дипломатической миссии в Софии В. Н. Штрандтман. В конце 1909 г., покидая свой пост, он нанес прощальный визит Малинову, в ходе которого премьер заговорил о Сан-Стефанской Болгарии как о недостаточном минимуме, охарактеризовав максимум словами: «Болгария должна лечь крестом на Балканском полуострове с выходом на четыре моря, а именно – на Черное, Мраморное, Эгейское и Адриатическое»⁴⁰.

Однако массового объединения вокруг планов премьер-министра не происходило. «Специалисты» и любители разного уровня выступали со своими трактатами, где обосновывали необходимость войны для объединения всех болгар в одном государстве, но были вынуждены констатировать, что общество расколото по этому вопросу. Неназванный автор

одного из таких документов, помеченного как «совершенно секретный» и датированного 25 марта 1910 г., на 30-ти с лишним страницах машинописного текста рассматривает положение Турции и остальных балканских стран. И приходит к выводу: последствия «нашей консервативной политики» для Болгарии – самые печальные, «только огонь и железо могут их преодолеть и укрепить наше существование». И в этих условиях, констатирует с возмущением аноним, «часть болгарского общества считает, что Царство должно закрыться в своей скорлупе и предаться мирному культурному и экономическому развитию»⁴¹.

И даже осенью 1911 г., когда болгарские и сербские дипломаты уже разрабатывали документы Балканского союза, в том числе секретные военные, «политическое единение, необходимое для страны, намеревающейся вступить в войну, в Болгарии отсутствовало»⁴².

В таких обстоятельствах особенно удивляет поспешность, с которой сугубо гражданское правительство Ив. Гешова вдруг стало подгонять страну к войне. Сам премьер-министр сумел даже добиться в ходе переговоров с сербскими уполномоченными некоего преимущества для своей страны – фиксации в Договоре о дружбе и союзе между Болгарией и Сербией договоренности о первоочередности войны союзников против Турции. Война против Австро-Венгрии оставалась в некой неясной перспективе⁴³.

Если следовать болгарской историографии, уверенно утверждающей, что известие о заключении Балканского союза и о грядущей войне было встречено в обществе с пониманием, и общество было едино в таком подходе, то закономерно спросить, почему содержание договора и особенно его секретной части держалось в тайне от болгарского народа? Власти не верили, что получат поддержку с его стороны? Опасались сообщить, что не удалось отстоять принцип автономии Македонии, считавшийся нерушимым? И ведь даже руководство ВМОРО не было осведомлено о том, как договаривающиеся стороны собирались распорядиться возможной военной добычей, взятой у Турции. Так о каком же общественном единстве в вопросе о войне можно говорить?

Конечно, никто не может отнять у народа права на войну, которую он понимает как справедливую, войну за объединение «племени» и территорию его проживания. Дело заключается, главным образом, в готовности или неготовности большей части населения воспринять эту войну как свою, народную, в истинном смысле этого слова, и на такой основе объединиться вокруг центральной идеи. Ибо доверие или недоверие народа к своим руководителям многое стоит. Но, скорее всего, именно заключение Балканского союза в начале 1912 г. заставило сторонников войны задуматься о необходимости реального сплочения общества, создании в массах воинственного настроения.

Так Болгария оказалась перед новой бифуркационной точкой своего существования, на этот раз порожденной внутренними обстоятельствами. На повестке дня были вопросы – война или мирное продолжение политической и экономической модернизации страны. Выбор предстоял радикальный: каждая из стратегий – и военная, и мирная – имела своих сторонников. Первая – среди военных, ряда политиков и, главное, армии организованных македонских эмигрантов, мечтавших освободить родину и вернуться к своим очагам; плодумывал о войне и царь Фердинанд. Вторая – среди низших слоев болгарского общества, состоявшего в основном из крестьянства, которое критически относилось к милитаризации страны. Эти стратегии открыто противостояли друг другу, что четко обозначил, например, Цанко Церковский, один из руководителей БЗНС, выступивший в 1910 г. со статьей такого содержания: «Болгария только что вступила на путь экономического развития, и сегодня ее силы должны быть направлены исключительно на закрепление того экономического подъема, который является единственным источником благоденствия народа, политических и гражданских свобод. Нынешнее македонование наших патентованных патриотов приведет к тому, что вновь отвлечет внимание общества в другое направление, и съебет производительные силы страны с правильного пути»⁴⁴.

Путь сплочения общества вокруг идеи войны был далеко не простым, и во многом, в силу указанных выше обстоятельств, искусственным. Он почти не отражен в историографии. Лишь Светлозар Елдаров, один из немногих болгарских историков, кто серьезно отнесся к теме и посвятил некоторым ее деталям специальную статью. При этом, думаю, не случайно, он отметил: имеет место замалчивание роли и значения уличного нажима на принятие судьбоносного для Болгарии решения – об объявлении Турции войны⁴⁵.

Труд Елдарова дает определенное представление о том, как весной–летом происходило постепенное (и организованное!) накаливание обстановки в Болгарии. Сначала «упол-

номоченные ВМОРО» университетские профессора Л. Милетич и Ив. Георгов отправились в поездку по странам Запада, очевидно, с ритуальной просьбой вмешаться и помочь. Но о какой конкретно помощи они просили, остается неясным. В конце апреля 1912 г. на специальной конференции в Софии они заявили, что для того, чтобы получить хоть какую-нибудь поддержку, надо организовать акцию изнутри, т.е. в Болгарии. «Это стало сигналом для объединения разных групп, течений и организаций», делает вывод Елдаров⁴⁶.

Ядром дальнейшей подготовки стали офицеры действующей службы и запаса болгарской армии, а также македоно-одринские эмигрантские комитеты. 17 июня на собрании в доме члена легального ВМОКа Д. Влахова была выработана позиция: во-первых, не допустить никакого дележа Македонии и Одринского края – признается только их автономия; и, во-вторых, добиться этого можно только путем войны, для чего необходимо воздействовать на правительство. Задачей легальной деятельности была названа организация давления на население путем собраний и прочего, с выходом на проведение всенародного собора. Нелегальная же организация должна была в течение месяца подготовить восстание в Македонии и таким образом вызвать войну между Болгарией и Турцией⁴⁷.

Сколь успешны были эти усилия? В этом отношении весьма любопытны наблюдения о состоянии болгарского общества французского военного атташе майора К. Л. де Матарела, прибывшего в Болгарию в мае 1912 г. Задаваясь вопросом – «хочет ли общественное мнение войны?», в докладе от 16/29 июня он отвечал на него так: «По-видимому, нет» и упоминал при этом бытующее мнение, что болгарин пробуждается, только если затронут его интересы. И заключал: «А в этот момент ничто им не угрожает, и масса остается безразличной»⁴⁸.

Офицер, блюдущий интересы Франции, которая заявляла о нерасположенности к войне в Европе, не удовлетворяется единственной констатацией. Наоборот, он постоянно следит за изменениями в настроении болгарского общества. В его докладе важными представляются такие строки: «Ни большинство населения, ни официальные круги, похоже, не хотят войны при нынешнем положении дел». От внимания Матарела не укрылись «тематические» митинги и собрания, проводившиеся в стране. В середине июля он пишет: «Действительно, продолжается обработка общественного мнения, но, похоже, что это напрасно. ... Короче, в целом общественное мнение остается спокойным и можно верить, что так и будет продолжаться, пока не случится какое-либо из осложнений, рассмотренных в моих последних письмах...»⁴⁹.

Но в следующем докладе – от 14/27 июля уже звучит тревога: «В армии офицеры македонского происхождения проявляют в последнее время сверхвозбудимость. Некоторые из них хотели бы даже начать военные действия без объявления войны, чтобы увлечь правительство»⁵⁰. В такой обстановке не хватало только зажженной спички. И ее запалили. Ею не стало, как было задумано раньше, восстание в Македонии, где преобладала в основном неграмотная крестьянская масса⁵¹, – видимо, наиболее активную часть ее населения уже смели предыдущие, жестоко подавленные восстания, и волны эмиграции. Так, за один только повстанческий 1903 г. в Болгарию переместилось около 32 тысяч человек; переселенцы направлялись еще и в Румынию, Сербию, Словению, и больше всего после Болгарии – в США⁵².

И ВМОРО пришлось удовлетвориться терактом в Кочани. За ним последовала кровавая расправа турецких властей с местным болгарским населением, погибли десятки человек. Эта-то провокация и была использована для развертывания по всей Болгарии истеричной антитурецкой митингово-журналистской кампании, размах которой должен был показать – Болгария хочет воевать, народ требует мести. Газеты выходили под лозунгами «Война? Народ хочет войны!», «К оружию!», «Долой миролюбцев!». Взрыв в Кочани был произведен левыми руководителями ВМОРО, но тогда никто особо не интересовался, как произошел теракт, кто и зачем его устроил. Эмоции переливали через край – наших бьют, надо отомстить.

«Сторонний наблюдатель» Матарел смотрел в корень событий – в донесении от 28 июля/10 августа 1912 г. он резюмировал: «Резня в Кочани должна была произойти не для того, чтобы привлечь внимание к Македонии, а чтобы заставить болгар заниматься ею. В последнее время они оставались совсем безразличными и были глухи к призывам бунтовщиков»⁵³. А два дня спустя в Софии был организован Конгресс македонских эмигрантских общин, где была принята резолюция с требованиями к болгарскому правительству немед-

ленно объявить мобилизацию. Предложенный членом руководства ВМОРО Александром Протогеровым левацкий лозунг «Сейчас или никогда!» быстро получил признание⁵⁴.

В одном из последних перед началом Балканской войны донесений – от 25 августа/7 сентября Матарел фиксировал: «Сознание народа действительно в пользу войны» и при этом особо отмечал – «среди части населения и, в частности, среди македонских бунтовщиков существует большое возбуждение, они заявляют, что предпочитают видеть Болгарию исчезнувшей, чем продолжать нынешнее положение». Что это – отголоски македонского антиболгаризма?

Дополнительный нюанс состоял в том, что, хотя Балканский союз был заключен от имени болгарского правительства и, безусловно, с ведома главы государства, царь Фердинанд все еще колебался. Адресатом масштабной македонской кампании летом 1912 г. были не только народные массы, но и сам Фердинанд. Ее пик был приурочен как раз к возвращению царя из-за границы и должен был убедить его – смотрите, Ваше Величество, в Болгарии есть кому воевать. По слухам, он получал угрозы от македонских революционеров расправиться с ним в случае отказа от объявления войны Турции. Даже в российской печати сообщения об августовской кампании в Болгарии подавались в таком стиле: националисты из союза «Гибель оттоманам» угрожали царю расправой, «если Македония не будет освобождена» («Утро России»). А позже передавались и, якобы, слова самого Фердинанда: «Если бы я противился войне, я, наверное, лежал бы головой на тротуаре» («Вестник Европы»)⁵⁵. Спрашивается, кто был так заинтересован в распространении «специальной информации» за пределами Болгарии?

Августовская провокация с целью пробудить у болгар мстительный инстинкт оказалась успешной. И на этой волне народ, посчитавший нужным ответить на насилие, на объявление Первой балканской войны (октябрь 1912 г.) откликнулся не без энтузиазма. И в ходе боевых действий проявил себя героически и самоотверженно. Военные успехи балканских союзников в первые недели сражений удивили и Запад, и Россию. Но первые же победные результаты, показавшие союзникам, что им уже есть, что делить из отвоеванных турецких владений, значительно повысили градус взаимной подозрительности. Уже в январе 1913 г. Сербия заявила о несогласии с установленным в союзном договоре разграничении взятых у Турции территорий; в феврале – о дополнительных компенсациях. Тогда же руководство ВМОРО поняло, что ни о какой автономии Македонии договоренности практически нет. Отсюда его первостепенной заботой становится «сделать все возможное, чтобы не позволить болгарскому правительству подарить болгарские земли сербам и грекам», как писал Т. Александров⁵⁶.

Особенно ухудшились внутрисоюзные отношения после заключения в мае 1912 г. отдельного договора между Сербией и Грецией, направленного против Болгарии. Помимо того, что это, естественно, накалило обстановку в Софии, Александров 16 мая выступил с декларацией от имени ВМОРО, заявив, что организация не признает никаких спорных земель и считает, что в границах Македонии существуют только болгарские земли. И продолжил: если македонский вопрос не решится так, как ВМОРО того хочет, она продолжит свою революционную деятельность и для достижения цели использует все имеющиеся в ее распоряжении средства, «не обращая внимания ни на Женевские, ни на какие другие международные конвенции»⁵⁷.

Александров называл войну «нашей» (т.е. ВМОРО), признавал, что теракты в Штипе, Кичево и в Кочани были проведены «наши», и что именно они явились поводом к ней. В назревавшей межсоюзнической войне этот один из самых радикальных лидеров македоно-одринской организации видел преимущественно «дело ВМОРО» и фактически отстранился от интересов собственно Болгарии, которой такая война была противопоказана. Как иначе оценивать его роковые заявления: «если правительство попытается избежать войны, то мы спровоцируем ее и заставим ее вести»⁵⁸.

Межсоюзническая война окончилась для Болгарии страшным поражением. И случилось это, главным образом, из-за непрофессионализма власти, низкого качества политического руководства страны, не умевшего добиться согласованных действий с военным начальством, из-за плохой дипломатической подготовки и непродуманных решений. К горькому заключению приходит болгарский историк Георгий Марков, тщательно изучивший материю Балканских войн: «Непростим проигрыш войны еще до ее начала»⁵⁹. Избранное в 1912 г. направление выхода из исторической развилки – в пользу войны – оказалось ту-

пиковым. Печальный конец эпопеи Балканских войн уже тогда означал для Болгарии крах надежд на достижение ее национального идеала, его неисполнимость. А наиболее зримым следствием ее военного поражения, да и всего комплекса взаимоотношений союзников во время обеих Балканских войн, стало образование вокруг Болгарии кольца враждебных соседних государств, которые так и не выпустили ее из состояния изоляции ни в 1920-е, ни в 1930-е годы. И немалая доля ответственности за плачевный результат, отбросивший страну на десятилетия назад, лежит на вызывающей, провокационной деятельности «македонских революционеров».

Впрочем, как показывает Д. Лабаури, после пережитого поражения и потерь многие четнические руководители, несмотря ни на что, продолжали находиться в плена максималистских лозунгов «все или ничего» и «сейчас или никогда»⁶⁰. Они скорее даже гордились тем, что ВМОРО играла самостоятельную роль в разжигании, как Первой, так и роковой для болгар Межсоюзнической войны. Но при этом мало думали о возможных последствиях или не думали об этом совсем, исповедуя приоритет интересов Македонии и Одринского края перед интересами матери-Болгарии.

- ¹ Проданов, В. Теория на българския преход. София, 2012.
- ² Паларе, М. Балканските привреде око 1800–1914. Еволюција без развоја. Београд, 2010, с. 209.
- ³ Проданов, В. Указ. соч., с. 99–101.
- ⁴ Свintila, B. Етюди по народопсихология на българите. София, 2007, с. 50.
- ⁵ Троцкий, Л. Очерки политической Болгарии / Л. Троцкий, Х. Кабакчиев. Москва–Петроград, 1923, с. 27.
- ⁶ Прешиленова, Р. Училище за промяна. // И настъпи време за промяна. Образование и възпитание в България. XIX–XX в. София, 2008, с. 21.
- ⁷ Иванова, Е. Балканите: съжителство на вековете. Изследване върху (не)състояването на балканската модерност. София, 2005, с. 165.
- ⁸ Генчев, Н. Очерци социално-психологически типове в българската история. София, 1987, с. 150.
- ⁹ Прешиленова, Р. Училище за промяна..., с. 21–22.
- ¹⁰ Пелева, И. Идеологът на нацията. Думи за Вазов. Пловдив, 1994, с. 8.
- ¹¹ Цит. по: Растворић, А. Велика Британија и Македонско питање. 1903–1908 године. Београд, 2011, с. 44.
- ¹² Тафрова, М. Танзиматът, вилаетската реформа и българите. Администрацията на Дунавския вилает. 1864–1876. София, 2010, с. 205.
- ¹³ Кънчов, В. Избрани произведения. Т. 1. София, 1970, с. 20.
- ¹⁴ Димитров, А. Раждането на една нова държава. Република Македония между югославизма и национализма. София, 2011, с. 187.
- ¹⁵ Там же, с. 219.
- ¹⁶ Илчев, И. Междено време. Дневник на един селянин, който не правеше «чудеса» в «най-чудесното» българско време. София, 2005, с. 274.
- ¹⁷ Там же, с. 72–73.
- ¹⁸ Толомео, Р. Италианската политика спрямо Княжество България от Освобождението до признаването на Фердинанд за български княз (1878–1896). // Италия, България и Балканите. 1870–1919. София, 2012, с. 64.
- ¹⁹ Костова, В. Македония и македонският въпрос в белгийски дипломатически документи. 1885–1908. // Илинденско-Преображенското въстание: връх в освободителните борби на българите. София, 2005, с. 343.
- ²⁰ Цит. по: Саздов, Д. «Войната» като път за разрешаване на българския национален въпрос в програмите и програмните документи на буржоазните партии от началото на XX век. // 90 години на организирани военноисторически изследвания в България. София, 2004, с. 348.
- ²¹ Гришина, Р. П. Лики модернизации в Болгарии (Бег трусцой по пересеченной местности). Москва, 2008, с. 156–157.
- ²² Димитров, А. Илинденско-Преображенското въстание като знак на българската историческа приемственост. // Илинденско-Преображенското въстание: връх в освободителните борби на българите. София, 2005, с. 52.
- ²³ Влахов-Мицов, Ст. Владетели в примка. Книга за княз Батенберг, цар Фердинанд и цар Борис III. София, 1992, с. 62.
- ²⁴ Влахов-Мицов, Ст. Указ. соч., с. 11–12. См. также: Илчев И. Митът за Сан-Стефанска България както «свещена крава» на българския патриотизъм. // История, София, 1995, № 6; Петков, П. Съдбата на българския върожденски идеал (бележки върху развитието на идеите за държавно устройство и политическото управление и реализацията им през XIX и XX век). // Двадесетият век.

Опит за равносметка. Сборник с доклади от българо-германска конференция, проведена на 3–4 март 2000. София, 2003, и др.

²⁵ Гришина, Р. П. Россия – Сан-Стефано – Болгария // България и Русия между признателността и прагматизма. Доклади. София, 2008.

²⁶ Проданов, В. Указ. соч., с. 93.

²⁷ Кайчев, Н. Македонийо, възжелана. Армията, училището и градежът на нацията в Сърбия и България. 1878–1912. София, 2006, с. 64, 92.

²⁸ Тодев, Ил. Бележки към проблема за генезиса и ролята на националната идея в Българското възраждане. // Епохи. Велико Търново, 1994, с. 40.

²⁹ Божинов, В. Българската просвета в Македония и Одринска Тракия. 1878–1913. София, 1982, с. 128.

³⁰ Гришина, Р. П. Между Болгарией и Македонией: Идеи и практика Тодора Александрова (миф о легендарном болгарском патриоте) // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009, с. 128–129.

³¹ Подробнее см.: Елдъров, Св. «Голямото разочарование»: България и въстанието. // Илинденско-Преображенското въстание: връх..., с. 175.

³² Димитров, А. Раждането на една нова държава..., с. 217, 255.

³³ Тодев, Ил. Бележки към..., с. 39.

³⁴ Саздов, Д. Указ. соч., с. 336, 339.

³⁵ Цит по: Саздов, Д. Указ. соч., с. 342.

³⁶ Гешков, Т. И. Земеделският съюз против войната. Как сдружениите земеделци се бориха против безумия на партите. София, 1921, с. 4.

³⁷ Стоянов, Хр. Българската радикална партия. 1906–1949. София, 1984, с. 74.

³⁸ Янчев, В. Апология на Българската социалдемокрация. 1891–1944. // Изследвания по история на социализма в България. 1891–1944. София, 2008, с. 73.

³⁹ Палангуруски, М. Избирателната система в България. 1879–1911. Велико Търново, 2007, с. 267.

⁴⁰ Штрандман, В. Балканские успомене. Београд, 2009, с. 45.

⁴¹ Централен държавен архив, ф. 1889к, оп. 1, а.е. 33: «Рапорт-анализ положения на Балканах», 1910.

⁴² Гришина, Р. П. Болгария на пути к войне и Болгарский земледельческий народный союз // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в. СПб, 2011, с. 22.

⁴³ Она же. К историографии темы: Россия и Балканский союз 1912 г. // Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия со дня рождения Владимира Константиновича Волкова. 1930–2005. Москва, 2010, с. 100–101.

⁴⁴ Цит по: Бел Дж. Александър Стамболийски и БЗНС. 1899–1923. София, 1993. с. 100–101.

⁴⁵ Елдъров, Св. Балканската война от «сега или никога» до «всичко или нищо». // Военноисторически сборник, 2006, № 4, с. 3.

⁴⁶ Там же, с. 5–6.

⁴⁷ Там же, с. 7.

⁴⁸ Балканската война през погледа на един французин. Сборник от документи. / Съст. Ст. Славова, Цв. Дойнова. София, 1977, с. 26.

⁴⁹ Там же, с. 42.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Гуринова, О. Создание болгарской администрации в Македонской военно-инспекционной области. 1915–1918 // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Зб. наукових праць. Харків, 2011. – Вип. 14. – С. 169.

⁵² Бойнакова, М. ВМОРО и иммиграцията на българите от Македония след Илинденско-Преображенското въстание. // Илинденско-Преображенското въстание: връх..., с. 249–250.

⁵³ Балканската война през погледа..., с. 47.

⁵⁴ Елдъров, Св. Балканската война..., с. 10.

⁵⁵ Гусев, Н. С. Тема славянского единства в русской периодической печати во время Балканских войн // Историки-слависты МГУ. Кн. 8. Славянский мир в поисках идентичности. М., 2011, с. 464.

⁵⁶ Гергинов, Кр. Непубликувани документи за дейността на Т. Александров и ВМОРО. 1910–1919. / Кр. Гергинов, Ц. Билярски // Военноисторический сборник, 1987, № 2, с. 204.

⁵⁷ Тодор Александров. Жivot легенда. София, 1991, с. 133.

⁵⁸ Гергинов, Кр. Из кореспонденцията на Пейо Крачолов Яворов с Тодор Александров. 1911–1914. / Кр. Гергинов, Ц. Билярски // Военноисторический сборник, 1985, № 3, с. 208.

⁵⁹ Марков, Г. Поуки от Балканските войни 1912–1913 г. // Военноисторический сборник, 2003, с. 27.

⁶⁰ Лабаури, Д. О. ВМОРО на распутье: поиски путей решения болгарского национального вопроса накануне Первой мировой войны // Политические проекты на Балканах. XIX–XXI в. (Работа находится в печати).

МАКЕДОНСКИЙ ВОПРОС ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ БАЛКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

A. H. Сквозников

Сквозников, О. М. Македонське питання у зовнішній політиці балканських держав в наприкінці XIX – на початку ХХ століття

У статті розглядається політика і етноконфесійна боротьба між балканськими державами (Болгарією, Грецією, Сербією та Румунією) за домінування у македонських землях наприкінці XIX – на початку ХХ століття. З'ясовані взулові аспекти взаємовідносин між різними етноконфесійними групами Македонії у досліджуваний період. Автор визначив методи, прийоми і засоби культурної, релігійної та національної пропаганди, здійснюваної правлячими колами балканських держав у Македонії щодо місцевого слов'янського населення.

Ключові слова: македонське питання, зовнішня політика, балканські держави, етноконфесійна боротьба.

Сквозников, А. Н. Македонский вопрос во внешней политике балканских государств в конце XIX – начале XX века

В статье рассматривается политическая и этноконфессиональная борьба между балканскими государствами (Грецией, Болгарией, Сербией и Румынией) за преобладание в македонских землях в конце XIX – начале XX века. Выявлены узловые аспекты взаимоотношений между различными этноконфессиональными группами Македонии в исследуемый период. Автор выявил методы, приемы и средства проведения культурной, религиозной и национальной пропаганды, осуществляемой правящими кругами балканских государств в Македонии в отношении местного славянского населения.

Ключевые слова: македонский вопрос, внешняя политика, балканские государства, этноконфессиональная борьба.

Skvoznikov, A. N. The Macedonian Question in the foreign policy of Balkan states in the late 19th – early 20th century

The paper aims at studying the most fierce political and ethno-confessional struggle among the Balkan states (Bulgaria, Serbia, Greece and Romania) for dominance in Macedonia in the late 19th – early 20th century, and also to reveal central aspects of mutual relations between various ethno-confessional groups in Macedonia at the beginning of the 20th century. The author has revealed methods, ways and means of realization of cultural, religious and national propaganda which is carried out by ruling circles of the Balkan states in Macedonia concerning the local Slavic population.

Keywords: Macedonian Question, foreign policy, Balkan states, ethno-confessional strife.

В начале ХХ века в центре внимания европейской дипломатии на Балканах оказалась Македония. Македонский вопрос, впервые возникший в европейской политике в последней четверти XIX века, в начале ХХ века превратился в острую балканскую проблему, затрагивавшую интересы как балканских государств (Османской империи, Болгарии Греции, Сербии и Румынии), так и великих держав (России, Австро-Венгрии, Великобритании, Германии), внимание которых к Македонии определялось, в первую очередь, ее важным геополитическим положением на Балканах.

В конце XIX – начале ХХ столетия Македония – историческая область на юге Балканского полуострова, входившая в состав трех вилайетов (областей) Османской империи (Салоникского, Битольского и Косовского) и населенная, в основном, славянами православного вероисповедания (болгарами и сербами), а также греками и румынами.

Национально-освободительная борьба христианского населения Македонии против турецкого гнета, тесно переплетавшаяся с экспансионистскими устремлениями балканских государств (Болгарии, Греции, Сербии и Румынии) в отношении македонских земель и затрагивавшая интересы великих держав, имевших свои планы в отношении Македонии как важнейшего стратегического региона на Балканах, составила сущность так называемого македонского вопроса.

С конца XIX века в связи с ожидаемым распадом Османской империи¹ в европейской политике возникла проблема определения будущих границ балканских государств

(Болгарии, Греции, Сербии и Румынии), интересы которых в случае раздела балканских владений Османской империи должны были неизбежно столкнуться в Македонии. В связи с этим, Македония в конце XIX – начале XX века становится объектом острого политического, религиозного и культурного соперничества между вышеназванными государствами, претендовавшими на владение этой областью или определенной её частью.

Для обоснования своих территориальных притязаний в Македонии Афины, София, Белград и Бухарест использовали различные аргументы: этнические, конфессиональные и так называемое «историческое право».

В самосознании греков Македония всегда отождествлялась с греческой национальной историей и государственностью². Греческие политические лидеры заявляли о том, что Македония, являясь колыбелью эллинской цивилизации, есть исконная территория проживания греческого народа.

Сербы, в свою очередь, обосновывали свои претензии в основном на кратковременном сербском господстве в Македонии во время правления Стефана Душана (1327–1358 гг.), а также исходя из того, что Македония перешла в руки турок в конце XIV в. не из-под болгарского, а из-под сербского владычества³.

Болгарские правящие круги обосновывали свои притязания на македонские земли тем, что, во-первых, Македония на протяжении длительного времени (хотя и с перерывами) в X–XII веках входила в состав Болгарского государства, во-вторых, большинство македонских славян использовало болгарский язык в своей устной и письменной речи. Действительно, культурная и этническая близость болгар и македонских славян являлись, на наш взгляд, весьма убедительным аргументом болгарской стороны, которую трудно было опровергнуть.

Не следует также забывать, что по условиям Сан-Степанского мирного договора 1878 г. между Россией и Турцией македонские земли, как известно, должны были войти в состав независимого Болгарского государства. Казалось, что судьба Македонии была решена. Но по условиям Берлинского трактата 1878 г., разрезавшего Болгирию на две части, Македония вновь возвращалась под власть Турции. Для болгарского народа условия Берлинского договора стали настоящей исторической драмой, а «Сан-Степанская Болгария», которая объединяла бы в своих границах большинство болгар, проживающих на Балканском полуострове, стала для них национально-государственным идеалом на долгие годы⁴.

Таким образом, Берлинский трактат 1878 г. сохранил важнейшие узлы конфликтов на Балканах (поскольку объединение народов по национальному признаку не было завершено) и спровоцировал болгаро-сербо-греческий конфликт за обладание Македонией. С этого момента Македония превратилась в яблоко раздора, в детонатор «порохового поруба Европы».

После окончания Берлинского конгресса в Македонии активизируется движение за национальное и политическое освобождение от османского господства. Руководство этой деятельностью взяли на себя Внутренняя Македонско-Одринская революционная организация (ВМОРО)*, созданная в г. Солуни (центр Салоникского вилайета) в 1893 г., а также Македонский комитет**, образованный в Болгарии в марте 1895 года.

Эти организации имели первоначально общую цель – достижение автономии Македонии с последующим присоединением ее к Болгарии. При этом руководители ВМОРО и ВМК кардинально расходились в вопросах тактики. Представители Верховного македонского комитета рассчитывали с помощью вооруженного восстания в Македонии спровоцировать там резню христианского населения турками и, как следствие, – вмешательство в македонские дела европейских держав, которые, по их мнению, и должны были при-

* До 1896 г. организация носила название Македонской революционной организации, затем, по 1902 г. называлась Болгарские македонско-одринские революционные комитеты, с 1902 г. по 1905 г. – Тайная македонско-одринская революционная организация, а в 1905 г. стала именоваться Внутренней македонско-одринской революционной организацией, подчеркнув тем самым свою непричастность к македонским комитетам, существовавшим в Софии, Афинах и Белграде. В уставе ВМОРО, принятом на съезде представителей этой организации в Салониках в 1896 г., говорилось, что целью Внутренней Организации является завоевание политической автономии Македонии революционным путем.

** После второго съезда в 1895 г. получил название Верховный македонский комитет, а в 1900 г. – Верховный македонско-одринский комитет.

нудить Порту ввести автономию в Македонии. Здесь явно превалировал внешний фактор. Иной точки зрения придерживались руководители Внутренней Организации (Д. Груев, Х. Татарчев, П. Попарсов, Г. Делчев), делавшие ставку на сознательное и массовое участие македонского населения в восстании и здесь важная роль отводилась четническому движению⁵. «Спасение Македонии – во внутреннем восстании. Кто думает иначе, тот лжет себе и другим», – говорил Гоце Делчев⁶.

Российские представители на Балканах постоянно отмечали, что ВМРО получала деятельную, хотя и тщательно скрываемую поддержку Софии, не терявшей надежду на решение македонского вопроса по сценарию 1885 года. Амбициозные планы правящих кругов Болгарии относительно Македонии не встречали поддержки в Петербурге. Там не без оснований опасались, что появление «Великой Болгарии» не только бы нарушило равновесие на Балканах и вызвало бы региональный кризис с непредсказуемыми последствиями, но и представило бы угрозу российским интересам в зоне Проливов⁷.

Кульминацией борьбы за освобождение Македонии стало восстание, начавшееся 2 августа 1903 г. и получившее название Ильинденское. Расчет революционеров, по мнению министра иностранных дел России графа В. Н. Ламздорфа, состоял в том, чтобы «подняв открытое восстание, вынудить Турцию на обычные для нее зверские репрессии, которые, в свою очередь, должны были, по их мнению, «заставить» Россию принять участие в деле и своей кровью купить присоединение Македонии к Болгарскому княжеству»⁸.

Поскольку Болгария после Берлинского конгресса сохраняла намерение вернуть себе Македонию, эта область превратилась в арену жесточайшей идеологической, политической и даже вооруженной борьбы между балканскими народами – болгарами, греками, сербами, албанцами и румынами.

Вплоть до последней четверти XIX века именно греческая сторона занимала в Македонии наиболее сильные позиции. Это было связано с тем, что все христианское население Македонии подчинялось Константинопольской патриархии, которая активно проводила политику эллинизации подвластных ей христиан, открывая греческие школы и церкви в тех областях Османской империи, где преобладало православное славянское население. Еще в 1844 г. официальной программой греческого национального движения на Балканах стала так называемая «Великая идея», которая предполагала воссоздание «Великой Греции» в границах бывшей Византийской империи. В состав нового греческого государства, согласно «Великой идее», должны были войти и македонские земли, а славянское население, живущее в Македонии, предполагалось насильно отчечить⁹.

В Афинах ясно понимали, что Османская империя клонится к закату и очень скоро на повестку дня встанет вопрос о разделе турецких владений. Тогда эллинизированная Македония станет естественной частью Великой Греции, которая имеет «историческое право» на эту область еще со времен Александра Македонского¹⁰.

В 1870 году был издан фирмант (указ) турецкого султана об учреждении самостоятельной болгарской церкви – Болгарского экзархата. Вслед за этим начался переход значительной части православного населения Македонии под юрисдикцию Болгарской церкви, что привело к заметному ослаблению греческого влияния в македонских землях. Таким образом, создание в Османской империи Болгарской православной церкви, независимой от Константинопольской патриархии, нанесло сильнейший удар по позициям Греции в Македонии.

Экзархат способствовал открытию в Македонии школ с целью формирования болгарского национального сознания у славянского населения Македонии. В связи с этим десятки тысяч македонских славян – патриархистов (причем не обязательно этнических болгар) с радостью приняли «схизму» и стали называться болгарами только ради того, чтобы слушать богослужение и получать образование на родственном и понятном им болгарском языке.Православных христиан, перешедших под юрисдикцию болгарской церкви, стали называть «болгароманами», в отличие от патриархистов, именуемых «грекоманами»¹¹.

Константинопольская патриархия крайне болезненно отреагировала на появление Болгарской экзархии: болгары были объявлены схизматиками и отлучены от Вселенской церкви. В свою очередь, греческое правительство после создания Болгарской экзархии, активизировало деятельность в Македонии и Фракии, где началась настоящая «битва за умы и сердца» местного христианского населения.

В 1894 г. в Афинах была создана националистическая организация Ethnike Hetairia («Этники Этерия») или «Национальное общество». Главной целью данной организации было провозглашено освобождение всех греков от турецкого гнета, но ее первоочередная задача состояла в том, чтобы противостоять болгарскому влиянию в Македонии. С этой целью Национальное общество Греции стало щедро финансировать греческие школы в Македонии. В результате, к началу XX века в Македонии действовало, согласно греческим данным, свыше 1400 школ, где обучались 80 000 учеников¹².

Сербия активно включилась в борьбу за установление своего влияния в Македонии в конце 60-х годов XIX века. В 1868 г. в Белграде был создан специальный «Комитет школ и учителей в Старой Сербии и Македонии», деятельность которого была сосредоточена в северо-западных районах Македонии, прежде всего в Косовском вилайете.

В 1887 г. при Министерстве просвещения Сербии было создано «Отделение школ и церквей вне Сербии», называемое также «Политико-просветительским отделением» при МИД, ставшее вскоре руководящим органом всей сербской национальной пропаганды в Македонии. Главными ее проводниками стали сербские консульства, открытые в 1886 г. в Скопье (Ускубе) и в Солуни, а в 1889 г. в Битоли и Приштине¹³.

О том, насколько сильны были сербские притязания на македонские земли, говорит следующий факт. В апреле 1901 г. король Александр Обренович в частной беседе с российским публицистом А. В. Амфитеатровым заявил, что Македония наряду со Старой Сербией (Косово и Метохия) является исконной землей сербского народа, которую Сербия никому не уступит¹⁴. При этом сербский генеральный консул в Салониках Ненадович в доверительной беседе с российским генконсулом А. А. Гирсом в декабре 1902 г. признавал, что «хотя в Солуни и ряде других пунктов Солунского вилайета открыты сербские гимназии и школы, настоящих сербов там не имеется»¹⁵.

Центральное правительство и местные турецкие власти Македонии для ослабления позиций болгар, в которых они видели основных своих противников, действуя по принципу «разделяй и властвуй», стали в противовес им поддерживать в Македонии влияние сербского патриарха и деятельность сербских школ. В результате северо-восток Македонии стал главным полем столкновения болгарской и сербской националистической пропаганды. Таким образом, турецкие власти, умело используя в своих интересах борьбу балканских государств, добивались одновременно самоистребления христиан в Македонии.

Главным проводником идеологического и политического влияния балканских государств в Македонии, как мы видим, была церковь и подчиненные ей школы. В каждом македонском селе, насчитывающем не менее 30 семей, та или иная христианская община имела право открыть свою школу. По отзывам русских консулов, школа в Македонии стала своеобразным «национальным знаменем»: посыпая своих детей в то или иное училище, родители тем самым выражали свое политическое тяготение к той или иной национальности. Жители Македонии окрещивали себя своеобразными этнографическими названиями «грекоманов», «болгароманов», «сербоманов», в зависимости от принадлежности к той или иной националистической идее¹⁶. По словам российского консула в Солуни А. Петряева, большая часть населения Македонии представляла собой «благодатную почву для национальной агитации, поскольку не имело ярко выраженного национального самосознания».

Американский корреспондент “Daily Express” Фредерик Моор, посетивший Македонию в 1903 г., отмечал необычный феномен, присутствующий во многих частях Македонии: «три брата из одной семьи придерживаются разных национальных предпочтений, принадлежат к трем разным национальным партиям»¹⁷. Подобную же ситуацию описывал и известный российский публицист А. В. Амфитеатров, побывавший в Македонии в начале XX века. По словам А. В. Амфитеатрова, «македонцы не имеют национального сознания, для македонца не важно считать себя болгарином или сербом. В Македонии можно найти семейства, в которых один брат скажет: «я болгарин», а другой будет уверять, что он серб»¹⁸. Следует заметить, что сам Амфитеатров склонен был считать македонцев «самостоятельной ветвью славянства промежуточно между болгарством и сербством»¹⁹.

Интересное наблюдение в связи с этим сделал во время поездки в Македонию в 1897–1899 гг. известный русский историк и политический деятель П. Н. Милюков: «Патриархисты» – сербоманы высмеивали «экзархистов» насмешливой фразой: «Ке дадешь пари, биту болгарином», то есть «дашь денег, стану болгарином»²⁰.

Обосновывая свои претензии на македонские земли, Сербия, Греция и Болгария ссылались также на этнический состав населения Македонии, который трактовался ими в соответствии с собственными интересами. Так, по болгарским данным, опубликованным в 1900 г., в Македонии всего проживало 2 258 224 человека. В том числе: 1 181 336 болгар, 228 702 грека, 700 сербов, 80 767 валахов, 128 711 албанцев, 499 204 турок, 67 840 евреев²¹. Официальной сербской статистикой в Македонии насчитывалось 2 048 320 сербов, 57 600 болгар, 201 140 греков, 165 620 албанцев, 231 400 турок, 69 665 валахов, 64 645 евреев²². В свою очередь, греческая сторона исходила из того, что в Македонии (без Косовского вилайета) проживало 1 724 818 человек: из них 652 795 греков, 332 162 болгарина, 634 017 турок, 25 101 валах, 53 147 евреев²³.

Таким образом, искаженные статистические данные о национальном составе населения Македонии, где каждая из сторон старалась преувеличить численность своего этноса, использовались балканскими государствами в качестве идеологического обеспечения их территориальных претензий на македонские земли. При этом у нас не вызывает сомнений тот факт, что болгарское население в Македонии превалировало. Об этом же свидетельствуют более достоверные данные российских консулов в македонских землях²⁴.

Позднее других балканских государств в борьбу за македонские земли вступила Румыния, действовавшая через валахов, говоривших на одном из диалектов румынского языка, имеющих румынские корни и проживавших в основном на юге Македонии. В начале XX века влахи упорно добивались от османских властей признания за ними прав отдельной народности и независимости от Греческой патриархии.

Греки, с огромным беспокойством взиравшие на пробуждение национального самосознания валахов в Македонии и не без основания опасавшиеся потерять свое вековое влияние на них, всячески старались отслеживать и сдерживать это движение. Греческое духовенство в начале XX в. заявляло, что все влахи, домогающиеся богослужения на своем родном языке, будут отлучаться от церкви²⁵. Несмотря на это, румынское правительство намеренно поощряло употребление румынского языка при богослужении в церквях, находящихся в центрах проживания влашского населения в Македонии, полагая, что со временем Патриархия вынуждена будет признать независимость румынской церкви как в самой Македонии, так и в остальных частях Европейской Турции.

В начале мая 1905 г. правительство Румынии обратилось к Порте с нотой, в которой содержалось требование об официальном признании румынской народности в Османской империи. В ноте указывался срок ответа – до 10 мая 1905 г. и добавлялось, что в случае отказа, Румыния разорвет дипломатические отношения с Османской империей²⁶. Порта, имея свои собственные политические расчеты в отношении македонских румын, приняла это ультимативное требование. 10 мая 1905 г. султан Абдул-Хамид II подписал ирадэ (указ), в котором официально признавалось наличие влашской (румынской) национальности в Турции и в частности в Македонии²⁷. Влахам были предоставлены те же права, которыми пользовались в Османской империи прочие немусульманские народности: право вести богослужения на родном языке и иметь своих делегатов в административных советах вилайетов²⁸. Влашские общины в Турции, в том числе в Македонии, получили также право открывать свои национальные школы, но при условии, что влахи останутся в подчинении Греческой патриархии²⁹.

Официальное признание турецкими властями влашской народности позволило Бухаресту открыть в Македонии свои консульства, что, в свою очередь, дало румынскому правительству легальные основания для поддержки своих единоплеменников – валахов. Расходы румынского правительства на содержание в Македонии румынских школ росли и достигли к 1912 г. 1 млн. франков в год. В Македонии в начале XX века функционировало уже свыше 30 румынских школ³⁰. Порта сочувственно отнеслась к усилиению деятельности румын в Македонии и косвенно оказывала им поддержку, поскольку последние, как и греки, были более лояльно настроены к турецким властям, нежели другие христианские народности Македонии.

После открытия румынских консульств в Македонии румынская пропаганда там значительно активизировалась, а это дало повод для новых враждебных акций со стороны греков в отношении валахов. Греческие четы, пользуясь негласной поддержкой афинского правительства, стали совершать карательные акции против влашских сел в Македонии, изъявивших желание выйти из-под юрисдикции Греческого патриархата. В ответ на это

в румынских городах прошли массовые антигреческие митинги. Греки, проживающие в Румынии, стали подвергаться гонениям³¹. В свою очередь, греческие общины Македонии (в Монастыре, Крушеве, Преспе) стали решительно требовать у патриархата отмены льгот, предоставленных влашам (право открывать свои национальные церкви, школы и проч.)³².

Греко-румынский конфликт из-за Македонии достиг своего апогея в сентябре 1905 г. 8 сентября Румынию неожиданно покинул греческий посланник Томбазис. В ответ румынское правительство отзвало из Афин своего дипломатического представителя. Фактически это был разрыв дипломатических отношений, хотя официально обе стороны не объявили об этом. 13 сентября Бухарест принял решение о закрытии всех существующих в Румынии греческих школ и церквей, а 22 сентября румынское правительство заявило о расторжении греко-румынского торгового договора 1900 г., что впоследствии нанесло существенный урон греческой экономике³³.

Следует отметить, что румынское движение в Македонии в начале XX века встретило сочувствие и поддержку у македонских болгар. В этот период наблюдается сближение влашов и болгар на фоне общего соперничества с греками в Македонии. Болгарский экзархат в 1904 г. разрешил даже влашским священникам проводить службы на их родном языке в церквях, принадлежащих болгарам³⁴. В свою очередь, руководители болгарских революционных комитетов в Македонии, ослабленных после разгрома Илинденского восстания 1903 г., в лице македонских влашов нашли себе надежных союзников для совместной борьбы с греками. Следствием этого союза стало появление в Македонии смешанных болгаро- влашских чет, сражавшихся с греческими отрядами³⁵.

Греческая сторона, наблюдая за успехами болгарской и румынской пропаганды в македонских землях, способствовавшей переманиванию славян и влашов в свой лагерь, стала прибегать к насилию, чтобы, запугав болгарское и влашское население Македонии, удержать их на своей стороне. Так, например, в начале марта 1906 г. греческие четники вырезали 60 человек беззащитного болгарского населения в селе Загоричани Костурской казы³⁶, а в конце июня 1907 г. греческие четы сожгли весь сжатый хлеб на полях, арендованных болгарами в селе Карлыкей Сересской казы³⁷. В одном только Битольском вилайете в 1905–1906 гг. действовало от 800 до 1000 греческих четников (андартов)³⁸. По сведениям австро-венгерского гражданского агента в Македонии, в 1906–1908 гг. андарты убили 531 и ранили 175 жителей Македонии (в основном болгар)³⁹. Греческие четы придерживались той же тактики, что и болгарские – они старались избегать стычек с подразделениями турецкой армии и полиции, нападая в основном на болгарские села и заставляя болгар-экзархистов переходить в подчинение к греческому Патриархату⁴⁰. По сведениям российского генерал-майора Ф. А. Шостака, участвовавшего с 1904 г. наряду с представителями других европейских держав в реорганизации турецкой жандармерии в Македонии, греческие четы, прибывавшие в Македонию из Греции, состояли в основном из жителей острова Крит, получавших за свое участие в четах солидное для того времени вознаграждение – по 50 франков в месяц⁴¹. По данным российского консула в Солуне А. Петряева, каждый грек, арестованный турецкими властями за свое участие в деятельности чет на территории Македонии, получал от греческого правительства за все время нахождения в тюрьме от 50 до 100 франков в месяц⁴².

В ответ на действия греческих чет, направленных на истребление болгарского населения Македонии, в некоторых городах Болгарии в июле 1906 г. прошли антигреческие митинги. В частности, 16 июля такой митинг состоялся в городе Филиппополе, в ходе которого в домах греческого квартала были перебиты стекла. Кроме того, в городе было разгромлено более 60 греческих лавок, несколько кофеен и две греческие школы⁴³. 17 июля в результате греческих погромов в городах Бургас и Станиスマк было убито несколько греков, а 23 июля 1906 г. в Софии прошел крупный антигреческий митинг, в котором участвовало более 20 000 человек⁴⁴. Собравшиеся составили обращение к болгарскому правительству, в котором потребовали: 1) разорвать с Грецией дипломатические отношения; 2) уволить всех греков, состоящих на службе в болгарских правительственные учреждениях; 3) изгнать из Болгарии греческих епископов и учителей, «сеющих смуту и вражду к болгарам». Собрание также предложило болгарскому народу бойкотировать греческие товары⁴⁵.

Необходимо отметить, что отношение центральной турецкой власти к различным оттенкам националистической пропаганды в Македонии было далеко не одинаковым.

Типичным приемом национальной политики Турции было поддерживать слабую, менее опасную национальную группу, против сильной. Осуществлялось это при помощи армии и посредством поддержки прочих национальных течений. Например, в Косовском вилайете, где сербское население преобладало над болгарским, турецкие власти в церковном и школьном вопросах становились на сторону болгар. В центральной части Македонии, где основную массу населения составляли болгары, турецкие власти поддерживали греков, а в греческих районах, на юге Македонии – влахов⁴⁶.

Корреспондент газеты «Новое время» Н. И. Рус в связи с этим, отмечал, что «нельзя не заметить по меньшей мере странного отношения турецких властей к греческим бандам. Вторжение их в Македонию из Греции продолжается постоянно... Редкий день проходит без того, чтобы в одном или другом болгарском селе не было убийства. Турецкие власти оказываются не в состоянии им помешать, а арестованных греческих четников зачастую отпускают»⁴⁷.

Период начала XX века в истории Македонии был справедливо охарактеризован российскими консулами как «смута». Македонская смута была вызвана целым рядом причин. В начале XX века, по словам министра иностранных дел России В. Н. Ламздорфа, в Македонии «прорвалась наружу давнишняя взаимная ненависть разноплеменных христианских народностей, в результате чего несчастная страна стала ареной братоубийственных кровавых распрай»⁴⁸. В свою очередь, российский посланник в Болгарии Ю. П. Бахметьев отмечал, что «злоба христианских рабов против угнетателей турок была менее сильна, чем фанатическое соперничество между различными ветвями православной церкви, в особенности болгарами и греками»⁴⁹. И в этом российский дипломат был абсолютно прав. Подобный антагонизм между двумя ветвями одной религиозной конфессии можно сравнить, пожалуй, лишь с кровавой враждой между католиками и лютеранами после Реформации. Однако здесь к нему прибавлялась еще и национальная ненависть между греками и славянами, которые совсем недавно избавились от многовекового засилья греческого духовенства на Балканах и, в частности, в Македонии.

Российские консулы, начиная с 1904 г., в своих донесениях постоянно сообщали о взаимных убийствах и нападениях друг на друга греков, болгар сербов и влахов в Македонии. Российский гражданский агент в Македонии Н. Демерик, в свою очередь, отмечал, что убийства, поджоги и насилия являются обыденными средствами «патриотической» пропаганды, а местное духовенство, особенно греческое, «открыто проповедует племенное ненавистничество»⁵⁰.

Наиболее ожесточенная борьба происходила в центральной части Македонии, где в период с 1904 по 1908 гг. совершались самые жестокие насилия и массовые убийства. «Пуля, нож, поджог и новомодная бомба, а с другой стороны – доносы властям, угрожающие письма и взаимное бойкотирование получают все большее употребление между христианами-соперниками», – отмечал Н. Демерик.

Необходимо подчеркнуть, что наиболее ожесточенная борьба в Македонии происходила между греками с одной стороны и болгарами и влахами – с другой, а также между болгарами и сербами. В начале 1908 г. противоречия между Болгарией и Сербией на македонской почве обострились до такой степени, что не исключалась возможность сербо-болгарской войны. По мнению российского посланника Д. Сементовского-Курило, София таким путем добивалась признания своих особых прав на Македонию. Болгария, только что отметившая свой тридцатый день рождения, готовилась решить «задачу, завещанную ей Сан-Степанским договором и вернуть в свой состав большую часть Салоникского, Монастырского и Косовского вилайетов с северным побережьем Эгейского моря»⁵¹.

Отношения греков с сербами были не так напряжены, благодаря заключенному в начале XX в. между греческими и сербскими консулами в Македонии и одобренному обоими правительствами негласному соглашению о разграничении сфер влияния и совместной борьбы с болгарами. По этому соглашению сферы влияния и пропаганда греческой церкви простирались на юг от Битоли, сфера же сербской пропаганды – на север от Крушева и Прилепа. Однако на территории между Крушевом, Прилепом и Битоли все же происходили отдельные столкновения между греками и сербами⁵². Российский посол в Константинополе И. А. Зиновьев в связи с этим справедливо отмечал, что вооруженные столкновения между «экзархистами» и «патриархистами» в Македонии приводят лишь к их взаимному уничтожению и ослаблению местного христианского населения, а также к обострению

отношения между Сербией и Болгарией, «что, в свою очередь, как нельзя более на руку Австро-Венгрии и Турции»⁵³.

Следует отметить, что борьба между различными христианскими народностями за преобладание в македонских землях способствовала в начале XX века активизации в Македонии и албанского национального движения. Лидеры македонских албанцев с начала XX века стали настойчиво требовать от турецких властей официального признания существующих в Македонии албанских национальных общин и предоставление им тех же прав, которые имели остальные общины Македонии, прежде всего, возможность открывать свои национальные школы⁵⁴. Управляющий российским Гражданским агентством в Македонии А. Петряев в связи с этим пророчески отмечал в 1908 г., что теперь «албанский элемент будет играть весьма важную роль в дальнейшей судьбе Македонии»⁵⁵.

В результате младотурецкой революции 1908–1909 гг. национальный вопрос в Македонии вышел на новый виток своего развития. Младотурки, прия к власти в Стамбуле, объявили своей официальной доктриной в национальном вопросе «османизм», зародившийся в Османской империи еще в 1830-е гг. и предполагавший объединение всех народностей, проживающих в Османской империи, в один «OTTOMАНСКИЙ» народ на основе всеобщего равенства перед законом. Так, согласно статье 8 младотурецкой конституции «все подданные Османской империи без различия и независимо от исповедуемой ими религии», называются «оттоманами»⁵⁶. Однако, как справедливо отмечал Управляющий российским Гражданским агентством в Македонии А. Петряев, равенство всех национальностей в Македонии, как и во всей Османской империи, было вряд ли достижимо, поскольку «сами турки стремятся к преобладанию над остальными народностями»⁵⁷.

Следует заметить, что смена турецкого правительства летом 1908 г. и провозглашение нового курса в национальном вопросе привело к временному ослаблению кровавых межнациональных усобиц в Македонии. Лидеры враждующих национальных общин заняли выжидательную позицию, решив пока не распускать четы, а лишь временно прекратить вооруженные действия.

С введением в Османской империи конституционного строя, запрещенные ранее болгарские, греческие, сербские, румынские и албанские национальные комитеты в Македонии превратились в различные политические клубы и начали легально осуществлять свою национальную пропаганду. Наиболее активно ее вели албанцы. В сентябре 1908 г. в Солуне был учрежден Албанский Национальный комитет Македонии. Наряду с комитетом были также открыты албанские политические клубы в Солуне, Битоли, Ускюбе и в некоторых других городах. На заседаниях этих клубов обсуждалась необходимость политической консолидации македонских албанцев, принадлежавших к разным религиозным конфессиям (мусульман, католиков, православных). С этой целью предполагалось активно способствовать открытию в Македонии большого числа албанских национальных школ и широкому распространению албанского языка⁵⁸.

Албанская национальная пропаганда в Македонии, по словам А. Петряева, достигла при младотурках значительных успехов. Лидеры македонских албанцев вновь заговорили о создании «Великой Албании» (впервые идея создания на Балканах «Великой Албании» была озвучена во время заседания так называемой Призренской лиги в 1878 г. в Косово и Метохии – С.А.). «Албанцы, – писал А. Петряев, – делают то, что в свое время делали болгарские и греческие четы, т.е. угрозами или обещаниями привлекают на свою сторону македонские села, пытаясь доказать, что населяющие Македонию болгары, греки, сербы и влахи – не что иное, как распространенные албанцы»⁵⁹.

По инициативе младотурок различные национальные клубы Македонии осенью 1908 г. разработали и представили на рассмотрение турецкому правительству свои проекты по решению остро стоящего в этом крае национального вопроса. Основным пунктом во всех национальных программах различных общин Македонии было право открывать в Македонии средние и высшие учебные заведения с преподаванием на родном языке. Младотурки выступили против такого предложения, заявив, что образование на всей территории Турции, в том числе в Македонии, должно быть унифицированным и осуществляться только на государственном турецком языке⁶⁰. Таким образом, младотурки, формально выступая за равенство всех народностей в Турции, фактически стали под лозунгом «османизма», проводили политику насильтенного отуречивания христианского населения Турции, в том числе Македонии.

Нежелание младотурецкого правительства решать в Македонии национальный вопрос приемлемым для проживающих там народов способом привело к тому, что к концу 1908 г. в Македонии после кратковременного затишья вновь вспыхнули межнациональные распри. Управляющий российским Гражданским агентством в Македонии А. Петряев сообщал в ноябре 1908 г., что «распры между греками и болгарами снова разрастается. В ближайшее время в Македонии могут начаться кровавые распри, которые, как надеялся младотурецкий комитет, с введением конституции должны были прекратиться»⁶¹. В свою очередь, исполняющий обязанности начальника русского отдела реорганизации жандармерии в Македонии подполковник Свирский сообщал: в начале января 1909 г. в греческом консульстве в г. Солуни состоялось собрание руководителей греческих чет, на котором было решено «котстаивать права Патриархии относительно церквей и школ от претензий болгар-экзархистов с помощью оружия»⁶².

Подводя итоги, следует отметить, что обострение борьбы между балканскими государствами (Болгарией, Грецией, Сербией и Румынией) за преобладание в Македонии превратило эту область в начале XX века в арену братоубийственной войны между балканскими народами, невинными жертвами которой стало население этого края, и в первую очередь – славянское, как наиболее многочисленное.

Возможность возникновения на Балканах крупного вооруженного конфликта, поводом для которого могла стать македонская проблема, заставила великие державы в начале XX века принять срочные меры для предотвращения серьезных потрясений в регионе. В итоге, российская и австро-венгерская дипломатия при поддержке остальных европейских держав разработала так называемую Мюрцштегскую программу реформ, целью которой являлась стабилизация положения в Македонии, путем улучшения положения местного христианского населения. Мюрцштегские реформы, проводимые в Македонии европейскими державами, стали первой и единственной, со временем возникновения македонского вопроса в европейской политике, практической попыткой мирного разрешения македонской проблемы. Однако в условиях деспотического турецкого режима совершенствование османских государственных структур и жандармерии не смогло существенно улучшить положение македонских христиан, и поэтому усилия европейской дипломатии оказались в основном бесплодными.

Приход к власти младотурецкого правительства, выступавшего категорически против участия европейских держав в делах Европейской Турции, окончательно похоронил надежды христианского населения Македонии на улучшение своего положения с помощью реформ. Младотурецкое правительство, изъявшее македонскую проблему из рук европейской дипломатии, не способно было решить ее, вопреки своим первоначальным обещаниям, в демократическом духе. После ликвидации системы европейского контроля Македония снова погрузилась в состояние анархии и смуты. В конечном счете македонский вопрос привел к взрыву «балканского котла», кипевшего до самого начала Первой мировой войны.

¹ См. об этом: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. / Отв. ред. Н. С. Киянина. М., 1978; *Кинросс, Л.* Расцвет и упадок Османской империи. Нью-Йорк, 1977 / Пер. с англ. М. Пальникова. М., 1999; В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 / Отв. ред. В. Н. Виноградов, В. И. Косик, О. В. Соколовская. М., 2003.

² Удунян, А. А. Политическая история Греции XX века. М., 2004, с. 11.

³ См. об этом: АВПРИ. Ф. 192. Миссия в Софии. Оп. 527/1, 1905, д. 10, л. 183, 291.

⁴ Сквозников, А. Н. Македония в конце XIX – начале XX века – яблоко раздора на Балканах: монография. Самара, 2010, с. 39.

⁵ Подробнее об этом см.: Ямбаев, М. Л. Четы Внутренней македонской революционной организации на начальном этапе деятельности // Славяноведение. – 2006. – № 1. – С. 22–28.

⁶ Цит. по: Задохин, А. Г. Пороховой погреб Европы. Балканские войны XX века. А. Г. Задохин, А. Ю. Низовский. М., 2000, с. 94.

⁷ АВПРИ, ф. 151. Политархив. Оп. 482, 1896, д. 37, л. 12–14.

⁸ АВПРИ, ф. 151. Политархив. Оп. 482, 1903, д. 564, л. 48.

⁹ Тошев, Д. Гръцката въоръжена пропаганда в Македония (1903–1912 гг.) // Военноисторически сборник. София, 1998. – № 5. – С. 26.

¹⁰ Задохин, А. Г. Пороховой погреб Европы, с. 40.

¹¹ Теплов, В. Греко-болгарский церковный вопрос по неизданным источникам. СПб., 1889, с. 80.

¹² Stavrianos, L. S. The Balkans 1815-1914. N. Y., 1963, p. 100.

¹³ Косик, В. И. Македония – споры, соглашения, войны // На путях Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий южнославянских народов. Конец XVII – начало XX вв. М., 1997, с. 323.

¹⁴ Амфитеатров, А. В. В моих скитаниях. Балканские впечатления. СПб., 1903 // Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / Сост. А. Л. Шемякина. СПб., 2006, с. 456.

¹⁵ Ямбаев, М. Л. Македония в 1878–1912 гг. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914. М., 2003, с. 301.

¹⁶ Исакова, О. Н. Исторические перипетии формирования македонской нации // Новая и новейшая история. – Выпуск 20. – Саратов, 2002, с. 166.

¹⁷ The Macedonian question: Culture, Historiography, Politics / Edited by Victor Roudometof. New York, 2000, p. 103.

¹⁸ Амфитеатров, А. В. Страна раздора: Балканские впечатления. СПб., 1907, с. 13.

¹⁹ Там же, с. 238.

²⁰ Милков, П. Н. Воспоминания (1859–1917): в 2-х т. Т. 1. М., 1990, с. 193.

²¹ История южных и западных славян в 2-х т. Т. 1. М., 1998, с. 522.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ См.: Ростковский, А. А. Распределение жителей Битольского вилайета по народностям и вероисповеданиям в 1899 г. // Живая старина. – 1899. – №1. – С. 62–112; Ростковский, А. А. Распределение жителей Солунского вилайета по народностям и вероисповеданиям в 1899 г. // Живая старина. 1904. – № 4. – С. 393–425, 565–583.

²⁵ Депеша, И. А. Зиновьев – В. Н. Ламздорфу. 5 мая 1907 г. // АВПРИ, ф. 166. Миссия в Белграде. Оп. 508/1, 1907, д. 114, л. 56.

²⁶ Новое время, 1905, 3 мая, с. 2.

²⁷ Arslan, Ali. Greek-Vlach conflict in Macedonia // Etudes Balkaniques. Sofia. – 2003. – № 2. – P. 85.

²⁸ Новое время, 1905, 13 мая, с. 2.

²⁹ Там же, 14 мая, с. 2.

³⁰ Stavrianos, L. S. The Balkan, p. 101.

³¹ Първанов, А. Македонският въпрос от освобождението 1878 до Балканската война 1912 г. // Изследвания по македонския въпрос. Книга 1. София, 1993, с. 409.

³² Новое время, 1905, 21 мая, с. 2.

³³ Новое время, 1905, 22 сентября, с. 2.

³⁴ Управляющий российским Генеральным консульством в Салониках Дьяченко – российскому поверенному в делах в Константинополе А. Н. Свечину. 18 мая 1904 г. // АВПРИ. Ф. 319: Гражданское агентство в Македонии. Оп. 631, д. 14, л. 27 об.

³⁵ Руски документи за Македонија и македонското прашанье (1859–1918). Скопье: Державен архив на Република Македонија, 2004, с. 372–373.

³⁶ Н. Демерик – И. А. Зиновьеву. 4 марта 1905 г. // АВПРИ. Ф. 180: Посольство в Константинополе. Оп. 517/2, 1907, д. 2865, л. 58.

³⁷ Генконсул России в Солуни Н. Н. Кохманский – российскому послу в Константинополе И. А. Зиновьеву. 21 июля 1907 г. // АВПРИ, ф. 319: Гражданское агентство в Македонии. Оп. 631, 1907, д. 14, л. 294.

³⁸ История македонского народа. Скопье, 1986, с. 152.

³⁹ Австро-венгерски документи за историјата на македонскиот народ 1907–1908. Т. 2. Скопје, 1998, с. 110–111.

⁴⁰ Ямбаев, М. Л. Македония в 1878–1912 г., с. 313.

⁴¹ Raport, Ф. А. Шостака – Начальнику Главного управления Генерального штаба России. 25 июля 1906 г. // АВПРИ. Ф. 151: Политархив. Оп. 482, 1905/1906, д. 2726, л. 237.

⁴² А. Петряев – И. А. Зиновьеву. 17 июля 1907 г. // АВПРИ. Ф. 180: Посольство в Константинополе. Оп. 517/2, 1907, д. 2867, л. 112.

⁴³ Новое время, 1906, 18 июля, с. 2.

⁴⁴ Там же, 25 июля, с. 2.

⁴⁵ Новое время, 1906, 25 июля, с. 2.

⁴⁶ Управляющий российским Гражданским агентством в Македонии А. Петряев – российскому послу в Константинополе И. А. Зиновьеву. 6 января 1909 г. Годовой отчет за 1908 г. о политическом положении в Македонии // АВПРИ. Ф. 180: Посольство в Константинополе. Оп. 517/2, 1909, д. 2869, л. 2 об.

⁴⁷ Новое время, 1905, 27 января, с. 2.

⁴⁸ АВПРИ. Ф. 151: Политархив. Оп. 482, 1904/1905, д. 3386, л. 57.

⁴⁹ Ю. П. Бахметьев – И. А. Зиновьеву. 11 мая 1904 г. // АВПРИ. Ф. 151: Политархив. Оп. 482, 1904, д. 2648, л. 159 об.

⁵⁰ Выписка из донесений Н. Демерика – И. А. Зиновьеву. 9–10 августа 1905 г. // АВПРИ. Ф. 165: Миссия в Афинах. Оп. 507, 1905, д. 1369, л. 184 об.

⁵¹ Цит. по: *Исаева, О. Н. Македония в проектах русской дипломатии (1908–1913): взгляд через столетие // Македония и Россия/СССР: история, политика, культура от Первой мировой войны до формирования современного македонского государства (1914–1944): Материалы IV македонско-российской научной конференции, Охрид, 17–18.09.2008. Скопье, 2011, с. 43.*

⁵² А. К. Беляев – И. А. Зиновьеву. 9 марта 1904 г. // АВПРИ. Ф. 319: Гражданское агентство в Македонии. Оп. 631, 1904, д. 15, л. 56 об.

⁵³ Секретная депеша И. А. Зиновьева – А. П. Извольскому. 9 мая 1907 г. // АВПРИ. Ф. 166: Миссия в Белграде. Оп. 508/1, 1907, д. 114, л. 77.

⁵⁴ Российский Генконсул в Солуни А. Петряев – российскому консулу в Битоли А. Н. Свечину. 21 июля 1906 г. // АВПРИ. Ф. 180: Посольство в Константинополе. Оп. 517/2, 1906, д. 2866, л. 128–128 об.

⁵⁵ Управляющий российским Гражданским агентством в Македонии А. Петряев – российскому послу в Константинополе И. А. Зиновьеву. 6 января 1909 г. Годовой отчет за 1908 г. о политическом положении в Македонии. // АВПРИ. Ф. 180: Посольство в Константинополе. Оп. 517/2, 1908, д. 2869, л. 6 об.

⁵⁶ Миллер, А. Ф. Турция: актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983, с. 62.

⁵⁷ Турецкая революция 1908–1909 гг. Документальная публикация // Красный архив. Т. 6. 1930, с. 36.

⁵⁸ А. Петряев – И. А. Зиновьеву. 13 сентября 1908 г. // АВПРИ. Ф. 180: Посольство в Константинополе. Оп. 517/2, 1908, д. 2868, л. 258–258 об.

⁵⁹ *Исаева, О. Н. «Македонская смута»: взгляд русских консулов // Славянский сборник. – Вып. 6. – Саратов, 2003, с. 116.*

⁶⁰ А. Петряев – И. А. Зиновьеву. 6 января 1909 г. Годовой отчет за 1908 г. о политическом положении в Македонии // АВПРИ. Ф. 180: Посольство в Константинополе. Оп. 517/2, 1908, д. 2869, л. 5 об.

⁶¹ А. Петряев – И. А. Зиновьеву. 11 ноября 1908 г. // АВПРИ. Ф. 180: Посольство в Константинополе. Оп. 517/2, 1908, д. 2868, л. 294–295.

⁶² Рапорт исполняющего обязанности начальника русского отдела реорганизации жандармерии в Македонии подполковника Свирского – Начальнику Главного управления Генерального штаба России. 18 января 1909 г. // РГВИА. Ф. 2000, оп. 1, 1909, д. 869, л. 92.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ К ВОСТОЧНОМУ ВОПРОСУ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИКИ «КОСВЕННОЙ ВОВЛЕЧЕННОСТИ» В БАЛКАНСКОМ РЕГИОНЕ)

О. И. Агансон

Агансон, О. И. Еволюція підходів Великої Британії щодо Східного питання наприкінці XIX – на початку ХХ ст. (на прикладі політики «дотичної залученості» в Балканському регіоні)

Мета статті полягає у тому, щоб зрозуміти зовнішньополітичні мотиви, котрі обумовили небажання Великої Британії активно втягуватися у балканські події на межі XIX–XX ст. Досліджується еволюція стратегії Лондона у Східному питанні в контексті перегрупування сил, що відбувалася на міжнародній арені. Автор виділяє різні моделі політики «дотичної залученості», притаманні Англії в Балканському регіоні, й аналізує зміст та характерні особливості кожної із них.

Ключові слова: Велика Британія, Східне питання, Балкани, Османська імперія, македонське питання.

Агансон, О. И. Эволюция подходов Великобритании к Восточному вопросу в конце XIX – начале XX в. (на примере политики «косвенной вовлеченности» в Балканском регионе)

Цель статьи состоит в том, чтобы понять внешнеполитические мотивы, обусловившие нежелание Великобритании активно вовлекаться в балканские события на рубеже XIX–XX вв. Исследуется эволюция стратегии Лондона в Восточном вопросе в контексте происходившей на международной арене перегруппировки сил. Автор выделяет различные модели политики «косвенной вовлеченности», практиковавшейся Англией в Балканском регионе, и анализирует содержание и характерные особенности каждой из них.

Ключевые слова: Великая Британия, Восточный вопрос, Балканы, Османская империя, македонский вопрос.

Aganson, O. The Evolution of Great Britain's approaches to the Eastern Question in the late 19th – early 20th century (the case of indirect involvement policy in the Balkans)

This paper aims at revealing the factors, which caused Britain's unwillingness to be involved in the Balkan political developments in the late 19th – early 20th century. The author investigates the evolution of London's strategy towards the Eastern question in the context of realignment of forces, which took place in the world politics of that time. Several models of Britain's policy of indirect involvement in the Balkans are outlined.

Keywords: Great Britain, the Eastern question, the Balkans, the Ottoman Empire, the Macedonian question.

В конце XIX – начале XX в. соперничество великих держав на почве Восточного вопроса задавало вектор развития международных отношений. Великобритания как ведущая мировая держава, обладавшая обширнейшей колониальной империей, не могла дистанцироваться от урегулирования этой сложнейшей международно-политической дилеммы, в центре которой стояла судьба Османской империи, ее европейских и азиатских территорий. Поскольку постоянным источником беспокойства для Лондона был вопрос обеспечения безопасности морских и сухопутных коммуникаций между метрополией и колониями, то подходы Англии к Восточному вопросу определялись прежде всего соображениями геостратегического порядка.

Примечательно, что современники событий, как, скажем, британский историк и видный эксперт в ближневосточных делах Уильям Миллер, трактовали суть Восточного вопроса как проблему заполнения вакуума силы, возникшего вследствие исчезновения Турции из Юго-Восточной Европы¹. Подобная сосредоточенность на балканской компоненте Восточного вопроса обусловливалась тем, что в конце XIX – начале XX в. Балканы, ввиду роста национально-освободительных движений, процессов национального строительства и формирования независимых государств, стали тем полем, на котором в наибольшей степени проявился конфликтогенный потенциал Восточного вопроса.

Что касается Великобритании, то она традиционно декларировала свою незаинтересованность в делах Юго-Восточной Европы. Вместе с тем, британское правительство не

могло игнорировать геополитического фактора Балкан, являвшихся своего рода мостом между Европой и Ближним Востоком, а также тот факт, что у других великих держав имелись жизненно важные интересы в данном регионе. В связи с этим Лондон просто не мог самоустраниться от урегулирования балканских проблем.

Между тем, специфика внешнеполитической «доктрины» Великобритании заключалась в том, что, будучи глобальной державой, она всячески избегала брать на себя ответственность и излишние обязательства, сопутствующие статусу мирового лидера, в решении вопросов, напрямую не соприкасавшихся с проблемой безопасности британской колониальной империи. Так было в случае с Балканами на рубеже XIX–XX вв., на пространстве которых Лондон практиковал политику «косвенной вовлеченности». Наша цель заключается в том, чтобы понять содержание политики «косвенной вовлеченности» в Балканском регионе, выявить ее формы и установить границы ее реализации. Все это позволит нам проследить эволюцию подходов Великобритании к Восточному вопросу в контексте тех подвижек, которые происходили в системе международных отношений в обозначенный период.

На протяжении всего XIX века Англия выстраивала свой внешнеполитический курс на Балканах в зависимости от существовавшей расстановки сил на Ближнем Востоке, т.е. от усиления там влияния другой великой державы и ее возможного преобладания в Азии. В условиях, когда британские правящие круги воспринимали Россию в качестве главного стратегического соперника на Востоке, поддержание территориальной целостности Османской империи являлось домinantой политики Лондона в Ближневосточном регионе. Эти внешнеполитические представления были реализованы лордом Г. Пальмерстоном в период Крымской войны 1853–1856 гг. и Б. Дизраэли во время Восточного кризиса 1875–1878 гг.

Ближневосточная стратегия Пальмерстона и Дизраэли заключалась в том, чтобы не позволить России установить контроль над ключевым коммуникационным узлом того времени – Константинополем, Проливами и прилегающими к ним территориями, в том числе балканскими. В таком контексте любое восстание в Османской империи рассматривалось Уайтхоллом как представляющее опасность для британских интересов, поскольку оно могло спровоцировать вмешательство великих держав, а, значит, возрастала вероятность иностранной оккупации части турецкой территории.

Лондон выступал против образования независимых государств на национальных окраинах Османской империи, даже если для этого существовали объективные предпосылки. Данный тезис без каких-либо оговорок распространялся и на Балканы, где традиционно было сильно влияние России, покровительствовавшей единородным и единоверным ей народам. Английское правительство рассматривало национально-освободительные движения балканских христиан как деструктивный фактор ближневосточной политики, инспирированный из Петербурга. Руководствуясь подобными соображениями, Лондон приложил максимум усилий, чтобы амортизировать тяжелые для Турции последствия от поражения, которое она потерпела в войне 1877–1878 гг. с Россией. Так, под жестким британским прессингом был аннулирован Сан-Стефанский прелиминарный договор и вместо него – подписан Берлинский трактат. В соответствии с последним, в состав Османской империи возвращались обширные территории на Балканах – Македония и Фракия, а Болгария была разделена по Балканскому хребту (на самоуправляющееся Болгарское княжество и Восточную Румелию, остававшуюся под прямой юрисдикцией Порты)².

Несмотря на дипломатическую победу, одержанную Англией на Берлинском конгрессе 1878 г., и сохранение турецкого присутствия на Балканах, все же нельзя говорить о том, что Лондон безоговорочно солидаризировался с Портой. Скорее поддержка Турции рассматривалась британскими правящими кругами в качестве вынужденной меры. Как отмечал британский посол в Константинополе Ч. Стрэтфорд-Каннинг, «из двух зол (утверждение России на Босфоре или опора на Османскую империю с ее административным произволом – *O.A.*) надо выбирать меньшее»³. Британский истеблишмент прекрасно понимал, что Турция находилась в состоянии глубоко упадка. Модернизация Османской империи, в частности ее финансовой системы и аппарата управления, на взгляд Лондона, являлась обязательным условием английской поддержки. Еще Пальмерстон, главный апологет сохранения территориальной целостности Турции, говорил о том, что

Англия не собиралась воевать за «мертвое тело»⁴. Так, способность Порты сдерживать армию и флот, т.е. эффективно противостоять России, напрямую зависела от успешной реорганизации имперской финансовой системы⁵. Но все попытки проведения реформ в Османской империи в середине XIX в., известные в истории как Танзимат (1839 – начало 1870-х гг.), по большей части оказались безрезультатными. В свете этого балканское урегулирование 1878 г. оценивалось рядом британских политиков как временное. Прогрессирующее ослабление Османской империи предполагало, во-первых, вероятное российское вторжение на ее территорию в будущем, во-вторых, дальнейшую активизацию национально-освободительных движений в балканских вилайетах и их возможный откол от Турции⁶. Все это, на взгляд лорда Р. Солсбери, с 1878 г. занимавшего пост статс-секретаря по иностранным делам (с 1885 – премьер-министра), могло привести к катастрофическим последствиям с точки зрения британских интересов – утверждению русского влияния в азиатских провинциях Османской империи (Сирии, Малой Азии и Месопотамии)⁷. Укрепление позиций России на азиатских территориях Турции, по убеждению официального Лондона, представляло угрозу для британских коммуникаций на Востоке и сообщения с Индией⁸. В условиях, когда проблемы европейских и азиатских провинций Османской империи составляли единый комплекс противоречий, баланская политика Англии формировалась под воздействием отношения Лондона к ситуации в азиатских владениях султана.

Таким образом, не отказываясь от принципа территориальной целостности Османской империи, Британия была вынуждена диверсифицировать средства обеспечения своих интересов на Ближнем Востоке. Внешнеполитический инструментарий Лондона варьировался в зависимости от обстоятельств.

Одним из таких средств являлась оккупация тех турецких территорий, которые в стратегическом отношении представляли жизненно важное значение для Британской империи. Так, в 1878 г. Англия заставила Порту заключить с ней так называемую Кипрскую конвенцию, в соответствии с которой Лондон обещал защищать турецкие владения в Азии в обмен на право оккупировать Кипр для обеспечения оптимальных условий базирования британского флота и войск⁹. Подобными соображениями, возможно, иначе сформулированными, была вызвана британская оккупация Египта в 1882 г., которая упрочила контроль Англии над Суэцким каналом.

Другой способ, к которому обращалась Британия для реализации своих интересов на Ближнем Востоке, заключался в налаживании партнерских отношений с Австро-Венгрией, стремившейся к гегемонии на Балканах. Существовавшая в 1870–1880-х гг. многополярная структура системы международных отношений при негласном британском лидерстве позволяла Лондону создавать региональные комбинации с участием других великих держав. Перед Англией и Австро-Венгрией стояла общая задача – не допустить преобладания в регионе России. Они исходили из того, что Турция не располагала достаточными ресурсами для энергичного отпора своей могущественной северной соседке и, в конце концов, могла или уступить ей, или с ней договориться¹⁰. С целью исключить подобный вариант развития событий Англией и Австро-Венгрией в 1887 г. были заключены соглашения о поддержании статус-кво на Востоке и сохранении территориальной целостности Османской империи (Средиземноморская Антанта)¹¹. Державы заявили о своем намерении оказать Турции содействие в случае ее сопротивления иностранному вторжению¹². В случае если же Порта поддастся внешнему давлению, то они оговаривали за собой право временно оккупировать части османской территории¹³. Причем Вена была склонна трактовать этот пункт как санкцию на занятие ряда балканских провинций (при одновременной отправке эскадры в Дарданеллы)¹⁴. Британское правительство в лице Солсбери, в свою очередь, высказывалось за распространение Средиземноморских соглашений на малоазиатские провинции султана. Ведь угроза Проливам, как отмечал британский премьер-министр, могла исходить не только с запада, но и с востока¹⁵. Фактически Британия и Дунайская монархия очертили «сфера ответственности» в отношении территорий Османской империи.

Поддержка Порты и взаимодействие с Австро-Венгрией являлись традиционными инструментами в арсенале британской дипломатии, когда речь шла о сдерживании России на Ближнем Востоке. Между тем, в рассматриваемый период происходило усложнение международных отношений. Проявлением данной тенденции стало превращение

Балканского региона в отдельный сегмент международной системы. Это означало, что местные игроки, как продемонстрировал Болгарский кризис 1885–1886 гг., стремились к проведению самостоятельного внешнеполитического курса. Так, внутреннее, не спровоцированное внешним вмешательством, движение за объединение Болгарии и Восточной Румелии, ссора болгарского князя Александра Баттенберга с Петербургом, убедительная победа над сербами в войне 1885 г. свидетельствовали о том, что правящие круги княжества были способны принимать самостоятельные внешнеполитические решения. Расширявшаяся Болгария, стремившаяся избавиться от опеки России, вызывала благосклонное отношение Англии¹⁶. В свою очередь, британское руководство, под воздействием событий в Болгарии, переоценило удельный вес и функции балканских государств в региональной политике. Во время Болгарского кризиса официальный Лондон в лице лорда Солсбери фактически взял на вооружение тезис британской либеральной общественности о создании «пояса из христианских государств между Россией и Константинополем»¹⁷. В британском восприятии Болгария превратилась из сателлита России на Балканах в преграду на пути ее продвижения в Восточное Средиземноморье.

Однако в 1890-е гг. международная обстановка изменилась в неблагоприятную для Англии сторону. На мировой арене происходило нарастание англо-германского антагонизма. Озвученная Берлином *Weltpolitik* была вызовом для *Pax Britannica*. В частности, Германия активизировала свою политику на Ближнем Востоке, в результате чего ее влияние сделалось преобладающим в Турции. В изменившихся международных реалиях поддержание целостности Османской империи и сотрудничество с Австро-Венгрией, близкой союзницей Германской империи в Европе, потеряли для Англии свою актуальность. В ситуации, когда прогерманская ориентация Турции представляла потенциальную угрозу для британских имперских коммуникаций, Лондону требовалось переоценить прежние внешнеполитические императивы на Балканах и Ближнем Востоке.

Принципиальным моментом является то, что это концептуальное переосмысление происходило в условиях модификации одной из базовых установок британской ближневосточной политики, заключавшейся в противодействии захвату Россией Константинополя. В феврале 1903 г. британский Комитет обороны империи (КОИ) пришел к заключению о том, что «поддержание статус-кво в отношении Константинополя не является первостепенным морским или военным интересом этой страны». Признавалось, что оккупация Россией города на Босфоре предоставит ей определенные преимущества и будет сопряжена с некоторыми трудностями для Англии, которые, однако, «не носят судьбоносного характера, как иногда утверждалось»¹⁸. Указывались проблемы, с которыми столкнулась бы Россия в случае реализации подобного замысла: большие потери флота при захвате Босфора и необходимость превращения Константинополя в военно-морскую базу (если она хотела стать средиземноморской державой)¹⁹.

Британия, как отмечалось на заседании КОИ, не собиралась действовать в одностороннем порядке в вопросе защиты Константинополя, поскольку эта проблема, на взгляд английских военных, представляла первостепенный интерес в первую очередь для Турции, а затем для Европы²⁰. Фактически Лондон слагал с себя свои традиционные обязательства. Экстраполирование этого решения на ситуацию в Балканском регионе допускало дестабилизацию обстановки на полуострове и отказ от поддержания там статус-кво. В результате в балканской политике Лондона произошло смещение приоритетов с общесистемного уровня до регионального, что способствовало повышению внимания Форин оффис к внутрибалканским процессам, главным образом к проблеме Македонии.

Активизация в начале XX в. национально-освободительного движения в Македонии и Фракии обозначила новую веху в развитии Восточного вопроса и связанную с этим проблему территориальной целостности европейских провинций Османской империи. Илинденско-Преображенское восстание 1903 г., подготовленное проболгарскими революционными организациями ВМОРО (Внутренняя Македонско-Одринская революционная организация) и ВМК (Верховный македонский комитет), актуализировало вопрос о праве великих держав вмешиваться во внутренние дела Турции и границах этого вмешательства. Данное обстоятельство приобретало для Лондона особую значимость в контексте поиска путей воздействия на обстановку в регионе.

Расстановка сил, сложившаяся на международной арене, способствовала изоляции позиций Великобритании в Юго-Восточной Европе. Против Англии, прежде всего, рабо-

тал фактор австро-русской Антанты: Вена и Петербург, позиционировавшие себя в качестве наиболее заинтересованных сторон в делах Балканского полуострова, в 1897 г. пришли к соглашению по вопросу поддержания статус-кво в регионе²¹. Результатом австро-русско-турецкого сотрудничества стали два проекта «умиротворения» Македонии: Венская (февраль 1903 г.)²² и Мюрцштегская (октябрь 1903 г.)²³ программы реформ. Второй пакет преобразований явился австро-русской реакцией на Илинденско-Преображенское восстание. Хотя в Мюрцштегской программе предусматривалось введение института гражданских агентов, а также частичный европейский контроль за финансовой и судебной системой европейских вилайетов, она носила довольно общий и расплывчатый характер и не ограничивала суверенитет сultана над македонскими территориями.

Ситуация для Британии усугублялась тем, что в среднесрочной перспективе Мюрцштегская программа, нацеленная на снижение напряженности в балканских провинциях сultана, соответствовала внешнеполитическим установкам Германии, чьи позиции на Ближнем Востоке продолжали укрепляться. Так, в 1903 г. была окончательно подтверждена концессия Берлина на строительство Багдадской железной дороги; были заключены дополнительные контракты на поставку германского оружия в Турцию²⁴. В свете этого даже такой яростный сторонник сохранения неограниченной власти сultана над балканскими вилайетами, как германский посол в Константинополе Маршалль фон Биберштейн, настоятельно советовал сultану поддержать проект Вены и Петербурга. Порта, по его уверениям, могла навести порядок в Македонии, только опираясь на Россию и Австро-Венгрию, и единственный способ это сделать – осуществить намеченные реформы²⁵.

В создавшихся условиях тактика Лондона заключалась в том, чтобы, по возможности, растворить австро-русский «дуэт» в «европейском концерте», т.е. способствовать дальнейшей интернационализации македонского вопроса. Британия, которая, в отличие от России и Австро-Венгрии, не располагала реальными рычагами давления на местные общества, решила в очередной раз обратить свою «косвенную вовлеченность» на Балканах во внешнеполитическое преимущество. Британский статс-секретарь по иностранным делам лорд Г. Лэнсдаун, заявляя об отсутствии у Англии прямых интересов в европейских провинциях Турции, мотивировал ее политику исключительно гуманитарными соображениями²⁶. Такая постановка вопроса позволяла Лондону претендовать на роль беспристрастного арбитра в балканских делах. С одной стороны, Британия довольно остро критиковала Мюрцштегскую программу реформ и всячески подчеркивала свою непричастность к ее разработке²⁷. Уайтхолл, в противовес австро-русскому плану, настаивал на проведении в Македонии более радикальных преобразований²⁸. С другой стороны, стремясь использовать македонский вопрос как своеобразную платформу для внешнеполитического маневрирования, Британия сочла целесообразным принять участие в ее реализации в рамках «европейского концерта»²⁹.

Избрав подобную линию поведения, Англия, как представляется, намеревалась не только «зарезервировать» за собой особое положение в неформальном «клубе» великих держав, но в определенной степени сигнализировала малым балканским странам и народам, что она в качестве европейского лидера осознавала свою ответственность за улучшение условий жизни местного населения и была готова выполнять обязательства, возложенные на нее статьей 23 Берлинского трактата. В таком контексте весьма показательным является некоторое совпадение контрпредложений Лэнсдауна по Мюрцштегской программе и требований македонских инсургентов, причем в таких принципиальных вопросах, как назначение в Македонию христианского генерал-губернатора и введение там европейского контроля³⁰.

Вместе с тем следуя своей обычной тактике ограниченного вмешательства в дела Балканского полуострова, британское правительство избегало в открытую солидаризоваться с антитурецким движением, дабы не захлопывать «окно возможностей» во взаимоотношениях с Портой, в частности рассчитывая на получение от нее выгодных концессий. В свете этого Форин оффис следовало найти альтернативные каналы проведения британского влияния в регионе. Эта задача в общем-то им была решена блестяще через налаживание диалога с неофициальными кругами, представленными левым крылом Либеральной партии, так называемыми радикалами. В своих внешнеполитических возврзениях, в том числе в подходах к Восточному вопросу, радикалы опирались на идеи, сформулированные

в 1870-х гг. лидером либералов У. Гладстоном. Он, в отличие от тогдашнего премьер-министра Б. Дизраэли, призывал Британию ориентироваться на динамичные, жизнеспособные балканские народы, а не на дряхлеющую Османскую империю³¹. Радикалы возлагали ответственность на Англию за то бедственное положение, в котором находились балканские провинции. Ведь именно под давлением Лондона они были в 1878 г. возвращены в состав Турции. А потому, на взгляд радикальной общественности, британское правительство было просто обязано принимать самое активное участие в проведении реформ на этих периферийных территориях Османской империи³². Таким образом, радикалам на теоретическом уровне удалось обосновать право Великобритании вмешиваться во внутренние дела Турции во имя исполнения общечеловеческого долга.

Более того, представители неофициальных кругов участвовали в формировании практического механизма проведения британского влияния в регионе. В 1903 г., на волне восстания в Македонии, был создан Балканский комитет, в который вошли известные политики и журналисты либерального толка, ученые, религиозные деятели. Они инициировали проведение многочисленных благотворительных акций и мероприятий просветительского характера, организовывали различные фонды для оказания помощи жителям македонских вилайетов, пострадавшим во время подавления восстания³³. Журналисты ведущих британских изданий подробно и добросовестно освещали ситуацию в Македонии, интервьюировали вождей повстанцев³⁴. Таким образом, нарабатывались контакты между британскими интеллектуалами и представителями прессы, с одной стороны, и местной элитой и лидерами национально-освободительного движения – с другой. Все это в восприятии балканских обществ превращало Англию во влиятельного внешнего игрока в регионе.

На примере македонского вопроса отчетливо прослеживалось стремление Лондона использовать волнения на Балканах как инструмент давления на Порту, чем отчасти объяснялась «острота» британской критики турецкой администрации. Однако во многом эти действия возымели обратный эффект: в глазах Порты британская общественность при молчаливом согласии Уайтхолла поддерживала македонских сепаратистов, преимущественно болгарского происхождения. Так, турецкий посол в Лондоне, по поручению своего правительства, призывал Форин оффис ограничить деятельность британских благотворительных организаций в Македонии на том основании, что они оказывали всяческое содействие мятежникам, укрывавшимся в Болгарии³⁵. Естественно, все это вносило дополнительную напряженность в англо-турецкие отношения. Так, например, видные османские интеллектуалы рассматривали интенсификацию британской вовлеченности на Балканах как проявление «туркофобии». По словам турецкого вице-консула в Великобритании Халил Халида, в английской прессе как радикальной, так и джингистской направленности из номера в номер повторялись предложения «вырвать» из рук турок дела их собственной страны и «назначить губернаторов-христиан, которых Проведение, несомненно, наделит особым административным гением»³⁶.

В рассматриваемый период британо-османские отношения упали до предельно низкой отметки. В начале 1906 г., во время так называемого Акабского кризиса, Англия и Турция оказались на грани военного столкновения. Кризис был спровоцирован англо-турецкими противоречиями из-за египетской границы на Синае³⁷. Британским комитетом обороны империи даже прогнозировалось совместное выступление Германии и Османской империи против Англии на Востоке и их наступление на Египет³⁸. При таком сценарии развития событий Англия не просто утратила бы стратегическую инициативу, но под ударом оказались бы ее имперские коммуникации. Возможный германо-турецкий альянс привел бы к силовому дисбалансу на Ближнем Востоке, выражавшемуся в асимметричном усилении позиций Германии в регионе.

Противовесом такой политической комбинации явилось бы сотрудничество с Россией, для которой турецко-германский союз и германское доминирование в регионе затрудняли реализацию ее внешнеполитических интересов на Ближнем Востоке, прежде всего установление контроля над Проливами. Поскольку между Лондоном и Петербургом существовали глубокие противоречия в Азии, и процесс их урегулирования был долгим и сложным, несмотря на заключение Антанты в 1907 г., то тенденция англо-русского сближения в наибольшей степени проявилась на Балканах. Так, влиятельный британский

журналист Дж. Гарвин писал о расширении географии англо-русского «согласия», его распространении на Европу, наглядным подтверждением чего стало свидание Николая II и Эдуарда VII в Ревеле в июне 1908 г.³⁹. Достижение сторонами консенсуса по вопросу македонских реформ во время Ревельского саммита оценивалось современниками как «событие исторического масштаба, поскольку впервые за сотню лет Англия и Россия, при полной поддержке Франции, смогли договориться о принципах решения Восточного вопроса»⁴⁰. В свете этого компромисса по македонской проблеме казался первым шагом на пути консолидации Тройственной Антанты.

Таким образом, Восточный вопрос, явившийся на протяжении длительного времени причиной жесткого дипломатического и военно-политического противостояния Лондона и Петербурга, стал подходящим полем для реализации англо-русского партнерства. Вместе с тем, как показали последующие события в регионе: Боснийский кризис 1908–1909 гг., Балканские войны 1912–1913 гг., Июльский кризис 1914 г. – взаимодействие с Россией в рамках Антанты предполагало активное присутствие Великобритании на балканском пространстве, что означало конец политике «косвенной вовлеченности».

Подводя итоги нашим размышлениям, можем констатировать конъюнктурность, ситуативность британской политики в отношении Восточного вопроса, что безусловно делало ее более гибкой и предполагало довольно широкий набор опций для ее реализации. Концепция «косвенной вовлеченности» вполне вписывалась в британскую внешнеполитическую традицию. Великобритания, являясь, по сути, мировой державой, никогда не стремилась принимать на себя «бремя лидерства» и сопутствовавшие ему международные обязательства: она вмешивалась в события на европейском континенте только лишь в случае возникновения угрозы нарушения сложившегося баланса сил⁴¹. Проектирование этого принципа на Восточный вопрос означало, что Британия наращивала свое присутствие в регионе только ради обеспечения собственных стратегических позиций в Восточном Средиземноморье, как это было в случае с оккупацией Кипра в 1878 г. При других обстоятельствах, т.е. когда ее интересы не затрагивались напрямую, Англия предпочитала действовать через региональных игроков, перекладывая на них часть ответственности по поддержанию силового равновесия в регионе. Такой подход обусловил формирование двух моделей британской политики на Балканах в период, когда англо-русское соперничество на Ближнем Востоке определяло динамику развития международных отношений. Первая из этих моделей предполагала тактическое взаимодействие Великобритании с другой великой державой (Австро-Венгрией) с целью поддержания регионального порядка, конституированного при их непосредственном участии (фактически сохранение турецкой власти на Балканах). Вторая модель заключалась в опоре на малые балканские государства – Болгарию, стремившуюся к осуществлению своих национальных устремлений, что позволило бы оградить регион от внешнего проникновения.

Начавшееся в 90-е гг. XIX в. переформатирование международной системы, в результате которого стратегическое преимущество на Ближнем Востоке постепенно переходило к великой державе (Германии), претендовавшей на статус мировой, побудило Англию выработать новую версию политики «косвенной вовлеченности», модель которой была апробирована на македонском вопросе. Эта модель сочетала в себе участие Великобритании в «европейском концерте» в процессе балканского урегулирования и сотрудничество Форин оффис с неофициальными кругами: выдвигая радикальные программы реформ и поддерживая деятельность неправительственных организаций в регионе, Лондон завуалировано выражал свои симпатии к национально-освободительным движениям на территории европейской Турции, что способствовало дальнейшей дестабилизации многонациональной Османской империи.

Однако в Англии прекрасно понимали, что политика «косвенной вовлеченности» имела свои пределы, установленные логикой развития системы международных отношений начала XX в.: ее поляризацией и формированием двух центров силы – Тройственного союза и Антанты. Необходимость разыгрывать балканскую карту для укрепления и углубления партнерства с Россией, некогда заклятым противником, а также поддерживать выгодный для Антанты баланс сил на Балканах предопределила расширение вмешательства Великобритании в ситуацию в регионе.

¹ Miller, W. The Ottoman Empire, 1801-1913. Cambridge: at the University Press, 1913, p. 1.

² Сборник договоров России с другими государствами. М.: Госполитиздат, 1952, с. 188.

³ Canning, S. The Eastern Question. London: J. Murray, 1881, p. 7.

⁴ Farley, J. Turks and Christians: A Solution of the Eastern Question. London: Simpkin, Marshall, 1876, p. 171.

⁵ Temperley, H. British Policy towards Parliamentary Rule and Constitutionalism in Turkey (1830-1914) // Cambridge Historical Journal. – 1933. – Vol. 4. – № 2. – P. 165.

⁶ Foundations of British Foreign Policy from Pitt (1792) to Salisbury (1902); or, Documents, Old and New. Cambridge: University press, 1938. – № 145. – P. 384.

⁷ The Map of Europe by Treaty: Showing the Various Political and Territorial Changes Which Have Taken Place since the General Peace of 1814. – London: Butterworths, 1891. – Vol. 4. – № 522. – P. 2718.

⁸ Foundations of British Foreign Policy. – № 145. – P. 385. В частности, такой точки зрения придерживался Солсбери, на внешнеполитический кругозор которого большое влияние оказал его опыт пребывания на посту министра по делам Индии.

⁹ The Map of Europe by Treaty... – № 524. – P. 2722-2723.

¹⁰ The National Archives, Kew (далее – NA). FO 93/1/1, № 368 (Paget to Salisbury [secret]. 22.10.1887); British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. – Pt. 1. – Ser. B. – Vol. 19. – University Publications of America, 1983. – Doc. 4 (Iddesleigh to White [very confidential]. 11.10.1886.) – P. 53.

¹¹ Средиземноморская Антанта 1887 г. была заключена между Англией, Австро-Венгрией и Италией. В данной статье не затрагивается вопрос подписания англо-итальянских соглашений, поскольку они распространялись преимущественно на западную часть Средиземноморья.

¹² Foundations of British Foreign Policy. – Doc. 182. – P. 461. Речь не шла о каких-либо конкретных мерах помощи Турции.

¹³ Ibid, p. 462.

¹⁴ NA. FO 93/1/1. № 5. Remarques concernant les Bases d'un Accord à Trois (Communicated to the Marquis of Salisbury by Baron de Biegeleben).

¹⁵ NA. FO 93/1/1. Précis of Proposed Reply to Eight Bases; Salisbury to J. Savile. 25.10.1887.

¹⁶ Sutherland, H. Sir William White, K.C.B., K.C.M.G., for Six Years Ambassador at Constantinople; His Life and Correspondence. London: J. Murray, 1902, p. 228-229.

¹⁷ Russell, G. Malcolm MacColl, Memoirs and Correspondence. London: Smith, Elder & Co., 1914, p. 46.

¹⁸ NA. CAB 38/2/6. Report of the Conclusion arrived on the 11th February in reference to Russia and Constantinople. 14.02.1903.

¹⁹ NA. CAB 38/2/41. Remarks on Memoranda dealing with the Question of a Russian Seizure of Constantinople by L. Battenberg . 30.04.1903.

²⁰ NA. CAB 38/2/6. Report of the Conclusion...

²¹ Pribram A. (ed.). Secret Treaties of Austria-Hungary, 1879-1914. – Vol. I. – Cambridge: Harvard University Press, 1920, p. 189-191.

²² British Documents on the Origins of the War / Ed. by G. P. Gooch and H. Temperley. – Vol. V. – London: Stationery office, 1928. – P. 51-53 (Project for reforms in Macedonia, 17.02.1903).

²³ Сборник договоров России..., с. 329–332.

²⁴ Chéradame, A. La Macédoine; Le chemin de fer de Bagdad. Paris: Plon-Nourrit, 1903, p. 369.

²⁵ Die große Politik der Europäischen Kabinette 1871-1914. – Bd. 18 (1). – Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte. – № 5617 (Marschall an das Auswärtige Amt, 16.10.1903).

²⁶ Ibid, col. 364. Hansard's Parliamentary Debates. – Vol. 129. – London: T. C. Hansard, 1904, Col. 365.

²⁷ Ibid, col. 364.

²⁸ Реформы в Македонии. Т. 2. Спб., 1906. – № 4 (Сообщение Великобританского посла в Вене, 19.09.1903).

²⁹ Мюрцштегская программа, несмотря на ее многочисленные изъяны, признавалась британскими дипломатами годной для частичной реализации. Hansard's... – Vol. 129. – Col. 366.

³⁰ The Times, 1903, Septembre 19; Affaires de Macédoine, 1903-1905. Paris: Imprimerie nationale, 1905. – № 37.

³¹ См. подробнее: Gladstone W. E. Bulgarian Horrors and Russia in Turkistan, with Other Tracts. Leipzig, 1876.

³² Hansard's..., col. 123.

³³ Только за август 1903 г. Балканским комитетом было организовано более 200 публичных лекций по македонской проблематике в различных городах Британии. – См.: Manifestations franco-anglo-italiennes. Pour l'Arménie et la Macédoine. Paris: Société nouvelle de librairie & d'édition, 1904, p. 222.

³⁴ Так, по донесениям британского консула в Софии Ф. Эллиота, Х. Татарчев, один из руководителей ВМОРО, приветствовал работу британских корреспондентов Македонии, мотивируя это их

объективностью и беспристрастностью в изложении фактов. – См.: NA. FO 78/5295. – № 219. – Elliot to Lansdowne. 9.09.1903.

³⁵ Ottoman Diplomatic Documents on the Origins of World War One. Vol. 4 (The Macedonian Issue). Pt. 1 // Ed. by S. Kuneralp and G. Tokay. – Istanbul: Isis Press, 2011. – № 899-900. – P. 466-467.

³⁶ Цит. по: *Wasti, S. T. Halil Halid: Anti-imperialist Muslim Intellectual* // Middle Eastern Studies. – 1993. – Vol. 29. – № 3. – P. 564.

³⁷ См. подробнее: *Burman, J. British Strategic Interests versus Ottoman Sovereign Rights: New Perspectives on the Aqaba Crisis, 1906* // The Journal of Imperial and Commonwealth History. – 2009. – Vol. 37. – № 2. – P. 275-292.

³⁸ NA. CAB 38/12/42. A Turco-German invasion of Egypt: Note by Sir John French.

³⁹ Calchas (Garvin J.). The Triple Entente // The Fortnightly Review. – 1908. – Vol. 84. – P. 27.

⁴⁰ Ibid, p. 28.

⁴¹ По этой проблеме см. подробнее: Schroeder P. W. Austria, Great Britain, and the Crimean War: The Destruction of the European Concert. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1972.

РОССИЯ И БОЛГАРСКИЕ ПОПЫТКИ ДОСТИЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА (1898–1903 ГГ.)

М. Палангурски

Палангурски, М. Русия и българските опити за постигане на национален суверенитет (1898–1903 г.)

Руската дипломация разглежда проблема с ограничения български суверенитет като постоянно действащ елемент от Балканските проблеми и част от проблемите, създадени от Берлинския договор. Петербург се отнася двойствено към този проблем, в съответствие със свояте текущи и стратегически цели и задачи. В този период руската дипломация сдържа всеки опит от страна на България да постигне пълен национален суверенитет. В този момент тя е против всяка промяна на статуквото и против всякаква промяна на международните договори. За да постигне тази си цел, Петербург не се колебае да използва и финансовата нестабилност на България. В същото време, когато процесите са под руски контрол, империята не пропуска да използва българските стремежи за независимост и допуска България на международната сцена по време на конференцията в Хага.

Ключови думи: суверенитет, Берлински договор, статукво, Хагска конференция.

Палангурски, М. Россия и болгарские попытки достижения национального суверенитета (1898–1903 гг.)

Российская дипломатия рассматривает проблему ограничения болгарского суверенитета как постоянно действующий элемент balkанской подсистемы международных отношений и часть проблем, созданных Берлинским договором. Петербург относится двойственно к этим проблемам, в соответствии со своими стратегическими целями и задачами. В этот период русская дипломатия сдерживает любые попытки со стороны Болгарии достичь полного национального суверенитета. Она выступает против любых изменений статус-кво и международных договоров. Для достижения этих целей Петербург без колебаний использует финансовую нестабильность Болгарии. В то же время, когда процессы находятся под русским контролем, империя не упускает случая использовать болгарское стремление к независимости и допускает Болгию на международную арену во время конференции в Гааге.

Ключевые слова: суверенитет, Берлинский договор, статус-кво, Гаагская конференция.

Palangurski, M. Russia and the Bulgarian attempts to achieve national sovereignty (1898–1903)

The Russian diplomacy examines the problem of the restricted Bulgarian sovereignty as a permanent element of the Balkan problems and as a part of some of the problems created by the Treaty of Berlin. Saint Petersburg takes an ambivalent approach to the problem, in accordance with its current and strategic goals and objectives. During this period, the Russian diplomacy resists any of the attempts by Bulgaria to achieve its full national sovereignty. At this point, Russia is against any change in the status quo and opposes to any change in international treaties. To achieve this goal, Saint Petersburg does not hesitate to use against Bulgaria its financial instability. Meanwhile, when the processes are under Russian control, the empire decides to use the Bulgarian aspirations for independence and allows the country on the international stage during the conference in The Hague.

Keywords: sovereignty, Berlin treaty, status quo, Hague Conference.

Решения Берлинского конгресса определили Княжество Болгария как государство, вассальное Османской империи, что значительно затрудняло его международную деятельность и политическую активность. Режим капитуляции и свободная торговля, отсутствие полнокровного дипломатического ведомства и корпуса серьезно затрудняли защиту българских позиций и интересов на дипломатической арене. Еще на заре българской государственности все правительства по тому или иному поводу, учитывая международную конъюнктуру и противоречия между великими державами, пытались превратить Болгарию в равноправный субъект международного права и отношений. В конце XIX века Княжество уже располагало сравнительно развернутой сетью дипломатических агентств в столицах великих держав и балканских государств. В пределах Османской империи действовали торговые агенты, выполнявшие роль българских консулов. Несмотря на неоднократные практические и дипломатические попытки страны к достижению полной дипломатической и политической самостоятельности, к началу XX века Княжество Болгария оставалось единственным вассальным государством в Европе¹.

Вполне естественно, что как до Соединения, так и после перемирия с Россией в 1896 году, болгарские правительства пытались использовать русскую дипломатию для достижения полного национального суверенитета. Со своей стороны, Россия разделяла большую часть болгарских намерений, но без радикализации. Она старалась, по мере возможностей, поддерживать болгарские требования, но в то же время очень внимательно следила за тем, чтобы ее действия не спровоцировали кризисных моментов во взаимоотношениях с остальными державами, подписавшими Берлинский трактат². В принципе Петербург не имел ничего против отмены ограничительных параграфов трактата, но как сила, в значительной мере доминирующая в политике на Балканах, русская дипломатия всегда стремилась быть как инициатором, так и руководителем в случае изменений в статус-кво. В свете австро-русского соглашения 1897 года Петербург опасался, что любые необдуманные и не контролируемые Певческим мостом акции могут скомпрометировать русские идеи относительно будущего Балканского полуострова.

* * *

Еще в начале рассматриваемого периода возникла и проблема участия Болгарии в Гаагской конференции. Конференция по ограничению вооружений и сохранению всеобщего мира была создана по инициативе русского правительства. В условиях экономических, внешнеполитических и социальных проблем в конце XIX века русские правящие круги ясно отдавали себе отчет в том, что состояние империи уже не позволяло сохранения военного паритета в европейском и мировом масштабе. Россия все больше отставала в модернизации и перевооружении в сравнении с другими двумя континентальными империями – Германией и Австро-Венгрией, а морское господство Англии продолжало оставаться недостижимым для русских возможностей. Даже союзная Франция перевооружалась быстрыми темпами по собственной программе. Это вынудило дипломатические и военные центры в Петербурге искать способ замедлить темпы перевооружения и внедрения новых систем оружия, чтобы империя могла сохранить свои позиции до того момента, когда у нее будут силы и возможности ответить новым вызовам.

По этой причине 12 августа 1898 г. русский министр иностранных дел граф М. Н. Муравьев отправил циркулярную ноту всем странам с предложением об ограничении вооружений. В столицах великих держав нота была встречена с недоверием, и царская дипломатия сделала все возможное, чтобы найти компромисс между противоречивыми интересами крупных европейских держав. Все приглашенные государства, ведомые своими национальными интересами, выдвинули категоричные условия, которые предварительно стеснили периметр конференции, предопределяя ее практический неуспех. В конечном итоге стороны пришли к согласию обсуждать на форуме только вопросы, связанные с вооружением, причем категорически подчеркивалось, что политические проблемы, отражающие основные моменты международных противоречий, не будут затрагиваться ни в какой форме. 31 декабря 1898 г. царское правительство во второй циркулярной ноте конкретизировало окончательную программу конференции, а 28 января 1899 г. было определено и место встречи – голландский город Гаага³.

Болгарское правительство получило информацию о планируемой конференции от Ю. Бахметева. Его «устное приглашение», отправленное княжескому кабинету, первоначально являлось плодом дипломатической рутинности, так как русский дипломатический агент просто передал литографический текст циркулярной ноты петербургского правительства своим представителям за границей. Лишь позже Ю. Бахметев осознал, что приглашение Княжества будет сопровождаться трудностями, простирающимися из ограничительных положений Берлинского договора.

Как вассальное Османской империи государство, Болгария не имела права на самостоятельную внешнеполитическую деятельность, поэтому русский представитель с основанием опасался возможного турецкого противодействия по поводу болгарского участия в конференции. Расчитывая на то, что болгарская делегация сможет сыграть определенную роль в противовес турецкой позиции, Ю. Бахметев убеждал русского министра иностранных дел, что нужно сделать все возможное, чтобы допустить софийское правительство на конференцию.

Аргументы русского дипломатического агента не были лишены основания. По его мнению, несмотря на то, что согласно статье I Берлинского трактата Княжеству надлежало

ло иметь только «народную милицию», по сути Болгария располагала «полностью независимой армией» численностью более 300 тыс. человек, и вассальное положение страны не меняло значения этой огромной для региона вооруженной силы, которая к тому же превышала численность армий формально независимых балканских государств⁴. Русское министерство иностранных дел не только не возразило против доводов своего представителя, а восприняло их как руководящее начало.

Правительству Народной партии д-ра К. Стоилова удалось договориться с Петербургом об устранении всех препятствий⁵, поэтому новый кабинет Д. Грекова, пришедший к власти 19 января 1899 г., получил в наследство задачу дальнейшего продвижения вопроса о болгарском участии в конференции. В болгарской политике сохранялась преемственность в плане попыток приобретения дипломатической самостоятельности, но в данном случае основным двигателем процессов являлась русская дипломатия.

После того как местом конференции была определена Гаага, русское правительство зондировало отношение голландского и германского правительства относительно возможного болгарского участия, поскольку в данной ситуации ключевым являлся факт приглашения со стороны принимающего государства. Голландское правительство отнеслось настороженно к этому вопросу, учитывая германо-турецкое сотрудничество⁶, поэтому русская дипломатия обратила все свое внимание на преодоление турецкого несогласия.

19 марта 1899 г. граф Муравьев поручил И. Зиновьеву заручиться согласием султана на участие Болгарии в конференции. Русский посол в присущей ему манере уведомил султана Абдул-Хамида, что возможный турецкий отказ «повлечет за собой неблагоприятные для интересов самой Турции последствия»⁷. Турция однако не торопилась дать окончательного ответа, пытаясь задержать по возможности дольше разрешение проблемы. Русскому послу было сказано, что это приведет к «укреплению международного значения Княжества и послужит поощрением честолюбивых замыслов князя Фердинанда». Султан относился особенно чувствительно к возможности получения равноправного статуса Турции и Болгарии на конференции. Учитывая турецкую позицию, И. Зиновьев предложил русскому Министерству иностранных дел прибегнуть к прикреплению болгарских участников к турецкой делегации в качестве компромиссного варианта в случае, если добиться их самостоятельного присутствия будет невозможно. Если и этот вариант не будет принят турецким правительством, по мнению русского посла в Константинополе, «нужно будет отказаться от дальнейших возражений и подчиниться необходимости»⁸.

Однако граф Муравьев не принял предложенных И. Зиновьевым вариантов и с согласия императора Николая II распорядился продолжить нажим на султана. В результате, 6 апреля 1899 года Абдул-Хамид издал ираде великому визирю, в котором подчеркивалось, что «желанием могущественного монарха» нельзя пренебречь и что во имя хороших отношений между двумя империями он разрешает допустить болгарскую делегацию к заседаниям в Гааге. Единственное условие, которое султан поставил на обсуждение в турецком Совете министров, относилось к сфере дипломатического протокола. Поскольку на таких конференциях делегации располагаются в алфавитном порядке, и по этой причине болгарские представители будут представлены раньше турецких, султан распорядился «принять необходимые меры по устранению этого неудобства»⁹.

Турецкое правительство немедленно вручило русскому посольству в Константинополе и болгарскому кабинету в Софии условия, которые предъявлялись Болгарии: «1. Если делегаты займут места в зале в алфавитном порядке по названию представляемых ими государств, болгарские делегаты должны занять свои места непосредственно после турецких. 2. Болгарские представители не должны поднимать другие вопросы, кроме перечисленных в русском циркуляре от 30 декабря 1898 года. 3. Они не должны поднимать вопросы, несовместимые со ст. I Берлинского трактата, согласно которой Болгария имеет право только на народную милицию»¹⁰. Болгарское правительство не имело полного представления о сложной игре между Петербургом и Константинополем, и надо отметить, что о решении султана в Софии узнали сначала от турецких дипломатов¹¹. Ю. Бахметев с опозданием проинформировал болгарский кабинет о турецких условиях, но зато вместе с ними передал и официальное приглашение голландского правительства к участию страны в конференции¹².

Условия турецкого правительства были приемлемы как для русской, так и для болгарской дипломатии. В России не желали подвергать риску проведение конференции, орга-

низованной ценой больших усилий и компромиссов, из-за такого все же несущественного для отношений между великими державами вопроса. Кроме того, Россия получала, хотя и незначительного, но союзника, на дебатах в Гааге. И. Зиновьев и граф Муравьев пришли к мнению, что дальнейшее давление на Порту приведет к серьезным политическим последствиям и превратит данную проблему в сложную дискуссию о содержании Берлинского трактата, а это противоречило задачам русской дипломатии¹³.

Болгарское правительство было вынуждено согласиться с русской позицией и тем самым достигло оптимального решения для данного этапа. Страна была допущена как фактически суверенное государство на международную конференцию, не имевшую аналога по своим масштабам в конце XIX века. На фоне целей этого форума условия турецкой стороны были приемлемы. Болгария не расчитывала на достижение некой глобальной ревизии установленного на полуострове статус-кво. Для нее само участие в форуме имело большее значение, чем, собственно, присоединение Княжества к ожидаемым решениям. По существу, условия Константинополя были лишними, особенно второе и третье, поскольку и без них предварительно было решено не поднимать вопросов вне предусмотренной программы, а болгарская армия, несмотря на положения Берлинского трактата, давно функционировала как полноценная армия, а не как «народная милиция»¹⁴.

После того, как было получено согласие султана, болгарское правительство приняло необходимые меры предостережения от атак по второму пункту иrade. 21 апреля 1899 года премьер-министр Д. Греков разослал дипломатическим представителям страны распоряжение о дополнительных мерах по обеспечению порядка, мира и спокойствия на полуострове. Он объяснил, что в некоторых кругах болгарского общества и особенно в оппозиционной печати предпринимаются попытки поднять македонский вопрос в связи с Гаагской конференцией, и поспешил разграничить правительство от этих попыток.

В качестве гарантii сопричастности Княжества к идеям и целям конференции, Д. Греков демонстрировал понимание в вопросе о трудностях, связанных с болгарским участием, приказав органам Министерства внутренних дел «тушить любое волнение еще в самом его начале и не допускать никаких эксцессов». Чтобы продемонстрировать свое влияние на болгарское население в пределах Османской империи и в знак доброй воли, премьер-министр отдал распоряжение болгарским торговым агентам в Турции сделать все возможное, чтобы «сохранить мир среди христианского населения, давая ему понять неуместность возможных волнений в данный момент и внушая ему доверие к настоящему правительству, которое будет работать неукоснительно по урегулированию Македонского вопроса»¹⁵.

Д. Греков старался не допустить осложнения обстановки до достижения главной цели – участия Болгарии на конференции в статусе фактически независимого государства. Чтобы успокоить Турцию, и особенно Россию, исполнявшую роль своеобразного гаранта болгарского участия, премьер-министр допустил утечку информации о своих ограничительных мерах. Россия с удовольствием восприняла его тактику, понимая, что единственно возможный выход для болгарского кабинета – успокоить радикально настроенные круги общественного мнения. Поведение болгарского правительства было адекватно международной обстановке и было продиктовано реальными условиями как внутреннего, так и внешнеполитического естества¹⁶.

Состав болгарской делегации был тщательно подобран. Первым делегатом был определен Д. Станчов, болгарский дипломатический агент в Петербурге, которого сопровождал майор Х. Хесапчиев. По общим вопросам на конференции они действовали в полном синхроне с русской делегацией, так как и русские делегаты получили подобные инструкции. В период с 6 мая по 17 июля 1899 года болгарская делегация внесла свой вклад, хотя и скромный, в выработку окончательных документов форума¹⁷.

В ходе конференции болгарское участие все-таки превратилось в испытание для русской дипломатии, так как турецкая сторона попыталась сорвать предоставление права голоса болгарским представителям. Не поднимая вопрос публично, руководитель турецкой делегации Турхан-паша обратился к Высокой порте с предложением выступить на закрытии конференции со специальной декларацией, которая должна была поставить всех перед свершившимся фактом, и тем самым скомпрометировать равноправный статус болгар. Согласованный с турецким правительством текст декларации гласил: «Как вассальное княжество, на этой международной конференции исключительно политического характера Болгария имеет лишь консультативный голос. Оттоманская делегация желает, чтобы

эта декларация была зарегистрирована в протоколах». Турция не случайно подчеркивала политический характер конференции, так как это давало ей возможность сослаться на вассалитет Болгарии, установленный Берлинским трактатом. Чтобы не вызывать осложнений с Петербургом, Порта попыталась вырвать согласие у русской дипломатии¹⁸.

Уведомленный по дипломатическим каналам в Константинополе и Гааге о турецких намерениях, 26 мая граф Муравьев вмешался решительно. Русскому представителю в Константинополе было приказано заявить Высокой порте, что «подобный образ действия со стороны турецких делегатов находится в полном противоречии с предоставленными султаном заверениями в сообщениях, которые оттоманское правительство отправило нам в ответ на циркуляры от 12 августа и 30 декабря 1899 года». Ю. Щербачев, в тот момент исполнявший обязанности И. Зиновьева, получил распоряжение особо подчеркнуть благоприятные для Турции обязательства, которые приняла на себя Болгария на конференции¹⁹.

В течение одной недели Порту напрасно убеждали дать другие инструкции своей делегации в Гааге и позволить болгарским делегатам «наравне с другими» обсуждать и высказываться по всем поставленным на форуме вопросам. Порте еще раз напомнили, что опасности для целости и будущего империи нет, так как предварительные договоренности о созыве конференции не допускают пересмотра какого-либо международного договора²⁰.

Убедившись в том, что турецкое правительство сохраняет свою неуступчивость, русский министр иностранных дел резко поменял тон и распорядился пустить в оборот «опасные последствия», которыми чреваты для Турции игнорирование и недооценка Болгарии²¹. 3 июня в Константинополь поспешно вернулся из отпуска И. Зиновьев и тут же получил секретную телеграмму с новыми инструкциями, которые министр иностранных дел Тифик-паша отправил по распоряжению султана Абдул-Хамида. Руководителю турецкой делегации было приказано не оглашать подготовленную декларацию. Мотив этого отступления сформулирован в лучших традициях ориентальского дипломатического витийства. «С целью достичь ограничения в укреплениях и вооружениях Княжества, имперское правительство согласилось допустить делегатов из Болгарии на эту конференцию. Декларация Оттоманской империи, отказывающая им в праве голосования, была бы неподходящей согласно другим точкам зрения и была бы в ущерб этой цели...»²². Граф Муравьев немедленно уведомил руководителя русской делегации барона Е. Е. Стала о достигнутой договоренности с турецким правительством. До завершения конференции болгарская делегация не встретила никаких препятствий в своем участии в дебатах и в подписании заключительных документов²³.

Работа болгарских представителей в ходе конференции получила весьма высокую оценку в русских дипломатических кругах. В своем отчете графу Муравьеву руководитель русской делегации барон Сталь специально подчеркнул роль и место Д. Станчова. Он отметил, что во всех сложных ситуациях первый болгарский делегат консультировался с русскими представителями, и описал его как «очень полезного и усердного помощника». Не без удовольствия царь Николай II и граф Муравьев велели Ю. Бахметеву уведомить князя Фердинанда об удовлетворении России этим фактом²⁴.

Именно на это расчитывал болгарский монарх, назначая первым делегатом Д. Станчова, которому были хорошо известны планы Фердинанда продолжить политику сближения с Россией. В своей тронной речи на открытии 10-го Обыкновенного народного собрания князь с гордостью отметил присутствие болгарских делегатов на конференции и роль русской дипломатии и лично императора Николая II в этом²⁵.

Тяжелый финансовый кризис, внутренняя нестабильность и международная обстановка не позволили княжескому правительству продолжить свою линию. После несомненного триумфа в Гааге, до конца 1899 г. болгарских делегатов пригласили единственно на проведенную в Петербурге международную конференцию по железнодорожным проблемам, но это был форум технического, а не политического характера²⁶. Ограниченные возможности вынуждали болгарские правящие круги искать хотя бы малейшую возможность участия на международной арене в качестве равноправного государства. Австро-русское соглашение 1897 года вынудило князя и министров искать прорыв прежде всего в Петербурге, где единственным можно было надеяться на более благосклонное отношение к болгарским желаниям равноправного отношения.

Удобный момент для этого наступил лишь летом 1901 года, когда Великий князь Александр Михайлович во главе военно-морской эскадры был послан посетить черномор-

ские порта соседних государств. В Софии надеялись организовать необходимый визит, который мог бы способствовать разрешению текущих проблем Княжества. Правительство П. Каравелова провело через Народное собрание нужную субсидию, а князь Фердинанд попытался добиться официального визита Великого князя в болгарскую столицу.

Подготовка к посещению вызвала тревогу в турецкой столице. Султан Абдул-Хамид заявил И. Зиновьеву, что существует опасность того, что визит «послужит поощрением болгарского честолюбия» и категорически настоял «под благовидным предлогом отменить продполагаемое посещение Варны» российской флотилии²⁷.

Болгарские и турецкие требования вынудили нового министра иностранных дел России графа В. Н. Ламздорфа отправить специальные инструкции в обе столицы. Князю Фердинанду было сообщено, что Великий князь не прибудет в Софию и «ограничится только посещением черноморских портов». В свою очередь, И. Зиновьев должен был передать султану, что «единственный официальный визит» состоится у последнего, в то время как болгарский князь и румынский престолонаследник сами отправятся встречать русский флот, причем визит к ним не будет иметь официального характера²⁸.

Таким образом, русская дипломатия вошла в русло дипломатического протокола, учитывая положения Берлинского договора. Единственным неисполненным по техническим причинам желанию султана осталось требование начать посещение с турецкой столицы. Петербург старался избегать и малейшей возможности того, чтобы развитие русско-болгарских взаимоотношений и желания Софии привели к ухудшению русско-турецких отношений. Болгарским министрам не оставалось ничего другого, кроме как отправить 27 июня 1901 года телеграмму императору, в которой выражалось «чувство беспредельной признательности и благодарности за особое благоволение, которое послужит залогом неразрывных связей между освободителями и освобожденными»²⁹. Николай II поставил на телеграмме на редкость длинную для его менталитета резолюцию: «Прочитал с удовольствием». Чувства императора, однако, расходились с интересами и стремлениями болгарского правительства. В очередной раз «статус-кво» взял верх над «удовольствием».

Новую возможность для расширения прорыва, обозначившегося в системе Берлинского трактата, болгарский кабинет нашел летом 1902 года. Правительство д-ра С. Данева возлагало особые надежды на заключенную 31 мая 1902 года русско-болгарскую военную конвенцию. В Софии ее рассматривали как попытку приправить Княжество и его армию к статусу союзника империи и в очередной раз попытались извлечь выгоду для Болгарии. Однако эти планы оказались неосуществимыми, так как все инициативы болгарского правительства в этом направлении потерпели полный, а порой и просто унизительный провал.

8 июня по предложению д-ра С. Данева князь Фердинанд присвоил Д. Станчову звание «полномочного министра». Такой шаг имел целью достичь равноправного отношения к болгарским дипломатическим представителям по меньшей мере в одной из столиц великих держав, а в дальнейшем, на основе прецедента, искать подобного признания и в остальных дипломатических канцеляриях. Ответ графа Ламздорфа, однако, был довольно жестким: «Крайне сожaleем, что болгарское правительство, без предварительного согласия императорского правительства, издало распоряжение, которое не принесет никакой пользы его агенту в Петербурге, а лишь вызовет тревогу в Константинополе и нарушит мирные отношения между Болгарией и Турцией». «В силу принципов международного права, – продолжал русский министр иностранных дел – Болгария как вассальное государство не имеет ни активного, ни пассивного права на посольства».

После консультации с императором Николаем II граф Ламздорф зачеркнул подготовленный текст и отправил значительно более мягкий вариант своего категорического отказа. В нем подчеркивалось, что звание, присужденное Д. Станчову, нельзя рассматривать иначе, кроме как «личное благоволение князя к своему чиновнику, подобное награждению чинами, орденами и пр. В глазах императорского правительства г-н Станчов по-прежнему остается болгарским дипломатическим агентом», в соответствии с постановлениями статьи I Берлинского трактата. Для разрешения проблемы граф Ламздорф рекомендует Болгарии договориться с султаном, и если ей это удастся, тогда русское правительство не будет видеть никаких помех принять послов со стороны Княжества³⁰. Тем более, что инициатива исходила из Софии и вызвала очередную порцию шума вокруг возможности объявления болгарской независимости³¹.

Этот неуспех не смутил князя Фердинанда, который по другому каналу, в этот раз через военного агента России Н. И. Протопопова, только что прибывшего в Болгарию, попытался добиться изменения своего титулования. На основании того, что в приказе о его назначении командующим 54-м Минским полком, князь титуловался «Королевским высочеством», Фердинанд настаивал признать за ним титул «Царское высочество». Генерал А. Н. Куропаткин, к которому совсем логично обратился военный агент, как всегда, был склонен дать согласие на подобные жесты, но все же переправил просьбу князя в Министерство иностранных дел. Вопрос о титуловании болгарского князя возник еще в 1896 году. Тогдашний министр иностранных дел России отдал распоряжение новоназначенному в Софии дипломатическому агенту Н. Чарыкову во взаимоотношениях с Фердинандом «на французском языке давать ему титул, который использует султан, а на русском языке – тот титул, который признается ныне действующей конституцией Болгарского княжества»³³.

На запрос, отправленный в Министерство иностранных дел, совсем естественно был получен категорический отказ. Военное министерство официально уведомили, что титул князя Фердинанда – «Королевское высочество», и что он должен соблюдатьсь военным агентом в дипломатическом протоколе³⁴. Генерал Сахаров все же поручил Протопопову посоветовать князю обратиться к графу Ламздорфу³⁵, но в Софии хорошо знали твердую позицию министра иностранных дел по этому вопросу, поэтому не стали предпринимать дальнейших действий.

Для болгарской стороны этот провал был особенно болезненным, поскольку наступил в канун подготовки Шипкинских торжеств. Несмотря на это, д-р С. Данев все же предпринял попытку превратить чествование Шипки не только в демонстрацию русско-болгарского сближения, но и в свидетельство равноправного отношения империи к Княжеству. Однако отказ графа Ламздорфа приехать в Болгарию, а также поспешный отъезд руководителя русской делегации – Великого князя Николая Николаевича в Константинополь вместо в Софию, ясно показали неизменную позицию русской стороны. Международный режим, установленный в отношении Княжества, продолжал соблюдаться неукоснительно³⁶.

Бурные события осени 1902 года вынудили русскую и австрийскую дипломатию принять меры о выработке программы реформирования македонских вилайетов. По этому поводу был предусмотрен визит графа Ламздорфа в Вену, Белград и Константинополь. Болгарская столица не значилась в предварительной программе министра иностранных дел. 11 ноября 1902 года граф Ламздорф и император Николай II пришли к мнению, что «для Болгарии в последнее время сделано слишком многое и ездить туда сейчас нет оснований»³⁷.

Неделей позже ими было принято новое решение. С учетом факта, что София расположена на пути в Белград и Вену и было бы неудобно проездом не представиться князю Фердинанду, сложилось намерение предусмотреть краткосрочный визит министра иностранных дел в болгарскую столицу³⁸. 24 ноября, под влиянием доводов И. Зиновьева о том, что визит графа Ламздорфа в турецкую столицу является лишним и «будет сопровождено рядом неудобств», Николай II решил сократить маршрут поездки своего министра, предвидев, что в Константинополе неминуемо возникнут «пререкания» с султаном, что было бы недопустимо для достоинства его советника³⁹. При этом, выключение Константинополя из программы не привело к повторному исключению Софии из списка посещений графа Ламздорфа.

Как видим, приезд русского иностранного министра в Болгарию сопровождался значительными колебаниями и, несмотря на выраженную д-ром С. Даневым бурную радость по поводу посещения, империя в очередной раз ясно показала место, отводимое Княжеству, в ее намерениях. Само посещение, состоявшееся с 13 по 15 декабря 1902 года, никоим образом не содействовало изменению международного положения Болгарии, так как было полностью посвящено македонскому вопросу⁴⁰. Выдвигая на передний план вопрос о своих реформаторских намерениях в македонских вилайетах, русская дипломатия стремилась не позволить Болгарии поднимать вопрос об ее ограниченном международном статусе.

Несмотря на очередной неуспех, д-р С. Данев предпринял новую попытку достижения равноправного отношения. 7 февраля 1903 года он разослал ноту государствам, заключившим торговые конвенции с Болгарией. В ноте настаивалось на заключение новых договоров, так как срок действия предыдущих истекал в конце 1903 года. Д-р С. Данев

считал, что один год будет достаточным сроком для проведения и успешного завершения переговоров по торговым конвенциям.

Действия болгарского премьер-министра находились в соответствии с существующей к тому моменту практикой, но все же с одним исключением. Сначала Данев обратился к России, уведомив Петербург еще 17 декабря 1902 г. о своих намерениях, рассчитывая на то, что империя станет двигателем нового цикла переговоров и будет содействовать болгарскому правительству в обеспечении более выгодных условий, чем договоренные в 1897 году. Следуя логике своей политики, д-р С. Данев искал прецедент, который позволил бы ему настаивать на новом **типе равноправного отношения к Княжеству** со стороны великих держав⁴¹.

Премьер-министр возлагал надежды и на другой достигнутый им относительный успех – завершение переговоров с Веной по консульской конвенции, рассчитывая, что это подтолкнет и Россию воспринять принципы, идентичные договоренным в австро-болгарском соглашении. К тому же, в договоре с Австро-Венгрией оговаривалось, что договор вступит в законную силу только в том случае, если и остальные великие державы заключат подобные соглашения с Княжеством⁴². План болгарского премьер-министра основывался на убеждении, что Россия не допустит отставания от Австро-Венгрии, но его замысел опять же остался невыполнимым в концептуальном отношении.

Подобный подход был использован еще в 1900 году Т. Иванчовым, который в ходе проходивших уже тогда переговоров с Австро-Венгрией, неоднократно выражал свое «сожаление» и «надежду», что Россия не останется равнодушной и не подвергнет сомнению «свое исключительное положение покровителя и руководителя Болгарии»⁴³. По этому поводу граф Ламздорф отправил специальную инструкцию Ю. Бахметеву. В ней подчеркивалось, что он «не видит никакого вреда», если австро-болгарские переговоры будут завершены до того, как Россия подпишет консульскую конвенцию с Болгарией. Русское правительство не исключало возможности также начать переговоры с Софией, но это должно было произойти только после всестороннего изучения проблемы, для чего была назначена комиссия по выработке контрпроекта под руководством барона Н. Д. Остен-Сакена.

Граф Ламздорф подчеркнул, что нужно действовать осторожно, так как подобная конвенция может «поощрить Турцию, которую тоже тяготят капитуляции, и которая оспаривает их целесообразность и даже предпринимает время от времени частичные попытки их нарушения». В Петербурге опасались, что в Княжестве уже к тому моменту находили приют и работу «анаრхисты» типа проф. М. Драгоманова и П. Милюкова, что могло превратиться во всеобщую практику в условиях устранения капитуляций. «Наконец, – заключает граф Ламздорф – нам нужно относиться с вниманием по вопросам прав, которые можно представить болгарским торговым агентам. На основании статуса наиболее благоприятствующей нации претензии наподобие княжеским могут предъявить и другие державы, что может вызвать значительные неудобства, когда пойдет речь о торговых агентах не только европейских держав, но и Японии, в таком пункте как, например, Владивосток»⁴⁴.

Приведенные рассуждения русского министра иностранных дел являются блестящей иллюстрацией имперского поведения, стратегической позиции и склонения от любых обязательств перед Княжеством, которые могли бы привести к дипломатическим осложнениям в регионе. Эти мысли не только представляют русскую позицию, но и в значительной мере объясняют почему результаты усилий болгарских правительств на пути к приобретению полного национального суверенитета за весь исследуемый период объективно расцениваются как «незначительные»⁴⁵.

* * *

Русская дипломатия рассматривала проблему ограниченного болгарского суверенитета как постоянно действующую в балканской подсистеме международных отношений. К попыткам Княжества добиться национальной независимости или хотя бы обойти, либо устраниТЬ некоторые элементы режима, установленного Берлинским трактатом, Петербург относился двойственno и в соответствии со своими текущими и стратегическими целями.

На протяжении всего рассматриваемого периода русская дипломатия строго соблюдала свое намерение сдерживать и ставить под контроль все болгарские стремления к суверенитету. При любой попытке со стороны Болгарии добиться прорыва в намеченном направлении, русскими дипломатическими ведомствами принимались незамедлительные

меры по ограничению болгарских инициатив. Россия рассматривала Берлинский трактат как элемент статус-кво, вставшего после 1897 года в центре внимания русской дипломатии на Балканах. Поэтому любое нарушение трактата и любая попытка проигнорировать его решения встречали немедленный отпор. По этой причине даже самым последовательным русофильским партиям и правительству в Софии не удалось изменить позицию империи. Следует отметить, что и сам период не предполагал успешных действий княжеских правительств. В условиях серьезной внутренней и финансовой нестабильности болгарские правящие круги не обладали никакими силами и возможностями для радикализации проблем, а Россия сумела предотвратить все попытки Софии поставить ее перед свершившимся фактом и не допустила навязывания ей политики извне.

С другой стороны, в ситуациях, когда Россия являлась инициатором и движущей силой определенной дипломатической комбинации, она не пропускала случая приобщить Болгарию к своим планам. Наиболее ярким примером этому является допуск делегации Княжества к участию в заседаниях Гаагской мирной конференции по ограничению вооружений 1899 года. Решение об этом было принято в Петербурге, и русскому правительству удалось самостоятельно устраниТЬ все препятствия к болгарскому участию. Восприняв принцип непременного участия Болгарии, высшие правящие круги России внимательно следили за его соблюдением и решительно противодействовали любой попытке ограничения болгарского права голоса. О некоторых шагах России княжеское правительство даже не ставилось в известность, что лишний раз показывает старание Петербурга сохранить свою руководную роль в двусторонних отношениях и не допустить разрастания болгарских стремлений до уровня, способного взорвать спокойствие на европейском юго-востоке.

¹ Стателова, Е. История на българската дипломация (1879–1913). / Е. Стателова, Р. Попов, В. Танкова. София, 1994; Тодорова, Цв. Обявяване на независимостта на България през 1908 г. и политика на империалистическите сили. София, 1960; Обявяване на независимостта на България през 1908 г. София, 1989.

² Подробнее о русско-болгарских отношениях после 1896 г. см.: Мартыненко, А. Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. Киев, 1967; Попов, Р. България и Русия (1894–1898). Политически отношения. София, 1985 (с целостным обзором литературы и источников).

³ Попов, Р. За участието на България в световните конференции за мир в Хага през 1899 и 1907 г. // Военноисторически сборник, 1970, № 2, с. 40–44; Топалов, Вл. Външната политика на България по време на радославистския режим. / Исторически преглед, 1984, № 2, с. 35–36; Мартыненко, А. Цит. соч., с. 237–238.

⁴ Мартыненко, А. Цит. соч., с. 237–238.

⁵ Попов, Р. За участието на България..., с. 45.

⁶ Там же, с. 46: Архив Внешней Политики Российской Империи (далее АВПРИ), ф. 151, оп. 482, д. 1309, л. 86 об.–87: Зиновьев, Пера – Муравьев, 19.03.1899.

⁷ Там же, л. 87.

⁸ Там же, л. 92: Зиновьев, Пера ... Муравьев, 1.04.1899.

⁹ Там же, л. 108: Ираде Его Величества султана, съобщенное Великому визирю от 6 апреля 1899, копия.

¹⁰ Там же, л. 98–98 об.: Зиновьев, Пера – Муравьев, 8.04.1899; Топалов, Вл. Външната политика на България..., с. 37; Попов, Р. За участието на България..., с. 46.

¹¹ Мартыненко, А. Цит. соч., с. 240.

¹² АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 1308, л. 31: Муравьев, Петербург – Бахметев, 19.04.1899.

¹³ Там же, д. 1309, л. 98 об.–99: Зиновьев, Пера – Муравьев, 8.04.1899.

¹⁴ Топалов, Вл. Външната политика на България..., с. 37.

¹⁵ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 1309, л. 104–104 об.: Извлечение от поверителна кореспонденция на Д. Греков до болгарските дипломатически агентства.

¹⁶ Попов, Р. За участието на България..., с. 47.

¹⁷ Там же, с. 47–48; Топалов, Вл. Външната политика на България..., с. 37; Хесапчев, Хр. Служба на България в чужбина. София, 1993, с. 161–208.

¹⁸ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 1309, л. 114–114 об.: Щербачев, Пера – Муравьев, 23.05.1899.

¹⁹ Там же, л. 117: Муравьев, Петербург – Щербачев, 26.05.1899.

²⁰ Там же, л. 122: Муравьев, Петербург – Щербачев, 30.05.1899.

²¹ Там же, л. 123: Муравьев, Петербург – Щербачев, 31.05.1899.

²² Там же, л. 124–124 об.: Зиновьев, Буюк-Дере – Муравьев, 3.06.1899.

²³ Там же, л. 125–125 об.: Муравьев, Петербург – Стадль, 4.06.1899.

²⁴ Там же, д. 1308, л. 53: Муравьев, Петербург – Бахметев, 19.07.1899. Д. Станчов получил и личный подарок от императора Николая II – «золотую шкатулку, укращенную эмалью и инкрустированную бриллиантами и изображением императорского герба, тоже с бриллиантами» (*Мартыненко, А.* Цит. соч., с. 241).

²⁵ *Топалов, Вл.* Външната политика..., с. 38; СД X ОНС, ИС, 1899, с. 2.

²⁶ *Мартыненко, А.* Цит. соч., с. 241; ЦДА, ф. 176, оп. 1, а.е. 1170, л. 264.

²⁷ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 1314, л. 195: Зиновьев, Буюк-дере – Ламздорф, 16.06.1901.

²⁸ Там же, д. 1313, л. 89: Ламздорф, Петербург – Бахметев, 21.06.1901; л. 94: Ламздорф, Петербург – Зиновьев, 26.06.1901.

²⁹ Там же, л. 96: Българският министерски съвет до Николай II, Евксиноград, 27.06.1901.

³⁰ Там же, д. 1316, л. 155: Ламздорф, Петербург – Бахметев, 13.06.1902. На черновике резолюция Николая II: «Согласен».

³¹ *Грънчаров, Ст.* България на прага..., с. 199.

³² Там же, с. 198–199.

³³ ЦГВИА, ф. 401, оп. 5, д. 75, л. 375–376: Протопопов – Сахаров, 5.08.1902.

³⁴ Там же, л. 390 / Департамент Министерства иностранных дел / Канцелярия военно-учебного комитета на Генерального штаба, 26.08.1902.

³⁵ Там же, л. 391: Канцелярия Генерального штаба – Протопопов, 26.08.1902.

³⁶ Следует отметить, что даже предварительно цензуренные речи по своему содержанию были весьма сильными для Николая II. Он считал, что граф Игнатьев позволил себе «говорить слишком много в Болгарии» и лично обратился к нему с недовольным письмом (ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 156, л. 33: Граф Ламздорф. Доклад императору, 12.11.1902, Ливадия). Это объясняет почему русской дипломатии пришлось, несмотря на предварительную подготовку, «остро дезавуировать» произнесенную графом Игнатьевым речь (*Грънчаров, Ст.* България на прага..., с. 215).

³⁷ ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 156, л. 33: Граф Ламздорф. Доклад императору, 12.11.1902, Ливадия.

³⁸ Там же, л. 51: Граф Ламздорф. Доклад императору, 18.11.1902, Ливадия.

³⁹ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 1316, л. 270: Зиновьев, Пера – Ламздорф, 24.11.1902; л. 272: Ламздорф, Ливадия – Зиновьев, 26.11.1902.

⁴⁰ О визите графа Ламздорфа в Софию см.: *Грънчаров, Ст.* България на прага..., с. 221–222.

⁴¹ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 1315, л. 81–82: Бахметев, София – Ламздорф, 25.12.1902.

⁴² *Тодорова, Цв.* Обявяване независимостта..., с. 26–27; *Грънчаров, Ст.* България на прага..., с. 122–123.

⁴³ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 1310, л. 287–288: Бахметев, София – Ламздорф, 11.07.1900.

⁴⁴ Там же, л. 289–290: Секретная инструкция Бахметеву в Софии. Петербург, 6.07.1900.

⁴⁵ *Грънчаров, Ст.* България на прага..., с. 122.

РЕАКЦИЯ ВЕНГЕРСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ НА БАЛКАНСКИЙ КРИЗИС 1912–1913 ГГ. (ПО ДОНЕСЕНИЯМ ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛЬСТВА РОССИИ В БУДАПЕШТЕ)

И. В. Крючков

Крючков, И. В. Реакция угорской громадськості на Балканську кризу 1912–1913 рр. (за донесеннями Генерального консульства Росії у Будапешті)

У статті розглядається ставлення угорської громадськості до становища на Балканах й перспективи розвитку зв’язків з Росією у 1912 р. Автор відзначає, що у першій половині 1912 р. Росія та Угорщина виявляють зацікавленість до розвитку двохсторонніх відносин. Початок Першої балканської війни став повною несподіванкою для Будапешта, так само як і успіхи армій Балканського союзу. Війна привела до зростання в країні русофобських і милітаристських настроїв. Однак на 1913 рік стало очевидним, що в Угорщині набирають сили прихильники збереження миру на Балканах. Тому Генеральне консульство Росії у Будапешті не могло спрогнозувати позицію Австро-Угорщини у балканському конфлікті в 1913 р.

Ключові слова: Балкани, Угорщина, Сербія, періодичний друк, громадськість, війна.

Крючков, И. В. Реакция венгерской общественности на Балканский кризис 1912–1913 гг. (по донесениям Генерального консульства России в Будапеште)

В статье рассматривается отношение венгерской общественности к ситуации на Балканах и перспективам развития связей Венгрии с Россией в 1912 г. Автор отмечает, что в первой половине 1912 г. Россия и Венгрия проявляют интерес к развитию двухсторонних отношений. Начало Первой балканской войны стало полной неожиданностью для Будапешта, как и успехи армий Балканского союза. Война привела к росту в стране русофобских и милитаристских настроений. Однако к 1913 г. стало очевидным, что в Венгрии набирают силу сторонники сохранения мира на Балканах. Поэтому Генеральное консульство России в Будапеште затруднялось спрогнозировать позицию Австро-Венгрии в балканском конфликте в 1913 г.

Ключевые слова: Балканы, Венгрия, Сербия, периодическая печать, общественность, война.

Kryuchkov, I. V. Reaction of Hungarian society to the Balkan crisis in 1912-1913 (on reports of General Council of Russia in Budapest)

The attitudes of Hungarian society towards the Balkan situation and prospects of development of relationship between Hungary and Russia in 1912 are considered in the article. The author notices that Russia and Hungary show interest to bilateral relations in the first half of 1912. Both the beginning of the First Balkan War and success of the armies of the Balkan Union became a total unexpectedness for Budapest. The war led to the growth of Russophobe and militaristic feelings. However by 1913 it had become obvious that the supporters of conserving of peaceful relations on the Balkans had been gaining power in Hungary. That's why General Council of Russia in Budapest found difficulties in determining the position of Austria-Hungary in Balkan conflict in 1913.

Keywords: the Balkans, Hungary, Serbia, periodicals, society, war.

Начало 1912 г. не предвещало большие политические потрясения на Балканском полуострове и очередное обострение взаимоотношений между Россией и Австро-Венгрией. Наоборот, в поступившей в январе 1912 г. телеграмме от генерального консула России в Будапеште отмечались первые серьезные признаки потепления отношения венгерской прессы к России и высказывания в пользу налаживания добрососедских отношений между двумя империями. В этой связи генеральный консул М. Приклонский обратил внимание на статью известной будапештской газеты «Budapesti Hírlap», причем консул подчеркивал, что в отличии от большинства столичных газет, это издание не находилось под контролем евреев, традиционно, относившихся с большим недоверием к России, оно отражало позицию королевского двора¹.

В издании подчеркивалась необходимость налаживания с Россией экономических связей, что может стать основой для укрепления дружеских отношений между Россией и Австро-Венгрией. Об этом говорили и многие известные политики страны, включая премьер-министра К. Куэн-Хедервари. Они были уверены, что в условиях начавшейся российско-американской торговой войны, Санкт-Петербург готов был пойти на расширение экономического сотрудничества с империей Габсбургов, особенно нуждаясь в сельскохо-

зяйственной технике. Кроме этого журналисты издания вполне допускали возможность воссоздания союза трех императоров, который мог стать залогом укрепления безопасности на всем европейском континенте. «Budapesti Hirlap» не исключала и компромиссного разграничения интересов России и Австро-Венгрии на Балканах².

Насколько еще слабой являлась тенденция к налаживанию сотрудничества с Россией в Будапеште, М. Приклонский продемонстрировал на примере появления в одном из ведущих периодических изданий «Pester Lloyd», тесно связанным с правящими кругами Венгрии и находившемся под контролем «еврейского капитала», статьи, где резко критиковалась политика России в Персии. Следует подчеркнуть, что в начале XX в. австро-венгерские экспортёры стремились проникнуть на персидский рынок, находившейся под контролем России и Великобритании. Однако Санкт-Петербург и Лондон не очень хотели появления в Иране еще одного конкурента.

М. Приклонский попытался осмысливать появление в Будапеште русофильской статьи. По его мнению, если раньше Вена всячески стремилась препятствовать развитию связей Венгрии с Россией, культивируя образ «угрозы с Севера», то в 1912 г. венские политические круги меняют свою позицию по данному поводу. С одной стороны, «угроза Севера» уже не являлась хорошей основой для укрепления единства Австрии и Венгрии, так как она в венгерской половине империи, несмотря на все усилия «еврейской прессы», уходила в историческое прошлое. С другой стороны, Вена явно желала присоединить к Дунайской империи Санджак, а для этого необходим был компромисс с Россией, как это имело место во время согласования аннексии Боснии и Герцеговины. М. Приклонский вспомнил позицию эрцгерцога Франца Фердинанда в 1908 г. Он был полностью уверен, что аннексия Боснии и Герцеговины проводилась при полной поддержке России, и наследник австро-венгерского престола очень огорчился, узнав об обострении отношений Вены и Санкт-Петербурга из-за присоединения бывших османских провинций. Поэтому при аннексии Ново-Пазарского санджака важно было нейтрализовать венгерскую оппозицию на случай переговоров с Санкт-Петербургом³.

Кроме этих обстоятельств, на взгляд генерального консула, Австро-Венгрия вполне допускала возможность войны с Италией из-за роста ее экспансионистских амбиций в бассейне Адриатического и Эгейского морей, поэтому Вене и Будапешту необходимо было обезопасить свои тылы на Востоке. Более того, М. Приклонский выделял еще один момент, подталкивавший Австро-Венгрию к компромиссу с Россией: ей крайне важны были французские кредиты, которые она не могла получить без улучшения отношений с Россией, на чем настаивал Париж⁴. В самой Венгрии не раз срыв переговоров с французскими банками о получении кредитов объяснялся жесткой позицией России, оказывавшей давление по этому вопросу на правительство и банки Франции.

В то же время генеральный консул видел серьезные препятствия на пути сближения России и Венгрии, самое трудное из которых – «отношение к нам всесильного здесь еврейства, руководимого с одной стороны Всеобщим Еврейским союзом, а с другой стороны – легендой о притеснении евреев в России»⁵. Однако данные проблемы, на взгляд дипломата, можно было решить. С согласия Вены следовало развивать тесные отношения России с Венгрией. Это способствовало разрушению негативных мифов и стереотипов о России, доминировавших в венгерском обществе. Первым этапом на этом пути станет развитие экономического сотрудничества, без чего невозможно налаживание политического диалога. К тому же, по мнению генерального консула, для евреев Венгрии личный интерес имел первостепенное значение. Поэтому укрепление экономических связей с еврейскими предпринимателями страны могло стать важным залогом улучшения имиджа России в Венгрии⁶. Генеральный консул предложил создать Российское информационное бюро в Будапеште, которое должно было работать в тесной взаимосвязи с венгерской прессой. Более того, сближение с Австро-Венгрией для М. Приклонского являлось существенным фактором оказания давления на США в условиях начавшейся между Санкт-Петербургом и Вашингтоном торговой войны. Таким образом, генеральный консул России в Будапеште в целом поддержал идею развития сотрудничества России с венгерской половиной империи Габсбургов, несмотря на желание Вены аннексировать Санджак.

Свою позицию консул подтвердил в конце июня 1912 г., когда Венгрия оказалась в тяжелом политическом кризисе после отставки премьер-министра К. Куэн-Хедервари. М. Приклонский подчеркивал, что, несмотря на временное ослабление Венгрии, с ней

необходимо развивать всесторонние отношения, ибо она быстро оправится после политических невзгод и восстановит свое влияние в империи Габсбургов⁷.

Российские дипломаты вне зависимости от страны пребывания внимательно отслеживали гонку вооружений на Балканском полуострове, тщательно проверяя информацию и направляя ее в МИД России. Не стало в этом плане исключением генеральное консульство России в Будапеште и посольство в Вене. В январе 1912 г. они отследили информацию о размещении Румынией на заводах венгерской фирмы «Манфред Вайс» заказа на производство 20 млн. патронов⁸. Данные факты свидетельствовали о нарастании напряженности на полуострове и желании основных балканских государств укрепить собственные вооруженные силы на случай новых конфликтов.

В 1912 г. продолжали оказывать влияние на жизни европейских стран предыдущие балканские конфликты. Для венгерской общественности источником бесконечных дискуссий являлся вопрос о статусе Боснии и Герцеговины после ее аннексии. Большинство представителей политической элиты страны не сомневалось в правах венгерской короны на эти провинции, что вызывало серьезные возражения со стороны многих австрийских политиков к большому разочарованию в Будапеште.

В феврале 1912 г. М. Приклонский докладывал о новом витке обсуждения данной проблемы в венгерской прессе. Газета «*Pesti Hirlap*» высказывала сомнения в положительной оценке последствий аннексии провинций. Это мероприятие стоило империи 230 млн. крон, что легло тяжелым бременем как на Венгрию, так и на Австро-Венгрию, и, самое главное, оно породило неразрешимую для Австро-Венгрии государственно-правовую проблему. Обе половины империи не могли определить статус Боснии и Герцеговины, а, по сути, поделить ее между собой⁹. Этую дискуссию поддержала масонская (по утверждению консула – прим. И.К.) газета «*Világ*», подчеркивавшая, что аннексия дала Австро-Венгрии только колоссальные расходы, дредноуты и дряги вокруг определения статуса провинций. «Двор действительно ведет империалистическую Балкансскую политику, но не в интересах Венгрии, а в интересах триализма», – писало по этому поводу издание¹⁰.

Здесь следует пояснить, что в Будапеште многие политики и интеллектуалы подозревали, что венские политические круги и даже сам наследник престола мечтали для ослабления Венгрии и разрушения дуалистической системы о создании под эгидой Хорватии нового третьего центра империи, который должен был объединить все югославянские земли, входившие в состав Дунайской империи, в том числе Боснию и Герцеговину.

М. Приклонский отмечал, что в Венгрии не было полного единства в вопросе об определении статуса Боснии и Герцеговины, акцентируя внимание на позицию газеты «*Budapesti Hirlap*». Издание подчеркивало несвоевременность изменения статуса Боснии и Герцеговины и ее присоединения к Венгрии: «исполнить национальные венгерские требования (включение в состав Венгрии Боснии и Герцеговины – прим. И.К.) – это значит в Боснии, подлить масла в огонь. Положение там более серьезно, что и внешняя политика грозит войной и что напряженное состояние на Балканах должно лишь усилить сепаратистские стремления Боснии. Поэтому правительство должно отменить исполнение национальных требований до более удобного времени»¹¹. Газеты «*Nar*», орган сторонников Ф. Кошути, клерикальная «*Alkotmány*» придерживались примерно такой же позиции. Следовательно, консул констатировал, что в Будапеште в начале 1912 г. опасались любых серьезных изменений на Балканах, даже в Боснии и Герцеговине, полагая, что они могут привести к войне на полуострове, в которую вполне могла быть втянутой Венгрия, сама не желая того.

В июне 1912 г. «*Budapesti Hirlap*» вновь возвращается к данной теме. Газеты отмечала, что Босния и Герцеговина принадлежала по историческому праву венгерской короне и король, то есть Франц-Иосиф I, должен был предпринять все силы для присоединения провинций к Венгрии. Издание подчеркивало, что Австро-Венгрия не имеет никаких прав на Боснию и Герцеговину. Более того, его не устраивал план введения совместного управления провинциями Веной и Будапештом¹². Еще с большими нападками в адрес Австро-Венгрии выступила газета «*Az Ujság*». Она призывала в дальнейшем все общие дела с Цислейтанией тесно увязывать с вопросом о присоединении провинций к Венгрии. М. Приклонский оставил данные заявления без комментариев.

В мае 1912 г. венгерская пресса обратила внимание на миролюбивые заявления С. Д. Сазонова, выступившего за поддержание стабильности в Европе, в том числе на Балканах. М. Приклонский сразу отреагировал на реакцию венгерской общественности на

эти заявления министра. Большая часть венгерских периодических изданий позитивно отнеслась к высказываниям С. Д. Сазонова, министра иностранных дел России. «Budapester Press» даже выдвинуло утверждение, что С. Д. Сазонов отказался от экспансионистской политики, которую проводил на Балканах его предшественник¹³. Одновременно консул отметил особую позицию по этому вопросу двух газет. «Est Ujsag» вновь акцентировала внимание читателей на желании России укрепить свои позиции на Балканах, призывая не допустить ее к Константинополю и Босфору при поддержке Великобритании, сохраняя стабильность на полуострове и территориальную целостность Османской империи. «Az Ujsag», газета И. Тисы, злейшего врага России, как выразился по поводу бывшего премьер-министра Венгрии и лидера венгерских либералов консул, заявила, что нельзя доверять словам российского министра, поскольку реальные действия России расходятся с миролюбивыми заявлениями политиков в Санкт-Петербурге¹⁴.

В сентябре 1912 г. из Будапешта за подписью секретаря генерального консульства в Будапеште князя Г. Маврокордато приходили дежурные сообщения. Они касались очередных конфликтов между венгерскими политиками, оппозицией и правительством о демонстрациях протesta и столкновениях демонстрантов с полицией и т.д. Особое внимание секретарь обратил на последние военные маневры австро-венгерской армии, прошедшие на территории Венгрии. Они показали слабость развития военно-воздушных сил Австро-Венгрии в сравнении с другими европейскими государствами, в том числе с Россией: из 17 самолетов в воздух смогло подняться менее половины¹⁵.

Начало Первой балканской войны стало полной неожиданностью для венгерской общественности, поэтому генеральное консульство первоначально давало информацию не о реакции венгров по поводу войны, а о военных заказах, которыми участники боевых действий буквально завалили венгерские заводы. По сведениям консульства, завод «Манфред Вайс» смог принять только часть болгарского заказа, согласившись выпустить для Болгарии 10 млн. патронов, хотя София была готова предоставить предприятию более значительный заказ¹⁶.

Первая реакция венгерской общественности была миролюбивой, в Будапеште никто не хотел вмешиваться в новую войну. К тому же после прихода информации о начале боевых действий произошел обвал на венгерских биржах и рост цен на продовольствие. В тоже время секретарь консульства подчеркивал, что симпатии венгерской общественности были на стороне Турции; в Венгрии мало кто сомневался в победе Порты над ее балканскими противниками.

В середине ноября 1912 г. князь Г. Маврокордато докладывал о разочаровании в Венгрии в связи с поражением турецкой армии. Это обстоятельство для венгерской общественности явилось неприятным сюрпризом вдвойне, поскольку она недооценивала боеспособность балканских армий, относясь с особым презрением к сербской армии¹⁷. Одновременно некоторые политики и общественные деятели страны заявили о необходимости посыпки волонтеров для помощи туркам. К чему секретарь генерального консульства относился с большим скептицизмом.

Большое внимание Г. Маврокордато уделил передовицам венгерских газет, полагая, что они в наибольшей степени отражают реакцию общественности на события, происходившие на Балканском полуострове. Он особо выделял заявления о русском следе в Первой балканской войне. Наиболее характерными в этом смысле стали слова газеты «Polgar», писавшей: «Россия хочет окружить нас славянской петлей, которую затем затянет...»¹⁸. Уже в ноябре Г. Маврокордато отмечает рост антироссийских настроений. Более того, воинственный запал начинает захлестывать различные слои населения страны. Газета «Pesti Hirlap» в данном контексте отмечала: «Турки в особенности теперь ждут нашей братской помощи и, конечно, наша армия, если бы могла, оказала ее с радостью...»¹⁹. Исключением стала реакция венгерских сербов, не скрывавших радости в связи с успехами сербской армии. Одним из следствий балканской войны явилось, на взгляд секретаря консульства, улучшение отношения к солдатам и офицерам, представлявшим югославянские народы в армии Австро-Венгрии, которое местами выражалось в прямом заискивании перед ними со стороны командования²⁰.

На взгляд Г. Маврокордато, военная риторика не была пустыми рассуждениями. По его сведениям, на территории Венгрии началась переброска воинских частей к южным границам страны, поближе к театру боевых действий²¹.

С 19 ноября 1912 г. депеши из Будапешта в посольство России в Вене вновь начинает отправлять М. Приклонский. В депеше за это число он обращает внимание на разрыв экономических связей Австро-Венгрии с балканскими государствами и прежде всего с Сербией. По его мнению, от этого разрыва больше потеряла Австро-Венгрия, чем Сербия. В качестве подтверждения своей позиции консул приводил слова австрийских и венгерских представителей индустрии, требовавших немедленного восстановления торговых связей Дунайской империи с Сербией и другими балканскими государствами²².

В сообщении от 26 ноября 1912 г. М. Приклонский впервые поднимает проблему возможного выхода Сербии к Адриатическому морю и отношению к данной перспективе венгерских правящих кругов. Этот вопрос имел важное политическое значение. 27 ноября 1912 г. сербская армия заняла крупный албанский порт Дуррес, что вызвало бурю возмущения в Австро-Венгрии; обе страны оказались на грани войны. 28 ноября всеалбанский форум в Влере при поддержке Австро-Венгрии и Италии провозгласил независимость Албании²³. После этого объявляется частичная мобилизация австро-венгерской армии.

Венгерская оппозиция, со слов консула, сочувствовало планам Сербии по выходу к Адриатическому морю, поскольку она полагала, что получение Сербией выхода к морю в районе Северной Албании отвлечет ее внимание от Центральной и Южной Албании. В тоже время оппозиция была категорически против любых территориальных расширений Румынии, опасаясь не только распространения румынского сепаратизма в Венгрии, но и того факта, что сильную Румынию сможет использовать в своих интересах Австрия, борясь со стремлением Будапешта к большей свободе²⁴. Одновременно консул отмечал, что постепенно в венгерской столице получала распространение информация о том, что за территориальными расширениями Сербии на Балканах стояла Россия, стремившаяся таким образом получать военно-морскую базу на Адриатике.

В своих донесениях М. Приклонский также с тревогой начинает доносить о частичной, разумеется, скрытой мобилизации австро-венгерской армии и передислокации ее воинских частей. В частности, он отмечал начавшийся процесс доукомплектования 5-го, 6-го корпусов и военно-морского флота империи Габсбургов.

В начале декабря 1912 г. генеральный консул обращает внимание на слова министра иностранных дел Австро-Венгрии Л. фон Берхольда о совместном желании Дунайской империи и Италии отстоять независимость Албании. Этот демарш министра нашел полную поддержку среди представителей венгерского истеблишмента. В то же время дипломат подчеркивал, что реально в Венгрии никто не хотел войны, за исключением небольшой группы политических маргиналов, приближенных к Бельведеру и наследнику престола эрцгерцогу Францу-Фердинанду²⁵. В Будапеште понимали, что война не только с Россией, но даже с Сербией чревата серьезными последствиями для страны, в том числе с точки зрения внутриполитического развития Венгрии. Хорваты все больше дрейфовали в пользу установления более тесных отношений с Австрией, вплоть до возможного выхода из состава Венгрии, к тому же среди хорватов с весны 1912 г. отмечался рост симпатий к Белграду. Сербы Венгрии не скрывали радости по поводу успехов сербской армии. Не меньше тревог вызывала позиция румын Трансильвании. Любые внешнеполитические удачи Румынии могли привести к росту сепаратизма среди румын Венгрии и установлению союза между Бухарестом и Санкт-Петербургом²⁶.

В течении 5–7 декабря 1912 г. тональность донесений М. Приклонского принимает тревожный характер. Первоначально он обращается к анализу последних статей венгерских газет, тем более что их заявления напрямую затрагивали Россию. «Budapesti Hirlap» указывала: в случае войны Сербии и Австро-Венгрии выиграет только Россия, которая старается выполнить роль миротворца для решения собственных политических задач на Балканах. «Budapesti Hirlap» призывала к созданию «Великой Болгарии» по итогам войны и установлению с ней союзнических отношений, поскольку все надежды на Османскую империю себя не оправдали. Газета призывала учиться в проведении балканской политики у России, ибо Австро-Венгрия постоянно опаздывала и не успевала; Россия же в это время контролировала события на Балканах, получая свои дивиденды²⁷. Анализ остальных газет подтверждал информацию о передвижениях частей австро-венгерской армии к границам Сербии, о призывае запасников в Венгрии и росте сепаратистских настроений среди румын Трансильвании. Однако возникал вопрос: как венгерская пресса в эти дни реагировала на возможную войну с Россией? «Az Ujság» не верила в такую альтернативу, полагая,

что Россия в последний момент пойдет на уступки Австро-Венгрии и урезонит Сербию, так как сама, не оправившись от последствий русско-японской войны и первой русской революции, не была готова к серьезным боевым действиям в Европе²⁸. «Pesti Hirlap» полагала, что с Россией не надо воевать из-за какой то гавани на Балканах, тем более зимой. Некоторые военные и политики говорили о возможности войны с Россией, но не раньше весны 1913 г.

Из анализа последних статей венгерских газет становилось очевидным, что, в отличие от октября, они уже не сомневались в российском следе в создании Балканского союза и поддержке Санкт-Петербургом войны против Османской империи. Воинственные заявления Белграда, по мнению венгерских журналистов и политиков, полностью основывались на его поддержке Россией. Более того, все чаще в Венгрии звучали рассуждения о возможности войны с Россией, хотя консул был убежден, что большинство венгров выступало против такого развития событий. Однако сама полемика о войне вела к нагнетанию страсти и росту русофобских настроений. В стране начинается волна шпиономании, из разных концов приходили сведения о задержанных российских шпионах. В Кашшау (Копшице – прим. И.К.) венгерский обыватель вдруг увидел германских солдат уже готовых к войне с Россией и т.д.²⁹. Кстати, многие в Венгрии, по мнению российских дипломатов, сомневались в поддержке Берлином Австро-Венгрии в случае ее войны с Сербией и Россией.

Подводя итоги первой недели декабря, М. Приклонский отмечал рост военных приготовлений на территории Венгрии. По его сведениям, три батальона 4-го армейского корпуса, расквартированного в Будапеште, покинули венгерскую столицу и отправились в сторону границы с Сербией, в этом же направлении выдвинулись два монитора Дунайской флотилии, части 6, 11, 12, 13, 15 и 16 корпусов спешно пополняли свой состав за счет резервистов. И не менее важное обстоятельство: по его данным, в Венгрии начали срочно заготавливать сухари. Все это свидетельствовало о возможности войны Австро-Венгрии с Сербией.

12–13 декабря 1912 г., в ответ на запросы посольства России в Вене, М. Приклонский постарался сделать некий предварительный анализ развития ситуации в Венгрии с точки зрения возможного начала войны империи Габсбургов с Сербией и даже с Россией. Консул был уверен, что войны раньше весны 1913 г. не будет; как уже отмечалось, он вообще сомневался в возможности начала «большой» или «малой» войны на Балканах. Кроме этого, М. Приклонский доложил о том, что все слухи о присутствии германских военных в Венгрии не подтвердились³⁰. Следует признать, что данная информация заставила поволноваться российских дипломатов и военных.

В середине декабря генеральный консул вновь проводит анализ развития ситуации в Венгрии в условиях победы войск Балканского союза над Османской империей, выделяя наиболее важные последствия данных событий. Первое – ошеломляющая неожиданность поражения Турции. Второе – появление страха перед возможным выходом Сербии к Адриатическому морю, что могло в условиях захвата хорватами Фиуме (Риеки) полностью отрезать Венгрию от Адриатического моря. Третье – нарастание экономических проблем внутри Венгрии в условиях войны; в стране исчезла золотая монета номиналом в 10 крон; промышленники все чаще говорили о необходимости мира на Балканах; венгерская экономика с трудомправлялась с нарастающим кризисом. Четвертое – в Венгрии понимали, что война с Сербией приведет к усилению ее зависимости от Вены, вплоть до потери ряда свобод, полученных в результате заключения дуалистического соглашения 1867 г., что для венгров было абсолютно неприемлемо³¹.

В конце декабря в донесениях из Будапешта генеральный консул сообщал об очередных передвижениях австро-венгерской армии, о закупке для ее нужд 800 вагонов муки и 3 тыс. волов, о страданиях австро-венгерских военных от холода в Боснии и Герцеговине, об очередных шпионских скандалах, вновь пошли слухи о германских военных на территории Венгрии и т.д.

В послании от 29 декабря 1912 г. М. Приклонский в очередной раз проводит анализ сообщений венгерских газет. На их страницах не было единодушия в оценке перспектив начала войны с Сербией и Россией. Наиболее воинственные призывали немедленно разбраться с Сербией и Россией, так как через два года Россия сможет нарастить военный потенциал и тогда с ней придется трудно воевать. К тому же союз Германия – Австро-Венгрия – Румыния – Италия имел больше сил, чем тройка Россия – Франция – Сербия.

«Budapesti Hirlap» подчеркивала, что в случае войны Австро-Венгрию поддержат Германия, Румыния, Греция, Италия и Болгария, в результате Россия и Сербия окажутся на Балканах в полной изоляции³². В другой статье газета призывала: «Вся Европа должна соединиться в требовании, чтобы самодержавная власть в России, которая является источником политики, угрожающей миру Европы, была сломлена...»³³. Дальше журналисты позволяли себе предложить различные комбинации по ослаблению России, в том числе организацию очередного польского восстания, новой войны России с Японией и, самое главное, материальной и организационной поддержки антиправительственных партий внутри самой России.

В то же время издание «A Nap» призывало к крайней осторожности и не бряцать лишний раз оружием, поскольку на территории империи Габсбургов проживало более 25 млн. славян, которые не будут воевать против других славян, поэтому издание требовало сохранить мир любой ценой³⁴. Ряд изданий призывало к локальной войне с Сербией при сохранении нейтралитета России.

В последний день 1912 г. М. Приклонский докладывал о распространении в Венгрии слухов, что Франция отказалась от поддержки России и Сербии. Это вызвало большой ажиотаж в политических кругах страны. Одновременно в Венгрии росло недовольство действиями российского посланника в Белграде Н. Гартвига; его в Будапеште считали одним из лидеров панславистских сил России и подстрекателем сербской агрессивности. В уходе Н. Гартвига в отставку в Будапеште и Вене видели одно из условий нормализации ситуации на Балканах. В то же время консул констатировал некоторый спад военной риторики на страницах венгерских газет и в обществе в целом; миролюбивая позиция постепенно брала верх. Многие газеты страны тиражировали сообщения о нарастании антивоенных настроений в России, появились статьи о необходимости укрепления дружеских отношений с Сербией. Большой резонанс в стране вызвала информация о посещении послом Австро-Венгрии в Белграде госпиталя с сербскими ранеными солдатами³⁵. В данном русле венгерская общественность восприняла серьезные кадровые перестановки в высшем командовании австро-венгерской армии, связанные с отставкой генералов М. Ауффенберга и Шемуя.

Позиции партии войны в Венгрии, по мнению консула, несколько ослабли. Ее оценки событий стали в некотором роде более реальными. В частности, в Будапеште признали, что война с Россией, скорее всего, будет носить не наступательный, а оборонительный характер, и что к ней надо готовиться основательно, воздержавшись об боевых действий как минимум до весны 1913 г. Правда, крайние радикалы призвали к весне 1913 г., то есть к началу большой войны с Россией, решить ряд важных стратегических задач: разгромить Сербию, поднять польское восстание, привлечь Китай к войне с Россией, но к этим рассуждениям М. Приклонский относился с большой ironией.

На взгляд дипломата, пыл партии войны останавливали экономические неурядицы, с которыми столкнулась империя Габсбургов в целом и Венгрия в частности, особенно это проявлялось в финансовой сфере и во внешнеэкономической деятельности. М. Приклонский обратил внимание, что даже епископат католической церкви, сохранивший лояльность династии, призывал верующих срочно забрать деньги из банков во избежание будущего разорения. По его мнению, Венгрия оказалась на грани финансового краха³⁶. Кроме того, в Будапеште не было полной уверенности в действиях союзников. В том, что Германия, Италия и Румыния поддержат Австро-Венгрию, не было никаких гарантий, как и в том, что будущая война с Сербией пойдет по благоприятному для Дунайской империи сценарию³⁷.

В последние дни 1912 г. – в начале января 1913 г. М. Приклонский склонялся к мысли, что вопрос о войне и мире с Россией и Сербией Австро-Венгрия будет решать, не исходя из позиции, занятой Санкт-Петербургом и Белградом, а от развития внутриполитической ситуации. Поэтому, на его взгляд, было трудно в полной мере определить, какую позицию весной 1913 г. в балканском конфликте займет империя Габсбургов³⁸. В то же время генеральный консул явно относился к числу тех дипломатов и политиков, которые призывали к компромиссу с Австро-Венгрией и к недопущению большой войны в Европе весной 1913 г.

- ¹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 3.
- ² АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 3.
- ³ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 4.; ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 3.
- ⁴ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 5.
- ⁵ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 5.
- ⁶ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 78.
- ⁷ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 9.
- ⁸ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 11.
- ⁹ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 11.
- ¹⁰ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 11.
- ¹¹ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 11.
- ¹² АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 56.
- ¹³ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 42.
- ¹⁴ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 42.
- ¹⁵ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 114.
- ¹⁶ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 123.
- ¹⁷ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 132.; ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 127.
- ¹⁸ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 132.
- ¹⁹ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 133.
- ²⁰ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 133.
- ²¹ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 134.
- ²² АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 134.
- ²³ *Искандеров, П. А.* Балканские войны 1912–1913 г. // В «пороховом погребе Европы» 1878–1914. М., 2003, с. 486.
- ²⁴ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 138.
- ²⁵ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 146.
- ²⁶ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 146.
- ²⁷ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 154.
- ²⁸ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 155.
- ²⁹ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 160.
- ³⁰ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 161.
- ³¹ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 164.
- ³² АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 179.
- ³³ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 183.
- ³⁴ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 179–180.
- ³⁵ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 184.
- ³⁶ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 188.
- ³⁷ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 187.
- ³⁸ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 586, л. 187.

БОЛГАРСКИЕ СОЛДАТЫ ВО ВРЕМЯ БАЛКАНСКИХ ВОЙН ГЛАЗАМИ РУССКИХ ОЧЕВИДЦЕВ

Н. С. Гусев

Гусев, Н. С. Българските войници от Балканските войни през погледа на руски очевидци

Русия следи събитията на Балканите през 1912–1913 г. В руското обществено мнение образът на българския войник е героичен – той се бие до последно и безропотно търпи всевъзможни лишения. Характерът на българина обаче в руските представи е друг: трудолюбив и спокоен. Причините за промените в поведението на българите според руските очевидци са стремежът за отмъщение на турците и за реализиране на идеала за «Сан-Стефанска България».

Ключови думи: Балканските войни, България, Русия, войници, общественно мнение.

Гусев, Н. С. Болгарские солдаты во время Балканских войн глазами русских очевидцев

Россия следила за событиями на Балканах 1912–1913 гг. В русском общественном мнении образ болгарского солдата был героическим – тот дралился до последнего и безропотно переносил лишения. Однако характер болгар в русском восприятии был иной: трудолюбивый и спокойный. Русские очевидцы причинами изменений в поведении болгар видели месть туркам и стремление к реализации Сан-Стефанского идеала.

Ключевые слова: Балканские войны, Болгария, Россия, солдаты, общественное мнение.

Gusev, N. S. Bulgarian soldiers during the Balkan wars through the eyes of the Russian witnesses

Russia followed the events of 1912–1913 in the Balkans. According to Russian public opinion, the image of the Bulgarian soldier was heroic – he fought to the finish and resolutely endured hardships. However, the character of the Bulgarians in the Russian perception was different: hardworking and composed and well-balanced. Russian witnesses saw the causes of the Bulgarian's behavior changes in revenge of the Turkish enemies and the desideration of implementation of San-Stefano ideal.

Keywords: The Balkan wars, Bulgaria, Russia, soldiers, public opinion.

В 1912 г. после заключения союзного договора с Сербией, затем – с Грецией, и устного соглашения с Черногорией Болгария вступила в войну с Османской империей. Целью войны было объявлено улучшение положения жителей Македонии; фактически же страны-участницы Балканского союза намеревались разделить между собой европейские земли Турции.

Основная тяжесть войны легла на плечи солдат. Русское общество интересовалось их поведением и успехами. Следуя в фарватере т.н. социологического номинализма, вслед за Н. И. Кареевым и М. Вебером, мы представляем общество как совокупность индивидов, а общественное мнение – как совокупность мнений индивидов¹. Исходя из этого постулата, попытаемся описать, каким же предстал в глазах русского общества болгарский солдат во время Балканских войн.

«По общим отзывам, болгары проявляли изумительное мужество. Бестрепетно шли они в штыковые атаки под сплошной шрапнелью, усеивая путь мертвыми телами... Ими руководит такое воодушевление и такое презрение к опасности, которое почти гипнотизирует, вперед морально порабощает»², – писал «Нижегородский церковно-общественный вестник». В своем анализе военных действий полковник Александр Дорошевич восхищался: «болгары умирали на своих позициях, но не уступали их туркам»³. В 1913 г. в Петербурге стала издаваться серия брошюр, посвященная «замечательным подвигам балканских юнаков 1912 года». Небольшие, ценою в 5 копеек, сборники коротких рассказов состояли из патетических зарисовок, создающих героический образ болгарского солдата. Самая первая история – «С ружьем в руках» – состоит из 12 строк и задает тон всей остальной брошюре. В ней рассказывается об умирающем от ранения на позиции болгарине, говорящем своему товарищу: «Скажи нашим в селе, Маше, что я пал..., но с ружьем в руках»⁴.

Однако этому героическому образу не соответствовали бытовые условия болгарских воинов. Священник Иван Дочев, сопровождавший боевые части, записал в своем дневнике: «За домом, за плетнем – вот нужник. И свиньи выполняют санитарную службу»⁵. Русские журналисты не рассказывали о таких подробностях быта, но и не рисовали его

радужными красками. Так, сообщал военный корреспондент капитан Н. Мамонтов, что под Чаталджой, несмотря на сырье и холодные ночи, подстилку не было, одеяло было недостаточно, а возможность переменить мокре белье и вовсе отсутствовала⁶. «Голодные, холодные, в грязи, совсем из сил выбились», – жаловался солдат корреспонденту «Киевской мысли» Л. Д. Троцкому⁷. Очевидец, писатель Евгений Чириков, в Лозенграде (ныне – Кыркларели) слышал от солдат: «мы давно уже ничего кроме воды и хлеба не знаем... И больше нам ничего не нужно». И лишь к предложению папирос они отнеслись менее равнодушно: «в глазах их сверкает удовольствие: давно уже не курили настоящих папирос», – отметил в книге писатель⁸. Корреспондент русской газеты, капитан Николай Мамонтов, восхищался терпеливостью болгарского солдата. Корреспондент писал: «Я видел его неоднократно безропотно умирающим на позиции или в полевом госпитале, молчаливо переносящим адскую пытку перевозки на тряских телегах по грязным, изрытым колеями проселкам или терпеливо бредущим с раздробленной ногой целых четыре версты до перекрестного пункта»⁹.

Другой офицер, в тот момент бывший корреспондентом на Балканах, Николай Гасфельд, наблюдал раненых артиллерийским и ружейным огнем в голову и грудь, контуженных, которые рвались обратно в бой, на линию огня¹⁰. Солдаты возмущались, что их выносят с поля боя: «Почему меня несут на носилках? Я и так дойду. Стоит ли ради меня двух человек вызывать из строя»¹¹. Ради скорости переброски войск по железной дороге задерживали поезда с ранеными¹². Корреспондент «Нового времени», доктор международного права Александр Пиленко, объяснял это тем воинственным настроением, которое царило среди болгар: «Тот, кто заболел – почти что подлец, потому что он не может исполнять своего служебного воинского долга. Тот, кто ранен – вернее всего недогадливый вахлак; иначе он бы устроился так, чтобы не попасть под турецкую пулю»¹³. Соглашались с этим и получившиеувечья, говоря другому русскому писателю, отправившемуся в качестве корреспондента «Русского слова» на Балканы – Василию Немировичу-Данченко: «Так надо, войны мы все хотели. Там, где есть победы, неизбежны и жертвы»¹⁴. Е. Н. Чириков отметил, что сослуживцы с презрением говорили о солдате, у которого случился нервный срыв, вылившийся в фобию открытого пространства: «Испугался пустого поля! Э, слабый! На печке сидеть...»¹⁵. Доброволец Владимир Везенков, служивший в Македонско-Одринском ополчении, в своих впечатлениях от войны поведал читателям, что отряды этого войскового соединения в тяжелой ситуации решили погибнуть, но не попасть в руки туркам. Так и поступил поручик Бояджиев, передав однополчанам перед тем, как пустить себе пулю в лоб, деньги «на помин души»¹⁶.

По сообщениям русской печати, кончали жизнь самоубийством в странах Балканского союза и по другим причинам. Журнал «Вестник Европы» рассказывал своим читателям: «под впечатлением всеобщего воодушевления старый майор Косачевич, участник войны 1876 г., покончил с собой из-за сознания, что физическая немощь не позволяет ему принять участие в войне. «Умираю спокойно», писал он в предсмертном письме. – Да здравствует сербо-болгарское братство»¹⁷. Писатель В. И. Немирович-Данченко также свидетельствовал о нескольких случаях самоубийств болгар, не взятых в армию по состоянию здоровья¹⁸, а корреспондент «Нового времени» Иероним Табурно – об аналогичных эпизодах в сербском войске¹⁹.

Не только мужчины были охвачены воодушевлением от начала открытой борьбы с Турцией. Журнал «Нива» поместил фотографию «болгарской героини» Ионки Марковой со следующей подписью: «Шестидесятилетняя старуха, родилась в деревне Бойники Видинского округа. Одевается по-мужски, принимала живое участие в сербско-болгарской войне 1885 г. Теперь в качестве волонтерки пошла на поле брани»²⁰. Очевидцы передавали русскому обществу слышанные ими от женщин слова: «Возьму и я пушку... (пер. с болг. – ружье. – Н.Г.). Моя бабка с турками дралась, а я нисколько ее не хуже»²¹. Таким образом, желание сразиться с турками было велико, и поэтому во время мобилизации «запасные стекались на призывные участки как на свадьбу»²².

Кто же служил в этой геройской армии? На этот вопрос емко и точно ответил Лев Троцкий, бывший корреспондентом «Киевской мысли» на Балканах: «Здесь мобилизованная армия есть действительно народ»²³. Сообщения других русских изданий этим словам не противоречили, а лишь их подтверждали, поэтому не будем останавливаться на этом вопросе.

Итак, как видим, русская пресса рисовала картину героической народной армии. Но сам народ представлялся ли героическим, воинственным, подобным существовавшему образу черногорца?

Здесь мы вступаем в область имагологии, и следует сделать несколько пояснений. Согласно зарубежному исследователю Дж. Леерссену, выделение культурных различий находится в связи с идеей о наличии у народов своих особых характеров²⁴. Российский историк М. В. Лескинен указывает, что во второй половине XIX в. (а 1912–1913 гг. – часть долгого XIX века) «идея «врожденности» нрава и его генетической обусловленности обосновывали «нрав народа» в качестве этномаркирующего признака, общего для всех членов этнического коллектива»²⁵.

Каким же был так называемый нрав болгарского народа?

Болгары и их порядки казались русскому человеку довольно патриархальными. В одном из госпиталей раненый болгарский кавалерист влюбился в ухаживавшую за ним сестру русского Красного Креста и предложил ей выйти замуж. Виктория, ученица балетной школы из Таганрога, ему ответила: «Я знаю, что вы, болгары, деспоты. Жена для вас только объект плотских удовольствий. У вас к ней одинаковое отношение с турками... Из-за увлечения тобой я должна проститься с самой священной моей мечтой – балетным искусством... Выйти замуж за тебя значит рожать тебе детей, готовить, стирать, стать настоящей рабыней. Пфу! Какая отвратительная перспектива»²⁶.

Характерной чертой болгар русским казалось их миролюбие. В вышедшей в Ярославле уже в начале Первой мировой войны брошюре утверждалось: «С внешней стороны болгарин производит впечатление человека спокойного, но при более близком знакомстве легко заметить, что под этим покровом таится страстный темперамент и вспыльчивый характер. Болгары в высшей степени трудолюбивы и в противоположность братьям-черногорцам – миролюбивы. Из всех славянских народов болгары – самый тихий, мирный и трудолюбивый народ»²⁷. Схожих взглядов придерживался В. И. Немирович-Данченко: «Болгарин весь ушел внутрь себя. Он молча растит энергию, копит ее для решительного удара. У него уста сомкнуты, но глаза сверкают мрачным огнем»²⁸. Е. Н. Чириков, считал, что болгары «энергичны, настойчивы, с непочатым запасом волевой энергии. Во многом напоминают наших финляндцев, только темпераментнее их и жизнерадостнее»²⁹. Ему же один из воинов говорил: «Не скажу, чтобы наш народ был особенно религиозен... Он – сын земли, по преимуществу, и хочет иметь все блага на земле больше, чем на небе! Наша церковь играла всегда большую роль политическую, роль национального объединителя, чем духовную... Копаться в себе мы, болгары, вообще не любим! Некогда! Дел много...»³⁰.

Эта, если можно так выражаться, хозяйственность находила свое выражение и на фронте. Одному оставшемуся на поле боя солдату царя Фердинанда турки отрезали ухо, ударили кинжалом в бедро. Тот, притворившись мертвым, позже вернулся и, как рачительный хозяин, принес шинель обратно³¹. Сопровождавший русского корреспондента возница рассказал ему еще одну показательную историю: «Проезжавший крестьянин поднял гранату и, прельстясь медной гильзой ее, стал освобождать ее от ядра. Делал он это самым простым способом: об дерево... Последовал взрыв и крестьянина убило на месте»³².

Но иногда черты трудолюбия, хозяйственности и трезвого расчета преподносились русскому обществу в черном цвете: «Он (болгарин. – Н.Г.) не привык думать о другом, как о личности, интересоваться другим ради этого же другого. Выходит человек из строя – и он уже не нужен. Перестает человек, хотя бы на время, быть объектом практического интереса – и он сразу исчезает из поля зрения. Практическая полезность – вот мерило, с которым болгарин привык подходить к явлениям жизни. А политическая жизнь, с ее стамбуловскими традициями, только укрепила это упрощенное мировоззрение»³³, – писал социалист Станислав Вольский (настоящее имя – А. В. Соколов). Полковник Владимир фон Дрейер, бывший на Балканах корреспондентом, считал, что громкие победы сделали болгар «еще более (курсив наш. – Н.Г.) жадными, нетерпимыми к чужому мнению»³⁴. Прозербски настроенный журналист, незадолго до этого вышедший на пенсию генерал-лейтенант Евгений Мартынов, считал: «Болгары – смесь монгол-завоевателей с покоренными славянскими племенами, отличаются наоборот холодной расчетливостью, корыстолюбием, заносчивостью»³⁵.

Надо отметить, что, как выразился Н. С. Державин, «странная, ничем не объяснимая и непонятная тенденция приписывать нынешним болгарам монгольское происхождение»³⁶ в тот момент активно использовалась сторонниками Белграда.

Так почему же этот мирный, на чей-то взгляд – расчетливый, народ так изменился, надев военную форму и отправившись на фронт?

Советский исследователь В. А. Жебокрицкий считал, что народом двигало желание освободить сбрата-крестьянина от феодалов, и это использовали «националистические, шовинистические партии для пропаганды войны»³⁷.

Современный болгарский историк С. Елдаров такое поведение объясняет следующим: «Эта глубоко укорененная в душе болгарина потребность трудиться заставляет солдата смотреть на саму войну как на некую форму труда – поистине жестокого, смертельно опасного и нечеловеческого, но все же форму труда»³⁸. Эти слова, на наш взгляд, объясняют многое, но далеко не все. Пример тому – ожесточенное отношение к противнику, как во время Первой, так и во время Второй Балканских войн.

Современные событиям пресса и очевидцы-журналисты видели два других основных мотива таких превращений. Обратимся к ним. Первый – месть. «Страшина… месть освобожденного от пятивекового кошмара многострадального населения»³⁹, – записал штабс-капитан Н. П. Мамонтов. «Ненависть к «турчину», целыми столетиями копившаяся, целыми столетиями поддерживаемая, вспыхнула таким ярким пламенем, что в ней без остатка сгорели торжественно-красивые настроения первых дней войны», – считал вышеупомянутый Ст. Вольский. Далее он продолжил: «Традиции быта и воспитывавшаяся в школе и семье ненависть к турку сделали свое дело: алчность хозяйственного мужичка и жажда мести слились воедино и сняли слабый культурный налет, и превратили человека в разнудзданного зверя». В этой же статье дается и хлесткое определение происходившего: «Это было оргией неудержимой в своей жестокости мести»⁴⁰.

Е. Н. Чирков был склонен видеть именно этот мотив. Ему сами болгары рассказывали: «Ведь помимо исторической вражды, успевшей всосаться в плоть и кровь с материнским молоком, наши дети со школьной скамьи в течение долгих лет уже воспитывались на мечте об окончательном счете с вековечным врагом, а в нашей солдатской памятке на первом месте значится: Кто твой первый враг? – Турок!»⁴¹. Писателю казалось, что «новые песни все – воинственно-патриотического характера, звучат бодро, призывающими и полны надежд на последнюю месть туркам, ныне наступившую»⁴². В заключении своей книги он взялся объяснить негуманные взаимоотношения противников и союзников следующим образом: «Объяснения этой обоюдной жестокости в глубине исторического процесса, в дикости, жестокости и религиозном фанатизме недавнего господина с одной стороны и в долго скапливавшейся и прорвавшейся, наконец, мстительной энергии бывшего раба, который сам захотел быть господином и склонен проявлять это тою же монетой»⁴³. В. И. Немирович-Данченко этот мотив поведения выразил так: «Народ не только не умеет, он не может прощать»⁴⁴.

Второй мотив: «Великая идея».

Журнал «Заветы» сообщал своему читателю, что за время, прошедшее с освобождения страны, болгарин изменился мало. За одним исключением: «Он успел проникнуться национальной идеей. Он идет умирать, не задумываясь, он отдает в жертву «Великой Болгарии» себя и своих детей»⁴⁵.

Н. С. Державин, будущий советский академик, в просветительской брошюре времени Балканских войн выразил свою точку зрения: «Идея культурно-национально-политического объединения болгарского народа – вот та идея, которой Болгария обязана своим возрождением, свою политическую свободой, успехами культурного развития, своими, наконец, блестящими победами»⁴⁶.

В Сербии каждый солдат из крестьян знал, за что он сражается. Еще когда он был маленьkim ребенком, мать приветствовала его: «Здравствуй маленький мститель за Косово»⁴⁷. В Болгарии же «каждый ученик знал о страшной неправде, совершенной в Берлине в 1878 г.», и обучение в армии штыковому бою происходило на чучелах в турецкой униформе⁴⁸.

Известно, что главной частью Великой Болгарии, «священной коровы» болгарского патриотизма⁴⁹, была Македония. В госпитале раненые болгары говорили Л. Д. Троцкому: «Даст Бог, жив и здоров буду, опять пойду турок бить. Довольно им смерТЬ в Македо-

нии»⁵⁰. Служившие в ополчении старики ему высказывались в том духе, что, несмотря на их собственную смерть, «детям будет хорошо жить, когда не будет турок»⁵¹. В. С. Везенков в Софии встретил газетчика, ему заявившего: «Довольно работал на себя! Теперь поработаю для наших македонских братьев!.. Наконец-то пришел и этот день!»⁵².

Русские журналисты отмечали значимость темы «Великой Болгарии» и в болгарском искусстве. Владимир Викторов-Топоров видел основу успеха театральных постановок у публики в «воинствующем национализме и, в связи с этим, идеализацией туманных дебрей болгарской истории»⁵³. Он же в журнале «Русская мысль» говорил о полумистическом отношении болгар к Македонии и выразил свое впечатление от «нрава» болгарина: «Тот может оставаться равнодушным, слушая, как при нем говорят о вопросах мирового значения... Но стоит напомнить ему о том, что происходит за южной границей болгарского государства... стоит намекнуть на Македонию, на Царьград, напомнить длинные века византийского и турецкого рабства, — и самый хладнокровный болгарин проявит свою горячность, свой во всех других случаях жизни глубоко скрытый темперамент»⁵⁴.

Как известно, Македония входила в границы и других Великих проектов: Великой Сербии, Мегали Идеи и даже Великой Албании. В этом месте пересечения национальных притязаний и разразилась Междусоюзническая война. В. Н. фон Дрейер считал, что «простому крестьянину, не зараженному подобно горожанину политикой, чужда и непонятна была эта надвигающаяся братоубийственная резня»⁵⁵, хотя, как нам кажется, тут произошло экстраполирование русских реалий на болгарские.

Подтверждением вышеизказанному служит и та жестокость, которая была проявлена ко вчерашним союзникам. Н. С. Державин оправдывал это следующим: «Болгария, счастливая сознанием предстоящей близости реального осуществления своей мечты, силою сложившихся обстоятельств оказалась вдруг лишеннаю всего, что в течение целого столетия было для нее наиболее дорогим в ее жизни. И это не слова, это действительный факт, факт очень хорошо, впрочем, знакомый всем, кто ближе присматривался к болгарской жизни..., кто видел, например, эти многотысячные толпы македонских беглецов, из года в год периодически наводнявших собою болгарские города, ища здесь защиты и спасения, или кто лично был свидетелем, как вполне нормальная болгарская жизнь вдруг выбивалась из колеи при малейшем эксцессе со стороны турецкого режима в несчастной Македонии»⁵⁶.

Итак, в русском общественном мнении был создан героический образ болгарского солдата, который дрался до последнего и безропотно переносил лишения войны. Характер же простых болгар в русском восприятии был иной: трудо- и миролюбивый. Причинами самоотверженного поведения на фронте виделись месть туркам и стремление к реализации Сан-Стефанского идеала.

Недаром корреспонденту В. Водовозову, не единожды посещавшему неспокойный полуостров, после Балканских войн казалось, что «вся Болгария дышит мыслью о реванше»⁵⁷. Через два года реванш наступит. Здесь вновь будет и месть сербам за унижение, и желание создания Великой, Сан-Стефанской Болгарии. Страну постигнет вторая национальная катастрофа, приведшая к очередным безрезультатным территориальным, материальным и людским потерям.

¹ Семенов, Ю. И. Общество как целостная система // Социальная философия / Под ред. И. А. Гобозова. М., 2003, с. 62.

² Нижегородский церковно-общественный вестник, 1912, 4 ноября.

³ Дорошевич, А. Война на Балканском полуострове (От открытия военных действий до перемирия). СПб., 1913, с. 51.

⁴ Бахметев, П. Балканские герои. СПб., 1913, с. 1.

⁵ Дочев, И. Записките ми по войната 1912 година. София, 2012, с. 89.

⁶ Мамонтов, Н. П. С болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. М., 1913, с. 155.

⁷ Троцкий, Л. Д. Сочинения. Т. 6. М.-Л., 1926, с. 183.

⁸ Чириков, Е. Н. Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913, с. 77.

⁹ Мамонтов, Н. П. Указ. соч., с. 72.

¹⁰ Шевалье, Н. Правда о войне на Балканах. Записки военного корреспондента. СПб., 1913, с. 31.

¹¹ Мамонтов, Н. П. Указ. соч., с. 72.

¹² Шевалье, Н. Указ. соч., с. 35.

¹³ Пиленко, А. А. Около Болгарской войны. Дневник и сорок девять любительских фотографий. СПб., 1913, с. 198.

- ¹⁴ Немирович-Данченко, В. И. Собрание сочинений. Т. 15. СПб., 1913, с. 210.
- ¹⁵ Чириков, Е. Н. Указ. соч., с. 56.
- ¹⁶ Везенков, В. С. Энвер-бей под Шаркиоем // Военный сборник. – 1914. – № 7. – С. 97–98.
- ¹⁷ Вестник Европы. – 1913. – № 1. – С. 353.
- ¹⁸ Немирович-Данченко, В. И. Собрание сочинений. Т. 14. СПб., 1913, с. 20.
- ¹⁹ Табурно, И. П. О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.). СПб., 1913, с. 23.
- ²⁰ Нива. – 1912. – № 50. – С. 1021.
- ²¹ Немирович-Данченко, В. И. Собрание сочинений. Т. 14. СПб., 1913, с. 15.
- ²² Родина. – 1912. – № 41.
- ²³ Троцкий, Л. Д. Указ. соч., с. 143.
- ²⁴ Leerssen, J. Imagology: History and method. – URL: <http://www.imagologica.eu/pdf/historymethod.pdf>. (Дата обращения: 06.01.2014).
- ²⁵ Лескинен, М. В. Изображение «другого» в российской науке второй половины XIX в. // Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011, с. 29.
- ²⁶ Карчев, П. През прозореца на едно полуистолетие (1900–1950). София, 2004, с. 315–317.
- ²⁷ Карпов, С. Болгария и последние Балканские войны. Ярославль, 1914, с. 5–6.
- ²⁸ Немирович-Данченко, В. И. Собрание сочинений. Т. 14. СПб., 1913, с. 21.
- ²⁹ Чириков, Е. Н. Указ. соч., с. 53.
- ³⁰ Там же, с. 78–79.
- ³¹ Пиленко, А. А. Указ. соч., с. 39.
- ³² Чириков, Е. Н. Указ. соч., с. 101.
- ³³ Заветы. – 1913. – № 2. – С. 173.
- ³⁴ Фон Дрейер, В. Разгром Болгарии. Вторая Балканская война 1913 г. С 11 схемами в приложении, схемой и таблицей в тексте и 22 фотографиями. Издание второе. СПб., 1914, с. 5.
- ³⁵ Мартынов, Е. И. Сербы в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913, с. 80.
- ³⁶ Державин, Н. С. Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопрос. СПб., 1914, с. 112.
- ³⁷ Жебокрицкий, В. А. Болгария накануне Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1960, с. 203–204.
- ³⁸ Цит. по: Гришина, Р. П. Судьба «балканских союзников» 1912–1913 годов. Взгляд из XXI столетия / Р. П. Гришина, А. Л. Шемякин // Новая и новейшая история. – 2013. – № 4. – С. 128.
- ³⁹ Мамонтов, Н. П. Указ. соч., с. 66.
- ⁴⁰ Заветы. – 1913. – № 2. – С. 168.
- ⁴¹ Чириков, Е. Н. Указ. соч., с. 59.
- ⁴² Там же, с. 93.
- ⁴³ Там же, с. 140.
- ⁴⁴ Немирович-Данченко, В. И. Собрание сочинений. Т. 15. СПб., 1913, с. 108.
- ⁴⁵ Заветы. – 1913. – № 2. – С. 173.
- ⁴⁶ Державин, Н. С. Указ. соч., с. 8.
- ⁴⁷ Вишняков, Я. В. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2012, с. 101.
- ⁴⁸ Димитров, Б. Истинската история на Балканската война. София, 2007, с. 27.
- ⁴⁹ Термин, предложенный болгарским историком И. Илчевым. См.: Гришина Р. П. Лики модернизации в Болгарии в конце XIX – начале XX века (бег трусцой по пересеченной местности). М., 2008, с. 246.
- ⁵⁰ Троцкий, Л. Д. Указ. соч., с. 183.
- ⁵¹ Там же, с. 93.
- ⁵² Везенков, В. Македония и причины Балканской войны. М., [1912?], с. 95.
- ⁵³ Русская мысль. – 1913. – № 5. – С. 3.
- ⁵⁴ Там же, с. 4.
- ⁵⁵ Дрейер, В. Н. Указ. соч., с. 10.
- ⁵⁶ Державин, Н. С. Указ. соч., с. 8–9.
- ⁵⁷ Современник. – 1913. – № 8. – С. 313.

ПОСЛЕ БУХАРЕСТСКОГО МИРА: ПОЛОЖЕНИЕ МАКЕДОНСКИХ ЗЕМЕЛЬ В СОСТАВЕ СЕРБИИ, ГРЕЦИИ И БОЛГАРИИ (1913–1914 ГГ.)

О. Н. Гуринова

Гурінова, О. М. Після Бухарестського миру: положення македонських земель у складі Сербії, Греції та Болгарії (1913–1914 рр.)

Після Бухарестського миру 1913 принципово змінився політичний зміст македонського питання в міжнародних відносинах: у складі Османської імперії Македонія приймні зберігала свою цілісність, тепер же вона була поділена між балканськими державами. Прагнення європейської дипломатії до «балканської рівноваги», фактичною метою якої було перешкодження утворенню крупних держав на півострові, стало однією з головних причин нарastaючої дестабілізації міжнародної ситуації. Таку «рівновагу» на Балканах було створено Бухарестським миром, ревізію якого велики держави відхилили.

Ключові слова: македонське питання, Бухарестський мир 1913 р., міжнародні відносини, Балканський півострів, окупація.

Гурінова, О. Н. После Бухарестского мира: положение македонских земель в составе Сербии, Греции и Болгарии (1913–1914 гг.)

После Бухарестского мира 1913 г. принципиально изменилось политическое содержание македонского вопроса в международных отношениях: в составе Османской империи Македония по крайней мере сохраняла свою целостность, теперь же она была разделена между балканскими государствами. Стремление европейской дипломатии к «балканскому равновесию», фактической целью которого было недопущение образования крупных государств на полуострове, явилось одной из главных причин нарастающей дестабилизации международной ситуации. Такое «равновесие» на Балканах было создано Бухарестским миром, ревизию которого великие державы отклонили.

Ключевые слова: македонский вопрос, международные отношения, Балканский полуостров, Бухарестский мир 1913 г., оккупация.

Gurinova O. After the Bucharest peace Treaty: the situation of Macedonia as part of Serbia, Greece and Bulgaria (1913-1914)

Bucharest Peace has fundamentally changed the political part of the Macedonian question in international relations after 1913. Within the Ottoman Empire Macedonia retained its integrity but after the peace agreement it was divided between the Balkan States. The purpose of European diplomacy toward "Balkan balance" was to prevent the formation of large states on the peninsula which was one of the main reasons for the growth of destabilization in the international situation. This "balance" on the Balkans has been created by the Bucharest peace agreement which the Great Powers rejected to revise.

Keywords: Macedonian Question, Bucharest Peace Treaty 1913, international relations, the Balkans, occupation.

К началу XX в. территория Македонии превратилась в арену политической борьбы между Болгарией, Сербией и Грецией, в которой большую роль играли стратегические цели балканских государств, стремившихся получить Вардарскую долину и – в случае с Сербией – выход к Эгейскому морю. Обосновывая свои претензии, державы ссылались на «историческое право» обладания данной территорией, а также на этнический состав населения, который трактовался ими в зависимости от политических интересов¹. С этого времени, в силу стратегического значения европейских вилайетов Османской империи, македонский вопрос вышел на одно из первых мест в европейской политике². До начала второго десятилетия XX в. его суть состояла в национально-освободительной борьбе христианского населения против турецкого гнета, переплетавшегося с экспансиионистскими устремлениями балканских государств – Болгарии, Сербии, Греции и Румынии – в отношении Македонии³. Однако содержание проблемы существенно изменилось в 1912–1913 гг., ознаменовавшихся совместным вооруженным выступлением Балканского союза против Турции с целью завладения подконтрольными ей землями, населенными по преимуществу народностями с православным вероисповеданием.

Победа союзников в Первой Балканской войне разрушила остатки величия Османской империи и позволила Болгарии захватить весь северо-восточный район Македонии; Сер-

бии – западную Македонию и выход к Адриатике через Албанию; Греции – Эпир, Фессалию, южную Македонию и некоторые острова в Эгейском море⁴. Однако окончательное освобождение балканских народов от османского владычества привело к обострению борьбы за обладание македонскими землями. Македонии было отказано в независимости; она оказалась разделенной между Сербией, Грецией и Болгарией, что, в свою очередь, вызвало новый виток напряженности в межгосударственных отношениях бывших союзников.

Границы на Балканском полуострове в очередной раз были перекроены на конференции великих держав и стран-победительниц 10 августа 1913 г. в Бухаресте без всякого учета этнического или религиозного состава жителей, в результате чего здесь по-прежнему сохранялось множество нерешенных территориальных споров. По Бухарестскому договору Сербия получила всю Вардарскую область (западная и центральная части площадью 25 774 кв. км); Греции досталась Эгейская Македония (35 169 кв. км) вместе с Салониками, а также городами Драма и Серес (Сяр) в Юго-Восточной Македонии, а Болгария сохранила за собой лишь Пиринский край (северо-восточный район площадью 6798 кв. км) и часть Западной Фракии с ограниченным доступом к Эгейскому морю. Согласно проф. Г. Н. Миллекову, одному из участников т.н. Карнегиевской комиссии, изучавшей в сентябре 1913 г. обстоятельства возникновения и последствия Балканских войн, Бухарестский мир не был «жизнесспособным» и не отвечал интересам балканских народов, а меньше всего – интересам населения Македонии⁵.

Предпринятые Софией попытки добиться ревизии Бухарестского договора мирным путем не увенчались успехом. Определенную сложность для маневрирования болгарской дипломатии представляло отсутствие достоверных сведений о ситуации в македонских землях, где господствовали сербские и греческие власти. Чрезвычайный посланник Болгарии в Белграде Стефан Чапрашков в телеграмме от 10 апреля 1914 г. сетовал В. Радославову, что в Вардарской Македонии посольство не располагало никакими органами⁶. Единственным средством было получение информации от иностранцев, путешествующих по тем местам и возвращавшихся через Белград.

Но такие «информаторы» встречались нечасто. В начале марта 1914 г. через сербскую столицу проезжал известный французский публицист Андре Шерадам, который пересек всю Македонию и остановился затем в Софии. С. Чапрашков отозвался о нем следующим образом: «Он сначала был добрый друг болгар, но лет 5–6 назад по нашей вине стал большим сторонником Сербии»⁷. Шерадам категорически возражал сербской политической элите на предмет того, что «население в Македонии не было ни болгарским, ни сербским, а бесформенное славянское тесто, из которого можно изготовить и сербов и болгар, в зависимости от хозяев страны»⁸. Он придерживался мнения, что хотя специфическое развитие Македонии не означало ослабления ее прежних связей с Болгарией, у македонского народа присутствовало ощущение своей самобытности, этнической обособленности, понимание своих задач в освободительном движении.

Первый секретарь посольства Германии в Белграде барон фон Шарфенберг тоже поделился с С. Чапрашковым впечатлениями от увиденного в Скопье, Битоле, Призрене, Приштине, Куманово, Тетово и Дебре. Немецкий дипломат констатировал, что сербы укрепляются в Македонии и Косово благодаря содержащимся там многочисленным войскам и чрезвычайно строгому военному режиму, в который они повергли «Новое королевство». «Македония, – говорил он, – бесспорно населена болгарами, прежде всего, и албанцами и турками. Сербов нет, и поэтому сербские власти не чувствуют себя дома, вынуждены прибегать к строгим мерам. Крестьянам запрещено покидать села без специального разрешения. Турецкое население подвергается массовым выселениям. Болгарское население и желало бы поехать на заработки в Америку или в другое место, но ему не позволяют»⁹.

На требования великих держав о защите прав национальных меньшинств в присоединенных областях Н. Пашич заявил: в Сербии действует «одна из самых либеральных в мире» конституций, обеспечивающая политические и иные права всех граждан несербской национальности при условии соблюдения ими законов государства¹⁰.

На самом же деле вошедшая в состав королевства «Южная Сербия», как предпочитали называть в Белграде Вардарскую Македонию, представляла собой военный лагерь, в котором местное население находилось в страхе перед режимом, введенном здесь сербской верховой командой (штабом главнокомандующего), дислоцированной в Скопье еще с декабря 1912 г.¹¹. Настороженность вызывало распоряжение властей о заселении новых

земель сербами, хотя, в силу разных причин, оно осуществлялось крайне медленными темпами. По большому счету, новая провинция не способствовала усилению Сербии ни в экономическом, ни в социально-политическом отношении. В результате полного хозяйственного застоя этот край едва ли покрывал собственные расходы, а чтобы держать население в покорности и предотвращать сепаратистские акции македонских болгар¹² военное командование мобилизировало дополнительные дивизии. Был введен специальный режим, регулируемый «Распорядком по обеспечению общественной безопасности на захваченных территориях», подписанным королем Петром Карагеоргиевичем 21 сентября 1913 г. Согласно этому документу, за учреждение антиправительственных организаций македонцы осуждались на 20 лет тюремного заключения; кроме того, все они должны были объявлять себя сербами¹³.

Сербскому руководству удалось привлечь на свою сторону часть местной элиты с помощью предоставления им материальных благ и административных постов. Жители области славянского происхождения не были признаны отдельной нацией, хотя до 1913 г. белградское правительство приложило немало усилий для поддержания среди них национальной идентичности, отличной от болгарской¹⁴; запрещалось употребление македонского языка¹⁵ в административных учреждениях, а также публикация на этом «наречии» книг, газет, журналов. Македонские географические названия, имена и фамилии заменялись сербскими, а термины «македонец» и «македонский народ»¹⁶ были замещены названием «южный серб»¹⁷. По свидетельству российского консула в Битоли Н. В. Кохманского, «...с разных сторон приходят жалобы от болгарского сельского населения, что сербские чиновники при составлении списков усердствуют всех помечать сербами и окончания имен всех производить на “ч”»¹⁸.

Положение местного населения осложнялось ещё и тем, что сформировавшаяся в 1911 г. крайне радикальная группировка «Черная рука» (другое название «Единство или смерть») действовала в сербской части Македонии наряду с официальной администрацией в качестве «неофициальной», «неответственной» власти, осуществляя насилиственную сербизацию македонских земель¹⁹. Ввозглавляемая руководителем разведотдела сербского генштаба полковником Д. Димитриевичем (Аписом), «Черная рука» придерживалась великодержавной идеологии, выступала с критикой правительства за нерешительность действий в национальном вопросе, считая, что созданное в обозримом будущем югославское государство должно стать «Великой Сербией» и проводить внешнюю политику, направленную на присоединение «единоплеменных народов»²⁰.

С этой тайной организацией были связаны многие государственные чиновники королевства, в частности министр иностранных дел М. Милованович. Весной 1914 г. противостояние между правительством и военной администрацией в присоединенных областях привело к министерскому кризису, распуску Скупщины и временной отставке Н. Пашича. Однако в мае король возвратил его на пост главы кабинета министров, но сам, не без давления «Черной руки», вынужден был 11/24 июня 1914 г. возложить монаршие прерогативы на младшего сына Александра, ставшего принцем-регентом. В июне дело едва не дошло до военного путча – походу войск из Скопье на Белград²¹.

Сквозь пределы истощенной войнами и оккупацией Вардарской Македонии просачивались редкие письма, повествующие о бедственном положении угнетенного населения. Некий уроженец Дебара Ф. С...ий сообщал: «В наших Дебарских селах не остался ни один дом целый, не тронутый; все там ограблено и опустошено... В то время, когда сербы феерично забирали без особого сопротивления наш Деборский край, я и мои пять братьев сражались под Адрианополем, Чаталджой и Булапром, задерживая главный напор турецкой армии. После тех жертв, которые мы понесли в борьбе с общим неприятелем, попасть в такое бесправное и в десять раз хуже турецкого ига положение является вопиющей несправедливостью XX века»²².

Британский посланник в Белграде Е. М. Кракантроп доносил 24 декабря 1913 г. о голодных демонстрациях мусульманского населения, отказывавшегося работать на сербское правительство. Число бастующих составляло в Монастыре (Битоле) 7147 человек, в Прилепе и Кичево – до 2000²³. Наиболее распространенной формой протеста было уклонение от призыва и дезертирство. К примеру, из 13 000 местных жителей, призванных в армию в сербской Македонии, так поступило 3000 чел. Часть из них образовали крупную вооруженную чету под руководством Д. Попова и начала борьбу с властями. 14 апреля в

Крагуевце во время присяги 2200 новобранцев из Македонии, зачисленных в 23-й Брегалнишский полк, отказались присягнуть сербскому королевству. Полк был расформирован; македонские новобранцы безоружными распределены по другим полкам, а зачинщики акции неповиновения – казнены²⁴.

Довольно сложно осуществлялось заселение Вардарской Македонии сербами из других областей. Согласно «Положению о колонизации новых земель», подписанному королем Петром, право поселения было предоставлено, независимо от подданства, всем сербам и славянам иностранных государств возрастом от 16 до 60 лет; преимущество отдавалось земледельцам и ремесленникам. Каждая переселенческая семья наделялась землей в количестве не менее 5 га с полным освобождением от уплаты налогов и податей в течение 15 лет, после чего надельная земля должна была перейти в собственность переселенца²⁵. Но даже столь выгодные условия не слишком привлекали в этот край экспатриантов. Небольшая иллюстрация: в начале марта 1914 г. в Скопскую оклию на постоянное место жительства прибыли 100–150 сербов из Венгрии. Однако они почувствовали себя настолько чуждыми в этой новой среде, что после 10–15-дневного пребывания покинули села и снова вернулись в Воеводину²⁶.

Не очень уютно чувствовали себя здесь и сербские чиновники. Как доносил в июне 1914 г. военный агент при российской дипломатической миссии в Белграде полковник В. А. Артамонов, «условия жизни в Новой Сербии схожи с условиями самых заброшенных уголков Дальнего Востока: правительство не находит желающих служить там, несмотря на 10 процентов прибавки содержания»²⁷. В сербском обществе царила атмосфера страха перед возможным восстанием в Македонии, которое могли организовать на востоке болгаро-турецкие четы, сформированные в Болгарии, на западе – болгаро-арнаутские четы из Албании²⁸.

Не сильно отличалось положение населения в Эгейской Македонии. Премьер-министр Греции Э. Венизелос сразу же после подписания Бухарестского мира тоже занимался ассимиляцией вновь приобретенных провинций, чтобы создать «гармоничное единство» с остальными греческими территориями²⁹. Была поставлена задача изменения этнического облика Эгейской Македонии посредством изгнания или эллинизации местного населения и заселения этих земель греками из других областей³⁰. В новых провинциях было организовано три областных управления с центрами в городах Салоники, Кавала и Кочаны во главе со специальным министром по делам Северной Греции. Славянский элемент, по мнению Афин, составлял здесь всего 10% (т.е. около 100 000 чел., тогда как греков насчитывалось 43%, турок – 39%, евреев – 8%)³¹; власти приняли решение заменить привычные географические названия греческими. Повсеместно в Эгейской Македонии подвергались репрессиям славянские священнослужители и учителя, прекращались церковные богослужения и закрывались школы. Российские военные агенты и дипломаты доносили о фактах национального притеснения на занятых греками территориях, о «тяготах греческого режима» и «громких жалобах» на жестокое угнетение³².

Георгий Радев, назначенный 23 марта 1914 г. новым управляющим болгарской миссией в Афинах, докладывал, что из внутренних вопросов, более всего привлекавших внимание политических кругов и общественного мнения в середине мая, было сообщение главы греческого правительства о том, что он вернулся из Македонии «с весьма оптимистическим настроем». Э. Венизелос нашел в Македонии порядок и общее спокойствие; управление, за незначительными исключениями, – справедливое; ассимиляция проходила быстрыми темпами. Понятно, греческий премьер не мог говорить другого, поскольку обязан был выступать оптимистом перед миром и рассеять распространяемые Турцией слухи о сложной политической и экономической ситуации и четническом движении в Эгейской Македонии. Большинство иностранных дипломатов не разделяли оптимизма Э. Венизелоса, поскольку не верили, что он за столь краткое пребывание в новой македонской провинции смог обстоятельно ознакомиться с положением населения и деятельностью администрации³³. Кроме того, у дипломатов, аккредитованных в Греции, крайнее недоверие вызвало заявление Э. Венизелоса, что в Македонии «не существует никакого революционного движения болгарских и турецких чет, а присутствуют лишь турецкие агитаторы за переселение турецкого населения»³⁴.

Такую позицию греческое правительство заняло с целью сокрытия настоящего положения в присоединенных территориях. Еще одним доказательством этому являлось за-

явление министра иностранных дел Греции Г. Стрейта, о котором Г. Радев докладывал в болгарский МИД: «Стрейт сообщил, что мои утверждения об отсутствии болгарских чет были верными, когда я ему говорил о необоснованности преследования болгарского населения в приграничных районах»³⁵. Однако, несмотря на это, греческой администрацией в Эгейской Македонии применялись жесткие меры с целью не допустить возможности проникновения «ни одной болгарской четы, никакого бунтарского элемента» через границу. Здесь была создана система полицейского и военного управления, направленная на борьбу с болгарскими комитаджами, которые виделись греческому руководству в лице каждого болгарина и толкали на неоправданные жестокости.

Болгарский дипломат обращал также внимание на принятые правительством Э. Венизелоса решения о проведении активной ассимиляторской политики в «новой Греции»: «Бесстыдство и цинизм, с которым здесь говорят об этом вопросе, должно быть расценено с бесконечным возмущением всяким честным человеком, это моральное насилие над населением и лишение его родного языка»³⁶. Еще накануне второй Балканской войны Греция всяческими средствами стремилась убедить мир, что население Македонии является греческим, а теперь, в 1914 г., официально признала: здесь присутствует элемент болгароязычного населения, который необходимо ассимилировать. Это предполагалось осуществить, в частности, посредством открытия воскресных и вечерних школ, в которых македонских славян, часто насильно, учили греческому языку³⁷. Э. Венизелос уделял серьезное внимание этому процессу в надежде, что Македония быстро эллинизируется. С той же целью, а также по причине отсутствия достаточного контингента войск и полиции в Эгейской Македонии, новобранцы из приморских земель как «чужие элементы», были переведены для исполнения службы в Грецию, главным образом в Афины, а греки из других регионов – отправлены в Македонию³⁸. Очевидно, греческие власти видели опасность того, что служащие «негреции» могли стать орудием в чужих руках.

В конце мая 1914 г. Э. Венизелос, король Константин I и многочисленный штаб отправились с военной инспекцией в Македонию, где организация армейских частей (3-й и 4-й корпусы) привлекала их серьезное внимание. По сообщениям турецких консулов, в Драме и вдоль всей болгарской границы наблюдались крупные скопления греческих войск³⁹. Это было связано с внешнеполитическим курсом правительства В. Радославова: сформированный им накануне 1914 г. новый коалиционный кабинет не скрывал своего стремления вернуть утраченные во время Балканских войн земли, и прежде всего Юго-Восточную Македонию, исходя из того, что даже в подписанным греко-сербском **союзном договоре** от 1 июня 1913 г. не ставились под сомнение болгарские права на города Серес (Сяр), Драма и Кавала⁴⁰.

Болгарская политическая элита была едина в этом настроении; расхождения касались лишь того, на какую из двух противоборствующих группировок великих держав следует опереться – на Антанту или на Тройственный союз. Ей явно не давал покоя идеал «Сан-Стефанской Болгарии»⁴¹, и эти гегемонистские устремления правящих кругов разделялись значительной частью общества. Даже антантонифильская оппозиция, представленная в правительстве и за его пределами Народной, Прогрессивно-либеральной и Демократической партиями, была убеждена в необходимости пересмотра Бухарестского мира и передаче Македонии под суверенитет Болгарии. Правда, лидеры Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС), Радикально-демократической партии и «широкие» социалисты предлагали занять выжидательную политику и воздержаться от каких-либо действий, дабы «сохранить то, что имеем»⁴².

А располагала Болгария Пиринской Македонией, состоящей из шести околов: Горноджумайской, Светиврасской, Петричской, Мехомийской, Неврокопской и Струмицкой, с административным центром в г. Петрич⁴³. В результате Балканских войн Болгарией было принято 112 000 беженцев, из них около половины – македонцы, значительное число которых концентрировалось как раз в Пиринском крае⁴⁴. Новыми властями здесь были созданы административный аппарат, система образования и здравоохранения по болгарскому образцу. Правящие круги стремились инкорпорировать и экономически занятые области: вводилась налоговая система, принятая в Царстве Болгария, софийский Земельный банк открыл здесь свои филиалы⁴⁵ и т.д. Однако основная деятельность государства была направлена на превращение области в базу для формирования «македонских» чет, которые

засыпались в соседние страны с целью обучения антигреческих и антисербских вооруженных отрядов навыкам партизанской войны, о чем неоднократно доносил своему руководству посол Сербии в Софии Б. Чолак-Антич¹⁶.

Итак, не подлежит сомнению, что Бухарестский мирный договор не положил конец борьбе между балканскими государствами за приобретение новых территорий и содержал в себе все элементы для возникновения новых конфликтов. Очевидными последствиями Бухарестского договора для Македонии были её раздел, потеря территориальной целостности, насаждение властями государств-завоевателей политики денационализации и ассилияции, превращение национального движения в инструмент чуждых национальных интересов, вследствие чего наступил процесс дезинтеграции македонского народа. Прерванные контакты между отдельными частями Македонии и македонской эмиграцией не давали возможности вести просветительскую деятельность на национальной территории, поэтому центрами освободительного движения становились эмигрантские македонские колонии – София, Бухарест, Стамбул, Одесса, Петербург, Женева, Чикаго, Торонто и др. Македонская эмиграция единным фронтом выступила против раздела страны между балканскими соседями, потребовав создания независимого македонского государства. Однако, вопреки её ожиданиям, вместо полного национального и политического освобождения судьба Македонии развивалась по сценарию оккупации и разделения.

Стремление европейской дипломатии к «балканскому равновесию», фактической целью которого было недопущение образования крупных государств на полуострове, явилось одной из главных причин нарастающей дестабилизации международной ситуации. Такое «равновесие» на Балканах было создано Бухарестским миром, ревизию которого великие державы отклонили. Однако избежав преждевременного осложнения во второй половине 1913 года, ожидавшие своего шанса балканские государства и великие державы оказались не в состоянии предотвратить мировую войну.

¹ Вишняков, Я. В. Македонское движение и переворот в Сербии 29 мая 1903 года // Новая и новейшая история. – 2011. – № 6. – С. 80–81.

² См.: Исаева, О. Н. Мирцштегский опыт «умиротворения» Македонии // Македония. Проблемы истории и культуры. М., 1999, с. 72–99.

³ Огансон, О. Й. Влияние Майского переворота 1903 г. в Сербии на расстановку сил в Балканском регионе // Вестник Московского университета. – Сер. 8: История. – 2011. – № 6. – С. 78.

⁴ Лондонската конференция през 1912–1913 г. // Родина (София). – 1939. – № 4. – С. 23.

⁵ Новое время, 1914, 1(14) января.

⁶ Централен държавен архив, Болгария (далее – ЦДА), ф. 176, оп. 3, д. 123, л. 20.

⁷ Там же, л. 20–21.

⁸ Там же, л. 21.

⁹ Македонский голос, 1914, № 9 (2 марта), с. 17.

¹⁰ Искендеров, П. А. Сербо-албанское разграничение и общественно-политическая ситуация в Сербии в 1913–1914 гг. // Человек на Балканах: Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). М., 2009, с. 164.

¹¹ Вишняков, Я. В. Мы стоим за дело мира, мы готовимся к войне... Балканские войны и внутреннее положение Сербии. // Родина. – 2012. – № 11. – С. 11.

¹² В 1870 г. с разрешения турецкой власти был учрежден Болгарский экзархат, в результате чего значительная часть православного населения Македонии переходила под юрисдикцию болгарской церкви. Это способствовало формированию болгарского национального сознания среди македонских славян. Кроме того, национально-освободительное и культурно-просветительское движение в Македонии до освобождения Болгарии в 1878 г. шло в общем русле Болгарского национального возрождения, и большинство населения края еще полностью не сложилось в национальном отношении, но развивалось в сторону становления болгарского национального самосознания. – См.: Исаева, О. Н. Основная проблема македонистики // Межрегиональная конференция славистов. Российское славяноведение в начале XX века: задачи и перспективы Материалы Всероссийского совещания славистов (23–24 октября 2003 г.). М., 2005, с. 173.

¹³ Национальноосвободителна борба в Македония. 1912–1915. София, с. 112.

¹⁴ См.: Георгиев, В. Гръцката и сръбската пропаганда в Македония (Крайт на XIX – началото на XX век). Нови документи / В. Георгиев, С. Трифонов. София, 1995.

¹⁵ Российские консулы, находившиеся в начале XX в. в Македонии, стремились определить этническую принадлежность македонских славян посредством проведения этнолингвистического анализа местных диалектов. Общим было мнение о своеобразности местных говоров, включавших в себя элементы греческого, болгарского, сербского и румынского языков, однако вполне не соот-

вествовавшего ни одному из них. Местный язык, по многолетним наблюдениям русского консула в Битоле В. Каля, заслуживал отдельного наименования «македонское наречие». – См.: Исаева, О. Н. Исторические перипетии формирования македонской нации // Новая и новейшая история. – Вып. 20. – Саратов, 2002.– С. 160–176. Хотя его кодификация произошла лишь в середине 1940-х гг.

¹⁶ В начале XX в. славянское население Македонии стало называть себя «македонцами» в результате натиска носителей болгарского, сербского, греческого и румынского национализма. Еще с конца 1860-х гг. у представителей местной интеллигенции стало зарождаться особое македонское национальное самосознание. Однако большая часть македонских славян считали себя этническими болгарами и говорили на диалекте довольно близком к западно-болгарскому. Российский консул в Салониках А. Петряев был убежден, что население Македонии представляло собой «особый смешанный «македонский» тип, который невозможно подвести ни под одну из известных этнографических групп. Все даваемые ему названия – болгар, греков, сербов, албанцев, румын (кузо-влахов), являются лишь политическими этикетками, наяву называемыми ему соседями с Македонией балканскими государствами, так или иначе заинтересованными в её судьбах». – Цит. по: Сквозников, А. Н. Македония в конце XIX – начале XX века – яблоко раздора на Балканах. Самара, 2010, с. 139–140.

¹⁷ Миколенко, Д. В. Македонське питання у 1878–1919 рр. Харків, 2011, с. 93.

¹⁸ Вишняков, Я. В. Мы стоим за дело мира, мы готовимся к войне..., с. 12.

¹⁹ Национално-освободителна борба в Македония..., с. 9.

²⁰ Писарев, Ю. А. Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990, с. 28–30; его же. Российская контрразведка и тайная сербская организация «Черная рука» // Новая и новейшая история. – 1993. – № 1. – С. 23–35.

²¹ Вишняков, Я. В. Мы стоим за дело мира, мы готовимся к войне..., с. 12–13.

²² Македонский голос, 1914, № 9 (2 марта), с. 17.

²³ The National Archives. Foreign Office (F.O.) 371, f. 2098, p. 185.

²⁴ Марков, Г. Голямата война и българският ключ за европейския погреб 1914–1916. София: АИ «Марин Дринов», 1995, с. 18; Минчев, Д. Българите от Македония в армиите на Сърбия, Гърция и България (1915–1918 г.). // Исторически преглед, 1989, № 5, с. 17.

²⁵ Македонский голос, 1914, № 9 (2 марта), с. 18.

²⁶ Там же, с. 13.

²⁷ Цит. по: Вишняков, Я. В. Мы стоим за дело мира, мы готовимся к войне..., с. 12.

²⁸ ЦДА, ф. 176к, оп. 3, д. 125, л. 9.

²⁹ Димитров, Г. В. Малцинственно-бежанският въпрос в българо-гръцките отношения 1919–1939 гг. Благоевград, 1982, с. 44.

³⁰ Киселиновски, С. Гръцката колонизация во Егејска Македонија (1913–1940). Скопје, 1981, с. 55–56.

³¹ Миколенко, Д. В. Македонське питання у 1878–1919 рр. Х., 2011, с. 94.

³² Учаева, Н. Македония в период Балканских войн 1912–1913 годов глазами российских представителей // Россия и Македония: к 100-летию журнала «Вардар» (1905): Материалы международной научной конференции (13 сентября 2005 года, Москва). М., 2008, с. 95.

³³ ЦДА, ф. 176, оп. 3, д. 123, л. 21.

³⁴ ЦДА, ф. 176, оп. 3, д. 40, л. 44.

³⁵ Там же.

³⁶ ЦДА, ф. 176, оп. 3, д. 40, л. 44.

³⁷ Там же, л. 45.

³⁸ Националноосвободителна борба в Македония 1912–1915..., с. 8–9.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Йовевска, М. Тракия в политиката на България и Гърция (1878–1919 г.). // Исторически преглед, 1991, № 3, с. 45.

⁴¹ Сан-Стефанский предварительный мирный договор был заключен 3 марта 1878 г. между Российской и Османской империями. Договор предусматривал создание автономного Болгарского княжества, в состав которого должны были войти Македония, кроме Фессалоник и п-ова Халкидики, Южная Фракия, Добруджа. Это вызвало протест европейских держав, опасавшихся образования на Балканах под покровительством России Великой Болгарии за счет включения в ее состав македонских земель. 13 июля 1878 г. на Берлинском конгрессе Сан-Стефанский мир был пересмотрен, в результате чего территория Болгарии делилась на три части: Болгарское автономное княжество, куда входила область между Дунаем и Старой Планиной, автономную Восточную Румелию (южную часть Болгарии с центром в Пловдиве) и Македонию, которая наряду с частью Фракии оставалась в составе Османской империи с обещанием будущего реформирования.

⁴² Шкундин, Г. Д. Разделай и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 – март 1916 г.). София, 2007, с. 12.

⁴³ Окупированная в ходе Первой балканской войны болгарскими войсками часть Македонии официально называлась «Македонская область», где в середине октября 1912 г. было создано три ад-

министративных округа: Драмский, Серский и Штипский. В начале декабря 1912 г., непосредственно после образования Македонского военного губернаторства, появился еще один округ – Кукушский (или Салоникский). После поражения Болгарии во Второй балканской войне земли Губернаторства, не вошедшие в указанные шесть околов, были присоединены к территориям, оккупированным Сербией и Грецией. В начале 1914 г. оставшиеся в составе Болгарского царства околии были реорганизованы и включены во вновь сформированный Струмицкий округ с околями: Горноджумайской, Мельникской, Мехомийской, Петричской, Неврокопской и Струмицкой. Такое административное деление в Пиринской Македонии сохранялось до осени 1915 г. (Българска енциклопедия / Съст. Н. Г. Данчовъ, И. Г. Данчовъ. София, 1936, с. 907).

⁴⁴ Карнегиевата комисия по войните през 1912 и 1913 година. Свитък 3. София, 1914, с. 185.

⁴⁵ Цокова, П. Установяване и функциониране на местната власт в градовете Банско и Мехомия (Наблюдения върху административните актове на кметовете 1912–1915 г.) // Македонски преглед, 2004, № 2, с. 71–92.

⁴⁶ Стрельчук, Н. В. Македонія: нарис історії національно-визвольного руху (остання третина XIX – початок ХХ ст.). Чернівці, 1999, с. 81.

СОЦІАЛЬНО-ПОЛІТИЧНІ ТРАНСФОРМАЦІЇ ХХ СТОЛІТТЯ У КРАЇНАХ ЦЕНТРАЛЬНО-СХІДНОЇ ЄВРОПИ

УДК 355.08–054.57(=161.1)(438)«1920/1924» : 329.1/.6

ВООРУЖЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ РУССКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ПОЛЬШЕ (1920–1922 гг.)

A. I. Ёлкин

Йолкін, А. І. Збройні формування і політична орієнтація російських військовослужбовців у Польщі (1920–1922 рр.)

У статті розглянуто процес формування російських військових з'єднань на території Польщі та участь цих загонів у боротьбі проти більшовиків на боці поляків. Показана їхня політична орієнтація; проаналізовані чинники, які впливали на її зміни.

Ключові слова: Польща, монархіст, республіканець, «третя Росія».

Ёлкин, А. И. Вооруженные формирования и политическая ориентация русских военнослужащих в Польше (1920–1922 гг.)

В статье рассмотрен процесс формирования русских воинских соединений на территории Польши и участие этих отрядов в борьбе против большевиков на стороне поляков. Показана их политическая ориентация; проанализированы факторы, влиявшие на ее изменение.

Ключевые слова: Польша, монархист, республиканец, «третья Россия».

Elkin, A. I. Armed groups and political orientation of Russian troops in Poland (1920–1922)

The article describes the process of formation of Russian military units on the territory of Poland and the participation of these groups in the fight of the Poles against the Bolsheviks. It shows their political orientation and analyzes the factors influencing the change in it.

Keywords: Poland, monarchist, republican, “third Russia”.

Польское государство было образовано в ноябре 1918 г. Высшая военная и гражданская власть в нем оказалась передана Ю. Пилсудскому, которого объявили начальником государства. Первостепенное значение теперь для него приобретал вопрос о границах новой Польши. Поскольку западная граница государства определялась Версальским договором, подписанным 28 июня 1919 г. в Париже, то Пилсудский обратился к проблеме восточной границы страны. Его внешнеполитическая концепция, получившая название федералистской, впервые излагалась в меморандуме, направленном министру иностранных дел Японии 13 июля 1904 г. Она предусматривала предоставление независимости входившим в состав Российской империи народам¹. Теперь же, в новых условиях, Пилсудский и его сторонники попытались на практике реализовать его концепцию федерализации.

Учитывая, что в результате социальных потрясений и Гражданской войны Россия оказалась ослабленной, а в бывших окраинах наблюдался подъем национального движения, начальником государства ставилась задача отделить от нее Белоруссию, Литву и Украину, превратив их в союзные буферные государства. Осуществление этого плана, по мнению Р. Пайса, призвано было обеспечить доминирование Польши в Центральной и Восточной Европе, силой вытеснив Россию далеко в Азию². Поскольку основным инструментом польской внешней политики на востоке стали вооруженные конфликты с соседями, то претворить эти планы в жизнь оказалось не просто. Однако начальник II Речи Посполитой хорошо понимал, что для успешных военных действий на землях, где господство поляков уже не одно столетие отождествлялось с помещиками и католической церковью, следовало иметь союзников из числа русских, белорусов и украинцев³.

Различные аспекты восточной политики Варшавы, формирование антибольшевистских воинских частей, их участие в военных действиях как союзников Польши, а затем интернирование и пребывание в лагерях на территории страны, привлекали внимание исследователей⁴. Однако изучение особенностей процесса формирования русских частей на

польской территории, анализ факторов, влиявших на его результат, а также определение политической ориентации военнослужащих данных соединений, требует более детального изучения. Для решения поставленной задачи автор статьи привлек документальные публикации, эмигрантскую прессу и новые архивные материалы.

В своей борьбе с большевиками Ю. Пилсудский пытался привлечь на свою сторону их противников из рядов российских эмигрантов – прежде всего тех, кто поддерживал его федералистскую концепцию. К ним в первую очередь относился бывший эсер Б. В. Савинков. Во Франции он занимался вопросами обеспечения армии А. В. Колчака: оружием, боеприпасами, обмундированием и продовольствием. Причем, поляки начинают поиск союзников среди русских сразу после разгрома А. И. Деникина, сторонника «единой и неделимой России». Ибо теперь главным противником польской независимости считалась Советская Россия. Первые контакты между Б. В. Савинковым и представителем Ю. Пилсудского К. М. Вензегольским состоялись в январе 1920 г. в Париже. Эмиссар начальника государства передал приглашение Ю. Пилсудского встретиться с ним в Польше. Вскоре Б. Савинков вместе с Н. В. Чайковским, членом Русской заграничной делегации, приехал в Варшаву⁵. Здесь они, как «представители русской демократии», сделали заявление о безоговорочном признании независимости Польши и Финляндии.

На состоявшейся вскоре встрече Ю. Пилсудского и Б. В. Савинкова маршал предложил собеседнику сформировать с помощью поляков русский отряд на польской территории. Все расходы, связанные с формированием воинских частей, зачислялись в долг будущего Русского государства Польше⁶. Возникший в июне 1920 г. в Варшаве Русский политический комитет (РПК) во главе с Б. В. Савинковым приступил к формированию воинских частей, находившихся в лагере Скалмержицы возле Калиша. Предполагалось, что численность этих формирований должна составить 5 тыс. человек⁷.

Вербовка добровольцев развернулась не только в Польше, но и за ее пределами. Это касалось, прежде всего, переброски остатков бывшей Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича из Эстонии в Польшу⁸. Об условиях, в которых проходила эта работа, красноречиво свидетельствует отчет помощника Б. В. Савинкова А. А. Дикгоф-Деренталя. В частности, 80% его деятельности на территории Эстонии протекала нелегально, потому что в феврале 1920 г. Советская Россия и Эстония заключили мирный договор. Помогавшие А. А. Дикгоф-Деренталю в Ревеле (Таллине) люди действовали тайно. Поэтому отправка воинского эшелона производилась под видом польских беженцев, хотя поляки в этом участии фактически не принимали⁹. Кроме того, с территории Литвы, в соответствии с соглашением, заключенным между Б. Савинковым и генералом А. В. Паленом 18 июня 1920 г., в Калиш перевезли часть его войск (около 2500 чел.), преимущественно выходцев из Витебской и Псковской губерний¹⁰.

В начале марта 1920 г. границу Польши перешла и оказалась здесь интернированной Русская добровольческая армия генерала Н. Э. Бредова, сражавшаяся под командованием Деникина. Солдат и офицеров – примерно 15,5–16 тыс. человек – разместили в лагерях Домбие, Стшалково, Пикулицы и Александров Кувяцкий¹¹. Генерал Н. Э. Бредов пытался помешать вербовке в савинковские части, но после вмешательства польских властей и представителя П. Н. Врангеля в Польше генерала П. С. Махрова его подчиненным представили свободу выбора.

Общее количество «бредовцев», вступивших в русские и украинские части, составило около 2 тысяч человек. Однако ситуация, касавшаяся скалмержицких формирований (Калиш), осложнилась. Главной причиной оказалось поведение высшего командного состава – сначала в лице генерала П. В. Глазенапа, а потом заменившего его генерала Л. А. Бобошко. Оба были недовольны демократическим направлением деятельности РПК, оба признавали исключительно П. Н. Врангеля, т.е., в сущности, не признавали никого, ибо барон П. Н. Врангель находился в Крыму. Генералы видели комитет только как источник финансирования скалмержицкого отряда, не считая нужным уважать обычай и нравы той страны, которая оказала им гостеприимство.

В связи с тем, что на советско-польском фронте летом 1920 г. сложилась критическая ситуация, правительство в Варшаве требовало отправки в зону боевых действий русские части. Командование же последних, ссылаясь на недостаток вооружения и обмундирования, отказывалось это сделать. На изменение ситуации повлияло улучшение отношений между Врангелем и Пилсудским, что нашло отражение в прибытии в польскую столицу

представителя Врангеля генерала П. С. Махрова¹². По его приказу командиром русского отряда назначили генерала Б. С. Пермикина.

Исходя из того, что только во время битвы за Варшаву летом 1920 г. поляки взяли в плен около 50 тысяч красноармейцев, Б. Савинков направил 27 августа письмо в Военное министерство, предлагая довести численность русских формирований до 24 тысяч человек¹³. В начале сентября 1920 г. военный министр генерал К. Сосновский приказал максимально быстро оснастить русский отряд и сразу же отправить его на фронт¹⁴. Генерал Врангель переименовал отряд Б. Пермикина в 3-ю Русскую армию¹⁵. К моменту заключения советско-польского перемирия 12 октября 1920 г. в ее рядах насчитывалось 6048 солдат и офицеров¹⁶.

Одновременно с формированием 3-й Русской армии проходил процесс создания частей генерала С. Б. Булак-Балаховича, ранее сражавшихся в рядах Северо-Западной армии Юденича. Потерпевшие поражение формирования оказались на территории Эстонии, но после заключения последней мирного договора с Советской Россией вынуждены были покинуть ее пределы. В марте 1920 г. на территорию Польши перешло 1000 солдат и офицеров¹⁷. Их переформирование предполагалось осуществить в Брест-Литовске, но в связи с приближением фронта части перевели в Люблин. В конце сентября 1920 г. отряд Булак-Балаховича насчитывал 4600 штыков и 1150 сабель. Его национальный состав (в основном выходцев из Новгородской, Петроградской и Псковской губерний) выглядел так: русских – 41%, украинцев – 23%, белорусов – 21%, других национальностей – 15%¹⁸.

По инициативе поляков 21 августа 1920 г. между Б. В. Савинковым и С. Б. Булак-Балаховичем было заключено соглашение о том, что формирования последнего в политическом плане будут подчиняться РПК, поскольку здесь основную массу солдат и офицеров составляют русские. В сентябре 1920 г. это соединение получило наименование Русской Народно-Демократической Армии (РНДА). В начале октября 1920 г. генерал заявил, что в его формировании прекрасно уживаются русский национальный и польский с белым орлом флаги¹⁹.

Кроме 3-й армии и частей Булак-Балаховича, поляки решили привлечь на свою сторону русских казаков. На это решение оказала влияние ситуация, складывавшаяся на Восточном фронте в конце мая – начале июня 1920 г. Здесь польские войска вступили в контакт с Первой конной армией С. М. Буденного, где имелись целые части с прежними командирами, состоящими из донских, кубанских, уральских, тверских и оренбургских казаков, служивших до этого у А. И. Деникина. Во-вторых, поляки решили привлечь казаков на свою сторону, учитывая их борьбу против советской власти на Дону и Кубани. Первые казачьи части перешли на их сторону в конце мая 1920 г. под Уманью и Белой Церковью²⁰. Всего же в конце сентября 1920 г. на территории Польши оказалось 6–7 тысяч казаков²¹. (Т. М. Симонова приводит цифру в 8 тыс. человек²²). В войне же 1919–1920 гг. на стороне II Речи Посполитой сражались бригады есаулов А. И. Сальникова и М. И. Яковлева, а также полк кубанских казаков в составе армии Украинской Народной Республики (УНР) и полк донских казаков полковника Духопельникова у С. Б. Булак-Балаховича²³.

Деятельность по свержению Советской власти Б. В. Савинкова и его соратников, которые рассчитывали осуществить свои замыслы с помощью поляков, вызвала резкую критику в эмигрантских кругах. Показательна в этом отношении статья эсера Н. Авксентьева «Patriotica». Автор опровергает тезис о том, что не с Россией воюет Польша, а с большевиками. «Больше того, – с сарказмом пишет Н. Авксентьев, – находились такие, которые считали возможным сочувствовать тому, чтобы русские отряды шли вместе с польскими войсками бить Россию. В этот момент считали за честь быть принятым Пилсудским, уверять его в дружбе, унижаться перед ним и читать «неизреченное» на его челе и его очах»²⁴.

После подписания советско-польского перемирия 12 октября 1920 г. возникли разногласия между кабинетом В. Витоса и военными во главе с Ю. Пилсудским. Если члены правительства выступали за неукоснительное его соблюдение и против поддержки антисоветских группировок, то военные ратовали за продолжение вооруженной борьбы. Ю. Пилсудский предложил русским частям выбор: либо эвакуация с оружием в руках из страны к генералу Врангелю в Крым, либо действовать на свой страх и риск²⁵. Русские и украинские формирования, численность которых составляла 40–50 тыс. чел., приняли решение продолжить борьбу. Б. Савинков и С. Петлюра заключили соглашение о взаимодействии. Оно предусматривало признание первым государственной независимости УНР

с действующим правительством во главе с С. Петлюрой²⁶ С. Б. Булак-Балахович, однако, решил действовать самостоятельно, считая, что 3-я Русская армия недостаточно боеспособна, ибо ее части находились на стадии формирования. Поход на восток начался в октябре 1920 г. Войска 3-й Русской армии и С. Петлюры наступали в Украине по направлению к Черкассам, а С. Б. Булак-Балахович в Белоруссии – на Лунинец, Мозырь, Гомель. Военные действия 3-й армии были непродолжительными. Потеряв в боях 25% состава, вместе с украинскими войсками она вернулась на территорию Польши²⁷.

Что касается добровольческой армии Булак-Балаховича, то ей удалось взять г. Мозырь, продвинуться до Днепра, но затем под давлением противника в начале декабря 1920 г. армия вернулась на территорию Польской республики. Во время этого похода Булак-Балахович объявил себя борцом за независимую Белоруссию. Все части – порядка 17–20 тыс. человек – оказались интернированы²⁸.

Всего на финансирование двух армий польские власти израсходовали с 1 июля по 20 декабря 1920 г. 150 681 312 марок, 467 700 царских и 750 000 думских рублей²⁹. Бывших своих союзников поляки разместили в лагерях на территории западной и центральной части страны. Их насчитывалось около 20. Однако в связи с недавней советско-польскойвойной инфраструктура на указанной территорииоказалась сильно разрушенной, а кроме того в лагерях находилось около 130 тыс. пленных красноармейцев³⁰. Впрочем, современные российские исследователи приводят иные данные: И. В. Михутина считает, что в плен попало 165 550 красноармейцев³¹, Т. М. Симонова называет цифру 146 813³², а Г. Ф. Матвеев полагает, что речь идет, по меньшей мере, о 206 877 военнослужащих³³. В любом случае лагеря оказались плохо подготовленными к приему новых контингентов. Это касалось, прежде всего, помещений, не приспособленных для жилья, доставки одежды и обуви, средств гигиены.

Б. Савинков неоднократно обращался с письмами к польским властям, в частности к Ю. Пилсудскому: «Положение в лагере Щипиорно, где в одном бараке помещается до 200 человек, тяжелое. В лагере уже началась эпидемия тифа, среди интернированных ощущается крайняя нужда в белье, обмундировании, мыле. Температура в бараках 1 градус. Пища варится и распределяется нерегулярно»³⁴. Аналогичные проблемы существовали и в других лагерях, которые с октября 1920 г. находились в подчинении Военного министерства, а с апреля 1921 г. перешли под контроль Министерства иностранных дел. По сути, этим решением интернированные воинские формирования переводились на положение беженцев.

Непосредственно же задача заботы об этих людях легла на РПК. Ему пришлось одновременно решать две основные задачи: добиться ежемесячных регулярных пособий, выдачи пайков и обеспечения обмундированием, а также сохранения в лагерях воинских формирований, способных продолжить борьбу с большевиками.

После нескольких месяцев интернирования все русские части слились в один отряд под командованием генерала Матвеева и в отдельную казачью группу во главе с полковником М. Н. Гнилорыбовым³⁵. Подчинялись они начальнику по делам интернированных РПК Д. М. Одинцу³⁶. В лагерях сторонники Б. Савинкова осуществляли чистку, удалив уголовные и морально неустойчивые элементы, а заодно весь старый командный состав, что спровоцировало резкие протесты среди монархистов³⁷. В частности, В. М. Горлов и генерал П. С. Махров считали, что такие действия Б. Савинкова, вызванные политическими соображениями, приведут к разложению войск. Ибо нежелающих подчиниться смещали и удаляли из мест расквартирования. Причем, их сначала поместили в концентрационный лагерь, но потом выпустили и разрешили выехать из Польши.

Пребывание в лагерях регулировалось инструкцией Военного министерства от 2 декабря 1920 г., согласно которой в интернированных войсках разрешалось сохранить прежнюю воинскую организацию: дивизии, бригады, полки, батареи; в них поддерживалась воинская дисциплина, воинский дух и порядок. В первом же приказе, отданном генералом Матвеевым, предписывалось всем частям сохранить свое тактическое деление. После завершения обмена военнопленными между Советской Россией и Польшей в октябре 1921 г. остатки двух армий численностью до 4500 чел. были переведены в лагерь Тухола. Кроме того, небольшие контингенты разместились в лагерях Стшалково, Калиш, Щипиорно.

Анализируя ситуацию, сложившуюся на родине к зиме 1920–1921 гг., Б. В. Савинков не мог не обратить внимание на то, что бывшая Российская империя покрыта тайными

обществами и «зелеными отрядами». Иными словами, в Советской России наблюдалось неорганизованное, необъединенное единой программой, но все нарастающее народное движение, независимое от политических партий дореволюционного периода и не состоящее ни в какой связи с эмиграцией. Поэтому в декабре 1920 г. РПК поставил перед собой следующие задачи: объединить «зеленых» крестьян программой и создать организационный центр «зеленой» борьбы. С этой целью была восстановлена деятельность Народного Союза Защиты Родины и Свободы (НСЗРиС), созданного в 1918 году в Ярославле³⁸.

При РПК учредили Информбюро, во главе которого встал Б. В. Савинков и его брат В. В. Савинков. Программа НСЗРиС была выработана Северо-западным областным комитетом «Народного Союза» в Гомельской и Смоленской губерниях и утверждена на съезде представителей тайных организаций и «зеленых» в июне 1921 г.³⁹. Основные ее положения сводились к следующему:

«1. Непримиримая борьба с советской властью, враждебной народу и не дающей ему свободы выявить собственную волю к устроению жизни.

2. Борьба с большевиками силами русского народа, а не призывом к вооруженному вмешательству иностранцев.

3. Решительная борьба с царистами, мечтающими вернуть старые порядки, и с теми помещиками, которые хотят отобрать у крестьян землю.

4. Укрепление в собственность крестьян земли, перешедшей к ним во время революции, а также обращенной в советские хозяйства.

5. Установление демократического правового строя на началах народовластия.

6. Установление в России республики через Русское Учредительное собрание, избранное на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

7. Признание государственной самостоятельности за всеми народами, входившими ранее в состав Российской империи и создавшими или создающими собственную государственность и тесный государственный и хозяйственный союз»⁴⁰.

Таким образом, «третья Россия» должна была стать крестьянской демократической республикой, ибо огромное большинство страны составляли крестьяне.

Практически деятельность НСЗРиС свелась к печатанию и распространению листовок, созданию тайных организаций и ведению партизанской войны. Однако надеждам на массовое крестьянское восстание в Советской России не суждено было сбыться. Сам Б. В. Савинков сделал такие неутешительные выводы из борьбы за «третью» Россию: «И я уже в судорогах, собственно говоря, пошел в это зеленое движение, которое выродилось в бог знает что, а после зеленого движения – в подпольную работу, которая тоже результатов не дала»⁴¹.

После высылки из Польши в октябре 1921 г. Б. В. Савинкова и его сторонников среди интернированных активизировали свою работу монархисты. Причем, вопрос о материальном их обеспечении часто приобретал политическую окраску. Так, в конце ноября 1921 г. в лагерь Тухола прибыл генерал Новиков как представитель Красного Креста с тюками белья. Собрав состав 3-х дивизий, он призвал перейти их под покровительство Врангеля, а себя объявил его представителем в Польше. Такая агитация, подкрепленная раздачей белья, дала свои результаты: «дивизия смерти» и стрелковая дивизия заявили о своей поддержке Новикова⁴². В свою очередь, савинковский НСЗРиС, действовавший нелегально, пытаясь сохранить влияние, особенно среди казаков, добился перевода около 400 чел. в лагерь Щепиорно, где находились украинцы. В январе 1922 г. в лагере раздали по 100 марок наиболее нуждающимся членам союза⁴³.

Польские власти внимательно следили за активностью монархистов, считая, что реализация их целей (по восстановлению «единой и неделимой») угрожает польской государственности. В апреле 1922 г. они пресекли нелегальную деятельность Русского монархического объединения, во главе которого стоял В. Г. Гершельман. Соответствующие польские органы провели аресты и привлекли к суду 57 офицеров. Несмотря на то, что суд их оправдал, Гершельман, Любимов и Махров были высланы из страны⁴⁴.

Несомненный интерес, в связи с изложенными выше событиями, представляет анализ политических симпатий среди интернированных в наиболее крупном лагере Тухола. Согласно данным, приводимым З. Кар-пусом, здесь находилось три военных соединения. Он же попытался, проанализировав имеющиеся документы, определить процентное соотношение приверженцев той или иной политической ориентации в их рядах. Группа

С. Б. Булак-Балаховича, известная как «Дивизия смерти», насчитывала в мае 1922 г. около 1500 человек. Командиром являлся полковник Дуленко. Благодаря его деятельности, в дивизии усилилась монархическая, проврангелевская ориентация, объединявшая примерно 60% интернированных. Сторонников Б. Савинкова насчитывалось до 30%; остальные 10% стремились вернуться на родину⁴⁵. Финансовую помощь на политическую деятельность в лагере монархистов выделяли соответствующие организации, существовавшие в Польше, а также в Берлине и Гданьске. Вторую по численности группу в лагере составлял отряд Б. Перемицкого (1238 чел. на май 1922 г.). Наибольшим политическим влиянием среди них пользовалась монархическая идеология – 85%; затем «немецкая» – 10% личного состава; связанных с Б. Савинковым – 3%, и только 2% желали вернуться в Советскую Россию. Третью по численности группу в лагере составляли казаки, входившие в «Вольную казачью дивизию», которая в мае 1922 г. насчитывала 853 человека. Командовал ею монархист есаул А. Саль-ников, но среди казаков преобладала савинковская ориентация⁴⁶.

Таким образом, в бывших русских формированиях, оказавшихся на территории Польши в 1920–1922 гг., велась борьба между монархистами и республиканцами за привлечение солдат и офицеров на свою сторону. Причем, на изменение настроений среди интернированных и их политическую ориентацию оказывали влияние финансовые и материальные факторы. В целом же можно констатировать, что несмотря на усилия Б. Савинкова, основная масса интернированных оставалась на монархических позициях. После закрытия польскими властями лагерей бывшие российские военнослужащие получили т.н. карты Азия, т.е. стали политическими эмигрантами. Им предоставили возможность выехать на новое место жительства в центральные и западные воеводства. Въезд на территорию «восточных крестов», за редким исключением, был запрещен.

¹ Pilsudski, I. Pisma Zbiowe. T. 2. Warszawa, 1937, s. 253.

² Пайпс, Р. Русская революция. Кн. 3: Россия под большевиками. М., 2005, с. 116.

³ Матвеев, Г. Пилсудский. М., 2008, с. 253.

⁴ Karpus, Z. Wchodni sojusnicy Polski w wojne 1920 roky. Torun, 1999; Materski, W. Na Widecie.

II Rzeczypospolita wobec Sowietow. 1918–1943. Warszawa, 2005; Симонова, Т. М. Белые формирования в Польше (Отряд русских беженцев) в 1918–1921 гг. // Новая и новейшая история. – 2012. – № 4. – С. 39–57.

⁵ Дюрант, Д. По материалам архива Д. В. Философова // Лица. Биографический альманах. М.–СПб. – 1994. – № 5. – С. 451.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 5866, оп. 1, д. 171, л. 1.

⁷ Karpus, Z. Jency i internirowani rosyjscy i ukrainscy w Polsce w latach 1981–1924. Torun, 1991, s. 81.

⁸ ГАРФ, ф. 5784, оп. 1, д. 36, л. 92.

⁹ ГАРФ, ф. 5866, оп. 1, д. 10, л. 15.

¹⁰ Karpus, Z. Jency i internirowani rosyjscy..., s. 81.

¹¹ ГАРФ, ф. 1886, оп. 1, д. 8, л. 13; Karpus Z. Jency i internirowani rosyjscy..., s. 62.

¹² ГАРФ, ф. 5866, оп. 1, д. 171, л. 3.

¹³ Karpus, Z. Wschodni sojusnicy Polski w wojne 1920 roky. Torun, 1999, s. 126.

¹⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений (ДМИСПО). Т. 3. М., 1965, с. 401–404.

¹⁵ Karpus, Z. Wschodni sojusnicy Polski..., s. 126.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, с. 68.

¹⁸ Karpus, Z. Traktat Ryski a poisky sojuszniczy z okresu wojny polsko-bolszewickiej 1920 roky // Traktat Ryski 1921 roky po 75 latach. Torun, 1988, s. 232.

¹⁹ Свобода, 1920, 3 октября.

²⁰ Артишевский, А. Острог, Дубно, Броды. М.–Л., 1928, с. 13.

²¹ Karpus, Z. Wschodni sojusnicy Polski..., s. 146.

²² Симонова, Т. М. Белые формирования в Польше (Отряд русских беженцев), с. 48.

²³ Karpus, Z. Wschodni sojusnicy Polski..., s. 154.

²⁴ Аксентьев, Н. «Patriotica» / Литература русского Зарубежья. Т. 1. Кн. 1. М., 1990, с. 364–367.

²⁵ ДМИСПО. Т. 3. М., 1965, с. 448–449.

²⁶ ГАРФ, ф. 5784, оп. 1, д. 36, л. 113.

²⁷ ГАРФ, ф. 5866, оп. 1, д. 171, л. 4.

²⁸ Там же.

²⁹ Свобода, 1920, 23 декабря.

³⁰ Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. Сб. док. и материалов. М.–СПб., 2004, с. 8.

³¹ Михутина, И. В. Так сколько же советских военнопленных погибло в Польше в 1919–1921 гг. // Новая и новейшая история. – 1995. – № 3. – С. 66.

³² Симонова, Т. После белых крестов. Русские военнопленные в польском плену // Родина. – 2001. – № 4. – С. 53.

³³ Матвеев, Н. Ф. О численности пленных красноармейцев во время польско-советской войны // Вопросы истории. – 2001. – № 9. – С. 120–126.

³⁴ ГАРФ, ф. 5866, оп. 1, д. 25, л. 2.

³⁵ ГАРФ, ф. 5866, оп. 1, д. 171, л. 6.

³⁶ ГАРФ, ф. 5866, оп. 1, д. 125, л. 2.

³⁷ ГАРФ, ф. 6851, оп. 1, д. 190, л. 1–2.

³⁸ ГАРФ, ф. 5866, оп. 1, д. 121, л. 6–7.

³⁹ Там же.

⁴⁰ За свободу, 1921, 23 февраля.

⁴¹ Дело Бориса Савинкова. М., б/г, с. 73.

⁴² ГАРФ, ф. 5866, оп. 1, д. 123, л. 1–2.

⁴³ ГАРФ, ф. 5872, оп. 1, д. 38, л. 5.

⁴⁴ ГАРФ, ф. 5784, оп. 1, д. 38, л. 66.

⁴⁵ Karpus, Z. Oboz internowanych № 7 w Tucholi // Mniejszosc narodowe w wojewodstwie Pomorskim wokresie miedzywojennym (1920-1939). Torun, 1991, s. 150-151.

⁴⁶ Там же.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ БОЛГАРСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

T. B. Татоли

Татолі, Т. В. Зовнішньополітичні концепції болгарських політичних партій на початку Другої світової війни

У статті розкривається сутність політики ревізіонізму та нейтралітету в розумінні болгарських політичних партій напередодні та на початковому етапі Другої світової війни, визначаються основні концепції болгарської зовнішньої політики та партій, що їх підтримують. Охарактеризовані спонукальні мотиви, що визначали зовнішньополітичну орієнтацію тієї чи іншої партії.

Ключові слова: ревізіонізм, нейтралітет, зовнішня політика Болгарії, германофіли, англофіли.

Татолі, Т. В. Внешнеполитические концепции болгарских политических партий в начале Второй мировой войны

В статье раскрывается сущность политики ревизионизма и нейтралитета в понимании болгарских политических партий накануне и в начальный период Второй мировой войны, выделяются основные концепции болгарской внешней политики и определяются партии, их поддерживающие. Охарактеризованы побудительные мотивы, определяющие внешнеполитическую ориентацию той или иной партии.

Ключевые слова: ревизионизм, нейтралитет, внешняя политика Болгарии, германофилы, англофилы.

Tatoly, T. V. Foreign policy's conceptions of Bulgarian political parties at the beginning of the Second World War

In the article the essence of politics of revisionism and neutrality in understanding of Bulgarian political parties before and at the beginning of the Second World War is considered. The main conceptions of Bulgarian foreign policy are shown and parties, which support them, are identified. The stimulating motives, which define the foreign policy's orientation of any of these parties, are described.

Keywords: revisionism, neutrality, foreign policy of Bulgaria, Germanophiles, Anglophiles.

Внешнеполитические позиции болгарских партий начала Второй мировой войны, несмотря на определенную степень исследованности, представляют значительный интерес. Лишь тщательное их изучение позволяет выяснить, почему страна, в которой прогерманская ориентация в неправительственных кругах не доминировала, все же официально присоединилась к Тройственному пакту; почему, будучи союзницей Германии, Болгария все же не послала свои войска на Восточный фронт, несмотря на неоднократные германские требования; почему офицеры, бывшие организаторами и участниками военного переворота 1934 г., к началу Второй мировой войны оказались в лагере антигерманской оппозиции, а часть из них – стали сторонниками сближения с СССР.

Внешнеполитические концепции Болгарии и, соответственно, болгарских политических партий, в основном сложились уже в 1930-е гг. и окончательно оформились в период Второй мировой войны. Что же представляли собой эти концепции?

В межвоенный период ключевым элементом внешней политики и идеей, нашедшей отражение в общественно-политической мысли Болгарии, стала идея ревизионизма. Под этим термином понималась политика, направленная на изменение условий Нейисского мирного договора по итогам Первой мировой войны. На первый взгляд, подобная идея была близкой идее реванша, лежавшей в основе внешней политики Германии после прихода к власти Гитлера. И, следовательно, вступление Болгарии в 1941 г. в Тройственный союз было событием предопределенным. Однако даже в социалистической Болгарии межвоенный болгарский ревизионизм признавался вполне обоснованным, понятия «ревизионизм» и «реваншизм» разграничивались, и утверждалось, что ревизионистская политика автоматически не вела к реваншистским устремлениям и агрессивным действиям¹.

Ревизионизм в понимании Болгарского государства включал в себя три основных момента:

1. Облегчение и ликвидацию финансовых и иных обязательств, которые были тяжелым бременем для слабой болгарской экономики.
2. Полное восстановление национального суверенитета путем ликвидации иностранного контроля и освобождения от военных ограничений.
3. Поддержание территориальных претензий.

Обоснованность и справедливость первых двух пунктов не вызывает сомнений, хотя, возможно, они и нуждаются в комментариях, учитывая международную обстановку в Европе после Первой мировой войны. Говоря же о территориальных претензиях, Болгария подразумевала все территории, потерянные ею по итогам Бухарестского и Константинопольского договоров 1913 г. и Нейского договора 1919 г., т.е. не только Южную Добруджу, которой она владела до Балканских войн, но и те территории, на которые она претендовала, – Вардарскую Македонию, Западную Фракию и «западные окраины».

Однако эти территориальные претензии разрешить с помощью войны предполагали лишь немногочисленные правоэкстремистские круги болгарского общества, представленные организациями авторитарного и тоталитарного направления – Народным социальным движением А. Цанкова, Союзом болгарских национальных легионов, организациями «Ратник», «Бранник» и некоторыми другими. Основная же масса болгарских политических организаций и партий (от умеренного националистического крыла до мелкобуржуазной оппозиции) поддерживала сформулированные болгарскими правящими кругами второй половины 30-х годов основные начала внешней политики: мирная ревизия и неучастие в войне, неучастие в блоках и нейтралитет. То есть ревизионизм и нейтралитет считались не взаимоисключающими, а взаимодополняющими понятиями.

Таким образом, господствующей не только в официальных кругах, но и в общественном мнении была идея нейтралитета как основы внешней политики страны и основы ревизионизма. Однако окраска этого нейтралитета различалась не только в понимании официальной политики и оппозиционных кругов. Различные политические партии также по-разному представляли сущность нейтралитета. В 1930-е годы XX в. сформировались четыре концепции развития болгарской внешней политики:

- 1) решение болгарских проблем (ревизия статус-кво) с позиции нейтралитета и при поддержке фашистских держав;
- 2) решение проблем с позиций нейтралитета, опирающегося на Англию и Францию;
- 3) решение проблем с опорой на сотрудничество с СССР;
- 4) решение болгарских проблем через войну в союзе с Германией.

Представляется небезинтересным рассмотреть подробнее каждую из концепций нейтралитета, указав ее представителей и определив ее побудительные мотивы. На наш взгляд, внешнеполитические позиции тех или иных общественно-политических сил, в том числе и политических партий, определялись следующими факторами:

1. Экономические интересы, которые влияли на тягу определенных социальных групп (и, соответственно, представлявших их политических партий) к тому или иному государству. Однако этот фактор не всегда является основным, а иногда имеет второстепенное значение. Так, например, болгарская буржуазия в подавляющем большинстве была связана с английским, французским и немецким капиталом; связи с русским рынком почти не поддерживались, и в то же время часть болгарской буржуазии была русофильской настроенной.

2. Совпадение планов ведущих европейских держав с планами и интересами самой Болгарии.

3. Культурное влияние, в том числе и культурная среда тех стран, в которых формировалась болгарская интеллектуальная и политическая элита.

4. Родство политических идей и концепций, господствующих в европейских странах, и концепций, определяющих деятельность политических партий и организаций Болгарии.

С учетом указанных мотивов политические партии Болгарии становились приверженцами той или иной из вышеназванных внешнеполитических концепций.

Первую концепцию, которая стала основой официальной внешней политики в начале Второй мировой войны, – решение болгарских проблем (ревизия статус-кво) с позиции нейтралитета и при поддержке фашистских держав – представляли политические партии и организации правонационалистического характера: Всеболгарский союз «Отец Паисий», «Болгарская орда», студенческие организации «Хан Крум», «Царь Симеон». За про-

германский нейтралитет выступали и национал-либералы (за исключением небольшой группы), а также откололшаяся от Радикальной партии и находившаяся на грани исчезновения фракция проф. Генова². Прогерманские настроения выражали и некоторые деятели БЗНС – Н. Захарiev, Ст. Омарчевски, А. Радолов, Д. Костов³. Если проанализировать социальный состав сторонников концепции, то в глаза бросается его широкий диапазон: от отставных унтер-офицеров до представителей крупной торгово-промышленной буржуазии и университетской интеллигенции. И, естественно, мотивы ориентации на Германию у них были различными.

Болгарская крупная промышленная буржуазия была заинтересована в дальнейшем расширении экономических связей с Германией, а точнее, в сохранении их на прежнем высоком уровне. К 1941 г. доля Германии в болгарском импорте составила 79,6%, в экспорте – 73% (для сравнения, в 1937 г. – соответственно 58,2 и 47,1%). Германия почти целиком покрывала импорт в Болгарию паровозов, вагонов, машин, аппаратуры, черных металлов, химической продукции, почти полностью поглощала сельскохозяйственный экспорт Болгарии. Немцы вывозили в Германию в 1940–1941 гг. почти все мясо, 70% яиц, основное количество овощей, 70% табака⁴. И те промышленные группы, которые традиционно ориентировались на германский рынок, продолжали эту линию и во внешнеполитической ориентации.

В то же время Демократическая партия, представлявшая крупную промышленную буржуазию, и «народники», защищавшие интересы крупного капитала в области кредита, страхового дела, находились на антигерманских позициях⁵. Причины этого также корениются в экономических интересах. Представители банковского капитала Болгарии не были заинтересованы в дальнейшей экспансии германского финансового капитала, учитывая весьма прочные позиции, которые к 1941 г. заняли в Болгарии «Дойче банк» и «Дрезденер банк». А демократы представляли интересы молодой промышленной буржуазии в отраслях, которые не могли соперничать с уже достаточно развитым хозяйством Германии, что и способствовало их антигерманским настроениям.

Подавляющее большинство болгарских германофилов ждали от союза с Германией решения болгарских территориальных проблем. Обделенная, по их мнению, Нейиским мирным договором (за пределами государства остались столь желанные территории Македонии, Южной Добруджи и часть Фракии), Болгария могла надеяться на его ликвидацию только с помощью Германии, еще более ущемленной Версальским договором. А проводимая Францией и Великобританией в предвоенный период политика «умиротворения агрессора» и особенно «странный война» 1939–1940 гг. и последовавшая за ней капитуляция Франции явно демонстрировали, что Германия набирает очки в противостоянии с западными демократиями. Следовательно, именно она сможет поддержать Болгарию в ревизии результатов Первой мировой войны. Показательны в этом плане слова болгарского монарха Бориса III, сказанные им 11 июля 1939 г. секретарю германского посольства Клодиусу: «Путь Болгарии всегда должен быть на стороне Германии, если болгарские национальные надежды осуществляются, то это произойдет с помощью Германии, ... освобождение Болгарии от военных оков Нейиского договора будет невозможно без успехов фюрера»⁶.

Связь прогерманских настроений с возможностью решения болгарских территориальных проблем можно проиллюстрировать речью профессора Г. Генова, бывшего деятеля Радикальной партии, отошедшего от нее и примкнувшего к организации «Отец Паисий». Выступая на торжественном собрании болгаро-германского академического клуба в Софии, он доказывал роль Третьего рейха и Гитлера в восстановлении «справедливости» и открыто провозгласил нацистский тезис, что Германия и Италия борются за перераспределение богатств, захваченных Англией и Францией, т.е. за новый, справедливый порядок в Европе⁷.

Немалую роль в прогерманской ориентации сыграло германское культурное влияние, поскольку среди болгарской интеллигенции, прежде всего университетской, было немало германофилов. Назовем только видных политических деятелей с открыто прогерманскими взглядами, которые были университетскими профессорами: Г. Генов, А. Цанков, Б. Филов, Б. Йоцов.

В этом случае на внешнеполитические симпатии оказывала влияние культурная среда той страны, в которой формировалась болгарская интеллектуальная элита. И если непосредственно после Освобождения значительная часть болгар получала высшее образование

ние во Франции или России, то с 20-х гг. XX ст. выбор места обучения меняется в пользу Германии. Причем численность болгарских студентов, обучавшихся в Рейхе, неуклонно росла. Так, в 1940 г. там обучалось 854 человека, а в 1943 г. уже 2027 человек⁸. По словам болгарского историка И. Димитрова, «изучить процесс интеллектуального формирования руководящей элиты в буржуазной Болгарии, научные теории и политические доктрины, господствующие в тех центрах, где происходило это формирование, – значит получить ключ к разгадке источников внешнеполитической ориентации партий и их деятелей»⁹.

Для таких организаций, как Социальное движение А. Цанкова, «Союз бойцов Болгарии», «Союз пострадавших от войны», «Союз национальных сил Болгарии», прогерманские симпатии объяснялись, во-первых, идеологическим родством с фашизмом, а во-вторых, расчетом на решении территориальных проблем. Однако прогерманская политика в их понимании была более агрессивной – не нейтралитет, а союз в войне (вышеупомянутая четвертая концепция внешней политики, которая в конечном итоге и стала основой официальной внешней политики страны с 1941 г.).

Существовала прямая зависимость между успехами Германии в войне и ростом заинтересованности в ней как в союзнике Болгарии. Естественно, первые неудачи немецкого оружия на Восточном фронте поколебали прогерманские симпатии. Это можно проследить на примере организации «Отец Паисий». Этот союз был настроен прогермански, пока Германия побеждала в войне. Но кризис фашистского блока в 1943 г. приводит организацию к переоценке некоторых установок. Ослабевает прогерманский тон, усиливаются тенденции журнала «Отец Паисий» уделять больше внимания книжным, культурно-просветительским и историческим материалам. Менее крикливой становится и пропаганда цанковистов.

Вторая концепция развития Болгарской внешней политики – решение внешнеполитических проблем с позиций нейтралитета, опирающегося на Англию и Францию, – поддерживалась большинством буржуазных и частью мелкобуржуазных партий. К ним относилась Демократическая партия, которая, по характеристике болгарского публициста левой ориентации П. Киранова, «являлась представителем молодой промышленной буржуазии, ... стояла за английскую ориентацию во внешней политике страны против расширения связей с СССР»¹⁰, а также Народная партия, которая «оказывает огромное влияние на всю общественную и политическую жизнь страны через союзы торговцев и промышленников... Внешнеполитическая ориентация может быть охарактеризована как подчеркнуто англофильская»¹¹.

На проанглийских позициях находилась часть «Демократического сговора» (накануне и в период войны во главе его находился Г. Василев), правое крыло социал-демократов во главе с К. Пастуховым и ряд приверженцев Либеральной партии, не поддерживавших прогерманскую ориентацию¹². Англофилами были представители Радикальной партии. В полицейском донесении начала войны отмечалось, что на собрании представителей Радикальной партии один из ее лидеров С. Костурков «похвалил» западные демократии в лице Англии и Франции и набросился на Германию за то, что она завладела славянскими государствами¹³.

Ориентацию на западные демократии поддерживала значительная часть членов БЗНС – как представители крыла «Врабча-1», так и некоторые руководители БЗНС «Пладне», например, К. Тодоров, Г. М. Димитров. На этих же позициях стояли и болгарские церковные деятели. Американский консул в Стамбуле Б. Бери после разговора с болгарским епископом Андреем, выражавшим религиозные интересы болгар в Турции, констатировал, что среди руководителей болгарской церкви существует идеальная оппозиция правящему режиму, которая симпатизирует одновременно США и СССР в связи с русофильскими чувствами, но боится влияния Советов как в политике, так и в религии и предпочитает демократию тоталитарному режиму¹⁴.

Представители проанглийского нейтралитета опасались, что следование в фарватере Германии приведет страну к новой национальной катастрофе, как и в Первую мировую войну. И в этом случае ни о какой ревизии закрепленных в отношении Болгарии международных реалий речи бы не шло. Да и по своим политическим взглядам вышеуказанные партии тяготели к традиционным западным демократиям, а не к тоталитарной диктатуре и, соответственно, не к Германии, эту диктатуру олицетворявшую.

Позиции представителей вышеупомянутой концепции по мере развертывания Второй мировой войны менялись. Когда в 1940 г. Франция капитулировала и стало ясно, что Великобритания одной с Германией не справиться (США пока не стремились активно участвовать в войне), проанглийски настроенные деятели сначала осторожно, а затем все чаще начали высказывать мысли о том, что союз с Англией не исключает сотрудничества с СССР. Например, представитель Демократическогоговора Г. Василев в одной из оппозиционных газет писал в ходе подготовки выборов в Народное собрание в 1940 г.: «Хотя между политическим строем Советской России и конституционно-демократической Болгарией имеются принципиальные различия, искреннее, постоянное ... политическое сотрудничество между Болгарией и советской Россией не только желательно, но полностью возможно...»¹⁵. Представители Радикальной партии Д. Тыркаланов, Д. Бурилков, выражая симпатии Англии, одновременно выступали за хорошие отношения со всеми странами. Радикал С. Костурков, обвиняя германских фашистов в том, что они являются зачинателями войны, считал, что в условиях войны Болгария должна идти с Советским Союзом¹⁶.

Проанглийски ориентированные политические деятели, эмигрировавшие из страны, принимали участие в английской радиопропаганде на Болгарию (как, например, часть правых лидеров «Пладне» И. Костов, Г. М. Димитров). Оставшиеся в стране составили оппозицию прогерманской линии правительства в парламенте, а в 1943–1944 гг. стали связующим звеном между болгарскими кругами, пытавшимися вести сепаратные переговоры о выходе из войны, и представителями Великобритании и США. Активных средств борьбы англофилы не использовали. Правда, в конце 1940 – начале 1941 г. часть представителей БЗНС во главе с Г. М. Димитровым подготавливали заговор с целью свержения правительства Б. Филова и создания нового правительства, которое осуществило бы сближение и федерирование южных славян и ориентировалось на Англию¹⁷.

После капитуляции Франции ориентация на нее потеряла смысл и постепенно смениется на проамериканскую. Особенно это стало актуальным в связи с появлением идеи сепаратных переговоров, так как во всех этих переговорах инициативу на себя брали не столько англичане, сколько американцы. Уже в 1942 г. в анализе болгарской ситуации, подготовленном для Госдепартамента США, говорилось, что в стране существуют круги, считающие, что «можно успешно защищать болгарскую идею в союзе с Америкой»¹⁸. А в 1943 г. американское правительство уже имело сведения, что болгарская буржуазная оппозиция расширилась и что она готова предложить свои услуги США в подготовке выхода Болгарии из войны.

Третья концепция болгарской внешней политики, вокруг которой группировались определенные политические силы, – решение проблем с опорой на сотрудничество с СССР. Она была довольно популярной не только у болгарских коммунистов, но и среди ряда непролетарских партий. О том, что прорусские настроения (именно прорусские, а не просоветские, ибо значительная часть ориентировавшихся на СССР отождествляли его не с Советской властью, а с Россией) были достаточно широко распространены в стране, свидетельствует та обеспокоенность, которую проявляли в связи с этим правящие круги Болгарии. Так, в сентябре 1939 г. в среде видных буржуазных деятелей, бывших министров и высшего офицерства было распространено письмо, в котором говорилось: «Русофильский психоз ширится в нашей стране. Под его соблазнительными ударами падают жертвы из разных социальных категорий, число таких жертв устрашающе велико... Агенты большевистского русофильства умножаются... Необъяснимо поведение тех наших политиков, интеллигентов и даже офицерских чинов, ... которые становятся наивными проводниками этой сатанинской агитации»¹⁹. Предполагалось, что письмо было написано в дворцовых кругах.

Размах симпатий к СССР отмечали также иностранные дипломаты и журналисты. В частности, английский посланник в Софии Ренделл признавал, что в Болгарии существует прорусское большинство²⁰. 19 февраля 1940 г. в американской газете «Нью Йорк тайм» была опубликована статья А. Мак-Кормика «Болгары убеждены, что Советы войдут на Балканы», в которой затрагивался вопрос о советском влиянии. Автор считал, что прорусские симпатии большинства болгарского народа имели исторические корни, а неразвитость капитализма создавала условия для быстрого проникновения коммунистических

идей. Поэтому в Болгарии «не боялись возможной советской агрессии» на Балканах и даже верили, что она бы привела к «разрешению национальной проблемы»²¹.

Просоветскую ориентацию выражала часть представителей рядовых масс БЗНС «Врабча 1», и даже англоориентированные руководители союза вынуждены были при подготовке к парламентским выборам 1940 г. провозгласить лозунг борьбы за заключение торгового договора и пакта о вечной дружбе и взаимной помощи с СССР – «здоровой опорой мира и нейтралитета»²². За ориентацию внешней политики на СССР выступала также основная масса пладненцев и часть руководства союза – Н. Петков, А. Держански, М. Геновски, Сл. Пушкаров²³. Это тоже достаточно четко прослеживается по лозунгам, выдвигаемым руководством и рядовыми членами БЗНС «Пладне» при подготовке к выборам. Так, в листовке, изданной в ноябре 1939 г., по внешней политике выдвигалось требование «поддержки самых тесных дружественных политических отношений и действенных хозяйственных связей с СССР»²⁴. За ориентацию на СССР выступала и левая часть социал-демократов во главе с Сотиром Яневым.

Просоветские симпатии «земледельцев» можно объяснить рядом факторов. Во-первых, организация «Пладне» в политической палитре Болгарии стояла ближе всех к БКП, традиционно ориентирующейся на СССР, и у коммунистов и «земледельцев» уже был опыт совместной работы. Во-вторых, по социальному составу «Пладне» представляла те крестьянские слои, которые наиболее страдали от германской экономической экспансии в сельском хозяйстве, поскольку диктовались цены, выгодные Германии, а сельскохозяйственный рынок Болгарии был ориентирован только на Германию, без учета возможных выгод, которые бы дала торговля продукцией сельского хозяйства с другими странами, в частности с СССР.

В-третьих, часть членов «Пладне» и «Врабча 1» составляла мелкобуржуазная интеллигенция, старшее поколение которой получало образование в царской России, а младшее родилось в семьях «русских воспитанников». Для них симпатии к России были традиционными, их настроения были скорее «русофильскими», чем «советофильскими».

Сторонниками просоветского нейтралитета были такие организации, как Военный союз и Политическая группа «Звено». Так, лидер «Звена» К. Георгиев был активным пропагандистом идеи союза с СССР. 22 сентября 1939 г. он отправляет царскому правительству письмо, в котором говорится: «Находим самой здравой политической концепцией тесные связи между Болгарией и великой советской страной. Мы убеждены, что наша общественность поздравит с большой радостью серьезный почин болгарского правительства в этом направлении – расширение политических и торговых отношений с Москвой»²⁵.

Военный союз также стоял на позициях ориентации на СССР. В одном из полицейских документов, датированном августом 1941 г., давалась такая характеристика одному из руководителей Союза генералу В. Заимову и группировавшемуся вокруг него офицерству: «...независимые члены Военного союза во главе с генералом Вл. Заимовым – исключительно сторонники тесного сотрудничества на политической основе с Советской Россией, невзирая на то, какие последствия это может иметь для нашей страны»²⁶. Не случайно Заимов фигурировал в полицейских донесениях как «Красный генерал».

Чтобы объяснить просоветскую ориентацию офицеров, ставших движущей силой переворота 19 мая 1934 г., необходимо обратиться к политической и идеальной эволюции организаций, которая проходила под воздействием ряда факторов: конфликт между «Звеном» и дворцом, отстранение «деятелей 19 мая» от власти и утверждение режима личной власти Бориса III; установление связей с БКП; раскрытие истинной сущности фашистских режимов в Германии и Италии. Все эти факторы приводят к тому, что «Звено» (как и Военный союз) постепенно отказывается от авторитаризма в своих взглядах, склоняется к все более тесному союзу с БКП и левыми группами в БЗНС и, соответственно, к той внешнеполитической ориентации, которую они выражали. На наш взгляд, еще один фактор повлиял на проявление русофильства у офицеров из «Звена» и Военного союза: традиционное русофильство значительной части болгарского офицерства еще с XIX в. Свою роль сыграло и разочарование «19-майцев» результатами мюнхенской политики Англии и Франции, показавшими, что малому государству особенно рассчитывать на защиту западных демократий не приходится. Но, без сомнения, мотивы ориентации на СССР у данных организаций еще нуждаются в серьезном изучении.

Ориентация на СССР проявлялась, во-первых, в проведении акций в поддержку предложения СССР о подписании договора о дружбе и взаимной помощи (так называемая «Соболевская акция»). Во-вторых, после начала Великой Отечественной войны в ведении пропаганды в защиту СССР, выпуск листовок, освещавших действительное положение на Восточном фронте. В-третьих, некоторые болгары собирали разведданные для СССР²⁷.

Конечно, более тесной ориентации на СССР препятствовал такой фактор, как сталинизм. Ряд представителей интеллигенции, которая была традиционно русофильской, в новых исторических условиях обращают свои взоры к Англии и Франции, поскольку информация, доходившая из Советского Союза, пугала их, делала для них невозможными симпатии к тоталитарному государству.

Фактором, который напротив, облегчил проявление симпатий к СССР, стало подписание 23 августа 1939 г. советско-германского пакта о ненападении. Этот пакт в Болгарии был встречен по-разному. Такие организации, как «Отец Паисий» и «Българска орда», начали, с оглядкой на общую политику своей страны, ориентирующуюся на Германию, выражатьдержано положительное отношение к связям с СССР²⁸. В среду «Звена» пакт внес известное смущение. Деятели союза смотрели на него скептически и ставили под сомнение цели Германии, однако считали, что СССР, имея в виду свои государственные интересы, действует реалистично. Руководство БЗНС положительно отнеслось к заключению пакта и даже начало расширять свои связи с советской стороной: деятели БЗНС Д. Гичев, Г. М. Димитров, Н. Чолakov установили связи с работниками советского представительства в Софии, начали присутствовать на приемах и чествованиях, проводимых там. Особенно разительный эффект этот пакт произвел на лидера Народного социального движения А. Цанкова. В своей статье «К моим политическим друзьям», написанной 12 сентября 1939 г., он назвал заключение пакта «самым замечательным событием», пел дифирамбы «исторической миссии» России, которую он видел в том, чтобы задержать настик пробуждающейся Азии на Европу. В конце статьи Цанков клялся в любви России и в добрых чувствах к германскому народу²⁹.

По мере развития военных действий и ухудшения военной ситуации для Германии симпатии к СССР растут. Причем, часто политики умеренного толка демонстрировали подчеркнуто доброе отношение к СССР, вероятно, в преддверии возможного вступления Красной Армии в Болгирию. Так, Д. Гичев в 1943 г. начал часто посещать советских дипломатов в Софии, уверял их в своем самом хорошем отношении к советской политике. А после поражения Германии под Сталинградом даже министр общественных работ Болгарии Василев в своей речи сказал, что настроения болгарского народа сводятся к тому, что «болгары и славяне должны непременно идти с великой славянской державой – Советской Россией»³⁰.

Таким образом, в начальный период Второй мировой войны в общественно-политической мысли Болгарии доминировала идея нейтралитета. Однако полный нейтралитет для Болгарии, учитывая ее политические реалии, был невозможен, поэтому он имел различную окраску в понимании разных политических партий и организаций. В конечном итоге победила концепция внешней политики, ориентированная на прогерманский нейтралитет. Но и такой нейтралитет страна могла соблюдать лишь до марта 1941 г., после чего Болгария стала членом Тройственного пакта.

¹ См.: Димитров, И. България на Балканите и в Европа. София: Наука и изкуство, 1980, с. 11.

² Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 74, оп. 23, д. 10, папка 12, л. 78, 80, 84.

³ Ревякина, Л. СССР във външнополитическата ориентация на БЗНС (1934–1944). // Втори международен конгрес по българистика. Доклади. Т. 8. България след Освобождението. София: БАН, 1988, с. 233.

⁴ Позолотин, М. Е. Германская агрессия в Болгарии // Уч. записки Академии обществ. наук. – 1948. – Вып. 2. – С. 338.

⁵ АВП РФ, ф. 74, оп. 23, д. 10, папка 12, л. 77.

⁶ Марков, Г. Българо-германските отношения. 1931–1939. София: Наука и изкуство, 1984, с. 206.

⁷ Поппетров, Н. Организациите «Отец Паисий» и «Българска орда» през Втората световна война. // Исторически преглед, 1987, № 9, с. 35.

- ⁸ Бояджиева, Е. Културно-политическо влияние на Третия райх в България (1940–1944). // Българо-германски отношения и връзки. Т. 4. София: БАН, 1989, с. 330.
- ⁹ Димитров, И. България в европейската политика между двете световни войни. // България в света от древността до наши дни. Т. 2. София: Наука и изкуство, 1979, с. 165–166.
- ¹⁰ АВП РФ, ф. 74, оп. 23, д. 10, папка 12, л. 77.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же, л. 81.
- ¹³ Стефанов, Х. Българската радикална партия. 1906–1946. София: Наука и изкуство, 1984, с. 310.
- ¹⁴ Тошкова, В. България в балканската политика на САЩ. // Исторически преглед, 1979, № 1, с. 31.
- ¹⁵ АВП РФ, ф. 74, оп. 20, д. 5, папка 10, л. 63.
- ¹⁶ Стефанов, Х. Българската радикална партия..., с. 311.
- ¹⁷ См.: Ханджисев, Р. Англия и заговорът на д-р Г. М. Димитров (есента и зимата на 1940–1941 г. // Исторически преглед, 1990, № 9.
- ¹⁸ Тошкова, В. Политиката на САЩ към България (септември 1939 – септември 1944) по документи от Национални архиви на САЩ. // България в света от древността до наши дни. Т. 2. София: Наука и изкуство, 1979, с. 260.
- ¹⁹ АВП РФ, ф. 74, оп. 19, д. 7, папка 9, л. 82.
- ²⁰ Сирков, Д. Към въпроса за присъединяването на България към Тристранния пакт. // Българо-германски отношения и връзки. Т. 1. София: БАН, 1972, с. 440.
- ²¹ Величков, А. Вестник «Ню Йорк тайм» за някои моменти от вътрешната и външната политика на България в периода 1938–1941 г. // Политически партии, организации и управления в България. 1879–1944. София: БАН, 1983, с. 192–193.
- ²² Петрова, Д. Българският земеделски народен съюз в антифашистката борба. София: БЗНС, 1983, с. 14.
- ²³ Ревякина, Л. СССР във външнополитическата ориентация..., с. 234.
- ²⁴ Петрова, Д. Българският земеделски народен съюз..., с. 15.
- ²⁵ Недев, Н. Дейността на Военния съюз от основаването му до 9 септември 1944 г. // Исторически преглед, 1963, № 2, с. 67.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ См. подробнее: Ковачев, К. Варненци в помощ на съветското командуване през 1943–1944. // Военноисторически сборник, 1983, № 5.
- ²⁸ Поппетров, Н. Организациите «Отец Паисий» и «Българска орда»..., с. 47.
- ²⁹ АВП РФ, ф. 74, оп. 19, д. 10, папка 9, л. 34–34 об.
- ³⁰ Там же, оп. 25, д. 6, папка 14, л. 1.

ПОЛИТИКА ВЕНГРИИ В ТРАНСИЛЬВАНСКОМ ВОПРОСЕ ЛЕТОМ 1940 Г. В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ ИЮНЬСКОЙ ВОЕННОЙ АКЦИИ В ОТНОШЕНИИ БЕССАРАБИИ

A. С. Стыкалин

Стыкалин, О. С. Політика Угорщини в трансильванському питанні влітку 1940 р. в контексті радянської червневої військової акції щодо Бессарабії

Незважаючи на численну наукову літературу, присвячену анексії Радянським Союзом Бессарабії у червні 1940 р., дослідниками приділялася незначна увага як політиці Угорщини в умовах здійснення сталінських планів щодо Бессарабії, так і взаємозв'язку між бессарабською акцією СРСР й Другим віденським арбітражем 30 серпня 1940 р., коли воною керманичів нацистської Німеччини та фашистської Італії Північну Трансільванію було передано під угорську юрисдикцію. Натомість в жодній європейській країні правляча еліта не сприйняла з таким ентузіазмом переход Червоної Армії через Дністер, як у Будапешті, де збиралася продовжити справу розчленування румунської держави, започатковану Сталіним в умовах світової війни. Заслуговує на увагу й питання про те, яким чином анексія Бессарабії прискорила плани Німеччини по тимчасовому вирішенню трансильванського питання в інтересах зміцнення позицій Третього Рейху в Дунайсько-Карпатському регіоні й протидії СРСР на балканському напрямку. Головним джерелом при реконструкції подій літа 1940 р. слугують матеріали архівів радянського дипломатичного відомства, зокрема повідомлення радянської місії в Будапешті.

Ключові слова: Друга світова війна, Угорщина, Румунія, Трансільванія, Бессарабія, нацистська Німеччина, радянська зовнішня політика.

Стыкалин, А. С. Политика Венгрии в трансильванском вопросе летом 1940 г. в контексте советской июньской военной акции в отношении Бессарабии

При всем обилии научной литературы, посвященной анексии Советским Союзом Бессарабии в июне 1940 г., исследователями уделялось мало внимания как политике Венгрии в условиях осуществления сталинских планов в отношении Бессарабии, так и взаимосвязи между бессарабской акцией СССР и Вторым Венским арбитражем 30 августа 1940 г., когда военою лидеров нацистской Германии и фашистской Италии Северная Трансилвания была передана под венгерскую юрисдикцию. А между тем, ни в одной из европейских столиц правящая элита не восприняла с таким энтузиазмом переход Красной Армии через Днестр, как в Будапеште, где намеревались продолжить дело расчленения румынского государства, начатое Сталиным в условиях идущей мировой войны. Заслуживает внимания и вопрос о том, в какой мере анексия Бессарабии ускорила планы Германии по временному решению трансильванского вопроса в интересах укрепления позиций Третьего рейха в Дунайско-Карпатском регионе и противодействия СССР на балканском направлении. В качестве главного источника при реконструкции событий лета 1940 г. выступают материалы архивов советского дипломатического ведомства, в том числе донесения советской миссии в Будапеште.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Венгрия, Румыния, Трансильвания, Бессарабия, нацистская Германия, советская внешняя политика.

Stikalin, A. S. The Hungarian Policy on the Transylvanian question in the context of the Soviet military action in Bassarabia (summer 1940)

The annexation of Bassarabia by the USSR in June 1940 was the subject of many historical papers but the researchers paid insufficient attention both to the reaction of Hungary to the Soviet action and the connection between the annexation of Bassarabia and the Second Vienna Arbitration of August 30, 1940. The paper is based on the documents from Russian Archives, first of all on the documents of the Soviet Foreign Ministry.

The author came to conclusion that there was hardly another political force in the world which received the crossing of the Red Army of the river Nistru with such enthusiasm as the Hungarian political elite, right-wing and resolutely anticommunist. It considered the Soviet action to be the first step in the process of disintegration of Romania which created more favorable conditions for the realization of the Hungarian plans to annex Transylvania. June-July 1940 was the peak of harmony in the relations between Moscow and Budapest, especially as the Hungarian irredentist plans were supported in Moscow to more extent than in any other capital in Europe.

As concerns Hitlerist Germany, the Soviet action in Bassarabia was received in Berlin as some kind of challenge to Germany's hegemony in the Eastern-Central Europe which caused as a response the preparation of the arbitration in Vienna which changed the spheres of influence in the region in the interests of Berlin.

Keywords: World War II, Hungary, Romania, Transylvania, Bassarabia, Nazi Germany, the Soviet Foreign Policy.

Правоавторитарный режим Хорти, который установился на руинах венгерской коммунистической диктатуры, так называемой Венгерской Советской республики, после ее падения в начале августа 1919 г., с крайней непримиримостью относился к коммунистическому эксперименту в России и к большевизму, особенно к его внешней экспансии, тем более, что в 1920 г., вследствие поражения Австро-Венгрии в Первой мировой войне и ее распада Венгрия должна была подписать Трианонский мирный договор 1920 г., воспринятый не только правой политической элитой, но и более широким общественным мнением в стране как большое национальное унижение. Главная внутриполитическая ответственность за Трианон была возложена на левых, причем не только на коммунистов, но и на леволиберальную традицию, леволиберальное крыло в венгерской общественной жизни и общественной мысли, которое на протяжении десятилетий, с точки зрения правых, упорно подрывало венгерскую государственную традицию – коммунистическая диктатура 1919 г. воспринималась лишь как последнее звено в цепи событий, приведших к кручу венгерской исторической государственности в границах средневекового королевства «святого Стефана (Иштвана)». «Для человечества нет спокойствия, безопасности и счастья, пока не уничтожим Советы», – писал регент Венгрии адмирал Миклош Хорти Гитлеру уже в условиях Второй мировой войны¹.

Тем не менее существовала объективная основа для сближения между большевистским режимом в СССР и хортистским режимом в Венгрии. Во-первых, ни тот, ни другой режим не принял Версальской системы международных отношений и – в более узком плане – новой системы границ, установленной по итогам Первой мировой войны в Центральной и Юго-Восточной Европе. Вся внешняя политика хортизма была направлена, как известно, на пересмотр решений Трианонского договора; в среде венгерской элиты существовали расхождения лишь в оценке методов, ведущих к достижению поставленной цели. Во-вторых (и это не менее важно), и СССР, и Венгрия имели серьезные территориальные претензии к соседней Румынии, что уже само по себе создавало почву для заключения партнерских соглашений. Наконец, обе страны были изгоями на международной арене, перед ними стояла проблема выхода из внешнеполитической изоляции, способствовавшая сближению Советской России не только с Венгрией, но и с Германией (договор в Рапалло, 1922).

Внешнеполитическая изоляция ударяла и по венгерскому бизнесу. Как установлено в последние годы в работах известных венгерских историков А. Шереша и А. Колонтари², венгерские предприниматели не только проявляли определенный интерес к налаживанию экономических связей с Россией. Более того, экономический фактор, интересы бизнеса, оказывавшего давление на власть, сыграли важную роль при попытках установления дипломатических связей между двумя странами в 1924 г. В сентябре этого года в Берлине было подписано соответствующее соглашение, но оно не было ратифицировано венгерским парламентом, этому воспрепятствовал сам регент Хорти. Как известно, в частности из исследований А. Колонтари, 2 октября, в самый разгар парламентских прений, он принял полковника царской и генерала Белой армии Алексея фон Лампе, представителя барона Петра Врангеля, военного вождя белогвардейской эмиграции. Беседа между ними длилась 40 минут. Увещевания белогвардейского эмиссара, напомнившего регенту о сохранившейся большевистской угрозе, не оказались напрасными³. Дипломатические отношения между СССР и Венгрией были установлены лишь в 1934 г.⁴. Со стороны СССР установление дипломатических отношений с Венгрией не имело выраженного антирумынского характера, ведь оно пришлось на время максимальной нормализации советско-румынских отношений – министр иностранных дел Румынии Н. Титулеску поддерживал достаточно тесные связи со своим советским коллегой М. Литвиновым и был до некоторой степени увлечен идеей коллективной безопасности при участии Москвы. Вместе с тем сам факт установления Советским Союзом дипломатических отношений с Венгрией явился в определенной мере инструментом давления на Румынию в целях принятия ее правительством советской внешнеполитической концепции коллективной безопасности⁵.

С середины 1930-х гг., по мере активизации связей Венгрии с нацистской Германией все более проблематичными становились возможности сотрудничества между Москвой и Будапештом на основе отклонения парижской системы мирных договоров и стремления изменить послевоенный *status quo*⁶. В феврале 1939 г. советская сторона порывает с Венгрией дипломатические отношения в связи с присоединением ее к Антикоминтерновскому пак-

ту, однако вскоре после заключения советско-германского договора 23 августа 1939 г., с изменением вектора советской внешней политики, они были восстановлены.

Пересмотр границ в среднеевропейском регионе начался, как известно, еще до начала Второй мировой войны (аншлюс Австрии, расчленение Чехословакии). С началом же войны открываются перспективы более радикального изменения границ в Средней Европе; в этих условиях венгерская политическая элита все более осознавала общность устремлений СССР и Венгрии, направленных на приобретение определенной части румынской территории. В начале 1940 г. новый полпред СССР в Венгрии Н. И. Шаронов писал в Москву о том, что в политических кругах Будапешта, а также среди иностранных дипломатов, работавших в Венгрии, высказывались предположения о продвижении СССР в обозримом будущем на балканском направлении; первой же страной, стоявшей на пути ожидаемой советской экспансии, будет, естественно, в силу своего географического положения, Румыния⁷. В предвкушении столь желательного для хортистской Венгрии развития событий ее министр иностранных дел граф И. Чаки, беседуя с журналистами, депутатами парламента, иностранными дипломатами (не в последнюю очередь, румынскими), с удовлетворением констатировал «нормальный» характер советско-венгерских отношений, отсутствие серьезных разногласий и взаимных претензий. Тогда же, в январе 1940 г., встречаясь в Венеции с министром иностранных дел Италии, зятем Муссолини Г. Чиано, он, по некоторым данным, признался итальянскому коллеге: «Мы спокойны за нашу карпатскую границу, никаких разногласий с Советами не имеем вообще и угрожаемы себя с этой стороны не чувствуем»⁸. И это несмотря на то, что советско-финская зимняя война 1939–1940 гг. дала новый повод говорить о советской военной угрозе для соседних стран. Ориентации на сближение (конечно, до известных пределов⁹) с СССР в целом не препятствовало и осознание венгерскими лидерами непрочности советско-германского союза, возникшего вследствие определенного (временного) соотношения сил на международной арене и не имевшего долгосрочной перспективы.

Заботы хортистских властей о поддержке своих ревизионистских требований Советским Союзом, как одной из больших держав, были делом тем более насущным, что позиция Будапешта находила мало понимания не только в Лондоне и Париже (столицах стран-устроителей Версальской системы), но также в Берлине и Риме. Правительство графа П. Телеки хорошо осознавало, что ирредентистские планы Венгрии не могут быть реализованы без согласия держав так называемой «оси» и в первую очередь Германии, после аншлюса Австрии и краха Чехословакии все более явно доминировавшей в Средней Европе. Между тем, накануне войны в Берлине поддерживали эти планы Венгрии прежде всего в той мере, в какой они были направлены против непримиримо враждебной «Третьему рейху» Чехословакии. С решением общей задачи (распадом чехословацкого государства) Гитлер и его окружение уже все менее сочувствовали венгерскому ревизионизму, поскольку резонно полагали, что чрезмерное усиление Венгрии будет способствовать проведению ее правительством слишком независимого внешнеполитического курса (такое представление поддерживал и совсем недавний исторический опыт – попытки, пускай и тщетные, официального Будапешта во второй половине 1930-х годов через установление тесных связей с Италией, Австрией, Польшей и Югославией создать некоторый противовес германской доминации в регионе). Сказывалась также заинтересованность «Третьего рейха» в некоторых из стран, на которые распространялись венгерские территориальные амбиции – в частности, в Румынии и в «независимой» Словакии, фактически представлявшей собой германский протекторат. Открытая поддержка (тем более в полном объеме) венгерских ревизионистских требований сильно затруднила бы для Германии возможность вовлечения Румынии в сферу своего влияния, тогда как с точки зрения осуществления германских военно-стратегических планов в отношении СССР и на Балканах Румыния была для Берлина не менее, а даже более важной страной, чем Венгрия. Нельзя недооценивать и значимости Румынии для Германии в качестве поставщика нефти.

Нацистская и хортистская элиты были недовольны друг другом. Даже наиболее лояльная Германии часть хортистской политической элиты совсем не собиралась жертвовать в угоду фюреру интересами восстановления Великой Венгрии в ее дотрианонских границах. При том, что обе страны требовали кардинального пересмотра Версальской системы, и это составляло основу для сближения, попытки подчинить венгерский ревизионизм дипломатическим играм гитлеровской Германии оказывались поначалу неудачными,

поскольку о совпадении интересов речи быть не могло¹⁰. Почти столь же сдержанную позицию занимал в отношении венгерского ирредентизма официальный Рим¹¹. Г. Чиано, встречаясь с И. Чаки в январе 1940 г., по некоторым сведениям, советовал венграм отложить выполнение своих территориальных требований до окончания войны на западном фронте, т.е. до поражения Франции и Англии¹². В принципе Италия выражала готовность поддержать венгерские территориальные претензии к Румынии лишь при мало выполнимом условии, чтобы в результате будущих «поправок несправедливостей Трианона» численность национальных меньшинств во вновь присоединенных к Венгрии районах не превысила бы 30%¹³. Причем позиция Германии и Италии в трансильванском вопросе была, по просочившимся сведениям, согласованной – в ходе встречи лидеров двух стран в Бреннере (на границе Австрии и Италии) в начале весны 1940 г. было принято негласное решение не потакать «чрезмерным» венгерским амбициям¹⁴. Весьма проблематичны были для Венгрии поиски надежных союзников и среди менее значимых участников «европейского концерта» (таких, как, например, Югославия или Турция). «С венграми... трудно иметь дело: они одержимы мегаломанией и не могут понять, что все державы на Балканах не хотят видеть старую Венгрию... Ревизионизм и мегаломания оставят их без всяких союзников», – говорил в феврале 1940 г. советскому полпреду Н. Шаронову югославский посланник в Будапеште Рашич¹⁵.

Таким образом, ревизионистские планы Венгрии фактически нигде не находили сколько-нибудь полной поддержки, тем более важным для Будапешта было добиться благосклонной позиции СССР. В свою очередь румынская сторона после краха Чехословакии, Польши и начала большой войны за передел европейских границ вполне ожидала оживления великомуадьярского ревизионизма и эскалации территориальных притязаний Будапешта¹⁶. Это заставляло ее принимать меры безопасности, укрепляя, в частности, западные границы Румынии. Принятию румынскими властями надлежащих мер предосторожности среди прочего способствовали прозвучавшие в феврале 1940 г. чересчур вызывающие публичные заявления некоторых официальных лиц в Будапеште о том, что Венгрия «не потерпит отсрочки разрешения Трансильванского вопроса до греческих календ»¹⁷. Позиция официального Будапешта особенно ужесточилась вследствие активизации в начале 1940 г. так называемой «Балканской Антанты», включавшей в себя Румынию, Югославию, Грецию и Турцию – страны, заинтересованные в сохранении статус-кво в регионе. Чтобы склонить в свою пользу мнение крупных держав, в венгерском МИДе давали заверения иностранным дипломатам о существующих якобы планах предоставления Трансильвании автономии в составе Венгрии. Боясь, однако, связать себя чересчур далеко идущими обещаниями, представители соответствующих венгерских правительственные структур делали в то же время и существенные оговорки. В прозвучавшей в некоторых заявлениях мысли о том, что установление особого статуса нацименьшинств в будущей венгерской Трансильвании не способно снять остроту существующей проблемы, легко прочитывался заблаговременный отказ в предоставлении румынам такого статуса.

Отрицательное отношение держав «оси» к максималистским планам восстановления Великой Венгрии не могло не вызывать в Будапеште плохо скрываемого раздражения. 13 февраля, еще до бреннерской встречи, Чаки говорил Шаронову: «Мы от своего не откажемся никогда и если победят в войне союзники и мы останемся в теперешних границах, мы зажжем пожар во всей Европе»¹⁸. Правда, в тот же день венгерский министр иностранных дел заверял советского полпреда в том, что для Венгрии все же предпочтителен мирный путь решения трансильванской проблемы: «Мы не хотим войны и удерживаемся от всего, что могло бы дать румынам возможность ее спровоцировать»¹⁹. Речь шла о шумной пропагандистской кампании, развязанной в Румынии в связи с эскалацией венгерских территориальных притязаний, о мерах Бухареста по дальнейшему укреплению своих западных границ.

С начала июня 1940 г., по мере того, как все очевиднее становился успех Германии на западном фронте, полпредство СССР в Венгрии фиксирует широко распространявшиеся в Будапеште слухи о планах СССР по захвату Бессарабии в самом ближайшем будущем. Такая перспектива казалась весьма заманчивой верхушке хортистской армии: один из генералов на приеме в полпредстве 19 июня прямо заявил советскому дипломату, что венгры только и ждут занятия Советским Союзом Бессарабии, чтобы самим войти в Трансильванию²⁰. Столь откровенным заявлением военных не противоречили высказы-

вания в венгерских внешнеполитических кругах. Так, зав. отделом печати МИД Венгрии А. Уллейн-Ревицки 24 июня на завтраке с германскими журналистами говорил, что Венгрия больше ждать не может и должна начать маршировать²¹. В июне все интенсивнее становятся военные приготовления Венгрии на восточной границе, продолжается широкая мобилизация: численность армии 10-миллионной страны к середине июля была доведена до 1,2 млн. человек²². Сосредоточение по обеим сторонам границы большого количества войск и боевой техники увеличивало вероятность вооруженного столкновения, тем более, что предельное обострение двусторонних отношений не могло не сопровождаться пограничными инцидентами²³. Из беседы с крайне правым депутатом Ф. Райнишем полпред Н. Шаронов узнал о том, что венгерские генералы отнюдь не ограничивались воинственной риторикой; генштаб даже разработал конкретный план ввода войск в Румынию в расчете на то, что она отклонит советский ультиматум, и Венгрия сможет выступить сразу же после начала боевых действий в Бессарабии²⁴.

В сложившейся в июне 1940 г. в связи с событиями вокруг Бессарабии обстановке официальный Будапешт все более последовательно демонстрирует свое стремление к сближению с СССР, что проявилось среди прочего в двухкратном посещении (в течение месяца) графом Чаки советского полпредства, что было жестом беспрецедентным, не имевшим аналогов даже в его отношениях с германской миссией. Подобная демонстрация близости с Советами даже породила среди иностранных дипломатов отмеченные в рабочем дневнике Шаронова слухи о том, что вопрос о совместной акции СССР и Венгрии в отношении Румынии уже согласован²⁵. Правда, развернувшиеся со второй половины июня события в Прибалтике, завершившиеся в конце концов советской оккупацией трех прибалтийских государств и их «добровольным» вхождением в состав СССР, опровергали такие слухи. Эти события сильно оживили в Венгрии комплекс советской военной угрозы, что проявилось и в высказываниях официальных лиц, не скрывавших своих опасений в связи с дальнейшими действиями СССР в Дунайско-Карпатском регионе после аннексии Бессарабии. Так, тот же граф Чаки в конце июня делился с югославским посланником своими мрачными предчувствиями того, что СССР «хотя и неизвестно когда, но произведет нападение на Венгрию»²⁶. А зав. отделом печати МИД говорил 24 июня немецкому журналисту: «СССР сейчас расправляется с прибалтийскими государствами, а следующим его шагом после установления там советской власти будет, наверное, Венгрия»²⁷. Впрочем, в кругу иностранных дипломатов, находившихся в Будапеште, не слишком были склонны разделять (даже в свете прибалтийских событий) опасений относительно судеб Венгрии. Там резонно полагали, что последующая экспансия СССР пойдет в балканском, а не в среднеевропейском направлении²⁸.

Нота с требованием «в интересах восстановления справедливости» приступить «к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу» была направлена румынскому правительству, как известно, 26 июня, через 4 дня после капитуляции Франции, на протяжении долгих лет (вплоть до аншлюса Австрии и краха Чехословакии) выступавшей главным гарантом Версальской системы, одним из важных установлений которой являлась целостность Румынии в ее границах 1920 г. Берлин и Рим посоветовали Бухаресту уступить, дав понять, что речь идет об «уступках временного порядка»²⁹. 28 июня Красная Армия перешла Днestr.

Уже само известие об ультиматуме вызвало нескрываемое воодушевление в венгерских политических кругах. «Население города взволновано. Отношение к нам хорошее», – записал в своем рабочем дневнике полпред Н. И. Шаронов вечером 27 июня³⁰. В определенных кругах имелись ожидания, что Венгрия выступит с аналогичным ультиматумом по поводу Трансильвании, но очевидно было также, что сделать это, не заручившись предварительно согласием Германии, было немыслимо.

В передовицах венгерских проправительственных газет от 28 июня выражалось удовлетворение тем, что «целостности Румынии больше не существует», при этом советские требования назывались вполне справедливыми. Правда, среди венгерского генералитета (предвкушавшего для своей армии победоносную кампанию в союзе с Красной Армией) и крайне правых политиков в эти дни наблюдалось и некоторое разочарование тем, что бессарабский вопрос был решен мирным путем и не возникло повода для вступления в Румынию венгерских войск. 28 июня, после получения информации о принятии Румынией советского ультиматума, полпред Шаронов завтракал с депутатом парламента

Ф. Райнишем. Тот говорил ему: хотя «венгерская общественность» очень довольна, что СССР начал разрушать здание «великой Румынии», к тому же дело обошлось без войны, «но венгры предпочитали бы видеть войну СССР с Румынией, чтобы самим тоже броситься на Румынию, которая в случае двухсторонней войны будет сразу раздавлена, а одной Венгрии будет трудно [это сделать]»³¹.

Как бы то ни было, зам. министра иностранных дел Венгрии Я. Вёрнле поздравил Шаронова с успешным осуществлением бессарабской акции. При этом он заметил, что они, т.е. венгры, «этому рады больше, чем какое-либо другое государство», так как для них это означает ликвидацию принципа целостности Румынии и «более легкую возможность продолжить то», что начал СССР³². Созданный Советским Союзом прецедент существенно облегчал, таким образом, решение самой насущной внешнеполитической задачи, поставленной перед собой хортистским правительством. В июне 1940 г. для Венгрии обозначилась весьма заманчивая перспектива, воспользовавшись прецедентом, приступить к осуществлению собственных ирредентистских планов.

Венгерский посланник в Москве И. Криштофи был в свою очередь 29 июня принят заместителем наркома иностранных дел СССР В. Г. Деканозовым и также выразил удовлетворение успешно проведенной операцией. Напомнив своему собеседнику о том, что у Венгрии имеются свои территориальные претензии к Румынии, венгерский дипломат увидел различие в положении двух стран только в том, что Советский Союз уже разрешил стоящую перед ним задачу, а Венгрия пока еще нет³³. Таким образом, соображения реальной политики и осознание объективной общности интересов двух стран заставили хортистскую политическую элиту на время забыть о своем непримиримом отношении к большевизму.

Наркоминдел СССР со своей стороны не охлаждал стремления хортистов к сближению, очевидно просчитывая возможности упрочения советских позиций в этой стране в интересах некоторого, пускай довольно вялого, противодействия нежелательной германской экспансии через Дунайский регион в направлении Балкан. Еще до событий, развернувшихся вокруг Бессарабии, нарком В. М. Молотов заявил итальянскому послу о том, что «советское правительство считает свои отношения с Венгрией нормальными: СССР не имеет никаких претензий по отношению к Венгрии»³⁴. З июля Молотов принял венгерского посланника Криштофи. В ходе беседы он отметил, что с точки зрения советского правительства претензии Венгрии к Румынии имеют под собой основания; такой же позиции представители СССР будут придерживаться в случае созыва международной конференции, на которой будет стоять вопрос о территориальных требованиях Венгрии³⁵.

Позиция Москвы вызвала в Будапеште в официальных кругах очень позитивную реакцию. Через полгода, в декабре 1940 г., полпред Н. И. Шаронов в информационно-аналитическом письме, адресованном в НКИД СССР, констатировал: «Заявление Народного Комиссара подействовало в Венгрии чрезвычайно успокаительно, и после него (даже в свете прибалтийских событий – А.С.) до конца года слухи о возможности акции СССР против Венгрии совершенно не появлялись»³⁶. Непосредственная реакция в Венгрии на заявление Молотова была тем более благоприятной. Поскольку Советский Союз оказался единственной (независимо от принадлежности к тому или иному воюющему лагерю) большой державой, поддержавшей венгерские претензии на Трансильванию, граф Чаки, выступая в середине июля в парламенте, не скучился на комплименты в адрес Москвы, при этом речь его встречалась одобрительными возгласами членов парламентской комиссии по иностранным делам³⁷. Любезности, расточаемые Советскому Союзу, носили довольно демонстративный характер, явились жестом, адресованным не только и не столько Бухаресту, который попросту хотели запугать «чудовищной» хортистско-советской коалицией на антирумынской платформе, сколько Берлину – от последнего ждали серьезных подвижек в трансильванском вопросе с учетом нежелательного для держав «оси» роста популярности СССР в Венгрии. В своих попытках разыграть против Румынии советскую карту венгерские лидеры иной раз не останавливались перед явным блефом, давая, в частности, понять румынским дипломатам, что на повестке дня стоит якобы вопрос о заключении союза с СССР, способного обеспечить главенствующее положение Венгрии в Дунайском бассейне³⁸. Впрочем, заявленная Молотовым советская позиция хотя и вызвала удовлетворение в Будапеште, отнюдь не казалась бескорыстной. В действиях СССР виделись далеко идущие стратегические цели. Полпред Шаронов в начале августа фиксировал в своем рабочем дневнике звучавшие в политических и дипломатических кругах

высказывания о том, что, наладив хорошие отношения с Венгрией, СССР сознательно и целенаправленно толкает ее против Румынии с тем, чтобы, воспользовавшись войной, не ограничиться Бессарабией и Северной Буковиной, заполучить от Румынии и некоторые другие территории³⁹. Причем такая тактика в отношении Венгрии рассматривалась как частный случай более широкой стратегии – подтолкнуть Германию и ее союзников против Англии с тем, чтобы после ослабления обеих воюющих сторон занять доминирующее положение в Европе, что уже совсем не отвечало интересам режима Хорти.

Блеск венгерской стороны проявлялся и в демонстрации мускул перед Румынией уже после того, как Советский Союз исполнил свою «освободительную миссию». Силовой способ разрешения трансильванской проблемы по-прежнему не исключался, прорабатывались планы перехода венгерскими войсками границы в случае серьезных волнений в Румынии, особенно на этнической основе. Заместитель министра иностранных дел Вёрнле говорил советскому полпреду 5 июля о том, что по полученным венгерским правительством сведениям, «румыны вооружают румынское население в смешанных районах, и если хоть один венгр будет там убит, мы немедленно начнем войну»⁴⁰. Все это отдавало не совсем адекватной оценкой собственных сил и едва ли могло быть воспринято всерьез. Куда ближе к истине был в беседе с Шароновым, состоявшейся как раз в день ожидания румынского ответа на советский ультиматум, 27 июня, зав. отделом печати МИД Уллейн-Ревицки, который на прямой вопрос советского дипломата, не думают ли венгерские лидеры начать войну с Румынией, ответил, что «Венгрия уже давно готова к войне, но ее начало зависит от разрешения Германии и Италии»⁴¹.

В Берлине и Риме, однако, занимали более чем сдержанную позицию, не желая военного конфликта между своими младшими партнерами. В середине июля Телеки и Чаки были принятые в Мюнхене Гитлером и Риббентропом, очевидно, рекомендовавшими венгерским коллегам не торопиться с разрешением трансильванского вопроса и во всяком случае избрать путь мирных переговоров⁴². Упоминавшийся Вёрнле, которому, очевидно, не слишком импонировала зависимость Будапешта от Берлина в принятии ключевых решений, пытался в беседе с полпредом объяснить отсрочку с разрешением вопроса следующим образом: Венгрия не торопится начать войну в ближайшие две-три недели, так как не хочет мешать Германии и Италии покончить с Англией, но после этого венгры начнут действовать, при самом же благоприятном стечении обстоятельств они готовы действовать, оставив без внимания предупреждение держав «оси»⁴³. Судя по беседе германского посла в Будапеште с Шароновым 27 июня (в день, когда Румыния должна была дать ответ на советский ультиматум), немцы действительно не исключали, что Венгрия захочет выступить с аналогичным ультиматумом, однако не думали, что она решится начать войну, тем более без согласования с Берлином⁴⁴. Вопреки утверждениям венгерских официальных лиц о неизбежности столкновения с Румынией, среди зарубежных дипломатов в Будапеште, встречавшихся с Шароновым, все же доминировало мнение о том, что Венгрия не пойдет на военный конфликт со своим восточным соседом, значительно превосходящим ее по численности населения⁴⁵. Фактором, несколько остужавшим воинственный пыл хортистских политиков и генералов, были опасения вмешательства в конфликт на стороне Румынии третьих стран, и в частности дружественной ей Югославии. Не удивительно, что Криштоффи 3 июля по поручению своего правительства спросил Молотова, не сможет ли советское правительство повлиять на Югославию с тем, чтобы она сохранила спокойствие в случае, если Венгрия будет вынуждена вступить в конфликт с Румынией⁴⁶. Кроме того, хортисты для пущей уверенности хотели заручиться поддержкой Болгарии, также имевшей территориальные претензии к соседней Румынии (в Южной Добрудже)⁴⁷.

Хотя аннексия Советским Союзом Бессарабии была осуществлена с ведома и согласия Германии, правящие круги «Третьего рейха» не скрывали своего раздражения в связи с попытками Москвы через участие в разделе Румынии укрепить свои позиции на балканском направлении. Особенно недовольны были в Берлине оккупацией Северной Буковины, никогда в состав Российской империи не входившей, зато входившей в состав Австро-Венгерской монархии, ее австрийской половины. Полпред СССР в Румынии А. И. Лаврентьев в информационном письме Молотову от 30 июля привел заявление одного из германских официальных лиц о том, что «с тех пор, как Австрия стала немецкой и Дунай стал немецкой рекой, Германия не допустит, чтобы СССР сделался придунайским государством»⁴⁸. В Румынии проправительственные круги (сделавшие к этому времени однознач-

ную ставку на Берлин), не теряя надежды на возвращение Бессарабии, рассчитывали на дальнейшее обострение советско-германских противоречий на Балканах и неизбежный в этом случае антисоветский поворот в политике Берлина. 30 июля один из влиятельнейших журналистов Румынии П. Шейкар писал в своей газете «Курентул»: «Не надо забывать, что границы в настоящее время беспрерывно меняются: окончательное их установление будет делом того, кто диктует новое устройство Европы». В Будапеште действия СССР в Бессарабии и Северной Буковине также рассматривались в контексте скрытого советско-германского противостояния на Балканах, знали там и о недовольстве Германии советской оккупацией этих территорий, особенно Северной Буковины. Реакция в Берлине на происходящее могла лишь послужить дополнительным аргументом в пользу распространенного среди венгерской политической элиты мнения о непрочности советско-германского пакта; в этой связи делались важные оговорки и касательно более отдаленных перспектив внешне совсем, казалось бы, безоблачных в июне–июле 1940 г. советско-венгерских отношений. Так, 1 июля, вскоре после ввода советских войск в Бессарабию, Чаки говорил югославскому посланнику Рашичу о том, что отношения СССР с Германией не так хороши, как обе стороны пытаются представить это другим; пока еще Германия вынуждена «терпеть» действия Советов на Балтике и в Румынии, но после окончания войны на Западе (т.е. победы «Третьего рейха» над Англией) германо-советские, а вслед за ними и венгеро-советские отношения претерпят большие изменения, поскольку «за хорошего соседа нас надолго считать нельзя»⁴⁹. Обнадеживающее заявление Молотова при встрече с Криштофи 3 июля могло лишь несколько откорректировать такую позицию, но не изменить ее сути.

Принимая, таким образом, в расчет предстоящее ухудшение отношений СССР и Германии и видя уже первые симптомы такого ухудшения, чреватого принципиальным изменением расклада сил на международной арене (что означало непредсказуемость дальнейшей ситуации в регионе), венгерская политическая элита должна была форсировать решение стоявших на повестке дня задач, максимально используя имеющиеся возможности, в частности благоприятную позицию СССР в трансильванском вопросе. «Неверие кабинета министров в продолжительность хороших советско-германских отношений» заставляет венгров, наряду с другими факторами, «спешить с разрешением конфликта», — докладывал Шаронов Деканозову 17 августа⁵⁰.

Германия, однако, в условиях неразрешенного конфликта с Великобританией жела-ла спокойствия в своем восточноевропейском тылу и поэтому никак не могла допустить венгеро-румынской войны. Более того, она стремилась пристегнуть обе противоборствующие стороны к своему внешнеполитическому курсу, сделать и Венгрию, и Румынию своими младшими партнерами в деле реализации нового порядка в Европе. Под давлением Берлина венгерские и румынские представители сели за стол переговоров, проходивших 16–24 августа в румынском городе Турну-Северине. Каждая из сторон, прекрасно понимая, что война на востоке Центральной Европы совсем не нужна Берлину, имела свои основания надеяться на то, что германское вмешательство в урегулирование трансильванского спора не ущемит ее интересов.

Между тем, в силу несовместимости позиций переговоры были обречены на провал. В конце концов венгерско-румынский территориальный спор получил временное разрешение вследствие 2-го Венского арбитража от 30 августа 1940 г. Решением арбитров (Германии и Италии) Венгрия получила, как известно, территорию Северной Трансильвании площадью 43 тыс. квадратных километров.

Венский арбитраж был подан немецкой пропагандой как результат «мудрой» германской политики, направленной на то, чтобы воспрепятствовать распространению войны на новые территории, гарантировать среди прочего целостность Румынии в ее новых границах, т.е. не дать ей повторить судьбу Польши. *Второй венский арбитраж, несомненно, явился реакцией Берлина на Бессарабскую акцию Красной Армии, Германия теперь стремилась перехватить инициативу у СССР.* При этом Венский арбитраж и особенно заявление о гарантиях целостности Румынии в ее урезанных границах стали очередной наглядной демонстрацией возросшей военно-политической мощи «Третьего рейха», диктовавшего в это время свои правила игры в Дунайско-Карпатском регионе. Вызывающее нежелание Берлина считаться (вопреки букве договора от 23 августа) с мнением Москвы даже там, где дело касалось ближайших соседей СССР, стало поводом для демарша Молотова послу Ф. Шулленбургу 31 августа, но не изменило положения дел.

Вожди «Третьего рейха» после капитуляции Франции чувствовали себя настолько уверенно, что не побоялись лишний раз взять на себя миссию устроителей нового порядка на континенте. Не сомневаясь в том, что в любом случае смогут удержать своих сателлитов в повиновении, они решились выступить в роли арбитров в споре, заранее зная, что не сумеют удовлетворить ни одну из сторон.

Венским арбитражем Германия теснее привязала к себе и Венгрию, и Румынию, хотя не удовлетворила первую из них, и сильно разочаровала другую. Венгрия связывала отныне с «Третьим рейхом» надежды на дальнейший пересмотр Трианонского договора, а Румыния – надежды если не на возвращение Северной Трансильвании, то во всяком случае на компенсацию этой утраты на востоке. Сколь ни велика была обида на Германию, в Европе не было в это время другой силы, на которую в Бухаресте могли рассчитывать, думая о пересмотре решений арбитража. При всем при этом и после арбитража в Будапеште продолжали воспринимать СССР как некоторый противовес германскому диктату; нормальные отношения Венгрии и СССР сохранялись вплоть до антиохотской кампании Вермахта (апрель 1941 г.).

Зависимость Венгрии и Румынии от Германии, таким образом, усилилась; каждая из противоборствующих сторон была плотнее пристегнута к внешнеполитическому курсу Берлина, что способствовало втягиванию стран-антагонистов в войну против СССР. Гитлер и его окружение, зная о стремлении румынской политической элиты к возврату Бессарабии, старались придать любым ревизионистским настроениям строго определенный вектор, соответствующий военным целям «Третьего рейха» – не в западном, а в восточном направлении.

После Венского арбитража Германия продолжала играть в своих интересах на венгерско-румынских противоречиях, имея для этого немалые возможности. Как явствует из следственного дела маршала И. Антонеску (источника, несомненно, требующего к себе критического отношения), в ноябре 1940 г. фюрер в беседе с ним заявил, а в мае 1941 г. подтвердил, что «Венским арбитражем еще не сказано последнее слово, и этим самым дал понять, что Румыния может рассчитывать на пересмотр решения, принятого в свое время в Вене, о Трансильвании»⁵¹. В данном случае Гитлер явно блефовал. Ведь Венгрия, как и Румыния, была союзницей нацистской Германии, участие ее войск в Восточной кампании «Третьего рейха» не могло не быть оплачено приобретением новых территорий, не в последнюю очередь за счет соседней Румынии (румынские лидеры это хорошо понимали; показательно, что беседуя с Гитлером и Риббентропом, они с нескрываемым беспокойством интересовались планами подключения Венгрии к решению военных задач Вермахта). Губительное решение о вступлении в войну с СССР было принято в Бухаресте с учетом того, что Венгрия тоже вступит в войну на Восточном фронте и может оказаться в выигрышном положении, потребовав от Берлина в качестве вознаграждения новых румынских территорий – возможности Германии шантажировать своих сателлитов были в 1941 г. поистине безграничными. Если верить тем же протоколам допросов, Гитлер подчеркнул в мае 1941 г. в беседе с И. Антонеску, что Румыния не может уклониться от войны с СССР, «так как для возвращения Бессарабии и Северной Буковины она не имеет иного пути, как только воевать на стороне Германии». При этом Румынии было обещано право «оккупировать и администрировать и другие советские территории вплоть до Днепра». Право, в значительной мере реализованное в 1941–1943 гг.

Низведение Венгрии (как несколько ранее и Румынии) до положения полного сателлита «Третьего рейха» означало, что в случае войны Германии с СССР решать вопрос о конкретной функции хортистского режима в реализации планов вермахта на восточном фронте должны были не в Будапеште, а в Берлине. И сколь бы ни были внешне безоблачными хортистско-советские отношения, базировавшиеся в 1940 г. на платформе антирумынской солидарности, ситуация могла кардинальным образом измениться в течение считанных дней. Надеясь воспрепятствовать непосредственному участию Венгрии в войне против СССР, В. Молотов на второй день после нападения Германии попытался разыграть в диалоге с Будапештом трансильванскую карту. Вызвав посланника Криштофи, он заявил ему 23 июня 1941 г.: если Венгрия не вступит в войну против СССР, тогда по окончании войны Советский Союз будет поддерживать венгерские требования в отношении Трансильвании⁵². Этот довольно спонтанно возникший дипломатический ход оказался, однако, безрезультатным – Венгрия сделала выбор в пользу Германии. На следующий

день после известной провокации с бомбардировкой г. Кашша (Кошице) 26 июня якобы советской авиацией венгерское правительство под давлением Гитлера объявляет войну СССР. Вступив в войну с СССР на стороне «Третьего рейха», хортисты рассчитывали в качестве вознаграждения получить содействие в восстановлении «исторической Венгрии» в ее прежних границах. Эти планы, однако, не были реализованы. Сделанный внешнеполитический выбор в пользу Германии обрек и режим Хорти, и режим Антонеску на поражение в войне, хотя Румыния, порвав с Германией 23 августа 1944 г., еще успела принять посильное участие в военных действиях на стороне антигитлеровской коалиции.

* * *

Вышеприведенный материал позволяет прийти к следующим выводам. С началом Второй мировой войны, когда открылись перспективы радикального пересмотра границ в Средней Европе, венгерская политическая элита все более четко осознавала общность устремлений СССР и Венгрии, направленных на расчленение румынского государства. Соображения реальной политики заставили хортистов на время забыть о своем непримиримом отношении к большевизму.

Советская акция по аннексии Бессарабии в июне 1940 г. создала прецедент, воспользовавшись которым, хортисты могли приступить к реализации своих собственных ирредентистских планов в отношении Румынии. Венгерский генштаб даже разработал конкретный план ввода войск в Румынию в расчете на то, что она отклонит советский ultimatum и у Венгрии появится повод вступить в войну с Румынией сразу же после начала боевых действий в Бессарабии. Переход Красной Армии через Днестр проходил на фоне безоблачных советско-венгерских отношений; официальный Будапешт в те недели всё более последовательно демонстрировал свое стремление к сближению с СССР. Причем стремление хортистов заручиться поддержкой Москвы было тем интенсивнее, поскольку в других европейских столицах (независимо от принадлежности их к тому или иному воюющему лагерю) планы Будапешта по восстановлению Великой Венгрии в ее дотрианонских границах находили мало понимания. Советская сторона, в свою очередь, не прекращала попыток к сближению, будучи заинтересованной в укреплении своего влияния в Венгрии в противовес усиливающемуся германскому влиянию в Дунайско-Карпатском регионе. В начале июля Советский Союз в ходе двусторонних контактов поддержал венгерские претензии на Трансильванию, что создало для реализации планов официального Будапешта особенно благоприятную ситуацию.

Рост популярности СССР в Венгрии явился вызовом для Германии, требовал от нее подвижек. Берлину предстояло перехватить инициативу у Москвы, сделать ответный шаг, каковым явился Второй Венский арбитраж 30 августа 1940 г., установивший в интересах нацистской Германии новый расклад сил в Дунайско-Карпатском бассейне, позволивший ей временно укрепить свои позиции в Центрально-Восточной Европе.

¹ Цит. по: История Венгрии. Т. 3. М., 1972, с. 292.

² Из более общих работ последних лет см.: *Kolontari, Attila. Hungarian-Soviet Relations, 1920-1941 (Atlantic Studies on Society in Change, № 136)*. Highland Lakes, New Jersey, 2010 (на венгерском языке: *Kolontári, A. Magyar-szovjet diplomáciai, politikai kapcsolatok 1920-1941*. Bp., 2009); *Seres, A. Magyar-szovjet gazdasági kapcsolatok, 1920-1941*. Bp., 2010).

³ Как справедливо отмечает венгерский исследователь, «отказ от ратификации договора со стороны венгерского правительства нельзя, конечно, приписать одному генералу фон Лампе, но он, несомненно, сделал свое дело, в решающий момент сыграв на антибольшевистских чувствах регента». – См.: *Колонтари, Атtila. Несостоявшаяся белая ось. К вопросу о возможностях сотрудничества русской эмиграции с Венгрией // Российская белая эмиграция в Венгрии (1920–1940-е годы)*. Отв. редакторы Е. М. Варга, А. С. Стыкалин. М., 2012, с. 67.

⁴ Подробно о внешнеполитическом контексте установления двусторонних отношений см.: *Колонтари, А. Переговоры по установлению дипломатических отношений между Советским Союзом и Венгерским Королевством в 1934 году // Славяноведение*. М., 2010. – №. 1. – С. 19–30. После этого между странами развивались, хотя и в очень ограниченном объеме, экономические и культурные связи. Первый полномочный представитель (полпред) СССР в Венгрии А. Бекзадян стал жертвой сталинских репрессий в 1937–1938 гг.

⁵ В Будапеште же при установлении дипломатических отношений с Москвой не упускали из виду возможность разыгрывать Бессарабскую карту при предъявлении претензий на Трансильванию.

⁶ Можно согласиться с А. Колонтари, который пишет, что «советско-венгерские отношения в последующие годы характеризовались взаимными упреками в присоединении к враждебным СССР или Венгрии комбинациям, шумными кампаниями в прессе о красной опасности, висящей над Европой, или о феодально-фашистской Венгрии, и дипломатическими протестами по этому поводу в Москве или в Будапеште» (Колонтари, А. Переговоры по установлению дипломатических отношений между Советским Союзом и Венгерским Королевством в 1934 году, с. 30).

⁷ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы / Отв. редактор Т. М. Исламов. М., 2000, с. 13.

⁸ Там же, с. 23 (Из дневника Н. Шаронова. Запись по итогам беседы с Чаки 13 февраля 1940 г.).

⁹ Эти пределы были обусловлены не только принципиальной непримиримостью консервативной и отчасти праворадикальной политической элиты Венгрии к коммунистической идеологии, но и сохранявшейся линией правительства графа П. Телеки на то, чтобы не сжигать окончательно мостов к англо-франко-американской коалиции. Встречаясь с дипломатами Великобритании и Франции, тот же Чаки заверял их в неизменности антисоветского курса Венгрии. Удобным поводом для развязывания в стране массированной пропагандистской кампании антисоветской направленности стала зимой 1940 г. военная акция СССР против этнически родственной венграм Финляндии.

¹⁰ Как справедливо отмечалось в записке Наркомата иностранных дел СССР (июнь 1942 г.), «попытки Германии дальнейшего раздробления Юго-Восточной Европы, политика балканизации Юго-Восточной Европы с целью создания подвассальных Германии государств – находится в вопиющем противоречии с планами венгерского империализма, преследующими цель установления гегемонии Венгрии в Карпатском бассейне» (см.: Трансильванский вопрос, с. 173).

¹¹ В 1930-е годы поддержка Италией венгерских территориальных притязаний находилась в тесной зависимости от дипломатических игр, которые вели на международной арене режим Муссолини в целях укрепления своего великодержавного положения и сохранения хотя бы относительного равноправия в диалоге с Берлином. Важное место во внешнеполитической тактике Рима занимало установление краткосрочных союзов с некоторыми малыми и средними (как Польша) европейскими государствами, далеко не в последнюю очередь с Венгрией.

¹² Трансильванский вопрос, с. 20 (Из дневника Н. Шаронова).

¹³ Там же, с. 27.

¹⁴ Там же, с. 28.

¹⁵ Там же, с. 20–21.

¹⁶ В условиях начавшейся Второй мировой войны, 30 сентября 1939 г., попытки итальянско-югославского посредничества привели Венгрию и Румынию к обоядному согласию отвести часть войск, сосредоточенных вдоль границы, однако через несколько месяцев все вернулось в прежнее, крайне напряженное состояние, чреватое возможностью военного конфликта.

¹⁷ Трансильванский вопрос, с. 22 (Из дневника полпреда Н. Шаронова).

¹⁸ Там же, с. 24.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, с. 33.

²¹ Там же, с. 35.

²² Там же, с. 48. С 1 июля в ответ на объявленную в Румынии (из-за имевшихся опасений венгерского нападения) всеобщую мобилизацию начинается всеобщая мобилизация в Венгрии.

²³ Венгерское общество в целом не разделяло эйфории правящей верхушки, не только уверенной в успехе в случае конфликта с Румынией, но и провоцировавшей такой конфликт. Полпредство располагало сведениями о сильных антивоенных настроениях в Венгрии (см.: Там же, с. 41).

²⁴ Там же, с. 48.

²⁵ Там же, с. 35.

²⁶ Там же, с. 34–35. Очевидно, граф Чаки, не чуждый, подобно большинству венгерских консервативных политиков, комплекса панславистской угрозы для Венгрии, преследовал своей целью указать югославскому дипломату на нежелательность сближения его страны с СССР ввиду той опасности, которую представлял для Венгрии и всей Европы большевистский режим. Надо при этом иметь в виду, что в отличие от СССР, Югославия не могла служить Венгрии союзником в осуществлении ревизионистских планов, направленных против Румынии, речь могла идти самое большое лишь о ее нейтрализации в случае конфликта.

²⁷ Там же, с. 35.

²⁸ Так, югославский посланник в Венгрии Рашич, посетивший Шаронова 3 июля, уже после советской оккупации Бессарабии, заметил, что «весь мир следит за расширением СССР и здесь все говорят, что дальнейшее движение СССР будет в направлении к Дарданеллам» (Там же, с. 38).

²⁹ Трансильванский вопрос, с. 54, 104.

³⁰ Там же, с. 36.

³¹ Там же.

³² Там же, с. 39.

³³ Там же, с. 44–45. Криштоффи в беседе с Деканозовым также прозондировал почву, «как посмотрел бы Советский Союз, если бы такие претензии были предъявлены Венгрией Румынии». Зам. наркома предпочел уклониться от прямого ответа, спросив своего собеседника, а ставится ли этот вопрос Венгрией в настоящее время. Криштоффи ответил, что имеется в виду мирное разрешение вопроса на конференции, не уточнив, о какой конференции идет речь (Там же, с. 45).

³⁴ Телеграмма В. М. Молотова Н. И. Шаронову от 5 июля 1940 г. (Там же, с. 46).

³⁵ Там же. Хотя Криштоффи на уже упоминавшейся встрече с Деканозовым 29 июня говорил о планах мирного разрешения вопроса на международной конференции, в кругах хортистской элиты, как отмечалось, существовали и другие мнения о путях разрешения проблемы. Что касается встречи Молотова с венгерским послом 3 июля, то тогда же советская сторона дала согласие на заключение советско-венгерского торгового соглашения (подписано 3 сентября 1940 г.).

³⁶ Там же, с. 117.

³⁷ Там же, с. 48 (Из дневника Н. Шаронова).

³⁸ Там же, с. 51. Блэф этот не был совсем бессмысленным, он достигал своих целей. По сообщению Шаронова, ссылавшегося на свою беседу с турецким посланником, среди иностранных дипломатов, работавших в Будапеште, воспринимались как вполне правдоподобные слухи о том, что венгры получили в Москве некоторые «заверения» о помощи в разрешении трансильванского вопроса в свою пользу (Там же, с. 43).

³⁹ Там же, с. 58–59. И в последующие месяцы, вплоть до поздней весны 1941 г., среди венгерской политической элиты были устойчивыми ни на чем не основанные слухи о якобы имеющихся в Москве конкретных планах перехода Красной Армии реки Прут и оккупации румынской Молдовы вплоть до Карпат. Новое продвижение советских войск предполагалось опять-таки использовать (насколько это было возможно) в интересах дальнейшего расширения Венгрии (Там же, с. 156, 161, 163).

⁴⁰ Там же, с. 40.

⁴¹ Там же, с. 36.

⁴² В дни поездки в Мюнхен о предпочтительности мирного пути речь шла в беседах Шаронова с прогермански настроенными депутатами и журналистами (Там же, с. 47). В те же дни посол зафиксировал в своем дневнике происходившие в дипломатических кругах разговоры о том, что Германия категорически рекомендовала Венгрии подождать с разрешением трансильванского вопроса (Там же, с. 43).

⁴³ Там же, с. 40.

⁴⁴ Там же, с. 36.

⁴⁵ См. беседу советского полпреда со словацким посланником от 10 июля (Там же, с. 43). В дипкорпусе также высказывались не вполне обоснованные предположения о том, что Румыния сама уступит Венгрии часть Трансильвании, на всю же Трансильванию венгры якобы и не рассчитывают (Там же, с. 33). Что касается последней части этого утверждения, то Вёрнле действительно не уставал заверять своих иностранных собеседников, что Будапешт не требует от Румынии всей Трансильвании (Там же, с. 40).

⁴⁶ Молотов воздержался от каких-либо обещаний на этот счет, сославшись на то, что отношения СССР с Югославией недостаточно установлены (см.: Там же, с. 45).

⁴⁷ 5 июля Чаки посоветовал болгарскому посланнику «начинать», т.е. предъявить Румынии ультимативные требования в отношении Добруджи (Там же, с. 42). Вопрос о возвращении Болгарии Южной Добруджи, где преобладало болгарское население, был решен в сентябре 1940 г. путем переговоров. Уступчивость Румынии болгарским притязаниям (конечно же, гораздо менее значительным, нежели венгерские) заметно контрастировала с непримиримостью ее элиты в трансильванском вопросе. Н. Шаронов в донесении В. Деканозову от 17 августа писал о том раздражении, которое вызвала у венгерской политической элиты тактика Румынии: «Удовлетворив Болгию Южной Добруджей, оставить только одного противника – Венгрию, имея в этом случае в перспективе или только один фронт, или новую затяжку в разрешении конфликта до окончания войны на Западе» (Там же, с. 59–60).

⁴⁸ Там же, с. 54.

⁴⁹ Там же, с. 37 (Из дневника Н. Шаронова). Все-таки, коль скоро инициатива в советско-германском соперничестве принадлежала Германии, венгерские политические наблюдатели были готовы до известной степени признать оборонительный характер некоторых действий СССР. Как говорил Шаронов югославский посланник Рашич, оккупация Советским Союзом Северной Буковины «трактуется как в венгерских, так и в дипломатических кругах, как приготовление СССР к защите против Германии» (Там же, с. 38).

⁵⁰ Там же, с. 60.

⁵¹ См.: Протоколы допросов бывших руководителей Румынии маршала Иона Антонеску и Михая Антонеску (Из Центрального архива ФСБ России) / Предисловие А. С. Стыкалина // Великая Отечественная война. 1941 год. М., 2011, с. 661–692.

⁵² Fülop, Mihály. A királyi Romania és Erdély, 1944–1947 // História. Bp., 1994. – № 2. – 29.old.

ОЧЕРК О «ЗАБОТЛИВОМ» НГХ И ЕГО ДЕТИЩЕ ХОРВАТСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (1942–1945): К ВОПРОСУ О МЕТАМОРФОЗАХ В ИСТОРИИ

В. И. Косик

Косик, В. И. Нарис про «дбайливу» НГХ і його дітище Хорватську православну церкву (1942–1945): до питання про метаморфози в історії

Текст пов’язаний з історією створення Хорватської Православної Церкви, організованою владою Незалежної держави Хорватія, що діяла в 1942–1945 рр. У статті окреслено низку сюжетів, які дозволяють уявити різні сторони її організації та буття.

Ключові слова: Хорватська православна церква, Незалежна держава Хорватія, Гермоген, Павеліч, Степинац, священник, Сербська православна церква.

Косик, В. И. Очерк о «заботливом» НГХ и его детище Хорватской православной церкви (1942–1945): к вопросу о метаморфозах в истории

Текст связан с историей создания Хорватской Православной Церкви, организованной властями Независимого государства Хорватия и действовавшей в 1942–1945 гг. В статье обрисован ряд сюжетов, позволяющих представить различные стороны ее организации и бытия.

Ключевые слова: Хорватская православная церковь, Независимое государство Хорватия, Гермоген, Павелич, Степинац, священник, Сербская православная церковь.

Kosik, V. I. Essay on “caring” independent state of Croatia and its creation – Croatian Orthodox Church (1942-1945): to the question of metamorphoses in history

The text associated with the history of the Croatian Orthodox Church, organized by the authorities of the independent state of Croatia and acting in 1942–1945, the article outlined a number of subjects, allowing different side of its organization and being to be presented.

Keywords: Croatian Orthodox Church, Independent state of Croatia, Hermogenes, Pavelich, Stepinats, a priest, Serbian Orthodox Church.

Идея создания Хорватской православной церкви (далее ХПЦ) пульсировала в умах хорватских политиков давно. Так, в 1911 г. хорватский деятель Nikola Bjelovučić в книге “Trijalizam i hrvatska država” писал о проекте, в котором в рамках православной церкви предусматривалось создание особой институции для хорватов православной веры¹.

Однако начавшаяся Первая мировая война и последующее образование Королевства сербов, хорватов и словенцев, возглавляемого сербской династией Карагеоргиевичей, на-долго заморозило появление подобных проектов. «Удобное» время подошло к 1941 году. Одним из первых результатов разгрома Германией и ее союзниками многонациональной Югославии стало образование 10 апреля 1941 г. Независимого государства Хорватии (далее НГХ). Режим, установленный в этом государстве, был «тоталитарный и авторитарный, в котором глава государства др. Анте Павелич (носил титул Поглавника – вождя) и Усташское движение имели всю законодательную и исполнительную власть»². По одним немецким источникам в нем проживало 1 925 000 сербов³.

Возглавляемое Анте Павеличем НГХ под флагом национальной независимости повело политику, направленную против сербства, пошло на ликвидацию всего, что соединяло сербский народ в Хорватии с Сербией. Тому было множество причин. Назову несколько. Разность культуры, прежде всего веры, в которой взрастали сербский и хорватский народы. Можно говорить о восточном (сербы) и западном (хорваты) мирах, каждый из которых веками жил и развивался сообразно своим историческим реалиям, в корне отличными от своего соседа. Вражду между этими народами «подогревали» религиозная нетерпимость и национализм. Немалую роль сыграла и Первая мировая война, в которой сербы и хорваты сражались в разных лагерях, и последующее подчинение Хорватии сербскому Белграду, ставшему столицей нового Королевства.

В этих условиях подчинение хорватов «диким» сербам могло восприниматься как временное. Задачу активной борьбы против гегемонии Белграда взяли на себя усташи. Это ультранационалистское движение получило свое оформление в 1929 г. после убийства в сербском парламенте виднейшего хорватского политика и общественного деятеля

Степана Радича (память о нем зrimо видна в Загребе: талантливо выполненный памятник в центре Загреба, памятная доска в кафедральном соборе столицы Хорватии) и введение королем Александром I Карагеоргиевичем диктатуры. Тогда, на следующий день после отмены конституции 1921 г., 7 января национальный лидер Анте Павелич и объявил о создании усташства как организации, борющейся за независимую Хорватию. В июле 1929 г. он приговорен заочно к смерти судом по защите государства в Белграде.

Установление и развитие усташства хорватский историк Юре Яреб рисует так: «После 1918 г. хорватский народ первый раз стал жить в балканском государстве, где физическая сила, убийства и тайные мятежные организации стали нормальными политическими явлениями. Смысль создания Усташского движения и акции др. Анте Павелича были в том, чтобы на силу ответить силой. ... Усташское движение было ответом на ... сербское насилие и бесправное господство в Хорватии... Усташское движение ввело и применило балканские политические методы первый раз в балканской политике. Нужно было показать сербам, что и хорваты умеют владеть оружием, защищаться и нападать. Миротворческая и гуманная политика Радича и Мачека (видный хорватский политический деятель – В.К.) только вызывали презрение и насмешку у ... сербов». Один из выдающихся усташских функционеров Е. «Дидо» Кватерник говорил так: «Антисербство было стержнем усташской доктрины, его *raison d'être* *I ceterum censeo. Это было следствием 20-летнего господства* Белграда в Хорватии и осознания того, что господствующая часть сербства хотела уничтожения хорватского народа. Александр Карагеоргиевич создал Анте Павелича, четники (сербская монархическая националистская организация с девизом «За короля и Родину», получившая распространение в 1941–1944 годы на территории Югославии – В.К.) – усташей»⁴.

Со своей стороны здесь могу только отметить, что сербы, переселявшиеся в Хорватию, называли ее «Новой Сербией», что, несомненно, только раздражало местных жителей. И «преступления», как мне видится, сводились к дискриминации хорватов, например, в ограничениях на высшие посты в королевской армии, прежде всего во флоте.

Приведем еще одно мнение, на этот раз Адольфа Гитлера. Во время встречи с Павеличем, видимо в 1941 г., он сказал, что «если хорватское государство желает быть совсем солидным, нужно пятьдесят лет вести национальную нетолерантную политику, так как чрезмерная терпимость в этих вопросах только наносит вред государству»⁵. Это можно расценивать как «разрешение хозяина». В то же время, если из фразы исключить слово «хорватское», это высказывание можно сравнить с имевшим хождение в разные времена в основном в небольших странах этнократическим тезисом о том, что «своя страна только для своих», хотя и с различными оговорками.

Капитуляция Белграда весной 1941 г. воспринималась, повторю, в Хорватии как знак высвобождения из-под ненавистной хорватам сербской власти. Соответственно, Загреб в своей политике предпринимал ряд действий, направленных на искоренение всего, что связывало бы граждан Хорватии с Сербией, с Сербской Патриархией. Одной из первых мер, принятых в Загребе, стало запрещение деятельности Сербской православной церкви (далее – СПЦ) и ее служителей на территории НДХ, сопровождавшееся, нередко арестом духовенства, закрытием храмов и арестом всего церковного имущества.

Для сербов настали тяжелые времена. Один из современников и участников истории, связанной с ХПЦ, Милош Оберкнегевич писал о том времени, что после основания НГХ новая власть устанавливала относительно быстро в краях, где большинство были хорваты. В районах Врбаской и Дринской бановины с компактным сербским населением власть устанавливалась медленнее, что дало возможность четникам вооружиться и готовить народ к восстанию. Уже в самом начале были эксцессы как с усташской стороны, где сербы были в меньшинстве, так и со стороны четников, где, наоборот, хорваты, мусульмане и католики оказались в меньшинстве. Обострению ситуации содействовали и усташские политические собрания в мае и в июне 1941 г., на которых высокие усташские политические функционеры выступали против «великосербов». Тогда же начались массовые восстания сербов, организованные или поощренные четниками против нового государства в пределах Босанской Крайны и восточной Боснии и Герцеговины. Мусульмане и католики бегут в города, а сербы в леса. После первых террористических эксцессов, резни, грабежа, сжигания домов и разрушения религиозных объектов (православных, католических, мусульманских) пришло время мести, когда в основном страдали невинные, не покинувшие

своих жилищ. Вмешательство властей было замедленным и неэффективным. В такой ситуации в сербском меньшинстве в некоторых городах и селах Паннонского региона возник психоз страха: одни бежали в Сербию, другие приходили к мысли о переходе из сербского православия в другие религии⁶.

Глава католической церкви в Хорватии, ныне канонизированный кардинал Алоизий Степинац, имя которого в истории, особенно в сербской, связывается с гонениями на сербов, несколько раз публично осудил жестокость усташко-четнических столкновений⁷. Но страшный лагерь смерти Ясеновац как-то остался вне поля возвзваний хорватского иерарха. Ситуацию резко усложняли не только «заклятые усташи», но и так называемые дикие усташи. Хорватский исследователь Р. Лопашич (Lopašić, R.), книга которого «Памятники хорватского края» (Spomenici hrvatske krajine. Sv. I–III, MSHSM JAZU, Zagreb, 1884–1889) привлекалась М. Оберкнежевичем, подчеркивал, что отсутствие в некоторых областях отрядов организованных усташей обусловило появление отрядов из «бездейственных элементов», надевших усташскую униформу и провозгласивших себя борцами за национальную Хорватию. Лопашич пишет, что хорватские власти этих «недисциплинированных самозванцев... сомнительных моральных качеств» стремились «устранить или обуздить» вплоть до расстрела за уголовные преступления⁸.

Хотя мне известен только один пример, когда в 1943 г. был расстрелян усташа из Загреба за то, что убил серба⁹. По сути, это была показная акция для успокоения сербов. Что же касается «устранения или обуздания», то с ней дело обстояло отвратительно.

Итак, 1941 год – хорватские власти и сербы. Вначале – теория.

Если власти НГХ ставили своей задачей создание государства, в котором бы все были хорваты, а потом католики, то Римо-католическая церковь в Хорватии на первое место ставила окатоличивание или униатство. Две идеи слились в одну: все католики были привозглашены хорватами. Окатоличивание одновременно означало хорватизацию. Есть официальный документ, вышедший из недр МВД, по которому все сербы греко-восточного исповедания, перешедшие в римокатоличество, считались хорватами¹⁰.

Павелич и его окружение утверждали, что в Хорватии, по существу, речь идет о православных хорватах, но никак о сербах. В номере от 24 августа 1941 г. в газете, которая выходила в Загребе на немецком языке, и контролировалась усташами «Neue Ordnung» Павелич заявил: «...Что касается сербов, то здесь произошла путаница понятий. Настоящих сербов в Хорватии немного». Министр внутренних дел Младен Лоркович в той же газете от 7 сентября 1941 г. в статье «О сербах и четнических бандах» написал, что сербская «пропаганда хотела православных сделать сербами». В той же статье подчеркивалось, что одну часть населения православного вероисповедания в Хорватии составляли влахи. Это остатки «балканско-романской и цыганской смеси», которые в беге от турок нашли убежище в Хорватии и тем самым спаслись от уничтожения. Они и не хорваты, и не сербы, представляя собою нестабильный элемент, легко поддающийся чужому влиянию, и вследствие своей принадлежности православной церкви без сопротивления были подвергнуты сербизации¹¹.

В хорватском обществе пользовались популярностью несколько антисербских тезисов. Первый о том, что сербам, как «пришлым», нет места в Хорватии. Одним из самых известных ораторов на эту тему был министр вероисповедания и просвещения Милета Будак. Выступавший на десятках собраний по всей Хорватии, он утверждал, что хорваты имеют «не только право, но и обязанность требовать от местного православного населения», чтобы оно определилось, кто оно такое, и согласно принятому решению приспособилось. «Поэтому, – утверждал он, – мы имеем право говорить так, если кто серб, то у него есть Сербия, и это его отчество». Другой тезис гласил, что сербы в Хорватии представляют постоянную опасность для существования хорватского народа и его стремления к национальному освобождению. Сербы изображались как «чуждые элементы», которые «всегда были противниками любой освободительной борьбы хорватского народа». Третий тезис охватывал требование принятия конкретных мер к сербам, что решило бы сербский вопрос в НГХ. Усташский девиз о сербах: «Или мне покоришься, или устранишься»¹².

Теперь – практика.

17 апреля 1941 г. был издан декрет о защите государства и народа. Согласно нему, каждый, кто каким-либо способом нарушит или нарушил жизненные интересы хорватского народа или каким-либо способом создал угрозу для существования НГХ и государственной власти, даже если таковая оставалась на фазе попытки, карается смертью¹³.

25 апреля 1941 г. был принят закон о запрещении кириллицы в общественной и частной жизни. Тогда же, как пишет сербский историк В. Джурич, с отсылкой на некие тайные документы, объявлено распоряжение по которому все православные НДХ обязаны на рукаве носить ленту с буквой «П», что значит православный¹⁴. Между тем, утверждает известная и авторитетная исследовательница Татьяна Витальевна Пушкадия-Рыбкина, ни в архивных материалах, ни в официальной печати, ни в иной прессе того времени до сих пор не найдены соответствующие распоряжения, установления или приказы, что, однако, не значит, что такого не было на местах.

(Кстати, о русских эмигрантах. Согласно распоряжению МВД от 31 мая 1941 г. их нельзя было уравнивать с сербами¹⁵. Судя по письму МВД в Министерство сельского хозяйства от 14 июля 1941 г., то же самое касалось и украинцев крестьян, которых насчитывалось около 25 тысяч)¹⁶.

5 мая 1941 г. вышло постановление, вследствие которого СПЦ переставала действовать в НГХ. Летом 1941 г. были приняты постановления о перемене названий мест, которые напоминали о сербском народе, сербской вере или истории. Так, Српска Митровица стала Хрватска Митровица, Сремски Карловцы – Хрватски Карловцы, Српско Полье и Српска Капела – Хрватско Полье и Хрватска Капела. Тогда же принимались и другие распоряжения: об увольнении со службы всех сербов, которые переселились в Хорватию после 1900 года, и их потомков, об изымании имущества у добровольцев (сербов) Первой мировой войны, т.е. о возможности государства конфисковать землю и все постройки на ней без компенсации¹⁷.

18 июля 1941 г. министр правосудия и вероисповедания Мирко Пук подписал постановление, гласившее, что прежнее название «сербско-православная вера» больше не соответствует новому государственному устройству. Вводилось старое, до вхождения Хорватии в Королевство сербов, хорватов и словенцев, название «Греко-восточная вера». Почти треть населения, таким образом, была удалена от знака принадлежности к сербскому народу¹⁸.

4 декабря 1941 г. был ликвидирован Юлианский календарь. 5 декабря введен Григорианский для греко-восточной и грекокатолической церкви.

Сербский вопрос решался и через создание концлагерей, где шли массовые убийства. Наряду с лагерями, убийства шли в других местах, где можно было быстро убрать следы преступлений (в шахтах, например).

Еще одной из форм террора стало выселение. Реализацией плана депортации занималась созданная 24 июня 1941 г. по постановлению А. Павелича новая институция под названием «Государственная дирекция обновления», но запомнившаяся как «Сербское обновление», еще точнее, как орган очищение от сербов.

Первыми депортированными были священники СПЦ и их семьи. Для них был определен лагерь Цапраг около Сиска. Через него прошло около 270 священников с семьями. Кроме него были лагеря в Беловаре и в Славонской Пожеге. Жизнь, как в концлагере, – палки, голод, изнасилования. В конце лета выселение было остановлено вследствие усложнения внутренней обстановки, точнее, появления и развития партизанского движения, прежде всего в Сербии¹⁹.

Священникам пришлось испытать все, что выпало на долю их паствы. Так, 9 августа 1941 г. из Загреба было направлено окружное письмо местным руководителям и начальникам следующего содержания: «В связи с уже ранее данными инструкциями арестуйте всех монахов и еще оставшихся греко-восточных попов вместе с их семьями и направьте их в лагерь для выселенных лиц Цапраг близ Сиска. Это относится только к попам, которые по национальности сербы и черногорцы, которые ощущают себя сербами...

Равно информируется, что исключены от выселения на жительство в Сербию лица румынского, македонского/болгарского, русского и украинского происхождения, как и те черногорцы, которые не нанесли ущерба интересам хорватского народа и не считали себя сербами. К этим лицам не смеют применяться меры, которые предпринимаются против опасных ... сербов»²⁰.

Для многих из православного духовенства, монашества наступала вновь эпоха гонений. Пережить, переждать, спастись – такая задача стояла перед ними. Переселение в Сербию стало для многих – сербов и русских – спасением жизни. Представленным «пропуском» воспользовался ряд пастырей, одним из которых стал протоиерей Иван Щербак (1879 г., Чернигов – ?), служивший в Хорватской Капеле.

Повторяю, судьбы были различны. Протоиерей Михаил Готовский (08.11.1881–07.01.1942), священник в Требинье, осенью 1941 г. убежал в Сербию, потом вернулся в Хорватию. В Сочельник 1942 г. был арестован и на следующий день – Рождество – расстрелян²¹.

Многие церкви стали конюшнями, складами и другими объектами, некоторые храмы иногда «превращались» в католические или униатские церкви. Рабочей силой по разрушению церквей были сербы и евреи, принужденные этим заниматься. Некоторые церкви рушили и сами хорваты, труд которых обычно оплачивался деньгами или компенсировался выдачей строительного материала или иначе²².

Уже ко времени основания ХПЦ большое количество сербов стали католиками. Причем большинство, по утверждению Т. В. Пушкадия-Рыбкиной, считало это «временным состоянием». Сам процесс «перехода на веру», как тогда говорилось, был насильтвенным по своей сути, хотя и обставленным различными риторическими высказываниями.

А какова была позиция Римо-католической церкви в Хорватии? Кардинал Алоизий Степинац записал в своем дневнике: «Самым идеальным было бы, чтобы сербы вернулись к вере своих отцов, т.е. преклонили главы перед Наместником Христовым – Св. Отцом. Тогда бы мы могли окончательно вздохнуть с облегчением в этой части Европы, так как византизм отыграл свою страшную роль в истории этой части света в связи с турками»²³.

При этом весьма любопытно церковное распоряжение (акт) Католической церкви, напечатанный в “Katoličkom listu” 15 мая 1941 г. Особое внимание в нем предлагалось уделить тем, кто в течение предшествующих двадцати лет по карьерным соображениям, в минуты слабости и по другим особым мотивам отпали от католицизма, но поддерживали связь с католической церковью и, насколько возможно, воспитывали детей в католическом духе²⁴.

Однако совершенно другое было отношение к тем, кто колебался, не хотел менять веру отцов. Начальник отделения веры в Дирекции обновления фра Дионий Юричев говорил на многих собраниях по окатоличеванию православных: «В этой стране не может больше жить никто, кроме хорватов, так как это Хорватская страна, и кто не перейдет в католицизм, мы знаем, как поступить с ним... Не обращайте внимания, что я в священнической одежде, но знайте, что я, когда нужно, возьму автомат в свои руки и уничтожу все, вплоть до колыбели, все, что против усташских власти и государства»²⁵.

Были и другие патеры. Так, М. Оберкнежевич, ссылаясь на книгу видного хорватского политика и государственника В. Мачека (*Maček, V. In the struggle for freedom*. New York, 1957), приводил следующий пример: «Бросается в глаза случай сараевского священника, который говорил православным, переходящим в католицизм: «Дети, Ваша мать Православная церковь в неволе и не может заботиться о вас. Вы приходите к Вашей тете Католической церкви и когда Ваша мать выздоровеет, то Вы вернетесь к ней». Этот священник был приговорен к смерти коммунистами после их прихода к власти²⁶.

Бывало, что сами хорваты защищали своих соседей-сербов от нападений усташей. Об одном из таких эпизодов мне рассказывал мой хорватский коллега, отец которого пригрозил собственноручной расправой рьяному усташе и спас тем самым своего приятеля.

Но все же история сохранила гораздо больше иных свидетельств. Так, католический священник Франко Матица говорил собравшемуся народу в Новой Градишке: «Бог на небе, усташа на земле, Ясновац посередине, а сейчас хотите или не хотите...»²⁷. В качестве комментария можно предложить объяснение перехода в католицизм крестьян из окрестностей Вировитицы: «Мы были принуждены перейти в католицизм уже только для того, что наших детей и жен не будут мучить и убивать в лагерях, видя, что способны усташи сделать с сербами в Хорватии»²⁸.

При этом усташа позволяли далеко не всем сербам переход в католицизмо. Из письма Министерства правосудия и вероисповедания (далее МПВ) от 14 июля 1941 г. в Ординариат можно видеть, что хорватское правительство категорически отказывало в возможности перехода в католицизмо православных попов, учителей, вообще интеллигенцию, богатых торговцев, ремесленников и крестьян. В католическую веру возможен переход только бедному крестьянству. По мнению историка В. Джурича, недопущение богатых слоев населения преследовало одну цель – захват их имущества силой. Именно это и определило их дальнейшую судьбу – лагеря, убийства²⁹.

Правда, впоследствии кардинал Степинац в своем циркуляре писал: «Что касается перехода православных священников, учителей, торговцев и вообще интеллигенции и богатеев, нет никакого сомнения, что к рассмотрению их возможных прошений о переходе нужно подходить осторожно. Но и здесь нужно подчеркнуть, что было бы противно духу и задачам католической церкви, если бы она принципиально отказывала всей интеллигенции в приеме в католическую Церковь»³⁰.

В тогдашней Хорватии можно было наблюдать и такие картины, когда в 1941 г. целые православные села из окрестностей Осиека переходили «колоннами в католичество под хорватскими знаменами». Потом все испортили «дикие усташи», начавшие шантажировать и грабить видных новообращенных³¹.

Но перекрещенных сербов не спасала, случалось, новая вера, несмотря на предупреждения центра считать их католиками. Было несколько случаев, когда после перекрещивания их убивали в церквях. В апреле 1942 г. Министерство просвещения издало приказ о том, чтобы не было ни одного православного учителя, который не был бы перекрещен или не стал мусульманином. Перекрещивание должны были принять даже лагерники, которым только оставались часы и дни жизни. Хотя были случаи, когда перекрещивание спасало и выводило из лагеря. Об этом есть свидетельство А. Бенигара о том, что кардинал Степинац через Поглавника спасал таким людям жизнь, освобождая из лагеря³².

Настоящая цель перекрещивания видна из директивы Президиума правительства от 13 января 1942 г., направленной всем государственным институциям. Она состояла только из двух фраз: «Сообщаем Вам, что грековосточники, которые перешли в римокатолическую веру, считаются хорватами». Позже власти объявили, что это касается и тех, кто принял ислам³³.

Здесь небольшое добавление. В сербском языке есть такое слово «инат», означающее «упрямство», «делать все наперекор, назло». Вот так сербы и принимали вместо насильно навязываемого им католичества ислам «на инат»!

В целом, все принятые меры, даже террор, не привели к решению сербского вопроса в его целостности. Здесь были «виноваты» и партизаны, и сами сербы, большинство которых оставалось верным вере своих отцов, и усташский террор, вынуждавший немецких представителей в Хорватии делать представления Павеличу о необходимости сменить тактику в отношении сербского населения.

Но можно посмотреть на все это с другой стороны и охарактеризовать проделанное, как предварительную «расчистку хорватского поля от зловредных сербских сорняков», необходимую для строительства чистого хорватского государства. Слово «серб» и его производные были почти вычищены из официальной терминологии. Оставались только сами сербы. Их оставалось достаточно много, и нельзя было за короткое время «избавиться» от них, тем более, что сами власти в своих теоретических построениях признавали за многими хорватские корни.

В создавшейся ситуации необходимо было искать другой путь решения «сербской проблемы», а именно: через основание Хорватской православной церкви.

Некоторые придерживаются мнения, что ХПЦ создана под давлением Берлина, считавшего «ошибочной» усташскую практику репрессий, которые вынуждали сербов уходить в леса к партизанам или четникам. Другие полагают, что речь шла об искусном маневре усташей, которые тем самым стремились обмануть своих союзников немцев, а потом и оставшихся сербов в НДХ. Но есть и те, кто в решении Павелича находят элементы искренности и желания решить сербский вопрос самым безболезненным методом, пока было время и бремя власти.

3 апреля 1942 г. Павелич издал распоряжение, имевшее силу закона, об основании Хорватской православной церкви, имевшей статус патриархии с центром в Загребе. Поставление серба во главе церкви в Хорватии было невозможным, поэтому было решено искать «на стороне». В ходе поисков было решено остановиться на кандидатуре архиепископа Гермогена. Кто он был? Будущий глава Хорватской православной церкви владыка Гермоген (Григорий Иванович Максимов) родился 10 января 1861 г. в священнической семье в донской станице Нагавской. По завершению местной школы продолжил учебу в Новочеркасской духовной семинарии (1879–1882). Потом была Киевская духовная академия, которую он в 1886 г. окончил. В начале 1910 г. (по др. данным в 1909 г.) о. Григорий принял монашеский сан с именем Гермогена, а 9 мая 1910 г. был хиротонисан в церкви

Св. Троицы монастыря лавры Александра Невского в Петрограде во епископа Аксайского. Стал викарием Донской епархии и архиепископом Всевеликого войска Донского³⁴.

Потом после разгромы казаков последовал отход в Новороссийск. Градоначальник Новороссийска С. Поповский помог Гермогену устроиться на больничном судне «Владимир» корабельным священником. 14 марта 1919 г. корабль отплыл в Царьград, а потом в Салоники, где высадил раненых и часть больных тифом. Все остальные пассажиры-беженцы были отправлены на печально известный остров Лемнос. Там он провел около полугода, где со своей энергией служил церкви и отечеству³⁵. Но, как свидетельствует проповедник Георгий Шавельский, – не царю. Владыка отслужил панихиду по гражданину Романову, но не по самодержцу Николаю II³⁶.

Очень трудно, зная монахизм Гермогена, объяснить случившееся. Возможно только одно: отречение царя воспринималось совершенно различно. Человеческая природа допускала оставаться верным принципу монархии, но отстраняться от личности Николая II, отречение которого от престола сыграло свою роль в развязывании кровавой бойни, имеющейся в благородно Гражданской войной, одним из последствий которой стало «Лемнское сидение».

В 1922 г. Гермоген получил долгожданный сан архиепископа Екатеринославского и Новомосковского³⁷. Но в книге «Казачий словарь-справочник» приведен другой год, а именно: 1935 г.³⁸ К 1941 г. он обретался в расположенным на территории НДХ Хоповском женском монастыре, в котором в свое время нашли пристанище русские монахини из Леснинской. (Подробная биография владыки Гермогена напечатана была в нескольких номерах в «Glase pravoslavlja» авторство, вероятно, принадлежит Саве Марковичу Штедмлии)³⁹.

Казалось, что бушевавшая в Европе война не нарушит мирное житие владыки, перешагнувшего восьмидесятилетний рубеж, и Гермоген так и останется в истории как один из иерархов, незаметно окончивших свои дни в изгнании. Но именно в эту грозную эпоху его востребовало время власти и долг.

Сам владыка 26 мая 1945 г. на допросе у коммунистического следователя показал: «В начале весны 1942 г. ко мне в монастырь Хопово приехал Милош Оберкнежевич с предложением от Павелича, чтобы я и епископ Феофан (Гаврилов. – В.К.) учредили и организовали новую православную хорватскую церковь. Он тогда сказал, что в Хорватии имеется два миллиона православных, но нет священников, поэтому было бы нужным самим заняться организацией церкви и поставлением священников, так как без священников нет ни крещения детей, ни венчания, ни похорон. Мы двое согласились принять сделанное предложение. После нашего согласия Милош Оберкнежевич отбыл в Загреб докладывать Павеличу. В мае того же года он вновь вернулся в Хопово и предложил мне стать во главе всей Хорватской православной церкви с титулом митрополита. Епископу Феофану было предложено принять пост сараевского епископа, но он отказался от этого предложения из-за того, что рефлектировал, что я буду глава православной церкви в Хорватии. Вскоре после моего отъезда он уехал в Белград, где умер 2 июня 1945 г. [...] После моего прибытия в Загреб я был принят на аудиенции Павеличем. Он мне сказал, что я назначен главой Хорватской православной церкви и чтобы я как можно скорее занялся ее организацией»⁴⁰.

5 июня 1942 г. было опубликовано соответствующее постановление, имеющее силу закона. А спустя три дня в соответствие с уставом Гермоген принес присягу перед Поглавником: «Я, архиепископ и митрополит загребский, ХПЦ, присягаю Богу Всемогущему, что буду верен Хорватии и Поглавнику... совместно держаться канонов церковного устава и остальных церковных и государственных законов и установлений, точно выполнять свои обязанности, хранить официальные тайны и всегда защищать и продвигать и представлять пользу Хорватской Православной Церкви»⁴¹. Добавлю сюда, что Гермоген, как старый враг большевиков, был германофил и в фюрере видел «единственное спасение Европы»⁴².

Само основание ХПЦ и поставление митрополита были отмечены властями актом о выпуске из тюрем и лагерей, как Сисак и Славянски Брод, около 3000 православных и некоторого количества священников, не уехавших в Сербию. Закрытые православные церкви начали открываться. Началось массовое крещение детей и совершение венчания. Последовало также вмешательство в судьбу 600 офицеров запаса православного вероисповедания, которые должны были быть отправлены в боевые части. Однако после вмешательства министра Артуковича они были освобождены от отправки на места боевых

действий, часть отпущена по домам. «Установлены дружеские отношения с католической иерархией и мусульманским духовенством». Во время двухчасового приема Гермогена у Степинаца «шла речь о сближении церквей и об экуменических темах»⁴³.

Возвращаясь к «истокам» темы, возникает вопрос, чем вызвано было все же принятие Гермогеном предложения властей НГХ встать во главе формируемой ХПЦ? Одно из наиболее вероятных объяснений предоставил М. Оберкнежевич: «Выбор преос. Гермогена некоторые критикуют из-за его глубокой старости и из-за его русского происхождения и пишут о его «вытаскивании из монастыря Хопово». Во-первых, преос. Гермоген жил монашеской жизнью и уже поэтому далеко не был честолюбив, а его высокие духовные и моральные качества были хорошо известны. Поэтому его согласие на высший иерархический сан в Хорватской православной церкви для него было жертвой. Согласился он на сделанное предложение только из религиозных и гуманных причин. Знал, что, вероятно, по своим преклонным годам не доживет до чести поставления в патриархи и что она логично должна пасть на его сына. Его русское происхождение служило компромиссом. Православные священники, хорвато-православные, были малочисленны, и выбор среди них был весьма ограничен. На другой стороне сербы, занимающие высокие церковные посты, должны были переболеть травму, вызванную созданием нового государства и новой ситуацией, в то время как молодые, которые быстро приспособлялись к новым обстоятельствам, не подходили по очевидным причинам их молодости и недостатка опыта»⁴⁴.

Вопрос о каноничности мало беспокоил хорватские власти, да и самого Гермогена, повторяю, находившегося под контролем государства. Глава ХПЦ подчеркивал на следствии, что все распоряжения властей НГХ он выполнял и приказывал подчиненным проводить их в жизнь. Равно как и «Хорватская православная церковь во всем покорялась приказам и пожеланиям власти»⁴⁵. Само положение новой церкви и ее возглавителя с канонической точки зрения не выглядело законным без благословения вышестоящей церковной власти: письмо владыки, отправленное в Константинополь, в патриархию, осталось без ответа⁴⁶. Там сочли за лучшее оставить извещение Гермогена об основании ХПЦ и своем назначении без внимания.

Весьма призрачной была надежда на Москву. Сам митрополит Гермоген на допросе 26 мая 1945 г. показал, что его принятие должности главы ХПЦ не «противоречило канонам православной церкви, так как по канонам каждый епископ должен получить разрешение от своей церкви, чтобы мог стать во главе епархии или целой церкви. Согласно этому, – продолжал владыка, – я мог просить разрешение только в русской церкви в Москве, так как принадлежал ей, и мне не нужно было разрешение сербско-православной и русско-беженской, так как русская беженская церковь не была признана русской церковью в Москве, поэтому митрополиту Анастасию было запрещено священнослужение московским патриархом»⁴⁷.

Замечу, что еще ранее синод Русской православной церкви за границей во главе с владыкой Анастасием принял решение об исключении архиепископа Гермогена из состава синода, запрещении в священнослужении и при первой возможности предании его церковному суду.

Здесь у Гермогена оставался единственный путь. На допросе 23 мая 1945 г. Гермоген заявлял, что попросил благословения русского московского патриарха Сергия через русского священника из окрестностей Вены Михаила Виноградова, близкого знакомого московского патриарха, который известил, что ему «патриарх дает свое согласие» и он может принять место митрополита хорватского»⁴⁸. Однако эти слова внушают определенные сомнения уже потому, что в условиях военного времени связаться из Вены с Москвой было весьма трудно. Здесь можно предположить, что владыка либо вводил в заблуждение следствие о получении благословения из Москвы, либо таковое было действительно получено. Однако более вероятным представляется первое, уже по тому, что о нем нет ни слова в показаниях на следствии ближайших сотрудников Гермогена.

Власти возлагали определенные надежды на признание своего «детища» церквами Болгарии и Румынии, но они не оправдались. Однако неудачи с признанием не могли уже остановить начавшееся строительство ХПЦ. Для Загреба эти переговоры о признании законности своего детища, видимо, выглядели лишь «играми». Негативный результат оставил их равнодушными. Главное было сделано, вопрос признания или непризнания был второстепенным, маргинальным.

5 июня 1942 г. был принят Устав ХПЦ, списанный из Устава СПЦ образца 1931 г., но уже без «сербизмов»: «поглавник» стал вместо «короля», «НГХ» вместо «Королевства Югославия», «хорватский» вместо «сербский». Были внесены и соответствующие изменения, долженствующими подчеркнуть независимость новой церковной организации.

Организация ХПЦ по уставу была автокефальной и епископальной, ее церковно-иерархические и самоуправленческие органы включали в себя патриарха и митрополита загребского, св. Архиерейский собор, Великий церковный суд, епископы, епархиальные церковные суды, архиерейские наместники, приходские священники и церковно-общинские управительные комитеты, а в административном порядке делилась на епархии, архиерейские наместничества и приходы.

Структура новой церкви включала в себя, кроме Загребской митрополии, епархии Сараевскую, Бродскую и Петровачкую (последняя не могла окончательно утвердиться в Босанском Петровце из-за партизан, активно действовавших в этом регионе), некоторые приходы, пять архиерейских наместничеств. Загребское возглавлял священник Серафим Купчевский; Сараевское – архимандрит Николай Руженцов; Зеническое – священник Анатолий Парадиев; Земунское – священник Васо Шурлан; Шидское – священник Василий Юрченко.

Забегая вперед по времени, в 1944 г., считаю необходимым осветить крайне сжато деятельность печатного органа ХПЦ – “Glas pravoslavlja” («Голос православия»). Именно тогда, на Пасху 1944 г., вышел первый его номер, который нерегулярно выходил до Пасхи 1945 г. (№№ 1–14).

Редактором официальной части газеты был Йоца Цвиянович – **священник и начальник канцелярии митрополита**. В первом номере (Пасха 1944 г.) напечатаны послание митрополита, вводная статья «Наша Пасха», статьи «Положение православной церкви в Хорватии», «Поглавник о православии», «Позиция Святогорского монастыря о выборе Сергия московским патриархом», «Святославье и партизанство», «Знаменитые хорваты православной веры» и др.⁴⁹.

Подчеркну, что некоторые материалы в газете были связаны с освещением положения церковных дел в СССР, как например, с кончиной патриарха Сергия и его преемником патриархом Алексием⁵⁰. Весьма содержательным был очерк о патриархе Сергии. Там, в целом, верно обрисовывались основные этапы жизни гонимой Русской церкви. Представлены наиболее значительные события в ее истории во время власти большевиков. Приводились некоторые цифры потерь церкви – около 300 000 убитых церковнослужителей, примерно 70 000 разрушенных храмов⁵¹. Помещались и другие материалы, например, связанные с Украинской автокефальной православной церковью и посланием ее епископского Синода от 25 марта 1944 г., с визитом украинских епископов к Гансу Франку, генерал-губернатору Польши⁵². Встречались небольшие заметки, посвященные конференции православных епископов «восточного пространства» в Риге в апреле 1944 г.⁵³, или обстоятельствам гибели 29 апреля 1944 г. митрополита Сергия (Воскресенского)⁵⁴.

Теперь немного о некоторых строителях ХПЦ. Вначале о начальстве –fra Radoslavе Главаше, ведавшего в Министерстве правосудия и вероисповедания (МПВ) делами ХПЦ. Как пишет Оберкнежевич, это «был весьма культурный и вежливый господин (католический священник, учитель и литературный критик). Искренне желал, чтобы дело православия решить корректно, к всеобщему удовлетворению. Говорил, что как католическая церковь не хочет лишнего вмешательства государства в ее дела, так и государство не должно вмешиваться в дела других вероисповеданий. Во многом благодаря ему власти держались в стороне в делах по постановлению церковнослужителей в Хорватской православной церкви. Не чувствуя себя виноватым, он не хотел бежать в мае 1945 г. В первом списке расстрелянных партизанами в Загребе было его имя»⁵⁵. Только одно небольшое добавление: власть не оставляла без своего внимания дело назначения священников на приходы.

Одним из наиболее ревностных приверженцев Гермогена являлся священник Васо Шурлан. Адресованное в канцелярию Павелича свое прошение от 17 июня 1941 г. он завершал словами: «Прошу предоставить священнического места или какой другой службы в Хорватии, где бы мог лучше послужить новому европейскому порядку»⁵⁶. Наиболее яркими строками в его автобиографии являются следующие: «Подписанный готов организовать Православную церковь Независимого государства Хорватии, которая не будет следовать директивам белградских масонов, а направлению боевого усташского Независимого

государства Хорватии»⁵⁷. После занятия войсками Тито Загреба сведений о дальнейшем пути и судьбе священника Вако Шурлана, к сожалению, не обнаружено. Можно только предположить, что он, как и многие другие, нашел пристанище в одном из американских государств.

В целом, обозревая все сведения об окружении митрополита Гермогена, можно заключить, что там были и советники, и «контролеры», нередко совмещавшие обе функции.

Пожалуй, самой колоритной фигурой в ХПЦ был владыка Спиридон Мифка. В начале августа 1944 г. в «Гласе православия» был объявлен указ Поглавника, что «на основе ст. 116 устава Хорватской православной церкви от 5 июня 1942 г. ... по предложению министра правосудия и вероисповедания назначаем Спиридона Мифку, хорватского православного священника, епископом епархии сараевской Хорватской Православной Церкви.

В Загребе дня 8 августа 1944»⁵⁸.

Неделей позже состоялась хиротония и была вручена соответствующая грамота, которую подписали Гермоген и румынский митрополит Висарион Пую⁵⁹. Есть четыре биографии Спиридона Мифки. Одна была напечатана в форме разговора с ним в «Гласе православия», будучи предназначено «для широкого потребления». Спустя почти тридцать лет, в 1976 г. в «Vjesnike» («Вестнике») от 10 марта Св. Лозо и В. Додер опубликовали другую биографию С. Мифки, изобилующую компрометирующими сведениями (*Lozo, Sv. Doder V., Vjesnik, 10 ožujka 1976*).

И, наконец, третья биография, изложенная самим Мифкой на допросе весной 1945 года. В сжатом виде она такова: родился 9 апреля 1902 г. в Самоборе. В 1924 г. начал изучать теологию в Сремских Карловцах, в 1925 г. перешел в православную веру. В 1927 г. был рукоположен в дьякона, в 1928 г. – в священника, служил до 1935 г. на приходах. Три раза подвергался церковным судом наказаниям, вплоть до лишения священства за самовольное оставление прихода. Потом была работа в страховом обществе. В 1936 г. его принял владыка Николай Велимирович в монастырь Св. Николая, где принял монашеский сан. Потом Мифка был перемещен в монастырь Студеницу, откуда самовольно уехал в Охридско-Битольскую епархию, так как «не мог согласиться с методами работы Жичских монахов, которые дурачили народ». В сентябре 1939 г. его принял епископ Платон, вернувший Мифке священнический сан. Потом последовало назначение в монастырь Св. Наума близ Охрида, где его застал крах Югославии. Затем стоял во главе монастыря Вета (Успения Пресвятой Богородицы, близ Ниша). В конце 1941 г. был освобожден от настоятельства. В июне следующего года приехал в Белград, где жил на положении штатского лица. Потом добровольно на полгода уехал на работы в Германию, в Дортмунд. По возвращении в Белград сразу уехал в Загреб, где попросил митрополита Гермогена дать приход в ХПЦ. По разрешению министерства правосудия и вероисповедания получил место приходского священника в Горажде, где служил с 1 февраля по сентябрь 1943 года. Причем, первое время совершил обезды прихода только в сопровождении жандармского патруля. Затем последовало его перемещение на приход в Высоко. 15 августа 1944 г. Мифка был хиротонисан в кафедральной церкви во епископа Сараевского митрополитом Гермогеном и митрополитом Висарионом, не поставленных им в известность, что некогда он был лишен священнического сана. Перед входом титовской армии в Сараево, бежал в Загreb, где находился до своего ареста 22 мая 1945 г. Сам он, позднее, на следствии признавал себя виновным в принятии епископства, но оправдывался тем, что его принудили власти. Причем хиротония должна была совершиться в Болгарии, однако по неизвестным причинам, скорее всего нежелания Софии принимать участие в хиротонии епископа непризнанной церкви, она там не состоялась. Как известно, на помочь пришла Румынская церковь.

С приходом на Сараевскую кафедру Мифка учредил церковный суд по разбору бракоразводных дел и дисциплинарных проступков. Открыл в Сараево семинарию, в которой было более сотни учащихся. О своем отношении к властям НГХ он лаконично сказал на следствии следующее: «Мое отношение к властям Независимого государства Хорватии было покорным: когда от меня потребовали выступить с речью на радио, я выступил; когда потребовали стать епископом, то согласился; я понял, что я орудие в их руках, которое они употребляют в своих пропагандистских целях... Я всегда покорялся властям Независимого государства Хорватии, кроме одного, когда они хотели, чтобы семинаристов посыпали в войска, в СС части, и в этом я проявил упорство». Мифка, как и Гермоген, ходатайствовал перед высшим руководством страны о помиловании православныхbosanczев

и освобождении их из лагерей, что было крайне трудно. Так, когда Павелич в ответ на его просьбу распорядился, чтобы министр Сава Бесарович (православного вероисповедания, вошел в правительство в 1943 г. как министр без портфеля – В.К.) посетил Ясеновац, и после обследования освободил православных босанцев, то этот функционер отговорился тем, что «у него больные глаза и поэтому он не может прибыть в Ясеновац»⁶⁰.

Четвертая биография не так для нас интересна. Немногие могут иметь столько. Есть правда, компромат, «политика». Мне представляется все же наиболее целостной, «без скелетов, открытых в шкафу для всеобщего обозрения», третья биография. Она позволяет представить как самого Спиридона Мифку, так и само время, когда церковь строилась по приказу, причем, довольно последовательно.

Переходя к истории православных церквей и священству, необходимо сказать, что в новом хорватском времени в непростом положении оказались русские священники из эмигрантских семей. Подавляющее большинство их служило на сербских приходах и подчинялось, соответственно, СПЦ. В Независимом государстве Хорватии они оказались и без приходов, и без средств к существованию.

После принятия Устава ХПЦ митрополит Гермоген разослал приглашения всем православным священникам на территории НГХ переходить в ХПЦ. Примерно за год поступило около 80 прошений. На основании этих «бумаг» Гермоген производил назначения на запрашиваемые приходы, но не единолично, а с «созывления» Министерства правосудия и вероисповедания, которое также обладало этим правом. Добавлю, что эта властная институция обладала самым главным – правом контроля над ХПЦ и широкими правами, зафиксированными в уставе самой церкви. Однако в вопросы богослужения оно не вмешивалось, кроме тех случаев, когда поступали доносы о том, что священник не возносит во время службы имя главы государства и митрополита Гермогена. Такое обвинение обычно направлялось в митрополию с приказом известить, что сделано⁶¹.

Поглавник приказывал переменить отношение к сербам, чтобы народ принял новую церковь как свою. На годовщину НДХ, 10 апреля 1943 г., Павелич приказал открыть двери многих церквей. Многие воинские командиры, от низшего командного состава до высшего, получили приказ хорватского вождя о пропаганде новой церкви. «Они должны были объезжать поселения и убеждать народ принимать новую церковь, объясняя, что это их церковь, и что через нее они становятся полноправными гражданами»⁶². Все это свидетельствовало как о глубоком страхе православных, не верящих уже никому и ничему, так и о сильном воздействии отрядов титовских партизан и четников на население. В такой обстановке, когда власть на местах была сильнее власти центра, практика зачастую доминировала над «декламацией».

И тем не менее центр не снижал свою активность по устройству ХПЦ. При этом власти, прежде всего фра Главаш, форсировал назначение русских священников на занятие приходов, так как рассчитывал, что они не будут носителями сербства⁶³.

Первая церковная община была создана в Загребе во главе с о. Петром Лазичем. Первый священник в этой общине был Василий Шурлан. Количество священников трудно установить, так как число иереев менялось из месяца в месяц по условиям того времени. Сразу, вслед за Оберкнежевичем, подчеркну, что в ХПЦ в рядах священства были и хорваты, и сербы, равно как русские, украинцы, македонцы, болгары, но больше всего сербов и православных хорватов⁶⁴. И если вопрос о национальности не так уж труден и важен, то проблема численности священства и тогда доставляла немало хлопот и головной боли как Гермогену, так и властям.

Согласно списку, составленному В. Джуричем, на 1942 г. в ХПЦ было 70 священников. Немало среди них и русских и украинских имен, например: Владимир Соколов, Василий Добронравов, Василий Юрченко, Николай Семченко, Дмитрий Мрихин, Евгений Ярканский (Ержемский), Вениамин Павловский, Павле Козарский, Дмитрий Извольский, Михаил Милоградский, Серафим Купчевский, Лукиан Андриевский, Анатолий Парадиев, Александр Волковский, Платон Бондарь, Диомид Кащенко, Евгений Погорецкий, Николай Руженцов, Иван Мрачковский, Сергей Селивановский, Всеволод Хорват, Андрей Семилуцкий, Алексей Крыжко, Нестор Бребаков, Кесарий Коченко, Никанор Калик, Михаил Песоцкий⁶⁵.

По заявлению самого Гермогена, к лету 1943 г. в Хорватии насчитывалось 80 православных священников. А нужно, утверждал митрополит, не менее 300⁶⁶. В 1945 г. плату

получало только пять служивших в Загребе церковнослужителей: Алексей Борисов, Йоцо Цвиянович, Василий Шурлан, Мирон Федерер, Серафим Купчевский, т.е. ближайший круг митрополита Гермогена⁶⁷.

Как и всякая, новая власть, светская или духовная, не «забывала» о наградах, «от век», служащих средством поощрения достойнейших или первых в списке чинов, т.е. начальства. Накануне Рождества 1942 г. Гермоген наградил три десятка священнослужителей. В связи с 3-летием НГХ «Максимов Иванович Грекорие», как первый глава ХПЦ, был награжден Поглавником орденом со звездой за добросовестный труд по устройству православной церкви. По предложению министра правосудия и вероисповедания священник Васо Шурлан награждался орденом II степени за преданную деятельность в деле основания и устройства ХПЦ⁶⁸.

Однако награждения, полагаю, не могли улучшить само положение священства. Служить было тяжело по многим причинам. Шли убийства пастырей. Происходил процесс насильственного перехода населения в католичество и «превращению православного священника в лишнего человека». Вот лишь несколько характерных примеров.

Семилуцкий Андрей М., священник, приходской священник в Маяре, близ Джакова, епархия Пакрачка (26.10.1876, Россия – 12.12.1942, Кукуньявац). Завершил семинарию в Ставрополье в 1896 г. Рукоположен во дьякона 17 сентября 1899 г. в России, в священника – 25 сентября 1921 г. в Югославии⁶⁹. Убит после того как отслужил панихиду по схваченным во время облавы 700 сербам и лишенным жизни. Это зверство было следствием сопротивления принудительному переводу в католики, точнее их отказа стать таковыми. После войны поставлен памятник всем этим светлым жертвам усташского избиения⁷⁰.

Убивали не только православных пастырей, и не только усташи: греко-католический священник в Дижнике близ Гарешнице Александр Власов-Овдиенко (10.01.1909–27.07.1942) был убит партизанами около церкви ночью⁷¹.

Довольно прохладное отношение наблюдалось и у хорватских православных пастырей к своим собратьям русским. 29 января 1943 г. представитель службы Р. Гейдриха в Загребе штурмбанфюрер СС Ханс Хелм писал в Берлин Рейхсфюреру СС и шефу полиции АМТ-IV и АМТ-VI и в Белград следующие строки: «...Священники из Сербии, которые получают места в Хорватии, натравливают против русских священников в Хорватии, а в некоторых случаях и против хорватской державы...»⁷².

Сама обстановка, повторю, была тяжелой для всего священства ХПЦ. Только один документ.

«Велика жупа Врхбосна № 433/43 от 17 февраля 1943 г. – МПБ отдел богословия, Главной дирекции по охране общественного порядка и безопасности отделение «Х», Загреб,

Правительственному уполномоченному
Сараево

...6. II. 1943 г. вечером прибыл из Власеницы в Хан Песак православный священник г. Радованович с намерением на следующий день, т.е. в воскресенье, покрестить некрещенных детей и обвенчать тех, которые поженились, но еще не венчались. О приезде священника было объявлено по всем окрестным селам, но все же никто не пришел венчаться, и никто не принес детей для крещения..., на службе Божией присутствовали всего 20–25 человек».

8.II.1943 г. было установлено, что «крестьяне во всех селах единогласно заявили, что они не смеют приносить детей на крещение в церковь в Хан Песак, также и те, которые хотели прийти на венчание, не смеют прийти, боясь четников, так как они им угрожали каждого, кто придет в Хан Песак на венчание или крестить ребенка, убить и сжечь его дом, и что они, четники, имеют своего папа в лесу...». Все уговоры представителя власти были безуспешны; одна женщина ответила так: «И чего стоят все эти слова, если сегодня мы покрестим ребенка, а завтра его убьют»⁷³.

Если говорить об отношении священства к самому Гермогену, то одна его часть была предана своему возглавителю, другая – настроена против него, как русского по национальности⁷⁴. Протоколы допросов владыки Гермогена отчетливо показывают, что его власть была весьма призрачной. «Мое отношение к властям НГХ, – говорил владыка следователю 26 мая 1945 г., – за все время было лояльным, и я все их распоряжения выполнял и приказывал подчиненным проводить их в жизнь. Также и хорватская православная церковь во

всем покорялась приказам и пожеланиям власти. Если когда я и воспротивился желанию власти, а это относилось к делам, которые противоречили церковным фундаментальным установлениям, то в конце концов принимал их требования»⁷⁵.

И все же, Гермоген, несмотря на свой весь доверчивый оптимизм, признавал, что церковь не могла укрепиться по трем причинам. Первая – непризнание его со стороны Сербского патриарха. Вторая – отношение сербов в Хорватии к его поставлению. Гермоген – русский. Сербы хотели и желают видеть митрополитом серба. Многие священники не хотят сотрудничать с ним, выполнять его распоряжения. Третья – католическая церковь⁷⁶.

К этому добавлю, что партизаны в Боснии и Герцеговины в своем письме к владыке обещали ему еще в 1943 г. как «изменнику и предателю сербов», народный суд, когда они придут в Загреб⁷⁷.

Близился конец войны. 8 мая Загреб был взят частями Югославской народной армии, а сам Гермоген 12 мая подвергся аресту⁷⁸. Судьба возглавителя ХПЦ была предрешена, ведь для новой власти владыка, русский эмигрант, стал «врагом народа».

Но владыке нельзя отказать в храбости. На допросе от 26 мая 1945 г. Гермоген показал, что он мог бы покинуть Загреб: ему предоставлялась машина, которая должна была доставить его к поезду. Однако он «решился остаться, так как не чувствовал себя виноватым»⁷⁹. Наивный.

29 июня 1945 Военный суд Загреба приговорил его к высшей мере наказания. Где захоронены Гермоген и его сподвижники, неизвестно, но на одном из кладбищ Загреба есть памятник погибшим. На памятнике высечен русский крест, но не крест Хорватской православной церкви. ХПЦ была ликвидирована, но идея национальной православной церкви продолжала и продолжает жить в Хорватии и за ее пределами.

¹ Požar; P. Hrvatska pravoslavna crkva u prošlosti I budućnosti. Zagreb, 1996, s. 105.

² Oberknežević, M. Razvoj pravoslavlja u Hrvatskoj i Hrvatska pravoslavna crkva, München-Barcelona, 1979. Posebni otisak iz "Hrvatske revije" God. XXIX, sv. 2 [114], s. 237.

³ Ђжурић, В. Мишина. Српска православна црква у Независној држави Хрватској 1941–1945 године. Београд, 2002, с. 16.

⁴Cit. po: Oberknežević, M. Razvoj pravoslavlja u Hrvatskoj, s. 244.

⁵ Ђжурић, В. Мишина. Српска православна црква..., с. 24.

⁶ Oberknežević, M. Razvoj pravoslavlja u Hrvatskoj..., s. 244–245.

⁷ Ibid, s. 250.

⁸ См.: Ibid, s. 245.

⁹ HR-HAD, Republički sekretarijat za unutrašnje poslove službe bezbednosti. F. 1561, kutija. 002. – № 7. – L. 109.

¹⁰ Ђжурић, В. Усташе и православље Хрватска православна црква. Белград, 1989, с. 78.

¹¹ Požar; P. Hrvatska pravoslavna crkva..., s. 112.

¹² Ђжурић, В. Усташе и православље..., с. 56.

¹³ Там же, с. 86.

¹⁴ Там же, с. 53–54.

¹⁵ HR-HDA, F. 1076-2-2, № 6347, kut. 460 (Коллекция Т. В. Пушкиадия-Рыбиной).

¹⁶ Ibid, № 1007 (Коллекция Т. В. Пушкиадия-Рыбиной).

¹⁷ Ђжурић, В. Усташе и православље..., с. 57.

¹⁸ Там же, с. 55.

¹⁹ Там же, с. 82.

²⁰ HR-HDA, F. 1076, Srpski odjel, kutija 448. – № 2446 (Коллекция Т. В. Пушкиадия-Рыбиной).

²¹ Spomenica pravoslavnih sveštenika 1941–1945. Beograd, 1960, s. 59.

²² Ђжурић, В. Мишина. Српска православна црква..., с. 113–114.

²³ Ци. по: Ђжурић, В. Усташе и православље..., с. 67.

²⁴ Там же, с. 69.

²⁵ Там же, с. 71–72.

²⁶ Oberknežević, M. Razvoj pravoslavlja u Hrvatskoj..., s. 247–248.

²⁷ Ђжурић, В. Усташе и православље..., с. 72.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, с. 70.

³⁰ Там же, с. 70–71.

³¹ Oberknežević, M. Razvoj pravoslavlja u Hrvatskoj..., s. 248.

³² Ђжурић, В. Мишина. Српска православна црква..., с. 70.

³³ Там же, с. 71.

- ³⁴ Požar, P. Hrvatska pravoslavna crkva..., s. 177–181.
- ³⁵ Ibid, s. 181–187.
- ³⁶ Русский вестник. – 2003. – № 24. – С. 12–13.
- ³⁷ http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_236
- ³⁸ Казачий словарь-справочник / Сост. Г. В. Губарев. Т. 2. Сан-Ансельмо, Калифорния, 1968, c. 156 (Репринт, Москва, 1992).
- ³⁹ Požar, P. Hrvatska pravoslavna crkva..., s. 177.
- ⁴⁰ HR-HAD, F. 1561, kutija 002. – № 7. – L. 39.
- ⁴¹ Požar, P. Hrvatska pravoslavna crkva..., s. 156–157.
- ⁴² HR-HAD, F. 1561, kutija. 002. – № 7. – L. 127.
- ⁴³ Oberknežević, M. Razvoj pravoslavlja u Hrvatskoj..., s. 256.
- ⁴⁴ Ibid, s. 254.
- ⁴⁵ HR-HAD, F. 1561, kutija. 002. – № 7. – L. 42.
- ⁴⁶ Krišto, J. Sukob simbola. Politika, vjere i ideologije u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj. Zagreb, 2001, s. 255.
- ⁴⁷ HR-HAD, F. 1561, kutija. 002. – № 7. – L. 44.
- ⁴⁸ Ibid, l. 29.
- ⁴⁹ Požar, P. Hrvatska pravoslavna crkva..., s. 331.
- ⁵⁰ Novi sovjetski patrijarh // Glas pravoslavlja. – № 7/8. – 1 kolovoza 1944 g.; N. P. Sovjetski patrijarh Sergij // Ibid. – № 4/6. – 16 lipnja 1944 g.
- ⁵¹ N. P. Sovjetski patrijarh Sergij // Ibid. – № 4/6. – 16 lipnja 1944 g.
- ⁵² Poslanica ukrajinskih episkopa // Ibid. – № 4/5. – 15 lipnja 1944 g.
- ⁵³ Konferencija pravoslavnih episkopa u Rigi // Ibid. – № 7/8. – 1 kolovoza 1944 g.
- ⁵⁴ Litvanski mitropolit Sergije // Ibid. – № 4/6. – 16 lipnja 1944 g.
- ⁵⁵ Oberknežević, M. Razvoj pravoslavlja u Hrvatskoj..., s. 251–252.
- ⁵⁶ HR-HDA-218, 250-B, kutija № 4 or 19.08.1941 (Коллекция Т. В. Пушкиадия-Рыбкиной).
- ⁵⁷ Ibid.
- ⁵⁸ Požar, P. Hrvatska pravoslavna crkva..., s. 257.
- ⁵⁹ Ibid, s. 258.
- ⁶⁰ Протокол допроса Спиридона Мифки от 23 июня 1945 г. // Документ из коллекции, переданной автору Т. В. Пушкиадия-Рыбкиной.
- ⁶¹ Протокол допроса Йоцо Цвяновича и Алексея Борисова от 08.06.1945. // Документ из коллекции, переданной автору Т. В. Пушкиадия-Рыбкиной.
- ⁶² Đukurić, B. Усташе и православье..., с. 183.
- ⁶³ HR-HAD, F. 1561, kutija 002. – № 6 (Коллекция Т. В. Пушкиадия-Рыбкиной).
- ⁶⁴ Oberknežević, M. Razvoj pravoslavlja u Hrvatskoj..., s. 257.
- ⁶⁵ Đukurić, B. Усташе и православье..., с. 209–214.
- ⁶⁶ HR-HAD, F. 1561, kutija 002. – № 7. – L. 114.
- ⁶⁷ Požar, P. Hrvatska pravoslavna crkva..., s. 250.
- ⁶⁸ Ibid, s. 251.
- ⁶⁹ Spomenica pravoslavnih sveštenika 1941–1945, Beograd, 1960, s. 130 (Коллекция Т. В. Пушкиадия-Рыбкиной).
- ⁷⁰ Ibid.
- ⁷¹ Stipan Bunjevac (?) Izvorni dokumenti OZNE o biskupu dr. Janku Šimraku I “prekrštavanju” Srba u NDH / Nastavak 10 Glas Koncila br. 27/05, strana 25 (Коллекция Т. В. Пушкиадия-Рыбкиной).
- ⁷² HR-HAD, F. 1561, kutija 002. – № 7. – L. 173.
- ⁷³ Ксерокопия. Архив автора // Коллекция Т. В. Пушкиадия-Рыбкиной.
- ⁷⁴ HR-HAD, F. 1561, kutija 002. – № 7. – L. 96.
- ⁷⁵ Ibid, l. 42.
- ⁷⁶ Ibid, l. 103, 104.
- ⁷⁷ Ibid, l. 114.
- ⁷⁸ Ibid, l. 39.
- ⁷⁹ Ibid, l. 43.

ПОЛІТИЧНІ ПЕРЕХОДИ НА ПОСТЮГОСЛАВСЬКОМУ ТА ПОСТРАДЯНСЬКОМУ ПРОСТОРАХ: ПОРІВНЯЛЬНИЙ АНАЛІЗ ЧИННИКІВ РОЗВИТКУ

O. I. Романюк

Романюк, О. І. Політичні переходи на пост югославському та пострадянському просторах: порівняльний аналіз чинників розвитку

Досліджуються посткомуністичні трансформації країн, що виникли внаслідок розпаду Югославії та Радянського Союзу. На ґрунті порівняльного аналізу шляхів і вихідних позицій трансформаційних процесів, а також зовнішньополітичного впливу на їх розвиток, виявляються причини, що зумовили різні результати. Наголошується, що вихідні позиції та зовнішньополітичні чинники постюгославських трансформацій були сприяльливішими для переходів до демократії, ніж вихідні позиції та зовнішньополітичні чинники пострадянських.

Ключові слова: посткомуністичні трансформації, політичні переходи, постюгославські держави, пострадянські держави, тоталітаризм, авторитаризм, демократія.

Романюк, А. И. Политические переходы на постюгославском и постсоветском пространствах: сравнительный анализ факторов развития

Исследуются посткоммунистические трансформации стран, возникших вследствие распада Югославии и Советского Союза. На основе сравнительного анализа путей и исходных позиций трансформационных процессов, а также внешнеполитического влияния на их развитие, выявляются причины, обусловившие разные результаты. Подчеркивается, что исходные позиции и внешнеполитические факторы постюгославских трансформаций были более благоприятными для переходов к демократии, чем исходные позиции и внешнеполитические факторы постсоветских.

Ключевые слова: посткоммунистические трансформации, политические переходы, постюгославские государства, постсоветские государства, тоталитаризм, авторитаризм, демократия.

Romanyuk, O. Post-Yugoslav and post-Soviet political transitions: a comparative analysis of factors

The author explores the postcommunist transformations of the countries that emerged following the collapse of Yugoslavia and the Soviet Union. Based on a comparative analysis of the ways and starting positions of transformation processes, as well as political influence on their development, he identifies the causes that led to different results. It is emphasized that the starting positions and externalpolitical factors of the post-Yugoslav transformations were more favorable for the transition to democracy than the ones factors of the post-Soviet transformations.

Keywords: postcommunist transformations, political transitions, post-Yugoslav states, post-Soviet states, totalitarianism, authoritarianism, democracy.

Трансформації, що почалися в колишніх комуністичних країнах після краху комуністичних режимів, спростовували багато положень транзитологічної парадигми, що була започаткована Д. Растворим¹ та ґрунтовно опрацьована Г. О'Доннеллом і Ф. Шміттером². На невідповідність транзитологічної парадигми реаліям посткомуністичних трансформацій звернули свою увагу К. фон Байме³, Е. Мачкув⁴, М. Макфол⁵. Дослідження посткомуністичних трансформацій, проведене автором цієї статті⁶, виявило дві основні причини цієї невідповідності. Перша полягає в тому, що транзитологічну парадигму було розроблено на основі аналізу переходів до демократії від авторитарних режимів, а посткомуністичні трансформації відбувалися від *totalitarian* (але з різним ступенем руйнування їх системних основ). Другою причиною є те, що з 30-ти посткомуністичних країн 24 (80%) є *новоутвореними державами*, що виникли внаслідок розпаду Радянського Союзу, Соціалістичної, а потім і нової, Югославії та «оксамитового розлучення» Чехо-Словаччини. У новоутворених посткомуністичних державах трансформаційний процес має *бінарну структуру*, оскільки в його межах відбуваються два типи трансформацій: *соціально-політична* (перехід від тоталітаризму до нової якості суспільно-політичного організму) та *національно-політична* (перехід від залежного політичного стану до суверенної національної державності). Трактування трансформації посткомуністичних суспільств з новоутвореною державністю як единого процесу, котрий має бінарну

структурою, зумовлене тим, що *обидві трансформації органічно пов'язані між собою*. Органічність спричиняє не тільки те, що вони відбуваються в тому ж самому територіальному та соціально-політичному просторі, в той же самий час і в них беруть участь ті ж самі актори, а й те, що обидві трансформації є спорідненими генетично, мають системний характер та складну поліфонічну структуру.

Національно-політична складова відіграє важливу роль у загальному трансформаційному процесі, про що наочно свідчать результати двадцяти п'яти років посткомуністичних трансформацій. Усі посткомуністичні країни зі сталою державністю швидко стали на шлях демократичного розвитку й були визнані електоральними демократіями ще в період 1990–1992 рр. Зовсім інша ситуація в посткомуністичних країнах з новоутвореною державністю, де тенденція до авторитаризації має таку ж силу як тенденція до демократизації й до того ж остання розвивається значно повільніше. На відміну від Чехії й Словаччини, «розлучення» яких відбулося мирно й важких наслідків за собою не потягнуло, розпад Радянського Союзу та Соціалістичної Югославії супроводжувався серйозними міжетнічними конфліктами й міжнаціональними війнами, що суттєво загальмували розвиток трансформаційних процесів. Проте на сьогодні, в контексті руху до свободи та демократії, ситуація на постюгославському просторі значно відрізняється в кращий бік від ситуації на пострадянському. Що спричинило різні результати? Які чинники зумовили відмінні наслідки трансформаційних процесів на постюгославському та пострадянському просторах? Дати відповіді на ці запитання є головним завданням даної публікації.

1. Відмінність результатів трансформаційних процесів

Відмінність результатів перебігу трансформаційних процесів на постюгославському та пострадянському просторах уточнюють дані моніторингів міжнародної правозахисної організації “Freedom House”: “Freedom in the World” та “Nations in Transit” (табл. 1).

Таблиця 1

Статусні та режимні загальні характеристики постюгославських та пострадянських країн (на початок 2013 р.)

Країни	Статуси			Політичні режими				
	Вільні	Частково вільні	Невільні	Консолідовані демократії	Напівконсолідовані демократії	Перехідні врядування	Напівконсолідовані авторитарні режими	Консолідований авторитарні режими
Постюгославські (7)	4	3	–	1	4	1	1	–
Пострадянські (15)	3	5	7	3	–	3	2	7

Джерела^{7,8}

За моніторингом “Freedom in the World”, який здійснюється сьогодні в 195-ти незалежних країнах світу, 2-ох залежних та 12-ти спірних територіях, досліджується стан по-політичних прав та громадянських свобод. Відповідно рівня їх дотримання кожна країна одержує певний статус: «вільна», «частково вільна», «невільна». На 2013 р. стосовно додержання по-політичних прав та громадянських свобод постюгославські та пострадянські країни мають такі результати (табл. 2).

Таблиця 2

Статуси постюгославських та пострадянських країн

Статуси	Постюгославські держави	Пострадянські держави
Вільні	Словенія, Хорватія, Сербія, Чорногорія	Естонія, Латвія, Литва
Частково вільні	Македонія, Боснія і Герцеговина, Косово	Грузія, Молдова, Україна, Вірменія, Киргизстан
Невільні	–	Росія, Таджикистан, Казахстан, Азербайджан, Узбекистан, Білорусь, Туркменистан

Джерело⁷

Серед постюгославських країн 4 є вільними, 3 – частково вільними й *відсутні невільні*. Натомість серед пострадянських країн вільними є 3 країни, частково вільними – 5, невільними – 7. Таким чином на пострадянському просторі за статусними характеристиками *переважають невільні країни*. Усі 3 вільні країни – то країни Балтії, які часто не розглядаються як пострадянські, бо вони були насильницькими приєднані до Радянського Союзу лише в 1940 р.; перебували в ньому значно менший період, ніж інші; більшість їх корінного населення усвідомлювало свою окремість від «нової інтернаціональної спільноти людей – радянського народу»; саме ці країни першими поставили питання про вихід зі складу СРСР.

Моніторинг “Nations in Transit” було запроваджено спеціально для посткомуністичних країн, й він охоплює всі з них, крім Монголії. За ним моніторяться 7 позицій: виборчий процес; громадянське суспільство; незалежність ЗМІ; національне врядування; місцеве врядування; судова система та її незалежність; корупція. На основі узагальнення результатів моніторингу цих позицій визначається характер політичного режиму: «консолідована демократія»; «напівконсолідована демократія»; «перехідне врядування або гіbridний режим»; «напівконсолідований авторитарний режим»; «консолідований авторитарний режим». На початок 2013 р. політичні режими постюгославських та пострадянських країн за моніторингом “Nations in Transit” мали такі характеристики (табл. 3):

Таблиця 3

Політичні режими постюгославських та пострадянських країн

Політичні режими	Постюгославські держави	Пострадянські держави
Консолідовані демократії	Словенія	Естонія, Латвія, Литва
Напівконсолідовані демократії	Хорватія, Сербія, Чорногорія, Македонія	–
Перехідні правління (гіbridні режими)	Боснія і Герцеговина	Грузія, Молдова, Україна
Напівконсолідований авторитарні режими	Косово	Вірменія, Киргизстан
Консолідований авторитарні режими	–	Росія, Таджикистан, Казахстан, Азербайджан, Узбекистан, Білорусь, Туркменистан

Джерело⁸

На постюгославському просторі тільки Словенія є консолідованими демократією; переважають напівконсолідовані демократії – 4; режим Боснії і Герцеговина характеризується як перехідне врядування; режим Косово – як напівконсолідований авторитаризм. При цьому треба зауважити, що Боснія і Герцеговина з 2009 р. входить до списку електоральних демократій Freedom House. Тобто режим Боснії і Герцеговина являє собою неконсолідований

демократію, консолідацію якої суттєво гальмує поділ країни на два суб'єкти: Мусульмансько-хорватську федерацію та Сербську республіку. Такий поділ є результатом громадянської (сербо-боснійської) війни 1992–1995 рр. та збереження напруженіх стосунків між основними етноконфесійними громадами країни. Що стосується Косово, то демократизації Косово, яке проголосило 2008 р. про свою державну незалежність, заважає невизнання цієї незалежності сербською меншиною та її відмова від участі в політичних виборах.

На пострадянському просторі консолідованими демократіями визнаються Естонія, Латвія та Литва, котрі не є в якісному вимірі пострадянськими. Тут відсутні напівконсолідовани демократії. У Грузії, Молдові та Україні, політичні режими яких характеризуються як перехідні врядування, демократичні тенденції періодично змінюються на авторитарні й навпаки. Вірменія та Киргизстан мають напівконсолідовані авторитарні режими. Проте найбільшу групу становлять країни, де політичні режими консолідувалися на авторитарній основі.

У політичній науці існує два методологічних підходи до аналізу політичних переходів: процедурний та структурний. *Процедурний підхід* ґрунтується на тому, що визначальну роль у процесі переходу відіграють чинники, що пов'язані з діяльністю провідних політичних сил суспільства. *Структурний підхід* виходить з того, що провідну роль у процесі переходу відіграють чинники його вихідної позиції.

3. Чинники шляху

Процедурний підхід до аналізу політичних переходів виходить з постулату: «кінцевий результат залежить від шляху»⁹. У його межах визначальна роль у процесі демократичного транзиту віддається чинникам, що пов'язані з розстановкою, співвідношенням, стратегічними орієнтаціями та діяльністю провідних політичних сил суспільства. Шляхи розвитку постюгославських та пострадянських країн, маючи багато спільних рис, разом з тим відрізняються один від одного.

Якщо розпад Радянського Союзу стався порівняно швидко, то дезінтеграція Югославії відбулася в кілька етапів. Спочатку про вихід зі складу Югославії заявили 4 республіки: Хорватія, Словенія, Македонія та Боснія і Герцеговина. Натомість Сербія і Чорногорія проголосили про створення спільної федераційної держави – Союзної Республіки Югославії (СРЮ). Проте федераційна держава проіснувала трохи більше десятиліття (27 квітня 1992 – 4 лютого 2003), після чого її було трансформовано в конфедеративне утворення – Державний Союз Сербії і Чорногорії, який мав ще менший час існування (4 лютого 2003 – 5 червня 2006). Внаслідок референдуму в Чорногорії, на якому 55,4% його учасників (при явці 86,5%) підтримали державну незалежність країни¹⁰, Державний Союз Сербії і Чорногорії припинив своє існування. Останньою подією в процесі розпаду Югославії стало проголошення 17 лютого 2008 р. державної незалежності Косово (табл. 4).

Таблиця 4
Держави, що утворилися внаслідок розпаду СРСР та Югославії

Держави, що утворилися внаслідок розпаду Радянського Союзу (15)	Держави, що утворилися внаслідок розпаду Югославії (7)
Грузія (9 квітня 1991) Естонія (20 серпня 1991) Латвія (21 серпня 1991) Україна (24 серпня 1991) Білорусь (25 серпня 1991) Молдова (27 серпня 1991) Азербайджан (30 серпня 1991) Киргизстан (31 серпня 1991) Узбекистан (1 вересня 1991) Литва (6 вересня 1991) Таджикистан (9 вересня 1991) Вірменія (23 вересня 1991) Туркменістан (27 жовтня 1991) Казахстан (16 грудня 1991) Росія (25 грудня 1991)	Хорватія (25 червня 1991) Словенія (25 червня 1991) Македонія (17 вересня 1991) Боснія і Герцеговина (17 квітня 1992) Союзна Республіка Югославія (27 квітня 1992 – 4 лютого 2003)
	Державний Союз Сербії і Чорногорії (4 лютого 2003 – 5 червня 2006)
	Чорногорія (3 червня 2006) Сербія (5 червня 2006)
	Косово (17 лютого 2008)

У контексті чинників шляху велику роль відіграє аналіз стратегій провідних політичних сил Сербії та Росії – республік, які, являючи собою системоутворюючі компоненти колишніх СФРЮ та СРСР, справляли істотний вплив на трансформаційні процеси на постюгославському та пострадянському просторах.

Керівництво Сербії намагалося всілякими засобами перешкодити розпаду СФРЮ, тоді як російське керівництво сприяло дезінтеграції СРСР, проголосивши 12 липня 1990 р. «Декларацію про державний суверенітет РСФРР», що відчинило дорогу «параду суверенітетів» радянських республік. Напередодні розпаду СФРЮ влада у Сербії опинилася в руках Соціалістичної партії Сербії (СПС), яка утворилася в липні 1990 р. внаслідок злиття Союзу комуністів Сербії (СКС) з кількома соціалістичними рухами. Взяли на озброєння ідеологію радикального націоналізму, СПС стала головною політичною опорою нового режиму, який очолив президент Сербії – С. Мілошевич. У Росії перевагу у владних структурах здобули сили, які після президентських виборів 1991 р. очолив Б. Єльцин, що виступали під гаслами демократизації країни та були в опозиції до компартійного союзного керівництва. Керівництво Росії підтримало розпад Радянського Союзу, підписавши Біловезьку угоду, за якою СРСР припинив своє існування. Керівництво Сербії всіляко намагалося перешкодити розпаду Югославії, що привело до серії «нових балканських війн». Їх початком стала «десятиденна війна» в Словенії (25 червня – 4 липня 1991), котра першою проголосила про своє відокремлення від Югославії. У процесі розпаду, намагаючись розширити свій геополітичний простір, режим Мілошевича, висунувши устами свого очільника гасло: «Усі серби – в одній державі», вдався до прямої військової підтримки сербських сепаратистських рухів у Хорватії та Боснії і Герцеговині. Це привело до тривалих сербо-хорватської (березень 1991 – листопад 1995) та сербо-боснійської (березень 1992 – грудень 1995) війн, в яких режим Мілошевича та сербські сепаратисти зазнали поразки.

До 1914 р. керівництво Росії не висувало територіальних претензій до інших пострадянських держав, хоча не приховувало намагання залишити їх в сфері свого геополітичного простору. Це намагання зумовило втручання Росії в міжетнічні конфлікти, які виникли в низці пострадянських держав. Первісно втручання Росії здійснювалося в формі «миротворчих акцій», які проводилися російськими збройними силами з метою «примусити до миру» учасників конфлікту. Наслідком такої діяльності стало зміцнення самопроголошених державних утворень Республіки Абхазії та Республіки Південна Осетія на території Грузії, Придністровської Молдавської Республіки на території Молдови, яким Росія надала велику економічну та військову підтримку. Без неї вони навряд чи могли проіснувати протягом тривалого часу. Керівництво Росії фактично ігнорувало всі пропозиції щодо мирної інтеграції цих регіонів до складу Грузії та Молдови за наданням ім широкої автономії, розглядаючи ці самопроголошені утворення як форпости свого геополітичного впливу. Характерно, що мешканцям Абхазії, Північної Осетії та Придністров'я масово роздавалися російські паспорти, внаслідок чого більша частина їх населення стала також і громадянами Російської Федерації. Таким чином, діяльність Росії сприяла не розв’язанню конфліктних ситуацій на пострадянському просторі, а, навпаки, їх заморожуванню. У відповідь на спробу грузинського президента М. Саакашвілі силою повернути Південну Осетію до складу Грузії, Росія відповіла військовою агресією (8-16 серпня 2008 р.), внаслідок якої російськими військами на деякий час була захоплена значна частина грузинської території. Повній окупації Грузії завадила позиція міжнародної демократичної спільноти. Побоюючись серйозних дій з боку західних демократій, Росія була вимушена вивести свої війська з власне грузинської території, проте в той же час офіційно визнала державну незалежність Абхазії та Південної Осетії.

Одним з наслідків розпаду СФРЮ та СРСР також стала активізація сепаратистських рухів всередині Сербії та Росії (в їх автономних одиницях).

У Сербії в автономному краї Косово і Метохія поживився рух албанської більшості краю, в керівництві якого спочатку переважали поміркованої політики, котрі прагнули поперетворення СРЮ на федерацію з 3-х суб'єктів: Сербії, Чорногорії та Косово. Проте режим Мілошевича, не погоджуючись на таке, вдався до придушення албанського руху силовими засобами. Наслідком цього стала радикалізація албанського руху та створення 1996 р. Армії визволення Косово, яка почала партизанські дії проти сербських поліційних частин, що проводили «замирення» краю. Не маючи змоги придушити албанський рух поліційними засобами, режим Мілошевича 1998 р. почав військову операцію із застосуванням

югославської армії, що потягло за собою масові репресії, вбивства мирних жителів, етнічні чистки та втечу з краю близько 800 тис. косовських албанців. Світовою спільнотою це було сприйнято як «гуманітарна катастрофа». Після того, як намагання міжнародної спільноти розв'язати ситуацію в Косово у мирний спосіб не увінчалися успіхом, політичні лідери країн НАТО ухвалили рішення про проведення повітряної операції «Союзна сила» (24 березня – 10 червня 1999), яка примусила сербське керівництво погодитися на припинення військових дій, виведення з Косово сербської армії та перехід краю під управління ООН. Після дев'яти років перебування під управлінням ООН, Скупщина Косово в односторонньому порядку проголосила державну незалежність краю.Хоча зазвичай самопро-голошення державної незалежності не вітається міжнародною спільнотою, але 22 липня 2010 р. Міжнародний суд ООН, ураховуючи те, що режимом Мілошевича був здійснений злочин проти людяності стосовно албанського населення краю, визнав законність рішення влади Косово про проголошення незалежності від Сербії¹¹.На сьогодні незалежність Косово визнали 108 держав світу, в тому числі 4 постюгославських (Словенія, Хорватія, Чорногорія та Македонія)¹².

У Росії про незалежність в 1991 р. проголосила Чечня.Хоча Москва не визнала незалежні Чечні, але попервах змушена була миритися з її самостійним існуванням. Проте наприкінці 1994 р., скориставшись конфліктом усередині політичної еліти Ічкерії, Росія вдалася до військових дій проти уряду Д. Дудаєва, що привело до першої російсько-чеченської війни (листопад 1994 – серпень 1996). Зазнавши в цій війні поразки, керівництво Росії було вимушене підписати Хасав'юртські угоди, за якими зобов'язалося припинити військові дії проти Республіки Ічкерія та вивести з її території свої війська, але питання про статус республіки було відкладено.

Воєнні поразки викликали в сербському та російському суспільствах протилежні реакції. Наслідком воєнних поразок Сербії стало позбавлення суспільства від імперського синдрому та згуртування опозиційних сил країни, що привело до революції 2000 р., яка покінчила з авторитарним режимом Мілошевича й відкрила шлях до демократичного розвитку країни. У 2000 р. СРІО було долучено до списку електоральних демократій, у 2002 р. вона була визнана вільною країною.Хоча побічним ефектом демократизації став розпад СРІО, але розлучення Сербії з Чорногорією відбулося мирним шляхом й на розвиток демократичного процесу суттєво не вплинуло. Натомість воєнна поразка Росії в першій російсько-чеченській війні призвела до двох пов'язаних між собою наслідків: по-перше, до пожвавлення сепаратистських тенденцій у мусульманських республіках федерації; по-друге, до зростання великорідженівських шовіністичних та відверто реваншистських настроїв серед російського населення. На фоні цих настроїв до влади в Росії прийшов виходець з спецслужб В. Путін, який розв'язав другу чеченську війну (вересень 1999 – квітень 2009).Хоча ця війна забрала багато людських жертв та супроводжувалася насильством стосовно мирного населення, вона сприяла зміцненню режиму Путіна, який набув авторитарного характеру. У 2004 р. Росію було виключена з числа електоральних демократій, а її політичний режим кваліфіковано як напівконсолідований авторитаризм¹³. Одночасно був понижений статус Росії, яка з 2004 р. визначається як невільна країна¹⁴. У 2008 р. політичний режим Росії було перекваліфіковано на консолідований авторитаризм¹⁵.

Демократизація Сербії позитивно вплинула на розвиток демократичних процесів на постюгославському просторі. Відокремившись від Сербії, Чорногорія також успішно розвивається шляхом свободи та демократії. Після позбавлення загрози військової агресії з боку Сербії важливі демократичні перетворення відбулися в Хорватії. Внаслідок парламентських виборів, що відбулися в січні 2010 р. в Хорватії було утворено ліво-центрістський уряд Івіци Рачана, який взяв курс на демократизацію країни. У лютому 2000 р. на президентських виборах очільником країни було обрано політика прозахідної орієнтації Степана Месича. Після зміни влади в Хорватії було проведено конституційну реформу, яка впровадила парламентську систему державного правління. Певні позитивні зрушення відбуваються у Боснії і Герцеговині. У країні, хоч і дуже повільно, але набуває сили інтегративна тенденція. У 2003 р. створено федеральне міністерство безпеки, яке включає чотири структури: прикордонну поліцію; державне агентство розслідувань та охорони; службу з справ іноземців та бюро зі співробітництва з Інтерполом. У 2005 р. армії Мусульмано-хорватської федерації та Сербської республіки інтегровані в збройні сили Боснії і Герцеговини, що керуються об'єднаним штабом. Відповідно, ство-

рене міністерство оборони Боснії і Герцеговини. Позитивні тенденції простежуються й у Косово. У 2008 р в Косово було прийнято конституцію, що узасадила демократичні принципи функціонування політичної системи¹⁶. На думку автора цієї статті, косовська конституція може вважатися за зразок для поліетнічних держав. 2010 року статус Косово підвищився до частково вільної країни.

Натомість авторизація Росії справила негативний вплив на політичні зміни на пострадянському просторі. Посилилася підтримка Росією автократичних режимів та жорсткість ставлення до демократичних, які сприймаються нею як сателіти Заходу. Співдружність незалежних держав (СНД), де домінує Росія, перетворився на орган, основною функцією якого « стала легітимація недемократичних режимів на пострадянському просторі»¹⁷. В середині пострадянських країн Росія підбурює реакційні та реваншистські сили. Росія відіграва свою роль у дискредитації «помаранчової влади» в Україні та режиму М. Саакашвілі в Грузії, які виникли внаслідок посткомуністичних революцій й мали чітку західну орієнтацію. Тому не дивно, що до українського Євромайдану, що скинув наскрізь корумповану та марionеткову щодо Москви владу Януковича, якихось відчутних зрушень у бік свободи та демократії на пострадянському просторі не спостерігалося.

3. Чинники вихідної позиції

У межах структурного підходу під вихідною позицією насамперед розуміється характер «скинутого недемократичного режиму»¹⁸. Хоч і югославський, і радянський комуністичні режими мали тоталітарний характер, оригінальне походження (виникли на власному соціально-політичному ґрунті) й іх загибель сталася в однаковий спосіб (внаслідок загибелі комуністичних імперій), проте неоднаковим був ступінь їх тоталітарності й неоднаковий час тривало їх функціонування.

Якщо радянський режим до часів «перебудови» являв собою жорстку модель тоталітаризму (за часів Сталіна – майже стовідсотковий тоталітаризм¹⁹), то югославський режим Йосипа Тіто був лише напівтоталітарним. Комуністичному режиму в Югославії, як і в Радянському Союзі, були притаманні: ідеократія (підпорядкування суспільного розвитку ідеї побудови комуністичного суспільства); суцільний монополізм (монополія однієї партії на владу; монополія партійної держави на розподілення засобами суспільного виробництва; монополія однієї ідеології, яка намагалася підкорити собі всю суспільну культуру); одержавлення суспільного життя (руйнація структур громадянської самоорганізації). Проте в СФРЮ ступінь одержавлення був значно меншим. У процесі реалізації моделі самоврядного соціалізму, в Югославії промислові підприємства, хоча й залишилися в державній власності, але одержали господарську самостійність. Роберт Дал вважає, що внаслідок цього було створено «одно з найбільш децентралізованих господарств у світі»²⁰. У Югославії не було колективізоване сільське господарство: в соціалістичному секторі перебувало лише 14% земельних угідь та 9% худоби²¹. Хоча в СФРЮ також проводилися політичні репресії та існував ідеологічний контроль, але масштаби репресій були значно меншими, а ідеологічний контроль – слабкішим.

Тоталітарний режим на теренах Радянського Союзу (за винятком Балтії, а також Західної Білорусі, Західної України та основної частини Молдови) функціонував три чверті століття, тоді як у Югославії – 46 років (1945–1991). Відповідно до цього за часи тоталітаризму в суспільне життя Радянського Союзу ввійшло три генерації населення, в Югославії – тільки дві. Тобто формування старшої генерації населення в Радянському Союзі відбулося в системі тоталітарних відносин, що спричинило зміну культурного генокоду суспільства; в Югославії – в дототалітарний період, що зумовило відсутність культурного розриву з дототалітарним минулим, збереження історичної пам'яті та її передачу новим поколінням.

У контексті дослідження структурних чинників вихідної позиції посткомуністичних перетворень заслуговує на увагу метод, запропонований Оле Норгаардом, який крім «поп-чаткових умов первого порядку», що є спадщиною функціонування комуністичних режимів, вирізнив «попчаткові умови другого порядку», до яких відніс ті чинники, що дісталися посткомуністичним суспільствам в спадок від докомуністичних часів²². Серед чинників дототалітарної спадщини істотний вплив на трансформаційні процеси справляють: характер попередніх комуністичному політичним режимів, ступінь лібералізації держави в до-комуністичні часи, давні історичні традиції.

За винятком країн Балтії та деяких територій інших країн, на пострадянському просторі ніколи не існувало ліберальної держави, буржуазного конституціоналізму та парламентаризму, альтернативних виборів на основі загального й рівного виборчого права. Період існування обмеженої багатопартійності тривав лише близько десятиліття в дореволюційний час.

Натомість на терені колишньої Югославії парламентаризм та конституціоналізм мають давні традиції, коріння яких виходять з XIX століття. У Сербії першу Скупщину було скликано в 1835 р. Того ж року вона ухвалила конституцію, що була складена за зразком буржуазних конституцій Західної Європи²³. Перша конституція Чорногорії, що впроваджувала парламентські засади, була дарована князем Ніколою I в 1905 р. На теренах Словенії, Хорватії та Боснії і Герцеговини до кінця Першої світової війни політичний процес розвивався в полі ліберально-конституційної Австро-угорської монархії. В умовах міжвоєнного авторитарно-монархічного режиму в Югославії в періоди 1921–1929 та 1931–1941 рр. також діяли обмежено ліберальні конституції, інститут парламентаризму, місцеве самоврядування, політичні партії, у тому числі й опозиційні, за участю яких проводилися напіввільні вибори. Опозиційні партії набирали значну кількість голосів і посідали місця у парламенті. Так, за підсумками парламентських виборів 1938 р. опозиційний «Блок народної згоди», який вимагав відновлення демократичних свобод та федеральну перебудову країни, одержав 45% голосів виборців, хоча відповідно до виборчого закону він дістав лише 15% депутатських мандатів.

Для країн, що виникли внаслідок розпаду багатонаціональних державних утворень і зазвичай мають полієтнічу та поліконфесійну структуру, важливими чинниками вихідної позиції трансформаційних процесів є характер історичних стосунків між етнічними та конфесійними групами їх населення.

На пострадянському просторі намагання Чечні відокремитися від Росії, що спричинило російсько-чеченські війни та сприяло процесу авторизації російського політичного режиму, було зумовлене жорсткою колонізаторською політикою російського царства в докомуністичний період, репресіями проти чеченського народу та його депортациєю в сталінські часи. Виникнення карабахської проблеми, яка негативно позначилася на політичних процесах, що відбуваються в Азербайджані та Вірменії, також корениться в історичному минулому, коли ворожнеча між азербайджанцями та вірменами не раз набувала форми міжнаціональної різанини.

На постюгославському просторі наслідки османського панування й сьогодні позначаються на відносинах між християнськими та мусульманськими громадами. Вони відіграли певну роль у розв'язанні сербо-боснійської війни, сербо-албанської війни в Косово, громадянської війни в Македонії. Неприйняття сербським населенням Хорватії національної хорватської держави, стало однією з головних причин сербо-хорватської війни, що було значною мірою зумовлене наслідками Другої світової війни. У роки війни в «Незалежній Хорватській Державі» усташі зчинили тотальний терор проти сербського населення, внаслідок чого загинуло 330–390 тис. сербів²⁴.

4. Зовнішньополітичні чинники

У сучасному світі все більшу роль у розвиткові транзитивних процесів відіграють зовнішньополітичні чинники, які для одних країн є сприятливими, а для інших – ні. Геополітична ситуація, в якій відбувалися посткомуністичні трансформації, була сприятлива для постюгославських країн. Географічно територія постюгославських країн є частиною загального європейського простору, що зумовило їх більш тісні історичні зв'язки зі світовою демократичною спільнотою. Навіть за часів комуністичного режиму Тіто, Югославія, стоячи остроронь від «радянського блоку» (вона не була ані членом Варшавського договору, ані членом Ради Економічної Взаємодопомоги), зберігала політичні, економічні, а також і військові зв'язки із західними демократіями. Сьогодні за одним винятком всі країни, що граничать з постюгославськими, є членами Європейського Союзу (крім Албанії), а також членами НАТО (крім Австрії). Географічне розташування та історичні зв'язки зумовили два чинника, що істотно позначилися на трансформаційних процесах на постюгославському просторі.

По-перше, безпосередня участь структур західних демократій у врегулюванні конфліктних ситуацій. Завдяки військовим операціям НАТО були припинені сербська агресія проти Боснії і Герцеговини (операция «Обдумана сила») та гуманітарна катастрофа в Косово (операция «Союзна сила»). Підтримавши військову могутність режиму Мілошевича, ці

операції сприяли його падінню. Західні демократії відіграли вирішальну роль у збереженні державності Боснії і Герцеговини. Згідно з Дейтонськими угодами, підписаними з ініціативи Великої Британії та США учасниками сербо-боснійської війни у листопаді 1995 р. в місті Дейтон, (США), Боснія і Герцеговина залишалася єдиною державою, яка хоч і складається з двох доволі самостійних суб'єктів (Мусульмано-хорватської федерації і Сербської республіки), але має єдині федеральні інститути влади та єдину правосуб'єктність на міжнародній арені²⁵. Дейтонські угоди заклали основу конституційного устрою Боснії і Герцеговини, який зберігається до сьогодні²⁶. Тиск міжнародної демократичної спільноти сприяв розв'язанню тривалого міжетнічного конфлікту в Македонії, який у березні – серпні 2001 р. набув форми громадянської війни. За посередництва представника ЄС Хав'єра Солані відбулися перемовини між політичними силами македонської та албанської громад, що привели до підписання Охридських угод, за якими Македонія зберегла суверенітет, територіальну цілісність, унітарний характер і демократичний курс держави, а албанська громада одержала культурну автономію й «справедливе представництво» в органах державної влади, місцевого самоврядування та право охорони²⁷. Участь демократичної спільноти сприяла мирному характеру процесу розлучення Чорногорії з Сербією, в якому велику роль відіграв спецпредставник ЄС М. Лайчак.

По-друге, прагнення постюгославських країн приєднатися до ЄС, що зумовлене їх намаганням через вступ до цієї могутньої організації суттєво покращати своє економічне становище (одержати допомогу, пільгові кредити і тарифи, доступ до європейських ринків). Хоча міжнаціональні війни та міжетнічні конфлікти значно загальмували євроінтеграційний процес, проте після припинення війн та врегулювання конфліктів він набув сили (табл. 5).

Таблиця 5
Рух постюгославських країн до Європейського Союзу

Країна	Договір про асоціацію	Заявка на вступ	Статус кандидата	Вступ
Словенія	1 січня 1996	10 червня 1996	1 лютого 1999	1 травня 2004
Хорватія	29 жовтня 2001	21 лютого 2003	18 червня 2004	1 липня 2013
Македонія	9 квітня 2001	22 березня 2004	17 грудня 2005	—
Чорногорія	15 жовтня 2007	15 грудня 2008	17 грудня 2010	—
Сербія	29 квітня 2008	22 грудня 2009	1 березня 2012	—
Боснія і Герцеговина	16 червня 2008	—	—	—
Косово	—	—	—	—

Словенія і Хорватія вже набули членство в ЄС; Македонія, Чорногорія та Сербія мають статус кандидатів на вступ до ЄС. Євроінтеграційні наміри Боснії і Герцеговини гальмуються децентралізованим характером держави та недовершеністю врегулювання відносин між етноконфесійними громадами країни. Головною перепоною Косова на шляху євроінтеграції є невизнання її державності 4-ма країнами – членами ЄС (Грецією, Іспанією, Румунією та Словаччиною)²⁸.

Особливий інтерес в контексті євроінтеграційного процесу викликає Сербія, яка за часів режиму Мілошевича мала вкрай конфронтаційні стосунки з ЄС. Проте після революції 2000 р. зовнішньополітична орієнтація керівництва Сербії та свідомість її громадян зазнали суттєвих змін. На президентських виборах 2004 та 2008 рр., що відбувалися в умовах розпаду СРЮ та загрози втрати Косова, кандидат про європейської орієнтації Б. Тадич двічі виборював змагання в представника радикально-націоналістичних сил Т. Ніколича. Вибори 2012 р., нарешті, виграв Т. Ніколич, який декілька років тому заявляв, що скоріш бажав би побачити Сербію російською провінцією, ніж членом ЄС. Проте після здобуття президентської посади його позиція кардинально змінилася на користь підтримки євроінтеграційного курсу Сербії.

Пострадянський простір географічно відділений від західних демократій. Тривалий час розвитку відносин з демократичним світом суттєво заважала «залізна завіса», яка в післясталінську добу, хоч і стала не такою щільною, але зруйнована не була. Зміни, які

відбулися в посткомуністичний період в країнах Центрально- та Південно-Східної Європи, впритул наблизили демократичне спітовариство до кордонів низки пострадянських держав. Країни Балтії, що найбільш культурно пов'язані з європейським Заходом, зразу ж після здобуття незалежності відокремилися від пострадянського простору й невдовзі інтегрувалися в європейські та євроатлантичні структури. Україна, Молдова та Грузія, хоч і декларують свої євроінтеграційні наміри, але до останнього часу діяли у цьому напрямі дуже непослідовно. Реалізації євроінтеграційних намірів цих держав істотно заважає Росія, яка не хоче, щоб вони вийшли із зони її політичного впливу. Розуміючи, що інтеграція вищеної держав до європейської спільноти поставить хрест на ідеї відновлення бінополярного світу, Росія чинить на них політичний, економічний, а в деяких випадках і військовий тиск з метою завадити їх руху в бік об'єднаної Європи.

Для збереження свого домінування на пострадянському просторі Росія заважає врегулюванню тут міжетнічних та міжнаціональних конфліктів та не допускає участі в їх розв'язанні західних демократій. Заходні ж демократії, не бажаючи сваритися з Росією, віддають перевагу політиці невтручання в процеси, що відбуваються на пострадянському просторі, відкарбасуючись лише заявами, які значного впливу на неї не спровокають. Причина такій ситуації такою була до 1914 року, що не є предметом нашого дослідження.

Аналізуючи зовнішньополітичні чинники транзитивних процесів на пострадянському просторі, треба також ураховувати й те, що 5 середньоазіатських країн через своє географічне розташування позбавлені перспективи євроінтеграції. Знаходячись у «бермудському трикутнику» між автократичною Росією, комуністичним Китаєм та теократичним Іраном, вони слабо відчувають вплив світового демократичного спітовариства.

5. Висновки

Порівняльний аналіз постюгославських та пострадянських трансформацій дозволяє зробити наступні висновки.

По-перше, політичні переходи взаємозумовлюють три групи чинників: шляху перетворень, вихідної позиції та зовнішньополітичного оточення. Кожна з цих груп включає в себе певну кількість чинників. Вплив цих груп та окремих (всередині груп) чинників є індивідуальним для кожної країни. Набір чинників, які визначають перебіг трансформаційного процесу в конкретній країні, утворює її систему трансформаційного впливу. Розробка моделей таких систем для кожної перехідної країни здатна оптимізувати трансформаційні стратегії та тактики.

По-друге, основними спільними чинниками вихідних позицій постюгославських та пострадянських трансформацій були тоталітарний тип політичних режимів і багатонаціональний характер державності. Проте ступінь тоталітарності та час функціонування тоталітарного режиму у соціалістичній Югославії були відчутно меншими, ніж у Радянському Союзі. Більш сприятливими для демократичних перетворень у Югославії були й чинники дототалітарної доби: більша лібералізація держави, напіввільні вибори, легальність політичної опозиції. Натомість конфліктність стану міжнаціональних, міжетнічних і міжконфесійних відносин та вплив радикальних націоналістичних сил у Югославії на початку посткомуністичних трансформацій були сильніші, ніж у Радянському Союзі.

По-третє, в процесі розпаду багатонаціональних державних утворень велику роль відіграє позиція країн, що являли собою їх системоутворюючі компоненти. У Югославії такою є Сербія, у Радянському Союзі – Росія. Таким країнам притаманний імперський синдром, під яким слід розуміти намагання їх політичного керівництва відновити багатонаціональні утворення (або хоча би залишити новоутворені держави, що виникли внаслідок розпаду, в орбіті свого політичного впливу) та підтримка такого курсу з боку переважної (або значної) частини суспільства. У Сербії цей синдром яскраво проявився на першому етапі посткомуністичних трансформацій, що призвело до «нових балканських війн». Поразка Сербії в цих війнах спричинила позбавлення від цього синдрому, що відкрило шлях до розвитку демократичних процесів не тільки в цій країні, але й у сусідніх з нею. У Росії імперський синдром набував сили поступово, але через десятиліття це зумовило авторитаризацію її політичного режиму. Авторитаризація Росії негативно відбувається на всьому пострадянському просторі.

По-четверте, на транзитивні процеси великий вплив справляє зовнішньополітичне оточення перехідних країн. Безпосередня участь західних (передусім європейських) держав

мократій у регулюванні конфліктних ситуацій на постюгославському просторі сприяла їх розв'язанню, що позитивно відбилося на демократичних процесах. Небажання західних демократій втручатися у розвиток політичних процесів на пострадянському просторі є чинником, що стимулює демократичний поступ.

¹ Rustow, D. Transition to Democracy. Toward a Dynamic Model // Comparative Politics. – Vol. 2. – 1970. – № 3. – P. 337–363.

² O'Donnell, G. Transition from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies / G. O'Donnell, P. C. Schmitter. Baltimore (MD). L.: Johns Hopkins University Press, 1986, 81 p.

³ Bezyme, K. von. Osteuropaforschung nach dem Systemwechsel // Osteuropa. – 1999. – № 3. – S. 285–304

⁴ Мачкув, Е. Преобразование коммунистического тоталитаризма и посткоммунистическая системная трансформация: проблемы, концепции, периодизация // Полис. – 2000. – № 4. – С. 38–59.

⁵ McFaul, M. The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Non cooperative Transitions in the Postcommunist World // World Politics. – Vol. 54. – 2002. – № 2. – P. 212–244.

⁶ Романюк, О. І. Від тоталітаризму до демократії та національної державності: системний аналіз посткомуністичних трансформацій: монографія. Х.: ХДАК, 2011, 376 с.

⁷ Freedom in the World 2013: Status of Independent States. – URL: www.freedomhouse.org/report/freedom-world-2013/booklet (дата звернення: 30.09.2013).

⁸ Nations in Transit 2013: Ratings Tables. – URL: http://www.freedomhouse.org/sites/default/files/NIT2013_Tables_FINAL.pdf (дата звернення: 30.09.2013).

⁹ Пищеворский, А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2000, с. 91.

¹⁰ Объявлены окончательные итоги референдума в Черногории // Вести. ru. – URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=79921&tid=35968> (дата звернення: 31.05.2006).

¹¹ Международный суд ООН вынес решение о признании независимости Косова // Коммерсантъ-Online. 22.07.2010. – URL: <http://kommersant.ru/doc/1473715> (дата звернення: 23.08.2011).

¹² Міжнародне визнання Республіки Косово / Wikipedia. Р. 26. – URL: <http://uk.wikipedia.org/wiki/> (дата звертання: 20.10.2013).

¹³ Nations in Transit 2004. Democratization in East Central Europe and Eurasia / Ed. by A. Motyl, A. Schnetzer. XVII. N.Y.: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2004, 666 p.

¹⁴ Russia // Freedom in the World 2005. – URL: <http://www.freedomhouse.org/report/freedom-world/2005/russia> (дата звернення: 29.10.2013).

¹⁵ Russia // Nations in Transit 2009. – URL: <http://www.freedomhouse.org/report/nations-transit/2009/russia> (дата звернення: 29.10.2013).

¹⁶ Конституция Республики Косово. – URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/296> (дата звернення: 29.10.2013).

¹⁷ Кравченко, В. Диктатура освячена референдумом // Дзеркало тижня. – 2004. – 23 жовтня.

¹⁸ Карл, Т. Л. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы. Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций / Т. Л. Карл, Ф. Шмиттер; пер. с англ. // Полис. – 2004. – № 4. – С. 13.

¹⁹ Andreski, S. Max Weber's Insights and Errors. L.; Boston: Routledge&KeganPaul, 1984, p. 44.

²⁰ Даль, Р. Введение в экономическую демократию / Пер. с англ. М.: Наука, СП ИКПА, 1991, с. 106.

²¹ Газін, В. П. Новітня історія країн Європи та Латинської Америки (1945–2002 роки): навч. посібник / В. П. Газін, С. А. Копилов. К.: Либідь, 2004, с. 480.

²² Норгаард, О. Економічні інституції та демократична реформа. Порівняльний аналіз посткомуністичних країн / Пер. з англ. К.: Ніка-Центр, 2007, с. 43–49.

²³ Гуськова, Е. Ю. Парламентаризм в Югославии // Демократизация и парламентаризм в Восточной Европе. М.: ИНИОН, 2003, с. 225.

²⁴ Jasenovac // Holocaust Encyclopedia. – URL: www.ushmm.org/wlc/en/article.php?ModuleId=10005449 (дата звертання: 12.10.2011).

²⁵ The General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina / Office of the High Representative. – URL: http://www.ohr.int/dpa/default.asp?content_id=380 (дата звернення: 02.11.2013).

²⁶ Конституция Боснії и Герцеговини // Конституции государств (стран) мира. – URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/119> (дата звернення: 29.10.2013).

²⁷ Ohrid Framework Agreement / Council of Europe. – URL: http://www.coe.int/t/e/legal_affairs/legal_co-operation/police_and_internal_security/OHRID%20Agreement%2013august2001.asp (дата звернення: 29.10.2013).

²⁸ Міжнародне визнання Республіки Косово / Wikipedia. – URL: <http://uk.wikipedia.org/wiki/> (дата звертання: 20.10.2013).

ДЖЕРЕЛА ТА ДЖЕРЕЛОЗНАВСТВО

УДК 378.4(477.54):929 Дринов(044.2)

ПІСЬМА М. С. ДРИНОВА ИЗ ФОНДОВ ЦГІАК УКРАИНЫ (1876–1885 гг.)

C. I. Посохов, В. Ю. Иващенко

Посохов, С. I., Иващенко, В. Ю. Листи М. С. Дринова з фондів ЦДІАК України (1876–1885 рр.)

Уважаючі читачів пропонується колекція листів М. С. Дринова, що зберігається у фондах ЦДІАК України. Листи до О. О. Потебні, І. В. Платонова, С. В. Морошкіна, М. І. Дринової присвячені науковому, громадському та ро!динному життю професора. Публікація супроводжується короткою передмовою та коментарем.

Ключові слова: епістолярна спадщина, Марин Дринов, Харківський університет, наукова діяльність, приватне життя.

Посохов, С. I., Иващенко, В. Ю. Письма М. С. Дринова из фондов ЦГИАК Украины (1876–1885 гг.)

Вниманию читателей предлагается коллекция писем М. С. Дринова, хранящаяся в фондах ЦДІАК Украины. Письма к А. А. Потебне, И. В. Платонову, С. В. Морошкину, М. И. Дриновой посвящены научной, общественной и семейной жизни профессора. Публикация сопровождается кратким предисловием и комментариями.

Ключевые слова: эпистолярное наследие, Марин Дринов, Харьковский университет, научная деятельность, частная жизнь.

Posokhov, S., Ivashchenko, V. M. Drinov's Letters from the CSHAK funds of Ukraine (1876-1985)

We offer our readers the collection of M. Drinov's letters kept at Central State Historical Archives in Kiev, Ukraine. The letters to A. A. Potebny, I. V. Platonov, S. Moroshkin, M. Drinova are devoted to scientific, social and family life of the professor. The publication is accompanied by the brief introduction and commentaries.

Keywords: epistolary heritage, M. Drinov, Kharkov University, scientific activity, private life.

Продолжая публикацию эпистолярного наследия М. С. Дринова (в предыдущих томах были опубликованы письма М. С. Дринова к К. Я. Гроту и В. П. Бузескулу, а также коллекция писем из фондов Пушкинского дома РАН) предлагаем вниманию читателей подборку писем из Центрального государственного исторического архива Украины в г. Киеве.

В фондах ЦДІАК Украины выявлено 10 писем М. С. Дринова к разным корреспондентам, написанные в период с 1876 по 1885 гг. Письма М. С. Дринова к А. А. Потебне, с которым у него сложились дружеские отношения, датируются 1876 г. Они посвящены научной деятельности двух ученых и содержат упоминания о составлении библиографии трудов М. С. Дринова, приобретении книг для университетской библиотеки во время пребывания М. С. Дринова в Варшаве, подготовке к IV археологическому съезду в Казани. Кроме того, в одном из писем (от 24 декабря 1876 г.) упоминается о деятельности Славянского благотворительного общества в Москве. Впервые письма М. С. Дринова к А. А. Потебне были опубликованы В. Ю. Франчук в журнале «Мовознавство»¹. Предлагая переиздание этих писем, мы сопроводили их более развернутыми комментариями. Остальные письма М. С. Дринова публикуются впервые.

Летом 1881 г. М. С. Дринов совершил очередную поездку в Болгарию. В письме к харьковскому профессору И. В. Платонову он очень коротко упоминает о своей работе «в качестве добровольца», не уточняя характера своих занятий. По предположению И. Ильчук, М. С. Дринов был занят вопросами образования Государственного совета и возобновления деятельности Болгарского научного общества (Българско книжовно дружество – БКД, с 1911 г. – Болгарская академия наук)².

Черновики писем начала 1885 г. к Василию Николаевичу (фамилия респондента неизвестна), харьковскому адвокату С. В. Морошкину, министру народного просвещения Болгарии Р. Каролеву, хранящиеся в личном архивном фонде М. С. Дринова, связаны с вопросом о

завещании харьковского купца Р. П. Умникова, болгарина по национальности, который принял решение часть своего большого состояния поместить в Купеческий банк в Харькове. Предполагалось, что через 40 лет оно поступит в распоряжение общины г. Габрова, с тем, чтобы «проценты получать ежегодно и употреблять на воспитание и образование сирот и детей бедных граждан города и вообще на благотворительные цели по усмотрению общества». Габровская община и Министерство просвещения Болгарии были заинтересованы в получении этих денег немедленно и обратились к Дринову за помощью. Переписка по этому делу, которое доставило М. Дринову много хлопот и неприятностей, прекратилась летом 1886 г.³

В том же фонде сохранилось три письма М. С. Дринова к жене, Маргарите Ивановне Дриновой. Написанные во время поездки М. С. Дринова на минеральные воды в Славянск в июле 1885 г., они приоткрывают завесу над повседневной жизнью университетского профессора, свидетельствуют о теплых отношениях между супружами.

Все письма М. С. Дринова являются автографами. При подготовке к публикации текст источников был приближен к современным нормам правописания. Ошибки, которые не имели смыслового значения, исправлены. Сокращения слов раскрываются в квадратных скобках. Квадратными скобками обозначены также непрочитанные места. Выделенные автором слова поданы курсивом. Авторы благодарят за помощь в переводе и подготовке к изданию письма М. Дринова к министру народного просвещения Болгарии Р. Каролеву ст. науч. сотрудника Института болгарского языка БАН Н. Николову и директора Центра болгаристики и балканских исследований имени М. Дринова Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина доц. С. Ю. Страшнюка.

¹ Франчук, В. Ю. Потебня і Болгарія // Мовознавство. – 1985. – № 4. – С. 28–34.

² Деятельность М. С. Дринова в Харьковском университете (1873–1906 гг.) // Исследования в честь на Марин Дринов. София, 1960, с. 96.

³ Там же, с. 96–97.

М. С. Дринов – А. А. Потебне¹

10 апреля 1876 г., Москва.

Многоуважаемый Александр Афанасьевич!

Амфиан Степанович² передал мне Ваше поручение насчет списка моих печатных трудов и отзывов о них, – благодарю за участие, которое принимаете в моей судьбе. К сожалению, у меня нет теперь под руками материала, нужного для составления сколько-нибудь обстоятельный списка, и я принужден ограничиваться самыми общими указаниями. Сегодня отправил Вам с профессором Андреевым³ экземпляр «Болгарской истории» Иречека⁴, – в этой книге на стр. 570 и 571 Вы найдете краткий отзыв о прежних моих ученых грехах. О первых моих книжках, кроме Вашего отзыва и известного Вам отзыва Срезневского⁵, появились и три довольно обстоятельные рецензии в «Часописе Чешского музея»⁶. В этом же журнале попадались мне кое-какие заметки и о статьях, помещенных в «Периодическом списании Болгарского книжкового дружества»⁷. О некоторых из этих статей я встречал отзывы и в вышеупомянутой книге Иречека, в «Раде» и «Старинах» Южнославянской академии, в «Записках Академии наук», в одном французском журнале (не помню, в каком именно).

В течение нынешнего года, кроме докторской диссертации⁸, которую, надеюсь, Вы уже получили, я напечатал и несколько статеек, из которых упоминания достойны:

1. Dějny národu Bulharského, sepsal K. Jus. Jireček. Рецензия, помещенная в «Часописе Чешского музея», 1876, I.
2. Образчики македонских и фракийских говоров (дебрского, костурского, кратовского, панагюрского и малотерновского) в «Период[ическом] списании Болг[арского] дружества».
3. По вопросу о болгарской фонетике (Ответ журналам: Читалищу, Училищу и Знанию). Там же.

Абюсь эти отрывочные указания окажутся достаточными, и не понадобится более обстоятельный указатель, который я не в состоянии доставить раньше двух недель!

Через три или четыре дня я еду в Варшаву, где намерен побывать недели две. Оттуда отправлюсь за границу к прусским и австрийским славянам.

Книги для университетской библиотеки приобретаю, по возвращении в Харьков представлю к уплате счет на 200 рубл., приблизительно. Покорнейше прошу Вас похлопотать в факультете о своевременной ассигновке этой суммы. Товар, т. е. приобретенные книги, вышлю летом на имя университетской библиотеки, о чем прошу Вас предуведомить библиотекарей. Мне бы хотелось адресовать туда же и мои книги, а также и несколько книг, приобретенных для Вас, да позволит ли Яков Осипович⁹? Узнайте, пожалуйста, и уведомьте! Из польских книг я буду приобретать за границею только более редкие и запрещенные, – все же остальные мы можем выписать через варшавских книгопродавцев, с которыми я переговорю об этом обстоятельно.

В Варшаве я рассчитываю пожить до 5 мая, – буду очень Вам благодарен, если к тому времени напишите мне. Письмо потрудитесь адресовать просто в почтамт до *востребования*.

Засвидетельствуйте мое почтение Марии Францевне¹⁰.

Глубоко Вас уважающий
М. Дринов

P. S. Докторский мой диплом уже готов и в понедельник, вероятно, будет выслан вправление Харьковск[ого] университета.

Франчук, В. Ю. Потебня і Болгарія // Мовознавство. – 1985. – № 4. – С. 30–31; ЦДІАК України, ф. 2045, оп. 1, од. зб. 73, арк. 1–2 об.

¹ Потебня Александр Афанасьевич (1835–1891) – языковед, литературовед, философ, член-корреспондент РАН (1875 г.), с 1860 г. – профессор Харьковского университета.

² Лебедев Амфиан Степанович (1832–1910) – историк церкви, профессор Харьковского университета.

³ Андреев Константин Алексеевич (1848–1921) – математик, член-корреспондент РАН, профессор Харьковского и Московского университетов.

⁴ Речь идет об «Истории болгар» (Прага, 1875) известного чешского историка К. И. Иречека (1854–1918).

⁵ Срезневский Измаил Иванович (1812–1880) – филолог-славист, историк, этнограф, академик РАН (1851 г.), профессор Харьковского и Петербургского университетов.

⁶ «Журнал чешского музея», или «Музейник» («Časopis Českého muzea») – чешское научное периодическое издание, основанное Ф. Палацким в 1827 г. Сначала издавалось ежемесячно на немецком и ежеквартально на чешском, позднее – только на чешском.

⁷ «Периодическо списание» — орган Болгарского научного общества (БКД). Выходил в 1870–1876 гг.

⁸ Диссертацию на степень доктора славянской словесности «Южные славяне и Византия в X в.» («Чтения в имп. обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1875, кн. 3, разд. 3, с. 1–153; отд. оттиск. М., 1876) М. С. Дринов защитил в Московском университете 26 марта 1876 г.

⁹ Балынский Яков Осипович (1825–1906) – юрист, библиотекарь Харьковского университета.

¹⁰ Потебня (Ковалевская, урожд. Заленская) Мария Францевна – жена А. А. Потебни.

М. С. Дринов – А. А. Потебне

[1876 г., Варшава].

Многоуважаемый Александр Афанасьевич!

Благодарю Вас за письмо от 24-го апреля, о получении коего я своевременно уведомил Вас через Амфiana Степановича¹, – душевное спасибо Вам и за хлопоты по моим делам.

На основании Вашего известия об ассигновании мне факультетом около 200 рублей на приобретение книг я выбрал здесь у Гебетнера-Вольфа² на 147 рублей разные книги, которые он отправит завтра в Харьков на имя библиотеки. Гебетнера-Вольфа мне рекомендовали как самого аккуратного из здешних книгопродавцев, – он берется доставлять нам в Харьков всякие польские книги на таких же условиях, на каких поставляет и в библиотеку Варшавского университета. Счет за нынешнюю посылку, в 147 рубл. 54 коп., он отправит на днях при письме на имя нашего библиотекаря Я. О. Балынского³, которого потрудитесь

попросить уплатить этот счет скорее. Я приобрел здесь несколько книг для себя и две-три для Вас. Кроме того, получил для Вас от Лукиана Малиновского⁴ два его сочинения: «Молитва Вацлава» и статью об опольском говоре. Все эти книги, мои и Ваши, завернул в особый пакет, который отдал Гебетнеру-Вольфу, чтобы уложил и его в ящик, в котором отправит книги для библиотеки. На пакете этом вставлена моя фамилия с заметкою: хранить до востребования. Потрудитесь предуведомить об этом Балысного. Если угодно, возьмите к себе этот пакет, распечатайте, отберите себе принадлежащие Вам книги (на них выставлена Ваша фамилия), остальные же храните до моего приезда.

Малиновский очень интересуется Вашими трудами, – адрес его: Лукиан Юлиановичу Малиновскому, преподавателю 3-й Варшавской гимназии. В Варшаву. В здание гимназии.

Я убедился, что в Варшаве можно удобнее, чем где-либо, ознакомиться с польской литературою, поэтому и засиделся здесь так долго. Сегодня еду в Познань, оттуда отправлюсь в Прагу, и т. д.

Амфиан Степанович уведомил меня телеграммою о моем избрании в Совете, но о подробностях баллотировки не писал еще⁵.

Марию Францевну благодарю за поклон и поздравление, – засвидетельствуйте ей моеуважение⁶.

Глубоко Вас уважающий
М. Дринов

P. S. Если сберетесь написать мне опять или дать какие-нибудь поручения, адресуйте до половины июня в Прагу, Poste restante. Позднее же этого времени:

Wien, Laurenzeberg № 3
Herr N. Kovalchoff (für M. Drinof)

Франчук, В. Ю. Потебня і Болгарія // Мовознавство. – 1985. – № 4. – С. 31; ЦДІАК України, ф. 2045, оп. 1, од. 3б. 73, арк. 3–4 зв.

¹ См. прим. 1 к письму А. А. Потебне от 10 апреля 1876 г.

² «Гебетнер и Вольф» (Firma księgarsko-wydawnicza “Gebethner i Wolff”) – крупнейшее в Польше книгоиздательское предприятие.

³ См. прим. 9 к письму А. А. Потебне от 10 апреля 1876 г.

⁴ Малиновский Лукиан Юлианович (Malinowski Lucjan Feliks Jan) (1893–1898) – польский языковед, диалектолог, преподаватель 3-й Варшавской гимназии, позднее член-корреспондент АН (1877 г.), профессор славянской филологии Ягеллонского университета в Кракове.

⁵ В 1876 г. совет Харьковского университета утвердил М. С. Дринова сначала в звании экстраординарного, а затем ординарного профессора.

⁶ См. прим. 10 к письму А. А. Потебне от 10 апреля 1876 г.

М. С. Дринов – А. А. Потебне

24 декабря [1876 г., Москва].

Многоуважаемый Александр Афанасьевич!

Душевное спасибо за телеграмму, которую получил еще во вторник, в 9-ть ч. утра – исполнительное заседание предварительного комитета состоялось третьего дня, – в один присест кончили все совещания. Оказалось, что не о чем было и совещаться: программа IV-го съезда¹ давно готова и уже напечатана, напечатаны уже и вопросы. В этом дополнительном заседании было предложено несколько новых вопросов, в числе коих два от Вашего имени и три от меня, – они будут напечатаны в особом прибавлении к программе съезда. Комитет обязывает нас представить доклады или сообщения по поставленным нами вопросам, – мало того, он надеется, что мы с Вами отправимся на съезд в Казань. Вас произвели в члены-корреспонденты съезда, что, вероятно, Вам уже известно.

Третий том Миклошича² нашел у Кундта³ и уже приобрел экземпляр для Вас. Видел сегодня и первый выпуск 2-го тома Ягичева «Архива»⁴: в нем есть статейка о Ваших «Записках по русской грамматике»⁵. К моему удивлению я увидел в этом выпуске и мою рецензию на «Болгарскую историю» Иречека⁶, которая была помещена в «Музейнике»⁷;

перевел ее, по-видимому, сам Ягич⁸. Кстати, об Ягиче: он возвращается в Одессу и, должно быть, вскоре после Нового года. С Нилом Александровичем⁹ говорил о Вашей книге, – он распорядился ею так: 30 экземпляров оставил в Комитете для отсылки в слав[янские] земли, все же остальные сдал книготорговцам.

Говорят, что Англия и Австрия предлагают конгресс в Вене для обсуждения вопроса о том, что делать державам, в виду отказа Турции принять решения Конференции!¹⁰

Засвидетельствуйте мое уважение Марии Францевне¹¹.

Душевно Вам преданный
М. Дринов

P. S. Через два-три дня еду в Петербург.

Франчук, В. Ю. Потебня і Болгарія // Мовознавство. – 1985. – № 4. – С. 32–33; ЦДІАК України, ф. 2045, оп. 1, од. 73, арк. 5–6 зв.

¹ Речь идет о IV Археологическом съезде, который состоялся в Казани 31 июля – 17 августа 1877 г.

² Речь идет о 4-томной «Сравнительной грамматики славянских языков» (1852–1875) Франца Миклосича (Miklosich Franz Xaver Ritter von) (1813–1891) – австрийского и словенского языковеда, иностранного члена РАН (1856 г.), профессора Венского университета.

³ Кундт (Кунт) Эдуард (Эдмонд) – московский книгопродавец.

⁴ Основанный В. Ягичем в 1876 г. в Берлине «Архив славянской филологии» (»Arhiv fur Slavische Philologie») – первый международный журнал по славяноведению, на протяжении 28 лет знакомил европейских ученых с положением славянской филологической науки.

⁵ Речь идет о докторской диссертации А. А. Потебни, см.: Из записок о русской грамматике (Т. 1. Воронеж, 1874; Т. 2. Харьков, 1874; Т. 3–4 были изданы посмертно в 1899 и 1944 гг.).

⁶ См. прим. 4 к письму А. А. Потебне от 10 апреля 1876 г.

⁷ См. прим. 6 к письму А. А. Потебне от 10 апреля 1876 г.

⁸ Ягич Игнатий Викентьевич (Jagić Vatroslav) – хорватский филолог-славист, палеограф, археограф, литературовед, академик РАН (1880 г.). В 1872–1874 гг. был профессором Новороссийского университета, в дальнейшем преподавал в Берлинском, Петербургском и Венском университетах.

⁹ Попов Нил Александрович (1833–1891/92) – историк, член-корреспондент РАН, профессор Московского университета, руководитель Московского архива Министерства юстиции, секретарь Славянского благотворительного общества в Москве. Этому комитету Потебня передал три четверти тиража (около 300 экземпляров) первого выпуска своей работы «К истории звуков русского языка» (Воронеж, 1876) с условием, чтобы вырученные деньги были использованы на поддержку балканских народов.

¹⁰ Речь идет о Константинопольской конференции Великих держав (Великобритания, Россия, Франция, Германия, Австро-Венгрия и Италия), которая проходила в Стамбуле (Константинополе) с 11 декабря 1876 г. После начала Герцеговинского восстания в 1875 г. и болгарского Апрельского восстания 1876 г. Великие державы одобрили проект политических реформ как в Боснии, так и в тех территориях Османской империи, где большинство населения составляли болгары. Отвергнув предложенного Великими державами мирного разрешения Восточного вопроса, Турция тем самым лишилась политической и военной поддержки Запада в последующей Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

¹¹ См. прим. 10 к письму А. А. Потебне от 10 апреля 1876 г.

М. С. Дринов – И. В. Платонову¹

12 сентября 1881 г., София.

Многоуважаемый Иван Васильевич!

Душевное спасибо Вам за ваше длинное письмо. По-видимому, Вы введены в заблуждение газетами, поздравляя меня с принятием важного поста в Болгарии. Никакого такого поста я не принял еще: тружусь пока в качестве добровольца, воодушевленного желанием оказать посильное содействие спасению своей родины от угрожающих ей бед.

Министром народного просвещения остается г. Иречек², отлично знакомый с вашею деятельностию на пользу Болгарии и проникнутый глубоким уважением к Вам. Он обещал мне исполнить все Ваши указания и наставления, что, не сомневаюсь, и сделает при первой возможности. Очень бы хотелось поделиться с Вами здешними новостями и впе-

чатлениями, но, к сожалению, не могу выделить для этого хотя бы несколько свободных минут. В скором времени надеюсь возвратиться в Харьков, где буду иметь удовольствие поговорить с Вами вдоволь.

Глубоко уважающий вас
М. Дринов

ЦДІАК України, ф. 2046, оп. 1, од. 3б. 106, арк. 1–2.

¹ Платонов (Холмогоров) Иван Васильевич (1803–1890) – юрист, профессор Харьковского университета.

² Иречек Константин (Jirěček Konstantin Josef) (1854–1918) – чешский историк, иностранный член-корреспондент РАН (1888), в 1881–1882 гг. министр народного просвещения Болгарии, в дальнейшем – профессор Пражского и Венского университетов.

М. С. Дринов – Василию Николаевичу

15 января 1885 г., Харьков.

Милостливый Государь, Василий Николаевич!

Присланые мне Вами, по приказу и за счет Габровского общ[инского] управления, 50 (пятьдесят) мною получены еще с неделю тому назад. Уведомлением об этом несколько замедлил потому, что все поджидал со дня на день из Габрова того извещения, о котором Вы упоминаете в Вашем почтенном письме. К^{*} сожалению, это извещение не приходит и до сего дня, я[†] нахожусь в большом [...]. По-видимому, Габровск[ое] общ[инское] управление решило воспользоваться услугами рекомендованного им мною адвоката[‡], для которого, надобно думать, и[§] предназначены эти деньги, но я, само собою разумеется, не могу ему передавать их до получения^{**} потребного на то ордера.

Поздравляю Вас с наступающим Новым годом.

Искренно уважающий Вас
М. Дринов

ЦДІАК України, ф. 2026, оп. 1, од. 3б. 25, арк. 1–2. Чернетка.

М. С. Дринов – С. В. Морошкину

8 марта [1885 г., Харьков].

Милостливый Государь, Сергей Федорович!

Содержание Вашего почтенного письма от 9-го ноября 1884 г. я не замедлил сообщить г-ну министру народн[ого] просв[ещения] в княж[естве][!]. В ответ на это мое сообщение^{**} г-н министр на днях прислал для передачи Вам прилагаемую при сем доверенность^{††}, составленную согласно Вашим указаниям. При этом г-н министр просит меня сообщить Вам^{‡‡} следующее его желание, которое я для точности излагаю словами министерского письма[§]: «Габровское общинское управление желает, чтобы г. Морошкин не начиндал дела, не ознакомившись предварительно, как оно обстоит и какая сумма поступит

* Зачеркнуто: *крайнему моему недоумению.*

† Зачеркнуто: *не знаю, что делать с этими присланными Вами деньгами. Подожду еще неделю, две, три.*

‡ Зачеркнуто: *Морошкина.*

§ Зачеркнуто: *фраза не читается.*

** Зачеркнуто: *какого-нибудь, далее слово неразборчиво.*

*** Зачеркнуто: *я на днях получил.*

†† Зачеркнуто: *Г[абровского] город[ского] общ[инского] управления, каковая доверенность.*

‡‡ Зачеркнуто: *что Габровское общ[инское] управл[ение] желает, что следующее от имени Габровск[ого] общ[инского] управл[ения].*

§ Зачеркнуто: ко мне: „Прошу Вас сообщить господину Морошкину, что.

в пользу Габровской общины. Об этом он (г. Морошкин) имеет своевременно уведомить его (Габр[овское] гор[одское] общ[инское] управление), дабы оно могло решить, следует ли возбуждать процесс, или нет».

Кроме вышеозначенной доверенности при сем прилагаю и 50 (пятьдесят рублей), присланных мне из Габрова для передачи Вам.

Примите милостивый Государь уверения в моем глубоком к Вам уважении и [...].

М. Дринов**.

ЦДІАК України, ф. 2026, оп. 1, од. 3б. 30, арк. 1–2. Чернетка.

¹ В это время министром народного просвещения Болгарии был Каролев Райчо (Рачо) Михов (1846–1928) – учитель, богослов, литератор, деятель просвещения, действительный член БАН (1884). Родился и долгое время работал в Габрово, в 1884–1886 гг. министр народного просвещения Болгарии.

М. С. Дринов – Р. Каролеву^{††}

26 марта 1885 г., Харков
До Господин министра
на Народного просвещение
Р. Каролев¹

Имам честта да Ви известя почтаеми господин министър, че на 18 т. м. аз предадох господин присяжному поверенному Морошкину достоверността, която ми бяхте изпратили с писмото си от 7 февруари, под № 165. При това аз дадох господину Морошкину и точни копия от оная част на писмото Ви, в която ми излагате желанието на Габровското общинско управление, със заповед на господството му. Г-н Морошкин намира това желание доста неясно и поиска от мене някои разяснения, които аз не можах да му дам, особено като сам забелязвах в желанието на Габровското общинско управление някои несъответствия с онния сведения, които ни бяха съобщили в последното си писмо от 10 ноември, по работа за [...] наследство. За разяснение на своите недоумения, г-н Морошкин, види се, ще трябва да се обърне към Габровското общинско управление.

Считам за нужно да прибавя още, че същевременно да предам г-н Морошкину и 50 (петдесет) книжни рубли, които г. Ращев² беше ми изпратил преди някое време от страна на Габровското общинско управление. Позволете ми, почтаеми господин министре да Ви известя, че за ползата на делото, потребно е, защото Габровското общинско управление

** Карандашом рукой Дринова: *Письмо это с доверенностью] передано 18-го марта мною лично г-ну Морошкину, который выдал мне прилагаемую при сем расписку в получении.*

^{††} 26 марта 1885 г., Харьков
Господину министру народного
просвещения Р. Каролеву¹

Имею честь поставить Вас в известность, господин министр, что 18 с. м. я передал г-ну присяжному поверенному Морошкину доверенность, которую Вы мне выслали письмом от 7 февраля под № 165. При этом я дал господину Морошкину и точные копии той части Вашего письма, в котором излагаете пожелание Габровского общинского управления, с распоряжением относительно его владения. Господин Морошкин находит это пожелание не совсем четким и обратился ко мне за некоторыми разъяснениями, которые я не мог ему дать, особенно когда сам заметил в пожелании Габровского общинского управления некоторые несоответствия с теми сведениями, которые нам сообщили в последнем своем письме от 10 ноября по вопросу о [...] наследство. За разъяснениями относительно своих недоумений господин Морошкин, видимо, должен обратиться к Габровскому общинскому управлению.

Считаю нужным еще добавить, что одновременно передам г-ну Морошкину и 50 (пятьдесят) бумажных рублей, которые г. Ращев² выслал мне ранее от имени Габровского общинского управления. Разрешите мне,уважаемый господин министр, известить Вас, что для пользы дела необходимо, чтобы Габровское общинское управление вошло в непосредственные сношения и соглашения с господином Морошкиным: при моих личных обстоятельствах я не в состоянии быть посредником между ними, тем более что наступающее лето проведу в Харькове.

М. Дринов

Адрес господина Морошкина указан и в своих, моих последних письмах к Вам от 24 апреля и 10 ноября.

да влезе в непосредствени сношения и споразумения с господин Морошкин: при моите лични обстоятелства аз не съм в състояние да бъда посредник между тях, толкова повече, че идвашкото лято ще да прекарам в Харков.

М. Дринов

Адресът на господин Морошкина е забелязано и в своите, мои последни писма до Вас от 24 април и 10 ноември.

ЦДІАК України, ф. 2026, оп. 1, од. зб. 26, арк. 1–2. Чернетка.

¹ См. прим. 1 к письму С. В. Морошкину от 8 марта 1885 г.

² По-видимому, речь идет о крупном габровском ремесленнике В. Евстратиеве Ращеве, скончавшемся в 1906 г., отце известных болгарских промышленников первой половины XX в. Христо, Николая и Георгия Ращевых.

М. С. Дринов – М. И. Дриновой¹

[13 июля 1885 г.], воскресенье, Славянск.

Дорогой друг!

Вчера утром в 7 часов благополучно прибыл на Славянский вокзал, откуда сейчас переехал на нашу дачу, находящуюся в шести верстах от вокзала. Дача эта состоит из старой хаты, очень невзрачной снаружи, но необыкновенно чистенькой внутри. Хозяева очень добрые люди и ухаживают за нами хорошо: кормят отменным обедом, молоком, разными фруктами. И все это так дешево. Вчера я уже взял ванну, сегодня тоже. Купанье очень приятное и, по-видимому, полезное. Докторам еще не показывался, но постараюсь поговорить с ними завтра или послезавтра. При водах имеется большой и хороший парк, где ежедневно играет музыка, а по вечерам дают разные представления или устраивают танцы. Публика не очень многочисленна, но, кажется, довольно порядочна. Вообще можно сказать здесь живется очень хорошо и дешево. Не сомневаюсь, что здешнее купанье будет особенно полезно для тебя и для детей. Вы все отлично бы могли поместиться в нашей хате. Но об этом мы поговорим потом. Харьковские письма приносят в контору минеральных вод около двух часов дня. Контора эта находится в двадцати шагах от нашей хаты. Сейчас отправлюсь туда в надежде найти там весточку от вас. Пишите почаше, каждый день, а в случае нужды телеграфируйте. Скажи деткам, что если будут вести себя хорошо, мы их привезем сюда. Крепко целую всех. Елене Ксенофонтове кланяюсь. Лебедев², который очень растолстел здесь, шлет тебе привет. Диллен³ и Елена Максимовна кланяются.

Твой Марин.

Письмо получил, спасибо. Постарайся успокоиться так, чтобы спать хорошо.

ЦДІАК України, ф. 2026, оп. 1, од. зб. 29, арк. 1–2.

¹ Дринова (урожд. Вильямс) Маргарита Ивановна – жена М. С. Дринова.

² См. прим. 1 к письму А. А. Потебне от 10 апреля 1876 г.

³ Диллен Эмилий Михайлович (1854–1931) – филолог, публицист, приват-доцент Харьковского университета. Выехал в Англию, где посвятил себя журналистской деятельности.

М. С. Дринов – М. И. Дриновой

14 июля [1885 г.], понедельник, [Славянск].

Дорогой друг!

Тебя, вероятно, будит и беспокоит Наталья, если ты спишь на верху, а она рядом с тобою в передней. Устройся лучше внизу: или в столовой вместе с Сашей, или же в Акулининой комнате. В последнем случае скажи Надежде и Наталье не шуметь, а по ночам совсем не выходить из кухни и не стучать. Если по ночам не можешь спать, то старайся

спать днем. Пошли детей в город или куда-нибудь гулять, а сама тем временем приляг где-нибудь внизу и спи себе! Я сегодня взял уже третью ванну и, кажется, все с пользою. Возьму еще пять-шесть таких ванн (в 26 градусов), а потом, вероятно, начну купаться в озере, особенно, если наступят жаркие дни. Теперь погода довольно прохладная, хотя дождей нет, и, говорят, давно не было.

Сейчас получил письмо Саши и Маши, которым отвечу завтра. Поцелуй их и скажи, что я очень доволен их письмами. Но отчего же Степа не написал ничего? Надеюсь, что завтра вместе с твоим письмом получу и от него несколько строчек. Сегодня мы с Амфианом Степановичем гуляли по окрестностям Славянска: они очень пустынны, но я очень доволен этой прогулкой.

15 июля. Сейчас получил твое вчерашнее письмо, которое очень успокоило меня. Поцелуй Степу за его строки. Вчера я опоздал отправить это письмо, которое посыпало сейчас. Завтра мы едем на Святые горы. Придется ехать 18-ть verst, а не три, как говорили нам в Харькове. Пробудем там около пяти часов и к вечеру вернемся. Целую всех.

Твой Марин.

ЦДІАК України, ф. 2026, оп. 1, од. зб. 27, арк. 1–2.

¹ См. прим. 1 к письму А. А. Потебне от 10 апреля 1876 г.

² «Святые горы» – местность на правом берегу Северского Донца, где расположен Святогорский Успенский монастырь. Во второй половине XIX в. Святые горы были местом паломничества верующих, любителей древности, писателей и художников.

М. С. Дринов – М. И. Дриновой

17 июля [1885 г.], [Славянск].

Дорогой друг!

Поездкой на Святые горы мы не совсем довольны, ибо пришлось голодать целый день. Не запаслись никакою провизиею, ибо рассчитывали на пресловутое гостеприимство монахов, которые, однако, кроме отвратительного кваса, ничего не захотели нам дать, а купить было негде. Негде было и отдохнуть после утомительного путешествия по крутой горе, ибо отвели нам маленькую, душную, грязную комнату, в которой и повернуться нельзя. Не удалось и выкупаться в прекрасной речке, ибо на берегу не позволяют, а купальни невообразимо грязны: там бабы полоскали разное тряпье. В виду таких невзгод мы, конечно, не могли оставаться там слишком долго и поспешили возвратиться в Славянск.

Со вчерашнего дня началась сильная жара, но в нашей хате довольно прохладно: мы и будем сидеть в ней по целым дням, а купаться будем ходить по утрам, или же по вечерам. Само собою разумеется, что такая жизнь скучновата. Вот почему Лебедев¹ уже собирается удрать послезавтра.

Я себя чувствую хорошо, но последние две-три ночи спал очень скверно, – говорят, что это зависит от теплых ванн. Завтра начну купаться в озере и если бессонница моя и после этого не прекратиться, то, должно быть, не решусь оставаться здесь слишком долго. Относительно тебя я не сомневаюсь, что здешнее купание принесет тебе пользу, – оно будет полезно и Саше. Но боюсь, что ты тут не будешь спать хорошо, а это для тебя хуже всего. Как ты думаешь об этом? Если решаешься приехать, напиши, чтобы я заблаговременно сообразил, как устроить поездку.

Письма твои приносят мне в три часа. Теперь уже четыре прошло, а почтальона нет. Что это значит? Будет очень неприятно, если не получу и сегодня от вас весточки. Поцелуй деток и скажи им, что я им купил вчера гостинцы. Поклон Елене Ксенофонтовне. Крепко обнимаю тебя.

Твой Марин.

ЦДІАК України, ф. 2026, оп. 1, од. зб. 28, арк. 1–2.

¹ См. прим. 1 к письму А. А. Потебне от 10 апреля 1876 г.

**ДОКУМЕНТАЛНИ СВИДЕТЕЛСТВА ОТ РУСКИТЕ АРХИВИ
ЗА ДЕЙНОСТТА НА ПЪРВИЯ ДИРЕКТОР НА НАРОДНАТА
БИБЛИОТЕКА ПО НЕЙНОТО ОКОМПЛЕКТОВАНЕ
С НЕОБХОДИМИЯ КНИЖЕН ФОНД**

И. Стоянов

Стоянов, И. Документалні свідчення російських архівів про діяльність первого директора Народної бібліотеки з її забезпечення необхідним книжковим фондом

У статті йдеється про історію створення Народної (Національної) бібліотеки у Софії та зусилля її первого директора Г. Кіркова щодо забезпечення бібліотечних фондів російською літературою. Друкується листування з цього питання, що дає змогу з'ясувати мету та простежити деякі канали книгопостачання до однієї з найважливіших культурно-просвітницьких інституцій Болгарії, щойно звільненої від османського поневолення.

Ключові слова: Російське тимчасове управління в Болгарії, Народна бібліотека, Софія, Георгій Кірков, листування.

Стоянов, И. Документальные свидетельства российских архивов о деятельности первого директора Народной библиотеки по ее комплектации необходимым книжным фондом

В статье речь идет об истории создания Народной (Национальной) библиотеки в Софии и усилиях ее первого директора Г. Киркова по обеспечению библиотечных фондов русской литературой. Публикуется переписка по этому вопросу, которая дает возможность определить идеологическую цель и проследить некоторые каналы снабжения книгами одной из важнейших культурно-просветительских институций Болгарии, только что освободившейся от османского господства.

Ключевые слова: Русское временное управление в Болгарии, Народная библиотека, София, Георгий Кирков, переписка.

Stoyanov, I. Documentary Evidences from Russian Archives for the Activities of First Director of the National Library for Equipping with the Necessary Book fund

Documentary evidences from Russian archives shows the activities of the first director of National Library to fund the necessary bookshelves. The article highlights the history of the People's (National) Library in Sofia and the efforts of its first director Georgi Kirkov to fund the Russian literature in the library. The published correspondence on that subject makes it possible to determine the ideological purpose and traces some supply channels of the books for one of the most important cultural and educational institutions in Bulgaria which has been just liberated from Ottoman domination.

Keywords: Russian interim management in Bulgaria, National Library, Sofia, Georgi Kirkov, correspondence.

Временното руско управление в освободените български земи полага грижи за изграждането на необходимата за една новосъздадена държава административна структура, която да поеме всички функции по организацията и реализирането на управлението на проектираното княжество. Един от важните въпроси, стоящи за разрешаване, е този за правилното структуриране на училищната и образователната система и осигуряването на тази система с необходимата база. Освен грижите за училищни сгради, подготвени преподаватели и необходимата учебна литература, тази система се нуждае от библиотечна мрежа, която да задоволява потребностите на образователните институции и да дава възможност на младата българска интелигенция да е „в крак“ с модернизационните процеси в останалите страни на Европа и света. Особено важен е въпросът за създаването на една централна библиотека, която да се превърне в стожер на подетото дело и която да съхранява в своите фондове всичко необходимо за получаване на всестранна информация от своите посетители.

За това се досещат най-рано представителите на славянските дружества в българските земи и селища, някои от които заемат административни длъжности във Временното руско управление. Един от тях е Пътър В. Алабин – главен агент на Славянските благотворителни дружества в освободените български земи и в същото време губернатор на София. В реализирането на тази идея той е подпомогнат от проф. Марин С. Дринов. През септември 1878 г. двамата разработват устав на предвижданата обществена библиотека. В доклада си от 28 октомври 1878 г. за своята дейност в България до Петербургското славянско общество

Пътят Алабин пише дословно следното: „Накрая, вземайки под внимание, че с освобождението на България от турски иго младото поколение на страната, отличаващо се със своята любознателност, трудолюбие и жаждата към учение, трябва да постигне в най-кратко време след откриването на проектирани учебни заведения доста бързи успехи по пътя на цивилизацията, ако все пак му бъдат предоставени средства за образование, ние стигнахме до заключението за необходимост от незабавно устройване в главния град на областта, София, на обществена библиотека с безплатни към нея читални с книги, които са преди всичко на български и руски език.

Предвид това в София е създадено нарочно общество към обществената библиотека за устройство, развитие и управление на споменатите учреждения.

Предвижда се библиотеката и читалнята да се издържат: а) за сметка на волни по-жертвования; б) от ежегодните вноски на членовете на обществото; в) от абонамента за правото да се вземат книги за домашен прочит.

За да се увеличат средствата за библиотеката, се предлага да се открият към нея книжарница и магазин за църковни книги, утвар, дрехи и други потреби.

В тези книжарници и магазини, създаването на които е крайно необходимо, защото в цяла България няма откъде да се купи било руска учебна или църковна книга, или капитално литературно произведение, също така няма откъде да се закупят предметите, които ще се продават в магазина за църковни вещи, като продажбата ще се осъществява на съвсем умерени цени. При това положение определен процент от печалбата, която ще се реализира при тази продажба, се предлага да се отчислява за образуване на капитал за спомоществование на желаещите да продължат своето образование във висшите руски учебни заведения.

Инициативата за създаване на обществена библиотека и читалня в София тръгва като инициатива от името на славянските дружества, при което за определянето на сградата за библиотека, за направата в нея на необходимите приспособления и необходимите мебели са употребени от сумите на Славянските дружества 1147 фр.

Изброявайки най-важните факти от своята годишна дейност като агент на обществата в България, дейност, която днес се прекратява поради свършването на предоставените ми средства, за което представям кратък отчет за последните месеци, като допълнение към предоставените такива по-рано, позволявам си да се обърна към обществото с молба да оказва възможната помощ и поддръжка на Софийската обществена библиотека, снабдявайки я със своите издания и други книги, които се намират в разпореждане на обществото.

Към казаното мога да прибавя, че българите изцяло и високо оценяват това участие, което са вземали и вземат славянските дружества в тяхната съдба⁴¹.

На 10 декември се обявява съществуването на библиотеката, а на 15 декември генерал-майор М. А. Домонтович приема за сметка на ръководената от него служба направените разходи от 500 рубли за новата институция². На 16 февруари 1879 г. председателят на Петербургското славянско общество К. Н. Бестужев-Рюмин изпраща до Ф. П. Корнилов – член на Държавния съвет, писмо с молба да съдейства сред своите познати кръгове за набиране на книги за българските библиотеки и читалища. Като изтъква взаимната полза от подобно дело и за Русия, и за България, Бестужев-Рюмин подчертава: „На първо време трябва да се направи преимуществено следното: а) да се окаже помощ за отваряне на няколко руски библиотеки и читалища в България най-вече в градовете: София, като столица на България, Търново, където е открито висше духовно училище, в Габрово, където е открита гимназия, и в Лом-Паланка, където ще се открива реално училище; в градовете Видин, Варна, Русе, Шумен, Свищов, Самоков и Плевен – да се открият само читалища; б) да се окаже съдействие на учебните заведения и училищата в България чрез снабдяване с руски азбуки, граматики, христоматии и разни други ръководства⁴³.

Избраният път за набиране на книги и пособия за библиотеката явно не дава очакваните резултати и с решение на комисаря А. М. Дондуков-Корсаков от 5 юни 1879 г. тя е трансформирана в държавно учреждение и получава наименованието Българска народна библиотека⁴. На същия ден – 5 юни 1879 г., с Указ № 613 г на А. М. Дондуков-Корсаков, подписан и от проф. Марин Дринов, Георги Яковлев Кирков е назначен за „Главен библиотекар на Софийската публична библиотека с годишна плата от шест хиляди лева“⁵.

Първите книги, които полагат основите на книжния фонд на библиотеката, са предоставени от българския търговец Иван Денкоглу. Новият ръководител на библиотеката обаче – Георги Я. Кирков, се захваща сериозно с въпроса за осигуряване на необходимия книжен фонд, за което говорят и трите писма, публикувани по-долу в превод от руски език на автора на това изследване.

**Писмо на Георги Яковлев Кирков до Василий Михайлович Каченовски –
служител във ВРУ и в дипломатическото представителство на Русия
в Княжество България**

М.Н.П. Българска Народна Библиотека.
№ 32, 3 септ. 1879, София.

Милостиви господарю, Василий Михайлович,

Днес научих, че Вие заминавате за Русия. Възползвам се от случая нископреклонно да Ви помоля за това покрай възложението Ви служебни поръчения да бъдете така добър да обърнете внимание на господа славянофилите в С. Петербург върху нашата млада Библиотека в София.

Няма да разяснявам нито на Вас, нито на другите, че нашата „**Българска Народна (Национална) Библиотека**“ (подч. в текста от автора на писмото – б.м., И. С.), появила се по инициатива и съществуваща благодарение милостта на руските хора, е длъжна да се превърне в бъдеще в „училище“ в нашето Княжество за своите посетители.

Преди всичко е желателно подобно учреждение, основата на което е положена от славяните руси, да запази завинаги своя славянски характер, който българите, с още далеч неустановения си език и литература, никога няма да запазят. Предвид на това е необходимо да се създаде в юга руска библиотека (в София), която да удовлетворява любознателността на подрастващото българско поколение, да служи като проводник на славянската идея в младото княжество и да възпитава, така да се каже, в славяноруски дух, в ограничаване на това западно влияние, което започва да се забелязва у нас. Вие, мисля, напълно ще се съгласите с мен в това, че Русия, проляла безкористно толкова кръв и с това дарувала ни свобода на нас – българите, няма да ни изостави сега, тъй като предназначението на нейната история е да действа и да не допусне влияние на запада там, където това влияние ѝ принадлежи по право. Голямо добро за българите е, ще добавя аз, че без особени затруднения те могат днес да четат руски език и литература и да се развиват свободно, стига да има за това желание.

Възползвайки се от личните си срещи с много от най-изтъкнатите личности на Русия, няма ли да можете Вие, Василий Михайлович, да ги приканите към не толкова трудното изпращане на книги в полза на нашата бедна библиотека?

При това аз съм уверен, че и самото Правителство няма да откаже служебни издания по разни направления на Държавното устройство.

Библиотеката ще приеме с голяма благодарност всички възможни пожертвования – както книги, така и разни колекции и учебно-възпитателни предмети, които могат да се използват за проектирания към Библиотеката **музей** (подч. от автора на писмото – б.м., И. С.).

Може би ще се намери някоя търговска книжарска фирма в Петербург, която би пощела да обогати нашата библиотека с научни и учебно-възпитателни книги и пособия, от които се чувства голяма необходимост от страна на учителите и учащата се българска младеж.

Аз се осмелявам да вярвам, че и Светият Руски Синод няма да ни откаже да изпрати своите издания, от които толкова се нуждае нашето отслабено духовенство, представляващо много тъжна картина като резултат от влиянието на фанариотството.

Няма да забравите, ако имате възможност, да се срещнете с почетните слависти (членове на Славянското общество) – с г.г. проф. Ламански, пр. Срезневски, Пипин, О. Мюлер, акад. Буняковски и другите, чиито фамилии не мога да си припомня. Навсянко те няма да откажат да подарат своите съчинения на нашата бедна библиотека.

Накрая, аз вярвам, че именно Императорската Академия на Науките не ще откаже на бъдещата българска разпространителка на славянската идея своите издания, в краен случай дори само тези, които са по-нови.

И така, в заключение Ви моля, Милостиви Господарю, Василий Максимович, във всичките ви срещи да бъдете изразител на истинските чувства, които освободеният български народ изпитва към своите велиcodушни освободители и на които е истински почитател и Вашият покорен слуга

Главен библиотекар Г. Кирков
Помощник библиотекар Н. О. Шумков⁶

**Писмо на Василий Михайлович Каченовский до
Пътър Алексеевич Васильчиков, в което се предава молбата на Г. Я. Кирков**

Милостиви господарю Пътър Алексеевич,

Директорът на Софийската народна библиотека ме упълномощи да ходатайствам пред руските учени, литератори и научни общества за подаряване от тяхна страна на научни и литературни трудове и научни издания на Софийската библиотека. Моето заминаване в България ме принуждава да преустановя започнатите по тази работа ходатайства. Вашето топло отношение към това дело и съпричастността, която Вие вече засвидетелствахте към него, ми дава смелост да предположа, че Вие няма да се откажете от започнатото в интерес на тази работа и довеждането ѝ до успешен край. Като Ви предоставям моите пълномощия в този момент, имам чест да Ви препратя отправеното до мен писмо на Г. Кирков, което въсъщност определя значимостта на тези пълномощия.

Позволете да Ви напомня и посоча тези места и учреждения, в които по мое мнение можете да се обърнете с ходатайство за книги.

Приемете, Милостиви господарю, уверение в дълбокото ми уважение и преданост, с които имам чест да бъда Ваш покорен слуга.

Б. Каченовский
С. Петербург
1879 Октомври 22⁷

**Писмо на Пътър Алексеевич Васильчиков до
Афанасий Фьодорович Бычков относно молбата
на Г. Я. Кирков и В. Каченовский**

Ваше превъзходителство, Милостиви Господарю Афанасий Фьодорович,

В началото на октомври пристигна за кратко време от София в Петербург намиращият се в командировка в Княжество България чиновник от М. външ. р. Василий Михайлович Каченовский. Целта на идването на Г. Каченовский беше да потърси и покани на служба в България специалисти практици по съдебната част; но заедно с това той приел от директора на Националната библиотека в София поръчение да ходатайства за изпращане в указаната библиотека на издания и трудове на нашите правителствени учреждения и научни общества.

За съжаление, кратковременното пребиваване на Г. Каченовский в Русия, което беше използвано изцяло за изпълнението на основната му задача, го поставя в невъзможност до изпълни второто поръчение, по отношение на което той се ограничи единствено с някои лични срещи с представители на Петербургския университет. Предвид това, преди отпътуването си Г. Каченовский ме помоли да продължа започнатото от него ходатайство в изпълнение на тази задача.

Поради тази причина се обръщам към Ваше Превъзходителство с молба за безплатно осигуряване на Софийската библиотека на изданията и трудовете на Археологическата комисия, като се осмелявам да се надявам, че Ваше Превъзходителство няма да откажете съдействието си за удовлетворяване на това ходатайство.

И още – смятам за необходимо да добавя, че подарените на Софийската библиотека книги могат да бъдат изпратени в България от Съвета на С. Петербургското слав. благотв. общество, който се задължи да изпраща руските книги в България и че те трябва да бъдат доставяни в помещението на Съвета, в сградата на Императорското руско музикално общество при Александровския театър.

Имам чест да Ви представя копие от писмото на Г. Каченовски до мен и на писмото на директора на Софийската национална библиотека до Г. Каченовски.

С най-дълбоко почитание имам чест да бъда на Ваше превъзходителство покорен слуга.

Пътят Василчиков
С. Петербург
Декември 11 ден 1879 г.⁸

Публикуваните документи имат важно значение за историята на Националната библиотека „Св. св. Кирил и Методий“ най-малко в две посоки. На първо място, те стават достояние на четящата публика и дават изключително интересни сведения за това как започва живота си един от най-важните културно-просветни институти във възстановена България още в първите месеци от самостоятелното ѝ съществуване. На второ място – поразява прозорливостта на първия директор – главен библиотекар, както се нарича сам Георги Яковлев Кирков. Той именува това просветно светилище с „**Българската Народна (Национална) Библиотека**“. В продължение на повече от 120 години то носи името Народна библиотека „Св. св. Кирил и Методий“, за което свидетелства и надписът, останал и до днес на фасадата, а от няколко години институцията се нарича Национална библиотека „Св. св. Кирил и Методий“. Добронамереният изследовател и взискателният читател, запознали се с писмото на първия ѝ директор до Василий Михайлович Каченовски, не може да не забележат прозрението, което прави още през 1879 г. Георги Я. Кирков, наречайки библиотеката „**Българската Народна (Национална) Библиотека**“. Тук не е излишно да се повтори отново, че подчертаването в текста е направено от ръката на Кирков, но той се досеща, че тази институция може да бъде наречена освен „Народна“ с пълно основание и „Национална“. И това го прави и пише преди 135 години. Не е за учудване, че той се досеща и пръв между българите да напише биография на Апостола на българската свобода, защото знае, че биографията на героя се пише не заради самия него. Пише се за живите, пише се за българите, които излизат от петстотингодишно чуждо владичество и се нуждаят от личности, които да са ориентир с примера на своя живот, с примера на своите идеи, с примера на своите действия. Първата биография на Васил Левски, станала факт на 20 март 1882 г. – почти цели две години преди появата на написаната от Захарий Стоянов биография на Левски, която се появява на бял свят в края на януари 1884 г.

¹ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Том третий. Борьба России и болгарского народа за создание Болгарского государства 1878–1879. / Под ред. на С. А. Никитин, В. Д. Конобеев, Х. Н. Гандев, Г. Д. Тодоров. Москва, 1967, с. 297.

² Так там, с. 356.

³ Так там, с. 451.

⁴ Так там, бел. 7.

⁵ Национална библиотека „Св. св. Кирил и Методий“ – Български исторически архив, II В, 2312.

⁶ Российская национальная библиотека – Санкт-Петербург (по-нататък РНБ – СПб), ф. 120 (Бычковы), ед. хр. 456, л. 6–7.

⁷ Так там, л. 5.

⁸ РНБ – СПб., ф. 120 (Бычковы), ед. хр. 456, л. 3–4.

⁹ Стоянов, Ив., Р. Симеонова. Първият биограф на Апостола. В. Търново: Изд. „АСТАРТА“, 2013.

ЛИСТ ВАСИЛЯ ФИЛОНОВИЧА 1921 РОКУ ЯК ДЖЕРЕЛО З ІСТОРІЇ ВИВЧЕННЯ УКРАЇНСЬКОЇ ЕМІГРАЦІЇ В БОЛГАРІЇ

Л. Жванко

Жванко, Л. Лист Василя Филоновича 1921 року як джерело з історії української еміграції в Болгарії

У статті презентовано невідоме до цього часу широкому науковому загалу історичне джерело – лист Василя Филоновича, одного із відомих діячів української еміграції у Болгарії на початку 20-х років минулого століття, до Центрального бюро біженців з України, яке діяло при Головному Начальникові евакуації і розташування установ Української Народної Республіки (УНР) у Тарнові (Польща). У листі подано широку характеристику взаємин українців і болгар, російської еміграції, виокремлено низку проблем життя українців на чужині.

Ключові слова: Василь Филонович, Болгарія, українські емігранти, Українська революція.

Жванко, Л. Письмо Василия Филоновича 1921 года как источник об истории украинской эмиграции в Болгарии

В статье представлен неизвестный до этого времени широкому научному сообществу исторический источник – письмо Василия Филоновича, одного из активных деятелей украинской эмиграции в Болгарии начала 20-х годов прошлого века, к Центральному бюро беженцев с Украины, которое действовало при Главном начальнике эвакуации и размещения учреждений Украинской Народной Республики (УНР) в Тарнаве (Польша). В письме раскрывается широкое взаимодействие украинцев и болгар, русской эмиграции, делается перечень проблем жизни украинцев за границей.

Ключевые слова: Василий Филонович, Болгария, украинские эмигранты, Украинская революция.

Zhvanko, L. Letter by Vasiliy Filonovich as a source of the history of Ukrainian emigration to Bulgaria in 1921

The article presents the unknown till now historical source to broad scientific community – a letter by Vasiliy Filonovich, one of the active members of the Ukrainian emigration in Bulgaria in the early 20s of the last century, to the Central Bureau of refugees from the Ukraine, which operated with superiors evacuation and placement agencies of the Ukrainian People's Republic (UNR) in Tarnawa (Poland). In a letter to the general characteristics of the interaction of Ukrainians and Bulgarians, Russian emigration, highlighted a list of problems in the life of Ukrainians abroad.

Keywords: Vasiliy Filonovich, Bulgaria, Ukrainian emigration, Ukrainian revolution.

Початок 20-х років минулого століття – надзвичайно складний період в історії України і Болгарії. Перша, у результаті поразки Української революції 1917–1921 рр., вкотре втратила нагоду відстоювати свою незалежність; друга, як учасниця Четверного союзу, зазнавши поразки у Першій світовій війні, переживала нову національну катастрофу¹. Події тих даліх часів знайшли відображення у значному масиві наукової літератури, водночас кожне віднайдене історичне джерело проливає нове світло, дає нове прочитання, доповнюючи мозаїчне панно під назвою «Історія». Тому введення до наукового обігу невідомих джерел є важливим завданням кожного історика, який прагне донести об'єктивне бачення минувшини Батьківщини. Одним із таких джерел є лист відомого українського діяча Василя Филоновича, який характеризує життя українців у Болгарії на початку 1920-х рр.

Тематика міжвоєнної еміграції українців у ХХ столітті є достатньо висвітленою проблемою в українській історіографії. Відтак, у контексті нашої розвідки варто лише згадати фундаментальну працю В. П. Трощинського «Міжвоєнна українська еміграція в Європі як історичне і соціально-політичне явище», яка фактично заклали методологічні та теоретичні засади вивчення цієї тематики². У монографії В. В. Павленко, присвяченій українсько-болгарським взаєминам протягом 1918–1939 рр., зокрема, розглядаються діяльність дипломатичних представництв України і Болгарії, причини приуття українців до Болгарії³. Публікації В. Власенка проливають світло на постать Василя Филоновича, активного учасника українських визвольних змагань, підполковника, на той час представника військового міністерства УНР на Балканах⁴.

Отже, метою нашої розвідки є, по-перше, введення до наукового обігу цікавого історичного джерела, по-друге, розкриття ще однієї сторінки перебування української еміграції у Болгарії на початку 20-х років минулого століття.

Слід зауважити, що українцям, які з різних причин перебували поза межами батьківщини, нікуди було повернутися, оскільки новий більшовицький режим був для них не-прийнятним. Тому на початку 1920-х років осередки українських мігрантів можна було зустріти у багатьох країнах Європи. Очевидець тих трагічних подій М. Юрченко, один з учасників Української революції, 1920 р. писав:

«Під весняний шелест нив, під золоті потоки літнього сонця, під плач осінньої ліщи-ни, під стогін зимової бурі – залишили батьківщину.

Куди.

Чи не все рівно, аби дальше, дальше від наїзду горди московсько-більшовицької.

Юність пригадалася. Старенка дерев'яна церквка. Пан отець Миколай читав: «Блаженні, вигнані за правду». Хто тоді відчував так глибоко як тепер зміст цих пари слів святого письма.

А тепер це страшна трагедія української нації, ставшої в значній більшості своїй свідомих синів тими вигнаннями за правду.

Від холодного білого моря до країв оливкового дерева, від Сибіру через Європу до нового світу густими пасмами пішли артерії розігнаної ворогами української нації.

Ось переді мною відомості про українців що волею їх неволею ділили й ділять трагедію врангеліади, які не вожаючи на репресії росіян, все-таки живуть більш-менши організованими громадами, організовуючи свої хори, театри: Скутарі – 900 чол., Туела – 4000, Халки – 1300, Сан-Стефані – 7000, Лан – 800, Бернадоки – 600, Корсика – 900, як рівно ж Галіполі, Чаталджі, Лемнос і інших, де ще досі не зареєстровано.

Вони, як один, прагнуть головного центру У.Н.Р. щоб разом вирушити на визволення України»⁵.

Частина з них була змущена осісти саме у Болгарії. На початку 20-х рр. ХХ ст. у цій країні, як зазначає В. В. Павленко, дослідниця історії українсько-болгарських стосунків, проживало кілька категорій українських біженців. Серед них – 500 біженців-українців, які свого часу служили в установах УНР; 1,5 тис. українських біженців з числа 15 тис. біженців колишньої Росії; більше половини від 24 тис. вояків колишньої армії барона П. Врангеля склали також українці⁶. То були, головним чином, національно несвідомі або мало свідомі які не бажали виокремлюватися із загальноросійського емігрантського комплексу⁷. Водночас найбільш національно свідомі з них утворили свою організацію – «Українська громада», при якій постав військовий клуб «Січ». Його очолив колишній командир 4-го полку Січових стрільців Василь Філонович.

Донедавна ім'я Василя Захаровича Філоновича, як зазначив дослідник його життя В. Власенко, було майже невідомим не тільки широкому загалу, але й науковцям. Лише на межі ХХ–ХХІ ст. в Україні перші короткі відомості про нього з'являються в енциклопедично-довідкових виданнях, працях з історії спецслужб Державного Центру Української Народної Республіки та в зв'язку з протистоянням в еміграції «уенерівців» з «націоналістами». Його прізвище згадується в епістолярії та творах провідників міжвоєнної еміграції, а також у працях з історії української еміграції в Європі. Посилення інтересу до постаті цієї непересічної людини у зв'язку з його участю в обороні Карпатської України в березні 1939 р. призвело до появи роботи біографічного характеру та публікації документів про його організаторську діяльність серед українських емігрантів у Болгарії на початку 1920-х років⁸.

Доля героя нашої статті Василя Філоновича нагадує долю багатьох українців, які боролися за її незалежність у роки Української революції та пізніали гіркоту емігрантського життя. Народився він 15 січня 1894 р. у селі Рогізне (нині Сумського району Сумської області). Під час Першої світової війни закінчив Чугуївське піхотне юнкерське училище, служив у російській армії у чині поручика. Після Лютневої революції став прихильником Української Центральної Ради, брав активну участь в українізації військових частин. Наприкінці 1917 р. став військовим комендантром Сумського повіту. Організував кінний полк та кілька піших сотень. Протягом січня-лютого 1918 р. під час наступу більшовицьких військ на Київ очолював відтинок фронту Ворожба – Суми

– Гайворон. На початку 1919 р. він – старшина для окремих доручень при ставці Головного отамана Симона Петлюри. У тому ж році брав участь у боях на більшовицькому і денікінському фронтах. У грудні 1919 р. у складі групи із 32 старшин був направлений у денікінський тил на Катеринославщину для надання допомоги повстанським загонам. Потрапив у полон і був вивезений денікінцями до Одеси, але втік з полону на Кубань, де приєднався до кубанських повстанців.

У 1920 р. В. Філонович на чолі загону відступив у Грузію. Був включений до складу української військової місії у Грузії, обіймав посаду віце-консула України в Поті. Восени 1920 р. виїхав до Туреччини, потім певний час проживав у Болгарії, а згодом – у Польщі. 1939 року брав участь у боях військових підрозділів Карпатської України з угорською армією. Під натиском переважаючих сил противника частини Карпатської Січі під його командуванням відступили на територію Румунії, а після видачі румунським урядом січовиків угорським властям В. Філонович деякий час перебував у концтаборі. Згодом жив у Словаччині, а з 1951 р. – у США, де очолював Союз українських ветеранів, Товариство прихильників УНР. Помер 3 червня 1987 р. в місті Міннеаполіс (США)⁹.

Період, яким датується лист, був надзвичайно складним для України. Українська революція зазнала поразки і уряд УНР, внаслідок більшовицької окупації українських земель, був змушений емігрувати, опинившись наприкінці 1920 р. на території Польщі в місті Тарнові. Там же з 1 грудня 1920 р., на підставі підписаної головою Директорії С. Петлюрою постанови Ради Народних Міністрів УНР, при Головному Начальникові евакуації і розташування Установ УНР було створено Центральне бюро біженців з України. Ще одне його представництво діяло у місті Ченстохові. На цю структуру покладалося завдання «...налагодження справ розташування, проведення реєстарції, статистики, зносин з польською владою у цих справах...»¹⁰.

У січні 1921 р. В. Філонович виїхав до Болгарії, де розгорнув активну діяльність з об'єднання української еміграції¹¹. Він ознайомився зі складною ситуацією, у якій перебували українці. Вони були розпорощені по всій території Болгарії і мали вкрай тяжкі матеріальні умови життя, позаяк могли жити лише з власної фізичної праці і то, головним чином, сезонно¹². 2 вересня 1921 р. В. Філонович надіслав листа до Центрально-го бюро біженців у польському місті Тарнав з проханням надати допомогу українцям у Болгарії (Додаток 1)¹³. У листі проаналізовано причини прибууття українців до цієї країни, їх становище, виокремлено напрямки діяльності організації «Українська громада». При цьому наголошувалося, що українська громада Софії шукала шляхи виходу зі скруті, не сиділа склавши руки, але брак коштів давався взнаки. Більше того, В. Філонович прагнув об'єднати українців в єдину громаду Болгарії, про що обговорювалося на зібранні «гуртка софійських українців». Важливим напрямком діяльності він вбачав проведення агітаційно-роз'яснювальної роботи «...серед тої еміграції, як культурної, так і національної дуже багато тому, що українці оточені або ворогами (росіянами) або болгарами, які виховуються тими самими росіянами в дусі Єдиної і неділімої Росії, про Україну – майже нічого не знають». Він турбувався і про українців, колишніх вояків армії Врангеля, які прибували до Болгарії з Туреччини, передбачаючи вирвати останніх з-під впливу власне російської еміграції.

Василь Філонович своїм листом, безумовно, не розраховував отримати значну фінансову підтримку з боку українського еміграційного уряду. Проте він підкреслив, що «...потрібно хоч невеликі коштовні засоби на роз'їзди наших агентів по організації цих втікачів на провінції та нав'язання постійних зносин з ними для солідарності і спільноти праці як культурно-освітньої, так і національно політичної, в цілях приготування походу на Батьківщину».

На подальшій діяльності В. Філоновича в справі налагодження життя українців у Болгарії позначалася відсутність належних коштів, різне бачення проблеми між ним і дипломатичними службами УНР, підозріле ставлення до його місії офіційної влади. У грудні 1922 р. за розпорядженням градоначальника міста Софії був висланий із Болгарії. «Моя праця, не дивлючись на досить таки, як на умови Балкан, значний успіх щодо свого розвитку, мусила бути залишена...», – записав Василь Філонович 17 липня 1931 р. свой доповіді військовому міністру УНР В. Сальському про становище української еміграції на Балканах, у Чехословаччині та Туреччині¹⁴.

* * *

Пропонований документ публікується вперше зі збереженням мовностилістичних особливостей оригіналу; окрім виправлення зроблені лише в орфографії та пунктуації та не порушують фонетику, морфологію, інтонаційну та синтаксичну структуру тексту. Скорочені слова розкрито у квадратних дужках. Поняття, назви та прізвища осіб пояснено у коментарях, що подані наприкінці публікації.

*Додаток 1.
До Центрального Бюро біженців
в м. Тарнаві*

*Голова
Української громади
Отаман «Січі»
в Болгарії
2 вересня 1921 р.*

Українська людність на Балканах складається головним чином із бувших у Денікіна¹⁵ і Врангеля¹⁶ примусово мобілізованих, а потім евакуйованих до західного берега Чорного моря¹⁷. Се перша і найбільш численна категорія – категорія майже виключно військового люду. У зв'язку з цею групою стоїть категорія випадково евакуйованого цивільних українців, зумівши в сумний час погрузитися на пароплави; вона малочисленна. Окрему групу складають повстанці з Катеринославщини¹⁸, які під час останнього наступу большевиків на Крим, між Врангелівськими іsovіцькими військами, не маючи другого шляху, крім смерті чи Севастополю – одступити разом з Врангелівською армією. Частина з них лішилася в Румунії, декілька – в Сербії і досить у Царгороді, його околицях і всяких островах грецьких. Крім сего, зовсім малочисленні групи складають українці, які мандрують до свого кордону та центру, а також до інших країн та втікачі з України через Одесу, яких дуже мало.

Найбільше зібралося нашого люду в Болгарії, і зараз ця держава виявляє з себе центр скupчення українців на Балканах. Шляхи з півдня, де головно містяться евакуйовані, на північ ідуть через Болгарію, і українці, які втікають з Туреччини, Греції та різних островів, зустрічають у Болгарії перший народ, мову котрого вони вже розуміють: зустрічають тут умови життя, які дають їм змогу знайти собі працю і спокійно, не голодуючи, чекати кращого часу для повороту на Батьківщину. Навіть характер самої країни – виключно хліборобський та демократичний, відповідає натурі наших людей. Крім сих причин, українці-емігранти скупчуються ще зі слідуючих причин: Сербія mrіє про Едину і велику Росію, котра підтримувала в Великій Сербії: від того вони панують російські впливи «ніділіміців». І коли наші люди виявляють своє національне «я», то жити їм становиться неможливо, і вони тікають із Сербії до Болгарії, де російські впливи не набрали такої сили, як у Сербії. Далі, коли людина побажає вийхати з Болгарії, то потрібна віза сербська чи румунська. Сербську візу дістти дуже важко та до того ж потрібно кілька місяців чекати відповіді з Білграду. За цей час всі гроши, заготовлені на подорож проживаються, і одержавши нарешті візу, людина мусить залишитися у Болгарії. Румунські візу нікому з бувших російських підданих не дають не тільки до в'їзду, але й транзитних, і через це кількість людей в Болгарії все збільшується.

Перед нашим виїздом 14 серпня [1921 – Л.Ж.] у болгарських часописах писали, що нібито до Болгарії прибуває корпус Генерала Кутепова¹⁹ з Галліполі²⁰. Саме корпусу пропонують бути найманим військом у Болгарії тому, що Антанта вимагає демобілізації болгарської армії²¹ і замінити його охочекомонними²², але ж у таке військо із Болгарії записалися на протязі 2 місяців 30 козаків і ні одного старшини. З приводу цього можливо копус займе кордонну охорону та вартову по містах. Корпус Кутепова на дві третини складається з українців, які за умови життя на Галліпольському півострові не могли втікати, але mrіють про це, за нишими відомостями, і можна чекати, що з переходом до Болгарії наших людей стане набагато більше.

Приїхавши з Грузії до Болгарії, знайшли ми в Софії українців, яких було вигнано з притулку Російського червоного хреста за те, що вони – українці. Становище їх було жахливе, а організації, які б допомагали українцям в Софії, не було. В неможливих умо-

вах з великими труднощами улаштували ми свій притулок «Українську Хату», котрий з того часу став центром українського життя в Софії, а незабаром потяглися до нас нитки зв'язку і з провінції. Маючи власну хату, зібрали ми загальні збори, на яких заложено «Українську громаду в Болгарії». В порозумінні із представником Болгарського уряду в Софії паном Драгомирецьким²³ – засновано було комісію Українського Червоного хреста у Болгарії. Далі почалася праця в справі міцнішої організації нашої та культурно освітня і національна робота. Ця праця складалася зі слідуючого: 1) навчання грамоті, 2) читання популярних лекцій з історії національного руху, 3) лекцій наукові по програмі середньої школи, 4) екскурсій по музеях та околицях, Софії, 5) засновано бібліотеку-читальню, дуже маленьку за браком книжок, 6) хор і оркестр, 7) вечірки кожну неділю.

Проводити сю справу дуже-дуже важко: бракує всього, крім людей і бажання вчитися, і немає книг і часописів мало і старі, ненаукових... З Болгарії, здається, зовсім не дістать, а головне немає матеріальних засобів для придання найнеобхіднішого. Консульство наше давно грошей не має²⁴. Комітет червоного хреста складав свій кошторис зі збору на вулицях, але зібрали дуже мало. Через що російські організації нам на шкоду – в той день вони почали збирати для себе, в чому допомагали їм французи. Гроші, котрі обіцяють дати позичково для заснування кредитового товариства в громаді (50 000 румунських лей) п(ан) Мацієвіч, і до сего часу не прислані та і навряд чи будуть прислані по обіцянці пана представника уряду. Члени громади, українці-емігранти, добуваючи собі шматок хліба важкою працею, можуть дати тільки маленький членський внесок. Українців же, що мають готові гроші, в громаді немає, бо їм з нами, нашим гаслом демократичної УНР – не по шляху. Брак хоч невеликих коштів та підручників дуже затримує культурно-освітню працю. Мусимо підкреслити і звернути увагу, що як учні, так і вчителі-емігранти після цілоденної важкої праці все ж знаходять можливість і мають бажання вчитися і вчити. Громада шукає засобів, щоби дати двом-трьом вчителям утримання, аби вони змогли відірватися від праці за шматок хліба, а віддались культурно-освітній роботі у громаді.

З приводу того, що громадяне живуть з власного заробітку – засновано нами бюро праці для підшукування праці та порозуміння з працедавцями. За допомогою комітету Українського червоного Хреста відчинено в притулку майстерні – чоботарську і кравецьку. Деяке знаряддя спромігся купити комітет, що ж торкається кравецької машини, то, за браком коштів, до сего часу придбати не вдалося. Майстерні, як для першої, так і для другої, є добре і коли б була машина – майстерня дала б добрий прибуток тому, що замовлень є багато. Прибуток можна було б ужити для допомоги голим і босим.

Брак грошей страшенно гальмує нашу працю по організації і національному освідомленню громадян – українців Болгарії, чим роблять шкоду противні нам організації (росіяни від самих правих до комуністів включно), яких у Болгарії є досить.

Для фахової праці військові члени громади (старшину українського війська, повстанчі отамани, козаки синьо- та сіроружанники та козаки повстанці) ввійшли виключно в військову організацію «Січ».

Українська громада в Болгарії поки що об'єднує українців, які мешкають у Софії, в кількості 1200 осіб. Для досягнення своєї головної мети – зорганізувати всіх українців Болгарії – громада немає матеріальних засобів. Кілька тисяч наших людей розкидано по всій Болгарії. З багатьох місць Громада одержує листи від українців з проханням приїхати до них допомогти зорганізуватися та надати часописи, дати книжки, улаштувати рухомі школи, читати лекції, а почувши, що ми маємо хор і оркестр – зверталися з проханням аби ми дали концерти. Але зробити щось, допомогти – ми не могли, не маючи жодних засобів. Про поширення організаційної праці на всю Болгарію – ми передбачили і обговорювали її на організаційних зборах, та маючи на увазі і широку працю для нашого гуртка софійських українців як то центр у еміграції – назвали громаду не Софійською, а Болгарською.

Для переведення в життя наших замірів в сій справі стали ті самі перешкоди: абсолютний брак грошових засобів, без яких неможливо вислати на провінцію організаторів української еміграції. Вирушили вони могли лише в тому разі, коли буде забезпечено на час поїздки – існування та подорож, бо зайнявшись громадською нивою, вони мусять залишати працю, яка дає їм шматок хліба на нинішній день, і тому до цього часу справа організації емігрантів-українців по всій Болгарії нами не могла перевестися. А роботи серед тої еміграції, як культурної, так і національної дуже багато тому, що українці оточені

або ворогами (росіянами) або болгарами, які виховуються тими самими росіянами в дусі Єдиної і неділімої Росії, про Україну – майже нічого не знають. Загалом, болгари ставляться до нас досить прихильно, поскільки не мають оточення російської еміграції, яка і на чужині не може позбутся своїх централістичних поглядів та при всякий нагоді веде агітацію ворожу нам. Вести боротьбу з цією агітацією часом неможливо, бо нас росіяни провокативно називають більшовиками-комуністами, з яким болгари поводяться суверено, і це тільки тому, що вони не знають нас, як окрему націю.

Для поширення необхідної інформації про Україну поміж болгарами можна використати наш елемент національної свідомості на еміграції, а для цього їх необхідно зорганізувати на провінції, зареєструвати усі інтелігентські сили, надати їм право легального існування, як «Бюро біженців з України». І для цього потрібно невеликі кошти. Всі місцеві організації українців своїм життям та працею могли би сіяти серед болгар необхідні знання про Україну і цим самим би розвіяли би інформацію російських кіл про про єдину Росію і єдиний російський народ. Крім ознайомлення загалу населення Болгарії, наша праця і відповідна агітація потрібні ще й для того, щоби зменшили кількість військових частин Врангеля, котрі опираються на монархічні круги для майбутніх цілей, а це моловко буде зробити, коли ми будемо мати свої організації, до яких могли б з Врангелівських частин приставати українці. Треба зауважити, що у війську Врангеля великий відсоток складають українці, вирвавши яких ми б зменшили силу наших ворогів, збільшивши наші власні сили, а з ним і надію на краще майбутнє.

За останній час з Туреччини цілими групами переходятять до Болгарії втікачі з армії Врангеля, серед них є найбільше всього українців, що шукають шляхів до свого центру, від якого силою подій відірвалися. Усі вони проходять через Болгарію, і тому дуже потрібна змінена праця по організації їх в чисто в українські гуртки, для чого – знову підкреслюю – потрібно хоч невеликі грошові засоби на роз'їзди наших агентів по організації цих втікачів на провінції та нав'язання постійних зносин з ними для солідарності і спільної праці як культурно-освітньої, так і національно політичної в цілях приготування походу на Батьківщину.

Полковник Василь Філонович (розвідник УНР).

¹ Чорний, В. Історія Болгарії. Львів: ПАІС, 2007, с. 240.

² Трощинський, В. П. Міжвоєнна українська еміграція в Європі як історичне і соціально-політичне явище. К.: Інтел, 1994, 260 с.

³ Павленко, В. Українсько-болгарські взаємини. 1918–1939 pp. К.: Інститут історії України НАН України, 1995, 224 с.

⁴ Власенко, В. До історії міжвоєнної української політичної еміграції на Балканах // Пам'ятки: археографічний щорічник. 2011. – № 12. – С. 124–145; Власенко, В. Василь Філонович: штрихи до біографії. – URL: <http://www.ukrpressbg.com/his-ukr-Fylyonovych.html> (дата звернення: 10.10.2013).

⁵ Центральний державний архів вищих органів влади та управління України у Києві (далі – ЦДАВО України), ф. 3324, оп. 1, спр. 2, арк. 33–34 зв.

⁶ Павленко, В. Українсько-болгарські взаємини. 1918–1939 pp. К.: Інститут історії України НАН України, 1995, с. 166.

⁷ Трощинський, В. П. Міжвоєнна українська еміграція в Європі як історичне і соціально-політичне явище. К.: Інтел, 1994, с. 35.

⁸ Власенко, В. До історії міжвоєнної української політичної еміграції на Балканах // Пам'ятки: археографічний щорічник. – 2011. – № 12. – С. 126.

⁹ Власенко, В. Василь Філонович: штрихи до біографії. – URL: <http://www.ukrpressbg.com/his-ukr-Fylyonovych.html> (дата звернення: 10.10.2013).

¹⁰ ЦДАВО України, ф. 3324, оп. 1, спр. 3, арк. 2–2 зв.

¹¹ Власенко, В. До історії міжвоєнної української політичної еміграції на Балканах // Пам'ятки: археографічний щорічник. – 2011. – № 12. – С. 126.

¹² Трощинський, В. П. Міжвоєнна українська еміграція в Європі як історичне і соціально-політичне явище. К.: Інтел, 1994, с. 35–36.

¹³ ЦДАВО України, ф. 3323, оп. 1, спр. 2, арк. 25–26.

¹⁴ Власенко, В. До історії міжвоєнної української політичної еміграції на Балканах // Пам'ятки: археографічний щорічник. – 2011. – № 12. – С. 130–132.

¹⁵ Денікін Антон Іванович (1872–1947) – російський військовий діяч, генерал-лейтенант, герой російсько-японської та Першої світової війни, один із лідерів Білого руху та головнокомандувач Збройних сил Півдня Росії (1918–1920). Наприкінці 1917 р. став одним із організаторів і командирів

Добровольчої армії, яка весною 1919 р. розпочала наступ з Північного Кавказу, і у червні 1919 р. зайняла Донбас і Харків. На територіях, що знаходилися під контролем Добровольчої армії, було відновлено дію дореволюційних законів, та проголошувалась ідея «единой и неделимой России». Дії армії Денікіна в Україні були не просто воєнними діями часів громадянської війни, а багато у чому нагадували геноцид. У березні 1920 р. А. Денікін, підписавши наказ про зняття з себе повноважень та призначення генерала П. Врангеля Верховним правителем та Головнокомандувачем Збройними силами Півдня Росії, емігрував до Європи. Рештки денікінських частин відступили у Крим і в березні-квітні 1920 уйшли до складу армії генерала П. Врангеля. Емігрант, автор мемуарів і військовий документаліст. – Джерело: <http://uk.wikipedia.org/wiki/> (дата звернення: 5.01.2014).

¹⁶ Врангель Петро Миколайович (1878–1928) – російський воєначальник, генерал-лейтенант російської імператорської армії. Один з головних провідників армії «бліх», яка боролася з більшовиками, учасник російсько-японської війни 1905 р. і Першої світової війни. Головнокомандувач Російської Армії в Криму і Польщі (1920). У Збройних силах Півдня Росії – командувач Кавказькою добровольчою армією (січень – травень 1919), Кавказькою армією (травень – грудень 1919), Добровольчою армією (грудень 1919 – січень 1920), засновник уряду Півдня Росії. Був одним з найвидатніших білих провідників громадянської війни. П. Врангель вважав, що майбутня Росія повинна бути добровільною федерацією народів колишньої царської імперії. Визнав право на незалежність Польщі та України. В еміграції очолив Російське Загальновійськове Об'єднання.

¹⁷ Після російсько-польського перемир'я у листопаді 1920 р. відбулася евакуація армії П. Врангеля до Константинополя. Представник Антанти де Мартель погодився прийняти всіх, хто залишив Крим, під заступництво Франції. В евакуації взяли участь 120 кораблів. До Константинополя було вивезено 145 тис. осіб, з них – близько 70 тис. військових. За винятком міноносця «Живой», який затонув, усі інші кораблі прибули до місця призначення. – Джерело: <http://uk.wikipedia.org/wiki/> (дата звернення: 5.01.2014).

¹⁸ Виступи загонів під командуванням Нестора Махна проти денікінських військ, які тривали протягом осені 1919 р. на Катеринославщині. Ця губернія була обрана як «... база Повстанської армії, яка зможе обробити новими тисячами бійців, що дасть можливість розвинути анархістську Революцію на всю Україну».

¹⁹ Кутепов Олександр Павлович (1882–1930) – російський військовий діяч, генерал-лейтенант, учасник білого руху. Учасник Першої світової війни, полковник, георгіївський кавалер. З листопада 1917 р. – в Добровольчій армії, командир гвардійської роти. Учасник I-го Кубанського («Льодяного») походу, з квітня 1918 р. – командир Корніловського ударного полку, згодом командир бригади і 1-ї піхотної дивізії. З січня 1919 р. – командир 1-го армійського корпусу Добровольчої армії, з грудня 1919 р. – зведеного Добровольчого корпусу. У білогвардійській Російській армії генерала барона П. Врангеля командував 1-м армійським корпусом. Після залишення білогвардійського Криму в Галліполі командував 1-м армійським корпусом. Емігрував до Франції. З 1928 р. – начальник біло-емігрантського Російського загальновійськового союзу. Загинув під час спроби викрадення його радицькими спецслужбами. – Джерело: *Омелянович-Павленко, М.* Спогади командарма (1917–1920). Київ. Темпора, 2007, с. 535.

²⁰ Галліполі – півострів у європейській частині Туреччини, розташований між Саросською затокою Егейського моря і протокою Дарданеллі. Довжина близько 90 км (з південного заходу на північний схід), ширина до 20 км. Висота до 420 м. У 1920–1921 рр. на Галліпольському півострові розмістилися частини армії генерала П. Врангеля, евакуйовані з Криму. Російський військовий табір у Галліполі перетворився на військовий центр Білого еміграції. 22 листопада 1921 р. в Галліполі було створено Товариство Галліполійців – один з активних військових антикомуністичних організацій Російського Білого Зарубіжжя. – Джерело: <http://uk.wikipedia.org/wiki/> (дата звернення: 5.01.2014).

²¹ Мирний договір між країнами Антанти і Болгарією було підписано 27 листопада 1919 р. в передмісті Париза Нейї-сюр-Сен. За його умовами Болгарія втрачала близько 11 тис. км². До Югославії відішли чотири прикордонних округу з містами Цариброд, Струміца та ін. Південна Болгарія повернулася до складу Румунії. Західна Фракія передавалася Греції, в результаті чого Болгарія втратила вихід до Егейського моря. Чисельність армії обмежувалася договором в 20 тис. солдатів, військово-морський флот був скорочений до 10 кораблів. Болгарії заборонялося мати авіацію і важке озброєння. Крім цього на Болгарію покладалася виплата контрибуції. Болгарія зобов'язувалася передати у відшкодування збитку велика кількість матеріальних, продовольчих та інших запасів Югославії та Греції. – Джерело: <http://znaimo.com.ua>. (дата звернення: 5.01.2014).

²² Полки вільнонайманої нерегулярної кавалерії.

²³ Драгомирецький Василь – громадський діяч, дипломат. У 1918–1921 рр. – старший секретар, керуючий Посольством УНР в Болгарії. На еміграції жив у Болгарії та Чехословаччині. – Джерело: *Власенко, В.* До історії міжвоєнної української політичної еміграції на Балканах // Пам'ятки: археографічний щорічник. – 2011. – № 12. – С. 142.

²⁴ Українське дипломатичне представництво у Болгарії розпочало свою роботу за часів Української Держави П. Скоропадського. Дипломатична місія у ранзі посольства під керівництвом історика О. Шульгіна діяла у Софії.

**«ДЕЛО 13-ТИ»
(О ПРОЦЕССЕ НАД ТАК НАЗЫВАЕМОЙ «БОЛГАРСКОЙ
КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЙ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ОРГАНИЗАЦІЕЙ» В УКРАЇНІ. 1937–1938 ГГ.)***

M. G. Станчев

Станчев, М. Г. «Справа 13-ти» (про процес над так званою «Болгарською контрреволюційною націоналістичною організацією» в Україні. 1937–1938 рр.)

Автор вперше публікує невідомі документи з таємного архіву НКВС України про справу так званої «Болгарської контрреволюційної націоналістичної організації в Україні». Розкривається трагедія болгарської інтелігенції в СРСР під час сталінських репресій у 30-ті роки ХХ ст.

Ключові слова: документи, націоналістична організація, болгари, сталінські репресії, Україна.

Станчев, М. Г. «Дело 13-ти» (о процессе над так называемой «Болгарской контрреволюционной националистической организацией» в Украине. 1937–1938 гг.)

Автор впервые публикует неизвестные до сих пор документы из секретного архива НКВД Украины, о т.н. «Болгарской контрреволюционной националистической организацией в Украине». Раскрывается трагедия болгарской интеллигенции в СССР во время сталинских репрессий в 30-х гг. ХХ ст.

Ключевые слова: документы, националистическая организация, болгари, сталинские репресии, Украина.

Stanchev, M. G. “Case of the 13” (about so-called “The Bulgarian counterrevolutionary nationalist organization” in Ukraine. 1937-1938)

The author publishes for the first time unknown documents connected to the People's Commissariat for Internal Affairs from confidential archive of Ukraine which shine so-called business about “The Bulgarian counterrevolutionary nationalist organization in Ukraine” and reveal the tragedy of the Bulgarian intellectuals in the country in the 30s of the 20th century during Stalin repressions.

Keywords: documents, nationalist organization, Bulgarians, Stalins repressions, Ukraina.

ДОКУМЕНТЫ

4. «ДЕЛО» РАДЕВА ВОЛЧАНА ВОЛЧАНОВИЧА¹

№ 49

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
(об избрании меры пресечения)**

Гор. Харьков, 10 февраля 1938 года.

Я, оперуполномоченный III отдела УГБ ХОУ НКВД – Коган, рассмотрев материалы по обвинению гр. Радеева (*так в документе, правильно – Радев – М.С.*) – 1898 г. рожд[ения], урож[енца] Болгарии, болгарина, гражд[анина] СССР, беспартийного, служащий патефонного завода, проживающего по ул. Кузнецкая, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54-6, 54-11 УК УССР, выразившихся в том, что он подозревается в проведении контрреволюционной националистической и шпионской деятельности,

Нашел, что: нахождение его на свободе может отразиться на ходе следствия.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 143, 145 и 156 УПК УССР.

* Продолжение; начало см.: Дриновський збірник / Дриновски сборник. – Харків–Софія, 2013. – Т. 6. – С. 368–412.

ПОСТАНОВИЛ:

1. Избрать мерой пресечения способов уклонения от суда и следствия по отношению к обвиняемому РАДЕЕВУ ВОЛЧАНУ ВОЛЧАНОВИЧУ – содержание под стражей в Харьковской тюрьме.

2. Настоящее постановление представить военному прокурору.

Опер. уполномоченный III отдела УГБ – подпись (Коган)

Согласен: нач. III отдела УГБ, ст. лейтенант госбезопасности – подпись (*неразборчива*ва) (Шапиро? – M.C.).

Утверждаю: нач. ХОУ НКВД, майор госбезопасности – подпись (*неразборчива*) Рейхман².

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 194. Оригинал, печатный текст.

№ 50

Постановление

Гор. Харьков, 1938 г., 10 февраля.

Военный прокурор Харьковского военного округа, рассмотрев материалы по делу по обвинению гр[аждани]на Радеева Волчана Волчановича – 1898 г. рожд[ения] по ст.ст. 54-6, 54-11,

Принимая во внимание, что нахождение на свободе обвиняемого РАДЕЕВА В. В. может отразиться на ходе следствия,

Потому, руководствуясь ст. 143, 145 и 156 УПК УССР,

ПОСТАНОВИЛ:

Мерой пресечения обвиняемому РАДЕЕВУ Волчану Волчановичу избрать содержание под стражей в Харьковской тюрьме.

Копию настоящего постановления направить начальнику III отдела УГБ НКВД по Харьковской области, за которым зачислить арестованного.

Военный прокурор ХВО, военюрист 1 ранга (Блауберг)³.

Постановление мне объявлено « ____ » 193 г.

Обвиняемый _____ (подписи нет – M.C.)

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 195. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 51

Ордер на арест

УССР

Народный Комиссариат Внутренних Дел

Харьковское областное отделение

ОРДЕР № 35/51

Выдан «11» февраля 1938 г.

Действителен « ____ » суток.

Сотруднику Харьковского областного управления НКВД УССР Олейнику поручается произвести обыск и арест гр[аждани]на Радева Волчана Волчановича, проживающего – ул. Кузнецкая, № 20, кв. 24.

Всем органам советской власти и гражданам УССР надлежит оказывать законное содействие предъявителю ордера при исполнении им возложенных на него поручений.

Зам. начальника ХОУ НКВД, майор Госбезопасности – Рейхман

Нач. 2 отдела УГБ НКВД, ст. лейт[енант] Госбезопасности – Чернов

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 196. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 52

Протокол обыска

УССР

Народный Комиссариат Внутренних Дел
Харьковское областное управление

1938 г., февраля, 11 дня.

Я, инспектор III отдела РКМ НКВД УССР Олейник, на основании ордера, выданного [аркоматом] управления НКВД УССР за № 35/51, произвел обыск у гр[аждани]на Радева Волчана Волчановича, проживающего в г. Харьков, ул. Кузнецкая № 20, кв. 24.

При производстве обыска присутствовали: Туслева Анна Петровна, проживающая – ул. Революции 13-а, кв. 13.

Согласно полученным указаниям задержан гр[ажданин] Радев Волчан Волчанович.

Изъято для представления в отдел НКВД УССР следующее:

№ п/п	Наименование изъятого	Количество	Качественное состояние
1	Паспорт, серия ХК № 5173151	1	Паспорт хранится в 8-м отделении УГБ ХОУ НКВД
2	Военный билет	1	
3	Пропуск	1	
4	Удостоверение об окончании университета	1	
5	Часы металлические «Суга»	1	

Жалобы на неправильности, допущенные при обыске, на пропажу вещей, ценностей и документов – нет.

В протокол все занесено правильно, протокол нам прочитан, в чем подписываемся.

Обыскиваемый – подпись (Радев)

Представитель домауправления – подпись (Туслева)

Производивший обыск – подпись (Олейник)

Копию протокола получил – подпись (Радев).

Примечания: 1. Все претензии и заявления должны быть внесены в протокол до его подписания. После подписи никакие жалобы и претензии не принимаются.

За справками обращаться в _____ НКВД УССР по адресу.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 197. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 53

Квитанция № 83

Ценности и вещи арестованных.

Форма № 13

ФО УГБ ХОУ НКВД _____ (наименование райгораппарата)

13 февр[аля] 1938 г.

Принято согласно протокола № _____ 11 февр[аля] 38 г. по делу гр[аждани]на Радева В. Б.: ручные часы металлические фирмы «Суга» – один

Казначай – подпись (*неразборчива*)

Указанные в сей квитанции ценности (вещи) занесены правильно. Квитанцию получил на руки: _____ подпись владельца (*отсутствует – M.C.*)

Поименованные ценности опечатаны в «_____» пакетах.

Печать – (*отсутствует – M.C.*)

Подпись секретаря счетовода (*отсутствует – M.C.*)

Лицо, сдавшее ценности (*подпись отсутствует – M.C.*)

Перечисленные в квитанции ценности (вещи) _____ получил:

Подпись владельца (*отсутствует – M.C.*)

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 198. Оригинал, текст рукописный на бланке

№ 54
Анкета арестованного

1. **Фамилия** – Радев
 2. **Имя и отчество** – Волчан Волчанович
 3. **Дата рождения:** число «9» месяц октября год 1898
 4. **Место рождения** – г. Варна, Болгария
 5. **Местожительство (адрес)** – г. Харьков, ул. Кузнецкая, № 20, кв. 24
 6. **Профession и специальность** – научный работник
 7. **Место службы и должность или род занятий** – Патефонный завод, плановик
 8. **Паспорт** – выдан 2-м РК милиции г. Харькова
 9. **Социальное происхождение** – из рабочих
 10. **Социальное положение:**
 - а) до революции – учился, с 1915 г. работал рулевым на речном пароходе (Дунай)
 - б) после революции – служащий
 11. **Образование** – высшее
 12. **Партийность** (в прошлом и настоящем) – беспартийный, был членом партии с 1920 по 1921 г. в БКП, с 1921 по 1936 г. – член ВКП(б), исключен за ... (*дело зашло так, что не читается – М.С.*) в литературных работах и связь с националистами
 13. **Национальность и гражданство (подданство)** – болгарин, гражд[анин] СССР
 14. **Категория воинского учета** – запаса и где состоит на учете – *при горвоенкомате, вначале как К-9 переведен в рядовые*
 15. **Служба в белых и др[угих] к[онтр]-р[еволюционных] армиях, участие в бандах и восстаниях против Советской власти в качестве кого** – не служил
 16. **Каким репрессиям подвергался при Соввласти: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)** – нет
 17. **Состав семьи** – жена Фурман Рада Яковлевна, 40 лет, дочь – 5 л[ет] Людмила
- Подпись арестованного** – (Радев)
Подпись сотрудника, заполнившего анкету – (*подпись неразборчива*).

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 199. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 55
Постановление по делу № 7

Гор. Харьков, 28 февраля 1938 года.

Я, оперуполномоченный III отдела УГБ ХОУ НКВД УССР, сержант государственной безопасности – Михилевич, рассмотрев следственный материал по обвинению гр[ажданина] Радева Волчана Волчановича в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54-11, 54-10, 54-6 УК УССР, нашел, что произведенными следственными действиями установлено, что Радев являлся членом подпольного центра болгарской контрреволюционной шпионско-повстанческой организации.

На основании ст. 126 УПК и руководствуясь ст. 127 УПК УССР

ПОСТАНОВЛИЛ:

Привлечь гр[ажданина] Радева Волчана Волчановича в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по ст.ст. 54-6, 54-10, ч. 1 и 54-11 УК УССР, о чем копией настоящего постановления сообщить обл[астному] Прокурору.

Оперуполномоченный III отд[ела] УГБ – подпись (Михилевич)

Согласен: начальник III отдела – (*нет подписи – М.С.*)

Постановление мне объявлено – подпись (Радев).

«5» марта 1938 г.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 1, д. 7217, л. 200. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 56

Личные показания Радева В. В. от 26 февраля 1938 г.

Начальнику областного управления МВД
через следователя Михилевича

От подследственного Радева Волчана Волчановича (*сохраняется стиль оригинала – M. C.*)^{*}.

Желая разкрыть перед следственных органов НКВД всю свою контрреволюционной, подпольной деятельности направленный против советской власти сообщаю следующее:

В 1926–1927 год, во время усиленной борьбы с троцкистско-зиновьевского блока в Харькове была организована подпольная, контрреволюционная болгарская организация, которая ставила себе за цель борьбы с советской власти. В составе подпольной организации были втянуты на активной борьбы следующие лица: Мицев, Малчев, Планинский, Колев, Девиджиев, Галин, Радев, Иджилов, Фуклев, Андреев, Шаховцова, Марчевский, Дриннов (умер), Даскалов, Иванов, Стоянов, Кетков, Славов, Кандева, Садовой, Распопов, Димитров. Кто был непосредственный организатор подпольной группе? – Это Мицев, Малчев, Деведжиев, Планинский и Колев. Но главные организаторы подпольной болгарской группе были:

Лазоверт (работал в нацмене ЦК КП(б)У)

Теодор ----- « »----- « »-----

Коган ----- « »----- « »-----

Савелич ----- « »----- « »----- ВУЦИКа (*Всесоюзный центральный исполнительный комитет – M.C.*).

Работа. Подпольная организация была разбита на следующие отделы:

1. Шпионаж

2. Националистическая пропаганда

3. Антисоветская агитация

4. Вербовка кадри для подпольной организации

5. Связь подпольной организации в Харькове (считающаяся как центр) с болгарскими районами – Коларовский, Ботевский, Благоевский.

В 1924 года в Харькове жили болгари Анна Раковская⁵, Петров, Георгиев, Радев, Ливанов, Иванов, Скендеров, Алексиев, Мицев и Пырванов. Мицев и Пырванов прибыли с Москви имея мандат от болгарской секции Коминтерна на организацию работы среди болгар, живущие в СССР. Ими, Пырвановым и Мицевым было организовано болгарское бюро при нацмене (*отдел по работе с национальными меньшинствами – M.C.*) ЦК КП(б) У и болгарская секция при ВУЦИКа. Пырванов взял на себя работу при нацмене ЦК КП(б) У, Мицев – болгарской секции ВУЦИКа.

В сентябре месяца 1924 года в одно из помещения Красного Креста на Театральной улице были созваны всех болгар живущие в Харькове для обсуждения вопроса организации болгарской секции при Харьковского городского комитета КП(б)У. На собрания председательствовала Анна Раковская. Она говорила – необходимо среди болгар живущие в Харькове вести политической и культурно-воспитательной работы. Прибывшие из-за границы, мы все еще не осознали советской жизни: экономики, политики, общественной и политической жизни в СССР. После водное, вступительное слово Анны Раковской, выступил я, Радев – нет надобности – возражал я от такой секции, поскольку мы все грамотные люди и прекрасно сами разбираемся в политической, экономической жизни СССР. Для одной только культурно воспитательной работе нет необходимости организовать секцию. Но против меня активно выступил Ливанов (работник наркомата иностранных дел). Его усиленно поддержали Пырванов и особенно Мицев. В свое заключительно слово Анна Раковская обвинила меня в непонимании остроту вопроса о культурно воспитательной работе среди болгар живущие в Харькове и местных туземных болгар.

* Именно в показаниях В. В. Радева находим больше всего болгаризмов и неправильной русской речи. Будучи матросом и не имея достаточного образования, В. В. Радев не знал хорошо русского языка.

Теперь, задним числом становится ясно – почему у Анна Раковская, Ливанов, Пырванов и Мицев было твердое решение во чтобы то ни стало организовать секции и вокруг ее работе втянуть всех болгар живущие в Харькове. Секция была организована, было выделено бюро в составе Радев, Петров и Скендеров. Работа секции, как партийная организация при Харьковском горкоме партии вошла в обычной колее партийной жизни. Секция работала под инструкции горпарккома. За период 1924–1926 гг. в работе секции произошли следующие новости:

1. Пырванов был отозван в Москву, исключен из партии. Ему было разрешено уехать в Болгарию. В Болгарии он перешел на стороне фашистов. По мнение Мицева Пырванов грубый, не в состоянии руководить бюро болгарской секции при нацмена ЦК(б)У. А главное Пырванов в своих писем из Виене в 1923–1924 года (Пырванов эмигрировал вместе с Мицевым из Болгарии в Австрию) до своим родным в Болгарии дискредитировал Георги Димитрова. Письма Пырванова были перехвачены болгарской цензурой и перепечатаны в печати. Получился большой политический скандал. Мицев объясняет этот факт с Пырванова особенно подчеркивал, что Лазовер категорически против Пырванова так как он не в состоянии обеспечить работу среди болгар живущие в Харькове и периферии на Украине. Тут же Мицев добавил: работа среди болгар через центральные организации Лазовер хочет возложить на меня.

В слуячая с Пырванова важно следующее обстоятельство: Мицев зная о Пырванова как провокатора, дискредитации Димитрова приезжает с Австрии в СССР; были вместе в Москве. С Москве приехали оба на ответственной работе среди болгар на Украине и все время молчал как риба о преступления Пырванова и заговорил о нем лишь тогда, когда Лазоверу не понравилась работа Пырванова как организатора и руководителя работы среди болгар на Украине. Пырванов уехал, Мицев стал единоличным руководителем работу среди болгар.

2. Мицев через болгарской секции при Харьковгорпарккома организовал несколько крупных спектаклей в горопера. Были собраны несколько тысяч рублей. Деньги эти остались у Мицева. Он говорил, что частично эти деньги посланы в Москве – болгарскому представительству Коминтерна, другая часть денег отдана Лазоверу. Деньги – никто из болгарской секции не мог контролировать Мицева, он не подчинялся секции. Наоборот, он добивался, чтобы секция ему безпрекословно подчинялась.

3. Лета 1925 года Мицев уезжал в болгарских районах оставил на работе в ВУЦИКе на своем месте троцкиста Георгиева. По мнение Мицева это также было сделано по соглашению с Лазовером. Лета 1925 года я окончил учиться Ком[унистический] Университет Артема. ЦК КП(б)У меня послала на работе зам[естителем] зав[едующего] культпропа Николаевского окружного партийного комитета. Георгиев также учился и окончил курсы Ком. Универистета им. Артема. Но Мицев его забрал к себе и посадил на работе своего заместителя в ВУЦИКе. Через ВУЦИКа Георгиев мог знакомится с фактическим материалами жизни болгарских районов. Работая в ВУЦИКе Георгиев стал держать связь с Лазовером.

4. После командировки Мицева в болгарских районах, он вызывал с болгарское село Преслав заядлого шовиниста Димитрова на работе редактора болгарской газете «Серп и Молот». Этот период 1924–1925 года работы болгарской секции надо характеризовать как просочивание (*проочупывание* – М.С.) людей со стороны Лазовера и Теодора. Именно, вместо Пырванова был выделен Мицев на руководства центральных нацменовских организаций. Георгиев с Артемовске был взят на работу среди болгар, вначале в ВУЦИКе, а затем был командирован в болгарских районах. А с болгарских районов Мицев притащил на «работе» редактора «Серп и Молот» шовиниста Димитрова.

Здесь же хочу отметить о своей партийно-политической деятельности. Рожден в Болгарии, город Варне в 1898 года. Отец мой портовой рабочий, член партии с 1897 года. В 1918 года вступил в Болгарский коммунистический союз молодежи в городе Варне. Лета 1920 года вступил в Болгарской компартии в городе Варне. С 1919–1920 года работал как моряк рулевой на болгарском пароходе «Варна». В 1919 года пароход «Варна» плавал, главным образом по средиземное море. В 1920 года плавал в Черное море: Варна – Констанца – Константинополь – Батум – Одесса. В Одесса приезжали лета 1920 года, привезли русских пленников империалистической войны 1914–1918 года. В то время Одесса была в руках большевиков. Работая на пароходе я был выделен на подпольной работе. Уехая с Одессы на пароходе «Варна» были припрячены (*спрятаны* – М.С.) 3 подпольных работников-

большевиков. Было также передана с Одессы большевитская литература. Литература была предназначена для русских пленников оставшихся в Болгарии и Европейской Турции. Подпольные работники были посланы на секретная работы в черноморских портовых баз Врангеля – Констанца, Варна, Бургас, Константинополь. С городом Варне были переброшены несколько раз и турецкие коммунисты в Константинополя для развороте коммунистическое национал-революционное движение в Константинополя и окрестностях.

Ноября 1920 года в Константинополя на рейде были болгарские пароходы «Варна» и «Борис». Оба парохода находились под французским флагом, ими командовали французские власти (после капитуляции Болгарии в войне 1914–1918 года, в самой Болгарии распоряжалась французское военное командование балканской армией). Пароход «Борис» в Константинополя получил приказ немедленно сняться и выехать в Севастопол. В это время – ноябрь 1920 года Красная армия наступала на Крым против Врангеля. Пароход «Борис» имел задание помочь в эвакуации войсковых частей Врангеля. Я, еще двое коммунистов подпольные работники с парохода «Бориса» вмешиваемся в деле. Решали как бить? Решили – не допустить, чтобы пароход «Борис» был использован на переброске войсковые части или оружие Врангеля. Решили в открытое море потопить пароход «Борис».

Потопление болгарского парохода «Борис» было сделано не далеко от Севастополя. Это было сделано очень легко. Рулевой моряк подпольный работник Караджев просто неправильным управлением руля столкнул пароход «Борис» в встречный русский мастеровой пароход «Кронщадт». Назадняя половина «Бориса», место где «Кронщадт» ударили «Бориса» сделалась большая пробоина. «Борис» начал тонуть. С «Кронщадта» были спущены шлюпки в помощь экипажа «Бориса». Весь экипаж «Бориса» был спасен, посажен на «Кронщадт» и отправлен в Константинополе. Караджев удрал в Америку. В Константинополе экипаж «Бориса» был пересажен на пароход «Варна» и спустя 2 недели мы направились в городе Варна. В Варне пароход «Варна» получил задание быть нагружены русскими военнопленниками и отправить их в Одессу. 9 января 1921 годы пароход «Варна» нагружены пленниками 2000 человек снялся с городе Варне и направился в Одессу. На пароходе были мною припрячены 2 работника-связисты из Коминтерна. Они носили с собою секретные материалы для Коминтерна. Плавая на пароходе один из подпольных работников мне сообщил, что в Варне стали подозревать некоторые моряки в участие потопление парохода «Борис» и что мне следует оставаться в Одессе. Иначе, в Болгарии я могу быть арестован.

Учитывая серьезности положение созданной с потоплением «Бориса» я на свой риск решил остаться в Одессе. Из Одессы с работниками Коминтерна уехал в Москву. Там проверяли мои партийные документы. По предложение болгарской секции Коминтерна с ЦК ВКП(б) получил русский партийный документ – членом партии с 1920 года. В марте месяце 1921 года с Москве я был послан на работе в Бердянске, среди болгарское население. Но в Бердянске не проработал и месяц, по распоряжение болгарской секции Коминтерна я был командирован в Одессу на работе зав[едующим] болгарской секции при Одесского Губернского комитета КП(б)У. На этой работе проработал с мая 1921 года по 3 мая 1922 года. Одесский губартком 3 мая 1922 года послал меня учиться в Ком. Университета им. Артема. Артемовки (*так слушатели называли Коммунистический университет имени Артема – «Артемовка». – М.С.*) закончил в июне 1925 года. В артемовке по рекомендации Анна Раковской Георгиев поступил учиться. Он также закончил Артемовки в 1925 года. В 1924–1925 учебни год в Артемовка была большая борьба с троцкистами. Георгиев был в числе троцкистов. После окончание Артемовке ЦК КП(б)У посыпал меня на работе в Николаевского Окружного партийного комитета, а Мицев забирает Георгиева к себе на работе среди болгарское население. В первое време он оставил Георгиева к себе на работе в ВУЦИКе, затем он командирует его на работе в болгарских районах.

К концу 1925 года в Харьков приезжает на работу Малчев и Колев. К начале 1926 года с Москвой приезжает Планински. Начиная с 1926 года, при усиленной оппозиционной борьбы троцкистско-зиновьевского блока с партии возникает остро вопрос об организации подпольной контрреволюционной организации. Если до 1926 года со стороны Лазовера, Теодора и Савеловича при посредстве Мицева велась работа по насаждение (*процветание – М.С.*) людей для подпольной работе, то начиная с середине 1926 года эта работа уже не удовлетворяла требования Лазовера и Теодора. Надо было приступить к организации подпольной организации.

Но к созданию подпольной организации Мицев оказался неспособным. У Мицева нет способности на руководства большой организацией. Тем больше организоват и руководит подпольной организацией. Мицев крахобор. Его надо было заменит другим, более ловким и способным организатором и руководителем подпольной организации. Такой человек, который мог заменит Мицева уже был в Харьков. Это был Мальчев и его помощник Колев. Мицева надо было снять. Мавр сделал свое дело, Мавр может уходит от большой дороге и довольствоваться меньшим участком подпольной работе. Малчев занимает место Мицева в болгарское бюро при нацмена ЦК КП(б)У (*хотя на самом деле С. Мицев работал в болгарской секции ВУЦИКа – М.С.*). Малчев становится близким сотрудником Лазовера и Теодора. В редакции «Серп и Молот» тоже делается смена: шовиниста Димитрова заменяется на Колева. Спустя некоторое време Планински выделяется в нацмена ВУЦИКа, а Мицева назначиваю директором Всеукраинской промышленной выставке и изобретение.

Кстати о том как Мицев попал на работе в выставке? Думаю, что в этом было исклю- чительно рука Лазовера, который в то время работал также и в ЦК КП(б)У. Лазовер не хотел выпускать Мицева из своих рук, уже завербованного, как подпольщика контра-революционера. Поэтому он ему выделил на большой обект – выставка. Но обект ценный, т.к. там можно имет сведения о промышленности на Украине. Сведения, которые могут многие заинтересуват...

Методы создания подпольной организации.

Если кто-нибудь думает и говорит, что для создания подпольной организации необходимо особое заседание, протоколы, решения, программы и т.д. – то такой человек круглий дурак, не имеет представление о подпольной работе. Не имеет представление от этой работе в особенности при условия диктатури пролетариата, где НКВД умело вскрывала и уничтожала многих подпольных организаций. Методы на создания подпольной организации среди болгар были иныя. Обично разговор шел по одиночке, полусловами полунамеками. Характерни пример было с выделением Фуклева на работу зав Балканского клуба.

Но за этого хочу указат, как меня хотели вербовать в члена подпольной организации. С июня 1925 года по май 1926 года я работал зам. зав. Агитпропа Николаевского окрпартикома. По семени обстоятельства я возвратился обратно на работе в Харькове. Поступил зам. зав. Агитпропа Ивановского РПК (*районный партийный комитет – М.С.*). В настоящем этот орган называется Ленинский РПК. С июня – августа 1926 года я был на этой работе. В середине сентября Малчев вызывает меня в нацмена ЦК КП(б)У и предлагает уехат как преподавателя по политэкономии в Болгарской совпартишколе в Днепропетровске. Я отказался от этого. Однако Малчев вызвал Лазовера. Лазовер в категорической форме предложил ехат иначе поставит вопрос об исключении меня с партии за неподчинения решениям директивным партийным организациям.

Я подчинился. Дал согласие ехат в Днепропетровске. Малчев тут же в присутствие Лазовера говорит мне полунамеками: надо в совпартишколе организовать крепкое болгарское ядро среди курсантов. Затем я приеду в Днепропетровске и посмотрим кого можно использовать на более «ответственную» работу. Я прекрасно понял Мальчева о чем идет реч, когда говорил о организации ядра крепких, надежных курсантов. Реч шла о создании подпольной организации. А когда приедет Малчев в Днепропетровске он будет разпределят их на «ответственной», безусловно, подпольной работе. Я сразу понял, что нахожус среди руководителей подпольной работы, но возражат я не мог, ибо понял, что имею дело с ответственных работников, которые могут все сделать, чтобы меня исключили из партии и в конечном результате укажус я виновним и они прави. Я был вынужден молчат и ехат.

Однако я не выполнил их поручение. Еще будучи в Харькове я успел связаться с ВУАМЛИНом (*Всеукраинская ассоциация научно-исследовательских марксистско-ленинских институтов – М.С.*) и добивался поступит аспирантом на кафедри национальных вопросов. На мою просьбу в ВУАМЛИНа, что я хочу поступит аспирантом на кафедри национальных вопросов, националисты Юрланец и Камишан с готовности дали согласие зачитат меня в аспирантури. Все же мне надо было ехат в Днепропетровске ибо кафедра национальных вопросов должна была открыта с января 1927 года а пока только 20 сентября. Не желая, не хотя этого 25 сентября я уехал в Днепропетровске. Пробыл в совпартишколе около 12 месяца. Не связывался ни с какими болгарами для подпольные работ и 10 декабря 1926 года уехал обратно в Харькове для поступление аспирантом в ВУАМЛИН. От моего поступка Малчев, Лазовер, Теодор пришли в бешенстве. Хотели исключат меня

с партии. Но это им не удалось, ибо в этом деле вмешался сам Скрипник, отстаивая меня как аспиранта его кафедры по национальному вопросу.

Я поступил аспирантом с 1 января 1927 года. Но все же Малчев, Лазовер и Теодор не отстали от меня. Как только остался в Харькове болгарская секция вновь выбирает меня секретарем секции. Будучи секретарем болгарской секции в начале февраля к меня подходит Малчев. Он намеками мне говорит: я думаю что Фуклева надо рекомендовать на работу зав. клуба Балканской секции. Он способен работать и поставит клубной работе на принципиальной высоте. Надо чтобы бюро балканской секции рекомендовало его на утверждение бюро балканской секции. Предложение Малчева я отвергнул: Фуклев не подходит для этой работы. Думаю рекомендовать не Фуклева, другого работника – заявил Малчев. Малчев разозлился, сердито говорил

- ты имей ввиду что это не только мое личное мнение, но и меня и Лазовера. Слышишь я не хотел Малчева. Через 15 минут к меня подходит Цинцар и говорит. Цинцар – секретарь балканской секции.
- тов. Радев, необходимо Фуклева зделат зав. балканским клубом. Это работа для него подходит. Думаю, что он развернет вширь работу клуба – и сейчас же он добавил
- за его кандидатуру стоит сам Лазовер.

Слова эти, Цинцар высказал твердо, решительно. Стало ясно, что Фуклева надо делать зав. клубом, ибо иная кандидатура балканской секции не утвердит. Мне стало ясно, что Лазовер с помощью Малчева и Цинцара вербуют людей для подпольной работе. Но пока у меня не были большие основания верить, что людей балканской секции через клубной работе можно вовлекать в подпольной организации. Еще меньше я верил в способности Фуклева, что он сможет развернуть какая нибудь сериозная клубная работа.

Однако оказалось, что я не прав. Указали правы Лазовер, Малчев, Цинцар, когда они добивались во что бы то ни стало выдвинуть Фуклева завклубом. Фуклев под руководством Цинцара развернул огромную, массовую работу клуба. В скором времени в клубе были организованы: хор, драмкружок, лигбез, писательский кружок, кружкового изучение текущей политики. Кружки эти были организованы по национальному признаку; греческие, болгарские, бесарабские, венгерские. Из этих кружков вербовали кадры для шпионской и националистической контрреволюционной работе. В болгарских кружках можно было видеть Андреев, Шаховцова, Кандева, Колев, Фуклев, Марчевски, Марков, Кетков, Ненов, Иджилов, Садовой, Распопов, Славов. Над этими членами кружки «работали» для «обработки» Малчев, Планински. Малчев понимал значение печати которое можно использовать как оружие контрреволюционной агитации. Поэтому он обращает сериозное внимание на редакции газет «Колективист» и издательства литературы на болгарском языке. Он сам принимает участие в редакции газеты «Колективист». Одновременно с работой в нацмене при ЦК КП(б)У сделался ответственным редактором газеты «Колективист».

Под руководством Малчева все работники газеты «Колективист» были завербованы в члены подпольной организации. В то время члены подпольной организации работающие в издания газету были: Колев, Андреев, Шаховцова, Галина, Котков, Иванов, Ненов. Газета была использована для антисоветской агитации: вначале, в период 1926–1928 года для троцкистской агитации, затем в период от 1929–33 года под руководством Деведжиева газета была использована для правоопортунистской, контрреволюционной агитации. В газете слишком много говорилось о затруднениях в сельском хозяйстве, не давая ясного представления читателю о преодолении этих затруднений. Слабо мобилизовалось общественное мнение на борьбу с отдельными кулаческими выступлениями против колхозов, совхозов, хлебозаготовки, мясозаготовки и прочие кампании сельского хозяйства.

В газете часто печатали статьи троцкиста Андреева, Кандева, которые не только в завоюованной форме протаскивали троцкистские взгляды на вопросы колективизации, но были заметки под разные псевдонимы, ярко выраженное отрицание колективизации. Также слишком много печатали статьи по национальному вопросу. Писалось о развитии национальной культуры без указание, что эта культура должна иметь социалистическое содержание. Извращалас национальная политика партии и советской власти, давалас возможность на безпрепятственное распространение как местного так и великодержавного шовинизма.

В распространение шовинизма через печати в особенности усердствовал сам редактор газеты Малчев. Однако Малчев не упускал из виду вести такой же самой контрреволюционной деятельности в издательстве болгарской литературы. Для этого он подготавлял на работе главного редактора болгарское издательство троцкиста Андреева, его жена Андреевой, Кандевой. В 1929 года Малчев перебрасывает с редакции газеты «Колективист» Андреев на работе зав. болгарского издательства. Как толко Андреев приступил к работе издательства он сразу показал свою враждебной, троцкистской физиономии.

Во-первых, Андреев организовал подпольной организации в работе издательства. В этой организации входили: Андреев, Андреева, Кандева, Марчевски, Фуклев, Марков, Дринов (умер), Славов. Во-вторых, под руководством Андреева с знание и одобрение Малчева печатали переводные работы. Но эти переводные работы выпускали как «самостоятельные» труды. Чтобы не было слишком заметен этот литературный пластиан, переводы эти извращали, «видоизменяли» что недопустимо ухудшало качество содержания печатных работ. А несомненно гонорары брали не за перевод, а за «самостоятельный» авторски труд. Такие гонорары достигали до несколько десятков тысяч рублей в месяц. Это было просто грабеж государственные деньги. В этого грабежа государстваения деньги в особенности отличался Андреев и его жена Андреева. Третье, подпольная организация занималась просто вредительством с переводами. Качество перевода было недопустимо скверное. Делали так много грамматические ошибки в переводе, что часто становилось трудно находить сходства перевода с оригиналом. С другой стороны, грамматические ошибки перерастали в политические ошибки. Так например в оригинала книги значится: «У нас в Советском союзе нет эксплоатации». Это место переводится «У нас в Советском союзе не может быть без эксплоатации» Андреев и Андреевой были активные члены подпольной организации. Они издавали «свои» учебники для болгарских школ. Учебники эти были составлены как компиляции. Но печатали эти учебники под авторством Андреева или Андреевой. Гонорары брали за самостоятельния оригинальния работ.

В 1928 г. по кариеристские соображения против Малчева выступил Мицев. Мицеву удалось вовлечь большинства болгарской секции в непримиримой борьбы с Малчевым. Малчев был заслужено дискредитирован и его надо было убрать. Об этом в первой очереди подумал сам Лазовер. Малчев был снят и на его месте Лазовер вызвал из Киева Девиджиева. Девиджиев был не менее способный подпольни работник в руках Лазовера чем Малчев. С прихода Девиджиева в Харьков и назначение его как зав. болгарским бюро при нацмена ЦК КП(б)У были сделаны важные перемены.

1. Малчев был послан как инструктор Мариупольского округа по работе среди болгарское население. По сути Малчев был послан на той же самой подпольной работе, но ближе к низам, среди широких масс.

2. Колев был снят с работы редакции «Колективист» и послан как секретар Благоевский Р.П.К., т.е. Колев также переносит свою подпольной работе в районе.

3. Планински – этот шпион – с ВУЦИКа был переброшен на работе редактором газеты «Колективист».

4. Девиджиев одновременно работал зав. болгарской бюро при ЦК КП(б)У и зав. болгарской секции при ВУЦИКа.

Наряду с этими перемещениями Девиджиев провел большую работу по организации изменения болгарского правописа (*правописания – М.С.*). Работу эту он возложил на националиста «профессора» Дринова. Под руководством Девиджиева и Лазовера Дринову было возложено составить националистически правопис, на подобие украинского националистического правописа. Дринов этого сделал. Он составил правопис, который резко отличался от правописа коммунистической партии Болгарии. Вместо унификация здешния болгарски язык и заграничный правопис коммунистической партии получилось противопоставление правописа. Этот правопис упрощал болгарского языка, делал его менее гибким, убогим, нищим, не доступни для широких трудящихся крестьянских масс.

Для утверждения этого националистического правописа была созвана при наркомпрос специальная конференция. На конференции присутствовали подпольные контрреволюционери: Дринов, Малчев, Девиджиев, Лазовер, Планински, Марчевски, Андреев. Националистически правопис был утвержден и затем санкционирован врагом народа Скрипником, т.е. иначе говоря Скрипник утвердил для болгарских трудящихся масс в СССР такой же самый националистически правопис, какой националистически правопис был утверж-

ден для украинских трудящихся крестьянских масс. Этим правописом началас печатат вся болгарской литературной продукции и издания газет. В периферии были посланы Малчев и Колева. Они взяли с организации подпольные организации на месте. В их помощь, на месте были посланы троцкист Петрушкин, как редактора районной газете Коларовского райпартикома, националист Фуклев, как ответственного секретаря районной газете Благоевского райпартикома. Таким образом к 1932 года имеем следующие участки контрреволюционной, подпольной работе:

1. Девиджиев оглавляет подпольной организации среди всего болгарского населения в СССР. В редакции «Коллективист» заправляет Планински. В издательстве – Андреев. В выставке – Мицев. В Коларовски район Малчев и Петрушкин. В Благоевски район Колев и Фуклев. Словом подпольная болгарская организация крепко связала периферии с центром. Вся эта единая организация оглавлял Девиджиев, за спиной которого стояли Лазовер, Теодор, Коган.

О себе и мою подпольной работе. В борьбе с карьеризмом Малчева был обвинен ЦКК КП(б)У в создания склоки среди болгар политмигрантов живущие в Харькове. В защита Малчева в ЦКК выступал Лазовер и Теодор. Все же им не удалось удержать Малчева в Харькове. Малчева отправили на работе в Мариупольский округ. Но по решению ЦКК и я был также снят с секретарства болгарской секции. Этим решением я ушел в стороне от болгарских дел. Но уйти с этих дел требовалось еще потому, что учеба в ВУАМЛИНа шла напряженно. Она всецело мне поглощала в теоретических работ. Учась в ВУАМЛИНе я был в школе Скрипника. Основная цел Скрипника в руководства кафедри национального вопроса (я был аспирантом этой кафедры) была возпитат аспирантов в духе национализма.

К сожаление Скрипнику это удалос. Нет такой аспирант, который прошел курс изучение национального вопроса под руководством Скрипника, чтобы он не усвоил в той или иной мере националистические взгляды Скрипника. Сам Скрипник был законченный националистически оппортунист. Изучая национальний вопрос под руководством Скрипника у меня прививали националистические взгляды. Это сказалось в моих литературных работ. Еще будучи аспирантом ВУАМЛИНа в 1929 года выпустил книжку под названия «Национальный вопрос на Балкане». В этой книжке допустил ряд националистических ошибок. Заключали они эти ошибок в том, что я переоценил национальный вопрос и не дооценил вопрос классовой борьбе. Иначе говоря вопрос классовой борьбе подменялся вопросом национальной борьбе. Политической оценки эти ошибок заключалиис в том, что они не были случайными, а были ошибки цельной националистической концепции.

Аспирантуру ВУАМЛИНа я закончил в 1930 года. С 1930 – по середине 1932 г. я заведовал кафедри, сам читал лекции по социальных дисциплин. В июня месяца 1932 года я был вызван в ЦК КП(б)У Коганом. Предложил он мне пойти на работе заведующего секции болгарского издательства. Я отказался. Но Коган решительно предложил мне приступить к работе, иначе за отказ от работы он грозил исключением из партии. Не желая, не хотя этого я был вынужден пойти на работе в издательство. Я пошел. В издательстве на работе застал знакомые подпольные работники издательства. Это были: Кандева, Марчевски, Славов, Галина и син Мицев – К. Мицев (речь идет о Николае Мицеве – М.С.). Приступая к работе в издательства я начал заниматься вредительством в литературной работе. Заключается это в следующем.

1. Упорно проводил националистически правопис Дринова в печатанных литературных работ.

2. Печатал свою брошюру «К XV летию Октябрской революции и национальный вопрос». Брошюра эта имела за цель дат оправдание националистические взгляды националистов болгарских районов. В брошюре сказано: «С националистическим уклоном надо вести широкую разъяснительной работе...». По сути это есть оправдание националистических уклонов. Ибо политики партии и Советской власти заключается не в широкой разъяснительной работе с людьми имеющие националистические уклонами а в беспощадной борьбе с этими уклонами.

3. Написал книгу под названием «Национальная культура». Книга эта была националистична. Хотел посветить ее врагу народа Скрипнику. Правда книга не вышла из печати. Этому надо благодарит случайнм обстоятельствам. Иначе получилось бы большой политически скандал.

4. Редактировал и выпустил из печати брошюру Девиджиева «Наши достижения». Девиджиев уже известен организатор и руководитель подпольной болгарской организации. Брошюра «Наши достижения» пропитана заядливым национализмом.

5. К переводной литературы относился также вредительски. Переводы были неточные, извращающие их содержание.

6. Выпустил националистической брошюру «В огне».

7. Выпустил националистические учебники «професора» Дринова.

8. Стабильные учебники переводили не точно, не своевременно. Давали они на перевод таким подпольным контрреволюционным работникам как Мицеву, Малчева, Андреева, Марчевского, Дринову, Кандевой, Шаховцову, Галину, Галиной (*муж и жена Галины – М.С.*), К. Мицев, Кеткову, Иванову.

Все эти контрреволюционеры относились к переводам преступно, занимались халтурой. В сентябре 1933 года за работу в издательстве я был снят с работы на идеологическом фронте. Я раз навсегда ушел из болгарских дел. Наряду со своей вредительской работе в издательства за мной числится еще одно преступление. Это – антисоветские разговоры, которые я проводил лично в разговоре с Мицевым и Иджиловым. Эти разговоры имело место главным образом в 1932 году, в связи с трудностями сельское хозяйство на Украине. Собираясь в тесном небольшом круге мы считали что, что политика партии по вопросу индустриализации страны не верна. Слишком большие темпы индустриализация, темпи, которые болезненно отражаются на сельском хозяйстве. Разговоры эти носили правоупротонистически характер.

Основная наша ошибка в этих антисоветских разговорах заключалась в том, что мы наблюдала за хозяйствования трудности Украина, думали что это есть результат политики партии. Наша точка зрения была абсолютно не верна, ибо нельзя было видеть на Украине трудности судить о правильности или не правильности политики партии и Советской власти. На Украине в ряд ответственных органов сидели враги народа, они вредили, пакостили, создавали нарочно трудности, озлобили трудящихся с расчетом доказать неправильности политики партии на развитие промышленности страны, строение совхозов, колхозов, хлебозаготовки и т.д. Они, эти враги народа были причиной трудности хозяйственного роста Украины а не политика партии как это нам казалось. В этих антисоветских разговорах мы виноваты и должны понести соответственно кару.

О Мицеве

До 1920 года он состоял членом радославитской, ныне фашистской партии Болгарии. Радославитской партии как националистической партии виновница империалистической войны 1914–1918 года, после войны окончательно капитулировала на време отошла от политической органи. Мицев как член этой партии не видя никакие радостные карьеристические перспективы ушел из партии: попробовал нагреть руки в комун[истической]партии. Правда ему удалось вступить в Болгарской компартии. Но это не надолго. За безпринципной фракционности он был исключен из компартии. В сентябре 1923 года в Болгарии было восстание, направленное против фашистской власти. В дни восстания в городе Берковице была создана самотоха. Мицев как обычному прохвосту удалось залезть в ряды восставших. Но постанцы терпят поражение и отступают в Югославию. Мицев отступает вместе с постанцами.

Но Мицеву как очень не многим постанцам удалось благополучно добраться в СССР. С Мицевим из той же город Берковицы был еще Първанов. Мицев и Първанов с Москвой приезжают в Харькове, здесь они начинают работать. В 1925 Първанов был вызван с Харькова в Москву и исключен с партии. Мицев также был вызван в Москву в 1927 г. и исключен с партии. Но ему повезло. Он опелировал в ЦКК ВКП(б)У, удалось восстановится в членов партии. Однако как член партии он держал себе не допустимо. Он дал у себя на квартире приют Анни Кареми, попутчице сентябрьское восстание в Болгарии. Анна Карима в 1927 г. решила возвратиться в Болгарии. Мицев знал, что Анна Карима возвращаясь в Болгарии будет на стороне фашистов, все таки он ей дает приют на несколько дней у себя на квартире.

Также очень многие подозрение вызывает сын Мицева К. Мицев. Во время сентябрьского восстания как будто Мицев принял участие и вместе с постанцами он отступает в Югославию. Мицев распространяет разговоры, что он в Болгарии осужден на 15 лет за

участие в сентябрьское восстание. Но почемуто семья Мицева в Болгарии не преследуется фашистским власти. Даже больше – син его – К. Мицев уезжает в болгарской столице – Софии и совершило свободно учится и кончает Софийской гимназии. Мицев здес в Харькове распространяет разговори, что его семья в Болгарии без денег, почти голодает. Но в таком случае спрашивается как на какие средства его син учится в Софийской гимназии. Еще странное становится вопрос – как каким путем син Мицева получает болгарски паспорт и уезжает в Чехословакия, оттуда в СССР.

26.02.1938 год

Подпись (В. Радев).

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, д. 7217, лл. 201–242. Оригинал, рукопись чернилами.

№ 57

Начальнику областного Управления НКВД
через следователя Михалевича
От подследственного Радева Волчана Волчановича

В дополнение к своим показаниям от 26.02.38 года сообщаю еще следующее:

Лично я входил в составе центра болгарской контрреволюционной националистической организации. Цент этот имел связи с врагами сидевшие в Болгарской секции Коминтерн в Москве. В Москве этими врагами был создан главный центр руководящий болгарской контрреволюционной националистической организации, созданий по прямими директивами партии Цанкова из Болгарии. Болгарский контрреволюционный националистически центр на Украине был создан от болгар посланые в Москви на работе в руководящие болгарские нацменовских организаций на Украине. Для этой цели в разные времена были посланы Мицев, Малчев, Планински и Девиджиев были душою болгарского центра на Украине. Во-первых – они организовали Центра в составе которого завербовали меня, Радева, Мицева, Андреева, и от местных болгар Димитрова и Фуклев. Итого болгарский контрреволюционный центр состоял из следующих лиц:

1. Малчев
2. Планински
3. Девиджиев
4. Колев
5. Андреев
6. Радев
7. Фуклев
8. Димитров

Работа Центра была разпределена следующим образом:

1. По шпионажа работали Планински и Мицев
2. По антисоветской, контрреволюционной агитации через печати центральной болгарской газети «Колектиivist» работали Колев и Андреев.
3. По антисоветской пропаганде национализма среди болгар работали в издательстве: вначале Андреев, затем Радев
4. По вербовка кадров для контрреволюционной деятельности работал Фуклев и Димитров.

Во-вторых, Малчев был основная фигура, который играл первая скрипка в Центре на Украине, он же контактируя работу Центра с Лазовером и Теодором и Клецем. Лично Малчев же, держал связи с главного центра в Москве через Сапунова и Марека, которые входили в составе главного центра. Затем, когда Малчев был снят с ЦК нацмена и послан в Мелитополе на работе – 1928 года – (на руководящая работа Центра на Украине был выдвинут Девиджиев). Девиджиев был выдвинут с Московского болгарского центра. О его выделение на Украине как главой болгарского центра на Украине дал согласие Лазовер и Теодор. Они, Лазовер и Теодор хвастали Девиджиев во всю как способни, талантливи работник, который найлучше поставил «работу» среди болгар на Украине.

Когда я был виделен на издательскую работу как зав. болгарской секции там застал следующих работников Марчевский, Кандева, Славов, жена Марчевского (машинистка)

и Галиной (секретар) секции. Кандева, Славов и жена Марчевского были завербованы в болгарского националистического центра до меня, завербовал их Андреев, которые до меня работал зав. болгарского издательства. Не были завербованы Марчевский и Галина. Оба Марчевского и Галина я завербовал в контрреволюционной подпольной болгарской организации. Наряду с болгарской националистической организации существовали еще другие контрреволюционные националистические организации: греческой, румено-бесарабской, и Венгерской. Представители этих организаций были:

От болгарской – Радев.
От румено-бесарабской – Сечанов.
От греческой – Яли.
От венгерской – Цинцер.

Представители эти организовали так называемое паритетное бюро. Руководил это паритетное бюро Цинцер. Паритетное бюро контактируя «работали» между нацменовскими, националистическими организациями, знакомилось с опытом работы, обменялось своими опитами. В паритетное бюро лично я работал до сентября 1927 года затем на мое место был виделен Алексеев. Прежде такое бюро возглавлял Цинцар до конца 1928 года. Затем он по своей служебной работе был переведен в Одессу. На место Цинцара в паритетное бюро был виделен Иджилов. Основные работники, которые были посланы на работе в районов были:

1. Малчев – послан как инструктор в Мелитопольский округ, где находятся основные массы болгарского населения СССР. В этом округе были вначале 2 болгарские нацменовские районы: Коларовский и Ботевский. Затем эти районы были обединены в одном – Коларовский. Там же в Коларовски район во време летнего отпуска уезжали Фуклев и Димитров. Как редактор районной газеты был послан Петрушкин.

2. В Одесской области находится болгарские нацменовские районы – Благоевский и Ольшановский. В Благоевски район были посланы: Колев – секретар РИК и Фуклев – ответствени секретар районной газете. В Ольшановски район был послан за секретар РИК – Главчев, а за редактора газети Ольшановского района – Купенов. Все эти пработники посланы с Харьков в болгарские районы организовали и руководили подпольной националистической болгарской организации. Независимо от посланные работники на постоянной работе в районов на укрепление и дальнейшее развитие подпольной националистической деятельности уезжали в командировке Девиджиев и от редакции «Колективист» – Планински, Андреев, Иванов, Кетков, Ненов.

О шпионской деятельности. Шпионской работе шла по двум направлениям:

1. Сведения о коллективизации совхозов, посевов, урожай, хлебозаготовке, массозаготовке, разходи на развитие экономической и культурной жизни собирали в редакции газете «Колективист» и главное, в болгарской нацменовской секции при ВУЦИКе. Эти сведения концентрировались в хронологическом порядке в руках таких лиц: Мицев, Планински, Малчев, Девиджиев. Во-вторых – сведения о промышленности и сельского хозяйства собирались в Всеукраинской промышленной выставке и изобретательства. Сведения эти концентрировались в руках директора выставки – Мицев и ответствения работники выставки Иджилов и Галин (умер).

28.02.[19]38 г.

Подпись (Радев).

О вербовке Марчевского и Галина (жена Галина)

В мае 1932 года был выдвинут ЦК нацменом Коганом на работе зав. болгарской секции издательства при нацмена ВУЦИКа. Там в издательстве застал Марчевского, Кандева, Славова, жена Марчевского (звали са по име Мина), Галиной (секретар секции). Кандева, Славова и жена Марчевского были завербованы Андреевым – бывший зав. болгарское издательство, работающим до меня. Работая в издательстве вместе с Марчевским и Галина по своем социальному положении – интелигенти, литературные работники легко подавались их завербоват. Ибо они до меня работали несколько лет в качестве переводчиков литератури на болгарський язык и все это время они находились в резко виданой националистической окружение. Еще до меня в издательстве печатали свой националистические работы: Андреев, Кандева, Фуклев, Малчев, Мицев. Марчевскому и Галиной приходилось редактироват и корегират литературни язык указанных литературных националистических работ.

Когда я вступил на издательской работе – май 1932 года – сентябрь 1933 года – я пересматривал изданных до меня печатанных работ за подписом переводчика, редактора и коректора Марчевского и Галиной. Обнаружив их вредительской националистической работе мне пришло недолго их убеждат, что они националисты и допускали ряд националистических извращения в редакции и корегирование болгарского языка в печатанных работах. С каждого из них говорил по отдельно. Вначале разговаривал с Марчевским, это было в июле 1932 года. Показывал ему националистические извращения в его редакторской «работе». Он этому не беспокоился. Он просто мне сказал – с волками жит, по волчи пришлось вит.

– Да ты прав – ответил ему. Теперь осталось немногого, оставайся и дальше работай в этом направлении. Это в дальнейшем надо организовано вести. Когда Марчевски не только не возражал, но и дал на это свое согласие, я ему сказал – для этой националистической работе издательство мы должны организоваться. На это Марчески также не возражал и с готовностью отдал свое согласие.

Спустя месяц, после его организованной националистической работе я ему сказал, что уже у нас имеется подпольная организация для националистической пропаганды. И от него больше ничего не требуется, ка и дальше продолжать, но только организовано. Через месяц начал такой же разговор с Галиной. Она также не возражала и дала согласие на секретной подпольной националистической работе в болгарской литературе и в дальнейшем.

1.03.1938 года

Подпись (Радев).

Сведения полученные о болгарских районах концентрировались в руках Малчева и Дивиджиева. Эти последние посыпали полученные сведения выше Сапунову и Мареку.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, д. 7217, лл. 243–256. Оригинал, рукопись чернилами.

P. S. Протокол допроса от 22 марта 1938 г. не публикуется. Однако, следует отметить некоторые важные моменты: вначале Радев отрицал свою сопричастность к деятельности «Болгарской контрреволюционной организации», однако после некоторого молчания признал свое членство в ней, как и то, что входил в состав подпольного центра, созданного якобы по указаниям партии Цанкова. Под диктовку следователя, В. Радев, равно как и другие подследственные, заявляли и подписывались, что они «клеветнически утверждали», «клеветнически обвиняли». В болгарском национализме обвиняли и Анну Раковскую, тем более, что Х. Раковский именно в тот период тоже был арестован и подвергся репрессиям (примечание – M.C.).

5. «ДЕЛО» ВОЙНИКОВА ИВАНА ПАВЛОВИЧА⁶

№ 58

*Постановление
(об избрании меры пресечения)*

Гор. Харьков, ____ 1938 года.

Я, оперуполномоченный III отдела УГБ ХОУ НКВД – Коган, рассмотрев материалы по обвинению гр[ажданина] Войникова Ивана Павловича, 1896 г. рожд[ения], Коларовского района Днепропетровской области, болгарина, гражд[анина] СССР, беспарт[ийного], преподаватель техникума, проживает по ул. Дзержинского, 33, кв. 1, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54-6, 54-11 УК УССР, выразившихся в том, что он подозревается в проведении контрреволюционной националистической и шпионской деятельности.

Нашел, что: нахождение его на свободе может отразиться на ходе следствия.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 143, 145 и 156 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

1. Избрать мерой пресечения способов уклонения от суда и следствия по отношению к обвиняемому ВОЙНИКОВУ ИВАНУ ПАВЛОВИЧУ – содержание под стражей в Харьковской тюрьме.

2. Настоящее постановление представить военному прокурору.

Опер. уполномоченный III отдела УГБ – подпись (*неразборчива – М.С.*)

Согласен: нач. III отдела УГБ, ст. лейтенант госбезопасности – подпись (*неразборчива – М.С.*)

Утверждаю: нач. ХОУ НКВД, майор госбезопасности – подпись (*неразборчива – М.С.*)

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 1. Оригинал. Печатный текст.

№ 59

Постановление

Гор. Харьков, 1938 г., 10 февраля.

Военный прокурор Харьковского военного округа, рассмотрев материалы по делу по обвинению гр[аждани]на ВОЙНИКОВА ИВАНА ПАВЛОВИЧА – 1896 г. рожд[ения] по ст.ст. 54-6, 54-11

Принимая во внимание, что нахождение на свободе обвиняемого ВОЙНИКОВА И. П. может отразиться на ходе следствия.

Потому, руководствуясь ст. 143, 145 и 156 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

Мерой пресечения обвиняемому ВОЙНИКОВУ ИВАНУ ПАВЛОВИЧУ избрать содержание под стражей в харьковской тюрьме.

Копию настоящего постановления направить начальнику III отдела УГБ НКВД по Харьковской области, за которым зачислить арестованного.

Военный прокурор ХВО, военюрист 1 ранга (Блауберг)

Постановление мне объявлено « ____ » 193 г.

Обвиняемый _____ (подписи нет).

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 2. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 60

Ордер на арест

УССР

Народный Комиссариат Внутренних Дел

Харьковское областное отделение

ОРДЕР № 31/51

Выдан «11» февраля 1938 г.

Действителен « ____ » суток.

Сотруднику Харьковского областного управления НКВД УССР (*нечитабельна – М.С.*) поручается произвести обыск и арест гр-на Войникова Ивана Павловича, проживающего – ул. Дзержинского 33, кв. 1.

Всем органам советской власти и гражданам УССР надлежит оказывать законное содействие предъявителю ордера при исполнении им возложенных на него поручений.

Зам. начальника ХОУ НКВД, майор Госбезопасности – Рейхман

Нач. 2 отдела УГБ НКВД, ст. лейт[енант] Госбезопасности – Чернов.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 3. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 61
Протокол обыска

УССР
Народный Комиссариат Внутренних Дел
Харьковское областное управление

1938 г., февраля, 11 дня.

Я, инспектор III отдела РКМ НКВД УССР (*нечитабельно – М.С.*), на основании ордера, выданного н[аркомато]м управления НКВД УССР за № 31/51 произвел обыск у гр[аждани] на Войникова Ивана Павловича, проживающего в г. Харьков, ул. Дзержинского 33, кв. 1.

При производстве обыска присутствовали: (*нечитабельно, протокол заполнен карандашом и практически не читается – М.С.*)

Согласно полученным указаниям задержан гр. Войников Иван Павлович.

Изъято для представления в НКВД УССР следующее:

№ п/п	Наименование изъятого	Количество	Качественное состояние
1	Паспорт № 719230	1	Паспорт хранится в 8-м отделении УГБ ХОУ НКВД
2	Военный билет	1	
3	Пропуск	1	

Жалобы на неправильности, допущенные при обыске, на пропажу вещей, ценностей и документов – нет.

В протоколе все занесено правильно, протокол нам прочитан, в чем подписываемся.

Обыскиваемый – подпись (Войников)

Представитель домауправления – подпись

Производивший обыск – подпись

Копию протокола получил – подпись (Войников)=

Примечания: 1. Все претензии и заявления должны быть внесены в протокол до его подписания.

2. После подписи никакие жалобы и претензии не принимаются.

3. За справками обращаться в _____ НКВД УССР по адресу.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т.2, д. 7218, л. 4. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 62
Анкета арестованного

1. **Фамилия** – Войников
2. **Имя и отчество** – Иван Павлович
3. **Дата рождения:** число «2» месяц августа, год 1896
4. **Место рождения** – с. Диановка, Коларовского района Днепропетровской области
5. **Местожительство (адрес)** – г. Харьков, ул. Дзержинского 33, кв. 1
6. **Профессия и специальность** – педагог
7. **Место службы и должность, или род занятий** – Харьков, техникум промышленного транспорта
8. **Паспорт** – выдан 3-м РК милиции г. Харькова
9. **Социальное происхождение** – отец крестьянин-середняк
10. **Социальное положение:** а) до революции – учащийся; б) после революции – слушающий
11. **Образование** – высшее
12. **Партийность (в прошлом и настоящем)** – беспартийный

13. Национальность и гражданство (подданство) – болгарин, гражд[анин] СССР

14. Категория воинского учета – запаса и где состоит на учете – военный стол Дзержинского райсовета – рядовой

15. Служба в белых и др[угих] к[онтр]-р[еволюционных] армиях, участие в бандах и восстаниях против Советской власти в качестве кого – с июня 1919 г. по октябрь 1919 г. в армии Деникина – рядовой

16. Каким репрессиям подвергался при Соввласти: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что) – не подвергался

17. Состав семьи – жена 39 л[ет] Ган Галина Александровна, дочь – 16 л[ет] Ангелина
Подпись арестованного – (Войников)

Подпись сотрудника, заполнившего анкету (*подпись неразборчива – М.С.*)

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 5. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 63

Постановление по делу №

Гор. Харьков, 14 февраля 1938 года.

Я, пом[ощник] оперуполномоченного УГБ Харьковского облправления НКВД УССР сержант госбезопасности Рева, рассмотрев следственный материал по обвинению гр[ажданина] Войникова Ивана Павловича в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54-11, 54-10 УК УССР, нашел, что произведенными следственными действиями установлено, что Войников Иван Павлович является одним из активных участников и руководителей болгарской контрреволюционной националистической организации, проводил активную контрреволюционную националистическую работу.

На основании ст. 126 УПК и руководствуясь ст. 127 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

Привлечь гр[ажданина] Войникова Ивана Павловича в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по ст.ст. 54-11, 54-10 УК УССР, копией настоящего постановления сообщить обл[астному] Прокурору.

Пом[ощник] оп[ер]уполномоченный УГБ, сержант госбезопасности подпись (Рева)

Согласен: начальник III отдела – подпись (*неразборчива – М.С.*)

Постановление мне объявлено – подпись (Войников)

5 марта 1938 г.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 6. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 64

Личные показания обвиняемого Войникова И. П.

Мои националистические воззрения начали формироваться с 1917 г. под влиянием агитации профессора Державина Н. С.⁷, которую он проводил в болгарских селах и в Бердянске, организовав болгарские учительские курсы и культурно-просветительное националистическое общество «Напредъ». В противовес обществу «Напредъ», которое было контрреволюционным, в январе 1918 года была попытка организовать среди учащихся Преславской учительской семинарии националистическое общество «Просвета». Эта организация не была разрешена Бердянским уездным земством, так как существовал «Напредъ», один из руководителей которого Каракулаков входил в состав членов земства. Одновременно предварительный выпуск последнего класса семинаристов в начале марта 1918 г. привел к тому, что основная часть членов «Просветы» разъехалась из Преслава. С 1923 г. я перешел на работу в Бердянск, а в 1925 г. поступил в Харьковский институт народного хозяйства.

Вместе со мной учился в институте в одной группе Садовой Николай Кузьмич – по национальности русский, но родился и вырос в болгарском селе Преславе и окончил Пре-

славскую учительскую семинарию до Инхоза (*Института народного хозяйства – М.С.*). В середине 1927 г. Садовой Н. К. завербовал меня в националистическую контрреволюционную болгарскую организацию, которая существовала как секция при Балканском клубе в Харькове. Садовой значительно раньше вступил в эту организацию и, будучи кандидатом партии, являлся активным организатором.

В силу ряда обстоятельств – тяжелая болезнь жены, работа на вечерних школах по ликвидации неграмотности – я не имел возможности посещать клуб, где происходили встречи членов националистической организации и заседания болгарской секции. Усилившаяся болезнь жены с весны 1928 г. привела к тому, что я с этого времени прервал совершенно связь с Балканским клубом и отошел от националистической организации. Указанные обстоятельства не позволили мне лично познакомиться с руководством организации и все, что известно мне в этой части, я знаю со слов Садового и Фуклева Н. П., который был заведующим Балканским клубом. По словам указанных выше лиц в составе руководства болгарской контрреволюционной националистической организации – конец 1927 и начало 1928 г. были эмигранты из Болгарии Малчев, Мицев и Радев. Ни с одним из этих лиц мне не пришлось познакомиться.

В отношении участников болгарской националистической организации периода 1927–1928 г. мне известно, что в нее входили как члены Пейчев Н. П., Федосов Василий, Фуклев Филип Петрович, Садовой Н. К., студент Ветеринарного института Николаев Василий, Тодоров Феодор. Задачи болгарской националистической контрреволюционной организации мне известны со слов члена организации Садового Н. К. По его словам, болгарская националистическая организация имела целью, прикрываясь изучением болгарского языка, литературы и истории, использовать лиц, оканчивающих высшие учебные заведения в Харькове, для работы в болгарских селах в националистическом контрреволюционном направлении – дискредитация политики партии в национальном вопросе, недостаточное использование хозяйственных возможностей болгарских районов, что должно было вызвать недовольство болгар политикой партии и Советской власти.

Как я уже указал, связь с болгарскими селами я прервал с 1923 г., когда перешел на работу в русскую школу в Бердянск, и с переводом в Харьков в 1925 г., а семья переехала в 1926 г., я из Харькова не выезжал никуда. В силу указанных обстоятельств за время моего пребывания в организации я не получал никаких заданий для проведения националистической пропаганды среди болгар и имелось ввиду мое использование для националистической работы среди болгар по окончании института в 1929 г. В отношении других членов организации мне неизвестно какие задания им давались, так как я ни с кем из них не был связан, кроме Садового Н. К., с которым учился вместе. Мне известно, что Садовой Н. К. получал задание во время летних каникул вести работу среди болгар, направленную на дискредитацию политики партии по национальному вопросу.

В националистическую болгарскую контрреволюционную организацию я никого не вербовал и такого задания я не получал. Это объясняется тем, что студенты-болгары, которых я знал, были членами организации до меня, а с болгарским селами я не был связан. Но за время пребывания в болгарской националистической организации, ни после я никакой шпионской работы не проводил и заданий таких ни от кого не получал.

21 марта 1938 г.

Подпись (Войников).

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 7–10. Оригинал, рукопись.

P. S. Протокол допроса Войникова Николая Павловича (не публикуется).

Документ № 65

Заместителю Генерального Прокурора СССР т. Рачинскому
Войниковой А. И., ученицы 10 кл. 17 СШ г. Харькова

Заявление

11 февраля 1938 г. Харьковским обл[астным] НКВД арестован мой отец Войников Иван Павлович. Я сирота, мать у меня умерла в 1929 г. и воспитывал меня мой отец. Он был преподавателем экономгеографии. Везде, где он работал, он был на хорошем счету,

как хороший честный работник. И вдруг 17 декабря 1938 г. мне в справочном бюро НКВД сказали, что он выслан на 10 лет со строгой изоляцией. Не могу допустить мысли, чтоб мой отец мог совершить вообще какое-нибудь преступление, а тем более заслуживающее такого сурового приговора.

Родился мой отец в России и никуда не выезжал, а с 1923 г. и до моего (имелось ввиду «его» – М.С.) ареста безвыездно жил в Харькове. Прошу Вас пересмотреть дело моего отца, так-как я твердо уверена, что он ни в чем не виноват.

Прошу ответить мне по следующему адресу: г. Харьков, ул. Дзержинского № (подшило в деле так, что невозможно прочитать – М.С.). Войниковой Ангелине Ивановне.

16.02.1939 г.

Подпись (Войникова).

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, д. 7217, л. 292. Оригинал, рукопись.

6. «ДЕЛО» ИВАНОВА СТЕПАНА ФЕДОРОВИЧА⁸

№ 66

Постановление (об избрании меры пресечения)

Гор. Харьков, 14 апреля 1938 года.

Я, оперуполномоченный III отдела УГБ ХОУ НКВД – Скрапивецкий, рассмотрев материалы по обвинению гр[ажданина] Иванова Степана Федоровича, 1896 г. рожд[ения], с. Терновка, болгарина, гражд[анина] СССР, беспарт[ийного], бухгалтер Техукрэнерго, проживает по Чернышской № 84, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54-6 УК УССР, выразившихся в том, что он подозревается в проведении контрреволюционной националистической и шпионской деятельности,

Нашел, что: нахождение его на свободе может отразиться на ходе следствия.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 143, 145 и 156 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

1. Избрать мерой пресечения способов уклонения от суда и следствия по отношению к обвиняемому Иванова Степана Федоровича – содержание под стражей в харьковской тюрьме.

2. Настоящее постановление представить военному прокурору.

Опер. уполномоченный III отдела УГБ – подпись (Скрапивецкий)

Согласен: вр[еменный] нач. III отдела УГБ, ст. лейтенант госбезопасности – подпись (Барбара)

Утверждаю: нач. ХОУ НКВД, майор госбезопасности – подпись (Телешев).

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, м. 2, д. 7218, л. 19. Оригинал. Печатный текст.

№ 67

Постановление

Гор. Харьков, 1938 г., 7 апреля.

Военный прокурор Харьковского военного округа, рассмотрев материалы по делу по обвинению гр[аждани]на Иванова Степана Федоровича – 1896 г. рожд[ения] по ст.ст. 54-6 УК УССР,

Принимая во внимание, что нахождение на свободе обвиняемого

Иванова С. И. может отразиться на ходе следствия. Потому, руководствуясь ст. 143, 145 и 156 УПК УССР,

ПОСТАНОВИЛ:

Мерой пресечения обвиняемому Иванову Степану Федоровичу избрать содержание под стражей в харьковской тюрьме.

Копию настоящего постановления направить начальнику III отдела УГБ НКВД по Харьковской области, за которым зачислить арестованного.

Военный прокурор ХВО, военюрист I ранга (Завьялов).

Постановление мне объявлено « ____ » 193 г.

Обвиняемый _____ (подпись нет – M.C.).

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 20. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 68

УССР

Народный Комиссариат Внутренних Дел
Харьковское областное отделение
ОРДЕР № 31/51

Выдан «9» апреля 1938 г.

Действителен « ____ » суток.

Сотруднику Харьковского областного управления НКВД УССР Коновалову

Поручается произвести обыск и арест гр-на Иванова Степана Федоровича, проживающего – ул. Чернышевского, 84.

Всем органам советской власти и гражданам УССР надлежит оказывать законное со-действие предъявителю ордера при исполнении им возложенных на него поручений.

Зам. начальника ХОУ НКВД, капитан госбезопасности – Телешов

Нач. 2 отдела УГБ НКВД, ст. лейт[енант] госбезопасности – подпись (нечитабельна – M.C.)

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 21. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 69

УССР

Народный Комиссариат Внутренних Дел
Харьковское областное управление
ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

1938 г., апреля, 10 дня.

Я, инспектор 1 отдела РКМ НКВД УССР Коновалов, на основании ордера, выданного н[аркомато]м управления НКВД УССР за

№ 62/65 произвел обыск у гр[аждани]на, Иванова Степана Федоровича проживающе-го в г. Харьков, ул. Чернышевского, 84, кв. 6.

При производстве обыска присутствовали: Андреев Петр Николаевич, проживает, Чернышевская, 84, кв. 25.

Согласно полученным указаниям задержан гр. Иванов Степан Федорович

Изъято для представления в НКВД УССР следующее:

№ п/п	Наименование изъятого	Количество	Качественное состояние
1	Паспорт, серия ХК за № 649711	1	Паспорт хранится в 8-м отделении УГБ ХОУ НКВД
2	Удостоверение личности начальствующего состава	1	
3	Профсоюзный билет за № 113160	1	
4	Личное дело	1	

Жалобы на неправильности, допущенные при обыске, на пропажу вещей, ценностей и документов – не имеется.

В протоколе все занесено правильно, протокол нам прочитан, в чем подписываемся.
Обыскиваемый – подпись (Иванов)

Представитель домоуправления – подпись (Андреев)

Производивший обыск – подпись (Коновалов)

Копию протокола получил – подпись (Иванов).

Примечания: 1. Все претензии и заявления должны быть внесены в протокол до его подписания. После подписи никакие жалобы и претензии не принимаются.

За справками обращаться в _____ НКВД УССР по адресу.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 22. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 70

Анкета арестованного

1. **Фамилия** – Иванов
2. **Имя и отчество** – Степан Федорович
3. **Дата рождения:** число «24» месяца декабря год 1896.
4. **Место рождения** – с. Терновка Николаевской области
5. **Местожительство (адрес)** – г. Харьков, ул. Чернышевского, 84, кв. 6.
6. **Прфессия и специальность** – экономист
7. **Место службы и должность, или род занятий** – Харэнерго, старш[ий] экономист по труду
8. **Паспорт** – выдан 3-м РК милиции г. Харькова
9. **Социальное происхождение** – из крестьян
10. **Социальное положение:** а) до революции – учащийся; б) после революции – служащий
11. **Образование** – высшее
12. **Партийность (в прошлом и настоящем)** – беспартийный
13. **Национальность и гражданство (подданство)** – болгарин, гражд[анин] СССР
14. **Категория воинского учета** – запаса и где состоит на учете – К. 7 на учете 69
15. **Служба в белых и др[угих] к[онтр]-р[еволюционных] армиях, участие в бандах и восстаниях против Советской власти в качестве кого** – не служил
16. **Каким репрессиям подвергался при Соввласти: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)** – не подвергался
17. **Состав семьи** – жена 39 л[ет] Зильбервейд (в других документах – Зильбертедт – М.С.) Фаня Абрамовна, работает в библиотеке Текстильного института – библиограф, сын Владимир, 11 лет, учится
Подпись арестованного (Иванов)
Особые внешние приметы –
Кем и когда арестован – 10 апреля 1938 г.
Подпись сотрудника, заполнившего анкету (подпись неразборчива – М.С.).

Дата – 10 апреля 1938 г.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 23. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 71

Постановление по делу №

Гор. Харьков, 14 апреля 1938 года.

Я, вр[еменный] оперуполномоченный III отд[ела] УГБ Харьковского облуправления НКВД УССР сержант госбезопасности Рева, рассмотрев следственный материал по обвинению гр[ажданина] Иванова Степана Федоровича в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54-11, 54-10 УК УССР, нашел, что произведенными следственными действиями

установлено, что Иванов Степан Федорович является одним из активных участников болгарской контрреволюционной националистической организации, по заданию которой проводил активную контрреволюционную националистическую работу, направленную на свержение Советской власти

На основании ст. 126 УПК и руководствуясь ст. 127 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

Привлечь гр[ажданина] Иванова Степана Федоровича в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по ст.ст. 54-11, 54-10 УК УССР, копией настоящего постановления сообщить военному Прокурору.

Вр[еменный] оп[ер] уполномоченный УГБ, сержант госбезопасности подпись (Рева)

Согласен: Начальник отдела – (без подписи – М.С.)

Утверждаю: Начальник – (без подписи – М.С.)

Постановление мне объявлено – подпись (Иванов).

14 апреля 1938 г.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 24. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 72

Заявление

В Харьковское Областное Управление НКВД
через следователя гр. Рева

От заключенного Иванова Степана Федоровича

Желая целиком и полностью искупить свою вину перед страной и Советской властью, я решил чистосердечно не скрывая ничего, дать следствию правдивые исчерпывающие показания о всей проведенной мною контрреволюционной деятельности.

Признаю себя в том, что:

1. Осенью 1924 г., учась в Харьковском институте народного образования, на общем институтском докладе со мною разговорился мой сосед. После беседы мы узнали, что я и он болгары. Назвали друг другу фамилии. Он сообщил мне, что есть болгарский клуб и пригласил меня зайти туда в выходной день. Это оказался Димитров, один из руководителей контрреволюционной болгарской организации. В условленном месте я был в клубе этом, где меня ближе познакомили с работой клуба. Я начал бывать в этом клубе чаще. В один из дней Димитров заявил мне, что клуб имеет большие задачи, чем я думаю. Изложил мне задачи контрреволюционной болгарской организации, что соответствовало моим взглядам, и я на его предложение работать в этой организации дал согласие.

2. Контрреволюционная болгарская организация, в которой я состоял с осени 1924 г. и активно работал в ней несколько лет, имела основную задачу – на почве националистической подготовки болгар живущих на Украине, в случае интервенции, поднять восстание в тылу и таким образом способствовать восстановлению капитализма.

3. Участниками этой контрреволюционной организации были Димитров, Мицев и еще два болгарина, которых по фамилии не помню, но в лицо узнал бы. Непосредственную связь с контрреволюционной организацией имел через Димитрова.

4. В контрреволюционную организацию мною завербован был Бузник Дмитрий (по отчеству Федорович или Захарович, точно не помню) при следующих обстоятельствах. В 1925 году ко мне в Харьков из с. Терновки приехал Бузник Дмитрий, посланный односельчанами по делам огородов, чтобы я ходатайствовал в Харькове о закреплении огородов за их владельцами. Я обещал, что помогу и возьмусь за это дело – написал письмо в газету «Коммунист» при нем, но потребовал от него ряд услуг. Зная Бузника как зажиточного крестьянина, я ему рассказал о существовании контрреволюционной организации и об ее задачах. Я ему передал 1 экз[емпляр] болгарской газеты «Серп и молот», издававшейся в Харькове, и поставил ему конкретные задачи – провести среди болгар работу вокруг этой газеты, собирать от них корреспонденцию и переправлять ее мне и вести работу среди огородников, подготавливая их к вооруженному восстанию в тылу, в случае интервенции, для восстановления капитализма.

5. Моя контрреволюционная деятельность заключается в том, что я проводил агитацию по объединению на почве национальной для свержения советского строя, для чего посыпал письма в с. Терновку и оттуда на базаре встречал местных болгар-огородников и проводил среди них работу. Всю контрреволюционную работу и ее результаты проводил через Димитрова. Димитров и Мицев руководили болгарской контрреволюционной организацией в Харькове, а остальные два болгарина о которых я упомянул в З пункте официально занимались «культурпросветработой», а в условленное время проводили индивидуальные беседы с местными болгарами и втягивали их в контрреволюционную организацию. Добавляю, что в состав контрреволюционной организации также входили Фуклев, Войников Иван Павлович и др[угие].

Более подробные показания дам следствию дополнительно.

12 апреля 1938 г.

Подпись (Иванов).

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 25–26. Оригинал, рукопись чернилами.

№ 73

Заявление

Председателю Совета Народных Комиссаров
Товарищу Молотову Вячеславу Михайловичу

Вячеслав Михайлович, 10 апреля 1938 года был арестован мой муж Иванов Степан Федорович. 29 октября 1938 года были посланы жалобы Вышинскому и Ежову. Ответа не получила. 19.01.1939 г. была послана жалоба тов. Берия. Ответа нет.

За что арестован мой муж? За что оказалась его семья вне общества? Я знаю Иванова, как человека беспредельно преданного Советской власти, как настоящего беспратийного большевика. Это могут подтвердить и в жилкоопе (*жилищном кооперативе – М.С.*), где мы живем с 1926 года, и на работе, где он работает 8 лет.

Больной, издерганный, он в 1937 году отказался от добавочной работы, которая дала бы ему возможность поехать на курорт. Мотивом отказа было то, что он, командир территориальных войск, должен учиться, повышать свой политический и военный уровень развития (*«командир должен быть морально крепким»*), и на добавочную работу у него нет времени.

Вячеслав Михайлович, я утверждаю Иванов беспредельно предан народу и Советской власти, что его дело могло возникнуть в результате ужасной вылазки врага народа, который задался целью уничтожить нужный народу и государству человеческий материал.

Вячеслав Михайлович, я настаиваю о том, чтобы дело мужа было пересмотрено и чтобы люди, досматривающие это дело, были бы ответственны перед Вами.

Ведь растет сын. Неужели он должен жить с клеймом «сын врага народа»? Я хочу знать, за что мой муж арестован. Не может быть, чтобы человек мог 16 лет скрывать от самых близких вражеское лицо. Здесь какая-то ужасная ошибка.

25.04.1939 г.

Ф. Зильбертедт

Адрес: г. Харьков, ул. Чернышевская, Зильбертедт Ф. А.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, д. 7217, л. 320. Оригинал, текст рукописный чернилами.

№ 74

Заявление

Депутату Верховного Совета СССР академику Синцову

10 апреля 1938 г. был арестован мой муж Иванов Степан Федорович. За что он арестован? За что осужден? Почему ни за одним из харьковских прокуроров нет его дела? Я уверена в том, что в его деле имеется тяжелая ошибка. Начиная с дня его ареста при

предъявлении ему ордера об аресте ему не разрешили прочесть фамилию того, кто дал санкцию на арест. Во время обыска случайно ордер лежал оборотной стороной вверх и когда производящий обыск увидел это – он быстро его спрятал. Второе: в октябре 1938 года мне случайно удалось узнать, что мой муж обвиняется будто бы в агитации против Советской власти.

Товарищ Синцов, может ли человек, который лишь 9 апреля вечером говорил о том, что не надо даже думать о непорядках потому, что это может отразиться на нашем отношении к работе – мы не будем относиться к работе с таким энтузиазмом – как мы относимся, может ли такой человек говорить что-нибудь подобное?

Я прошу, Я НАСТАИВАЮ (*так в тексте – М.С.*) на том, чтобы закрытое партийное собрание как нашего жилкоопа, где мы живем с 1926 года, так и Харьковэнерго, где он работал с 1930 года, высказались об Иванове. Кроме того, он был действительно беспартийным большевиком, я твердо уверена... (*подшито так, что невозможно прочитать – М.С.*) узнаете. Почему я говорю о допросе целого собрания, а не отдельных личностей? Потому, что знаю, что он, невзирая на лица, критиковали недостатки в работе. Ясное дело, без заявления он не мог бы быть арестован. Но почему же пришедшие его арестовать милиционеры спрашивали его об его офицерской службе? (Он окончил школу прапорщиков в июне 1917 года).

Товарищ Синцов, может ли человек, тяжело больной (он в 1936 г. болел радикулитом), отказавшийся от работы, которая дала бы ему возможность поехать на курорт, только потому, что свободное от работы время ему нужно для повышения своего политического и военного уровня развития (он был командиром территориальных войск) – может ли такой человек быть врагом народа? Всегда готовый к тому, чтобы по первому зову Правительства явиться морально крепким командиром и оказаться врагом народа? Я утверждаю, что в его деле орудовала какая-то вражеская рука и наши органы власти введены в заблуждение.

Я настаиваю на пересмотре дела и прошу разрешить передать ему вещевую посылку. Он ушел из дома в одной... (*нечитабельно – М.С.*). Так он был убежден, что все это недоразумение. А ведь он уже 13-й месяц как арестован. Ведь белье давно сгнило, если он сам еще жив. Умоляю, помогите снять с него этот страшный позор, с нас и нашего сына. Верните возможность работать так, как мы можем и хотим работать, как мы работаем до сих пор.

7 мая 1939 г.

Ф. Зильбертедт

Адрес: Чернышевская 84, кв. 6

При заявлении прилагаю некоторые случайно сохранившиеся справки: Депутатский билет Дзержинского райсовета 1 созыва, мандат на 1-й Всесоюзный съезд профсоюзов рабоч[их] электростанций, билет ударника, Грамоту о том, что работал в таможне, что он был членом месткома, билет о том, что в учебном 1918–1919 году был студентом физико-математического отделения Юрьевского учительского института. При его деле находится его воинский билет. Остальные справки погибли, но мне кажется, что весь собранный мною материал достаточно подтвердит, что Иванов предан народу и Советской власти и что он не такой, как он должен быть осужден как враг народа.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, д. 7217, л. 321–323 (Это (как и другие) письмо было «откомандировано» в прокуратуру – М.С.).

«ДЕЛО» ПЕЙЧЕВА НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА⁹

№ 75

ПОСТАНОВЛЕНИЕ (об избрании меры пресечения)

Гор. Харьков, 9 февраля 1938 г.

Я, оперуполномоченный III отдела УГБ ХОУ НКВД – Коган

Рассмотрев материалы по обвинению гр. Пейчева Николая Ивановича, 1898 г. рожд[ения], урож[енца] Болгарии (*на самом деле Пейчев был уроженцем болгарского села*

Вячеславовка Запорожской области – М.С.), по национальности болгарин, гражд[анин] СССР, беспарт[ийного], проживает: Касимовский въезд 5, кв. 2

В преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54-6 и 54-11 УК УССР, выразившихся в том, что он подозревается в контрреволюционной националистической и шпионской деятельности.

Нашел, что: нахождение его на свободе может отразиться на ходе следствия.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 143, 145 и 156 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

1. Избрать мерой пресечения способов уклонения от суда и следствия по отношению к обвиняемому Пейчева Николая Ивановича – содержание под стражей в Харьковской тюрьме.

2. Настоящее постановление представить военному прокурору.

Опер. уполномоченный III отдела УГБ – Коган

Согласен: нач. III отдела УГБ, ст. лейтенант госбезопасности – подпись (Шапиро)

Утверждаю: зам. нач. ХОУ НКВД, майор госбезопасности – подпись (Рейхман).

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 66. Оригинал, печатный текст.

№ 76

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Гор. Харьков, 1938 г., 10 февраля.

Военный прокурор Харьковского военного округа, рассмотрев материалы по делу по обвинению гр[аждани]на Пейчева Николая Ивановича – 1898 г. рожд[ения] по ст.ст. 54-6 УК УССР

Принимая во внимание, что нахождение на свободе обвиняемого Пейчева Н. И. может отразиться на ходе следствия.

Потому, руководствуясь ст. 143, 145 и 156 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

Мерой пресечения обвиняемому Пейчеву Николаю Ивановичу избрать содержание под стражей в Харьковской тюрьме.

Копию настоящего постановления направить начальнику III отдела УГБ НКВД по Харьковской области, за которым зачислить арестованного.

Военный прокурор ХОУ, военюрист 1 ранга – подпись (Завьялов)

Постановление мне объявлено « ____ » 193 г.

Обвиняемый _____ (подписи нет – М.С.).

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 67. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 77

УССР

Народный Комиссариат Внутренних Дел
Харьковское областное отделение

ОРДЕР № 36/51

Выдан «11» февраля 1938 г.

Действителен « ____ » суток.

Сотруднику Харьковского областного управления НКВД УССР – Яковенко

Поручается произвести обыск и арест гр-на Пейчева Николая Ивановича

Проживающего – Касимовский въезд № 5, кв. 2 (Новоселовка)

Всем органам советской власти и гражданам УССР надлежит оказывать законное со-
действие предъявителю ордера при исполнении им возложенных на него поручений.

Зам. начальника ХОУ НКВД, майор госбезопасности – (Рейхман)
Нач. 2 отдела УГБ НКВД, ст. лейт(енант) госбезопасности – подпись (Чернов).
ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 68. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 78

УССР

Народный Комиссариат Внутренних Дел
Харьковское областное управление

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

1938 г., февраля, 11 дня.

Я, мл. инсп. 9 отд. РКМ Яковенко Харьковских курсов РКМ НКВД УССР Нетипа Василий Иванович, инспектор, на основании ордера, выданного н[аркомато]м управления НКВД УССР за № 36/51, произвел обыск у гр[аждани]на Пейчева Николая Ивановича, проживающего в г. Харькове по улице Касимовский въезд, № 5.

При производстве обыска присутствовали: дворник т. Алферьев Василий Иванович, Касимовский въезд № 5, Волишко Евдокия Васильевна, Касимовский въезд № 5.

Согласно полученным указаниям задержан гр. Пейчев Николай Иванович. Изъято для представления в НКВД УССР следующее:

№ п/п	Наименование изъятого	Количество	Качественное состояние
1	Паспорт № 231691	1	Паспорт хранится в 8-м отделении УГБ ХОУ НКВД
2	Военный билет 044364	1	
3	Профсоюзный билет № 168030	1	

Жалобы на неправильности, допущенные при обыске, на пропажу вещей, ценностей и документов – нет.

В протоколе все занесено правильно, протокол нам прочитан, в чем подписываемся.
Обыскиваемый – подпись (Пейчев)

Представитель домаупправления – подписи (Алферьев и Солишко)

Производивший обыск – подпись (Яковенко)

Копию протокола получил – (*подписи нет – М.С.*)

Примечания: 1. Все претензии и заявления должны быть внесены в протокол до его подписания. После подписи никакие жалобы и претензии не принимаются.

За справками обращаться в _____ НКВД УССР по адресу.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т.2, д. 7218, л. 69. Оригинал, текст рукописный на бланке.

№ 79

Анкета арестованного

1. **Фамилия** – Пейчев
2. **Имя и отчество** – Николай Иванович
3. **Дата рождения:** число «15» месяц апрель год 1898
4. **Место рождения** – с. Вячеславка Коларовского района Днепропетровской области
5. **Местожительство (адрес)** – г. Харьков, п. Новоселовка, Касимовский въезд № 5.
6. **Профессия и специальность** – педагог, преподаватель физики
7. **Место службы и должность, или род занятий** – преподаватель физики СШ 115 (Ясная Поляна)

8. **Паспорт** – выдан 3-м РК милиции г. Харькова
 9. **Социальное происхождение** – из крестьян
 10. **Социальное положение:** а) до революции – учащийся; б) после революции – служащий
 11. **Образование** – среднее
 12. **Партийность (в прошлом и настоящем)** – беспартийный
 13. **Национальность и гражданство (подданство)** – болгарин, гражд[анин] СССР
 14. **Категория воинского учета** – запаса и где состоит на учете – ВУС Харьковского горвоенкомата
 15. **Служба в белых и др[угих] к[онтр]-р[еволюционных] армиях, участие в бандах и восстаниях против Советской власти в качестве кого** – в 1919 г. был мобилизован в белую армию, оттуда дезертировал, служил рядовым
 16. **Каким репрессиям подвергался при Соввласти: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)** – в 1923 г. был арестован органами ГПУ за службу у белых, сдержался под арестом более месяца, освобожден
 17. **Состав семьи** – жена Галайдина Прасковья Сидоровна, учитель в школе, дочь Просана, 7 л[ет]
- Подпись арестованного – (Пейчев).
- Особые внешние приметы –
- Кем и когда арестован – 11 февраля 1938 г.
- Подпись сотрудника, заполнившего анкету – подпись (Нетипа).

Дата – 14 февраля 1938 г.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 70. Оригинал, рукописный текст на бланке.

№ 80

Постановление по делу №

Гор. Харьков, 17 февраля 1938 года

Я, вр[еменный] оперуполномоченный III отд[ела] УГБ Харьковского облуправления НКВД УССР сержант госбезопасности Рева, рассмотрев следственный материал по обвинению гр[ажданина] Пейчева Степана Федоровича в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 54-11, 54-10 УК УССР, нашел, что произведенными следственными действиями установлено, что Иванов Николай Иванович является одним из активных участников болгарской контрреволюционной националистической организации, по заданию которой проводил активную контрреволюционную националистическую работу, направленную на свержение Советской власти

На основании ст. 126 УПК и руководствуясь ст. 127 УПК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

Привлечь гр[ажданина] Пейчева Николая Ивановича в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по ст.ст. 54-11, 54-10 УК УССР, копией настоящего постановления сообщить военному Прокурору.

Пом. оп[ер] уполномоченного сержант Рева, сотрудник III отдела УГБ (без подписи – M.C.)

Согласен: начальник отдела – (без подписи – M.C.)

Утверждаю: начальник – (без подписи – M.C.)

Постановление мне объявлено – подпись (Пейчев).

17 февраля 1938 г.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 71. Оригинал, текст рукописный на бланке.

P. S. Личных показаний Пейчева Н. И. в деле не имеется. Имеются два протокола допроса (не публикуются), датированные 17 февраля 1938 г., где Н. И. Пейчев под пытками

«признает свою вину» как члена болгарской контрреволюционной националистической организации, в которой он никогда не состоял, что опровергается последующими документами – М.С.

№ 81

К следделу № 114964

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По обвинению: РАДИВА Волчана Волчановича, ВОЙНИКОВА Ивана Павловича, ПЕЙЧЕВА Николая Ивановича и др. по ст.ст. 54-11 и 54-10 УК УССР.

З-м Отделом УГБ УНКВД по Харьковской области в 1938 году вскрыта и ликвидирована контрреволюционная болгарская националистическая повстанческая организация, действовавшая под прикрытием болгарской секции балканского клуба в г. Харькове. Организация ставила своей задачей создание на территории СССР самостоятельного буржуазно-националистического государства и собирала кадры для вооруженного восстания против совлади в момент войны. Болгарская контрреволюционная организация действовала за одно с другими контрреволюционными формированиями при балканском клубе (греческим, венгерским, румынским, польским). Для контактирования (*скорее всего малограмотный следователь хотел написать – для контролирования, или координации – М.С.*) контрреволюционных действий в Харькове было создано «паритетное бюро» из представителей контрреволюционных групп, в состав которого преимущественно входили политэмигранты, прибывшие в СССР со специальными заданиями иностранных разведок, а также видные местные националисты, через которых направлялась вся контрреволюционная работа как среди националистов партии, так и в болгарских национальных районах.

По делу арестовано, как участники организации: ...Радев Волчан Волчанов, Войников Иван Павлович, Иванов Степан Федорович... Пейчев Николай Иванович...

Произведенным следствием установлено:

Радив Волчан Волчанович (*Радев – М.С.*), проживая в Болгарии, являлся членом КСМ (*Коммунистического союза молодежи – М.С.*) и компартии. Работая на пароходе «Варна», курсирующем между СССР и Болгарией, в 1921 году остался на территории Советского Союза, боясь возвратиться в Болгию из-за репрессий со стороны полиции. В 1926 году вошел в состав украинского центра болгарской контрреволюционной националистической организации, войдя в состав созданного «Паритетного бюро» контрреволюционных формирований при балканском клубе. Используя болгарское издательство, Радив выпустил ряд книг контрреволюционного националистического содержания, способствовал вредительству переводу литературы, допуская в них контрреволюционные извращения и т.д. Лично завербовал в состав организации Галину (арестована) и Марчевского (установливаем). По показаниям Скендерова, Радив также проводил и шпионскую работу. В предъявленном обвинении Радив виновным себя признал (л. д. 257, 285). Изобличается показаниями Мицева С., Фуклева, Маркова, Мицева Н., Варбанского и Скендерова (л. д. 65, 168, 172, 181, 400–404, 407, 475–477, 479–481).

Войников Иван Павлович – активный участник контрреволюционной болгарской националистической организации, в состав которой завербован в 1927 году болгарским националистом Садовым М. К. в м[естеч]ке Преславе на Днепропетровщине. В 1918–1920 гг. принимал активное участие в националистической организации в местечке Преславе и Бердянске «Напредъ», которая впоследствии реорганизовалась в болгарскую «Просвиту», проводившую аналогичную контрреволюционную работу с петлюровской «Просвитой». Как участник организации, Войников проводил активную контрреволюционную работу среди участников молодежи в болгарских национальных районах. С переездом на жительство в Харьков, Войников, по указанию Садового, связался с руководством болгарского контрреволюционного подполья в г. Харькове: Фуклевым, Мицевым С., Малчевым, Радивым (арестованы). В Харькове Войников, совместно с другими участниками болгарской к[онтр]-р[еволюционной] организации – Федосовым и Пейчевым (арестованы), проводил активную националистическую работу среди сту-

денчества и членской массы балканского клуба. В изложенном Войников признал себя виновным (л. д. 333–339).

Иванов Степан Федорович – с 1924 года являлся участником к[онтр]-р[еволюционной] болгарской националистической организации, в состав которой был завербован Дмитровым (розвыскивается). По заданию Дмитрова, проводил работы по подготовке и созданию боевых повстанческих групп для выступления в тылу Красной армии в период военного нападения на СССР. Иванов возглавил один из наиболее крупных повстанческих отрядов, который должен был сыграть руководящую роль в вооруженном выступлении против совлади. Как участник организации, проводил активную контрреволюционную националистическую работу среди посетителей клуба. Лично завербовал в состав организации кулака? жителя села Терновки Николаевского района – Бузника Дмитрия (ориентировано Николаевское отделение НКВД), которому дал задание по к[онтр]-р[еволюционной] вербовочной работе. В изложенном виновным себя признал (л.д. 349–354), а также изобличается показаниями Радива (л. д. 275).

Пейчев Николай Иванович в состав болгарской контрреволюционной националистической организации завербован в 1931 году Дмитровым (осужден). По указанию Дмитрова Пейчев установил связь с руководителями болгарской к-р. националистической организации Фуклевым и Мицевым (арестованы). Пейчев, как участник организации, проводил среди болгар активную контрреволюционную националистическую пропаганду до дня ареста. Работая учителем в национально-болгарском Коларовском районе, воспитывал учащуюся молодежь в националистическом духе. Аналогичную деятельность Пейчев продолжал и в г. Харькове, используя для этого болгарскую секцию Балканского клуба. В изложенном Пейчев сознался полностью и изобличается показаниями обвин. Фуклева и Мицева.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО ОБВИНЯЮТСЯ:

1. Радив Волчан Волчанович, 1898 года рождения, уроженец г. Варна (Болгария), болгарин, гражданин СССР, беспартийный, исключен из ВКП(б) за протаскивание национализма в литературных трудах. До ареста – плановик патефонного завода, – обвиняется в проведении к[онтр]-р[еволюционной] националистической работы, как участник к[онтр]-р[еволюционной] болгарской националистической организации, а также в проведении шпионской работы в пользу Болгарии, что предусмотрено ст.ст. 54-6, 54-11 и 54-10 УК УССР.

2. Войников Иван Павлович, 1896 года рождения, уроженец с. Диановка, Коларовского р-на Днепропетровской области, болгарин, гражданин СССР, с высшим образованием, беспартийный, служил в армии Деникина в 1919 году, до ареста – педагог техникума промышленного транспорта – обвиняется как активный участник вскрытой и ликвидированной к[онтр]-р[еволюционной] болгарской националистической повстанческой организации, по заданию которой проводил контрреволюционную националистическую работу, что предусмотрено ст.ст. 54-11 и 54-10 УК УССР.

3. Иванов Степан Федорович, 1896 года рождения, уроженец с. Терновка Николаевской области, болгарин, гражданин СССР, беспартийный, с высшим образованием, до ареста – ст. экономист по труду «Харэнерго» г. Харьков, – обвиняется как участник ликвидированной к/р болгарской националистической повстанческой организации, по заданию которой проводил активную контрреволюционную националистическую и вербовочную работу, что предусмотрено ст.ст. 54-10 и 54-11 УК УССР.

4. Пейчев Николай Иванович, рождения 1898 года, уроженец с. Вячиславовка Днепропетровской области, болгарин, гражданин СССР, беспартийный, бывший белый, в 1923 г. арестовывается за службу в белой армии. До ареста – педагог школы в г. Харькове – обвиняется в проведении активной к[онтр]-р[еволюционной] националистической работы, как участник к[онтр]-р[еволюционной] болгарской националистической организации, что предусмотрено ст.ст. 54-11, 54-10 и УК УССР.

На основании изложенного,

ПОСТАНОВИЛ:

Следдело №114964 по обвинению: Войникова И. П., Иванова С. Т., Пейчева – по ст.ст. 54-11 и 54-10 УК УССР и Радива В. В. – по ст.ст. 54-6, 54-11 и 54-10 УК УССР – направить на рассмотрение ОСОБОЙ ТРОЙКИ при УНКВД по Харьковской области.

СПРАВКА: – Вещдоков (*так в деле – М.С.*) по делу не имеется.

Все обвиняемые содержатся под стражей в Харьковской тюрьме.

Br. нач. отд. III отдела УГБ

Мл. лейтенант госбезопасности (КУЗНЕЦОВ)

Подтверждаю: Нач. III отдела УГБ УНКВД

Ст. лейтенант госбезопасности (БАРБАРОВ)¹⁰

гор. Харьков.

Октябрь 1938 г.

ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 2, д. 7218, л. 335, 344. Оригинал, текст печатный.

№ 82

Сов[ершенно] секретно

Начальнику 1-го спец. отдела УНКВД по Харьковской области, г. Харьков

Возвращаю архивное дело № 114964 по обвинению Мицева, Фуклева и других по ст. ст. 54-1а, 54-11 УК УССР вместе с постановлением Прокурора от 4.01.1940 года для хранения в архивах.

Зам прокурора Харьковской области – подпись (*резолюция нач. I спец. отдела: «В архив» – М.С.*)

ХОГА, ф. Р6452, оп. 1, д. 7217, л. 286. Оригинал, печатный текст.

№ 83

Сов[ершенно] секретно

Постановление

1940 года, января 4 дня, пом. Обл. Прокурора по спецделам Харьковской области – ЛИБМАН, в порядке надзора рассмотрел дело осужденных... Радева В. В., Войникова И. П., Иванова С. Ф... Пейчева Н. И. и др. –

НАШЕЛ:

1. Радев Волчан Волчанович, 1898 года рождения, уроженец г. Варна (Болгария), болгарин, плановик, б/п (беспартийный – М.С.), исключен из ВКПб за протаскивание национализма, 11 февраля 1938 г. арестован как активный участник с 1926 г. контрреволюционной болгарской националистической организации в г. Харькове (л. д. 209, 266).

2. Войников Иван Павлович, 1896 года рождения, уроженец с. Диановка, Коларовского р-на, Днепропетровской области, педагог, беспартийный, доброволец белой армии, 11 февраля 1938 г. арестован как участник контрреволюционной болгарской националистической организации (л. д. 328, 331, 339).

3. Иванов Степан Федорович, 1896 года рождения, уроженец с. Терновка Николаевской области, болгарин, беспартийный, экономист «Харэнерго», 10 апреля 1938 г. арестован как участник контрреволюционной болгарской националистической организации с 1925 г. (л. д. 346, 347).

4. Пейчев Николай Иванович, рождения 1898 года, уроженец с. Вячиславовка Днепропетровской области, беспартийный, в 1923 г. арестовывался ГПУ, преподаватель СШ № 115. 11 февраля 1938 г. арестован как участник контрреволюционной болгарской организации. Постановлением Особой Тройки УНКВД по Харьковской области от 28 октября 1938 г. – все вышеуказанные обвиняемые осуждены по ст.ст. 54-10 и 54-11 УК УССР к ВМН (*высшей мере наказания – М.С.*).

ОБВИНЕНИЕ:

Радева В. В., Войникова И. П., Иванова С. Ф., Пейчева Н. И. ... было основано на показаниях каждого обвиняемого, в которых они изобличали друг друга как участников контрреволюционной болгарской националистической организации, существовавшей при Балканском клубе в гор. Харькове с 1925 г. и действовавшей под прикрытием болгарской секции Балканского клуба, совместно с другими контрреволюционными формированиями, существовавшими при Балканском клубе (греческим, венгерским, румынским) и проводили активную контрреволюционную националистическую деятельность. Кроме

того, обвинение указанных выше лиц было основано на личном сознании каждого из обвиняемых в том, что каждый из них принадлежал к контрреволюционной болгарской националистической организации и проводил контрреволюционную деятельность националистической организации в гор. Харькове (л. д. 405, 406, 409).

В Прокуратуру поступило заявление от гр[ажданки] Войниковой А. И., которая в своей жалобе просит пересмотреть дело ее отца – Войникова И. П., ссылаясь на то, что он честно работал. Из материалов дела видно, что в г. Харькове с 1925 г. существовала и действовала контрреволюционная националистическая организация под прикрытием болгарской секции при Балканском клубе, которая ставила своей задачей создание на территории СССР самостоятельного буржуазно-националистического государства и собирание кадров для вооруженного восстания против Соввласти в момент войны. Для контактирования (*по всей вероятности имелось ввиду – «для координирования» – М.С.*) контрреволюционных действий в г. Харькове было создано «Паритетное бюро» из представителей контрреволюционных групп (греческой, венгерской, румынской и других, которые существовали при Балканском клубе в г. Харькове).

В состав «Паритетного бюро» входили политэмигранты, а также местные националисты, через которых направлялась контрреволюционная работа как среди националистов, состоящих членами партии, так и болгарских национальных районах.

АРЕСТОВАННЫЕ И ПРИВЛЕЧЕННЫЕ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЕМЫХ:

РАДЕВ В. В. в предъявленном ему обвинении по ст.ст. 54-10, 54-11 виновным себя признал и показал, что с осени 1926 г. входил в состав руководящего подпольного центра контрреволюционной болгарской националистической организации при Балканском клубе в г. Харькове, вел контрреволюционную деятельность по собиранию боевых контрреволюционных националистических кадров для вооруженного восстания против Соввласти (л. д. 209, 261, 263, 269, 284).

ВОЙНИКОВ И. П. в предъявленном ему обвинении по ст.ст. 54-10, 54-11 виновным себя признал и показал, что в состав контрреволюционной болгарской националистической организации был завербован Садовым Н. К. в 1927 г. (л. д. 328), сам лично никого не завербовал в состав контрреволюционной националистической организации (л. д. 331, 332).

ИВАНОВ С. Ф. в предъявленном ему обвинении по ст.ст. 54-10, 54-11 виновным себя признал и показал, что в 1927 г. был завербован состав контрреволюционной болгарской националистической организации при Балканском клубе Димитровым Д. Д. (л. д. 346). Сам лично завербовал в состав контрреволюционной националистической организации Бузика Д. и дал ему контрреволюционное задание (л. д. 336, 340, 370, 371, 372).

ПЕЙЧЕВ Н. И. в предъявленном ему обвинении по ст.ст. 54-10, 54-11 виновным себя признал и показал, что в 1931 г. был завербован в состав контрреволюционной болгарской националистической организации Димитровым Д. Д., после чего установил связь с руководителями контрреволюционной болгарской националистической организации Мицевым и Фуклевым, после чего проводил среди болгар активную контрреволюционную националистическую пропаганду (л. д. 405, 406, 409).

Контрреволюционная деятельность вышеперечисленных осужденных материалами дела доказана полностью, а жалобы Калицовой, Фуклевой и Войниковой, в которых отсутствуют конкретные доводы, которые могли бы опровергнуть обвинение Мицева, Фукleva и Войникова, не заслуживают внимания.

Исходя из изложенного и руководствуясь приказом НКВД и Прокурора СССР от 26 декабря 1938 г. за № 2709

ПОСТАНОВИЛ:

1. Решение Особой Тройки от 28 октября 1937 г. УНКВД по Харьковской области по делу Мицева, Фуклевы, Радева и других оставить в силе, о чем сообщить жалобщикам.

2. Надзорное производство по делу прекратить и дело возвратить в 1-й Спецотдел НКВД для хранения в архиве.

Пом[ощник] обл[астного] Прокурора по спецделам – подпись (ЛИБМАН)

Утверждаю: Прокурор Харьковской области – подпись (Д. Панасюк)

Отп[ечатано] 4 экз[emplary]

ГАХО, ф. Р652, оп. 1, д. 7217, л. 287–291. Оригинал, текст рукописный.

№ 84
Спецконтроль

СЕКРЕТНО. Экз. № 1.

В ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ КИЕВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
ПРОТЕСТ (в порядке надзора)
по делу Мицева С. И. и других, всего 13 человек

По постановлению Особой Тройки УНКВД по Харьковской области от 28 октября 1938 года, на основании ст.ст. 54-10 и 54-11 УК УССР были осуждены к расстрелу:

1. Радив Волчан Волчанов, 1898 г. рождения, уроженец гор. Варны, (Болгария), быв. член ВКП(б) с 1921 по 1936 г., с высшим образованием, до ареста работал на Харьковском патефонном заводе в должности плановика.

2. Войников Иван Павлович, 1896 г. рождения, уроженец села Диановка, Колотовского (позже Коловоровского – М.С.) района Днепропетровской области, болгарин, б/п., с высшим образованием, до ареста педагог техникума промышленного транспорта.

3. Иванов Степан Федорович, 1896 г. рождения, уроженец села Терновка Николаевской области, б/п., болгарин, с высшим образованием, до ареста экономист по труду «Харэнерго».

4. Пейчев Николай Иванович, 1898 г. рождения, уроженец села Вячиславовка Днепропетровской области, болгарин, б/п., с высшим образованием, до ареста преподаватель 115 школы г. Харькова.

Постановление тройки в отношении всех осужденных приведено в исполнение 4 ноября 1938 года (л. д. 560–584).

По обвинительному заключению... Радив, Войников, Иванов..., Пейчев... обвинялись в том, что они являлись участниками болгарской националистической повстанческой организации, ставившей своей задачей создание на территории СССР самостоятельного буржуазного государства. Организация подготавливала кадры для борьбы с советской властью в момент войны (л. д. 545).

Постановление Особой Тройки УНКВД по Харьковской области подлежит отмене, а дело прекращению по следующим мотивам:

Как видно из материалов дела, основанием к осуждению Радива, Войникова, Иванова, Пейчева и др. явились только их личные признания своей вины. Произведенной проверкой в порядке ст. 370 УПК УССР установлено, что показания всех осужденных являются противоречивыми и неубедительными...

Показания Радива о вовлечении его в 1926 г. в к/р организацию Малчевым вызывают сомнения в их достоверности. Из материалов проверки видно, что Малчев в 1940 г. привлекся к уголовной ответственности, но в 1956 году дело на него направлено в Военную Коллегию для прекращения за отсутствием в его действиях состава преступления (л. д. 265, 36–37 – материал проверки). Показания Радива о вовлечении им в к[онтр]-р[еволюционную] организацию Галины и Марчевского являются противоречивыми и не заслуживают доверия...

Не убедительными являются показания Иванова С. Ф. о том, что он с 1924 г. является участником к[онтр]-р[еволюционной] националистической организации, в которую был завербован Димитровым Д. и имел связь с участниками этой организации Мицевым и Малчевым. Органами следствия Димитров Д. по делу Иванова С. Ф. не допрашивался и в настоящее время его установить не представляется возможным. Допрошенный в 1938 г. Мицев в своих показаниях Иванова С. Ф., как участника к[онтр]-р[еволюционной] организации, не назвал (том 1, л. д. 23–50). Дело в отношении Малчева, с которым Иванов якобы имел преступную связь, после проверки в 1956 году представлено в Военную Коллегию Верховного Суда для прекращения (л. д. 36–37 – материал проверки) ...

Показания Мицева Н. о том, что он являлся агентом болгарской разведки и, находясь в гор. Харькове, собирал сведения шпионского характера, которые передавал проходящему по настоящему делу Радиву В. В., противоречивые и вызывают сомнения в их достоверности. Допрошенный на предварительном следствии Радив категорически отрицал свою принадлежность к иностранной разведке. О том, что Мицев Николай был участником

к[онтр]-р[еволюционной] организации Радиву стало известно со слов его отца – Мицева Серафима, но был ли его сын Николай агентом иностранной разведки об этом Радив не знал (л. д. том 1, 257–258; т. 2, 371–385).

Сомнительными являются показания Пейчева Н. И. о том, что он был участником болгарской к[онтр]-р[еволюционной] организации, в которую был завербован в 1931 году Димитровым Д. Д. и по его заданию установил организационную связь с активными участниками этой организации Фуклевым и Мицевым. Допрошенный на предварительном следствии Фуклев показал, что он знал как участника к[онтр]-р[еволюционной] организации Пейчева А. С., а не Пейчева Н. И., при этом организационной связи с ним не имел. Не могут быть признаны за доказательства виновности Пейчева Н. И. и показания Мицева С. И., так как он на предварительном следствии факт организационной связи с Пейчевым А. не подтвердил. Вербовщик Пейчева – Димитров Д. Д. на предварительном следствии не допрашивался (л. д. 73–81; т. 2, 23–50; т. 2, 123–148).

Это обстоятельство также свидетельствует о необоснованном осуждении Мицева С. И., Фукleva H. P. и др. (л. д. 110–116 материал проверки). Компрометирующими материалами на … Радива, Войникова, Иванова … Пейчева и др. органы КГБ не располагают (л. д. 40–41 материал проверки). Допрошенные в процессе дополнительной проверки свидетели – Калиццева Е. И., Янушевский Ф. С., Полтавец Г. И., Соколова М. П., Марков Д. Ф., Бурдун-Козляковская Л. В., Черняков М. В., Тумаркин Г. А., Краснянский Д. С., Руденко Т. И., Шейн С. Я., Винникова Н. Г., Татарченко М. Д., Помазан И. С., Дмитриев Г. Д., Киреев Н. М., Юхвид Л. А., Кравец И. Н., Ильевская Г. Д., Велев П. Н., Вейцман А. М., Маркилов Х. Р., знавшие по совместной работе и учебе Мицева С. И., Фукleva H. P., Радива В. В., Войникова И. П., Иванова С. Ф., Мицева Н. С., Попазова Д. Д., Скендерова В. П., Федосова Ф. И., Хаджи-Кочева К. К. и Чудра И. Н., охарактеризовали их с положительной стороны и заявили, что о принадлежности осужденных к контрреволюционной организации им ничего не известно (л. д. 55–54, 68–69, 72–77, 82–84, 87, 94, 98, 103, 117–119 – материал проверки).

Таким образом произведенной проверкой по настоящему делу установлено, что Радив В. В., Войников И. П., Иванов С. Ф., Пейчев Н. И. и др. были осуждены необоснованно.

Поэтому, руководствуясь ст. 25 «Положения о прокурорском надзоре» –

ПРОШУ:

Постановление Особой Тройки УНКВД по Харьковской области от 28 октября 1938 г. в отношении Радива Волчана Волчановича, Войникова Ивана Павловича, Иванова Степана Федоровича, Пейчева Николая Ивановича и других – ОТМЕНИТЬ и дело производством прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Дело в 2-х томах и материал проверки в т. ч. т. 1 – на 325 листах, т. 2 – на 390 листах, материалы проверки – на 120 листах.

ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР КИЕВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ЮСТИЦИИ (И. БУДАРГИН).

12 октября 1956 г.

¹ Радев Волчан Волчанович (*Вълчан Вълчанов Радев – болг.*) (1898–1938 гг.). Уроженец гор. Варны (Болгария), быв. член ВКП(б) с 1921 по 1936 г., с высшим образованием, до ареста работал на Харьковском патефонном заводе в должности плановика. В феврале 1938 г. арестован по делу о «Болгарской контрреволюционной националистической организации» в Харькове, осужден и расстрелян 4 ноября 1938 г. в Харькове.

² Рейхман Лев Иосифович (1901–1940 гг.) – начальник 1-го отдела Главного экономического управления (ГЭУ) НКВД СССР, майор государственной безопасности (1937). Родился в еврейской семье сапожника (по другим данным – портного). Окончил 1 класс еврейского ремесленного училища в Чернигове в 1913 г. С 1914 по 1918 рабочий-слесарь. С 1919 по 1920 гг. – в Красной армии, сотрудник ЧК. Работал в органах НКВД в Одессе, Полтаве, Черкассах, Чернигове, Киеве, Донецке, Новороссийске и др. В 1937–1938 гг. заместитель начальника УНКВД Харьковской области, временно исполняющий должность начальника УНКВД Харьковской области. Арестован 24 октября 1938 г. Расстрелян по приговору ВКВС СССР 26 января 1940 г. Не реабилитирован (см. подробнее: Абрамов, В. Евреи в КГБ. Палахи и жертвы. М., ЯузаЭксмо, 2005).

³ Блауберг Виктор Александрович (1894–1968 гг.). Родился в г. Санкт-Петербурге. Окончил Петроградскую школу прапорщиков. Юрист. Военный прокурор пограничных и внутренних войск. Полковник. В 1943–1947 г. – заместитель прокурора Закавказского военного округа. Персональный пенсионер.

⁴ Дринов Дельчо Петрович (Делчо Петров Дринов – болг.) (1893–1936 гг.). Известный советский филолог и языковед, племянник профессора Марина Дринова. Родился в г. Панагюриште (Болгария), там же получил среднее образование и работал учителем в школе с. Дмирджилий. В 1914 г. переехал в Россию, где учился в Киевском университете им. Св. Владимира. После его окончания, с 1920 г., работал ассистентом на кафедре южнославянских языков в Киевском коммунистическом университете и Институте внешних сношений (факультет Ближнего Востока), где преподавал болгарский язык. С 1923 по 1932 годы Д. П. Дринов, наряду с преподавательской работой на рабфаках Института народного хозяйства и Физико-экономического института, активно занимался научной деятельностью. В последние годы своей жизни он стал научным сотрудником Научно-исследовательского института языкоznания Академии наук Украинской ССР. При его непосредственном участии была проведена реформа болгарского правописания (1930), ряд учебных пособий болгарского языка для средних школ УССР, рецензии на научные издания, что говорит о высокой профессиональной подготовке Д. П. Дринова. Он же был одним из активных участников разработки украинской научной терминологии. Преждевременная смерть не позволила ученому вместе с проф. Л. А. Булаховским закончить «Курс литературы болгарского языка в историческом освещении». После своей смерти Дельчо Дринов «проходил» по делу т.н. «Болгарской контрреволюционной националистической организации» в Украине» (1938 г.).

⁵ Раковская, Анна Георгиевна (1879–1951 гг.). (Настоящая фамилия – Анна Георгиевна Станчева). Болгарский и советский политический и общественный деятель. Сестра Христиана Георгиевича Раковского. Родилась в г. Котел (Болгария). В 1898 г. окончила Варненскую женскую гимназию, затем продолжила образования в Петербурге на историко-филологическом факультете Императорского университета, но была отчислена с третьего курса и выслана за революционную деятельность. Закончила образование на юридическом факультете Женевского университета. Один из первых агентов большевистской газеты «Искра». Сотрудничала с Лениным, Глехановым, Засулич, Мартовым, Аксельродом, Жоресом, Люксембург, Либкнехтом, Каутским. Стояла у истоков создания Итальянской социалистической партии: с 1918 г. – член ИСП. Подвергалась аресту в России, Италии, Румынии, Болгарии, Швейцарии, Франции и Германии. В начале 20-х гг. XX в., когда ее брат возглавлял правительство УССР, трудилась в Харькове в Наркомате просвещения. Издала «Читанку» («Букварь») для болгарского населения Украины. По рекомендации Георгия Димитрова работала в Москве преподавателем истории в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада (КУНМЗ) вплоть до выхода на пенсию в 1936 году. В 1938 г. исключена из рядов ВКП(б) за «полную потерю политической бдительности и неразоблачение врага народа Раковского Х.Г. и других осужденных по делу «антисоветского право-троцкистского блока». 30 июля 1949 г. арестована органами НКВД СССР и сослана в с. Заренда Кокчетавской области Казахской ССР, где и умерла. Посмертно реабилитирована в 1964 г. Ее останки были разысканы на заброшенном сельском кладбище в с. Заренда и в августе 1990 г. перезахоронены во дворе церкви в г. Котел (Болгария).

⁶ Войников, Иван Павлович (1896–1938 гг.) – педагог. Родился в с. Диановка Коларовского района Днепропетровской области. Окончил Преславскую учительскую семинарию в 1918 г. и поступил в Феодосийский учительский институт. В июне 1919 г. мобилизован в Деникинскую добровольческую армию. Беспартийный. До ареста работал преподавателем в Харьковском техникуме промышленного транспорта. Арестован в октябре 1938 г. и осужден Особой тройкой Управления НКВД по Харьковской области по ст. 54-10-11 УК УССР (участие в контрреволюционной националистической организации). Расстрелян вместе с другими участниками процесса 4 ноября 1938 г. в Харькове. Реабилитирован в 1956 г. В ответ на запрос дочери в 1956 г. Войниковой Ангелины в КГБ СССР с просьбой сообщить о судьбе ее отца, в архиве найдена справка (разумеется, совершенно секретная – М.С.) о том, что «Войников И. П., 1896 г. рождения, арестован УНКВД по Харьковской области 11.02.1938 г. и 28 октября приговорен тройкой НКВД к высшей мере наказания»... «полагал бы сообщить гр. Войниковой А. И. в устной (!? – М.С.) форме о том, что ее отец Войников И. П., находясь в заключении, 30.07.1941 г., умер от стенокардии» (ГАХО, ф. Р6452, оп. 1, т. 3, д. 7219, л. 233).

⁷ Державин Николай Севастьянович (1877–1953 гг.). Советский историк и филолог-славист, академик АН СССР (1931). Родившись в селе Преслав Запорожской области, основную массу населения которого составляли переселенцы-болгары, с детства увлёкся болгарским языком и культурой. С отличием окончил гимназию в Симферополе. Слушатель Санкт-Петербургского университета в 1896–1897 гг. В 1900 г. окончил Историко-филологический институт в Нежине. После революции сделал быструю карьеру в Петрограде. В 1917 г. Н. С. Державин был избран профессором: в 1922–1925 гг. – ректор Ленинградского университета. В 1925 г. возглавил кафедру славянской филологии, в 1930–1937 гг. переведённую из университета в Ленинградский институт философии, литературы и искусства (ИФЛИ). С 1944 г., после восстановления этой кафедры в ЛГУ, занимал должность её заведующего до конца жизни.

После резкого усиления позиций Н. Я. Марра Н. С. Державин был избран академиком АН СССР (нездолго до другого «марриста» И. И. Мещанинова) в 1931 г., без стажа члена-корреспондента. В 1931–1934 гг. был директором Института славяноведения АН СССР (находившегося в Ленинграде). В середине 1930-х – начале 1940-х, после фактического разгрома академического славяноведения, отставал эту дисциплину и внёс определённый вклад в её реабилитацию в СССР. В 1943 г. Н. С. Державин был также назначен заведующим вновь созданной кафедры славянского языкоznания МГУ, но, поскольку он жил в Ленинграде, кафедрой фактически руководил С. Б. Бернштейн, с 1948 г. сменивший Н. С. Державина на посту заведующего и формально. С 1947 г. до конца жизни Н. С. Державин – директор Ленинградского отделения восстановленного в Москве Института славяноведения АН СССР.

В годы Великой Отечественной войны также сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ныне – Санкт-Петербургский Институт истории РАН). Сторонник «нового учения о языке» Н. Я. Марра. В. М. Алпатов называет его «одним из самых дремучих марристов». В годы войны активно занимался общественной деятельностью в духе недолго просуществовавшего сталинского панславизма, был членом Антифашистского и Всеславянского комитетов, членом редакционной коллегии журнала «Славяне». Избран Почётным доктором Софийского университета (1944) и Почётным членом Болгарской АН (1946). В 1948 г. удостоен Сталинской премии первой степени. Скончался в Ленинграде. После кончины Н. С. Державина С. Б. Бернштейн записал в дневнике: «Несмотря на все его недостатки и грубые ошибки, которые он делал очень часто, имя его будет тесно связано с развитием славяноведения. Меня часто раздражали его труды, его выступления, его действия, но … я его всё же любил. Через всю свою жизнь он пронёс любовь к болгарскому народу, его истории, культуре, языку».

⁸ *Иванов Степан Федорович (1896–1938 гг.)*. Уроженец села Терновка Николаевской области, беспартийный, болгарин, с высшим образованием, до ареста экономист по труду «Харэнерго». Арестован в октябре 1938 г. и осужден особой тройкой Управления НКВД по Харьковской области по ст. 54-10-11 УК УССР (участие в контрреволюционной националистической организации). Расстрелян вместе с другими участниками процесса 4 ноября 1938 г. в Харькове. Реабилитирован в 1956 г.

⁹ *Пейчев Николай Иванович (1898–1938 гг.)*. Уроженец села Вячеславка (Вячеславовка), Коларовского района Днепропетровской области. Родился в болгарской крестьянской семье. Как пишет сам Пейчев Н. И.: «В хозяйстве до революции имелось 25 десятин земли, лошадей – 5 шт., 2 коровы, овец 30 шт. Косарка, конная молотилка». В 1918 г. окончил Ногайское реальное училище, после чего он некоторое время работал в хозяйстве отца. В начале 1919 г. был мобилизован в Деникинскую армию, где прослужил недолго – дезертировал. В 1920 г. продолжительное время болел. В 1921–1923 гг. работал в должности зав. отделом народного образования Романовского района. В 1923–1927 гг. учительствовал в Коларовском районе. С 1927 г. проживает в Харькове. Окончил Харьковский институт народного хозяйства. Беспартийный. До ареста – преподаватель 115-й школы г. Харькова. Арестован в октябре 1938 г. и осужден особой тройкой Управления НКВД по Харьковской области по ст. 54-10-11 УК УССР (участие в контрреволюционной националистической организации). Расстрелян вместе с другими участниками процесса 4 ноября 1938 г. в Харькове. Реабилитирован в 1956 г.

¹⁰ *Барбаров Петр Иосифович (11.09.1905–29.01.1942)*. Родился в Чернигове. Окончил неполные 3 класса Черниговской гимназии (1918), учился в Харьковском вечернем техникуме (1921), Черниговском кооперативном техникуме (1922–1923), Харьковском техникуме востоковедения (1931). Член ВКП(б) с 1928 г. В органах ЧК-ГПУ-НКВД с 1920 г. Во время следственных действий по отношению к т.н. «Болгарской контрреволюционной националистической организации» – начальник 2-го (польского) отдела 3-го (контрразведывательного) отдела, с апреля 1938 г. – временно исполняющий обязанности начальника, с июня 1938 г. – начальник 3-го отдела УНКВД УССР по Харьковской области. 19 апреля 1939 г. уволен с должности, с 5 июня 1939 г. – пенсионер НКВД. В 1939–1940 гг. – заместитель директора завода № 183 по охране (Харьков). По некоторым источникам, Барбаров П. И. во время Великой Отечественной войны служил начальником отделения Севжелдорлага в Челябинской области. Погиб в перестрелке во время преследования заключенных, совершивших побег из концлагеря (см. документы Президентского центра Б. Н. Ельцина: <http://kk.convdocs.org/docs/index-332229.html?page=121>).

(Продолжение следует)

РЕЦЕНЗІЇ

РЕЦЕНЗІЯ НА КНИГУ:

**Смольянинова, Марина. «Васил Друмев (Митрополит Климент)».
София: Издательский центр «Боян Пенев». – 2012. 440 с.**

С. И. Муртузалиев

Эпоха Возрождения, в том числе и такая проблема как русско-болгарские связи, давно уже стала объектом пристального внимания отечественных и зарубежных историков, литературоведов, богословов. В этом ряду исследований большой интерес представляет публикация новой работы М. Г. Смольяниновой, посвященная жизни, творчеству и деятельности Васила Друмева – епископа Клиmenta Braniцкого и митрополита Тырновского (1841–1901), принадлежавшего к числу болгар, считавших необходимой просветительскую деятельность. В знаниях, в научном прогрессе он видел предпосылки политической и духовной независимости. «Друмев считал, что без овладения науками болгары не смогут долго существовать, исчезнут как нация или станут рабами более образованных наций» (с. 33). Он является примером самоотверженности в движении за национальную идентичность и духовную самобытность, в деле защиты демократии, конституционализма и национального единения.

Исследуя специфику болгарского литературного процесса периода национального Возрождения, М. Г. Смольянинова рассматривает проблемы становления драматургии, художественной прозы и эстетической мысли. Автор показывает, что в творческой и общественной деятельности В. Друмева до и после Освобождения проявляются как положительные стороны его духовного контакта с российской общественной мыслью, так и влияние официальной российской политики и идеологии. Заметим, что в Интернете встречается обвинение митрополита Клиmenta в том, что он якобы являлся «тайным агентом» России и даже получал за это жалование от русского правительства. Автор рецензируемой книги убедительно показывает, что Друмев был искренним русофилом. За своё русофильство и пострадал – был судим и заточен Стамболовым в Гложенский монастырь. Он не был тайным агентом России.

Все литературные произведения митрополита Клиmenta (Друмева) написаны до пострига в монашество и принятия им духовного сана. М. Г. Смольянинова внесла свою лепту в развитие вывода И. Радева о том, что ряса не закрыла для Друмева светские проблемы, стоявшие перед болгарским обществом после Освобождения страны. Она отмечает, что «истинной религией Друмева был патриотизм» (с. 58). «Отношение Друмева к религии типично для просветительской идеологии и отнюдь не характерно для представителя духовенства» (с. 35). Просветительские принципы нашли материализованное воплощение в педагогической деятельности Друмева в период его работы ректором Петропавловского училища (с. 52–56).

На основе анализа конкретного историко-литературного материала, рассматривая систему взглядов Друмева, М. Г. Смольянинова пришла к выводу, что «в Болгарии идеи Просвещения были актуальны не только на раннем этапе Возрождения, как полагают некоторые исследователи, но и в 60–70-е гг. XIX в.» (с. 124).

В спорном вопросе о генезисе болгарской драматургии автор отстаивает точку зрения, согласно которой ее формирование происходило в результате синтеза: наряду с перерастанием диалогов в пьесы, широко использовался опыт инонациональных литератур (с. 126).

Источниками для рецензируемого исследования послужили: сочинения В. Друмева (его художественные произведения, письма, автобиографические записи, критические статьи, публицистика), сочинения других писателей эпохи, воспоминания современников, периодические издания того времени и т.д.

Основу настоящей публикации составили архивные материалы, которые были разбросаны по многочисленным общественным фондам, хранились в частных архивах. Автором книги выявлено и впервые введено в научное обращение более 350 рукописей и писем В. Друмева, что позволило во многом по-новому подойти к творчеству писателя

и определению его роли в становлении болгарской культуры. Исследование творчества писателя проведено в тесной связи с научными проблемами генетической и типологической характеристики новоболгарской литературы. В «Приложении» публикуются открытые автором монографии в болгарских архивах рукописи В. Друмева (Митрополита Климента): Протоколы Силистренской общины (1874–1877), Дневник Лясковского Петро-Павловского духовного училища (1878–1882) и личные письма.

Автор предпринял удачную, на наш взгляд, попытку дать сбалансированное отражение всех или почти всех составляющих жизни В. Друмева: революционера – просветителя – духовника; возрожденца – политика – государственного деятеля; а также и его творчества: литератор – писатель – ученый – воспитатель – просветитель – идеолог. Для осуществления своего замысла, как мне представляется, автор творчески использовал идею М. Н. Карамзина, разделившего свою «Историю» на две самостоятельные части. У российского историографа основной текст – литературное повествование – сопровождался в «Примечаниях» самостоятельным текстом документов.

М. Г. Смольянинова объединила в одном переплете две свои ранее изданные работы: первая – исследование литературной деятельности В. Друмева (1987 г.), вторая – публикация архивных документов духовника (2005 г.). В этих публикациях один и тот же человек был как бы «расчленён». Автор посчитал, что пора «воссоединить эти две ипостаси (обе книги – С.М.) одной цельной, незаурядной личности болгарской культуры XIX века» (с. 19). Первая часть новой книги (с. 15–151) переработана и дополнена автором. Во второй части в «Приложении» представлены архивные документы (с. 152–373), которые публикуются без изменений на болгарском языке. Эти документы проливают новый свет на деятельность В. Друмева. Третья часть книги (с. 374–438) состоит из комментариев и справочного аппарата (автор К. Михайлов). Имеется иллюстративный материал.

Поскольку рецензия публикуется в «Дриновских чтениях» и сборник посвящен 175-летию со дня рождения профессора М. Дринова, думаю уместно упомянуть о том, что именно Марине Смольяниновой принадлежит первенство в обнаружении «Дневника» и в опубликовании писем Друмева Управляющему Народного просвещения и Духовных дел Марину Дринову (письмо № 3 от 12 октября 1878 г.; письмо № 23 от 3 декабря 1878 года; письма № 26 и № 27 от 11 декабря 1878 г.; письмо № 32 от 20 декабря 1878 г.; письмо № 38 от 9 января 1879 г. и др.).

Исследование М. Г. Смольяниновой может быть полезным не только для более полного освещения личности Друмева, русского воспитанника, общественного и церковного деятеля, писателя и публициста, но и для осмыслиения других важных проблем истории Болгарии эпохи Возрождения, особенно для периода после Освобождения Болгарии.

Изучение взглядов Васила Друмева (Митрополита Климента) может способствовать более полному выявлению роли и влияния идейных контактов болгар с Россией и остальным миром, исследованию проблем взаимовосприятия культур России и Болгарии, или, выражаясь языком западных исследователей, проблем имиджинологии, находящихся на стыке истории, культурологии и социальной психологии.

НОВИЙ КРОК В РОЗВИТКУ БОЛГАРИСТИЧНИХ СТУДІЙ В УКРАЇНІ

РЕЦЕНЗІЯ НА НАУКОВУ ЗБІРКУ:

«*Очерки истории, языка и культуры ольшанских болгар*»
/ Под общей редакцией доктора исторических наук, профессора
В. И. Мильчева. – К.: Издательский Дом «Скиф», 2013. 392 с.

Ю. О. Іріоглу

В сучасній українській історичній науці болгаристичні студії мають доволі міцні позиції, що частково пояснюється не лише більш ніж столітніми наробками, але й активністю дослідницьких пошуків сьогодні, що охоплюють широке коло питань історії болгарських громад на Півдні України. Разом з тим дана тематика ще далека від своєї вичерпаності, оскільки складний комплекс етнокультурних взаємовідносин різних груп населення в південноукраїнському регіоні потребує все нових інтелектуальних вливань та переосмислення не лише певних історичних фактів подієвої історії, але й певних стереотипів, що мають місце й до сьогодні. Вкрай цікавим в цьому контексті є містечко Вільшанка Кіровоградської області, що увібрало в себе одразу кілька культурних віянь – засноване запорожцями, через певні соціально-політичні події воно стало батьківщиною для втікачів з Балкан – болгар, що шукали порятунку від османського гноблення, її фактично втілоє в собі дух порубіжжя, що був притаманний здавна південноукраїнському регіону.

Саме містечко Вільшанка перебуває в центрі уваги нової наукової збірки «*Очерк истории, языка и культуры ольшанских болгар*», що побачила світ в 2013 році. Представляючи собою збірку наукових праць історичного та історико-лінгвістичного спрямування, видання прикрашене й публікаціями археографічного характеру, що не лише забезпечує певний рівень академічного представлення проблеми, але й дозволяє широкому колу читачів самостійно сформувати бачення історії вільшанських болгар.

Відкриває збірку невеличкий нарис В. П. П'яткова, присвячений огляду питання формування та перебування болгарських громад на теренах Південної України. Торкаючись основних соціально-політичних сюжетів середини XVIII ст., що сприяли появи болгарських переселенців на берегах річки Синюхи, автор поступово виходить на формулювання основного питання – незважаючи на широке коло наробок в галузі історії господарського розвитку та етнографічних особливостей болгарської громади південноукраїнського регіону, у взаємовідносинах двох слов'янських народів залишається ще багато маловивчених тем (с. 7). Вочевидь, саме ця збірка має висвітлити один із сюжетів етнокультурної взаємодії українського та болгарського народів в складних умовах господарського та культурного будівництва в південноукраїнських степах.

Загалом, можна стверджувати, що основною ідеєю збірки є розкриття складного механізму соціокультурної взаємодії болгарського та українського населення на Вільшанщині, саме взаємодії, а не співіснування. Для реалізації даної тези було доволі грунтово та адекватно підібрано матеріал та його репрезентацію. Справжньою окрасою збірки стала археографічна публікація роботи В. Лобачевського «Летопись прихода села Ольшанки Святого Йоанна милостивого церкви (писанием начата в 1875 году)», що видавалася вже свого часу на сторінках «Херсонських епархіальних відомостей», та на сьогодні є бібліографічною рідкістю. Робота В. Лобачевського написана в традиційному та популярному для XIX ст. стилі історико-географічного опису, що охоплює, як правило, широке коло питань життя об'єкту уваги автора. Складаючись з кількох змістовних блоків, твір В. Лобачевського дозволяє побачити життя вільшанських болгар не просто в просторі та часі, а й із певним історико-культурним навантаженням. Передусім цьому сприяє набір сюжетів, на яких автор зупинився; зокрема, характеризує географічні умови проживання та суто етнографічні риси етнокультурної групи болгар, включаючи додаткові питання господарської діяльності та загального економічного розвитку. Окремий і найбільший інформаційний блок публікації Лобачевського становить огляд геополітичних та соціально-політичних

передумов формування та існування вільшанської громади болгар. Розпочинаючи з дати 1773 року, автор доводить період огляду до 1800-х, що приблизно збігається з часом створення самого опису. Цікавими в даному контексті є описи Лобачевським процесу створення військових поселень та системи їх внутрішнього управління, не обмежуючись лише схематичною констатациєю, а й змальовуючи картини життя поселенців та духівництва. Таким чином, археографічна публікація роботи В. Лобачевського, присвяченої питанням болгарської громади Вільшанки, є вкрай потрібним та вагомим кроком в реконструкції процесу формування та життя даної етнокультурної групи в соціокультурному просторі південноукраїнських степів.

Науково-дослідницький блок рецензованої збірки, що містить наробки вже сучасних болгаристів, відкривається роботою В. І. Мільчева «С Дуная на Синюху: к истории заселения Ольшанки алфатарскими болгарами». Представлені в збірці результати багаторічного дослідження торкаються соціально-політичних та військово-політичних сюжетів, що передували та безпосередньо супроводжували появу болгар в місцинах Вільшанки. Грунтуючись на широкому колі опублікованих та нововведених до наукового обігу історичних джерелах, автор змальовує складну геополітичну ситуацію взаємовідносин Російської імперії та Османської держави й віднаходить в ній місце болгарського населення, що, опинившись заручником ситуації, шукало шляхи порятунку себе та своїх родин. Автор знайомить читача з цікавими фактами перших спроб заселення довкілля річки Синюхи вихідцями з Балкан, що мали місце ще в 1750-х роках, логічно підводячи до загальній картини колонізаторської політики російського уряду щодо території Південної України, зокрема й Вольностей Війська Запорозького. Вкрай важливим акцентом, зробленим В. І. Мільчевим, є питання земельних суперечностей та невдоволення з боку запорожців розміщенням на їх землях новоприбулих колоністів та створення на їх основі військових формувань. Даний аспект визначить, фактично, взаємовідносини балканських поселенців з місцевим населенням й матиме своє відображення у реалізації російським урядом політики ліквідації Запорозьких Вольностей. Змальовуючи й суто військово-політичну складову процесу переселення болгар на береги Синюхи, автор звертається й до конкретних сюжетів, що мали місце в процесі реалізації такого складного явища; зокрема, приділяє увагу особистості Івана Штерича, одного з офіцерів, що стояв ще біля витоків Слов'яносербії. Крізь призму стосунків Штерича та переселенців-болгар, автор яскраво демонструє не лише широке коло проблем з організації переміщення великої групи населення, а й складні соціальні умови, в яких опинилися самі переселенці. Фактично, болгари стикнулися зі ставленням до них як до тяглової сили, що не дуже сильно контрастувало із ще свіжими в їх пам'яті фактами «соціальної політики» в Османській імперії. Дуже влучними виглядають слова В. І. Мільчева стосовно сюжетів, що стали об'єктом його роботи: «Фактически, алфатарские болгары стали жертвами не зависящих от них обстоятельств, вызванных к жизни глобальным противостоянием между двумя империями – Османской и Российской. Первая из них, эксплуатируя и угнетая болгарский народ, вынуждала его покидать отчизну, а вторая – Российская, одновременно искала себе политических и экономических выгод, поощряя болгар селиться в своих пределах, используя их затем на свой вкус и усмотрение» (с. 166).

Продовжує збірку нарис С. В. Петкова «Болгарская диаспора в Украине: правовое положение (XVII–XIX вв.)», що охоплює, з одного боку, широке коло питань культурних стосунків болгарського та українського народів і переселенських потоків балканських колоністів до південноукраїнського регіону, а з іншого – акцентує увагу на суто юридичних аспектах зазначенених процесів. Маючи синтетичний характер, нарис торкається основних сюжетних ліній, починаючи з часу налагодження контактів між запорожцями та гайдуками, серед яких велику кількість представляли болгари, і до XIX ст. – часу формування великих анклавів болгарських колоністів на Півдні України. Особливу увагу до себе привертає чудова підбірка документів, що наводяться автором відповідно до висвітлення тих чи інших моментів суспільно-політичних чи військових питань життя болгар-переселенців, що лише посилює аналітичну лінію та висновки. Зокрема, у центрі уваги автора перебувають питання правового та соціального статусу болгар у межах Російської імперії з прив'язкою до конкретно історичних умов та суспільно-політичних подій того часу, такі як Маніфест Катерини II щодо привілеїв переселенців (1762 р.), «Відозва до православних

народів Османської імперії» Катерини II (1768 р.), Кючук-Кайнарджийський мирний договір (1774 р.), Бухарестський мирний договір (1812 р.) та їх вплив на активізацію міграції балканських переселенців до південних регіонів Російської імперії тощо. Саме проведене детальне вивчення документальної бази дозволило С. В. Петкову видувати не лише складний ланцюг взаємовідносин болгарських колоністів з російським урядом, але й визначити їхнє місце в соціокультурних процесах південноукраїнського регіону, крізь призму видозмін правового статусу.

Видання було б неповним, якби в ньому не було представлено наробок краєзнавчого характеру. Так, робота співця Вільшанського району І. І. Гуржоса «Краткий Очерк истории поселка Ольшанка и сел Ольшанского района Кировоградской области», що являє собою розлогий нарис історико-культурного життя на території Вільшанщини, є не просто доповненням, а окремим грунтовним дослідженням, побудованим на широкій джерельній базі. Погляд з точки зору саме краєзнавства, без прив'язки до конкретної етнокультурної групи населення, дозволив авторові висвітлити життя на території Вільшанського району як у найдавніші часи, так і до XIX ст. Важливим фактом є увага І. І. Гуржоса не лише до політичних історико-географічних даних, але й окремо звернений погляд на становлення та розвиток системи освіти на Вільшанщині, що виступала також фактором соціокультурної взаємодії болгарського та українського населення. Яскраво в цьому контексті виглядає післямова з якою автор звертається до читача із закликом до нарощування краєзнавчих досліджень та їх популяризація, оскільки тільки так можна згуртувати та спрямовувати в майбутнє українно-болгарську громаду Ольшанщини.

Важливою складовою збірки є історико-лігвістичний блок, що презентуваний роботам В. О. Колесник «Этнолингвистическая специфика болгарских говоров Ольшанского типа» та І. К. Буніої «Лексический состав говора ольшанских болгар». Розробка В. О. Колесник присвячена вкрай важливому аспекту будь-яких болгаристичних студій – етон-лінгвістичним особливостям болгар південноукраїнського регіону, що пов’язано, перш за все, із можливістю вивчення говорів ще XVIII ст., що існують у законсервованому вигляді в умовах інокультурного оточення в болгарських селах. Зокрема, авторка наголошує на унікальноті вільшанських говорів, оскільки саме в них залишилися ті лексичні системи, які вже не спостерігаються в інших регіонах, що має виключне наукове значення (с. 287). Однак, вкрай важливим аспектом як роботи В. О. Колесник, так і іншої, І. К. Буніої, є внесення на розгляд проблематики лексичного набору вільшанських говорів болгар. Саме лексика є найбільш яскравим маркером самоідентифікації та соціокультурної взаємодії, оскільки забезпечує не лише комунікативні потреби суспільства, а й налагоджує контакти між представниками різних етнокультурних груп. Вибір для аналізу лексики побутового та господарського характеру, що презентували обидві дослідниці в своїх роботах, доводить, що саме на такому повсякденному рівні можна простежити складні процеси міжкультурної взаємодії. Певним чином їхні роботи є логічним продовженням історико-дослідницького блоку збірки і доповнюють його акцентованими висновками в галузі етнолігвістичних пошуків. Загалом, можна розглядати слова В. А. Колесник як певний орієнтир для подальших розвідок та загалом розвитку громади вільшанських болгар: «...появились новые агенты и каналы коммуникативной связи: образование и книга, способствующие взаимообмену и обогащению культур двух народов» (с. 300).

Таким чином, ми маємо абсолютно новий погляд на життя вільшанських болгар не як «колоністів», а як рівноправних мешканців південноукраїнського регіону, які здійснили вагомий внесок у господарський та культурний розвиток краю. Важливою ідеєю, що зазнала своє відображення у збірці «Очерк истории, языка и культуры ольшанских болгар» через підбірку та репрезентацію відповідних матеріалів, в якій представлено паралельно й історичний контекст та мовні взаємодії, є теза про не просто мирне співіснування болгарської громади та українського населення на теренах Вільшанщини, а факт глибокої соціокультурної взаємодії, що дозволяє й надалі розвиватися регіону та міжкультурним зв’язкам двох слов’янських народів.

ДРАГОМАНІВСЬКІ СТУДІЇ

РЕЦЕНЗІЯ НА КНИГУ:

Матеріали шостої та сьомої міжнародних наукових конференцій
«Драгоманівські студії» / Міністерство закордонних справ України,
Посольство України у Болгарії, Фундація «Мати Україна»,
Українська недільна школа. Софія: Бетапринт – Петрови и Сие, 2013. 200 с.

В. М. Власенко

Традицією вже стали публікації раз на два роки матеріалів чергових міжнародних наукових конференцій «Драгоманівські студії». Ініціаторами й організаторами проведення наукових форумів декілька років поспіль є Фундація «Мати Україна» та Українська недільна школа. Партнерами останніх двох конференцій виступили знані не тільки в Болгарії, але і за її межами виші навчальні заклади та наукові інституції – Софійський університет імені Святого Климента Охридського, Велико-Тирновський університет імені Святих Кирила і Мефодія й Асоціація україністів в Болгарії, інформаційними партнерами – електронне видання «Українські вести» та власний кореспондент УКРІНФОРМу в Болгарії О. Білик. Конференції відбулися за підтримки Міністерства закордонних справ України, Посольства України в Болгарії, Асоціації болгарсько-української дружби та співробітництва, Мітрейд ЕООД.

Рецензований збірник складається із матеріалів VI та VII міжнародних наукових конференцій, що відбулися 14 жовтня 2011 р. та 29 жовтня 2012 р. у Софії. Перший форум був приурочений до 20-річчя проголошення Незалежності України. Були оприлюднені привітання організаторам і учасникам конференції від Посольства України в Болгарії, Європейського конгресу українців та Сумського державного університету. Розпочалася конференція з круглого столу «Сучасна дипломатія: Україна – Болгарія». Доповіді виголосили Надзвичайний і Повноважний Посол України в Республіці Болгарія М. Балтажі та доцент Велико-Тирновського університету С. Данков. Перший доповідач акцентував увагу на двох ювілеях – 30-річчі наукової діяльності М. Драгоманова, в тому числі і в Болгарії, та 20-річчі українсько-болгарських дипломатичних відносин (с. 11–13). Другий висвітлив окремі аспекти співробітництва між Україною та Болгарією у галузі філософії з XVIII ст. до сьогодення (с. 13–21). Під час круглого столу відбулася презентація книги «Михаїло Драгоманов. Бібліографія (1861–2011)», що вийшла 2011 р. у дрогобицькому видавництві «Коло» накладом у 1 тис. примірників. Представила книгу керівник Української недільної школи в Софії А. Якімова (с. 22–24).

Перша секція конференції була приурочена до 170-річчя від дня народження М. Драгоманова. На її загальному засіданні були представлені розвідки професора Інституту філології Київського національного університету ім. Т. Шевченка М. Карпенко «М. О. Максимович і М. П. Драгоманов: наступність розвитку ідей Київської історико-філологічної школи в Університеті Святого Володимира» (с. 25–32), А. Якімової «До історії створення першого болгарського університету і дотичність М. П. Драгоманова до цього процесу» (с. 32–39), доцента факультету слов'янської філології Софійського університету Л. Терзійської «М. Драгоманов і молодото поколеніє» (с. 40–42), старшого наукового співробітника Інституту історії БАН Р. Коневої «Іван Шишманов – продължител на делото на Драгоманов във Фрайбург (1921–1924)» (с. 42–48), викладача Софійського університету В. Драгулєвої та голови Європейського конгресу українців Я. Хортяні «До 90-річчя з дня народження Наталії Драгоманової» (с. 49).

У межах першої секції відбулися засідання трьох підсекцій. Перша була присвячена культурологічному підходу при викладанні мови і літератури. А. Якімова презентувала українсько-болгарський розмовник і словник «Скажи це болгарською» (автори Б. Сокіл, О. Сорока), який побачив світ 2011 р. у Тернополі (с. 50). Лектор Софійського університету, асистент кафедри слов'янської філології Львівського національного університету ім. І. Франка О. Сорока розповіла про клуб «Благодатна середа» – болгарський осередок

розвитку української мови, літератури та культури. Йшлося про перший проект софійських україністів, який був започаткований одразу після відкриття спеціальності «україністика» на факультеті слов'янської філології Софійського університету (с. 51–54).

На засіданні другої підсекції «*Етнографічні рефлексії у ХХІ ст.*» були представлені доповідь аспірантки Етнографічного інституту БАН Т. Матанової «*Етнично себевзприємане и локална принадлежност при деца от украино-български семейства*» (с. 55–60) та інформація заступника голови фундації «*Мати Україна*» О. Конової про друковане видання Асоціації болгарсько-української дружби «*Календар українців в Болгарії – 2012*» (с. 60–61). На засіданні третьої секції «*Україна у масмедійному і віртуальному просторі Болгарії*» була виголошена доповідь журналіста, видавця і редактора електронного видання «*Украински вести*» В. Жуківського про історію української преси в Болгарії (с. 62–68).

Друга секція «*Збереження етнонаціональної ідентичності українців у Болгарії*» почалася із презентації асистентом Софійського університету д-ром Р. Камберовою книги А. Якімової «*Українці в Болгарії: філософія історичного буття*» (с. 68–72). Далі були представлені розвідки асистента Почесного консула України в м. Пловдив М. Імреорової «*Пловдивський період Анни Воробйової*» (с. 72–77) та доцента Сумського державного університету В. Власенка «*Українська громада у Болгарії*» (за матеріалами паризького тижневика «*Трибу*») (с. 77–93). Зауважимо, що не всі доповіді, зазначені у програмі конференції, були опубліковані у збірнику.

При відкритті VII Міжнародної наукової конференції були оприлюднені вітальні слова ректора Софійського університету професора Г. Ілчева, Надзвичайного і Повноважного Посла України в Республіці Болгарія М. Балтажі, голови Світового конгресу українців Є. Чолія, декана факультету слов'янської філології Софійського університету професора П. Карагьозова, онуки відомого українського науковця і громадського діяча Н. Драгоманової-Бартлі, заступника голови фундації «*Мати Україна*» О. Коцевої. Розпочалася конференція з презентації Д. Радічковим книги К. Топалова «*Иван Шишманов. Избрани труды*» (Софія: УИ «Св. Климент Охридски», 2012). Далі відбулося засідання круглого столу на тему «*Українсько-болгарські дипломатичні стосунки: історія та сучасність*». В обговоренні взяли участь болгарські науковці і журналісти та представники української діаспори в Болгарії. Професор Велико-Тирновського університету В. Бузов та доцент цього ж закладу Є. Данков виголосили доповідь «*Перспективи за сътрудничество между Украина и България в областта на философската култура и образование*» (с. 101–112), керівник Української недільної школи А. Якімова – «*Роль Ивана Шишманова в выборе первого посла Української Народної Республіки в Болгарії*» (с. 112–115), журналістка Болгарського національного телебачення К. Дживанова – «*Професор Шишманов и есперантско движение в България в началото на 20-ти век*» (с. 115–119).

У збірнику представлені доповіді за двома секціями. Перша була приурочена до 150-річчя від дня народження видатного болгарського вченого і політичного діяча Івана Дмитровича Шишманова. Доцент факультету слов'янської філології Софійського університету Л. Терзійська зосередилася на висвітленні питання про характер творчих взаємовідносин між І. Франком та І. Шишмановим (с. 119–124), доцент Є. Данков розкрив тему «*Леся Українка и философските ценности в духовната история на Украина и България*» (с. 124–133), директор бібліотеки Софійського університету д-р А. Ангелова розповіла про італійські видання в бібліотеці професора М. Драгоманова (с. 133–137), доктор філософії О. Маймескул (Швейцарія) проаналізувала діяльність М. Драгоманова у Швейцарії та наукову спадщину вченого у тамтешніх бібліотеках (с. 137–153), студент історичного факультету Софійського університету С. Іванов охарактеризував І. Шишманова як представника позитивізму в болгарській історіософії (с. 154–159), а лектор Софійського університету О. Сорока представила доповідь «*И. С. Свенцички – основоположникъ на левиската научна българистика*» (с. 159–162).

На засіданні першої підсекції «*Культурологічний підхід до викладання української мови і літератури*» були оприлюднені доповіді доцента факультету слов'янської філології Софійського університету А. Стаменової про історію, сучасне становище та перспективи розвитку болгарської україністики (с. 162–167), викладача Софійського університету В. Драгулевої про минуле і сучасне в поезії Юрія Завгороднього (с. 167–169). Асистент фа-

культурету слов'янської філології Софійського університету д-р Р. Камберрова презентувала новий проект місцевих україністів – електронне наукове видання – альманах «*Българска україністика*», на сторінках якого публікуються праці з мовознавства, літературознавства, етнографії, фольклористики, історії, соціології та культурології (с. 169–173).

Друга підсекція «*Теорія і практика перекладу*» була представлена матеріалом перекладача М. Петкової-Базелкової «Художествено претворяване на историческа реалност – цирихи за превода от украински на български език на романа на Павло Загребелни «Роксолана»» (с. 173–181). На засіданні третьої підсекції «*Етнографічні рефлексії у ХХІ ст.*» виконавчий директор Спілки українських організацій Болгарії А. Якімова виголосила доповідь про І. Шишманова та його рецепцію українського фольклору (с. 181–184). Четверта підсекція «*Україна у масмедійному і віртуальному просторі Болгарії*» представлена матеріалом журналіста, видавця електронного видання «*Украински вести*» про висвітлення у тогочасній болгарській пресі сумної події – поховання М. Драгоманова у Софії (с. 184–195).

На засіданні другої секції «*Збереження етнонаціональної ідентичності українців у Болгарії*» були виголошенні короткі повідомлення асистента Почесного консула України в м. Пловдив М. Імреорової про створення українсько-болгарського товариства «*Пловдив*» (с. 195–196), голови громадської організації «*Добруджа – Україна*» О. Дімітрової про діяльність болгарсько-українського товариства «*Добруджа – Україна*» (с. 196–197) та голови молодіжного відділення фундації «*Мати Україна*» Г. Анчева про Форум української молоді діаспори «*Львів 2012*» (с. 197).

Матеріали збірника свідчать про розширення кола учасників конференцій та урізноманітнення тематики доповідей. Сподіваємося, що у наступних конференціях візьмуть участь не тільки науковці з Болгарії, України та Швейцарії, але й україністи із Македонії, Польщі, Росії, Румунії, Сербії, Словаччини, Словенії, Угорщини, Хорватії, Чехії, зарубіжні фахівці супільно-політичних наук, у галузі яких залишив багату творчу спадщину Михайло Драгоманов.

Рецензований збірник заслуговує позитивної оцінки. Він приверне увагу фахівців з історії України та Болгарії, міжнародних відносин, слов'янознавства, україністики, мовознавства, літературознавства, етнографії, а також усіх, хто цікавиться історією та сучасністю українсько-болгарських відносин.

РЕЦЕНЗИЯ ЗА КНИГАТА

Велева, М. Как се прави история? Историографски студии.
София: Издание на форум „България – Русия“, 2015. 543 с.

П. Първанов

Сборникът „Как се прави история. Историографски студии“ обединява двадесет и два текста на проф. Мария Велева. Това е една малка част от творческите дирения на дълго-годишния изследовател на историята на историческото познание, но отразява основните проблеми, които са я вълнували през годините. А те са разнообразни. Хронологично се простират от времето на Българското възраждане, когато се поставя началото на съвременната българска историческа наука, и достигат до втората половина на XX в., когато творят български историци, чиято младост проф. Велева изследва. Тематиката също е разнообразна. Представени са три от основните съвременни теоретични течения на историческата наука: романтизъм, позитивизъм, исторически материализъм, а също и отделни историци и периоди от развитието на българската историческа наука. Сборникът е ценен с факта, че прави изследванията на проф. Велева лесно достъпни за широката публика. Повечето от тях са публикувани в издания, които отдавна са библиографска рядкост (да не кажем всички), а някои от тях дори трудно се намират в големи библиотеки. Показателен е примерът с „Университетски изследвания и преподавания на българската история у нас и в чужбина“ (Пампорово, 1981 г.) и том втори, част четвърта на същото издание, излязла в Смолян през 1988 г., където се намират два основополагащи текста на авторката. Положителен е и фактът, че в сборника за първи път намират място изследване на проф. Велева, проследяващо развитието на българската историческа наука между двете световни войни, пък и статия на авторката, неизлизала до момента в България (превод на доц. Елка Дроснева от руски език), разглеждаща началото на българо-съветските научни отношения.

Стане ли въпрос за българска историография, безспорно името, което изпъква, е това на проф. Мария Велева. Тя е родена през 1926 г. в София. Завършила девическа гимназия през 1944 г., а през 1951 г. се дипломира като историк в Ленинградския държавен университет. След завършването си в родината е назначена за асистент в Софийския университет, където постепенно преминава през длъжностите старши асистент, главен асистент, доцент и професор. През 1963 г. защитава дисертацията си и придобива кандидатска степен, равна на сегашната „доктор по история“. В Университета чете курсове, свързани с историческото развитие на България и нейните държавни учреждения, за да се стигне до 1968 г., когато поема за повече от две десетилетия курса по „Българска историография“. Проф. Велева се налага като учен, изследващ проблемите на българската историография, а и успява да изгради свои последователи, които продължават историографските дирения и четат историографски курсове.

Статите и студиите, събрани в „Как се прави история“, са писани през различни години в продължение на почти четири десетилетия. Най-старият от тях е за историка на Възраждането Димитър Страшимиров и е публикуван за пръв път през 1967 г., а най-новият е от 2004 г. и представя Любен Каравелов и връзките му с руската историческа наука. Това дава възможност да се проследи развитието на възгледите на историографа Мария Велева. И доколко нейните текстове отразяват духа на времето, в което са писани, и изискванията на номенклатурата, с които се е съобразявала авторката, тъй като публикациите в сборника са без смислови изменения, а само с отстранени технически грешки.

Текстовете са групирани в четири раздела, предшествани от предговора на доц. Е. Дроснева, озаглавен: „По широките друмища на историческата наука“.

Първият от разделите е под название: „За началото на историята на българската историческа наука“ и в него са включени: „Състояние на изследванията по българска историография“, „Васил Златарски като историк на българската историческа наука“ и „Александър Бурмов като историограф“. Първият изяснява предмета на науката историография. Периодизира българската историография, представя достиженията и на базата на огромно количество посочена литература поставя бъдещи задачи пред изследователите, само ня-

кои от които са изпълнени към настоящия момент. Статията за Васил Златарски представя знаменития учен в различна професионална светлина – като историк на българската историческа наука. На базата на непубликуван историографски курс, историографски публикации на учения и различни текстове, писани по различни възпоменателни поводи, авторката изтъква, че „научното наследство на В. Златарски в областта на българската историография е значително само по себе си“ (с. 34). Третата статия е посветена на историографските дирения на проф. Ал. Бурмов. На базата на непубликувания историографски курс на професора и на историографските му статии, които проф. Велева систематизира в три групи, авторката стига до заключението, че проф. Бурмов е „точен, прецизен и кратък“, но „повдига много теоретични въпроси на българската историография“ и дава „компетентно решение на много от тях“ (с. 44).

Вторият раздел от сборника е наречен „Историческата наука през епохата на Националното възраждане“ и обема седем текста: „Романтизът в българската историопис през Възраждането“, „Между романтизма и позитивизма.Spiридон Палаузов – жизнен път и научно дело“, „Юрий Иванович Венелин – от него и за него“, „Марин Дринов – личност и съдба“, „Константин Иречек – историк на България“, „Формиране на историческите концепции за българското националноосвободително движение“, „Любен Каравелов и руската историческа наука“. Така се оформя своеобразна история на българската историческа наука през Възраждането.

В първата статия авторката разглежда романтичното течение в българската историческа наука. Представя българските изследователи на романтизма, като стига до извода, че повечето от тях са филолози, а не историци. Отнася началото на българския исторически романтизъм към 30-те–40-те години на XIX в., а разцветът на течението към следващите две- три десетилетия на същия век. На базата на тематиката, която българските историци през Възраждането разглеждат, и на изворите и методите, които ползват, проф. Велева формулира виждането, че голяма част от българските възрожденски историци са романтици.

В текста за Юрий Иванович Венелин проф. Велева прави преглед на изследванията, посветени на руския учен. Тя ги подразделя на три периода – възрожденски, буржоазен и марксистка историография. На базата на направления обзор авторът стига до извода, че оценките за изследователя на българите „са високи и единодушни“ (с. 93), но за цялостно изследване на личността и творчеството поставя като задача пълното издаване на трудовете на Венелин за българската история, на архивните му документи, както и написването на монографично изследване за него.

Чрез очерка „Между романтизма и позитивизма. Спиридон Палаузов – жизнен път и научно дело“ Мария Велева запознава читателите с живота и творческите дирения на българина, който живее и твори в Русия, но никога не изоставя корените си. Авторката смята, че първият българин историк с университетско образование е слабо изследван. Чрез текста тя въвежда в научно обращение много архивни източници, на базата на които прави своя извод, че тези десетилетия предстоят изследвания върху живота и творчеството на Спиридон Палаузов, когото смята за основоположник на научно-критичното течение в българската историография.

Следващият текст е посветен на Марин Дринов. В него проф. Велева прави преглед на изследванията за учения, за да го покаже като „сложна, богата и многостраница личност“ (с. 171), която живее на границата на две епохи и принадлежи на две страни – България и Русия.

Поредицата за първите историци, осветили историята на България, продължава с „Константин Иречек – историк на България“. М. Велева представя диренията на учения върху историята на българите, но внушава, че колкото и да е популярен тук чешкият учен, българите все още имат едностраница представа за него като тихен изследовател. Поради тази причина призовава за цялостно изследване на творчеството на акад. К. Иречек.

В следващия текст „Формиране на историческите концепции за българското националноосвободително движение“ авторката се старае „да бъде обособен първоначалният етап във формирането на концепцията за националноосвободителното движение, а именно възрожденският период, като бъдат характеризирани основните му постижения и особености“ (с. 181). Историографът намира няколко опорни точки, сред които църковните борби, въоръжената съпротива на българите срещу османците, противопоставянето на

неблагоприятни чужди отзиви за българската националноосвободителна борба, революционните борби и периодизацията. Накрая установява, че тези концепции на българските възрожденски историци са устойчиви във времето и продължават да са актуални по времето на писане на статията.

В последния текст от раздела – „Любен Каравелов и руската историческа наука“, проф. Велева разглежда връзките на Каравелов с руски историци по време на Московския му период и достига до четири извода: Каравелов познава всички направления на руската историческа наука и взаимства от тях; оформя се като теоретично мислещ историк; благодарение на руската славистика Каравелов се оформя като енциклопедист; възприема методите на популяризацията на историческата наука и като революционер ги използва.

Третият раздел на книгата е озаглавен „Исторически търсения от първите следосвобожденски десетилетия“ и включва текстовете: „Позитивизъм – теория и практика на историческото познание у нас“; „Захари Стоянов като историк на българското националнореволюционно движение“ и „Димитър Страшимиров – живот и научно творчество“.

Студията „Позитивизъм – теория и практика на историческото познание у нас“ е своеобразно продължение на текста на проф. Велева за романтизма. Въвеждащата теоретична част е последвана от очерк за развитието на българската историческа наука след Освобождението. Разглеждат се центровете и периодиката, теоретико-методологическите позиции, изворите и научните съчинения по периоди. Накрая на текста авторката стига до заключението, че това е началният етап на българската историческа наука, която вече започва да се развива в самостоятелни научни центрове. И макар и произошли, българските историци бързо застават „на позициите на съвременните научни достижения“ (с. 234).

Чрез статията си „Захари Стоянов като историк на българското националнореволюционно движение“ проф. Велева хвърля светлина върху историческите диреня на революционера, тъй като счита, че той е повече познат като личност, писател и публицист, не и като историк. Тя смята, че Захари Стоянов е създател на „особена школа или направление в българската историография – дребнобуржоазно демократично и реалистично в разбирането на историческия процес“ (с. 236). Разглеждайки историческите му трудове, тя го причислява към редиците на позитivistите. За да заключи накрая, че „Захари Стоянов е своеобразен, талантлив и значителен по приносите си историк в зората на българската историческа наука“ (с. 250).

Последният текст в раздела е посветен на историка на Априлското въстание Димитър Страшимиров. В този класически историографски текст авторката представя литературата за Д. Страшимиров, проследява живота и творчеството му, за да изтъкне значителните приноси на Страшимиров за развитието на българската историческа наука.

Последният раздел от сборника, озаглавен „Историците и историята между двете световни войни (1918–1944)“, включва девет статии и студии: „Историческата наука между двете световни войни“, „Димитър Благоев – изследовател на историята на международното работническо и социалистическо движение“, „Димитър Благоев – първият български историк марксист“, „Александър Бурмов – първи стъпки в историческата наука“, „Формиране на историческите възгледи на Христо Гандев“, „Петър Михайлович Бицилли и теория на историята“, „Петър Михайлович Бицилли в Софийския университет“, „Петър Мутафчиев – учителят на младите“, „Българо-съветски научни връзки в междувоенния период“.

Студията „Историческата наука между двете световни войни“ е писана през 1991 г. и до този момент не е публикувана. Тя завършва прегледа на развитието на българската историческа наука до Втората световна война, започнат със статиите на проф. Велева за романтизма и позитивизма. Използва се същият подход, приложен и в гореспоменатите текстове. Основният извод, до който стига авторката, е, че тогава създадените научни центрове стават солидна база „за развитие на историческата наука след Втората световна война“ (с. 331).

Следващите два текста от сборника засягат историческите диреня на Димитър Благоев. В тях М. Велева, на базата на огромна по обем литература от и за Д. Благоев, го представя като историк на работническото движение и първи историк, който въвежда и с течение на времето налага методите на историческия материализъм в България.

Студията за Александър Бурмов проследява изключително подробно формирането и дейността на учения до 1944 г. Същото може да се каже и за текста за Христо Гандев.

Обединяващото между двета очерка е, че предмет на тяхното изследване са двама учени, формирани през разглеждания период, но оказали огромно влияние върху развитието на българската историческа наука през следващия период от развитието ѝ.

Следват два текста, посветени на руски учен, който започва професионалния си път в родината, но успява да разкрие напълно научния си потенциал в България, в която се преселва в началото на 20-те години на XX в. Като учен от световна величина разглежда авторката Бицилли и се съ средоточава върху теоретичните му възгledи и работата му в Софийския университет.

Последният историк, чиято дейност се представя в „*Как се прави история*“, е Петър Мутафчиев. В текста проф. Велева показва на читателя въздействието, което известният наш медиевист оказва върху младите тогава историци, превърнали се във водещи учени в периода след Втората световна война.

Сборникът завършва със статия, излизаша за първи път на български език, в която се проследяват българо-съветските научни връзки между двете световни войни и в която проф. Велева установява, че те предшестват официалното установяване на дипломатически отношения между двете страни, а същевременно са и твърде интензивни.

Двадесет и двета текста, събрани в „*Как се прави история. Историографски студии*“, представляват задълбочен историографски преглед на развитието на българската историопис от времето на Възраждането до Втората световна война. Във всички тях личи прецизният историографски маниер на работа на доайена на българските историografi проф. Мария Велева. Искрено се надявам с настоящото издание да се постави началото на добра традиция, в която да се включат повече учени, занимаващи се с науката историография, и да последват примера на проф. Велева.

НОВА КНИГА ПО ИСТОРИЯ НА БЪЛГАРИСТИКАТА

РЕЦЕНЗИЯ ЗА МОНОГРАФИЯТА:

Муртузалиев, С. И. Болгария в тени полумесяца. Изучение истории Болгарии и Османской истории в России (XV – первая половина XIX в.).
М.: Издательство „Таус“ издательской группы „Мамонт“, 2013. 408 с.

Д. Христов

На вниманието на читателите е предложена нова книга на руския историк, българист и османист Сергей Муртузалиев. Книгата е озаглавена „Болгария в тени полумесяца. Изучение истории Болгарии и Османской империи в России (XV – первая половина XIX в.)“. Изданието е под научната редакция на проф. дин Людмила Горина и излиза с подкрепата на Руското общество за интелектуална история в Москва през 2013 г. Издателството е „Таус“, член на издателска група „Мамонт“. Обемът на изданието е 408 страници, с твърда корица, две цветни карти и многобройни черно-бели илюстрации. Качеството на оформление (хартия, подвързия, печат) е високо.

Рецензираната книга е едновременно нова и стара работа на С. Муртузалиев. На практика тя представлява втората му дисертация, за която вече стана дума. Завършена като текст през 1994 г., но по силата на обстоятелствата неиздадена тогава, тя вижда бял свят едва сега, през 2013 г. Логично идва въпросът – има ли смисъл този труд да бъде публикуван след почти две десетелетия? Авторът дава своя отговор в увода на книгата (с. 21). Той признава, че отделни новости наистина са станали факт, но е категоричен, че сериозни изменения по конкретната проблематика за този период няма. Като автор, който следи внимателно излизашата литература по въпроса, Муртузалиев утвърждава нуждата от подобно издание, което остава единствено по дадената тема и период в руската (а и в българската) историческа наука.

Монографията включва съдържание (на руски, български и английски), увод, пет глави и заключение. Приложени са още списък на използваната литература и три резюмета на книгата – отново на руски, български и английски език. Българският превод на съдържанието и резюмето е дело на Елка Дроснева. Наличието на българско резюме е определен плюс на изданието, тъй като книгата заслужава интереса на българските изследователи. Разбира се, най-добре би било читателят в този случай да премине към същинския текст, изпъстрен с детайли, които никое резюме не е в състояние да изчерпи.

Трудът на Сергей Муртузалиев е историографско изследване. Обект на това изследване е руското историческо познание за България и българите под османска власт. Ученият проследява онова, което се знае и пише в Русия за един съвсем конкретен етап от българското минало – ранните векове на османското владичество. Този времеви отрязък в изследването на Муртузалиев е дефиниран от края на XIV (падането на България под османска власт) до края на XVI в. („началото на кризата на Османската империя“). Как се развива в Русия знанието за българите от „османския период“? На този въпрос авторът посвещава основната част от изследването си. Прегледът на руската историопис започва от съвременните на събитията автори и текстове, с най-ранни представители от самия край на XIV – началото на XV в. Вървейки през следващите векове на бурно развитие на руската история и историческа наука, анализът на Муртузалиев завършва постиженията на руската българистика с навечерието на Кримската война.

От съображения за краткото изследователят често нарича ранните векове на османското владичество в българските земи „османски период“. Впрочем не понятието, а изборът на горната граница предизвиква съмнения. Съгласно една традиционна представа в европейската историческа наука, краят на XVI в. се възприема като важен предел в развитието на Османската империя – начало на кризисни процеси. В действителност тази концепция е твърде схематична и не дотам точна. Османската империя не дава предполагаемите признания на голяма криза чак до края на XVII в. Още по-малко оправдана е подобна периодизация от гледна точка на положението на българите. В последните десетилетия в повечето български изследвания като условен вододел между „ранните векове на осман-

ското владичество“ и „начало на Възраждането“ се приема Карловацкия мир (1699 г.). Ако трябва да изходим от фактора „дълбочина на обществените промени“, истинската граница трябва да бъде изместена дори към още по-късен момент. В заглавието на първа глава, за която ще стане дума по-долу, авторът определя периода от края на XIV до края на XVI в. като „установяване на османско владичество“. Това обаче също не е сполучливо, тъй като практически във всичките си параметри османската държавна и обществена система е установена в българските земи най-късно през втората половина на XV в. Проф. Муртузалиев сам посочва условния характер на своята периодизация на „османския период“ и трудността да се дефинира точна времева граница. И все пак трябва да се съжалява, че е изbral за горна граница именно края на XVI в. С това той поставя изследването си в изкуствена хронологична рамка и чувствително ограничава обхвата на включените в него данни. В интерес на истината, по-късни събития не липсват, но читателят само би спечелил, ако те бяха повече.

По отношение на застъпеното в изследването пространство, също би могло да се желае още. Когато пише за българските земи, авторът като цяло изхожда от настоящата територия на България. Това, за съжаление, допълнително ограничава обема на включния материал. По този начин читателят пропуска например възможността да проследи руските представи и изследвания за дейността на Охридската архиепископия. Последната, независимо от всички обстоятелства, носи името „Всебългарска“ до края на съществуването си и освен това има активни връзки с Русия. Такова пространствено ограничаване вероятно е породено от наложените някога на съветската наука забрани от страна на политическите фактори. За съжаление, подобни ограничения не са съвсем отминали и все още влияят на изследователите, включително поради перипетиите на националния въпрос на Балканите и днешните сложни политически реалности.

Независимо от посочените изкуствени ограничения в базата на изследването, Сергей Муртузалиев провежда блестящо своя анализ на руската историопис по избрания проблем. Познаването на историографските извори е с огромен диапазон (автори и текстове от началото на XV до средата на XIX в.). Богатият списък с използвана литература на свой ред свидетелства за отличната информираност на автора върху класическите и актуалните научни изследвания по засегнатите въпроси.

Първа глава на книгата е „История на установяването на османското владичество в българските земи (XV–XVI в.) и неговите последствия“ и има спомагателна функция в общата схема на изследването. Тя изяснява на читателя историята на османското завоевание на България, положението на българите под османска власт и османската държавна уредба на Балканите до края на XVI в. Добре са представени етнодемографските, социалните и религиозните измерения на живота в Османската империя. Тази част от текста е особено необходима за читателите, които не са подробно запознати с българската и османската история. За книга, която излиза в Москва на руски език, това е голямото мнозинство от предполагаемата аудитория. В главата са дефинирани основни понятия и събития, които ще са необходими за възприемането на историографския преглед в следващите части на изложението. Дори и за компетентния български читател текстът на главата представлява интерес с подхода и включените факти.

Централната част на изследването заемат главите от втора до пета. Те проследяват в хронологичен ред развитието на руската българистика по темата за османския период в България (XV–XVI в.). Втората глава се нарича „Началният етап на османското господство в България в руската историопис от XV до XVIII в.“. Тя е разделена на две: познания за българската история в Русия до XVII в. и такива през XVIII в. Като начало на процеса по натрупване на знания за България и българите (по дадения проблем, а не изобщо) авторът посочва сведенията от св. Киприян, митрополит Московски, и от митрополит Григорий Шамблак. Към трудовете на висшите духовници, дошли от България в Русия, се добавя информация от руски монаси, намиращи се в манастири на Балканите. Основното в тази информация е османското нашествие и завоюването на България. По-нататък С. Муртузалиев проследява българската тема в руската агиографска литература. По-специално място тук заема Житието на св. Георги Нови Софийски, чрез което русите научават за исламизацията в българските земи и за отпора на българите срещу нея. Използването на Житието от страна на старообрядците през XVII–XVIII в. с добавени „удобни“ за тях акценти води изследователя до заключението, че българските сюжети в руската книжнина са свързани

преди всичко с важни за русите въпроси. Подобно заключение впрочем не изненадва. В по-нататъшното изложение такива изводи се срещат неведнъж. Текстът на главата заслужава адмирации, тъй като проследява огромен кръг текстове с разнороден жанр: хронографии, „хождения“ (описания на пътешествия), мемоари, политически трактати и пр. Има и отделни пропуски, като „Житията на светиите“ на св. Дмитрий Ростовски, от които също е възможно да бъде почерпан материал. Но тези пропуски, някои неволни, други породени от ограничения обем, са обясними при даденото количество историографски извори.

Според Муртузалиев един от главните фактори, които провокират интереса на русите през XV–XVI в. към българската съдба под османска власт, е тяхната собствена борба с татарите. Оттук идва паралелът турци – татари – мюсюлмани срещу българи – руси – православни. Самите османци, първо като съзерени на татарските ханове, а после и като директен противник, все по- пряко интересуват руското общество през XVII–XVIII в. Знанията за османската политическа, военна и административна система нарастват значително. Особено съществено за русите е положението на Православната църква в земите на османците. Силната роля на религията в руското общество води до натрупване на повече знания и за мюсюлманството, разбира се, главната цел е то да бъде оборвано по-ефективно. Проф. Муртузалиев изследва какво място в този контекст заемат българите. Извънредно важно наблюдение, направено от други учени, се потвърждава и от него – в руската книжнина от XVI – началото на XVIII в. образът на българите избледнява, сведенията за тях се разреждат, като почти винаги се изчерпват със съществувалата някога, но паднала под турска власт държава. Съдбата на българите впоследствие се слива с общата съдба на балканските християни. Дори етническото име „българин“, макар и да не изчезва съвсем в руските текстове, все по-често е заместено с „грък“ или „сръбин“. Ученият отбелязва нарастване на количеството знания за българите и проясняване на представата за тях през втората половина на XVIII в., но все още в недостатъчна степен.

Трета глава е „*Българо-турски сюжети в обобщаващите трудове по история на Русия от XVIII в.*“. Материалът тук е отделен от предходната глава не по хронологичен, а по съдържателен признак. Предмет на анализа в главата е новото направление в руската историопис, дошло на научното поле в резултат на Петровите реформи. Измежду водещите имена в това направление Муртузалиев се спира на шестима автори, от които най-вече на Василий Татищев (1685–1750), Михаил Ломоносов (1711–1765) и Михаил Шчербатов (1733–1790). Въпросните автори, считани за своеобразни „патриарси“ на модерната историопис в Русия, са „преслушани“ от учения по изследваната от него тема. В тях се откриват известен брой сведения за българската история, но не особено много, и преди всичко за тази от Средновековието. В хода на редуващите се през века руско-турски войни обаче логично нарастват знанията за Османската империя. Ключова на този етап е османската история в политически и военен аспект. Религиозните въпроси също остават значими за руския читател. Що се отнася до българите от XV–XVI в., информацията, която дават трудовете на Татищев и Шчербатов, е осъкдна, а у Ломоносов съвсем липсва. Сергей Муртузалиев коментира обстойно научната полемика на Ломоносов с немския историк на руска служба Герхард Фридрих Милер (1705–1783). Това, което липсва в главата, е преглед на самите трудове на Милер за сведения по темата. За сметка на това, в края на главата изследователят анализира произведенията на императрица Екатерина II (1762–1796), доколкото те също могат да дадат много важна информация. Това е информацията за връзката между историческите знания за българите и политическите планове на владетелката. В този аспект изследването стига до закономерни изводи – макар императрицата да е активно ангажирана с балканския въпрос, тя все още не забелязва българите като достатъчно значим политически субект на полуострова. Както авторът на книгата посочва: „*Във „века на Екатерина“ времето на България още не е настъпило...*“ (с. 202).

Следващата, четвърта поред глава, е „*Българската проблематика в руската историопис през първата половина на XIX в.*“. Първата част от нея третира „История на Руската държава“ („История Государства Российского“) на Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) и сведенията за българската и османската история от XV–XVI в. в нея. Очеркът, посветен на Карамзин и неговото жалонно произведение, дава добра представа за методите и възгледите на прочутия руски историк, за плюсовете и минусите в работата му. По оценката на Муртузалиев общата цел на Карамзин – да напише подробна история на Русия, не предполага специална насоченост към българската и османската тематика. Позо-

вавания на отделни факти все пак има, особено в т. нар. „Примечания“, и като цяло трудът на Карамзин прави малка стъпка напред в руската българистика. Главното достойнство на Карамзиновата „История“ в случая се търси не толкова в сведенията за българската история в ранните векове на османската власт, колкото в нещо по-различно: събудения интерес към историята на южните славяни. При широката популярност на Карамзин сред руските читатели този ефект не е за подценяване.

Сравнително по-малко стойност по интересуващата автора проблематика имат циркулиращите в началото на XIX в. в Русия „всеобщи истории“. Информацията в тях почти се изчерпва с онова, което е от интерес за западноевропейците: трагичната за западните рицари битка при Варна (1444) и странната за тях практика на османците за набиране на еничари чрез девширме. Българското етническо име впрочем дори не се и споменава в тези примери. Без значение дали са преводни или пък руски, но повлиянни от западни исторически визии, дадените съчинения носят отпечатъка на схематични идеи, като наличието на „главни“ и „не-главни“ народи, на „тъмни“ и „бездонни“ епохи и т. н. Поставена в подобна перспектива, българската история от периода XV–XVI в. е в най-лошата комбинация: история на „не-главен“ народ в „тъмна“ епоха. Според Муртузалиев известен прогрес, макар и малък, е отбелязан с работите на Тимофеј Грановски (1813–1855) и на Алексей Хомяков (1804–1860). Независимо че стоят на противоположни позиции – първият е „западник“, а вторият – славянофил, и двамата по свой начин допринасят да се запознае руското общество с тежкото състояние на славяните под османско владичество и с надеждите им за освобождение. По-ключово значение има тук силният апел на славянофилите като Хомяков за подкрепа на поробените братя на юг от Дунав. Постепенно, според Муртузалиев, в Русия през първата половина на XIX в. се оформят донякъде две посоки на изследване: османистика, като част от руското „востоковедение“ (изтокознание, ориенталистика), и българистика, като част от славистиката. Нито османистиката обаче, нито българистиката на този етап могат да се разглеждат като самостоятелни научни направления.

Последната пета глава е логично продължение на последните страници от четвъртата. Озаглавена е „*Първи стъпки на славистиката в Русия за проучване историята на България от XV–XVI в.*“ В началото на главата авторът прави преглед на историческите проучвания за славяните от първата третина на XIX в. Особено важна роля се отделя на кръга от учени около граф Николай Румянцев (1754–1826), които активно разработват славянската проблематика. В числото на проучваните от тях проблеми влизат и български, най-вече проблемът за етногенезиса и средновековната история. Сред имената с принос за раздвижване на интереса към българското минало са митрополит Евгений Болховитинов (1767–1837), Павел Строев (1796–1876) и Алексей Спиридов (ок. 1785–ок. 1830). В този контекст като най-важна се посочва работата на Виктор Тепляков (1804–1842). Увеличеният интерес към българите, според Муртузалиев, се дължи в не по-малка степен на войните между Русия и Турция: тази от 1806–1812 и особено тази от 1828–1829 г. В хода на последната Виктор Тепляков извършва първото в руската практика специализирано пътуване из българските земи със задача да проучи древностите на Мизия и Тракия. Но самият Тепляков не е историк, а поет, и в резултат от неговото пътешествие излизат само неговите „*Писма от България*“, един по същество пътеписен, а не научен текст. В тях наистина има материали по исторически въпроси, но характерът на сведенията остава основно на любителско ниво.

По-нататък текстът се фокусира върху живота и творчеството на Юрий Венелин (1802–1839). На неговото дело, предмет на противоречия сред изследователите, се отделя немалко място, защото дори и чрез противоречията Венелин, според Муртузалиев, пак работи в полза на българската кауза. В творчеството му, макар и фрагментарно, е засегната българската история в ранните векове на османското владичество. Същината в тези редове е мрачната участ на българите и двойният гнет, който те търпят – от турците като светска власт и от гърците фанариоти като духовна власт. Венелин пише и за отпора на българите срещу завоевателя, и за хайдутството. В очерка си за възхвалявания и отричания Венелин авторът се обръща и към проблемните за историографията въпроси. Сергей Муртузалиев не намира достатъчно основание Венелин да се счита за славянофил, тъй като у него отсъства противопоставяне между славяните и западния свят. Изследователят е на мнение, че Венелин формира една по-особена „славянска школа“, която силно подхранва с теми

и идеи славянофилството. Към тази школа или като преходни между нея и славянофили-те Муртузалиев отнася Николай Мурзакевич (1806–1883), Васил Априлов (1789–1847) и Николай Савелиев-Ростиславич (1815–1854). Анализът на техните трудове по отношение на изследваната тема заема важно място в главата. Отлично впечатление у българския читател оставя приобщаването на Априлов към изследването. Неговите трудове са коментирани като дело на българин, но и като на важен в дадения контекст представител на руската славистика. Не са пропуснати и практическите усилия на други българи – емигранти в Русия, като Иван Денкоглу (1781–1861), за разпространението на повече исторически знания за българите сред руското общество.

Във финала на изложението Сергей Муртузалиев разглежда зараждащото се организирано славянознание в Русия. От 1835 г. в четирите тогавашни руски университета се създават катедри по „История и литература на славянските наречия“. Четиридесет учени, които са избрани да ги оглавят, са: Осип Бодянски (1808–1877) в Москва, Пътър Прейс (1810–1846) в Петербург, Измаил Срезневски (1812–1880) в Харков и Виктор Григорович (1815–1876) в Казан. На техните търсения и постижения до Кримската война (1853–1856) изложението се спира подробно. Решителният поврат, който се наблюдава в развитието на руската славистика, а с нея и на руската българистика, става факт. За съжаление, по политически причини изследователите слависти са принудени да „намалят темпото“ в годините от 1847 до 1855 г. Като цяло изводът на Муртузалиев е, че към средата на XIX в. руската историческа наука вече има необходимата теоретична, изворова и организационна база за по-значителни изследвания по отношение на България и българите. Що се отнася за тежестта на отделните периоди – определено познанието и интересът към средновековието доминират в работите на руските българисти през този период, но и за проучването на ранните векове на османското владичество е създаден потенциал.

В заключението Сергей Муртузалиев обобщава главното от направените си изводи. Доколкото част от тях вече бяха маркирани в настоящата рецензия, те няма да бъдат повтаряни.

Книгата заслужава вниманието на специалистите сама по себе си. Ако към нея могат да бъдат отправени критики, те са в две посоки и двете – извиними. Едната е за липсата на някои историографски извори и на имена на автори, което при огромния обем проследени материали е съвсем обяснимо. Другото е за някои мнения и позиции, които днес изглеждат малко остарели, например характеристиката на някои историци като „прогресивни“. Основна непълнота на подхода е хронологично ограниченното изследване на османския период в България само до края на XVI в. Все пак, с оглед на многото изминалото време от завършването на труда до отпечатването му, безспорно е, че редица гледни точки са се променили. И ако погледнем това изминалото време по друг начин, всъщност то е доказателство за стойността на книгата. „България в сянката на полумесеца“ е напълно актуална и днес, след почти двадесет години, и то какви двадесет години, а това наистина означава много.

Както критиките, така нека и адмираторите към работата на автора да бъдат отправени в две посоки. Първата е заради сложността на изследване от подобен вид – то изисква широка компетентност по историография, османска, българска и руска история. Сергей Муртузалиев покрива тази сложна и понякога разнородна материя с непоклатим професионализъм. Втората адмiration е заради нуждите на историческата наука – подобни историографски изследвания са необходими на историците и в Русия, и в България, а вероятно и другаде. За съжаление, днес все по-малко автори пристъпват към такава задача. В резултат, трудове като представения ще стават още по-необходими и оттам като резултат – в бъдеще все по-малко хора ще са в състояние да ги напишат. Книгата на Сергей Муртузалиев е гаранция за това, че подобен порочен кръг няма да се случи поне в рамките на дадената проблематика.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:

Муртузалиев, С. И. Болгария в тени полумесяца. Изучение истории Болгарии и Османской истории в России (XV – первая половина XIX в.).
М.: Издательство «Таус» издавательской группы «Мамонт», 2013. 408 с.

А. П. Чижов

Книга доктора исторических наук, профессора С. И. Муртузалиева – первое в историографии исследование, в котором с позиций современной исторической науки дан глубокий аналитический обзор сведений по истории Болгарии и Османской империи XV–XVI вв., содержащихся в разнообразных источниках и в исторических сочинениях, охватывающих период с XV до середины XIX в.

Основное достоинство книги – междисциплинарный комплексный подход к теме, которая раскрывается в нескольких ракурсах, определенных задачами исследования. С. И. Муртузалиев анализирует источники по истории Болгарии и Османской империи и рассматривает их интерпретацию российскими и зарубежными историками; стремится выявить специфику становления исторических представлений по болгаро-турецкой проблематике и определить факторы, влиявшие на эволюцию, по удачному определению автора «болгаристики османского периода» в России. Примечательно, что значительное внимание уделено не только научной разработке болгаро-турецкой тематики в российской историографии на протяжении более четырех столетий, но и отношению общества к этому вопросу, а также распространению знаний по истории Болгарии и Османской империи XV–XVI вв. в процессе преподавания курса всеобщей истории в российских университетах и через обобщающие исторические труды.

Большим достоинством монографии является её богатая и разнообразная источниковая база, что также свидетельствует о научной новизне работы. Диапазон привлеченных источников – русских, болгарских, османских и западноевропейских – чрезвычайно широк и вполне убедителен. Здесь представлены летописи и хронографы, памятники публицистики и агиографическая литература, записки путешественников, мемуары и переписка российских славистов, исторические труды по истории России, славянских народов, по истории Османской империи и т.д.

Вполне приемлема и структура монографии, где основную историографическую часть (2–5 главы), помимо ведения, предваряет краткий очерк болгарской истории периода установления османского владычества, что позволяет сориентировать читателя в проблемах истории Болгарии и Османской империи XV–XVI вв.

Ключевой историографический компонент монографии открывает вторая глава, посвященная изучению начального этапа османского господства в Болгарии, в России XV–XVIII вв. В главе рассматривается начало и развитие процесса накопления исторических знаний о болгара на Руси. При этом автор подчеркивает, что первыми и основными источниками этих знаний были сведения русских монахов-странников, митрополитов Кирилла и Григория Цамблака, болгарские и сербские историко-агиографические сочинения (особенно Житие Георгия Нового Софийского), русские летописи XVI в., Русский Хронограф в различных списках. С. И. Муртузалиев справедливо отмечает, что «фиксация и аккумуляция» фактического материала по истории Болгарии наряду с летописями происходит и в исторических сочинениях. Среди них автор выделяет «Скифскую историю» А. И. Лызлова – произведение нового типа, в котором появились элементы научного подхода к объяснению истории. Рассматривая процесс накопления в России знаний о Болгарии XV–XVI вв., автор монографии делает вывод, что к XVIII в. знания эти были весьма ограничены, а «незавершенность процесса оформления исторической дисциплины снижала возможность научного осмыслиения и анализа материала».

В значительно большей степени русское общество к началу XVIII в. было информировано об Османской империи и исламе, чему, по обоснованному мнению автора, способствовала деятельность Д. Кантемира, издание западноевропейских произведений о Турции (книги Л. Ф. Марсильи, П. Рико, В. Миньо и др.). Позднее, во второй половине

XVIII в., российская историография пополнилась отечественным сочинением по истории Турции – «Краткое описание древнейшего и новейшего состояния Отоманской Порты» Ф. А. Эмина, отмеченное хорошим знанием современного положения Турции, её государственного и военного устройства, а также книгами П. А. Левашова, в основу которых были положены личные наблюдения русского дипломата.

Повышение интереса к Османской империи и, как следствие, к истории юго-славянских народов С. И. Муртузалиев связывает с деятельностью Петра I, инициировавшего издания целого ряда книг отечественных и европейских авторов по турецкой тематике.

Оригинальным представляется и сюжет главы, где автор анализирует учебники и пособия XVIII в. по всеобщей истории, стремясь выяснить степень отражения в них фрагментов болгарской истории. Вывод автора однозначен – в рассмотренной учебной литературе период болгарской истории после османского завоевания практически игнорируется, и в ней содержится крайне ограниченная информация. Отмечая это обстоятельство, С. И. Муртузалиев называет и причины такого положения, в частности влияние А. Л. Шлётцера на российскую историческую литературу. Шлётцер, подобно многим западноевропейским ученым, полагал, что внимания историка заслуживает только деяния «главнейших» народов, а не «второстепенных», среди которых (согласно такому взгляду) оказались болгары после потери государственной самостоятельности.

Вместе с тем приоритет турецкой тематики, как отмечает автор монографии, не означал полного забвения болгарских и в целом югославянских проблем, интерес к которым особенно возрастает в последней трети XVIII в. в силу обострения Восточного вопроса. Это утверждение иллюстрируется целым рядом примеров, среди которых особое место занимает сочинение сербского архимандрита Иоанна Раича «История разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов, сербов...», изданная в России по решению Екатерины II. Во второй части своего труда «О народе Болгарском» Раич излагает историю Болгарии вплоть до конца XIV в. и приводит фактический материал из истории болгар XVI в. Объективно оценивая это сочинение, С. И. Муртузалиев заключает, что Раич был первым историком, который дал российскому читателю подробные сведения по истории Болгарии конца XVI в.

Помимо источников и литературы по османской и болгарской тематике во второй главе монографии систематизированы и охарактеризованы латино-немецкие публикации XVIII в., доступные российскому просвещенному обществу. Оценивая значение этой литературы, автор отмечает, что изложение истории Болгарии в ней доводится до османского завоевания и, несмотря на стремление излагать её в контексте балканской и европейской истории, она не могла пополнить знания о Болгарии XV–XVI вв. Тем не менее, эти труды все же внесли определенный вклад в развитие исторических знаний о болгарах и содействовали завершению оформления российской исторической науки.

В заключении главы следует обоснованный вывод, что XV–XVIII вв. явились подготовительным этапом в изучении истории болгарского народа XV–XVI вв., предисторией отечественной славистики и османистики.

Третья глава монографии содержит сравнительный анализ обобщающих трудов крупнейших отечественных ученых по истории России, в которых С. И. Муртузалиев стремится выявить болгаро-турецкие сюжеты по истории данного периода и выяснить причины их включения в фундаментальные труды российских исследователей. Интересен выбор авторов, ставших объектом изучения: А. И. Манкиев – секретарь русской миссии в Швеции, императрица Екатерина II и, конечно, ученые, труды которых по общепринятой точке зрения являлись официальными историями России – В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, М. М. Щербатов, И. Н. Болтин. Особое внимание автор монографии уделяет творчеству В. Н. Татищева, его «Истории Российской», в которой предпринята «первая в России попытка критического осмыслиения материалов по истории славян».

В результате анализа рассмотренных сочинений, С. И. Муртузалиев отмечает, что турецкие сюжеты в них превалировали над болгарскими прежде всего из-за обострения и активизации русско-турецких отношений в XVIII в. В описании истории Болгарии преобладали события военно-политического и церковного характера. По мнению автора, это диктовалось в значительной мере корпусом используемых источников (можно добавить, что это являлось и следствием общего уровня исторической науки того времени), а также

целями и задачами историков, степенью интереса официальной России к болгарам и балканским народам вообще в разные исторические периоды.

Значительный научный интерес представляет и четвертая глава рецензируемой монографии, посвященная болгарской проблематике в российской историографии первой половины XIX в. Глава начинается с анализа болгаро-турецкой тематики в 12-ти томной «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, оказавшего большое влияние на развитие русского славяноведения XIX в. Характеризуя труд, ставший событием в российской историографии, С. И. Муртузалиев обращает внимание на его композиционные особенности. В частности, «Примечания к основному тексту «Истории...» представляют собой «уникальное собрание впервые вводимых в научный оборот источников». Автор монографии справедливо акцентирует внимание на это обстоятельство в связи с болгаро-турецким материалом по истории XIV–XVI вв. в сочинении Карамзина не случайно – значительно больший его объем содержится именно в «Примечаниях», а не в основном тексте. С. И. Муртузалиев вполне обоснованно заключает, что труд Карамзина «пробудил дополнительный интерес к средневековой истории южных славян» и способствовал более широкому, чем раньше, распространению знаний по истории Болгарии в первые два столетия османского владычества. Вместе с тем, можно полностью согласиться с мнением автора, что говорить о каком-то особом вкладе Карамзина в изучение истории Болгарии не приходится, что, собственно, и не входило в его задачи.

Не менее интересен авторский анализ объема информации по истории Болгарии и Османской империи XV–XVI вв., содержащейся в трудах по всеобщей истории иностранных и отечественных авторов. Учитывая влияние западноевропейской науки на процесс формирования в России исторического знания по всеобщей истории и значение переводных трудов зарубежных авторов, данный сюжет начинается с рассмотрения во многом типичных сочинений французского аббата Клода Милло и немецкого ученого Иоганна Шрекка. Характеризуя труды названных авторов, С. И. Муртузалиев отмечает, что привлечение единичных, разрозненных сведений по истории Болгарии в их сочинениях, обезличенность болгарских сюжетов объясняется первостепенным вниманием историков к «главным» господствующим народам. Это привело к «включению» Болгарии в историю Османской империи, в результате чего события болгарской истории во всеобщих историях западноевропейских ученых приобретали второстепенное значение.

По справедливому замечанию автора труды западных ученых принимались за образец российскими историками при создании собственных всеобщих историй, что отразилось и на их отношении к истории «неглавного» болгарского народа. Это положение иллюстрируется работами Е. Ф. Зябловского, Т. Каменецкого, И. К. Кайданова, С. Н. Смарагдова, а вывод автора о их низком общем уровне полностью совпадает с мнением Т. Н. Грановского, высказанном в одной из лекций в 1849/50 учебном году.

Несомненной заслугой автора является стремление связать разработку болгарской проблематики в историографии первой половины XIX в. с общим состоянием «российской науки о всеобщей истории», с ее трудностями, обусловленными идеологической системой России, утверждением в начале 30-х годов охранительной теории «официальной народности». В связи с этим заслуживает особого внимания анализ творчества Т. Н. Грановского и его вклада в отечественную славистику.

Автор монографии резюмирует, что болгарская история XV–XVI вв., в силу утвердившегося среди историков того времени разделения народов на «главные» и «неглавные», не привлекала особого внимания Грановского и нет оснований говорить о каком-то непосредственном вкладе ученого в ее разработку. Однако Грановский способствовал, по словам автора, «продвижению исследований о южных славянах на более высокую ступень», что именно ему «принадлежит идея более основательного изучения славянских народов в рамках курса всеобщей истории».

Вполне органично вписываются в главу и взгляды на проблему одного из оппонентов Грановского, славянофила А. С. Хомякова, выступившего против почти исключительного внимания к истории западноевропейских народов и оставлении в тени «громадного племени славянского». Крупнейший идеолог славянства способствовал, по мнению автора, «привлечению внимания российских ученых к фольклору, этнографии, истории и современному положению болгар, сербов и других славянских народов в Османской империи».

Материал главы в целом приводит к выводу о том, что история Болгарии и других южнославянских народов в первой половине XIX в. рассматривалась в русле османистики, опережавшей развитие славяноведения. Однако развитие российской исторической мысли в 1830-х годах создавало теоретическую и методологическую основу для «более глубокого изучения проблем всеобщей истории», в том числе и истории Болгарии.

Завершает содержательную часть монографии глава, посвященная становлению российской славистики и ее первым шагам в изучении истории Болгарии XV–XVI вв. Автор останавливается на причинах, обусловивших начало и развитие этого процесса, называя в числе основных «славянский вопрос», повышение внимания российской и западноевропейской общественности к национально-освободительной борьбе балканских народов, рост интереса к проблеме происхождения русского и близких ему славянских народов, что объективно активизировало интерес к изучению раннесредневековой истории Болгарии.

В первом параграфе главы анализируются сведения о Болгарии в российских и переводных трудах, издававшихся в первой трети XIX в. В связи с этим, автор на основе изучения научной продукции, делает вывод, что вплоть до середины 1820-х годов сюжеты об историческом прошлом болгарского народа в период османского завоевания были крайне редкими – исключение составляли произведения митрополита Евгения (Е. А. Болховитинова), К. Ф. Калайдовича и членов Румянцевского кружка. Среди них выделялся П. М. Строев, предпринявший в 1820–1821 гг. публикацию источников, относящихся к болгарской истории конца XIV–начала XVI в. Столь же незначительными были сведения о болгарах и в российской журнальной публицистике, в которой отсутствовали целостные сюжеты по болгарской истории. Как единичный случай выглядела обширная статья А. М. Спиридова, опубликованная в двух номерах журнала «Северный архив» за 1823 г., где автор делает развернутый обзор положения славянских народов в европейской части Османской империи. Анализ статьи Спиридова привел автора рецензируемой монографии к выводу, что приводимый в ней материал позволял российскому читателю судить о тяжелом положении болгар Османской империи. Отмечая слабые стороны статьи (Спиридов, например, не имел точного представления о границах распространения болгарского этнонима), С. И. Муртузалиев положительно оценивает творчество этого автора и вполне обоснованно считает его работу одной из первых в России по этнографии дунайских болгар.

Значительное внимание в главе уделяется творчеству Ю. И. Венелина, которого принято считать первым болгаристом России. Объектом внимания автора монографии стала, в первую очередь, проблема османского господства в болгарских землях XV–XVI вв. в исследованиях этого самобытного ученого. Анализ творчества Венелина в этом аспекте С. И. Муртузалиев начинает с его «Замечаний на сочинение Г-на Яковенки о Молдавии, Валахии и проч.», опубликованных в журнале «Московский вестник» за 1828 г. В этой рецензии, написанной в виде писем-«эпистол», молодой болгарист впервые изложил свои взгляды на историю Болгарии в начальный период османского владычества, в целом верно оценив общую ситуацию в Болгарии в конце XIV – начале XV в. По мнению автора монографии, взгляды Венелина на этот период истории болгарского народа остались неизменными и в его более поздних работах.

Автор монографии тщательно изучал труды Венелина в хронологической последовательности их выхода в свет в период 20–30-х годов XIX в. Среди них особое место занимает книга «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (М., 1829). В монографии рассмотрены основные положения этого труда, вызвавшего интерес у российской научной общественности еще при жизни молодого ученого, тщательно проанализированы спорные гипотезы и порой ошибочные выводы автора. С. И. Муртузалиев отмечает, что несмотря на целый ряд слабых мест и спорных оценок, подмены исторической критики методом исторического правдоподобия, обусловленных во многом отсутствием специальной исторической и славистической подготовки Венелина, его труд занял достойное место в российской болгаристике. Большое значение имел общий вывод автора по истории Болгарии периода османского господства – несмотря на значительные потери «от долговременного железного ига и убийственной политики Порты..., болгарский народ однако не перестал существовать», и Россия обязана помочь ему возродиться. Круг рассматриваемых проблем по истории Болгарии XV–XVI вв. сравнительно невелик, однако, как отмечается в моногра-

фии, он связан с кардинальными вопросами болгарской истории и стремлением Венелина к созданию научной средневековой истории Болгарии.

Из других произведений Венелина внимание С. И. Муртузалиева привлекли его путевые заметки во время путешествия в Болгарию в 1830 г., переработанные и изданные П. А. Бессоновым в 1857 г. Записи личных наблюдений Венелина обогатили знания о положении болгар в Османской империи, привлекали внимание к болгарскому и, в целом, к славянскому фольклору, к проблеме духовного развития болгар, тесно связанной с «нарождающейся болгарской литературой».

В завершении главы автор, отмечая неоднозначное отношение к идеям Венелина, рассматривает их влияние на творчество славистов 1830–1840-х годов. Перед читателем проходят сочинения Н. Н. Мурзакевича, работы видного болгарского общественного деятеля В. Е. Априлова, Н. В. Савельева-Ростиславича, В. А. Панова, В. И. Григоровича и др. Оценивая творчество этой плеяды славистов, С. И. Муртузалиев выделяет Григоровича, который единственный занимался специальным изучением славянских памятников XV–XVI вв., уделяя первостепенное внимание болгарским источникам. Большой заслугой Григоровича явилось «выявление новых источников по истории Болгарии XV–XVI вв.», часть из которых уже к середине XIX в. была введена в научный оборот.

В целом, становление и развитие российской болгаристики в 40–50-х годах XIX в., заключает автор, было тесно связано с политической ситуацией и цензурными ограничениями в России, что привело к замедлению «процесса изучения истории Болгарии XV–XVI вв. и всего периода османского господства в болгарских землях».

В заключении монографии содержатся развернутые и аргументированные выводы по проблеме исследования. Можно полностью согласиться с тем, что к середине XIX в. российские слависты создали реальные предпосылки для «развития нового научного направления – болгаристики османского периода».

Завершая обозрение исследования С. И. Муртузалиева, следует отметить его масштабность и глубину. Анализируя этапы историографии истории Болгарии периода османского владычества, автор обращает внимание на слабые и недостаточно изученные места в разработке теоретических и методологических вопросов. Монография позволяет более обоснованно судить о процессах накопления знаний о Болгарии в тесной связи с формированием российской ориенталистики и исламоведения. Что дает основание констатировать: историографическое исследование С. И. Муртузалиева является событием в современной болгаристике и достойным вкладом в историческую науку.

НАУКОВЕ ЖИТЯ

ВЪЗРАЖДАНЕ НА БЪЛГАРИСТИКАТА (Трети международен конгрес, София, 2013 г.)

A. Иванова-Истаткова

През 125-годишната си история Софийският университет „Св. Климент Охридски“ се утвърди като водещ център на българската наука и преподавателската работа. Тази роля на Университета се защитава от нашите възпитаници във всички сфери на политическия, духовния и интелектуалния живот на нацията ни. Този факт ни подтикна да поставим един от акцентите в честванията на развитието на българската хуманитаристика, като организираме и проведем световен българистичен форум.

Подобни конгреси са проведени през 1981 и 1986 г., но в последните десетилетия тази традиция по различни причини беше прекъсната, а част от българистичните центрове преустановиха своята дейност.

С цел да се възстанови интересът към българистиката в България и по света, да се подновят и да съдействаме за изграждането на нови контакти между учените хуманисти се роди идеята за организиране на Международен конгрес по българистика. За целта доц. д-р Тодор Попнеделев, зам.-декан на Историческия факултет и преподавател в Катедра „История на България“, сформира екип от 5 души, които се превърнаха в основно двигателно звено за подготовката на всички дейности по организацията на форума. Работният комитет беше в състав: председател – доц. д-р Тодор Попнеделев; доц. д-р Веселин Янчев, гл. ас. д-р Владимир Станев, гл. ас. д-р Светослав Живков, Ани Истаткова. С оглед на нарастващата работа за конкретни дейности бяха привлечени и колегите: гл. ас. Христо Беров, д-р Пламена Стоянова, Даниела Ташева и Константина Лунин. Организационният комитет, ръководен от ректора на СУ „Св. Климент Охридски“ – чл.-кор. на БАН проф. дин Иван Илчев, включващ изтъкнати учени българисти от страната.

В началото на подготовката на конгреса Работният комитет осъществи официални контакти с Президентството на Република България. Президентът на Република България г-н Росен Плевнелиев прие да бъде почетен патрон на конгреса.

Организатори на Третия международен конгрес по българистика бяха Софийският университет „Св. Климент Охридски“ и Университетският комплекс по хуманитаристика „Алма Матер“, финансиран от Фонд „Научни изследвания“ към Министерство на образованието и науката. Наши съорганизатори в провеждането на форума бяха Българска академия на науките и Държавна агенция „Архиви“. Съществена подкрепа получихме от Столична община, Министерство на културата и Министерство на външните работи на Република България.

Третият международен конгрес по българистика се проведе от 23 до 26 май 2013 г. в сградата на Ректората на Софийски университет „Св. Климент Охридски“.

Практическата работа на конгреса започна на 23 май с пленарни доклади и работа по секции. Официалното му откриване беше в Деня на светите братя Кирил и Методий – 24 май. Приветствие за празника към университетската общност и към участниците в конгреса произнесе ректорът на Университета, чл.-кор. проф. дин Иван Илчев, както и президентът на Република България, който подчертава значимостта на форума за развитието на българската хуманитаристика. Сред официалните гости бяха председателят на Народното събрание, кметът на София, както и представители на други държавни институции и висши училища.

Общият брой на делегатите на конгреса беше 464 души: 267 от България и 197 от чуждина (Австрия, Азъrbайджан; Англия; Беларус, Белгия; Германия, Грузия, Гърция; Индия, Италия; Казахстан, Канада, Китай; Македония, Молдова; Полша; Румъния, Русия; САЩ, Словакия, Сърбия; Украина, Унгария; Финландия, Франция; Хърватия; Чехия; Швеция; Япония). Участниците бяха представители на около 120 университета и научни институции, в това число над 100 от чуждина. Някои от тях представиха общи доклади, а други – по повече от един.

Цялата база с информация за учените българи, които заявиха своето участие в конгреса, беше обработена и оформена от Работния комитет в книжно тяло, което да служи на една от основните цели на конгреса, а именно: играждане, възобновяване и поддържане на контактите между участниците. Книжката съдържа основна информация за тях – държава, длъжност, институция, научни интереси, имейл.

Проектът за научна програма на конгреса беше изготвен от Работния комитет през април–май 2012 г. При подготовката му организаторите взеха предвид структурата на научните програми на предишните конгреси по българистика, както и тенденциите в развитието на хуманитаристиката от последните 25 години. Проектът предвиждаше четири секции с четиринаадесет подсекции и шест кръгли маси.

Поради липса на интерес някои от предвижданите в първоначалния вариант подсекции и кръгли маси бяха закрити, а други бяха трансформирани. Обособени бяха нови. Окончателното разпределение на докладите по панели (секции, подсекции, заседания и пр.) беше извършено от Работния комитет, като се взеха предвид насоките, дадени от експертите от специализираните комисии (по утвърждаването на заявките). Общият брой на секциите остана четири: „Български език“ (7 подсекции), „Литература“ (3 подсекции), „История и археология“ (6 подсекции), „Общество и култура“ (4 подсекции). Общият брой на подсекциите беше 20, а на кръглите маси – 4. Организирането на кръгла маса „Дигитализация“ олицетворява навлизането на информационните технологии в българистиката. Новите тенденции в хуманитаристиката доведоха до обособяване на подсекции, нефигурирали в предишните световни българистични форуми, като: „Антропология, социология и културология“, „Българската диаспора“ и др. По инициатива на колегите медиевисти от Историческия факултет на Университета и с тяхно съдействие беше организирана и кръгла маса, посветена на „Златния век“ на цар Симеон I.

Научната програма беше преведена на руски и английски език и беше качена в сайта на Третия международен конгрес по българистика – www.bulgarianstudies.org.

Без съмнение за високото ниво на форума допринесоха шестте пленарни доклада, изнесени от изтъкнати българи. Правилният подбор на пленарните доклади – от няколко научни области, представени от изследователи на различна възраст, от България и света, даде тласък на научните дискусии още със започването на конгреса, продължили след това в отделните заседания.

Преобладаващата част от докладите бяха на високо научно ниво, неслучайно дискусиите в края на заседанията бяха оживени и продължителни – до степен, много заседания да продължат и след предвиденото времетраене, а някои – дори след официалното закриване на конгреса. Участниците размениха мисли върху многообразни теми и „свериха часовници си“ с постиженията на колеги от различни страни и институции. Не на последно място, осъществиха се ползотворни срещи на учени от три поколения – от студенти до академици.

За високото научно ниво на конгреса свидетелстват многобройните благодарствени писма, предимно на участници от чужбина, а още повече бяха устните благодарности, изказани откривено в дните на самия международен форум.

Може смело да се заяви, че Третият международен конгрес по българистика постигна целите си – възстановена е традиция, прекъсната поради различни причини за над двадесет години. На едно място се събраха неколкостотин специалисти, изучаващи различни области на българистиката. Благодарение на техните доклади, съобщения, презентации и участие в дискусийните конгресът се превърна във високостойностен в научно отношение международен форум.

За участниците в Третия международен конгрес по българистика и техните придвижители Работният комитет предвиди културна програма, която включваше екскурзии из историческите забележителности на София и нейните околнности.

Неразделна част от Третия конгрес по българистика беше съпътстващата програма, с цел да се допълни научната част и да се привлече интересът на участниците към различни събития от историята на българския народ, език, литература, култура, фолклор. Основните мероприятия от нея бяха концентрирани в началото на форума. Още на 23 май 2013 г., в Централното фоайе пред Аулата на Софийския университет „Св. Климент Охридски“ беше тържествено открита изложбата „Искони бе слово“, дело на Катедрата по Кириломе-

тодиевистика на Софийския университет „Св. Климент Охридски“. Оригиналната концепция и интересното техническо оформление за представяне на дигитализирани ръкописи привлякоха интереса на участниците и гостите и превърнаха тази изложба в най-посещаваното място по време на конгреса.

Друга цел на организаторите беше свързана с представянето на нови книги от български и чуждестранни автори, засягащи проблеми на езика, литературата и историята, духовните връзки между европейските държави.

В дните на конгреса, в рамките на организирания Панаир на книгата, беше предложена новоизлязла научна хуманитарна продукция. Щандове имаха над 15 български и чуждестранни издателства.

Специално за Третия международен конгрес по българистика Театър-лаборатория „@ЛМА @ЛТЕР“ на Софийския университет „Св. Климент Охридски“ представи две театрални постановки.

Конгресът предизвика интерес и сред журналистите от пресата и Българското национално радио, а специализираното издание на Министерство на образованието – списание „История“ – посвети целия си брой 2, излязъл в навечерието на конгреса, на българистиката и на предстоящия научен форум.

Замисълът на организаторите беше Третият международен конгрес по българистика да е само началото, импулсът, чиято последваща цел е създаването на Международна асоциация по българистика. Изгответ е нейният устав и е в ход процедура по регистрацията ѝ. Асоциацията ще бъде структурата, която ще поддържа контактите между учените и научните структури в България и в света. Тя ще организира „междинни“ научни форуми до свикването на следващия конгрес. Наред с това ще се ангажира с издаването на електронно списание и ще популяризира положителния образ на държавата ни пред света. Започна и създаването на електронна библиотека „Българистика“, която ще представи изследователската работа на учени от България и света.

Сайтът на конгреса www.bulgarianstudies.org, който съдържа огромен обем от информация за развитието на българистиката и сегашното ѝ състояние, ще прерасне в сайт на Международната асоциация по българистика. Поддържа се и фейсбук страница – <https://www.facebook.com/balgaristika?ref=hl>.

**БЪЛГАРСКАТА ХУМАНИТАРИСТИКА
В КОНТЕКСТА НА ЕВРОПЕЙСКОТО НАУЧНО ДИРЕНЕ
ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНА МЕЖДУНАРОДНА
НАУЧНА КОНФЕРЕНЦИЯ
София, 31 октомври – 1 ноември 2013 г.**

И. Манасиева

На 31 октомври – 1 ноември 2013 г. в град София се проведе интердисциплинарна международна научна конференция „Българската хуманитаристика в контекста на европейското научно дирене“ по повод навършването на 175 години от рождението на изтъкнатия български/руски учен професор Марин Дринов (1838–1906). М. Дринов е учен историк, филолог, фолклорист, славист. Той е един от идеините създатели на Българското книжовно дружество, предшественика на Българската академия на науките, и пръв негов председател. Основател е на Народната библиотека в София. Името му е свързано с научната и преподавателската дейност в редица академии в Централна и Източна Европа като течен почетен член. Марин Дринов е авторитетен обществен и държавен деец, активен участник в изграждането на Третата българска държава като вицеубернатор на гр. София, член на Временното руско управление и пръв министър на народното просвещение и духовните дела. Той сътрудничи при изработването на Търновската конституция; с името му е свързано избирането на София като географски център на българските земи за столица.

Конференцията беше организирана от Института за исторически изследвания на БАН (ИИИ) със съдействието на Столична община, Института за балканстика с Център по тракология „Ал. Фол“ (ИБЦТ) и Националната библиотека „Св. св. Кирил и Методий“ (НБКМ). Желание за участие в научния форум заявиха 84 учени от общо 7 института на Академията: Институт за исторически изследвания, Институт за балканстика с Център по тракология „Ал. Фол“, Институт за изследване на населението и човека (ИИНЧ), Институт за етнология и фолклористика с Етнографски музей (ИЕФЕМ), Институт за изследване на изкуствата (ИИИзк), Институт за литература (ИЛ), Институт за български език „Проф. Любомир Андрейчин“ (ИБЕ), както и сътрудници на Научния архив на БАН (НА БАН). Конференцията събра голям брой учени, представители на редица университети в България – Софийски университет „Св. Климент Охридски“ (СУ), Нов български университет (НБУ), Пловдивски университет „П. Хилендарски“ (ПУ), Медицински университет – Пловдив (МУ), Университет по библиотекознание и информационни технологии (УниБИТ), Университет за национално и световно стопанство (УНСС), Югозападен университет „Неофит Рилски“ (ЮЗУ) и Шуменски университет „Епископ К. Преславски“ (ШУ). Значимо място в работата на научния форум заеха докладите на специалистите от Държавна агенция „Архиви“ и от регионалните архиви, от регионалните исторически музеи, Националната библиотека „Св. св. Кирил и Методий“, от редица специализирани звена (Центрър за славяно-византийски проучвания „Проф. Иван Дуйчев“, Център за документи и архивни фондове – НБУ, Парк-музей на бойната дружба 1444 г. „Владислав Варненчик“, Метох на Московския и на цяла Русия патриарх в България). В работата на конференцията се включиха и чуждестранни представители от Украина, Русия, Полша, Чехия, Словакия и Китай.

Участниците и гостите на форума бяха приветствани от посланика на Украина в Република България Микола Балтажи, който лично поднесе поздравленията си, и от посланика на Полша Лешек Хенсел. Поздравителни адреси бяха получени от Председателя на БАН, от Президентството на Република България, от Института по славянознание на Руската академия на науките, от Мелитополския държавен педагогически университет „Б. Хмелницки“ (МДПУ – Украина), от Военната академия „Г. С. Раковски“ и от други институти на БАН.

Двудневната конференция се проведе в четири пленарни и пет секционни заседания. Всички пленарни заседания бяха посветени на нови, досега неизследвани моменти от живота и научното дело на М. Дринов. Форумът бе открит от директора на Института за исторически изследвания проф. д.и.н. Илия Тодев, който прочете доклад на тема: „Всеки народ почита своята старина и ревностно я изучава... Размисли по случай 175-годишнината от

рождението на проф. Марин Дринов“. Около новите данни за живота на М. Дринов бяха обединени докладите на акад. Васил Гюзелев „Австрийски документи за „агента“ Дринов“ и на сродника на М. Дринов проф. Марин Игнатов (Международна агенция – ООН, Виена) „Семейна среда и детство на Марин Дринов в Панагюрище до заминаването му в Русия през 1856 г.“. Цв. Величкова от НА БАН с помощта на мултимедия представи дигиталния архив „М. Дринов“, а доц. Е. Узунова от НБКМ представи колекцията от славянски ръкописи на Националната библиотека, предоставени от проф. Дринов. Н. Преосв. епископ Наум от Св. синод на БПЦ запозна участниците на форума с връзките на бележития панагюрец с Българската православна църква. Интересен поглед върху М. Дринов като учен и общественик беше представен в докладите на проф. М. Куманов (ИИИ) „М. Дринов и Паисий“, доц. Е. Дроснева (СУ) „Въпросителни около Марин Дринов“, доц. Пл. Божинов (ИИИ) „Цариградските българи, Марин Дринов и въпросът за седалището на Българското книжовно дружество“, доц. Т. Готовска-Хенце (ИИИ) „Марин Дринов: историкът и историята“, Н. Поппетров (ИИИ) „От Дринов до Минев – за мястото на българските учени в европейската научна общност до 1941 г.“. С интерес беше посрещнато изказването на проф. С. Елдъров (ИБЦТ) „Историческите корени на българското унитатство“.

На секционните заседания се разискваше широк кръг проблеми, свързани с научните области, в които приносът на М. Дринов е неоценим. Заседанията на секцията „Античност, Средновековие, византистика“ с модератор проф. И. Илиев събраха учени от България, Полша и Русия и преминаха под знака на интердисциплинарност. Първото заседание бе открито с доклада на д-р А. Чередниченко от Белгородския държавен национален университет „Антична традиция о Геллеспонте как древнейшем Борисфене“. Докладът на А. Любенова (ИИИзк) бе посветен на развитието на литургията и нейното изображение в подовите мозайки във Филипопол. Клаузата „Contra iustitiam iudicasse“ (да се отсъзда срещу справедливостта) в *Lex Romana Visigothorum* и *Codex Theodosianus* бе в центъра на експозето на д-р Д. Валентинова (ИИИ). Гжегож Ростковски (Grzegorz Rostkowski) (Държавен етнографски музей – Варшава) проследи въздействието на византийската култура върху почитането на светците сред членовете на династията на Рюриковичите през X–XI в. Д-р В. Нинов (ИИИ) запозна аудиторията с откъс от *Cathalogus et Cronica Principum et Comitum Flandrie* – един малко познат в българската историография извор за съдбата на император Бодуен I. Руските летописи за руско-куманските отношения в домонголския период бяха в центъра на интереса на д-р К. Голов (СУ). Следобедното заседание на секцията откри д-р С. Аризанова, която представи облеклото на средновековните български монаси. Същността на богоилството и влиянието на представите за здраве върху битовата култура на населението проследи д-р В. Михайлова (МУ – Пловдив). Нумизматичните данни като извор за икономическия облик на няколко средновековни български градски центъра през XII–XVI в. представи в доклада си Н. Митев от Парк-музей на бойната дружба. Двата последни доклада в тази секция бяха посветени на източниците за българската средновековна история: д-р К. Йорданов (ИИИ) се спря на османските войнушки, тимарски и вакъфски регистри от XVI в., а д-р В. Ангелов (ИИИ) представи миналото на Пловдив през погледа на западноевропейски пътешественици от XV–XVII в.

Значимо място в работата на научния форум заеха докладите, обединени в секция „Демография. Възраждане“, чието първо заседание беше ръководено от проф. Щ. Щерионов (ИИНЧ). Темите в тази секция се разполагаха в много широк проблемен и хронологичен диапазон – от Възраждането до края на XX в. Демографските извори за проучване на състоянието и развитието на българските земи и общности представляваха голям проблемен кръг в работата на тази секция. Те бяха в центъра на докладите на: проф. Щ. Щерионов „Гръцки извори за изследване на демографското развитие на българските земи през Възраждането“; д-р С. Христов (ИИИ) „Османски данъчни регистри (тапу техир дефтери) от XV–XVI в. Извор за демографската характеристика на населението в района на Сакар планина“; д-р И. Манасиева (ИИИ) „Източници, позволяващи проучването на демографското състояние на българските общности в Руската империя в края на XIX – началото на XX в.“; д-р В. Костова (РИМ – Хасково) „Регистърът на хасковската еврейска религиозна община – ценен извор за историята на еврейската общност“. Миграционната политика беше в центъра на учени от ИИНЧ: доц. В. Мучинов изнесе доклад на тема „Софийският санджак в османската миграционна политика през 60–70 години на XIX в.“; експозето на М. Александров беше посветено на миграционната политика в законодателството на

следосвобожденска България (1878–1912 г.). Докладът на доц. С. Пачев (МДПУ – Украйна) беше посветен на проблемите на българското възраждане в украинската историческа българистика. Интересни доклади чухме и по проблемите на българските общности в чужбина. Доц. В. Васева от ИЕФЕМ посвети експозето си на България в автобиографичните разкази на българи от Западните покрайнини; интерес предизвика докладът на доц. Б. Нягулов „Забравени, забранени, употребени: социалистическа България и българите в „близката чужбина“; Н. Сяров (МДПУ – Украйна) проследи проблемите на адаптацията на депортираните от Крим в края на Втората световна война българи. Докладите във второто заседание на секцията с модератор доц. Е. Дроснева бяха фокусирани върху специфично възрожденски проблеми. Своите изводи относно заселването и интеграцията на черкезите в Дунавския вилает представи д-р М. Добрева (ИБЦТ). Д-р Д. Ангелова (ИИНЧ) проследи брачната политика в българските земи през XIX в. Интерес предизвика докладът на д-р Р. Лельова (ИИИ) „Спорен ли е въпросът за спорните църкви в Македония?“. Ролята на личността в историята се открояваше сред докладите на следните учени: експозето на д-р М. Левкова-Мучинова (ИИИ) беше посветено на рода Чальковци и българската книжовност през Възраждането; докладът на Г. Вапцарова и Д. Илиева (НА БАН) – на В. Друмев (митрополит Климент); Т. Шишков беше в центъра на изложението на доц. Р. Ангелова (ШУ); на унгарския балканист Лайош Талоци посвети доклада си д-р П. Пейковска (ИИИ); етнографът Хр. Вакарелски беше представен от Р. Каблешкова. К. Стоянова запозна аудиторията с просвещението и културното развитие на Перуница в края на XIX – началото на XX в. Цв. Неделчева увлекателно разказа за аязмата и светите извори в Карловския край.

В секцията, посветена на славистичните проблеми, с модератор доц. Т. Готовска-Хенце докладите бяха обединени от стремеж да обогатят представата за историческата богохимистика, българо-русските отношения и полските балканистични изследвания. На първата подтема бяха посветени докладите на д-р М. Черни (Славянски институт – ЧАН, Прага) „Вацлав Ханка и българите“, на П. Земан (Масариков университет – Бърно) „Чешката интелигенция в Източна Румелия 1878–1885“, на д-р Л. Соленкова (ИИИ) „Темите в кореспонденцията на Марин Дринов с чехите“, на д-р А. Трифонова (НБУ) „Български оценки за „История на българския народ“ на Франтишек Хибл“. С насоченост към българо-русските отношения бяха докладите на д-р Т. Строковская (Международен университет за природата, обществото и човека „Дубна“), „А. Е. Викторов. Идеалист 40-х годов XIX в.“, на доц. Н. Самойленко (Полтавски национален технически университет „Юри Кондратюк“) „Социальная история Болгарии в освещении украинских ученых“, на д-р А. Златева (ИИИ) „Дейността на Санктпетербургския руско-български дамски благотворителен комитет“. Проблемите и дилемите около полските балканистични изследвания разгледаха д-р Р. Podolan от университета „Я. Коменски“ – Братислава в доклада „Najstaršie dejiny Slovanov v rannom diele Pavla Jozefa Šafárika“ и В. Рогозенски (ИИИ) в експозето „Ягелонският университет и балканистиката след 1989 г.“. Свободният университет в София и славянското научно сътрудничество през 1920–1940 г. беше в центъра на експозето на доц. Л. Велева (УНСС).

Разработки, представени в четвърта секция с модератор проф. Р. Ваташки (ШУ), поставиха акцента върху развитието на църковното дело. Работата на секцията започна с доклада на д-р И. Вадзяновска (Католически университет „Йоан Павел II“ – Люблин) „Церковнославянские памятники в библиотеках василианских монастырей на Украине“. Новите данни за стенописите на църквата „Св. Архангел Михаил“ край с. Горановци, Кюстендилско, разкри д-р С. Ангелов (СУ). А. Хинкова (ИЛ – БАН) в доклада си „Що нещо е църква“ анализира особеностите на формирането на конфесионалната идентичност. Доц. Т. Бондарь (Подворье Патриарха Московского и всея Руси в София) се спря върху историята на Българската екзархия и нейния съвременен прочит. В същия проблемен кръг се вместваше и научното експозе на доц. П. Банкова (ИЕФЕМ) „Българската православна църква: уроци по толерантност“. След почивката заседанието беше продължено от д-р М. Полимирова (ЦСВП – СУ), която се спря върху новите сведения за живота и дейността на архимандрит Хрисант Самоковски. Подробности около връзките между БПЦ и самопровъзгласената Хърватска православна църква в периода 1942–1944 г. представи д-р Ст. Стефанов (ШУ). Заседанието завърши с доклада на проф. Р. Ваташки „Българската православна църква и Вторият ватикански събор“.

Последният голям проблемен кръг в работата на конференцията бе посветен на проблемите на Третата българска държава и на архивното дело. Модераторът на тази секция доц. Й. Гешева (ИИИ) изнесе първия доклад „Особености на Търновската конституция“. След нея доц. С. Кацаров (ПУ) сподели своите виждания за учредителната власт в Европа през XIX в. Доц. Д. Николенко (Харковски национален университет „В. Н. Каразин“) разкри интересни страни от политическото наследство на С. Стамболов в процеса на трансформацията на управляващия режим в България (1895–1918). С интерес е посрещнато изложението на проф. Р. Холец (Университет „Я. А. Коменски“) „Кобургите и Словакия“. Д-р М. Колева (ИИИ) обърна внимание върху политиката на нацистка Германия в германската историография и схващанията за германската политика в Югоизточна Европа. Докладът на доц. Е. Русинова (УниБИТ) представи пратекстове от художествената литература като източник за политическите и културните тенденции на епохата по българския пример 1878–1944 г. Интерес предизвикаха научните тези на доц. Т. Дзиенджон (Пекински университет), който търсеше отговора на въпроса за мястото на китайската класика в българската хуманитаристика след 1878 г., и на д-р М. Малинова-Тиен (ИИИ), която представи етапите в развитието на българската хуманитаристика в Китай. Другият голям проблемен кръг в работата на тази секция бе посветен на въпросите на архивното дело и управлението на архивните фондове. Отразяването на тези въпроси беше в центъра на експозитата на доц. А. Кочанкова (СУ) „Институции и памет. За влиянието на историческите изследвания върху архивната практика в България“, на д-р П. Първанов (ЮЗУ) „Архив на Държавни мини Перник като извор за стопанская историография“, на д-р Й. Мантарлиев (ДА „Архиви“) „Дейността на Българската земеделска и кооперативна банка – клон Павлово (1944–1947)“ и на В. Антонова и Н. Цветкова (Русенски държавен архив) „Дигитализацията на документи – иновативна форма и добри практики в новата визия на архивите“.

Приносът на М. Дринов за избирането на София за столица на Третата българска държава вдъхнови Столична община да подкрепи посветената на М. Дринов конференция и да включи научния форум като мероприятие в кандидатурата на София за Европейска столица на културата през 2019 г. Също така Столична община удостои с почетен знак на София проф. Людмила Горина, преподавател в Московския държавен университет „М. В. Ломоносов“, виден българист и изследовател на приносите на М. Дринов.

В рамките на научния форум беше представена и монографията „Кобургите и Словакия“ на проф. д-р Роман Холец, учен с международна известност, научен сътрудник в Института по история на САН и преподавател в университета „Я. А. Коменски“ в Братислава. Книгата е плод на многогодишна изследователска работа в редица архиви в България, Германия, Словакия и САЩ; тя проследява цялостната история на рода Кобург, живота на българския монарх Фердинанд, основни моменти от българската история, свързани с личността и царуването му, и някои неизвестни детайли от неговата биография. Представянето на монографията беше направено от доц. д-р Н. Кочанков, който запозна аудиторията с основните приноси на труда на проф. Холец. По време на представянето самият професор с помощта на мултимедийни илюстрации демонстрира места в Словакия, където Фердинанд прекарва живота си след напускането на България.

Научният форум завърши с връчване на поздравителен адрес на проф. Цветана Тодорова по случай нейния 90-годишен юбилей. Проф. Ц. Тодорова е дългогодишен изследовател в Института за исторически изследвания на БАН, доайен на българските историци и учен с международна известност. В присъствието на свои колеги и възпитаници от различни поколения юбилярката произнесе слово, след което й беше поднесен букет рози с пожелание за творческо дълголетие. Посветена на Дения на будителите 1 ноември, Международната научна конференция „Българската хуманитаристика в контекста на европейското научно дирене“ по повод 175-годишния юбилей на проф. М. Дринов завърши със заключителни думи на проф. И. Тодев.

ВТОРОЕ ВСЕРОССИЙСКОЕ СОВЕЩАНИЕ СЛАВИСТОВ

E. C. Узенева

5–6 ноября 2013 г. в Москве, в Институте славяноведения РАН, прошло

Второе Всероссийское совещание славистов с международным участием, посвященное 110-летию первого Съезда славистов России.

В 2013 г. во всем мире и особенно в странах, где живут славяне, широко отмечают 1150-летие славянской письменности. Обретение славянами письменности – событие для России не менее значимое, чем создание 1150 лет назад древнерусского государства. Это большой праздник всех славянских народов, всей славянской культуры, всех славянских языков. Это большой праздник для России и русского языка.

Однако в 2013 г. отмечается еще один юбилей – 110-летие со дня первого Съезда русских славистов в Санкт-Петербурге. Съезд поставил много вопросов, актуальных до сих пор: о развитии славяноведении и трудностях на его пути, об общих чертах всего славянства, об издании славянской Энциклопедии, об издании церковнославянского словаля и церковнославянских памятников, об издании славянской библиографии, о состоянии славяноведения в российских университетах и создании в них славистических кафедр. Наконец, в 2013 г. отмечается еще одна дата – 10-летие проведения Институтом славяноведения РАН первого Всероссийского совещания славистов (23–24 октября 2003 г.). На нем также было рассмотрено состояние отечественного славяноведения и сформулированы стоящие перед ним задачи.

На Втором Всероссийском совещании славистов в Москве были проанализированы состояние и задачи российского и мирового славяноведения на новом этапе развития. На нем также были рассмотрены итоги XV Международного съезда славистов, состоявшегося в Минске в августе 2013 г. Таким образом, Всероссийское совещание славистов с международным участием состоялось в соответствии с замыслом организаторов как последнее и самое крупное научное событие юбилейного года славянской письменности. Оно было ориентировано на сохранение, координацию и поддержку славистических исследований как национального достояния русского и других славянских народов, неотъемлемой части культурного и духовного наследия европейской и мировой цивилизации.

Всероссийское совещание славистов было направлено на решение следующих задач, которые были успешно решены:

1. Актуализация проблематики исторических, лингвистических и литературоведческих исследований в славистике.
2. Выявление общего и особенного в развитии современной славистики в России и за рубежом.
3. Пропаганда знаний о славянской истории, письменности и культуре.
4. Расширение преподавания предметов, связанных со славянской письменностью и культурой в вузах и школах страны.
5. Обмен научно-педагогическим опытом в преподавании дисциплин славистического цикла в университетах Российской Федерации.
6. Повышение квалификации преподавателей-славистов и русистов вузов РФ.
7. Вовлечение лучших аспирантов и студентов-славистов в работу Совещания.

Организатором конференции выступил Институт славяноведения РАН – ведущее академическое учреждение страны, проводившее разыскания в области славистики в течение последних 67 лет.

На конференции прошла работа 11 различных секций и 6 конференций:

СЕКЦИЯ «История славянских народов: новые подходы и достижения в изучении национального и государственно-политического развития»

Модераторы: Никифоров К. В., Макарова И. Ф., Волокитина Т. В., Искендеров П. А.

СЕКЦИЯ «Проблемы преподавания славистических дисциплин в вузах России и за рубежья»

Модераторы: Узенёва Е. С., Старикова Н. Н.

СЕКЦИЯ «История изучения восточного славянства: проблематика, методология, перспективы»

Модераторы: Левкиевская Е. Е., Борисёнок Е. Ю., Лукашова С. С.

СЕКЦИЯ «Изучение письменных памятников кирилло-мефодиевской традиции: методики современных исследований»

Модераторы: Ефимова В. С., Савельева Н. В., Чернышева М. И.

СЕКЦИЯ «Применение комплексных интердисциплинарных методов при решении актуальных этноязыковых и этнокультурных проблем современности»

Модераторы: Нещименко Г. П., Кадерка П.

ЧТЕНИЯ «*Studia Byzantino-Slavica* памяти Г. Г. Литаврина»

Модераторы: Флоря Б. Н., Иванов С. А.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «Проблемы этнолингвистики»

Модераторы: Толстая С. М., Плотникова А. А., Агапкина Т. А., Гура А. В., Валенцова М. М.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «Типология славянских переселенческих говоров (по материалам полевых исследований 2010-х гг.)»

Модератор: Скорвид С. С.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «Славянский путь»

Модераторы: Яблоков Е. А., Злыднева Н. В., Свирида И. И., Лескинен М. В.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «Этноконфессиональные представления славянских народов в составе империй раннего Нового времени»

Модератор: Акимова О. А.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «Справочный аппарат археографии. Проблемы составления справочных изданий и сводных каталогов»

Модератор: Мельников А. В.

Кроме того, в рамках Второго Всероссийского совещания славистов прошли международные конференции, посвященные важным историческим датам: 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова, 400-летию Дома Романовых, 200-летию со дня рождения Т. Шевченко, 200-летию со дня рождения Петара II Петровича Негоша (митрополита, реформатора, поэта Сербии и Черногории), 135-летию установления дипломатических отношений между Россией и Болгарией и др.

1. «М. Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян». К 200-летию со дня рождения поэта.

2. «Петр Великий и политика России в отношении Речи Посполитой в XVIII веке».

3. Российско-болгарская Интернет-конференция «Российско-болгарская государственность: проблема взаимодействия. XIX–XXI вв.».

4. «Романовы в дороге». К 400-летию Дома Романовых (12–13 ноября 2013).

5. «Петар II Петрович Негош – митрополит, реформатор, поэт: 200 лет со дня рождения» 12–13 ноября 2013 г. (ИСл РАН – РУДН).

6. Электронный круглый стол

«М. Ю. Лермонтов в жизни и творчестве Тараса Шевченко и Ивана Франко»

<https://sites.google.com/site/lermontov200let/>

Программа совещания включала разнообразные по форме (секции, круглые столы, семинары, интернет-конференции, электронные круглые столы) и насыщенные по содержанию форматы работы. Прошли презентации новейших славистических изданий Института славяноведения РАН, Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН и др. институтов.

На заседаниях с докладами выступили 295 отечественных и зарубежных ученых-славистов различного гуманитарного профиля (лингвисты, историки, литературоведы, культурологи, этнографы и др.), представлявшие не только Москву (ИСл РАН, ИРЯ РАН, ИНИОН РАН, ИМЛИ РАН, МГУ, РГГУ, ВШЭ, ГАСК и др.) и Санкт-Петербург (СПбГУ, «Пушкинский Дом»), но и Белгород, Брянск, Волгоград, Владивосток, Екатеринбург, Йошкар-Олу, Казань, Курск, Магнитогорск, Нижний Новгород, Новосибирск, Орел, Оренбург, Ростов-на-Дону, Самару, Саратов, Ставрополь, Тамбов, Тверь, Уфу и др. (всего 47 славистов). Такое широкое представительство ученых из региональных научных центров на Всероссийском совещании славистов отмечается впервые. Зарубежная наука была представлена на конференции тридцатью учеными из славянских стран – Белоруссии, Болгарии, Македонии, Польши, Сербии, Словакии, Словении, Украины, Черногории, Чехии,

а также из Австрии, Германии, Киргизии, Литвы и Эстонии (всего 41 ученый). Вместе с гостями и слушателями (студентами, аспирантами, докторантами и преподавателями вузов Москвы) число участников насчитывало более 300 человек. Программа совещания представлена на сайте Института славяноведения РАН. См.: http://www.inslav.ru/images/stories/conf/2013_soveschanie_programma.pdf

На пленарном заседании были рассмотрены итоги развития академической и вузовской славистики за последние годы, а также тематика съездов славистов. С докладами выступили: *Никифоров Константин Владимирович* (директор Института славяноведения РАН) «Институт славяноведения РАН между двумя Всероссийскими совещаниями славистов (2003–2013 гг.)»; *Молдован Александр Михайлович* (Директор Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН) «Фундаментальные проблемы в тематике съездов славистов»; *Ананьев Наталья Евгеньевна* (заведующая кафедрой славянской филологии МГУ им. М. В. Ломоносова) «Некоторые итоги и перспективы славянской филологии в XXI в.»; *Матвеев Геннадий Филиппович* (заведующий кафедрой южных и западных славян МГУ им. М. В. Ломоносова) «Подготовка историков-славистов в условиях реформирования высшей школы»; *Ковтун Елена Николаевна* (профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (заведующая кафедрой славистики и центрально-европейских исследований РГГУ) «Российская вузовская славистика сегодня: проблемы и перспективы развития».

Особо стоит упомянуть о российско-болгарской электронной конференции «Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия. XIX–XXI вв.», проходившей в рамках Второго всероссийского совещания славистов. Подобная интерактивная форма проведения конференций практиковалась в Институте славяноведения РАН впервые. В конференции приняли участие 16 человек. С российской стороны – д.и.н. Р. П. Гришина, д.и.н. Т. В. Волокитина, д.и.н. В. И. Косик, к.и.н. Е. Л. Валева, к.и.н. И. Ф. Макарова, к.и.н. М. М. Фролова. С болгарской стороны участвовало 10 человек: из Института исторических исследований БАН – проф. Л. Ревякина, доц. Тамара Стоилова, доц. Илияна Марчева, доц. Румяна Богданова, гл. ас. Пенка Пейковска, гл. ас. Ирина Григорова, гл. ас. Надя Филипова; из Софийского университета им. Св. Климента Охридского – проф. Искра Баева, доц. Дарина Григорова и доц. Наталия Христова из Нового болгарского университета. Научное общение по скайпу длилось с 14.30 до 17.00 по московскому времени. За это время были обсуждены доклады участников конференции, заданы вопросы и получены ответы, а также прочитаны доклады, тезисы которых не были присланы заранее. В частности, доц. д-р Румяна Богданова (Институт исторических исследований БАН) прочитала свой доклад «Постскриптум в памятниках: о времени, когда социализм был знаменем нашей государственности, увиденной через монументальное искусство».

Первый опыт научного общения по скайпу был признан удачным и высоко оценен болгарскими коллегами. В своих отзывах они особенно подчеркивали, что получился живой диалог, живой обмен мнениями, на который при традиционном ведении конференции нередко не хватает времени. Однако и российские, и болгарские ученые считают, что, несмотря на высокие технологии, конференции по скайпу, какими бы плодотворными они не были, не могут заменить реального научного общения.

Второе Всероссийское совещание объединило академическую и ведомственную науку, высшую школу на уровне национальных, федеральных и региональных учебных заведений, в том числе в лице преподавателей гуманитарных кафедр негуманитарных вузов, музеев и пр. В программе конференции было отведено много времени для дискуссии, в которую активно включались не только докладчики, но и аудитория.

На заключительном пленарном заседании были определены основные итоги совещания и сделан вывод о том, что славистика динамично развивается, превратилась в мощное, признанное на мировом уровне научное направление, позволяющее отстаивать научные и государственные интересы России.

Всероссийское совещание показало необходимость расширения преподавания в ВУЗах истории и культуры Украины и Белоруссии в форме спецкурсов по проблемам, прежде всего русско-украинских и русско-белорусских отношений, которые часто являются полем острой полемики между учеными. В данном случае ученые Академии наук могли бы оказать ВУЗам значительную помощь.

В условиях стагнации гуманитарного образования и сокращения бюджетных мест, сужения перечня преподавания славистических дисциплин участники совещания предложили следующие решения проблем вузовской славистики: мультикультурность (регионализм) как основной принцип подготовки (одновременное изучение многих языков и культур); усиление славистического компонента русистики: образовательные программы «Русская и славянская филология»; расширение славистической магистерской подготовки; «популяризаторская деятельность»: славистические курсы для неспециалистов (в том числе негуманитариев).

Ученые сделали заключение о том, что результаты представленных научной общественности исследований могут быть использованы в сфере преподавания славистических дисциплин на кафедрах истории славян, славянской филологии, славистики, славянского и общего языкознания университетов Российской Федерации и других славянских стран; для установления контактов и выполнения совместных научных проектов между славистическими исследовательскими центрами Российской Федерации и зарубежных стран.

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ОСМАНИСТИКЕ В ХАРЬКОВЕ

O. V. Моргун

5 февраля 2014 г. в Центре болгаристики и балканских исследований имени М. Дринова Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина состоялся научный симпозиум «Османский фактор в истории Центральной и Юго-Восточной Европы Нового времени». Существенную помощь в его проведении окажало Харьковское представительство Международного общества бизнесменов Украины и Турции (TUID).

С вступительным словом выступил заведующий кафедрой новой и новейшей истории ХНУ имени В. Н. Каразина, иностранный член Болгарской академии наук профессор М. Г. Станчев, подчеркнувший, что подобного рода научный форум по османистике впервые проводится в стенах Каразинского университета. Обращение к этой проблеме вполне обоснованно, поскольку история Украины и Балкан тесно переплетена с историей Османской империи. Основы украинской османистики были заложены еще академиком А. Крымским в начале XX в. Однако до сих пор история Османской империи чаще всего рассматривалась сквозь призму русско-турецких войн или истории Запорожской Сечи. М. Г. Станчев выразил мнение, что одна из целей симпозиума – предоставить трибуну новому поколению османистов, подготовку которых начала кафедра новой и новейшей истории ХНУ имени В. Н. Каразина.

От имени директора Харьковского представительства TUID Ф. Алиева приветствие произнес А. Балаев, учредитель фирмы “Sofigroup” («Учеба за рубежом»). Господин А. Балаев обратил внимание на заинтересованность турецкой общественности в популяризации истории и культуры Османской империи за рубежом вообще и в Украине в частности. Симпозиум является важным звеном в этом процессе, создавая дополнительные стимулы для научных поисков.

Вступительное слово доцента кафедры новой и новейшей истории ХНУ А. Тумакова началось со ссылки на фразу, произнесенную в мае 1971 г. на ориенталистской конференции в Висконсинском университете К. Карпатом: «Османская история – падчерица исторических исследований». Было указано, что сегодня данный тезис потерял свою актуальность, так как за последние десятилетия были достигнуты весомые результаты в изучении социально-экономической и культурной истории Османского государства. Также существенно расширился круг используемых источников за счет сосредоточенных в Турции архивных материалов, которые стали важным дополнением к наблюдениям европейских современников османов.

Работа симпозиума была разделена на два заседания. Первое из них открылось докладом А. Леонтьевой (Институт славяноведения РАН) «Сиджиллы (кадийские регистры) как источник по истории болгарских земель в составе Османской империи (на примере материалов Софии)», где автор проанализировала сиджиллы, хранящиеся в фондах Ориентального отдела Национальной библиотеки имени Святых Кирилла и Мефодия в Софии. А. Леонтьева определяет объект всего исследования как протокольные книги входящей и исходящей документации, которые велись в кадийских судах Османской империи в XV–XIX вв. Сиджиллы содержат богатую информацию о политической и социально-экономической истории отдельных регионов Османского государства. В докладе была рассмотрена история публикаций сиджиллов с акцентом на презентативность данного вида источников для истории Болгарии. В частности, сиджиллы показывают темпы исламизации в Болгарии и факторы, способствующие принятию ислама. В ходе дискуссии особый интерес вызвал тезис о том, что многие немусульмане предпочитали пользоваться услугами кадийских судов, которые предоставляли населению весьма широкие права.

А. Попов (ХНУ им. В. Н. Каразина) представил доклад «Казацко-турецкие военные конфликты XVI – первой половины XVII вв. в контексте идеологического кризиса Османской империи». Докладчик указал, что хотя проблема взаимодействия Запорожской Сечи с Ottomanской Портой является достаточно популярной в Украине, в турецкой историографии данному сюжету уделяется меньше внимания: как правило, в контексте отношений Стамбула с Москвией и Речью Посполитой. Изучая историю казацких походов

на территорию Османского государства, А. Попов приходит к заключению, что они стали косвенной причиной янычарских восстаний в первой половине XVII в., приводивших к возведению на престол «султанов-марионеток».

В докладе Д. Журавлева (ХНУ им. В. Н. Каразина) «Украинско-османские отношения последней трети XVII в. и „турецкий проект“ гетмана П. Дорошенко» рассматривается политика украинского гетмана, которому, благодаря «османской карте», в сложнейшей geopolитической обстановке удалось временно объединить земли казацкой Украины. Активные отношения между П. Дорошенко и Ближнательной Портой стали развиваться после подписания в 1667 г. Андрусовского перемирия. Д. Журавлев выделяет три этапа в истории «османской протекции» гетмана П. Дорошенко: 1669 г. – переговоры таковой в рамках политики поливассалитета и провозглашение протекции на казацкой раде в Корсуне; 1669–1672 гг. – реализация договоренностей и одновременные переговоры о польской протекции; 1672–1675 гг. – непосредственная дипломатическая и военная поддержка османами Правобережной Украины и отказ П. Дорошенко от султанского протектората.

О. Моргун (ХНУ им. В. Н. Каразина) в докладе «Аяны и европеизация Османского государства (XVIII – начало XIX в.)» обозначает аянов как социальную прослойку, сложившуюся в Османском государстве в конце XVI–XVIII вв. из представителей местных элит, которые коренным образом отличались от назначаемой из центра бюрократии. Обращалось внимание на то, что формирование социальной прослойки аянов происходило в условиях децентрализации, не предполагавшей, однако, дезинтеграцию государства. Автор считает, что аяны были внутренним фактором, во многом определившим направленность и динамику реформ в конце XVIII – начале XIX в. О. Моргун приходит к выводу, что, с одной стороны, аяны поддерживали старые порядки, а, с другой, выразили готовность способствовать реализации реформ Алемдера Мустафа-паши. Однако европеизация предполагала централизацию Османского государства, для чего следовало подорвать могущество аянов.

Завершила работу первого заседания Л. Гарник (ХНУ им. В. Н. Каразина) докладом «Османская империя на пути к абсолютизму: трансформация политических институтов в конце XVIII – начале XX в.». Актуальность данной темы вытекает из современных социально-политических процессов, в свете которых не только Турция, но и ряд других государств, включая Украину, озабочены выбором дальнейшего направления развития. Л. Гарник расценивает Османскую империю как политический и исторический феномен, сущность которого можно раскрыть с помощью анализа ее социально-политических структур. Исследование расширяет и углубляет представление о специфике эволюции обществ Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы в Новое время, оказывающей, в свою очередь, важное влияние на развитие современных государств данных регионов.

На втором заседании было заслушано 6 докладов.

Один из них – «Кипр: от османского господства к британскому правлению (последняя четверть XIX ст.)» – подготовила К. Артамонова (ХНУ им. В. Н. Каразина). Автор констатировала, что со второй половины XIX в. началась борьба великих держав за Кипр – важнейший центр Восточного Средиземноморья. Великобритания, воспользовавшись ослаблением Османского государства после очередной войны с Российской империей, в 1878 г. перевела Кипр, формально остававшийся владением османского султана, под свое управление. К. Артамонова дала оценку отношениям между английской администрацией и Кипрской православной церковью, выступающей от имени греческого населения Кипра, большая часть которого позитивно восприняла протекторат христианской Англии.

А. Пригарин (Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова) в докладе «Османский вариант панславизма на фоне Крымской войны: Михаил Чайковский как Садык-паша», опираясь на комплекс источников, проводит анализ своеобразного варианта панславизма средины XIX в., возникший и получивший распространение в пределах Османской империи благодаря идеям польского эмиссара, поступившего на службу к османскому султану – Михаилу Чайковскому (Мохамед Садык-паша). Автор показал, что М. Чайковский, стремясь к возрождению славян под султанским протекторатом, видел своей целью объединение славянства для борьбы с Российской империей. Своебразной попыткой на этом пути стала организация во время Крымской войны «Османского каза-

чьего войска» (1853–1868 гг.). Однако планам М. Чайковского не суждено было сбыться. Тем не менее, исследование идей и деятельности М. Чайковского позволит существенно обогатить историю «долгого XX века», полагает А. Пригарин.

С. Фалько (Академия внутренних войск МВД Украины, г. Харьков) представил доклад «Модернизация османской армии во второй половине XIX в. глазами офицеров Генерального штаба России», в котором проследил процесс военной модернизации Османского государства, проходивший вместе с административными, финансовыми, аграрными и прочими реформами в эпоху Танзимата и последующие годы. Изучая труды русских офицеров, которые составлялись на основе как османских, так и западноевропейских источников, докладчик установил, что их оценки заметно изменились после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., продемонстрировавшей профессиональные навыки и боевой дух османской армии. С этого времени исчезает сравнение османов с отсталыми азиатскими армиями и распространяется мнение об организации османских вооруженных сил по примеру европейских армий, что говорит о заметных успехах реформаторов после проведения военной реформы 1869 г.

В докладе М. Гусейнова (ХНУ им. В. Н. Каразина) ««Турецкий след» в восстаниях тюркских народов Российской империи в годы Первой мировой войны» рассматривается положение тюркских народов Средней Азии в составе Российской империи накануне и во время Первой мировой войны, а также предпосылки и причины восстания. Автор раскрыл роль Османской империи, которая прибегала к использованию специальной агентуры для подготовки выступления. М. Гусейнов считает, что несмотря на весомое значение османской агитации, основная причина восстания крылась в политической и социально-экономической ситуации в среде тюркских народов, обратив внимание на необходимость дальнейшего исследования проблемы.

М. Проценко (ХНУ им. В. Н. Каразина) в докладе «Турецкие страницы истории Харькова» рассмотрел в исторической ретроспективе разносторонние связи между Харьковом и Турцией, акцентируя внимание на политических, экономических, культурных отношениях, восходящих к XVIII в. Докладчик особо отметил, что в 1920–1930 гг. изучением истории Османского государства занимались сотрудники Всеукраинской ассоциации востоковедения при Народном комиссариате просвещения УССР. В это время в Харькове было организовано преподавание турецкого языка. С турецкими мотивами были связаны исследования востоковедов Б. Дорна, П. Риттера, А. Ковалевского. Автор зафиксировал также активизацию турецких дипломатических миссий в Харькове, когда город был столицей УССР. В заключение доклада, М. Проценко выразил надежду на энергичное развитие разносторонних контактов между Харьковом и Турцией в ближайшем будущем.

О. Микитенко (Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии имени М. Ф. Рильского НАН Украины) выступила с докладом «Турецкие источники формулы бесчисленности в сербской лиро-эпической традиции». Доклад освещает обозначенную высокой частотностью формулу, которая направлена на гlorификацию образа. На конкретных примерах было продемонстрировано, что противопоставление письмо – природа составляет основу метафорического обобщения, функционально построенного как гипербола с pragmatикой передачи невозможности пересчитать (ославить) погибших. При этом происходит сопоставление элементов искусства письма с элементами природы (бумага – чернила, перо – поле, море, дерево). О. Микитенко устанавливает, что в отличие от европейской традиции, в которую данная формула приходит с византийских канонизированных текстов, в сербском эпосе, представленном, в частности, песнями-плачами, заметно влияние турецких источников. Вместе с тем в сербской традиции эта формула приобрела четкое эпическое звучание и связана с топосом Косового поля.

Подвел итоги симпозиума директор Центра болгаристики и балканских исследований имени М. Дринова С. Страшнюк, сообщивший о намерении опубликовать заслушанные доклады восьмом томе «Дриновского сборника».

IN MEMORIAM

ЩЕ ОДНА ВТРАТА УКРАЇНСЬКОЇ БОЛГАРИСТИКИ

Ю. Л. Булаховська

Вікторія Олександрівна Захаржевська (24.11.1932–21.11.2012) була видатною постаттю в середовищі літературознавців-слов'яністів другої половини ХХ – початку ХХІ століття, головним чином, у галузі болгаристики. Як відомо, її активна діяльність стосувалася не лише різних слов'янських літератур (болгарської, української, російської та польської), а й інших галузей філологічної науки – мовознавства й фольклористики.

Згадаймо й пізнішу активну організаторську роботу Вікторії Олександрівни в контексті славістичних досліджень в Україні – по лінії педагогічній, викладацькій та навіть письменницькій (як обдарованої поетеси), а також як кваліфікованого перекладача й упорядника багатьох видань, стосовних болгаристики.

У 1954 році Вікторія Олександрівна закінчила слов'янське відділення філологічного факультету Київського державного університету імені Тараса Шевченка. За своїм безпосереднім фахом вона була полоністом, але пізніше зосередилася на вивченні саме болгарських літературних явищ ХХ століття, а також болгарських літературних взаємин з іншими слов'янськими літературами. У колі її зацікавлень було й мистецтво: музичне й образотворче.

Вікторія Олександрівна Захаржевська була авторкою численних статей у періодичному виданні «Слов'янське літературознавство й фольклористика» (18 випусків); вибраних статей, присвячених болгарській тематиці, під поетичною назвою «Симфонія муз», опублікованих у видавництві «Поезия» при журналі «Ренессанс» (2008 р.); статей-доповідей (індивідуальних та колективних) на Міжнародних з'їздах славістів, де вона брала активну участь, зокрема, як доповідач (колективна доповідь українських філологів на чолі з М. Т. Рильським у 1964 році; колективна доповідь у співавторстві з Ю. Л. Булаховською та І. Ю. Журавською на Міжнародному з'їзді славістів у Києві (1983 р.) про літературні зв'язки й жанрові особливості слов'янських літератур ХХ ст.); авторкою багатьох статей у періодичному виданні кафедри слов'янської філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка під назвою «Компаративні дослідження слов'янських мов і літератур пам'яті академіка Леоніда Булаховського», де є окремі розділи, присвячені мовознавству й літературознавству. Щодо статей В. О. Захаржевської, то їхня тематика є надзвичайно різноманітною, наприклад: Леся Українка і культурний світ; типологія зіставлення творчості Благи Димитрової і Ліні Костенко; сучасний театр – мала сцена тощо.

Головний літературознавчий доробок В. О. Захаржевської – це її монографічні дослідження в галузі болгарської літератури ХХ століття: «Болгарська революційна поезія 30-х – початку 40-х років ХХ-го століття» (1971 р.); «Димитр Димов» (1978 р.); «Людмил Стоянов» (1982 р.); «Українсько-болгарські літературні взаємини ХХ століття» (1989 р.). Вона – одна з авторів фундаментальної колективної праці «Українська література в загальнослов'янському і світовому літературному контексті» (в 5 томах). Це дослідження, здійснене під егідою академіка Г. Д. Вервеса, незаслужено залишилася поза увагою української наукової філологічної громадськості (з технічних та ідеологічних причин).

В. О. Захаржевська переклала українською мовою окремі твори Д. Димова, П. Вежинова, К. Калчева, Б. Райнова, Е. Станева, Й. Радичкова, В. Зарєва та інших авторів.

В. О. Захаржевська – кандидат філологічних наук (1981 р.); з 1980 р. – учений секретар Українського комітету славістів. З 1957 р. протягом багатьох років вона працювала науковцем у відділі слов'янських літератур Інституту літератури імені Т. Г. Шевченка Національної Академії наук України; потім – в Інституті фольклору й етнографії ім. Т. Т. Рильського цієї ж академічної установи.

Протягом останніх років свого життя В. О. Захаржевська працювала викладачем у приватному Київському славістичному університеті. Вона була нагороджена болгарським орденом Кирила і Мефодія (1976 р.).

Померла Вікторія Олександрівна несподівано, прямо напередодні свого вісімдесятиріччя, якого нетерпляче чекала. Вважаю, що вона була видатною болгаристкою післявоєнної доби й активним організатором славістики в Україні. Як особистість Вікторія Олександрівна заслуговує на повагу й пам'ять.

ПІШЛА У ВІЧНІСТЬ НАТАЛІЯ ШУМАДА

I. Горбань

Українська фольклористика зазнала важкої втрати. 5 листопада 2013 року, на вісімдесят сьому році життя відійшла у вічність відома вчена, талановитий педагог і перекладач

НАТАЛІЯ СЕРГІЙВНА ШУМАДА (17.06.1926–05.11.2013)

Цей світ залишила прекрасна, щира і чуйна людина, яскрава та непересічна особистість, одна із найавторитетніших постатей сучасної української фольклористики, знаний славіст, автор численних наукових та науково-популярних праць.

Наталія Сергійвна прожила яскраве життя, наповнене цікавими подіями, творчими удачами і звершеннями. Їй вдалося всебічно реалізуватися у своїй професійній діяльності – доктор філологічних наук, професор, провідний науковий співробітник Інституту мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Рильського НАН України (ІМФЕ), заступник голови спеціалізованої Вченої ради із захисту кандидатських та докторських дисертацій в ІМФЕ, член експертної комісії ВАК України, завідувач кафедри філології Інституту театрального мистецтва ім. І. Карпенка-Карого (тепер – Київський державний університет театру, кіно і телебачення імені І. К. Карпенка-Карого), член Комісії зі слов'янського фольклору при Міжнародному комітеті славістів, почесний член Товариства філологів Болгарії, член редколегії журналів «Народна творчість та етнографія», «Народознавчі зошити», «Слов'янський світ», «Міфологія і фольклор» та ін.

Наталія Сергійвна Шумада народилася 17 червня 1926 р. у селі Ладан Чернігівської області. Закінчила філологічний факультет Київського державного університету ім. Т. Г. Шевченка (тепер – Київський національний університет імені Тараса Шевченка). Працювала вчителькою та редактором Республіканського видавництва дитячої літератури. Після цього понад півстоліття її життя і наукова діяльність були пов’язані з ІМФЕ, де вона пройшла шлях від аспіранта до провідного наукового співробітника.

У науковій спадщині Н. С. Шумади залишилося понад 200 наукових публікацій. Автор монографій, навчальних посібників та статей, упорядник оригінальних збірників і антологій українського та болгарського фольклору, член редколегії й співавтор колективних монографій та спільніх українсько-болгарських видань, присвячених взаємовідносинам культур цих народів. Була, зокрема, одним із відповідальних редакторів фундаментально-го двотомного збірника болгарського фольклориста-музикознавця Н. Кауфмана «Народните песни на българите от Украинска и Молдавска ССР» (1982, спільне видання Інституту музики Болгарської АН та ІМФЕ).

До широкого кола наукових інтересів Наталії Сергійвні належали проблеми міжслов'янських фольклористичних взаємин, історії фольклористики та сучасного стану фольклору у загальнослов'янському контексті. Пріоритетні напрямки її досліджень – українсько-болгарські фольклористичні зв’язки та пісенна культура болгарського народу, зокрема фольклор болгарської діаспори в Україні. У цій галузі вона була визнаним авторитетом не тільки в Україні, а й в інших слов'янських країнах, де неодноразово виступала на таких представницьких форумах як Міжнародні конгреси болгаристів і Міжнародні з’їзди славістів, засідання Міжнародної комісії з вивчення культури та побуту населення Карпат і Балкан (МККБ), конгреси Міжнародного товариства дослідників етнології та фольклору (SIEF) й ін. Як член Комісії зі слов'янського фольклору при Міжнародному комітеті славістів брала участь у координації роботи спеціалістів з дослідження проблем сучасного слов'янського фольклору.

Яскрава сторінка біографії Н. С. Шумади – експедиційна діяльність, у ході якої вона збирала польові матеріали для своїх досліджень. Значна частина цих матеріалів опублікована у поважних наукових виданнях України і Болгарії, а також оприлюднена у численних доповідях та виступах на різноманітних конференціях.

Важливе місце у багатогранній діяльності Наталії Сергіївни займала педагогічна праця. Впродовж багатьох років вона очолювала кафедру філології Київського державного інституту театрального мистецтва ім. І. К. Карпенка-Карого, читала лекції зі слов'янського фольклору студентам Київського державного університету ім. Т. Г. Шевченка, Київського славістичного університету, Університету м. Благоєвград (Болгарія), Криворізького педагогічного інституту та інших навчальних закладів.

Значну увагу Н. С. Шумада приділяла підготовці наукових кadrів вищої кваліфікації. Неодноразово вона виступала під час захистів дисертацій як офіційний опонент, консультувала сотні дослідників з України, Болгарії, Росії, Словаччини. Наталія Сергіївна також опікувалася низкою аспірантів та докторантів, які стали помітними вченими, дипломатами, журналістами, працівниками різних громадських організацій. Вона була надзвичайно відповідальним наставником, щедрим на цікаві ідеї й доброзичливим до своїх учнів.

Упродовж багатьох років Н. С. Шумада була активним популяризатором болгарської культури та народно-поетичної творчості в Україні: писала біографічні статті про видатних діячів болгарської науки минулого і сучасності, перекладала праці болгарських фольклористів, готувала рецензії на їхні дослідження та збірники болгарської народно-поетичної творчості, публікувала огляди, присвячені аналізу сучасного стану болгарської фольклористики, та розвідки, в яких висвітлювала важливі події у науковому житті Болгарії, включала окремі болгарські твори як в оригіналі, так і у власному перекладі до своїх наукових праць.

Відома Наталія Сергіївна і як сценарист. Адже їй належать сценарії телепередач «Шукачі скарбів народних» та низки телепередач із серії «Живе слово» на Українській студії науково-популярних і навчальних фільмів.

Активну професійну діяльність Н. С. Шумада завжди поєднувала з громадською роботою. Тривалий час вона була членом фольклорної секції республіканського Товариства охорони пам'яток культури, плідно працювала в українському відділенні Товариства радянсько-болгарської дружби, де неодноразово обиралася членом правління. До останніх днів підтримувала контакти з представниками болгарської громади в Україні, серед яких користувалася великим авторитетом та повагою.

Наукова, педагогічна, перекладацька, публіцистична та громадська праця Наталії Сергіївни Шумаді гідно оцінена урядовими нагородами та почесними грамотами. Її нагороджено орденом Кирила і Мефодія (Болгарія) й низкою медалей, а також відзначено двома почесними грамотами Посольства Республіки Болгарія в Україні, Почесними грамотами Президії НАН України, Союзу радянських товариств дружби і культурних зв'язків із зарубіжними країнами (ССОД), ІМФЕ та видавництва «Веселка». В 1986 р. Н. С. Шумаду обрали почесним членом Товариства філологів Болгарії.

Широко відома в наукових колах, вона назавжди залишиться одним з найкращих фахівців-фольклористів не тільки в Україні, а й у всьому слов'янському світі. Збережеться у пам'яті всіх, кому довелося спілкуватися з нею, бо мала навдивовижу цінні людські якості. Любила життя в всіх його проявах, зналася на історії й мистецтві, була цікавим співрозмовником, веселим оповідачем, людиною широкої душі....

У глибокій скорботі розділяємо біль втрати з рідними, друзями, колегами – усіма, хто знов і шанував Наталію Шумаду.

Вічна пам'ять її світлій душі.

Иссяк степной родник...

ПАМЯТИ САВЕЛИЯ ЗАХАРОВИЧА НОВАКОВА (1935–2013)

М. Г. Станчев

Весть о внезапной кончине 25 декабря 2013 г. моего земляка, учителя истории и родственника Савелия Захаровича Новакова застала меня врасплох. Я только что вернулся из Болгарии, где мы с ним обсуждали его книгу о кортенских сказках, которую он подготовил к печати. Именно с ним одним из первых я поделился радостью о моем избрании Иностранным членом Болгарской академии наук. Он как всегда называл меня – «мойту момчे» (мой мальчик)! Я всегда гордился тобой и очень рад этой заслуженной награде!». При этом попросил его приехать в мае с.г. в Софию, в Президиум Болгарской академии наук на церемонию вручения. Савелий Захарович с радостью согласился. Родился С. З. Новаков на старый Новый год – 14 января 1935 года в болгарском селе Кирютня Конгазского района Бендерского уезда Молдовы, входившей тогда в состав Румынии. Ныне – это село Кортен Тараклийского района Республики Молдова. Дом, в котором он родился и вырос, находился напротив нашего дома. Его отец Захарий Новаков и моя мама Евфимия Новакова были двоюродными братом и сестрой. Неоднократно Савелий Захарович рассказывал мне о своем босоногом детстве, о том, как начинал учиться в румынской школе, а после войны – в советской. После окончания школы в родном селе поехал учиться «на учителя» в Кишинев, поступив в 1954 г. на исторический факультет Молдавского государственного университета. После его окончания в 1958 г. вернулся в родное село и преподавал историю в средней школе.

Моя семья вернулась в 1956 г. из Казахстана, куда были высланы во времена сталинских репрессий мой дед и бабушка в 1941 г., затем отец в 1945 г., а потом мама и мои два старших брата – в 1949-м. Я родился уже в ссылке, мать моя умерла, когда мне было 2 года, и я ее, разумеется, не помню. По возвращению в Молдавию все наше имущество было конфисковано, и отец начал строить новый дом как раз напротив дома Савелия Захаровича. Когда в 1960 г. пришла пора идти в школу, он ходатайствовал, чтобы меня взяли сразу в первый класс (дети болгар учились в нулевых классах, чтобы изучить русский язык), т.к. я знал русский язык и свободно на нем говорил. Как это ни странно, но мы, «казахстанские дети», и сейчас, встречаясь, разговариваем между собой на русском языке. Это и не удивительно, ведь там в далеких казахских степях в одном дворе росли дети болгар, молдаван, русских, украинцев, гагаузов, немцев и других национальностей.

После многолетней работы в нашем селе, Савелия Захаровича пригласили директором школы в село Татар-Копчак, где он трудился до 1969 г. Будучи школьным учителем, он прививал нам любовь к родному краю, старался направить наше любопытство и знание в «нужное русло». А ведь в советское время интересовался, кто мы, не очень-то было принято. Откуда появились болгары и гагаузы в наших местах? Как и кем было основано село? На эти вопросы помогла ответить опубликованная в 1966 г. издательством «Карта молдовеняскэ» его первая на 50 страницах книжечка «Степной родник», написанная к 20-летию нашего колхоза и в популярном виде рассказывающая об истории переселения болгар в Россию в начале XIX века. Тогда впервые от Савелия Захаровича мы узнали, что в Болгарии существует такое же село, но с другим названием – Кортен.

С. З. Новаков приложил немало усилий, беготни по райкомам и ЦК Компартии Молдавии, чтобы к нам в село приехали представители болгарского Кортена. Было это в сентябре 1965 года. По селу прошелся слух, что «болгары приезжают», и нам страшно хотелось увидеть, как же выглядят настоящие болгары из самой Болгарии. Шла пора сбора винограда. Автобус с делегацией мы встретили на границе села. Люди побросали работу и вышли встретить желанных гостей. Небольшой оркестр, который был в составе делегации, заиграл болгарское хоро, и все вместе взялись за руки и стали танцевать прямо на дороге. Потом приехали в центр села и стали ждать, когда руководство колхоза «распишет» людей по домам, но когда вышли оглашать список, оказалось, что большую часть делегации люди сами «разобрали», т.к. нашли и родственников. В Доме культуры состоялся

совместный концерт силами художественной самодеятельности села и гостей. Какой-то болгарский профессор (мы тогда впервые увидели живого профессора) читал нам лекцию о Болгарии. Но, главное, люди жили в семьях и смогли поближе узнать друг друга. Мы до сих пор поддерживаем отношения с болгарским Кортеном, да и сами в 1990 г. вернули себе свое историческое название – Кортен. Не было случая, чтобы я, будучи в Болгарии, не заехал в болгарский Кортен. Туда, после окончания Кишиневского медицинского института, переселился сын Савелия Захаровича – Михаил Савельевич, или, как его там называют, «доктор Новаков». В болгарский Кортен, к сыну, но значительно позже, переселился и сам Савелий Захарович…

Выход книжечки о родном селе открыл дорогу С. З. Новакову в аспирантуру, в Институт истории Академии наук Молдавской ССР, куда он и поступил в 1969 г. Темой его диссертационной работы было «Укрупнение колхозов Молдавской ССР в 1950–1965 гг.», которую он успешно защитил в 1978 г. в Киеве. Сразу же после окончания аспирантуры, в 1972 г., стал младшим научным сотрудником Института истории АН Молдовы, где он и проработал до 1977 г. После успешной защиты диссертации молодому по тем временам (а Савелию Захаровичу было уже 43 года) кандидату наук предложили стать Ученым секретарем отделения общественных наук Академии, где он и проработал до 1990 г. Помню, как после окончания Харьковского государственного университета в 1975 г., я поехал в Кишинев, к Савелию Захаровичу домой. Дина Михайловна, его очаровательнейшая супруга, меня накормила и напоила чаем, а мы с Савелием Захаровичем уединились поговорить. Он, как всегда, начал: «Мойту момче! Я хочу создать отдел болгаристики в Институте истории, который бы занимался проблемами болгар в историческом, этнографическом и лингвистическом плане, и мне нужны молодые кадры». Мы пошли с ним к одному из руководителей отдела этнографии Института истории В. С. Зеленчуку, однако последний ответил, что свободных мест в аспирантуре нет. Таким образом, моя мечта заниматься бессарабским болгарами у себя на родине и стать аспирантом Института истории АН Молдовы осталась нереализованной. Так я остался в Харькове, где до сих пор живу и работаю, приложив усилия к созданию при Харьковском университете, где традиции болгаристики всегда были сильны, Центра болгаристики и балканских исследований имени М. Дринова.

Но идея создать отдел болгаристики не выходила из головы С. З. Новакова, да и кадры к концу 1980-х гг. по этой проблематике стали «подтягиваться» в республике. Еще жив был К. Поглубко, приехал в Кишинев молодой и подающий надежды И. Грек, Н. Червенков, И. Забунов, Л. Степанова, Е. Челак и др. В 1989 г., в перестроечные годы, пользуясь благоприятной политической обстановкой в стране, Савелий Захарович смог реализовать свою мечту, и в Молдавской академии наук был создан отдел болгаристики, который с небольшим перерывом вплоть до своего отъезда в 2012 г. он возглавлял. Сейчас – это сектор этнологии болгар Института культурного наследия при Академии наук Республики Молдова, где работают прекрасные специалисты: Надежда Кара, Александр Ковалов, Емилия Банкова и Иван Думиника.

Всего в научном багаже скромного молдавского ученого было чуть более 200 статей и несколько монографий. Все его научное творчество связано с исследованием аграрной истории болгарских и гагаузских сел юга Молдовы, этнографии и культуры болгар республики. Многочисленные поиски по архивам Молдовы, Украины и Болгарии, конференции и симпозиумы давали богатый материал для исследований. С. З. Новаков был составителем сборника статей «Вопросы истории и культуры болгар Молдовы и Украины» (Кишинев: Штиинца, 1997), посвященного 120-летию начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В последние годы увидела свет его фундаментальная монография «Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел Южной Бессарабии» и его сборник статей «Болгарская общность в Молдове и Украине. XIX–XX вв.», в которых он скрупулезно исследовал хозяйственную жизнь местного населения юга Молдовы, а также традиции и культурное наследие родного края, биографические очерки известных болгар.

Однако среди всех его публикаций выделяются труды, посвященные истории и культуре родного села Кортен. Не случайно земляки и коллеги называют его «кортенским летописцем». После первой «ласточки» о моем родном селе появилась более обстоятельная книга С. З. Новакова и Н. Н. Червенкова «Прошлое и настоящее села Кирютня» (Кишинев: Штиинца, 1980. 93 с.). По прошествии лет, совместно со своим земляком и другом Гур-

гуроным Николаем Николаевичем, он выпускает в свет на болгарском и русском языках еще несколько книг об истории кортенских церквей и истории села Кортен. Последняя его солидная книга, написанная по всем научным канонам, – «Село Кортен. Времена и судьбы» (2009), была успешно представлена в болгарском Кортене. Мне посчастливилось участвовать в презентации книги и представлять ее читателям. Весь тираж, привезенный в Болгарию, был подарен местным жителям, которые обязательно хотели иметь экземпляр книги у себя дома. Так получилось, что в Болгарии никто так и не написал книгу о своем селе, поэтому на премьеру собрались все жители, приехали представители из других сел, имеющих тесные связи с Кортеном. Многочисленные выступавшие говорили об огромном интересе людей к истории родного края, состоялся концерт местных исполнителей. А кто не знает знаменитые кортенские вина и кортенскую ракию? А сколько их было выпито во время этих прекрасных торжеств под задушевные разговоры!

Последний раз мы виделись с ним во время III Международного конгресса болгаристики в мае 2013 г. Он выступал с докладом о культурном наследии болгар Бессарабии...

И сколько раз я бы не встречался с Савелием Захаровичем, он мне все рассказывал о своих планах. На сей раз он закончил собирать кортенские сказки и поговорки, практически подготовил сборник к печати. При этом часто повторял – вот переселиюсь в болгарский Кортен и напишу книгу об истории этого села, о чем просили его местные жители, среди которых он пользовался неподдельным уважением. Не успел..., уйдя в вечность, найдя покой в земле своих предков, и только старый и седой Балкан будет надежно беречь его покой.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

- Агансон Ольга Ігорівна** – кандидат історичних наук, старший науковий співробітник лабораторії нової та новітньої історії Європи і Америки історичного факультету Московського державного університету імені М. В. Ломоносова.
- Артамонова Ксенія Юріївна** – аспірант кафедри нової та новітньої історії історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Булаховська Юлія Леонідівна** – доктор філологічних наук, професор, академік Академії вищої школи України.
- Бутучел Родіка** – аспірант історичного факультету Санкт-Петербурзького державного університету.
- Велічкова Цвєтана** – керівник відділу «Інформації, реєстрації та використання документів» Наукового архіву Болгарської академії наук, м. Софія.
- Власенко Валерій Миколайович** – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії Сумського державного університету.
- Гоков Олег Олександрович** – кандидат історичних наук, доцент кафедри всесвітньої історії історичного факультету Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди.
- Горбань Ірина Павлівна** – кандидат філологічних наук, старший науковий співробітник Музею етнографії та художнього промислу Інституту народознавства Національної академії наук України.
- Готовська-Хенце Теодорічка** – доктор, старший науковий співробітник ІІ ст. Інституту історичних досліджень Болгарської академії наук.
- Грішина Рімма Петрівна** – доктор історичних наук, професор, провідний науковий співробітник Інституту слов'янознавства Російської академії наук, м. Москва.
- Гурінова Оксана Миколаївна** – кандидат історичних наук, м. Сіетл, Сполучені Штати Америки.
- Гусев Нікіта Сергійович** – аспірант Інституту слов'янознавства Російської академії наук, м. Москва.
- Джельська Антоанета** – доктор, доцент, викладач болгарської мови Мелітопольського державного педагогічного університету імені Богдана Хмельницького.
- Дроснева Елка** – доктор, доцент історичного факультету Софійського університету імені Св. Климента Охридського.
- Йолкін Анатолій Іванович** – кандидат історичних наук, доцент кафедри нової та новітньої історії історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Жванко Любов Миколаївна – доктор історичних наук, професор кафедри історії і культурології Харківського національного університету міського господарства імені О. М. Бекетова.
- Іванова-Істматкова Ані** – спеціаліст Софійського університету імені Св. Климента Охридського.
- Іващенко Вікторія Юріївна** – кандидат історичних наук, доцент кафедри історіографії, джерелознавства і археології історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна, директор Музею історії Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Іріоглу Юрій Олександрович** – кандидат історичних наук, доцент кафедри джерелознавства, історіографії та спеціальних історичних дисциплін Запорізького національного університету.
- Колесник Валентина Олександрівна** – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри болгарської філології Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.
- Кондратюк Григорій Миколайович** – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії Республіканського вищого навчального закладу «Кримський інженерно-педагогічний університет», м. Сімферополь.

Косік Віктор Іванович – доктор історичних наук, провідний науковий співробітник Інституту слов'яноznавства Російської академії наук, м. Москва.

Крючков Ігор Володимирович – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри археології і всесвітньої історії, декан факультету історії, філософії та мистецтв Північно-Кавказького федерального університету, м. Ставрополь.

Ліман Сергій Іванович – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри туристичного бізнесу Харківської державної академії культури.

Леонтьєва Анна Андріївна – молодший науковий співробітник Інституту слов'яноznавства Російської академії наук, м. Москва.

Манасієва Інна – доктор, головний асистент Інституту історичних досліджень Болгарської академії наук.

Микитенко Оксана Олегівна – доктор філологічних наук, провідний науковий співробітник Інституту мистецтвознавства, фольклористики та етнології імені М. Т. Рильського НАН України.

Миколенко Дмитро Валерійович – кандидат історичних наук, доцент кафедри нової та новітньої історії історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

Моргун Олег Володимирович – аспірант кафедри нової та новітньої історії історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

Муртузалиєв Сергій Ібрагімович – доктор історичних наук, професор, провідний науковий співробітник Інституту всесвітньої історії Російської академії наук, м. Москва.

Наум (Димитров) – митрополит Русенський Болгарської православної церкви.

Наумов Сергій Олександрович – доктор історичних наук, професор кафедри історії України історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

Ніколова Надежда – доктор, головний асистент кафедри етнолінгвістики Інституту болгарської мови Болгарської академії наук.

Палангурські Мілко – доктор історичних наук, професор Великотирновського університету імені Святих Кирила та Мефодія.

Парванов Петро – доктор, головний асистент економічного факультету Південно-Західного університету імені Неофіта Рильського, м. Благоєвград.

Пачева Валентина Миколаївна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри української мови, співробітник Центру болгаристики Мелітопольського державного педагогічного університету імені Богдана Хмельницького.

Посохов Сергій Іванович – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри історіографії, джерелознавства і археології, декан історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

Романюк Олександр Іванович – доктор політичних наук, професор кафедри філософії і політології Харківської державної академії культури.

Саган Галина Василівна – кандидат історичних наук, доцент кафедри всесвітньої історії Київського університету імені Бориса Грінченка.

Самойленко Наталія Іванівна – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії і права Полтавського національного технічного університету імені Юрія Кондратюка.

Самойленко Олександр Григорович – кандидат історичних наук, доцент, проректор з науково-педагогічної та методичної роботи Ніжинського державного університету імені Миколи Гоголя.

Свириденко Вікторія Олегівна – аспірант кафедри українознавства філософського факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

Сквозніков Олександр Миколайович – кандидат історичних наук, доцент кафедри теорії та історії держави і права Самарської гуманітарної академії.

Станчев Михаїло Георгійович – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри нової та новітньої історії історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна, Іноземний член Болгарської академії наук.

Стикалін Олександр Сергійович – доктор історичних наук, провідний науковий співробітник Інституту слов'яноznавства Російської академії наук, заступник головного редактора журналу «Славяноведение», м. Москва.

Страшнюк Сергій Юрійович – кандидат історичних наук, доцент кафедри нової та новітньої історії історичного факультету, директор Центру болгаристики та балканських досліджень імені Марина Дрінова Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

Стоянов Іван – доктор історичних наук, професор кафедри нової та новітньої історії Болгарії історичного факультету, начальник відділу «Науково-дослідницька, художньо-творча та видавнича діяльність» Великотирновського університету імені Святих Кирила та Мефодія.

Стоянова Ельза Петрівна – доктор філологічних наук, професор кафедри слов'янської філології Інституту славістики та міжнародних відносин Київського славістичного університету.

Татолі Тетяна Вікторівна – кандидат історичних наук, доцент Луганського державного університету внутрішніх справ імені Е. О. Дідоренка.

Турков Володимир Вікторович – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії України Сумського педагогічного університету імені А. С. Макаренка.

Узеньова Елена Семенівна – кандидат філологічних наук, учений секретар Інституту слов'янознавства Російської академії наук, м. Москва.

Хатлас Ежи – доктор, головний бібліограф Познанського університету імені Адама Міцкевича.

Христов Димітр – доктор історичних наук, головний асистент Інституту історичних досліджень Болгарської академії наук, м. Софія.

Чижов Олександр Петрович – кандидат історичних наук, доцент кафедри нової та новітньої історії історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

ЗМІСТ

ДО 175-РІЧЧЯ ВІД ДНЯ НАРОДЖЕННЯ МАРИНА ДРИНОВА

<i>Митрополит Руценски Наум (Димитров). (София)</i> Делото на академик Марин Дринов в паметта на Българската православна църква	5
<i>Микитенко, О. О. (Київ)</i> Фольклористична діяльність М. Дринова як «енциклопедія слов'янознавства»	11
<i>Николова, Н. (София)</i> Стилови разновидности в научните трудове на Марин Дринов	19
<i>Станчев, М. Г., Страшинюк С. Ю. (Харьков)</i> Продолжая научную традицию: харьковская болгаристика между Дриновскими чтениями (1988–2013 гг.)	26
<i>Величкова, Цв. (София)</i> «Дигитален архив Марин Дринов» – резултати и перспективи	44
<i>Бутучел, Р. (Санкт-Петербург)</i> Влашские господари и борьба за Видин: эпизоды балканской политики второй половины XIV в.	50

ДОБА НАЦІОНАЛЬНОГО ВІДРОДЖЕННЯ ТА УКРАЇНСЬКО-БОЛГАРСЬКІ ЗВ'ЯЗКИ

<i>Леонтьева, А. А. (Москва)</i> «Потомки Абдуллаха» в болгарском обществе в конце XVII–XVIII вв. (по данным кадийских регистров)	54
<i>Свириденко, В. О. (Харків)</i> Церковно-національний рух доби Болгарського Відродження як «мирна революція»	60
<i>Миколенко, Д. В. (Харків)</i> Еволюція та імплементація політичних поглядів Стефана Стамболова (1870–1879 рр.)	68
<i>Наумов, С. О. (Харків)</i> «Малоросійський проект» XIX століття: до постановки питання	79
<i>Власенко, В. М. (Суми)</i> Українське культурне об'єднання в Болгарії	87

БОЛГАРИ В РОСІЙСЬКІЙ ІМПЕРІЇ, СРСР ТА КРАЇНАХ СНД

<i>Хатлас, Е. (Познан)</i> Българите от Тракия и Тракийски район в миналото и днес	98
<i>Турков, В. В. (Суми)</i> Становище болгарської національної меншини України в 20-х – на початку 30-х рр. ХХ ст. (за фондами Державного архіву Харківської області)	103
<i>Кондратюк, Г. М. (Симферополь)</i> Болгары в условиях политики коренизации в Крымской АССР (20–30-е годы XX века)	107
<i>Стоянова, Е. П. (Київ)</i> Първият съветски езиковед-българист Делчо Дринов	111
<i>Колесник, В. А. (Одесса)</i> Грамматический портрет болгарских переселенческих говоров и этнокультурные границы	117
<i>Джельова, А., Пачева В. (Мелітополь)</i> Изучаване на български език в Северното Приазовие	122

ІСТОРІЯ СЛАВІСТИКИ ТА БАЛКАНІСТИКИ

<i>Готовска-Хенце, Т. (София)</i> П. Й. Шафарик и дебатът на първите слависти за родната на старославянския книжовен език (1819–1833 г.)	128
<i>Лиман, С. И. (Харьков)</i> Киевская школа Кирилло-Мефодианы в XIX веке	140
<i>Муртузалиев, С. И. (Москва)</i> Грановский и славяно-болгарская проблематика	150

Дроснєва, Е. (Софія) Виктор Григорович, българите и българистиката.....	156
Самойленко, О. Г. (Ніжин) Внесок Володимира Качановського у розвиток балканістики в Україні наприкінці XIX – на початку ХХ ст.	177
Саган, Г. В. (Київ) Славістика в радянській Україні та діяльність А. І. Степовича з налагодження наукових зв’язків з ученими Югославії у 20–30-ті роки ХХ ст.	183
Самойленко, Н. І. (Полтава) Соціальна історія Болгарії в українській історіографії (1986–2013 pp.).....	189

СХІДНЕ ПИТАННЯ ТА «ВЕЛИКІ ІДЕЇ» НА БАЛКАНАХ

Гоков, О. А. (Харків) «Восточный вопрос» и Персия (конец XVIII – последняя четверть XIX в.).....	197
Артамонова, К. Ю. (Харків) Подворье Кикского монастыря в грузинской Джавахетии во второй половине XIX в.	213
Гришина, Р. П. (Москва) Болгария и македонские болгары. 1878–1913 гг.	219
Сквозников, А. Н. (Самара) Македонский вопрос во внешней политике балканских государств в конце XIX – начале XX века.	232
Агансон, О. И. (Москва) Эволюция подходов Великобритании к Восточному вопросу в конце XIX – начале XX в. (на примере политики «косвенной вовлеченності» в Балканском регионе).	243
Палангурски, М. Г. (Велико Търново) Россия и болгарские попытки достижения национального суверенитета (1898–1903 гг.).	252
Крючков, И. В. (Ставрополь) Реакция венгерской общественности на Балканский кризис 1912–1913 гг. (по донесениям Генерального консульства России в Будапеште).	262
Гусев, Н. С. (Москва) Болгарские солдаты во время Балканских войн глазами русских очевидцев.	270
Гуринова, О. Н. (Сієтл) После Бухарестского мира: положение македонских земель в составе Сербии, Греции и Болгарии (1913–1914 гг.).	276

СОЦІАЛЬНО-ПОЛІТИЧНІ ТРАСФОРМАЦІЇ ХХ СТОЛІТТЯ У КРАЇНАХ ЦЕНТРАЛЬНО-СХІДНОЇ ЄВРОПИ

Ёлкин, А. И. (Харьков) Вооруженные формирования и политическая ориентация русских военнослужащих в Польше (1920–1922 гг.).....	284
Татоли, Т. В. (Луганск) Внешнеполитические концепции болгарских политических партий в начале Второй мировой войны.	291
Стыкалин, А. С. (Москва) Политика Венгрии в Трансильванском вопросе летом 1940 г. в контексте советской иоаньской военной акции в отношении Бессарабии	299
Косик, В. И. (Москва) Очерк о «заботливом» НГХ и его детище Хорватской православной церкви (1942–1945 гг.): к вопросу о метаморфозах в истории.	311
Романюк, О. І. (Харків) Політичні переходи на постюгославському та пострадянському просторах: порівняльний аналіз чинників розвитку.	325

ДЖЕРЕЛА І ДЖЕРЕЛОЗНАВСТВО

Посохов, С. И., Иващенко В. Ю. (Харьков) Письма М. С. Дринова 1876–1885 гг. из фондов ЦГИАК Украины.	336
Стоянов, И. (Велико Търново) Документални свидетелства от руските архиви за дейността на първия директор на Народната библиотека по нейното окомплектоване с необходимия книжен фонд.	345
Жванко, Л. М. (Харків) Лист Василя Филоновича 1921 року як джерело з історії української еміграції в Болгарії.	350

Станчев, М. Г. (Харьков) «Дело 13-ти» (о процессе 1937–1938 гг. над так называемой «Болгарской контрреволюционной националистической организацией в Украине»). Продолжение.

357

РЕЦЕНЗІЇ

Муртузалиев, С. И. (Москва) Рецензия на книгу: Смольянинова, Марина. Васил Друмев (Митрополит Климент). София: Издательский центр «Боян Пенев», 2012. 440 с.

393

Іріоглу, Ю. О. (Запоріжжя) Рецензія на наукову збірку: Очерки истории, языка и культуры ольшанских болгар. Под общей редакцией доктора исторических наук, профессора В. И. Мильчева. *Київ*: Издательский Дом «Скиф», 2013. 392 с.

395

Власенко, В. М. (Суми) Драгомановські студії: Рецензія на книгу: Матеріали шостої та сьомої міжнародних наукових конференцій «Драгоманівські студії» / Міністерство закордонних справ України, Посольство України у Болгарії, Фундація «Мати Україна», Українська недільна школа. Софія: Бетапринт – Петрови и Сие, 2013. 200 с.

398

Първанов, П. (Благоевград) Рецензия за книгата: Велева, М. Как се прави история? Историографски студии. София: Изздание на форум «България – Русия», 2013. 543 с.

401

Христов, Д. (София) Нова книга по история на българистиката: Рецензия за монографията: Муртузалиев, С. И. Болгария в тени полумесяца. Изучение истории Болгарии и Османской империи в России (XV – первая половина XIX в.). Москва: Издательство «Таус» издательской группы «Мамонт», 2013. 408 с.

405

Чижов, А. П. (Харьков) Рецензия на монографию: Муртузалиев, С. И. Болгария в тени полумесяца. Изучение истории Болгарии и Османской империи в России (XV – первая половина XIX в.). Москва: Издательство «Таус» издательской группы «Мамонт», 2013. 408 с.

410

НАУКОВЕ ЖИТТЯ

Иванова-Истаткова, А. В. (София) Възраждане на българистиката (Трети международен конгрес, София, 2013 г.).

415

Манасиева, И. (София) Българската хуманитаристика в контекста на европейско-то научно дирене. Интердисциплінарна международна конференция, София, 31 октомври – 1 ноември 2013 г.

418

Узенева, Е. С. (Москва) Второе Всероссийское совещание славистов.

422

Моргун, О. Г. (Харьков) Научный симпозиум по османистике в Харькове.

426

IN MEMORIAM

Булаховська, Ю. Л. (Київ) Ще одна втрата української болгаристики.

429

Горбань, І. П. (Львів) Пішла у вічність Наталія Шумада.

430

Станчев, М. Г. (Харьков) Иссяк степной родник... Памяти Савелия Захаровича Новакова (1935–2013 гг.).

432

Відомості про авторів.

435

СЪДЪРЖАНИЕ

ПО СЛУЧАЙ 175-ГОДИШНИНАТА ОТ РОЖДЕНИЕТО НА МАРИН ДРИНОВ

<i>Митрополит Русенски Наум (Димитров). (София)</i> Делото на академик Марин Дринов в паметта на Българската православна църква.....	5
<i>Микитенко, О. О. (Київ)</i> Фольклористична діяльність М. Дринова як «енциклопедія слов'янознавства».....	11
<i>Николова, Н. (София)</i> Стилови разновидности в научните трудове на Марин Дринов.....	19
<i>Станчев, М. Г., Страшнюк, С. Ю. (Харьков)</i> Продолжая научную традицию: харьковская болгаристика между Дриновскими чтениями (1988–2013 гг.).....	26
<i>Величкова, Цв. (София)</i> «Дигитален архив Марин Дринов» – резултати и пер- спективи.....	44
<i>Бутучел, Р. (Санкт-Петербург)</i> Влашские господари и борьба за Видин: эпизоды балканской политики второй половины XIV в.....	50

ЕПОХАТА НА НАЦИОНАЛНОТО ВЪЗРАЖДАНЕ И УКРАИНСКО-БЪЛГАРСКИТЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Леонтьева, А. А. (Москва)</i> «Потомки Абдуллаха» в болгарском обществе в конце XVII–XVIII вв. (по данным кадийских регистров).....	54
<i>Свириденко, В. О. (Харків)</i> Церковно-національний рух доби Болгарського Відро- дження як «мирна революція».....	60
<i>Миколенко, Д. В. (Харків)</i> Еволюція та імплементація політичних поглядів Стефана Стамболова (1870–1879 рр.).....	68
<i>Наумов, С. О. (Харків)</i> «Малоросійський проект» XIX століття: до постановки питання.....	79
<i>Власенко, В. М. (Суми)</i> Українське культурне об'єднання в Болгарії.....	87

БЪЛГАРИТЕ В РУСКАТА ИМПЕРИЯ, СССР И СТРАНИТЕ ОТ ОНД

<i>Хатлас, Е. (Познан)</i> Българите от Тракия и Тракийски район в миналото и днес.....	98
<i>Турков, В. В. (Суми)</i> Становище болгарської національної меншини України в 20-х – на початку 30-х рр. ХХ ст. (за фондами Державного архіву Харківської області).....	103
<i>Кондратюк, Г. М. (Симферополь)</i> Болгари в условиях политики коренизации в Крымской АССР (20–30-е годы ХХ века).....	107
<i>Стоянова, Е. П. (Київ)</i> Първият съветски езиковед-българист Делчо Дринов.....	111
<i>Колесник, В. А. (Одесса)</i> Грамматический портрет болгарских переселенческих го- воров и этнокультурные границы.....	117
<i>Джельрова, А., Пачева, В. (Мелитополь)</i> Изучаване на български език в Северното Приазовие.....	122

ИСТОРИЯ НА СЛАВИСТИКАТА И БАЛКАНИСТИКАТА

<i>Готовска-Хенце, Т. (София)</i> П. Й. Шафарик и дебатът на първите слависти за роди- ната на старославянския книжовен език (1819–1833 г.).....	128
<i>Лиман, С. И. (Харьков)</i> Киевская школа Кирилло-Мефодианы в XIX веке.....	140
<i>Муртузалиев, С. И. (Москва)</i> Грановский и славяно-болгарская проблематика.....	150

Дроснева, Е. (София) Виктор Григорович, българите и българистиката.	156
Самойленко, О. Г. (Ніжин) Внесок Володимира Качановського у розвиток балканістики в Україні наприкінці XIX – на початку ХХ ст.	177
Саган, Г. В. (Київ) Славістика в радянській Україні та діяльність А. І. Степовича з налагодження наукових зв’язків з ученими Югославії у 20–30-ті роки ХХ ст.	183
Самойленко, Н. І. (Полтава) Соціальна історія Болгарії в українській історіографії (1986–2013 pp.)	189

ИЗТОЧНИЯТ ВЪПРОС И «ГОЛЕМИТЕ ИДЕИ» ЗА БАЛКАНИТЕ

Гоков, О. А. (Харьков) «Восточный вопрос» и Персия (конец XVIII – последняя четверть XIX в.).	197
Артамонова, К. Ю. (Харьков) Подворье Кикского монастыря в грузинской Джавахетии во второй половине XIX в.	213
Гришина, Р. П. (Москва) Болгария и македонские болгары. 1878–1913 гг.	219
Сквозников, А. Н. (Самара) Македонский вопрос во внешней политике балканских государств в конце XIX – начале XX века.	232
Агансон, О. И. (Москва) Эволюция подходов Великобритании к Восточному вопросу в конце XIX – начале XX в. (на примере политики «косвенной вовлеченности» в Балканском регионе).	243
Палангурски, М. Г. (Велико Търново) Россия и болгарские попытки достижения национального суверенитета (1898–1903 гг.).	252
Крючков, И. В. (Ставрополь) Реакция венгерской общественности на Балканский кризис 1912–1913 гг. (по донесениям Генерального консульства России в Будапеште).	262
Гусев, Н. С. (Москва) Болгарские солдаты во время Балканских войн глазами русских очевидцев.	270
Гуринова, О. Н. (Сиэтл) После Бухарестского мира: положение македонских земель в составе Сербии, Греции и Болгарии (1913–1914 гг.).	276

СОЦИАЛНО-ПОЛИТИЧЕСКИ ПРОМЕНИ В СТРАНИТЕ ОТ ЦЕНТРАЛНА И ИЗТОЧНА ЕВРОПА ПРЕЗ ХХ ВЕК

Ёлкин, А. И. (Харьков) Вооруженные формирования и политическая ориентация русских военнослужащих в Польше (1920–1922 гг.).	284
Татоли, Т. В. (Луганск) Внешнеполитические концепции болгарских политических партий в начале Второй мировой войны.	291
Стыкалин, А. С. (Москва) Политика Венгрии в трансильванском вопросе летом 1940 г. в контексте советской июньской военной акции в отношении Бессарабии.	299
Косик, В. И. (Москва) Очерк о «заботливом» НГХ и его детище Хорватской православной церкви (1942–1945 гг.): к вопросу о метаморфозах в истории.	311
Романюк, О. І. (Харків) Політичні переходи на постюгославському та пострадянському просторах: порівняльний аналіз чинників розвитку.	325

ИЗВОРИ И ИЗВОРОЗНАНИЕ

Посохов, С. И., Иващенко В. Ю. (Харьков) Письма М. С. Дринова 1876–1885 гг. из фондов ЦГИАК Украины.	336
Стоянов, И. (Велико Търново) Документални свидетелства от руските архиви за дейността на първия директор на Народната библиотека по нейното окомплектование с необходимия книжен фонд.	345

Жванко, Л. М. (Харків) Лист Василя Філоновича 1921 року як джерело з історії української еміграції в Болгарії	350
Станчев, М. Г. (Харьков) «Дело 13-ти» (о процессе 1937–1938 гг. над так называемой «Болгарской контрреволюционной националистической организацией в Украине»). Продолжение.	357

РЕЦЕНЗИИ

Муртузалиев, С. И. (Москва) Рецензия на книгу: Смольянинова, Марина. Васил Друмев (Митрополит Климент). София: Издательский центр «Боян Пенев», 2012. 440 с.	393
Іріоглу, Ю. О. (Запоріжжя) Рецензія на наукову збірку: Очерки истории, языка и культуры ольшанских болгар. Под общей редакцией доктора исторических наук, профессора В. И. Мильчева. Київ: Издательский Дом «Скиф», 2013. 392 с.	395
Власенко, В. М. (Суми) Драгомановські студії. Рецензія на книгу: Матеріали шостої та сьомої міжнародних наукових конференцій «Драгоманівські студії» / Міністерство закордонних справ України, Посольство України у Болгарії, Фундація «Мати Україна», Українська недільна школа. Софія: Бетапринт – Петрови и Сне, 2013. 200 с.	398
Първанов, П. (Благоевград) Рецензия за книгата: Велева, М. Как се прави история? Историографски студии. София: Издание на форум «България – Русия», 2013. 543 с.	401
Христов, Д. (София) Нова книга по история на българистиката: Рецензия за монографията: Муртузалиев, С. И. Болгария в тени полумесяца. Изучение истории Болгарии и Османской империи в России (XV – первая половина XIX в.). Москва: Издательство «Таус» издательской группы «Мамонт», 2013. 408 с.	405
Чижсов, А. П. (Харьков) Рецензия на монографию: Муртузалиев, С. И. Болгария в тени полумесяца. Изучение истории Болгарии и Османской империи в России (XV – первая половина XIX в.). Москва: Издательство «Таус» издательской группы «Мамонт», 2013. 408 с.	410

НАУЧЕН ЖИВОТ

Иванова-Истаткова, А. В. (София) Възраждане на българистиката (Трети международен конгрес, София, 2013 г.).	415
Манасиева, И. (София) Българската хуманитаристика в контекста на европейското научно дирене. Интердисциплинарна международна конференция, София, 31 октомври – 1 ноември 2013 г.	418
Узенева, Е. С. (Москва) Второе Всероссийское совещание славистов.	422
Моргун, О. Г. (Харьков) Научный симпозиум по османистике в Харькове.	426

IN MEMORIAM

Булаховська, Ю. Л. (Київ) Ще одна втрата української болгаристики.	429
Горбань, І. П. (Львів) Пішла у вічність Наталія Шумада.	430
Станчев, М. Г. (Харьков) Иссяк степной родник... Памяти Савелия Захаровича Новакова (1935–2013 гг.).	432

ЗА АВТОРИТЕ.	435
-------------------------------	-----

**Друкується за підтримки Харківської міської ради
та общини Панагюриште (Болгарія)**

**ДРИНОВСЬКИЙ ЗБІРНИК
ТОМ VII**

Українська
Перше видання

Редактор Светлана Филчева
Художник Константин Жеков
Графічний дизайн Ваня Кривокапова

www.baspress.com

ISBN 978-954-322-812-6

Підписано до друку 2013 р. Формат 167 × 237 mm
Ум. друк. арк. 27,+ Наклад 300 пр. Зам. №

Видавець і виготовлювач
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна,
61022, м. Харків, пл. Свободи, 4
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 3367 від 13. 01. 2009 р.
Видавництво ХНУ імені В. Н. Каразіна.
Тел.: 705-24-32